

НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС БЕСТСЕЛЛЕР

ПАРИЖ

— РОМАН —

ЭДВАРД РЕЗЕРФОРД

Фантастично...

Роман прекрасен и чарующ,
как сам Париж.

Historical Novels Review

Annotation

Город любви. Город роскоши. Город страха. Город веселья. Захватывающая история о том, как небольшое военное поселение древних римлян на топких берегах Сены чудесным образом превратилось в Город Света, эпицентр западной цивилизации. Увлекательная история многих поколений пяти семей, чьи судьбы причудливым образом переплелись в Париже. Аристократов, ведущих свой род от рыцарей Карла Великого, бунтарей, разжигавших огонь Великой французской революции, торговцев, потерявших все во время правления Людовика XV и опять разбогатевших при Наполеоне, простолудинов с Монмартра, строивших Эйфелеву башню и грабивших богачей около кабаре «Мулен Руж». Рассказ о любви, предательстве и семейных тайнах, о людях, создавших Париж, великий центр мировой культуры. Это роман для всех, кто был в Париже и влюбился в этот город. Эта книга для тех, кому еще предстоит там побывать. Впервые на русском языке!

- [Эдвард Резерфорд](#)

-
-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)

- [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Благодарности](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
-

Эдвард Резерфорд

Париж

© Е. Копосова, перевод, 2014

© Ю. Каташинская, карты, 2014

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

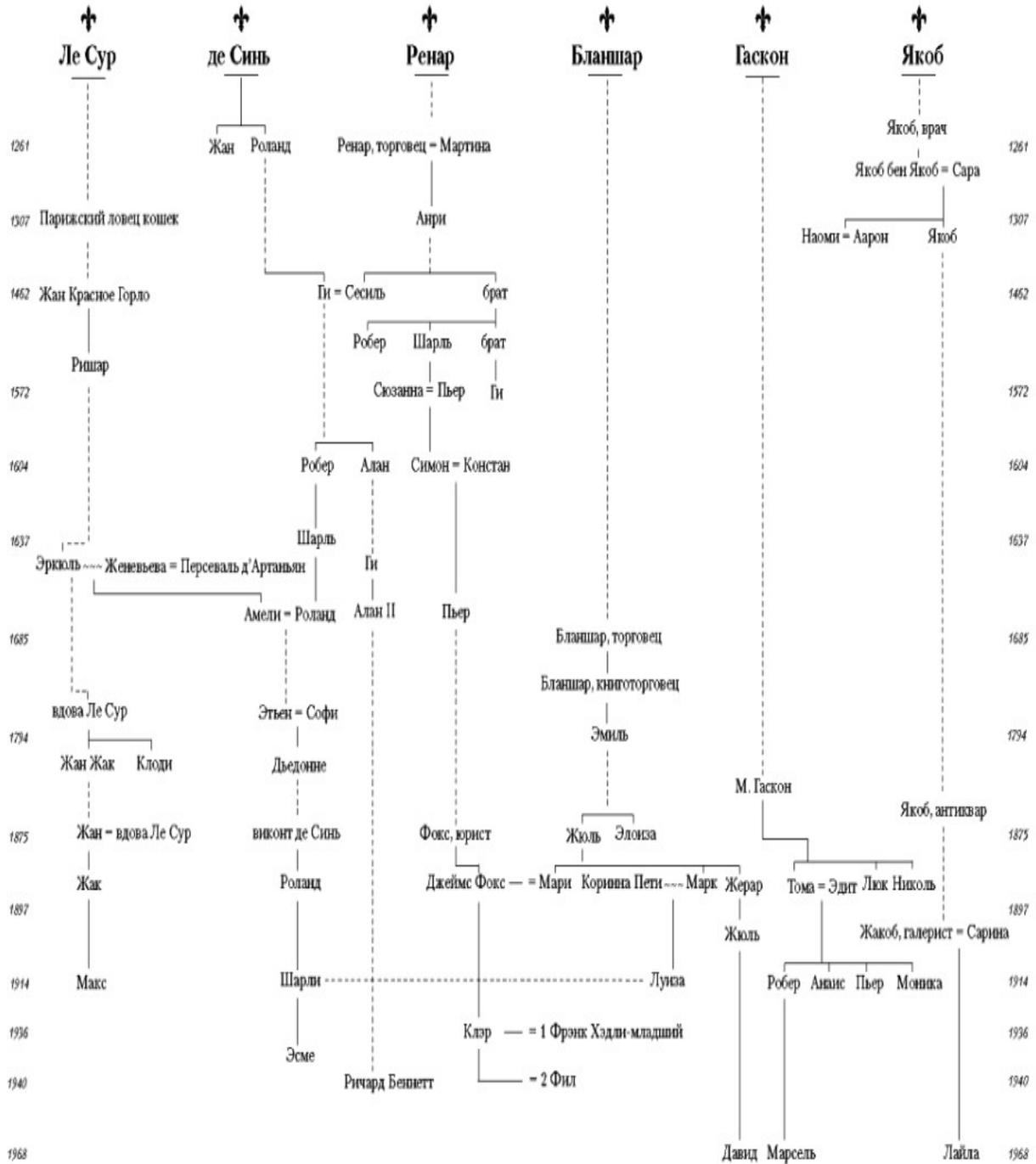
Издательство АЗБУКА®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

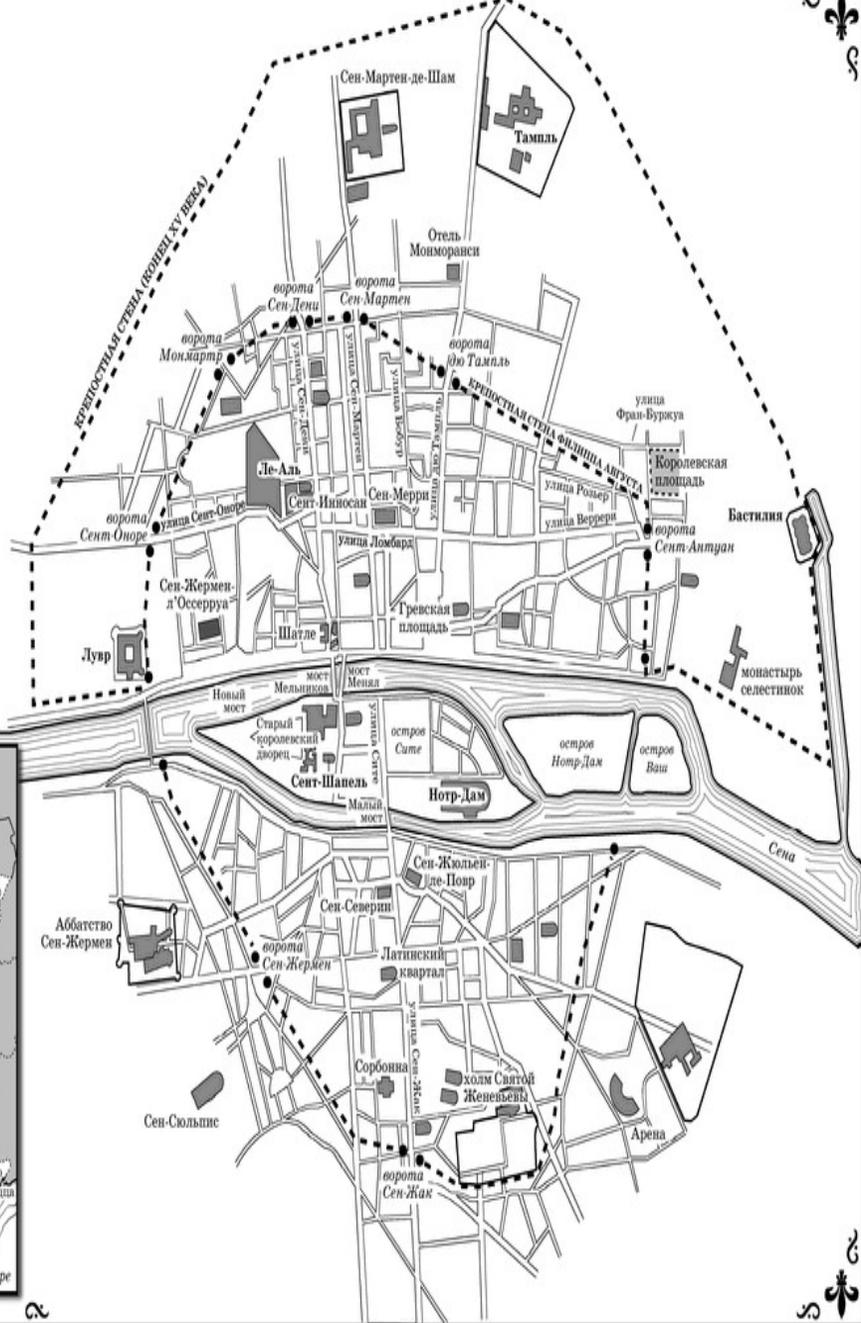
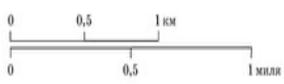
*Эта книга
посвящается
памяти моего
кузена Жана Луи
Бризара, который
работал педиатром
в больнице Божон, в
Британском
госпитале и в
Американском
госпитале в
Париже*

Родословные главных героев

Старый Париж

Глава 1

1875 год

Париж. Город любви. Город огней. Город роскоши. Город святых и ученых. Город веселья.

Гнездо порока.

За две тысячи лет Париж видел все.

Не кто иной, как Юлий Цезарь, первым разглядел преимущества местности, которую сделало своим домом скромное племя паризиев. К тому времени средиземноморский берег Южной Галлии уже не первый человеческий век являлся римской провинцией; и когда Цезарь решил присоединить к империи беспокойные кельтские племена Северной Галлии, ему не понадобилось на это много времени.

Римляне быстро сообразили, что во владениях паризиев логично заложить город, так как сюда свозилась продукция с огромных плодородных равнин Северной Галлии; кроме того, через эти земли протекала судоходная река Сена. На юге истоки Сены сухопутными тропами соединялись с могучей Роной, которая вела к оживленным портам Средиземного моря. На севере Сена впадала в узкое море, за которым лежал остров Британия. Это была великая система водных путей, соединявшая южный и северный миры. Греческие и финикийские торговцы пользовались ею еще до рождения Рима. Место было выбрано идеально. Сердце земель паризиев находилось в широкой неглубокой долине, где Сена делала несколько изящных поворотов. В средней части долины река расширялась, и в этой красивой излучине в направлении восток-запад лежало несколько больших заиленных участков и островов, похожих на огромные баржи, бросившие якорь посреди потока. На северном берегу вдаль и вширь тянулись луга и болота вплоть до края низкой гряды пригорков и утесов, окаймляющей долину. Кое-где склоны были покрыты виноградниками.

А на южном берегу – левом, если двигаться вниз по течению, – возле реки мягко вздымалось низкое, плоское возвышение наподобие

стола, поставленного у воды. Именно здесь заложили римляне свой город: большой форум и главный храм, амфитеатр неподалеку, сеть улиц вокруг и дорогу, идущую с севера на юг прямо сквозь центр города, по мосту через реку к самому крупному острову, который был тогда пригородом с прекрасным храмом в честь Юпитера, и по второму мосту на северный берег. Сначала город называли Лютецией. Но также его знали и под другим, более внушительным именем: город Паризиев.

В Темные века после падения Римской империи германское племя франков завоевало эту территорию и основало Франкское государство. Позднее его стали называть Францией. На эти изобильные края совершали набеги и гунны, и викинги. Однако остров на реке, обнесенный деревянными укреплениями, похожий на старое, побитое бурями судно, выжил. В Средневековье этот остров превратился в крупный город с лабиринтом из готических церквей, высоких деревянных домов, опасных проулков и зловонных подвалов. Со временем город выплеснулся на оба берега Сены, и уже в таком виде его обнесли высокой каменной стеной. Украшением острова стал величественный собор Нотр-Дам. Здешние университеты пользовались уважением всей Европы. Но затем пришли англичане и покорили Париж. Он мог навсегда остаться английским, но появилась чудесная дева Жанна д'Арк и прогнала их.

Старый Париж: это был город ярких огней и узких улочек, город карнавалов и чумы.

А потом родился новый Париж.

Перемена совершалась медленно. Со времен Ренессанса в темном средневековом городе стали появляться более светлые зоны в духе классицизма. Королевские дворцы и благородные площади придали ему новое величие. Через старые перенаселенные районы пролегли широкие бульвары. Амбициозные правители создали городские перспективы, достойные древнего Рима.

Париж изменял свой облик, чтобы соответствовать сначала великолепию Людовика XIV, а потом изяществу Людовика XV. Век Просвещения и новая республика, возникшая после Французской революции, поощряли классическую простоту, а эпоха Наполеона оставила наследникам имперскую пышность.

Затем процесс перемен ускорился благодаря новому градостроителю – барону Осману. Его грандиозная система бульваров и длинных прямых улиц, обрамленных конторскими и жилыми зданиями, была настолько основательна, что густая мешанина Средневековья исчезла из некоторых районов Парижа почти полностью.

И тем не менее старый Париж не пропал бесследно, он живет почти за каждым углом, навевая воспоминания о прошедших столетиях и прожитых жизнях, что повторялись из поколения в поколение, как старая полузабытая мелодия; сыгранная вновь – в другую эпоху, в другом ключе, на арфе или шарманке, – она все равно узнаваема. И в этом непреходящее обаяние города.

Обрел ли наконец Париж покой? Он страдал и выживал, видел взлеты и падения империй. Хаос и диктатура, монархия и республика – Париж перепробовал их все. Что же ему понравилось больше остальных? О, это вопрос... Несмотря на свой возраст и опыт, город, кажется, так и не разобрался.

Недавно он пережил еще одну ужасную катастрофу. Четыре года назад его жители ели крыс. Сначала их унизили, затем обрекли на голод. А потом они двинулись друг на друга с оружием. Прошло совсем немного времени с тех пор, как похоронили мертвых, с тех пор, как развеяло ветром запах смерти и растаяло за горизонтом эхо расстрелов.

Сейчас, в 1875 году, он восстанавливается. Но еще много насущных проблем ждут своего решения.

Маленькому мальчику, светловолосому и голубоглазому, было всего три года. Кое-что он уже знал. О другом ему пока еще не рассказывали. И конечно, кое-что хранилось в тайне.

Отец Ксавье задумчиво посматривал на ребенка. До чего же он похож на мать! Отец Ксавье был священнослужителем, но любил эту женщину. Себе он признавался в своей страсти, однако самообладание его было безупречным, и никто не догадывался о его чувствах. А что касается мальчика, то, конечно же, у Господа имеется насчет него высший замысел.

Возможно, ему суждено быть принесенным в жертву.

Стоял солнечный денек. В фешенебельном саду Тюильри няни присматривали за играющими детьми. Отец Ксавье – духовник семьи, друг в нужде, священник – привел сюда мальчика на прогулку.

– Ну-ка, скажи, как тебя зовут? – с улыбкой спросил он ребенка.

– Роланд д'Артаньян Дьедонне де Синь. – Ребенок уже знал все свои имена наизусть.

– Bravo, молодой человек.

Отец Ксавье Парль-Ду был невысоким, жилистым человеком сорока с чем-то лет. Когда-то очень давно он служил в армии, но падение с лошади на всю жизнь одарило его кинжальной болью в спине. Знала об этом лишь горстка людей.

Солдатская жизнь оставила после себя еще один важный след. Он воевал, как того требовал долг. Он видел, как убивают. Он видел кое-что похуже, чем смерть. И в конце концов ему стало казаться, что жизнь не может сводиться только к войне и страданиям, что в ней должно быть что-то более чистое и возвышенное. В ужасном мраке земного мира должно гореть где-то неумирающее пламя света и любви. И он нашел это пламя в Святой церкви.

А еще он был монархистом.

Семью мальчика он знал на протяжении всей своей жизни и теперь смотрел на милое дитя с нежностью, но также и с жалостью. У Роланда нет ни братьев, ни сестер. Его мать, прекрасная душа, та женщина, на которой священник сам хотел бы жениться, если бы не избрал иной путь, имела слабое здоровье. Будущее рода, возможно, будет зависеть целиком и полностью от маленького Роланда, а это тяжелое бремя.

Отец Ксавье понимал, что, будучи священником, должен смотреть на вещи шире. Как говорили иезуиты? «Дайте нам ребенка до семи лет, и он будет нашим на всю жизнь». Какой бы путь ни предназначал мальчику Бог, Ксавье поведет Роланда по этому пути независимо от того, послужит это к счастью или нет.

– А в честь кого тебе дали имя?

– В честь древнего героя Роланда. – Ища похвалы, малыш поднял на своего наставника глаза. – Мама читала мне про него. Он мой предок, – сказал он торжественно.

Священник улыбнулся. Широко известная «Песнь о Роланде» была романтической поэмой, повествовавшей о временах тысячелетней давности. О том, как рыцарь Роланд, друг императора Карла Великого,

оказался отрезанным от основных сил войска в горном ущелье. Он протрубил в рог, призывая помощь, но было поздно, и сарацины зарубили его, и потом император оплакивал героя. Утверждение семьи де Синь, будто она ведет свой род от Роланда, было необоснованно, но привлекательно.

– Некоторые твои предки были рыцарями-крестоносцами, – одобрительно кивнул отец Ксавье. – Но это естественно. Ты принадлежишь к благородному роду. – Он помолчал. – А кем был д'Артаньян?

– Славным мушкетером. Он тоже мой предок.

И действительно, прообразом героя «Трех мушкетеров» послужил реально живший человек, а один из мужчин семьи де Синь во времена правления Людовика XIV женился на аристократке с тем же именем. Правда, отец Ксавье сомневался, что до выхода в свет романа Дюма этот факт кого-либо интересовал.

– В тебе течет кровь д'Артаньянов. Они были воинами, которые служили своему королю.

– А Дъедонне? – спросил мальчуган.

Отец Ксавье чудом сумел удержать уже готовые вырваться слова. Нужно быть осторожнее. Способен ли ребенок осознать весь ужас эпохи гильотины, который скрывается за этим его именем?

– Это имя твоего дедушки, и оно замечательно. Оно означает «дар Бога». – Священник задумался на мгновение. – Рождение твоего деда было... я не скажу чудом, но оно точно было знамением. Важно другое, Роланд, – продолжал наставник. – Ты знаешь девиз своего рода? Нужно всегда следовать ему. *«Selon la volonté de Dieu»* – *«Согласно Божьей воле»*.

Отец Ксавье обратил взгляд на окружающий их пейзаж. На севере поднимается Монмартр, где шестнадцать веков назад римские язычники обезглавили святого Дионисия. На юго-западе, за башнями Нотр-Дама, вздымается над левым берегом холм, где неутомимая Женевьева просила Бога отвратить гуннские орды Аттилы от города и где ее молитвы были услышаны.

Раз за разом, думал священник, Господь защищал Францию в час нужды. Разве не послал Он отважного полководца, деда Карла Великого, разбить мусульман, когда они впервые налетели из Африки и

Испании и могли бы завоевать всю Европу? Разве не подарил Господь Франции деву Жанну д'Арк, чтобы она повела свою армию к победе, когда англичане в долгой борьбе с французскими королями стали хозяевами средневекового Парижа?

Но что важнее всего, Бог дал Франции королевскую семью, ветви которой – Капетинги, Валуа и Бурбоны – тридцать поколений возглавляли, объединяли и прославляли эту священную землю.

И на протяжении веков де Сيني преданно служили этим помазанным на царство королям.

Таково наследие этого мальчика. Со временем он все поймет.

Пора было идти домой. За спиной, там, где заканчивался сад Тюильри, раскинулось открытое широкое пространство – площадь Конкорд. Еще дальше протянулась живописная магистраль – Елисейские Поля, через три с небольшим километра приводящая к Триумфальной арке.

Мальчик был еще слишком мал, чтобы понимать значение площади Конкорд в своей судьбе. Что же касалось Триумфальной арки, то при всем ее величии отец Ксавье не очень-то почитал сей монумент, как и другие республиканские памятники.

Вместо этого взгляд священника был направлен на холм Монмартр – туда, где раньше стоял языческий храм, где закончил жизнь мученик Дионисий и где во время недавних беспорядков в городе разворачивались жуткие сцены. До чего же разумно принятое в этом году решение возвести там, рядом с ветряными мельницами, новый храм – в честь католической Франции. Непорочно белый купол базилики Сакре-Кёр – Святого Сердца, – словно голубь, будет сиять над городом.

Вот храм, где мальчику следует служить. Господь сохранил эту семью не случайно. Мальчик должен будет искупить стыд, восстановить веру.

– Хочешь еще немного погулять? – спросил отец Ксавье.

Роланд кивнул. Священник с улыбкой наклонился и взял ребенка за руку.

– Может, споем песенку? – предложил он. – Например, «Frère Jacques»?

И вот так, держась за руки и напевая, священник и маленький мальчик пошли из сада, сопровождаемые взглядами нянь и их юных подопечных.

Когда Жюль Бланшар достиг конца Елисейских Полей со стороны Лувра и двинулся дальше к церкви Мадлен, он с полным основанием мог назвать себя счастливецом. У него уже было два сына, оба – отличные мальчуганы. Но он всегда мечтал о дочери, и вот сегодня, в восемь часов утра, жена подарила ему дочку.

Была всего одна проблема. Ее решение требовало определенной деликатности, и вот поэтому-то он и шел сейчас на встречу с дамой, которая не являлась его женой.

Жюль Бланшар был крепко сложенным, энергичным мужчиной с солидным фамильным состоянием. Веком ранее, когда очаровательная, в стиле рококо, монархия Людовика XV столкнулась с великими идеями Просвещения и Французская революция перевернула мир с ног на голову, его предок был книготорговцем радикальных взглядов. Сын книготорговца, дед Жюля, стал лекарем, чье искусство во время революции заметил набирающий популярность генерал Наполеон Бонапарт, и с тех пор дела деда шли прекрасно. Успешно практикуя как при наполеоновской империи, так и при сменившей ее монархии Бурбонов, он отошел от дел в преклонном возрасте и поселился в Фонтенбло. Этим загородным домом семья владела до сих пор. Жена доктора была из сословия коммерсантов, и в следующем поколении отец Жюля также подключился к этому делу. Специализируясь на оптовой торговле зерном, к середине XIX века он сколотил приличный капитал. Жюль пошел по стопам отца, и теперь, в возрасте тридцати четырех лет, был готов возглавить семейное дело, как только его отец, достойный во всех отношениях человек, решит отправиться на покой.

У церкви Мадлен Жюль взял правее. Ему нравился этот бульвар, потому что он вел к новому огромному оперному театру. Здание Парижской оперы, спроектированное Гарнье, было достроено только в начале этого года, но уже стало достопримечательностью. Оно вмещало множество чудес, вроде гениально устроенного искусственного озера в подвалах, с помощью которого контролировался уровень грунтовых вод под строением. Но и снаружи театр поражал обилием декоративных деталей и, в том числе благодаря своей куполообразной крыше,

напоминал Жюлю огромный кремовый торт. Парижская опера была пышной, роскошной, она воплощала дух времени – по крайней мере, для счастливиц вроде самого Бланшара.

И вот впереди показалось место встречи. «Английское кафе» располагалось на углу, всего в нескольких шагах от Оперы. В отличие от театра, оно обладало ничем не примечательным фасадом. Но внутри – совсем другое дело. Заведение было достаточно роскошным даже для принцев. Несколько лет назад здесь ужинали императоры России и Германии, и тот легендарный пир длился восемь часов.

Куда же, как не сюда, приглашать Жозефину?

Для их сегодняшнего обеда открыли отдельный кабинет, обшитый панелями, известный как «Большой Шестнадцатый». Войдя в ресторан мимо кланяющихся официантов, золоченых зеркал и растений в горшках, Жюль сразу увидел ее.

Жозефина Тессье относилась к тому типу дам, которых метрдотели всегда усаживают в центре зала, если только сама дама не заметит вполголоса, что не желает привлекать внимание. Одетая дорого и элегантно, Жозефина была прелестна в бледно-сером шелковом платье с кружевным рюшем у горла и кокетливой шляпке с большим пером.

Его встретил шорох шелка и головокружительный аромат. Он коснулся ее руки легким поцелуем, сел и попросил официанта принести шампанского.

– Мы празднуем? – спросила дама. – У тебя хорошие новости?

– У нас девочка.

– Поздравляю. – Она улыбнулась. – Я так рада за тебя, мой дорогой Жюль, ты ведь всегда хотел дочку.

Ему исключительно повезло, размышлял Жюль, что он успел побывать в любовниках Жозефины, пока они оба были молоды. Теперь он при всем своем достатке не смог бы позволить себе такую дорогую куртизанку. Нынче ее содержал очень богатый банкир. Тем не менее их отношения Жюль считал вершиной того, о чем может мечтать мужчина. Раньше она была его любовницей, а с годами стала доверенным лицом и другом.

Принесли шампанское. Они подняли тост в честь новорожденной, затем заказали еду и поболтали. Только с появлением легкого прозрачного супа Жюль наконец заговорил о том, что занимало его мысли:

– Есть одна проблема.

Жозефина ждала продолжения. Лицо Жюля помрачнело.

– Жена хочет назвать девочку Мари, – выговорил он наконец.

– Мари... – Его подруга подумала. – Неплохое имя.

– Я обещал тебе, что, если у меня будет дочь, я назову ее в твою честь.

– Это было так давно, мой дорогой. – Она подняла на него удивленный взгляд. – Для меня это не важно.

– А для меня важно. Я хочу назвать ее Жозефиной.

– И что же будет, если твоя жена свяжет это имя со мной?

– Она не знает о нас, я уверен. И буду настаивать. – Жюль с невеселым видом отпил шампанского. – Ты действительно считаешь, что есть риск?

– Я ничего ей не расскажу, можешь не сомневаться. Но кто-нибудь другой мог бы... – Жозефина покачала головой. – Ты играешь с огнем.

– Я все продумал, – стоял на своем Жюль. – Скажу, что хочу назвать девочку в честь императрицы.

Жозефина – прекрасная жена Наполеона, любовь всей жизни императора. В какой-то степени – романтическая легенда.

– Но она прославилась своими изменами, – заметила Жозефина. – Вряд ли ее можно считать хорошим примером для девочки.

– Я надеялся, ты мне посоветуешь что-нибудь.

– Нет. – Жозефина опять качнула головой. – Мой друг, это очень плохая идея. Назови дочь Мари, и пусть твоя жена будет довольна. Это все, что я могу сказать тебе.

Следующим подали заливного омара – еще одно фирменное блюдо ресторана. Они побеседовали о старых друзьях и опере. Только когда на десерт подали фруктовый салат, Жозефина, внимательно посмотрев на Жюля, снова заговорила о его семейных делах:

– Дорогой, ты хочешь огорчить свою жену? Она чем-то провинилась перед тобой?

– Вовсе нет.

– Ты неверен ей?

– Нет.

– Она тебя удовлетворяет?

– Более-менее. – Жюль пожал плечами.

– Жюль, ты должен научиться быть счастливым, – сказала Жозефина со вздохом. – У тебя есть все, что ты хочешь, включая жену и дочку.

Жозефина не испытала потрясения и даже не удивилась, когда Жюль объявил о намерении жениться. Избранница приходилась ему кузиной по материнской линии, за ней давали большое приданое. Как выразился в те дни сам Жюль, две части семейного состояния снова нашли друг друга.

Однако сейчас Жюль продолжал хмуриться.

За свою жизнь Жозефина Тессье изучила множество мужчин. Это было ее профессией. С ее точки зрения, мужчины испытывали недовольство судьбой зачастую оттого, что род их занятий не подходил складу характера. О других можно было сказать, что они родились в неподходящее для них время – например, прирожденный рыцарь, запертый в современном мире. Но Жюль Бланшар был идеально скроен для XIX века.

Когда Великая французская революция свергла власть короля и аристократия – *ancien régime* – уступила место богатой буржуазии, Наполеон создал собственную версию Римской империи, со своими триумфальными арками и своим путем к славе, но в то же время озаботился тем, чтобы привлечь на свою сторону крепкий средний класс. Его падение не отразилось на положении буржуазии в обществе.

Некоторые консерваторы стремились вернуть *ancien régime*, но в тот единственный раз, когда в 1830 году восстановленная монархия Бурбонов попыталась это сделать, парижане вышвырнули короля Бурбона из города и посадили на трон Луи-Филиппа, королевского кузена Орлеанской ветви, в качестве конституционного и буржуазного монарха.

С другой стороны, были и радикалы, даже социалисты, которые ненавидели новую буржуазную Францию и жаждали очередной революции. Однако, когда они в 1848 году вышли на улицы, думая, что настало их время, возникло не социалистическое государство, а консервативная республика, за ней последовала пышная буржуазная империя Наполеона III – племянника великого императора, – которая снова благоприятствовала банкирам и биржевикам, богачам и крупным торговцам. То есть людям вроде Жюля Бланшара.

То были мужчины, которые катались со своими шикарно одетыми женщинами в Булонском лесу на западной окраине города или собирались для приятного времяпрепровождения в огромном новом оперном театре. Любили там показываться и Жюль с женой. Жозефина нисколько не сомневалась: Жюль Бланшар получил все самое лучшее, что только мог дать текущий век.

Да что там – у него даже была она.

– В чем дело, мой друг? – спросила Жозефина.

Жюль не сразу ответил. Он понимал, что ему до сих пор очень везло. И он ценил то, что имел. Он любил старый семейный дом в Фонтенбло, с внутренним двориком, дедовской мебелью времен Первой империи и книгами в кожаных переплетах. Любил элегантный королевский замок в городке, куда более старый и скромный, чем громадный Версальский дворец. Летом по воскресеньям он гулял в лесу Фонтенбло неподалеку или в карете ездил в деревню Барбизон, где Коро писал пейзажи, наполненные ускользящим светом Сены. В Париже ему нравилось вести торговлю на огромном средневековом рынке Ле-Аль среди ярко окрашенных прилавков, толкотни, ароматов сыра, пряностей и фруктов со всех концов Франции. Он гордился близким знакомством с древними городскими церквями и столь же древними трактирами с глубокими винными подвалами.

И все же этого было недостаточно.

– Мне скучно, – сказал он. – Я хочу заняться чем-то новым.

– Чем же, мой дорогой Жюль?

– У меня есть план, – признался он. – Ты будешь потрясена. – Он сделал широкий жест. – Новая торговля для нового Парижа.

Когда Жюль Бланшар говорил о новом Париже, то имел в виду не только широкие бульвары барона Османа. Еще со времен великих готических соборов Парижу нравилось считать себя законодателем мод – по крайней мере, в Северной Европе. Парижане почувствовали себя обойденными, когда четверть века назад Лондон фигурировал во всех международных новостях благодаря дворцу из стекла, построенному для Всемирной выставки всего, что было в мире нового и удивительного. За Лондоном вскоре последовал Нью-Йорк. Но к 1855 году Париж был готов ответить на этот вызов, и новый император, Наполеон III, открыл Всемирную парижскую выставку трудов промышленности, сельского хозяйства и изящных искусств в

потрясающем воображение Дворце индустрии из металла, стекла и камня на Елисейских Полях. Дюжину лет спустя Париж повторил свой успех, теперь уже на парадных просторах Марсова поля, что раскинулось на левом берегу. Эта выставка 1867 года стала крупнейшей в мире на тот момент и продемонстрировала множество технических новинок, включая электрическую динамомашину Сименса.

– Я хочу открыть универмаг, – сказал Жюль.

В Нью-Йорке уже были универмаги, например «Мейсис», который рос и процветал. В пригородах Лондона функционировал «Уайтлис» и еще несколько кооперативных магазинов, но пока ничего выдающегося не возникло. Париж уже опережал соперников и количеством, и стилем со своими «Бон-Марше» и «Прентамом».

– Это будущее, – провозгласил Жюль. И начал описывать магазин, каким он его себе представлял: дворец, способный вместить множество покупателей, где продаются всевозможные товары. – Стиль, умеренные цены, с расположением в центре города, – объяснял он с растущим энтузиазмом Жозефине, которая замороженно слушала его.

– А я и не знала, что ты можешь быть таким страстным, – заметила она.

– Гхм...

– Я имею в виду – в голове, – улыбнулась Жозефина.

– А-а.

– Что говорит по этому поводу твой отец?

– И слушать не желает.

– Что будешь делать?

– Ждать. – Он вздохнул. – Что мне остается?

– Ты не рискнешь начать это дело самостоятельно?

– Трудно. Деньги контролирует отец. И к тому же вносить раздор в семью...

– Ты ведь любишь отца?

– Конечно.

– Тогда будь добр к отцу и к жене, мой дорогой Жюль. И наберись терпения.

– Да, наверное, это самое правильное. – Он помолчал. Затем лицо его прояснилось. – Но дочку я все равно хочу назвать Жозефиной.

Затем, сказав, что ему нужно спешить к жене, он поднялся. Жозефина остановила его прикосновением руки:

– Ты не должен этого делать, мой друг. В том числе и ради меня. Прошу тебя.

Но Жюль, ничего не обещая, расплатился с официантом и заторопился к выходу.

После его ухода Жозефина осталась сидеть в задумчивости. Неужели он в самом деле намеревается назвать малышку ее именем? Или, вспомнив глупое обещание, данное много лет назад, всего лишь разыграл красивую сцену, имевшую целью добиться свободы от взятого обязательства? Она улыбнулась про себя. Все это не имело значения. Даже если верно второе, со стороны Жюля это был умный и изящный ход.

Ей нравились умные мужчины. И она так и не поняла, как он в конце концов поступит, – это ее забавляло.

Высокая костлявая женщина остановилась. Рядом с ней замер темноволосый мальчик девяти лет, с коротко подстриженными волосами и широко расставленными умными глазами.

Вдове Ле Сур было сорок лет, но то ли из-за невзрачной одежды, висевшей мешком на ее тощем теле, то ли из-за того, что ее длинные седые волосы были не прибраны, то ли из-за неприступного выражения лица выглядела она гораздо старше. Она казалась мрачной, и на то у нее была причина.

Прошлым вечером сын задал ей некий вопрос – уже не в первый раз. И сегодня она решила, что пришло время поведать ему правду.

– Пойдем, – сказала она.

Кладбище Пер-Лашез занимало склоны холма примерно в пяти километрах к востоку от сада Тюильри, где часом ранее гуляли отец Ксавье и маленький Роланд. Это старинное место захоронения в последнее время приобрело популярность. Здесь нашли свой посмертный приют самые разные знаменитости – политики, воины, художники и композиторы, и к их могилам приходило много посетителей. Но вдова Ле Сур привела сюда своего сына не ради надгробных памятников.

Они вошли через ворота со стороны города, у подножия холма. Во всех направлениях, петляя между усыпальницами, тянулись аллеи и мощеные тропинки, словно римские дороги в миниатюре. Было тихо. Кроме смотрителя у ворот, в этот час мать и сын были почти

единственными живыми людьми на кладбище. Вдова точно знала, куда идти. Мальчик же не имел представления, зачем они здесь.

Сначала, почти сразу возле входа, они ненадолго замедлили шаг, чтобы осмотреть памятник справа, который сделал кладбище известным: высокий мавзолей средневековых влюбленных Абеяра и Элоизы. Но здесь они не задержались. Вдову не интересовали ни прославленные маршалы Наполеона, ни свежая могила художника Коро, ни даже изящная скульптура, посвященная памяти композитора Шопена. Все это им только помешает. Прежде чем сказать сыну правду, она должна подготовить его.

– Жан Ле Сур был отважным человеком, – заметила она.

– Знаю, матушка.

Его отец был героем. Каждый вечер перед сном он мысленно повторял все, что помнил о высоком добром человеке, который рассказывал ему сказки и играл с ним в мяч. Который всегда приносил к столу хлеб, даже когда в Париже свирепствовал голод. А если воспоминания со временем тускнели, на помощь приходила фотографическая карточка, с которой на мальчика смотрел красивый мужчина – темноволосый и с широко расставленными глазами, как у него самого. Иногда он видел сны, и в них они с отцом отправлялись за приключениями, а однажды даже бок о бок сражались в уличном бою.

Мать молча вела его вверх по склону. Немного не доходя до вершины, она свернула направо и пошла по длинной аллее. Потом она снова заговорила:

– Твой отец обладал благородной душой. – Она посмотрела на сына. – Как по-твоему, Жак, что значит быть благородным?

– Ну, по-моему, это значит... – Мальчик подумал. – Это значит быть смелым, как рыцари, которые сражались во имя чести.

– Нет, – возразила она. – Те рыцари не имели ничего общего с благородством. Они были ворами, тиранами, которые забирали себе столько богатства и власти, сколько могли. Сами они называли себя благородными, чтобы им было чем гордиться, и делали вид, будто их кровь лучше нашей и дает право творить все что заблагорассудится. Аристократы! – Она скривилась в гримасе ненависти. – Это фальшивое благородство. И хуже всех – король. Все это грязный заговор, которому уже многие сотни лет.

Юный Жак знал, что его мать благоговела перед Французской революцией, однако после смерти отца стала избегать любых разговоров о событиях тех лет, словно они принадлежали какому-то темному миру, куда она не желала возвращаться.

– Почему же он до сих пор не раскрыт?

– Потому что существует преступная сила, еще более отвратительная, чем король. Ты знаешь, что это за сила?

– Нет, матушка.

– Это Церковь, Жак. Король и его аристократы поддерживают Церковь, а церковники велят людям слушаться власть имущих. Таков сговор старого режима. Такова чудовищная ложь, в которой мы живем.

– Разве революция ничего не изменила?

– В тысяча семьсот восемьдесят девятом году случилось нечто большее, чем революция. В том году родилась свобода. Свобода, Равенство, Братство – вот самые благородные идеи, которые только могут быть у человечества. Старый режим боролся с ними, и поэтому революции пришлось рубить головы, это было абсолютно необходимо. Но что еще важнее, революция выпустила нас из тюрьмы, которую выстроила Церковь. Власть священников была подорвана. Люди получили право отрицать существование Бога, отринуть суеверия и следовать разуму. Это был величайший шаг вперед для всего человечества.

– Что случилось со священниками, матушка? Их тоже убили?

– Некоторых. – Она пожала плечами. – Этого оказалось недостаточно.

– Священники и сейчас есть.

– К несчастью, да.

– Значит, все революционеры были атеистами?

– Нет, но лучшие – да, они были атеистами.

– А ты не веришь в Бога, матушка? – спросил Жак. Его мать покачала головой. – А мой папа верил? – продолжал расспрашивать мальчик.

– Нет.

– Тогда и я не буду, – сказал Жак, минуту подумав.

Тропа поворачивала восточнее, выводя к внешнему краю кладбища.

– Так что же произошло с революцией, матушка? Почему она закончилась?

– Люди не смогли во всем разобраться. – Вдове опять пришлось пожать плечами. – К власти пришел Наполеон. Он был наполовину революционером, а наполовину императором наподобие римских. Он завоевал почти всю Европу, прежде чем потерпел поражение.

– Он тоже был атеистом?

– Кто знает. Церковь так больше и не сумела вернуть утраченную власть в полной мере, однако Наполеон считал, что она может быть ему полезна, как была полезна всем правителям до него.

– И после Наполеона все опять стало как раньше?

– Не совсем. Монархи Европы дрожали от страха перед революцией. Тридцать лет им удавалось сдерживать силы свободы. Во Франции консерваторы – старые монархисты, богатые буржуа, все те, кто боялся перемен, – поддерживали консервативные правительства. Народ не имел никакой власти, бедные становились все беднее. Но дух свободы не умер. В тысяча восемьсот сорок восьмом году по всей Европе прогремели революции, и в нашей стране тоже. Старый толстый Луи-Филипп, король буржуазных классов, так перепугался, что сел в наемную карету и сбежал в Англию. Мы снова стали республикой и выбрали племянника Наполеона, чтобы он возглавил ее.

– Но он сделал себя императором.

– Он очень хотел быть таким же, как его дядя. После двух лет во главе республики он провозгласил себя императором, а поскольку у Наполеона был сын, который умер, то он взял себе имя Наполеон Третий. О да, он умел производить впечатление. При нем барон Осман перестроил Париж. Появился новый замечательный оперный театр. Прошли выставки, на которых побывало полмира. Но беднякам не стало легче жить. А потом он совершил глупую ошибку. Он начал войну с Пруссией, но полководцем не был и потому проиграл.

– Я помню, как прусские армии подошли к Парижу.

– Они смяли наши войска и окружили город. Осада продолжалась несколько месяцев, мы едва не умерли от голода. Ты этого не знал, но те похлебки, которыми я кормила тебя, были сварены из крыс. Тебе было всего пять лет, но, к счастью, ты оказался крепким мальчиком. Наконец прусские войска открыли пальбу из тяжелых орудий, и нам больше ничего не оставалось делать. Париж сдался. – Вдова

вздохнула. – Немцы вернулись в Пруссию, но сначала отобрали у нас Эльзас и Лотарингию – прекрасные области вдоль нашего берега реки Рейн, где на склонах гор разбито множество виноградников. Франция была унижена.

– А после этого папу убили. Ты всегда говорила мне, что он погиб в сражении. Но я так и не могу понять. В школе учителя говорят...

– Не важно, что они говорят, – перебила его мать. – Я расскажу тебе, как все случилось. – Тем не менее она умолкла. Ее суровое лицо на мгновение осветилось проблеском нежной улыбки. – Знаешь, – заговорила она снова, – когда я захотела выйти за него замуж, мои родители не обрадовались. Наша семья была весьма бедна, но отец преподавал в школе и хотел, чтобы я стала женой образованного человека. Жан Ле Сур родился в трудовой семье и почти не ходил в школу. Он работал в типографии наборщиком. Но при этом он был очень любознательным.

– И что же дальше?

– Мой отец решил восполнить пробелы в образовании будущего зятя, и тот был совсем не против. Жан оказался способным учеником и вскоре уже читал все, что попадалось ему в руки. В конце концов он, должно быть, прочитал больше всех, кого я знала. Однако чтение и размышления над прочитанным привели его к тем убеждениям, за которые ему пришлось отдать жизнь.

– Он верил в революцию.

– Твой отец сумел понять, что даже Французской революции было недостаточно. Когда родился ты, Жан уже знал, что единственный способ двигаться вперед – это установить абсолютную власть народа и уничтожить частную собственность. Так же считали и многие другие отважные люди.

Справа от тропы, за деревьями, виднелось ограждение кладбища. Мать и сын были почти у цели.

– Четыре года назад, – продолжала вдова, – показалось, что момент настал. Наполеон Третий был свергнут. Управление страной сосредоточилось в руках Национального собрания, которое сбежало из города в Версальский дворец. Депутаты были настолько консервативны, что вполне могли бы создать еще одну монархию. Они боялись Парижа, потому что у нас была собственная гвардия и много пушек на Монмартре. Они послали войска, чтобы захватить

артиллерию. Но солдаты перешли на нашу сторону. И внезапно это случилось: в Париже установилось самоуправление. Это и была Коммуна.

– Мои учителя говорят, что с Коммуной ничего не получилось.

– Они лгут. Та весна была прекрасна. В городе работали все службы. Коммуна объявила церковное имущество народной собственностью. Женщинам стали предоставлять права наравне с мужчинами. Мы подняли народный красный флаг. Люди вроде твоего отца превращали целые районы в государство трудового народа. Национальное собрание в Версале тряслось от ужаса.

– А потом версальцы напали на Париж?

– Они окрепли. С ними была военная мощь. Пруссия даже вернула пленных, чтобы усилить версальскую армию для борьбы с народом. Это было отвратительно и подло. Мы защищали ворота Парижа, строили баррикады на улицах. Бедняки сражались как истинные герои. Но все-таки враги оказались слишком сильны. Последняя неделя мая – Кровавая неделя – была страшной...

Вдова Ле Сур на некоторое время умолкла. Они подошли к юго-восточному углу кладбища, где тропа круто брала вверх, изгибаясь влево к вершине холма. Справа от мощеной тропы, ниже по склону, тянулась голая серая стена. А перед ней лежал небольшой треугольник пустой земли. Невзрачный, неприметный уголок кладбища даже не имел собственного названия.

– Дольше всех, – тихо заговорила вдова, – перед натиском версальцев продержался бедный квартал в Бельвиле, совсем недалеко отсюда. Там сражались и некоторые из наших людей. В конце концов все рухнуло. Последние полторы сотни коммунаров попали в плен. Среди них и твой отец.

– Ты хочешь сказать, его отправили в тюрьму?

– Нет. Офицер, который командовал войсками версальцев, велел привести всех пленных вот сюда. – Она указала на каменную стену. – Потом он выстроил своих солдат и приказал стрелять в пленных. Прямо так, без суда. Вот где погиб твой отец, и вот как это было. Теперь ты знаешь.

И вдруг высокая, тощая вдова Ле Сур заплакала прямо на глазах у сына. Но вскоре она взяла себя в руки и с замкнутым лицом несколько

минут смотрела на пустую стену, у которой закончилось ее супружество.

– Пойдем, – наконец сказала она.

И они двинулись в обратный путь. Впереди уже показались ворота кладбища, когда Жак вывел мать из задумчивости вопросом:

– Что стало с тем офицером, который приказал расстрелять коммунаров?

– Ничего.

– Ты точно это знаешь? И ты знаешь, кто это?

– Да, я выяснила. Он аристократ, как ты и сам мог бы догадаться. Их до сих пор в армии множество. Его зовут виконт де Синь. – Она пожала плечами. – У него есть сын по имени Роланд, он моложе тебя.

Жак Ле Сур помолчал.

– Когда-нибудь я убью его сына. – Это было сказано тихо, но решительно.

Мать ответила не сразу, продолжая молча идти. Велит ли она ему выбросить мысли о мести из головы? Вовсе нет. Ее любовь была страстной, а страсть не берет пленных. Праведники должны сразить своих врагов-грешников. В этом их предназначение.

– Будь терпелив, Жак, – сказала она. – Дождись подходящего момента.

– Я подожду, – ответил мальчик. – Но Роланд де Синь умрет.

Глава 2

1883 год

День начался плохо: пропал младший брат Люк.

Тома Гаскон любил свою семью. Его старшая сестра Адель вышла замуж и уехала из родительского дома, а младшая, Николь, была неразлучна со своей подружкой Иветтой, и их болтовня Тома не интересовала. Зато Люк был особенным – самый младший в семье, очаровательный мальчик, которого все любили. Тома было почти десять, когда родился Люк, и с тех самых пор он стал для братика опекуном, наставником и другом.

В действительности Люк не вернулся домой еще вчера вечером. Но поскольку их отец был уверен, что сын пошел к кузенам, которые жили примерно в полутора километрах, то никто не забеспокоился. Только утром, когда Тома уже собирался отправиться на работу, он услышал, как мать воскликнула за стенкой:

– Так ты не знаешь, он на самом деле у твоей сестры?

– Разумеется, там, – донесся из родительской спальни голос отца. – Люк пошел к ним вчера после обеда. Где еще ему быть?

Местье Гаскон был беспечным человеком. Он зарабатывал на жизнь в качестве водоноса, но чувством ответственности не отличался. «Он работает ровно столько, сколько необходимо, – говаривала его жена, – и ни секундой дольше». И тот соглашался, поскольку считал, что это единственно разумный подход. «Жизнь – чтобы жить. Если мужчина не может присесть и выпить стаканчик вина...» – отвечал он и красноречивым жестом изображал бесполезность всех остальных занятий. Пил он не так уж и много, но возможность спокойно посидеть была для него превыше всего.

Отец появился из спальни, одеваясь на ходу, – босой, небритый, готовый спорить. Но жена не дала ему сказать и слова.

– Николь, – распорядилась она, – немедленно беги к тете и проверь, там ли Люк. – Потом, обернувшись к мужу, сказала: – Спроси

у соседей, может, кто видел твоего сына. Позор тебе! – гневно добавила она.

– А что мне делать? – спросил Тома.

– Ты иди на работу, конечно.

– Но... – Тома не хотел уходить, не удостоверившись, что с братом ничего не случилось.

– Ты что, хочешь опоздать и потерять место? – сердито прикрикнула на него мать, но затем смягчилась. – Тома, ты добрый мальчик. Скорее всего, твой отец прав и Люк остался на ночь у тети. – Сын продолжал колебаться, и она добавила: – Не волнуйся. Если что-то окажется не так, я пошлю за тобой Николь. Обещаю.

И Тома побежал вниз по крутым улочкам Монмартра.

Как ни беспокоился он о брате, но оказаться без работы не хотел. Перед тем как стать разносчиком воды, его отец был поденщиком и перебивался случайными заработками. Мать захотела, чтобы Тома овладел каким-нибудь ремеслом, и он научился работать с металлом. Чуть ниже среднего роста, Тома был крепким и сильным и отличался хорошим глазомером. Учился он быстро и, не достигнув еще двадцати, заслужил одобрение опытных мастеров, которые были рады взять его в бригаду и подсказать тонкости ремесла.

Стояло чудесное весеннее утро. Тома был одет в свободную блузу и куртку. Мешковатые штаны поддерживал широкий кожаный пояс; тяжелые рабочие ботинки поднимали дорожную пыль. Ему нужно было пройти всего четыре километра.

Топография Парижа была проста. Начавшись с древнего, овального по форме поселения на берегах Сены вокруг центрального острова, город со временем разрастался. Несколько раз его обносили стеной, и с каждым разом концентрические овалы становились все шире. К концу XVIII века, перед самой революцией, город обзавелся новой, так называемой таможенной стеной, отстоявшей от Сены примерно на три километра. У многочисленных ворот появились будки с ненавистными сборщиками пошлин. За пределами этого большого овала лежало кольцо пригородов и деревень, включая Пер-Лашез на востоке и холм Монмартр на севере. После революции проклинаемую всеми таможенную стену снесли, и выстроенная перед войной с Пруссией протяженная линия внешних оборонительных укреплений охватила даже самые дальние пригороды. Но многие из них, особенно

Монмартр, до сих пор казались старинными деревушками, каковыми, по сути, и являлись.

У подножия Монмартра Тома пересек старую неопрятную площадь Клиши и оказался на широком бульваре, который шел на юго-запад примерно там же, где раньше проходила таможенная стена. По левую руку разбегались в разные стороны городские улицы, а по правую лежала бурно растущая деревня Батиньоль, недавно присоединенная к Парижу. Время от времени мимо медленно проезжал конный трамвай, но, как и большинство трудового народа, Тома редко раскошеливался на конку или омнибус, тем более что лошади двигались не намного быстрее энергичного молодого мужчины.

Спустя полчаса он увидел слева от себя красивую кованую решетку, за которой виднелись зеленые просторы парка Монсо. Бывший ранее герцогским владением, этот живописный сад теперь стал общественным, но внутри его, у южной границы, сохранился закрытый уголок, где разместились резиденции богатейших буржуа. Однако самая очаровательная достопримечательность парка Монсо находилась здесь, у решетки вдоль северной границы.

На вид это был маленький круглый римский храм, а на самом деле – бывшая будка сборщика податей. Чтобы скучное, сугубо функциональное строение соответствовало благородному окружению, его снабдили куполообразной крышей идеальных пропорций и обвели строем классических колонн. Тома с удовольствием остановил взгляд на безупречном маленьком храме, который также означал, что путь подходит к концу.

Перейдя бульвар, Тома прошел пятьдесят метров на север и свернул налево, на улицу Шазель.

Всего одно поколение назад это был скромный райончик из небольших мастерских и огородиков. Затем стали появляться виллы в два этажа, с мансардами под крышей. После того как барон Осман начал прорезать город сетью проспектов, по соседству выросли длинные шестиэтажные многоквартирные здания.

Объект, над которым теперь трудился Тома Гаскон, находился на северном конце улицы и вздымался над крышами соседних вилл. Это была гигантская фигура, выполненная пока только до середины корпуса, укутанная металлической драпировкой и обнесенная лесами, настолько высокая, что ее было видно от самого парка Монсо.

То была статуя Свободы.

Мастерские Гаже и Готье занимали обширный участок, который простирался до соседней улицы. Там стояло несколько больших, высоких ангаров, литейный цех и передвижной кран. Посреди участка высился огромный торс.

Сначала Тома зашел в ангар по левую сторону от входа. Это был цех, где за длинными столами трудились ремесленники, создавая декоративные фризы для головы и факела. Ему нравилось наблюдать за их работой, но сюда его привело желание сказать вежливое «С добрым утром!» старшему мастеру, лысому толстяку, который по утрам обычно бывал здесь, и тем самым напомнить всемогущему распорядителю о своем существовании.

Однако этим утром старший был занят. В мастерскую прибыл месье Бартольди. Автор статуи Свободы выглядел именно так, как и подобает настоящему художнику: красивое, тонко очерченное лицо, широкий лоб и завязанный пышным бантом шарф. Идею памятника Бартольди вынашивал не один год. Изначально он задумал установить подобную статую на Суэцком канале – у ворот на Восток, но от этого проекта отказались. Затем появилась другая замечательная возможность. Народ Франции, собрав средства от пожертвований и лотереи, заказал статую в качестве подарка Америке. Для нее выбрали место в нью-йоркской гавани, то есть у ворот на Запад. Вот так месье Бартольди стал одним из самых известных скульпторов в мире.

Не смея мешать ему, Тома торопливо покинул цех и вошел в соседний ангар.

Бартольди придумал грандиозную статую, но оставалась серьезнейшая проблема: как ее, черт побери, изготовить? Первый план предложил великий французский архитектор Виолле-ле-Дюк, и он состоял в том, чтобы дать фигуре опору в виде огромной каменной колонны. Но когда архитектор умер, никаких точных инструкций не нашлось и никто не знал, что делать. И когда некий мостостроитель заявил, что соорудит для статуи каркас, его тут же назначили руководителем всего проекта.

Инженер приступил к задаче точно так же, как взялся бы за строительство очередного моста. Статую он замыслил пустотелой. Вместо каменной колонны сердцевиной будет служить столб из металлических балок. Внешняя рама – нечто вроде гигантского скелета

из металлоконструкций. А уже на этот скелет будут крепиться тонкие медные пластины. Внутренняя винтовая лестница позволит посетителям забираться на обзорную площадку в диадеме статуи.

Идея инженера имела и дополнительное преимущество: она допускала строительство разных частей статуи одновременно. Правая рука Свободы вздымала к небу факел, а в левой она должна была держать скрижали, на которых будет выбита дата принятия Декларации независимости США. Вот над этой-то левой рукой и трудился Тома в составе небольшой бригады.

В тот день рабочих, кроме него, было двое, оба – бородатые, серьезные мужчины на пятом десятке. Они вежливо поздоровались с Тома, и один спросил, как поживает его семья.

Рассказывать о пропаже младшего брата Тома показалось неуместным. И еще он подумал, что болтовней может накликать беду. Если ты что-то сказал вслух, это запросто может случиться на самом деле.

– В семье все в порядке, – ответил он и решил сосредоточиться на работе.

Рука статуи была огромной. Человек десять могли бы усесться на раскрытой ладони и пальцах. Внутренний каркас был собран из толстых металлических балок, а сверху обмотан длинными тонкими полосами меди, будто лентами. Шириной эти полосы были всего по пять сантиметров, они плотно прилегали друг к другу и точно следовали контурам модели Бартольди. Так что потом, когда их все прикрепят к каркасу, будет казаться, что это рука огромного плетеного человека.

Прикрепление полос на место требовало точности и терпения. Более часа трое мужчин молча трудились, лишь изредка перекидываясь парой слов. Их никто не отвлекал – вплоть до утреннего визита старшего мастера.

С мастером по-прежнему находился месье Бартольди, и к ним присоединился еще один человек.

По большей части надзор за выполнением работ осуществлял помощник инженера, однако сегодня с визитом пожаловал он сам.

Как Бартольди был художником до мозга костей, так и внешность инженера полностью соответствовала его профессии. В отличие от тонкого продолговатого лица скульптора, вся голова инженера была как

будто выкована в кузнице бога Вулкана и потом обжата тисками. В нем все было компактно и аккуратно – коротко подстриженные волосы и борода, одежда, движения – и при этом исполнено энергии. А в его ясных, слегка выпуклых глазах угадывалась мечтательная душа.

Несколько минут он и Бартольди осматривали огромную руку, постукивая по тонким полоскам металла, измеряя что-то тут и там, и наконец одобрительно кивнули старшему мастеру и подожили:

– Отличная работа, месье!

Они уже двинулись к выходу, когда инженер обратился к Тома со словами:

– Вы тут новичок, кажется?

– Да, месье, – сказал Тома.

– И как же вас зовут?

– Тома Гаскон, месье.

– Гаскон, вот как? Ваши предки, значит, были родом из Гаскони?

– Я не знаю, месье. Полагаю, что да.

– Гасконь. – Инженер подумал о чем-то, затем улыбнулся. – Это же древняя римская провинция Аквитания. Теплый юг. Край вина. И бренди тоже: не будем забывать об Арманьяке.

– Или о «Трех мушкетерах», – подхватил Бартольди. – Д'Артаньян ведь был гасконцем.

– Вот именно! И что же мы можем сказать о характере ваших сородичей, месье Гаскон? – задал шутливый вопрос инженер. – Помоему, они славятся отвагой и преданностью своей чести?

– Говорят, что они любят похвастаться, – вставил старший мастер, не желая отмалчиваться в сторонке.

– Вы хвастливы, месье Гаскон? – поинтересовался инженер.

– Мне нечем хвастаться, – просто ответил Тома.

– А! – воскликнул инженер. – В этом я смогу вам помочь. Как по-вашему, почему мы конструируем статую именно таким образом?

– Мне кажется, – сказал Тома, – чтобы можно было потом разобрать ее на части и перевезти через Атлантику.

Он знал, что, когда статуя будет завершена здесь, на улице Шазель, и ее медная кожа будет прикреплена к телу временными заклепками, всю конструкцию разберут и вновь соберут уже в Нью-Йорке.

– Верно, – сказал инженер. – Но есть и еще одна причина. Этот памятник будет стоять над водой, в бухте Нью-Йорка, где ничто не

защитит его от ветров, которые будут дуть в него, как в парус. Если бы статуя была монолитна, она стала бы испытывать невероятные нагрузки. Изменения температуры также будут воздействовать на металл, заставляя его то сжиматься, то расширяться, и тогда медная кожа могла бы треснуть. Поэтому, во-первых, я построил внутренности статуи так же, как металлический мост: они подвижны – чуть-чуть, но достаточно, чтобы ослабить напряжение. А во-вторых, настоял на том, чтобы пластины меди, которые покрывают статую, словно кожа, были прикреплены к металлическим балкам каждая по отдельности. То есть пластины приделаны к каркасу, но не соединены между собой. И в результате они могут скользить относительно друг друга – опять же чуть-чуть, но благодаря этому покрытие не потрескается. Человеческий глаз не сможет этого заметить, но статуя Свободы будет шевелиться. Вот что значит хороший инженерный проект. Все понятно? – (Тома кивнул.) – Хорошо, – продолжал инженер. – Теперь я скажу вам, чем вы сможете хвастаться. Благодаря своей конструкции и вашей тщательной работе по ее сборке эта статуя будет жить много столетий. Бессчетные миллионы людей увидят ее. Определенно, мой юный друг, это будет самая известная работа, в которой удастся поучаствовать вам или мне в течение всей жизни. Стоит этим похвастаться, как вы думаете?

– Да, месье Эйфель, – сказал Тома.

Эйфель улыбнулся ему. Бартольди тоже. Даже старший мастер улыбнулся, и Тома Гаскон почувствовал себя на седьмом небе от счастья.

И в этот самый миг увидел, что в дверях ангара стоит его сестра Николь.

Она старалась привлечь его внимание, но внутрь войти боялась. Сейчас сестра находилась в той фазе роста, когда ноги кажутся тонкими, как палки, а бледное лицо и большие глаза придавали ей ранимый вид. Если мать послала ее в такую даль, это могло значить только одно: Люк пропал. Или случилось кое-что еще страшнее.

Но в какой неудачный момент она появилась! Если бы только сестра дождалась, когда старший мастер с посетителями уйдут! Несмотря на мольбу в глазах сестры, Тома сделал вид, будто не замечает ее.

Но старший мастер никогда ничего не упускал. Он увидел, что Тома на секунду отвлекся, и тут же развернулся и уставился на Николь:

– Кто это?

– Моя сестра, господин старший мастер. – Обманывать было бесполезно.

– Почему она мешает нам?

– Сегодня утром пропал мой младший брат. Думаю, что он... Я не знаю.

Старший мастер был недоволен. Переведя взгляд снова на Николь, он поманил ее и спросил резким тоном:

– Ну, в чем дело?

– Моя мать послала меня за Тома, месье. Мы никак не можем найти младшего брата Люка. И даже вызвали полицию.

– В таком случае Тома вам не нужен. – Взмахом руки он велел ей уходить.

У девочки вытянулось лицо. Тома невольно двинулся к ней, чтобы утешить, но сдержал свой порыв и остался на месте.

Ни в коем случае нельзя потерять эту работу. Может, старший мастер действительно слишком уж резок, но он рассуждает логично. Вот если бы Тома обратился к нему с глазу на глаз... Но в присутствии месье Бартольди и месье Эйфеля начальник должен был следить за дисциплиной с особой строгостью, это понятно.

Николь следовало в тот же момент уйти. Поскорее. Но она не уходила. Ее лицо сморщилось. Неужели она собирается разреветься?

– Что передать маме? – Она посмотрела на старшего брата.

Он собирался сказать ей, чтобы уходила, но его опередил месье Эйфель:

– Думаю, что в данном случае, в виде исключения, наш юный друг может оставить мастерские и отправиться на поиски брата. Но завтра утром, месье Гаскон, вы должны быть здесь, чтобы продолжить нашу великую работу. – Он повернулся к мастеру. – Вы согласны?

Старший мастер пожал плечами, но кивнул.

– Иди, – сказал он Тома.

Тот хотел бы должным образом выразить начальнику благодарность, но Николь уже исчезла за дверью, и пришлось спешить вслед за ней.

Если смотреть издали, то со времен Римской империи холм Монмартр почти не изменился. На протяжении столетий здесь

произрастал виноград, за которым в Средние века ухаживали монахи; нынче же он в основном одичал или погиб, хотя в отдельных местах еще сохранились виноградники. Но одна приятная глазу перемена все же произошла: у самой вершины появилось несколько деревянных ветряных мельниц. Когда их громоздкие лопасти вращались, холм выглядел весьма живописно.

А вблизи становилось понятно, что на Монмартре царит хаос. Барон Осман не смог приручить его по причине крутизны склонов, и потому холм оставался наполовину сельским. В отдельных местах Монмартр как будто хотел принарядиться, однако оставил попытки на полпути: кривые улочки и крутые аллеи обрывались, превращаясь в тропинки между деревянными хижинами и лачугами, разбросанными как попало.

Посреди этого хаоса самой сомнительной репутацией пользовались трущобы на северо-западном склоне чуть пониже вершины. Их называли Маки. Это слово означает заросли кустарника, дикую местность или даже район притонов. Дом Гасконов был одним из самых презентабельных здесь: простой каркас, обшитый досками, венчался балкончиком на втором этаже, который придавал строению отдаленное сходство со швейцарским шале. Семья занимала верхний этаж, куда вела наружная лестница.

– Где вы искали? – спросил Тома, как только добрался до дому.

– Везде, – сказала мать. – И полиция приходила.

Она пожала плечами, давая понять, что полиция ей особых надежд не внушает. Месье Гаскон сидел в углу. Его коромысло лежало перед ним на полу. С виноватым видом он смотрел себе под ноги.

– А ты иди работай, – негромко сказала ему жена.

– Ничего, пусть подождут, – ответил он, хорохорясь. – Обойдутся без воды, пока не найдут моего сына.

И Тома догадался: отец считает, будто маленький Люк мертв.

– Вчера после обеда твоя тетя подарила Люку воздушный шар, и он отправился домой, – рассказала мать старшему сыну. – Но сюда так и не пришел. Никто из школы Люка не видел. Сначала один мальчик сказал, будто видел, но потом передумал. Может, кто-нибудь и знает что-то, но все молчат.

– Я пойду искать, – сказал Тома. – Какого цвета был шарик?

– Синего, – сказала мать.

Выйдя на улицу, Тома остановился. Сумеет ли он найти брата? Он внушал себе, что да. Обыскивать Маки заново не имело смысла. Под холмом городские окрестности тянулись дальше на север к пригороду Сен-Дени. Но насколько Тома знал, маленький Люк никогда не ходил в ту сторону. Школа, куда мать отдала Люка, и большинство известных мальчику мест располагались выше по склону. Тома туда и направился.

Сразу за Маки находился ресторанчик «Мулен де ла Галетт». На самом деле раньше это была одна из двух мельниц, которыми владела предприимчивая семья. Им пришло в голову устроить на первом этаже небольшой танцзал и при нем закусочную. Горожане приходили сюда выпить дешевого вина и насладиться сельским очарованием. Люк постоянно околачивался около этого заведения: пел клиентам песенки, за что они бросали ему монетки.

– Полиция уже побывала здесь, – сказал официант, подметавший пол. – Вчера вечером Люк к нам не заходил.

– У него мог быть синий воздушный шар.

– Никаких шаров тоже не было.

Тома обошел несколько улиц, останавливаясь то там, то здесь и расспрашивая прохожих, не видел ли кто мальчика с шариком днем ранее. Но напрасно. Трудно было не поддаться отчаянию, но он продолжал поиски. Через полчаса безрезультатных блужданий Тома вышел на большой плоский участок, с которого открывался вид на весь Париж. Здесь, за высоким деревянным забором, строили огромную базилику Сакре-Кёр.

Во время осады Парижа Тома было семь лет. Он помнил, как на холме стояли большие пушки, как за них сражались, как из Версаля прибыли правительственные войска и расстреляли коммунаров. Его отец старательно держался в стороне от неприятностей – или просто был слишком ленив. Но, как и большинство рабочих, он недолюбливал этот тяжеловесный триумфальный памятник католицизму, который решила воздвигнуть на вершине холма, над всем городом, новая консервативная республика. А вот Тома был зачарован базиликой – не столько ее религиозным смыслом, сколько размахом стройки.

Но сейчас, обводя взглядом огороженную площадку на вершине Монмартра, он не мог не испытывать леденящий страх.

Холм в основном был сложен из мягкой осадочной породы – гипса, а гипс обладает двумя свойствами. Во-первых, он постепенно растворяется в воде и потому является непрочным основанием для крупных строений. Во-вторых, при нагревании он теряет воду, после чего его легко превратить в порошок, из которого затем производят штукатурку. По этой причине люди веками рыли в недрах Монмартра карьеры, добывая гипс. Эти каменоломни со временем столь прославились, что белую штукатурку стали называть парижской.

А строители Сакре-Кёр, приступив к работе, скоро обнаружили, что почвы под будущим храмом не только мягкие, но и изъедены вдоль и поперек шахтами и туннелями – чему не стоило удивляться. Если огромное здание поставить прямо на землю, то весь холм неизбежно обрушится, а церковь окажется на дне колоссальной воронки.

Найденное решение было поистине французским: в нем изящная логика сочеталась с величием. Выкопали восемьдесят три шахты, каждая более тридцати метров глубиной, и заполнили их цементом. На эти мощные колонны легла крипта – огромная коробка, почти равная по высоте стоящей на ней, как на платформе, церкви. Только на этот этап ушло почти десять лет, и к моменту его завершения даже те, кто ненавидел стройку, говорили с насмешливым изумлением: «Не Монмартр поддерживает церковь, а церковь поддерживает Монмартр».

Каждую неделю Тома ходил смотреть, как продвигается строительство. Иногда какой-нибудь добродушный рабочий соглашался показать ему глубокие шахты и каменную кладку вблизи. Даже когда началась работа над самим храмом, строительная площадка представляла собой непролазное болото грязи, испещренное ямами и канавами. Теперь же, пока Тома стоял перед высоким забором, ему в голову пришла чудовищная мысль: а что, если тело его несчастного брата выбросили где-то на стройке? Может пройти не один день, прежде чем его обнаружат, а то и вообще могли уже засыпать чем-нибудь. Что, если Люка затащили в лабиринт туннелей и шахт? Попасть туда довольно легко, но, оказавшись внутри, найти выход почти невозможно. Неужели Люк сейчас там, внизу, в подземных полостях холма?

Нет, сказал себе Тома. Нельзя даже думать о таком. Люк жив. Он жив и ждет, когда его найдут. Все, что требуется сейчас, – это хорошенько подумать. Где он может быть?

Тома дошел до угла и остановился. Перед ним внизу лежал весь Париж. Сияли кое-где золоченые купола, вздымались над крышами шпили церквей. Выше всех тянулись башни собора Нотр-Дам на главном острове Сены. А над городом властвовало голубое небо, чистое и ясное. Небо молчало.

Парень попробовал помолиться. Но Бог и Его ангелы тоже безмолвствовали.

Так что пришлось Тома двигаться дальше без чьей-либо помощи, и он зашагал на запад по улице, огибающей холм. Люди здесь обитали более зажиточные, чем в Маки, с маленькими садиками вокруг домов. Потом дорога пошла вниз. По правую руку Тома показался высокий гребень, густо поросший кустами, а наверху тянулась огораживающая чей-то сад стена.

– Ш-ш-ш... Тома! – послышался шепот откуда-то сверху.

Молодой человек замер. Сердце чуть не выскочило из груди. Но как ни всматривался он в кусты, ничего не мог разглядеть.

– Ты один? – Это был голос Люка! – На улице никого нет?

– Никого, – ответил Тома.

– Я спускаюсь...

Через несколько секунд Люк уже стоял рядом с ним.

У них обоих были карие глаза. Но если Тома Гаскон был широк и коренаст, то его девятилетний брат был тонок и гибок. Черты загорелого лица молодого рабочего были прямыми и лаконичными, а его коротко стриженные каштановые волосы уже начинали редеть. Кожа его младшего брата была бледнее, волосы темнее и длиннее, нос с более выраженной горбинкой. Его можно было бы принять за итальянца. Эту внешность он унаследовал от бабушки по отцовской линии, которая приехала в Париж из Тулона.

Тома окинул брата быстрым взглядом: грязный и взлохмаченный, в остальном он был цел и невредим.

– Я голоден, – первым делом пожаловался Люк. Оказалось, что он прятался в кустарнике всю ночь. – Хотел дожидаться вечера и спуститься с холма, чтобы встретить тебя, когда ты пойдешь с работы.

– Почему ты не пошел домой? Мать и отец страшно переволновались.

– Они сказали, что будут ждать меня. – Люк затряс головой. – Сказали, что убьют...

– Кто?

– Братья Далу.

– А-а.

Дело было серьезным. В Маки действовало несколько подростковых банд, но братья Далу отличались особой жестокостью. Если они пообещали убить Люка, то можно было не сомневаться, что его как минимум сильно избьют. И они вполне были способны караулить жертву всю ночь.

– Чем ты им досадил? – спросил Тома.

– Тетя Лилли подарила мне шарик. Я шел по улице домой, а они мне навстречу. Антуан Далу сказал, чтобы я отдал ему шар. Я сказал «нет». Тогда Жан Далу ударил меня и забрал шарик.

– Что потом?

– Я огорчился и заплакал.

– И что?

– Когда они уходили, я швырнул в шар битую бутылку, и он лопнул.

– Зачем ты это сделал?

– Чтобы шар им не достался.

– Это было большой глупостью. – Тома покачал головой.

– Потом они бросились на меня, и Антуан Далу подобрал несколько больших камней, чтобы кинуть в меня, и я побежал. Один раз он в меня попал, в спину, но я все равно убежал. Только они не успокоились. Жан Далу крикнул мне вслед, что они убьют меня и что домой я живым не попаду. Поэтому я не приближался к дому. Но на тебя они не нападут. Побоятся.

– Я отведу тебя домой, – сказал Тома. – Но что будет дальше?

– Не знаю. Может, мне уехать в Америку и остаться там навсегда?

– Нет. – Тома не был согласен с таким планом. – Пойдем.

Как только Люк оказался дома и в безопасности, Тома снова отправился в путь.

Братьев Далу он нашел быстро. Малолетние разбойники околачивались на задворках своей хижины на другом краю Маки. Там были почти все: Антуан – ровесник Люка, с узким лицом хорька; Жан – более симпатичный на вид и на пару лет старше, главарь шайки; Ги – один из отпрысков семьи Нуар, кузен братьев Далу, подросток с

унылым лицом, который злобно кусался в драке, и еще двое-трое их приятелей.

Тома взял быка за рога.

– Люку не следовало бросать в шар бутылку, – сказал он Жану Далу. – Но отбирать у него шар было некрасиво. – (Все молчали.) – В общем, – продолжал Тома, – делу конец, а брата моего оставьте в покое, или я рассержусь.

Жан Далу ничего на это не ответил, зато заговорил Антуан:

– Вот эта бутылка, которую бросил Люк. И она прилетит обратно, прямо ему в лицо!

Тома инстинктивно двинулся на маленького подонка, но в тот же миг Жан заорал:

– Бертран!

Дверь хижины распахнулась, и оттуда выскочил парень. Тома выругался про себя: он совсем позабыл о старшем из братьев.

Бертран Далу был ровесником Тома и время от времени нанимался поработать на стройки. Шевелюра его была сальной и запыленной, потому что мылся Бертран только в исключительных случаях. Он яростно воззрился на Тома, пока Жан взмахнул рукой, излагая жалобу:

– Его брат швырнул в Антуана разбитую бутылку, а теперь и он сам хочет ударить Антуана!

– Врун! – воскликнул Тома. – Мой брат всю ночь прятался, его искала полиция, потому что эти мальчишки пообещали, что убьют его! Я пришел сказать им, чтобы они его не трогали. Или вы хотите, чтобы вместо меня сюда пришла полиция?

Бертран Далу сплюнул. Не важно, на чьей стороне правда, и они оба это знали. На кону стояла честь. А в Маки вопросы чести решались лишь одним способом. Бертран начал двигаться по кругу, и Тома оставалось только последовать его примеру.

С Бертраном ему еще не приходилось драться, но, поскольку тот носил фамилию Далу, приемов от него стоило ждать самых грязных. Вопрос был в том, много ли он умеет?

Его первый выпад не отличался тонкостью. Бертран бросился вперед, выдвинул кулак в сторону лица Тома, чтобы заставить противника откинуть голову, и замахнулся ногой, целясь в пах. Но вместо того чтобы заблокировать пинок коленом, Тома отскочил, поймал ногу Бертрана в верхней точке амплитуды и дернул на себя, так что

старший Далу рухнул наземь. Но Далу был быстр. Тома едва успел пнуть его разок, а он уже опять вскочил на ноги.

Через мгновение они сцепились. Бертран пытался швырнуть Тома на землю, но тот держал равновесие и сумел нанести короткий сильный удар чуть пониже сердца, которой потряс парня достаточно, чтобы Тома смог произвести захват. Тома сжимал противника изо всех сил. Однако действовал он не очень осторожно, и Далу так сильно ударил его в глаз, что Тома разжал руки.

И вновь они медленно закружились друг против друга. В подбитом глазу Тома пульсировала кровь, скоро начнется отек. Нужно бы завершить драку побыстрее.

Следующий ход Бертрана был хитрее. Набычив лохматую голову, он опять наскочил на Тома, словно намеревался боднуть его в живот и сбить с ног. Только в последний миг Тома увидел, как к его лицу метнулась рука с двумя вытянутыми пальцами, – попади она в цель, он остался бы без глаз. Тома молниеносно закрыл лицо кулаком, и пальцы Бертрана с размаху воткнулись в его костяшки.

Наблюдая за перекосившей лицо Далу гримасой, Тома гадал, что последует. Ему не пришлось долго пребывать в неведении: рука Бертрана вдруг исчезла в кармане. Тома видел, как рука врага начинает обратное движение, и знал, что это означает. Если он не хочет, чтобы дело приняло действительно скверный оборот, то у него есть всего секунда и нет права на ошибку. Рука вновь появилась из кармана. Блеснуло лезвие.

Тома нанес удар ногой. Слава богу, двигался он быстро. Рука Далу дернулась, и лезвие взвилось в воздух. С криком боли Бертран поднял глаза, следя за полетом ножа. И это предопределило исход драки.

Пора было заканчивать. Еще один пинок – хороший такой, точный. С идеальной скоростью и координацией Тома нанес удар. Тяжелый рабочий ботинок впился в пах Бертрана с такой сокрушительной мощностью, что старший из братьев Далу подлетел в воздух и на мгновение завис там, словно тряпичная кукла, после чего упал.

Тома обошел вокруг него, готовый добавить, но это было излишне. Посрамленный Бертран Далу лежал без движения.

Все закончилось. Порядок – или то, что подразумевалось под этим словом в Маки, – был восстановлен. Банда Далу больше не будет приставать к его младшему брату.

В тот вечер в семействе Гаскон царило счастье. Когда Тома вернулся днем домой, мать запричитала над его глазом, который заплыл уже почти наполовину. Но отец все понял.

– Вопрос решен? – спросил он и, получив в ответ утвердительный кивок, больше ни о чем не спрашивал.

Потом мать объявила, что приготовит на вечер что-нибудь вкусное, и ушла вместе с Николь на рынок. Люк прилег поспать несколько часов.

К концу дня их жилье наполнилось головокружительным запахом рагу, и они сели за стол раньше обычного. Ужин удался на славу. Луковый суп, хоть и считался пищей бедняков, был бесподобен, а свежие багеты благоухали и хрустели. Рагу мадам Гаскон обычно готовилось из свиных ног, овощей и тех приправ, что находились у нее в буфете, и представляло собой дешевое, но сытное блюдо. Но в этот день в соусе, густом как никогда, попадались даже кусочки говядины. На десерт мать побаловала их и камамбером, и козьим сыром, и зрелым гриейером, и запивалось все дешевым красным вином.

Люк совсем оправился после своего приключения и так искусно изобразил перед семьей Антуана Далу, что они хохотали до слез. Тома потом поведал о своей беседе с месье Эйфелем и о том, что инженер рассказал ему о статуе Свободы. И тут Люк снова заявил:

– Я хочу жить в Америке.

Это было встречено протестами.

– Как же ты будешь там один, без нас? – спросила его мать.

– И вы все со мной поезжайте, – сказал Люк.

Но больше никому в Америку не хотелось.

– Америка – прекрасная страна, в этом нет никакого сомнения, – заговорил месье Гаскон, разгоряченный вином. – Там есть все. Большие города, но не такие большие, как Париж, разумеется. А еще огромные озера, и горы, и прерии, которые тянутся, насколько хватает глаз. Если твоя родина не так хороша... Если ты англичанин, или немец, или итальянец – мы сейчас не о богачах говорим, конечно... Тогда... тогда в Америке, пожалуй, тебе будет лучше. Но у нас во Франции и так все есть. Горы – Альпы и Пиренеи, великие реки – Сена и Рона, бесконечные поля и пастбища, густые леса. У нас есть города, соборы и на юге – римские развалины. У нас имеются зоны самого разного

климата. Лучшие вина в мире, три сотни разных сыров. Чего еще можно желать?

– У нас нет десертов, папа, – заметила Николь.

– Верно, – засмеялся Тома.

– Главное, что в Америке люди не дерутся друг с другом, – с чувством произнес Люк.

– О чем это ты? – вскричал отец. – Да они в Америке все время воюют. Сначала они сражались с англичанами. Потом с индейцами. Потом друг с дружкой. Они еще хуже, чем мы.

– Так что оставайся с нами и будь благодарен судьбе, – посоветовала своему младшему госпожа Гаскон.

– Ну ладно, – согласился Люк. – Останусь, пока Тома будет меня защищать.

– А! – Господин Гаскон с гордостью посмотрел на старшего сына. – За это стоит выпить!

И они выпили.

На следующее утро, проснувшись, Тома пошел к брату.

– Знаешь, – сказал он, – ты умеешь быть забавным. Вот и забавляй людей, заставляй смеяться. Тогда даже братья Далу полюбят тебя.

Когда он пришел на работу, его сразу разыскал старший мастер:

– Ты нашел брата?

– Да, месье.

– Ты сможешь работать с таким глазом? – Старший мастер посмотрел на синяк под глазом Тома.

– Да, месье.

Начальник кивнул. Выходцев из Маки не принято расспрашивать о подобных вещах.

Тома спокойно проработал весь день. Господин Эйфель в мастерские не заглядывал.

На следующий день была суббота. Тетя Элоиза стояла на большой площади перед собором Нотр-Дам, смотрела на троих детей Бланшар, выстроившихся перед ней в ряд, и думала о том, что ее брат Жюль и его жена неплохо потрудились.

Старший, Жерар, достигший уже шестнадцати лет, был целеустремленным юношей с квадратным жестким лицом, который

имел все задатки для того, чтобы в недалеком будущем стать партнером отца в семейном торговом деле. Однако Элоиза предпочитала младшего брата, Марка, – высокого и красивого, как отец, но более тонкого сложения. В нем ощущался интеллект и воображение, и потому он был ближе Элоизе по складу ума. Увы, школьные его занятия не приносили стабильных успехов, и он был склонен к мечтательности. «Беспокоиться не о чем, – убеждала она Жюля, когда тот делился своими опасениями. – Тринадцатилетние мальчики должны мечтать. Кто знает, может, когда-нибудь он создаст в искусстве или литературе нечто такое, что прославит нашу фамилию».

И наконец, была еще маленькая Мари. Вряд ли можно судить о характере человека восьми лет от роду, рассуждала тетя Элоиза. Но девочка росла доброй и милой – это уже было очевидно. И разве можно было не любить эти голубые глаза, и массу золотых кудряшек, и очаровательную пухлость детского тельца, которое однажды превратится в прекрасную женскую фигуру?

Тем не менее тете Элоизе казалось, будто у одного из этих троих детей имелся недостаток. Не слишком серьезный, но тревожный. Пока она держала свои подозрения при себе, рассчитывая, что даже если она права, то недостаток этот исправим. Кроме того, напоминала она себе, никто не идеален.

Собственную роль в семье тетя Элоиза видела в том, чтобы пробудить в детях как можно больше даров духа. Вот почему сегодня утром, во время прогулки на остров Сите, она перво-наперво привела их к прелестной церкви Сент-Шапель.

В тете Марку нравилась элегантность и то, что она знает чрезвычайно много интересных вещей. Они стояли в высокой капелле, залитой теплым светом, падающим через огромные окна, и, задржав голову, смотрели на высокие готические своды синего и золотого цветов. От этой красоты у Марка захватывало дух.

– Похоже на драгоценную шкатулку, правда? – негромко сказала тетя Элоиза. – Шесть веков назад король Людовик Девятый, мы зовем его Святым Людовиком, отправился в Крестовый поход, и император Византии, которому очень нужны были деньги, продал ему несколько самых ценных христианских реликвий, включая частицы святого креста и даже терновый венец. Для хранения сокровищ Людовик и

выстроил эту церковь, то есть по сути это огромный реликварий. На строительство соборов вроде Нотр-Дама уходили века, а вот Сент-Шапель закончили всего за пять лет, и поэтому она вся выдержана в едином стиле. Вот почему она так прекрасна.

– Какие еще святыни тут хранятся? – спросил Марк.

– Гвоздь распятия, хитон, который носил младенец Иисус, копье, которое пронзило Его бок, несколько капель Его крови, молоко Пресвятой Богородицы. И еще жезл Моисея.

– Вы думаете, все это настоящее?

– Не мне судить. Однако церковь – красивейшая в мире! – Тетя Элоиза восхищенно помолчала. – Правда, во время революции это замечательное строение было полностью разорено. Революционеры, которые не отличались религиозностью, разграбили и уничтожили все, что смогли. От Сент-Шапель остались только стены. О революции можно сказать много хорошего, но разрушение этой церкви к этому не относится. – Она обернулась к Марку и подняла указательный палец. – Вот почему, Марк, так важно, чтобы всегда, особенно в военные или смутные времена, в обществе были культурные и образованные люди, которые смогли бы защитить наше наследие.

Почему она всегда адресовала подобные замечания ему, Марку, а не его старшему брату? Жерар, заметил он, со скучающим видом поднял глаза к потолку. Однако Марк знал, что на самом деле тот не скучает, а завидует тому, что тетя Элоиза более высокого мнения о Марке, чем о нем.

– К счастью, красоту не так-то легко уничтожить, по крайней мере во Франции. – Тем временем красноречие тети Элоизы лилось рекой. – Архитектор Виолле-ле-Дюк полностью восстановил Сент-Шапель во всем ее великолепии, какое мы сегодня видим. Она прекрасна... Она волшебна... – Тетя Элоиза вновь с одобрением посмотрела на Марка. – Вот видишь, мой дорогой, какой бы трудной ни казалась нам ситуация, мы никогда не должны сдаваться. Чудеса возможны при условии, что среди нас есть художники и архитекторы и их покровители, а ты можешь стать одним из них.

Теперь они стояли перед мощными башнями Нотр-Дама, возле огромной конной статуи императора Карла Великого. Тетя Элоиза чувствовала, что во время экскурсии в Сент-Шапель она не уделила

достаточно внимания старшему племяннику, и поэтому новую тему начала с замечания о том, что средневековые парижские постройки на площади снесли только перед самым рождением Жерара.

– А раньше, Жерар, собор Нотр-Дам окружали деревянные домики с остроконечными крышами да темные переулки, как это описывает Гюго в «Соборе Парижской Богоматери», – сказала она с улыбкой.

– Вот и хорошо, что их все снесли, – буркнул Жерар в ответ.

Тетя Элоиза обдумала фразу и тон, которым она была произнесена. Не послышался ли ей вызов в голосе племянника? Не считает ли он, будто она влюблена во все живописные остатки Средневековья? Не хочет ли показать ей, что с удовольствием расправился бы со всеми ее восторгами – примерно как барон Осман расправился с кривыми улочками и канавами?

– Вполне согласна с тобой, Жерар, – улыбнулась она ему. – Ведь раньше перед собором была лишь крошечная незастроенная площадка, и та сплошь заставленная лотками торговцев. Кроме того, старые дома на момент сноса находились в ужасном состоянии – прогнили до основания, и люди жили в них, как крысы. Теперь же... – Тетя Элоиза обвела площадь широким жестом. – Теперь мы восхищаемся и собором, и пространством перед ним.

На это племянник ничего не сказал. Пора было уделить внимание и маленькой Мари. Но когда тетя Элоиза направила взгляд на девочку, то заметила, что та чем-то огорчена.

– Что случилось, дорогая? – спросила она.

– Ничего, тетя Элоиза, – сказала Мари.

Ужасное событие свершилось сразу после завтрака. Мари понимала, что виновата она сама, – до чего же глупо с ее стороны было оставить дневник на столе в своей комнате! Обычно она держала его в ящике, запирающемся на ключ. И все равно: по какому праву Жерар зашел в ее комнату, пока Мари там не было, и взял то, что ему не принадлежало?

Можно было бы не расстраиваться так сильно, если бы не одно «но»: Мари только что доверила дневнику секрет, который никто не должен был знать. Она влюбилась. В школьного приятеля Марка.

– Ну-ну, сестренка, – издевательски прищурился Жерар. – А у тебя, оказывается, уже тайны завелись.

– Тебя это не касается! – вскричала Мари, алая от смущения.

– Да ладно, – сказал брат, небрежно возвращая ей дневник. – У всех есть секреты, но твой не очень-то интересный. Может, когда подрастешь, в твоём дневнике найдется кое-что получше.

– Не смей никому рассказывать! – потребовала она со слезами в голосе.

– Кому? – пожал он плечами. – Кто захочет об этом знать?

– Убирайся! Ненавижу тебя!

Когда пришла тетя Элоиза, чтобы повести юных Бланшаров на прогулку, Мари только-только успела осушить слезы ярости и горькой обиды.

Тетя Элоиза перебирала в уме темы, которые могли бы заинтересовать Мари. Ей припомнилась одна история – не совсем подходящая для благовоспитанной девочки восьми лет, но если ее чуть-чуть подправить...

– Прямо на этом месте, Мари, когда-то разыгралась любовная драма. Тебе знакома история Абельяра и Элоизы?

Мари отрицательно мотнула головой.

– Хорошо. – Тетя многозначительно глянула на двух мальчиков. – Я сейчас расскажу кое-что, а вы, Жерар и Марк, не перебивайте меня и ничего не добавляйте. Вам понятно? – Она снова повернулась к Мари. – Давным-давно, – начала она, – в Средние века, до того как был выстроен великий Нотр-Дам, здесь стояла большая старая церковь, совсем не такая красивая, как этот собор. И на этом же месте было еще нечто, не менее важное. Кто-нибудь знает, что это было?

– Университет, – сказал Марк.

– Верно. Пока его не перевели на левый берег – в тот район, который мы сейчас называем Сорбонной, – Парижский университет в основном был учебным заведением для священников и занимал на острове Сите несколько зданий рядом с той старой церковью. В университете преподавал философ Абельяр, и лекции его были столь интересны, что послушать их приезжали студенты со всей Европы.

– Он был старым? – спросила Мари.

– Нет. – Тетя Элоиза улыбнулась. – Он поселился в доме одного важного священника, каноника по имени Фульбер, и там же жила племянница каноника Элоиза.

– Она была красивой? – захотела узнать Мари.

– Несомненно. Но что более важно, эта девушка была исключительно умной. Она умела читать по-латыни, по-гречески и даже на иврите. Училась она у Абеляра. И нет ничего удивительного в том, что два этих необыкновенных человека полюбили друг друга. Они тайно поженились, и у них родился сын Астролябий.

– Астролябий?

– Астролябия – это инструмент для наблюдения за звездами. Соглашусь, имя немного странное, но оно показывает, что любовь Абеляра и Элоизы была поистине космической. Однако дядя Элоизы, Фульбер, очень рассердился. Он наказал Абеляра и заставил влюбленных расстаться. Абеляр уехал, но продолжил изучать и преподавать философию. Элоиза стала монахиней, а потом настоятельницей монастыря. В дальнейшем она и Абеляр писали друг другу восхитительные письма. Элоиза была одной из величайших женщин своего времени.

– И они всегда любили друг друга? – спросила Мари.

– Со временем чувства Абеляра несколько охладели. Мужчины не всегда бывают добры.

– Это правда! – с жаром подхватила Мари, глянув на Жерара.

– Но их похоронили вместе, и теперь их могила находится на кладбище Пер-Лашез.

– И вас называли в честь той Элоизы? Вы такая же, как она?

– Нет, меня называли в честь моей бабушки. – Тетя Элоиза улыбнулась. – И моя жизнь сложилась совсем иначе. Но история любви этих двоих стала знаменитой на весь мир, и она показывает, что, даже если мы не можем быть все время счастливы, мы все равно можем прожить жизнь полную и богатую во всех отношениях.

Марк слушал тетю внимательно. Он отметил, что она обошла молчанием яркую и жуткую деталь: как именно Фульбер наказал Абеляра. Каноник нанял головорезов, и те кастрировали великого философа. Разумеется, такие подробности не для ушей маленькой Мари.

И еще кое в чем тетя Элоиза отклонилась от истины. Год назад отец сказал Марку: «Твоя тетя хотела выйти замуж за человека, который сейчас стал популярным писателем; к сожалению, он женился

на другой. Не говори тете, что я рассказал тебе об этом. Ей делали предложения другие мужчины, однако ее больше никто не заинтересовал в достаточной степени. Она привлекательная женщина, но слишком независимая» – так заключил отец, пожимая плечами.

Марк знал, что среди друзей тети много писателей и художников. Когда у него самого обнаружили способности к рисованию, он всегда хотел слышать именно тетино мнение о своих успехах. Он с легкостью мог представить тетю Элоизу в роли настоятельницы средневекового монастыря или одной из тех дам XVIII века, которые держали салоны, посещаемые великими деятелями Просвещения. Были ли у нее любовники? Если и да, то в уважаемой семье Бланшар никто никогда и словом о них не обмолвился.

До Малого моста было рукой подать. Они смотрели через воду на левый берег. Тетя Элоиза попробовала опять вовлечь в разговор Жерара:

– Остров Сите – совсем как корабль на реке, тебе не кажется?

– Наверное...

– А ты знаешь, Жерар, что на одном из гербов Париж изображен в виде корабля? Помнишь старый девиз города на латыни? «Fluctuat nec mergitur». «Качается, но не тонет». Этот девиз очень подходит Парижу.

Жерар пожал плечами. Большинство парижан гордились своим городом и его сокровищами, посмотреть на которые съезжались люди со всего света. Но Жерару, если честно, было все равно. Он догадывался, что тетя Элоиза и Марк презирают его за это. И маленькая Мари тоже со временем станет смотреть на него свысока. Ну и пусть. Жерар знал, чему будет посвящена его жизнь. Он станет главой семейного дела.

Кроме него, никто не сможет занять место отца. И дедушка понимал это с самого начала. «У Жерара трезвая голова», – заявил он родне, когда внуку было всего десять лет. От Марка не будет никакого толка, он ведь такой же, как тетя Элоиза: его занимают бесполезные идеи и понятия. Маленькая Мари – девчонка, ее вообще не стоит принимать в расчет. И даже отец не лучшим образом распорядился доставшимся ему наследством.

Жюль Бланшар дождался смерти отца и только после этого осуществил свою мечту. Три года назад открылся его великолепный

универмаг. Жюль довольно дерзко расположил его на бульваре Османа позади Парижской оперы и всего в двух шагах от прославленного универмага «Прентам».

Подобно «Прентаму», в универмаге Бланшара предлагалась высококачественная одежда по фиксированной цене, доступной среднему классу. На ряд товаров он обладал монополией. Свой магазин Жюль назвал «Жозефина».

Почему «Жозефина»? – спрашивали его близкие. В честь императрицы Жозефины, разумеется, – так объяснял он. Она была женой Наполеона и необыкновенной женщиной и, несмотря на все свои недостатки, всегда отличалась элегантностью. Лучше названия не придумать, убеждал всех Жюль.

Ему пришлось влезть в долги, чтобы профинансировать свое предприятие, но потом ему чертовски повезло. Всего через год после открытия «Жозефины» ее главный соперник, универмаг «Прентам», погиб в страшном пожаре, и новое здание взамен сгоревшего еще строилось. В «Жозефине», за отсутствием конкуренции, пусть и временном, дела пошли бойко. «Суши сено, пока светит солнце», – весело приговаривал Жюль.

Но на Жерара успех универмага не произвел никакого впечатления. Он ненавидел розницу. Настоящие деньги приносила оптовая торговля, которую, хвала небесам, отец сохранил; розничная пожирала прибыль. Оптовики давали в долг; розничные торговцы занимали. Местом оптовой торговли было простое, функциональное здание, которое простояло века и простоит еще столько же. Универмаг же напоминал театральные декорации. Его брат обожал яркий, радующий глаз магазин, и Жерар втайне опасался, что в один прекрасный день Марк захочет стать управляющим. Это нужно предотвратить во что бы то ни стало.

План Жерара был прост. Рано или поздно отец отойдет от дел или умрет, и тогда, если универсальный магазин еще не разорит их, Жерар избавится от него. По возможности продаст, а если покупателя не найдется, то просто закроет.

Глава 3

1261 год

Была весна 1261 года от Рождества Христова, на французском троне восседал король Людовик IX. Занимался рассвет, когда с тюфяка на полу поднялась молодая женщина.

Между деревянными ставнями пробивалась тонкая полоска света. Внизу, во дворе, еще стояла полная тишина, но из флигеля напротив слышался звучный и ритмичный храп дяди – примерно с таким же хриплым лязгом поднимали решетки на городских воротах.

Все еще обнаженная, Мартина подошла к ставням и надавила на них ладонью. Они с треском распахнулись. Дядин храп прервался на несколько секунд, и она затаила дыхание. Затем хрип и лязг возобновились, благодарение Господу.

Нужно быть осторожней. Нельзя, чтобы ее поймали.

Мартина оглянулась на тюфяк. Молодой человек, лежащий на нем, еще спал.

Вплоть до прошлого года Мартина была невесткой зажиточного торговца. Но муж подхватил лихорадку и умер, оставив ее вдовой в двадцать лет. Конечно же, в самом ближайшем будущем она снова выйдет замуж. Но до тех пор, думала она, можно поразвлечься. Только чтобы никто не узнал!

Если она попадется, то, скорее всего, дядя высечет ее, а то и выгонит из дому... Мартина не знала точно, чем ей это грозит, однако рисковать не могла: ей нужна была не только крыша над головой, но и добрая слава, коли она собиралась найти себе богатого мужа.

Юноша на матрасе был беден. А еще – честолобив. И ему предстояло немало узнать об искусстве плотской любви. Так почему же она его выбрала?

На самом деле это он первым подошел к ней, и случилось это десять дней назад, в соборе Нотр-Дам. Новый храм строили уже без малого столетие, и вот наконец он почти завершен. Однако чтобы сделать его еще более красивым, было решено перестроить поперечные

нефы в соответствии с новейшими веяниями архитектурной моды – превратить их стены в великолепные витражи, такие же, как в новой королевской церкви-реликварии. Мартина рассматривала огромное круглое окно-розу в северном нефе, когда появился этот молодой человек в студенческой робе и с выбритой тонзурой: в то время студенты Парижского университета считались клириками.

– Оно восхитительно, не правда ли? – заметил он с фамильярной любезностью, словно они были давно знакомы.

– Месье?

Мартина окинула его неодобрительным взглядом. Юноша был приличного роста, стройный, темноволосый. Бледная гладкая кожа, длинный тонкий нос. Совсем недурен. На год или два моложе ее самой.

– Прошу простить меня. Роланд де Синь, к вашим услугам. – Он вежливо поклонился. – Я хотел сказать, что Нотр-Дам подобен прекрасной женщине, которая, взрослея, становится краше с каждым прожитым днем.

– Что же будет, когда она состарится? – Мартина чувствовала, что нужно как-то ответить.

– А-а... – Он помолчал. – Мне известен один секрет этой дамы, и я могу поделиться им с вами. В восточном углу я только что обнаружил крошечные трещины и небольшой прогиб стены, и это означает, что уже в скором времени нашей красавице понадобится незаметная поддержка. Думаю, ее снабдят подпорными арками – контрфорсами, как их называют архитекторы.

– Вы сведущи в делах поддержки дам?

Она заметила, что первым его побуждением было похвастаться, но он сумел сдержаться.

– Я всего лишь студент, мадам, – сказал он скромно.

Это сочетание игривости и рыцарской сдержанности показалось Мартине весьма соблазнительным. Молодой человек, несомненно, обладал даром изысканно выражать свои мысли и тем произвел на нее впечатление.

Однако ее дядя был бы иного мнения. «Болтовня, – презрительно отмахнулся бы он. – Эти проклятые студенты больше ни на что не способны, могут только болтать, напиваться да нападать на достойных людей. Их почти всех приговорили бы к порке, если бы не защита короля и Церкви».

Поскольку университетом управляла Церковь, то группа студентов, напившихся и устроивших в таверне дебош, отвечала только перед церковным судом, который в большинстве случаев оставлял дело без последствий. Поэтому не было ничего удивительного, что парижане возмущались такой привилегией студентов. Что же касается благочестивого короля Людовика IX, который добавил святости столице и династии, поместив в новой роскошной церкви священные реликвии, то он понимал, что настоящий блеск Парижу придает университет. Может, сто лет назад Абеяра критиковали, но нынче его помнили как величайшего философа своего времени, и в университет, где он когда-то преподавал, съезжались молодые ученые со всей Европы.

– Куда вы направляетесь после осмотра собора? – поинтересовался юноша.

– Я пойду домой, месье, – твердо заявила она.

Какая самонадеянность!

– Позвольте сопровождать вас. – Он снова склонился перед ней. – На улицах не всегда безопасно.

Ей было трудно не рассмеяться при этих словах, произнесенных среди бела дня неподалеку от королевской резиденции.

– Вам от этого никакого проку не будет, – предупредила она.

Они быстро преодолели небольшое расстояние до северной стороны острова. Немного ниже по течению на правый берег был перекинут мост. Когда они пересекли его, Мартина спросила:

– Ваша фамилия имеет приставку «де». Означает ли это, что вы благородного происхождения?

– Да. Рядом с нашим фамильным замком было озеро, на котором жило так много лебедей, что его называли Лебединым – Лак-де-синь. Правда, в нашей семье также живет поверье, будто это имя дали нашим прародителям за их лебединую статью и силу. Меня называли Роландом в честь моего предка, известного героя «Песни о Роланде».

– Вот оно что. – История уже более столетия была популярна в народе, однако Мартине и в голову не приходило, что можно познакомиться с настоящим потомком Роланда. И опять он сумел произвести на нее впечатление. – Тем не менее вы приехали сюда в качестве скромного студента?

– Имение унаследует мой старший брат. Так что мне предстоит усердно учиться и стремиться к духовной карьере.

Когда они вновь двинулись вверх вдоль течения Сены, Роланд поведал Мартине о своем родовом имении. Оно находилось на западе, в низовьях своенравной Луары, то есть уже после поворота ее мощного русла к Атлантическому океану. Студент говорил о родных местах с любовью, чем еще больше понравился Мартине. Тем временем они приблизились к портовому району и большой рыночной площади, известной как Гревская.

Среди прилавков рынка на просторной Гревской площади всегда было оживленно. На речном берегу разгружались судна и баржи, доставляющие вина из Бургундии и зерно с восточных равнин. По другую сторону площади протянулся квартал прядильщиков, а за ним – квартал стеклодувов. Дом дяди Мартины стоял на улице дю Тампль, которая шла на север, разделяя два этих квартала.

Так как Мартине не нужны были сплетни, она решила, что пора распрощаться со знатным спутником.

– Благодарю вас, месье, и прощайте, – сказала она вежливо.

– Завтра у меня занятия, – сказал Роланд, – но через день, примерно в это же время, я собираюсь посетить Сент-Шапель. Возможно, мы сможем увидеться с вами там.

– Сомневаюсь, – ответила она, уходя.

Однако два дня спустя отправилась в Сент-Шапель.

Прошло совсем немного времени с тех пор, как набожный король Людовик воздвиг роскошную церковь для хранения реликвий. В двухуровневом здании верхняя капелла предназначалась для короля, и туда был устроен отдельный вход прямо из дворца. А простой народ мог молиться в более скромном помещении на нижнем уровне. Но даже оно было великолепно. Похожее на склеп пространство освещалось мерцанием бесчисленных свечей. Мартина разглядывала изящные колонны красного и золотого цветов, которые плавно перетекали в низкие синие своды потолка, щедро усеянные золотистыми лилиями, и ей казалось, будто она очутилась в волшебном саду. Согласившись на встречу с Роландом, она уже положила начало близости между ними. Среди подрагивающих язычков пламени, окутанная мягким ароматом фимиама, курящегося в каждом уголке, она стояла почти вплотную к Роланду, и вышло это само собой, самым естественным образом.

Пару раз она даже оперлась о его руку, и это позволило ей, несмотря на аромат курений, почувствовать его запах: слабый,

приятный запах пота от кожаных сандалий и чего-то еще – то ли миндаля, то ли муската.

Они провели в храме некоторое время, наслаждаясь красотой строения. Мимо них в какой-то момент прошел священник, и Роланд удивил Мартину, заговорив со священнослужителем:

– Я хотел бы узнать, святой отец, могу ли я показать своей даме капеллу на втором этаже.

– Королевская капелла закрыта, молодой человек, – резко ответил священник.

Мартина подумала, что этим все и закончится, однако не тут-то было.

– Простите, святой отец, меня зовут Роланд де Синь. Мой отец владеет замком де Синь в долине Луары. Я его второй сын и собираюсь в скором времени принять духовный сан.

– Я слышал о вашей семье, – сказал священник, внимательно присмотревшись к юноше. – Прошу вас следовать за мной.

Через несколько минут они оказались в королевской капелле.

– Здесь нельзя задерживаться, – шепнул им священник.

Через высокие окна в капеллу падали солнечные лучи, наполняя просторное сине-золотое помещение небесным сиянием. Если нижний храм походил на волшебный сад, то это были врата в рай.

Спутник Мартины, юный студент, имевший хорошо подвешенный язык и приятный запах, обладал властью открывать тайные сады земных чудес и королевские святылища. В этот момент Мартина решила попробовать его в качестве любовника. Кроме того, у нее еще ни разу не было аристократа.

Пока она смотрела на него в свете раннего утра, он открыл глаза. Они были янтарно-карими.

– Тебе пора уходить, – прошептала Мартина.

– Еще минуточку.

– Нельзя, чтобы меня застукали с тобой!

– Тогда постарайся не издавать звуков, – ухмыльнулся он.

– Хорошо, только быстро, – решила она, ложась с ним рядом.

Потом он сказал, что следующий вечер у него будет занят учебой, но что он мог бы прийти через день. Она согласилась, затем провела его по лестнице во двор. Подобно большинству купеческих домов в

Париже, жилище ее дяди было высоким. Парадная дверь открывалась прямо на улицу, однако за домом находился небольшой дворик с амбаром, где спала Мартина, и калиткой, выходящей на аллею позади дома. Бесшумно подняв щеколду, Мартина вытолкнула Роланда со двора и снова захлопнула калитку. Из дома по-прежнему доносился мерный дядин храп.

Шагая задворками, Роланд де Синь не мог не испытывать довольства собой и своими успехами. До сих пор за ним числились лишь краткие и неловкие свидания с деревенскими простушками да уличными шлюхами, поэтому связь с Мартиной можно было рассматривать как неплохой любовный опыт. Конечно, она всего лишь вдовушка из купеческого сословия, но для науки хороша. Ему казалось, что и Мартина в свою очередь весьма довольна, приобретя любовника благородных кровей.

По мнению Роланда, ему особенно удался первый разговор с красоткой. Конечно, его уверения, будто он происходит от героя «Песни о Роланде», были преувеличением, но не полной ложью. Ребенком он спросил у отца, почему его назвали Роландом, и получил такой ответ:

– Когда твой дед отправился в Крестовый поход, у него был замечательный конь по кличке Роланд, названный в честь известного героя. Этот конь вез деда до самой Святой земли и обратно, поэтому заслужил, чтобы его помнили. К тому же это хорошее имя. Я бы дал его твоему старшему брату, но в нашей семье первого сына всегда называют Жаном. Вот так это имя досталось тебе.

– Значит, я назван в честь коня?

– Это был самый благородный конь из всех, ходивших в Крестовые походы. Разве можно желать большего?

Роланд тогда все понял правильно, но все же считал, что не сможет привлечь внимание дамы, если скажет ей правду о происхождении своего имени.

Проулками и аллеями он вышел на улицу дю Тампль. Над островерхими крышами светлело небо. Городские ворота к этому часу уже открылись, но пока на улицах было пусто. Со всех сторон несли предраассветный птичий гомон, вливая радость в сердце Роланда. Он вдохнул полной грудью: как обычно, парижские улицы пахли мочой, навозом и дымом очагов. Однако повеяло восхитительным ароматом

горячего хлеба, и Роланд различил сладкий запах медоносной жимолости, растущей где-то неподалеку.

Ехать в Париж Роланд не хотел, на этом настоял отец.

– Здесь тебе не на что надеяться, сын мой, – сказал он. – Мне кажется, что у тебя больше мозгов, чем у твоего брата, и в Париже ты сможешь свершить великие дела во славу своего рода. Там ты даже мог бы превзойти деда!

Да, это было бы здорово.

История была благосклонна к деду Роланда. После смерти могущественного Карла Великого его империя вновь рассыпалась на провинции и племенные угодья, построенные на обломках древнего Рима. Случались периоды, когда к землям королей франков мало что относилось, кроме округа Парижа, известной как Иль-де-Франс, в то время как их окружали бескрайние владения богатых и влиятельных феодальных семейств – Прованс и Аквитания на юге, кельтская Бретань на северном побережье Атлантики, Шампань на востоке и ниже ее племенные земли Бургундии.

Без Карла Великого некому стало сдерживать устрашающих викингов-норманнов, и те совершали один набег за другим. Однажды Париж откупился от них и отправил разорять Бургундию, чего бургундцы никогда не простили парижанам. Наконец норманны обосновались в Нормандии, но их правители не могли жить спокойно. И когда Вильгельм Нормандский завоевал в 1066 году Англию, богатством и властью его семья превзошла королей в Париже.

Однако худшими из всех, самыми жадными, безжалостными и откровенно агрессивными, были графы Анжуйские, правители относительно небольшой территории южнее Бретани, в устье Луары. Амбиции привели Плантагенетов, как их стали называть, к бракам с правящими семьями Нормандии и Аквитании, а благодаря невероятной династической удаче они заполучили также и трон Англии.

– Во времена твоего деда, – рассказывал Роланду отец, – Плантагенеты почти окружили Иль-де-Франс и готовы были сжать кулак.

Францию спас необыкновенный человек – король Филипп Август из династии Капетингов, дед нынешнего короля Франции, отличавшийся храбростью и мудростью. Он отправился в Крестовый поход вместе с английским королем из рода Плантагенетов, Ричардом

Львиное Сердце, но никогда не упускал случая рассорить Плантагенетов между собой. И когда героического Ричарда Львиное Сердце сменил на престоле его брат Иоанн, далеко не столь популярный, коварный французский монарх вскоре сумел прогнать его из Нормандии и даже из Анжу. Был такой момент, когда против Иоанна взбунтовались английские бароны и казалось, что французы смогут получить также и Англию.

В те нелегкие годы, полные распрей и войн, не было у короля Франции более верного подданного, чем владелец замка де Синь. Он был простым рыцарем, и самым ценным его имуществом был боевой конь по имени Роланд. Однако де Синь сопровождал короля в Крестовом походе, и тот называл его своим другом. Крошечное имение де Синя находилось в Анжу, и Плантагенеты могли отобрать его в любой момент, однако тот оставался с королем. Когда Филипп Август одержал победу, то сумел вознаградить скромного преданного друга, более чем удвоив семейные владения.

В последующие годы де Сини не процветали. Отец Роланда продал часть земель. Все рассчитывали на то, что старший брат Роланда сможет жениться на богатой наследнице, – это очень укрепило бы род. Сам же Роланд мог помочь семье в другой сфере – сделать карьеру священнослужителя.

В Церкви можно было найти многое: утешение и вдохновение, знания и мечты. Для семьи крестоносцев де Синей она могла оказаться полезной в ином качестве. У Божьих служителей имелись деньги. Много денег.

Тот, кто достигал в Церкви высокого положения, получал доступ к доходам от ее несметных богатств. Епископы были влиятельными людьми и жили как принцы. Выдающиеся церковные деятели обеспечивали свои семьи на несколько поколений вперед и могли помочь родственникам во множестве сфер. Обет целомудрия не привлекал Роланда; впрочем, многим епископам обеты не мешали иметь внебрачных детей. Из лона Церкви выходили образованные люди и королевские чиновники. Для умного юноши она открывала дорогу к благополучию.

Роланд был готов вступить на этот путь. Он хотел достичь успеха. Но у него была одна мечта – мечта крестоносца, которую он и не надеялся осуществить.

Он посмотрел в конец улицы. В четверти мили отсюда, в узком промежутке между каркасными домиками с высокими крышами, виднелись ворота городской стены. Ее выстроил Филипп Август, заключив в крепкий каменный овал оба берега Сены. Створки были открыты. Роланду надо было в противоположную сторону, но он не устоял перед соблазном и пошел к воротам.

Дорога продолжалась и по ту сторону стены. Слева начались сады, за которыми виднелся монастырь Сен-Мартен-де-Шам. Внутри городской черты и за ее пределами имелось еще несколько обнесенных стенами святыниц, но Роланд направлялся к тому, что лежало справа от ворот, из которых он вышел. Это был большой орденский анклав, выстроенный как крепость, с двумя мощными башнями внутри. Надежные ворота заперты на засовы и замки. Роланд остановился на дороге, рассматривая крепость.

Это был Тампль. Государство в государстве.

Орден тамплиеров создали крестоносцы. Они начинали свою деятельность как охранники, помогая перевозить через опасные территории деньги для армий. Вскоре тамплиерам стали доверять огромные вклады во многих странах, что в конце концов сделало их банкирами. Как служители Бога, они не платили налогов. К началу правления Филиппа Августа тамплиеры были одной из богатейших и наиболее могущественных организаций христианского мира. Они подчинялись только папе римскому и Господу. Несмотря на то что поле деятельности ордена расширялось, он всегда оставался грозной военной силой.

Благородные рыцари-тамплиеры никогда не сдавались. Их не выкупали из плена. Они сражались всегда до победы или до смерти, которой не боялись. Чтобы победить их, нужно было убить всех до единого.

А чтобы стать одним из них, нужно было пройти обряд посвящения, суть которого хранилась в глубочайшем секрете, так что ни единой подробности обряда ни разу не просочилось за пределы ордена. Но тот, кого принимали в тамплиеры, становился частью сокровенного, священного ядра мира крестоносцев.

С раннего детства Роланд мечтал стать тамплиером. Только так он мог бы сравниться со своим легендарным дедом. Он думал об этом

вплоть до того дня, как отец отправил его в Париж. Отец же и слышать не хотел о рыцарях-воинах, и на то у него была простая причина.

У рыцарей не было денег. Вступая в орден, они давали клятву бедности и соблюдали ее. Сам орден был несказанно, невероятно богат, но его отважные воины были нищими. Никакой пользы семье Роланда де Синя они принести не могли.

И потому Роланд постоял еще немного, глядя, как утренний свет озаряет башни Тампля, и повернул восвояси, обратно в город. Тамплъ был пределом его мальчишеских фантазий, но теперь он готов был признать, что жизнь в Париже не так уж плоха. Например, объятия Мартины доставляли ему немалое удовольствие.

Он подумал о том, что предстоит в этот день, и улыбнулся. Мартина ему нравилась. Но он солгал, когда сказал, что вечер у него будет занят учебой.

Закатное солнце уже окрасило крыши алым и через улицы протянулись длинные тени, когда Роланд покинул свое жилище на левом берегу. Он занимал комнатку в доме в сотне метров к западу от аббатства Сент-Женевьев, на широкой вершине холма, где когда-то стоял римский форум. Разрушенный много веков назад, форум превратился в насыпь из обломков, на которой возвели множество церковных построек. Древняя римская улица, ведущая вниз к реке, сохранилась, но получила новое имя: так как по ней проходили паломники, направляющиеся в Компостелу, где хранятся останки святого Иакова, ее называли Сен-Жак.

Роланд двинулся по ней в толпе других студентов. После того как университет перевели от Нотр-Дама на левый берег, склоны холма покрылись маленькими коллежами, где жили и учились студенты. Первым возник коллеж королевского духовника Робера де Сорбона, но за ним последовало множество других.

Он так и шагал вниз по склону, мимо дворца аббата Ключни и приходской церкви Сент-Женевьев, пока не вышел к реке, намереваясь пересечь ее по старому мосту и попасть на остров, где лучи заходящего солнца превратили западный фасад Нотр-Дама в расплавленную массу красного и золотого.

Роланд был возбужден. Он шел на свидание к другой женщине.

Мартина с легкостью поверила его словам, что вечером он будет занят учебой. Все знали, что студентам университета приходится много трудиться. Однако Роланду учеба давалась легко. Еще до приезда в Париж, в возрасте пятнадцати лет, он научился у местного священника говорить и писать на латыни, поскольку университетские лекции почти все читались на этом древнем языке. Традиционный тривиум – грамматику, логику и риторику – он освоил раньше своих соучеников и тут же приступил к квадривиуму, включавшему арифметику, геометрию, астрономию и музыку. Он выполнял задания так быстро, что студенты прозвали его Абеяром. Но Роланд не был философом и не желал им становиться. Природа одарила его сообразительностью и отличной памятью, только и всего. Скоро он закончит квадривиум и станет мастером. После этого он собирался заняться изучением юриспруденции.

Ну а этим вечером он был свободен и мог заняться любовью с девушкой, с которой познакомился на улице Сент-Оноре.

Он встретил ее тремя днями ранее. Один из университетских преподавателей, которому Роланд был рад угодить, попросил отнести записку какому-то священнику на правом берегу.

Кладбище Сент-Инносан лежало к западу от центральной линии города, всего в трехстах метрах от реки, на улице Сен-Дени. Если выйти по этой улице за городскую стену, то она еще несколько миль тянулась на север до самого аббатства Сен-Дени, где хоронили королей Франции. Но кладбище Сент-Инносан предназначалось для гораздо более скромных покойников. Стены трехметровой высоты окаймляли общие могилы бедняков. Рядом с этими унылыми оградами стояла приятная на вид церковь, где Роланд и нашел нужного человека – низенького пожилого мужчину с лицом ученого, который от всей души поблагодарил студента за хлопоты.

Западнее кладбища располагалось куда более веселое место – самый большой городской рынок, Ле-Аль. Роланд не спешил вернуться в университет и потому побродил немного среди торговых рядов, разглядывая красочные товары. Стоя перед прилавком, где торговали итальянской кожей прекрасной выделки, он случайно поднял глаза на группу купцов и встретил пристальный взгляд одного из них. Не особенно могучий по виду, тот тем не менее выглядел опасным. Лицо

частично скрывала короткая косматая борода, над которой торчал крючковатый нос, похожий на клюв. Жесткий взгляд был направлен прямо на Роланда, словно он был ядовитой змеей, которую нужно растоптать.

Это был дядя Мартины. Роланд знал его в лицо, поскольку из любопытства однажды утром задержался возле дома своей любовницы и подсмотрел, как хозяин отправляется по делам. Вообще-то, Роланд считал, что торговец даже не догадывается о его существовании, но тем не менее тяжелый взгляд прожигал его насквозь.

Неужели он что-то знает? Но откуда? Роланд медленно двинулся прочь, делая вид, будто ничего не заметил. Он остановился среди прилавков так, чтобы можно было наблюдать из укрытия.

Пронзительный взгляд дяди Мартины теперь был направлен в другую часть рынка. Насколько Роланд мог судить, выражение его глаз не изменилось. Может, лавочник просто был чем-то разозлен? Роланд хотел на это надеяться, однако рынок Ле-Аль покинул без промедления.

После этого он зашел в таверну на углу улицы Сент-Оноре, где и увидел ту девушку – не родственницу хозяина, просто прислугу. Роланд сразу обратил внимание на ее яркую внешность: густые черные волосы, темные глаза и белозубая улыбка. Также он заметил, как двое или трое посетителей пытались с ней заигрывать, но она твердо пресекла их потуги. Однако, едва встретив ее взгляд, Роланд понял, что интересен ей. Таверну он покинул не скоро, успев заручиться обещанием свидания, как только у девушки выдастся свободный вечер. Ее звали Луиза.

И вот теперь, когда вечернее солнце окрасило Нотр-Дам пурпуром, Роланд в хорошем настроении пересек реку и оказался на острове Сите. Перед тем как продолжить путь на правый берег, он задержался на минуту. Слева, ниже по течению, стоял мост, поддерживающий дюжину водяных мельниц; за ним протянулись причалы, где лодки выгружали соль и сельдь с нормандского побережья. Еще дальше узкая западная оконечность острова разделяла воды Сены, позолоченные закатом, на два рукава. И еще чуть дальше, там, где в берег упиралась прочная крепостная стена Филиппа Августа, виднелся небольшой квадратный форт с высокими башенками, называвшийся Лувром. Оборудованный массивными цепями, которые можно было натянуть через реку, он

охранял прекрасный город, дабы уберечь его от поругания неотесанными завоевателями.

Роланд поднял лицо к теплому закатному солнцу и улыбнулся. Добрый знак – то, что Мартина живет в восточной части правого берега, а Луиза – в западной. Если повезет, то он еще долго сможет ходить то к одной, то к другой.

Поджидая своего любовника на следующий вечер, Мартина была полна предвкушений. Она накрыла у себя в комнате низенький стол: положила на блюдо сладостей, поставила кувшин вина. Днем ранее она исповедалась и, как всегда после покаяния и отпущения грехов, испытывала душевный подъем, словно жизнь началась с чистого листа. Несмотря на определенные недостатки кавалера, Мартина трепетала при мысли о скорой встрече с ним.

Стемнело. Двое слуг спали на чердаке, а третий – на кухне. К ночи кухонную дверь запирали на засов, а ставни закрывали. Дядя наверняка еще сидел в своей конторе, но ее окна выходили на улицу.

Мартина набросила на плечи темную накидку и выскользнула во двор. Луна пряталась за бегущими облаками. Почти невидимая, молодая женщина подошла к калитке на заднюю аллею и открыла задвижку.

Роланд уже ждал ее и тут же шагнул во двор. За пару секунд они прокрались по лестнице в комнату Мартины.

Свеча заливала помещение мягким светом. Было тепло и уютно. Роланд находился в прекрасном расположении духа и сиял улыбками. Небольшое угощение, приготовленное Мартиной, привело его в восторг.

– Вчера я была на исповеди, – сказала она, подливая ему вина.

– У тебя так много грехов?

– Только ты.

– А. Смертный грех. Ты покаялась и получила прощение?

– Да.

– И собираешься снова согрешить?

– Может быть. Если ты будешь мил со мной. – Она с любопытством посмотрела на него. – А ты? Ты исповедуешься?

– Время от времени.

– Что ж, поверю тебе на слово, – нежно поддразнила она его. – Не забудь, ты носишь тонзуру и сам скоро станешь священником.

– Возможно. – Он пожал плечами. – Грехи плоти не так уж важны.

– Значит, я для тебя – всего лишь плотский грех?

– Так учит нас теология. – Он в задумчивости отвел взгляд и произнес, словно говоря сам с собой: – Замужняя женщина была бы более серьезным грехом. Вдова – другое дело. К тому же я не соблазнил девушку из благородной семьи.

– Значит, со мной можно делать что захочешь, раз я из семьи торговцев?

– Ты понимаешь, о чем я.

О да, она прекрасно понимала, о чем говорит Роланд. Он знатного рода и потому считает себя выше остального человечества. Этот обнищавший, неопытный, самонадеянный аристократик думает, что имеет право лечь с ней в постель, потому что его предки были дружны с Карлом Великим. И ждет от нее согласия с таким положением дел. У Мартины возникло желание вышвырнуть мальчишку за дверь.

Но она ничего не сказала. В тот вечер у нее было настроение заняться любовью. А раз уж она зашла так далеко, то почему бы не взять то, чего хочется. Конечно, Роланд использует ее, но и она может использовать его.

Он отставил вино и посмотрел на девушку с улыбкой. Она решила, что он собирается приступить к делу, однако Роланд кое-что вспомнил:

– Мартина, в прошлый раз я тебе этого не сказал, но несколько дней назад на рынке я видел твоего дядю. Он смотрел на меня так, будто знал, кто я такой. Мне стало не по себе, но потом я понял, что у него всегда такой грозный вид. Ты ведь не думаешь, что ему известно о нас с тобой?

– Он ни о чем не догадывается, уверяю тебя.

– Рад это слышать.

Вот теперь студент готов был заняться тем, ради чего пришел к Мартине. Он начал целовать ее, и они упали на соломенный тюфяк. На девушке была только нательная рубашка, но Роланд еще был в полном облачении. Юноша возбудился, Мартина тоже. Его рука скользнула в углубление между ее ног. Она прерывисто вздохнула. Вскоре он стянул штаны и вошел в нее.

– Сними рубашку, – попросила она.

Подобно большинству людей своего времени, Роланд не менял сорочку неделю, а то и дольше, и потому она пропахла потом и улицей. Но Мартине нравилось, что он моется чаще других. Разумеется, обливание холодной водой из таза полноценным мытьем не назовешь, но это было лучшее, на что можно было рассчитывать в Париже эпохи Крестовых походов.

– Ах, – прошептала Мартина, – как хорошо.

Помимо запаха пота, она различала уже знакомый ей аромат миндаля, исходивший от его кожи. Роланд приближался к кульминации и двигался все быстрее. Она выгнула спину. Он прижался к ней...

И вдруг Мартина нахмурилась. Она почуяла другой запах. Сначала она решила, что ей показалось, но нет, ошибки быть не могло. Это был запах духов, но не таких, которыми воспользовалась бы Мартина. Так пахли самые дешевые духи, которыми уличные девки пытались замаскировать тот факт, что не мылись месяцами.

Но откуда этот тошнотворный запах на коже Роланда? Существовало только одно объяснение, и Мартина поняла все мгновенно. Вот чем он был занят прошлой ночью. Ее тело окаменело.

Он кончил. Слишком быстро.

Мартина лежала не шевелясь. На мгновение ее затопила волна горькой обиды, но быстро отхлынула. Ведь Мартина не влюблена в него. Затем она почувствовала гнев. Да как он посмел?! Она предложила ему себя, а он забежал за угол и тут же подобрал какую-то шлюху. Неужели он ее совсем не уважает? Понимает ли он вообще, как ему повезло? Она хотела закричать, стукнуть его чем-нибудь тяжелым. Заставить его страдать.

Но девушка по-прежнему не шевелилась, даже заставила себя улыбнуться, когда Роланд опустился на кровать. Затем она положила голову ему на плечо и стала водить по его груди пальцами, все медленнее и медленнее, будто ее одолевал сон. Спустя некоторое время его тело расслабилось – Роланд задремал. Мартина отодвинулась от него и стала думать, глядя в темноту.

Потом на ее губах заиграла довольная улыбка. Месть – это такое блюдо, которое лучше подавать холодным. И теперь Мартина хвалила себя за то, что сдержалась и ничего не сказала, – значит, он ничего не заподозрит. Она закрыла глаза.

Проснулась Мартина на рассвете. В слабом свете, проникавшем через щели в ставнях, она увидела, что Роланд лежит на боку, приподнявшись на локте, и смотрит на нее.

– Наконец-то, – сказал он и потянулся к ней.

Он начал с поцелуев в шею и затем стал опускаться ниже. Она не возражала. Было приятно. Он не спешил, и она тоже.

– Я еще не совсем проснулась, – сказала она.

Его член напрягся. Мартине именно это и требовалось. Она позволила ему войти в нее. Он двигался медленно и ритмично, не торопясь.

– Знаешь, – негромко проговорила она, – насчет того, о чем ты вчера спрашивал...

– Ты разговариваешь во время занятий любовью?

– Иногда. Так вот, о моем дяде... Тебе не о чем волноваться. Он ничего не знает.

– Хорошо.

– Я бы сразу поняла, если бы он узнал. Он бы поколотил меня.

– О-о...

– Он хочет, чтобы я нашла себе хорошего мужа. А вот с тем мужчиной, который переспал бы со мной до брака... ой-ой-ой...

– Что?

– Ему бы грозила судьба Абеяра.

– Ты шутишь. – Роланд замер.

– Ты его не знаешь.

– Он что, оскопит меня? Отрежет мне яйца?

– Ну, не сам. Наймет кого-нибудь. У него есть деньги.

– Но я из знатной семьи.

– Абеяр тоже был не из простых.

Это было верно: великий философ происходил из малоизвестного, но благородного семейства.

Мартина почувствовала, как мужское достоинство любовника сжалось внутри ее, и притянула Роланда к себе.

– Не волнуйся, любовь моя, дядя ничего не знает, – успокаивала она его, но Роланд больше не мог думать о плотских утехах. – Не уходи, пожалуйста, – ворковала Мартина. – Закончи то, что начал.

– Мне пора. – Он отодвинулся и бросил взгляд на полоску света между ставнями.

- Ты придешь вечером? – спросила Мартина.
- Сегодня мне нужно заниматься.
- А завтра?
- Если смогу, приду.

День прошел спокойно, и у нее было время, чтобы обдумать все как следует. Даже неплохо, что все случилось именно так. Она вела себя как дура, пойдя на такой риск. Зато ее маленькое приключение с Роландом помогло ей понять важную вещь: в ее жизни должен снова появиться мужчина.

Настало время выйти замуж. У нее есть все шансы найти себе богатого супруга. Дядя поможет ей в этом. В Париже полно хороших мужчин, почему не выбрать из них?

Роланд должен исчезнуть. Однако это не означает, что он останется безнаказанным.

А не ошиблась ли она, предположив, что у него есть другая женщина? Вряд ли. Интуиция не могла ее подвести, однако она хотела знать наверняка. И к полудню у нее созрел еще один план.

Вечером, когда солнце опускалось в воды Сены, Мартина отправилась к мосту, который вел с левого берега на остров Сите. Конечно, Роланд мог найти девушку и на левом берегу, но там ему труднее было бы сохранить интрижку в тайне. Вероятнее всего, его пассия живет к северу от реки. Мартина нашла удобное место на углу улицы, откуда ей хорошо был виден мост, и стала ждать.

И ожидание не затянулось. Вскоре перед мостом показался Роланд; он шагал бодро, с веселой улыбкой. Вот, значит, как он «занимается»! Мартина накинула на голову платок и пошла вслед за ним, стараясь оставаться незамеченной. К счастью, на улицах было достаточно оживленно. Подобно другим горожанам, Роланд задержался на мосту, восхищаясь красками заката, а потом вышел на правый берег и двинулся на север, пока не повернул налево на улицу Сент-Оноре. Мартина следовала за ним. Студент зашел в таверну, и она остановилась в раздумьях. Если войти туда, люди станут оборачиваться, смотреть на нее, и тогда он может заметить ее. С другой стороны, ей нужно точно узнать, что делает там Роланд.

К счастью, он сам спас ее от колебаний, довольно скоро вновь показавшись на улице. Рядом шла девушка с гривой черных волос –

дешевая потаскушка, подумала Мартина, как она и предполагала. Роланд обнял подругу за талию, а она потянулась к нему и двумя руками пригнула к себе его голову для поцелуя. Мартина быстро отвернулась, чтобы ее не увидели, однако они даже не глянули в ее сторону.

Мартина была потрясена доказательством измены, но быстро почувствовала удовлетворение. Она была права. Чутье не обмануло ее. Настало время отомстить.

В тот вечер, улучив момент, когда в кухне никого не было, она прокралась к буфету и вытащила из ящика длинный кухонный нож, которым в доме редко пользовались. Потом, пока дядя работал в конторе, вошла в комнату, где стоял большой дубовый стол, и провела там несколько минут, нагнувшись к столешнице, словно изучала рисунок древесины.

На следующее утро после завтрака дядя отправился на рынок на Гревскую площадь, а стряпуха и остальные слуги скрылись на кухне.

Мартина приблизилась к дубовому столу. Она точно знала, что нужно делать. Также она понимала, что будет больно. Но она все продумала, проверила и перепроверила, чтобы убедиться, что замысел пройдет как следует. Сделав глубокий вдох, она постаралась подготовиться к тому, что последует. Ее лицо наморщилось в ожидании боли. Она ни за что бы не пошла на такое, если бы не стремление отомстить Роланду.

Невольно перекрестившись, она тщательно примерилась, слегка повернула голову, чтобы не сломать нос, и повалилась, словно подкошенная, прямо на край стола, стоящего посреди комнаты.

Ей не пришлось изображать крик боли, он был настоящим. Из кухни в тот же миг примчались слуги.

– Я споткнулась! – завывала она.

На полу краснели капли крови. В планы Мартины не входило повреждать кожу. Ну что же, теперь оставалось только надеяться, что рана заживет без шрама. Но главное – уже сейчас она чувствовала горячую, пульсирующую боль вокруг левого глаза.

Пока младшая служанка бегала на рынок за дядей Мартины, дело в свои руки взяла стряпуха – невысокая энергичная женщина. Рана над глазом оказалась не страшной. Стряпуха промыла ее, прижала к

ссадине тряпицу, чтобы остановить кровь, потом помазала жиром и сделала повязку. Чтобы уменьшить отек, приложила холодный компресс.

– А красивый черный синяк все равно у тебя будет! – радостно заявила она Мартине.

Когда домой прибежал дядя, Мартина уже пришла в себя и сидела на кухне, где ее кормили бульоном. Левая половина ее лица распухла. Убедившись, что племянница не слишком пострадала и не обезображена, дядя отправился обратно на рынок, а Мартина сказала слугам, что пойдет в свою комнату отдохнуть и спустится не раньше обеда.

Все шло согласно ее замыслу.

Она подождала в комнате, пока двор не опустеет. Затем, засунув украденный из кухни нож за пояс и прикрыв его складками платья, незаметно выскользнула через заднюю калитку на улицу – тем же путем, каким уходил от нее по утрам Роланд.

Мартина быстро зашагала на юг, обогнула Гревскую площадь и спустилась к реке. Как и вчера вечером, лицо она прикрывала платком – чтобы спрятать повязку.

До моста, который соединял правый берег с островом Сите, было не больше полукилометра. Еще не доходя до него, Мартина увидела впереди высокую крышу Шатле, где вершил правосудие парижский прево. Студенты университета, одним из которых был Роланд, подчинялись только церковному суду и не подпадали под суровую юрисдикцию прево. Мартина улыбнулась про себя: для молодого Роланда де Синя она припасла правосудие особого рода.

Она пересекла реку и оказалась на острове. Справа от нее над кровлями домов высились башни Сент-Шапель, серые на фоне неба. Возможно, спрятанные в ней святыни доставляют королю радость, однако Мартине в тот день королевский реликварий показался холодным сараем. А воспоминание о том, как пробудилась в ней страсть к юноше, с которым они вместе осматривали храм, было мертво, как пепел.

Она снова пересекла Сену, на этот раз по узкому мосту, и двинулась вверх по длинному прямому склону улицы Сен-Жак.

На левом берегу она бывала нечасто. В те дни его стали называть Латинским кварталом, ибо его заполонили студенты и ученые. Мартина

чертыхнулась, чуть не ступив в кучу свежих фекалий, которые кто-то выбросил из окна сверху. «Вот именно, – мрачно подумала она, – эти ученые сколько угодно могут говорить по-латыни и проповедовать в церквях, но вонь на улицах никуда не исчезнет».

Она приближалась к вершине холма. Ее пальцы то и дело ощупывали рукоятку длинного ножа под одеждой. Наконец перед ней возникли ворота в городской стене, через которые проходили паломники, направляющиеся в Компостелу. Она знала, что Роланд обитает где-то неподалеку. Увидев на дороге студента, Мартина решила обратиться к нему с вопросом, но этого не потребовалось: из соседнего дома вышел сам Роланд. Увидев ее, он замер от неожиданности.

– Нам нужно срочно поговорить, – выпалила Мартина, метнувшись к нему. – Наедине.

Он нахмурился, но провел ее по улице до церквушки и завернул во двор. Там было пусто, их никто не видел.

– В чем дело? Я собирался к тебе сегодня вечером.

– Нельзя! – сказала Мартина и откинула покровы с лица. – Смотри.

– Бог мой, что случилось? – Роланд ошеломленно уставился на багровый синяк.

– Это сделал дядя. Он избил меня. Потому что узнал о нас. – Она заметила, как лицо Роланда побледнело. – Я сбежала потихоньку из дому, чтобы предупредить тебя.

– Откуда ему стало известно? Он спал, когда я уходил вчера. Я слышал его храп.

– Тебя видела стряпуха и все ему рассказала.

– Он знает, кто я такой?

– Еще нет. Я не назвала ему твое имя. Но он уже отправил людей на розыски.

– Здесь никто ничего не знает. – Роланд задумался. – Эта стряпуха хорошо разглядела меня?

– Она смогла описать твою внешность.

– Проклятье!

– О, Роланд. – Мартина жалобно протянула к нему руки. – Он ведь будет бить меня, пока я не признаюсь и не открою ему, кто ты.

Он на мгновение отвел взгляд. Наверняка клянет свое невезение, подумала Мартина. Она опять нащупала нож за поясом, но пока не

стала его вытаскивать. Роланд вновь посмотрел на нее.

– Но ты же не думаешь... – заговорил он.

– Мой Роланд, – запричитала Мартина, – тебе придется покинуть Париж. Беги немедленно!

– Я не могу...

– Ты не понимаешь. Ты не знаешь, что он за человек. Если он что-то решил... И у него есть средства и связи.

– Он и вправду оскопит меня? – Роланд в ужасе смотрел на Мартину.

– Его ничто не остановит. Даже король не смог бы ему помешать.

Мартина видела, что у Роланда от страха затряслись поджилки. Все шло идеально!

– Я не могу сейчас покинуть Париж, – пролепетал он. – Да и некуда мне идти.

– Давай убежим вместе, – предложила она. – У меня есть немного денег. Можно отправиться в Нормандию. Или в Англию.

– Нет, это не подойдет, – ответил он, глядя себе под ноги.

Мартина знала, что он так скажет.

– Я тебе не нужна, – заныла она. – Ты хочешь бросить меня...

– Нет, нет, – возразил он. – Ты мне нравишься.

Повисла долгая пауза.

– Дядя не собирается убивать тебя, – уточнила Мартина. – Это уже кое-что. Говорят, Абеляр после того, что с ним случилось, стал еще лучше разбираться в философии.

По выражению лица Роланда было понятно, что успехи в области философии его не привлекали.

– Что же мне делать? – воскликнул он.

И вот момент настал. Мартина достала из-под складок платья кухонный нож. Роланд съежился и отступил.

– Вот, – сказала она, – это тебе.

– Мне?

– Если на тебя нападут, воспользуйся им. Действуй решительно. У тебя не будет времени на раздумья. Дядины головорезы не будут ждать. Но если ты сумеешь первым убить или ранить кого-нибудь, может, тогда они испугаются и оставят тебя в покое. Это твоя единственная надежда.

Он взял нож, взвесил его в руке и сжал губы. Мартина отметила, что студент украдкой оглянулся.

И вдруг она поняла, что Роланду могла прийти в голову одна простая мысль. Та, которую она не предугадала. Возможно ли такое? Неужели он сейчас прикидывает, сумеет ли избавиться от нее, Мартины, с помощью принесенного ею же ножа? Вместе их сегодня не видели. Без Мартины дядя не сумеет узнать, кто был ее любовником.

Какой глупый просчет! Она принесла нож, чтобы придать своей истории правдоподобия. План отмщения так увлек ее, что она не заметила его слабого места. Мартина застыла.

Но Роланд только покачал головой и вернул ей нож:

– У меня есть оружие.

Мартина так и не узнает, то ли она напрасно приписывала ему злодейские мысли, то ли он просчитал шансы и не решился на убийство, а может, в нем заговорила совесть.

– Мне нужно возвращаться, пока не обнаружили, что я сбежала, – сказала она. – Береги себя, мой Роланд. Боюсь, мы больше никогда не увидимся. Да хранит тебя Бог.

Засунув нож под одежду и накрыв голову накидкой, девушка поспешила покинуть укромный уголок церковного погоста.

Шагая вниз по улице обратно к реке, она не могла сдержать радостную улыбку. Сколько бессонных ночей и кошмаров предстоит пережить ее неверному любовнику, сколько невзгод ему придется перенести, если он все-таки сбежит из Парижа! С непередаваемым наслаждением она вспоминала, как дрожал от страха этот нахальный мальчишка.

Мечь была сладкой.

Остаток дня у Роланда прошел из рук вон плохо. Он пытался вернуться к своим обычным делам: посетил лекции, сходил в таверну, где встретился с приятелями. Ему очень хотелось поделиться с ними своей бедой, но он понимал, что это рискованно. Поэтому он купил хлеба, копченого мяса и бобов и отправился к себе.

В комнату, которую он снимал, вела деревянная скрипучая лестница. На двери был засов, и Роланд сначала подумывал купить и поставить второй, однако сообразил, что смысла в этом не будет. Пара решительно настроенных мужчин так или иначе выбьет дверь. Потом

он нашел выход. В его комнате стоял тяжелый дубовый сундук, который можно подтащить к двери. Если положить тюфяк рядом с сундуком, то Роланд сразу проснется, если кто-то попытается к нему проникнуть.

Потом он осмотрел окно. Оно находилось всего в трех метрах от земли, но проем был довольно узкий, а ставни крепкие. Да, пожалуй, окно он сумеет защитить.

Что касается оружия, то у него имелся кинжал. Конечно, с мечом было бы спокойнее, но на улице человек с мечом сразу привлечет всеобщее внимание. Кинжал, доставшийся Роланду от деда, был боевым и весьма длинным. Он провел пальцем по краю лезвия. Острое. Даже если вломятся сразу несколько человек, одного или двух Роланд успеет убить.

В тот день юноша больше не выходил из комнаты. Он поел, соорудил баррикаду напротив двери и как мог приготовился к опасной ночи.

Но так и не сомкнул глаз. Каждый шорох заставлял его сердце бешено колотиться. Около полуночи крыса, как потом догадался Роланд, зацепила сложенный у стены хворост, и ветка с легким стуком упала на булыжную мостовую. В одно мгновение он оказался возле окна с кинжалом в руке. Не смея открыть ставни из страха выдать свое присутствие, он напряженно вслушивался, не ходит ли кто за окном, не крадется ли на цыпочках по лестнице. Роланд простоял так не менее получаса, прежде чем решил оставить свой пост и прилечь, но прислушиваться не перестал.

И всю ночь в его голове крутились мысли. И зачем он вообще связался с Мартиной? Если бы только он хранил целомудрие! Если бы только он был тамплиером! И что же ему теперь делать? Можно ли вернуться домой? Нет. Как он объяснит все отцу? Все будут в ярости. Они так надеялись, что Роланд поможет семье, а он всех подвел. Позорное возвращение пугало его не меньше, чем грозящее увечье.

Шли часы. Он даже не вздремнул. На рассвете ему пришлось снова пережить потрясение, когда кто-то вылил из окна на дорогу помой. Когда распахнулись городские ворота и на улицах появились горожане, Роланд, пошатываясь, с красными глазами, вышел из дому навстречу новому дню.

Первая лекция в тот день начиналась довольно рано. Страшно было выходить на улицу безоружным, но студент не может разгуливать с клинком за поясом. Нельзя ли спрятать кинжал так, чтобы он был под рукой? Перебрав все свое имущество, Роланд нашел выход. У него имелось несколько листов дешевого пергамента – из кроличьих и беличьих шкурок – такие частенько использовали для расчетов конторщики и торговцы. Если засунуть кинжал между листами, то можно будет носить его незаметно для окружающих, и в то же время не составит труда достать в нужный момент. Экипированный таким образом, Роланд спустился из комнаты, чтобы встретиться со своими приятелями-студентами.

Все шло как обычно. Среди людей Роланду полегчало, но его не отпускали сомнения: помогут ли ему товарищи в случае нападения? Если в атаку бросится какой-нибудь горожанин с дубинкой, тогда да. Но если это будут два или три вооруженных бандита? В этом случае вряд ли. И даже когда студенты всей толпой возвращались после лекций по домам, Роланд не мог не оглядываться, проверяя, не преследуют ли его злоумышленники.

Потом ему в голову пришла еще одна мысль. Может, стоит как-то защитить тело от удара ножа? Что, если он наденет под студенческое платье кожаный жилет наподобие воинских? Бывают даже жилеты с металлическими накладками. Если соединить полы жилета между ног, это поможет уберечь важные органы. Или лезвие преодолет эту преграду?

На западном краю Латинского квартала в стене имелись ворота, откуда дорога вела к аббатству Сен-Жермен-де-Пре. Сразу за воротами находилась оружейная мастерская. Роланд никогда раньше там не бывал, но слышал, что она считается одной из лучших в Париже. И после обеда он нанес туда визит.

В небольшом помещении было тесно и оживленно. Как в кузнице, здесь имелось несколько горнов. На продажу были выставлены мечи, шлемы, кольчуги, всевозможные приспособления и доспехи для тех, кому предстояла битва. Но если для рук и головы, торса и ног воина предлагалось по нескольку вариантов снаряжения, то для защиты мужского достоинства ничего не придумали. «Не могу же я ходить в полных латах!» – подумал Роланд.

Он попросил разрешения поговорить со старшим оружейником, и ему показали низкорослого, резкого в движениях человека, с коротко остриженной седой бородой.

– О таком меня еще ни разу не просили, – заметил оружейник, внимательно выслушав объяснения Роланда. – Вас застали в постели с чужой женой?

– Что-то в этом роде.

– Хм, понятно. Я всегда говорю, что мы можем сделать любой доспех. И так, вам требуется что-то наподобие пояса верности, только побольше. Если эта штука будет из металла, вам будет трудно в ней садиться. – Оружейник поразмыслил еще. – Чтобы обладать гибкостью, ваш пояс должен быть чем-то вроде коротких штанов в виде кольчуги на кожаном основании. Так мне кажется. И он будет довольно тяжелым, учтите. И недешевым.

– Вы сможете его сделать?

– Через месяц или даже через два. У меня много заказов от первых лиц государства. – Он посмотрел на вытянувшееся лицо молодого человека. – Такие сроки вас устроят?

– Не думаю.

– Тогда вам стоит рассчитывать только на себя, – ухмыльнулся ремесленник.

Роланд покинул мастерскую в печали. Даже если он найдет оружейника, который быстро изготовит такой доспех, то все равно снаряжение оказалось бы не по карману бедному студенту.

Он не спал уже более полутора суток, от изнеможения кружилась голова. Что делать, как быть? Мысли путались. Вернувшись на улицу Сен-Жак, он повернул к реке и брел бездумно, пока на глаза не попала церковь Сен-Северин. Он зашел в нее в надежде, что святое место успокоит его душу.

Было что-то умиротворяющее в странных, древних, узких сводах. Время от времени церковь перестраивали, и все-таки она простояла уже семь столетий, с эпохи первых франкских королей. Юный Роланд сел на каменную скамью, спиной к стене. Не сводя глаз с двери, уложил на колени пергаментные листы с запрятанным кинжалом и по-новому оценил ситуацию.

Факты говорили сами за себя. Он согрешил, и Бог наказывает его. Наказание заслужено. Это было ясно как день. Но что ему делать

теперь? Он должен покаяться. Должен всем сердцем молить о прощении, а вот получит он его или нет – это вопрос отдельный.

В его измученном мозгу зародилось ужасное предположение. А что, если это воля Господа – чтобы Роланд был осклопен? Может, Бог желал подвести его таким образом к духовному служению в качестве целомудренного священника или монаха? Нет, этого не может быть. Скорее, Бог захотел бы посмотреть, как Роланд противостоит соблазну – с бóльшим или меньшим успехом, ведь лишенный соблазна человек не сможет доказать свою силу и веру. Да, Абеяру выпала именно такая доля, но Абеяру был великим философом и ученым, в то время как удел Роланда на земле куда скромнее. Вряд ли его удостоили бы высшего внимания. Множество людей, уже принявших духовный сан, совершили то же, что и он, и ничего плохого с ними не случилось. Если он посвятит жизнь служению Церкви, решил Роланд, то этого будет достаточно. Если он искренне раскается, то получит прощение.

Он попытался молиться. Проведя в горячих молитвах больше часа, он почувствовал себя немного лучше. По крайней мере, начало положено, думал Роланд. Это уже кое-что.

С такими мыслями он поднялся и осторожно вышел наружу. Но до чего же хочется спать! Ему необходимо отдохнуть, и как можно скорее. Только спать у себя в комнате он все равно не сможет. Нужно найти другое место. Такое, где бандиты не станут его искать. Куда же пойти?

Потом Роланда осенила идея – удачная, как ему показалось. А что, если обратиться к той девушке с улицы Сент-Оноре, к Луизе? О ней ведь не знают ни Мартина, ни ее дядя.

Луиза жила в маленькой каморке над таверной. Конечно же, она разрешит ему переночевать там с ней. А чтобы доказать, что его раскаяние было искренним и твердым, он не будет заниматься с девушкой любовью. Роланд счел, что план неплох. Он сейчас же пойдет в таверну и попросит Луизу приютить его на время.

С этой новой надеждой молодой человек пересек реку и направился на север.

В дороге он продолжал обдумывать свои дальнейшие действия и вновь забеспокоился. Сможет ли он устоять перед соблазном, оказавшись в постели с Луизой? А если сможет, позволит ли ему Луиза бездействовать? Так и не придумав, как обойти эту трудность, он подошел к улице Сент-Оноре, где нужно было свернуть.

В этот миг на его локте сомкнулись пальцы. Роланд подскочил. Его рука скрылась между листами пергамента. С перекошенным лицом он развернулся к нападавшему.

– Любезный юноша, что с вами?

Это был священник из церкви при кладбище Сент-Инносан, тот самый, которому Роланд на прошлой неделе доставлял записку.

– Святой отец! – вскричал он.

– Простите, если напугал вас, – извинился пожилой священник. – Мне показалось, что я узнал вас. Вы приходили ко мне несколько дней назад. С вами все в порядке? – Добрые голубые глаза всматривались в студента. – Вы очень бледны.

– Спасибо, отец мой, я здоров. – На лице Роланда облегчение сменилось смущением. – Благодарю вас за участие. Дело в том, что... Я не спал прошлой ночью...

– По какой причине, сын мой?

– Понимаете ли... – Мысли Роланда металась в поисках подходящего объяснения. – В доме, где я живу, был пожар... Небольшой такой пожар, его потушили. Но... в моей комнате теперь ужасный беспорядок. Все покрыто сажей... – Он запинаясь, но старик продолжал смотреть на него с терпеливым участием.

– Где же вы будете спать сегодня, сын мой?

– О... Ну... Я хотел попросить друга...

– Не хотите ли переночевать в моем доме? Места в нем предостаточно.

– В вашем доме?

– Было бы странно, если бы священник не помог студенту в беде.

И тогда Роланду показалось, что он понял: это же дар Всевышнего. Бог послал этого священника, чтобы спасти от испытания соблазном в час нужды. Ему не нужно спать с Луизой. Он будет в безопасности.

– Благодарю вас, отец мой, – сказал он. – Я принимаю ваше приглашение.

Дом священника стоял почти вплотную к церкви. Он не был таким уж большим, однако в нем имелась просторная комната с камином и окном, а один угол был отгорожен тяжелым занавесом, за которым можно было положить тюфяк для гостя. Хозяйством священника ведала монахиня, приходившая каждый день из соседнего монастыря.

Неслышно двигаясь, она накрыла стол для мужчин. Отведав густой похлебки и закусив кубок вина сыром, Роланд стал понемногу приходить в себя.

Священник вел приятную застольную беседу. Он расспросил Роланда о его семье и об учебе, и вскоре стало ясно, что старик и сам весьма сведущ в науках. Он также рассказал гостю о своем приходе и о живущих в нем бедняках. И только к концу трапезы мягко поинтересовался:

– У вас неприятности, сын мой?

Роланд колебался. Как бы хотелось поведать святому отцу всю правду! Не следует ли ему исповедаться и попросить о помощи? Сможет ли священник поспособствовать его спасению? Церковь могущественна. Роланд хотел во всем признаться.

Но не мог этого сделать.

– Нет, отец мой, – солгал Роланд.

Пожилой собеседник не стал настаивать. Но когда солнце склонилось к западу, священник заметил, что в конце дня он обычно ходит в церковь, чтобы помолиться, и предложил Роланду составить ему компанию.

– Был бы очень рад, – с готовностью согласился тот и пошел за своим свертком пергамента с кинжалом – на всякий случай.

– Нет нужды брать это с собой, – сказал ему старый священник. – В этом доме с вашими вещами ничего не случится.

Что ему оставалось делать? И Роланд пошел в церковь без оружия.

В церкви было тихо и пусто.

– Каждый раз, когда я молюсь, – произнес священник, – то вспоминаю, что меня окружает кладбище, где лежат все эти несчастные христиане, простые парижане, от которых не осталось даже имени, чтобы помянуть их. – Он улыбнулся. – И тогда все наши беды не кажутся такими уж непоправимыми.

Затем он отошел к боковому алтарю, опустил на колени и начал безмолвно молиться.

Роланд преклонил колени рядом со священником и изо всех сил постарался последовать его примеру. Присутствие старика отгоняло тревогу. На Роланда снизошло чувство покоя. Несомненно, в этом тихом святилище он находится под покровительством Господа.

И все же... Шли минуты. В церкви по-прежнему не слышно было ни звука, но Роланд не мог не напрягать слух в попытке уловить осторожные шаги. Ему хотелось повернуть голову: не крадутся ли из тени злоумышленники? Но он не смел, боясь помешать молитве своего спутника.

А потом, к его стыду, пришли другие мысли. Что, если двери церкви вдруг распахнутся и сюда ворвутся вооруженные люди? Как он будет защищаться без кинжала? Старый священник не выглядит тяжелым. Может, попробовать подхватить его и использовать как щит? Роланд начал обдумывать эту мысль, когда послышался негромкий голос святого отца:

– Прочитаем молитву «Pater Noster», сын мой.

«Pater Noster, qui es in caelis: sanctificetur Nomen tuum...» Вечные слова тихо звучали в пустой церкви.

Когда молитва закончилась, они вернулись в дом священника и закрыли дверь на засов. Роланд лег на приготовленную постель, устроил рядом сверток пергамента и крепко заснул.

Когда он проснулся, солнце было уже высоко. На столе его ждал завтрак. Старый священник ушел, но передал через монахиню, что будет ждать студента к ужину и приглашает провести под его крышей следующую ночь.

Возвращаясь через реку в Латинский квартал, Роланд чувствовал себя освеженным. Какие бы опасности ни поджидали его, думал он, обязательно найдется решение – отыщется способ, которым Господь дарует ему спасение, если, конечно, он по-настоящему раскается. Возможно, уже сегодня вечером он расскажет все священнику и попросит совета.

Он вышел на улицу Сен-Жак, на которую высыпало множество студентов. Роланд был начеку, но не увидел ничего угрожающего.

До жилища оставалось шагов пятьдесят, когда его окликнул какой-то студент:

– Тут один человек тебя ищет.

– Человек? – Роланд встал как вкопанный. – Что за человек?

– Не знаю. Я его здесь никогда раньше не видел.

– Он один? – Сердце так и забилося в груди. – Ты уверен, что с ним больше никого не было?

– Я видел только одного. – И пока Роланд соображал, пускаться в бега прямо сейчас или подождать немного, товарищ добавил: – Да вот он, – и указал на бедно одетого парня, идущего по улице.

В первом порыве Роланд едва не пустился бежать, но потом передумал.

Нет. Он не сбежит. Он больше не вынесет неизвестности. Вероятно, этот парень – всего лишь разведчик. Если удастся поймать его и заставить во всем признаться... передать в руки властей... После такого дядя Мартины больше не посмеет насыпать головорезов.

Он сунул руку в сверток пергамента, вытащил кинжал, с яростным воплем бросился к незнакомцу и сбил его с ног. Парень упал, а Роланд сел ему на грудь и прижал к его горлу острие.

– Кто тебя послал? – проревел он.

– Сеньор де Синь, – едва выговорил незнакомец, вытаращив от страха глаза. – Ваш отец, господин.

– Мой отец?

– Я Пьер, сын мельника из деревни.

Роланд присмотрелся. Возможно, это было правдой. Лицо парня действительно показалось смутно знакомым. Однако кинжала Роланд не убирал.

– Зачем ты здесь?

– Из-за вашего брата. С ним случилось несчастье. Он умер. Ваш отец хочет, чтобы вы немедленно возвращались. У меня для вас письмо от священника.

– Мой брат мертв?

Это могло означать только одно: ему придется занять место Жана и стать в будущем сеньором де Синем.

– Да, месье. Такое несчастье!

И тогда, в приступе невыразимого облегчения от неожиданного разрешения всех сложностей и совершенно не думая, что говорит (потому что на самом деле Роланд любил брата), он произнес слова, из-за которых до самой его смерти крестьяне за глаза называли своего господина Черным де Синем:

– Слава Господу!

В письме от священника были указаны все подробности. Брат упал с лошади на стойку ворот, пробил легкое и вскоре умер. Священник

призывал Роланда исполнить волю отца и как можно скорее вернуться домой, где в его присутствии остро нуждались.

Священник писал, что понимает, какой жертвой для Роланда станет отказ от учебы в университете и духовной карьеры. Действительно, подумал Роланд, он покидал бы Париж с сожалением, если бы не проблемы из-за Мартины. Далее священник напоминал, что не дело простым смертным перечить Провидению. Нужно молча склонить голову и выполнять свой долг. Очевидно, продолжал он в письме, Господь подал знак, желая, чтобы Роланд служил Ему иным образом.

Роланд устроил все в тот же день. Сказал преподавателям, будто отец срочно посылает его в Нормандию, но что он надеется на скорое возвращение. Другьям сказал, будто тайно отправляется в Италию с намерением учиться в университете Болоньи. Мартине он вообще не послал никакого сообщения. Надеясь сбить ищеек со следа, Роланд провел ночь в доме доброго священника, а на следующее утро пустился в путь – домой, в долину Луары.

Поскольку Роланд никогда не интересовался тем, что происходило в Париже после его отъезда, то и не узнал, что спустя шесть месяцев Мартина вышла замуж за торговца по имени Ренар. Но если бы узнал, то поразился бы и за нее, и за себя.

Глава 4

1885 год

Тома Гаскон нашел любовь всей своей жизни в первый день июня, утром. Днем ранее прошел дождь, и по небу над Триумфальной аркой все еще летели серые облака. Но каштаны уже стояли в полном цвету, в воздухе чувствовалось приближение лета.

Он пришел на похороны, как и множество народу со всего Парижа.

Писателей во Франции почитали. И когда в возрасте восьмидесяти трех лет скончался Виктор Гюго, любимый всеми автор «Отверженных», «Собора Парижской Богоматери» и других книг, Франция устроила ему похороны, как государственному деятелю.

К Триумфальной арке, где был выставлен гроб с телом писателя, пришли законодатели, сенаторы, судьи, представители университетов и академий. Более двух миллионов человек выстроились вдоль пути, по которому пройдет похоронный кортеж: вдоль Елисейских Полей до площади Конкорд, по мосту через Сену на левый берег, а там по бульвару Сен-Жермен и вплоть до вершины старого римского холма в Латинском квартале, где теперь стоял Пантеон, готовый принять величайших сынов Франции.

Париж еще не видывал такого многолюдного собрания – ни в дни короля-солнца, ни во время революции, ни даже при императоре Наполеоне.

И все это ради романиста!

Чтобы успеть найти хорошее место, Тома прибыл еще до рассвета. Кое-кто, желая занять лучшие позиции, ночевал на улице, но Тома был хитрее. Он заранее изучил местность и выбрал точку на южной стороне Елисейских Полей, где и встал теперь, прижавшись спиной к зданию.

Широкая улица быстро заполнялась народом, и вскоре Тома полностью загородили спины, но это его не беспокоило. Он терпеливо ждал, пока полиция и солдаты не оцепили зрителей, чтобы расчистить кортежу путь. После этого в толпе стало так тесно, что невозможно было шевельнуться. Вот тогда-то он и сделал то, что задумал.

Сначала он дотянулся до веревки, которую заранее обмотал вокруг талии, и распустил свободный конец с привязанным маленьким крючком. Прямо за Тома, примерно на уровне его плеч, по каменному фасаду здания шел небольшой выступ, а над выступом было окно, защищенное снаружи металлической решеткой. Тома ловко подбросил веревку так, чтобы крюк зацепился за прут решетки.

Затем, схватившись за плечи двух стоящих перед ним, быстро подтянулся. Не успели соседи сообразить, что происходит, а он уже вскарабкался по их спинам и, встав ногой на голову одного, второй оперся о выступ, дотянулся до решетки и привязал себя к ней с помощью все того же крюка и веревки. Двое мужчин многословно выразили негодование его бесцеремонным поведением, и один даже попытался ударить Тома по ноге. Однако в тесноте было не замахнуться как следует, и когда Тома сделал вид, будто собирается пнуть недовольных, те еще пару раз обругали его свиньей и отвернулись.

Благодаря такому трюку Тома, надежно примотанный к решетке веревкой, мог поворачиваться вправо и влево и наблюдать за всем происходящим поверх голов стоящих впереди.

В зданиях, обрамляющих улицу, все балконы были забиты; из каждого окна торчали головы. Некоторым пришлось заплатить немалые суммы за эти удобные места. А у Тома место было ничуть не хуже и притом абсолютно бесплатное.

Слева от него широкое пространство вокруг Триумфальной арки было отведено для высокопоставленных лиц, одетых в глубокий траур или военную форму. Сама арка представляла собой невероятное зрелище. Тремя годами ранее на нее установили большую скульптуру богини победы в колеснице, отчего грандиозное строение приобрело еще более драматичный вид. С одного края арки свисало огромное черное полотнище, словно занавес; по углам развевались траурные флаги. А почти весь центральный проем занимал богато украшенный массивный катафалк высотой около восемнадцати метров, в котором лежало тело Виктора Гюго.

Это было больше чем похороны. Это был апофеоз.

Собравшиеся были все в черном. Обеспеченные люди – еще и в черных цилиндрах. Тома тоже надел короткую куртку, которая была достаточно темной, но на голове у него была синяя рабочая шапочка. Оставалось только надеяться, что Виктора Гюго это не обидело бы.

Тома смотрел в сторону арки, где началась панихида, когда его взгляд упал на ту девушку.

Она стояла метрах в пятнадцати от него, в первом ряду зрителей. Ему был виден только ее затылок, и это был самый обычный девичий затылок. И вроде не было никаких причин, чтобы в море людских голов обратить внимание именно на эту голову. Но по какой-то причине она показалась Тома особенной.

Он смог разглядеть, что у девушки кудрявые каштановые волосы. Кожа на шее была бледной. Тома не видел, во что одета девушка, но решил, что она, вероятно, принадлежит к бедному сословию, как и он сам. Ему хотелось, чтобы она обернулась в его сторону.

Под аркой одна за другой произносились прощальные речи. Тома не слышал и половины того, что говорили, но это не имело значения. Главное то, что он здесь. Он принимает участие в великом событии.

К тому же всем известно, что может быть сказано на этих похоронах. Виктор Гюго являлся не только великим романтическим поэтом и романистом. Его девизом были слова «Свобода, Равенство, Братство», и жил он в соответствии с ними. Когда Наполеон III провозгласил себя диктатором, Гюго пристыдил его перед всем миром, удалившись в изгнание на остров Гернси и отказываясь вернуться на родину до тех пор, пока не будет восстановлена демократия. Когда во Францию вступили немецкие войска, он возвратился тотчас же, чтобы разделить судьбу жителей осажденного Парижа. Он был и депутатом, и сенатором, а в конце жизни поселился на одной из тех прекрасных авеню, что лучами расходятся от Триумфальной арки. Он был величайшим патриотом Франции, совестью нации, одним из лучших представителей эпохи.

Несколько лет назад в качестве подарка на день рождения город назвал авеню, на которой жил Виктор Гюго, его именем.

Время от времени, когда заканчивалась очередная речь, над толпой взлетала волна аплодисментов. И каждый раз Тома внимательно следил за девушкой: не обернется ли она в перерыве между речами? Она иногда меняла позу, но лица ее он так и не смог увидеть. Тем временем облака исчезли за горизонтом и Триумфальную арку залил солнечный свет.

Наконец церемония завершилась. Тома услышал, как церковный колокол пробил полдень. И в этот момент словно небо расколосось над

Парижем: это пушечные выстрелы сотрясли воздух. Орудие за орудием отдавали последний салют писателю, и каждый разрыв многократным эхом отражался от зданий, так что невозможно было понять, где стоят пушки.

Тома увидел, что девушка шагнула на проезжую часть, желая понять, откуда раздаются выстрелы. Она посмотрела направо, налево, а потом повернулась, заметила его и замерла. Ее удивление было понятно: Тома, повиснув на веревке и упираясь ногами на выступ в стене, покачивался из стороны в сторону и словно парил над головами. А что касается самого Тома, то он воззрился на девушку, как на чудо.

На ней было скромное платье простой работницы, лицо усыпали светлые веснушки, носик маленький, рот не слишком широкий, но щедрый. Глаза, насколько он сумел разглядеть с такого расстояния, карие. Она посмотрела на него озадаченно. А потом улыбнулась.

Как ни странно, в тот момент он не почувствовал восторга. Напротив, на него снизошло необыкновенное спокойствие, словно все в мире вдруг встало на свои места.

Это она. Он не знал, как, почему, откуда ему это известно, но это она, та самая девушка, на которой он женится. Она была его судьбой, и ничто не могло изменить этого. Его наполнило ощущение легкости, тепла и покоя. Тома улыбнулся ей в ответ. Почувствовала ли она то же самое? Ему показалось, что да.

Но в это время гигантский кортеж начал движение. Солдат заставил девушку встать обратно на тротуар. Она повернулась, толпа зашевелилась, и Тома потерял ее из виду.

Нужно спуститься к ней. Он уцепился за решетку и стал развязывать узел веревки. Однако Тома так долго висел на ней, что узел затянулся намертво и не поддавался даже его сильным пальцам. Тома нащупал узел, которым веревка была завязана у него на поясе. Тоже слишком тугой. Несколько минут отчаянных усилий ни к чему не привели.

– У кого-нибудь есть нож?

Мимо ехал черный катафалк с гробом. Все люди сняли головные уборы. На Тома никто не оглянулся. Он спохватился и тоже стянул шапочку, правда с опозданием – катафалк уже миновал его. Следом двигалась колонна первых лиц Франции.

– Во имя Бога, дайте мне нож! – снова крикнул Тома.

Тот мужчина, чья голова послужила Тома опорой, медленно обернулся. Тома послал ему сверху извиняющуюся улыбку.

– Пардон, месье, – сказал он. – Я не могу отвязать веревку.

Мужчина смерил его долгим взглядом, потом опустил руку в карман куртки:

– У меня есть нож.

– Не окажете ли вы мне любезность... – продолжил Тома со всей возможной вежливостью.

– Как жаль, – проговорил мужчина, – что веревка затянута не вокруг шеи. – Он положил нож обратно и опять отвернулся, чтобы проводить взглядом похоронный кортеж.

Тома подумал минутку.

– Эй! – окликнул он снова мужчину. – Эй, господин с ножом!

Тот не обращал на его крики внимания.

– Месье, мне надо помочиться. Хотите, чтобы я справил нужду прямо вам на голову?

Мужчина метнул на него яростный взгляд. Тома пожал плечами и стал расстегивать ширинку. Мужчина попытался передвинуться, но толпа сдавливала его так сильно, что он не мог сделать и шага. С проклятьями он снова полез в карман.

– Отрежь себе и член заодно, – сказал он, протягивая Тома нож.

Лезвие ножа оказалось острым, и всего через несколько секунд Тома освободился.

– Благодарю, месье. – Тома сложил нож. – Вы очень добры.

И он бросил нож вниз, но так, чтобы тот упал за спиной незнакомца, которому оставалось лишь беспомощно извиваться в бесплодных попытках поднять с земли свое имущество.

Ступая по каменному выступу, а то и по головам зрителей, Тома сумел добраться до угла, где было достаточно места, чтобы спуститься. Дальше он то протискивался червем, то расталкивал тела пинками и тычками, прокладывая себе путь к проезжей части.

– Пардон, месье... Пардон, мадам... Мне нужно помочиться! – восклицал он.

Одни пропускали его, другие сопротивлялись.

– Мочись в штаны, засранец, – отзывались третьи.

Но в конце концов Тома добрался до края тротуара и там, протискиваясь за спинами солдат, сдерживающих толпу, оказался в том

месте, где видел девушку.

Однако ее там уже не было. Он высматривал ее и справа и слева, но от незнакомки не осталось и следа. Это же невозможно, недоумевал он, в такой тесноте не получится далеко уйти, если только не пользоваться теми приемами, к которым прибегнул он сам.

Тем не менее девушка исчезла.

Тома сумел продвинуться еще чуть дальше вдоль толпы, но потом его остановил солдат и велел стоять спокойно. Кортёж казался бесконечным. Как ни тянул Тома шею, как ни озирался, девушки он больше не видел.

На Монмартр Тома вернулся во второй половине дня. Месье Гаскон заявил, что лучше всего сумеет почтить память Виктора Гюго, если выпьет капельку вина в кафе «Мулен де ла Галетт». Его жена, страдавшая в последнее время от болей в ногах, была только рада заменить поход на панихиду отдыхом в близлежащем кафе. Что до юного Люка, то он сказал, что считает своим долгом сопровождать родителей, хотя Тома прекрасно знал: младшим братом двигала лень.

Потому он нашел их в кафе и дал подробный отчет о церемонии, но о девушке он рассказал только Люку, когда они остались наедине.

Хотя Люку было всего двенадцать лет, Тома порой казалось, будто брат лучше знает жизнь, чем он сам. Возможно, причиной тому было то, что Люк постоянно околачивался в заведениях типа «Мулен», а может, просто таким он уродился. Так или иначе, но в качестве поверенного Тома выбрал не кого-то из взрослых, а Люка.

– Значит, вы понравились друг другу, – сказал Люк.

– Нет, – возразил Тома. – Это было что-то большее. Любовь с первого взгляда.

– Как же ты найдешь ее снова?

– Не знаю. Но обязательно найду.

– Ты думаешь, она – твоя судьба?

– Да.

– Здорово.

Да только он не нашел ее. Он ведь ровно ничего о ней не знал. В самом Париже и его пригородах теперь проживало более трех

миллионов человек, и она могла быть где угодно. Она вообще могла приехать на похороны Гюго из другого города.

Сначала Тома в каждый свой выходной ходил на то место, где видел девушку. Он являлся туда ровно в полдень, в тот час, когда встретились их взгляды. Вдруг она тоже его ищет? И вдруг она тоже решит вернуться туда, где произошла их первая и единственная встреча? Шансов на это было мало, но больше Тома было не на что рассчитывать.

Шли недели, складываясь в месяцы. Постепенно Тома стал гулять по другим частям города, не оставляя надежды, что заметит где-нибудь любовь всей своей жизни. Он стал знатоком Парижа, но девушку нигде не видел. Об этих поисках знал только Люк.

– Ты как рыцарь, который ищет чашу Грааля, – говорил он старшему брату.

Каждый раз, когда Тома возвращался после блужданий по городским улицам, Люк спрашивал тихонько:

– Ну как, нашел свой Грааль?

Пусть Грааля он не отыскал, зато прогулки по городу имели другое последствие, в дальнейшем кардинально повлиявшее на его судьбу. В ту весну он работал в мастерских Гаже и Готье. Статую Свободы изготовили к сроку – к четвертому июля предыдущего года, но огромный пьедестал для нее в Нью-Йорке еще не был готов. Только в начале 1885 года Тома помогал разбирать огромный монумент, который затем упаковали в двести четырнадцать ящиков и отправили через Атлантику. В день похорон Виктора Гюго подарок Америке от народа Франции приближался к месту назначения.

Вопрос был в том, что делать дальше.

К радости матери Тома, Гаже и Готье пригласили его работать на постоянной основе. Очевидно, его усердие и точный глазомер произвели на них хорошее впечатление. «Они говорят, что через несколько лет я мог бы стать одним из мастеров, которые занимаются резьбой и декоративной отделкой», – передал он родителям слова работодателей. Квалифицированная работа. Надежный заработок. Это было все, о чем мечтала его мать.

Только он этого не хотел.

Что было тому причиной? Долгие прогулки, посвященные поискам незнакомки? Дни, проведенные в четырех стенах литейного цеха, где он чувствовал себя взаперти? Перспектива того, что однажды и он окажется за тем длинным верстаком с остальными мастерами, где ему придется сидеть с утра до вечера? Его молодое сильное тело противилось мысли о подобном. Он хотел дышать свежим воздухом. Ощущать силу своих рук. Его не пугала никакая погода, будь то холод или дождь, лишь бы работать под открытым небом.

Он был молод, крепок и наслаждался своей физической мощью.

Тома любил наблюдать за работой строителей мостов или зданий. Однажды, не предупредив родителей, он сообщил старшему мастеру, что увольняется. Неделей позже он вступил в монтажную бригаду в качестве самого младшего подсобника клепальщиков. Трудились они на строительстве железной дороги.

Мать, узнав об этом, пришла в отчаяние.

– Ты не понимаешь, – рыдала она. – Подсобники могут заболеть. Могут получить травму. Ты же не всегда будешь молодым и сильным. Но тот, у кого есть ремесло, будет работать под крышей и у него всегда будут деньги.

Но Тома не слушал.

Чтобы попасть на вокзал Сен-Лазар, нужно было всего лишь прогуляться к юго-западу от Монмартра. Вокзал связывал столицу со многими городами Нормандии, постоянно прокладывались новые пути, а помимо того, всегда было много ремонта и переделок.

Всю вторую половину 1885 года и весну следующего Тома Гаскон работал в монтажной бригаде. Каждое утро он выходил из дому и преодолевал два километра до вокзала Сен-Лазар. В свободные дни он продолжал прогулки по различным районам Парижа в надежде снова увидеть свою незнакомку. К концу весны он признал, что его поиски бессмысленны, но все равно уходил гулять не реже двух-трех раз в месяц – скорее по привычке, чем из каких-то иных соображений.

– Пора тебе поискать другую женщину, – заметил ему как-то Люк. – Ты слишком верный влюбленный.

– Нужно быть верным, – ответил с улыбкой Тома.

Юный Люк только пожал плечами.

В мае 1886 года объявили конкурс. И очень вовремя. До столетней годовщины Великой французской революции оставалось всего три года, а ведь это, по мнению всех французов, было самым значимым событием в истории человечества (ну, за исключением, быть может, рождения Христа). Следовательно, Париж должен принять еще одну Всемирную выставку, причем небывалую по масштабам. В качестве входной арки на мероприятие республика хотела возвести что-нибудь выдающееся. Никто не знал, что именно, но предполагалось, что эта конструкция должна заставить весь мир разинуть рот от удивления. Первого мая город попросил присылать проекты. В срочном порядке.

И проекты вскоре стали поступать. Многие оказались банальными. Некоторые абсурдными. Другие технически невозможными. Один был, по крайней мере, в должной степени драматичным: в нем предлагалось построить копию гильотины. Однако эту идею сочли слишком мрачной. Захотят ли посетители мировой выставки проходить под огромным лезвием? Вряд ли.

И власти всерьез задумались над проектом месье Эйфеля.

Свой проект железной башни он предложил раньше многих, однако конкурсной комиссии он понравился не сразу. Несомненно, огромная металлическая конструкция была смелой. Она была современной. Возможно, несколько уродливой. Но после того как комиссия рассмотрела все проекты, на первый план вышло следующее соображение: коли мостостроитель Гюстав Эйфель сказал, что сможет построить эту башню, он ее построит. Он уже доказал свои способности при создании статуи Свободы.

Весь Париж следил за конкурсом. Когда объявили победителя, было много протестов. А вот Тома Гаскон, как только увидел проект башни в газете, сразу понял, чем хотел бы заняться.

– Я собираюсь работать у месье Эйфеля на строительстве башни, – сказал он семье.

– А как же железная дорога? – спросила мать.

– Не важно.

Чтобы возвести такую башню, потребуется много монтажников-металлистов. Он намеревался первым предложить свои услуги.

Иногда Тома беспокоил характер младшего брата. Не слишком ли он опекал Люка, не навредил ли ему своей братской любовью?

Люк последовал совету Тома и в школе прослыл мальчиком, который умеет смешить. В последние годы черты его лица окончательно оформились, он отрастил волосы и стал еще более походить на итальянца. Он был умен и практичен. И все же Тома казалось, что Люк имеет склонность к лени и слабодушию. Поэтому он пообещал себе заняться исправлением брата. Частью его программы был совместный с Люком долгий поход, и назначил он его на одно воскресенье октября.

Когда они пустились в путь, в лучах утреннего солнца горели красками опаленные осенью листья. Люк посмотрел на облака, набегающие с запада, и сказал, что, по его мнению, собирается дождь, но Тома лишь велел не говорить глупостей: его вообще не волнует, будет дождь или нет.

На самом деле Тома, едва проснувшись, почувствовал первые признаки простуды, однако такие мелочи не могли помешать ему в осуществлении важной задачи по воспитанию в брате мужских качеств.

– Я отведу тебя туда, где ты еще ни разу не был, – пообещал он Люку.

Спустившись с Монмартра и двигаясь на восток, они пересекли полноводный красивый канал, который нес в город воду от самой Шампани, и вскоре зашагали вверх по склону к цели своего путешествия. Прогулка привела Тома в хорошее расположение духа, и, когда братья приблизились к входу в парк, ему показалось, что от начинавшейся утром простуды не осталось и следа.

Хотя барон Осман проложил много превосходных бульваров, самым удачным его творением оказалась не улица, а романтический парк в восточной части города. Бют-Шомон – это каменистая возвышенность в полутора километрах к северу от кладбища Пер-Лашез, и раньше там, как и на Монмартре, были каменоломни, но Осман со своей командой превратил ее в колоритный зеленый уголок, соответствующий духу времени. Если регулярные сады поры Людовика XIV уступили место более естественным ландшафтам эпохи Просвещения, то XIX век наслаждался разнообразием двойственности: с одной стороны, это был век пара, железных мостов и промышленности, и тогда же своего расцвета достиг романтизм. Германия дала миру космический симфонизм Вагнера, а романтическая Франция предпочитала задушевность и живописность.

Они вошли в парк через один из западных входов. Петляющие тропы вели через поляны, обсаженные всевозможными деревьями и кустами, и многие из них были все еще одеты в пышный осенний наряд. Посреди парка устроили маленькое искусственное озеро. Над водоемом возвышалась скалистая стена, на вершине которой построили круглый храм. Казалось, это фрагмент картины с пышным итальянским пейзажем.

Братья Гаскон принесли с собой хлеба и сыра на обед, а еще бутылку пива. Но перед тем как приступить к трапезе, они решили посетить самую известную достопримечательность парка. Она находилась на острове, куда вел подвесной мост, и найти ее они сумели не сразу.

Грот был просто сказочным. По сути, это была небольшая пещера в отвесной скале. Ее высокий свод оброс гирляндами сталактитов. Еще более поразительным был водопад, спускающийся каскадами с двадцатиметровой высоты в озерцо в глубине пещеры, откуда вода выливалась по камням наружу. Если бы из-за валунов у стен грота вдруг выскочили нимфы и стали танцевать, то в таком окружении это не показалось бы странным.

Самым же примечательным в этом гроте было рукотворное происхождение. Давным-давно пещера служила входом в старый карьер. Сталактиты в действительности были высечены из камня. Водопад создали с помощью гидравлики. Получилось очень романтично, несомненно. Но тут не осталось романтики леса, пещеры и величественной скалы. Это было что-то вроде декораций.

– Может быть, – лукаво улыбнулся Люк, – та дева, что ты искал, живет здесь, в гроте. Подожди минутку, и она выйдет из-за водопада.

– Давай найдем место, чтобы перекусить, – сказал Тома.

Они снова перешли по мосту на берег озера и следовали изгибам петляющей тропы, пока не нашли зеленую лужайку. Там они и уселись. С их места был виден щербатый утес, на котором стоял круглый павильон – храм Сибиллы. Повсюду пылала золотом и пурпуром листва. Братья съели хлеб с сыром, выпили пиво. Тома растянулся на земле и стал смотреть в небо.

Серых облаков стало больше. Тома лениво наблюдал за тем, как плотный вал облаков докатился до солнца, затянул его дымкой, а затем

и вовсе скрыл из виду. Он ждал, когда солнце выглянет снова, но в тучах не осталось разрывов. Потянуло холодом и сыростью, в деревьях зашумел ветер. Листья больше не были золотыми, а приобрели тот странный, светящийся оттенок желтого, который Тома часто подмечал, когда в воздухе было электричество. Он поднялся.

– Сейчас пойдет дождь, – сказал Люк. – Нам пора возвращаться.

– Еще нет. Сначала мы поднимемся к тому павильону.

– Туда путь неблизкий. – Люк посмотрел на вершину утеса.

– Это недалеко, – возразил Тома. – Пошли!

Они вернулись по мосту на остров, а затем вышли на крутую тропу, которая повела их вверх по склону. Местность была красивой и дикой, они как будто карабкались на вершину настоящей горы, и Тома, в отличие от младшего брата, получал от подъема удовольствие. Они преодолели половину пути, когда раздался первый отдаленный рокот грома.

– Давай спускаться, – сказал Люк.

– Почему? – удивился Тома.

– Ты же не хочешь попасть в грозу!

– А что в этом плохого? Идем!

И они продолжали взбираться по крутой извилистой тропе, пока не вышли на ровный пяточок, где и стояла каменная ротонда. Снова загрохотал гром, и на этот раз он прокатился по всей широкой долине, в которой стоял Париж. Если бы не ветер с запада, невозможно было бы понять, откуда надвигается непогода.

Павильон был чисто декоративной постройкой, копией известного храма Весты в Риме. С вершины скалы Тома видел округлую макушку Монмартра, а слева различал вдали, за высокими деревьями, башни Нотр-Дама. Как забавно: сейчас он так же высоко в небе, как и готические горгульи и другие каменные монстры, взирающие с собора на лежащий под ними Париж.

Тучи висели уже прямо над головой у братьев, однако с запада подступала еще более грозная чернота. Вдоль горизонта повисла пелена дождя, постепенно накрывающая город. Пока Тома разглядывал темные валы туч, их осветила молния, и следом грянул гром. Дождевая завеса подступила к Монмартру.

На вершине холма, там, где возводили базилику Сакре-Кёр, наподобие виселиц высились строительные леса. И прямо на глазах у

Тома вся строительная площадка будто растворилась, и вместе с ней весь холм, поглощенный дождем.

Вспыхнула еще одна молния, и на этот раз огромная раздвоенная змея соскользнула с неба почти к самым башням Нотр-Дама. Тома представлял каменные морды статуй храма, неподвижные, несмотря на беснующуюся вокруг них бурю, и улыбался.

Гроза быстро приближалась к ним через крыши и каналы. Люк крикнул, что нужно искать укрытие, однако Тома не хотел уходить. С самого детства он полюбил наэлектризованное возбуждение грозových штормов. Полил дождь, и Люк убежал под арки ротонды в тщетной надежде не промокнуть, но Тома не сдвинулся с места и остался стоять на валуне под струями воды. Ливень был таким сильным, что не видно было даже парка под скалой. Теперь они находились в самом центре непогоды. Мощный разрыв потряс воздух, и молния ударила в дерево не более чем в ста шагах от братьев. Люк съежился, а Тома, проверяя себя, не шелохнулся. Он хотел доказать, что бедный юноша в рабочих башмаках не побоится бросить вызов богам стихии.

Минут через десять ливень немного стих, и тогда Тома с Люком спустились со скалы и направились в сторону дома. Дождь так и не прекратился, и Люк всю дорогу жаловался, но Тома не сбавлял шагу в твердом намерении сделать из брата настоящего мужчину.

И потому он был крайне раздосадован, когда на следующее утро проснулся с больным горлом. К полудню его била лихорадка.

Болезнь Тома Гаскона длилась много недель. Поначалу все думали, что это простуда. Затем стали опасаться туберкулеза.

Потом наконец стало ясно, что это пневмония. Жар терзал его тело, он бредил, но доктор сказал родителям, что Тома может выжить, поскольку молод и крепок.

К ноябрю худшее миновало; к декабрю он начал восстанавливаться. Но в январе доктор предупредил Тома, что его легкие повреждены навсегда.

Решение предложил отец. Он был знаком с вдовой Мишель, которая вместе с дочерью держала у подножия Монмартра мясную лавку. Это было неплохое место для человека со слабыми легкими. С

неохотой Тома согласился пойти туда работать, и первые недели 1887 года каждое утро отправлялся в лавку.

Однако он по-прежнему мечтал о том, чтобы строить башню меесь Эйфеля, и однажды в феврале, когда у него выдались свободные полдня и погода была теплой, решил сходить посмотреть строительную площадку.

Огромный прямоугольник Марсова поля раскинулся в двух километрах к югу от Триумфальной арки, на другом берегу реки. Вплоть до XVIII века там был пустырь, отведенный под посадки, где горожане выращивали фрукты и овощи для местного рынка. Но затем на южном краю пустыря выстроили большую военную школу, и тогда сады, тянувшиеся до Сены, стали плацем для парадов и местом всенародных сборищ во времена революции. Еще позднее император Наполеон в честь одной из своих многочисленных побед приказал построить прямо напротив этого места мост Иена через Сену, после чего Марсово поле стало идеальным местом для проведения Всемирной выставки 1899 года. По новому мосту люди могли попасть на левый берег и пройти прямо под невероятной башней меесь Эйфеля, четыре железные ноги которой стали по этому случаю колоссальной входной аркой. Все было готово, за одним исключением.

Тома вспомнил, как отец пришел домой с новостью.

– У твоего друга меесь Эйфеля проблема, – объявил он. – Город поручил ему построить башню, но дает на строительство только четверть необходимой суммы.

– И кто же заплатит за нее?

– Сам Эйфель. Придется ему раскошелиться.

Ситуация складывалась небывалая. Готовясь отметить столетний юбилей Французской революции, город заказал строительство башни и отказался платить за нее.

Но Эйфель был не только великим инженером, но и предпринимателем с деловым чутьем и невероятной смелостью.

– Дайте мне право получения дохода от башни в первые двадцать лет ее эксплуатации, а деньги я найду, – сказал он.

Поэтому Тома, подходя к строительной площадке, знал, что перед ним лежала не только гордость Франции, но и финансовый триумф – или крах – самого Эйфеля.

Он стоял на краю огромного поля грязи. Квадрат со сторонами по сто тридцать метров, который являлся проекцией башни, был отмечен глубокими траншеями по четырем углам, ориентированным по сторонам света, и там трудились бригады.

Тома хотел подойти поближе, чтобы все рассмотреть, но к нему подбежал человек в пальто и шляпе и строго велел покинуть стройплощадку. Однако, после того как Тома рассказал о своей работе над статуей Свободы под руководством Эйфеля и о своей болезни в последние месяцы, человек сменил гнев на милость и даже предложил провести для Тома небольшую экскурсию.

Сначала они осмотрели два больших котлована в южном и восточном углу, на дне которых уже виднелся хороший сухой грунт – на такой уже можно было заливать бетонное основание. Затем они подошли к одному из котлованов возле речного берега. И Тома ахнул.

Огромная яма перед ним напоминала шахту. Глубоко внизу стоял большой металлический ящик, похожий на те, с помощью которых удерживают речные воды во время строительства опор моста. Внутри его вгрызались в землю люди с кирками и лопатами.

– Они уже опустились ниже уровня Сены, – объяснил проводник. – Участок для строительства выбирала комиссия, но когда его обследовал месье Эйфель, оказалось, что почва со стороны реки слишком сырая и не удержит обычный фундамент. – Мужчина ухмыльнулся. – У Парижа была бы собственная падающая башня, как в Пизе, только в пять раз выше.

– Так можно ли здесь строить?

– О да. У нее будет два обыкновенных сухих фундамента и два глубоких, как этот. – Он улыбнулся. – Нам повезло, что Эйфель знает, как строить в воде.

Еще три долгих месяца Тома продолжал работать в мясной лавке. Вдова Мишель была добра к нему. Но он заметил кое-что еще. Берта, дочь хозяйки, была неказистой девицей с землистой кожей и желтоватыми волосами, примерно одного возраста с Тома. Неразговорчивая и медлительная, она выводила его из себя. И потому он чрезвычайно удивился, когда в мае его отец сообщил ему с торжественным видом:

– Ты нравишься вдове.

– Хорошо.

– И Берте. – Его отец улыбнулся многозначительно. – Ты очень ей нравишься.

– Ты уверен? – И когда его отец закивал, Тома оставалось только сказать: – Ее чувства не взаимны.

– Это неплохая партия, – продолжал месье Гаскон, словно не слышал. – Она ведь унаследует лавку... Дело приносит прибыль. Женись на ней, и будешь обеспечен на всю жизнь.

– Я лучше умру.

– Человеку нужно питаться, – сказал отец. – И твоя мать считает, что это хорошая идея.

Наступило последнее воскресенье мая, и после обеда Тома отправился погулять по Монмартру. Ярко светило солнце. Выйдя на небольшую уютную площадь Тертр, он заметил, что там расставили мольберты несколько художников.

Привлекаемые невысокой платой за жилье и живописными окрестностями, художники селились на Монмартре уже не первый десяток лет. Тома слышал рассказы о том, как около ресторана «Мулен» работал месье Ренуар, и в хорошую погоду стало уже привычным видеть в округе живописцев, устроившихся писать под открытым небом.

Тома пересек площадь, поглядывая на полотна, правда без особого интереса. Художники по большей части рисовали вид с площади на строящуюся базилику Сакре-Кёр, где леса четко вырисовывались на фоне неба. Но вдруг ему в глаза бросилось нечто странное.

Перед симпатичным мужчиной лет тридцати, с рыжеватой бородкой и трубкой, зажатой в зубах, стояло два мольберта: на одном лежал альбом для набросков, на втором был натянут холст, над которым художник только начал работать. Тома глянул на набросок и остановился.

– Простите, месье, – произнес он вежливо, – но, кажется, это вокзал Сен-Лазар?

– Верно, – ответил художник с любезной улыбкой. – Этот набросок я сделал прошлой зимой. Вид со снегом, но сегодня мне почему-то захотелось заняться именно им. – Он пожал плечами. – На солнце хорошо работается.

– В прошлом году я там строил пути, – сказал Тома, всматриваясь в набросок. – Да-да, вот эти рельсы, пар от поездов. Все так, как в жизни.

– Спасибо.

– Но почему вы стали рисовать железную дорогу?

– А почему нет? Моне тоже написал несколько видов Сен-Лазара.

– Значит, вы тоже из тех, кого зовут импрессионистами?

– Можете называть меня так, если хотите. – Художник легко и часто улыбался. – Между прочим, этот термин сначала появился в качестве оскорбления. Но никто не знает, каково его точное значение. Половина из тех, кого так называют, себя к импрессионистам не относят.

– Вы здесь живете?

– В основном. Весной я был в Голландии, в городе Роттердаме. Может, скоро опять туда вернусь.

– Как ваше имя, сударь?

– Норберт Гёнётт.

– Вы знакомы с месье Ренуаром?

– Да, я хорошо его знаю. Даже позировал ему.

– Меня зовут Тома Гаскон. Живу на Монмартре. Я монтажник-металлист и принимал участие в создании статуи Свободы.

Они обменялись рукопожатием. Тома не мог оторваться от наброска.

– Мне все равно непонятно, почему вы решили написать железнодорожный вокзал.

– А вы считаете, художники должны писать только богов и богинь в прелестных итальянских ландшафтах?

– Ну, не знаю...

– Многие ждут от нас именно этого. Но что я пытаюсь сделать, и Моне, и другие, так это нарисовать окружающий нас мир. Нарисовать то, что мы действительно видим.

– Но вокзал – это же совсем не красиво...

– Вам известны какие-либо писатели?

– Я был на похоронах Виктора Гюго.

– Я тоже. Странно, что мы не встретились там, – пошутил художник. – Несомненно, Гюго был великим человеком. Но лично я предпочитаю другого автора того поколения, и это Бальзак. Он пытался описать ту реальность, которая его окружала, начиная с самого богатого

аристократа и заканчивая последним бедняком на улице, а также всех мужчин и женщин между ними – адвокатов, лавочников, шлюх, попрошайек. Мы называем это реализмом. Некоторые из тех, кого считают импрессионистами, тоже работают в этом направлении. Ренуар писал посетителей ресторана «Мулен де ла Галетт». Я пишу множество разных вещей, включая поезда и вокзалы. А что касается красоты, то что она такое? Для меня железная дорога прекрасна. Потому что мы не живем в мире нимф, фавнов и классических богов. Мы живем в мире железных дорог, паровых машин и мостов, они – дух нашего времени. Это новый и удивительный мир, и жить в наше время – настоящее приключение. – Он ухмыльнулся, глянув на Тома. – Вы строите пути и мосты, я их пишу.

Тома слушал как замороженный. Никто еще не говорил с ним о таких вещах. Но он все хорошо понял. Да, живописец прав. Железные дороги и мосты – это дух их времени. Он, скромный монтажник-металлист, должен быть причастен к этому. А ведь в Париже прямо сейчас начиналось строительство величайшей в мире металлической конструкции.

– Я буду строить башню Эйфеля, – вдруг сказал он.

Норберт Гёнётт задумчиво посмотрел на свое полотно, потом взглянул на молодого рабочего и вынес свой вердикт:

– Поздравляю вас. Это замечательное дело, мой друг.

Первое июня выпало на среду. Люк удивился, когда Тома настоял на том, чтобы младший брат сопровождал его в лавку вдовы Мишель, но послушался. Только когда они были на полпути, Тома поделился с ним своим планом.

– Ты сошел с ума, – заявил Люк. – Что скажет мама? Да и папа тоже не обрадуется.

– Я все равно это сделаю, – заявил Тома твердо.

И вот, пока Тома ждал за углом, Люк пересек площадь Клиши, вошел в лавку и сказал хозяйке:

– Мой брат болен сегодня. Он послал меня сообщить вам об этом и извиниться от его имени.

Вдова очень встревожилась и отпустила Люка только после того, как он заверил ее, что у Тома всего лишь расстройство желудка и на следующий день он наверняка выйдет на работу.

До мастерских компании Эйфеля в северо-западном пригороде Леваллуа-Перре пришлось идти почти час. Там, как в муравейнике, кипела работа. Каркас огромной башни собирался из секций по четыре с половиной метра, которые изготавливались в этих мастерских. Готовые секции были сложены циклопическими стопками для отправки с производства на стройплощадку. Монтажом и клепкой занимались более сотни рабочих. Но когда Тома поинтересовался, там ли месье Эйфель, ему сказали, что инженера сегодня следует искать на Марсовом поле.

Братья вновь пустились в путь, на этот раз – на юг. Наконец к одиннадцати часам утра они миновали Триумфальную арку, пересекли реку по мосту Иена и вошли на стройплощадку внушительных размеров.

Фундаменты уже были закончены и казались четырьмя гигантскими орудиями, нацеленными на четыре стороны света и готовыми выстрелить друг в друга. Между этими сооружениями стояла группа инженеров и прочих господ, и все внимали одному человеку – совсем как военный штаб слушает главнокомандующего.

– Это он, – сказал Тома. – Это Эйфель. – Он сделал глубокий вдох. – Пойдем.

Поскольку инженер был занят разговором, братья остановились немного в стороне. Им пришлось ждать не менее получаса, прежде чем группа распалась и Эйфель с парой спутников двинулся прочь с площадки.

– Месье Эйфель! – окликнул его Тома, достаточно громко, чтобы инженер услышал его, и двинулся ему наперерез.

Эйфель остановился и вопросительно посмотрел на двух молодых людей.

– Месье Эйфель, я Тома Гаскон, – представился Тома, поравнявшись с инженером. – Я делал для вас статую Свободы.

– А-а. – Эйфель не сразу вспомнил его, но потом улыбнулся. – Юный месье Гаскон из Аквитании, который отправился на поиски брата, верно?

– Да, месье.

Эйфель сказал своим спутникам, чтобы они продолжали путь и что он догонит их.

– Я не помню – вам удалось найти брата?

– Да. – Тома показал на Люка. – Вот он.

– И что сейчас привело вас ко мне, месье Гаскон?

– Я бы хотел принять участие в строительстве башни. Хочу снова работать у вас, как раньше.

– Но, мой друг, мы полностью укомплектованы рабочими. Я был бы рад нанять вас и во втором своем проекте. Почему же вы не пришли в самом начале, когда мы набирали бригады?

Тома колебался не более секунды:

– Мой брат, вот этот самый, был тяжело болен, и я требовался семье дома. – Он глянул на Люка, который сумел скрыть свое удивление, и продолжил: – Теперь он здоров, как видите.

Люк с важным видом кивнул. Эйфель задумчиво смотрел на Тома.

– Я знаю, что вы хороший работник, – сказал он наконец. – И так уж случилось, что именно сейчас нам не хватает рабочего. Но не на фабрике, а здесь. Нам нужен верхолаз – человек, который будет собирать башню на месте.

– Это именно то, о чем я мечтал! – вскричал Тома. – Может, сама судьба привела меня сюда сегодня, – добавил он, исполненный надежды.

– Хм. Вы когда-нибудь работали на высоком мосту? Не боитесь высоты? В противном случае такая работа будет для вас очень опасна.

– Я не боюсь высоты, клянусь вам.

– Очень хорошо. Приходите сюда в последний понедельник июня. Спросите месье Компаньона. Я скажу, чтобы он ждал вас. Оплата у нас не слишком высока, но справедлива. – Он кивнул в знак того, что беседа окончена, и пошел догонять своих спутников.

– Благодарю вас, месье! – крикнул ему вслед Тома.

Когда братья перешли реку по мосту Иена, Люк обернулся и спросил:

– Почему ты соврал? Зачем сказал инженеру, будто болел я?

– Я решил, что так нужно, – признался Тома. – А иначе он мог подумать, что у меня слабое здоровье, и не нанял бы меня.

– Но у тебя и вправду слабое здоровье. По крайней мере, ты еще не совсем окреп. Хватит ли у тебя сил на такую работу?

– К концу месяца я буду в полном порядке.

– Все ужасно разозлятся, – напомнил ему Люк. – Доктор, мама, мадам Мишель... и особенно Берта.

– Знаю. Им пока не обязательно знать об этом.

– Ну что же... раз ты не женишься на Берте, то тебе придется найти ту таинственную девушку.

– Сказать по правде, я уже и не помню, как она выглядела. – Тома засмеялся. – Знаешь, прошло два года – ровно два года! – с тех пор как я видел ее на похоронах Виктора Гюго.

Некоторое время они шагали молча. Потом опять заговорил Люк:

– А ты уверен, что хорошо переносишь высоту?

Глава 5

1887 год

Жак Ле Сур наблюдал за входом в лицей. Это был предпоследний учебный день перед закрытием школы на лето.

Никто не обращал на него внимания. Да и чем он мог бы привлечь интерес? Для любого из тех, кто оказался в этот момент на улице Гренель, он был всего лишь парнем лет двадцати. По всей вероятности, студент или ремесленник.

И никто не знал, о чем он думает. Это было самое замечательное. Это то, что делало его свободным и всемогущим. Почти невидимый, он мог беспрепятственно ждать мальчика, которого хотел уничтожить.

Убивать его именно сегодня он не собирался. Мог бы, но не хотел. Пока рано. Он это сделает, когда придет подходящий момент. В этом никаких сомнений быть не могло. Но он был терпелив и считал, что терпение также дает ему власть – власть выбирать время. Ведь никто его не заподозрит.

Все было так просто, что он не переставал удивляться. Узнать, где живет Роланд де Синь и в какую ходит школу, не составило труда. Учитывая расписание школьных занятий, он мог являться к лицей и наблюдать, как подросток приходит сюда или уходит, в любой день, когда ему удобно. Теперь Жак Ле Сур знал и другие места, которые посещал юный Роланд. И он наведывался в одно из них примерно раз в месяц, чтобы быть в курсе, что происходит в жизни мальчика.

Из своих наблюдений он сделал вывод: большинство людей проживают свою жизнь, повторяя изо дня в день одни и те же предсказуемые действия. Почти всегда можно было сказать, где они в данный момент находятся. Потратив на изучение их распорядка еще немного усилий, можно было бы угадать, о чем они думают. Стоит нарушить привычный ход их существования, и они запаникуют. Предложи им взамен новый порядок, и они уцепятся за него, потому что так им будет спокойнее. Ловкий манипулятор мог бы заставить людей сделать почти все, что ему заблагорассудится, – такого мнения

придерживался Ле Сур. Именно этим он и собирался заняться после того, как изменит мир. Что касается юного де Синя, то его нужно уничтожить. Наказание заслужено. Смерть Жана Ле Сура должна быть отомщена. Каким иным способом можно доказать любовь к отцу, которого потерял?

Но Жак не только проверял местонахождение мальчика. Его цель была глубже. Он хотел лучше понять Роланда: узнать, что он делает, с кем общается. Если бы имелась такая возможность, Жак хотел бы узнать мысли юного де Синя и даже заглянуть в душу. Он хотел точно видеть, сколь недостойное место занимает Роланд де Синь в этой вселенной, и тогда его смерть будет оправданна и с точки зрения высшей справедливости.

До чего же банальной и предсказуемой была его жизнь до сих пор! Где живет его семья? В аристократическом районе Сен-Жермен, разумеется, где же еще. Где он учится? В частном католическом лицее Святого Фомы Аквинского, что находится в том же районе, само собой. Для Роланда все было определено заранее. Он станет идеальным представителем своего никчемного класса.

И вот он вышел из двери лицея с дюжиной других таких же маленьких ничтожеств. Жак Ле Сур впился в него глазами. Юный Роланд пойдет на восток по длинной улице, ведущей к его дому.

Но нет. Он пошел в противоположном направлении. Очень хорошо. Жак Ле Сур продолжал наблюдать. Приятели Роланда свернули на бульвар Распай, но де Синь пересек его. Через несколько минут он уже в одиночестве двинулся на запад.

Заинтригованный, Жак шел следом.

Роланд де Синь тосковал по матери. Она умерла, когда ему было семь лет. Обычно мальчиков отправляют учиться в пансионаты, но по совету отца Ксавье Роланд получал образование в католическом лицее рядом с домом и был рад этому. Потому что Роланд обожал свой дом.

Здание, в котором они жили, воплощало собой величие. Оно было проникнуто духом Людовика XIV, короля-солнца, – большое, в стиле барокко, мощное. С улицы к нему вели внушительные железные ворота, за которыми находился небольшой двор, окаймленный боковыми флигелями – их называли павильонами. Вестибюль и широкая лестница были отделаны светлым полированным камнем. В

высоких просторных комнатах на паркете и обюссонских коврах стояли, словно статные корабли на якоре, массивные стулья эпохи Людовика XIV, лакированные комоды и тяжелые инкрустированные столы, поблескивающие бронзовыми накладками. Мраморные столешницы гасили отраженный солнечный свет, который уважительно входил в аристократическую тишину дома. Родовые портреты – седые генералы, льстивые придворные – напоминали нынешним де Синям, что не только Бог, но и предки следят за тем, что делают потомки, и ожидают, что новые поколения, по крайней мере, не уронят фамильную честь.

Наиболее пышные особняки аристократии были известны как отели, и если бы виконт де Синь стоял чуть выше на общественной лестнице, то мог бы именовать свой дом «Отель-де-Синь».

Несмотря на суровое величие дома, Роланд был очень счастлив в нем. С раннего детства эти большие молчаливые комнаты напоминали ему святилища. Высокие кресла с резными деревянными подлокотниками и гобеленовыми сиденьями стали для него тетями и дядями. А портреты, порой устрашающие, были его дедушками и бабушками, его друзьями, по отношению к которым он испытывал глубинное, инстинктивное желание защищать и оберегать.

Но больше всего мальчик дорожил домом потому, что при малом количестве жильцов тот тем не менее был полон любви.

Отец Роланда, оставшийся вдовцом и больше не связавший себя узами брака, всегда был добр к мальчику. Старенькая няня не покинула их, даже когда Роланд пошел в школу, и долгие годы дарила бесконечное тепло и умело вела хозяйство виконта. Чтобы содержать дом, хватало штата прислуги в количестве шести человек, большинство из которых служили виконту всю свою жизнь, и Роланд воспринимал их как часть семьи. И еще был отец Ксавье, который, будто любящий дядюшка, раз или два в неделю обязательно навещал мальчика.

Но Роланд часто думал о матери. Он держал на прикроватном столике ее портрет и каждый вечер, помолившись, целовал его.

Роланд достиг пятнадцати лет, и его беспокоила одна вещь. Ему пора было думать о карьере, а он до сих пор не определился, чем хотелось бы заняться.

– Я не буду ни на чем настаивать, – сказал ему отец. – Замечу только, что твое положение сходно с положением нашего предка

Роланда, жившего в годы правления Людовика Святого. Изначально он был младшим сыном и потому поехал в Париж учиться. Как известно, он был благочестив и вел праведную жизнь. Почти монашескую. Но затем его старший брат умер, и Роланду пришлось вернуться домой, чтобы управлять имением, – таков был его сыновний долг. Поскольку ты единственный сын и, кроме тебя, нет никого, кто мог бы продолжить род, у тебя такая же перспектива. А если ты будешь управлять имением, то тебе неплохо было бы изучить право.

Однако правоведение не казалось подростку интересным. Он ведь был потомком рыцарей-крестоносцев и героя Роланда, а потому считал, что судьба должна уготовить ему более благородное предназначение.

– А что ты скажешь о военном деле? – несколько раз спрашивал он отца.

По какой-то причине виконт не советовал сыну идти в армию.

– Конечно, сам я был военным, – говорил он в таких случаях, – пока не решил уйти в отставку. Но для тебя я бы не хотел такой карьеры.

От дальнейших объяснений он воздерживался. И отец Ксавье тоже не давал конкретных советов.

– Желает ли ты служить нашему Господу? – мягко спрашивал он Роланда.

– Да, отец.

Роланд действительно хотел этого. Он надеялся, что, служа Богу, мог бы совершить какое-нибудь великое деяние во благо всего мира.

– Тогда тебе не о чем беспокоиться, – уверял его священник. – Если ты посвятишь себя Богу, Он укажет тебе правильный путь. – Отец Ксавье улыбнулся. – Я знаю, Роланд: ты хочешь делать добро, и это похвально. Твоя мать была бы довольна.

– Иногда она снится мне, – признался мальчик. – Может быть, она подскажет, что делать.

– Возможно. Но будь осторожен, – наставлял его отец Ксавье. – Не пристало тебе выбирать, каким способом Господь даст тебе знать о своих намерениях. Он сам решит, как это сделать, и это может быть нечто совсем неожиданное.

Расставшись на улице со своими школьными друзьями, Роланд неосознанно прибавил шагу. Предстоящее ему дело не обещало ничего

приятного, и он надеялся покончить с ним как можно быстрее. Ведь он шел смотреть нечто ужасное.

Роланд был добросовестным учеником. Это не было врожденным свойством – часто ему не хотелось заниматься учебой. Только из-за матери он мог заставить себя работать. «Пообещай мне, Роланд, что постарайся быть лучшим в школе» – такими были почти последние ее слова. И к чести мальчика, данное матери обещание он держал. В его классе были ученики умнее его, но благодаря усердию он добивался результатов, которые лишь немного недотягивали до лучших.

А сегодня утром на уроке истории учитель спросил, кто ходил смотреть на то кощунство. Роланд оказался единственным, кто не поднял руки, и тогда же решил, что сходит и посмотрит. Тем более что это совсем недалеко.

Если по улице Гренель идти от бульвара Сен-Жермен на запад, то примерно через километр она выведет на широкую зеленую эспланаду, упирающуюся северным краем в реку. Роланд вышел на середину площади и повернул налево – цель его путешествия была прямо перед ним.

Необъятных размеров дом призрения для старых солдат, известный как Дом инвалидов, занимал огромное пространство на бывшей равнине Гренель. Его начал строить в XVII веке Людовик XIV – в строгом классическом стиле, соответствующем назначению комплекса, но в его глубине воздвигли пышный собор с позолоченным куполом по аналогии с собором Святого Петра в Риме. Если встать спиной к холодным, суровым фасадам Дома инвалидов, то можно окинуть взглядом длинную вереницу плацев и даже различить на другом берегу Сены деревья Елисейских Полей. В комплексе также размещался артиллерийский музей, но Роланд пришел сюда не для того, чтобы рассматривать оружие. Войдя в первый внутренний двор, он направился прямо к собору.

Там, глядя на то безобразие, что было внутри, он понял, что имел в виду его учитель, когда говорил:

– Храм осквернили.

Квадратная в основании церковь. Четыре капеллы по углам формируют между собой крест. Над центром креста – купол. Классическая схема для христианской традиции, от ортодоксальной России до католической Испании.

Но теперь в церкви не осталось ничего христианского. Крипту расположили не внизу, а под самым куполом, и смотреть на нее полагалось с круговой галереи. Двенадцать колонн победы окружали эту языческую гробницу, а в ее центре, на массивном пьедестале зеленого гранита, покоился чудовищный саркофаг из полированного красного порфира, разбухший от имперского тщеславия.

Мавзолей Наполеона, сына революции, победителя помазанных на царствование королей, императора Франции. Это и было то кощунство, на которое должен был посмотреть Роланд.

– Вульгарная гробница, – говорил учитель, – позорный, языческий памятник. Склеп Наполеона – оскорбление католической Франции.

– Но разве это не правда, что император Наполеон поддерживал Церковь? – спросил кто-то из учеников.

– Поддерживал, но только как оппортунист. Только чтобы заполучить симпатию истинно верующих, которые не понимали, что в действительности он ни во что не верит и насмехается над ними за спиной. Когда Наполеон был в Египте, он поддерживал последователей пророка. «Если бы у меня было королевство евреев, – заявлял Наполеон, – я бы перестроил храм Соломона». – Учитель истории мог долго говорить на эту тему. – Есть немало неоспоримых доказательств нечестивости этого гнусного человека, но достаточно вспомнить одно: как во время своей коронации Наполеон вырвал корону из рук папы римского и сам водрузил себе на голову.

Рядом с Роландом вдруг возник какой-то старик и отвлек его от размышлений. Подобно мальчику, он приблизился к парапету галереи и опустил взгляд к красному саркофагу, но на этом сходство в их действиях заканчивалось. Пожилой мужчина вел себя так странно, что показался Роланду более интересным, чем усыпальница императора. Он был стар, но определить его возраст более точно не удавалось. Волосы странного посетителя были белыми как снег, а рот скрывался под моржовыми усами. Прозрачность кожи тоже свидетельствовала о долгой жизни. Но в мужчине было почти два метра роста, и держался он прямо, как солдат на параде. Роланд потом догадался, что старик действительно вытянулся по стойке «смирно», словно император был жив и обходил строй. Старый солдат был так поглощен своим делом, что не замечал ничего вокруг.

Рассматривать человека в упор было бы некрасиво, и Роланд сделал вид, будто восхищается росписью купола, а сам продолжал наблюдать за стариком. Простояв минут пять без движения, тот наконец отдал гробнице честь и повернулся, очевидно намереваясь уйти. И только тогда заметил рядом подростка.

– Молодой человек, – спросил он резким тоном, как сержант, обращающийся к новобранцу, – на что вы уставились?

– Простите, месье. – Роланд встретил взгляд голубых глаз – гордых, но не злобных. – Я не хотел быть невежливым. Просто меня удивило то, что вы отдали честь.

– А как же иначе? Я отдал честь императору. И так должны поступать все, кто помнит славу Франции.

La Gloire. Многие нации познали славу на протяжении своей истории, но никто не ощущал ее так остро, как народ Франции: монархисты прославляли короля-солнце, республиканцы – революцию, солдаты – великие победы императора Наполеона.

– Вы солдат? – осмелился спросить Роланд.

– Был когда-то. Как и мой отец до меня. Он служил в Старой Гвардии.

– Значит, ваш отец знал императора?

– Да. И я тоже. Мой отец выжил в отступлении из-под Москвы. И когда император вернулся для последней великой битвы и призвал всю Францию помочь ему, отец откликнулся, и я пошел воевать вместе с ним, хотя был тогда не старше тебя. Мать возражала. Она боялась потерять меня. Но отец сказал: «Пусть лучше мой сын погибнет, чем откажется сражаться за честь Франции». Вот так вышло, что я воевал вместе с отцом.

– И вы не погибли.

– Нет. Свою жизнь за Францию отдал мой отец. При Ватерлоо, в последней битве императора. Я был рядом с ним. – Старик помолчал. – И с тех самых пор в годовщину рождения моего отца я отдаю честь ему, императору и Франции. Я делаю так уже семьдесят два года, а в последние двадцать шесть лет, после того как сюда поместили этот саркофаг, делаю это здесь, в Доме инвалидов.

Наполеон умер в изгнании на острове Святой Елены, но легенда о нем жила. Для врагов он оставался мятежником и тираном. А для многих европейских народов, угнетаемых старыми, закореневшими

монархиями, он был республиканцем, освободителем, героем простого человека. Таким его видели и многие французы.

Вот и король Луи-Филипп, желая увеличить собственную популярность, счел необходимым вернуть тело императора на родину, в Париж, и теперь его прах покоился в этом величавом мавзолее, в самом сердце Франции, чего не удостоился ни один из французских королей.

Как бы ни относился Роланд к императору и его святотатственным поступкам, он не мог не восхищаться благородством и преданностью старого солдата, который почти в девяностолетнем возрасте держался по-прежнему гордо и прямо.

Голубые глаза под кустистыми бровями внимательно изучали Роланда.

– А кто вы такой, юный господин? – спросил он.

– Меня зовут Роланд де Синь.

– Аристократ. Что же, среди тех, кто служил императору, были и аристократы. Тогда ценились заслуги, а не происхождение. – Он покивал седой головой. – Наша страна уважала деяния. Не то что сейчас. Кто бы мог подумать, что я доживу до того момента, когда Париж унижат, а Эльзас и Лотарингию отдадут Германии.

– Наш учитель истории говорит, что мы должны отомстить за бесчестье тысяча восемьсот семидесятого года, – сказал Роланд. Не проходило и недели, чтобы классу не прочитали лекцию на эту тему, как и во всех школах Франции. – Он говорит, мы должны вернуть Эльзас и Лотарингию.

Старик смотрел на него с таким видом, будто оценивал в лице Роланда всех его ровесников: сможет ли новое поколение выполнить эту задачу.

– Теперь честь Франции в ваших руках, – наконец произнес он и повернулся к выходу, давая понять, что разговор окончен.

Едва ли задумываясь о том, что он делает, Роланд вытянулся по стойке «смирно», провожая старика взглядом. Потом, постояв над саркофагом еще немного, и сам решил отправиться домой.

Спускаясь с галереи, Роланд увидел молодого мужчину с темными короткими волосами и широко расставленными глазами, который без выражения смотрел прямо на него. Поравнявшись с ним, Роланд не удержался от того, чтобы поделиться переполнявшими его впечатлениями.

– Вы видели того старого солдата? – спросил он.

Незнакомец склонил голову.

– Он знал императора Наполеона, – сказал Роланд.

– Несомненно.

– Вот это да! – восхитился Роланд.

Незнакомец не ответил.

Следующий школьный день, последний в текущем учебном году, закончился раньше обычного – в полдень. Когда Роланд вернулся домой, отца там не было, но он оставил сыну сообщение, что после обеда они вместе кое-куда отправятся.

Как и обещал, отец приехал за сыном, однако на расспросы Роланда о предстоящем путешествии говорил только, что они посетят «одного друга», что распалило любопытство мальчика.

Был ли этот друг мужчиной, гадал Роланд, или женщиной?

Он часто задумывался о романтической стороне в жизни отца. Виконт де Синь свято чтит память покойной жены, однако отшельником не был. Хорошего роста, красивый, весьма богатый и знатного происхождения, он сохранил военную осанку и усы, но двигался грациозно и умел поддержать интересную беседу. Наверняка женщины находят его привлекательным, размышлял Роланд.

Как большинство аристократов, виконт считал интеллектуальные занятия ниже своего достоинства. Тем не менее в конце XIX века стало модным следить за новинками в литературе и искусстве, и потому он часто посещал выставки и даже бывал в салонах, где можно было встретить писателей или художников. Несколько месяцев назад Роланд нашел на столе отца в библиотеке экземпляр «Цветов зла». В его лице эти стихи Бодлера называли языческими и непристойными. Но когда он, смущаясь, спросил о них отца, тот отозвался довольно спокойно.

– Стихи Бодлера слегка отдают наигранностью, однако некоторые великолепны. Ты слышал о таком композиторе, как Дюпарк? Нет? Он положил на музыку стихотворение Бодлера «Приглашение к путешествию», и это прелестнейшая песня. В ней точно передается чувственность Франции.

Такие отзывы подсказывали Роланду, что в жизни отца есть сферы, скрытые от него. Периодические отъезды и необычная оживленность

перед ними, одобрительные слова няни «Виконт – настоящий мужчина» – все это заставляло мальчика подозревать, что у отца есть любовница.

Роланд понимал, что эту любовницу, даже если она достойная и благородная дама, отец никогда не приведет в тот дом, где живет его сын и в котором почитается память его покойной жены. Но не возможно ли, думал Роланд, что отец счел его достаточно взрослым, чтобы познакомить с этой дамой? Не ее ли они едут навестить? Такая возможность наполняла его любопытством и волнением.

Потом ему в голову пришла другая мысль, более серьезная. А что, если отец хочет представить его женщине, на которой решил жениться? Мачеха... Как это может отразиться на его, Роланда, будущем?

Они уже вышли из дому, но виконт так и не дал ему никакой подсказки. Зная, что отец любит подразнить его немного, Роланд смирился и больше не просил рассказать, куда они направляются.

Любимым экипажем виконта де Синя был легкий фаэтон, который везла пара серых лошадей, – с XVIII века в их роду пользовались для выездов только серыми лошадьми, напомнил он сыну. Управлял фаэтоном старый кучер, который, несмотря на свой всегда безупречный наряд, любил надевать старомодную треуголку. В итоге получался выезд, в котором сочетались дух спорта, моды и традиции, и Роланд всегда испытывал гордость, когда ему доводилось сопровождать отца в поездках.

Вскоре большие колеса фаэтона застучали по бульвару Сен-Жермен, катясь в сторону реки. Когда они выезжали на набережную Орсэ, у Роланда было только одно мгновение, чтобы полюбоваться классическим портиком Национального собрания и видневшимся за ним внушительным зданием Министерства иностранных дел, прежде чем экипаж быстро пересек широкий мост и оказался на просторной площади Конкорд.

Роланду было десять лет, когда отец рассказал ему, почему в семье де Синь не любили это открытое место.

– Теперь ее называют площадью Конкорд, – объяснил он, – но во время революции здесь стояла одна из множества гильотин. Тут лишили головы моего деда.

И отец, и сын, не сговариваясь, перевели взгляд с трагического места на сад Тюильри, который протянулся справа. Прямо впереди, за северной оконечностью площади Конкорд, стояли коринфские колонны

церкви Мадлен на широком цоколе. При виде этого красивого храма у Роланда всегда повышалось настроение.

– А ты знаешь, – спросил отец, – что несколько веков назад на этом месте стояла еврейская синагога? – Он улыбнулся. – Затем здесь начинали возводить христианский храм. Здание, которое мы видим сейчас, выстроил Наполеон в качестве зала славы своей армии. Но потом тут опять разместилась церковь. – Он глянул на Роланда. – Как видишь, ничто не постоянно, мой сын.

Роланд любил своего отца и восхищался им. Он знал, что может полностью рассчитывать на него во всем, что касается тех знаний и навыков, которые каждый отец должен передать сыну. Виконт научил его скакать верхом и охотиться, держать себя в обществе и прилично одеваться, целовать руку даме. Он водил Роланда на скачки и учил делать ставки, то есть дал ему все, что нужно молодому человеку его класса, вступающему в самостоятельную жизнь. Возможность доверять отцу дарила Роланду ощущение уюта и тепла. Но иногда, относительно более важных вопросов, ему казалось, что отец подводит его. Виконт как будто бы не верил в то, во что следовало верить.

А Роланд хотел определенности. Что бы ни было тому причиной – что он рано остался без матери, его возраст или врожденные свойства натуры, – но он испытывал острую потребность верить. Все должно быть либо правильным, либо ошибочным; либо хорошим, либо плохим. А без этой определенности как человеку понять, что он должен делать? Что станет с миром без четких границ?

И хотя Роланд не мог любить отца Ксавье так же, как своего отца, иногда он предпочитал советоваться со священником. Отец Ксавье был очень умен, но дело даже не в этом. За всем, что говорил святой отец, пусть Роланд и не всегда мог следовать за его глубокомысленными рассуждениями, неизменно чувствовалась абсолютная уверенность. Правила, по которым жил священник, были жестко определены и незыблемы. Он может задумываться над тем, как лучше проделать тот или иной путь, но он всегда точно знает, куда он движется и почему. Если в двух словах, то священник был убежден, что знает истину. В этом состояла сила Святой церкви.

Роланд всей душой желал, чтобы его отец был таким же.

Фаэтон повернул направо, на улицу Риволи. Мальчику нравилась пышность этой улицы. С одной ее стороны лежал сад Тюильри и Лувр,

с другой тянулся бесконечный ряд величественных зданий с аркадами, заложенных еще при Наполеоне. Под аркадами на нижнем этаже помещались модные магазины, а сверху находились апартаменты, достойные принцев крови.

– Ты знал, что изначально Лувр был маленьким фортом, построенным для охраны реки, и стоял он там, где сейчас угол нынешнего дворца? – продолжал легкую беседу виконт.

– Да, – ответил Роланд. – Он был частью старой крепостной стены, построенной королем Филиппом Августом.

– Хорошо, – кивнул отец. – Рад, что в школе вас чему-то учат.

Они немного проехали по улице Риволи, когда его отец велел кучеру остановить лошадей. Роланд увидел, что они находятся перед отелем «Мерис». Он слышал, что здесь любили останавливаться английские путешественники, и сразу встревожился: неужели отец собирается жениться на англичанке?

Но оказалось, что в отеле виконт только хотел оставить письмо для своего знакомого из Англии, который должен был вот-вот прибыть в Париж. Цель поездки еще не прояснилась.

Роланд решил рассказать отцу о старом солдате, которого встретил у гробницы Наполеона. С одной стороны, ему понравилось безыскусное благородство старика. Но с другой стороны – разве не злу он служил? Что скажет отец по этому поводу?

– Долг солдата прост, – подумав, ответил виконт. – Он должен выполнять приказы и служить своей стране. Старик так и делал. Что же до Наполеона... Смею предположить, его солдаты были уверены, будто сражаются за свободу и Францию.

– Но люди вроде нас не могут дружить с тем, кто восхищается императором, правда? – Роланда не удовлетворил такой ответ. – Священники в лице говорят, что Наполеон был чудовищем и что на самом деле он вообще был против Церкви.

– У людей могут быть разные взгляды, но это не значит, что они должны быть врагами, – вздохнул отец. – В любом случае это не всегда так просто. – Он помолчал. – Ты следишь за политикой?

– Немного.

– Что ты скажешь о нынешнем правительстве республики?

– Оно не очень сильное. Не очень популярное.

– Верно. После провала Коммуны большинство избранных депутатов и уж точно бóльшая часть сельской Франции желали вернуть монархию. В действительности они всего лишь хотели стабильности. И мира. Глядя на монархию в Британии, они думали, что все это им обеспечит конституционный монарх. И я не сомневаюсь, что реставрация монархии состоялась бы даже в том случае, если бы тогдашний глава королевской семьи не настоял на полноте власти. – Виконт потряс головой. – Они стоят на своем до последнего! В результате была составлена временная конституция с министром-президентом и законодательным корпусом. Но время шло, не было ни войн, ни катастроф, и монархистские настроения ослабли. Однако нельзя сказать, что правительство действовало эффективно, а нынешний его состав одновременно и бездарен, и продажен, поэтому сейчас множество людей предпочли бы вернуться к монархии или диктатуре. Пойдут ли дела получше? Этот вопрос остается открытым, но именно этого они хотят. И в последнее время среди них появился предводитель. Кто это?

– Может, генерал Буланже?

– Верно. До сих пор он был военным министром. Пару раз сумел доставить неприятности Германии. На днях его уволили, но за ним теперь стоит серьезная политическая сила. Если в республике произойдет кризис, что весьма возможно, то он может стать правителем Франции. Что говорят о нем в лицее?

– Что он плохой человек и не верит в Бога.

– Кто знает. Может, верит, а может, и нет. Но поскольку он заявил, что не верит в Бога, республиканские политики Франции решили, что он не может быть монархистом, и потому они поверили ему и назначили министром. Теперь они обнаружили, что он не только возглавляет новое политическое движение, но и пользуется поддержкой как монархистов, включая важных членов королевской семьи, так и бонапартистов, в том числе родственников императора. То есть католические монархисты и последователи Наполеона вместе поддерживают человека, который то ли верит в Бога, то ли нет. Как ты это объяснишь?

– Не знаю.

– И я тоже не знаю. – Отец улыбнулся. – Интересно, что думает по этому поводу отец Ксавье. Нужно будет спросить его.

Эта мысль еще больше развеселила виконта, и он рассмеялся.

Роланд предпочел бы, чтобы отец не подавал все в таком запутанном виде. Он попытался вернуться к вопросу, на который надеялся получить более однозначный ответ.

– Тот старый солдат сказал, что мы должны отомстить за бесчестье семидесятого года. Ты согласен с этим?

– Та война была бессмысленной. И начали ее мы. Наполеон Третий был глуп, и Пруссия воспользовалась этим.

– Но все равно, разве не следует нам отомстить?

– Кто знает? Может, и нет.

Роланд сдался. Однозначного ответа от отца ему не дожидаться, по крайней мере не сейчас. Они уже миновали Лувр и приближались к театру Шатле. И все-таки оставалось кое-что еще, о чем Роланду хотелось узнать. Кое-что, о чем он часто задумывался, но никогда не решался спросить.

– Папа, – произнес он, – можно задать тебе вопрос?

– Конечно.

– Почему ты ушел из армии?

На этот раз, заметил мальчик, что-то мешало отцу ответить с прежней легкостью.

– Я прослужил достаточно долго. И нужно было присматривать за именем. Я должен был заняться делами семьи. – На несколько секунд виконт замолчал. – Война семидесятого года была ужасна.

– Ты имеешь в виду наше поражение?

– Не совсем. – Отцу было нелегко говорить, и паузы между фразами становились длиннее. – Я говорю о том, что было после... о борьбе с Коммуной. Гражданская война – вот что хуже всего, мой сын. Пусть тебе никогда не доведется увидеть такое.

– Отец Ксавье рассказывал, что коммунары совершали святотатства. Говорит, они убили архиепископа Парижа и хладнокровно истребляли монахов и священников, которые стали мучениками – так же, как священники во время революции.

– Это так, – кивнул отец. – Но и мы тоже убили множество коммунаров. Тысячи.

– Но они же были не правы.

– Может быть. – Виконт задумчиво смотрел вдаль. – Но сами они считали, будто борются за Свободу, Равенство и Братство.

– И за беспорядок.

– И за это тоже, несомненно.

– Ты тоже убивал коммунаров? – спросил Роланд.

Ответом ему было молчание.

– Давай поговорим о чем-нибудь другом, – наконец сказал виконт.

Улица Риволи была длинной. Впереди она меняла название и еще чуть погодя заканчивалась на площади, где когда-то стояла Бастилия, но фаэтон де Синей пока достиг только ее середины. Когда они проезжали старую Гревскую площадь, Роланд отвлекся, разглядывая рабочих, которые ремонтировали огромное здание ратуши Отель-де-Виль. Неожиданно повозка повернула влево и покатилась по бульвару дю Тампль.

– Тебе известно, почему эта улица так называется? – спросил его отец.

– Здесь жили рыцари-тамплиеры.

– Сейчас тут вряд ли найдется хоть одно из их жилищ, но слышал ли ты о том, что на протяжении столетий после роспуска ордена тамплиеров налоговые льготы на их земли оставались в силе? Поэтому здесь очень охотно селились!

Следуя на север, улица постепенно сужалась, пока не уперлась в сумрачную площадь.

– Вот мы и на месте, – сказал отец, когда фаэтон свернул в проулок между домами.

В лавке была всего одна витрина, и в ней на фоне темно-коричневого бархата Роланд увидел кресло в стиле Людовика XIV, нуждающееся в обновлении. Заведение ему показалось сомнительным. Отец заметил выражение его лица и улыбнулся.

– Мой друг очень скромн, – заметил он. – Это кресло, между прочим, музейный экспонат, и будущий покупатель наверняка захочет, чтобы его отреставрировали.

Поняв, что цель поездки образовательная, Роланд молча устался на кресло.

Дверь лавки была заперта. Виконт позвонил в колокольчик. Несколько секунд спустя за стеклом витрины показался приземистый пожилой мужчина, немного сутулый, одетый, несмотря на теплую погоду, в застегнутое доверху черное пальто, и в очках с толстыми стеклами. Разглядев посетителей, он открыл дверь и впустил их.

– Месье де Синь. – Человек склонил голову в быстром поклоне. – Ваш визит – большая честь для меня.

– Я получил ваше приглашение, мой дорогой Якоб, и приехал немедленно, – любезно ответил виконт. – Кстати, не один, а с сыном. Роланд, это месье Якоб.

И неожиданно для себя Роланд оказался вынужден пожать протянутую ему небольшую ладонь. В голове звенела единственная мысль: его отец, аристократ и добрый католик, принял приглашение от человека несомненно еврейского происхождения.

Открытую для них дверь снова тщательно заперли. Несколько минут виконт де Синь посвятил приличным случаю расспросам о семье и здравии лавочника, а Роланд тем временем оглядывал узкое длинное помещение, в котором оказался. Его наполняло обычное для любого антикварного магазина скопление старых столов, античных бюстов и фарфора. В глубине комнаты виднелась дверь, которая, по-видимому, вела в хранилище или мастерскую. Света было мало. Роланд чувствовал себя как в темнице. Но больше всего его мучила неловкость.

Он вспомнил, как однажды поинтересовался у отца Ксавье, что тот думает о евреях.

– Они дали нам нашего Бога, Ветхий Завет и пророков, – осторожно ответил тогда священник.

– Но они убили Христа, – напомнил Роланд.

– Этого нельзя отрицать, – согласился священник.

– Поэтому они все попадут в ад, – продолжал Роланд, желая убедиться, что во всем разобрался.

Но отец Ксавье замешкался с ответом, будто не был уверен, какие слова окажутся в данном случае справедливы и уместны.

– Можно предположить, – наконец сказал он, – что при обычных обстоятельствах маловероятно, что еврей или протестант попадет в рай. Но нам неизвестны помыслы Господа. В своей бесконечной мудрости Он может сделать исключения.

Роланду, конечно, хотелось бы услышать более определенный ответ, но на какое-то время пришлось удовлетвориться этим. Тому, кто не был католиком, жилось несладко. И если вспомнить все, что говорили о евреях в школе и в домах друзей, то трудно было не поверить, что хотя бы часть из этих страшных историй основана на реальных событиях.

Поэтому мальчик смотрел на месье Якоба с подозрением и недоумевал, почему отец обращается с антикваром столь дружелюбно.

– Так что же вы хотели показать мне? – спросил тем временем виконт.

– Одну минуточку, месье. – Якоб скрылся в помещении за дверью в глубине лавки и быстро возвратился с каким-то свертком. Развернув свою ношу, он зажег несколько светильников. – Итак, месье де Синь и юный месье Роланд. Вот оно.

Они приблизились, и отец ахнул:

– Где вы нашли это?

– По рекомендации друга я вслепую сделал аукционную заявку на всю обстановку одного дома в Руане. Месяц назад, к своему удивлению, я узнал, что выиграл аукцион. А явившись забирать имущество, обнаружил эту вещь в подвале, завернутую в тряпку. – Он улыбнулся. – И тогда я подумал: она идеально смотрелась бы в замке месье де Синя в долине Луары. Это ведь тот же период. Но если для вас этот предмет не представляет интереса, я покажу его другим клиентам.

– Мой дорогой Якоб... – Виконт обернулся к сыну. – Роланд, ты знаешь, что это такое?

Гобелен, разложенный перед ними, был примечателен во многих отношениях. Во-первых, у него не было каймы и каждый дюйм его яркого сине-зеленого фона покрывали фантастические цветы и растения, за которыми виднелись птицы, звери и люди. И тон картины, и одежды рыцарей и дам на ней предполагали, что относилась она к Средневековью.

– Гобелены, столь богато украшенные растительным орнаментом, известны как мильфлер – «тысяча цветов», – заметил отец.

– Эта шпалера похожа на сказку, – произнес Роланд.

– Кажется, что картина светится, – сказал месье Якоб. Он говорил так тихо, что Роланду приходилось напрягать слух, чтобы разобрать слова, и это раздражало подростка. – Сияние объясняется тем, что фоновый цвет – зеленый, к которому добавлен синий. – Он повернулся к виконту. – Как видите, угол потерт. Это можно исправить, если желаете. Также некоторые участки выцвели из-за сырости. Возможно, цвет удастся восстановить, хотя не ручаюсь. В целом же гобелен в прекрасном состоянии.

– Это больше напоминает живописное полотно, а не ковер, – сказал Роланд, тоже желая принять участие в беседе, как взрослый.

– Верное замечание, – похвалил месье Якоб. – Вы даже сами не знаете, насколько правы, юный друг. Перед началом работы обычно обращались к художнику, чтобы тот нарисовал на плотной бумаге эскиз. Такой эскиз называли картоном. Но в случае конкретно с этим гобеленом художник рисовал сюжет прямо на полотне основы, через которую вышивальщицы продевали иголки с шерстяными и шелковыми нитями. Цвета подбирались с абсолютной точностью. – Он опять направил взгляд на виконта. – Однако я прошу вас обратить внимание на фигуры – они достойны особого изучения.

Роланд тоже всмотрелся. Среди ярких цветов и кустарников стояло несколько деревьев. Наверное, художник изображал лес или сад. На ветвях сидели птицы. На переднем плане шагали четверо – двое мужчин и две женщины с величавыми осанками, все богато одетые. Чуть дальше в гуще растительности виднелись разные животные.

– О боже! Единорог! – вдруг воскликнул виконт.

В верхнем правом углу между деревьями, там, где ожидаешь увидеть убегающего в глушь испуганного оленя, скакал бледный единорог. Композиция была задумана совершенно: взгляд, найдя это мифическое животное, скользил вокруг всей картины, чтобы вновь вернуться к изящному чарующему созданию.

– Существует два знаменитых цикла гобеленов с единорогами, – продолжал Якоб. – Во-первых, восхитительная серия «Дама с единорогом» на ярко-красном фоне, которую пять лет назад выставили в музее Клюни. Знакомы ли вы с этим музеем, юный месье Роланд? Он стоит на месте старых римских бань на левом берегу, совсем близко от вашего дома. И есть еще один цикл под названием «Охота на единорога», на зеленом фоне, и этими гобеленами владеет герцог де Ларошфуко. Оба этих цикла почти наверняка имеют фламандское происхождение и были произведены в той местности, которую мы сейчас называем Бельгия. Но эта шпалера французская. Ее возраст не такой почтенный, как у тех неповторимых шедевров: она датируется началом шестнадцатого века. Выполнена она в технике, принятой в бассейне Луары. Возможно, автор этого единорога был вдохновлен теми роскошными шпалерами, а может, совпадение сюжета случайно.

Лично мне нравится то, что такая тема встречается на шпалерах редко, и то, что работа очень высокого качества.

Наконец-то он умолк, подумал Роланд. Когда Якоб назвал его «юным месье Роландом» и поинтересовался, знаком ли ему музей Клюни, куда мальчик ни разу не заглядывал, несмотря на то что от дома до музея несколько минут ходьбы, Роланду послышалось в тихом голосе антиквара порицание. Ему казалось, что Якоб хочет унижить его, и он проникся к торговцу неприязнью.

Но его отец стоял перед шпалерой в полном восторге.

– Мой дорогой Якоб, – сказал он наконец, – скажите, сколько вы хотите за нее.

Тот написал что-то на листе бумаги и показал виконту. Де Синь глянул и кивнул.

– Реставрация? – спросил он.

– Если вы доверите этот вопрос мне... – начал Якоб.

– Конечно.

Роланд редко видел отца таким довольным, как после визита в антикварную лавку.

– Гобелен отлично подойдет к нашему шато, – говорил виконт, когда они усаживались в фаэтон. – Он относится к тому же периоду, пропитан тем же духом. Каждое поколение, мой сын, должно приумножать красоту такого дома, как наш. Это будет моим вкладом.

Они поехали обратно по бульвару дю Тампль. Отец задумчиво смотрел вдаль.

– Якоб ведь мог поступить и по-другому, – внезапно сказал старший де Синь. – Он мог бы продать шпалеру одному из дюжины богатых коллекционеров, которые заплатили бы ему гораздо больше, чем я.

– Почему же он предложил ее тебе?

– Несколько лет назад я оказал ему услугу: порекомендовал его лавку графу де Ножану, и тот со временем стал одним из самых ценных клиентов Якоба. Должно быть, он ждал возможности отплатить мне за ту любезность. – Виконт одобрительно качнул головой. – И ничего лучшего, чем этот гобелен, он не смог бы придумать.

– Ты думаешь, антиквар действительно купил гобелен, как сказал?

– А в чем ты сомневаешься?

Роланд не ответил. Но он не сомневался, а был практически уверен: торговец с тихим голосом, пытавшийся унижить его, гобелен украл.

Вообразить такое ему не составило труда. Большинство мальчиков из его школы сказали бы то же самое – либо всерьез, либо в шутку, как и их родители. Таково было общее мнение: все евреи заодно и целью их сговора является обман честных христиан. Первое положение было бы встречено удивлением среди еврейской общины, а второе – отброшено как абсурдное.

Однако такое отношение объяснялось не логикой: его подсказывал голос крови. Евреи не принадлежат к племени французов, потому что у них свое племя. У них также есть своя религия. И следовательно, заявляет голос крови, доверять им нельзя ни в чем. Нельзя даже рассчитывать, что они станут соблюдать десять заповедей, которые сами же дали миру. Роланд думал, что это общеизвестный факт, и возмутился бы, если бы ему сказали, будто он находится во власти предрассудков. Ведь природа предрассудков такова, что всякий страдающий ими не догадывается об этом.

И потому на обратном пути домой, сидя в элегантном фаэтоне, Роланд в душе был разочарован и самим фактом общения отца с евреем, и тем, что его отец по причине морального легкомыслия допустил, чтобы Якоб его обманул. Это ли не очередное свидетельство того, что отец – несомненно, добрый человек – поверхностен и лишен духовного стержня?

И как ему в таких обстоятельствах добиться хоть какой-нибудь определенности? Сколько бы недостатков ни обнаружилось у отца, сам он, Роланд, по-прежнему является потомком крестоносцев и героического соратника самого Карла Великого. Что он должен совершить в жизни, чтобы стать достойным таких предков и, конечно же, матери? Да, служение Церкви стало бы достойным решением. Но на Роланда ложится ответственность за продолжение рода. Похоже, ему и в самом деле предначертано пойти тем же путем, который выпал его богобоязненному тезке во времена правления Людовика Святого, то есть посвятить себя поместью и семье. Может быть, это предназначение каким-то образом компенсирует моральную слабость отца?

Роланд все еще размышлял об этом, когда они достигли конца бульвара. Кучер задумал вернуться домой иным путем и потому направил лошадей напрямик на мост, ведущий на остров Сите. Когда фаэтон выкатился на площадь перед собором Нотр-Дам, мальчик повернулся к отцу и торжественно произнес:

- Папа, я решил, чем буду заниматься.
- А. Может, юриспруденцией?
- Нет, папа. Я хочу служить в армии.

Глава 6

Октябрь 1307 года

Якоб бен Якоб провел на ногах всю ночь и половину наступившего дня. Он обыскал главную дорогу, ведущую на юг, расспросил каждого крестьянина и прохожего. Ничего. Он прошел и по другим дорогам, что лежали восточнее. Ни следа. Или его дочь отправилась куда-то в другую сторону, или она все еще прячется в городе. А может, все это какая-то ошибка и дочь давно уже вернулась домой. Ах, если бы так! Он молился об этом.

Но если нет, то перед ним встает огромная сложность. Как он объяснит ее отсутствие? Сделает вид, будто она умерла? Он продумал такой вариант. Сказать, что она заболела, невозможно: во-первых, к ней не приглашали лекаря, а во-вторых, двое слуг в доме знают, что это неправда. Могло с ней стрястись что-то за пределами города? Получится ли сочинить какую-нибудь историю, которая удовлетворила бы городские власти? Сумеет ли их небольшая семья изобразить скорбь перед пустым гробом и похоронить вместе с ним всякое воспоминание о дочери?

Но что, если потом она вдруг вернется?

Тем не менее нужно скрыть истину. Никто не должен узнать, что сделала Наоми.

Якоб бен Якоб был низеньким человеком с жидкими волосами и добрыми блекло-голубыми глазами. Свою дочку Наоми он любил всем сердцем. Но он любил и дражайшую жену свою Сару. Она поседела, еще когда Наоми была малюткой, однако в качестве награды за всю ее преданность и безропотные страдания кожа на ее лице оставалась такой же гладкой, а глаза – такими же яркими, как и двадцать лет назад. Сколько еще придется ей страдать, если узнают о том, что случилось?

Даже на ее младшего брата падет черная тень – долгие годы к нему будут относиться с подозрением. О возможных последствиях для себя самого Якоб старался не думать. И все это Наоми прекрасно известно.

Вот почему Якоб не мог не проклинать дочь, несмотря на всю любовь к ней.

Солнце клонилось к западу, когда он пересек Сену и направился на север по улице Сен-Мартен. Добравшись до дому, он торопливо вошел внутрь. Его встретила Сара.

– Ну? – воскликнул он. – Где она?

– Не знаю, Якоб. – Его жена печально покачала головой, а потом протянула ему кусок пергамента.

– Что это?

– Письмо. От нее.

В ту ночь Якоб спал плохо. Не дождавшись рассвета, он встал и решил выйти подышать воздухом. С письмом в поясной сумке и в наброшенной на плечи накидке он шагнул на улицу. От его дома на улице Сен-Мартен было недалеко до северных ворот. Пройдя под сводами стены, он свернул на тропу, по которой они с Наоми столько раз ходили к их маленькому садовому участку.

Была пятница, тринадцатое октября. Занималось туманное утро. Когда тропа вывела Якоба на вершину склона, его приветствовали первые лучи солнца. Лежащий внизу великий город, обнесенный стеной, и его пригороды были скрыты пеленой тумана. Только башни Нотр-Дама и полдюжины средневековых шпилей вздымались над серебристым ковром и, казалось, чудесным образом висели в воздухе. Глядя на завораживающий пейзаж, Якоб думал: разве может хоть один человек, еврей или христианин, остаться равнодушным при виде этих прекрасных цитаделей, парящих в небесах?

Якоб бен Якоб любил Париж. Этот город был его домом, как для его отца и деда. Еще будучи мальчиком, он полюбил широкую гладь Сены, виноградники на холмах, ароматы узких улочек и даже красоту церквей Нотр-Дам и Сент-Шапель, хотя в них проповедовали не его веру. И он по-прежнему любил все это. Он не хотел покидать город. Но теперь вид Парижа не приносил ему ничего, кроме отчаяния.

Он достал письмо Наоми и перечитал.

Одно было несомненно: письмо умное. Очень умное. Содержащаяся в нем ложь была очевидна Якобу, но все остальные, кто прочитает это письмо, поверят ему, и именно таков был расчет Наоми.

Ее уловка может сработать. У Якоба появилась надежда, что еще можно будет все скрыть.

Но письмо не меняло единственно важного для Якоба факта. Он потерял дочь. Вероятно, они больше никогда не увидятся.

Его ли это вина? Конечно. Господь наказывает его. Он совершил ужасное преступление. Теперь настало время заплатить за него.

Якоб грустно качал головой и думал: неужели он всю жизнь ошибался? Когда его суждения впервые стали неверными?

Увы, ответы на оба вопроса были ему слишком хорошо известны.

У Якоба было счастливое детство. Его отец, образованный человек, зарабатывал на жизнь врачеванием и был мастером своего дела. «Лучшие еврейские ученые живут в Испании и на юге, – любил говорить отец, – но и Париж не так уж плох». Он с некоторым презрением относился к умственным способностям их раввина, о чем тот догадывался. Но со своим сыном еврейский лекарь был бесконечно нежен. Каждый вечер он помогал маленькому Якобу улечься в постель и перед сном читал с ним молитву Шма: «Внемли, Израиль! Господь – Бог наш, Господь – один!» И каждое утро он снова молился с сыном. У отца было множество друзей. Так как его услугами пользовались и христианские знатные семьи, и еврейские, к нему везде относились хорошо, и юный Якоб рос в обстановке достатка и любви. Его лучший друг Анри, красивый мальчик с ярко-рыжими волосами и живыми карими глазами, происходил из богатого христианского рода торговцев по фамилии Ренар.

Насколько Якоб помнил, его судьба была определена с рождения. Он должен был стать лекарем, как отец. Его родитель немало гордился тем, что сын продолжит дело. Для родственников и друзей такой план казался абсолютно естественным. И сам мальчик считал, что ничего лучшего и быть не могло. Все уважали его отца. Стоит только следовать его примеру, и у Якоба тоже будет прекрасная жизнь.

Первые сомнения зародились, когда ему исполнилось двенадцать лет. Он не мог понять, что с ним происходит. Вероятно, причина крылась в его таланте к математике, который не находил применения в лекарском искусстве. А может, были и другие причины.

Со временем отец стал брать сына с собой, когда навещал пациентов, и позволял наблюдать за тем, как он их осматривает. Потом он объяснял Якобу, какое лечение он рекомендовал и почему. Якоб быстро научился диагностировать заболевания и подбирать соответствующие снадобья. Отец был очень доволен его успехами, и Якоб тоже гордился ими.

Однако постепенно он начал давать себе отчет в том, что не получает удовлетворения от этой работы. Сначала его это удивляло, потом встревожило. Ему не хотелось провести всю жизнь среди больных. Отцом Якоб искренне восхищался и всегда надеялся стать похожим на него, но возможно, ему это не было суждено.

Как же поступить? Он не знал. И поскольку он не в силах был внятно объяснить свои ощущения, то обращаться к отцу за советом стеснялся, а говорить об этом с кем-то другим и тем более не решался.

Тогда он попытался не обращать внимания на эти ощущения. Сказал себе, что такое поведение пристало неразумному ребенку, а он ведь уже не ребенок. Он же вот-вот должен стать настоящим мужчиной.

В скором времени его ожидала бар-мицва, торжественная, но простая церемония. Почти все еврейские семьи, которые знал Якоб, проводили ее примерно одинаково. В первый после достижения Якобом тринадцати лет Шаббат его вызовут в синагогу к чтению Торы. В отличие от правил, принятых в некоторых других общинах, для Якоба это будет первый в жизни визит в синагогу. Потом в родительском доме соберутся родственники и друзья, чтобы отпраздновать значительное событие.

Якоб с нетерпением ждал этой даты. К религиозной части бар-мицвы он был хорошо подготовлен и по-еврейски читал так же бегло, как на латыни. Когда все закончится, он будет считаться взрослым – по крайней мере, теоретически. И потому Якоб был решительно настроен покончить с детскими сомнениями, касающимися его будущей жизни, до совершеннолетия.

Однажды, примерно за месяц до бар-мицвы, он отправился погулять с кузенком матери, по имени Барух.

Его отец недолго любил Баруха, и Якоб догадывался, в чем было дело. Барух был примерно того же возраста, что и отец Якоба, но на этом всякое сходство между ними заканчивалось. Тучный и громогласный Барух любил поспорить, к образованию и учености

относился без особого уважения. Тем не менее он был неглуп. Якоб знал, что кузен матери богаче, чем они. Он занимался тем, что давал деньги в долг.

В их дом Барух приходил нечасто, но в тот день ему нужно было увидаться с матерью Якоба по какому-то семейному вопросу. Закончив с делами, ростовщик предложил Якобу:

– Не хочешь ли пройтись со мной? – А затем обратился к кузине: – Твой сын никогда со мной не говорит.

– Я слишком редко вижу вас, – ответил Якоб.

– Пойди и проводи своего дядю Баруха, – велела мать.

День выдался прекрасный. Через ближайшие ворота они вышли за городскую стену и двинулись по дороге, ведущей к обширным владениям ордена тамплиеров. Якоб, желая завести разговор, спросил Баруха, чем тот занимается.

– Я даю в долг деньги, а потом пытаюсь получить их обратно.

– Это мне известно.

– Тогда что ты хотел узнать?

– Ну... мне интересно, как вы это делаете.

– А как твой отец лечит людей? Он дает им снадобья, которые, как они надеются, помогут им. После чего они должны выздороветь, то есть на это надеется твой отец. Вот и я даю людям деньги, которые им помогут. Потом они станут богаче. Они на это надеются. И я тоже, потому что в противном случае они не смогут вернуть мне долг. Все довольно просто.

Якоб обдумал услышанное.

– Тогда как вы понимаете, кому можно дать в долг, а кому – слишком рискованно?

– Хороший вопрос, Якоб. – Барух немного смягчился. – Оказывается, ты не так уж и бестолков. Так вот, чтобы быть уверенным, что долг вернут, нужно взять залог. Заемщик должен предложить что-то в обмен на деньги, а займодавец должен выяснить, чего стоит предложенная вещь и действительно ли она принадлежит заемщику. И еще нужно уметь считать. Если риск высок, то приходится брать более высокий процент, чтобы защитить свои интересы. Тебе все понятно?

– Кажется, да. Все дело в правильном расчете.

– Да. Но знаешь, голого расчета недостаточно. Это же настоящее искусство! Нужно разобраться в положении дел у заемщика. Правильно

оценить его характер. Иногда это самое важное – характер. – Барух пожал плечами. – Так что в какой-то степени я – тот же целитель. Я тоже действую так, как подсказывает мне чутье. Я исцеляю от бедности и забочусь о благополучии людей. – Он глянул на Якоба, чтобы посмотреть, как тот воспринимает услышанное. – Это трудная профессия.

– Мне она кажется интересной, – честно признался Якоб.

– Да, не самая плохая.

– Христиане называют это ростовщичеством.

– Нет, так называют это евреи. Это в Торе говорится, что нельзя давать деньги в долг под проценты. – Барух помолчал. – А знаешь что? Тора очень подробно объясняет, чего делать нельзя. Но если не будет никакой выгоды, никакого интереса, то не будет и причины давать в долг, и тогда никто не сможет взять денег взаймы. Можно обокрасть родную бабушку, но занять необходимую сумму будет невозможно. – Он улыбнулся. – Но есть одна лазейка. Еврей не может давать деньги в рост другому еврею. Но нигде ничего не говорится о том, что нельзя брать проценты с того, кто евреем не является. Так что мы с чистой совестью даем деньги в долг под процент христианам.

– И христианам разрешается брать у нас в долг.

– Да, тут действует та же самая логика. Христиане считают, что нельзя одалживать деньги под проценты, потому что так сказано в Библии. Но если еврей готов дать им денег, то с этим никаких проблем. Еврей ведь все равно попадет в ад, так кому какое дело? Ростовщичество – одна из немногих профессий, которыми нам разрешено заниматься, потому что христианам это очень удобно. – Он развел руками. – Они получают деньги. Мы попадаем в ад.

– Но христиане тоже дают деньги в долг, – возразил Якоб. – Ведь есть же ростовщики из Ломбардии. Я слышал, что они получили разрешение от самого папы римского.

– Да, но они не берут процентов.

– Откуда же они получают прибыль?

– Назначают плату за ссуду.

– В чем же разница?

– Математически? Никакой. Но называется по-другому.

Они приблизились к обнесенному оградой обширному поместью, принадлежащему тамплиерам, и остановились посмотреть.

– Как так получилось, что тамплиеры стали богатыми? – спросил Якоб.

– В течение многих поколений они получали земли в дар. Еще они не платят налогов. И ссужают деньги. Король должен им целое состояние.

– Если так, то они дают в долг не под проценты, а за плату, – сказал Якоб.

– Конечно. На самом деле тамплиеры очень умны. Они дают деньги в долг, но это лишь часть их доходов.

– В чем же дело?

– Посмотри на их храм. Это же неприступная крепость. Вероятно, внутри хранится больше золота, чем в любом другом месте Франции. Все началось с того, что тамплиеры стали перевозить золото и деньги из Святой земли для крестоносцев. Свой ценный груз они держали в крепостях, подобных этой. Но с тех пор они построили укрепленные хранилища для денег во всех христианских землях. Как по-твоему, что в этом гениального?

– Я думаю, что теперь у них в любой стране наготове любая сумма денег, зачем бы они ни понадобились.

– Верно, но суть не в этом, – заявил Барух. – Главное, что теперь путешественник не должен брать с собой много денег. Ему не требуются стражники и воины, чтобы охранять в пути деньги. Он не боится ограбления. Он просто вносит какое-то количество денег тамплиерам в Лондоне или Париже, получает расписку и потом может взять свои деньги или их часть в любом другом храме тамплиеров, куда бы ни направлялся. Тамплиеры берут высокую плату за свою услугу, но она стоит того. Безопасность – вот за что им платят.

– Тамплиеры сами придумали это?

– Нет. Торговцы Средиземноморского региона с незапамятных времен умели делать нечто подобное, но тамплиеры действуют с невероятным размахом. В некоторых из их фортов хранится достаточно средств, чтобы купить целую армию.

– Но иногда им самим приходится перевозить деньги и сокровища, – заметил Якоб.

– Конечно. Но никому и в голову не придет нападать на рыцарей Храма, разве только сумасшедшему. Эти дьяволы бьются не на жизнь, а

на смерть. – Барух усмехнулся. – Забавно, да? До смерти сражаются только те рыцари, которые охраняют деньги.

Из вежливости Якоб покивал с улыбкой, но в его мыслях царило смятение.

Несомненно, его дальний родственник думал, что просто занимает разговором мальчишку, который собирается стать врачом. Однако его слова имели куда более мощный эффект, чем он мог бы себе представить.

Когда Якоб слушал рассуждения Баруха об искусстве предоставления займов, ему казалось, будто перед ним раскрыли дверь. Вот в каком деле нашлось бы применение всем его талантам. Это был тот вид деятельности, который он искал. Просто он не знал о нем. И как только Якоб понял это, то ощутил спокойствие, какое испытывает всякий нашедший свое истинное призвание. «Я мог бы этим заняться, – стучало в его мозгу. – Я бы хотел этим заняться».

А когда Барух описал грандиозный размах, с которым тамплиеры вели денежные дела, Якоб почувствовал не только восхищение, но и вдохновение. Его поразил масштаб их деятельности, эффективность и разумность организации работы. Бесконечные возможности кредитной системы, которая раскинулась по всей Европе, представлялись ему самыми красивыми и изящными идеями, о которых он когда-либо слышал. Что может быть лучше, что может быть интереснее, чем принять участие в объединении мира денег, кровотоке любого предприятия, который не знает бессмысленных границ, а может литься беспрепятственно из королевства в королевство? Хотя Якоб пока не знал такого слова, ему только что описали в нескольких словах чудеса финансирования.

– Можно мне работать с вами? – выпалил он неожиданно для себя.

– Но ты же собирался стать врачом, – удивился Барух.

– Нет, – коротко ответил Якоб.

– Тебе нужно сначала посоветоваться с отцом.

Якоб пообещал так и сделать.

Но почему-то он никак не мог заставить себя заговорить с отцом, хотя понимал, что это необходимо. Мальчик был уверен, что нашел себе занятие по душе. Но сказать отцу, что он отказывается идти по его стопам, а вместо этого хочет работать с человеком, которого отец не любит... Это было нелегко.

На следующей неделе он встретил Баруха на улице.

– Ты сказал отцу? – спросил толстяк.

– Нет, но собираюсь.

– Ты можешь передумать, я не обижусь.

– Нет. Я хочу работать у вас.

– Может, мне самому поговорить с твоим отцом?

– Я сам.

– Не откладывай этого до бар-мицвы.

И все равно Якоб медлил. С каждым разом, когда отец одобрительно смотрел на него или когда мать произносила: «Мы все гордимся тобой», становилось все труднее завести разговор о будущем ремесле. Для всех его решение будет ужасным разочарованием. Проходил день за днем, неделя за неделей, и Якоб начал думать, что лучше будет отметить бар-мицву без проблем, а с отцом можно поговорить и после.

И так он тянул, тянул... до первой субботы после своего тринадцатилетия.

В синагоге он хорошо прочитал отрывок из Торы. Все были очень довольны им. Вечером в доме собралось около двух десятков гостей: родители, ближайшие друзья, родственники. Раввин и Барух тоже были среди приглашенных.

Барух вопросительно глянул на мальчика, и Якобу пришлось прошептать в ответ:

– Я решил поговорить с отцом, когда все это закончится.

Гости поздравляли его с совершеннолетием, и жена одного из соседей сказала:

– Вы только посмотрите на глаза Якоба. У тебя удивительные глаза, Якоб. Это глаза настоящего врача, такие же, как у твоего отца.

– Из него получится прекрасный лекарь! – подхватил еще кто-то из друзей.

– Должно быть, вы очень гордитесь сыном, – обратился еще один гость к матери Якоба.

И его мать со счастливым лицом сказала, что да, она очень им гордится.

– Он не собирается быть врачом, – сказал Барух, но из-за общего гула эти слова расслышала только женщина, с которой он в тот момент беседовал.

– Что это вы такое говорите? – спросила она громко, и несколько человек обернулись к ним. – Конечно же, он будет врачом.

– Не хочу с вами спорить, но знаю наверняка: он не хочет лечить людей.

Теперь его услышала и мать Якоба.

– О чем это ты, Барух? – с досадой воскликнула она.

К Баруху она относилась лучше, чем ее муж, так как он приходился ей кровной родней, но тоже недолюбливала его.

– Я говорю о том, что мальчик не намерен учиться на лекаря. – Барух пожал полными плечами. – Он хочет работать со мной. Что в этом такого ужасного?

– Нет, ничего подобного!

– Тогда сами спросите его.

Он перевел взгляд на Якоба, и все тоже посмотрели на подростка. Якоб молча стоял, желая лишь одного: чтобы под его ногами разверзлась земля и поглотила его навечно.

– Я очень разочарован, – сказал ему отец вечером того же дня. – Меня огорчает то, что ты передумал становиться лекарем, так как, по моему, у тебя есть к этому делу способности. Но то, что ты действовал за моей спиной... Не сказав ни слова родителям, ты советуешься с Барухом, с которым мы не очень-то дружны. А потом ты еще и осрамил нас перед самыми близкими друзьями и родней. «Почитай отца своего и мать свою»! Ты нарушил эту заповедь прямо в день своей бар-мицвы. Позор тебе, Якоб! Не знаю, смогу ли я называть тебя своим сыном после такого.

Это был его первый серьезный проступок. Даже теперь, столько лет спустя, при воспоминании о том дне он морщился от стыда.

Но в положенный срок он все-таки начал работать на Баруха, и продолжалось это десять лет, пока тот не упал замертво во время спора с кем-то из заемщиков. К тому времени Якоб очень хорошо изучил ссудное дело и смог работать дальше самостоятельно. Благодаря своему таланту, а также многочисленным друзьям отца в городе он преуспевал.

Потом Якоб полюбил Сару и женился на ней. У него появилась собственная семья, и он был очень счастлив.

Так что же подвигло его сделать непоправимую ошибку, совершить чудовищное преступление, которое привело к трагедии и вот теперь – к утрате дочери?

Если докапываться до первопричины, размышлял Якоб, то можно сказать, что виноваты во всем крестоносцы.

Два столетия тому назад, когда первые рыцари отправились в Крестовый поход, чтобы отвоевать у сарацинов Святую землю, они добились своего: взяли сначала Антиохию, а затем и сам Иерусалим.

Но очень быстро сплотившие людей благочестивые идеи возврата утраченных христианских святынь исказились и выродились. По Европе рассеялись толпы авантюристов и мародеров. На их пути оказались еврейские общины в бассейне Рейна и на Дунае: поселения разграбили, а евреев перебили. Христианские короли и даже Церковь пришли в ужас.

В последующие десятилетия медленно зародился другой процесс, и настроение в христианском мире изменилось. Дело в том, что огромная, неповоротливая империя мусульман не рассыпалась под ударами первых крестоносцев. Она огрызалась. Результатом стала целая серия новых Крестовых походов. Некоторые из них были успешны – в Испании, например, потеснили мавров. Однако другие походы обернулись катастрофой. Церковники были озадачены: почему Господь не дал им победу? Крестоносцы теряли пыл. Все искали козлов отпущения. А кто подходит на эту роль лучше, чем евреи, тем более что среди них были и ростовщики, которым задолжали и короли, и рыцари, и торговцы? Вскоре евреев стали обвинять во всевозможных преступлениях, даже в том, будто они приносят в жертву христианских детей.

В Париже еврейская община занимала квартал рядом с королевским дворцом. Красивая синагога стояла прямо напротив дворца, на правом берегу Сены. В 1182 году король Филипп Август превратил эту синагогу в церковь Мадлен, а евреев на несколько лет вообще изгнали из королевства. Но нужно было возводить вокруг города стену, финансировать крестоносцев, и потому король вскоре

вновь призвал их. После этого парижские евреи селились в большинстве своем возле северной стены. Их кое-как терпели.

Следующая атака обрушилась на них только в период правления внука Филиппа, но зато была она коварной и готовилась втайне.

Францисканский монах Николай Донин заявил во всеуслышание, что Талмуд сомневается не только в Божественном происхождении Иисуса, но и в невинности его матери Марии. Вскоре сам папа римский велел христианским королям сжигать в своих странах Талмуд. Большинство европейских властителей, впрочем, не обратили внимания на этот призыв.

Но набожный король Франции Людовик IX услышал папу. Праведный монарх, который привез в Париж терновый венец, построил Сент-Шапель и поддерживал инквизицию, не отступил бы ни на шаг от исполнения своего христианского долга. Он сжег все экземпляры Талмуда, какие только смогли найти в его королевстве, и заставил французских евреев носить красную повязку позора.

Эту повязку носил еще дед Якоба. И все-таки, как и большинство его соплеменников в Париже, покидать город он не желал, и Якоб вполне понимал своего предка.

Париж являлся величайшим городом Европы, даже более крупным, чем Лондон. Это был интеллектуальный центр. В нем велась торговля беспримерных масштабов.

К тому времени, когда Якоб стал сам зарабатывать на жизнь, ситуация для евреев потихоньку налаживалась. На трон взошел внук благочестивого короля Людовика – высокий, светловолосый Филипп Красивый. Он много говорил о своей религиозности и добродетельности, но ему всегда нужны были деньги.

– Оплатите мои долги, – сказал он евреям Франции, – и я защищу вас от святой инквизиции.

Якоб поселился в доме на улице Розье в приятном квартале у северо-восточного угла городской стены. Его дело процветало. Он собирался жениться. Казалось, судьба улыбается ему.

Как ни странно, первые неприятности пришли от короля Англии. Дело в том, что могущественных Плантагенетов полностью так и не выдворили из Франции. В их руках по-прежнему оставались богатые земли Гаскони в старой Аквитании. И в 1287 году английский король

решил выгнать оттуда всех евреев. Это было тревожное событие, однако в то время Якоб готовился к свадьбе и не слишком задумывался о происках врага Франции – короля Англии из династии Плантагенетов.

Следующий год принес молодой семье много горя. Сара родила мальчика, но было сразу видно, что ребенок слабый, и ни для кого не стало неожиданностью, что он вскоре умер. Через несколько месяцев тихо скончалась мать Якоба, а отец, сраженный утратой, последовал за ней еще до конца года.

В результате этих трагических событий Якоб неожиданно оказался в семье самым старшим, но бездетным. Он чувствовал себя одиноким и незащищенным.

Но затем, двенадцать месяцев спустя, родилась малышка Наоми. С первого же дня жизни она была крепкой девочкой. Наблюдая за тем, как она растет, Якоб был на седьмом небе от счастья. Огорчало его только то, что его родители не успели полюбоваться на внука, зато теперь он мог смотреть в будущее с надеждой.

Всего лишь раз в последующие несколько лет жизнь напомнила о том, что в средневековом мире всегда существует опасность массовой истерии. В Париже на Пасху внезапно арестовали одного не очень приятного еврея, которого Якоб немного знал. Против него выдвигались серьезные обвинения: якобы он осквернял гостию – освященный хлеб.

Бедная женщина из соседнего прихода утверждала, будто она принесла ему облатку из своей церкви, а он искромсал подношение ножом. Было ли это правдой? Неизвестно. Но за несколько дней история облетела весь город и обросла красочными подробностями: якобы на облатке проступила кровь, а потом потекла струей и наполнила целый сосуд; затем облатка стала парить по дому того еврея; потом семье поверженного в ужас осквернителя явился сам Спаситель...

У людей нередко случаются видения, и этим видениям верили. В данном случае суд счел вину доказанной, и, так как преступление было религиозным, еврея тут же казнили.

Якоб покачал головой над невероятной глупостью произошедшего, но удивлен он не был. Нужно быть осторожным, очень осторожным, только и всего.

Более серьезными могли оказаться последствия другого события, случившегося за морем.

Стоял июль. Якоб шагал в сторону острова Сите, когда заметил своего приятеля Анри Ренара. Он приветственно помахал Анри – и очень удивился, когда тот бросился к нему через улицу и схватил за руку.

– Ты что, ничего не слышал? – спросил Ренар.

– О чем?

– Ужасные новости! – зашептал Ренар. – Из Англии выгоняют всех евреев. Они должны покинуть страну немедленно.

Якоб заспешил домой. К вечеру он обсудил новость с дюжиной близких друзей и раввином.

– Тот факт, что король Англии наносит евреям удар, не означает, что во Франции Филипп захочет сделать то же самое, – высказался раввин. – Нам нужно подождать и посмотреть, что будет. И, кроме того, – добавил он, – что еще нам остается?

К следующему утру большинство парижских евреев пришли к тому же выводу.

Но Ренар все равно беспокоился о своем друге Якобе. Проведя в раздумьях несколько дней, он собрался с духом и, встретив Якоба на рынке Ле-Аль, отвел его в сторонку.

– Мы знаем друг друга много лет, и потому я уверен, что ты не обидишься, услышав мой вопрос, – так начал разговор торговец. – На всякий случай я сразу прошу простить меня. Якоб, я много думал еще с тех пор, как евреев прогнали из Гаскони. – Он был очень смущен и часто делал паузы. – Якоб, друг мой, времена сейчас такие опасные. Я не могу не спросить тебя: ты ни разу не задумывался о том, чтобы перейти в другую веру?

– В другую веру? – Потрясенный Якоб уставился на друга. – Ты хочешь сказать – в христианство?

– Ты наверняка слышал о таком.

В Испании иудеи уже довольно часто принимали крещение, во Франции же это случалось реже. Поколением ранее в Бретани пять сотен евреев разом крестились, потому что им грозила смерть, сохрани они верность иудаизму.

– Это обеспечит тебе безопасность, – торопливо выдвинул главный аргумент Ренар. – Все ограничения для евреев перестанут тебя

касаться. Ты сможешь владеть землей и торговать с кем и как захочешь. Я с радостью помогу тебе вступить в торговую гильдию.

Якоб видел, что его старинным другом движут лучшие чувства, но все равно он был так возмущен, что лишь молча помотал головой. Больше Ренар не поднимал этой темы.

К счастью, в тот раз еврейскую общину Парижа не тронули. Англия осталась закрытой для евреев. Как и предполагалось, английский король вскоре заменил их итальянскими ростовщиками, получившими разрешение папы римского. Но Филипп Красивый не последовал этому примеру. Парижские евреи перевели дух.

Однако для Якоба следующие несколько лет принесли проблемы другого рода.

Через год после изгнания евреев из Англии жена Якоба родила еще одного ребенка, мальчика. Но крошечный, слабенький малыш не прожил и недели. Восемнадцать месяцев спустя у Сары случился выкидыш. А потом – ничего. По какой-то причине жена больше не могла забеременеть. Казалось, Якобу придется остаться без наследника.

Он смирился с этим ударом, как и должно было, но все равно не мог не задаваться вопросом: почему Бог так сурово наказывает его? Чем он провинился?

Старого раввина, к чьим умственным способностям критично относился отец, сменил новый – его сын, полноватый мужчина примерно одних лет с Якобом. Наоми и сын молодого раввина вместе играли и учились, и это тоже было основанием поддерживать хорошие отношения. Поэтому Якоб отправился к нему за советом.

Правда, ничего нового он не услышал. В поведении и поступках Якоба тот не усмотрел ничего плохого и потому мог сказать только одно:

– Мы должны принять то, что дает нам Господь. У Него могут быть на то причины, неведомые нам.

Не с того ли момента что-то стало меняться в нем? Якоб не мог дать определенного ответа на этот вопрос. В любом случае его охлаждение к вере не было резким. Он продолжал посещать синагогу, как обычно, только больше не получал от этого ни удовлетворения, ни утешения. Его не оставляло ощущение, что Бог отвернулся от него, и неизвестно было, то ли это временное испытание, подобно страданиям

Иова, то ли навсегда наложенная кара. Потом его визиты в синагогу стали менее регулярными, и это не осталось незамеченным. Тем не менее каждый вечер Якоб произносил положенные молитвы, и только они немного утоляли боль в его душе.

Величайшей отрадой для него стала дочь Наоми. Он обожал ее. Девочка с яркими глазами и темными кудрями была очаровательна. Якоб научил ее молитве Шма, и они вместе произносили ее каждый вечер перед сном – так же, как когда-то маленький Якоб и его отец. Он любил сажать девочку к себе на колени и рассказывать ей обо всем на свете. Еще он много времени уделял ее образованию, так что к восьми годами Наоми умела читать и писать лучше большинства своих ровесников.

Якобу нравилось водить дочку на прогулки по Парижу. Он показывал ей все то, чем славился город, в том числе и великие храмы.

Однажды, вскоре после восьмого дня рождения Наоми, к ним пожаловал с визитом раввин и попросил разрешения поговорить с главой семьи наедине. У Якоба сразу возникли дурные предчувствия. При первых же фразах раввина они усугубились.

– Я пришел, Якоб, не столько по собственной инициативе, сколько по просьбе некоторых из твоих друзей. Должен сказать, что люди жалуются. Это касается твоей дочери.

– Что за жалобы? – Якоб старался говорить негромко и спокойно. – Она что-то натворила?

– Нет-нет, – замотал головой раввин. – Речь не о том, что сделала или не сделала Наоми... Якоб, тебе не кажется, что слишком обширное образование не пристало девочке из хорошей еврейской семьи?

– Тебя смущает, что она читает и пишет лучше мальчиков?

– Не всем это нравится. Ты обращаешься с ней, как будто она – твой сын. Но однажды она вырастет и выйдет замуж, а в семье главным в таких вещах должен быть мужчина.

– Еще что-нибудь?

– Ты повсюду берешь ее с собой. Разумеется, сейчас выбор только за тобой. Но когда она вырастет, ей придется ограничить места, куда она может пойти. Обычно это дома родственников и знакомых, не более того. Мы надеемся, ты объяснишь Наоми, что еврейской девочке неприлично бродить по городу, а тем более...

– Тем более где?

– Якоб, люди видели, что ты водил дочь в христианские церкви. Мудро ли это?

– Мы живем в Париже. Она должна знать, как выглядит Нотр-Дам внутри.

– Возможно. Но в общине не все разделяют твои взгляды.

– Это все?

– Нет, Якоб, не все. Наоми рассказывает детям разные истории. О святом Дионисии. О святой Женевьеве. О Роланде.

– Но это герои и героини Парижа. Каждый христианский ребенок в нашем городе знает о том, как на Монмартре убили Дионисия Парижского. Теперь говорят, будто он поднял свою отрубленную голову и ушел, неся ее в руках. Абсурд, разумеется, но детям нравится. Да, я рассказывал Наоми о Женевьеве – о том, что считается, будто она спасла Париж от гуннов Атиллы. Лично мне эти сказки кажутся глупыми, но она должна хотя бы узнать их, чтобы составить собственное мнение.

– Я бы согласился с тобой, если бы Наоми была старше. Но она пересказывает сказки детям твоих друзей, которым это не нравится.

– Мне никто ничего не сказал.

– Нет. Они сказали об этом мне. – Раввин скорбно вздохнул. – Якоб, мы все сочувствуем тому, что у тебя нет сына. Но Наоми – девочка. Ты не сможешь превратить ее в мальчика.

– Что еще ты хотел сказать мне?

– Ты не всегда приходишь в синагогу.

– Не это ли главная причина твоего визита?

– Нет. Но если ты отвернешься от Господа, то и Он отвернется от тебя. В этом можешь не сомневаться.

– Я признателен тебе за заботу.

– Все мои слова подсказаны желанием помочь тебе.

Якоб устался на раввина. Он рассердился, и еще ему было обидно. А самое досадное было то, что кое в чем раввин мог быть прав.

– Я подумаю над тем, что ты сказал, – холодно произнес он.

– Да, подумай как следует. Я дал тебе хороший совет и сообщу твоим друзьям, что поговорил с тобой.

Это стало последней каплей. Неужели этот недалекий раввин пытается встать между ним и его соседями? Неужели это его истинная цель?

– Ты дурак! – взорвался Якоб. – Отец всегда говорил мне, что твой отец был глупцом. И твой сын тоже будет глуп.

– Не стоит говорить со мной таким тоном, Якоб.

– Убирайся!

На следующей неделе Якоб соблюдал Шаббат у себя дома, а в синагогу не пошел. Спустя неделю он все-таки снова появился там, но невидимая связь между ним и общиной разорвалась навсегда. Якоб не мог не гадать, что еще говорят о нем раввину его так называемые друзья.

А потом, словно чтобы доказать ошибочность предположения, будто Господь отвернулся от Якоба, Сара сообщила мужу, что беременна. Его сердце затрепетало от радости, но в то же время он забеспокоился. Может, Бог вновь улыбается ему, но здравый смысл подсказывал, что радоваться рано. Два умерших мальчика и один выкидыш – печальные факты, которые нельзя не учитывать. Якоб решил принять все возможные меры предосторожности. Как бы он желал, чтобы его отец был жив и помог ему преодолеть трудности!

Шли недели. Якоб день и ночь оберегал Сару. Он взял с нее слово, что она не будет утомляться. Если у него были дела в городе, то в течение дня он несколько раз возвращался домой, чтобы убедиться, что она держит обещание и хорошо себя чувствует.

Из-за хлопот в связи с беременностью Сары Якоб не мог уделять дочери столько же внимания, как раньше, и чувствовал себя виноватым перед ней. Но, несмотря на юный возраст, Наоми, кажется, все очень хорошо понимала. И каждый вечер они вместе усаживались перед очагом, и Якоб рассказывал ей сказки.

Муж и жена ни разу не заговорили о том, кто у них может родиться на этот раз – мальчик или девочка. Тема была слишком болезненна. Но однажды, когда Сара была уже на шестом месяце, заглянувшая к ним соседка заметила:

– О, я смотрю, у вас будет мальчик.

– Откуда вам это известно? – спросил Якоб.

– Это видно по форме живота, по тому, как Сара ходит, – ответила женщина. – Я никогда не ошибаюсь.

И опять сердце Якоба чуть не выпрыгнуло из груди от радостной надежды. Но он ничего не сказал, даже Саре. И был очень рад, что

промолчал, ибо несколько дней спустя, проходя мимо кухни, услышал слова Наоми:

– Интересно, будет ли папа любить меня так же сильно, если родится мальчик?

Якоб признался себе, что девочка права, сомневаясь в его любви, и тут же поклялся, что будет любить ее как прежде и никогда не покажет, будто сын ему дороже дочери.

На восьмом месяце начались проблемы. Лекарь, которому Якоб доверял почти так же, как своему отцу, отвел его в сторону и сказал:

– Мне кажется, Якоб, эти роды будут трудными.

– То есть она может потерять ребенка?

– Это может быть опасно для них обоих.

– Что можно сделать?

– Довериться Господу. Остальное сделаю я.

Тем временем наступила зима. Иногда по утрам булыжники на мостовой покрывала скользкая наледь. Якоб сказал Саре, чтобы она ни при каких обстоятельствах не выходила из дому. День и ночь горел огонь в очаге.

Прошло еще две недели. Срок близился.

Однажды ночью в их дверь постучали.

Это был Ренар. Он быстро вошел, обнял Якоба, спросил о здоровье Сары и Наоми и потом тихо сказал, что им нужно поговорить с глазу на глаз.

Они ушли в маленькую контору Якоба и закрыли дверь.

– Никто не должен знать, что я приходил к тебе, – начал Ренар. – То, что я хочу сообщить, должно остаться в секрете ради твоей и моей безопасности.

– Ты можешь положиться на меня.

– Знаю. – Ренар собрался с духом и продолжил: – Якоб, у меня есть друг, который близок к советникам короля. Он рассказал мне кое-что, и я делюсь этим только с тобой. Вынужден просить тебя не передавать эту новость никому другому, как бы тебе этого ни хотелось. В противном случае я ничего тебе не скажу. Умоляю тебя: ради себя и своей семьи, пообещай, что сохранишь все в тайне.

Якоба насторожило такое вступление, но у него не было сомнений в том, что дело действительно касается безопасности его семьи, раз Ренар так сказал.

– Хорошо, обещаю, – произнес он, подумав. – Пожалуйста, говори.

– Короля убедили выступить против евреев. Я не знаю, когда он нанесет удар, но это случится очень скоро.

– Что он сделает?

– Точно не известно. Но это будет не просто новый налог или другие поборы. Ожидается что-то более ощутимое.

– Значит, изгнание.

– Я тоже так думаю.

Оба приятеля умолкли. Куда пойти евреям? Король Франции контролировал теперь куда большие территории, чем Филипп Август, около века назад подвергший евреев недолгому изгнанию. Ближайшим безопасным местом могла бы стать Бургундия, если герцог Бургундский согласится принять их.

Якоб подумал о Саре, которая была на последнем месяце беременности, и о еще не рожденном ребенке. Неужели ему придется скитаться по миру со своей несчастной семьей? Выживут ли они?

– Много лет назад я задал тебе вопрос, мой друг, – тихо, напряженным голосом продолжал Ренар. – С тех пор я ни разу не возвращался к нему, потому что уважаю твои принципы. Но сейчас, оценивая ситуацию, я как друг умоляю тебя еще раз подумать. Ради собственного спасения. Ради семьи.

– Ты говоришь о крещении.

– Да. Мне не нужно напоминать тебе о преимуществах, которые ты получишь. Все ограничения, налагаемые на евреев, для тебя исчезнут. Ты станешь свободным человеком. Твоя семья будет в безопасности. Ты сможешь и дальше жить здесь, в Париже. И я смог бы тебе помочь.

– Я должен отвернуться от Бога, чтобы обрести спасение? – спросил Якоб.

– Разве это будет означать, что ты от Него отвернешься? – горячо воскликнул Ренар. – Вспомни, что говорят христиане, Якоб! Только то, что Иисус из Назарета и был тем самым Мессией, которого ждут евреи. Те евреи, которые осознали это, сразу стали христианами. Мы надеемся, что и остальные евреи последуют их примеру. Ведь это все, что разделяет наши религии, друг мой. И требуется сделать всего лишь небольшой шаг. Древние еврейские предсказания исполнены, вот и все. Это повод возрадоваться.

Якоб улыбнулся другу.

– Тебе следует поговорить с нашим раввином, – невесело пошутил он.

– Но я должен тебя предупредить. Если ты готов, то решайся скорее. Инквизиция настаивает, чтобы все люди были добрыми христианами. С другой стороны, инквизиторы с подозрением относятся к новообращенным, ибо думают, что их обращение притворно. Пока сведения, которыми я поделился с тобой, остаются тайной, твой переход в христианскую веру будет принят. Но как только станет известно о планах короля изгнать евреев, такой поступок могут счесть сомнительным.

– Это я понимаю, – сказал Якоб, но никакого определенного ответа Ренару не дал.

После ухода друга он не сомкнул глаз. Сначала лежал в постели. Потом поднялся и сел у огня. Дважды брал свечу и неслышно ходил смотреть на спящих жену и дочь. И все время размышлял.

Его не волновало, что скажет раввин. И даже мнение членов общины не очень его беспокоило, особенно с тех пор, как они показали себя лицемерами.

Но как посмотрит на это Бог Авраама и предков Якоба? «Если я страдал, пока поклонялся своему Богу, – рассуждал Якоб, – то не заставит ли Он страдать меня еще сильнее, если я предам Его?» А может, как раз сейчас Бог смилостивился и наконец подарил ему сына? Отвернуться от Бога после такого благословения было бы чистым безумием.

Но кто родится: мальчик или девочка? Соседка не сомневалась, что мальчик. Верить ли ей? По правде говоря, он не знал, что и думать. Кроме того, у них уже дважды рождались мальчики – и умирали. А теперь врачеватель высказывает опасения: даже жизнь Сары под угрозой.

Час за часом Якоб прокручивал эти мысли: довериться Богу или отказаться от своего наследия? Спасти свою маленькую семью или увидеть, как ее уничтожат? Так прошла самая черная ночь в его жизни. И только к утру, когда Якоб услышал, как закричала от боли жена, и торопливо послал за лекарем, он понял, что больше не в силах выносить это мучение. И принял страшное решение.

Неделю спустя Якоба крестили. Со священником договаривался Ренар, и все прошло без лишнего шума. Якоб так боялся, что шокирующее известие о его крещении вызовет у жены преждевременные роды, что ничего не сказал ни Саре, ни Наоми. Они узнали обо всем только через две недели после того, как в семье родился еще один ребенок – мальчик. Следуя семейной традиции, его назвали Якобом. С момента крещения Якоб перестал ходить в синагогу, но делал вид, будто причиной тому было нежелание оставлять надолго жену.

Когда он наконец признался Саре, она была ошеломлена. Ему пришлось открыть жене секрет, которым поделился с ним Ренар, чтобы объяснить свое решение. Когда он закончил, она помолчала, а потом обронила с горечью в голосе:

– Значит, я потеряю всех своих подруг.

Якоб полагал, что жена могла сказать ему гораздо больше этого, если бы не держала у груди малыша.

Что касается Наоми, то девочка была озадачена. Вечером того дня, когда ей впервые сказали, что отныне она христианка, Якоб пришел к дочери, чтобы помолиться с ней, как обычно, и она начала:

– Внемли, Израиль! Господь – Бог наш, Господь – один!

Но отец мягко остановил ее и сказал, что с этого вечера она должна молиться по-другому.

– Новая молитва очень красива, – пообещал он Наоми. – Она обращена к единому Богу, к Богу Израиля и всего мира. Она начинается так: «Отче наш...»

– Я больше не смогу читать Шма? – спросила дочь.

Борясь с душевной болью, Якоб попытался примирить дочь с переменой в их жизни:

– Христиане тоже иногда читают Шма, только по-латыни. Но будет лучше, если сейчас ты повторишь ту молитву, которой я тебя научу.

Утром сбитая с толку Наоми попыталась поговорить и с матерью, но та твердо заявила дочери: нужно слушаться отца, ибо он лучше знает, что делать. Однако в тот же день Наоми вернулась домой в слезах: другая девочка сказала ей, что ту молитву, которой научил ее отец, читают только враги их народа. Вскоре с Наоми перестали разговаривать все дети квартала.

Дочери нельзя было открыть тайну о грядущем изгнании евреев: это было слишком опасно и она была еще слишком мала, чтобы понять. Родители утешали ее как могли, но довольно скоро стало очевидно, что им придется сменить место жительства.

Причиной всех этих горестей был Анри Ренар, однако он сдержал свое обещание помочь другу в случае, если тот решится на судьбоносную перемену. Именно он разговаривал и со священником, который крестил Якоба, и с широким кругом влиятельных торговцев, подготавливая почву для новой жизни друга.

– Вы, конечно же, помните его отца: он был лучшим из здешних врачей, – говорил Анри, – и одним из самых уважаемых жителей Парижа. Поэтому Якоб с детства был окружен христианами. Открыто обсуждать свою веру он не мог, разумеется, однако я, как его ближайший друг, знаю, что он уже целое десятилетие вынашивал мысль о крещении.

И если не по сути, то хотя бы формально это было правдой, так как Анри действительно говорил с Якобом на эту тему много лет назад.

Как христианин, Якоб не мог давать деньги в долг под проценты. Но Ренар сумел очень быстро ввести его в торговую гильдию. Для человека с таким опытом, знаниями и средствами в гильдии было множество возможностей заработать, и незаметно для себя он стал одним из столпов оптовой торговли тканями.

Все тот же Ренар помог Якобу найти новый дом на улице Сен-Мартен.

– До рынка Ле-Аль отсюда рукой подать, а еще этот район принадлежит к моему приходу Сен-Мерри, так что мы сможем ходить в одну и ту же церковь, – таковы были его аргументы, когда он показывал жилище другу.

И он проследил за тем, чтобы новообращенную семью – так как Сара и Наоми тоже были крещены, хоть и без желания, – хорошо приняли в приходе. По крайней мере, на новом месте соседи не отказывались здороваться с ними, и у Наоми появилась возможность снова играть со сверстниками.

Огромным облегчением для Якоба было убедиться, что он напрасно боялся за здоровье новорожденного сына. Роды оказались не такими сложными, как предполагалось, малыш с первых недель хорошо ел и прибавлял в весе. Из чего Якоб сделал вывод, что Бог не

отвернулся от него. Более того, иногда он готов был поверить, будто Всевышний даже доволен тем, что семья Якоба перешла в христианство.

Но были в новой жизни и неприятные моменты. Как ни странно, большее всего его задели слова человека, с чьим мнением он никогда особо не считался.

В первое же утро после того, как факт крещения Якоба стал общеизвестным, к нему домой пришел раввин:

– Это правда, Якоб бен Якоб? Ты перешел в христианство? Скажи мне, что это не так.

– Это правда.

Якоб ожидал, что раввин будет разгневан, но это было не единственное и не самое сильное его чувство. Нечто иное отпечаталось на лице раввина, придавая ему какое-то новое достоинство. Это была глубокая скорбь.

– Но почему? Как ты мог совершить такое?

– Я решил, что Иисус из Назарета и есть Мессия.

Конечно, эти слова были ложью. Но сказать раввину правду он не мог. И, глядя на человека, которого он не любил, Якоб вдруг почувствовал себя безмерно виноватым. Он хотел крикнуть: «Я сделал так, потому что евреев хотят прогнать. Я сделал это, чтобы спасти семью». Но он не имел на это права. Вот что стало его самым тяжким преступлением. Он ничего не сделал, чтобы предупредить об опасности своих соплеменников. Он собирался молчать в ожидании того дня, когда злой рок настигнет их, а потом наблюдать, как они все потеряют и окажутся выброшенными в мир без прав и имущества.

– Значит, ты предашь нас, Якоб бен Якоб? – горько спросил раввин. – Ты станешь еще одним Николаем Донином?

Это было жестокое обвинение. Каждый еврей знал, что Николай Донин, тот францисканец, который убедил христиан сжечь Талмуд, сам был рожден евреем. Говорят же, что никто не мстит с такой яростью, как предатели.

– Никогда! – воскликнул Якоб.

Обвинение раввина оскорбило его, но те слова, что были сказаны на прощание, преследовали его всю оставшуюся жизнь.

– Ты назвал меня дураком, – сказал раввин, – но на самом деле дурак – ты, Якоб. Ты крестился, перешел к христианам. И теперь ты

думаешь: отныне я в безопасности. Но ты ошибаешься. Это я знаю точно, и вот что я тебе скажу. – Он воздел палец кверху. – Ты еврей, Якоб. И что бы ты ни сделал, что бы ни говорили сейчас христиане, поверь мне: ты никогда не будешь в безопасности.

Итак, Якоб стал посещать церковь и научился быть христианином. Он уже имел об этом общее представление благодаря дружбе с Ренаром и другими христианами. Но, обладая пытливым умом, Якоб захотел глубже изучить религию, в которую обратил семью. Ветхий Завет он знал хорошо, поэтому стал изучать Новый и с большим интересом обнаружил, что один буквально вырастает из другого. Якобу Иисус и Его ученики не казались христианами, воюющими с еврейской культурой. Нет, он видел их евреями. Их культура была еврейской, они соблюдали еврейские законы, следовали еврейским обычаям. Они читали Тору и приносили жертвы в храме Иерусалима.

А что касается христианской концепции любви, то кто станет спорить с ней?

Когда Ренар призывал его вспомнить, что христианство зародилось среди группы евреев, которые поняли, что их раввин и был обещанным Мессией, Якоб увидел в этом только уловку, с помощью которой Ренар хотел убедить его креститься и спасти свою шкуру. Вероятно, так оно и было. Но в дальнейшем Якоб пришел к выводу, что его друг сказал истину. Читая Деяния святых апостолов, он все больше поражался тому, до какой степени первые христиане были евреями и как велики были шансы, что они так и останутся еврейской сектой. Миссионерские старания апостола Павла предотвратили это. Время и трагедии истории сделали все остальное.

Но игнорировать столь долгую историю невозможно. То, что произошло, не изменишь. Церковь с подозрением относится к нему, раввин больше не желает с ним разговаривать, его жена несчастна, дочь озадачена, и Якоб понимал, что их вины в этом нет.

И все это время, каждый день, каждый час, Якоб с тяжелым сердцем и тайным стыдом ждал, когда на евреев Франции обрушится страшный удар.

Шли недели. Ничего не происходило. Якоб стал думать, не ошибся ли Ренар насчет намерений короля? И не напрасно ли он сам обрек семью на неопишуемые страдания?

Но Ренар не ошибся. Король действительно планировал разрушить еврейскую общину, но не так, как предполагали.

В год 1299-й от Рождества Христова Филипп Красивый объявил, что больше не будет защищать евреев от инквизиции. И этот удар был столь же коварен, как и жесток.

Что сделал король? Ничего. Что могла сделать инквизиция? Все что угодно. Уменьшались ли доходы короля, которые он мог получить от евреев? Нет. Подтверждал ли он свое благочестие? Да.

И что же это означало для Якоба?

– Я крестился, думая, что мой народ выгонят из Парижа, однако они останутся здесь и будут ненавидеть меня еще сильнее. Я отрекся от своей веры ради безопасности, а теперь инквизиция будет следить за мной, как ястреб, и если кто-нибудь решит, что мое обращение не было искренним, то меня будут считать евреем и обвинят в лжесвидетельстве и в чем угодно еще. Да меня сожгут живьем. Вот что означает для меня заявление короля, – заключил он с подавленным видом, сидя за столом напротив жены.

– Для нас, – мрачно уточнила Сара.

Но инквизиция не тронула их. Очевидно, сказалась ненависть, которую испытывали к Якобу парижские евреи, а еще тот факт, что благодаря Ренару прихожане церкви Сен-Мерри по-прежнему относились к Якобу и его родным как к своим.

Семья привыкала к христианской жизни. Было странно не отмечать Шаббат. Обычай, касающийся христианского воскресенья, были куда менее требовательными. Якоб скучал по страстной интимности еврейской Пасхи. Он скучал по завораживающему, меланхоличному голосу кантора в синагоге. Но и христианские службы обладали своей красотой.

– Наша жизнь, – говорил Якоб своей семье, – не так уж плоха.

Каковы бы ни были мысли Сары, она не видела пользы в жалобах и упреках. Маленький Якоб, растущий в многолюдном окружении семей Ренара и других торговцев, другой жизни и не знал. Что же до Наоми, то она, кажется, приспособилась. У нее появились новые подруги. Насколько было известно Якобу, ни с кем из своих прежних знакомых она не виделась.

Якоб арендовал неподалеку от дома склад, где хранил пухлые тюки ткани, которыми теперь торговал. Затем ему пришлось нанять ученика, и тот спал в мансарде над складом, заодно охраняя товары. Через год после крещения Якоб купил сад с яблонями и грушами на склоне к северо-востоку от города, и по воскресеньям все семья, часто сопровождаемая Ренарами, ходила туда посмотреть на деревья и на расстилающийся у подножия холма Париж. Обрато возвращались обычно другой дорогой – той, которая вела мимо крепости тамплиеров. Это была приятная прогулка.

Так без особых происшествий прошло пять лет.

Поскольку разлад в жизни дочери назревал медленно, Якоб ни о чем не догадывался, пока не стало слишком поздно.

Он с величайшим тщанием следил за тем, чтобы ни словом, ни делом не обделить Наоми вниманием, чтобы ей не казалось, будто мальчик для родителей важнее. Он продолжал рассказывать ей сказки, как и раньше. Потом маленький Якоб научился говорить, и отец, сажая его на колени и начиная сказку, не забывал сначала обратиться к дочке: «Помнишь, как я рассказывал тебе эту историю?» А иногда он даже останавливался и говорил: «Ну-ка, Наоми, продолжай дальше ты» – и хвалил ее, когда она справлялась с заданием, так что вскоре маленький мальчик стал смотреть на нее как на вторую маму, чем Наоми очень гордилась.

Наоми помогала Саре одевать малыша и водила его на прогулки.

– Это очень полезно для нее, – говорил жене довольный Якоб. – Когда-нибудь из нее выйдет прекрасная мать.

С меньшим удовлетворением он видел, что дочь обещает стать красивой девушкой. Когда она была малышкой, самыми примечательными в ее внешности были широко расставленные голубые глаза на круглом лице, обрамленном массой темных кудрей. Но к одиннадцати годам ее лицо вытянулось в тонко очерченный овал, а кудряшки превратились в локоны, которые тяжелой волной ниспадали по плечам. На улице на девочку стали оглядываться мужчины.

Якоб уже начал подумывать о том, не станет ли Наоми хорошей невестой для первенца Ренара, который был пятью годами старше ее. Ему было неудобно спрашивать об этом друга, ведь тот и так уже очень много сделал для них.

– Я бы не хотел ставить его в неловкое положение, если эта мысль не придется ему по душе, – объяснял он Саре.

Ренар же до сих пор ни разу ни о чем таком не заговаривал. А еще Якоба останавливал тот факт, что, когда он со всей возможной мягкостью поинтересовался у дочери ее мнением насчет предполагаемого союза, она сказала:

– Он очень мне нравится, отец, но я отношусь к нему как к другу, а не как к будущему мужу.

– Дружба – лучшая основа для брака, – заметил отец. – К тому же твои чувства могут измениться.

– Я так не думаю, – ответила Наоми.

Якоб, само собой, имел полное право выбрать для дочери мужа, но он слишком любил ее, чтобы стать причиной ее несчастья.

– Я никогда не отдам тебя замуж против твоей воли, – пообещал он ей.

В предложениях от других семейств недостатка не было – три достойных торговца проявили интерес к дочери Якоба. Он пока медлил с ответом, но у него не было сомнений в том, что у Наоми есть все шансы удачно устроить жизнь.

Тем временем она проявляла удивительную сметку и любознательность, чем приводила отца в восхищение. Поскольку он с самого начала обращался с ней скорее как с сыном, чем как с дочерью, то не смог отказаться от близости и общения только потому, что у нее появился брат. Он часто обсуждал с ней торговые дела и разные события дня. Якоб гордился тем, что Наоми не только быстро улавливает суть вещей, но и умеет задавать правильные вопросы. Она спрашивала не о том, что случилось, а почему. Один разговор, имевший место незадолго до ее тринадцатилетия, особенно запомнился Якобу.

– Как так вышло, – спросила дочка, – что земля Франции такая богатая, а королю всегда не хватает денег?

– Этому есть две причины. Во-первых, король любит воевать. Во-вторых, король любит строить. Когда завершится расширение королевского дворца на острове Сите, нашему монарху будет завидовать весь христианский мир. Ничто на свете не обходится так дорого, как войны и строительство.

– Но зачем он это делает? Приносят ли государству пользу его войны и постройки?

– Никакой. – Якоб улыбнулся. – Ты должна понимать, Наоми, что, когда простой человек, скажем торговец, получает наследство от отца, это является его личной собственностью. Он стремится увеличить свое состояние и стать более могущественным. Зачастую ему еще хочется произвести впечатление на соседей.

– Ну, это глупо.

– Несомненно, но такова человеческая натура. И короли точно такие же, за одним исключением. Их наследством является целая страна. Но они все равно смотрят на нее как на свою собственность, с которой могут делать все, что ни пожелают. Итак, мы видим, что король Филипп стремится увеличить свое королевство в основном за счет врагов своего рода – английских Плантагенетов. За последние поколения его семья выдвинула Плантагенетов из Нормандии на севере и из Анжу и Пуату на западе. Теперь он надеется изгнать их с побережья Атлантики в Аквитании и из обширных виноградарских долин вокруг Бордо в Гаскони. Также король удачно женился. Его жена принесла ему с приданым власть над богатыми равнинами Шампани. Они стали прекрасным дополнением к его владениям. Но за Шампанью он видит Фландрию с ее зажиточными городами и начинает строить планы о том, как бы отхватить кусок еще и от нее.

– То есть все это ради его личной славы?

– Конечно. Он всего лишь человек. На самом деле богатые короли часто ведут себя не лучше избалованных детей.

– Ты считаешь, что богатство и власть делают людей избалованными?

– Такое мне в голову не приходило, но, возможно, ты права, – рассмеялся Якоб.

– Значит, королевские свершения делаются не ради подданных?

– Обычно короли утверждают, что их действия направлены на благо их народов. Но это неправда. А если и правда, то по чистой случайности.

– Но как же Бог? – спросила Наоми. – Разве короли не обязаны служить Богу? Они не боятся за свои бессмертные души?

– Боятся... время от времени.

– Мне кажется, что правителями должны быть только хорошие люди.

– Твои слова делают тебе честь, – ответил отец. – Но вот что я скажу, Наоми: не из всякого хорошего человека выйдет хороший правитель. Все будет зависеть от обстоятельств. Для правителя есть кое-что поважнее, чем просто быть хорошим, и об этом говорится в Библии.

– Ты имеешь в виду царя Соломона? – Наоми задумчиво наморщила лоб.

– Именно. Когда Соломон стал царем, Бог спросил его, какой бы дар он хотел получить. И Соломон попросил мудрости. Я счастлив, если нами правит хороший человек, но предпочел бы, чтобы он был мудрым.

– И как по-твоему, короли часто бывают мудрыми?

– На моей памяти такого, увы, не случилось.

Якоб видел, что их беседа заставила дочь задуматься и погрузиться. Ему было жаль Наоми, однако лгать ей он не собирался.

Позднее, оглядываясь на прошлое, Якоб спрашивал себя, не был ли ошибкой тот откровенный разговор, не он ли заронил в душу дочери зерна скептицизма и разочарования, которые потом привели к трагедии? Может быть, и так, но прошел год, прежде чем стали заметны первые тревожные признаки.

В тот период король Франции Филипп, как обычно, искал источники пополнения казны. Он прибегнул к своим обычным методам: назначил новые поборы для евреев и даже выпустил в обращение обесцененную монету. Но денег все равно не хватало. Тогда он нашел новый, неожиданный способ.

– Мы будем брать налог с духовенства, – объявил он.

Поднялся шум. Епископы протестовали, сама папа римский обратился к королю Филиппу с требованием отменить налог.

– Почему король это сделал? – спросила Наоми у отца.

– На это есть простой ответ: потому что Церковь очень богата. Должно быть, не менее трети всех богатств Франции принадлежит церковникам.

– Но ведь Церковь не должна платить налоги.

– Она может сделать добровольное подношение королю, но вообще да, она освобождена от налогов.

– Потому что Церковь служит Богу.

– Да, таково обоснование. – Он помолчал. – Но на самом деле тут играет роль куда более важный фактор – власть.

– Пожалуйста, объясни, что ты имеешь в виду.

– Это продолжается уже очень давно. Если вкратце, то Церковь утверждает следующее: она представляет небесную власть и потому не подчиняется земным королям. Вот почему существуют церковные суды. Они часто назначают духовным лицам легкое наказание за преступления, которые для обычного человека означали бы смертный приговор. В Париже мы видим это каждый день, и многие недовольны таким положением дел.

– Да, студенты тоже пользуются защитой церковного суда.

– Правильно. А церковники самого высокого уровня иногда заявляют, что и короли должны отчитываться перед ними. Были случаи, когда папа римский пытался свергнуть короля. Как ты понимаешь, среди королей, даже наиболее богобоязненных, эти идеи непопулярны.

– Я и не думала, что дело заходит так далеко.

– Все зависит от папы. У кого-то из них жажда власти сильнее, у других слабее.

– Но разве они не во имя Бога действуют?

– Опять же – такова предпосылка. – Якобу хотелось точнее донести до дочери свои представления о том, как устроена жизнь. – Вот смотри. Собор Нотр-Дам – это памятник Богу, не так ли?

– Да, папа.

– На его месте раньше стоял другой собор. Но великий епископ Сюлли сказал, что старая церковь слишком мала, и построил новую, в новом стиле. Строительство обошлось казне в целое состояние.

– Собор очень красивый.

– Да. Только епископ Сюлли солгал. Старая церковь была практически такого же размера. Просто ему захотелось чего-то более величественного, такого, чем парижане гордились бы и говорили: «Смотрите, что построил великий епископ Сюлли». Разумеется, во славу Господа.

– И к чему мы пришли?

– Две разные вещи могут быть верными одновременно. Церковь существует для того, чтобы привести людей к Богу. Но епископы и папы – те же люди, подобно королям. Они подвластны тем же страстям. Например, в те годы, когда жил святой Дионисий, христиан

преследовали так же, как теперь преследуют евреев, но их вера, вероятно, была более чистой. Со временем Церковь стала богатой и всемогущей, и неизбежно возникли проявления продажности и разложения.

– Если Церковь продажна, то почему ты присоединился к ней, отказавшись от своей веры?

Якоба такой вопрос застал врасплох. Наоми никогда не говорила с ним на эту тему. Конечно, когда они только что крестились, он назвал ей ту причину, которая считалась общепринятой, – мол, Христос и есть тот Мессия, которого ждали евреи. Еще, отмечая тот или иной праздник в течение года, Якоб указывал своим детям на то, сколь похожи обряды христианства на лежащие в их основе обряды еврейской веры. Но, помимо этого, тема обращения в христианство не обсуждалась. Якоб не сомневался, что об этом позаботилась Сара.

Что же, неужели все эти годы Наоми размышляла об этом? Судя по ее вопросу, да. Так не настал ли момент, когда ему следует рассказать ей наконец правду? «Я перешел в христианство, чтобы спасти твою жизнь, жизнь твоего брата и твоей матери и да, конечно, и свою жизнь тоже». Мог ли он так сказать? Якоб не решился. Она ведь еще ребенок.

– Потому что я верю, что Иисус Христос есть Мессия, – сказал он. – Я ведь тебе уже говорил это, Наоми.

Она продолжала смотреть на него большими голубыми глазами, но ничего не добавила. И еще много месяцев не возвращалась к этой теме. Какими бы ни были ее мысли, Наоми держала их при себе. Якоб надеялся, что она поступает так из любви к нему.

Возможно, она так бы и молчала, если бы не чрезвычайное событие, случившееся в 1305 году, когда Наоми достигла возраста пятнадцати лет.

Спор между королем Филиппом и папой римским, не утихая, зашел в тупик, и вот наконец папа умер – внезапно и очень кстати. Его преемник последовал за ним в могилу в течение нескольких месяцев, вероятно в результате отравления. В Риме должны были состояться новые выборы, и парижане жаждали узнать, будет ли очередной папа более милостив к их повелителю. Выборы, однако, откладывались. Доходили слухи о том, что в Священном городе царит смятение.

В середине июньского дня, когда вся небольшая семья сидела за столом, в дверь постучал Ренар.

– Ага, кажется, я первым сообщу вам новости! – сказал он. Увидев по непонимающим лицам, что так и есть, он быстро продолжил: – У нас новый папа римский. Догадайтесь, кто это? Архиепископ Бордоский!

– Но он ведь даже не кардинал! – воскликнул Якоб.

– Нет. Зато он француз. Он человек короля Филиппа. Должно быть, не обошлось без негласного королевского участия.

Правители часто пытались повлиять на папские выборы в надежде продвинуть расположенного к ним кандидата, но это был небывалый случай.

– Этот папа – всего лишь кукла в руках Филиппа, – сказал Якоб.

– Тогда я вам расскажу, что по-настоящему удивительно. Новый папа будет жить не в Риме.

– Не в Ватикане?

– Он даже на коронацию в Рим не поедет. Церемонию проведут в Бургундии. После этого папский двор переведут в Пуатье, во владения короля Франции. Также говорят, что через год или два его двор может переехать в Авиньон, но, во всяком случае, не в Рим. Так что с сегодняшнего дня папа римский принадлежит королю Филиппу Французскому!

Вскоре Ренар ушел, чтобы распространять новость дальше. Якоб качал головой в задумчивости.

– Раньше бывало, что в опасные времена папа иногда оставлял Рим, – заметил он. – Но чтобы так... Не знаю, что и сказать.

Лицо Сары застыло неподвижной маской.

– Не вижу ничего удивительного. – Наоми пристально посмотрела на отца. – Церковь продажна. Ты сам мне это сказал. Я не считаю, будто Церковь имеет какое-либо отношение к Богу. Я презираю ее.

– Не смей так говорить со своим отцом! – резко оборвала ее Сара.

Но Якоб не рассердился. Он был встревожен.

– Ты должна быть очень осторожна, Наоми, – тихо сказал он. – Такие мысли крайне опасны. А для новообращенных христиан – опасны вдвойне.

– Я не принимала христианство по собственному выбору, это ты заставил меня! – с горечью возразила Наоми.

– В любом случае теперь ты христианка. Никто, даже слуги в нашем доме, не должны слышать от тебя подобных слов. Ты можешь навлечь на всех нас смертельную опасность.

Наоми помолчала.

– Хорошо, я не буду ничего говорить, – ответила она через некоторое время. – Но теперь ты знаешь, что я думаю, и это никогда не изменится.

И ушла в свою комнату.

Что он мог поделать? Ничего. Ее чувства были ему понятны. Во многом он и сам их разделял: она испытывала отвращение к продажности, он тоже.

А еще Наоми была молода. Возможно, когда она доживет до его лет, то согласится с тем, что в этом несовершенном мире можно надеяться максимум на небольшие улучшения. Но пока у нее имелась другая точка зрения, и Якоб должен был уважать ее.

Он был благодарен дочери за то, что она держала обещание и больше не говорила о своем отношении к Церкви и религии. Наоми занималась обычными делами, помогала матери по хозяйству, всегда была спокойна и приветлива. Без жалоб ходила с семьей в приходскую церковь. Когда Якоб рассказывал сыну сказки, Наоми по-прежнему присоединялась к ним и даже начала учить брата читать и писать. Якоб с удовольствием сам занялся бы этим, но был рад, что обучение брата удерживает Наоми дома: это было совсем не лишним в темные зимние месяцы.

Потому что гулять она любила больше всего на свете. Каждый день сестра водила маленького Якоба на прогулку; когда бы отец ни собрался на садовый участок, она всегда была рада составить ему компанию. Еще она частенько отправлялась на остров Сите и ставила свечку в Нотр-Даме; Якоб не возражал, поскольку это выглядело как проявление религиозного рвения.

– Я думаю, для нее это просто повод выйти из дому, – заметил он как-то Саре.

Таким образом, их маленькая семья провела всю зиму без особых потрясений. Началась весна. Становилось теплее с каждым днем, и Наоми могла гулять дольше. Она рассказала отцу, что ходила на левый берег и посетила чудесную церковь Сен-Северин. С приходом хорошей

погоды ее настроение также улучшилось. Возможно, она уже пережила потрясения прошлого года.

– Приближается время, – сказал Якоб жене в конце весны, – когда нам пора будет подумать о женихе для Наоми. При условии, конечно, – добавил он вполголоса, – что она не станет излагать перед будущим мужем свое мнение о папе римском.

В середине июня Якоба неожиданно навестил раввин. Он прибыл незадолго до полудня, когда Наоми гуляла с братом. За последние годы раввин прибавил в весе. Он тяжело уселся на скамью в конторе Якоба.

– Чем могу быть полезен? – настороженно спросил хозяин.

– Чем ты можешь быть мне полезен? – Раввин уставился на него. – Чем ты можешь быть мне полезен? – Он вздохнул и уныло покачал головой. – Ты не знаешь, почему я пришел?

– Не имею понятия.

– Смотрите-ка, этот умник не знает, – кивнул раввин, словно говоря сам с собой. – А я дурак! – вдруг выкрикнул он. А потом тихо добавил: – Но я знаю.

Якоб ждал.

– Твоя дочь Наоми часто уходит из дома одна, – продолжал раввин.

– Да. И что?

– Куда она уходит?

– В разные места. Иногда в Нотр-Дам, иногда в какую-нибудь другую церковь.

– И что она там делает, позволь спросить?

– Зажигает и ставит свечу. Так принято. Почему ты спрашиваешь?

– Потому что твоя дочь не ходит в Нотр-Дам. Она ходит в другое место.

– И куда же это?

– По мне, так пусть бы она ходила в Аквитанию! Где бы она ни бродила, делает она это вместе с моим сыном Аароном. Поэтому я здесь.

Аарон. Ее друг детства. Полный мальчик несколькими годами старше, ничего особенного. Якоб уже много лет даже не вспоминал о нем.

Значит, протест Наоми привел к тому, что она стала вновь встречаться со своими старыми друзьями из еврейской общины. Что ж,

Якоб мог ее понять, но с ее стороны это так неосторожно! Тем более показываться на улицах в обществе сына раввина... Люди могут неверно это истолковать. И неизвестно, с кем еще из евреев она виделась, что им говорила...

– Я не знал об этом. Скажу Наоми, чтобы больше она не встречалась с Аароном.

Он почувствовал желание протянуть руку и похлопать раввина по плечу, но решил, что это будет неуместно, и просто улыбнулся, надеясь, что улыбка получилась примирительной.

– Я уверен, что Аарон – достойный молодой человек. Но в нашей ситуации... – Он печально развел руками. – Их давняя дружба очень нежелательна.

– Ты не понимаешь! – сказал раввин. – Они хотят пожениться.

– Пожениться?

– Да, Якоб бен Якоб. Твоя дочь хочет вернуться к вере своих предков. Она хочет выйти замуж за моего сына и снова стать иудейкой.

Якоб молча смотрел на раввина. Потом опустил голову.

Вот, значит, как. Она предала его. Его как будто ударили в живот, он даже согнулся.

Она отвернулась от него. Она больше не его дочь. Знает ли Сара? Или вся семья втайне предала его? Он сделал глубокий вдох.

Наоми молода. Нужно учитывать это. Конечно, она умеет писать и читать, умеет думать самостоятельно, высказывает разумные суждения. Но все равно она еще девочка, к тому же, если верить раввину, влюбленная девочка. Так пытался уговорить себя Якоб, пока боль не стала совсем невыносимой.

– Ты уверен? – спросил он раввина, не поднимая глаз.

– Да. Мой сын говорил со мной.

– Это абсолютно невозможно.

– Конечно невозможно!

– Неужели она не понимает, что из-за ее поступка вся наша семья окажется в опасности! Мое обращение в христианскую веру будет выглядеть подозрительным!

– Ваша семья? – Раввин наклонился вперед и заговорил низким, напряженным голосом, полным гнева. – Неполных тридцать лет назад, Якоб бен Якоб, один христианин из Бретани перешел в иудаизм. Это редкость, практически исключение из правил. Мы не стремимся к

этому, но так случается. И когда тот новообращенный христианин умер, его похоронили как еврея, на еврейском кладбище. И знаешь ли ты, что сделала инквизиция? Сожгла раввина на костре. За то, что позволил тому человеку умереть как еврею, ведь, по их мнению, его должны были похоронить в освященной земле. Ты видишь в этом какую-нибудь логику? Я – нет. Но было сделано именно так. – Он помолчал. – И что, по-твоему, случится со мной и моей семьей, если инквизиция решит, что мы заманили новообращенную христианку обратно в иудаизм? А случиться с нами может что угодно, но, скорее всего, меня сожгут, и сына моего тоже, – за то, что мы забрали душу твоей дочери в свои злые цепкие когти. Над нами висит угроза не меньшая, чем над тобой, Якоб. Если не бóльшая.

– Что ты сказал сыну?

– Запретил даже думать об этом.

– А он что ответил?

– Что ни на ком другом не женится. Я ему сказал, что тогда он вообще не женится. – Раввин воздел руки. – Он думает, что они могут переехать в другой город, где их не знают. Хотят прибыть туда уже женатыми, как семья. Это глупость. Я сказал ему «нет». Но... Кто знает, на что они способны.

– Ты же не думаешь, что...

– Что на подходе ребенок? Нет. Слава Господу. Аарон утверждает, что они не... Только нам все равно нужно принять меры предосторожности. Ты должен запереть дочь дома, Якоб, чтобы прекратить это безумие.

– Да, я так и сделаю.

Однако сначала он попытался образумить дочь.

– Дитя мое, ты считаешь, что я не понимаю?! – воскликнул он. – Когда человек влюблен, для него открыты небеса, он думает, что видит ангелов. Все кажется возможным. Но в мире действуют темные силы, и я хочу защитить тебя от них.

Дочь слушала его. Но когда он попросил ее пообещать, что она больше никогда не увидит молодого человека, Наоми отказалась. Даже если бы она дала обещание, Якоб все равно не смог бы поверить ей.

С того дня, невзирая на все протесты Наоми, ее не выпускали из дому. Ей даже не разрешали водить брата на прогулку. Якоб сказал, что

она может выходить с ним, если хочет. Она не приняла этого предложения и вообще перестала разговаривать с отцом.

Аарон, за которым тоже строго следили, предпринял попытку увидеться с Наоми и трижды пробовал передать ей письмо. Но Якоб и раввин сумели пресечь эти поползновения.

Дома атмосфера была напряженной. Якоб не знал, как долго семья сможет выносить подобную жизнь.

– У меня есть знакомые торговцы в других городах. Может, стоит отправить Наоми к кому-нибудь из них, пусть поживет некоторое время, – предложил он Саре.

– И что она там натворит без присмотра? Или ты попросишь своих знакомых, чтобы они тоже держали ее под замком?

Якоб не находил выхода, и так, в мучениях, прошел месяц. По еврейскому календарю наступил пост девятого Ава – Тиша бе-Ав.

Король Филипп Красивый умел действовать безжалостно и быстро. Он доказал это, когда посадил на папский престол своего человека. И вот теперь, в 1306 год от Рождества Христова, в двадцать второй день июля, который следовал за еврейским постом Тиша бе-Ав, он снова проявил это умение.

Подготовка была проведена безупречно. В народ не просочилось ни слова о намерениях власти. Торговец Ренар ничего не слышал. Каждая улица, каждый дом были учтены. Кордоны стояли наготове и прибыли на места ночью. И на рассвете люди короля нанесли удар.

Успех был полный. Все евреи Парижа были арестованы вместе с женами и детьми. Не пропустили ни одного. К утру всех согнали в тюрьмы. Там они узнали свое будущее.

Им предписывалось немедленно покинуть Францию. С собой они могли взять только ту одежду, что была на них, и жалкую сумму в двенадцать су на человека. Все остальное их имущество отходило королю.

Около полудня Якоб встретил на улице Ренара. Они обменялись взглядами.

– Все-таки это случилось, – тихо проговорил Ренар.

– Да.

Никаких других слов не требовалось.

Ближе к вечеру стало известно больше. То же самое произошло во всех городах Франции, где имелись еврейские общины. Евреям велели покинуть все земли, подвластные королю Филиппа. Основания для арестов выдвигались обычные: иудаизм, ростовщичество. Но никто не сомневался в том, что это лишь предлог.

Якоб находился в группе торговцев с рынка Ле-Аль, которым королевский советник разъяснял монаршие указы.

– Никакие долги евреям не списываются, – объяснял он, – но теперь они становятся собственностью короля, и он требует, чтобы долги вернули в полном объеме.

Это повеление не вызвало восторга среди торговцев, а следующее известие и вовсе было встречено стонами.

– Далее, надлежит выплатить все долги теми монетами, которые находились в употреблении на момент взятия займа. Король настаивает на этом.

Это требование являло собой образчик изощренного коварства. Король Филипп только что отчеканил большое количество низкопробных монет и не желал получить их назад. Таким образом, изгнание евреев из Франции имело простую и очевидную цель: конфискация всего имущества финансового сообщества страны, предпринятая, чтобы оплатить расходы короля.

Процесс, молниеносный поначалу, все же затянулся на два с лишним месяца. Последние евреи оставили Париж только в начале октября. Все это время Наоми находилась взаперти, а за Аароном неотступно следил собственный отец. В сентябре дошла весть о том, что раввин и его семья уехали.

Якоба это беспощадное изгнание привело в ужас. Его потрясло то, что сделали с его народом.

А еще он чувствовал себя оправданным. Теперь он мог повернуться к Саре и сказать: «Вот почему я крестился. Вот чего я опасался». Та боль, на которую он обрек свою семью, оказалась не напрасной. Он действительно спас жену и детей.

Но какой ценой? Вина пригибала его к земле. Каждый день люди выходили смотреть на то, как все новые и новые группы евреев покидают Париж. Но только не Якоб. Он прятался в доме. Он не хотел

этого видеть. Больше всего он боялся, что изгнанники посмотрят на него. А он не смог бы выдержать их взгляды.

И в конце концов, решение короля принесло ему облегчение. Сын раввина тоже вынужден был уйти.

Куда направляли стопы евреи Франции? Через восточную границу в Лотарингию, или в Бургундию, или еще дальше на юг. Еще они могли отправиться в Италию или к подножию Альп – в Савойю. Куда бы ни лежал его путь, молодой Аарон с семьей исчез из их жизни. По крайней мере, эта опасность миновала. Можно было начинать жить заново.

Или нет? Первые несколько дней получились трудными. Наоми хотела идти за Аароном. Она была откровенна и непреклонна. И хотя Якоб не мог не сочувствовать дочери, его огорчала такая неуступчивость.

– Она же знает, как опасно это для семьи, – делился он с Сарой.

– Ей так не кажется. Ведь Аарон будет за пределами Франции, а соседям и друзьям можно сказать, что ее мы отправили жить в другой город к твоим знакомым.

– Такие вещи трудно скрыть, все рано или поздно выходит наружу. Слишком велик риск. Она должна понимать это.

– Наоми очень хочется, чтобы ее чаяния сбылись, поэтому она все видит по-другому.

– Ну а на что они будут жить? У Аарона теперь ничего нет, – печально напомнил Якоб. – Король разорил его семью.

– Он станет раввином, а они всегда живут неплохо.

– И все равно Наоми не может пойти за ним. Ведь нам неизвестно, куда они отправились.

Сейчас это было правдой. Но к зиме Якобу ценой нелегких трудов удалось это выяснить.

Аарон был далеко – в горных районах Савойи.

Если поначалу Наоми злилась и протестовала, то постепенно накал ее чувств ослабел до угрюмой подавленности. Ей вновь разрешили водить на прогулки маленького Якоба, к чему она отнеслась с полным равнодушием. Отец порой заставлял ее сидеть рядом с братом у огня, но пока мальчик болтал, его сестра молча смотрела в пустоту.

Родители подозревали, что Наоми надеется получить весточку от Аарона, и потому бдительно следили за ней. Однако никаких сообщений не приходило, насколько они могли судить.

Наступил и миновал декабрь. Опять дороги покрылись льдом, на крышах лежал снег. В то темное холодное время года их дочь была погружена в пучину тоски.

Они пытались вести себя как обычно. Из всех сил старались при ней быть веселыми. По вечерам, когда вся семья собиралась вместе, Якоб рассказывал сказки и истории, и Наоми слушала как будто с удовольствием. Если он вспоминал какую-нибудь шутку, услышанную на рынке, она могла даже рассмеяться. Тем не менее к началу серого января Якоб чаще видел на лице Наоми не радость, а уныние.

Однажды, вернувшись домой, Якоб застал дочь сидящей в одиночестве перед очагом. Она наверняка слышала, как он вошел, но не обернулась, как будто давая ему понять, что не желает его общества. И Якоб собрался уйти в свою контору, но затем, подумав, подошел к очагу и сел на скамью рядом с дочерью. Он ничего не говорил, только смотрел на темноволосую голову, грустно поникшую перед едва тлеющими углями. Наконец он нерешительно положил руку на ее напрягшиеся плечи и сказал:

– Мне так жаль, дитя мое.

Она ничего не ответила. Но, по крайней мере, не отодвинулась от него.

– Я знаю, ты несчастна, – негромко продолжил Якоб. – Я огорчен тем, что ты хочешь уйти от нас, но я понимаю.

– Правда в том, отец, что я больше не хочу жить в стране, где происходят такие вещи, – через некоторое время заговорила Наоми.

– Ах, – вздохнул Якоб. – Однажды раввин сказал мне: «Ты никогда не будешь в безопасности». И возможно, он прав. Тот, кто рожден евреем, нигде не обретет покоя, куда бы ни пошел.

– Почему мы стали христианами, отец?

И тогда, поскольку в тот момент ему показалось это правильным, он рассказал ей все. О предупреждении Ренара, о том, как мучился, решая, что делать, о том, как боялся за здоровье Сары, нерожденного ребенка и самой Наоми, о том, как принял крещение и как тяжело ему это все далось. Все до конца.

– Может быть, я совершил ошибку, дитя мое, но я это сделал, и таковы причины, побудившие меня так поступить. А теперь оказалось, что этим я причинил тебе огромное горе, чего я никогда не хотел. Прости меня.

Когда он закончил, Наоми долго сидела неподвижно. Якоб терялся в догадках: не рассердилась ли она на него еще сильнее?

– Я не знала, – сказала она наконец.

– Это было так опасно, что я не мог тогда тебе открыть всего. Но иногда мне казалось, что, может быть, твоя мать что-то тебе рассказала.

– Нет. – Она покачала головой. – Ничего не рассказывала.

Он убрал руку с ее спины, пока говорил. Теперь он сложил обе ладони у себя на коленях и тоже уставился в потухший очаг. Потом вдруг ему на шею легла рука дочери, и, когда он обернулся, она опустила голову ему на плечо:

– Я понимаю, отец, почему ты сделал то. По-твоему, это было необходимо.

– Очень на это надеюсь, – с чувством ответил он.

– Ты ведь знаешь, что я всегда буду любить тебя? – спросила она.

Он посмотрел ей в глаза, и она улыбнулась.

– Всегда, – повторила Наоми. – Ты лучший отец на свете, правда.

Якоб не мог ничего говорить от переполнивших его чувств, только сжал ее ладонь в своей. Ее слова значили для него почти столько же, сколько рождение сына. Или даже больше.

С того дня Наоми как будто стала менее грустной. Жизнь понемногу налаживалась. Когда пришла весна, Якоб опять спросил Сару, не считает ли она, что теперь им можно начать подыскивать мужа для дочери.

– Давай подождем еще немного, – посоветовала жена.

– Оставлю этот вопрос на твое усмотрение, – принял разумное решение Якоб.

– Думаю, она готова, – сказала Сара мужу в конце мая.

И через несколько дней сама Наоми непринужденно заметила отцу:

– Я не тороплюсь замуж, отец, но когда придет время, может, нам стоит подумать о сыне Ренара. Я доверяю ему, и он мой давний друг.

Якоба уговаривать не требовалось. Буквально на следующий день, встретив Ренара на улице, он зашагал рядом. После обмена приветствиями и вежливых расспросов о семьях и делах Якоб отозвался о старшем сыне Ренара как об очень воспитанном и приятном молодом человеке.

– И я, кстати, тоже доволен тем, какой девушкой стала Наоми, – добавил он в заключение.

Они прошли вперед несколько шагов, и только потом Ренар повернул голову, чтобы внимательно посмотреть на друга.

Годы по-разному сказывались на приятелях. Те немногие волосы, что еще оставались на голове Якоба, поседели. Ренар же, напротив, как свойственно многим рыжим, не утратил своей шевелюры, да и вообще мало изменился с годами. Только глубокие, длинные морщины, прорезавшие лицо торговца, выдавали его возраст.

– Твоя дочь – настоящая красавица, – сказал он. – Полагаю, вскоре ты станешь искать для нее достойного мужа.

– Да, – кивнул Якоб.

– Я так хорошо помню те дни, когда ты решил принять христианство, – негромко проговорил Ренар.

– Наша семья бесконечно тебе обязана.

– В то время Наоми было лет девять, не больше.

– Да, девять.

– Как она отнеслась к крещению тогда? И что думает сейчас?

– Ну... – Такого вопроса Якоб не предвидел. – Она послушная дочь и потому не обсуждала решение отца. И это случилось так давно. Все ее друзья – христиане. Ее брат, конечно же, был рожден в христианской вере. – Такой ответ нельзя было назвать абсолютно честным, но лучшего у Якоба не было.

– Ты знаешь мою любовь к тебе и твоей семье, Якоб. – Ренар задумчиво покивал. – Я рад, что сумел помочь тебе, и сделал бы то же самое еще раз. Но брак – это нечто гораздо большее. Мой сын любит твою дочь как друга. И он будет ей другом всю жизнь. Но еще он очень набожен. Не все христиане столь благочестивы, Бог свидетель. Но он таков. Та девушка, которая станет его женой, должна быть столь же крепка в вере. У нее не должно быть сомнений.

– Разумеется, у моей дочери нет сомнений, – быстро сказал Якоб. – Никаких.

Они оба знали, что это ложь, но Якоб должен был это сказать.

– Нам нужно будет поговорить об этом еще раз, чуть позже, – предложил рыжеволосый торговец, прощаясь.

И опять они оба знали, что это только слова.

– Я никогда не знала, что он настолько набожен, – удивилась Наоми, когда отец передал ей суть своей беседы с Ренаром.

– Может, и не настолько, – тихо произнес Якоб.

Но первая неудача его не обескуражила. К концу лета он уже вел серьезные переговоры с торговцами, которые ранее выразили свой интерес, и с двумя новыми кандидатами, появившимися в последнее время. В сентябре он сумел предоставить дочери такой выбор, которому могла бы позавидовать любая девушка их круга. Со своей стороны, Наоми постепенно прониклась важностью события и даже стала находить удовольствие в обсуждении окончательного списка потенциальных женихов.

– А теперь, отец, я бы хотела попросить немного времени на размышление, – сказала она. – Двоих из этих молодых людей я почти не знаю. Сможешь дать мне месяц или два?

– Конечно, – ответил он с улыбкой. – Договоримся о том, что решение нужно принять к Рождеству.

Во вторник, одиннадцатого октября, Якоб столкнулся с Ренаром на Гревской площади. Двое мужчин поболтали немного о торговле, и они уже прощались, когда Ренар вдруг спросил:

– Якоб, ты помнишь Аарона, сына раввина?

– Конечно, – ответил Якоб.

– Ты знаешь, мне кажется, я видел его вчера в городе. Скорее всего, я обознался, но если он действительно проник в Париж, то ему следует быть крайне осторожным. Его могут арестовать.

Якоб в ужасе уставился на друга, но быстро опомнился.

– Вряд ли это был Аарон, – помотал он головой. – Он же не дурак, чтобы возвращаться сюда.

Но как только Ренар скрылся из виду, Якоб, забыв о делах, поспешил домой.

– Где Наоми? – крикнул он, едва закрыв за собой дверь.

Сара сказала ему, что дочь недавно привела с прогулки младшего брата.

– Где она? – повторил он чуть спокойнее.

– Снова ушла. Ей захотелось купить ленты в той лавке на улице Сент-Оноре, куда она часто заглядывает. Скоро вернется.

Тогда Якоб взволнованным шепотом рассказал ей то, что услышал об Аароне от Ренара.

– Никому ни слова, – предупредил он Сару. – Об этом никто не должен знать. Иди скорее в лавку и разыщи Наоми. Потом возвращайтесь, я буду ждать вас возле дома.

А сам отправился седлать коня.

Но Сара не нашла Наоми. Менее чем через час Якоб уже был в пути. Он пересек реку, выехал на левый берег и пустил коня по улице Сен-Жак, бывшей дороге пилигримов, которая вела на юг. Если они двигаются в Савойю, то это самый короткий путь.

Сейчас, два дня спустя, он понял, что потерял ее. Хитро составленное письмо Наоми не оставляло никаких сомнений. Он долго смотрел на жемчужное покрывало тумана над Парижем. Утреннее солнце осветило башни Нотр-Дама, и они окрасились золотом.

Якоб перечитал письмо.

Оно не было длинным. Выразив в начале свою любовь к родителям, Наоми сообщала, что у нее есть для них новость, которая причинит им горе. Затем она благодарила отца за то, что тот нашел столько достойных женихов и позволил ей самой выбрать. Однако, признавалась она далее, сердце ее уже сделало выбор.

Я люблю другого человека. Это хороший юноша, но я знаю, что вы не согласились бы на наш брак, так как он беден. Родом он из Аквитании, где у его отца есть мельница. В Париж этот юноша прибыл в качестве слуги одного благородного человека. Но теперь он должен возвращаться на родину, и я еду с ним.

Я – его женичина. Мы поженимся, как только прибудем в его дом. Он обещал мне это.

Не пытайтесь выследить нас, мы уже далеко. Но когда мы поженимся, я опять напишу вам. А до тех пор прошу простить меня, дорогие родители.

Якоб не видел в письме ни одного промаха. На еврейского юношу Аарона в нем не было ни намека. Сын мельника мог быть только христианином. Конечно же, Якоб ни на миг не поверил в существование парня из Аквитании. Но у любого другого человека, который прочитает пергамент, не будет причин сомневаться. Все, что увидят посторонние люди, – это побег девушки с бедняком, с которым она уже жила во грехе. Да, она опозорила себя и семью. Такое случается.

Ничего не говорилось в письме и о Савоие, там был только ложный след, ведущий в Аквитанию.

Якоб спросил себя, не рано ли он оставил поиски, не слишком ли быстро отказался от шанса вернуть дочь. Что, если бы он нашел ее, привез домой, выдал замуж за одного из приличных молодых людей, которых подобрал для нее? Но нет, Якоб понимал, что все было бы бесполезно. Коли Наоми решила сбежать с Аароном, то ни за что бы не согласилась жить с христианином, даже если бы отец насильно потащил ее к алтарю.

Чтобы придать истории правдоподобия, скорее всего, придется сказать друзьям, будто Наоми сбежала, и отправиться в Аквитанию, где он, конечно же, ее не найдет. И никакого второго письма от дочери они не дождутся. Люди сделают вывод, что с ней и ее любовником что-то случилось в дороге или что юноша бросил ее, после чего она не решилась вернуться в родительский дом. Якоб извинится перед семьями, с которыми вел переговоры о возможном браке; даже покажет им письмо – все равно они обо всем узнают.

Предстояло перенести много стыда и неловкости. Но – да, думал он печально, это может сработать.

Еще целый час он ходил по своему саду, прикидывая в уме так и эдак, бросая иногда взгляд на лежащий внизу Париж. Туман незаметно рассеялся, из него вынырнули дома горожан.

Наконец Якоб решил, что пора возвращаться домой. По привычке он пошел тем же путем, которым всегда ходил с Наоми: вниз по склону и далее в город мимо мощной крепости тамплиеров. В низинах вдоль дороги все еще висели клочки тумана, но стены форта четко вырисовывались в утреннем воздухе.

Он был примерно в ста шагах от ворот Тампля, когда заметил толпу. Это показалось ему странным. Затем он различил блеск мечей и брони и увидел, что из ворот выезжает повозка.

Должно быть, тамплиеры собираются перевозить куда-то деньги, решил Якоб, продолжая шагать по тропе. Однако в кавалькаде было что-то неправильное, но что – он смог понять, только приблизившись еще на пятьдесят шагов. Всадники, окружавшие повозку, не были тамплиерами – это были воины короля. За повозкой шла еще одна группа людей, но те не были вооружены. Некоторые из них вообще были полураздеты. Уже подойдя почти вплотную, Якоб увидел, что они закованы в цепи. Лица некоторых показались ему знакомыми. И потом до него дошло.

Это были тамплиеры. Рыцари Храма. В цепях.

– Что происходит? – спросил он у одного из зевак возле ворот.

– Тамплиеров арестовали.

– Каких?

– Всех. Всех тамплиеров во Франции и во всем христианском мире, как я понимаю.

– По чьему повелению?

– По повелению короля. И папы римского. – Человек ухмыльнулся. – Нынче это одно и то же, не так ли, ведь папа принадлежит нашему королю. – Он, похоже, гордился тем, что Франция теперь контролирует главу Христианской церкви.

– В чем их обвиняют?

– Во всем! Им зачитали приговор менее часа назад. Ересь, поклонение идолам, магия, содомия... и все остальное, что только придет в голову. И все это правда!

– Ересь? Сodomия?

Про тамплиеров, сидящих на несметных богатствах, в народе стали говорить, что они слишком хорошо едят и слишком много пьют. Якоб подозревал, что в большой степени эти слухи подпитывались завистью. И даже если бы это было правдой, ровно то же самое можно было сказать о доброй половине монахов-христиан. Но идолопоклонство? Магия? Эти обвинения были явно абсурдными. Любви к тамплиерам Якоб не испытывал, однако такая откровенная несправедливость возмутила его.

– Есть ли доказательства? – спросил он.

– Будут. – Его собеседник злорадно рассмеялся. – Инквизиция получит все необходимые доказательства. После пыток, само собой.

Тамплиеров будут пытаться, как обычных преступников? Как еретиков?

– Они точно заговорят, стоит зажарить нескольких на костре, – с довольным видом предрекал незнакомец.

– Что же станет с их крепостями и богатствами? – вслух подумал Якоб.

– Все отойдет казне. С сегодняшнего утра они разорены. – Эта мысль доставила зеваке особенную радость. – Эти тамплиеры и их проклятые крестоносцы стоили нам кучу денег, а толку от них не было никакого! – Он пожал плечами. – Взять хотя бы Людовика Святого.

Добродетели Людовика IX произвели такое впечатление на Ватикан, что десять лет назад строителя церкви Сент-Шапель и сторонника инквизиции канонизировали.

– Он отправился в Крестовый поход, – продолжал зевака. – Попал в плен. И нам, народу Франции, пришлось платить за него выкуп. А ради чего, спрашивается? Он ничего не добился своей дурацкой войной, к тому же почти все его войско передохло от болезней. Да будут прокляты крестоносцы и тамплиеры, которые поддерживали их, – вот мое мнение.

Якоб знал, что большинство его сограждан согласились бы с этим приговором. Но ему было понятно, что за атакой на тамплиеров стоит более простая и жестокая правда. Запретив орден, король одним махом отменил все свои долги ему. Ересь, безнравственность и аресты были всего лишь прикрытием. Держа в кулаке папу римского и инквизицию, король Филипп Красивый мог без помех пытаться и сжигать Бог весть сколько несчастных, добываясь ложных свидетельств. В его распоряжении были все инструменты Святой церкви. И все ради чего? Чтобы завладеть богатствами тамплиеров и не возвращать им долги.

Изгнание евреев было ужасным деянием, но то, что король обратился против собственных воинов Христа, Якобу показалось верхом цинизма. Его презрение к монарху стало еще глубже.

В этом королевстве нет преданности, нет милосердия, нет желания знать истину, нет даже помыслов о правосудии. Нет уважения к Богу. В этом королевстве нет ничего.

Добравшись домой, Якоб поведал Саре об увиденном. Потом ушел в свою контору, запер дверь и не выходил целый день. Вечером к нему постучалась жена:

– Якоб, ты не хочешь чего-нибудь поесть?

– Я не голоден. – Его взгляд был направлен в стол.

Сара села на низкую деревянную табуретку, которую Якоб держал для посетителей. Она ничего не сказала больше, только положила ладонь на руку мужа.

– Наоми сказала, что не хочет жить в стране с таким королем, – спустя какое-то время заговорил Якоб. – И она осуждает меня за обращение в христианство.

– Она молода.

– Она права. – Он так и не оторвал взгляда от столешницы. – Не нужно было мне креститься.

– Ты поступил так, как считал необходимым.

– Знаешь... – теперь он поднял глаза на жену, – у меня нет никаких возражений против христианской доктрины любви. Она прекрасна. Я приемлю ее всей душой. – Он покачал головой. – Проблема с христианами в том, что они говорят одно, а делают совершенно другое.

– Король порочен. Церковь порочна. Нам это давно известно.

– Да, разумеется. – Он помолчал. – Но если порочны они, то порочен и я.

– И что ты мог сделать? Встать перед королем и проклясть его, как сделал пророк в древности?

– Да! – выкрикнул он с внезапной страстностью. – Да, вот что мне нужно было сделать, то же, что делали пророки моих праотцев в давние времена. – Он вскинул руки. – Да, это я должен был сделать... – И с этими словами он горестно поник.

– Ну а что теперь? – мягко спросила Сара.

Якоб медлил с ответом.

– Я не знаю, – наконец сказал он.

Через неделю об этом знал весь Париж. Красавица-дочка торговца Якоба сбежала с сыном бедного мельника. Это было унижительно. Его семья была опозорена. Но то, как повел себя Якоб в этой ситуации, вызвало уважение горожан.

Потому что торговец Якоб покидал Париж. Он, его жена и малолетний сын уезжали в Аквитанию, где, как полагали, укрылась молодая пара. Якоб не собирался возвращаться до тех пор, пока его дочь не будет обвенчана в церкви по всем правилам. После этого он надеялся вернуться с дочерью и ее мужем в Париж и, если молодой зять изъявит желание, продолжить торговое дело с ним на пару.

Не многие отцы поступили бы так же. Они бы отказались от дочери и забыли о ее существовании. Но Якоб выказал поистине христианский дух – к такому мнению пришли окружающие.

Больше всего в этой истории повезло сыну мельника, пересмеивались люди. За свои шалости он получит в невесты богатую наследницу.

– Если бы я знал, – шутил один из числа выбранных Якобом кандидатов на руку Наоми, – то сам сбежал бы с ней.

Якобу понадобилось десять дней, чтобы свернуть торговлю и привести все дела в порядок. Гильдия пожелала ему скорейшего возвращения. Королевская канцелярия выдала разрешение на проезд по стране и пожелала удачи.

В последнюю неделю октября в 1307 году от Рождества Христова Якоб-торговец сел в повозку и отправился в путь – по улице Сен-Жак, старой дороге пилигримов, которая вела вверх по склону холма мимо университета. У самых городских ворот он остановил лошадь.

– Обернись и посмотри еще раз на Париж, – сказал он сыну. – Скорее всего, я никогда больше не увижу его, но у тебя еще может быть такая возможность. В лучшие времена.

Через неделю они прибыли в Орлеан.

Два дня спустя они, вместо того чтобы двигаться дальше на юго-запад в сторону Аквитании, свернули на дорогу к востоку. Путешествуя то на юг, то на восток, они через две недели оказались в Бургундии. И затем ехали еще десять дней. Наконец, глядя на зарю, Якоб спросил сына:

– Что ты видишь там вдали?

– Я вижу горы, вершины которых покрыты снегом.

– Это горы Савойи.

Когда он доберется до них, то будет снова евреем.

И, чувствуя, как с его плеч падает огромный груз лжи и страха, он произнес слова, по которым так долго скучал:

– Внемли, Израиль! Господь – Бог наш, Господь – один!

Глава 7

1887 год

На него разозлились все. Вдова Мишель перестала разговаривать с его родителями. Что же до Берты, то ее мыслей никто не знал.

Как Тома мог бы объяснить свой поступок? Ему совершенно не нравились ни Берта, ни лавка. Он мечтал только о том, чтобы строить башню месье Эйфеля. Если родители и понимали его желания, то не разделяли их. Мать ходила поджав губы, отец мрачно хмурился. В общем-то, основания для недовольства у них были: они надеялись, что настанет день, когда старший сын возьмет на себя заботу об их пропитании.

– Послушай-ка, – предложил ему как-то отец, – ты ведь можешь работать монтажником и жениться на Берте!

– Нет, не думаю, – твердо ответил Тома.

– За девушкой дадут в приданое лавку, – прямо сказала мать, – это очевидно.

– Тебе просто придется найти себе другую богатую невесту, – со смехом предложил Люк, но его никто не слушал.

Обстановка в семье заставила Тома задуматься о том, чтобы хотя бы на время покинуть родительский кров.

– Я думаю, мне стоит подыскать жилье поближе к работе, – объявил Тома через неделю.

– Тебе до башни всего около часа быстрым шагом, – возразил отец.

– Нет, больше. И у нас длинный рабочий день. У месье Эйфеля есть меньше двух лет на строительство башни.

– Ты будешь платить чужим людям за жилье вместо того, чтобы приносить деньги в семью, – проговорила мать.

– Только пока я работаю за рекой.

Родители больше ничего не сказали. Тома вел себя как эгоист и понимал это.

Жилье он подыскал довольно легко.

Почти в каждом доме Парижа под крышей находились помещения для прислуги. Это могла быть как мансарда с окном, так и обшитая досками каморка размером со шкаф. Не занятые слугами помещения хозяева иногда сдавали беднякам.

Объявление в газете привело Тома к дому одинокого пожилого господина, который жил с единственным слугой прямо напротив строительной площадки, надо было только перейти реку. Старинная улица Помп, на которой стоял этот дом, шла в направлении авеню Виктора Гюго. Предъявив доказательства того, что его работодателем является сам знаменитый Эйфель, Тома сумел договориться об аренде крошечной комнатки со скрипящими полами на чердаке. В ней умещался матрас и даже имелось круглое оконце, за которым виднелись крыши соседних зданий. Хозяин просил символическую плату, а главное – от нового жилища Тома было рукой подать до моста Иена, который вел прямо на стройплощадку.

Поселившись там, Тома каждое воскресенье навещал родителей и всегда отдавал матери все свободные деньги.

Каждое утро, приходя на стройку, Тома ощущал прилив гордости. Как рассказывали газеты, всего три года назад в Америке воздвигли Монумент Вашингтона высотой сто шестьдесят девять метров, который стал высочайшим сооружением в мире, оставив позади египетские пирамиды и средневековые шпили Европы. Но башня месье Эйфеля не просто побьет рекорд. По высоте она вдвое превзойдет американский обелиск. Это будет триумф Франции.

Тем не менее на огромной стройплощадке было тихо и пустынно. Четыре мощные опоры башни казались руинами древней крепости. И когда из них стали расти сужающиеся сверху четырехгранные колонны, а монтажники приступили к высотным работам, пространство под ними почти всегда было безлюдно.

– Почему тут никого нет? – спросил однажды у Тома случайный посетитель.

– Потому что месье Эйфель – гений, – гордо ответил Тома. – На стройплощадке одновременно находится не более ста двадцати рабочих. Мы одни возводим башню.

Заготовки. Вот в чем был секрет.

На заводе изготавливали балки и предварительно соединяли их в секции по четыре с половиной метра и не более трех тонн весом. Каждый день огромные конные повозки привозили на площадку ровно столько секций, сколько требовалось на день работы. Большие паровые краны поднимали секции на нужную высоту, и под придирчивым надзором Жана Компаньона Тома и его товарищи – верхолазы, как они себя называли, – устанавливали их на место, забивая молотами раскаленные заклепки.

– Точность потрясающая, – рассказывал Тома своим родным. – Каждая деталь встает на место идеально, все отверстия для заклепок совпадают до миллиметра. Мне не приходится останавливаться в работе. – Он широко ухмыльнулся. – Башня растет не по дням, а по часам. А иначе нельзя, – добавил он. – Выставка открывается через восемнадцать месяцев.

Вскоре после начала работы на стройке он взял туда Люка и показал ему, как все организовано. На Люка новая работа брата произвела большое впечатление.

– А как ты переносишь высоту? – спросил он Тома.

– Отлично, – улыбнулся тот. – Никаких проблем.

Старшина верхолазов Жан Компаньон был крепким работягой, манерами напомилавший закаленного в битвах сержанта. Его зоркие глаза не упускали ничего. Но Эйфель и сам почти каждый день приходил на стройку. Тома не лез на глаза великому инженеру, чтобы не мешать, но если Эйфель замечал молодого рабочего, то неизменно кивал ему с дружеским видом.

Четыре огромные «лапы» башни росли вверх и к середине, так что создавалось впечатление, будто они являются углами гигантской пирамиды. День за днем поднимались все новые и новые балочные секции. К концу августа высота колонн составляла уже более двенадцати метров.

Однажды вечером, закончив работу, Тома оглядывал будущую башню.

– Ну, юный Гаскон, нравится вам работать верхолазом? – вдруг услышал он обращенный к нему вопрос.

– О да, месье Эйфель. Здесь все отлично организовано.

– Спасибо. – Инженер улыбнулся. – Я старался.

– Наверное, этот этап самый простой, – рискнул поделиться своими размышлениями Тома. – Вот когда мы поднимемся выше...

– Вовсе нет, молодой человек. Самое трудное – это то, что мы строим сейчас. – Эйфель обвел рукой четыре «лапы», склоненные к центру. – Эти колонны имеют наклон в сорок пять градусов. Вам ничего не кажется странным?

– Ну... – Тома не хотелось признаваться в том, что у него действительно были сомнения, однако знаменитый инженер ободряюще кивнул ему. – Разве они не упадут? – наконец осмелился он спросить.

– Вот именно. По моим подсчетам, они упадут десятого октября. А если быть еще точнее, упадут, когда достигнут высоты в двадцать восемь метров. – Он улыбнулся. – Но этого не случится, мой молодой друг, потому что мы соорудим для них большие деревянные опоры. Вы видели контрфорсные арки Нотр-Дама?

– Да, месье.

– Наши опоры будут похожи на те арки, только расположатся внутри колонн. Потом мы продолжим строительство до первой платформы, которая будет удерживать все четыре колонны. Это случится на высоте пятидесяти пяти метров. Конечно, придется установить под платформой леса, пока мы будем ее строить. – Он помолчал. – Все это будет непросто, уверяю вас.

– Понимаю, месье.

– Потом наступит черед одной очень важной операции. Мне нужно будет выровнять платформу, чтобы она была абсолютно горизонтальной. Как это сделать? Подтолкнуть ее?

– Не знаю, сударь.

– Тогда слушайте. – Эйфель показал на одну из четырех «лап». – Под каждым фундаментом устроена система поршней, управляемая с помощью воды под давлением, и она позволит мне с величайшей точностью регулировать высоту и угол колонны в трех измерениях. Горизонтальность платформы будут проверять геодезисты. – Улыбка инженера стала еще шире. – А потом я сам заберусь на платформу и проверю спиртовым уровнем.

– Понял, месье Эйфель.

– У вас есть еще вопросы?

– Да, один. – Тома посмотрел на большие краны, которые поднимали секции балок. – Эти краны пригодятся нам только до определенного момента, а башня-то гораздо выше. Когда высоты кранов перестанет хватать, что будет дальше?

– Bravo, молодой человек! Отличный вопрос.

Тома, польщенный, вежливо ждал объяснения.

– Придет время – все сами увидите, – пообещал инженер.

Уже темнело, когда Тома перешел по мосту Иена на правый берег. Перед ним на склоне, спускающемся к воде, стоял необычный, в мавританском стиле, дворец Трокадеро – концертный зал, которой построили для предыдущей Всемирной выставки.

Шагая мимо экзотического дворца, Тома улыбался про себя, вспоминая беседу с Эйфелем. Через десять минут он уже был возле дома. Но ему хотелось есть, и поэтому он решил пройти по улице Помп еще несколько кварталов до пересечения ее с авеню Виктора Гюго. Там он знал небольшую закусочную, где подавали жареное мясо с фасолью. Он определенно заслужил сегодня хороший ужин.

Все еще в приподнятом настроении, он зашагал вперед. По правую руку от него потянулось ограждение лицея Жансон-де-Сайи, и при виде его Тома вспомнил забавную вещь.

Весь Париж знал историю нового и самого большого учебного заведения в городе, которое открылось на улице Помп. Богатый адвокат, чье имя носил лицей, в свое время обнаружил, что у его жены есть любовник, и нашел способ отомстить. Он лишил ее наследства и все свое состояние до последнего су завещал на строительство школы – только для мальчиков! Хотя лицей заработал совсем недавно, он уже стал очень популярным. Тома весело прикидывал, что сказала вдова по этому поводу.

Из некоторых окон лицея на улицу все еще лился свет газовых ламп. Судя по времени, там сейчас заканчивали работу поломойки. Когда Тома проходил мимо главного подъезда, свет погас. И он замедлил шаги.

Почему? Никаких причин останавливаться у него не было. Им двигало лишь праздное любопытство: захотелось посмотреть, как выйдут на улицу уборщики.

Через минуту они действительно вышли. Две женщины – одна пожилая, другая помоложе, понял Тома, хотя их лиц не разглядел в темноте. Та, что была старше, пересекла улицу, а вторая пошла по той же стороне, что и Тома. Он тоже прибавил шагу.

Тома поравнялся с девушкой, когда они проходили под фонарем у чьих-то ворот, и, обгоняя, бросил на нее взгляд. И чуть не упал.

Это была девушка с похорон. Прошло столько времени после их краткой встречи, что он почти забыл о ней, а когда вспоминал, то с трудом мог представить себе ее лицо. И тем не менее, увидев ее сейчас в тусклом свете фонаря, Тома не сомневался ни на миг: это была она. Надо же, он обыскал весь Париж, а нашел ее здесь, едва ли в двух километрах от того места, где впервые увидел.

Она опередила его на пару шагов. Тома снова догнал ее. Она сердито обернулась к нему:

– Ты преследуешь меня?

– Нет. Я шел по улице, когда ты вышла из лица.

– Ну так и иди себе дальше.

– В таком случае ты будешь преследовать меня, – сострил Тома.

– Вряд ли.

– Я сделаю так, как ты захочешь, но сначала позволь сказать тебе кое-что. Мы уже встречались.

– Ничего подобного.

– Ты была на похоронах Виктора Гюго.

– И что? – Она пожала плечами.

– Ты стояла в первом ряду на Елисейских Полях. Солдат заставил тебя подвинуться. – Он помолчал, дожидаясь от нее реакции, но напрасно. – Ты помнишь человека, который висел на перилах ближайшего дома?

– Нет.

– Это был я.

– Понятия не имею, о чем ты говоришь. – Но по ее лицу было видно, что она припоминает. – Хотя... Да, был там один сумасшедший. Он говорил гадости людям, которые стояли перед ним.

– Точно. – Он улыбнулся и повторил: – Это был я.

– До чего неприятный тип. Отстань от меня.

– Я искал тебя.

– Значит, нашел, а теперь проваливай.

– Ты не понимаешь. Я приходил на то место на Елисейских Полях еще много недель. Ты туда больше не приходила?

– Нет.

– Потом я стал обходить весь Париж район за районом, больше года меня не оставляла надежда, что где-нибудь я увижу тебя. Иногда со мной ходил мой младший брат. Клянусь, все это правда. – (Она молча смотрела на него.) – Сейчас я работаю на месье Эйфеля, – с нескрываемой гордостью продолжал Тома. – Он знает меня.

– Ты часто мочишься на голову людям? – спросила она.

– Никогда. Честное слово!

– Нет. – Она опять посмотрела на него и мотнула головой. – Все-таки мне кажется, что ты сумасшедший.

– Там есть небольшая закусочная. – Он махнул рукой вперед. – Я собирался туда зайти и приглашаю тебя поужинать со мной. Это приличное заведение, тебе там понравится. Когда ты захочешь уйти, я не пойду за тобой следом.

– Ты действительно искал меня по всему Парижу? – Девушка заколебалась. – Целый год?

– Клянусь!

В закусочной от Тома не укрылось, что девушка оценивает его, но не подал виду, что замечает это. Они сели за деревянный столик.

Судя по всему, девушка была на пару лет его моложе, а веснушек у нее оказалось даже больше, чем ему помнилось. Карие глаза вблизи оказались многоцветными: Тома различал в них оттенок то зеленого, то голубого, а то и оба сразу. Широкий рот он хорошо запомнил по первой их встрече, а теперь буквально не мог оторвать взгляд от загадочно чувственных губ. И у нее были белые ровные зубы, чего раньше он не мог видеть.

Девушка сидела напротив него, слегка откинувшись на спинку стула, словно желая сохранить между ними дистанцию, и он не винил ее за это.

– Меня зовут Тома Гаскон, – представился он.

– Я Эдит.

– Ты родом из этого квартала?

– Мы всегда тут жили. Еще в те годы, когда это была всего лишь деревня.

– А я из Маки. Это на Монмартре.

– Никогда там не бывала.

– Неплохое место. Туда приходят, чтобы потанцевать и полюбоваться видами. Но так как наша фамилия – Гаскон, месье Эйфель предположил, что мы приходим из Гаскони.

– Похоже, ты очень уважаешь месье Эйфеля.

– Я работал над его статуей Свободы. Потом я заболел, но он запомнил меня и взял на строительство башни. Сегодня мы с ним беседовали.

– Значит, он ценит тебя.

– Я хороший работник. Вот почему он нанял меня. Для мужчины очень важно иметь ремесло.

– Мы с матерью убираем. И еще я помогаю своей тете Аделине. У нее очень хорошее положение. – Эдит помолчала. – Может быть, ее место когда-нибудь перейдет мне.

– Ты бы этого хотела?

– Еще бы! Она работает у месье Нея. Он стряпчий.

– О! – Для Тома это имя ничего не значило, но, по-видимому, стряпчий был столь же важен для Эдит, как Эйфель – для самого Тома.

Она выпила немного вина, но от еды отказалась, объяснив, что как раз направлялась к тете, которая наверняка захочет накормить племянницу.

Эдит задала Тома несколько вопросов о его работе и семье, а потом сказала, что ей пора идти.

– Надеюсь, что увижу тебя снова, – сказал он.

– Ты знаешь, где я работаю по вечерам. – Она пожала плечами.

– В летние месяцы мы заканчиваем работу поздно, – неуверенно произнес Тома.

– Мы круглый год работаем допоздна. – Эдит снова пожала плечами.

– Можно проводить тебя, чтобы убедиться, что с тобой ничего не случилось по пути к тете?

– Нет. – Она сделала движение, чтобы подняться, но остановилась. – Скажи мне, зачем ты потратил столько времени на то, чтобы найти меня?

Тома подумал, прежде чем ответить.

– Я скажу тебе, – наконец произнес он. – Но в следующий раз.

Она рассмеялась:

– Тогда, может быть, я никогда этого не узнаю!

Но неделю спустя они все же встретились, и на этот раз Эдит приняла приглашение Тома поехать в кафе, хотя заказала только блинчик.

– Ты ведь так и не ответил на мой вопрос, – заметила она в конце ужина.

– Почему я искал тебя? – Тома опять не спешил с ответом. – Потому что как только я увидел тебя, то сразу понял, что ты – та девушка, на которой я женюсь. Разумеется, сначала мне нужно было тебя найти.

Она воззрилась на него в изумлении:

– То есть ты привязал себя к перилам и пригрозил помочиться на головы невинных зевак, после чего заметил совершенно незнакомую тебе девушку и решил на ней жениться?

– Все так и было.

– Ты безумец. – Она потрясла головой. – Я ужинаю с сумасбродом. У тебя никаких шансов!

– Ты не можешь отказать мне.

– Еще как могу!

– Невозможно. Я еще не делал тебе предложения.

– Ох, ну ты и задница!

Однако на следующей неделе, увидев Тома, поджидающего ее вечером, Эдит сказала ему, что они могут погулять вместе в воскресенье днем.

– Жди меня перед дворцом Трокадеро в два, – сказала она.

В то сентябрьское воскресенье было тепло. Эдит надела светлое платье в полосочку с кушаком.

На холме чуть ниже мавританского дворца Трокадеро, смотрящего через реку на растущую башню Эйфеля, был разбит увеселительный сад, где среди других развлечений имелись две большие статуи – слона и носорога.

– Помню, как мой отец приводил меня сюда поглядеть на статуи, – сказала Эдит своему кавалеру. – Я тогда была совсем маленькой.

Поэтому мне нравится иногда погулять здесь. – Она улыбнулась. – У меня остались хорошие воспоминания о тех временах.

– А твой отец... – начал было Тома, но Эдит остановила его.

– Вон там аквариум. – Она указала на длинное низкое здание. – Ты там когда-нибудь бывал?

Тома еще там не был, и пара провела следующие полчаса, с интересом разглядывая всевозможные морские существа. Юношу поразили и небольшой глубоководный черный кальмар, и экзотическая медуза с ядовитыми стрекательными клетками. Еще более удивительным созданием показался ему электрический угорь, который мог убить человека. Грозная мощь этого морского чудовища привлекла Тома, и он подозвал Эдит.

– Электрические угри даже опаснее акул! – восторженно поделился он с ней своим новым знанием.

Она вежливо посмотрела на угря, но ей больше понравились ярко окрашенные тропические рыбки.

Изучив обитателей аквариума, они вышли на улицу. Эдит повела кавалера в сторону улицы Помп.

– Когда моей матери было столько же, сколько сейчас мне, – заметила она, – этот район вообще не относился к Парижу. Это все было деревней Пасси.

– То же самое с Монмартром.

– А ты знаешь, – заявила она с гордостью, – что Бен Франклин, тот знаменитый американец, жил здесь недалеко?

– Надо же. – Тома слышал о Франклине, хотя не мог вспомнить, что именно. – Нет, этого я не знал.

– В западной части Пасси был небольшой дворец, где останавливалась Мария-Антуанетта. – Эдит глянула на парня. – Наверное, ты догадываешься, как я горжусь тем, что живу здесь.

– Да.

– И поэтому хочу показать тебе кое-что важное.

Они шли по улице Помп не сворачивая, пока не оказались в самой нижней ее части. Большинство домов стояло в окружении пышных садов. Часть резиденций, богато отделанных гранитом, относилась к постройкам последнего времени. Другие, более старые, не были такими претенциозными и являлись, по сути, загородными виллами, о чьем сельском прошлом свидетельствовали ставни на окнах и фруктовые

деревья в садах. Эдит же остановилась у калитки, за которой виднелся двор с конюшнями и в глубине участка огород.

– Ты знаешь, кто здесь жил до революции?

– Конечно нет.

– Сам Шарль Фермьер.

Тома замялся. Ему не хотелось показаться невеждой. Эдит не спускала с него глаз.

– Так кто же такой был Шарль Фермьер? – хитро прищурилась она.

– Не знаю, – признался он.

– Это предок моего отца. – Она улыбнулась. – Он был фермером.

Тут везде по большей части находились фермы.

– У него была своя земля?

– О нет. Почти вся деревня Пасси принадлежала нескольким крупным землевладельцам. Мой прадед арендовал участок. Но еще он держал стадо коров. С тех пор мы отсюда не уезжали. То есть... кроме моего отца. Мы даже не знаем, куда он подался... – От Тома не ускользнуло то, с какой грустью Эдит говорит об отце.

– Ваша семья продолжала жить фермерством?

– Мой дед был конюхом в шато на краю Пасси. Мой отец работал в доме одного торговца, пока все не бросил.

Они двинулись дальше по улице под красивыми каштанами. Вскоре они подошли к зданию, на чердаке которого поселился Тома.

– Вот здесь я снимаю комнату, – сказал он.

– Хорошее место.

Он подумал о крохотной каморке, где ему едва хватает пространства, чтобы вытянуть ноги.

– Неплохое, – сказал он. – К сожалению, хозяин не позволяет приводить женщин.

– Я приличная девушка и не пошла бы к тебе, даже если бы ты пригласил меня.

И они зашагали дальше.

«Я же получаю неплохие деньги у месье Эйфеля, – думал Тома. – Можно было бы снять комнату получше, если бы я не отдавал весь заработок матери...» С такой моральной дилеммой он раньше не сталкивался.

– А где ты живешь? – спросил он.

– Мать живет рядом с воротами Ля-Мюэт, – довольно расплывчато ответила Эдит, – тетья Аделина в противоположной стороне. Я ночью то у одной, то у другой.

Не доходя до лица Жансон-де-Сайи, они повернули направо и вскоре оказались на торговой улочке, где нашли кафе, чтобы присесть и передохнуть. Эдит заказала чай и пирожное.

– Я хорошо провела день, – сказала она. – Но теперь мне пора идти к тете.

– К той, что работает на стряпчего?

– На месье Нея, – уточнила она почтительным тоном.

– Было бы интересно посмотреть на такую важную персону.

– Все, мне пора. – Эдит резко поднялась.

– Когда мы встретимся опять?

– Вечер среды подойдет.

Потом она ушла.

Так их свидания продолжались несколько недель. По средам Эдит убиралась с матерью в лицее, после чего они расставались, и Эдит шла ночевать к тете Аделине. Тома встречал ее, они заходили куда-нибудь и разговаривали. Потом она разрешала Тома проводить ее, но только часть пути, никогда до самого конца. По воскресеньям он навещал родителей, однако пропускал эти визиты, если Эдит соглашалась провести с ним выходной, и тогда они с удовольствием бродили по городу. Было ясно, что пока Эдит не хочет более близких отношений, и Тома соглашался подождать. Он полагал, что в ней говорит уместная в таких обстоятельствах осторожность. Но еще у Тома складывалось впечатление, будто в жизни Эдит есть стороны, которые пока оставались закрытыми для него.

В октябре Тома сделал для себя два открытия насчет башни Эйфеля, и оба были для него неожиданными.

Однажды утром он, как обычно, пришел на работу и увидел, что у одной из опорных колонн башни столпились люди. Это была бригада незнакомых ему работников, которые собирали какой-то большой агрегат под присмотром Жана Компаньона и самого Эйфеля.

Днем ранее Тома работал как раз на этой опоре, но Компаньон велел ему присоединиться к другой команде. К обеду новый механизм был собран, и Тома, поскорее покончив с едой, подошел поближе.

Эйфель заметил его и приветливо кивнул, продолжая говорить с теми, кто стоял вокруг него.

– Не так давно меня спросили, как мы будем поднимать секции, когда башня вырастет выше кранов. И вот, друзья мои, ответ на этот вопрос: с помощью ползучего крана! Он будет ездить по рельсам, проложенным внутри каждой опоры. А когда башня будет достроена, по тем же самым рельсам побегут лифты для посетителей – тех, которые не рискнут подниматься по ступеням. Поскольку опоры башни стоят под углом, краны и позднее лифты также будут двигаться под углом. Совсем как фуникулеры. – Эйфель был увлечен своей импровизированной лекцией. – Они будут сопровождать нас на всем протяжении строительства. Стрела крана выдвигается, цепляет секцию, и потом кран, так сказать, ползет вверх. А еще при необходимости кран может поворачиваться на триста шестьдесят градусов.

С того дня Тома работал на неуклонно растущих колоннах башни с помощью мобильного крана.

Второе открытие он сделал в самом конце октября.

На протяжении всего строительства Эйфель с особым рвением следил за мерами безопасности. Работа на высотных конструкциях опасна по своей сути. Среди строителей мостов и высоких сооружений считалось, что работа прошла успешно, если никто не получил тяжелой травмы. А в случае с башней Эйфеля небывалая высота неизбежно делала любое падение смертельным.

Поэтому Эйфель разработал сложную систему передвижных ограждений и страховочных сеток. Он ставил себе благородную и трудную цель – завершить строительство, не потеряв ни единого человека, – но был убежден, что она достижима, нужно лишь привлечь только опытных верхолазов и проявлять достаточно осторожности и внимания.

С первого дня Тома включили в одну из высотных бригад и больше никуда не переводили. С товарищами он поладил, и Жан Компаньон был, по-видимому, доволен их работой. Если бы что-то было не так, то старший мастер сразу бы дал им знать.

Однажды утром в одной из бригад не хватило человека, и Компаньон сказал Тома:

– Сегодня поработай с этими ребятами.

Тома поднялся с ними наверх, ничуть не встревоженный. Напротив, ему даже пришло в голову, что его специально пригласили, заметив, как ловко он управляется с молотом. Его бригада работала на внешней грани «лапы», а площадка этой команды была всего в нескольких метрах оттуда, но с внутренней стороны колонны. Работа, разумеется, была одинаковой. Оказавшись наверху, Тома обменялся приветственными взмахами со старыми товарищами, а потом перебрался на внутреннюю грань колонны, где ему предстояло в тот день трудиться, и случайно глянул вниз.

И оцепенел.

Спустя секунду он левой рукой уцепился за балку, нависающую у него над плечом, а правой нащупал опорную стойку позади себя и сжал с такой силой, что металлический край впился ему в плоть. Но Тома ничего не мог с собой поделать. Он не мог ослабить хватку. Ледяная паника сковала его, и вся сила словно утекла через ноги вниз. Он стоял там, неспособный двинуться ни вперед, ни назад, и едва дышал.

Тома Гаскон никогда раньше не испытывал паники. Ему не приходило в голову, что ощущения при работе на внутренней стороне колонны будут отличаться от тех, к которым он привык, заколачивая заклепки с внешней стороны. Но вчера под ним находилось переплетение балок. Сегодня же у него под ногами не было ничего, кроме сорока метров пустоты.

Он считал, что не боится высоты, поскольку мог стоять на холме и смотреть вниз. И к тому же сорок метров – это не так уж и высоко. Но сейчас он не стоял на холме, он словно ступил на канат.

А потом он осознал, что с земли на него смотрят двое. Месье Эйфель улыбался. Но орлиный взор Жана Компаньона не упускал ничего, и потому мастер был серьезен.

– В чем дело? – Его голос был резок. – Ты хочешь спуститься?

В этот миг Тома Гаскон понял, что может потерять любимую работу.

– Нет, нет! – выкрикнул он.

Едва понимая, как у него это получилось, зная только, что иначе нельзя, Тома заставил себя наклониться немного вперед и невероятным усилием воли оторвал левую руку от балки.

– Добрый день, месье, – отсалютовал он Эйфелю. – Я как раз жду, когда ваш ползучий кран привезет мне что-нибудь.

Он видел, как Эйфель кивнул ему с улыбкой, но Компаньон все еще буравил его подозрительным взглядом. Тома гадал, не заметил ли старший мастер побелевшие костяшки его правой руки, которой он по-прежнему сжимал металлическую стойку. Он осторожно повернулся и взглянул на одного из своих новых товарищей. И как только его глаза оторвались от зияющей пропасти под ногами, паника слегка отпустила. Рабочий тоже смотрел на него с любопытством, и потому Тома заставил себя улыбнуться.

– Когда я работал вместе с месье Эйфелем над статуей Свободы, он сказал мне, что она станет самым знаменитым его творением. А теперь он строит вот это. – Каким-то чудом он сумел отцепить руку от стойки и даже пожал плечами. – Когда мы закончим башню, надо будет спросить его, какое чудо он придумает в следующий раз.

Верхолазы рассмеялись. Тома почувствовал себя спокойнее. Весь день он периодически поглядывал вниз и постепенно приучил себя не бояться пустоты под ногами.

В первый после этого выходной он ходил на Монмартр к родителям, и Люк спросил его:

– Ну и как тебе – нравится работать на высоте?

– Очень нравится, – улыбнулся Тома.

К середине ноября он надумал предпринять более решительные действия.

– В воскресенье я собираюсь навестить свою семью, – сказал он Эдит. – Не хочешь сходить со мной? Заодно я мог бы показать тебе Монмартр.

– Это далеко. – Она задумчиво посмотрела на него.

– Да нет, не очень. Можно поехать на трамвае до Клиши, а там останется только взобраться на холм. – Он видел, что она колеблется. – Думаю, тебе стоит сходить со мной, если не будет дождя. А в непогоду все равно ничего не видно.

– Я бы хотела посмотреть на город сверху.

– Конечно! С холма открываются отличные виды. Надо будет пообедать с родителями, но потом мы сможем погулять. В ясный день даже в ноябре на улицы выходят рисовать художники.

– Ну хорошо, – сказала она.

Они сели на трамвай почти у самой Триумфальной арки. Поскольку определенных мест для посадки и высадки пассажиров у трамваев тогда не было, горожанам приходилось самим останавливать их. Вагоновожатые на взмахи и крики пешеходов реагировали избирательно: для почтенной старой дамы они могли придержать лошадей, а на бедно одетую молодежь, вроде Тома и Эдит, обычно и внимания не обращали. Когда они заскакивали в движущийся вагон, Эдит оступилась. Если бы Тома не успел схватить ее за руку, девушка могла бы упасть. Пользуясь случаем, он притянул ее к себе, и Эдит вроде была не против. Но через несколько мгновений она уже скромно сидела на скамье рядом с ним, а когда он рискнул положить ладонь ей на колено, Эдит мягко сняла ее.

На площади Клиши они соскочили с трамвая и двинулись вверх по склону холма. На пути к вершине Тома вел Эдит по самым живописным улочкам. Она заметила, что Монмартр напомнил ей Пасси в годы ее раннего детства, а от мельниц пришла в восторг. Но когда они начали спускаться с противоположной стороны холма в лабиринт трущоб Маки, Эдит стала менее разговорчивой и, как показалось Тома, задумчивой.

– Наш дом далеко не дворец, – сказал он.

– Да кто захотел бы жить во дворце? – пошутила она.

Наконец они подошли к дому, где жили Гасконы, и поднялись по лестнице. Их встретили родители, Люк и Николь. Все весьма удивились, что Тома привел с собой девушку, но он непринужденно заявил, что Эдит – его подруга из Пасси, которая никогда не бывала на Монмартре.

– Я предложил показать ей холм и пригласил сначала отобедать с нами. – Он повернулся к матери. – Ты не возражаешь?

– Конечно же нет! – Мать просияла улыбкой.

Нет такой французской семьи, в которой отказались бы накормить гостя. Но в душе Тома был рад, что случай пригласить Эдит выпал на воскресенье, а то всем еды могло не хватить.

– Вы ходили сегодня на мессу? – спросила мать Тома у гостьи.

– Да, мадам, – ответила Эдит. – Мы ходили вместе с матерью.

– Ты слышишь? – обратилась мадам Гаскон к дочери. – Может, и ты в следующее воскресенье сходишь со мной в церковь вместо того, чтобы валяться в кровати?

– Сегодня я не выспалась! – запротестовала Николь.

– Значит, вы из Пасси? – поддержал светский разговор старший Гаскон. – Красивый район.

– Раньше у нашей семьи там была ферма, – сказала Эдит, – но больше мы не занимаемся сельским хозяйством.

– Чем же вы занимаетесь? – поинтересовалась мать Тома.

– Я помогаю матери. Она уборщица в лицее Жансон-де-Сайи. Но еще я помогаю тете Аделине, которая работает у месье Нея. Он стряпчий. Это хорошее место, и я надеюсь в будущем получить его.

– Жансон-де-Сайи, – повторил месье Гаскон. – Я слышал, это очень модный лицей.

Тома видел, как его мать производит собственные расчеты. Николь в это время изучала блузку и юбку Эдит, не забыв посмотреть и на обувь. На его вкус, одевалась Эдит нормально. Что подумала на этот счет Николь, он не смог угадать. Судя же по выражению лица матери, она еще не вынесла окончательного решения, но большого впечатления девушка на нее не произвела.

– Я с этого года работаю горничной в доме одного доктора рядом с площадью Клиши, – сказала Николь.

– Должно быть, это неплохое место, – вежливо заметила Эдит.

– Да, ничего. – Николь пожала плечами.

На столе еды было в достатке: большое блюдо с фасолью и даже мясо. От Тома не укрылось, правда, что матери пришлось несколько сократить порции, чтобы хватило Эдит. На десерт подали фруктовый пирог. Тома был доволен, что по воскресеньям его семья обедает, как подобает солидным людям, – скорее всего, благодаря деньгам, которые он давал матери.

Застольная беседа продолжалась. Его мать узнала, что Эдит – единственный ребенок в семье. Люк внимательно наблюдал за гостьей и отмалчивался, что для него было нехарактерно. Эдит спросила, где он собирается работать, когда вырастет.

– На Монмартре, как и сейчас. А потом стану великим комиком и загребу кучу денег.

– Вот как!

– Это лучше, чем работать, – пояснил Люк.

– Он шутит, – вмешался Тома, хотя сам не был в этом уверен.

Чтобы поддержать разговор, Тома рассказал родственникам, как они с Эдит запрыгивали в трамвай и как она чуть не упала.

– Ах, – вздохнул его отец. – Тома строит сейчас эту огромную башню, и к нам приедут люди со всего света, чтобы посмотреть на нее. Но когда они увидят, как мы передвигаемся по городу, это будет позор.

– Почему? – спросила его жена.

– В Лондоне есть поезда на паровой тяге, которые возят пассажиров по всему городу. Многие такие поезда ездят под землей. А у нас в Париже еще нет ничего похожего.

– Между прочим, – подхватил Люк, – в Нью-Йорке уже ходят наземные поезда!

– Англичане и американцы могут делать что пожелают, – заявила Эдит, – но почему мы должны портить красоту Парижа сажей, паром и этими ужасными рельсами? Пусть те страны считают себя более современными, зато мы более культурные.

– Согласна, – одобрительно закивала мать Тома. – У нас гораздо больше культуры.

После обеда Тома и Эдит вышли на немощеные улицы Монмартра, и Тома повел девушку вверх по холму к кафе «Мулен де ла Галетт». Погода в тот день стояла ясная, но прохладная, поэтому народу было меньше, чем обычно по воскресеньям. Затем они обошли площадь, виды которой любили писать художники. Трое живописцев, что рискнули выйти в такой холод, закутались в шарфы и теплые пальто, но упрямо водили кисточками по холсту. Тома с Эдит несколько минут посмотрели на их картины, а потом пошли дальше, к строящейся базилике Сакре-Кёр. Каменные стены церкви заметно подрастали с течением времени, но пока видна была только гигантская система лесов и море грязи.

Но от строительной площадки по-прежнему открывался волшебный вид.

– Вон башни Нотр-Дама. – Тома горделиво знакомил Эдит с новой для нее панорамой Парижа: золотые купола Оперы всего в паре километров, Дом инвалидов чуть подальше. – А вон там... – он указал на участок правее Дома инвалидов, – взметнется в небо башня месье Эйфеля. – С улыбкой он заметил: – Я знаю, Маки – довольно примитивный район, но я обожаю Монмартр. В Париже нет ничего похожего на этот холм.

– Ты на самом деле гордишься башней, которую строишь?

– Конечно.

– Здорово.

Он отвез ее обратно в Пасси до наступления темноты. На авеню Виктора Гюго она поблагодарила Тома, позволила поцеловать себя в щеку и ушла. Ему казалось, что ей понравился день, но уверенности не было.

В следующее воскресенье Эдит была занята, и Тома отправился к родителям. Только в самом конце обеда мать заговорила на интересующую ее тему:

– Та девушка, которую ты приводил сюда... У тебя есть на нее планы?

– Не знаю, – сказал он. – Может быть.

– Ты мог бы найти себе кого-нибудь получше, – твердо заявила мать.

– Ты говоришь так только потому, что она не дочь вдовы Мишель, – пожал плечами Тома. Он глянул на отца, но тот избегал смотреть на сына, и Тома пришлось продолжить разговор с матерью: – Но вы же неплохо поладили.

– Ты мог бы найти себе кого-нибудь получше, – стояла на своем мать.

После еды он пошел погулять с Люком. Реакция родителей не стала для него полной неожиданностью: теперь любая невеста, за которой не дают мясную лавку, их не устроит. Но от Люка Тома надеялся услышать что-то более приятное.

Однако слова Люка застали его врасплох.

– Это та самая девушка, которую мы с тобой искали? – спросил младший брат.

– Да. Как ты догадался?

– Не знаю.

– Что ты о ней думаешь?

Люк помолчал. Потом его лицо погрустнело.

– Я ей не понравился, – сказал он наконец.

– С чего ты взял? Мне она ничего такого не говорила. Ни слова. Мне, наоборот, показалось, что ты ей очень понравился.

– Нет. – Но Люк только тряс головой. – Я точно тебе говорю. Я всегда чувствую такие вещи.

– Уверен, что ты ошибаешься, – сказал Тома.
Но он был озадачен.

Три дня спустя Эдит спросила его, будет ли у него возможность посетить вместе с ней ее мать и тетю в ближайшую субботу.

Они встретились после полудня: Эдит ждала его в начале авеню Виктора Гюго. Парочка пересекла просторную площадь вокруг Триумфальной арки и вышла на широкую авеню Гранд-Арме, ведущую на запад прямо к Елисейским Полям. Свернув на нее, они миновали несколько кварталов, повернули направо и прошли еще немного. Дома на этой улице, хоть и достаточно респектабельные, были какими-то серыми и закоптелыми и наводили на Тома уныние. В одном из таких домов, который стоял на углу и был немного больше остальных, помимо внушительного парадного входа, имелся также боковой проход, ведущий во внутренний дворик, защищенный от незваных гостей высокой железной оградой. В этом заборе имелась калитка. Эдит потянула за цепь колокольчика. Где-то внутри послышался тонкий резкий звон, и несколько мгновений спустя калитка открылась.

– Это моя мать, – сказала Эдит.

Сходство сразу бросалось в глаза: те же веснушки, тот же широкий рот. Но время безжалостно обошлось с матерью Эдит. Тома видел, что когда-то она была красива, но потом обрюзгла, а в последние годы перестала следить за собой. Волосы она красила хной, но недостаточно часто, судя по отросшим седым корням. Глаза, когда-то яркие, заплыли, исчерченная глубокими морщинами кожа шеи обвисла.

– Значит, вы тот молодой человек, который строит башню. – Она изобразила улыбку.

– Да, мадам, – вежливо ответил Тома.

Хозяйка провела их по узкому коридору в комнату. Там стоял диван с изогнутой спинкой, два парадных кресла и столик. Окно, обрамленное шторами из тяжелого дамаска, выходило во двор, но плотная кисейная занавеска едва пропускала свет.

– У моей золовки отличное положение, вы согласны?

Значит, тетя Аделина – сестра пропавшего отца Эдит, сообразил Тома.

– Прекрасное положение, мадам, – сказал он.

– Моя тетья – консьержка, – объяснила Эдит. – На самом деле она присматривает за всем домом.

– Это большой дом, – добавила ее мать. – И большая ответственность. Но Аделина создана для такой работы, это точно.

– И месье Ней тоже живет здесь? – проявил интерес Тома.

– Месье Ней владеет этим домом, – сообщила мать Эдит с гордым видом человека, который числит среди своих друзей богача. – Его контора находится в соседнем здании. И живет он тоже тут неподалеку вместе со своей дочерью.

– Его дочь зовут мадемуазель Ортанс, – добавила Эдит.

– Ах, мадемуазель Ортанс, – восхищенно протянула ее мать. – Однажды она составит блестящую партию. Это точно.

– Я бы хотела показать Тома дом, – сказала Эдит.

Ее мать глянула на буфет и кивнула:

– Если увидишь тетю, скажи, что мы ждем ее.

Вслед за Эдит Тома поднялся по узкой лестнице, затем прошел по коридору, который привел их в заднюю часть большого дома. С загадочной улыбкой Эдит распахнула еще одну дверь, и Тома оказался на просторной площадке, от которой к парадной двери спускалась широкая лестница.

– Красиво, – заметил он. – Вы когда-нибудь пользуетесь этим входом?

– О нет! Парадная дверь всегда заперта. Пойдем.

Эдит приблизилась к двери справа от лестницы, тихонько постучала и вошла.

Панели на стенах просторной комнаты местами потрескались, но в целом она производила великолепное впечатление. Над камином висела картина XVIII века – портрет аристократа с лицом, излучающим олимпийское спокойствие. Стены украшали цветные гравюры с придворными дамами. У окна стоял изящный письменный столик в стиле рококо и такой же стул. Справа от двери расположился большой гардероб орехового дерева. А напротив камина у противоположной стены стояла роскошная кровать XVIII века под пологом, на которой, подпертая подушками и валиками, сидела знатная дама в облаке кружев и читала томик в кожаном переплете.

– А, малышка Эдит, – сказала дама, чье лицо было бы копией безмятежного господина над камином, если бы не плохо подогнанные

зубы из слоновой кости.

– Мадам Говри, позвольте представить вам моего друга Тома Гаскона, – почтительно произнесла Эдит. – Он работает на строительстве башни месье Эйфеля.

Мадам Говри посмотрела из-за книги на Тома.

– Как это печально, молодой человек, – сказала она весьма спокойным тоном. – Я видела в газетах изображения башни этого месье Эйфеля, кем бы он ни был. – Она выговорила имя инженера так, будто считала его непроизносимым. – Вам следует поискать другую работу.

– Вам не нравится башня, мадам? – осведомился Тома.

– Совершенно не нравится. – Она отложила книгу на покрывало. – Когда я думаю о том, что строила Франция в прошлом, о Лувре, например, или о Версале, и потом вижу чертежи этого отвратительного костыля, который наверняка заржавеет до того, как его достроят, вижу изображения этой варварской пошлости, которую собираются повесить в парижском небе, я спрашиваю себя: во что превратилась Франция? – Она снова взялась за книгу. – На вид вы приличный молодой человек, но вы позорите страну. Вы должны немедленно уйти со стройки.

– Благодарю вас, мадам, – сказал Тома, и они с Эдит удалились.

– Надеюсь, ты не обиделся, – хихикнула Эдит, как только дверь за ними закрылась.

– Конечно же нет. – Тома пожал плечами. – Так думает половина Парижа.

Действительно, в газетах каждую неделю появлялись статьи на эту тему, повторявшие примерно то же самое, что сказала старая дама.

– Знаю. Но она так красиво выражается. Мадам Говри – наша аристократка, – с гордостью сказала Эдит.

– Так что же это за место? Здесь живут старики?

– Да, это дом престарелых, но совершенно особенный. Месье Ней лично договаривается с каждым постояльцем. Некоторые платят ему, у других есть дом, или земля, или какой-то доход, и потом они переезжают сюда, и он все для них делает. Он юрист, поэтому всегда знает, как поступить.

– Сколько здесь постояльцев?

– Около тридцати.

– И все они остались без родственников?

– У некоторых есть родня. Но они все знают, что могут доверять месье Нею. Говорят, – продолжила она тише, – что одна старая дама была здесь так счастлива, что оставила ему все свое состояние.

Тома ничего не сказал.

Они заглянули еще в одну комнату, далеко не такую шикарную. Там в единственном кресле лицом к окну сидела старуха и, казалось, дремала.

– Мадам Ришар бывает очень несговорчивой. Моей тете приходится давать ей настойку опия.

В коридоре им встретилась невысокая полная женщина. Она была с головы до ног одета в черное, а ее пухлое лицо по форме напоминало шар. Тома предположил, что это и есть тетя Аделина.

– Марго, ты не видела мою тетю? – спросила Эдит у женщины.

– Нет, не видела, – певуче ответила та и сказала Тома, проплывая мимо: – Добрый день, месье.

– Это Марго, сиделка, – пояснила Эдит. – Наверное, тетя поднялась наверх.

До верхнего этажа они добрались по крутой и темной лестнице. В коридоре не было окон, и только в конце его через световой люк внутрь попадало немного дневного света. Эдит несколько раз позвала тетю, но ответа не получила. Она повернулась, чтобы спуститься снова на первый этаж. Тома тоже пошел за ней, но по дороге из любопытства открыл одну из дверей в коридоре.

Комната была практически голой. На окне, которое не мыли как минимум год, не было занавесок. Стены в углах покрылись пятнами сырости. Посреди комнаты стояла железная койка, выкрашенная в черный цвет; на ней, под красным одеялом, лежала костлявая старуха, похожая на выброшенные за ненадобностью садовые грабли. С края засаленного матраса свисали пряди ее седых волос. Она лежала неподвижно, и если и дышала, то беззвучно. Пол покрывала пыль, но даже мышь не нашла бы здесь и крошки съестного. Внимание Тома привлекла одна деталь. На стене прямо напротив кровати в тонкой металлической раме висела дешевая гравюра, изображающая Деву Марию с Младенцем; стекло поверх картины было отполировано до блеска.

– Тома, – окликнула его Эдит, – что ты там делаешь?

– Ничего, – сказал он и закрыл дверь. – Кто это там?

– Мадемуазель Бак. Она очень бедная. Пойдем.

Когда они вернулись в комнаты тети Аделины, указанная дама уже находилась там. Она смерила Тома оценивающим взглядом и, увидев, должно быть, все, что ей было нужно, пригласила его сесть. Сама же она подошла к буфету и достала бутылку сидра.

– Не желаете ли угоститься сладким сидром? – спросила она.

– Возможно, молодой человек предпочел бы коньяк, – с надеждой предложила мать Эдит.

– Нет, – твердо возразила ее золовка. – Сладкий сидр.

– Да, спасибо, – сказал Тома.

Тетя Аделина разлила сидр в стаканчики для всех присутствующих. На ней была накрахмаленная белая блуза и темно-синее платье, черные волосы стянуты в тугий узел на затылке. Из-под густых бровей внимательно смотрели большие темные глаза.

– Где вы живете, юноша? – спросила она.

– Я снимаю комнату на улице Помп, мадам. Но мои родители живут на Монмартре.

– Надеюсь, не в Маки.

– В Маки, мадам. Не беспокойтесь, они достойные люди, – добавил он. – Я старший сын, и родители проследили за тем, чтобы я окончил школу, а потом обучился ремеслу.

– Рада слышать.

– Вы давно управляете этим домом, мадам?

– Да. У меня очень ответственная работа.

– Это уж точно, – вставила мать Эдит, хотя тетя Аделина с неудовольствием отнеслась к ее участию в разговоре. – Месье Ней начинал с малого, знаете ли. Раньше у него было всего две комнатки в трущобах Бельвиля: одна для мадемуазель Бак, а вторая для вдовы, муж которой оставил ей в наследство неплохое дело – скобяную лавку. Но она не могла управлять им, просто понятия не имела, как быть. И месье Ней стал делать буквально все: вести торговлю, заботиться о ней самой. И когда она умерла, то все оставила ему. Так было положено начало его состоянию. Потом месье Ней переехал в жилище получше, около вокзала дю-Нор. И наконец – вот сюда. – Она удовлетворенно покивала. – Месье Ней крайне предан своим постояльцам. Он везде возит с собой мадемуазель Бак. Начинала она в трущобах Бельвиля, а теперь живет в большом доме рядом с Триумфальной аркой!

– Достаточно об этом, – попробовала остановить ее золовка.

– У него есть мозги, у нашего месье Нея, – продолжала тем не менее мать Эдит, весьма довольная собой и своей речью. – Я спросила его как-то, в чем секрет скобяной торговли, и знаете, что он мне ответил? «Оказывается, – сказал он, – это всего лишь гвозди». Представляете? Всего лишь гвозди!

На этом, похоже, ее разговорчивость иссякла. На лице тети Аделины отразилось облегчение. Тома же был бы не прочь послушать еще, ему было интересно.

– Хочешь, расскажу тебе кое-что про месье Нея? – предложила Эдит. – Ты же слышал о великом Нее, который был маршалом Наполеона?

– Конечно.

– Он и месье Ней родственники. Правда же, тетя Аделина?

– Я считаю это вполне вероятным. Месье Ней слишком скромн, чтобы говорить об этом.

– И у него тут неплохо поставлено дело, – сказал Тома.

Тетя Аделина взглянула на него с подозрением.

– Месье Ней необычайно добр, – сказала она с упреком. – Тому, кому повезло оказаться под его присмотром, больше никогда не придется ни о чем беспокоиться.

– Он ангел! – воскликнула мать Эдит, наконец-то верно угадав момент для реплики. – Просто ангел!

– И у него есть дочь, как я слышал.

– Правильно, – подтвердила тетя Аделина. – Мадемуазель Ортанс – прелестная девушка.

– Она богатая наследница и сможет найти себе достойную партию, – добавила мать Эдит.

– Несомненно.

Тома ожидал, не предложат ли хозяйки угощение, но пока об этом не было сказано ни слова, и он был в растерянности: что же ему теперь делать? Его сомнения были прерваны стуком калитки. Тетя Аделина удивленно прислушалась. В замке входной двери повернулся ключ.

– Должно быть, это месье Ней, – сказала она. – Обычно он приходит в другое время.

В коридоре послышались мягкие шаги, затем легкий стук в дверь, которую тетя Аделина торопливо отворила, и в комнату вошел владелец

заведения. Эдит и Тома поднялись, а мать Эдит, неспособная встать достаточно быстро, подобострастным поклоном со стула выразила свое понимание того, сколь глубокого уважения достоин сей благодетель человечества.

Месье Фредерик Ней был обычным стряпчим чуть ниже среднего роста, но его внешность приобретала дополнительную значительность благодаря исключительной худобе, а также слишком вытянутому лицу, напомнившему Тома рыбину. Брюки он носил такие узкие, что они больше походили на чулки прошлого века. Пальто, надетое им в тот день, было темно-шоколадного цвета.

Он обвел взглядом всех собравшихся по очереди. Как будто некое шестое чувство подсказало ему, что в его владения вторгся чужак! Его глаза остановились на Тома.

– Добрый день, месье Ней, – проговорила Эдит с обаятельной улыбкой, и едва заметно изогнувшийся угол мясистых губ юриста показал, что девушка пользуется его расположением. – Позвольте представить вам моего друга Тома Гаскона. Он работает на башне месье Эйфеля.

Ней кивнул:

– Мои поздравления, юноша. – Он говорил так тихо, что Тома пришлось наклониться вперед, чтобы расслышать обращенные к нему слова. – Мнения о башне могут разниться, но я считаю, что мы не должны опасаться прогресса при условии, что традиции не забыты.

– Это точно, – вставила мать Эдит.

– Я уже познакомила Тома с мадам Говри, – сообщила Эдит. – Ей башня вообще не нравится, – добавила она со смехом.

И опять губы юриста дрогнули.

– У мадам Говри чудесная комната, – сказал Тома, надеясь произвести хорошее впечатление.

И очевидно, ему это удалось, потому что стряпчий вдруг оживился:

– Совершенно верно, юноша, и даме ее положения подобает проживать именно в такой обстановке. Все наши комнаты, смею надеяться, удовлетворительны, но комната мадам Говри – лучшая.

Тома понимал, что не следует этого говорить, но не устоял перед соблазном:

– Также я видел мадемуазель Бак. Ее помещение совсем не так хорошо.

С его стороны глупо было бросать вызов Нею, но если Тома ожидал, что тот смутится, то сильно недооценил стряпчего.

– Ах, бедняжка мадемуазель Бак, – сказал Ней, качая головой. – Она пришла ко мне много лет назад, почти без средств, но я принял ее. А теперь... – он печально улыбнулся, – я полностью содержу ее. – Он развел руками, словно говоря: что тут поделаешь?

– Истинный ангел, – пробормотала мать Эдит.

– И я уверена, что мадемуазель Бак благодарна вам, месье Ней, – произнесла тетя Аделина, – хоть она и не может выразить это словами.

– Я рад, что вы сказали это, – с чувством ответил ей месье Ней. – Рад, потому что превыше всего ценю в людях два качества. – Он обернулся к Тома. – Запоминайте, юноша, эта наука пригодится вам в жизни. Первое – это благодарность. И я надеюсь, что все постояльцы этого дома имеют основания быть благодарными.

– Нет ничего, что не сделал бы для них месье Ней, – запричитала мать Эдит. – Ничего!

– Я надеюсь, что обеспечиваю их всем необходимым и даже сверх того, если позволяют средства, – сказал Ней и затем опять обратился к Тома: – Второе качество, юноша, это преданность – такая, которую проявляет по отношению ко мне мадам Аделина. Благодарность и преданность. Вот что главное.

Тома заподозрил, что люди, не проявившие должной благодарности и преданности месье Нею, могут сильно пожалеть об этом.

– А вы благодарный и преданный человек? – неожиданно спросил у него Ней.

– Я благодарен месье Эйфелю за то, что он дал мне работу, – сказал Тома. – И я буду предан ему.

– Ну вот. Значит, мы единомышленны в этом. – Окинув Тома стеклянным взглядом, Ней улыбнулся Эдит. – Замечательный молодой человек. – Затем он обратился к тете Аделине: – Вчера во время обхода меня вызвали по делу, если вы помните. Вот почему я вернулся сегодня: хочу увидеть тех трех или четырех постояльцев, которых вчера не успел навестить. Мадемуазель Бак, кстати, одна из них.

– Желаете, месье, чтобы я сопровождала вас? – спросила тетя Аделина.

– Нет. В этом нет нужды.

– Мадемуазель Бак не расстается со своей картиной с Девой и Младенцем, – сказала Эдит. – Марго протирает стекло всякий раз, когда заходит в комнату. Вы же знаете, как неподвижно всегда лежит мадемуазель Бак, но я вижу, что она смотрит на картину.

– Религия дает нам утешение, – сказала ее мать с видом умудренного годами человека.

– Верно, – сказал Ней, шагнув к двери.

Тома подумал, что теперь картина вряд ли долго провисит в комнате мадемуазель Бак.

– А как поживает мадемуазель Ортанс? – спросила мать Эдит у стряпчего.

– Хорошо, спасибо.

– Ах! – восторженно ахнула мать Эдит. – Эта девочка ничем не обделена: она и красавица, и такая добрая...

Месье Ней вышел.

Несколько минут прошло в несвязной беседе, пока наконец тетя Аделина не вынула серебряные часы на цепочке.

– Меня ждет работа, и Эдит надо будет помочь мне, – объявила она, взглянув на них.

Тома понял намек и поднялся со стула.

– Может, молодой человек захочет остаться и выпить со мной коньяка, – встрепенулась мать Эдит.

Тетя Аделина посмотрела на невестку так, будто та была старым дырявым судном, которое вдруг решило затонуть прямо посреди бухты.

– К сожалению, мадам, я должен идти, – солгал Тома.

Выйдя на улицу, он остановился. Никаких особых дел у него не было. До сумерек оставалось еще немного времени. Тома глянул наверх и почти не сомневался, что узнал большое окно комнаты мадам Говри. Что же до пыльной каморки мадемуазель Бак, то она находилась под самой крышей и с тротуара ее окна не было видно.

Если судить по внешности матери Эдит, то вряд ли они с дочкой жили в лучших условиях, чем мадемуазель Бак...

Он прошел под аркой и завернул за угол. Эта сторона здания, отмеченная лишь узкими окошками, заканчивалась ограждением внутреннего двора. Идя вдоль стены, Тома добрался до того окна, которое, по его расчетам, относилось к квартире тети Аделины. Оно было приоткрыто. Тома предположил, что это было окно кухни. В надежде услышать голос Эдит он сбавил шаг.

Но из окна донесся голос не Эдит, а тети Аделины:

– Ты же сама слышала, дорогая моя. То дурацкое замечание о мадемуазель Бак. Он намеренно хотел задеть месье Нея.

– Месье Ней назвал его замечательным, – возразила Эдит.

– Да. Он не хотел тебя огорчать. Но он был недоволен, уверяю тебя.

Эдит что-то ответила, но Тома не смог расслышать ее слова.

– Дитя мое, – снова заговорила тетя Аделина, – мне все равно, даже если бы молодой человек отправился искать тебя на Луну. У нас в семье уже есть один идиот. Прости меня, но это твоя мать. Двоих было бы слишком много. Давай больше не будем видеться с этим Тома Гасконом, хорошо? Ты можешь найти себе кого-нибудь получше.

Следующие три дня Тома провел в тревожном ожидании. Он верил в судьбу. Ну и что, если родителям не нравится его выбор? Все равно он хотел быть с Эдит. А как поведет себя девушка в такой же ситуации?

В среду вечером он ждал ее перед лицеем. Эдит с матерью вышли после работы на улицу, как обычно. Но сегодня они не разошлись, а вместе направились домой. Не желая встречаться с Эдит при матери, Тома держался позади. Если девушка и заметила его, то никак этого не показала. То же самое повторилось на следующий вечер.

В пятницу было холодно. В городе хозяйничал пронзительный восточный ветер. Он злобно свистел между балок строящейся башни, морозил руки Тома и змеей вился по бульварам, обрывая с деревьев пожухшую листву.

Работа заканчивалась с наступлением темноты, и как только Тома пересек реку, то первым делом нашел закусочную и заказал большую миску супа, чтобы согреться. Потом двинулся по улице Помп к своему жилищу. Когда он поравнялся с лицеем, там как раз погасили свет. Тома был решительно настроен поговорить с Эдит в этот вечер, независимо

от того, расстанется она с матерью или нет. Но из ворот лица девушка вышла одна. Он тут же приблизился к ней.

– А, это ты, – сказала она.

– Конечно я. А где твоя мать?

– Она сегодня заболела.

– Я провожу тебя.

Потом, когда они проходили мимо кафе, он заявил, что замерз и хочет погреться, и завел ее внутрь.

– Только на минутку, – попросила она.

Они сели за стол, и Тома заказал им по стакану вина.

– Хорошо, что мы встретились, – сказал он. – Мне было приятно познакомиться с твоей семьей.

– Угу.

– Что ты делаешь в это воскресенье?

– Наверное, буду ухаживать за мамой.

– Может, сумеешь отвлечься ненадолго? Погуляем часик.

Эдит колебалась.

– Вряд ли, – наконец ответила она. – Сейчас все так усложнилось...

– У тебя нет времени на меня?

– Пока нет. Извини.

– Ты хочешь встречаться со мной?

– Конечно, но...

Он понял. Он-то думал, что Эдит – та женщина, которая предназначена ему судьбой. Он искренне верил, что это так. Тем не менее оказалось, что его вера – всего лишь глупая иллюзия.

Этого достаточно, чтобы почувствовать себя несчастным. А если еще вспомнить, почему она отвергла его? Потому что он не понравился ее тете. Потому что тетя Аделина сочла его идиотом. Потому что он не выказал должного преклонения перед месье Неем. И к негодованию Тома примешивалась досада: тетка была права, не надо было высовываться с тем дурацким замечанием.

– Я не понравился твоей семье, – сказал он.

– Этого я не говорила.

– Нет, но это так. – (Эдит промолчала.) – Скажи мне, – спросил Тома, – ты собираешься всю жизнь прожить под башмаком у Нея?

– Моя тетя работает на него.

– Работает? Помогает красть деньги у беспомощных старух?

– Нет.

– Да! Вот чем занимается Ней. И если ты намерена заменить тетю Аделину, то будешь к этому причастна.

– Ты считаешь, будто все знаешь, но это не так.

– А ты считаешь, что он будет заботиться о тебе? Или о твоей тетке? Я скажу тебе, как она будет жить в старости: как мадемуазель Бак!

– Ты же ничего не понимаешь! – вдруг вскричала Эдит. – По крайней мере, у мадемуазель Бак есть крыша над головой!

– Да я бы трущобы предпочел такой крыше! – Тома пожал плечами.

– Похоже на то. Тетя права. Ты идиот. – Она поднялась. – Мне пора.

– Извини...

– Мне пора.

И Тома остался сидеть в кафе, злой и несчастный. Он не знал, что не прошла Эдит и двадцати метров по улице, как из ее глаз брызнули слезы.

Та зима долго тянулась для Тома Гаскона. Теперь он работал высоко над крышами Парижа, на холодной железной башне. День за днем он смотрел вниз на печальные голые деревья и серую воду Сены.

Работать стало труднее, чем на первых порах. Когда ползучий кран привозил к месту очередную секцию балок, на нее со всех сторон набрасывалась верхолазы. Секции приходили с завода, свинченные временными болтами, каждый из которых нужно было заменить заклепкой.

Для установления клепки требовалась бригада из четырех человек. Первый, обычно ученик, грел заклепку в жаровне, пока она не раскалялась добела и не расширялась. Второй монтажник в толстых кожаных перчатках щипцами брал заклепку и устанавливал ее в отверстия идеально выровненных балок или плит, которые требовалось скрепить, затем он подставлял тяжелый металлический блок, и первый из двух молотобойцев с помощью кувалды сплющивал заклепку с другой стороны, формируя широкую шляпку. И наконец второй молотобоец с более тяжелой кувалдой вбивал заклепку на место.

Установленная деталь остывала и уменьшалась в размерах, тем самым стягивая металлические части все туже и туже. Полностью остывшая заклепка прижимала детали одну к другой с усилием в три-четыре тонны.

У каждой бригады был свой собственный ритм, и рабочие не глядя могли сказать, чей молот они слышат в тот или иной момент.

Труд был физически тяжелым и длился по восемь часов в день, невзирая на ветер, дождь или снег.

Тома был молотобойцем. Он предпочитал работать в перчатках без пальцев, а когда руки замерзали, грел их у жаровен, на которых раскаляли заклепки. Но ему пришлось сменить перчатки на кожаные, так что теперь у него часто немели от холода пальцы. А когда поднимался безжалостный ветер, Тома сравнивал себя с моряком на мачте во время бури.

Однако в январе его работа изменилась: бригады верхолазов начали сооружать массивную платформу первого уровня башни.

Поначалу Тома испытывал странные ощущения: как будто он мастерил стол и неожиданно передвинулся от вертикальных измерений ножек к горизонтальному простору столешницы.

– Мы как будто не башню строим, а дом, – заметил он как-то.

Да, это был дом в небе, огромный дом из металла. Платформа висела на высоте около шестидесяти метров. Под ней между «лапами» башни выросли леса: они напоминали дерево, ветви которого тянулись от мощного ствола к нижним краям платформы. Поэтому, если смотреть с платформы вниз, то взгляду открывалась все та же пустота, что и с балок опор. Однако Тома заметил, что, с тех пор как стала расти горизонтальная плоскость перекрытия, он все чаще забывал о том, что под его ногами зияет пропасть.

С технической точки зрения ему было нетрудно понять, что эта платформа связывает воедино четыре мощные колонны и одновременно служит основанием для второй части башни. И все же размах строительства поражал его воображение. Боковые галереи, с которых открывались чудесные виды на панораму Парижа, протянулись более чем на девяносто метров. На платформе хватало места для разнообразных помещений, включая большой ресторан.

И этот огромный кусок пустого пространства в раме из металлических балок был аккуратно установлен точно на место. Как и

предсказывал Эйфель, задача эта была сложнейшая, и на ее выполнение ушло немало времени. Только в марте, когда инженер самолично убедился, что лежащий в основании башни четырехногий стол прочен и выровнен, он отдал приказ: «Двигайтесь вверх».

Но когда мобильные краны вновь поползли по опорам, Тома кое-что заметил.

У него складывалось впечатление, будто строительство башни запаздывает по срокам. Помощники Эйфеля порой приходили в раздражение. Тома видел, как они качают головой. Он был знаком с чертежами и знал, что массивные опоры башни должны быть оформлены изящными полукруглыми арками, проходящими по внешнему краю между землей и платформой. И тем не менее к концу апреля, хотя колонны из балок вздымались все выше в небо, нижняя часть башни оставалась незаконченной. Однако Эйфель всегда была спокоен и вежлив. Если он и тревожился о чем-то, то виду не подавал.

Только раз Тома видел, как Эйфель сердился. Это случилось в один из майских дней, в обеденный перерыв. Эйфель стоял в одиночестве у северо-западной «лапы» башни и читал газету. И вдруг Тома увидел, что инженер резко сложил газету и хлопнул ею себя по ноге. Заметив, что Тома наблюдает за ним, он подозвал молодого рабочего.

– Вы знаете, что рассердило меня, юный Гаскон? – Было очевидно, что великому строителю необходимо выговориться.

– Нет, месье.

– Им не нравится моя башня. Самые знаменитые граждане Франции ненавидят ее: Гарнье, который построил Парижскую оперу, писатель Мопассан, Дюма, чей отец написал «Трех мушкетеров». Против нее подписываются петиции. Вы знаете людей, которые плохо относятся к башне?

– Да, сударь. Мадам Говри де ла Тур сказала, что мне не следует работать на ее строительстве.

– Ну вот, только посмотрите. Они даже пытаются смутить умы моих рабочих. Однако статья в сегодняшней газете превзошла все, что говорилось обо мне и башне ранее. Тут написано, что она неприлична. Что она – не что иное, как гигантский фаллос, торчащий в небе.

Тома не знал, как на это реагировать, и потому только потряс головой.

– Что представляет самую большую опасность для высокого здания, а, юный Гаскон? Вы знаете?

– Его вес, я думаю.

– Нет. Он тоже проблема, но самое опасное все же – это ветер. Форма моей башни, то, как она строится, – все это из-за ветра, который иначе сломает ее. Ветер – вот причина. И ничто другое.

– Так вот почему она вся состоит из железных балок – чтобы ветер мог дуть сквозь нее?

– Прекрасно. Да, это называется открытая решетчатая конструкция, и ее преимущество в том, что ветер будет продувать ее насквозь, не создавая нагрузки. И, несмотря на тот факт, что башня сделана из стали, которая является прочным материалом, в целом строение на самом деле очень легкое. Если поместить башню в цилиндрическую коробку – наподобие тех, в каких иногда продают бутылки вина, – то воздух, содержащийся в коробке, будет тяжелее, чем сама металлическая башня. Невероятно, но это так.

– Ни за что бы не поверил! – признался Тома.

– Но суть даже не в этом. Форма башни, ее изгиб – все просчитано математически. Внутренние напряжения конструкции точно уравниваются ветровыми нагрузками, с любой стороны. Вот чем объясняется ее форма. – Эйфель всплеснул руками. – Искусство и литература стоят на вершине развития человеческого духа. Но слишком часто те, кто занимается ими, слабо разбираются в математике и совсем ничего не понимают в технике. Они видят фаллос своим поверхностным взглядом и думают, будто что-то поняли. Но ничего подобного. Они не представляют, как устроен мир, какова его структура. Они не способны воспринять ту истину, что моя башня выражает математические уравнения и конструктивную простоту, куда более прекрасную, чем они могут себе представить.

Эйфель раздраженно уставился на смятую в кулаке газету.

– Да, месье, – согласился Тома, рассудив, что хоть ему также недоступна математика башни, по крайней мере, он ее строит.

– Вам лучше вернуться к работе, – сказал Эйфель. – Если вы все-таки опоздаете, то передайте Компаньону, что это моя вина и я прошу у него прощения. – И добавил себе под нос: – Да я и сам не хочу, чтобы строительство замедлилось еще сильнее...

До своего места Тома добрался с опозданием на минуту. Увидев Жана Компаньона, он стал оправдываться, но старший мастер отмахнулся от него:

– Да, да, я видел тебя с Эйфелем. Он любит поговорить с тобой. Бог весть почему, – недоуменно добавил он.

С того дня в ноябре Тома почти не встречался с Эдит. Однажды в декабре и еще раз в начале года он дожидался ее у лица, но оба раза девушка давала понять, что больше не хочет его видеть. После этого он старался обходить лицей стороной, и, хотя порой он случайно замечал Эдит в Пасси, они больше не общались.

Так как все воскресенья Тома опять проводил с семьей, родители догадались, что его отношения с Эдит прервались. Но никто ничего не сказал. Только Люк однажды спросил брата, что с ней случилось, и Тома ответил, что все кончено.

– Тебе грустно? – поинтересовался Люк.

– Гм... – Тома замялся. – Просто у нас не сложилось.

Больше Люк ни о чем не спрашивал.

Когда настала весна, Тома стал подумывать о том, чтобы найти новую подругу. Но пока ему не попадалась на глаза такая девушка, которая бы понравилась. Да и на поиски не было ни времени, ни сил.

В мае и июне скорость работ на башне выросла. Теперь верхолазы трудились по двенадцать часов в день. Под нижней платформой появилась большая арка, и леса в центральной части башни убрали.

И внезапно башня приобрела величавый вид. Четыре длинные угловые колонны взметнулись по дуге в небо, и настал черед второй платформы. На высоте сто пятьдесят метров она должна была сформировать второй четырехногий стол поверх первого. А еще выше башне предстояло взвиться цельной, все более сужающейся стрелой до головокружительных высот. К сооружению второй платформы приступили уже в июне.

И наступил этот этап как нельзя кстати. Потому что приближалось четырнадцатое июля.

День взятия Бастилии.

До чего же удачно сложилось для последующих поколений, что, когда в 1789 году оборванные санкюлоты пошли штурмом на старую крепость и ознаменовали тем самым начало Великой французской

революции, на дворе стоял теплый летний день. Идеальное время для национального праздника, парадов и фейерверков.

– Четырнадцатого числа месье Эйфель организует празднование на башне, – сказал Тома Люку. – Хочешь пойти?

В тот день было тепло и солнечно. Братья шагали по мосту Иена, и Тома поглядывал на Люка не без гордости.

Младшему брату уже исполнилось четырнадцать лет. Его лицо окончательно сформировалось, темные волосы красивой волной падали на лоб, и клиенты в кафе «Мулен де ла Галетт», где он подрабатывал мальчиком на побегушках, часто принимали его за итальянца. И правда, годы, проведенные при кафе, наделили сообразительного подростка обходительными манерами и бойкостью, на которые старший брат мог лишь дивиться. В честь торжественного события Люк надел белую рубашку без куртки и соломенную шляпу.

К моменту их прибытия вокруг строящейся башни уже ходили толпы. Нижние части конструкции украсили полотнищами трех цветов: красного, синего и белого, что символизировало национальный триколор. Неподалеку установили палатку с напитками; одетый в униформу оркестр помогал создать праздничное настроение.

Что бы ни писали газеты об уродстве башни, уже сейчас было очевидно, что огромная двухуровневая арка, выстроенная между двух опор, станет впечатляющим входом на Всемирную выставку будущего года. Только что завершенная на высоте ста пятнадцати метров вторая платформа была лишь на четверть ниже Нотр-Дама и ростом не уступала большинству европейских соборов.

На праздник пришли представители разных слоев населения, в том числе и самые богатые и знаменитые люди Парижа. Тома и Люк встали рядом с палаткой, где продавались напитки.

– Я представлю тебя месье Эйфелю, – пообещал Тома брату, – если он будет проходить мимо.

Они не простояли и пяти минут, как Люк вдруг потянул его за руку:

– Смотри, вон там!

Тома повернул голову в указанном направлении, но никого из знакомых в толпе не нашел.

– Вон там! – Люк показывал на группку хорошо одетых людей. И тогда Тома увидел.

Там стояла Эдит. На ней было белое платье – должно быть, чей-то подарок, потому что сама она не смогла бы позволить себе такой наряд, – и маленький чепец. Выглядела она очаровательно. Рядом с ней стояли месье Ней и бледная девица лет тридцати – вероятно, дочь стряпчего.

– Я пойду и поздороваюсь с ней, – сказал Люк.

– Нет, что ты, она же с месье Неем! – воскликнул Тома.

Но Люк уже шел к Эдит.

Тома в растерянности наблюдал, как брат ловко снял канотье и поклонился девушке. Она что-то сказала Нею, после чего Люк поклонился стряпчему и его дочери. Затем произнес что-то, и все повернулись и посмотрели на Тома. Люк улыбался и жестами приглашал брата подойти.

Приблизившись, Тома сначала вежливо улыбнулся Эдит и с особой почтительностью поклонился Нею:

– Это большая честь для меня, месье, что вы пришли посмотреть на башню, которую я строю.

– Я рассказал месье Нею, что ты пообещал познакомить меня с месье Эйфелем, если выдастся удобный случай, – сказал Люк. – И месье Ней выразил надежду, что у тебя будет возможность представить также и его.

Самоуверенность младшего брата ошарашила Тома. Чтобы он, скромный рабочий, представил богатого юриста великому инженеру? Но еще больше его поразило то, что Ней благосклонно улыбался Люку. Видать, обаятельному мальчику в канотье прощались такие вещи, которые Тома не позволялись.

– Разумеется, месье, – пробормотал он, не представляя, как ему это сделать.

– Вы знакомы с моей дочерью, мадемуазель Ортанс? – спросил стряпчий.

– Мадемуазель. – Тома снова поклонился.

Фамильное сходство бросалось в глаза: то же длинное бледное лицо, тощее тело, пухлые губы. Удивительно, но в женском варианте такое сочетание показалось Тома чувственным. Свое впечатление он никак не проявил, но все же подозревал, что от мадемуазель Ортанс оно

не укрылось. Одета она была в бледно-серое платье. Тома пришло в голову, что белое платье, в котором красовалась сегодня Эдит, могло быть одним из старых нарядов дочки стряпчего. Мадемуазель Ортанс не улыбалась, а смотрела на него с прохладной вежливостью.

– Чем же занимаетесь вы, юноша? – Ней повернулся к Люку.

– По большей части я работаю в ресторане «Мулен де ла Галетт» на Монмартре, месье. А также выполняю поручения и оказываю услуги.

– Какого рода услуги?

Люк улыбнулся и выдержал небольшую паузу.

– Это зависит от того, о чем меня попросят, месье, – ответил он негромко.

Юрист внимательно посмотрел на Люка, и Тома показалось, что Ней и его маленький брат прекрасно поняли друг друга, но как это у них получилось и о чем вообще речь, для Тома было непостижимо.

Он еще не сказал Эдит ни слова и обернулся, чтобы исправить это, но не успел, так как Люк ткнул его локтем в бок.

– Вон идет месье Эйфель, – прошептал мальчик.

Действительно, тот шагал всего в нескольких метрах от них. Тома сделал глубокий вдох и поспешил вдогонку.

– А, юный Гаскон. Надеюсь, вам нравится праздник.

Эйфель говорил дружелюбным тоном, но почти не замедлил шага, давая понять, что торопится. Тома нельзя было терять ни секунды.

– Месье, со мной пришел мой брат, а еще один известный юрист, с которым нам посчастливилось познакомиться. Он просил меня представить его вам. – Тома умоляюще посмотрел на Эйфеля. – Юриста зовут Ней. Я всего лишь рабочий, месье, и не знаю, как это сделать. – Он показал Эйфелю Нея.

Эйфелю хватило одного взгляда, чтобы понять: этот человек может оказаться полезным. Кроме того, своей главной задачей в тот день инженер считал общение с гостями. Положив ладонь на плечо Тома самым непринужденным образом, он подошел вместе с ним к Неям.

– Месье Ней, полагаю. Я Гюстав Эйфель, к вашим услугам.

– Месье Эйфель, позвольте представить вам мою дочь Ортанс.

Знаменитый инженер склонился перед девушкой.

– Месье Гаскон работал со мной еще с того времени, когда мы сооружали статую Свободы, – светским тоном произнес Эйфель. – Мы

с ним старые друзья.

– А это мадемуазель Фермьер, – заговорил в ответ Ней, – чья тетя является моим самым верным помощником.

Эйфель поклонился и Эдит.

– Могу я спросить, не приходите ли вы родственниками великому маршалу Нею? – задал вопрос Эйфель.

– Это другая ветвь, но род один и тот же, – сказал стряпчий.

– Должно быть, вы гордитесь таким родственником, – предположил Эйфель.

– О да, месье. Его казнь стала пятном на чести Франции. Каждый год я прихожу на его могилу и возлагаю венок.

После падения великого Наполеона роялисты приговорили маршала Нея к смертной казни. Он смело встал перед расстрельной командой и заметил, что не понимает, почему командование французскими войсками в сражении против врагов Франции было признано преступлением. Большинство французов согласились с этим, и потому его со всеми почестями похоронили на кладбище Пер-Лашез.

Беседа коснулась темпов строительства башни. Эйфель сказал, что надеется приветствовать юриста с дочерью на ее вершине после завершения. И, уже намереваясь отойти, инженер заметил Люка:

– Вы ведь брат этого героя, не так ли? Я помню тот день, когда вы пропали и ваш брат отправился вас искать. – Он снова положил руку на плечо Тома. – Он надежный человек. Надеюсь, вы цените его по достоинству.

– О да, месье, – с готовностью согласился Люк.

После прощания с Эйфелем Ней сказал, что они тоже собираются уходить. Но было очевидно, что он весьма доволен услугой, которую оказал ему Тома Гаскон.

– Возможно, мы скоро увидим вас вновь, – кивнул ему стряпчий. – И вас тоже, мой юный друг, – добавил он, обращаясь к Люку.

За все время Эдит не произнесла ни слова.

– Ты прекрасно сегодня выглядишь, – сказал ей Тома. – Надеюсь, твоя мать и тетя тоже в добром здравии. – Удостоившись от нее кивка, он продолжил: – Пожалуйста, передай им мое почтение.

Ему показалось, что при этих словах Эдит улыбнулась ему.

Братья пробыли у башни до самого вечера. Тома познакомил младшего брата со своими товарищами-верхолазами, потом они

послушали, как играет оркестр. На вечер Эйфель обещал большой фейерверк с верхней платформы. Но до этого Тома и Люк перешли реку и устроились в кафе перекусить.

– Я думаю, что если ты попросишь Эдит, то она согласится снова с тобой встречаться, – сказал Люк, когда с едой было покончено.

– Почему ты помогаешь мне с Эдит, – спросил Тома, задумчиво посмотрев на брата, – если считаешь, будто она к тебе не очень хорошо относится?

– Потому что мне кажется, что без нее ты несчастлив.

На душе у Тома потеплело от этого проявления братской любви.

– Ты хороший парень, ты знаешь это? – Он шутливо ткнул Люка в плечо.

– Я? – Люк обдумал слова старшего брата и мотнул головой. – Вряд ли.

– А я думаю, что хороший.

– Нет, я не хороший. На самом деле, – добавил он, – я даже не хочу быть хорошим.

– Я не понимаю тебя, братишка. – Тома взял со стола бокал вина.

– Знаю, – сказал Люк. – Так ты встретишься с Эдит?

В конце июля горожане начали замечать: с башней Эйфеля что-то не в порядке. Весь Париж знал, что ее должны закончить через восемь месяцев. За это время ей предстояло подняться еще на сто восемьдесят метров. Тем не менее люди, день за днем глядя на огромный обрубок, видели, что он практически не растет. Поползли слухи. Стали поговаривать, что великий инженер столкнулся с технической проблемой. После стольких трудов и разговоров не начнется ли весной Всемирная выставка под недостроенным обрубком? Не станет ли Франция посмешищем?

Разумеется, беспокоился и молодой Тома Гаскон.

Но все же, несмотря на уважение к башне и ее проектировщику, бывали моменты, когда ему было все равно, достроят ее или нет. У него имелись другие заботы.

В первое воскресенье августа он и Эдит встретились, чтобы вместе провести день. На свидание она должна была прийти от своей тети, поэтому они договорились, что будут ждать друг друга на углу авеню

Гранд-Арме. Широкая лента Елисейских Полей, устремляясь от Триумфальной арки дальше на восток, выходила к старой разросшейся деревне Нейи и заканчивалась у необъятного Булонского леса.

День был жаркий. В такую погоду нет ничего лучше, чем побродить по лесопарку.

Когда Наполеон III и Осман прибыли к старинным охотничьим угодьям на западной окраине города, они точно знали, что делать.

– Я хочу что-то вроде Гайд-парка в Лондоне, – сказал Наполеон III, – только больше и лучше.

Само собой.

Булонский лес значительно больше, чем тот английский парк. В его южной части построили прекрасный ипподром Лоншан, к которому вела длинная и величавая авеню. Подобно Шантийи к северу от Парижа и Довиллю на нормандском побережье, этот ипподром предлагал самые фешенебельные скачки в мире. Если в Гайд-парке было озеро Серпентайн, то в Булонском лесу имелось целых два искусственных озера, соединенные водопадом. Среди деревьев проложили десятки километров восхитительных аллей. Детский зверинец в северо-западном углу леса превратили в антропологический тематический парк, где можно было посмотреть образцы культуры и быта далеких стран.

Оттуда они и начали свой путь.

Когда они прошли через турникет, в зверинце было уже оживленно. Там гуляли семьи с детьми в матросских костюмчиках и муслиновых платьицах, мелкие клерки и лавочники, а также простые пролетарии вроде Тома и Эдит.

Девушка надела на прогулку синее с белым платье, а к нему шляпку с лентой. В руках она вертела зонтик. Тома догадался, что шляпка и зонтик достались ей от мадемуазель Органс. В результате складывалось впечатление, будто Эдит принадлежит к более высокому классу, чем на самом деле. Но Тома часто замечал, что женщины имеют склонность одеваться лучше, чем их спутники-мужчины. Его собственная короткая куртка была достаточно чистой, но вот ботинки не блестели и до того, как на них осел толстый слой пыли. Неожиданно для себя он задумался, как оделся бы для подобной встречи с девушкой его младший брат.

Эдит зверинец понравился. В нем был небольшой восточный храм и несколько необычных животных. А еще там отгородили большую площадку, где готовилась новая экспозиция. Тома с Эдит подошли к служителю зверинца и спросили его, что там будет.

– А, – ответил он, покручивая кончик усов, – это для выставки. Для Всемирной выставки, которая начнется в следующем году. Это будет самая большая экспозиция из всех, что мы тут устраивали. Целая деревня.

– Что за деревня? – хотела знать Эдит.

– Африканская. С настоящими хижинами и всем остальным.

– И там будут жители? – спросил Тома.

– Ну конечно же. Нам привезут четыре сотни негров. На прошлой выставке, в семьдесят седьмом, – продолжал смотритель с энтузиазмом, – мы показывали нубийцев и индейцев инуитов.

– Это такой зоопарк? – спросила Эдит.

– Само собой, зоопарк. Человеческий зоопарк. И вы знаете, посмотреть на наши выставки явился целый миллион человек! Подумайте только – миллион!

Тома слышал о человеческих зоопарках, как назывались подобные выставки, их устраивали не только во Франции, но и в других странах. Однако масштаб зоопарка, который собирались открыть будущей весной, потрясал воображение.

– Он посоперничает с Буффало Биллом и его индейцами! – гордо провозгласил смотритель.

Когда они покинули зверинец и двинулись по одной из аллей Булонского леса, Эдит повернулась к Тома:

– Ты сводишь меня на представление Буффало Билла, когда он приедет?

– Конечно, – сказал Тома.

Он отметил про себя эту просьбу. Через неделю после Дня взятия Бастилии Тома ждал Эдит возле лица, не зная, чего ожидать. Девушка вела себя настороженно и сказала, что не сможет увидеться с ним до начала августа, но, по крайней мере, не отказалась встречаться вообще. И вот теперь, проведя всего один час в его обществе, она пожелала сходить с ним на представление, которое состоится следующим летом.

Она изменила свое мнение о нем? Потому что месяц Ней дал ей понять, что одобряет ее встречи с Тома? Или потому, что она скучала

без него? Что ж, думал Тома, придется подождать и посмотреть. А пока он был доволен.

Его мучили сомнения: можно ли обнять Эдит за талию? Но, посмотрев на ее красивую шляпку и зонт, он решил, что не стоит. Во всяком случае, не сейчас.

Они вышли на «благородную» авеню. Сюда приезжали в каретах светские модные дамы, чтобы покрасоваться на публике, а богатые поклонники и офицеры сопровождали их верхом. Тома задумался: как живут люди, которым не нужно каждый день работать? Но оказалось, ему даже не представить, что это может быть за жизнь.

Зато он знал, как обращаться с девушкой в летний воскресный день, и вскоре они подошли к верхнему из двух озер.

Довольно большое озеро обрамляли деревья. Посреди него лежал остров с кафе и рестораном в здании, стилизованном под швейцарское шале. Не верилось, что это уютное и романтическое место находится рядом с центром Парижа.

Тома повел Эдит прямо к пристани. Через несколько минут они уже оказались на воде: Эдит изящно уселась на корму и раскрыла над головой зонтик, а Тома мужественно взялся за весла.

За всю жизнь ему доводилось грести всего раз или два, но он очень старался и обрызгал Эдит только пару раз, что было встречено смехом. Поскольку день был жаркий, Тома снял куртку и закатал рукава рубашки – и почувствовал себя гораздо свободнее.

По озеру плавало множество других лодок. Гребли в основном мужчины, и некоторые из них тоже сняли куртки. К удивлению Тома, несколькими лодками управляли хорошо одетые женщины, которые от души веселились, соревнуясь с мужчинами.

Покатавшись по озеру около часа, он причалил к острову и в швейцарском шале угостил Эдит мороженым.

Когда они снова вернулись к лодке, Эдит сказала, что хотела бы сесть на весла.

– Ты раньше уже пробовала грести? – поинтересовался Тома.

– Нет, но я смотрела, как ты это делаешь.

Он помог ей сойти в лодку и тоже шагнул туда, но суденышко качнулось, и Эдит потеряла равновесие. К счастью, Тома успел поймать ее и не дать упасть, иначе она могла бы разбить голову о край сиденья. Сам он ушиб ногу, но это была невысокая цена за то, что последовало.

Обхватив Эдит, он вместе с ней упал на дно лодки: Тома внизу, а Эдит сверху. На пару секунд они замерли; он чувствовал, как она всем телом прижимается к нему; его руки обвивали ее за талию. Она смотрела ему в глаза, и он чуть не поцеловал ее в губы.

– Ну помоги же мне встать, глупый! – проговорила Эдит, но при этом смеялась от удовольствия.

Потом Эдит гребла, направляя лодку к берегу. Несколько раз она окатила Тома водой, и он был уверен, что тут не обошлось без умысла с ее стороны. Он был счастлив, как никогда.

После катания на лодке они отправились бродить по лесопарку. В длинной пустынной аллее Тома рискнул обнять девушку одной рукой. Она не возражала. Чуть погодя они остановились. Вокруг никого не было. И тогда он поцеловал ее, и она ответила на его поцелуй. Но когда он слишком уж дал волю рукам, Эдит отстранилась. Затем они пошли обратно, и Тома продолжал обнимать ее за талию до тех пор, пока не показались другие отдыхающие.

Они возвращались по авеню Гранд-Арме; солнце светило им в спину, а впереди дрожала в золотом сиянии Триумфальная арка, словно готовая растаять в предзакатных солнечных лучах.

В свой следующий выходной день Тома отправился навестить семью на Монмартре.

– У вас с Эдит было свидание? – спросил Люк, когда они остались наедине.

– Да. Мы ходили в Булонский лес и покатались на лодке по озеру.

Люк вынул что-то из кармана.

– На вот, возьми, – сказал он. – Это самые лучшие.

Тома в недоумении смотрел на маленький пакетик. Это были презервативы.

– Мой младший брат дает мне *capotes anglaises*?

Забавно, что французы и англичане приписывали изобретение этого средства другу другу: французы называли презервативы «английскими капюшонами», а англичане, по неясным причинам, – «французскими письмами». В то время презервативы изготавливали из резины; их можно было использовать повторно, но надежностью они не отличались.

– А что в этом такого? Мне их дал один богатый клиент. Они не такие, как обычно: гораздо тоньше. Он сказал, что лучше еще ничего не

придумали.

Тома покачал головой. Его пятнадцатилетний брат имел престранные знакомства. Но что тут можно поделывать? В Маки, должно быть, не найдешь ребенка десяти лет, который был бы невинен.

– Эдит не такая девушка, – сказал Тома.

– Все равно возьми.

Тома засмеялся и положил упаковку в карман. И едва успел это сделать, как в голову закралась мысль: а может, они все-таки пригодятся?

В сентябре 1888 года после нескольких недель мучительно медленного прогресса башня вдруг стала быстро расти.

Это должно было начаться сразу после Дня взятия Бастилии, потому что над второй платформой конструкция стала гораздо тоньше. Рабочим больше не приходилось строить в горизонтальной плоскости, как на нижних участках; теперь верхолазы ставили секции одна на другую почти вертикально. С тем же количеством людей, устанавливающих то же количество секций в день, высота башни прибавлялась в два, в три и даже в четыре раза быстрее. Несколько бригад, включая ту, где трудился Тома, продолжали наращивать балки, в то время как других перевели на отделочные работы на мощной нижней платформе и арках между опорами.

Но вся работа чуть не застопорилась из-за одной проблемы – кранов. Хитроумные передвижные краны ползали вверх и вниз, как и раньше, но их скорость оказалась слишком низкой для новых темпов строительства. Каждому приходилось преодолевать полторы-две сотни метров, чтобы доставить наверх секцию, которую монтажники быстро крепили и потом беспомощно ждали, пока кран медленно полз за новой. График работы срывался. На стройплощадке царило раздражение и нервозность.

Однажды Жан Компаньон остановил Тома:

– Хорошо хоть ты не хмуришься, юный Гаскон. У тебя девушка? В этом дело?

– Да, месье. – Тома счастливо ухмыльнулся.

– Что же, рад за тебя. – Старший мастер задумчиво помолчал. – Мне не нравится настроение моих рабочих, Гаскон. Ты знаешь, когда в работе появляются проблемы?

– Нет, месье.

– Так я скажу тебе. Проблемы возникают не тогда, когда работы слишком много, а когда ее слишком мало. Я неоднократно сталкивался с этим. Так что советую тебе думать побольше о своей девушке и держаться подальше от всяких неприятностей, ты меня понял?

– Да, месье.

Чтобы претворить найденное Эйфелем решение на практике, понадобилось время. Но наконец все было готово. И как только заработало новое устройство, на стройплощадке все переменялось.

Механическая лебедка возносила секции вертикально с земли на первую платформу. Как только они туда прибывали, их перевешивали на вторую подъемную систему, которая переправляла их еще на шестьдесят метров до следующей платформы.

– А когда мы заберемся еще выше, то установим лебедку на высоте примерно двести метров, – сообщил рабочим Эйфель.

Подъем деталей с помощью лебедки до второй платформы занимал всего несколько минут. А дальше эстафету принимали ползучие краны, отвозя секции к месту назначения. Доставка секции с земли до верха теперь занимала не более четверти часа.

Также Эйфель объявил об увеличении платы с десяти до шестнадцати сантимов в час. Башня была готова взметнуться в небо.

Но как только механика процесса наладилась, возникла другая сложность.

Она обозначилась вскоре после того, как заработали лебедки, в середине сентября. Тома подошел к стройплощадке со стороны Сены и понял, что не видит верха башни. Все, что было выше второй платформы, исчезло в осеннем тумане. В радостном возбуждении поднимался Тома на башню: сегодня они будут собирать секции словно в облаках, думал он. В серой мгле виден был только загадочно мерцающий огонь под жаровнями, с помощью которых раскаляли заклепки. Но оказалось, что Тома забыл о том, что всегда сопутствует туману.

Холод. Там, наверху, на высоте более ста двадцати метров, температура была ниже, чем на уровне земли. Хотя работал он усердно, сырость все равно проникала до самых костей. Тома огляделся. Другие верхолазы чувствовали себя не лучше. Когда в обед рабочие

спустились, то повсюду звучали проклятия. Неужели ужасные холода прошлой зимы возвращаются – да еще так рано?

В бригаде Тома на той неделе один из парней заболел, и взамен появился новенький – смешливый юный итальянец, которого все называли Пепе.

– Должно быть, ты привык к погоде получше, – окликнул его Тома, когда они поднимались после обеда наверх.

– Это уж точно. Но я рад, что работаю на башне, – ответил Пепе и улыбнулся Тома. – Мой отец строит дороги. Он работает в яме. Я не хочу работать в яме. Поэтому я работаю в небе.

Тома тоже улыбнулся и постарался не унывать, как и Пепе.

Во второй половине дня туман рассеялся, но зато поднялся пронзительный ветер. Он завывал между балок и нещадно хлестал монтажников. К концу дня все посинели от холода. Даже Пепе перестал улыбаться.

Прибыв на стройплощадку утром следующего дня, а именно девятнадцатого сентября, Тома застал возле башни толпу рабочих. Жан Компаньон, с мрачным лицом, держался в стороне. С фабрики прибыли повозки с секциями для установки, лошади послушно стояли в ожидании разгрузки. Но ни одна секция еще не была поднята краном, и никто из рабочих не взбирался на башню.

Тома увидел Пепе:

– Что происходит?

– Устроили забастовку. Хотят больше денег.

Через несколько минут, когда прибыли все, к товарищам обратился один из старейших рабочих – высокий поджарый верхолаз по имени Эрик:

– Братья, условия, при которых мы здесь работаем, неприемлемы. Поэтому вчера вечером мы, инициативная группа, собрались и предложили объявить забастовку. Мы просим вас присоединиться к нам. Наши основные жалобы перечислены вот здесь. – Он махнул листком бумаги. – Если вы захотите добавить что-то еще, сейчас самое время заявить об этом. Итак, согласны ли вы все, чтобы я зачитал список жалоб? – (Раздался хор одобрительных восклицаний.) – Первое. От нас ждут, чтобы мы работали в опасных условиях. Никто раньше не работал на таких высотах. Тем не менее на этой башне платят столько же, сколько на самой обыкновенной стройке. Далее. Когда закончилась

зима, месье Эйфель потребовал, чтобы мы перешли на двенадцатичасовой рабочий день. Долгие трудовые дни вызывают усталость, что само по себе очень опасно на высотном строении. Эйфель пытается выжать из нас все силы до последней капли, братья! Нас, рабочих, эксплуатируют.

И опять его слова были встречены гулом одобрения.

– А что насчет зарплаты?

– Вот именно. Итак, второе. Эйфель объявил о небольшом увеличении оплаты труда. Те, кто работает на самом верху, будут получать по шестнадцать сантимов в час. Заметьте: в час. Но мы со дня на день перейдем на зимний график работы, то есть на короткий день. Получите ли вы дополнительные деньги за свои труды? Ни сантима. Нас будут все больше эксплуатировать, да еще в арктических погодных условиях. А Эйфелю все равно. Единственный способ привлечь его внимание – это остановить работу.

– То есть забастовка? – выкрикнул кто-то.

– Сейчас мы просто прекратили работу. Если наши требования не удовлетворят к концу дня, можете назвать это забастовкой. – Эрик обвел толпу взглядом. – Братья, я открываю собрание. Кто хочет говорить?

Вперед шагнули несколько человек. Один потребовал, чтобы в холодное время года обеспечивали горячим питьем, другой хотел, чтобы выдавали специальную одежду. Еще двое высказали недовольство длинным рабочим днем и низкой оплатой труда.

Тома слушал выступающих, и ему становилось неловко. В конце концов неожиданно для самого себя он вышел вперед.

– Я согласен с тем, что в холод нужно горячее питье, – сказал он. – Прошлой зимой у меня очень мерзли руки, и чем выше мы будем забираться, тем будет холоднее. – (Это было встречено одобрительными кивками.) – Но я не согласен с тем, что мы подвергаемся особой опасности. – Он пожал плечами. – Ограждения и страховочные сетки вполне надежны. Пока никто не падал. Но я хочу сказать о другом. Даже если кто-то упадет, то сто метров или двести – не будет никакой разницы. Все равно приедешь домой в ящике.

Несколько человек рассмеялись, но Эрик был недоволен:

– Ты не хочешь, чтобы нам платили за высоту?

– Деньги мне нужны не меньше, чем любому из нас, но мы же подписывали контракт, зная, сколько будем получать. К тому же нам платят больше, чем на любой другой стройке.

Это было правдой, но слышать ее никто не хотел. В толпе засвистели. Рядом с Тома вдруг оказался Эрик. Он положил тяжелую ладонь на плечо молодого рабочего и сказал:

– Мы все знаем, что этот юноша является другом месье Эйфеля. Так что у него может быть иная точка зрения на вещи, чем у нас.

Собравшиеся загудели согласно и, к удивлению Тома, угрожающе. Ему не приходило в голову, что давнее знакомство с Эйфелем или случайные беседы с инженером могут быть поставлены ему в вину. Эрик же продолжал:

– Нет, братья, нет, я не считаю, будто этот молодой человек желает нам зла. Он хороший парень. Но, братья, нам нужно крепко запомнить две вещи. Во-первых, наши требования разумны, и мы все согласны насчет этого, за исключением вот этого юноши. И второе... – Он многозначительно улыбнулся толпе. – Нельзя упускать удобный момент... – Эрик дал слушателям время осознать его мысль. – Друзья, Эйфель должен закончить эту башню. На кону его репутация и все состояние. Если он не справится, ему конец. А между тем он уже сейчас отстает от планов. – Он ухмыльнулся. – Инженер полностью зависит от нас... – Эрик снова сделал паузу для пущего эффекта. – Еще кто-нибудь хочет возразить?

Желающих не нашлось. Рабочие криками выразили свое согласие. Эрик не выпускал плечо Тома из хватки своих будто железных пальцев.

– Если башня не будет достроена, – проговорил Тома, но слишком тихо, чтобы его кто-то расслышал в поднявшемся гаме, – Франция будет опозорена в глазах всего мира.

– Она будет достроена, – так же негромко ответил Эрик. – Но на твоём месте я бы держал рот на замке. Никто же не хочет свалиться с башни, верно?

В тот день работы так и не начались. Эйфель прибыл на площадку через час после собрания, и у него состоялся напряженный разговор с Жаном Компаньоном. Потом они вдвоем пошли обсудить ситуацию с Эриком. Инженер, судя по лицу, был в ярости, но не сдался. Рабочие в ожидании стояли кучками вокруг опор башен, однако ничего не

происходило. Уже после полудня старший мастер сказал им, что все могут расходиться по домам.

Когда Тома направился восвояси, его догнал Пепе.

– Не хочешь выпить? – предложил итальянец.

Тома не представлял, как коротать неожиданно выпавшие свободные полдня, и с радостью согласился. Пепе обитал на левом берегу к югу от башни и потому повел Тома в кафе рядом со своим жилищем.

– Я не посмел сказать то, что сказал ты, – признался он Тома, – но мне кажется, ты прав.

Потом они поговорили о семье Пепе и об итальянской девушке, на которой он собирался жениться. Тома тоже упомянул об Эдит, не вдаваясь в подробности. Юноши договорились как-нибудь в воскресенье пообедать вместе с подругами в одном заведении, которое знал Пепе и в котором подают недорогую итальянскую еду. Расстались они лучшими друзьями, после чего Тома пошел домой своим обычным путем.

Он шагал по улице Помп, и до его съемного жилья оставалось недалеко. Уже показались ворота дома, который когда-то был фермой предков Эдит.

И вдруг чья-то крепкая рука схватила его за плечо. Он дернулся вперед, но почувствовал, что и другую его руку сжали хваткой, из которой ему не вырваться. Кто-то сильный, очень сильный вышел из тени. Тома извернулся, изо всей мочи ударил кулаком туда, где, по его расчету, должно было быть лицо нападавшего. Но невидимый противник предугадал этот маневр. Тогда Тома попытался пнуть его правой ногой, однако почувствовал, что от него ловко увернулись. Кто бы ни стоял за спиной Тома, драться он умел. И Тома готов был заорать во всю глотку, призывая помощь, когда знакомый голос проговорил ему в ухо:

– Стой спокойно, дурак. Мне нужно поговорить с тобой.

Затем хватка ослабла, и Тома смог обернуться. И оказался лицом к лицу с Жаном Компаньоном.

– Оставайся в тени, – сказал старший мастер, и Тома послушно шагнул к воротам.

– Почему вы не подошли ко мне в кафе? – спросил Тома, когда немного опомнился.

– Это неподходящее место. Никогда не знаешь, кто тебя там может увидеть. А люди на стройке и так подозревают, что ты подсадная утка.

– Ничего подобного!

– Это как раз не важно. Ты совершил храбрый поступок, когда сказал свою речь. Я даже удивился. Но теперь тебе придется вести себя осторожно.

– Вы хотите сказать, что Эрик может столкнуть меня с башни?

– Нет, если только ты не разозлишь его. Сегодня ты ему очень пригодился. Теперь любого, кто выступит против него, запишут в твои друзья. В приятели подсадной утки Эйфеля. Эрику это весьма на руку.

– Сукин сын.

– Это политика. Эрик не причинит тебя вреда, но кто-нибудь из его приспешников вполне способен выкинуть неприятный фокус. Случиться может все что угодно.

– Что же мне делать?

– Ничего. Держи рот на замке, а уши на макушке. Мне и так хватает проблем, чтобы еще за тобой присматривать все время. Я уже и так помог тебе один раз.

Тома напрягся, соображая. Должно быть, Компаньон дал ему понять, что заметил, как запаниковал Тома, глянув на землю в первые недели работы на башне!

– А что теперь будет со строительством, если завтра продолжится забастовка? – спросил он у старшего мастера.

– Эйфель в ярости. Но Эрик все правильно рассчитал. Придется инженеру выполнить требования инициативной группы. На переговоры и прочее уйдет пара дней.

– А Эрик не захочет повторить то же самое через какое-то время?

– Я так не думаю.

– Как вы можете знать?

– Потому что я лично за этим прослежу. А теперь, парень, мне тоже хочется домой. Ты обещаешь держать рот на замке?

– Да.

– Не говори со мной. Не говори с Эйфелем. Веди себя тихо. Все, иди.

И Тома пошел дальше по улице Помп. Он предполагал, что Жан Компаньон остался стоять в тени, но не оборачивался.

Переговоры затянулись на три дня. В конце концов рабочим сделали прибавку в размере четырех сантимов в день. Также их обеспечили водонепроницаемыми куртками и теплой одеждой; в течение дня стали выдавать подогретое вино. А еще на первой платформе Эйфель устроил столовую.

Забастовка прекратилась, все вернулись к работе. Хотя Тома чувствовал, что к нему относятся с недоверием, никаких неприятностей у него не возникло. За октябрь башня значительно выросла.

Теперь Тома постоянно виделся с Эдит. Как-то в выходной они встретились с Пепе и его подругой Анной, приятной круглолицей итальянкой, и новые друзья отвели их в маленькую закусочную, где подавали итальянские блюда. Ни Тома, ни Эдит никогда еще не пробовали такой еды. Вечер удался на славу. Оказалось, что у Пепе прекрасный голос и что юноша обожает исполнять неаполитанские песни.

Тома часто целовался с Эдит. Но пока ему не выпадало шанса воспользоваться «английскими капюшонами», упаковку которых он носил в заднем кармане штанов. Эдит не позволяла ему зайти так далеко.

Они еще раз ходили навестить тетю Аделину. Матери Эдит там не оказалось, а тетя вряд ли сильно обрадовалась при виде Тома, но постаралась не показывать своих истинных чувств. Зато месье Ней, заглянувший случайно в этот момент, любезно приветствовал Тома и настоятельно попросил, чтобы в следующий свой визит он захватил младшего брата.

Поэтому, когда в середине ноября Тома и Эдит договорились встретиться в воскресенье у ее тети, он сказал:

– Передай месье Нею, что я приведу Люка.

В воскресенье он встретил брата под Триумфальной аркой. Тот пребывал в прекрасном настроении, когда они вместе шагали по авеню Гранд-Арме.

– Не знаю, зачем Ней захотел, чтобы ты тоже пришел, – признался Тома. – Но я подумал, что лучше его не разочаровывать.

– У него нет конкретной причины, – со знанием дела ответил Люк. – Ты помнишь, как гигантский спрут атаковал подводную лодку в книге «Двадцать тысяч лье под водой»?

Не нужно было читать популярный роман Жюль Верна, чтобы знать о гигантском спруте. Благодаря иллюстрациям к книге все самые важные моменты сюжета стали известны каждому ребенку во Франции.

– Люди, подобные этому стряпчому, распускают свои щупальца, чтобы поймать все, что попадется. Если он считает, что когда-нибудь я смогу пригодиться ему, то попытается обмотать вокруг меня одно из своих щупалец, только и всего.

– Как ты можешь ему пригодиться? – недоумевал Тома.

– Кто знает? Я всего лишь парень, который выполняет просьбы и не задает вопросов. Это все, что ему нужно. – Люк улыбнулся. – И он прав. Я действительно могу кое-что сделать для него. При условии, что он заплатит мне.

– Ну, раз ты так уверен, братишка... – пробормотал Тома.

Эдит встретила их у двери. Она поздоровалась с молодыми людьми, подставила щеку Люку для поцелуя, так как он был братом Тома, и провела в дом:

– Месье Нея пока нет, но он обещал скоро быть. Зато мадемуазель Ортанс уже здесь. Она навещает мадам Говри, и моя тетя просит вас пойти туда и сменить ее. Мадам Говри любит общаться с новыми людьми.

Старая дама, как обычно, восседала в своей постели среди подушек. На голове у нее был кружевной чепец. На одеяле лежало несколько журналов, которые принесла мадемуазель Ортанс. Когда братья вошли, дочь юриста с абсолютно прямой спиной сидела на стуле возле кровати. Тома и Люк поклонились дамам. Мадам Говри бесцеремонно уставилась на них.

– Я помню вас, – обратилась она к Тома. – Вы по-прежнему строите ту чудовищную башню?

– Да, мадам. Это моя работа. Мне жаль огорчать вас.

– В любом случае вам следует подойти ко мне поближе, чтобы я лучше вас слышала. – Старая дама фыркнула. – А это кто? – Она указала на Люка.

– Мой младший брат, мадам. Его зовут Люк.

– Он тоже строит башню?

– Нет, мадам.

– Рада слышать. Видимо, у него больше ума, чем у вас. – Она оценивающе оглядела Люка. – И он будет красавцем, этот мальчик, вы согласны? – глянула она на Ортанс.

Мадемуазель слегка склонила голову, давая понять, что такое развитие событий возможно.

– У него хитрые глаза. Он мне нравится. Вы хитрец, юноша?

– Я то, чем желает видеть меня дама, – самым галантным образом ответил Люк.

– О, каков нахал! – воскликнула старая дама, придя в восторг. – Каков злодей этот мальчик! – Она снова обратилась к Ортанс: – Не выходите замуж за младшего, дорогая. Он будет вести в танце. Старший кажется куда более надежным, на мой взгляд. Не такой забавный, но... – Мадам Говри снова взглянула на Люка. – Ах, до чего же озорные у него глаза!

Мадемуазель Ортанс медленно повернулась на стуле и посмотрела на Гасконов. Сначала ее взгляд остановился на Люке, но всего лишь на краткий миг, затем она перевела его на Тома.

У нее были темно-карие глаза. Раньше он не замечал, какие они темные, почти как шоколад. Цвет был глубоким и красивым, но взгляд ничего не выражал, Тома не мог уловить в нем ни единого проблеска чувства. Ее продолговатое бледное лицо также было абсолютно непроницаемо. Мадемуазель Ортанс была одета в модный костюм для верховой езды, который выгодно подчеркивал ее тонкую талию и небольшую грудь. И опять Тома почувствовал, что его физически влечет к дочери стряпчего, даже сильнее, чем при первой встрече.

– Мне придется оставить вас с этими двумя юношами, мадам, – тихо проговорила она, поднявшись.

Когда мадемуазель Ортанс шла к двери, Тома показалось, будто около него она помедлила – всего мгновение, но все же. И тогда ему в голову пришла абсурдная мысль: а вдруг он ей понравился? В конце концов, мадемуазель уже почти тридцать и она еще не замужем... Вот был бы сюрприз для родителей, до сих пор оплакивающих его отказ от союза с дочерью вдовы Мишель, если бы он заполучил в жены наследницу богатого юриста Нея!

А Люк не терял времени даром и развлекал старую мадам Говри:

– Вы играете в карты, мадам?

– Раньше играла, но теперь у меня даже нет карт.

Люк сунул руку в карман и извлек оттуда две колоды.

– Подумать только! – вскричала старуха. – Этот юноша подумал обо всем. У вас две колоды?

– Да, мадам. Может, партию в безик?

– Отлично! – От радостного предвкушения она захлопала в ладоши.

Так как в безик играют вдвоем, Тома довольствовался тем, что подал поднос, который поставили на кровать, и стал наблюдать за партией между старой дамой и своим братом. Он не мог сказать наверняка, поддается ли Люк мадам Говри, но она постоянно выигрывала и была счастлива.

Почти полчаса продолжалось это развлечение, и наконец одержавшая убедительную победу дама улыбнулась братьям.

– Достаточно, юноша, – сказала она Люку. – Но вы доставили мне огромное удовольствие. – Она кивнула Тома. – Надеюсь, вы не очень скучали, месье.

– Вовсе нет, мадам. Мой младший брат слишком уж высокого мнения о себе, я был рад быть свидетелем его поражения.

– А что вы думаете о той башне, которую строит ваш брат? – обратилась мадам Говри опять к Люку. – Говорят, она видна с любой точки Парижа, но мое окно обращено не в ту сторону.

– Она уже выше самого высокого собора Европы, – сказал ей Люк. – И ее отлично видно с авеню Гранд-Арме.

– Я хочу посмотреть на нее, – заявила мадам Говри. – Хочу посмотреть прямо сейчас. До сумерек еще не менее двух часов. Молодые люди, вы проводите меня?

– Разумеется, мадам, – сказал Люк. – Это недалеко.

Мадам Говри обернулась к Тома:

– Окажите мне любезность, молодой человек, скажите им, что я собираюсь на прогулку.

На мгновение Эдит потеряла дар речи.

– На прогулку?! Но у нас никто не гуляет. Я думаю, это запрещено.

Они вместе отправились на поиски тети Аделины.

– Все, что нашим постояльцам необходимо, имеется в доме, – твердо сказала тетя. – А если чего-то нет, то это немедленно доставят

для них. Уверена, что месье Ней и слушать не станет ни о чем подобном.

– Вам придется самой сообщить ей об этом, – сказала Эдит. – Мы не сможем.

Но даже тетя Аделина заколебалась, обдумывая, как выполнить эту задачу. Однако ситуация разрешилась сама с появлением месье Нея.

– Да, вы правы, организовать прогулку трудно, – согласился он, как только тетя Аделина описала ему проблему. – При обычных обстоятельствах мы не выпускаем наших постояльцев за пределы дома, – объяснил он Эдит и Тома, – потому что большинство из них слабы здоровьем, а кое-кто плохо ориентируется в пространстве. Мы ограничены в средствах и не можем нанять помощников, которые выводили бы их в город, а самостоятельные прогулки им не под силу. Только представьте, что будет, если мы позволим им бродить по всему Парижу. Но мадам Говри... – Он задумчиво подвигал бровями. – Она – особый случай. – Стряпчий взглянул на Тома. – Она действительно хочет выйти на улицу?

– Боюсь, она настроена очень решительно, месье. – Тома осознал, что невольно стал подражать манере речи семейства Ней, причем ничего не мог с этим поделать. – Мадам Говри играла в карты с моим братом. А теперь желает добраться до авеню Гранд-Арме, чтобы взглянуть на башню месье Эйфеля, хотя я не думаю, что башня ей понравится.

– А может, лучше сказать мадам Говри, что сегодня слишком холодно и ей стоит выбрать иной день для прогулки? – предложила Эдит.

– С любым другим постояльцем это было бы превосходным решением проблемы, – сказал месье Ней с едва заметной улыбкой. – Но мадам Говри не забудет, уверяю вас. – Он опять посмотрел на Тома. – Я не могу отвлекать от срочных дел Эдит и ее тетю. Не согласитесь ли вы с братом сопроводить нашу почтенную даму на авеню?

– С удовольствием. – Вот он, шанс оказать услугу. – Мы будем предельно осторожны.

– Благодарю вас, – сказал Ней. – Я зайду к мадам Говри и сам сообщу ей о нашей договоренности.

Братья Гаскон помогли почтенной даме спуститься по лестнице. Она настояла на том, чтобы идти самой, но два спутника, поддерживающие ее под руки, оказались как нельзя кстати. Ради такого случая была отперта парадная дверь.

– Тетя говорит, что в последний раз эту дверь открывали, когда мадам Говри впервые прибыла сюда, – шепнула Эдит на ухо Тома.

По ступеням крыльца они спустились на тротуар, и там юноши усадили мадам Говри в большое кресло-коляску, которое нашлось у месье Нея. Это было внушительное средство передвижения. Корпус кресла, покоящийся на двух больших боковых колесах и одном переднем, был сплетен из лозы и напоминал огромную корзину. Потребовалось несколько минут, чтобы устроить в нем мадам Говри, обернуть ее плечи шалью и накрыть ноги одеялом. Когда все было готово и Тома под взглядами провожающих толкнул коляску, она тронулась и медленно поплыла по тротуару, словно океанский корабль, покидающий порт.

Кресло-коляска оказалось тяжелым, и Тома с Люком толкали его по очереди. Мадам Говри, зарумянившаяся от холода, настороженно посматривала по сторонам. Они преодолели одну улицу, повернули на другую, миновали небольшую церковь. Мадам Говри заметила, что день морозный. Тома любезно осведомился, не желает ли она повернуть назад.

– Ни за что! – вскричала дама, но через минуту Тома увидел, что она прикрыла глаза.

Часть пути мадам Говри подремала, но уже проснулась к тому моменту, когда кресло выкатилось на широкую авеню Гранд-Арме.

Был тихий воскресный день. Деревья на улице стояли голые. Слева, в конце плавно взбирающейся на холм улицы, стояла Триумфальная арка, заполняя собой пустоту серого ноябрьского неба. Вдоль авеню тянулись два ряда длинных невысоких зданий, словно переглядываясь со своими двойниками напротив. По пустынной проезжей части изредка с грохотом прокатывались кареты. Пешеходов на тротуарах почти не было.

– Вот она, мадам. – Тома взмахнул рукой, указывая налево. – Вот башня.

Будь день солнечным, то лучи клонящегося к закату солнца облили бы конструкцию мягким светом, превращая в мощный готический

шпиль, окутанный романтическими тайнами. Но солнца не было. Сооружение над крышами казалось мрачным скоплением балок, которые злыми железными пиками впивались в небо.

– О боже! – в ужасе вскричала старая дама. – Но это же кошмар! Это ужас! Она даже хуже, чем я себе представляла! – Она стукнула ладонью по плетеному сиденью. – О нет!

– Когда башню достроят... – начал Тома, но старая дама не слушала.

– Какой кошмар! – в ярости вопила мадам Говри. Она стала выбираться из шали и одеяла, как будто захотела подняться и броситься на оскорбляющую ее чувства башню, сломать ее голыми руками. – Их нужно остановить! – кричала она. – Немедленно остановить! Ах!

В конце концов она запуталась в своих покрывалах и откинулась на спинку кресла без сил. Тома перепугался и беспомощно смотрел на брата. Тот пожал плечами:

– Она выбрала неудачный день для осмотра башни.

После этого приступа гнева мадам Говри тяжело дышала, но потом, вероятно, впала в бессильное отчаяние от увиденного. Она молча лежала в кресле и дрожала. Тома постарался поровнее натянуть одеяло.

– Простите, мадам, – сказал он. – Вы хотите вернуться?

Но мадам Говри отказывалась отвечать ему. Он снова посмотрел на Люка в ожидании помощи, и брат склонился над креслом-коляской.

– Известно ли вам, мадам... – заговорил он, но внезапно замолчал и присмотрелся к старой даме.

– Что? – спросил Тома.

– Она умерла, – сказал Люк.

Строительство башни продолжалось без происшествий почти весь декабрь, вплоть до двадцатого числа. В этот день один из верхолазов заявил, что при расчете ему недоплатили за час работы. Ситуация быстро обострилась, казалось, вот-вот начнется новая забастовка. На этот раз Эйфель пообещал щедрые премиальные – по сто франков каждому, кто останется на строительстве до самого окончания. Но тот, кто не вернется немедленно к работе, будет тут же уволен. Какие бы меры ни принял Жан Компаньон, они явно подействовали, и Эрик быстро уступил. Несколько упорствующих бунтарей были уволены, и

им тут же нашли замену. С приближением Рождества башня продолжала расти.

Но Эйфель пообещал еще кое-что, чем поразил Тома до глубины души.

– Я укажу имена всех, кто проработал на строительстве от начала и до конца, на памятной табличке, помещу ее на башне, и весь мир узнает об этих людях.

– Только подумайте, – говорил Тома семье, – я стану бессмертным.

Мать сказала только, что она рада за него, зато отца это известие тронуло до глубины души.

– Ах, какое событие! Наша фамилия впервые будет увековечена в письменном виде.

У Тома сложилось впечатление, что даже его свадьбе с Бертой Мишель отец не обрадовался бы так сильно.

Если Новый год во Франции сводился к взаимным поздравлениям, то христианские праздники отмечались с соблюдением всех обычаев. В начале декабря почитали святого Николая, через месяц, в начале января, вспоминали Крещение. Что же до Рождества, то оно проходило спокойнее, чем в других краях, но это только украшало его.

Месье Ней не скупился, когда дело касалось Рождества. В сочельник, перед всенощной в своей церкви, местный священник пришел к постояльцам Нея и провел службу в холле у парадной двери. А праздничную трапезу в честь рождения Христа, которая обычно проводится после всенощной, старикам устроили в обед.

На Монмартре семья Гаскон планировала отметить праздник с соседями в ресторане «Мулен де ла Галетт» в ночь с двадцать четвертого на двадцать пятое декабря. Когда Эдит сообщила Тома, что его приглашают на праздничный обед в Рождество, он согласился не колеблясь.

Целую неделю после смерти мадам Говри Тома боялся, что юрист каким-то образом станет винить его в произошедшей трагедии. Но поскольку они с Люком вывезли старую даму на прогулку по просьбе самого Нея, оснований для его опасений не было. Ней, несомненно, расстроился, потеряв свою самую ценную клиентку, чье аристократическое имя привлекало в дом новых постояльцев, однако внакладе не остался.

Вскоре после смерти мадам Говри выяснилось, что, помимо тех денег, которые она заплатила месье Нею по прибытии, она также завещала немалую сумму его дочери.

– Она всегда любила мадемуазель Ортанс, – объясняла тетя Аделина.

То, что оставалось от состояния мадам Говри, переходило бедной родственнице, которая и думать не думала, что может получить хоть что-то.

– Мадам Говри – сама доброта, – провозгласил месье Ней. – Она подумала обо всех.

Он являлся душеприказчиком покойной, и в его обязанности входила передача наследства. Стряпчий говорил тете Аделине, что сделает это с особой радостью, если, конечно, будет что передавать.

Обитателям дома поведали о судьбе мадам Говри, подчеркнув, сколь мудро поступает месье Ней, запрещая постояльцам выходить на улицу.

К моменту прибытия Тома тетя Аделина с племянницей уже помогали тем старикам, которые не были прикованы к постели, пройти в длинную узкую комнату на первом этаже и усесться за обеденный стол. Когда процесс был завершен, Тома насчитал почти двадцать пожилых постояльцев месье Нея. Сам стряпчий занял место во главе стола, а напротив него села тетя Аделина. Мадемуазель Ортанс не присутствовала. Тома в глубине души надеялся увидеть ее, так как хотел еще понаблюдать за ней.

– К сожалению, моей дочери нездоровится, – пояснил Ней. – Думаю, это из-за потрясения, вызванного утратой ее дорогого друга мадам Говри, но она к тому же перенесла тяжелую простуду, и я был вынужден отослать ее на юг. Надеюсь, более теплая погода в Монте-Карло укрепит ее здоровье.

Стряпчий привел двух служанок из своего дома, чтобы прислуживали за столом. Эдит и полная сиделка Марго разносили тарелки по комнатам лежачих. Тома предложил свою помощь, но Ней и слушать ни о чем таком не желал.

– Вы наш гость, – заявил он, и Тома был усажен между матерью Эдит и пожилой дамой, которая, полностью поглощенная едой, не испытывала желания поддерживать разговор.

А еда действительно была вкусной. Начали с устриц и бокала шампанского. Потом появились индейка, фаршированная каштанами, и кровяная колбаса, к которым подали бордо. Старикам дали только по стакану, но Тома Гаскону месье Ней дал понять, что он может подливать себе столько вина, сколько пожелает. Ну а мать Эдит подталкивать не требовалось. Было ясно, что в честь праздника тетя Аделина и месье Ней позволили ей пить вволю – видимо, в надежде, что так она скорее заснет.

В какой-то момент показалось, что мать Эдит хочет подняться и произнести тост, но тетя Аделина бросила на нее такой взгляд, что даже одурманенная алкоголем невестка сообразила, что лучше сидеть тихо.

– Превосходный обед, – торопливо обратился к матери Эдит Тома, желая сгладить неловкость.

– Это уж точно, – ответила она.

Затем настал черед главного блюда дня – рождественского пирога. Это был не плотный фруктовый кекс, столь любимый англичанами, а легкий бисквит, намазанный толстым слоем шоколадно-масляного крема и скатанный в рулет. Тут месье Ней превзошел самого себя. Он съездил в одну из лучших кондитерских Парижа и купил пирог длиной с половину стола. Генуэзский бисквит был золотистого цвета, спираль густой начинки издавала аромат шоколада. Сверху пирог был присыпан сахарной пудрой.

– Кондитер придумал очаровательное название для этого пирога, – поделился со всеми месье Ней. – «Рождественское полено»!

К концу трапезы все наелись досыта. Ней, словно монарх, который знает, что его народ будет послушен, если его развлекать время от времени, оглядывал комнату с выражением безмятежного благодушия на узком лице. Старики, сонные и довольные, разошлись по комнатам, и Тома помог тем, кто слишком ослаб после пиршества. Со стола убирали грязную посуду.

Появились Эдит и сиделка Марго – они закончили кормить постояльцев, не сумевших покинуть комнаты. Для двух женщин на столе поставили приборы и принесли еду, которую держали на кухне теплой. Месье Ней поблагодарил обеих за труды и оставил их с бутылкой вина, а сам отправился домой. Тетя Аделина ушла восвояси с невесткой, которая засыпала прямо на ходу. А Тома присоединился к Эдит и старой Марго за столом.

Марго поглощала еду сосредоточенно и молча. Эдит налила себе и Тома вина.

– Я и так уже немало выпил, – сказал он.

– Составь мне компанию, – улыбнулась она в ответ.

Он не отрывал от нее глаз. В последние месяцы она стала отращивать волосы, и теперь они не вились мелкими колечками, а падали мягкими кудрями ей на плечи. Лицо Эдит тоже смягчилось, округлилось.

Тома желал ее сильнее, чем обычно. Появиться на рождественском обеде у месье Ней с «английскими капюшонами» было бы неприлично, однако Тома надеялся, что вскоре они ему все-таки пригодятся.

Испытывает ли она к нему те же чувства, что и он к ней? Ему казалось, что да. Ведь она же ходит на свидания с ним, позволяет целовать себя и даже пригласила на этот обед. Но Эдит по-прежнему была осторожна и не показывала своего отношения. Она выжидала.

Закончив есть, Марго сразу ушла в кухню и оставила парочку беседовать за столом. Они допили бутылку. Эдит разбавляла вино в своем бокале водой, поэтому Тома досталось больше, чем ей, и это не считая того, что он выпил, обедая со стариками и Неем. По телу разлилась приятная истома. Эдит положила ладонь ему на плечо.

– Скоро тебе пора будет уходить, – сказала она. – Вечером мне нужно работать, а до этого я бы хотела немного отдохнуть.

– Хорошо.

– Спасибо, что согласился прийти. Мне было очень приятно. – Она поднялась, чтобы унести оставшуюся посуду в кухню. Он тоже встал, готовый помочь. – Останься здесь, – сказала она.

Через пару минут Эдит вернулась:

– Моя мать спит, это само собой, но даже тетя Аделина, кажется, задремала.

Она села рядом с ним, и он поцеловал ее, но делать это на стульях с высокими спинками было неудобно.

– Мне нужно отдохнуть, – повторила Эдит.

– Ладно. – Он встал. – Кстати, месье Ней уже нашел нового постояльца вместо мадам Говри?

– Нет. – Эдит покачала головой. – На это потребуется время. Месье Ней хочет, чтобы в той комнате поселился кто-нибудь особенный. А

знаешь, мадемуазель Ортанс уже заново отделала ее. – Она улыbnулась. – Хочешь посмотреть?

– Конечно.

Она провела его через холл к лестнице, и они поднялись по скрипучим ступеням.

– Смотри, – сказала Эдит, распахивая дверь.

Тома узнал кровать, ореховый гардероб и картины – это все осталось как было. Но панели на стенах починили и перекрасили, на кровать постелили новое покрывало, очень красивое, из тяжелой камчатной ткани, а перед камином поставили маленький диван в стиле Второй империи с изогнутой спинкой, обтянутый тем же материалом. На каминной полке появились позолоченные часы; их циферблат поддерживали два блестящих херувима. Слева и справа от часов красовались фарфоровые фигурки, изображающие придворных короля Людовика XVI. На полу лежал новый ковер. Уже известный Тома письменный столик в стиле рококо завершал этот миленький, хотя и довольно предсказуемый ансамбль.

Обновление комнаты свершилось поразительно быстро, и Тома предположил, что некоторые из предметов обстановки прибыли сюда из дома юриста, возможно – из комнат самой мадемуазель Ортанс.

– Как видишь, – тоном гордой хозяйки сказала Эдит, – все готово для нового постояльца. Если кто-нибудь придет посмотреть комнату, нужно будет только поставить вазу с цветами.

Он кивнул. Да, комната была готова принять новую мадам Говри де ла Тур. Она была очень женственной, даже чувственной.

Эдит закрыла дверь и посмотрела на него как-то странно.

– Можешь поцеловать меня, если хочешь, – сказала она.

Но только он шагнул к ней, как Эдит отошла к кровати, откинула камчатное покрывало и легла поверх одеяла.

– Только поцелуй, – напомнила она.

Однако через полчаса они все еще лежали на кровати, и одежды на них оставалось меньше, чем было вначале.

Тома страшно ругал себя, что не взял с собой «английские капюшоны», но кто бы мог подумать, что все так обернется? Потом Эдит поднялась – она боялась запачкать постель и потому принесла из гардероба полотенце и расстелила на кровати.

– Ты должен быть осторожен, – предупредила она Тома.

– Я буду очень нежен. – Тома обнял и еще раз поцеловал ее. – Сразу скажи, если будет больно.

Но Эдит улыбнулась и ответила, что об этом волноваться не стоит. На его лице отразилось удивление, и тогда она пояснила, что все было давно и не имеет значения. А Тома понял, что думать о чем-то таком уже слишком поздно.

А еще через какое-то время она крикнула:

– Нет, нельзя!

Однако предупреждение запоздало.

В первые два месяца 1889 года Эйфелева башня продолжала расти. Темпы строительства поражали воображение. К марту она достигла невероятной высоты в двести семьдесят шесть метров, и там начали сооружать третью, последнюю платформу.

С этой платформы, одетой в стекло, потрясенные зрители смогут насладиться необыкновенной панорамой. В ясный день видимость оттуда будет достигать пятидесяти шести километров: на севере можно будет разглядеть чудесный парк Шантийи, на юге – большой лес Фонтенбло, а на западе, за Версалем, – две башни Шартрского собора.

Башню начали красить в бронзовый цвет, причем чем выше, тем более бледный цвет использовался – с целью подчеркнуть головокружительное изящество ее конструкции.

Самым сложным делом на этих заключительных стадиях строительства стала установка лифтов. На вершину башни вела лестница, но далеко не каждый готов подняться по ее тысяче шестистам шестидесяти пяти ступеням, а потом еще и спуститься по ним вниз. Для проектирования и монтажа лифтов нужно было найти подрядчика; несколько компаний пытались взяться за это дело. Но задача оказалась для них практически непосильной, и в этом не было их вины. Никогда раньше не требовалось поднимать столь большое количество пассажиров на доселе невиданную высоту. Проще было с лифтами, которые должны были перевозить пассажиров со второй платформы на вершину. Но как сделать лифт, который должен преодолеть почти сто двадцать метров с земли до второй платформы, двигаясь по траектории с меняющимся радиусом кривизны?

В конце концов в четырех «лапах» башни установили две системы. Французские инженеры создали два хитроумно сконструированных

цепных лифта, которые могли доставить пассажиров снизу к первой платформе. А американский «Отис» изобрел самый сложный механизм – гибридный гидравлический подъемник и железная дорога, – который поднимал людей по двум другим опорам до второй платформы.

Тома с восторгом рассказывал Эдит обо всем, что происходило на строительной площадке.

– Месье Эйфель считает, что идея фирмы «Отис» на годы опередила французские лифты. Но мы не должны так говорить, – признался он. – Когда наверху закончат галерею, то над ней построят личный кабинет для месье Эйфеля. Он собирается работать там до конца жизни. Представь только: каждый день он будет работать, сидя среди облаков, как Бог.

Эдит нравилось то, что Тома любит свою работу. И в том, что он боготворит месье Эйфеля, она не видела ничего дурного.

– Нет, ты подумай, – часто повторял он ей, – очень скоро на башне будет написано мое имя, потому что я помогал строить ее.

В первые недели нового года Эдит иногда выходила к Трокадеро, перед тем как пойти убирать лица, и смотрела в небо, в ту сторону, где работал Тома. Если день был туманный, то верхней части башни вообще не было видно. Чаще сквозь полог облаков и дыма из тысяч труб она могла разглядеть в небе слабое свечение огней, над которыми разогревали в жаровнях заклепки. Но бывало и так, что в ясную погоду те же жаровни блестели, как звезды, и тогда Эдит улыбалась, представляя, как у одной из них стоит с кувалдой Тома.

После Рождества они больше не занимались любовью. Он очень хотел.

– У меня есть чем предохраниться, – говорил он ей.

Но она отказывалась.

– Нет, не сейчас, – несколько раз говорила она ему.

Тома обижался и злился, и Эдит сама понимала, что в ее поведении нет логики. Но по причинам, которые она не могла бы объяснить даже себе, ей больше не хотелось отдаваться Тома. Пока нет. Пока она не решит, что делать дальше.

Во второй половине января Эдит забеспокоилась. Но она надеялась, что ошиблась, и никому ничего не сказала. К середине февраля сомнений больше не оставалось. С матерью говорить было бесполезно, и Эдит отправилась к тете Аделине.

– Идиотка! – вскричала тетя. – Когда? – И после того как Эдит рассказала о случившемся, добавила: – Ты сошла с ума! А он не принял никаких мер?

– Мы не собирались этого делать. Все случилось само собой.

– Ты сказала ему?

– Нет.

– Почему?

– Потому что он захочет оставить ребенка и жениться. Я его знаю.

– Гхм... – Тетя Аделина подумала. – Он может охладеть, когда все это из предположений станет действительностью...

– Нет. Он не такой.

– Ты любишь его?

– Тома целый год искал меня по всему Парижу. Я не поверила ему сначала, но это правда. И с тех пор как он нашел меня, ни разу не отступился.

– Я не спрашивала, любит ли он тебя. Меня интересуют твои чувства.

– Он добр ко мне. Внимателен. Старается угодить мне. И он честный. Мне это нравится. И еще я нахожу его привлекательным. Когда он рядом, я хочу его.

– У него нет денег.

– Но и у меня ничего нет, так и не на что жаловаться.

– Мы постараемся собрать для тебя небольшое приданое. Ты же знаешь: я считаю, что ты можешь найти себе кого-нибудь получше.

– Люди с небольшими деньгами ищут себе пару тоже с небольшими деньгами. Может, богатые могут жениться на тех, кто им нравится, не глядя на деньги.

– Ничего подобного. Их семьи не допустят этого.

– Еще Тома верный. По крайней мере, он не бросит меня, как это сделал отец.

– Я не хочу ставить в известность месье Нея, – помолчав, сказала тетя Аделина. – Он не обрадуется. – Она еще подумала. – Может, у меня получится отправить тебя на время куда-нибудь подальше от города. Ты родишь там, а ребенка отдадим на усыновление. Никто ничего не узнает. Это один вариант. – Она печально взглянула на Эдит. – Или я могу поговорить с одним знакомым врачом. Он...

– Этого я боюсь. – Эдит затрясла головой. – Это опасно.

– Ты же понимаешь, дитя мое, что если ты родишь ребенка и оставишь его при себе, то у тебя не будет ни единого шанса найти мужа? Если только ты не выйдешь за этого нищего мальчишку. Но вы будете обречены жить в бедности.

– Знаю. Мне нужно подумать.

– Ну что же, думай, только недолго. Скоро станет видно.

– Мне кажется, что уже очень заметно.

– Ты правильно сказала: тебе это кажется. Но весной...

И вот наступил уже март, а Эдит так и не решила, что делать. И так и не сказала ничего Тома.

О своем отце Эдит вспоминала нечасто. По правде говоря, она и не помнила его почти. Но она знала, как он выглядел. У матери его фотографий не было, зато тетя Аделина сохранила портрет брата. На фотокарточке был запечатлен мужчина с приятной внешностью. Его волосы были так же темны, как у тети Аделины, только она аккуратно убирала их от лица, а у него они торчали во все стороны мохнатой шапкой. В его облике чувствовалось что-то мальчишеское. Пиджак, расстегнутая у ворота рубашка. Тетя Аделина говорила, что внешность его соответствовала характеру: это был умный человек, созидатель.

Бросил ли он семью, потому что его жена оказалась глупой алкоголичкой, или она запила из-за его ухода? Второй вариант казался Эдит более правдоподобным, но уверенности не было, а тетя Аделина отказывалась обсуждать брата. Куда он делся?

– Кто знает? – вот и все, что говорила тетя, пожимая плечами.

Иногда Эдит представляла, будто тете Аделине известно местонахождение брата и что она хранит это в тайне. Может, он не хотел жить с матерью Эдит. А может, какие-то другие проблемы вынудили его прятаться. Может, он вообще попал в тюрьму. Однако Эдит нравилось думать, будто он по-прежнему любит ее, свою дочь. Она воображала, как он спрашивает о ней тетю Аделину. Или как наблюдает за ней тайком, когда она идет по улице, следит за ней с любовью и гордостью. Такое ведь вполне возможно. Никто не знает наверняка. Она понимала, что все это лишь детские фантазии, но продолжала предаваться им, особенно перед сном, лежа вечером в кровати.

В последнее время она стала думать об отце чаще и мысленно сравнивала ощущение тепла, вызываемое ее глупыми мечтами, с тем ощущением тепла и уюта, которое она испытывала рядом с Тома, в кольце его сильных рук. И тогда ей казалось, что она могла бы рассказать ему о ребенке, растущем внутри ее, но потом решимость вновь покидала ее. И тем не менее все чаще и чаще Эдит склонялась к мысли, что в конце концов Тома должен все узнать.

Вот почему она согласилась, когда он предложил встретиться с Пепе и Анной в ближайший выходной, – Пепе как раз обнаружил ирландский бар, где можно было дешево пообедать, он был мастер на такие открытия. Эдит подумала, что, может быть, вечером, когда они с Тома вместе пойдут домой, она откроет ему свой секрет.

Они встретились в середине дня у того ирландского бара, который находился на окраине квартала Сен-Жермен рядом со старым ирландским коллежем. Юноши были в тот день особенно довольны, так как попали в число двадцати человек, продолжающих работать на вершине башни. Это было особой честью.

Пепе настоял, чтобы за обедом все пили темный ирландский «Гиннесс». Так как это пиво показалось им непривычным, они потом заказали еще красного вина. Тома развлек компанию историей о том, как заверил месье Эйфеля в своей способности работать на высоте, а потом запаниковал, хотя башня еще не достигла тогда даже первой платформы. Анна рассказывала о своей многочисленной семье в Италии. К концу обеда все были веселы, но слегка пьяны.

Потом им захотелось прогуляться, и они пошли по левому берегу Сены. Впереди вздымалась в небо почти законченная Эйфелева башня. Они подошли к огороженной территории, где устанавливались многочисленные сооружения для приближающейся Всемирной выставки. Немного поодаль бродили другие парочки, но вокруг башни было пусто.

Они уже собирались расходиться по домам, когда Пепе пришла в голову идея:

– А теперь мы с Тома устроим для вас небольшое представление под названием «Бесстрашные верхолазы на башне».

Он подвел их к дыре в заборе, и через минуту они оказались в укромном уголке под огромной южной аркой башни.

– Хотите забраться наверх? – спросил Пепе девушек.

– Нет, – замотала головой Эдит. – И там все равно все заперто.

Но Пепе только рассмеялся.

– Давай же, Тома! – воскликнул он. – Полезли!

Эдит в ужасе уставилась на них. Внезапно она испугалась: а если что-нибудь случится с Тома... именно сейчас, когда она наконец решилась...

– Останься здесь, Тома, – взмолилась она. – Не лезь наверх. Ты пьян.

– Мы не пьяны, – возразил Пепе. – И нам каждый день дают вино, когда мы работаем на башне.

– Прошу тебя, Тома! – Эдит протянула к нему руки.

Но парни уже карабкались по огромной балочной конструкции. Через несколько минут они добрались до лестницы. Эдит и Анна видели, как они бегут по ступеням, слышали их возбужденный смех. Потом те исчезли из виду.

– Как ты думаешь, где они? – спросила Эдит.

– Должно быть, решили подняться на самый верх, – предположила Анна.

– Господи, останови их! – молилась Эдит.

Она смотрела в переплетение металлических секций, уходящих в небо. Ограждения к этому времени уже все сняли. Кто бы ни оказался сейчас на башне, от падения его ничто не подстраховывало. Эдит по-прежнему никого не видела. Они с Анной передвинулись почти под самую арку.

И вдруг откуда-то сверху раздался слабый крик – это был Тома:

– Эдит! Ты меня видишь?

Она посмотрела в направлении, откуда донесся его голос, и увидела, что Тома балансирует на балке с внутренней стороны опоры.

– Да! – ответила она. – Осторожней!

– Это было вот здесь. На этом месте я запаниковал.

– У тебя все хорошо?

– Ну конечно! – Он помахал ей рукой.

– А где Пепе? – крикнула Анна.

После краткой паузы до них долетел голос итальянца:

– Анна! Смотри влево от Тома.

Он стоял на перекладине чуть выше приятеля. Положив руки на пояс, он смотрел сверху вниз, словно хозяин на свои владения. Эдит крикнула парням, чтобы они слезали немедленно, пока их никто не заметил, а не то у них всех будут неприятности. Тома с неохотой двинулся к лестнице, и Эдит облегченно перевела дух. Но Пепе не тронулся с места. Более того, он начал петь:

O dolce Napoli
O suol beato...

С неба на землю полились звуки неаполитанской песни. У Пепе был приятный тенор. Эдит слышала каждое слово. Анна от удовольствия захлопала в ладоши. Но вдруг люди, гуляющие вокруг, услышат пение из глубин гигантской железной конструкции? Это было возможно, ведь голос у Пепе был сильным. Он перешел к припеву:

Santa Lucia, Santa Lucia...

Боясь, что Пепе начнет новый куплет, Эдит зааплодировала изо всех сил. И потом, надеясь убедить его поскорее слезть с башни, крикнула ему:

– Ну все, Пепе, поклонись и спускайся!

Пепе послушался на этот раз и изобразил размашистый театральный поклон. Затем он сделал еще один поклон налево, потом направо и последний, самый глубокий поклон вперед. И потерял равновесие.

Все случилось так быстро, что, если бы не одно движение рукой, когда Пепе пытался ухватиться за что-нибудь, можно было подумать, будто он прыгнул специально. Его тело летело вниз. Каким крошечным оно казалось по сравнению с массивной металлической аркой! До девушек донесся голос Пепе: коротенькое, испуганное «О...». Странно, но ни Эдит, ни Анна не закричали. Потрясенные, они смотрели, как маленькая фигурка падает – секунду, две, три... А потом в пятнадцати метрах от их ног ударяется о землю с глухим стуком, с таким ужасным, таким бесповоротным стуком, что Эдит тут же поняла: ничего уже не осталось от того, кто только что был Пепе.

Тома Гаскон не подозревал, что способен так быстро соображать. Год назад он стоял на этой же опоре, парализованный страхом. Сегодня, стремительно сбегая по ступенькам, которых было более трехсот, преодолевая их пролет за пролетом, он видел все с небывалой ясностью, которая удивила его самого. К тому моменту, когда он выбрался на балки, соскользнул на бетонное основание и добежал до Эдит и Анны, он точно знал, что нужно делать.

Анна опустилась на корточки возле тела Пепе. Ее сотрясала дрожь. Но, по крайней мере, она не кричала. Эдит обнимала ее за плечи.

Тома быстро осмотрел бедного Пепе. Его небольшое тело было исковеркано, шея загибалась под неестественным углом, изо рта уже вытекла струйка крови. Он напомнил Тома птенца, выпавшего из гнезда. Куда бы ни отправилась душа его жизнерадостного друга, она была уже очень-очень далеко.

– Эдит, – спросил он, – у месье Нея есть телефон?

Он знал, что во всем Париже телефонами обзавелись всего несколько тысяч человек, но ему казалось, что месье Ней вполне мог быть среди них.

– По-моему, да.

– Тогда скорее беги к нему. Расскажи, что случилось, и попроси его немедленно сообщить месье Эйфелю. И еще пусть позвонит в полицию. Он сам поймет, что нужно делать. Потом оставайся у тети. Я буду ждать здесь с Анной. – Он достал из кармана деньги и протянул Эдит. – Если идти быстрым шагом, то ты доберешься до него за полчаса. Но если по дороге попадетсЯ такси, поезжай на нем. И никому ни слова, даже полиции, пока не поговоришь с Неем.

– А если его нет дома?

– Тетя поможет тебе найти его. Пожалуйста, постарайся. Полицию надо будет вызвать так или иначе, но обязательно первым уведомить Эйфеля.

Эдит не хотела оставлять Анну, но согласилась выполнить его просьбу. Когда она уходила, Тома поцеловал ее и повторил негромко:

– Оставайся у тети. Не возвращайся.

После ее ухода Тома стал прикидывать, не видел ли кто-нибудь падение Пепе. На мосту были люди, они могли что-то заметить, а могли и не обратить внимания. Если все-таки заметили, то полиция будет у

башни уже скоро. С этим ничего не поделать. Но он хотя бы сделал все, чтобы защитить двух самых важных в своей жизни людей: Эдит и месье Эйфеля. Потом он сел, обнял Анну и стал ждать.

Ожидание продлилось полтора часа, которые показались вечностью. Затем разом прибыла целая группа людей: сначала месье Эйфель, Ней и невысокий человечек с аккуратно подстриженными усами, а сразу после них полицейский в форме, молодой человек с фотографической камерой и двое с носилками.

Эйфель отошел в сторону, и первым заговорил Ней.

– Как видите, инспектор, – обратился он к человеку с усами, – мой клиент ждет вас именно там, где я вам и обещал. А эта молодая дама, я уверен, подруга того несчастного юноши.

Инспектор бросил на Тома короткий взгляд, подошел к телу Пепе, осмотрел его за пару секунд, потом глянул на башню, после чего кивнул молодому человеку с фотокамерой, который уже устанавливал треногу для съемки.

Ней тем временем приблизился к Тома.

– Ваши действия свидетельствуют о дальновидности и сообразительности, юноша, – сказал он вполголоса. – А теперь слушайте внимательно. Отвечайте на все вопросы, которые задаст вам инспектор, но отвечайте кратко. Он спросит только о том, что желает знать. Ничего не добавляйте от себя. Вы понимаете? Ничего.

Тома увидел, что инспектор вопросительно смотрит на Нею. Стряпчий едва заметно кивнул:

– Мой клиент готов помочь вам, инспектор.

Полицейский подошел к Тома. Он носил усы, но в остальном его лицо было чисто выбрито, редкие волосы зачесаны от широкого лба к затылку. Внимательные и слегка печальные глаза инспектора почему-то напомнили Тома об устрицах. Полицейский вынул блокнот. Первые вопросы были короткими: как зовут, где проживает – Тома назвал адрес своего съемного жилья на улице Помп, – во сколько случилось происшествие, имя и род занятий погибшего, был ли он знаком с погибшим, что они делали перед происшествием, где были. На последний вопрос Тома ответил, что они были в ирландском баре.

– Погибший пил что-нибудь в баре?

– Да, месье. Он пил «Гиннесс» и вино.

– Был ли пьян?

– Нет. Он контролировал себя...

– Но он пил и пиво, и вино?

– Да.

– Потом он забрался на башню?

– Да, инспектор.

– Каким образом?

– Сначала по балкам, потому что вход на лестницу заперт. Потом пробрался в лестничную шахту и поднялся по ступенькам на первую платформу, оттуда опять вылез на балки.

– Вы видели, как он это делал?

– Да.

Тома собирался сказать, что он и сам поднялся вместе с Пепе на башню, но вовремя вспомнил предупреждение Нея. Поскольку инспектор не спрашивал пока ничего о местонахождении и действиях Тома, то он не стал об этом говорить.

– Что он делал наверху?

– Пел итальянскую песню.

– А потом что было?

– Потом он упал.

– Как?

– Он кланялся. Три раза. Вперед, потом налево, потом направо. Потом он еще раз поклонился вперед, глубже, чем до этого, и потерял равновесие. Потом... все было так внезапно.

– Эта девушка – его подруга?

– Да. Она переживает сильное потрясение.

– Это естественно. – Инспектор обратился к Анне: – Я понимаю, вы расстроены, мадемуазель, но мне необходимо задать вам несколько вопросов.

Ее имя и адрес. Имя Пепе и адрес. Был ли он из итальянской семьи? А она? Как давно они знакомы? Пила ли она «Гиннесс» и вино вместе с ним в ирландском баре? Забрался ли он на башню и пел ли там итальянскую песню? Стояла ли она в это время внизу? Верно ли, что он сделал три поклона, а на четвертый потерял равновесие и упал? Видела ли она это? Действительно ли все так и было?

– Да. Все так и было. – Анна залилась слезами.

Инспектор захлопнул блокнот и повернулся к Нею и Эйфелю:

– Все ясно. Я удовлетворен. Предстоят еще кое-какие формальности, разумеется, но, если только месье Эйфель не станет настаивать, я не вижу необходимости в дальнейшем расследовании.

Эйфель жестом показал, что он также удовлетворен. По сигналу инспектора два его помощника положили тело Пепе на носилки и унесли.

– Думаю, мне следует проводить Анну домой, – сказал Тома.

Ней глянул на Эйфеля, который сказал, что намерен еще некоторое время побыть у башни. Тогда Ней сообщил Тома, что он отвезет его и Анну домой. Тома гадал, не нужно ли сказать что-нибудь месье Эйфелю, но тот уже повернулся ко всем спиной и пошел прочь.

У моста стряпчего ждал небольшой фиакр. Двое мужчин усадили Анну посередине, кучер взмахнул кнутом, и они тронулись в путь.

Анна жила с родителями в небольшом съемном доме возле южных ворот. Им пришлось ехать туда почти полчаса. Когда они наконец добрались, Ней вошел вместе с Анной, чтобы поговорить с родителями девушки. Потом вернулся и сказал Тома, что теперь отвезет домой и его.

– Постарайтесь сегодня не встречаться с Эдит, – попросил стряпчий. – Она отдыхает.

Собравшись с духом, Тома решился заговорить о том, что его волновало:

– Вы сказали полиции, что я ваш клиент, и я очень благодарен вам за это, но должен признаться, что у меня нет больших денег.

– Вас это не должно заботить, – ответил юрист. – Так пожелал сам месье Эйфель.

– Надо же! Неужели он сделал для меня такое! А он знает, что я тоже виноват?

– Не заблуждайтесь на этот счет, юноша. Месье Эйфель очень недоволен вами. Но сейчас на карту поставлено слишком многое. Башня является центром Всемирной выставки, которая должна скоро открыться. Под угрозой может оказаться честь Франции, не говоря уже о репутации Эйфеля. Когда я узнал от Эдит подробности происшествия, то понял сам и смог убедить инженера, а потом и инспектора в том, что, как ни трагична вся ситуация в целом, можно считать везением, что погибший был итальянцем. Никто не хотел бы, чтобы в это неприятное дело оказался замешан француз. Никто не

заинтересован в том, чтобы ваше участие в инциденте было предано огласке. И таким образом, я также сумел защитить как Эдит, так и себя.

– Так вот почему инспектор не спрашивал, где находился я, когда упал Пепе.

– Именно. Он вовсе не желал знать это. Если бы он хоть на миг усомнился, что все это не более чем глупый несчастный случай, то повел бы себя по-другому. Однако никаких сомнений в этом нет.

– Пепе упал так, как я описал, уверяю вас.

– Если полиция потребует от вас дополнительных показаний, то сначала обратятся ко мне, и тогда я скажу вам, что нужно делать. Пока же, подчеркну, никто не должен ничего знать о вашем участии. Я настоятельно предупредил родителей Анны. Она вообще не станет об этом говорить. Эдит тоже, можете не сомневаться. Но и вы должны молчать, а иначе месье Эйфель очень рассердится. И вы же понимаете, он может обвинить вас в незаконном проникновении на башню.

– Я не скажу ни слова.

– Хорошо. У меня была возможность упомянуть месье Эйфелю, что, с моей точки зрения как юриста, вы действовали очень мудро.

Очевидно, Ней не терял времени даром и при первой же возможности сумел оказать Эйфелю немаловажную услугу, размышлял про себя Тома. Можно только восхищаться его ловкостью.

Когда юрист наконец высадил его перед домом на улице Помп, Тома вдруг почувствовал, что ужасно устал.

К началу следующего рабочего дня Тома продумал свою линию поведения. Во-первых, сам он ничего говорить не будет. Если кто-нибудь случайно слышал или видел, что они с Пепе встречались в воскресенье, он скажет, что они расстались сразу после того, как пообедали, и что он ничего не знал о падении Пепе с башни.

Может, у Тома и были сомнения насчет того, каковы будут последствия, если он станет болтать, но они исчезли после краткой и неожиданной для него встречи.

Он шагал по улице Помп и как раз проходил мимо того дома, что когда-то был фермой предков Эдит, когда его догнал Жан Компаньон и пошел с ним рядом.

– Хороший день для работы, – сказал старший мастер.

– Ага, – согласился Тома.

– Держи рот на замке, – перешел к делу Компаньон.

– Не понимаю, о чем вы, – сказал Тома, – но я вообще не из болтливых.

– Если кто-нибудь узнает, Эйфель уволит тебя. Ему придется это сделать. – (Тома промолчал.) – Но это, – продолжал Жан Компаньон обманчиво любезным тоном, – будет наименьшей из твоих неприятностей. Потому что я подстерегу тебя, и ты отправишься к своему дружку Пепе, где бы он ни был сейчас.

– Ничего не понимаю, – сказал Тома, – но меня огорчает, что вы мне не доверяете.

– Я доверяю тебе, – ответил Жан Компаньон.

Через несколько секунд он резко свернул в переулок, предоставив Тома поразмыслить над его словами в одиночестве.

Тома был сильным парнем и умел драться, однако у него не было никаких иллюзий. Если коренастый старший мастер захочет убить его, у него это получится.

На башне Пепе заменили другим человеком без каких-либо объяснений, но их и не требовалось: наверху уже заканчивали работу, людей было нужно все меньше. Несомненно, новость о трагедии скоро разлетится по городу, но пока о ней еще не сообщили даже газетам. День прошел спокойно.

Но только не для Эдит. Всю ночь она проспала в квартире тети Аделины беспробудным сном – благодаря сонным каплям, которые дала ей тетя. Утром она проснулась и выпила чаю с круассаном.

Однако уже во время завтрака к ней вернулось то ужасное холодное ощущение, которое возникло еще прошлым вечером, и нарастало до тех пор, пока Эдит не выкрикнула сидящей напротив тете Аделине:

– Это я убила его! Это из-за меня он упал!

– Ты ошибаешься, дорогая. – Тетя вздохнула.

– Я сказала ему поклониться. Если бы он не стал...

– Ничего бы не изменилось.

– Может, изменилось бы.

– У него был выбор. Люди должны понимать, каковы могут быть последствия их поступков. Он сам решил забраться на башню, никто его не принуждал.

В словах тети была правда, но Эдит не считала, что они снимают с нее вину. Девушка сидела над чашкой чая, сжав голову руками и покачиваясь из стороны в сторону. И потом это случилось.

Сначала, почувствовав теплую влагу, Эдит не поняла, что с ней. Она ушла в комнату, где спала, и присела над ночной посудой. Через несколько минут ей пришлось позвать тетю.

Тетя Аделина сохраняла спокойствие. Она велела Эдит оставаться на месте, пока она сама отлучится на несколько минут. Потом она быстрым шагом ушла за доктором.

Очень скоро доктор подтвердил, что Эдит потеряла ребенка.

– Слава Богу, – сказала тетя Аделина.

Неделю спустя Тома сообщили, что месье Эйфель желает видеть его в своем кабинете.

Великий инженер не медлил и дня, устраивая себе кабинет на вершине башни. Поскольку лифты еще не ходили, рабочее место на третьей платформе подразумевало ежедневный подъем на огромную высоту, но Эйфеля это не смущало. С платформы к двери его кабинета вела спиральная лестница.

Тома постучался и вошел. Комфортабельность кабинета поразила его: стены уже обклеили темными обоями в полоску, пол покрыли узорчатым ковром, вокруг письменного стола и вдоль стены поставили стулья и даже разложили там и тут разные безделушки для красоты.

И во все стороны открывалась захватывающая дух панорама. У монархов и президентов есть великолепные дворцы, но зато месье Эйфель построил себе самый лучший кабинет в мире.

В тот день дул довольно сильный ветер. Стоя почти на самой верхней точке башни, Тома ощущал слабые колебания под ногами.

Эйфель сидел за столом и смотрел в какие-то бумаги. Даже не поднимая глаз, он сумел прочесть мысли Тома.

– Максимальное отклонение от вертикали, вызываемое ветровой нагрузкой, составляет двенадцать сантиметров, – сухо проинформировал он рабочего. Закончив с документом, он взглянул на Тома. – Вы догадываетесь, зачем я вас позвал?

– Думаю, да, месье. Прошу простить меня.

– Когда русский царь строил город Санкт-Петербург, он был беспощаден к рабочим. Вы знаете, сколько человек погибло при

создании города?

– Нет, месье.

– Сто тысяч. Санкт-Петербург буквально стоит на их костях. Когда мы начинали строительство башни, – продолжил Эйфель, – подразумевалось, что и у нас будут несчастные случаи. Увы, в больших проектах они неизбежны. Но я принял все возможные меры предосторожности: установил ограждения, подвесил сетки. Ни на одной стройплощадке не уделялось столько внимания безопасности, как здесь. И в результате мы построили башню, не потеряв ни одной человеческой жизни. – Он помолчал. – Вплоть до того дня.

– Это не ваша вина, месье Эйфель, а моя. Все вышло случайно.

– Вы думаете, об этом будут помнить? В истории навсегда останется только тот факт, что один из рабочих упал с моей башни и разбился насмерть.

– Мне очень, очень жаль, месье.

– Я нашел вам место, когда вы попросили взять вас на стройку. И вот как вы отплатили за мою доброту. Вы опозорили меня.

Тома повесил голову. Дети Маки, словно рыцари прошлого, хорошо разбирались в вопросах чести и позора. Каждый француз в этом разбирался. А он, Тома, опозорил не кого-нибудь, а своего кумира.

– Передо мной список рабочих, которые строили башню, – начал Эйфель. – Как я и обещал, их имена будут указаны на памятной табличке, которую смогут увидеть все посетители. Но я не могу заставить себя включить в этот список ваше имя. Вы понимаете меня? Вы получите премию в сто франков, как все, но не публичное признание.

Не поднимая глаз, Тома кивнул, он не мог сказать ни слова.

– Это все, – произнес создатель башни.

После происшествия Тома видел Эдит только раз. Он встретил ее, как обычно, у лица. Она сказала, что несколько дней не могла работать и потому в ближайшее воскресенье будет занята. Тома хотел поговорить о том, что случилось, но Эдит казалась погруженной в свои мысли. Пришлось ему попрощаться с ней, так и не поняв, какими отныне станут их отношения.

И потому неудивительно, что в то воскресенье, сидя в кругу семьи на Монмартре, он был молчалив и задумчив. Все ли в порядке на

работе, поинтересовался отец.

– Все хорошо, – ответил Тома. – Месье Эйфель лично сказал, что мне заплатят обещанную премию.

– И напишут твое имя, – гордо добавил отец.

– Как только башню достроят, придется искать другую работу. – Тома предпочел сменить тему.

– Как Эдит? – спросил Люк, когда после обеда братья вышли прогуляться.

– Нормально.

– Это хорошо.

Тома показалось, что его брат что-то хочет сказать, но сначала они довольно долго шагали молча.

– Ты видел афиши представления «Дикий Запад»? – наконец небрежным тоном спросил Люк.

Не видел их только слепой, потому что афиши были расклеены по всему Парижу. Почти весь лист занимал огромный буйвол, скачущий по прерии. Поверх мощного корпуса животного был помещен овальный портрет с узнаваемыми и красивыми чертами полковника У. Ф. Коди, того самого Буффало Билла – с бородой, усами и в ковбойской шляпе. Ниже шли только два слова: «Я еду».

Все слышали о представлении Буффало Билла. Он уже совершил триумфальное турне по Англии. Не все точно понимали, что происходит во время спектакля, но все знали, что это экзотическое и увлекательное зрелище. Оно обещало стать одним из наиболее знаменательных событий Всемирной выставки.

– Мне подарили два билета, – сказал Люк. – Я подумал, что тебе они пригодятся. Можешь сводить Эдит. – Он вытащил из кармана небольшой пакет, аккуратно извлек из него два билета и дал брату.

Тома уставился на бумажные прямоугольники:

– Билеты на торжественное открытие! Как тебе удалось достать их?

– Дал один человек, – ухмыльнулся Люк. – Я смог оказать ему кое-какую услугу...

– Почему же ты отдаешь их мне?

– Мне хочется, чтобы ты сходил туда.

– Но ведь это билеты на самое первое представление! – повторил Тома.

– Я знаю, – улыбнулся Люк.

Эдит он увидел только в среду. На этот раз она согласилась зайти с ним в кафе, где они были в самую первую их встречу, и даже поела немного.

Однако Тома видел, что Эдит пребывает в задумчивости, и ему очень хотелось узнать, что именно ее тревожит.

– Я беспокоился о тебе, – сказал он.

– Со мной все хорошо.

– Ужасно сожалею о том, что случилось. Я совсем не хотел, чтобы тебе пришлось испытать такое...

– Не переживай. К тому же это я виновата.

– Ты? – Он уставился на нее в изумлении.

– Да. Если бы я не сказала ему, чтобы он поклонился...

– Эдит. – Он обнял ее за плечи. – У меня и в мыслях не было, что ты можешь повернуть все таким боком... Пепе сделал бы это в любом случае, уверяю тебя. Таков уж он был.

Она ничего не ответила сначала, взвешивая его слова.

– Ты действительно так думаешь? – наконец спросила она.

– Конечно. Уточню: я не думаю, а знаю, что это так. – Он потянулся к Эдит и поцеловал ее. – Можешь выкинуть эти глупости из головы. Ты ни в чем не виновата.

Пару минут она смотрела в стол, затем взяла свой бокал с вином, сделала медленный глоток и поставила обратно, но еще некоторое время сжимала пальцами тонкую стеклянную ножку, прежде чем отпустить.

– Есть еще одна вещь, которую тебе следует знать, – сказала Эдит и наконец взглянула ему в глаза.

И рассказала ему о выкидыше.

Когда Эдит закончила, Тома остался сидеть с раскрытым ртом.

– Я не догадывался, что ты была беременна, – проговорил он наконец.

– Понимаю.

– Но почему ты не сказала мне раньше?

– Не знаю... Не хотела...

– Я думал... после того, что случилось в Рождество... а потом ты вдруг отдалилась...

– Я боялась. И была расстроена. Может быть, даже сердилась на тебя. Наверное, это кажется бессмысленным, но я боялась быть с тобой.

– Я решил, что разонравился тебе.

– Да, знаю.

– Хм... – Он подумал. – Ты до сих пор сердишься?

– Нет.

– А что ты вообще сейчас чувствуешь?

– Когда теряешь ребенка, пусть и на таком раннем сроке, когда еще и ребенка-то почти нет, все равно это горе. – Она пожала плечами. – Но сейчас я испытываю облегчение, не буду отрицать. Я не хочу ребенка, Тома. То есть пока не хочу.

– Конечно. – Он притянул ее к себе и крепко обнял. – Ты могла рассказать мне. Ты можешь мне доверять.

Она молча кивнула. Это было ей известно.

Они еще поговорили немного. Тома показалось, что настроение Эдит улучшается. А ей рядом с ним было тепло и спокойно.

– А ты не хотела бы пережить что-нибудь опасное? – внезапно спросил он. Почувствовав, как напряглась при этих словах Эдит, Тома рассмеялся. – Я приглашаю тебя на представление «Дикий Запад».

Первого апреля 1889 года, сразу после полудня, месье Эйфель устроил на башне празднество для рабочих, которых было почти две сотни, в присутствии самых важных персон Парижа. Там был премьер-министр, весь муниципальный совет, многочисленные сановники – в парадных костюмах и цилиндрах, в сопровождении жен и детей.

Среди них, с удивлением обнаружил Тома, были месье Ней с дочерью. Очевидно, этот охотник из маленькой юридической конторы с помощью двух своих гончих, Благодарности и Преданности, загнал-таки дичь. Органс, в платье из синего шелка, сшитом по самой последней моде, была очень элегантна и, как обычно, выглядела бледной и странно чувственной, в то время как ее отец без устали внедрялся то в одну группу чиновников, то в другую. Тома не сомневался, что среди столь внушительного собрания ловкий стряпчий сумеет найти достойного претендента на руку дочери.

День был ветреный. Сквозь облака, бегущие по небу, проглядывало весеннее солнце.

Незадолго до праздника Тома сходил к одному портному на Монмартре, который шил мужскую одежду за цену, доступную художникам и ремесленникам. В результате у Тома появился костюм с коротким пиджаком, в котором он выглядел очень представительно. Конечно, в этот день Тома надел именно его.

Ровно в половине второго Эйфель и более сотни сановников приготовились к подъему на башню. К сожалению, лифты пока еще не запустили, однако это не заставило группу отказаться от намерения добраться до первой платформы. Один из депутатов боялся высоты, но даже он пошел наверх, завязав глаза шелковым шарфом.

Эйфель поднимался не спеша. То и дело он останавливался, чтобы пояснить ту или иную деталь конструкции и дать своим первым гостям возможность отдышаться.

На первой платформе в это время еще шли работы по отделке кафе, кондитерской и двух ресторанов – русской и французской кухни; все эти заведения должны были открыться для публики через месяц.

Наиболее решительные из экскурсантов затем последовали за Эйфелем выше и преодолели длинный подъем на вторую платформу. И уж совсем небольшая горстка гостей добралась до самого верха. Там Эйфель поднял национальный флаг, и тот затрепетал на ветру в трехстах метрах над землей. По этому сигналу начался салют из двадцати пяти орудий, установленных на второй платформе.

Спускались они очень долго. Ветер усиливался, и Тома поглядывал на небо в ожидании дождя. Несмотря на погоду, все уселись за накрытые столы, где ждал праздничный пир из ветчины, германских сосисок и сыра. Если в меню и был намек на германские корни Гюстава Эйфеля, то он быстро забылся после того, как полилось шампанское и зазвучали патриотические речи.

Эйфель поблагодарил всех и объявил, что имена величайших ученых Франции будут написаны золотой краской на фризе первой платформы.

Премьер-министр поблагодарил Эйфеля и произвел его в офицеры ордена Почетного легиона. Затем все остальные поднимали тосты в честь инженера, друг друга и Франции.

Наконец разбушевавшийся ветер и угроза дождя заставили всех отправиться по домам, и тогда произошло одно маленькое событие.

Под первыми каплями дождя Тома уже шел в направлении моста Иена, когда на его плечо легла чья-то ладонь. И снова это был Жан Компаньон. Могучий старший мастер пожал Тома руку и дал ему небольшую карточку, на которой было написано название кафе.

– Там всегда знают, где меня найти, – сказал Компаньон. – Обращайся, если нужна будет рекомендация. – И ушел, прежде чем Тома успел поблагодарить его.

Всемирная выставка 1889 года официально открылась шестого мая. Посетители с восхищением взирали на необъятную железную башню, между опорами которой они проходили на экспозицию. На саму башню начали пускать только на второй неделе после церемонии открытия, но даже без подъема наверх выставка предлагала гостям массу интересных зрелищ, собранных со всех концов света. В числе прочего там даже была копия улицы Каира и египетского рынка с кофейнями, в которых подавали турецкий кофе и развлекали клиентов танцем живота. Территория выставки была столь велика, что для удобства посетителей запустили чудесный миниатюрный поезд, который ходил от Марсова поля до площади перед Домом инвалидов, где желающих ехать и дальше ждали восточные рикши.

Хотя выставка проводилась в честь столетия Великой французской революции и ее идеалов Свободы, Равенства и Братства, честь Франции требовала, чтобы посетителям также напомнили и о ее далеких колониях. А потому были организованы большие и диковинные экспозиции из Алжира, Туниса, Сенегала, Полинезии, Камбоджи и других уголков мира. Если у Британии есть империя, то у Франции тоже.

Эйфелева башня стала символом небывалой по размаху выставки, однако нужно признать, что воображение посетителей больше всего потрясли экспонаты павильона, который за собственный счет установил Томас Эдисон, а в августе и сам приплыл из Америки в Париж. Он представил на выставке ошеломляющие изобретения. Созвучные духу общих республиканских ценностей Америки и Франции, они показывали, как в ближайшем будущем современная наука принесет электричество, телефоны и другие замечательные удобства в дома не только богатых, но и рядовых граждан. Самым же удивительным из

всех экспонатов был доселе никем не виденный новый фонограф с его цилиндрами для воспроизведения звука.

Огромные толпы американцев, прибывшие в Париж для посещения выставки, с гордостью отмечали, что звездами мероприятия стали, во-первых, тот человек, который построил для Америки статую Свободы, и, во-вторых, их соотечественник Томас Эдисон. Ну и конечно же, сам несравненный Буффало Билл, чье представление «Дикий Запад» начиналось в субботу через двенадцать дней после церемонии открытия выставки.

Накануне Тома поднялся на Монмартр, чтобы навестить родителей. Он поужинал с ними и сестрой. Люк работал вечером, и Тома решил остаться на ночь, желая дождаться брата.

Люк появился после полуночи, и, так как было тепло, братья вышли на улицу, чтобы поболтать под звездами.

– Сегодня днем я поднимался на башню, – сообщил ему Люк. – Она открыта всего два дня, и лифты все еще не работают, но мне хотелось посмотреть, что ты построил. – Он улыбнулся. – Большинство посетителей доходят только до первой платформы, но я добрался до второй. Выше публику пока не пускают. Угадай, кого я там встретил?

– Не знаю.

– самого создателя башни. Месье Эйфеля. Он шел в свой кабинет наверху. Как я понял, он в хорошей форме. Он сказал мне, что каждый день поднимается на вершину.

– Ты говорил с ним?

Тома испугался, что из-за того трагического случая Эйфель мог нелестно отозваться о нем.

– Конечно. Он сам узнал меня. И пригласил подняться вместе с ним, если мне хочется. Конечно же, мне очень хотелось.

– Понятно.

– И я видел табличку, где перечислены имена всех рабочих.

– Ох! – вздохнул Тома. – Я тебе не рассказывал. Дело в том...

– Там было и твое имя.

Тома умолк на полуслове. Его имя? Неужели на башне работал еще один человек по фамилии Гаскон?

– Мое имя? Ты уверен?

– Мне показал его сам месье Эйфель. «Вот фамилия вашего брата, – сказал он. – И не забудьте рассказать семье, что видели ее здесь».

– Ого, – только и смог выговорить Тома.

– В общем, мы поднялись наверх и он пошел в свой кабинет, а я погулял по обзорной площадке. Как там красиво! Должно быть, такие же виды открываются, когда летишь на воздушном шаре.

– И что потом?

– Потом я спустился, конечно, что же еще?

– А, ну да.

– Он очень любезный, этот месье Эйфель.

– Да, – от всего сердца согласился Тома, – очень.

Эдит пребывала в неуверенности. Тетя Аделина сомнений не имела.

– Пора положить этому конец. Ты совершила ошибку, но теперь все разрешилось. Ты больше не беременна и свободна. Он неплохой мальчик, но у него, похоже, дар попадать в неприятности, а за душой ни единого су.

Мать Эдит тоже хотела поучаствовать в решении судьбы дочери.

– Помнишь того мясника в начале улицы Помп? Ну так вот, мне кажется, его сын положил на тебя глаз. И помощник воспитателя в лицее, тот, что с бородкой, я видела, как он смотрел на тебя, когда ты выходила из здания. Ты бы подала ему знак, что он тебе нравится, а?

– Учитель никогда не женится на мне.

– Кто знает? Я могу поговорить с ним.

– Вряд ли это поможет.

Эдит была твердо намерена принять решение самостоятельно, но отрицать правоту тети не могла. Может, никого лучше Тома ей не найти, но брак с ним не станет тихой, безопасной гаванью.

И потом, его семья! Эдит допускала, что родители Тома приличнее, чем большинство обитателей Маки, но все равно никаких родственных чувств к ним не питала. А став женой Тома, она будет вынуждена зарабатывать им на пропитание.

Что же касается его младшего брата... Было в Люке нечто такое, что Эдит не нравилось. Она и сама не могла бы точно сказать, в чем дело, но она ему не доверяла.

Что же оставалось? Только тот факт, что в объятиях Тома ей уютно и тепло. То, что он внимателен к ней и ей приятно находиться в его обществе. То, что он любит ее. Ей нравится, что он именно такой, какой есть, нравится его запах. Нет сомнений, что он хороший человек. Складывая все эти мелочи одну к другой, Эдит приходила к выводу, что, должно быть, по-своему она тоже любит его. Порой она хотела его, а порой могла почти забыть о его существовании.

Она никак не могла определиться, что делать, и очень переживала из-за этого, так как не хотела вести себя нечестно по отношению к Тому. Возможно, именно поэтому Эдит в последнее время почти неосознанно избегала его.

В апреле они встречались всего несколько раз, и только вечерами, когда она заканчивала работу. Не было ни одного свидания в выходной день. Ну да, ей нужно было помогать тете Аделине, однако Эдит прекрасно знала, что нашла бы для Тома время, если бы действительно захотела.

Он все приглашал ее на Всемирную выставку, но у нее был удобный предлог для отказа: на выставке она хотела бы подняться на башню. Башню открыли для посещения всего три дня назад, но лифты пока так и не наладили, и говорили, что это неудобство продлится еще не менее трех недель. А к тому времени...

Эдит казалось, что если бы не билеты на представление «Дикий Запад», которое она очень хотела посмотреть, то к началу мая она бы наверняка порвала с Тома.

Тома зашел за ней в полдень. Через пару минут они уже шагали вместе по авеню Гранд-Арме на запад, в сторону Нейи. Тома надел свой новый костюм, которым очень гордился. На Эдит было летнее платье с шелковой шалью, подаренной тетей Аделиной. Тома предложил Эдит руку, и она взяла его под локоть. Ей нравилось идти с ним так.

Когда улица уперлась в Булонский лес, они повернули направо и скоро вышли в ту часть деревни Нейи, где еще не было построек. Посреди пустоши стояли развалины старого форта. Там-то и разбил лагерь Буффало Билл.

Лагерь состоял из двух сотен палаток и больших загонов для лошадей и мохнатых буффало – последние вызвали сенсацию, когда их вели по улицам от железнодорожного вокзала на пустошь. А по центру

установили огромную арену и сидячие места на пятнадцать тысяч зрителей.

– Посмотри, сколько народу! – воскликнул Тома.

Они пришли заранее, но люди уже валом валили через входные ворота. И это были не просто люди: на первом показе присутствовал президент Франции месье Карно и его супруга. Королевская семья и послы, генералы и аристократы, знаменитости со всего света, включая большую группу американцев, – в зрительных рядах яблоку некуда было упасть. Там были все, кто имел вес в этом мире. И еще Тома Гаскон.

Его забавляла мысль, что они с Эдит попали на открытие, а месье Ней с Ортанс – нет.

И всю эту толпу (за исключением американцев, разумеется) объединяло два чувства. Во-первых, восторг оттого, что вот-вот они увидят всемирно известное представление. И во-вторых, неуверенность относительно того, что именно им предстоит увидеть.

Начало, правда, было довольно предсказуемым: большой парад всей разноцветной, разношерстной труппы. По арене шагали ковбои со свистящими лассо, величественные индейцы в перьях и боевой раскраске, мексиканцы, охотники-канадцы – французские канадцы, само собой, со своими хаски, то есть все эффектное, удалое, необыкновенное, что только можно найти на бескрайних диких просторах Северной Америки. Зрители были восхищены. Затем вышла девушка, Энни Оукли, со стрелковым оружием. Публика вежливо приветствовала ее, мало что о ней зная. И наконец, сам герой Запада, величайший шоумен своего времени Буффало Билл верхом на лошади, в штанах из оленьей кожи и большой ковбойской шляпе, из-под которой развевались длинные волосы, – галопом он ворвался на арену, сделал круг и грациозным размашистым жестом отсалютовал президенту Франции.

Зрители взревели. Пока представление оправдывало свою славу.

Тома предложил Эдит пакет воздушной кукурузы, который купил на входе.

– Что это? – неуверенно спросила она.

– Не представляю. Это что-то американское. Попробуй.

Она попробовала и состроила гримасу. Но через несколько минут ее рука снова нырнула в пакет.

Первой инсценировкой из истории Дикого Запада было нападение краснокожих на пионеров. Постоянный участник – человек, которого природа наделила голосом удивительной мощи, – зачитывал текст так громко, что было слышно всем зрителям; охотники выстраивали свои повозки кругом; индейцы улюлюкали – верховая езда и представление были выше всяких похвал.

Была только одна проблема.

– Что происходит? – спрашивала Эдит. – Что это значит?

– Не знаю, – отвечал Тома.

Как не знал никто из зрителей, за исключением американцев разумеется. Дело в том, что хотя чтец обладал мощным голосом и неделями репетировал французский перевод своего текста, его произношение было настолько далеким от правильного, что для публики его слова явились еще большей загадкой, чем сам Дикий Запад. Под звуки трубы примчалась на помощь американская кавалерия, а французские зрители понятия не имели, кто эти люди в форме и зачем они выскочили на арену.

Волнующая сцена подошла к финалу, а трибуны молча ждали.

– Это конец? – шепнула Эдит. – Пора аплодировать?

– Давай подождем, когда кто-нибудь захлопает, – решил Тома.

Большая часть публики оказалась перед той же дилеммой. К счастью, начали хлопать американцы, и тогда все с радостью подхватили. Но это был не тот прием, к которому привык Буффало Билл.

Зрители ждали следующей сцены и приготовились напрягать слух, чтобы расшифровать хоть что-нибудь из слов чтеца, ведь им так хотелось, чтобы развлечение удалось. И были удивлены, когда вместо всадников на арену вышла стройная молодая женщина в сопровождении нескольких помощников, тащивших столик и оружие.

Тома нахмурился. Первая часть, по крайней мере, была зрелищной. Молодая дама выглядела приятно, но не слишком увлекательно. Он очень надеялся, что Эдит не будет разочарована представлением.

Девушка оглядела публику и, должно быть, уловила царившее на трибунах настроение, однако не утратила самообладания.

В небо взвился стеклянный шар. Едва глянув на него, девушка подняла винтовку и выстрелила. Шар разбился на тысячи осколков. Определенно неплохой выстрел. Еще один шар, и вслед за ним второй.

Два выстрела, следовавшие друг за другом так быстро, что это казалось невозможным. Оба стеклянных шара взорвались. Здорово, ничего не скажешь. Девушка подошла к столу и поменяла оружие. Пока она занималась этим, в небе оказалось три шара, все в разных сторонах. Три выстрела – три попадания.

И началось. Стеклянные шары, глиняные голуби, игральная карта, сигара, предметы с трибун, вещи, подброшенные в воздух перед ней, за ее спиной, все быстрее и быстрее, то выше, то ниже. Она хватала ружья со стола и бросала их обратно с ошеломительной скоростью. Генералы выпучили глаза, аристократы вытягивались вперед со своих мест, дамы роняли вееры. Энни Оукли не промахивалась. Ничего подобного никто не видел. Послышались крики восторга, люди вскакивали со скамеек. И когда она разрядила все оружие и в облачке порохового дыма поклонилась зрителям, публика взревела и стала бросать ей под ноги носовые платки.

Она весело убежала прочь, и публика расселась на места.

А потом Энни вновь вернулась, но теперь верхом. Она скакала по кольцу арены и расстреливала шары, взлетающие вокруг нее в воздух. Потом в дело пошли серебряные французские монеты, блестящие на солнце. Она прострелила и их. К этому моменту публика дошла до неистовства – и это понятно, ведь то, что они видели, казалось волшебством. Энни Оукли была, вероятно, самым метким стрелком в мире.

После этого сердца зрителей были окончательно и бесповоротно завоеваны. Они приветствовали мексиканцев, и бизонов, и индейские сражения, и освоение Запада. Пусть они не были уверены в сути того, что им показывали, это было уже не важно.

Представление Буффало Билла имело огромный успех.

И это было вполне объяснимо. Может, американцы и говорят с чудовищным акцентом, но не являются ли две страны единомышленниками в историческом плане? Франция, по тем или иным причинам, помогла американским колониям освободиться от владычества Англии во время Войны за независимость, которая в свою очередь вдохновила французов на то, чтобы устроить собственную революцию с еще большим размахом. И если Французская революция боролась за Свободу, Равенство и Братство, то не эти ли же ценности проповедовал американский Дикий Запад?

Наверняка кто-то из зрителей подумал о том, что после унижения, нанесенного Франции Германией менее двадцати лет назад, ей бы не помешали герои, подобные Буффало Биллу, чтобы восстановить ее честь и славу.

Все лето Буффало Билл был самой популярной личностью в Париже.

Так что Тома был весьма разгорячен и возбужден, когда они с Эдит в начинающихся сумерках покидали арену. Дойдя до начала авеню Гранд-Арме, они не свернули на нее, а углубились в тенистый Булонский лес и прошлись немного по одной из его прелестных аллей.

Потом Тома поцеловал Эдит, и она ответила ему. Он ничего такого не планировал, но в аллее никого больше не было, и потому он внезапно опустился на одно колено и спросил:

– Ты выйдешь за меня замуж?

Глава 8

1462 год

Жан Ле Сур восседал в таверне, которую называли «Встающее солнце». Ле Сур означало «глухой».

Не то чтобы Ле Сур плохо слышал. Напротив. Он услышал бы, как иголка падает на землю за дверью. Говорили, что он слышал даже мысли людей. Ну а если кто-нибудь хотя бы подумал достать нож, у того человека не было бы шанса, потому что Ле Сур тотчас же приставил бы к его горлу свой нож и, вероятнее всего, перерезал бы от уха до уха – не по злобе, а из предосторожности. Красное Горло – так его еще называли.

Но обычно его все же звали Ле Сур, потому что, раз вызвав его гнев, исправить положение было невозможно: он был глух к мольбам. Второго шанса он не давал. Бесполезно было пытаться уговорить или переубедить его. Он не знал, что значит милосердие. На территории, состоящей из дюжины улочек по одну сторону старого рынка Ле-Аль, Ле Сур был королем. А таверну «Встающее солнце» он считал своим двором.

Кроме названия, ничего солнечного в таверне не было. Грязный переулок, в котором она стояла, был темным и узким. В соседней аллее, где жил сам Ле Сур, с трудом разошлись бы две кошки, а верхние этажи нависали так тесно, что с одной стороны на другую могла бы перепрыгнуть и мышь. Стены источали запах мочи.

Названия улиц вполне соответствовали их состоянию: там были улица Ленивой Шлюхи, Дерьмовая, Воровская и другие, еще хуже. И обитали там шлюхи, карманники и еще кое-кто похуже.

Жан Ле Сур был крупным сильным мужчиной с пышной гривой черных волос. Он сидел за дощатым столом по центру таверны. Вокруг толпились несколько человек, на вид – натуральные убийцы, и лишь один, с орлиным профилем и землистым цветом лица, вполне мог сойти за священника-расстригу или нищего изобретателя. За спиной Ле Сура

стоял его сын Ришар – мальчик десяти лет, с по-детски пухлым лицом, но с такой же копной черных волос, как у отца.

В дверь вошел сутулый мужчина. На голове его белела тонзура, свидетельствуя о принадлежности к духовному сословию. Припадая на ногу, будто подбитая птица, он направился прямо к столу в центре и, достав из-под рубахи какой-то предмет, положил перед Ле Суром. Тот взял принесенное и внимательно рассмотрел. Это был медальон на золотой цепочке.

– Необычная штука, – сказал Ле Сур и передал украшение человеку, похожему на ученого.

Тот изучил медальон, заметил, что вещица сделана не в Париже, и вернул обратно.

– Мы разузнаем, что стоит твоя вещь. – Ле Сур повернулся опять к сутулому. – Ты получишь свою долю.

Таковы были правила в королевстве Ле Сура. Все украденное приносилось ему. Он находил покупателя и делился прибылью с воров. Эту систему пытались обойти два человека, один из которых был найден с перерезанным горлом, а второй исчез без следа.

Заметив своих приятелей, Сутулый отошел в глубину комнаты. Жан Ле Сур возобновил разговор с ученым. Но не прошло и пяти минут, как дверь таверны распахнулась вновь. На этот раз на пороге стоял незнакомец, и шум разговоров в низком зале стих.

Это был молодой человек лет двадцати, со светлыми волосами и голубыми глазами. На нем была короткая накидка, из-под которой торчал меч, что означало принадлежность к аристократическому роду. А факт его появления в этой таверне говорил о том, что Парижа он совсем не знает.

Убийство аристократа может оказаться опасным делом, однако обитатели этого квартала не испытывали пиетета перед титулами. Один из стоявших ближе к двери беззвучно поднялся и, с ножом в руке, встал позади незнакомца в ожидании сигнала от Ле Сура.

В то же время Сутулый в углу скользнул в тень. Потом сказал что-то негромко своему соседу, тот подошел к Ле Суру и зашептал ему на ухо.

Ле Сур задумчиво воззрился на пришельца. Остальные почтительно ждали. Все знали то, чего не знал молодой человек: его

шансы уйти живым из «Встающего солнца» были невелики. Их практически не было.

Ги де Синь приехал в Париж всего на неделю, только вчера. Сюда его прислали родители, и с того момента, как он прошел через ворота Сен-Жак, он мечтал только о том, как бы поскорее уехать обратно.

Потому что Париж был порченным городом. Это началось век назад, когда пришла «черная смерть» и убила почти половину его жителей. Теперь процесс разложения зашел еще дальше. А самое страшное то, что, несмотря на чуму, голод и войны, Париж разросся, словно сорняк. На правом берегу построили новую стену, в сотнях метров от старых укреплений Филиппа Августа, так что Лувр оказался глубоко внутри городской территории, и бывший Тампль тоже. Деревенские тропки превратились в узкие улицы, сады – в трущобы, ручьи – в сточные каналы. В этом мрачном, Богом забытом городе проживало уже двести тысяч душ.

Забыл ли Бог о Париже? Однозначно да. Уже более века, как Бог покинул и всю Францию. А почему? Мало кто из французов сомневался в ответе. Все дело в проклятии тамплиеров.

Отец юного де Синя объяснил ему это, когда Ги был мальчиком.

– После того как король Филипп Красивый арестовал тамплиеров, он пытал некоторых из них годами. Он заставил своего «карманного» папу римского запретить орден во всем христианском мире. В конце концов он схватил Жака де Моле, Великого магистра ордена, человека безупречного поведения, и сжег на костре. Во время казни, уже окутанный клубами дыма, де Моле проклял короля и всех, кто принял участие в уничтожении тамплиеров.

– И это проклятие сбылось? – спросил Ги.

– В полной мере.

В течение года умерли и король, и его ставленник папа римский. Но это было только началом. Через несколько лет умерли и все сыновья Филиппа Красивого, в результате чего власть оказалась в руках другой ветви королевского рода, Валуа.

Даже на этом проклятие не исчерпало себя. Дочь Филиппа была замужем за английским королем из семейства Плантагенетов, и вскоре неугомонные Плантагенеты тоже стали помышлять о французском троне.

Более ста лет тянулась война, то вспыхивая большими битвами, то на время затихая.

Перед нашествием «черной смерти» и после него английские лучники разбили рыцарей Франции в сражениях при Креси и Пуатье. Плантагенетам отошла Аквитания и половина Бретани. Шотландия, старинный союзник Франции, на время отвлекла англичан. Но к концу зловещего XIV века король Франции сошел с ума; и в хаосе, который последовал, жадные Плантагенеты пришли снова, чтобы посмотреть, не удастся ли ухватить еще чего-нибудь под шумок.

Когда отец Ги был подростком, король Англии Генрих V сокрушил французов у Азенкура и женился на дочери французского короля. Все шло к тому, что Плантагенеты заполучат корону Франции.

Но потом Бог наконец смилостивился. Как и тысячу лет назад, когда Он научил святую Женевьеву, как спасти Париж от гунна Аттилы, так и теперь он послал крестьянскую девушку Жанну д'Арк, чтобы она вдохновила мужей Франции. Ее жизнь была короткой, но ее наследие продолжало жить. Постепенно англичан оттеснили обратно, и теперь во Франции им почти ничего не принадлежало.

Можно ли сказать, что проклятие тамплиеров снято с несчастной Франции? Вернулся ли христианский мир к нормальной жизни?

Возможно. По крайней мере, папа римский опять был единственным и правил из Рима. После семидесяти лет французских пап с двором в Авиньоне и полувека соперничающих пап и антипап, католическая схизма исчерпала себя.

Но что являет собой Париж? Гнездо порока. Оплот тьмы. И судя по тому, что видел сейчас перед собой молодой де Синь в таверне «Встающее солнце», в ближайшее время ожидать рассвета не приходилось.

Ле Сур выбил пальцами короткую дробь на досках стола, и в таверне стало тихо. Он посмотрел на юного аристократа:

– Вы здесь впервые, месье. Чем я могу вам помочь?

Он говорил негромко, но сразу чувствовалось, кто здесь главный.

– Я кое-что разыскиваю, – спокойно ответил Ги.

Он не мог оценить степень опасности, угрожавшей ему, но с младых лет помнил наставления отца: «Никогда не выказывай страха перед животными и чернью».

– Что же вы ищете?

– Золотой медальон. Он был на цепочке. Ценность его невелика, но мне подарила его бабушка перед самой своей смертью, и по этой причине он мне очень дорог.

– Почему тогда вы пришли сюда, месье, в таверну «Встающее солнце», где можно встретить только честных людей и поэтов?

Если молодой человек и расслышал в вопросе иронию, то предпочел не подать виду.

– Я видел человека, который меня обворовал, и проследил за ним. Уверен, что он вошел именно сюда.

– Никто не входил в эту дверь за последний час, кроме вас, – любезно проговорил Ле Сур. – Так ведь? – спросил он у зала, и сорок глоток эхом повторяли его заявление, пока Ле Сур не поднял руку.

В тот же миг все как один смолкли.

Юный Ги де Синь обвел взглядом таверну. В темных углах почти невозможно было что-либо разглядеть.

– Тогда вы не станете возражать, если я удостоверюсь лично, что этот человек не проник сюда через другой вход? – полувопросительно произнес он.

Ле Сур прищурился. Этот молодой аристократ, хоть и чужак, не мог не осознавать, что сейчас находится полностью в их руках. Спокойная самоуверенность, дерзкая отвага юноши понравились королю воров.

– Прошу вас, – сказал он.

Ги де Синь быстрым шагом обошел помещение. Он знал, что в любую секунду ему грозит гибель, но отступить не мог. Тем более что в тени он нашел Сутулого.

– Вот он, – объявил де Синь. – У него тонзура как у священника, но это он.

Ги слышал о том, что в Париже карманники и другие мошенники сами брили себе голову в надежде, что в случае поимки их будет судить снисходительная к клирикам Церковь, а не суровый прево. Похоже, так поступал и этот вор.

– Ты, идиот! – крикнул Ле Сур Сутулому. – Выйди вперед, пусть господин обыщет тебя.

Сутулый подчинился. Ги де Синь ничего не нашел.

– Этот служитель Господа провел здесь с нами весь день, – провозгласил Ле Сур. – Но я знаю нескольких человек в нашем квартале, с которыми он имеет сходство. Должно быть, вам попался кто-то из них. – Он умолк и продолжил через несколько мгновений другим тоном, вкрадчивым и опасным: – Надеюсь, месье, вы не считаете меня лжецом.

Ги де Синя оставили в дураках. Он это знал, и они это знали. Но последние слова Ле Сура были вполне однозначны: если де Синь обвинит его во лжи, то не выйдет отсюда живым.

Тем не менее нужно было сохранить хотя бы каплю чести.

– У меня нет причин называть вас лжецом, – спокойно ответил юноша.

Он осторожно передвинулся на открытое место, где можно будет вынуть меч и воспользоваться им. Если на него нападут, то он успеет уложить хотя бы одного или двоих. Этот маневр не остался незамеченным, но пока не возымел последствий.

И тут Ле Суру пришла в голову идея. Он глянул на сына, который внимательно наблюдал за происходящим. Ришар видел, что слово его отца является законом. Он понимал, что при желании отец может убить этого молодого аристократа. Вот как велико могущество Ле Сура!

Но король воров задумал продемонстрировать сыну кое-что получше. Не унижить ли этого аристократа, не заставить ли его извиниться перед вором и только потом отпустить восвояси? Конечно, титулованный юноша может отказаться, и тогда придется все-таки убить его. Зато если он исполнит волю Ле Сура, то уйдет живым, но поджав хвост. В любом случае сцена будет некрасивая, недостойная отца, который хоть и по-своему, но все же хотел быть героем в глазах сына.

Нет. Лучше будет продемонстрировать свое величие. Не монарх ли он в собственном небольшом царстве? И разве все эти благородные мужи во дворцах не такие же люди, как и сам Ле Сур?

– Вероятно, я смогу помочь вам, месье. Приглашаю вас за мой стол.

Ги де Синь напряженно размышлял. Очевидно, это ловушка. Он не сможет видеть, что происходит за спиной, и не сумеет достать из ножен меч. Сесть за стол означало подставить горло под нож.

– Вы мой гость, месье, и находитесь под моей защитой. – Ле Сур прочитал его мысли. – Отклонив приглашение, вы нанесете мне кровное оскорбление.

Де Синь по-прежнему колебался. Неожиданно ему на помощь пришел «ученый», сидящий справа от Ле Сура.

– Вы можете без опаски сесть, месье. – Его речь выдавала человека с хорошим образованием. – Более того, я бы советовал вам это сделать.

Думая, что ступает по земле в последний раз, де Синь подошел к столу и сел на предложенное место – напротив Ле Сура и спиной к таверне.

Главарь приказал сыну, словно оруженосцу, наполнить вином бокал для гостя.

– Я Жан по прозвищу Ле Сур, – представился он. – Этот месье, – он указал на ученого, – мой друг мастер Франсуа Вийон. Он известный поэт, его дядя преподает в университете. – Ле Сур ухмыльнулся. – И его дважды изгоняли из города.

– За проступки, которых я не совершал, – добавил поэт.

– Не совершал, – согласно повторил Ле Сур. – Как видите, месье, вы в обществе достойных и честных людей. – Он глянул на юного Ришара. – А этот юноша, который налил вам вина, мой сын.

Имя Вийон ничего не сказало Ги де Синю. Он заметил, как поэт срезал с яблока кожуру длинным острым кинжалом, который лежал теперь на столе, и не мог удержаться от предположений, что это оружие не всегда служит столь мирным целям.

– Я Ги де Синь из долины Луары.

Ле Сур обернулся к Вийону.

– Мне известно это имя, – сказал поэт. – Благородное семейство.

Ле Сур был доволен. Впервые за его столом сидел представитель знатного рода. Теперь Ришар убедится, что его отец знает, как вести себя с благородными господами.

– В долине Луары много поместий, – заметил Ле Сур, подвигая молодому человеку блюдо сладостей.

– И большинство из них, как и наше, совсем запущены, – откровенно признался де Синь.

– Печально слышать это. Можем ли мы узнать, в чем причина?

Главаря воров это вовсе не касается, подумал де Синь. Однако в нынешней своей ситуации юноше не оставалось ничего, кроме как

подыграть хозяину.

– Судьба не благосклонна к нашим краям уже давно. Эпидемия чумы не принесла ничего хорошего.

Это было очень мягко сказано. В 1348 году, когда эпидемия достигла Франции, их деревня пострадала особенно сильно. Из всей семьи де Синь выжил только один мальчик десяти лет, и его единственным наставником в жизни стал фамильный девиз «Согласно Божьей воле». Очевидно, Бог желал, чтобы род не прервался, и этого оказалось достаточно, чтобы мальчик не сдался. Но пришлось ему совсем не легко.

– Наша семья в то время занимала важное положение, – с противной усмешкой сказал Ле Сур. – Мой прадед был лучшим ловцом кошек в Париже.

Парижские власти, убежденные, что разносчиками чумы являются не столько крысы, сколько кошки, способствовали уничтожению огромного количества этих животных. Однако де Синь не мог понять, шутит его хозяин или говорит всерьез.

– Но окончательно разорила наше родовое гнездо Англия, – продолжил он. – Мой предок погиб в сражении при Креси. Через десять лет его сын был пленен при Пуатье, и за него пришлось платить выкуп. Так мы потеряли бóльшую часть земель.

– У того парня была неплохая компания, – заметил Ле Сур. – При Пуатье английский принц Эдвард Вудсток пленил короля Франции. Его посадили в крепость Тауэр в Лондоне.

– И вся Франция должна была собирать деньги, чтобы выкупить его, – с кислой миной добавил Вийон.

Ги де Синю показалось, что Вийон не считает короля достойным той цены, которую за него заплатили.

– Потом по нашей земле прошлась английская армия наемников и разграбила то, что оставалось, – продолжал невеселый рассказ юноша.

– Они разграбили половину Франции, – согласился Ле Сур. – Хуже саранчи.

– У нас было всего одно поколение на то, чтобы оправиться от понесенных потерь, после чего англичане пришли вновь. Мой дед погиб при Азенкуре. – Ги помолчал, озирая всех с гордым видом человека благородного происхождения, чьи дела, может, шли и неважно, но чьи предки с честью сражались за страну и короля.

Ле Сур медленно кивнул. Он, живущий ножом, не мог не испытывать уважения к тем, кто погиб от меча. Если он хотел видеть за своим столом аристократа, то вряд ли нашел бы кого-то лучше, чем юный де Синь – аристократ и по рождению, и по духу. Значит, правильно он сделал, что не убил его сразу.

– Разорение моей семьи было довершено во времена Жанны д'Арк, – ровным голосом продолжил молодой человек, – причем не кем иным, как моим родным отцом. Но не думаю, что мне стоит и далее утомлять вас рассказами о наших несчастьях.

– Это вовсе не утомительно. – Против своей воли Ле Сур проникался симпатией к благородному юноше. – Прошу вас, продолжайте.

Ги де Синь открыл было рот, но тут до него дошло, что он может совершить роковую ошибку. У него еще не было шанса узнать политические пристрастия Ле Сура. Ги лихорадочно пытался что-нибудь придумать, но было уже поздно. Придется ему рассказать свою историю и надеяться на лучшее.

– Тогда Парижем правили Бургундия и Англия, – начал он. – Но уже заговорили об Орлеанской деве Жанне д'Арк.

То был злосчастный период в жизни государства. После того как бедный король впал в безумие, его семья вручила власть регенту. Но любое регентство означает проблемы, и вскоре две ветви многочисленной королевской семьи сцепились в борьбе за власть. Одну возглавлял герцог Орлеанский, вторую – герцог Бургундский, также голубых кровей, потому что после смерти всех прежних правителей Бургундии ее огромные территории, включая фламандские города текстильщиков, вернули короне – Бургундию отдали младшему сыну короля. Бургиньоны благоволили активной торговле с Англией, которая поставляла шерсть для богатых фламандских городов. Орлеанская партия, известная как арманьяки, опиралась на сельскую Францию.

Вскоре две стороны сошлись в открытой схватке. Герцог Бургундский договорился с торговцами Парижа, и вскоре столица перешла под контроль бургиньонов, а сына сумасшедшего короля, дофина, и упавших духом арманьяков вытеснили в долину Луары и старый Орлеан.

Плантагенеты очередного поколения, словно гиены, пришли урвать кусок истекающего кровью тела Франции. Стоило ждать, что

бургундская партия постарается договориться с ними и заключит сделку. В конце концов, торговцы английской шерстью были их деловыми партнерами.

Они поддержали притязания Плантагенетов на трон Франции.

Когда странная крестьянская девушка Жанна д'Арк появилась со своим поразительным посланием: «Святые сказали мне, что дофин – истинный король Франции» – и воодушевила партию арманьяков на продолжение борьбы, бургиньоны забеспокоились. Когда Жанна и арманьяки выгнали англичан и миропомазали дофина на царство в Реймском соборе, бургиньоны пришли в ужас.

Но потом им удалось захватить Жанну д'Арк, и они продали ее англичанам, а те осудили ее как еретичку и сожгли на костре.

Его отец, пояснил Ги де Синь, пустился в опасное путешествие в тот чудесный миг, когда Жанна только появилась в долине Луары с посланием от Бога. Решительно настроенный сыграть свою роль в истории Франции, он намеревался продать последнюю землю и купить снаряжение для участия в битве. Сначала он пытался найти покупателя в Орлеане, но там царил спад, на его предложение спроса не было. Но старший де Синь знал в Париже одного торговца, которому можно было доверять. Там же проживала его старая тетя, с которой он не виделся много лет. И вот под благовидным и правдоподобным предлогом визита к родне он добрался до города и продал-таки землю. Торговец, оказавшийся тайным сторонником арманьяков, пообещал де Синю, что вернет землю, если тот найдет деньги по истечении пяти лет.

– Очень довольный собой и с сундучком монет, мой отец собирался наутро покинуть Париж и на ночь остановился в таверне. Там были и англичане, но для них он был всего лишь еще одним французом. Зато группа солдат-бургиньонов заподозрила его в чем-то, и один из них стукнул моего отца по голове. Когда он очнулся, то ни его коня, ни сундучка с деньгами не было.

Ги де Синь умолк и посмотрел на Ле Сура. Не зря ли он это рассказал? Многие парижане симпатизировали бургундской партии и их торговцам. Не утратил ли он расположение здешнего хозяина? Не перережут ли ему горло в ближайшем будущем?

Юноша заметил, что Ле Сур поднимает руку. Он тут же схватился за меч, но рука просто опустилась ему на плечо.

– Проклятые бургиньоны! – прорычал король воров. – Если есть кто-то, кого я ненавижу больше англичанина, так это бургундца. Значит, ваш отец не смог пойти в бой вместе с Жанной д’Арк?

– У него не было доспехов и коня. Но он все равно пошел воевать – не рыцарем, как собирался, а простым пехотинцем. Он сказал, что это стало его паломничеством.

– Ах, браво, юноша! – вскричал Ле Сур. – Чудесно! – Он схватил свой бокал и поднял к потолку. – Давайте выпьем в честь Орлеанской девы, – призвал он, – и тех, кто сражался за нее!

Ги де Синь позволил себе улыбнуться. Все получилось. Он рискнул, и риск оправдал себя.

Дело в том, что данную историю, в отличие от всего остального, он выдумал, причем только что. Героическая повесть была куда красивее, чем правда: его отец еще в молодости глупо растратил бóльшую часть скромного наследства. И де Синя позабавило то, что этот жестокий разбойник поверил ему.

– Скажите же, месье, какое дело привело вас в Париж? – почти заботливо обратился к своему гостю главарь воров, когда все выпили. – Вы желаете служить нашему новому королю?

Прошел всего год с тех пор, как Людовик XI взошел на французский трон. Но сразу стало ясно, что новый король намерен многое изменить. Отец Людовика был вполне доволен уже тем, что благодаря Жанне д’Арк сохранил свои растерзанные войнами владения. Нынешний властитель не скрывал, что хочет большего. Честолюбивый, хитрый и беспощадный, он планировал уничтожить оппозицию и привести Францию к славе. И был готов на все ради достижения этих целей.

Если бы у семейства де Синь хватило средств на покупку доспехов и хорошей боевой лошади, то служба у короля могла бы стать неплохой карьерой для единственного наследника рода. Но у них таких денег не нашлось, и причина, по которой Ги послали в Париж, была куда прозаичней.

– Я приехал, чтобы познакомиться с невестой, – ответил он без энтузиазма.

Сватовством занимался друг его отца – нашел девушку из богатой купеческой семьи, и родителей Ги удовлетворило предложенное приданое. Тем не менее отец оставил окончательное решение за сыном.

– Поезжай в Париж и посмотри на девушку, – сказал он. – Если вы совсем уж не понравитесь друг другу, мы все отменим. Хотя, – добавил он, – я знаю несколько супружеских пар, которые прекрасно уживаются, несмотря на отсутствие взаимных симпатий. Если вы не проникнетесь друг к другу отвращением, это уже будет неплохо для начала.

Знакомство предстояло на следующий день.

– Ваша невеста благородных кровей? – поинтересовался Ле Сур.

– Из семьи торговцев, – выговорил де Синь негромко.

Было очевидно, что перспектива такой женитьбы его совсем не радует.

– Будьте осторожней в суждениях, молодой человек. – Вийон, внимательно слушавший весь разговор, покачал головой. – Это Париж, а не деревня. Не отзывайтесь презрительно о третьем сословии.

Из трех сословий, которые короли Франции время от времени призывали, чтобы уведомить о новых законах и налогах, первые два – знать и духовенство – искони считались более важными. Но времена менялись.

– вспомните, – продолжал Вийон, – еще в дни Креси и Пуатье Парижем почти единолично правил Этьен Марсель, городской прево и предводитель торговцев и ремесленников. Именно он начал строить огромный ров и насыпать валы, которые стали потом новой крепостной стеной города. Даже король имел основания бояться его. Сегодня богатейшие купцы живут как аристократы, и, презирая их, вы рискуете.

– Все так, – заметил Ле Сур, – но мне кажется, что месье де Синь с большей охотой женился бы на знатной женщине.

И Ги де Синь залился румянцем.

Ле Сур оглянулся на сына. Судя по лицу юного Ришара, он ловил каждое слово. Он учился жизни. Разумеется, от него не укрылось, как де Синь зарделся от смущения, и теперь ему самое время увидеть, как его отец избавит аристократа от дальнейшей неловкости, сменив тему разговора. Не переставая восхищаться собственной утонченностью, Ле Сур перевел взгляд на поэта.

– Прочитайте нам одно из своих произведений, месье Вийон, – произнес он, словно король, обращающийся к придворному.

– Как пожелаете.

Поэт потянулся к кожаной сумке у ног и достал несколько листов бумаги, на которых можно было разглядеть длинные столбцы, написанные четким вытянутым почерком.

– В прошлом году, – в качестве вступления произнес Вийон, – я закончил большую поэму под названием «Завещание». Она состоит из нескольких частей. Я прочитаю вам пару баллад из нее.

Первая баллада была короткой. В ней поэт задавался вопросом о том, что случилось с классическими богами, с Абеяром и Элоизой, с той же Жанной д'Арк. В конце каждой строфы звучал рефрен: «Но где же прошлогодний снег!»^[1]

Mais où sont les neiges d'antan?

Вторая баллада походила на первую по форме и не без юмора повествовала о былых властителях. Где теперь знаменитый папа Каллист, где король шотландцев, где бургонский герцог? Где теперь достойный король Испании, чье имя он запомнил? И опять каждый стих в балладе заканчивался одной и той же строкой: «Там, где и Карл Великий ныне»^[2].

– Превосходно, – сказал король воров. – А есть ли у вас что-нибудь новое?

– Я начал кое-что. Пока у меня только фрагменты. – Поэт пожал плечами. – Надеюсь закончить, пока жив.

Frères humains qui après nous vivez
N'ayez les cœurs contre nous endurcis
Car, si pitié de nous pauvres avez
Dieu en aura plus tôt de vous mercies.

Прохожий, здесь присевший отдохнуть,
Не вздумай нас насмешками колоть.
К нам, бедным, сострадательн ты будь,
Чтобы и к тебе был милостив Господь!^[3]

Это было стихотворение о заключенных, в тюрьме ожидающих казни. Поэт успел сложить всего лишь пару строк. Но пока Вийон

читал их, в таверне установилась странная тишина. Все умолкли и погрузнели, потому что именно эта судьба была уготована им почти наверняка, и слова поэта наполняли печалью, горечью и в то же время состраданием.

Слушая стихи, Ги де Синь проникся их ритмом и мелодичностью. Кем бы ни был этот странный человек, учености ему было не занимать, а вот гляди-ка – общается с убийцами. Может, он и сам отъявленный вор, но при этом слагает произведения, которые трогают сердца других преступников.

Когда Вийон закончил, некоторое время все молчали.

– Господин Вийон, – наконец сказал Ле Сур, – ваши стихи следует печатать в книгах.

– Не возражал бы, – иронично усмехнулся поэт, – но мне это не по карману.

– Ваш родственник-профессор не мог бы вам помочь?

– Он терпит меня иногда. – Вийон пожал плечами. – Это все, на что я могу рассчитывать. И виноват в этом только я сам.

Ле Сур кивнул, отхлебнул вина, затем снова направил внимание на де Синя:

– Наш Вийон – прекрасный поэт, вы согласны?

– Согласен.

Ле Сур задумчиво обвел глазами комнату и шумно вздохнул.

– Такова наша жизнь, – проговорил он, словно отвечая каким-то своим мыслям. Затем, после нового глотка вина, занялся не решенным еще делом. – Итак, месье де Синь, давайте вернемся к вашей пропаже. Вы можете описать мне ваш медальон?

– Он из золота. На нем узор – как мне кажется, византийский. Бабушка всегда говорила мне, что медальон привез из Святой земли ее отец.

– Не могу сказать вам, где сейчас этот медальон, месье, но если я поспрашиваю кое-каких людей в своем квартале, то смогу кое-что разузнать. Однако кража подобна войне. Кто бы ни завладел вашей вещицей, он не расстанется с ней без выкупа.

– Могу предложить сотню франков, – сказал де Синь.

Когда один королевский франк официально равнялся старомодному ливру, то есть примерно полукилограмму серебра, сто

были целым состоянием. Но время и девальвация сделали свое дело, значительно понизив стоимость этой суммы.

– Мне показалось, что ваш медальон стоит дороже, – заметил Ле Сур.

– Вероятно, но дать больше я не могу.

– Ну что же, – принял решение король воров, – ничего не обещаю, но посмотрю, что сумею сделать. В этом квартале я имею некоторое влияние. Что скажете?

Ги де Синь прикрыл глаза на мгновение. Он не обманывался, нет. Этот разбойник, скорее всего, отлично знает, где сейчас находится медальон. Но если вежливость поможет вернуть украшение, то почему бы не подыграть?

– Вы очень добры, – сказал он. – Буду премного вам обязан.

– Тогда давайте выпьем за это! – воскликнул Ле Сур, вдруг оживившись. – Поднимете ли вы со мной бокал, как человек чести? Знаю, это заведение не то место, куда вы хотели бы зайти, месье, но... – Он оглядел зал таверны и закончил громко и отчетливо, чтобы услышал каждый из присутствующих: – Вам всегда будут рады за моим столом, и с этого дня все люди, которых вы здесь видите, – ваши друзья. – Он пристально посмотрел в глаза де Синю, словно желая показать, что он тоже в своем роде человек чести. – Если на улицах Парижа, месье, у вас возникнут неприятности, только упомяните, что Жан Ле Сур – ваш друг, и вам не причинят вреда.

Это велеречивое заявление, скорее всего, было недалеко от истины. Воры из других кварталов не захотят связываться с человеком, пользующимся покровительством столь известного главаря, как Ле Сур. И если бы Ги де Синь был жителем Парижа, то понял бы, что ему поднесли дар куда более ценный, чем его золотая безделушка из Святой земли.

Тем не менее он поднял свой кубок и поблагодарил хозяина за гостеприимство и дружбу. А Ле Сур глянул на сына и потом опять обвел взглядом таверну с видом довольного собой монарха. Он снова сказал себе, что короли по сути своей ничем не отличались от него. И в этом, надо заметить, Ле Сур был абсолютно прав.

– Мой сын Ришар проводит вас, чтобы мы знали, где найти вас, – сказал он.

И хотя Ги не испытывал желания показывать юному разбойнику дорогу к дому отцовского приятеля, возражать он не стал, ведь это был единственный способ получить медальон обратно. В очередной раз заверив друг друга во взаимном уважении, аристократ и вор попрощались. Ги де Синь вместе с Ришаром покинул таверну.

На следующий день состоялось знакомство с девушкой. Семейство Ренар жило в хорошем доме на правом берегу рядом с рекой. Дочь купца, по имени Сесиль, оказалась недурна собой. У нее были рыжие волосы и бледное овальное лицо. Кое-кто даже называл ее красивой. Друг старшего де Синя, хорошо знавший семью Ренар, сопровождал юношу во время визита и на обратном пути сказал Ги:

– Вы ей понравились. И родителям тоже. Так что решение за вами, молодой человек. – Интонация договаривала остальное, а именно: «Ты будешь дураком, если откажешься от такого приданого».

– Она согласна жить в деревне? – спросил Ги.

– Конечно согласна.

– Она была молчалива сегодня, но ее семья много говорила о Париже.

– Разумеется. Ничего другого они просто не знают. Сесиль полюбит деревню, когда там окажется. – Приятель отца хмыкнул. – Мы же не думаем, что, если сейчас невеста девственна, ей не понравится быть замужем!

Подойдя к дому, де Синь с удивлением обнаружил, что там его уже ждет Ришар, сын Ле Сура. Мальчик приблизился и поклонился, тряхнув косматой черной шевелюрой. Затем он поднял глаза на аристократа и улыбнулся.

– У меня хорошая новость для вас, месье, – сказал он и протянул ладонь. – Это ваше?

Да, это был медальон де Синя. Ги окончательно утвердился в своих предположениях о том, что разбойник был так или иначе причастен к краже. Но надо было продолжать ломать комедию.

– Какой потребовался выкуп? – спросил он.

– Никакого. Мой отец сумел убедить человека, у которого нашелся медальон, расстаться с ним даром. Отец сказал ему, что, возможно, это доброе деяние дарует спасение его душе.

– Будем же уповать на это, – сказал Ги.

Малолетний сын вора с таким нахальством играл свою роль, что де Синь едва сдерживал смех.

– Мой отец шлет вам свое почтение, месье. Не желаете ли, чтобы я передал ему что-нибудь от вас?

Ги де Синь задумался. С одной стороны, Ле Сур – разбойник и главарь шайки. С другой – этот преступник вернул ему украденную вещь.

– Пожалуйста, скажи своему отцу, что Ги де Синь благодарен ему за гостеприимство и за помощь.

– Спасибо, месье. – Мальчик поклонился. – Да хранит вас Господь.

– И тебя тоже.

В тот вечер Ги де Синь думал долго и напряженно. Если аристократ брал в жены богатую девушку из торговой среды, в народе это называлось «позолотить фамильный герб» или даже «подбросить навоза на свои пашни».

Сесиль Ренар не вызвала у него неприязни. Может, когда-нибудь он даже сумеет полюбить ее. Но Ги сомневался, что она смирится с жизнью в деревне, и это тревожило его. Но потом он вспомнил о ее приданом и какие перемены оно сулит. Он сможет купить землю. Даже подновить старый замок.

Ложась спать, молодой Ги де Синь помолился. Он сказал Богу, что знает, в чем заключается его долг перед семьей: следует почитать отца и мать и, соответственно, следует жениться на девушке, которую они для него выбрали и которая принесет всей семье благополучие. Но нельзя забывать и о девизе рода: «Согласно Божьей воле». Вот чем будет он руководствоваться. Если Господь ниспошлет ему знак – например, если невеста внезапно умрет накануне свадьбы, – то станет ясно, что этот брак был неуютен Богу. Но если никаких знаков не будет, он воспримет это как благословение. И Ги де Синь пообещал Всевышнему, что постарается сделать супружескую жизнь как можно более приятной для девушки, если это только будет в его силах.

Свадьба состоялась через три месяца. Церемонию провели в Париже, в доме Ренаров.

Нужно признать, что торжество прошло с размахом – куда более значительным, чем если бы ее проводили де Сини в своем

осыпающемся замке. Но мещане Ренары не остались внакладе: они получили то, что хотели.

А именно право принять в своем доме знатных родственников Ги де Синя, о чьем существовании тот едва догадывался. Пусть его невеста не принадлежит к аристократии, тем не менее ее состояние достаточно велико, чтобы возродить множество родственных и дружеских связей. Приглашение приняли два десятка аристократов, и прибыли они со своими сыновьями и дочерьми. Если Ренары рассчитывали на это, заключая сделку, то не прогадали.

Но еще до свадьбы Ги поразился, с какой готовностью его родственники называли невесту очаровательной и милой, осыпали всеми комплиментами, которыми удостаивают богатую девушку, появившуюся в высшем обществе. Сесиль была явно в восторге от дружелюбного внимания, к тому же ей пообещали всевозможные увеселения по приезду в деревню. Что же до самого Ги, то вскоре родственники познакомили его со своими друзьями, так что к свадьбе он уже состоял в приятельских отношениях с юношами из самых знатных семейств Франции.

Свадьба удалась во всех отношениях. На третий день Ги и Сесиль решили, что очень нравятся друг другу. Им еще предстояло провести полную развлечений неделю в Париже, после чего Ги должен был увезти молодую жену в долину Луары и познакомить со скромным именем, которое остро нуждалось в ее любви и заботе.

Через три дня после свадьбы Ги с компанией молодых аристократов спешил к большому старому рынку Ле-Аль. Он стоял у пестрого прилавка, на котором были разложены травы и специи, когда послышался возмущенный крик.

Это был Шарль, сын графа де Гренаша, с которым они только что бок о бок скакали по парижским улицам. Ги подбежал к нему.

– В чем дело? – спросил он.

– У меня украли кошель. Он висел на поясе, на ремешке. Должно быть, чертов воришка перерезал его. Бог мой, до чего ловок. – Шарль де Гренаш потряс головой. – У меня там лежало тридцать франков.

– Вы видели вора?

– Не уверен, но кажется, да. Немолодой уже, сутулый. С тонзурой как у священника. А голова болталась, как у голубя. – Молодой

аристократ огляделся. – Каким-то чудом растворился в толпе. Никогда мне не найти его. И моих денег.

– Вам повезло. – Ги улыбнулся. – Возможно, я смогу помочь.

Ги потребовалось всего несколько минут, чтобы объяснить задачу приятелям. Совсем еще юный мальчик-оруженосец вызвался пойти с ним, и они ушли, оставив прочих спутников у торговых лотков.

Они двигались быстро и выбрали самый короткий путь от рынка к той улице, откуда был виден вход в таверну «Встающее солнце». Долго ждать не понадобилось. Вскоре из боковой аллеи появился Сутулый, которому пришлось из осторожности идти обходными путями. Оглянувшись по сторонам, он юркнул в таверну.

Ги подождал еще несколько минут, а затем непринужденным шагом последовал за ним. Оруженосец держался в полушаге от него.

У Жана Ле Сура было отличное настроение. Вместе с сыном он сидел за столом, на который только что лег кожаный кошель. Он высыпал золотые и серебряные монеты и быстро пересчитал. Тридцать франков.

– Ты получишь свою долю, – положив деньги обратно в кошель, кивнул он Сутулому.

– Сколько?

– Столько, сколько я тебе дам, – отрезал Ле Сур. – Сядь.

Сутулый уже повернулся, чтобы отойти, как обычно, в темный угол, как вдруг со стороны входа послышались шаги, и Ле Сур с удивлением увидел того светловолосого аристократа, который уже приходил сюда три месяца назад. На этот раз с ним был какой-то подросток.

Неужели Сутулый снова обворовал его? Ле Сур бросил вопросительный взгляд на карманника, но тот лишь пожал плечами, говоря всем своим видом: «Понятия не имею».

– Как хорошо, что я нашел вас здесь! – с улыбкой обратился де Синь к главарю. – Я в Париже всего третий день. – Он помедлил. – Вы говорили, что я могу приходить к вам в любое время. Это приглашение еще в силе?

Ле Сур задумчиво посмотрел на неожиданного гостя; при этом он убрал кошель со стола и положил на пол у своих ног.

– Конечно. – Он глянул на дверь, и один из его людей выскользнул наружу.

– Возвращайся к моему отцу и скажи, что я вернусь через час или два. – Де Синь обернулся к сопровождавшему его подростку. – Скажи, что я обедаю с друзьями. – Он сделал несколько шагов по направлению к столу, дружески кивнул юному Ришару и снова обратился к королю воров: – Я не забыл о вашей доброте. И пришел, чтобы поделиться с вами радостью: два дня назад я женился – здесь, в Париже.

– Ах да, – кивнул Ле Сур. – На богатой наследнице.

– Оказалось, что она сущий ангел. На днях я увезу ее в наш бедный замок.

– Ангел милосердия. Поля возликуют.

– Несомненно. Вы позволите мне присесть?

Человек, который выходил из таверны минуту назад, вернулся и сигналом дал понять Ле Суру, что горизонт чист – посетитель явился один.

– Разумеется. – Ле Сур растянул губы в широкой улыбке и приказал: – Вина нашему другу.

Он решил, что можно немного расслабиться. Этот демонстративный визит вежливости показался ему совершенно излишним, но может, у аристократов так принято. Ле Сур многозначительно посмотрел на сына: видит ли тот, с каким почтением обращается к нему благородный и теперь уже богатый человек?

– Господина Вийона сегодня нет с вами? – осведомился де Синь.

– Нет, месье. Он в отъезде.

Они поговорили о том о сем. Де Синь не мог подробно расспрашивать Ле Сура о его делах, поскольку тот грабил людей. Но юный Ришар хотел знать, какой была свадьба молодого месье, и потому, стараясь не подчеркивать контраста между богатством описываемых им сцен и бедностью окружающей обстановки, де Синь рассказал о ярких нарядах гостей и об угощениях.

– Огромный олений окорок. Кабанья голова, нафаршированная сладостями. Пирог с начинкой из... я не знаю... из сотни голубей. Ах, – повел он носом мечтательно, – какой у него был аромат!

– А вино, месье? – расспрашивал Ришар.

– Сколько захочешь.

– Много ли было гостей? – спросил Ле Сур.

– Я никогда не знал, что у меня столько добрых друзей. – Ги улыбнулся.

– Берегите свои деньги, месье, и тогда в друзьях у вас не будет недостатка.

– Это я знаю, – тихо сказал Ги. – Вы же помните, не так давно я был беден. – И добавил, догадавшись о мыслях собеседника: – Наши владения и замок кое-чего стоят, но чтобы продать их, сначала пришлось бы немало в них вложить.

Они обсудили последние новости из королевского дворца. А потом Ги высказал предположение, что, вероятно, в недалеком будущем он сможет поспособствовать тому, чтобы стихи месье Вийона были напечатаны.

И вдруг дверь таверны распахнулась.

Ле Сур поднял взгляд. В зал вошел молодой человек с мечом в руках.

– Именем короля, никому не двигаться! – крикнул он, стремительно приближаясь.

Один из людей Ле Сура, стоящий у двери, нацелился ножом в спину вошедшего, но успел лишь издать крик: второй мечник, ворвавшись следом за первым, вонзил ему клинок между ребер. А за этими двумя шли еще и еще воины: пять, десять, пятнадцать человек набились в низкий темный зал, и каждый держал наготове меч. Воры и убийцы, находившиеся в тот момент в таверне, поняли сразу: у них нет ни шанса. В их логово вторглись молодые сильные рыцари, обученные обращаться с оружием. Придя с именем короля на устах, они получили полное право делать все, что захотят. А также было у них и еще одно преимущество: все они были знатного рода, а значит, привыкли ни перед чем не останавливаться.

Убивая оленя, охотник может увидеть и оценить красоту и благородство Божьего творения. Но когда рыцарь сталкивается с людьми, подобными обитателям таверны «Встающее солнце», то убивает их без всякого сожаления, будто крыс. Люди Ле Сура прекрасно знали об этом.

Сам главарь отвлекся на рыцарей, заполняющих таверну. А Ги де Синь подскочил со скамьи, выхватил меч и, прежде чем Ле Сур успел обернуться, прижал лезвие к горлу своего недавнего собеседника.

Маленький Ришар тут же взялся за нож, чтобы защитить отца.

– Оставь нож, сын мой, – властным голосом остановил его тот. – Не двигайся.

– Вот тот, кого вы искали, Гренаш, – четко прозвучал в тишине, наполненной тяжелым дыханием, голос де Синя. – Кошель у его ног.

Рыцарь, ворвавшийся первым, подошел к столу. Ле Сур наблюдал за ним. Осторожно, кончиком меча Шарль де Гренаш дотянулся до своей денежной сумы и подтащил ближе к себе, на открытое место. Так же, действуя клинком, он подцепил кошелек и поднял его на стол.

– Это мои деньги, – подтвердил он. Затем развернулся и стал оглядывать комнату. Наконец его взгляд остановился на Сутулом. – А это тот негодяй, который украл их.

– Он работает на этого злодея, – сказал де Синь. – Они все ему подчиняются. Вот почему кошель был у него. А зовут его Ле Сур.

Ле Сур был матерым воров и многое повидал на своем веку. Не раз доводилось ему убивать. Он ведь заподозрил неладное, когда де Синь появился вдруг сегодня в таверне, а теперь проклинал себя за то, что попался в ловушку, расставленную мальчишкой.

Но при этом он был потрясен полным преобразованием аристократа. Прежняя вежливость де Синя, искренность и откровенность – все исчезло в мгновение ока. При всей жестокости Ле Сура такое коварство было выше его понимания. Он смотрел на знатного юношу с обидой и с трудом верил своим глазам.

Но потом его словно осенило, и он проник в душу Ги де Синя. Раньше они оба были бедны, теперь молодой человек разбогател, но это почти ничего не меняло. Главное то, что Ги де Синь был аристократом, а Жан Ле Сур – нет, и сословные различия создавали между ними пропасть гораздо шире, чем разница состояния. Раньше молодой человек носил маску. Теперь, в окружении своих знатных друзей, сбросил ее за ненужностью.

Для Ги де Синя гостеприимство Ле Сура не значило ничего. Предложенная дружба – безделица. Его честь – ибо своя честь имеется даже у воров – пустое место. Сама его душа, потому что даже у воров есть душа, которая жаждет спасения, – мелочь. Для де Синя Ле Сур значил меньше лошади или собаки, скорее был чем-то вроде крысы. Потому что он не аристократ. Жан Ле Сур понял все это и посмотрел на сына, и его сердце затопила горечь.

– Ну, Ле Сур, – сказал Шарль де Гренаш, – тебе и твоему сутулому другу светит виселица.

Прошел месяц, и наступило утро последнего дня в жизни Жана Ле Сура. Вместе с Сутулым его держали в тюрьме Шатле. Само собой, прево приказал пытаться их. Он не сомневался, что Ле Сур совершал убийства, и хотел получить признания. На это потребовалось время, но признания были добыты. Боль заставит признаться в чем угодно, особенно если знаешь, что все равно умрешь. В этом есть здравый смысл.

Заверения Сутулого, что он-де принадлежит к духовенству, были быстро опровергнуты. У него не имелось ни единого доказательства, и он не умел читать. Его повесили днем ранее на городской виселице. Но Ле Сур был особенным. Из его казни следовало устроить назидательное зрелище. К тому же народ обожает смотреть, как погибают знаменитые преступники.

Рано утром на пустыре рынка Ле-Аль – там, где Ле Сур вершил свои злодеяния, – возвели высокую платформу, а на ней установили виселицу. Посмотреть на его казнь сможет весь рынок. И день выдался солнечный.

Ему позволили повидаться с сыном.

– Ты будешь смотреть? – спросил он мальчика.

– Не знаю. Ты хочешь, чтобы я пришел?

– На Ле-Аль из Шатле меня повезут в открытой повозке, чтобы показать всему городу. На это можешь посмотреть. А потом уходи. Ты ведь знаешь, что со мной сделают? Сначала повесят, а потом тело снимут и отрубят голову.

– Знаю.

– Я не хочу, чтобы ты это видел.

– Хорошо.

– Уходи, как только мы подъедем к рынку. А иначе тебе захочется остаться.

– Ты найдешь меня в толпе? Я не знаю, где буду стоять.

– Нет, я не буду тебя искать. Я должен стоять с гордо поднятой головой. Не пытайся махать мне или как-то привлечь мое внимание. Обещаешь?

– Обещаю.

– Ты виделся с Вийоном?
– Нет. По-моему, его нет в Париже.
– Он закончит так же, как я.
– Ничего бы с тобой не случилось, если бы не проклятый де Синь.
– Меня бы все равно вздернули. – Отец отрицательно покачал головой. – Мне просто повезло, что этого не случилось раньше.
– Если он вернется, я убью его.
– Ни в коем случае. Это приказ. Не хочу, чтобы тебя тоже повесили.
– Что же мне делать, папа? – Голос мальчика задрожал, хотя до этого он держался молодцом.
– Пойди учеником к какому-нибудь ремесленнику. Ты знаешь, где спрятаны деньги. Там хватит заплатить мастеру за учебу. Я и сам собирался в следующем году устроить тебя куда-нибудь.
– Почему?
– Воровство не принесет богатства. И ты никогда не будешь в безопасности. А потом... потом вот это. – Он пожал плечами. – Это моя вина. Я старался научить тебя тому, что сам умею, на это ушло много времени, и все впустую.
– Ну, не знаю, папа... Хотел бы я, чтобы у меня была мама.
– У тебя ее нет, поэтому делай, как я тебе говорю.
– Ладно.
– А что касается де Синя... Забудь про него. Скорее всего, вы больше никогда не встретитесь, но лучше и не думай о нем. Но кое-что ты должен запомнить о знати – не только о де Сине, обо всех аристократах. Им плевать на нас. Просто запомни это. Делай для них все, что должен, потому что у них власть. Не знаю, всегда ли так будет, но сейчас они главные, так что никогда не вставай у них на пути. Только помни: что бы они ни говорили, никогда не доверяй им. Потому что им наплевать на тебя, ведь ты не один из них.
Лязгнули запоры – пришел тюремщик.
– Попрощайся с отцом, – велел он мальчику.
Они поцеловались.
– А теперь уходи.
Часом позже Ришар услышал, как взревела толпа, и понял, что у него больше нет отца.

Глава 9

1897 год

Начался октябрь. Мысленно обозревая семью, Жюль Бланшар приходил к выводу, что у него нет оснований беспокоиться за дочь. Мари обладала всеми качествами, которые должна иметь молодая женщина.

Ее прическа изменилась: детские золотые кудри уступили место светло-каштановым локонам, разделенным посередине пробором и уложенным мягкими волнами. Но глаза остались ярко-голубыми, и цвет лица у Мари был безупречный, нежный, как персики в сливках. Отец обожал ее. Несомненно, она быстро выйдет замуж, и Жюль молил небеса, чтобы будущий муж, кем бы он ни был, не увез его дитя далеко от родительского дома.

Мальчики очень отличались друг от друга. Оба прекрасно закончили лицей Кондорсе, но после этого их пути разошлись.

Жерар оправдал все надежды, которые только мог возлагать отец на первенца. Он с охотой вошел в семейное дело и усердно работал. Жюль не сомневался, что в нужный момент сможет передать старшему сыну все бразды правления. Никаких хлопот Жерар отцу не доставлял и несколько месяцев назад женился на подходящей девушке – из хорошей семьи и с приличным состоянием.

Но вот с его младшим братом дела обстояли иначе. Марк принес отцу немало переживаний. Нет, тот факт, что Марк поступил в Школу изящных искусств, не вызвал у главы семьи возражений. Жюлю нравился классический фасад школы: он так внушительно смотрелся на левом берегу Сены, напротив Лувра. Заведение обладало определенным престижем, и потому приятно было обронить в обществе, что там, мол, учится младший сын. Но Жюль с самого начала предполагал, что после учебы Марк найдет себе достойное занятие в сфере искусства, а размазывать краску по холсту перестанет. Да, Марк написал отличный портрет матери, который стал украшением зала в их просторных

апартаментах. И все-таки Жюль предпочел бы видеть сына одаренным любителем, а не профессиональным художником.

Жена разделяла его мнение. И только сестра Элоиза встала на сторону мальчика.

– Если он хочет сделать карьеру в торговле предметами искусства, то я могу помочь ему, – сказал как-то Жюль сестре. – Я знаю семью Дюран-Рюэлей. У них сейчас в Париже три галереи и еще одна в Нью-Йорке. В последнее время импрессионисты хорошо продаются, и галереи приносят доход. Думаю, я сумел бы раздобыть приглашение и к Дювинам. Они занимаются старыми мастерами, у них можно было бы спросить совета.

– Бог наделил Марка особым даром, – отвечала Элоиза. – В таком случае его долг – применять его. Марк – вольная, артистическая натура.

– Именно это меня и тревожит.

– Ты же сам создал универмаг «Жозефина».

– Это совсем другое.

– Кроме того, – подчеркнула сестра, – художник может стать великим. Вспомни хотя бы Делакруа. Он был бесподобным живописцем. Ты бы гордился таким сыном.

– Хм... – Жюль состроил гримасу. – У Делакруа был Талейран, обеспечивший ему карьеру.

Это было правдой: французский художник получал прибыльные государственные заказы при содействии влиятельного министра, и многие даже считали, что Талейран, близкий друг семьи Делакруа, является настоящим отцом художника.

– Но и у тебя есть ресурсы и связи, – указала на очевидное Элоиза. – И ты тоже приходишься ему отцом.

– Мне просто кажется, что ему все слишком легко достается, – пожаловался Жюль Бланшар, обдумав слова сестры. – Он не страдал. А взять хотя бы меня: сколько лет я мучился, пока работал на отца.

– Не так уж ты и мучился, – заметила сестра.

– Мучился, – стоял на своем Жюль.

– Ему еще придется пострадать, занимаясь искусством.

– Сомневаюсь. – Жюль Бланшар устремил на сестру испытующий взгляд. – Ты действительно веришь, что у мальчика есть страсть к живописи? Ты веришь, что он останется ей верен?

– Не знаю, Жюль. Но если тебе интересно мое мнение, то мне кажется, что ты должен доверять ему. Должен дать ему шанс достичь успеха – или потерпеть неудачу.

Та беседа состоялась два года назад, и вскоре после нее Жюль Бланшар сделал Марку предложение:

– Я буду обеспечивать тебя пять лет. Но если за это время ты не преуспеешь в живописи, тебе придется отказаться от нее и поискать себе другое занятие. Возможно, я буду давать тебе какие-нибудь поручения, но не чаще раза в год. Ты согласен?

– Да, отец. Это звучит разумно.

– Хорошо. Итак, тебе понадобится студия. Есть несколько подходящих помещений между бульваром Османа и вокзалом Сен-Лазар. Там были студии Мане, Моризо и еще нескольких современных художников. И это совсем недалеко от дома.

Марк улыбнулся про себя. Этот район был недалеко от дома и от отцовской конторы. Он не испытывал желания жить под родительским надзором.

– На самом деле ты несколько отстал от времени, – заявил он, и не покривил душой. – Некоторые из тех живописцев, о которых ты говоришь, вообще покинули Париж. Кое-кто переехал на другой берег. Теперь любой художник мечтает о том, чтобы жить и работать у подножия Монмартра, возле площади Клиши.

– Сомнительное место, тебе не кажется?

– Отнюдь нет. И если я собираюсь заняться живописью серьезно, мне следует вращаться в среде единомышленников, согласен? Ты говорил, у тебя будут ко мне просьбы. Какая первая? – проявил он сыновнюю предупредительность и заодно сменил тему.

– Твоя мать подумывает о новых стульях для столовой. Не сделаешь ли ты эскизы? Нужно что-нибудь необыкновенное, привлекающее внимание. А я знаю замечательного мастера, который их изготовит.

Через месяц, как-то вечером придя навестить родителей, Марк разложил на столе свои эскизы. Жюль и его жена были изумлены: ничего подобного они еще не видели. Мягко очерченные, но основательные каркасы стульев покрывал резной узор из плавных линий, похожих на стебли хрупких растений.

– Мне это напоминает готические орнаменты, только осовремененные, – попытался выразить свое впечатление Жюль.

– А я сразу подумала об орхидеях, – сказала его жена. – Что это за стиль?

– У меня есть друг в Школе искусств, – ответил Марк. – Он показывал мне последние работы немецких и английских дизайнеров. Сейчас они в моде.

– У этого стиля есть какое-то название? – поинтересовался Жюль.

– Мой друг называет его модерн. Если вы найдете в себе немного отваги, то станете законодателями моды в Париже.

– Ну... – Жюль посмотрел на жену. – Я действительно просил чего-нибудь необычного. Тебе нравится?

Мадам Бланшар думала о том, какое впечатление произведут такие стулья на гостей. Она представила, как говорит им: «Эскизы разработал наш сын Марк, он окончил Школу изящных искусств».

– К ним нужен такой же стол, иначе они будут слишком выделяться, – решительно заявила она.

– Ага, я надеялся, что ты подумаешь об этом. – Марк развернул еще несколько эскизов: стол, буфет, новое оформление окон и новые обои. – Обои можно заказать в Англии, – объяснил он. – Я нашел подходящий образец еще до того, как начал рисовать стулья. – Он вручил матери каталог. – Боюсь, иметь в семье художника – дорогостоящее удовольствие, – усмехнулся он, глянув на отца.

Жюль думал недолго. Он был предпринимателем и сразу понял, что создал его сын.

– Это смело, – сказал он. – Очень смело. – И кивнул. – Мы сделаем так, как ты предлагаешь.

На следующий день он показал эскизы сестре.

– Но это же просто волшебно! – воскликнула обычно сдержанная Элоиза. – Жюль, у него настоящий талант. Я в восторге! – Она умолкла на пару секунд, а затем тихо добавила: – Знаешь, Жерар – хороший администратор, но он и за тысячу лет такого не придумал бы.

Жюль промолчал, но Элоиза знала, что он считает так же.

Вскоре после этого Жюль повез Марка на улицу Фобур-Сент-Антуан познакомиться с месье Пети, краснодеревщиком.

Пети был маленьким круглым человечком, который двигался со степенной важностью. Он жил над своей мастерской на Фобур-Сент-

Антуан, как и все его предки, начиная со времен Французской революции. Несколько минут он разглядывал чертежи. В это время его дочь, красивая девушка лет шестнадцати, спустилась в мастерскую, чтобы предложить посетителям напитки.

– Меня впервые просят сделать мебель по таким эскизам, месье, – закончив изучать бумаги, обратился Пети к Марку с тем уважением, которое испытывает ремесленник по отношению к состоявшемуся художнику.

Следующие двадцать минут они обсуждали детали: у мастера было множество вопросов относительно размеров, а также он предложил несколько мелких поправок в эскизах, чтобы упростить изготовление мебели. Жюлю приятно было наблюдать, как углубился сын в беседу с мастером – ни тот ни другой не заметили, когда красивая дочь ремесленника появилась в мастерской с чаем.

На выполнение заказа столяру понадобился не один месяц. Несколько раз Пети приглашал Марка в мастерскую, чтобы убедиться, все ли идет в соответствии с замыслом художника. Когда же мебель наконец была готова и прибыли обои, столовая мадам Бланшар, обновленная в стиле модерн, произвела в городе небольшую сенсацию.

Тем временем Жюль сумел найти для Марка два-три заказа на портреты, которые тот написал ко всеобщему удовлетворению.

Успех первого проекта побудил Жюля предложить сыну второй.

Уже довольно давно он подумывал реконструировать свой универмаг. Проблема состояла в том, что Жюль не знал, чего хочет. Но после знакомства с эскизами Марка в его голове стал вырисовываться план.

– Я хочу нечто вроде того, что ты сделал в нашей столовой, но при этом более легкое, воздушное, что ли. Из материалов я намерен использовать стекло и сталь, то есть хотелось бы получить в результате абсолютно современное и в то же время приятное для посетителей помещение. Бóльшую часть нашего ассортимента составляют товары для женщин, не будем забывать об этом. Модерн идеально для них подходит. Сначала мы переделаем один большой зал. Если мне понравится, то возьмемся за весь магазин.

– Это дело огромной сложности, – сказал Марк. – Я нарисую эскизы, но воплощать их в жизнь и контролировать строительные

работы должны профессионалы. Нам придется сотрудничать с архитекторами.

Так они и поступили. Марк нашел архитектурное бюро, а там в свою очередь нашли подрядчиков, которые специализировались на металлоконструкциях.

Хотя Марк говорил, что сам не сможет контролировать ход выполнения работ, его отец замечал, что сын частенько наведывается в мастерскую, где изготавливали стальные детали. И когда началась перестройка здания, Марк приходил в универмаг почти каждый день.

Также Жюль подметил еще одну интересную для себя вещь. У Марка обнаружилась способность располагать к себе людей. Он легко находил общий язык с рабочими, и те относились к нему с симпатией.

– Ты знал, папа, – обратился однажды Марк к отцу, – что прораб монтажников работал с самим Эйфелем – делал и статую Свободы, и Эйфелеву башню?

– Должен признаться, нет, не знал.

– Он очень гордится этим. Его специальность – клепка, но он понимает, что мы делаем. Тебе стоит поговорить с ним как-нибудь.

– Как его зовут? – осведомился Жюль.

– Тома Гаскон.

У самого Жюля на разговоры времени не было, но он радовался, что Марк интересуется такими вещами.

Но когда начался третий год из пяти отведенных Марку на занятия искусством лет, мысли Жюля Бланшара о сыне были полны тревоги. Почему же?

Вероятно, в нем говорило чутье, подкрепленное наблюдениями. Отцу казалось, что Марк слишком много пьет. Не то чтобы сын напивался вдрызг, но раз или два, когда он навещал вечером родителей, его язык слегка заплетался. Жюль посоветовал ему больше двигаться, но сомневался, что Марк послушался. Порой он сам заходил к сыну в студию – большое чердачное помещение в доме рядом с мясной лавкой. Студия была заставлена холстами. Но на вкус Жюля, среди них было чересчур много изображений нагих женских тел. Конечно, этого и следовало ожидать в мастерской художника, но однажды он все-таки не удержался от вопроса:

– Ты когда-нибудь рисуешь одетых женщин?

– Разумеется, папа. Когда ты нашел для меня тот заказ на портрет мадам дю Буа, я написал ее не только полностью одетой, но еще и в шляпе.

То, что существовал также и набросок дамы в одной лишь шляпе, его отцу знать не было необходимости, как и мужу упомянутой дамы.

Когда Жюль поделился своими тревогами с сестрой, Элоиза отмахнулась:

– Мой дорогой Жюль, ты волнуешься не о том члене семьи.

– Что ты имеешь в виду?

– Сейчас твои забота и внимание нужны совсем не Марку, а Мари.

– Она мне кажется вполне довольной жизнью.

– Просто тебе нравится, что она живет с вами. Но Мари скоро исполнится двадцать три года. Девочке нужно найти мужа. Прости меня за резкие слова, но ты пренебрегаешь обязанностями главы семейства. Тебе давно уже пора заняться этим вопросом.

Их было двадцать человек, галантных молодых офицеров, сидящих за сдвинутыми столами. Все они находились в прекрасном настроении, и на то у них была веская причина: ведь сидели они не где-нибудь, а в «Мулен Руж».

И был еще один повод для радости. Следующую ночь один из них проведет с красивейшей женщиной Парижа. Но кто?

Кабаре «Мулен Руж» оказалось гениальной задумкой. Открытое всего несколько лет назад, оно уже стало легендой.

Расположено заведение было у подножия холма, на широком и тенистом бульваре Клиши, который являлся границей между сплоченными рядами кварталов барона Османа и крутобоким хаосом Монмартра. Кабаре построили на бывшем садовом участке, втиснутом между двумя респектабельными шестиэтажными домами. Низкий прямоугольный фасад стал краем платформы, на котором установили почти полноразмерную модель ветряной мельницы, выкрашенную в ярко-красный цвет.

Даже по меркам пышной Belle Époque – Прекрасной эпохи, как назовут позднее этот период, «Мулен Руж» была экстравагантна. Одиозные старинные мельницы на вершине холма с незапамятных времен были частью пейзажа, но эта кричащая модель явилась дерзким вызовом буржуазному бульвару, каковой и задумывалась.

И в этом была ее прекрасная, истинно французская сущность.

Начиная со времен Людовика XIV правительства пытались навязать строгий классический порядок древним разноплеменным землям Франции (каждая из которых имела собственный диалект и по два десятка собственных сыров), и не всегда это проходило безболезненно. И даже здесь, в столице страны, духи старого, средневекового Парижа, духи рынков, аллей и толчеи то и дело пробивались наружу. Словно яркие цветы и непочтительные сорняки, они прорастали сквозь бетонированные поверхности и суровую упорядоченность монархов, бюрократов и полицейских.

«Мулен Руж» была одним из таких сорняков, нахального красного цвета. И в нем исполняли лучший канкан в Париже.

Туда ходили все: рабочие, «ночные бабочки», парижане среднего класса и аристократия. Там бывал даже принц Уэльский.

Молодые офицеры были из аристократов, и все служили в одном полку. По большей части они располагались в других местах, чаще всего на восточной границе Франции, но так случилось, что сейчас их полк стоял в Париже, и они были намерены взять у него все.

Как было принято в аристократических кругах того времени, офицеры посещали один и тот же бордель. Все подобные заведения Парижа подчинялись законам, и дважды в неделю там проводился медицинский осмотр, а самые изысканные из них напоминали особняки, комнаты в которых могли быть оформлены в том или ином экзотическом стиле – мавританском, вавилонском, восточном. Принц Уэльский, приезжая в Париж, любил захаживать в один шикарный бордель, где пристрастился принимать персональную ванну с шампанским. Публичный дом, куда ходили офицеры полка, стоял в квартале между Оперой и Лувром. Он был неприметным снаружи, восхитительным внутри, и среди его клиентов имелось несколько знатных персон.

Но превыше любых борделей ценились куртизанки, *grandes horizontales*. Многие из них состояли на содержании у того или иного богача, тогда как другие сходились с мужчиной порой лишь на одну ночь. Наиболее удачливые куртизанки имели шанс выйти замуж за состоятельного пожилого клиента, может быть даже с титулом. Оставаясь вдовами в довольно молодом возрасте, далее они жили в свое удовольствие и заводили салоны. И конечно же, обзаводились новыми

любовниками, если только те понимали, что от них ждут подарков, в том числе денежных, в благодарность за проявленный интерес.

Куртизанка, известная как Прекрасная Елена, наиболее славна была своим обаянием. Проведенная с ней ночь считалась величайшим достижением. И стоила очень дорого. Даже самые богатые из молодых офицеров-аристократов не могли позволить себе такую роскошь. И потому придумали остроумный план.

Каждый из двадцати офицеров внес одинаковую сумму, превышающую стоимость визита в тот неприметный бордель возле Оперы. Сегодня вечером они собирались тянуть жребий, кому достанутся собранные средства, предназначенные для оплаты визита к Прекрасной Елене. А перед тем хотели выпить шампанского и посмотреть представление в «Мулен Руж».

Роланд де Синь раньше никогда здесь не бывал. Обычно он посещал варьете «Фоли-Бержер»: оно было расположено ближе к центру и ему нравились тамошние первоклассные комедии и современные танцы. До «Мулен Руж» с ее более пикантной программой он так и не дошел. Само собой, как только товарищи обнаружили этот факт, де Синь подвергся дружному поддразниванию, которое переносил добродушно и с юмором.

Товарищи по оружию хорошо относились к Роланду. Он с самого начала проявил прекрасные способности к службе. В Сен-Сире он был одним из лучших учеников класса. Что было еще более важно для его знатных компаньонов, в Школе верховой езды в Сомюре Роланд выказал такое мастерство, что чуть было не попал в элитную конную команду «Кадр Нуар». Он был хорошим полковым офицером, его уважали солдаты, а друзья ценили за верность и чувство юмора. Его знали как человека, который всегда говорит правду. И внешность у него была самая что ни на есть кавалерийская: ростом он даже слегка обогнал отца, волосы носил на прямой пробор, откуда они расходились коротко подстриженными волнами. У него также были небольшие аккуратные усы, зачесанные наружу, но не подкрученные. В общем, внешностью Роланд обладал весьма приятной и при этом мужественной.

Но иногда в его синих глазах можно было заметить тихую задумчивость или даже тень гордой меланхолии. Его братья-офицеры считали своей обязанностью дразнить его и по этому поводу.

– Все-таки есть в вас что-то загадочное, де Синь, – заметил один из них и сейчас. – Должно быть, у вас, как у Атоса из «Трех мушкетеров», есть прошлая жизнь, которую вы держите в секрете. Или тайная печаль. Это женщина?

– Ну конечно! – вскричал самый юный из офицеров. – Расскажите нам, де Синь. Мы никому не откроем вашего секрета. По крайней мере десять минут!

– Нет, – поправил их капитан, старший по званию и по возрасту. – В этом статном кавалеристе скрывается идеалист. Однажды, де Синь, вы станете героем, таким же знаменитым, как великий Баярд – рыцарь без страха и упрека! Или же удивите нас всех и удалитесь в монастырь.

– В монастырь?! – воскликнул младший офицер. – О чем вы говорите? Мы же в «Мулен Руж», черт побери!

– Согласен, – улыбнулся Роланд. – Любой, кто хочет стать монахом, будет немедленно выдворен из кабаре. – Пора было покончить с этими догадками относительно его характера. Он осмотрел стол. – Кажется, нам нужно еще шампанского.

Капитан подал официанту знак, и тот подскочил к их столу.

– Еще шампанского, Люк.

– Сию секунду, господин капитан.

Через несколько минут началось представление.

Нужно признать, думал Роланд, в своей сфере «Мулен Руж» достиг высочайшего уровня. Похожий на пещеру зал вмещал дюжины столиков, но с любого места сцена была хорошо видна. Атмосфера заведения частично создавалась его необычным освещением: газовые фонари давали теплый свет, а новинка – электрические лампочки дополняли его, заливая зал искрящимся сиянием. Все это великолепие к тому же отражалось в огромном зеркале у сцены, и общий эффект был одновременно и смелым, и волшебным.

Оркестр был бесподобным. И конечно же, труппа.

В тот вечер программа была смешанная: экзотические танцы, акробатические этюды, в которых танцовщицы одна за другой картинно падали на шпагат, и, конечно, тот танец, который стал визитной карточкой «Мулен Руж», – канкан.

– Жаль, что вы не видели, как пляшет канкан Ла Гулю, – сказал капитан Роланду.

Тот кивнул, понимая, о чем речь.

За те пять лет, что Ла Гулю выступала в кабаре, она стала легендой. Теперь у нее был свой цирк. Но сменившая ее на сцене «Мулен Руж» танцовщица Жанна Авриль, уже прославившаяся благодаря плакатам Тулуз-Лотрека, была столь же талантлива. Но если Ла Гулю была более яркой и вызывающей, то Авриль отличалась более изысканным стилем.

На сцену вышли танцовщицы в шелковых платьях, черных чулках и экстравагантных пышных нижних юбках. Начали они с того, что, стоя в ряд, стали поднимать юбки и вскидывать ноги. Потом ряд распался – танцовщицы выделяли сложные фигуры танца, ноги взлетали все выше. Одна сделала колесо, две другие сели на шпагат. Потом красотки выстроились в две линии, и появилась Жанна Авриль.

Все девушки труппы были в отличной физической форме, но Авриль превосходила всех. Танцовщицы, делая махи ногами, опирались друг на друга в общем ряду, но она могла стоять на одной ноге, словно балерина, и выделять второй махи и полумахи, вращаясь вокруг своей оси. Минуту за минутой, пока труппа повторяла движения канкана во все ускоряющемся темпе, Авриль впереди исполняла свою партию, пока наконец не опустилась одним молниеносным, текучим движением на шпагат: казалось, ничего не могло быть естественнее.

Это был канкан и в то же время нечто большее. Это был шедевр.

Танец закончился, и зрители как один встали с мест. Но никто не вскочил на ноги быстрее, чем Роланд.

– Прекрасно! – кричал он, аплодируя.

Когда публика выплеснула свой восторг, конференсье объявил перерыв, который нужен был оркестру перед началом танцев.

Для офицеров за сдвинутыми столиками настал долгожданный момент. Капитан взял на себя руководство.

– На этом листе, – сказал он, вытаскивая бумагу из кармана, – написаны имена двадцати офицеров, пожелавших участвовать в жеребьевке. Против каждого имени – цифра. Те же цифры – на этих карточках... – Капитан ловким жестом предъявил их компании. – Пожалуйста, посмотрите. – Он церемонно разложил квадратики бумаги на столе. – Очень хорошо. Чтобы обеспечить абсолютную непредвзятость, я приготовил повязку для глаз. – Перед офицерами

появился черный шелковый платок. – Люк! – позвал капитан официанта. – Принеси нам большую супницу.

Люк немедленно исполнил приказ.

Роланд обратил внимание, что их официант был весьма привлекательным молодым человеком, с умным лицом и темными волосами, прядь которых то и дело падала на высокий лоб. Он мог быть как французом, так и итальянцем, решил Роланд. Но определить возраст официанта он затруднялся. Проворство движений свидетельствовало, что вряд ли ему больше двадцати, однако свободные, искусственные манеры предполагали более зрелый возраст.

– Люк, – обратился капитан к официанту, – сейчас я завяжу тебе глаза. – И обернул черный платок вокруг его головы.

Войдя в «Мулен Руж», Жак Ле Сур не сразу заметил офицеров. Он их и не искал, так как пришел сюда с другой целью – потанцевать.

Жак был занятым человеком. После краткой карьеры учителя он вернулся к отцовской профессии – стал наборщиком в типографии. Работа была трудной, но Жак умудрялся выкраивать время, чтобы писать статьи в различные социалистические журналы, которых в последнее время появилось множество. Сегодня у него был выходной, и он посвятил его сбору материала для статьи об анархистском движении, которую писал для «Рабочей партии».

Потрудиться пришлось немало. Он поднялся на Монмартр, где находилось кабаре «Проворный кролик» – колоритное заведение на дальнем склоне холма. В нем любили собираться художники и приверженцы анархических взглядов. Там Жак взял интервью у трех анархистов. Закончил он уже к вечеру.

Анархизм его давно интересовал. В последние годы во Франции произошло немало инцидентов, которые приписывали последователям этого политического движения: взрывались бомбы, погибали люди. Правительство приняло суровые меры, некоторое количество анархистов скрылось в Англии.

Но чего хотел анархизм? Чего он добился своими акциями?

Среди левых существовало великое множество направлений. Если радикализм считать деревом, выросшим на идеалах Великой французской революции, то прививки, сделанные в середине века Марксом и Энгельсом, породили растение с многочисленными ветвями.

Там были прекраснoдушные утописты, профсоюзные активисты, социалисты, коммунисты, анархисты и разнообразные вариации всего перечисленного. Все они противостояли монархии. Все не доверяли Церкви. И все мечтали об идеальном обществе свободных людей. Но каким будет такое общество и как к нему прийти, оставалось предметом бесконечных дискуссий, а идеи анархизма обсуждались с особым жаром.

Ле Сур знал, что истинное анархическое движение, такое, каким его видели Прудон во Франции и его последователи Бакунин и Кропоткин, призывает уничтожить государство и установить на его месте утопический мир дружественных коллективов. Для этих людей вспышки насилия, взрывы бомб и террористические акты были всего лишь катализатором – шоком, необходимым для запуска всеобщей реакции, которая снесет морально несостоятельное государство. Ожидалось, что вместе с ним чудесным образом исчезнут бедность, эксплуатация и страдание.

Жак не поддерживал анархизма. Он полагал, что основатели анархистской философии являлись мечтателями-утопистами, а большинство их последователей считал опасными фанатиками. Три человека, с которыми он побеседовал в течение дня, только подкрепили его худшие опасения.

Научились ли они чему-нибудь на опыте Парижской коммуны? Той, за которую боролся и погиб его отец? Во время своего краткого существования она успешно управляла Парижем. Но у нее не было настоящей армии. Коммунары не сумели организовать себе поддержку за пределами столицы, и силы реакции вошли в Париж и победили Коммуну. С тех пор у власти стоял нынешний режим, республиканский, но коррумпированный.

Чем дальше он слушал своих сегодняшних собеседников, тем больше убеждался, как прав был, взяв за образец Коммуну своего отца. Анархисты, с которыми он говорил, хотели бросить бомбу и убежать. На этом, как будто считали они, их ответственность заканчивалась. Но его отец с товарищами встали на защиту своих идеалов, сражались за них, пытались построить что-то осязаемое и погибли за это.

А если сравнить этих анархистов с другой героиней, Луизой Мишель? Она воевала за Коммуну на улицах Монмартра. Потом, во время суда, Луиза призывала правительство казнить ее. «Всадите в

меня пулю! – крикнула она. – Потому что иначе я снова буду бороться с вами». И нет сомнений, что ее бы расстреляли, не будь она женщиной. Но Луиза Мишель сделала именно то, что обещала. Проведя бóльшую часть жизни в ссылках и тюрьмах, она, выходя на свободу, учила, проповедовала революцию и даже вновь брала в руки оружие. Люди называли ее анархисткой, но Жак Ле Сур считал ее революционеркой в высшем смысле этого слова.

Возможно, размышлял он, это сравнение станет основой его статьи.

Жак уже очень давно пришел к выводу, что марксисты правы. Должна быть центральная организация. Должна быть реальная политическая поддержка. Всего несколько дней назад еврейские рабочие России и Польши образовали партию с целью продвигать идеи социализма и равные права для женщин. Они назвали партию Бунд^[4]. Вот пример того поступательного развития политической силы, которое необходимо для подготовки революции.

А когда придет время революции, то – кто знает? – она может стать и всемирной. Жак очень надеялся, что так и будет. А до тех пор бомбы анархистов будут в равной степени бессмысленны и жестоки.

Четыре часа он выслушивал тех людей из «Проворного кролика», которые считали, что насилие может быть самоцелью, и пришел к заключению, что все они – тщеславные, себялюбивые безумцы. Ему стало противно, и он ушел.

Жак спустился с холма к бульвару Клиши и, увидев яркие огни кабаре «Мулен Руж», решил зайти туда и расслабиться немного. Он, разумеется, революционер, но танцевать все равно любит.

Как обычно, большой зал был набит до отказа. За некоторыми столиками сидели женщины – в одиночку и группами. Кто-то пришел в надежде найти клиентов. Другие просто хотели хорошо провести время. В любом случае высокий, темноволосый и умеющий танцевать Жак всегда легко находил себе партнершу. А когда хотел чего-то большего, то и тогда не возникало затруднений. С него и денег не брали.

Само собой, когда революция свершится, подобным проявлениям буржуазного декаданса будет положен конец. Большинство единомышленников Жака считали, что даже владельцам маленьких кафе не будет места в новой жизни и на замену им придут кооперативы.

В Париже уже было немало продуктовых кооперативов. Даже когда магазинчиком или крошечным кафе владеет семья, все равно собственники извлекают прибыль и эксплуатируют наемный труд.

Но эти мысли Жак отложил на потом, сейчас он хотел отдохнуть. Его взгляд обежал столики, за которыми сидели дамы.

Справа раздался многоголосый рев. У длинного стола стоял официант с завязанными глазами, а сидящие вокруг молодые люди в военной форме со смехом хлопали в ладоши и кричали:

- Браво, де Синь!
- Шампанского!
- Нет, устриц! Принесите устриц.
- Честь нашего полка теперь в ваших руках!
- Честь нашего полка у вас между ног!
- Устриц де Синю!

Один из офицеров встал, чтобы снять повязку с головы официанта. Тот с широкой улыбкой отвесил поздравительный поклон виновнику ликования.

– Что там происходит? – спросил Жак, когда официант, все еще улыбаясь, прошел мимо его столика.

– О, нечто весьма забавное, месье. Два десятка молодых офицеров-кавалеристов скинулись, чтобы один из них мог заплатить за визит – как бы это выразиться? – к одной из самых желанных дам Парижа. Я имел честь тянуть жребий. – Он одобрительно хмыкнул. – Что тут скажешь, кавалерия знает, что такое стиль.

– Мне показалось, я услышал фамилию де Синь. Не сын ли это виконта де Синя?

- Мне это неизвестно, – сдержанно ответил официант.
- Это древний род, – светским тоном заметил Жак.
- О да, месье.

Жаку хотелось уточнить, о какой даме шла речь, но ему не понадобилось задавать этот вопрос. Молодой офицер, покачиваясь, встал и провозгласил тост:

- За нашего благородного друга де Синя и Прекрасную Елену!
 - Счастливчик, – улыбнулся Жак Ле Сур.
- Весь Париж слышал о Прекрасной Елене.

– Завтрашнюю ночь этот господин проведет в раю, – произнес официант, уходя.

– Вот уж верно, – задумчиво сказал Жак.

Потом он снова обратил внимание на женщин в зале. Среди них были одна или две, с которыми Жак уже танцевал раньше. Лично он намерен провести в раю сегодняшнюю ночь.

Через несколько минут Люк снова остановился у стола офицеров.

– Прошу простить меня за смелость... – негромко обратился он к Роланду. – Я слышал, что интересующая вас дама особенно благосклонна к тем, кто присылает цветы перед визитом. Причем цветы ей нравятся не всякие. Если позволите, месье, я мог бы договориться от вашего имени с цветочником. Думаю, вы будете весьма довольны результатом.

Роланд был удивлен – и удивлен неприятно. Почему официант лезет в его дела?

– Мой дорогой друг, вы можете доверять Люку, даю вам слово! – вмешался капитан, прежде чем Роланд успел поставить наглеца на место. – Он знает все, что только нужно знать в Париже. – Капитан лукаво подмигнул официанту. – Откуда ему это все известно, лучше не спрашивать. Но если вы поручите заказать букет для вашей дамы, то не пожалеете. Дайте ему денег, и он обо всем позаботится.

– Сколько? – хмуро поинтересовался Роланд.

Люк наклонился и прошептал ему что-то на ухо.

– За цветы? – изумился Роланд и с подозрением воззрился на официанта.

– Что, особенные цветы, да? – Капитан глянул на Люка.

– Совершенно особенные, господин капитан, – тихо подтвердил Люк, и капитан кивнул.

– Мой дорогой де Синь, – сказал он Роланду, – послушайте моего совета. Поручите это дело моему приятелю Люку. Поверьте, вы не пожалеете.

Почти сутки спустя Роланд де Синь ехал в закрытом экипаже от Триумфальной арки по авеню Виктора Гюго. Вечер был прохладный, но приятный. В небе висел молодой месяц. В неярком свете уличных фонарей Роланд смотрел на пожелтевшие кроны деревьев по обеим сторонам улицы.

Он был взволнован, и по вполне понятным причинам.

Когда товарищи поддразнивали его прошлым вечером, то проявили тем самым недюжинную проницательность. К двадцати пяти годам Роланд де Синь ни разу не пожалел о том, что избрал военную карьеру, и был счастлив. Он дорожил братскими отношениями, принятыми среди офицеров, и гордился своим полком не меньше, чем своим именем. Однако он не мог забыть о том, что является де Синем, чья жизнь должна идти «согласно Божьей воле», как требовал фамильный девиз.

Означало ли это, что он романтик? Конечно, многие бы сказали, что его трактовка отношений семьи с монархией, Богом и родиной, этим почти мистическим понятием, была романтической. Но именно ощущение причастности к роду лежало в основе его готовности исполнить любую благородную задачу, которую уготовит ему судьба. И если семена этих идей заронил в его душу отец Ксавье на прогулке по саду Тюильри, о которой Роланд давно уже позабыл, то вся его жизнь до сих пор только питала и укрепляла эти идеи.

А его вера в Бога – не сводилась ли она к чувству семейной гордости? Он гордился воспоминаниями о том, как мать молилась вместе с ним, и эти воспоминания были для него столь же святы, как пламя неугасимой лампы над Святыми Дарами в католическом храме. Более того, за это крошечное пламя он готов был пожертвовать собой в надежде на великий свет после жизни. Потому Роланд де Синь бесстрастно взирал на копошащихся вокруг людей, и желание социалистов излечить скверну бытия лишь преобразованием материальной сферы казалось ему заблуждением. Они же в свою очередь считали иллюзорными его надежды на искупление.

Ни одно из этих соображений не мешало Роланду быть хорошим товарищем для братьев-офицеров, а уж ханжой он точно не был. Привередливый – да, и это его свойство не укрылось от хозяйки борделя, который он посещал с офицерами полка, и в первый же его визит она предложила ему одну из самых прелестных девушек. В любом случае женщин он любил и полагал тот успех, который имел у них, таким же свершением на пути становления мужчины, как и окончание Сен-Сира или «Кадр Нуар». Плотские утехи считались грехом, но с этим Роланд справлялся: ходил в положенное время на исповедь и исполнял наложенную епитимью. Для себя же лично де Синь решил следующее, хотя не обязательно облек мысль именно в

такие слова: Бог, предназначив ему быть аристократом, наверняка понимает, что ему необходимо вести себя в соответствии с общепринятыми правилами.

Действительно, сегодняшнее приключение было событием, которым де Синь мог по праву гордиться. Оно было почти столь же почетно, как зачисление в «Кадр Нуар». Он собирался провести ночь у самой знаменитой куртизанки Парижа, в том числе и ради умножения славы рода. Это было свершение, о котором потом можно рассказывать сыновьям и внукам – когда они достигнут определенного возраста, разумеется.

Экипаж подъехал к перекрестку, где авеню Виктора Гюго сливалась ненадолго с улицей Помп, и свернул направо, на тихую, но элегантную улицу Бель-Фёй. Улица Красивой Листвы – она получила это название благодаря пышным деревьям, которые ранее украшали ее. По короткому уклону она выходила на самую широкую и величавую из авеню, лучами расходящихся от Триумфальной арки. Эту авеню облюбовали дипломаты, их резиденции чередовались с посольствами не самых важных стран. Среди них, в маленьком изысканном особняке, к входу в который вело полдюжины мраморных ступеней, и жила Прекрасная Елена.

Жак Ле Сур прибыл туда двумя часами ранее, сразу после наступления сумерек. Узнать, где живет Прекрасная Елена, не составило труда. Он помнил ее настоящее имя и с помощью нескольких справочников раздобыл нужный адрес.

Сначала он постоял в верхней точке авеню и понаблюдал за тем, что происходит на всем его протяжении. Было очевидно, что место очень тихое: за десять минут он увидел всего одного прохожего. Потом Жак, будто гуляя, прошел по авеню, чтобы изучить дом куртизанки и ее ближайших соседей. Затем свернул на другую улицу и выждал некоторое время. Дома на этой авеню стояли еще дальше от проезжей части, чем даже на Елисейских Полях, и от Триумфальной арки открывалась перспектива такая широкая, такая внушительная и такая безлюдная, что почти пугала. И это обстоятельство, подумал Жак, весьма соответствует той миссии, которую он намеревался исполнить.

Потому что этим вечером оборвется жизнь Роланда де Синя.

Чуть позднее Ле Сур вновь вышел на авеню, только теперь в противоположном конце. На этот раз он искал место, где можно было бы укрыться. Это было нелегко, но ему удалось разглядеть в соседнем доме вход для прислуги. То, что над той дверью не горел свет, не только было полезно для целей Ле Сура, но и говорило о том, что в темное время суток ею не часто пользуются. Еще одним плюсом было то, что дверь выходила не на улицу, а в боковой проход, что делало ее еще менее заметной.

Ле Сур рассматривал найденное укрытие с безопасного расстояния, когда перед особнячком куртизанки остановился экипаж.

Не может быть, чтобы де Синь заявился так рано. Ле Сур еще не был готов. Но оказалось, что все в порядке: из экипажа с огромным букетом цветов вышел человек, показавшийся Жаку Ле Суру смутно знакомым. Прибывший без колебаний направился к боковой двери, которую ему открыла горничная. Жак увидел, что посланец с цветами обменялся с горничной парой фраз, отдал цветы и развернулся, чтобы идти обратно. И в этот миг Ле Сур узнал его: это был тот официант, с которым он вчера беседовал в «Мулен Руж». Ну или кто-то очень похожий на него. Человек глянул в ту сторону, где стоял Ле Сур, но без задержки проследовал к экипажу, и тот немедленно тронулся с места. Скорее всего, случайное сходство. А если это в самом деле тот официант, то он явно не вспомнил Ле Сура. И Жак выбросил происшествие из головы.

Разведав все, что необходимо, он покинул улицу Бель-Фёй. Ведь ему предстояло выполнить еще одно не менее важное дело. Нужно было спланировать, как скрыться с места убийства.

О самом моменте убийства он не беспокоился. Если на улице будут люди, которые смогут опознать его или броситься в погоню, то он просто не станет стрелять. Тогда де Синь умрет в какой-нибудь другой день. Однако высоки были шансы, что улица останется пустой. Коли судьба подбросила ему такой удобный случай, на это должны быть причины.

Затем, допустив, что де Синь прибудет не пешком, а в карете, надо было подумать о том, что делать с кучером. Скорее всего, тот будет настолько ошарашен, что не успеет ничего предпринять. Но если попытается что-то сделать, тогда, решил Жак, придется пристрелить и его. Так будет проще.

Он бродил по округе около получаса. Главное – пистолет. Жак нашупал его под пальто. Он был надежно спрятан и привязан шнурком к поясу. Ле Сур намеревался поскорее избавиться от него после выстрела. Бросить пистолет можно почти в любом месте, но в тридцати метрах от дома он заметил высокую стену, огораживающую сад какого-то особняка. Пробегая мимо, он запросто сможет закинуть оружие через стену, в гущу деревьев. Логично будет бежать дальше, не меняя направления, тем более что дорога идет там под уклон. Огромная авеню в этот час будет безлюдной. Если достичь ее конца, до которого совсем недалеко, то можно укрыться в Булонском лесу. Имелось только одно «но»: если кто-нибудь заметит бегущего человека, то это неминуемо вызовет подозрения, а полиция умеет неплохо прочесывать ночной лес.

В нижней части Бель-Фёй, не доходя до авеню Виктора Гюго, Жак Ле Сур свернул на узкую улочку, от которой разбегалась сеть переулков. Довольно быстро он нашел маршрут, выводящий его по этим переулкам на авеню Виктора Гюго, где всегда былолюдно, много кафе и кондитерских. Там он сможет легко поймать наемный экипаж или зайти в кафе.

Довольный планом, Жак Ле Сур медленно направился обратно по улице Бель-Фёй. На пути ему никто не встретился. Наконец он дошел до неосвещенной двери, которую присмотрел для себя ранее, и прижался к ней спиной. Затем осторожно извлек из-под одежды пистолет. Теперь оставалось только ждать. Он нисколько не волновался.

Жак Ле Сур всегда знал, что убьет Роланда де Синя, ведь он дал матери клятву, и этого было достаточно. Но также ему было очевидно, что произойти это может не скоро. Он выполнит клятву, когда подвернется случай сделать это без риска. Потому что в его жизни есть и другие, более важные задачи. Мальчиком Ле Сур не мог осознать этого, а теперь понимал.

Как и Роланд де Синь, он верил в высшую цель, в чистый идеал, в свободу человеческого духа. Как и Роланд де Синь, он гордился Францией, матерью революции. Да, американская революция была благородным предшественником, буржуазной революцией для капиталистической страны, шагом на пути, но не более. Истинные идеалы – запятнанные с тех пор диктатурой, компромиссами, коррупцией – были рождены во Франции. А когда установится новый,

интернациональный порядок, Франция займет свое почетное место в истории мира.

Основополагающим убеждением Жака было то, что долгая историческая борьба неизбежно приведет к финалу. Возможно, не сразу, но земной апокалипсис, когда все люди станут свободными – свободными от угнетения, от ложного буржуазного комфорта и предрассудков, – настанет. Это предопределено. И такая уверенность давала ему силы и душевный покой.

Смерть Роланда де Синя – лишь крошечная часть этого процесса, не обладающая особой важностью. Но это долг чести перед его отцом и перед памятью Коммуны, и, когда наступит подходящий момент, он исполнит его.

Ле Сур продолжал следить за жизнью Роланда. Он знал, когда тот отправился в Сен-Сир, когда поступил в кавалерийскую школу, когда уезжал в полк. Но вот о том, что в последнее время полк расквартировали в Париже, он не знал. И с его стороны это было небрежностью.

Вот почему, случайно встретив де Синя в кабаре «Мулен Руж», Жак Ле Сур увидел в этом знак судьбы. Возможность была слишком хороша, чтобы упускать ее. Ничто не связывало бы его с Роландом или Прекрасной Еленой. Узнав об убийстве молодого человека на пороге дома куртизанки, полиция в первую очередь предположит, что это дело рук соперника. Париж немало гордился преступлениями, совершенными на почве страсти. Ле Суру останется лишь растаять в темных переулках.

Как показательно, что аристократ, новый представитель старого монархистского порядка, умрет во время визита к шлюхе.

Жак Ле Сур терпеливо ждал Роланда.

За первый час ожидания на улице он увидел всего полдюжины прохожих. В один из домов вошел слуга, остальные просто шли мимо.

В начале девятого появилась кошка, скорее котенок, маленький и черно-белый. Откуда он взялся, Ле Сур не заметил. Кошечка подбежала к нему и стала тереться о его ногу. Она была такой тощей, что Жак едва ощущал прикосновение легкого тельца. Однако кошка отвлекала его, и он несильно оттолкнул ее ботинком. Это только побудило зверька с азартом подскочить к его ногам снова. Должно быть, кошка решила, что

это такая игра. Теперь она вцепилась коготками в его правую штанину и стала рвать зубами шнурки. Раздосадованный, Ле Сур пнул кошку сильнее – так, что она отлетела к дороге. Обиженное животное приземлилось на четыре лапы, обернулось к Жаку и издало шипение – безусловно, оскорбительное.

И в этот миг показался экипаж, который остановился у дома Прекрасной Елены.

Жак быстро оглядел улицу – ни души. Дверца экипажа распахнулась. Фонарь над парадным входом давал достаточно света, чтобы различить черты Роланда де Синя.

Вон он, момент, которого ждал Ле Сур. Роланд стал подниматься по мраморным ступеням к двери особняка. В тот же миг Ле Сур шагнул из укрытия, крепко сжимая под пальто рукоять пистолета. В мгновение ока Ле Сур уже стоял напротив дома куртизанки. Двигаясь с той же скоростью, он окажется за спиной у аристократа в тот миг, когда тот протянет руку к звонку. Ле Сур сделал еще шаг...

– Кис-кис-кис. Где ты, киска? Кис-кис-кис!

Жак оцепенел. Слуга, которого он видел ранее, вдруг возник со стороны соседнего дома и оказался прямо у него на пути. Лица слуги Жак не видел, но, судя по согбенной спине, это был пожилой человек.

– Кис-кис-кис...

Если они оба продолжают идти, то встретятся прямо у лестницы – там, где Ле Сур планировал нажать на курок. Что еще хуже, Роланд де Синь обернулся на голос. А Жак рассчитывал на то, что офицер, подставив выстрелу спину, будет легкой мишенью.

– Добрый господин, вы не видели маленькой кошечки?

Старый слуга не поднял головы, но вопрос был явно адресован Ле Суру. Де Синь обернулся, но в темноте он вряд ли сумеет разглядеть его лицо. И кучер тоже заинтересовался происходящим.

Так дело не пойдет. Ситуация выходила из-под контроля. Бормоча проклятия, Жак Ле Сур развернулся, пересек улицу и быстро зашагал прочь.

Роланду открыла горничная. У Прекрасной Елены в доме вообще не было мужчин, кроме посетителей, разумеется. Кучер и его сын, исполняющий при отце обязанности конюха, жили во флигеле в глубине сада.

Если мужественно-суровый дом отца Роланда ассоциировался с величественным барочным стилем Людовика XIV, то дом Прекрасной Елены был наполнен легкой атмосферой времен Людовика XV, преемника короля-солнца. В холле слева свернулась спиралью мраморная лестница, ведущая на галерею. Напротив, справа от входа, под позолоченным, старинным на вид зеркалом стоял пристенный столик зеленого мрамора на изогнутых золоченых ножках. На нем красовалась ваза из кремового парижского фарфора, расписанная голубыми и розовыми цветочками; в центре композиции играл на дудочке очаровательный пастушок. В вазе стоял пышный букет. Рядом с ней Роланд заметил небольшой серебряный поднос.

Приняв от него пальто и цилиндр, горничная вполголоса предложила положить на этот поднос конверт – в случае, если у него есть желание такой конверт оставить. Когда это было сделано, она провела гостя в салон. Пообещав, что госпожа скоро выйдет, служанка исчезла, прихватив поднос.

Салон был обставлен золоченой мебелью в стиле рококо. Внимание Роланда привлек прекрасный письменный столик с инкрустированной столешницей и полированными изгибами. Севрский фарфор украшал каминную полку. На стенах висели прелестные картины кисти Буше, Ватто и им подобных: боги и богини, фривольные дамы и вельможи при дворе или в пасторальных ландшафтах, наслаждающиеся собой и жизнью, одетые или не очень. Было здесь и большое полотно – относящийся к текущему столетию портрет красивой дамы, нарисованный с академической точностью, достойной самого Энгра. Модель, одетая в чудесное розовое платье, гуляла по саду, возле нее красовался распущенным хвостом павлин. Повсюду Роланд видел оттенки розового и голубого, изящество и очарование; это была самая женственная комната из всех, в которых ему довелось побывать.

Не прождал он и пары минут, как появилась хозяйка дома.

На Прекрасной Елене было длинное платье из легкого шелка, простого домашнего покроя. Низко вырезанное на груди, оно стремительно сужалось к талии и зашнуровывалось – или расшнуровывалось – на спине.

Выглядела она бесподобно.

Он предположил, что Элен немного за тридцать. Голубые глаза, светлые, как и у него самого, слегка вьющиеся волосы. Но если не считать этого чисто внешнего сходства, они словно родились на разных планетах. Хотя аристократ был тщательно одет, побрит и пострижен, напротив него стояла дама невероятной утонченности, о чем он мог лишь смутно догадываться.

Поддерживать в столь безупречном состоянии ее волосы, кожу и зубы стоило немалых денег. Элен натирали и пудрили, увлажняли и сбрызгивали духами до тех пор, пока она не превращалась в шедевр. Широко расставленные глаза, казалось, видели все. Она держала голову чуть приподнятой, губы – изогнутыми в приятной улыбке. Он уже купил право обладать ею, и тем не менее она держалась с невыразимым достоинством.

– Благодарю вас за прекрасные цветы, – произнесла куртизанка. – Надеюсь, вы заметили их в холле. Вы удивительно точно угадали мой вкус. – Она улыбнулась. – Как вижу, вы понимаете, что цветы должны услаждать и обоняние, а не только взор. Я словно пчела – собираю пыльцу. Но только капельку. Никогда не жадничаю.

Он поклонился и улыбнулся, хотя так и не понял, в чем секрет. Люк доставил не только букет, но и пакетик с кокаином, аккуратно привязанный к стеблю розы. Впрочем, Роланд бы воспринял это открытие без потрясения: в обществе было принято употреблять наркотические средства, к чему были привержены даже столь известные личности, как американский изобретатель Томас Эдисон или английская королева Виктория.

Появилась горничная с двумя бокалами шампанского – низкими и широкими, как тогда еще было в моде. Прекрасная Елена воспользовалась золотой палочкой с крошечной петлей на конце, чтобы удалить пузырьки в своем бокале.

– Я предпочитаю вино без пузырьков, – заметила она, – хотя мои друзья уверяют меня, что это неправильно.

Попивая вино, они начали беседу.

Прекрасная Елена, как следует из ее имени, была красавицей. Но великой куртизанкой она стала благодаря своему умению общаться.

Всего через несколько секунд рядом с ней собеседник почувствовал себя раскованно, а через пять минут уже с головой был погружен в приятнейшую беседу в своей жизни. Хозяйка немного

рассказала о себе, упомянула пару друзей, пересказала несколько забавных эпизодов, но в основном ее интересовал сидящий напротив мужчина. И вскоре она уже знала о нем больше, чем он мог предположить.

Дело в том, что свою славу, особняк, произведения искусства и влиятельных друзей – все это она обрела только благодаря тому, что изучала мужчин. Элен пыталась узнать их сильные стороны и слабости, что они чувствуют и чего хотят, а потом направляла весь свой ум и воображение на то, чтобы сделать их такими счастливыми, какими они еще не были ни разу в жизни. Она исполняла каждое их желание – даже такие желания, о которых они сами не подозревали. А они выражали ей свою признательность так, как свойственно богатым мужчинам. Дом и большая часть художественной коллекции Элен были получены от пожилого промышленника, который женился бы на ней, если бы мог.

На протяжении своей карьеры Элен приобрела не только значительное состояние, но и огромный запас знаний по многим предметам, начиная с финансов и искусства и заканчивая винами и скачками.

К тому времени, когда Роланд де Синь и куртизанка перешли в маленькую столовую, она уже имела неплохое представление о его полке и семье, а также выяснила, что он предпочитает «Фоли-Бержер».

Начали они с икры, за которой последовал изысканный суп из устриц, потом подали различные закуски, в том числе отварной палтус в желе из спаржи. Основным блюдом были фазаньи грудки, фаршированные нормандскими яблоками, – повару Элен они удались на славу.

Еду подавали с превосходными винами, а к фазану вынесли прославленный «Эрмитаж». Однако Роланд заметил, что Прекрасная Елена почти ничего не пьет, и постарался тоже пить умеренно. Блюда были подобраны с таким расчетом, чтобы утолить голод, но не объесться. Освежившись фруктовым мороженым на десерт, они закончили ужин сырами и фруктами. И все время говорили. Она хотела знать о его детстве, вкусах и пристрастиях, взглядах на политику, путешествиях, которых было немного. Никогда еще женщина не проявляла к нему столь глубокий интерес, а уж тем более такая женщина. Ни Роланд, ни его отец не относились к богачам, способным

содержать даму вроде Элен. И впервые в жизни Роланд испытал укол зависти к состояниям банкиров и промышленников.

Когда они подняли тему музыки и заговорили о любимой им оперетте, Элен задумчиво спросила:

– Скажите, мой друг, вы когда-нибудь слышали сочинения Дебюсси?

– К сожалению, нет.

– Недавно я с друзьями посещала концерт, в котором исполняли одно из его последних произведений. Называется «Послеполуденный отдых фавна». Пожалуй, в музыке я не знаю ничего более чувственного. Это довольно короткая прелюдия, продолжительностью минут десять или около того. – Она помолчала. – Когда будете слушать ее, то закройте глаза и пусть музыка окутает вас. Ни о чем не думайте. Она чем-то сродни поэзии Бодлера. На ум приходит, например, «Приглашение к путешествию».

– Мой отец любит это стихотворение, он мне говорил об этом много лет назад.

– К мнению отцов стоит прислушаться. – Элен улыбнулась. – У меня сложилось впечатление, что вам следует научиться послушанию.

Роланд нахмурился. Ему не слишком понравилось это слово.

– Для начала, – загадочно продолжила Прекрасная Елена, – вы можете попробовать повиноваться мне. Если желаете.

К концу трапезы Роланд заметил, что ее платье самым соблазнительным образом приоткрылось на груди. Она поднялась.

– Если соизволите через несколько минут подняться на второй этаж, – сказала куртизанка, – то справа найдете туалетную комнату. Куда идти дальше, вам будет понятно.

Туалетная комната была отделана панелями, там имелись таз для умывания, кувшин с водой и все остальное, что только может потребоваться мужчине, чтобы привести себя в порядок, в том числе пара щеток для волос с ручками из слоновой кости – новые и чистые. На спинке кресла были разложены ночная сорочка и вышитый шелковый халат, идеально подошедшие Роланду по размеру. Переодевшись, он через маленькую дверь попал прямо в спальню Прекрасной Елены.

В отличие от салона, оформленного в очаровательном стиле Людовика XV, спальня куртизанки была более современной, и при

создании ее главным было стремление к удобству. У окна стояла миленькая софа в духе Второй империи, с хорошей обивкой и с удобством вмещавшая только двух человек. Эти двое могли посидеть и перед камином на обтянутой такой же тканью широкой кушетке. Стены комнаты были обиты розовым шелком.

В углу поместился потайной шкаф, содержащий разнообразные предметы, которые, по мнению дамы, не понадобятся в течение ночи. Также в спальне имелись два больших зеркала, хитро спрятанные за шторами. И конечно же, кровать – довольно широкая, крепкая, но изящно задрапированная балдахином. А на ней, уже с распущенными волосами и в тонкой атласной сорочке, полулежала Прекрасная Елена.

Роланд де Синь занимался любовью с несколькими красивыми женщинами, но то, что он испытал в последующие полтора часа, превзошло все его ожидания и фантазии. Прекрасная Елена не только хорошо делала свое дело, но и умела удивлять. Роланд поверить не мог тому, какая она легкая, но поражался ее гибкости и силе. Она обольщала его, бросала вызов и была так прелестна, что он не мог остановиться, изучая ее, не мог насытиться ею. Это была пьеса без антракта.

Наконец они улеглись, чтобы передохнуть.

– Я чувствую себя как один из тех счастливыхчиков в саду любви из персидской сказки, – признался Роланд.

– Мне пришли на ум слова Омара Хайяма, – проговорила Элен.

– Напомните мне.

Встань! Бросил камень в чашу тьмы Восток!

В путь, караваны звезд! Мрак изнемог...

И ловит башню гордую султана

Охотник-Солнце в огненный силок^[5].

Роланд де Синь кивнул. Один англичанин^[6] перевел старинные персидские стихи о любви и судьбе, и они стали популярными во всей Европе.

– Но еще не утро, – возразил он.

– До утра еще далеко, – согласилась Элен.

И потом они снова предались утехам. На этот раз, когда он был готов достигнуть кульминации, обнаружился еще один талант Элен: своими потаенными мышцами она сжала его и держала так, пока Роланд не достиг пика ощущений. Среди тех, кому посчастливилось быть любовником Элен, ходили легенды об этом ее восхитительном объятии.

Затем он лежал неподвижно, с закрытыми глазами, и ему казалось, что он очутился в каком-то далеком сказочном месте – да, пожалуй, в персидском саду или в бесконечной, безвременной пустыне, под звездами. Голос Элен откуда-то издали посоветовал немного поспать...

Люк Гаскон был озадачен, но он любил загадки. Жак Ле Сур вообразил, что остался незамеченным, когда Люк в тот вечер привез Прекрасной Елене букет, но он не знал Люка. Тогда как Люк замечал все. Он целенаправленно развил в себе наблюдательность, еще когда мальчиком работал в «Мулен де ла Галетт». А теперь, в «Мулен Руж», клиенту достаточно было моргнуть, чтобы Люк в то же мгновение появился перед ним. Что касается конфиденциальных поручений, на которых Люк специализировался, то в этой игре он стал непревзойденным мастером. Если требовалось передать записку чужой жене, Люк находил возможность это сделать. Если требовалось проверить, не получает ли жена записок от чужих мужчин, Люк мог помочь и в этом.

Главный урок, которому научила его жизнь, состоял в следующем: что бы ни заметил – не подавай виду.

Когда Жак Ле Сур стал расспрашивать о Роланде де Сине, Люк постарался запомнить его внешность. И потому сразу узнал, через день за приметив его слоняющимся без дела на улице Бель-Фей. Тот факт, что Ле Сур оказался на пустынной улице, где скоро ожидался де Синь, не мог быть простым совпадением. Люк еще не знал имени этого человека. Но ему было очевидно, что это не богач и не аристократ. Почти наверняка он замыслил что-то недоброе. А де Синь был клиентом Люка и, что еще важнее, другом капитана. Больше Люку ничего не нужно было знать. Он жил за счет клиентов, и возможность оказать услугу кому-то из них была для него вкладом в собственное будущее. А значит, клиентов следовало оберегать.

Кроме того, Люк был любознателен от природы.

Вот почему он остановил кучера, когда экипаж был лишь на полпути к Триумфальной арке, расплатился и вышел. Затем пешком вернулся к улице Бель-Фей и занял позицию за углом.

Скоро он увидел, как Ле Сур вновь появился на улице и спрятался в проеме двери недалеко от дома Прекрасной Елены. Порой злоумышленник прикасался к своему пальто в области талии – и Люк понял, что тот вооружен.

Требовалась немалая ловкость, чтобы незаметно приблизиться к дому куртизанки и спрятаться там, но Люк справился с этой задачей. Теперь он был совсем рядом с местом действия.

А если этот тип попытается атаковать де Синя? Тут не было ни малейших сомнений: аристократа надо спасать, этого требовали интересы самого Люка. Оставался вопрос – как?

За себя Люк не боялся. На близком расстоянии он сумеет защитить себя с помощью кинжала, который всегда носил тайком. Злоумышленник даже не успеет осознать грозящую опасность. Однако Люк предпочел бы обойтись без крайних мер. Никакого шума – гласило его основное правило.

Первое, что приходило на ум, – это притвориться слугой из соседнего дома, который по ошибке принял де Синя за давно ожидаемого господами гостя. Нечто в этом духе Люку уже приходилось изображать. Эта сценка неминуемо произведет замешательство и позволит Люку встать между нападающим и де Синем. Но потом появилась кошка, и вышло еще лучше. То, что маленькое представление было абсурдным, не имело никакого значения. Достаточно наклониться, якобы в поисках кошки, и никто не увидит его лица. На случай необходимости он будет держать наготове кинжал.

Все прошло идеально. Люк видел, что у незнакомца пистолет, но воспользоваться оружием тот не смог, как не смог и разглядеть лица самого Люка. Было ясно, что злоумышленник изо всех сил стремится остаться неузнанным. Это кое-что значило.

Всего через полминуты де Синь без происшествий вошел в дом, незнакомец исчез, а экипаж, привезший аристократа, покатился прочь.

Возможно, незнакомец вернется к дому Элен позже, в надежде подстеречь де Синя на выходе. Но об этом Люк не беспокоился. Он знал, что любимцы фортуны, которым повезло провести ночь с

Прекрасной Еленой, расставались с ней только поздним утром, а поведение незнакомца со всей очевидностью доказало, что при свете дня он не отважится нападать.

Оставалось уточнить детали. Конечно, можно просто предупредить де Синя об опасности, но Люк хотел сначала разобраться во всем. Обычный человек обратился бы в полицию, Люку же и в голову такое не могло прийти. Какая ему от этого была бы польза? Что, если де Синь вовлечен в какие-то тайные дела и вовсе не хочет, чтобы об этом узнала полиция? Никто из клиентов огласки не любил. Да и вообще, полагал Люк, от властей лучше держаться подальше. Это тупое и разрушительное орудие, непригодное для человека, который любит действовать изобретательно и тонко.

Нет, перво-наперво нужно узнать, кто этот несостоявшийся убийца. А уж потом станет ясно, как быть дальше.

Когда Роланд де Синь проснулся, солнце уже стояло высоко. Занавески были раздвинуты и подхвачены лентами, окно приоткрыто, чтобы впустить прохладного утреннего воздуха.

Прекрасная Елена уже не спала. Одета в свободный шелковый халат, она издавала легкий аромат, и это предполагало, что часть своего утреннего туалета она совершила. Ее волосы были слегка приглажены щеткой, но еще не уложены, и от этого она выглядела особенно обворожительной.

– Не желаете ли позавтракать со мной?

– Почту за честь, – сказал де Синь.

Он набросил халат и вышел в туалетную комнату. К моменту его возвращения возле софы на низком столике появился кофе, горячее молоко и свежее испеченный хлеб. Наливая Роланду кофе, Элен пригласила его садиться на кушетку, а для себя придвинула невысокий стул, с которого стала наблюдать за гостем – с удовольствием, как ему показалось.

– Я мог бы остаться здесь навечно, – от всего сердца сказал он.

Она склонила голову в ответ на комплимент. Роланд не сомневался, что Элен слышала эти слова не в первый раз, но полагал, что ей приятно слышать их снова.

– Когда-нибудь, месье, вы найдете себе чудесную жену. На мой взгляд, ей очень повезет с мужем.

Роланд глотнул кофе, чувствуя себя бесконечно счастливым. Куртизанка продолжала наблюдать за ним.

– Могу я спросить вас кое о чем? – обратилась она к де Синю. – Мне стало очень любопытно. О нашем свидании договаривался капитан вашего полка, и он не пожелал назвать имени господина, желающего навестить меня. При других обстоятельствах я бы отказалась от такого клиента, но у капитана прекрасная репутация, и я подумала, что мой гость – слишком известная личность, чтобы называть его.

В Париже такое случалось нередко: знатные люди, особенно королевских кровей, предпочитали скрываться под чужими именами. Например, так поступал принц Уэльский.

– А вместо этого, мадам, вам достался скромный молодой офицер по имени Роланд де Синь, – рассмеялся он.

– Заверяю вас, месье, я весьма довольна своей участью. Но я не знала, кто вы, пока с цветами не принесли вашу карточку. И мне просто хотелось понять, к чему такая таинственность.

Вот тогда Роланд рассказал ей всю правду.

– Вы выиграли меня в лотерею?

– Мадам, не все офицеры нашего полка так богаты. Но мы преданы друг другу. Один за всех, и все за одного.

– Не слышала ничего забавнее. – Она откинула голову и пленительно засмеялась. – Так вы говорите, вас было двадцать человек?

– Именно так, мадам.

Элен встала и прошла к окну, выглянула наружу. Солнце обрисовало силуэт ее тела под шелковой тканью. Роланд почувствовал, что снова хочет ее. Он тоже поднялся и приблизился к куртизанке.

– Полагаю... – начал он, – вы не сочтете...

Она обернулась с улыбкой и обняла его за шею.

– С удовольствием, месье, – проговорила она.

Лишь по прошествии без малого часа Роланд де Синь спустился в холл. Прекрасная Елена провожала его.

– Одну минуту. – Около двери она остановила его, положив ладонь ему на локоть. – У меня есть для вас подарок. – Выйдя ненадолго, она вернулась с конвертом. – А теперь, мой дорогой де Синь, я хочу, чтобы вы сделали кое-что для меня. Возьмите вот это. Тут лежит одна двадцатая суммы, которую вы принесли. Возвращайтесь в свой полк и

скажите братьям по оружию, что именно для вас – и только для вас! – ночь с Прекрасной Еленой обошлась бесплатно.

Ошеломленный Роланд не сразу нашелся что ответить. Потом поклонился Элен:

– Ничто не сравнится с честью, которую вы мне оказали, даже если я доживу до ста лет.

– Не говорите так. А вдруг вы получите орден Почетного легиона?

– Что такое орден по сравнению с этим? – галантно сказал Роланд и вышел.

На улице де Синь надел цилиндр и зашагал к авеню Виктора Гюго. Он был счастлив и горд, как никогда в жизни. Всего лишь на миг он представил, что вчера вечером в дом Прекрасной Елены мог войти другой офицер, но быстро выкинул эту мысль из головы. На другой стороне улицы он заметил маленькую черно-белую кошку. Должно быть, та самая, которую разыскивал вечером какой-то старик.

Проводив гостя, Элен улыбнулась. Симпатичный мальчик. Слишком поглощен собой, чтобы быть по-настоящему привлекательным, но милый. Подарок она ему сделала, потому что он ее позабавил. И к тому же всего за пять процентов от своего заработка она купила историю, которая облетит весь Париж, прославляя ее. Нравиться людям очень выгодно.

Всего за один день Люк разузнал о Ле Суре все, что ему было нужно. С ним танцевали две женщины из тех, что постоянно работали в «Мулен Руж», а одна даже переспала.

– Ты хочешь знать, каков он, дорогуша? – спросила она.

– Нет. Мне нужно только его имя.

Это она знала. И еще то, что он работал в типографии и писал статьи для радикальных журналов. Для начала Люку этого было достаточно. Но прежде чем сделать следующий ход, он все тщательно продумал.

Капитан в полковых казармах был удивлен, когда ему передали, что его желает видеть месье Гаскон из «Мулен Руж» для конфиденциального разговора. Желая убедиться, что это действительно

Люк, он даже вышел из кабинета, а потом пригласил гостя войти. Люк быстро рассказал ему, что знал.

– Не понимаю, что это означает, господин капитан, но я решил, что следует проявить осторожность. Месье де Синю я ничего не говорил. Подумал, лучше посоветоваться с вами.

– Мой Бог! – Удивление капитана росло с каждой минутой. – Ведь, судя по всему, ты спас ему жизнь! Думаешь, это дело по любовной части? Ревнивый муж?

– Тот человек не женат. Он приходит потанцевать с девушками и иногда...

– Чего ради он вдруг захотел пристрелить де Синя?

– Не знаю. Но он связан с политикой. Он радикал. – Люк состроил гримасу.

– Тебе не нравятся социалисты?

– В ресторанах и увеселительных заведениях мало кто им симпатизирует, господин капитан. Они считают наши услуги проявлением упадка и хотят запретить.

– Капелька упадничества никому не повредит, а, приятель? Что ж, я полностью согласен. – Капитан с задумчивым видом откинулся в кресле. – Род де Синей древний, они монархисты и католики, разумеется. Но то же самое можно сказать про половину офицеров французской армии. Должно быть что-то еще. Мне интересно, почему ты не пошел сразу к де Синю и не рассказал ему все сам. По крайней мере, он получил бы шанс выразить благодарность за спасение жизни.

– Я не знаю его, а еще мне неизвестно, что все это означает и что он мог сделать. Поэтому я пришел к вам.

– Ты умный парень, Люк, и мы все в долгу перед тобой. Я этого не забуду, – пообещал офицер. – Я хочу подумать об этом, а пока нужно защитить де Синя.

– У меня есть предложение, – сказал Люк. – С вашего позволения.

Через два дня мальчишка из типографии подошел к рабочему месту Жака Ле Сура и сказал, что его хочет видеть полиция.

Ле Сур побледнел так сильно, что это заметил даже посыльный, но проследовал за мальчиком к входной двери, где его ждал полицейский – высокий, сурового вида человек с холодным взглядом.

– Вы Жак Ле Сур?

– Да.

– Это вам.

Полицейский вручил ему конверт, после чего, к изумлению Жака, быстро удалился.

Нахмурившись, Жак открыл конверт. Что это, судебное извещение? Какого рода? С чем связано?

Внутри лежал лист бумаги. На нем заглавными буквами было выведено всего две коротких строчки:

УЛИЦА БЕЛЬ-ФЕЙ ЗА ТОБОЙ СЛЕДЯТ

Остаток дня Жак провел в размышлениях. Сообщение было достаточно ясным: кто-то видел, как он подкарауливал Роланда де Синя. Но сколько знал этот человек, кем бы он ни был, и чего хотел?

Да был ли настоящим тот полицейский, который принес ему конверт? Жак так перепугался, услышав про полицию, что лишился способности здраво мыслить, и теперь отчаянно проклинал себя за это. Увидев рослого человека в форме, он ни на миг не заподозрил, что это мог быть маскаррад. Настоящие полицейские существуют для того, чтобы арестовывать людей, а не для того, чтобы разносить загадочные записки, так ведь?

И вообще, в чем смысл этого письма? Это предупреждение, что надо быть осторожнее? Или угроза раскрыть его секрет?

И еще, сколько этот человек – или эти люди – знают? Если они заметили Жака, когда он бродил по улице Бель-Фей, то могли заподозрить его в попытке ограбить какой-нибудь из домов. Тогда они определенно не знают его. Если же каким-то образом они догадались о его истинных намерениях, это все меняет.

К концу рабочего дня он так ничего и не решил для себя. Когда в густеющих сумерках Жак шел домой, раз или два у него возникало ощущение, что за ним кто-то идет. Но сколько он ни оглядывался, ничего подозрительного не увидел и объяснил все разыгравшимся воображением.

Он уже приближался к своему жилищу, как вдруг к нему подскочил уличный попрошайка с протянутой рукой. Жак покачал головой, показывая, что не подаст. Но не успел он и глазом моргнуть, как мальчишка сунул ему что-то в руку и умчался.

Это был еще один конверт. На этот раз послание сказало Жаку больше. Начиналось оно двумя словами, написанными печатными буквами, как и в первой записке:

ДЕ СИНЬ

А ниже, более мелкими буквами, сообщалось, что он должен оставить двести пятьдесят франков в конверте на длинной аллее Лоншан в Булонском лесу, у корней двадцатого дерева слева, завтра в шесть часов вечера.

Значит, они знали. И это был шантаж.

Но кто они? Единственным, кто имел хоть какое-то отношение к его замыслу, был тот официант в «Мулен Руж». Но даже если и он, то у него явно имелись сообщники, в том числе высокий мужчина в полицейском мундире.

Теперь было ясно: ему угрожают. Откупись, или полиция все узнает. При таком раскладе возможно, что полицейский все-таки настоящий, но подкупленный, что не делало его менее опасным.

А что, если проигнорировать послания? В этом есть смысл. Никакого преступления он не совершил. Доказать ничего нельзя. Тогда как если он заплатит, то тем самым признает, что намеревался причинить вред офицеру французской армии. С другой стороны, если отправитель записок исполнит угрозу и расскажет о нем полиции, то Жаку придется объяснять служителям закона, почему он из укрытия наблюдал за де Синем. Будет следствие. Вероятно, он останется у полиции под подозрением до конца жизни. Приближаясь к своему обиталищу, Жак все еще пытался разгадать головоломку.

Здание, где Жак снимал жилье, было одним из многоквартирных домов в квартале Бельвиль, между кладбищем Пер-Лашез и парком Бют-Шомон. В нем было шесть этажей, и Жак занимал довольно большую комнату на пятом этаже, при которой имелась еще крохотная умывальная и кухня. Его мать жила в сходной квартире на первом этаже соседнего здания. Жак считал, что они неплохо устроились. Арендная плата была невысока. Он мог жить собственной жизнью и одновременно присматривать за матерью.

Жак приготовил себе еды, выпил за ужином стакан вина. Потом подошел к книжной полке и вытащил книгу. Между страниц были вложены банкноты. Небольшая сумма, но достаточная, чтобы стоило

прятать ее от случайного вора. Ле Сур располагал ста пятьюдесятью франками.

И это было все его состояние. Он никогда не копил. В будущем он планировал этим заняться, но пока предпочитал работать ровно столько, сколько требовалось на повседневные расходы, а свободное время посвящал самообразованию и политической работе. Пожав плечами, Жак спустился по лестнице и вошел в соседний дом. Мать он навещал почти каждый день.

Вдова Ле Сур сидела у окна, как обычно в свободное время, и наблюдала за улицей. Волосы у нее уже были не седыми, а белыми, и в последние годы она совсем исхудала, однако осталась той же строгой и мрачной женщиной, какой он помнил ее с детства. Жак наклонился и поцеловал ее.

– Я видела, как ты вошел в дом. Ты поужинал?

– Да, матушка. А ты?

– Конечно. Но на кухне есть пирог, если хочешь.

– Нет. Матушка, у тебя есть деньги?

– Что-то есть. Сколько тебе нужно?

– Сто франков.

– Сто? Это много.

– Я бы хотел взять в долг.

– Что бы сказал твой отец? – Она смерила его взглядом с головы до ног. – Его сын берет в долг у матери?

– Раньше я давал тебе деньги.

– Да, верно. – Она вздохнула. – Я работаю, Жак, и откладываю. Почуть-чуть.

– Знаю.

– Ты тоже работаешь, но не откладываешь.

– И это я знаю.

– На что тебе столько денег? Для женщины? Ты бы женился, Жак. Тебе давно пора обзавестись семьей.

– Это не связано с женщиной.

– А с чем тогда?

– Не могу тебе сказать. Может, мне деньги и не понадобятся, но в любом случае я верну тебе всю сумму. – Он помедлил. – Это для хорошего дела.

– Расскажи мне. – Она вскинула голову.

– Нет. Тебе лучше не знать.

– Ты говоришь о политике? – печально спросила мать. Жак согласно кивнул, и она поджала губы. – Что бы ты ни делал, будь осторожен.

– Я осторожен.

– В верхнем ящике стола есть кожаный кошелек. Принеси его мне.

– Тебе стоит получше спрятать деньги, матушка, – посоветовал Жак, исполняя ее просьбу.

Она пожала плечами, взяла кошелек и отсчитала банкноты.

– Это почти все, что у меня есть, – сказала она.

Вскоре после этого Жак Ле Сур вернулся к себе. Поработав немного над статьей об анархистах, он лег спать. Что делать, он так и не решил.

Назавтра вечером он отправился в Булонский лес. Место тайника выбирали со знанием дела. Среди деревьев легко было спрятаться, чтобы выскользнуть за оставленным конвертом и снова исчезнуть среди стволов и листвы.

Жак положил деньги возле дерева. В конверте вместе с купюрами лежала короткая записка печатными буквами и без подписи: «Это все, что есть».

Покидая парк, он решил для себя, что во избежание новых проблем лучше некоторое время держаться подальше от Роланда де Синя. Возможно, довольно длительное время. Ему не пришло в голову, что именно этого и добивались Люк Гаскон и капитан.

– Во имя Отца и Сына... – доносился из-за перегородки в исповедальне голос Роланда де Синя.

Старый отец Ксавье внимательно слушал.

– Благословите меня, отец, ибо я согрешил, – продолжал голос де Синя. – Прошел месяц с тех пор, как я был на исповеди.

Отец Ксавье знал это. Последняя исповедь Роланда была весьма скучной. Иногда старику – как другу, не как духовнику – хотелось посоветовать молодому протеже грешить чуть больше.

И потому он порадовался, когда через пару минут Роланд признался в прелюбодеянии.

– С одной женщиной или несколькими? – уточнил он.

– С одной.

– Сколько раз?

– Я спал с ней один раз вечером. И еще раз утром.

– Что это была за женщина?

– Куртизанка.

– Когда вы говорите «куртизанка», сын мой, вы имеете в виду проститутку?

За перегородкой помолчали.

– Эта женщина не из тех, кого называют проститутками. Она известна под именем Прекрасная Елена.

– Прекрасная Елена? – Отец Ксавье выпрямился в своем кресле. Становилось все интереснее. Неужели виконт де Синь выдает Роланду такое щедрое содержание? – Очень хорошо. Вы оплатили услуги этой дамы?

И снова ответ поступил с задержкой:

– Э-э... И да и нет.

– Сын мой, вы или заплатили, или нет. Блуд и проституция – это разные грехи.

Пришлось Роланду объяснить, как вышло с оплатой.

Когда он закончил, несколько секунд за перегородкой молчали.

– Грех проституции тяжелее, чем грех блуда, потому что соучастники обращаются друг с другом как с вещами, а не как с детьми Господа, – сдавленным голосом наконец произнес отец Ксавье. – В данном случае, учитывая обстоятельства, я не думаю, что имела место проституция, и, значит, епитимья будет не такой строгой. Есть ли у вас другие прегрешения, в которых вы хотели бы исповедаться?

Роланд перечислил несколько незначительных проступков.

– Раскаиваетесь ли вы в своих грехах? – спросил священник.

Опять пауза. С такой чрезмерной честностью молодому человеку будет трудно жить.

– Я стараюсь, отец.

– Для начала это сойдет. – Отец Ксавье назначил епитимью, которая займет не более пары часов, и даровал ему отпущение грехов.

Когда исповедальня опустела, отец Ксавье посидел в задумчивости, вспоминая услышанную историю. Она и развлекла его, и порадовала.

Конечно, он знал, что с теологической точки зрения такого не может быть, тем не менее отцу Ксавье, всю жизнь высоко ценившему аристократию, трудно было не поверить в то, что подарок от Прекрасной Елены доказывал высшее благоволение к семейству де Синь, которое служило Господу преданно и неустанно.

Миновал месяц. В «Кафе де ля Пэ» обедали трое мужчин. У них имелся важный повод для встречи, и при этом каждый преследовал еще свою тайную цель.

Жюль Бланшар по нескольким причинам выбрал местом встречи это кафе почти напротив Оперы. Во-первых, оно было большим и фешенебельным. Отсюда было рукой подать до его конторы в универмаге на бульваре Османа. Столь же удобно оно было и для виконта де Синя: его кучеру достаточно будет перевезти хозяина через реку, а после обеда при желании можно проехаться по близлежащим магазинам. Что касается юриста, третьего участника встречи, то он будет рад побывать здесь вне зависимости от того, удобно ему добираться до кафе или нет.

Жюль пытался представить себе, каким окажется этот законник. Ни он сам, ни виконт о нем раньше не слышали. А свел их всех вместе благородный проект, касающийся чести Парижа и всей Франции.

Великолепная конная статуя императора Карла Великого перед Нотр-Дамом являлась национальным достоянием – и дело было не столько в ее древности, сколько в том, что это был шедевр эпохи поздней готики. Увы, достояние разрушалось, а точнее – нуждалось в новом красивом постаменте, так как старый был недостаточного размера и временным. Если не принять меры в ближайшем будущем, осколки императора франков придется увозить на телеге.

А был ли готов Париж потратить на это хотя бы су городского бюджета? Нет. И потому граждане собрали комитет активистов с целью изыскать деньги. Жюль присоединился к проекту, потому что ему очень нравилась статуя, к тому же он считал, что владелец универмага «Жозефина» должен поддерживать начинания подобного рода. Виконт де Синь вступил в комитет, потому что его предок Роланд был соратником легендарного императора.

Хотя Жюль и аристократ принадлежали к весьма далеким друг от друга мирам, вскоре они обнаружили, что им нравятся те же оперы, что

они курят те же сигары и даже посещают одни и те же салоны, – короче, они нашли общий язык.

Члены инициативной группы вполне набрали бы достаточную сумму и сами, но все согласились, что нужно дать парижанам возможность поучаствовать в деле спасения городской достопримечательности посредством, например, небольшого пожертвования. Когда в комитет пришло письмо от юриста, который предлагал свою помощь с организацией сбора средств, то было решено, что Бланшар и де Синь встретятся с ним и узнают подробнее, чем он может быть полезен.

Жюль пришел в кафе немного заранее. Почти вслед за ним появился и де Синь. Этим летом он отрастил модную бородку клинышком и усы – седые и коротко подстриженные; и то и другое ему очень шло. Он приветствовал Жюля, и они сели за столик в ожидании третьего участника обеда.

Ровно в назначенный час они увидели, как через шикарный зал «Кафе де ля Пэ» официант ведет к ним мужчину – довольно низкого роста и худощавого, аккуратно одетого, с длинным бледным лицом.

Месье Ней отвесил им поклон и опустился на предложенный стул.

Заказали напитки. Ней вел себя исключительно любезно. Извинился за то, что довольно скоро ему придется отлучиться по делу – всего на минутку, заверил стряпчий, надо будет подписать одну бумагу, которую ему принесут прямо в кафе. Этим месье Ней настроил виконта против себя, однако аристократ не мог не признать, что стряпчий не пожалел времени, чтобы ознакомиться с делом во всех подробностях. Он узнал, что автор памятника, к несчастью, умер, так и не успев закончить работу, и что брат автора, тоже скульптор, едва не обанкротился, пытаясь оплатить каменный постамент.

– Я возмущен тем, что город не принял никакого участия в судьбе памятника и скульпторов, – заявил он. – Место для статуи выбрано идеально, и сама она просто прекрасна.

– Что привлекло ваше внимание к нашему начинанию? – спросил Бланшар.

– Сказать по правде, месье, о нем узнал не я сам, а моя дочь Ортанс, и она же сказала мне, что я должен что-то сделать. Ее интересует все, что происходит в городе. А так как она не замужем и не должна отвлекаться на заботы о детях, то каждый день находит для себя

какое-нибудь благое дело. Ее щедрость разорит меня, – добавил он с улыбкой, которая мягко намекала на то, что ни о каком разорении и речи быть не может.

Ха, сделал вывод Жюль, вот, значит, какова истинная причина его участия в проекте: он желает представить дочь приличным людям. Но потом Жюль вспомнил о том, как сестра отчитала его за невнимание к Мари, и ощутил укол совести. Не стоит винить юриста, ведь тот делает то, что следовало бы делать и самому Жюлю.

Теперь оставалось только узнать, что месье Ней может предложить в обмен на возможность подыскать дочери мужа.

– Мы стремимся не только к тому, чтобы собрать деньги, что само собой разумеется, – объяснил он юристу. – Еще нам хотелось бы привлечь к проекту как можно большее число людей. Не будет ли у вас каких-либо предложений на этот счет?

– Что касается денег, то, разумеется, и Ортанс, и я желаем внести вклад. Также я знаю пожилую даму с большим состоянием, которая настолько добра, что прислушивается к моему мнению в подобных вещах. Если же мы хотим привлечь к проекту внимание, то я мог бы попросить месье Эйфеля принять в нем участие. Мы знакомы с ним. – Он помолчал. – Я думаю, он откликнется, хотя бы из желания угодить Ортанс.

– Неужели! – Вряд ли Бланшар стал бы общаться со стряпчим по своей воле, но информация о знакомстве с Эйфелем произвела на него немалое впечатление. – Это действительно могло бы вызвать интерес у публики.

Обед проходил в умеренно приятной обстановке. Де Синь говорил мало, предоставив Бланшару вести беседу, но все-таки задал неизбежный вопрос о том, не приходится ли месье Ней родственником великому маршалу с такой же фамилией.

– Мы родня, месье де Синь, и я горжусь этим фактом. Полагаю, вы не разделяете убеждения маршала, но я почитаю его как храброго воина.

Де Синь ответил на это благосклонным кивком.

Затем стряпчий аккуратно вернул разговор к своей дочери Ортанс. Ней сказал не более того, что следует сказать всякому любящему отцу, но у его собеседников не осталось сомнений в том, что молодая дама столь же добродетельна, как и красива.

Настало время и Жюлю позаботиться о своих интересах.

– Несомненно, у вас есть ее портрет, – заметил он как бы невзначай.

– Признаюсь, нет, – ответил юрист.

– О, – изобразил удивление Бланшар. – Мне лично кажется, что репутация молодой женщины в обществе весьма выиграет благодаря портрету. Люди смотрят на картины, знаете ли.

– Есть ли у вас на примете художник, которого вы могли бы порекомендовать? – спросил ничего не подозревающий стряпчий.

– Тут все зависит от того, какой портрет вы хотите. Мой сын Марк – художник. Он пишет в духе Мане, я бы сказал. Недавно он закончил портрет мадам дю Буа, жены банкира. Им были весьма довольны. – Жюль улыбнулся. – Но советую вам не медлить, а то расценки на его работы растут.

– Вы меня очень заинтересовали, – сказал Ней. – Буду признателен, если вы представите меня вашему сыну.

Конечно, он все понял. Придется заплатить гонорар Марку за то, чтобы получить место в комитете и расширить круг знакомств дочери. Что ж, пока все идет неплохо.

Когда обед подходил к концу, к Нею приблизился официант и прошептал что-то на ухо. Тот с пространными извинениями удалился, чтобы переговорить со своим клерком у входа в кафе. Пока его не было, де Синь обратился к Бланшару:

– Итак, его партия – это его дочь. Он хочет протолкнуть ее в высший свет.

– Несомненно, – согласился Жюль. – Но не вижу в этом ничего дурного. Он делает то, что велит ему отцовский долг. – Он пожал плечами. – Кто знает, она действительно может оказаться недурна. И уверен, приданое у нее прекрасное.

Де Синь хмыкнул, давая понять, что его это совсем не интересует.

– Но я с удовольствием послушал, как вы обеспечили сыну заказ, – добавил он с лукавой улыбкой.

– Учитывая, какую плату берут юристы за свои услуги, нужно выцарапывать обратно все, что только возможно, – отшутился Бланшар. – Но если этот крючокотвор приведет к нам Эйфеля, как обещает, – продолжал он, посерьезнев, – то наше начинание сразу

станет популярным. И я думаю, нам не следует отказываться от предложения Нея.

– Вы правы, разумеется. – Виконт бросил неприязненный взгляд в ту сторону, где виднелась невысокая фигура законника. – Но Эйфель – великий человек. Я не желаю, чтобы ему меня представил какой-то мелкий адвокатишка. – Он потянулся и притронулся к руке Бланшара. – Вот если бы вы могли представить меня Эйфелю... Тем самым вы доставили бы мне огромную радость.

Жюль рассмеялся:

– Возможно, выход у нас только один: Ней представит Эйфелю меня, а потом я представлю Эйфелю вас!

– И в таком случае, друг мой, – произнес де Синь, – я буду навечно вам обязан.

Ней вернулся за стол, и трое закончили обед.

– Скажите нам, месье Ней, – обратился к стряпчему виконт де Синь, чувствуя, что обязан сделать над собой усилие и проявить любезность по отношению к будущему жертвователю, – а нет ли среди ваших предков еще каких-нибудь интересных фигур, вроде героя войны?

– Честно говоря, месье де Синь, – замялся Ней, – я не сумел обнаружить документов, подтверждающих родственную связь, если таковая вообще существует, но девичья фамилия моей матери была Аруэ.

– Аруэ? – вскричал Жюль Бланшар. – Но это же настоящая фамилия Вольтера.

– Именно так, месье. До того как великий философ решил называть себя Вольтером, он был месье Аруэ. – Стряпчий позволил себе улыбнуться. – А его отец был нотариусом.

Бланшар по-новому посмотрел на Нея. Юрист не имел явного сходства с крупнейшим философом-просветителем XVIII века, но все же отчасти напоминал его невысокой худощавой фигурой.

– Я удивлен тем, что вы не заявляете о родстве более решительно, – сухо отозвался виконт.

– Я юрист, месье де Синь, и знаю, что подобные заявления нужно подкреплять доказательствами, а их у меня нет.

Но аристократ не желал оставлять эту тему, стремясь слегка наказать стряпчего за отлучку по делам от общего стола.

– А что это за история о Вольтере? Я слышал, что в молодости он управлял лотереей: собрал все деньги и потом выдал выигрыш самому себе. Он действительно таким образом положил начало своему состоянию? Говорят, дело было именно так.

Если целью виконта было смутить Нея, то этим вопросом он ее не достиг.

– На самом деле, месье, он вместе с несколькими приятелями понял, что в одной национальной лотерее правительство допустило математическую ошибку в подсчетах, – спокойно отвечал стряпчий. – Они образовали синдикат, скупили билеты и получили огромный выигрыш. Но все было абсолютно законно.

– О, – шевельнул бровями де Синь. – Моя история мне нравится больше.

– Мне тоже! – со смехом подхватил юрист. – Мне тоже. – А потом месье Ней забылся и отбросил маску. – Вы только подумайте! – воскликнул он. – Ах, что за афера! Восхитительно! Если бы можно было повернуть нечто в этом роде и выйти сухим из воды... – И, совсем потеряв голову, он издал громкий ликующий смешок, который прозвучал почти зловеще.

Предприниматель и аристократ взирали на стряпчего в брезгливом молчании.

Юрист промокнул лицо шелковым платком.

– Что же, месье Ней, – произнес Жюль Бланшар, – знакомство с вами оказалось весьма познавательным. – И он вежливо проводил стряпчего к выходу. – В ближайшем будущем я напишу вам. Вы действительно желаете, чтобы я представил вас моему сыну Марку?

– Да-да, месье, – сказал Ней, – и как можно скорее.

– В таком случае... – Бланшар набросал что-то на оборотной стороне своей визитки. – Вам достаточно будет написать Марку вот по этому адресу. Это его студия.

Когда Жюль вернулся к виконту, тот провозгласил, что им обоим необходимо выпить бренди.

Но обсуждать Нея аристократ больше не хотел. Казалось, юрист полностью стерт из его памяти. Жюлю не приходило в голову, что и у виконта могут быть личные мотивы для сегодняшней встречи, но теперь, видя его погруженным в раздумья, он понял, что де Синь еще не готов распрощаться.

– Вы сегодня проявили себя хорошим отцом, – произнес виконт.

– Вы имеете в виду заказ для Марка? Уверен, виконт, что и вы много чего делаете для своего сына.

– Я потерял жену, когда сын был совсем маленьким. Это все усложнило. И я до сих пор беспокоюсь о нем. Вы беспокоитесь о своих детях?

– Конечно. – Жюль вкратце рассказал де Синю о Жераре и Мари. – С ними, на мой взгляд, все хорошо, но вот Марк доставляет мне немало тревог.

– Вы часто видите с детьми?

– По крайней мере раз в месяц вся семья собирается на воскресный обед – в Париже или в Фонтенбло. Дети иногда приводят друзей. Что бы ни случилось, семья всегда будет с тобой.

Де Синь подумал о тишине, царящей в его доме, и кивнул:

– Да, так и должно быть. А гостей старшего поколения вы приглашаете?

– Конечно. – Бланшар с любопытством смотрел на виконта.

– Могу ли я просить о чести стать гостем на одном из ваших обедов?

– Будем сердечно рады видеть вас. – Бланшар все же счел за лучшее предупредить: – Эти встречи проходят в неформальной обстановке, как вы догадываетесь. Наше семейство исключительно буржуазное, и я не уверен, по вкусу ли вам придется наш стиль жизни.

Де Синь подумал, что при желании Бланшар запросто мог бы купить парижский дом, замок и земли де Синя, вместе взятые, далеко еще не исчерпав свои финансы. Но не в этом было дело. В голове аристократа формировался еще один небольшой план, и семейство Бланшар вписывалось в него наилучшим образом.

– Если вы пригласите меня, – сказал он, – то я с удовольствием приду.

– Сейчас грядет сезон рождественских и новогодних празднеств... – стал прикидывать Бланшар. – А как насчет третьего воскресенья января? Шестнадцатого числа в Париже – удобно ли вам будет?

– Превосходно, – сказал де Синь. – Обязательно буду.

Однако на самом деле он не собирался присутствовать на семейном обеде Бланшаров.

Роланду де Синю ни разу еще не приходило в голову, что его отец не вечен. Здоровье виконта было отменным. И потому в дальнейшем Роланд всегда хвалил себя за то, что принял то приглашение отца погостить в замке.

Последние два-три месяца в Париже прошли для Роланда без каких-либо примечательных событий. Служебные обязанности не оставляли ему слишком много досуга, более того, порой казалось, что ему нарочно дают дополнительные поручения.

– Это чтобы компенсировать вашу удачливость в тот вечер, когда мы разыгрывали ночь с Прекрасной Еленой, – шутил капитан.

У Роланда не оставалось времени, чтобы много выходить в город. Но если он выбирался наконец в «Фоли-Бержер», или шел смотреть пьесу, или просто хотел пообедать в ресторане, его собратья-офицеры неизменно стремились ему сопутствовать, и особенно часто его компаньоном оказывался капитан. Роланд не имел ничего против, просто иногда он не прочь был бы провести вечер в одиночестве.

Однако в середине декабря ему предстоял небольшой отпуск, и Роланд обдумывал, как его провести.

В то время было принято на лето уезжать в деревню, а зиму проводить в Париже или, следуя примеру англичан, отправляться в Ниццу или Монте-Карло на средиземноморском побережье. Самые отчаянные, кому были нипочем холода, сбивались в компании и отважно исследовали лыжные трассы в заснеженных Швейцарских Альпах.

Но виконт недавно решил, что пора бы Роланду уделить немного внимания родовому поместью.

– Замку требуется забота, и за хозяйством нужно приглядывать, – сказал он сыну. – Я намерен оставить тебе все в полном порядке. И обещаю, что перед смертью разберу фамильный архив, к которому никто не притрагивался уже сотню лет.

– В таком случае, отец, – ответил Роланд с улыбкой, – тебе придется прожить еще много лет.

Потом он узнал, что полк собираются перевести, и, скорее всего, далеко от столицы. Получив от отца предложение навестить замок, Роланд решил, что стоит составить виконту компанию в деревне.

Шато де Синь был небольшим, но очень своеобразным. В различные периоды своей истории, когда владельцы разживались деньгами, старый замок перестраивался или расширялся, и в результате сложился неповторимый эклектичный ансамбль, внутри которого еще стояли толстые стены маленькой крепости, возведенной восемь сотен лет назад. Однако то, что было видно снаружи, датировалось XV веком. Тогда сын Ги де Синя сложил вместе деньги, доставшиеся ему от матери, Сесиль Ренар, и приданое своей знатной и богатой жены и смог создать небольшое романтическое шато, с крутой крышей, круглыми башнями и остроконечными башенками по углам.

В этом маленьком старинном замке было помещение, особенно любимое нынешними владельцами, – большой холл с относительно невысоким потолком, иссеченным старыми уютными балками, и огромным камином, в котором могли бы поместиться десять человек. На стене висел изумительный гобелен с единорогом, купленный у месье Якоба. Казалось, он находится там испокон веков.

Спустя век к основному зданию пристроили кирпичный флигель, столь же безупречный, выдержанный в богатом и жизнерадостном стиле французского Ренессанса. Наконец, в XVIII веке появилось еще одно крыло и внутренний дворик, на этот раз в классическом стиле. Возможно, эта последняя пристройка была не столь удачной, как предыдущие, но широкая терраса с регулярным садом и элегантно подстриженными деревьями объединила весь ансамбль самым приятным образом. В живописной долине Луары можно было найти не одно место, подобное этому по духу и атмосфере.

В рождественские праздники у Роланда и его отца было время, чтобы обсудить множество разных вопросов. Роланд рассказал о своем приключении с Прекрасной Еленой, чем весьма позабавил виконта.

Также они много говорили о том, как обустроить имение. В лесах можно было охотиться на кабанов.

– Мы могли бы выращивать на отстрел фазанов, как англичане, – предложил виконт. – Сам замок находится в неплохом состоянии, но верхние этажи нуждаются в реставрации, а лет через десять-пятнадцать настанет время менять кровлю. Возможно, для этого тебе придется продать дом в Париже, если только ты не найдешь богатую невесту.

Но иногда Роланду казалось, что отца беспокоят какие-то мрачные мысли.

– Меня тревожит ситуация в Европе, – признался виконт как-то вечером. – Я всем сердцем надеюсь, что тебе не придется, как мне, воевать.

– Крупнейшие империи заключили пакты, чтобы поддерживать равновесие сил, – заметил Роланд.

– Да. Но Германия по-прежнему завидует империи британцев. Когда германской политикой заправлял старый Бисмарк, он, несмотря на все свои амбиции, хотя бы осознавал пределы возможностей государства. А сейчас вокруг молодого кайзера собрались сплошные горячие головы. Я боюсь за будущее.

Зато в отношении внутреннего состояния Франции более пессимистично был настроен сын, а не отец.

– Правительство прогнило насквозь, и я не понимаю, как большинство депутатов до сих пор не застрелились от стыда. Как подумаю о Панамском канале... Я разочарован в собственной стране.

Скандал с Панамским каналом потряс всех французов. Поначалу затею рекламировали как великую стройку. Руководитель проекта Лессепс всего несколькими годами ранее с триумфом завершил строительство Суэцкого канала, и Франция намеревалась поразить своим гением еще и Новый Свет. Но мало того, что проект был ошибочным, мало того, что созданная для строительства компания обанкротилась и разорила сотни и тысячи держателей акций. В довершение всего Лессепс с друзьями состряпал одну из крупнейших афер в мире, подкупив несчетное количество политиков всех мастей и рангов, чтобы скрыть провал. Даже Эйфель, к которому – увы, слишком поздно – обратились с просьбой исправить инженерные ошибки, едва не утратил свою репутацию из-за причастности к скандалу.

Уважение к классу политиков было утеряно на поколение вперед.

– Сын мой, – отвечал виконт, качая головой, – я разделяю твое возмущение, но подобные скандалы случаются где угодно, и подозреваю, что мало что изменится и в будущем.

– Я не согласен, будто с этим ничего нельзя поделать, – возразил Роланд. – А сам скандал считаю доказательством того, что мы не можем доверять избранному нами же правительству.

– И ты желаешь заменить его на монархию? На священного короля?

– Я считаю монарха священным, да. Он помазан Господом. Но если не монарх, то такой человек, который будет стоять выше политики. Посланник судьбы.

– Наполеон так и называл себя поначалу, но ты его не одобряешь.

– Я имею в виду человека религиозного.

– Несколько лет назад таким человеком казался генерал Буланже. Тем не менее, когда настал подходящий момент, он предпочел не взваливать на себя такое бремя. Сегодня я не вижу во Франции ни одной подходящей фигуры. И вообще, я не считаю, что такая задача – управление всей страной – под силу одному человеку, будь то помазанный на трон король или тем более обыкновенный политик. – Виконт вздохнул. – Все правительства корыстны. Это всего лишь вопрос степени. – Он горько усмехнулся. – Или того, насколько ловко оно умеет проворачивать свои дела.

И точно так же как в детстве, Роланду, при всей его любви и уважении к отцу, стало грустно оттого, что виконт не мог или не хотел занять твердую моральную позицию, когда следовало сделать это.

Иногда виконт де Синь спрашивал себя, а не совершил ли он ошибку, оставшись холостяком. Волновался он при этом не о себе, а о сыне. Но в то время, когда маленький Роланд острее всего нуждался в матери, виконт слишком сильно скорбел об умершей жене, чтобы думать о новой.

С тех пор ему довелось завести несколько приятнейших романтических знакомств. На одной женщине он мог бы жениться, будь она свободна. Другая была свободна, но принадлежала не к тому кругу. Всех остальных можно было охарактеризовать примерно одинаково: благоразумные, внушающие доверие, привлекательные. Виконт не был несчастлив.

Что касается ситуации в доме, то за его парижским особняком прекрасно следила няня, даже будучи уже в преклонном возрасте. А к родовому замку, где действительно не помешала бы женская рука, виконт так сильно прикипел душой, что вряд ли допустил бы чье-либо вмешательство. Давным-давно он решил для себя, что сохранит все как есть: аскетично, но надежно. Потом, когда Роланд женится и заведет детей, пусть они делают с имением все, что пожелают, а сам он будет

молча наблюдать – ужасаясь, несомненно, но и забавляясь. Виконт полагал, что таков естественный порядок вещей.

Но сейчас, глядя на своего взрослого сына, виконт не мог отделаться от ощущения, что в чем-то подвел Роланда. Без матери выросло множество мальчиков, не он один, но, вероятно, воспитание Роланда было слишком мужским. Ему не хватало равновесия.

И не следовало отдавать его в руки отцу Ксавье, корил себя виконт.

Он ничего не имел против священника, чья любовь к его жене была так очевидна. Скорее, виконт сочувствовал ему. Он знал, что чувства отца Ксавье останутся платоническими. Священник был честен и чист. Но, должно быть, именно поэтому виконт сейчас сомневался насчет него. За годы жизни де Синь научился с подозрением относиться к людям, которые были слишком невинны.

Бог весть, что за идеи вложил этот священник в голову его сына!

Нет, виконт де Синь не возражал против того, что его сын был монархистом и верующим католиком. Нормально также и то, что молодой аристократ гордится своими предками и разделяет предрассудки своего класса, – виконт и сам не чужд большинства из них и даже находит удовольствие в аристократическом снобизме. Вот только он, радуясь принадлежности к знати, не слишком-то серьезно относится к этому факту. Будучи аристократом, виконт с рождения был приучен смотреть сверху вниз на большинство людей, в том числе и на своих собратьев по классу, чьи недостатки прекрасно видел. И потому он никогда не ожидал многого от человеческой природы и не судил людей строго.

А вот его сын был чрезвычайно серьезен в своих убеждениях. События, выпавшие на век виконта, и Парижская коммуна в первую очередь, доказали ему, что слишком сильная вера делает людей жестокими.

Особенно встревожил виконта разговор, случившийся вскоре после Рождества.

Они беседовали об одном армейском офицере. Его звали Дрейфус, и, что нетипично для офицера, он был евреем. Когда разразился небольшой шпионский скандал, его обвинили в передаче секретных бумаг германскому атташе, предали суду и отправили в тюрьму на Чертов остров.

Раздавались голоса, что следствием допущено множество ошибок и даже что Дрейфус невиновен. Как и следовало ожидать, военные власти и мысли не допускали о том, что могут быть не правы. На этом все пока и закончилось.

Эта тема возникла случайно, когда отец и сын говорили о разнице между гражданским и военным судами, и виконт высказал мнение, что ни одна система правосудия не может быть совершенной.

– Взять хотя бы того же Дрейфуса, к примеру: я бы сказал, что он виновен, но однажды может оказаться, что он вообще ни при чем. Это случается сплошь и рядом.

– О, насчет него мы можем не сомневаться, отец: конечно, он виновен, – заметил Роланд. – Он же еврей.

– Мой дорогой мальчик, нельзя же утверждать, что человек предатель, только на том основании, что он еврей.

– Нельзя, но его происхождение сразу вызывает подозрения.

– Я так не думаю. Чем вызвано такое твое отношение к евреям?

– Прежде всего они не католики, это то, что лежит на поверхности. И потому мы не можем быть уверены в их лояльности. Никто не знает, что у них на уме.

– Ты считаешь, что существует всеобщий еврейский заговор?

– Но евреи же держатся вместе, это факт.

– И ты думаешь, будто наш друг Якоб, который продал нам этот замечательный гобелен, тоже участвует в заговоре?

– Не знаю, отец. Может быть.

– И офицеры твоего полка придерживаются такого же мнения?

– Конечно. И в том, что касается «дела Дрейфуса», большинство высказываются за то, чтобы евреям вообще не разрешали носить офицерское звание.

– Не существует никаких доказательств заговора, тебе известно это?

– Естественно. Это же заговор.

Виконт вздохнул:

– Мой дорогой сын, ты придерживаешься той же доктрины, которую проповедовал каждый маньяк в тайной полиции со времен Вавилона: если мы видим заговор, значит он доказан; если мы его не видим, значит заговорщики ловко скрываются. Это беспрюграммная логика.

– Вот именно.

– Но, возможно, никакого заговора вовсе нет, мой мальчик. Тебе не приходило это в голову?

Роланд смолк.

Виконт гордился сыном. Он видел, что, несмотря на все предрассудки, которые, к несчастью, были общепринятыми, Роланд выказывал идеалистическое стремление служить правому делу. Порок скрывался не в характере сына – честном и благородном, а в его мировоззрении – весьма ограниченном. И это, рассуждал виконт, еще один довод в пользу того, чтобы попытаться оказать сыну важную услугу.

Он должен развить ум молодого человека, показать ему, что жить можно по-разному и что в несовершенном мире терпимость – это добродетель.

И в этом виконту поможет все та же идея, пришедшая ему в голову во время обеда с Бланшаром и тем пренеприятным стряпчим. Де Синь не видел ничего невозможного в том, чтобы отобедать в кругу семейства Бланшар, но с самого начала он намеревался отправить вместо себя сына. Роланду следует расширить круг знакомств, и семья Бланшар вполне сойдет для начала.

Не был оставлен виконтом без внимания и тот факт, что у Бланшара имеется дочь, которая наверняка принесет будущему мужу отличное приданое. Девушка не принадлежит к знатному роду, ну так что же. Времена меняются, и нужно учитывать это. Возможно, Роланду подойдет именно такая жена.

Только нельзя допустить, чтобы сын догадался о его плане. Мальчик обязательно взбунтуется, если сочтет, будто им манипулируют. Однако события сложились так, что виконту почти не пришлось прилагать усилий.

В начале января прошли мощные снегопады. Замок в снежном наряде выглядел волшебно, но затем грянули морозы, лопнуло несколько труб, и ко второй декаде месяца, когда началось потепление, выяснилось, что подвалы затопило и ситуация серьезная.

– Мой дорогой сын, у меня к тебе есть две просьбы. Первая связана с письмом, которое я только что нашел на своем столе. Оно пришло шесть недель назад, только я совершенно забыл о нем. Оно от одного человека из Канады, который считает, будто приходится нам

родственником. Я уверен, что это не так. Насколько мне известно, из нашей семьи никто в Канаду не уезжал. Но не думаю, будто этот канадец пытается втереться к нам в доверие. Выражается он весьма изящно. Так вот, сейчас у меня масса хлопот, а я и так смущен, что безбожно затянул с ответом. Сделай мне одолжение, ответь ему. Напиши что-нибудь вежливое. Кто знает, может, когда-нибудь нам понадобится друг за океаном.

Роланд согласился, хотя и без особого желания.

– А что второе?

– Ах да. Я планировал поехать в Париж вместе с тобой, но из-за этих проблем с подвалами мне придется остаться. Не сможешь ли ты сходить вместо меня на обед, где я обещался быть? Сказать по правде, я практически напросился на приглашение.

– Когда, отец?

– В третье воскресенье этого месяца. Кажется, оно выпадает на шестнадцатое число.

– Шестнадцатого? Думаю, что смогу. А у кого обед?

– У одного моего друга, по имени Жюль Бланшар. Это владелец универсама «Жозефина». Мы познакомились в связи с той статуей Карла Великого.

– Но, отец, я не знаком с людьми такого типа. Я даже не сумею ничего сказать.

– Мой дорогой сын, тебе не придется ничего говорить. Просто пойди туда как мой представитель. Я бы не хотел обидеть Бланшара, не явившись на обед. В любом случае тебе доставит удовольствие общение с ним. Он знает, как вести себя. В высшей степени светский человек, скажу я тебе. И будет очень полезно познакомиться с кем-то из той среды. Они имеют сейчас большое влияние.

– Я буду там совершенно не к месту.

– Просто появись там ради меня.

– Хорошо, как скажешь.

На следующее утро Роланд отправился в Париж. Ни отец, ни сын и подумать не могли, что виделись в последний раз.

Десять лет назад Жюль Бланшар с женой раздумывали, не купить ли внушительный особняк возле парка Монсо. Но в конце концов отказались от этой идеи.

– Хватает хлопот с домом в Фонтенбло, – сказал Жюль.

А их апартаменты и достаточно просторны, и расположены совсем рядом с его любимым универмагом, а также недалеко от Оперы и других развлечений, к которым были равнодушны и муж и жена. Так что они решили ничего не менять и ни разу за десять лет не пожалели об этом.

Утром третьего воскресенья января 1898 года, пока жена и Мари были на мессе, Жюль Бланшар вышел из комнаты для завтрака и поднялся в свою маленькую библиотеку, где намеревался пару часов почитать в тишине газету. В ту неделю новостей было множество. Потом ему придется готовиться к семейному обеду.

Он был весьма доволен собой.

Уже второй месяц он старательно выполнял совет, данный сестрой. Хотя у Жюля имелся широкий круг друзей, в последние годы он с головой ушел в управление универмагом, который стал для него самым большим увлечением в жизни, и потому вечерами предпочитал посидеть дома с женой, вместо того чтобы выходить в свет. Время от времени они принимали гостей, особенно теперь, когда у них появилась новая столовая. И Жюль, и его жена любили небольшие приемы, человек на шесть, максимум – на десять, и иногда приглашали гостей, которые могли представлять интерес для Мари. Но все-таки чаще всего к ним приходили люди среднего возраста, нужные Жюлю: предприниматели, специалисты в разных сферах, порой политики.

У Мари было достаточно собственных друзей. Кроме того, она с матерью часто посещала художественные галереи и навещала родственников. Тетя Элоиза каждую неделю водила племянницу на интересные мероприятия в городе и познакомила ее со многими собственными приятелями. Все это были интеллектуалы, то есть они могли украсить компанию за обедом, но не отличались финансовой стабильностью, которой, по мнению Жюля, должен обладать претендент на руку дочери.

Братья могли бы что-то сделать для сестры в плане знакомств с подходящими людьми, но как с Жераром, так и с Марком имелись определенные проблемы.

У Жерара и его молодой жены были друзья. Однако Мари, находившаяся в ровных родственных отношениях со старшим братом,

почему-то не была с ним близка. Они встречались каждый раз, когда собиралась вся семья, но к тесному общению оба не стремились.

Марка же, напротив, она обожала. Зато Жюль Бланшар, невзирая на восхищение талантом младшего сына, друзей его считал сомнительными личностями, в то время как репутация его дочери должна быть безупречна – это был краеугольный камень его убеждений. Да, неженатый мужчина их сословия мог иметь любовницу, но для женщин правила совсем другие. Мари умна, очаровательна и обладает всеми достоинствами, которые ожидает найти в жене человек ее класса, в том числе скромность, незапятнанную репутацию и невинность. Даже в возрасте двадцати двух лет Мари почти никогда не выходила из дому без провожатого. Ей позволялось знакомиться с друзьями отца, но ее никогда не оставляли наедине с мужчиной. Иной раз она бывала у Марка, но значительная часть его жизни оставалась для нее закрытой.

В последние недели родители Мари развили бурную деятельность: устроили несколько восхитительных вечеринок и много выходили в свет вместе с дочерью. Ей представили с десятков респектабельных молодых людей, и Жюль с достаточным основанием предполагал, что вскоре обозначится приличный кандидат в зятья.

Даже сегодняшней обед стал хорошим предлогом для того, чтобы пригласить еще кого-нибудь в этом роде. Учитывая, что намечалось семейное сборище, Жюль попытался вспомнить кого-нибудь из соседей или друзей.

Элоиза всегда симпатизировала Пьеру Журдену – мальчику, который так нравился Мари, когда она была еще маленькой девочкой, но тот недавно обручился. Еще, вспомнил Жюль, были сыновья их близкого соседа доктора Пруста, весьма уважаемого в округе человека. Правда, жена его была еврейкой, но сыновей воспитали в католической вере, так что Жюль не считал их происхождение проблемой, к тому же семья Пруст была очень и очень обеспеченной. К сожалению, старший из сыновей избрал путь свободного художника, тогда как его младший брат Робер, куда более многообещающий юноша, все-таки был еще слишком молод.

Потом вдруг пришло письмо от виконта де Синя: как ни прискорбно, он не сможет прибыть в Париж в назначенную дату, но

надеется на прощение, поскольку взамен предлагает своего сына Роланда.

Все это производило впечатление, что аристократ желает познакомиться своего наследника с Мари. Возможно ли такое? Если да, то де Синь проделал все очень ловко. Знакомство Роланда и Мари, совершенно случайное в глазах их самих и всех окружающих, не вызовет ненужного смущения. А ведь виконт прекрасно знает, кто такой Жюль и чем занимается, рассуждал предприниматель и в удивлении качал головой. Все будет зависеть от того, каким человеком окажется Роланд де Синь и понравится ли он Мари. Однако Жюль не мог отрицать, что брак дочери с аристократом столь древнего рода потешил бы его самолюбие.

Кого еще ждали в этот день? Его сестру Элоизу, Жерара с женой. Марк собирался привести молодого американца – приличного человека, по словам Марка, но еще плохо говорящего по-французски. Памятуя об этом, Жюль придумал кое-что. Время от времени он заключал сделки с английскими компаниями, что требовало юридической поддержки, и для этих целей нашел в Париже отличную юридическую контору некоего мистера Фокса. У этого стряпчего был сын примерно одного возраста с Марком. В кандидаты на руку Мари он, конечно, не годился, поскольку, несомненно, являлся протестантом. Но молодой Фокс свободно говорит как на французском, так и на английском и мог бы помочь с американцем.

В целом все складывалось как нельзя лучше.

Месье Пети вскочил и воззрился на свою дочь Коринну, сжав кулаки. Его трясло от ярости.

– Я немедленно отправляюсь к месье Бланшару! – выкрикнул он.

– Зачем? – сквозь слезы сказала дочь. – Что это изменит?

– Он человек чести. Может, он заставит сына жениться на тебе.

– Не заставит. Он не может этого сделать.

– Посмотрим. – Теперь отец говорил ровным и от этого еще более пугающим голосом. – Но если свадьбы не будет, то ты покинешь мой дом и больше не покажешься мне на глаза.

Поль Пети не знал, когда их семья впервые появилась на улице Фобур-Сент-Антуан, но случилось это еще до Французской революции. И в тот великий день, когда предместье Сент-Антуан поднялось и

двинулось по широкой восточной дороге на штурм Бастилии, представители рода Пети шагали вместе со всеми и с тех пор поддерживали все выступления республиканцев.

Жена Пети посещала мессу, что он считал безвредным женским капризом, но сам презирал всех церковников.

– Они все до одного монархисты и кровопийцы, – провозглашал он.

Но это убеждение не означало, что его детям не следует соблюдать последние шесть из десяти заповедей, и горе тому, кто их нарушит. Поль Пети рос в семье, где было двенадцать детей. Как и его отец, он стал ремесленником, потом и кровью зарабатывающим себе на жизнь. Им хватало денег, чтобы на столе была еда и чтобы дети были одеты прилично, но и только. Малейшая ошибка – и семью поглотит нищета, до которой был всего один шаг.

– Сточная канава у нас прямо за дверью, – предупреждал он детей.

Он был строг, но этой строгостью хотел обеспечить выживание семьи.

И когда нужно, Поль Пети умел быть неумолимым. Он готов был вышвырнуть дочь из дома. Он вынужден это сделать, хотя бы для того, чтобы преподать урок остальным дочерям.

Когда он шел к Жюлю Бланшару, его по-прежнему трясло. Сердце болело не только из-за греха Коринны. Оказалось, она обманывала его. И не один раз, а многократно, хладнокровно, на протяжении недель. Это оскорбляло его и приводило в бешенство.

Пети хорошо помнил, с чего все началось. Он отправил Коринну с запиской к заказчику, который жил около парка Монсо, но поручение заняло у нее неожиданно много времени. Однако когда она объяснила отцу причину задержки, тот остался доволен.

– Отец, я встретила на улице месье Бланшара, и он попросил меня зайти к ним домой и повидаться с его женой. Ей нужна прислуга в доме на два дня в неделю, и она спрашивает, позволишь ли ты мне поработать у них.

Бланшары были ценными клиентами и почтенным семейством. Если Коринна заработает у них немного денег, то ее родители возражать не будут.

Почти месяц Коринна ходила к Бланшарам как договорились – дважды в неделю. Потом сказала, что в доме их старшего сына Жерара,

который недавно женился, тоже требуется помощь. И в следующие недели Коринна работала по три дня, приносила домой скромный заработок, и родителям в голову не приходило в чем-то сомневаться.

Лишь однажды Поль Пети мог заподозрить неладное. Он обмолвился как-то, что в универмаге месье Бланшара пора бы обновить кое-какие столярные изделия, и задумался вслух, не навестить ли клиента с этим вопросом. Он заметил, то Коринна внезапно побледнела, но в этот момент его жена сказала:

– Уверена, что он не забудет о тебе, Поль, ведь он так добр к нашей Коринне, и к тому же она бывает в его доме каждую неделю. Не думаю, что тебе стоит ходить к нему с разговорами о новом заказе. Это будет выглядеть, словно ты навязываешься.

– Ты права, дорогая, – сразу согласился Поль. – Но ты все же держи ушки на макушке, – сказал он Коринне.

А сегодня утром жена поведала ему, что Коринна забеременела от Марка Бланшара, что она позировала ему в его студии, а в доме месье Бланшара или его сына Жерара ни разу не бывала. Сначала Поль Пети отказывался поверить, что это правда.

– Когда это началось? – потребовал он объяснений. – Как тебе такое вообще могло прийти в голову?

– Мы познакомились, когда он приезжал к тебе в мастерскую. Я знала, что он рисует портреты в студии, – призналась Коринна. – Но потом я случайно встретила его на улице – в тот день, когда ходила к парку Монсо. Он шел навестить родителей. Вот тогда он и предложил мне прийти к нему, чтобы он нарисовал меня. Мне показалось... – Она хотела сказать, что ей это предложение показалось интересным, увлекательным, но побоялась. – Я подумала, что ты не позволишь...

– Конечно, я бы не позволил ничего подобного! – воскликнул отец.

– Поэтому я придумала ту историю. Я думала, что схожу к нему в студию пару раз, и все.

– Значит, ты ходила туда, садилась на стул, а он рисовал тебя... Как это привело к тому, что случилось? Он принуждал тебя?

– Нет, папа. Все было не совсем так, как ты думаешь. Модели художников... Они позировали без одежды...

– Ты раздевалась при нем?

– А потом, через три недели... Одно за другим... – Она умолкла.

– Ты стала его любовницей.

– Ну да, наверное.

– Наверное? – Поль ударил бы дочь, если бы между ними не бросилась его жена. – Ты опозорила всю семью! Опозорила родителей, опозорила братьев и сестер! И погубила себя. Но не думай, что я допущу, чтобы ты погубила и всех нас! – гневно заявил он Коринне. – Когда на дереве загнивает ветка, ее нужно спилить.

Улица Фобур-Сент-Антуан была очень длинной. Начиналась она в том месте, что раньше называлось «фобур» – пригород, на восточной окраине Старого города. Задолго до революции здесь стали селиться ремесленники: когда горожанину нужен был плотник, столяр, краснодеревщик, то приходили сюда. Большинство местных жителей придерживались республиканских взглядов, кое-кто относил себя к радикалам, но, подобно Пети, многие из этих рабочих, мастеровых и мелких лавочников были серьезными семейными людьми с консервативными устоями. Однако, если задеть их за живое, они становились непримиримыми, и в прошлом не один монарх почувствовал это на своей шкуре.

Разъяренный Пети едва не бежал. Недавно выпавший снег растаял, и улицы были сухими. Через некоторое время он вышел к тому месту, где когда-то стояла старая крепость Бастилия. Сейчас от нее ничего не осталось, только большой пустырь под монотонным серым небом, которое ничем не могло утешить стремительно шагающего человека.

В этом месте когда-то начинался Старый город, так что здесь название улицы теряло слово «Фобур», и дальше она продолжалась как Сент-Антуан. Спустя несколько сот метров она опять меняла название, теперь на Риволи. И вот под этим модным наименованием она вела мимо старой Гревской площади на берегу Сены, где городскую ратушу Отель-де-Виль перестроили в стиле огромного нарядного замка, мимо старой тюрьмы Шатле, где средневековые прево отправляли правосудие. Тут Пети пришлось сбавить шаг, он запыхался и, несмотря на холодную погоду, вспотел.

Он бессознательно отряхнул рукава, когда добрался до самой роскошной части улицы Риволи – длинной аркады, которая тянулась на всем протяжении пышного Луврского дворца и сада Тюильри за ним, пока наконец не вышел на просторную площадь Конкорд.

Он был в пути уже почти час. Его гнев не ослабел, но постепенно перешел в угрюмую ярость, приправленную горьким отчаянием. Пети повернул к изящной церкви Мадлен. Сразу к западу от церкви начиналось еще одно градостроительное творение барона Османа – бульвар Мальзерб. Великолепной диагональю он тянулся вдоль края парка Монсо к северо-западным воротам города. Весь бульвар был определенно респектабельным, но его кварталы в непосредственной близости от церкви Мадлен были поистине роскошными. Вот здесь, в большом здании в стиле Belle Époque, и находилась квартира Жюль Бланшара.

Жюль был крайне удивлен, когда в половине одиннадцатого утра слуга объявил о прибытии месье Пети, но тем не менее велел немедленно проводить краснодеревщика в библиотеку.

Смущенный, но решительный, Пети рассказывал о случившемся и теребил в руках шляпу. Бланшар понимал его полностью. Сохраняя непроницаемо-серьезное выражение лица, в душе он не сомневался ни в едином слове ремесленника и всей душой сострадал ему. Он понимал и его смущение, и его стыд, и его ярость.

И когда Пети закончил, Жюль оставался сдержанным и отстраненным.

– Вы должны понимать, месье Пети, что я ровно ничего не знал об этом.

– Я понимаю, месье.

– Следовательно, прежде всего я должен поговорить с сыном. Но давайте обсудим ситуацию, как она нам представляется на данный момент. Вы уверены, что ваша дочь беременна?

– Так говорит моя жена.

– Я бы посоветовал вам все же найти доктора. Может быть, ей просто показалось. Но даже если ваша жена права, то всегда есть шанс, что делу положит конец сама природа. Такое ведь часто случается.

– Возможно, месье. – Пети эти слова мало успокоили.

– Даже если... Я говорю «если», так как пока мы не уточнили все детали. Даже если выяснится, что причина нынешнего состояния вашей дочери – мой сын, надо сразу расставить все точки над «i»: он не желает жениться на ней. Нет никакого смысла в том, чтобы обманывать себя. Я представить не могу, чтобы Марк захотел чего-то в этом роде, и сам не одобряю такого варианта.

Пети промолчал. Да и что он мог сказать? Подобного ответа он и ждал.

– Если события будут развиваться именно так, – продолжал Жюль, – как вы поступите?

– Она уйдет из моего дома. Я больше не желаю видеть ее.

– Вы не простите дочь?

– Я не могу, месье. Мне надо думать о других моих детях. Но ваша семья также несет ответственность.

С заказчиком недопустимо обращаться подобным образом, но Пети почти не сомневался, что Бланшар и так уже потерян для него.

Жюль прикидывал, не согласится ли девушка на аборт. Это можно было бы организовать. Но сейчас не время поднимать эту тему.

– Я воздержусь от дальнейших комментариев до тех пор, пока не поговорю с сыном. Но можете быть уверены, что после этого я сразу свяжусь с вами.

Беседа на этом закончилась. Как только Пети ушел, Жюль послал слугу в жилище Марка с сообщением, что отец немедленно хочет видеть сына.

– Не как можно скорее, – подчеркнул он, – а немедленно.

Марк приехал за двадцать минут до полудня. Он широко улыбался. Его американский друг, на первый взгляд довольно безобидный, прибыл вместе с ним, и Марк весело представил его родителям. Затем отец попросил его пройти в библиотеку для разговора с глазу на глаз.

– Коринна Пети беременна, – объявил Жюль, закрыв дверь.

– Беременна? – Удивление на лице Марка было искренним.

– Утром ко мне приходил ее отец. Он хочет знать, что ты планируешь делать с этим. Есть ли шанс, что отец не ты?

– Скорее всего, я. – Марк подумал и пожал плечами. – Она была невинна.

– Девственница?

– Да. И... Сомневаюсь, что у нее была возможность...

– Он считает, что ты должен жениться на ней.

– О нет!

– Ты понимаешь, что с ней станет? Отец собирается выгнать ее на улицу. Она для него мертва.

– О боже!

– А ты чего ожидал? Неужели у тебя вообще нет никакого чувства ответственности? – Жюль говорил все громче. – Ты соблазняешь дочь человека, который работает на нашу семью, который доверяет нам и уважает нас. Ты губишь ее и думаешь, что никаких последствий не будет? Что, по-твоему, я чувствовал, видя гнев и страдание несчастного мебельщика? Что, по-твоему, я почувствую, если какой-нибудь подлец – да, подлец вроде тебя! – погубит твою сестру? Негодяй! – выкрикнул он. – Кретин! – От гнева у него перехватило дыхание.

Марк выслушал эту тираду в полном молчании. Немного погодя он ответил единственным словом:

– Жозефина.

– При чем тут «Жозефина»?

– Ты оскорбляешь меня и обзываешь разными словами. Но свой универмаг, по которому весь город знает тебя и всю нашу семью, ты назвал именем своей бывшей любовницы.

– Чушь! Он назван так в честь императрицы Жозефины. Все это знают.

– Не беспокойся, мама не догадывается ни о чем.

– Она ни о чем не догадывается, потому что нечего тут гадать, – резко ответил отец.

– Как хочешь. – Марк опять пожал плечами.

– Если бы, – уже тише сказал ему отец, – у тебя была любовница – дама из общества или просто опытная женщина, умеющая позаботиться о себе, я был бы только рад.

– На это моего содержания не хватает.

– Но твой случай, – продолжал отец, игнорируя дерзкое замечание, – совсем другой. – Он помедлил. – Мы могли бы отмахнуться от девушки, могли бы заявить, что она всего лишь маленькая шлюха и что неизвестно, отец ты или нет. Я знаю много семей, которые поступили бы именно так. Ты хочешь, чтобы и я так поступил?

– Нет.

– Рад слышать, поскольку я не намерен делать ничего подобного. Нужно посмотреть, что можно предпринять. Она могла бы родить вдали от города. Это не проблема. Ребенка потом отдадим на усыновление. Если нужно будет, я буду платить за его воспитание. Однако боюсь, что Пети все равно не позволит дочери вернуться в

семью. Я его понимаю, но все равно это трагедия. – Он сурово глянул на сына. – А пока, с целью помочь тебе обдумать твоё поведение, я приостанавливаю выплату твоего содержания.

– На сколько?

– Посмотрим. – Он жестом дал понять Марку, что тема закрыта. – Тебе лучше вернуться к твоему другу из Америки. Скоро начнут прибывать остальные гости. О, и ещё одна вещь, – вспомнил Жюль. – Твоя сестра ничего не должна знать об этом деле. Ты меня понял? Ничего.

Фрэнк Хэдли был симпатичным парнем. Он приехал в Париж, чтобы изучать искусство, и через пару недель случайно повстречался с Марком Бланшаром. Они подружились, Марк показал приятелю город и теперь вот пригласил познакомиться со своей семьёй.

Двадцатипятилетний американец был высоким, хорошо сложенным мужчиной, с каштановой шевелюрой и широко расставленными карими глазами. Его сильная, атлетическая фигура подсказывала, что он мог бы быть хорошим гребцом и, возможно, неплохо управляет с топором, и оба предположения были верны.

Его школьного французского хватало, чтобы не растеряться совсем в первое время, а теперь он усердно учил язык по два часа каждое утро.

Фрэнк с любопытством оглядывал апартаменты. Было очевидно, что семья Марка принадлежит к буржуазии и имеет деньги. Тут не было ни величественной мебели в стиле Людовика XIV, столь любимой аристократией, ни более легкой мебели рококо. Обстановка просторного жилища Бланшаров датировалась по большей части XIX веком. Это были диваны и стулья с гнутыми ножками и спинками, лакированные шкафчики, тут и там – столы в более простом, суровом стиле Директории. И повсюду изобилие зелени: пальмы в углах, цветы на столах. Крупная буржуазия Франции почти так же, как и средний класс викторианской Англии, полюбила комнатные растения.

Он изо всех сил старался поддержать беседу с матерью Марка. Трудно было найти более радушную хозяйку, однако её английский был ограничен, и в первые несколько минут их разговор изобиловал неловкими паузами. И потому Фрэнк испытал немалое облегчение, когда в комнату вошли элегантная дама, представившаяся тетей Марка, и приятная светловолосая девушка, оказавшаяся его сестрой. Девушка

говорила по-английски лишь чуть лучше матери, зато тетя владела языком свободно, и Фрэнк быстро обнаружил, что это была образованная и начитанная женщина. Как раз такой человек, подумал он, с которым и следует знакомиться в Париже.

Они проговорили буквально пару минут, когда до них вдруг донесся сердитый голос месье Бланшара, говорящего на повышенных тонах. Ошибки быть не могло. Слов было не различить, но Фрэнк почти не сомневался, что месье Бланшар выкрикнул слово «негодяй» и потом «кретин».

Он вопросительно глянул на Мари, и та вспыхнула от смущения. У Хэдли было ощущение, будто мать Марка догадывается, в чем дело. Он стал подумывать о том, не лучше ли ему распрощаться.

У тети Элоизы достало самообладания, чтобы взять инициативу в свои руки.

– Да, месье Хэдли, кажется, Марк чем-то огорчил отца, хотя мы не знаем, чем именно. – Она улыбнулась. – Вероятно, ваш отец тоже порой сердится на вас.

– Помню, что, когда я был мальчиком, меня порой водили в дровяной сарай, как у нас говорят.

– Вот видите. – Она изящно повела рукой. – Вероятно, все семьи в мире одинаковы. Итак, мой дорогой Хэдли, поскольку в любой момент к нам присоединятся новые гости, вы немедленно производитесь в члены семьи. Мы будем вести себя так, словно ничего не произошло, договорились?

– Договорились. – Фрэнк ухмыльнулся.

– Отлично. – Тетя Элоиза оглянулась. Непохоже было, что Мари или ее мать готовы внести вклад в общую беседу, и потому она продолжала в том же ключе: – Очень скоро, Хэдли, мы зададим вам множество вопросов о вас, но пока повременим с этим, а иначе, когда явятся остальные, вам придется повторяться. – Она замолчала, но только на мгновение. – Во Франции, как вы быстро обнаружите, мы часто возвышаем голос, когда обсуждаем вопросы, не имеющие никакой важности. Философию, например. Все кричат и перебивают друг друга. Это в высшей степени приятная манера. Если же вдруг настанет конец света, – она подняла указательный палец, – правила хорошего тона предписывают сохранять спокойствие и по возможности сделать скучающее лицо. – Она лукаво посмотрела на него. – По

крайней мере, таковы были привычки высшего общества до революции. И мы все еще помним их.

– У нас в Америке ценят такое качество, как присутствие духа, – сказал Фрэнк, – но искусство скучать мы пока не освоили.

– Если проведете с нами достаточно много времени, мой дорогой Хэдли, – с улыбкой ответила тетя Элоиза, – я уверена, мы сможем вам наскучить. – Она обернулась к двери. – А вот и остальные.

Да, в гостиную входили все разом: Жерар с женой, побледневший Марк и вслед за ним приятный англичанин по имени Джеймс Фокс. Вскоре после этого в комнату вернулся и месть Бланшар. Он приветствовал Фокса, обнял Жерара и его жену и почти ничем не выдал своего неудовольствия младшим сыном, разве что избегал смотреть на него.

Его сестра Элоиза обратилась к нему:

– Мой дорогой Жюль, пока вы с Марком что-то страстно обсуждали, я вела увлекательную беседу с Хэдли, который стал теперь почти своим. – Она послала брату многозначительный взгляд.

Говорила она по-французски, тем не менее суть ее слов Фрэнк ухватил и улыбнулся про себя. Манеры французов могут казаться слегка нарочитыми, но тетя Элоиза сейчас дала понять брату, что их американский гость слышал ссору в библиотеке.

– А, – кивнул ему Жюль Бланшар. – Итак, – объявил он собравшимся, – все уже здесь, кроме месье де Синя. – И, заметив на лицах удивление, добавил: – Пожалуй, мне следует объяснить, кто он такой.

Поворачивая от церкви Мадлен на бульвар Мальзерб, Роланд пытался одолеть уныние. Не хотелось ему идти на этот обед. Просьбу отца он, конечно, не может отклонить, но энтузиазма при мысли о предстоящем визите не испытывал. К тому же утро прошло неудачно. Он все откладывал второе поручение отца – ответить на письмо канадца – и решил, что пора уже сделать это. Поэтому он сел и прочел послание.

Написано оно было с безукоризненной любезностью. В нем сообщалось, что, хотя фамилия автора письма теперь пишется «Дессинь», в семье всегда знали, что они являются ветвью рода де Синей. Автор, собираясь этим летом во Францию и надеясь посетить

некоторые замки в долине Луары, испрашивал позволения осмотреть также старое фамильное шато.

Каковы бы ни были намерения писавшего, он совершенно очевидно заблуждался, и Роланд не собирался пускать его на порог. Но как избавиться от канадца вежливо? Два часа Роланд сочинял письмо, и с каждой неудачной попыткой его раздражение росло, так что в конце концов ему пришлось отправиться к Бланшарам, так и не закончив ответа.

В какой-то степени это объяснялось тем, что Роланд пребывал в дурном расположении духа еще с момента побуждения. И даже с самого четверга. И не по своей вине.

Катаклизм, который случился во Франции на той неделе в четверг и который эхом отдавался в истории страны еще несколько поколений, сводился к одному-единственному письму. И написано оно было не каким-то видным деятелем, а всего лишь популярным романистом по имени Эмиль Золя. Оно касалось того непонятого офицера, Дрейфуса.

«J'accuse...» – так было озаглавлено письмо. «Я обвиняю...» Кого обвинял Золя? Французское государство, систему правосудия и, что было хуже всего, армию. Все они знали, писал Золя, что Дрейфус невиновен. Армия и правительство были замешаны в отвратительном сговоре: они продолжали держать невинного человека за решеткой, лишь бы скрыть доказательства того, что настоящим предателем является другой, известный им офицер. Почему же все они готовы воспрепятствовать отправлению правосудия? Потому что Дрейфус – еврей.

Еще до начала весны вся Франция распадется на два лагеря. А пока правительство негодовало, а что до армии, то офицеры полка, где служил Роланд, были единомышленны:

– Золя нужно расстрелять.

Фрэнк сидел за обеденным столом. Семья Марка делала все, чтобы он не испытывал неловкости или смущения.

Он слышал, что во Франции, как и в Испании, не всегда просто получить приглашение в чей-то дом, а без этого страну не узнаешь. Также он слышал, что французы могут быть весьма неприятны в общении. Но Марк дал ему отменный совет на такие случаи:

– Все, что ты должен делать, Фрэнк, – это выказывать уважение. Нельзя забывать о том, что англичане, в конце концов, победили Наполеона, а еще у них величайшая империя в мире, и потому они склонны к надменности. Так как язык дипломатии – французский, с английскими дипломатами у нас нет проблем. А вот остальные их соотечественники приезжают сюда и пытаются указывать нам, что делать, да еще по-английски. Разумеется, нам это не всегда нравится. Но если ты проявишь немного уважения и постарайся говорить на французском, то все будут рады помочь тебе. – Он помедлил. – Хотя и потом у тебя могут быть проблемы.

– О чем ты?

– Американцам почему-то с трудом дается французское произношение. Не знаю, в чем тут дело, но я уже не раз замечал это. Иногда американец выучит французский, приедет сюда и начинает говорить, и мы вслушиваемся изо всех сил, потому что догадываемся, что он говорит на нашем языке, но не можем понять ни слова. – Марк пожал плечами. – Досадно. – Потом он ухмыльнулся. – Но ты не огорчайся, старина. Если ты не будешь запускать грамматику, то твоим произношением я займусь лично.

По правилам хорошего тона де Синя следовало усадить по правую руку мадам Бланшар, знавшей всего несколько английских фраз, а по левую – Фрэнка. Но с другой стороны от него сидел англичанин Фокс. Де Синь тоже немного говорил по-английски. Справа от него была Мари. Жюль Бланшар устроился на противоположной стороне стола, между сестрой и невесткой.

Шла общая беседа, и Фокс негромко переводил Фрэнку, когда в этом была необходимость. Поскольку Хэдли был гостем из-за границы, то весь стол самым дружелюбным образом потребовал, чтобы он рассказал о себе. Хозяйка дома поинтересовалась, откуда он родом. Фрэнк объяснил, что жил в разных городах, поскольку отец его был преподавателем и работал то в одном университете, то в другом, пока не вышел не так давно в отставку и не поселился в Коннектикуте.

– Что он преподавал? – спросила тетя Элоиза.

– Латынь.

– Ваша семья всегда была связана с науками? – с надеждой спросила она.

– Нет, мэм. Мой дед нажил неплохое состояние на торговле мануфактурой, но отец любил учиться и потому избрал академическую карьеру.

– Вы сказали, мануфактура? – заинтересовался Жерар Бланшар с конца стола. – Опт или розница?

– И то и другое.

– Значит, ваша семья похожа на нашу, – одобительно заметил Жерар. – Такая же солидная.

Тете Элоизе этот вывод не доставил удовольствия, но Фрэнк улыбнулся.

– Нам нравится так думать, – ответил он весело.

Тетя Элоиза пожелала узнать, что побудило его заняться искусством, и он поведал, что его мать – талантливая музыкантша и художница.

– Я посещал учебное заведение, которое называется Юнион-колледж. Оно расположено примерно в том месте, где художники Гудзонской школы живописи черпали свое вдохновение, – пояснил он. – Тамошние пейзажи поражают величиим. Они среди прочего и подсказали мне, чем заниматься. – Он внезапно переменял тему и обратился к Марку: – Ты говорил, что американцам не дается французское произношение. Давайте посмотрим, как у вас получится справиться с американским. Мой университет располагается на реке Мохок в городке под названием Скенектади. Кто из вас сможет повторить это?

После того как каждый попробовал произнести название города, Фрэнк покачал головой:

– У Фокса почти получилось, но он англичанин. А остальные – вообще не похоже!

Французы были в восторге от этого маленького соревнования.

– Но это просто невозможно выговорить! – раздавались горячие протесты. – Таких слов не существует!

– А почему вы приехали во Францию, месье Хэдли? – рискнула задать вопрос Мари, хотя и смущалась.

– Импрессионисты, мадемуазель. Французские импрессионисты сейчас невероятно популярны в Америке, и поэтому каждый молодой художник в Соединенных Штатах хочет отправиться во Францию. Думаю, я лишь один из многих.

– Так и есть, – подтвердил Марк. – Мне уже кажется, что скоро во Франции американских импрессионистов станет больше, чем французских. Но я видел работы Хэдли – у него большой талант.

– Вы учитесь и пишете картины, месье Хэдли, – вступил в беседу де Синь, – тем не менее вы производите впечатление человека, который с удовольствием бывает на свежем воздухе.

Фрэнк опять улыбнулся:

– Сказать по правде, я не был уверен, что делать после окончания университета, поэтому отправился на Запад и год проработал на ранчо. Это было чудесное время. Бескрайнее пространство вокруг и физическая работа, которую я обожаю. Однако под конец я уже не сомневался, что хочу изучать живопись.

– Значит, вы ездите верхом?

– Конечно.

– С ковбойским седлом?

– В Новой Англии я пользовался английским седлом, но предпочитаю ковбойское. А вы ездите верхом?

– Я служу в кавалерийском полку, месье. Что касается ковбойского седла, то с тех пор, как в Париже побывал Буффало Билл, все хотят попробовать его.

– Месье де Синь слишком скромн, – мягко вмешался Жюль Бланшар, – но мне посчастливилось узнать от его отца, что его чуть не зачислили в элитную команду «Кадр Нуар». Это означает, Хэдли, что он – один из лучших наездников во всей Франции.

– Я бы так не сказал, – возразил аристократ, но Хэдли видел, что комплимент был ему приятен.

Также он заметил, что на Мари эта информация произвела большое впечатление.

Хэдли оглядывал стол: ему удалось развлечь компанию и развеять тягостное впечатление, оставшееся от ссоры Марка с отцом. Казалось, все прекрасно проводят время.

– Скажите мне, месье Хэдли, что вы будете делать, если карьера живописца у вас не сложится? – вдруг подал голос Жерар. – Вы будете работать?

– О нет! – воскликнула тетя Элоиза. – Хватит, Жерар. Достаточно.

Хэдли же только рассмеялся.

– Я вижу, вы любите добираться до сути, – добродушно заметил он. – И это вопрос по существу. Мой отец щедр ко мне, и я смогу посвятить живописи несколько лет. Но если не достигну значительных успехов, то, скорее всего, займусь бизнесом. И думаю, что знаю, какого рода бизнес это будет.

– Мануфактура?

– Нет. Автомобили. По-моему, их ждет большое будущее. Буквально в последний год или два все производители стали переходить от паровых автомобилей к бензиновым двигателям внутреннего сгорания: Форд в Америке, Бенц в Германии, Пежо во Франции. Уверен, что это будет интересное и прибыльное дело.

Жерар, по-видимому, был удовлетворен ответом. Де Синь смотрел с сомнением.

– Я знаю одного или двух богатых людей, которые хотели бы приобрести автомобиль, – сказал аристократ, – в качестве развлечения, конечно. Но вы считаете, что в Америке автомобили станут чем-то бóльшим?

– Не сразу. Но через поколение – скорее всего. И не только в Америке. Во всем мире.

Это предположение было встречено всеобщим задумчивым молчанием. Жюль Бланшар смотрел на Хэдли все более благосклонно: возможно, этот американец – как раз такой приятель, который нужен Марку, уравновешенный и целеустремленный.

До сих пор Фокс довольствовался тем, что обеспечивал синхронный перевод говорящим, но теперь и сам присоединился к общей беседе. На взгляд Фрэнка, это был интересный юноша, примерно такого же роста, как он, но более худощавый, с уверенными манерами состоявшегося человека.

– В Париже мы скоро станем свидетелями большой перемены в сфере транспорта, – заметил Фокс, – а именно появится метро. Туннели начнут рыть через несколько месяцев. К сожалению, французы на годы отстали от американцев и англичан, но планы у них грандиозные. И вот теперь их начинают претворять в жизнь. Вся система будет завершена очень быстро.

– И не забудьте упомянуть о проектах для наземных входов и выходов, – добавил Марк. – Оформление будет выдержано в стиле модерн, все будет очень элегантно.

Подали основное блюдо. Это был настоящий триумф кулинарного искусства. *Voeuf en croûte* – запеченная говядина, доведенная до совершенства: говяжий филей обкладывается толстым слоем нежной и жирной гусиной печени, заворачивается в сдобное слоеное тесто и в таком виде отправляется в печь. Аромат от мяса исходил такой, что можно было насытиться им одним. Даже де Синь не скрыл восхищения.

– Мадам, – с чувством сказал он хозяйке, – у вас отменный повар.

Насладившись говядиной, Роланд признался себе, что этот обед с семейством Бланшар оказался не так плох, как он ожидал. Верно, они не принадлежат к его кругу. Апартаменты ему не понравились, а что до столовой в стиле модерн, которой они так гордятся, то ему она показалась вульгарной – просто в силу своей новизны.

Но отец прав: нужно встречаться с разными людьми. Сыновья Бланшара не в его вкусе, а их тетька – слишком большая интеллектуалка, но сам Жюль Бланшар – весьма здравомыслящий человек. Из остальной компании ему понравился Хэдли. Эти американцы обладают приятной безыскусностью. Фокс представлял собой самое британское изобретение из всех – английского джентльмена, чьи манеры ни у кого не вызовут нарекания, и, безусловно, он вел себя весьма любезно, помогая с переводом.

Оставались Мари и ее мать.

Он наблюдал за мадам Бланшар с начала обеда. Это была дама приятной наружности; со времен юности талия ее расплылась, но благодаря правильным чертам и голубым глазам она выглядела, пожалуй, моложе своих лет. Любой мужчина среднего возраста почитал бы себя счастливым, имея такую жену.

Конечно же, у нее есть армия слуг и поваров, которые готовят и подают еду, но он видел по тому, как она оглядывала каждое блюдо и следила за работой слуг, что в своем доме она истинная хозяйка. Она точно знала, что и как было приготовлено. Стоило какой-нибудь вилке оказаться не на положенном месте, как она в ту же секунду кивком указывала слугам на этот факт, и ошибку немедленно исправляли.

Еще де Синь выяснил, что супруги Бланшар приходились друг другу троюродными братом и сестрой, – точно так же половина знакомых ему аристократов женились на дальних родственницах. Из

пары оброненных хозяйкой замечаний косвенно следовало, что обе семьи были одинаково состоятельными. Короче говоря, не испытывая необходимости что-либо доказывать, мадам Бланшар являлась женщиной, которая совершенно уверена в себе и прекрасно приспособлена к своей жизненной роли. Де Синь уважал это.

Посматривая на Мари, он вдруг подумал, что однажды она станет такой же, как ее мать. Девушка была чересчур молчалива – вероятно, вследствие строгого воспитания. Тем лучше. От ее матери он узнал, что утром они обе ходили к мессе, как ходят каждое воскресенье. Значит, девушка – хорошая католичка. Это де Синь тоже одобрил. И она была красива. Он представил себе, каково было бы пробудить в ней страсть. И решил, что это было бы очень приятно.

И тогда Роланд, почти не помнивший, что значит иметь мать и нормальную семейную жизнь, неожиданно понял, что мог бы быть не гостем, а главой такого же теплого дома – если бы женился на этой девушке.

Станет ли это нарушением правил? Не унизит ли он свой род, если породнится с буржуазией? Роланд не мог и помыслить, чтобы повредить репутации своей фамилии. И что скажут друзья? Наверное, ничего плохого, если невеста будет богата. А что подумает отец? В душе возникли подозрения, что тот уговорил его посетить обед у Бланшаров, как раз имея в виду возможность брака. Нужно будет спросить его, сделал пометку на будущее Роланд.

Он отвлекся от своих мыслей, когда Мари поинтересовалась у Хэдли, планирует ли он путешествовать по Франции, и если да, то какие места хотел бы посетить.

Советы посыпались со всех сторон. Но Хэдли сказал, что очень надеется к лету усовершенствовать свой французский, а до тех пор едва ли стоит покидать Париж, ведь погода не располагает к путешествиям.

– Вы могли бы съездить в Версаль, – предложил де Синь. – Многое из того, что там стоит посмотреть, находится под крышей. И добираться поездом совсем недолго.

– Дворец открыт в это время года? – спросил Жюль.

– Я могу договориться о частном визите, – вызвался де Синь, чем поразил весь стол.

– Хэдли, соглашайтесь немедленно, – посоветовал Жюль.

– Если вы с Марком не против, я бы сам провел вас по дворцу, – продолжал де Синь. – Моя семья некоторым образом связана с этим местом. Возможно, мадемуазель Мари захочет составить нам компанию.

Мари глянула на мать, та кивнула, а потом посмотрела на мужа.

– Конечно, – сказал Жюль.

Выезжая с братом, девушка не нарушает приличий. А со стороны де Синя очень любезно отплатить таким образом за прием. И если аристократ желает поближе познакомиться с его дочерью... Ну что ж, очень хорошо.

– Найдется ли у вас место для переводчика? – спросил Фокс.

– Разумеется, – ответил де Синь.

Он не хотел пока явным образом выражать свой интерес к девушке. Благовоспитанный англичанин станет отличным дополнительным прикрытием.

Такой состав и утвердили, а саму поездку назначили на следующую субботу.

И потому было очень огорчительно, что минуту или две спустя Фрэнк Хэдли без всякой задней мысли обратился к де Синю с вопросом:

– Что там на самом деле случилось с тем армейским офицером, о котором только и пишут все газеты?

Роланд де Синь начал очень осторожно. Он предполагал, что эта степенная католическая семья разделяет его взгляды, но всегда нужно действовать с осмотрительностью.

Он вкратце рассказал, как Дрейфуса судили за шпионаж и признали виновным и как потом было следствие по делу другого офицера, Эстерхази, которого военный суд оправдал. Не все, подчеркнул де Синь, соглашались с этими выводами, но никаких активных действий не предпринималось – вплоть до этой недели, когда известный писатель по имени Золя написал президенту открытое письмо, в котором обвинял власти и армию в сговоре и сокрытии истины.

– Насколько мне известно, – заключил он, – Золя не располагает какими-либо доказательствами и не уполномочен заниматься данным

вопросом, что бы он ни писал. Скорее всего, правительство привлечет его к ответственности. Но это нам еще предстоит узнать.

– И можешь не сомневаться, Хэдли, – добавил Марк, – что армии тоже не понравилось это письмо. Вы согласны? – спросил он де Синя.

– Абсолютно, – прямо ответил де Синь. – Большинство, если не все мои собратья-офицеры, считают, что Золя оскорбил армию. Я думаю, что армия Соединенных Штатов тоже не обрадовалась бы, если бы ее публично обвинили в несправедливости и нечестности.

Жюль Бланшар быстро вмешался, пытаясь предупредить возможные осложнения:

– Вы же понимаете, Хэдли, что случаи, подобные этому, возникают время от времени в каждой стране. Крайне неудачно то, что Золя избрал столь провокационный способ его обсуждения. Но я не сомневаюсь... – он обвел стол строгим взглядом, чтобы донести до членов семьи свою мысль, – что спокойствие и мудрость скоро возьмут верх.

А затем и его жена доказала, что она тоже может взять ситуацию под контроль, когда посчитает нужным.

– Я крайне разочарована тем, что никто не попробовал фруктового пирога. – Она кивнула слуге, который держал блюдо, чтобы тот поднес его ближе. – Месье де Синь, надеюсь, вы не обидите хозяйку отказом.

– Пирог выглядит великолепно, мадам. – Роланд моментально все понял и принял кусок.

– Я слышала, вы только что прибыли из вашего замка на Луаре, – твердо продолжала мадам Бланшар. – Прошу вас, расскажите о нем. Каким веком он датируется?

Фокс, также готовый помочь, следом задал Жерару вопрос о его торговых делах.

Но этого было недостаточно.

– Все, что вы сказали, месье де Синь, абсолютно верно. – Это заговорила тетя Элоиза. – Но вы не упомянули о детали, которая является главной в письме Золя. А именно тот факт, что Дрейфус – еврей.

Хэдли увидел, что Жюль Бланшар положил ладонь на запястье сестры. Но этот молчаливый призыв не возымел действия.

– Это же правда, Жюль! – вскричала она. – Все это знают.

Все молчали. Роланду меньше всего хотелось отвечать, но у него, по-видимому, не было выбора.

– Дрейфуса судили не за его религию, мадам, а за то, что он передал зарубежным властям секретную информацию. На Чертовом острове он страдает. Если он невиновен, мне жаль его. Однако до сих пор никто этого не доказал. Такова правда, чистая и простая. То, что мне не нравится в этом деле, едва ли касается самого Дрейфуса; мне не нравится Золя. Потому что он стремится подорвать авторитет и честь армии. А армия и Церковь – это два института во Франции, которые должны оставаться вне подозрений. Я говорю это не как аристократ и даже не как офицер и католик, а как солдат, христианин и патриот.

Жерар Бланшар что-то пробормотал в знак согласия. Его поддержала жена. Жюль тоже кивнул, как минимум из уважения к гостю.

– Вы делаете различие между евреем и христианином? – негромко спросила тетя Элоиза.

– Разумеется, мадам. Они исповедуют разные веры.

– И вы считаете, что Золя также следует лишиться свободы?

– Я не огорчусь, если это произойдет.

– В Америке, – сказала тетя Элоиза, обращаясь к Хэдли, – у вас есть свобода слова. Вам ее гарантирует ваша конституция. Несмотря на революцию, во Франции человек не может открыто высказывать свои мысли, и мне стыдно за свою страну.

Хэдли ничего не сказал, но Роланд не смог промолчать.

– Мне жаль, что вы стыдитесь Франции, мадам, – произнес он ледяным тоном. – Может, вам, капитану Дрейфусу и Золя следует найти какую-то другую страну себе по вкусу.

– Не думаю, что нам стоит поднимать этот вопрос до уровня принципа, – вступил в разговор Жерар. – Не знаю, нарушил Золя закон или нет, написав такое письмо. Если нарушил, то пусть это определит суд. А если нет, то никто его судить не будет. Вот и все. Ничего серьезного.

Вопреки своему обычаю Жерар действительно попытался помочь. Ничего хорошего из этого не вышло.

– Мой дорогой Жерар, ты отлично управляешь компанией, я уверена в этом, – раздраженно заметила тетя Элоиза. – Но я знаю тебя всю твою жизнь, и ты не узнаешь моральный принцип, даже если он подойдет и ударит тебя по физиономии.

– А вы, тетя Элоиза, живете в собственном мирке, – обиделся Жерар. – Позвольте напомнить, что именно доходы от нашего семейного предприятия дают вам возможность весь день читать книги да смотреть на нас сверху вниз.

– К «делу Дрейфуса» это не имеет никакого отношения, – холодно сказала тетя Элоиза.

– Все равно я заодно с месье де Синем, – сказал Жерар. – Я не говорю, что все евреи – предатели, но у нас христианская страна, и значит, они не могут чувствовать то же, что и мы.

Тут, во избежание дальнейшего кровопролития и прежде чем ситуация полностью станет неуправляемой, Жюль Бланшар проявил твердость. Он стукнул пальцами по столу и поднялся, дабы привлечь внимание всех и каждого, и произнес небольшую речь.

Это была хорошая речь. А будущие месяцы и годы доказали, что она оказалась даже более прозорливой, чем мог подумать сам Бланшар.

– Месье де Синь, Хэдли, Фокс и мои дорогие родственники. Это мой дом, и от нашего с женой имени я требую прекратить обсуждение этой темы. Полностью. Но сначала позвольте мне сказать кое-что. Только что мы едва не поссорились. Мы не поссорились, – он строго посмотрел на Жерара и Элоизу, – но были близки к этому. И давайте поблагодарим судьбу и вынесем из этого происшествия важный урок. Если сидящие за этим столом люди – все без исключения уравновешенные и благовоспитанные – оказались так близки к рукоприкладству, то что случится, если эту трудную тему затронут другие, настроенные менее доброжелательно? Три дня назад, читая письмо Золя, я, признаюсь, был удивлен и шокирован. Но тогда я еще не понимал, какой эффект оно произведет на широкую публику. Сейчас мне кажется, что письмо станет причиной глубокого раскола во французском обществе. Оно может разорвать Францию на части. И кто бы ни был прав в этом деле, я не могу не сожалеть о разрыве добрых отношений между честными людьми. Так давайте же по крайней мере запомним, – Жюль с отеческой улыбкой обвел взглядом стол, – что письмо Золя и «дело Дрейфуса» следует обсуждать взвешенно и аккуратно, и уж во всяком случае не за обеденным столом. А иначе мы неизбежно потеряем друзей!

Даже де Синь, несмотря на бурю в душе, мог только восхищаться главой дома. Да, да, отец прав. Этот Бланшар – исключительный

человек. Прирожденный государственный деятель. Со своего места Роланд вежливым кивком выразил уважение севшему хозяину.

Тетю Элоизу эта речь не успокоила, но она ничего не сказала.

– Мудрые слова, – отметил Фокс.

А Фрэнку Хэдли припомнились слова тети Элоизы о том, будто французы страстно спорят только о пустяковых вопросах. Должно быть, это «дело Дрейфуса» – исключение, подтверждающее правило.

Заканчивался обед без происшествий, однако от оживления, что царило за столом поначалу, не осталось и следа.

Когда все стали прощаться, Фрэнк подошел к де Синю и вполголоса поинтересовался:

– Поездка в Версаль не отменяется?

– Ни в коем случае, – заверил его аристократ и еще раз для всех подтвердил обещание устроить экскурсию.

Фрэнку очень хотелось обсудить с Марком происшедшее за обедом. Но когда они вышли вдвоем на улицу и обменялись буквально парой фраз, Марк вдруг спохватился:

– Мой дорогой друг, из-за всей этой драмы я чуть не забыл: ко мне в четыре часа придет клиент позировать для портрета. Давай встретимся завтра вечером, выпьем где-нибудь вина и обо всем поговорим.

Оставшись в одиночестве, Фрэнк решил свернуть на Елисейские Поля и пройтись до Триумфальной арки, чтобы размяться и подышать свежим воздухом. А если не нагуляется, то можно будет пойти дальше, хоть до самого Булонского леса.

Когда Роланд вернулся в казармы, в нем все еще кипела ярость. Его гнев не был направлен на семью Бланшар, за исключением тети Элоизы, которая, будучи интеллектуалкой, автоматически попадала под подозрение, да к тому же очевидно придерживалась республиканских взглядов. Самый факт ее существования мог бы настроить Роланда против всего семейства, но он видел, что брат Мари Жерар почти не общается со своей тетей, и это предполагало, что возможно быть членом семьи и при этом держаться на расстоянии от этой несносной женщины.

Однако раздражение де Синя искало выхода, так что он почти обрадовался, увидев на своем письменном столе незаконченный ответ

канадцу. Роланд решительно сел за стол.

Уважаемый господин,

Ваше письмо передал мне мой отец, виконт де Синь, с просьбой ответить, так как у него самого нет на это времени.

Даже если оставить в стороне тот факт, что написание Вашей фамилии ни в коей мере не предполагает ее связи с фамилией виконтов де Синей, я заверяю вас, что никто из нашей семьи никогда не эмигрировал из Франции в Канаду и не посещал эту страну. В противном случае нам было бы известно об этом. Таким образом, предположение о существовании канадской ветви нашего рода совершенно необоснованно.

Как следствие, я не считаю, что визит в Шато де Синь будет представлять для Вас какой-либо интерес; в любом случае этим летом замок будет закрыт для посещений в связи с реставрацией.

Несомненно, месье, у Вас были французские предки. Но если Вы желаете найти во Франции родственников, предлагаю Вам искать в иных направлениях.

Удовлетворенный результатом, он отложил ручку. Такой ответ избавит их от назойливости месье Дессиня, кем бы он ни оказался. Роланд поставил подпись, запечатал письмо и положил его на стол. Дело сделано. Было всего четыре часа дня.

В тот самый миг, когда аристократ отложил готовое письмо, хорошо одетая дама с бледным лицом приблизилась к входу в дом на бульваре Клиши, где снимал студию Марк Бланшар. Она огляделась неуверенно, так как никогда не бывала в этом районе. Но адрес был верным.

Гадая, понравится ли ей позировать для портрета, Ортанс Ней направилась вверх по лестнице.

Глава 10

1572 год

Он был самым обычным маленьким мальчиком. Никто и подумать не мог, что он изменит историю своей семьи тем, что откроет окно, когда ему велели этого не делать.

Утром в понедельник восемнадцатого августа 1572 года от Рождества Христова юный Симон Ренар находился в радостном ожидании. Вот-вот должен был приехать Ги – кузен отца. А потом дядя Ги, как называл его мальчик, вместе с отцом Симона поведут его смотреть королевскую свадьбу. А он никогда еще ничего подобного не видел!

– Это будет самая странная королевская свадьба из всех, что случались в Париже, – сказал отец, еще больше усилив любопытство мальчика. Симону было восемь лет, и он жил со своими родителями, Пьером и Сюзанной Ренар, в домике неподалеку от крепости Бастилия.

Симон любил старую Бастилию. Он знал, что ее построили для защиты городских ворот Сент-Антуан от англичан. Но теперь можно было не опасаться английских атак.

Об этом позаботился еще в прошлом веке коварный король Людовик XI. Он хотел превратить страну в могущественную державу, и у него это получилось. В то время как в Англии Плантагенеты терзали друг друга в Войне роз, Людовик где военными действиями, где хитроумными интригами собрал все великие независимые земли – Нормандию и Бретань на севере, Аквитанию и теплый Прованс на юге, мощную Бургундию на востоке – в огромный восьмиугольник, известный с тех пор под единым названием Франция. Еще какое-то время англичане контролировали северный порт Кале, но потом потеряли и его. Английской угрозе пришел конец. Париж был в безопасности. И Бастилия казалась мальчику чем-то вроде надежного старого друга, возле которого так хорошо играть. Мир Симона вообще был надежным, спокойным местом.

Пьер и Сюзанна были добрыми католиками и очень любили своего единственного сына. После него родились еще две девочки, но обе умерли в младенчестве. Но Пьер только-только разменял четвертый десяток, а жена его была еще моложе, так что они оба надеялись иметь новых детей, если будет на то Божья воля. Пока же, убежден был Симон, две малышки счастливо жили с ангелами на небе.

Кроме Симона и родителей, в доме обитала еще девушка, которая помогала матери по хозяйству, и у отца был подмастерье. Служанка ночевала в мансарде, а подмастерье – на чердаке отцовского склада на заднем дворе.

Вот так и получилось, что в небольшой семье Ренар отношения были особенно близкими. Каждый день Симон помогал родителям. Каждый вечер они вместе молились перед отходом ко сну. И благодаря такому размеренному течению жизни Симон всем сердцем чувствовал, что родители любят его и что его душу бережет сам Господь Бог.

Иногда мальчик все же задумывался о том, как живет детям в большой семье. Его мать была родом из деревни возле города Пуатье, и, хотя они ездили туда как-то раз, пока он был совсем маленьким, он почти никого из тамошней родни не помнил. Также Симону было известно, что у отца есть родственники в Париже, но по какой-то причине Пьер не встречался ни с кем из них, кроме кузена Ги.

Зато Ги Симону нравился, и даже очень. Еще не достигший тридцати лет и не женатый, тот жил в другой части города. Это был привлекательный молодой торговец, с короткой бородкой и усами и густыми темно-рыжими волосами, которые он откидывал со лба назад.

Примерно раз в месяц он заглядывал к своему кузену Пьеру и каждый раз обязательно говорил с маленьким Симоном и веселил его. Симон очень радовался тому, что сегодня Ги пойдет с ними смотреть странную королевскую свадьбу.

Приближаясь к дому кузена, Ги Ренар чертыхался про себя. На то у него было две причины. Первая – это то, что встречи с Пьером всегда причиняли ему досаду.

Ну почему Пьер такой дурак? Наверное, потому, что отец Пьера тоже был дураком, рассудил Ги, пожав плечами.

Сто лет назад, когда Сесиль Ренар вышла замуж за молодого де Синя, семья находилась на пике процветания. Следующее поколение

произвело несколько наследников-сыновей, которые поделили состояние. Но истинное разделение семьи началось еще через поколение, в царствие славного короля Франциска I.

Что за времена были тогда! Во Францию пришла эпоха Возрождения, как потом назовут ее историки. Итальянская архитектура под воздействием теплого климата и очаровательной чувственности французов преобразовалась в великолепные королевские замки в долине Луары. На этой благодатной почве возрастали писатели-гуманисты, например поэт Ронсар или сатирик Рабле.

Франциск и сам был таков, каким должен быть правитель эпохи Возрождения: высокий, красивый, покровительствующий искусствам. В Париже работал задиристый, но гениальный ювелир и скульптор Бенvenuto Челлини. В разрастающемся королевском дворце, Лувре, сделали новые пристройки и улучшения. И даже сам Леонардо да Винчи, привезя с собой «Мону Лизу», провел последние дни жизни в долине Луары и умер на руках у короля Франции.

Король был еще и дальновидным человеком. Благодаря его содействию было финансировано путешествие Верраццано в Америку, основаны колонии в Канаде, посланы исследователи в Индию и дальше. Франциск открыл торговлю через Средиземное море с Марокко. Чтобы уравновесить власть габсбургского императора Священной Римской империи, он даже заключил альянс с султаном Османской империи Сулейманом Великолепным, хотя своего сына женил на Екатерине из рода флорентийских Медичи, которой ее родственник папа римский обеспечил богатое приданое.

Но больше всего Ги любил историю о встрече короля Франциска с тем знаменитым забиякой, английским королем Генрихом VIII.

– Только представь, – восхищенно рассказывал он Симону, – для их свидания украсили целое поле, да так пышно, что его стали называть Полем золотой парчи. И вот англичанин Генрих, который был крепким и очень самонадеянным мужчиной, неожиданно вызвал Франциска на борцовский поединок. Они сошлись. Посмотреть на схватку собрались толпы людей. Но то ли Франциск оказался сильнее, то ли умел лучше бороться, а скорее всего – просто был умнее Генриха... Так или иначе, раз – и Генрих лежит в грязи. Он повергнут. Король Франциск победил его.

– Король Генрих рассердился?

– Он пришел в ярость. Но поделаться ничего не мог. Он проиграл.

– Это тот король Генрих, у которого было шесть жен?

– Да. Но это ему не помогло. Он был ужасным человеком. Тогда как король Франциск был велик. И конечно же, – горделиво добавил Ги, – у него было множество прекрасных любовниц.

Подобно большинству французов, Ги одобрял любвеобильность правителей – это доказывало их мужественность и силу. Впрочем, из святого человека тоже может выйти неплохой король.

– Дядя Ги, зачем короли заводят любовниц? – спросил Симон.

– Чтобы поддержать честь Франции.

Мальчику Ги этого не говорил, но на самом деле в правлении Франциска I больше всего ему нравилось то, что в это время отец и дядя Робер заработали крупные состояния. Может, король и тратил много, однако братья Ренар, будучи поставщиками королевского двора, не упустили своего.

А вот дед Симона не преуспел. Дядя Робер даже звал его в долю, но Шарль отказался. В то достославное время, когда возможно было достичь любых высот, он умудрился потерять почти все свои деньги.

Теперь вот и его сын Пьер даже не пытался вернуть былое благосостояние. Он работал ровно столько, чтобы хватало на жизнь, и то едва-едва. Похоже, у него не было ни капли честолюбия. Помощи он никакой не желал. И вообще был какой-то вялый. Шли годы, и семья постепенно привыкла считать младшую ветвь Ренаров никчемными бедными родственниками. Но Пьеру было, по-видимому, все равно. Он всегда и всем был доволен.

Вот это-то и не давало Ги покоя. Он ничего не мог с собой поделаться, уж очень много значила для него семья и ее положение. Ему становилось стыдно, если кто-то из родных терпел неудачи, и стремился как-то помочь.

– Ты молодец, что пытаешься что-то сделать, – сказал ему отец, – но боюсь, понапрасну теряешь время.

– Пьер безнадежен, – согласился Ги, – но мальчонка у него растет славный, и мне он кажется довольно смышленным.

Однажды, навещая родителей Симона, Ги случайно упомянул брак Сесиль Ренар и де Синя. Маленький Симон в изумлении поднял на отца глаза:

– Кто-то из нашей семьи породнился с аристократами?

– Ох, это случилось с одной очень богатой дамой, и было это сотни лет назад, – сказал ему Пьер. – К нам это не имеет никакого отношения.

Потом он отвел Ги в сторонку и мягко попросил:

– Пожалуйста, не забивай мальчику голову несбыточными мечтами. Мы теперь живем совсем в другом мире.

– Какие у тебя планы насчет Симона? – спросил как-то Ги у Пьера.

– У нас есть друг пекарь, и он предложил через пару лет взять Симона в ученики. Симону такая идея понравилась.

С тех пор Ги соблюдал осторожность. Что-нибудь сделать для Симона он сможет только в том случае, если не поссорится с его родителями. Поэтому он скрывал от Пьера свою досаду, но постоянно искал способы раздуть в Симоне искру честолюбия и любви к приключениям: рассказывал о великих героях-торговцах вроде реформатора Этьена Марсея, который строил укрепления города, о путешественниках, исследующих Новый Свет, о том, как тот или иной мелкий торговец разбогател благодаря усердию или сообразительности. Пока Ги не мог знать, приносят ли его старания хоть какие-то плоды, но попыток не бросал. Ведь он был Ренаром.

То есть не было ничего удивительного в том, что каждый раз при виде дома кузена он тайком ругал Пьера за то, что тот обрек его на все эти хлопоты.

Второй причиной недовольства Ги были события сегодняшнего дня. Он вообще не был уверен, что им стоит вести маленького Симона в центр города. Потому что Ги Ренар доверял своему чутью, а оно предрекало опасность.

В этом королевском бракосочетании было что-то очень подозрительное.

По пути мимо монастыря селестинок к берегу реки Ги держался настороже. Вдоль Сены тянулась защитная стена, но вскоре показался остров Сен-Луи – маленький и безлюдный, покрытый деревьями и пастбищами. Островок лежал чуть выше по течению от острова Сите, на котором высилась серая громада Нотр-Дама. Они миновали старую Гревскую набережную и врезающийся в воду причал с парой водяных мельниц. Дорогу заполняли толпы ярко одетых людей, и все шли в одном и том же направлении. Отражаясь в воде, у берега стояли высокие островерхие деревянные дома; их открытые галереи и балконы

были увешаны праздничными гирляндами и лентами. По реке сплошным потоком плыли лодки и баржи.

Ги держал за руку маленького Симона, который с веселым интересом оглядывал все вокруг, рядом шел его отец. Пока ничего опасного Ги не заметил.

Церемония проводилась под роскошным навесом, натянутым над папертью Нотр-Дама, прямо у огромных западных ворот собора. Младшая сестра короля выходила замуж за своего родственника, Генриха Бурбонского, короля Наварры.

В какой-то степени для семьи невесты и для Франции это был династический брак – вероятно, вынужденный, потому что хотя оба брата невесты были живы и здоровы, ни у одного из них пока не было сыновей. Значит, в следующем поколении линия Валуа из древнего королевского рода Капетингов оборвется. Как оказалось, ближайшим по крови был один довольно дальний родственник. Бурбонская ветвь вела свою родословную от младшего сына того праведного короля Людовика, который два века назад построил Сент-Шапель. Отец жениха в свое время взял в жены королеву маленького горного королевства Наварра, которое лежало в Пиренеях между Францией и Испанией и которым теперь правил их сын Генрих. Так что, если Генрих Наваррский в самом деле унаследует трон Франции, ветви Бурбонов и Валуа вновь объединятся.

Но, несмотря на этот династически удачный ход, свадьба вызывала один очень большой вопрос.

– Дядя Ги, – произнес Симон, – а почему французская принцесса выходит замуж за протестанта?

Это на самом деле удивительно, размышлял про себя Ги. Пятьдесят лет назад никому не известный монах по имени Лютер бросил вызов Католической церкви, и христианство Западного полушария разделилось на два вооруженных лагеря. На севере и востоке Нидерланды, многие из германских земель и бóльшая часть Скандинавии присоединились к лагерю протестантов, а за ними и Англия. Папа римский только что объявил об отлучении от Церкви еретички королевы Елизаветы и призвал правителей-католиков сместить ее с трона. Тем временем Испания и Священная Римская

империя в Центральной Европе находились в руках самых ярких приверженцев католицизма – Габсбургов.

А Франция? Гуманист король Франциск до поры до времени терпел протестантов в своих владениях. Когда же он решил, что они опасны, было уже поздно. Север Франции был полностью католическим, Париж по большей части тоже, а те протестанты, что имелись в столице, тихо молились, не выходя из дому, и вообще старались не привлекать к себе внимания. Но в южных горах и атлантических портах вроде Ла-Рошели огромное количество людей приняло новую веру. Они называли себя по-разному: протестанты, реформаторы, кальвинисты, гугеноты. Среди них были как скромные ремесленники, так и торговцы и даже рыцари. Адмирал Колиньи, например, один из лучших военачальников Франции, перешел в их лагерь, а также мать Генриха Наваррского вместе со всей родней.

Протестанты требовали свободы вероисповедания. Правительство было категорически против. Здесь и там возникали столкновения.

– Ты ведь слышал, – сказал Ги юному Симону, – что в последние годы были войны с протестантами? Не у нас в Париже, слава Богу, а в других местах.

– Да, слышал. Но мы же правы, да, дядя Ги? А протестанты – все еретики.

– Правильно, малыш Симон, ты добрый католик, и я тоже. Но это очень грустно, когда французы убивают друг друга, ты согласен?

– Согласен.

– Ну вот, потому наши правители решили, что этот брак поможет остановить войну.

– Значит, после свадьбы католики и протестанты смогут договориться? – спросил Симон.

– Это будет непросто. Мы лишь надеемся, что они больше не будут воевать.

Таково было официальное объяснение. Оно многих удовлетворяло. Мальчик, во всяком случае, больше вопросов не задавал.

Они приближались к большому мосту, который вел на остров Сите. В начале правления короля Франциска мост перестроили и сделали каменным. Его высокие арки поддерживали целый ряд островерхих домов, которые казались занавесом, скрывающим вид на реку вниз по течению. Путь к Нотр-Даму лежал через мост.

Однако когда Ренары подошли к мосту, то обнаружили, что попасть на него невозможно: путь перекрыт огромной толпой. Симон был разочарован, ему ведь так хотелось посмотреть на церемонию. Зато его дядя в душе обрадовался. В случае сложностей лучше находиться на открытом правом берегу, чем в ловушке островной части города.

– Попробуем перейти по другому мосту, – предложил он.

Но и мост Менял, застроенный домами, также был переполнен людьми. А ниже по течению старый неряшливый мост с водяными мельницами, давным-давно переделанными в жилища, вообще был закрыт.

– Боюсь, попасть на остров мы не сможем, – сказал Ги. – И если мы хотим увидеть, как аристократы будут разъезжаться по домам после венчания, нам лучше найти открытое местечко.

Они прошли еще дальше вдоль Сены, и там действительно стали открываться более широкие перспективы. Впереди поднимались башни старой крепости Лувр над незаконченными королевскими постройками, которые все еще как будто сражались друг с другом за право определять облик дворцового ансамбля.

Симону захотелось побегать, и взрослые не останавливали его. Они вышли к оконечности острова.

– Ты какой-то беспокойный сегодня, – посмотрев на Ги, негромко заметил Пьер. – В чем дело?

– Эта свадьба меня пугает.

– По-твоему, она не принесет Франции мира?

– Нет. – Ги свел брови. – И не думаю, что она задумывалась с этой целью.

– Объясни. Ты же знаешь, я в таких вещах совсем не разбираюсь.

– Хорошо. Кто устроил этот брак?

– Король и его мать, кажется.

– Забудь про короля. За него все решает мать, Екатерина Медичи. Именно она настаивала на этом браке. Когда дочка пыталась отказаться от жениха-протестанта, мать поколотила ее. Так говорят. Даже вырвала у бедной девушки клочок волос.

– Ужасно!

– Теперь подумай вот о чем. Весь этот год Екатерина и ее приближенные обхаживали адмирала Колиньи, вождя протестантов: приглашали в гости, льстили. А чего хочет Колиньи?

– Он хочет, чтобы протестанты свободно исповедовали свою веру.

– Да, конечно. А еще он хочет помочь протестантам Нидерландов в борьбе с притесняющими их католиками, могущественными Габсбургами. Даже не будь я католиком, то считал бы это безумием – ввязываться в войну против испанского короля.

– Боже упаси.

– Вот именно. А Екатерина, желая угодить Колиньи, все-таки послала войска в Нидерланды на помощь протестантам. Что ты об этом думаешь?

– По мне, так это очень странно.

– Я бы сказал, что это выходит за рамки разумного. Как может королева из рода итальянских Медичи, родственница папы римского, терпеть протестантов в своем королевстве? – Ги сделал паузу. – Есть и еще одна немаловажная персона. Кто является самым преданным сторонником Екатерины?

– Ну, должно быть, герцог де Гиз.

– Точно. Герцог де Гиз и весь его могущественный род играют роль ближайших советников королевы. Дядя герцога – кардинал в Риме. И не будем забывать о Марии, королеве Шотландии, преданной католичке. Она имеет все права на Шотландию и также может претендовать на трон Англии. Но английская королева Елизавета держит ее в заточении. А кто мать Марии Стюарт? Сестра кардинала, Мария де Гиз.

– Это не те люди, которые станут помогать протестантам.

– Вот именно! И у меня остался последний вопрос. Учитывая то, что нам известно о Екатерине Медичи, можем ли мы предположить, чем она будет руководствоваться во всех своих действиях?

– Своей верой, конечно же.

– Я сказал: во всех своих действиях.

– Не понимаю тебя.

– Ты наверняка слышал о великом Макиавелли.

– А кто не слышал? Настоящий злодей.

– Он всего лишь описал безжалостное коварство, холодный расчет, отравления и убийства, которые видел вокруг себя, пока служил у правителей Италии, в частности у Медичи. Наша королева-мать будет вести себя именно так.

– То есть эта свадьба...

– Дьявольская ловушка. Подумай сам. Колиньи здесь. И почти все знатные протестанты Франции приехали в Париж на эту свадьбу вместе со своими последователями. Такая возможность...

– Нет, не понимаю я тебя.

– Она собирается убить их всех. Она и де Гизы.

– Но здесь же сотни протестантов.

– Тысячи. Я же говорю: прекрасный шанс расправиться со всеми одним махом.

– Но это же чудовищно. Такое и помыслить себе невозможно.

– Ты не видишь главного. Это логично.

– Мы же христиане.

– Думаешь, папа римский будет против?

– А что же будет с женихом, Генрихом Наваррским?

– О, это очень интересный вопрос. Екатерина уже изолировала его.

Умный шаг с ее стороны.

– Как это?

– Кто вообще сделал Генриха протестантом?

– Его мать, королева Наваррская.

– И что с ней случилось?

– Она умерла.

– Ага. В то время, когда гостила у королевы-матери. Та умоляла ее о встрече, чтобы они могли помириться и больше никогда не ссорились.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Екатерина отравила ее.

– Нет никаких доказательств.

– И никогда не будет. Но когда Генрих женится на дочери Екатерины Медичи, то без матери и после расправы над Колиньи с его сторонниками останется в полном одиночестве. Он либо перейдет в католичество, либо...

– Как это ужасно.

– Согласен.

– Я буду молиться о том, чтобы ты оказался не прав.

– Ты серьезно? – Ги взглянул на него с холодным превосходством. – Ни ты, ни я не будем замешаны в этих злодействах. Но станем ли мы сожалеть о них, когда они свершатся? – Он дал кузену время осознать жестокую истину. – Ты хочешь междоусобных войн, Пьер? Хочешь короля-протестанта?

Но Пьер больше не желал задаваться тягостными вопросами.

– Благодарю Господа, – сказал он с чувством, – что в моем доме царят мир и любовь.

– Да будет так всегда, – ответил ему Ги. – Ага, а вот и маленький Симон, набегался!

Они провели на берегу Сены несколько часов, узнали, что свадебная церемония благополучно свершилась, и видели, как проехало мимо много красивых аристократов.

И к вечеру, когда ничего плохого так и не произошло, Ги стал почти надеяться, что и в самом деле был не прав.

Следующие три дня принесли Симону только огорчения. Весь город говорил о пиршествах и турнирах, которые проходили между Лувром, островом Сите и Латинским кварталом, и ему страстно хотелось посмотреть на них хотя бы одним глазком.

– Почему мы не идем смотреть, как будут биться рыцари? – донимал он родителей.

Но отец, как обычно, говорил, что слишком занят, или находил другой предлог, чтобы не вести сына в город. Он и своему подмастерью велел никуда не выходить. И разумеется, родители хором запретили сыну даже думать о том, чтобы пойти куда-нибудь самому. Не позволили даже сбегать к тому дворцу вельможи, что находился в соседней части города, где Симон надеялся покрутиться у ворот и понаблюдать, как прибывают и убывают кареты знати в сопровождении эскорта в ливреях.

Если предполагалось, что королевская свадьба должна улучшить отношения между католическими сторонниками герцога де Гиза и протестантами, поддерживающими Колиньи и Генриха Наваррского, то все выглядело так, будто намерения претворяются в жизнь.

В пятницу утром Пьер отправился на рынок, но Симона с собой не взял.

В полдень отец вернулся домой с посеревшим лицом.

– На Колиньи совершено покушение. В него стреляли.

– Он мертв? – спросила перепуганная Сюзанна.

– Нет. Ранен, но не тяжело. Убийца бежал. Никто не знает, кто это был и где он сейчас. Но люди Колиньи в ярости. Большинство

убеждено, что покушение – дело рук Гизов или даже матери короля. Так или иначе, все опасаются, что будет война.

После этого Симону не разрешали даже нос из дому высунуть. К концу дня отец рискнул обойти ближайших соседей, чтобы узнать новости, однако вернулся, не услышав ничего определенного.

Настало утро субботы. Колиньи находился у себя дома. Старый герой потерял два пальца, но в остальном не пострадал. Он принимал посетителей. Адмирала навестили члены королевской семьи и заверили, что найдут человека, покушавшегося на его жизнь. Теперь боялись только реакции протестантов, которая могла быть действительно устрашающей, учитывая то, сколько рыцарей и всадников с протестантскими взглядами разместились в зданиях Лувра. Но шли часы, ничего не происходило. Что бы ни думали протестанты, от активных действий они пока воздерживались.

Стоял долгий жаркий августовский день. С наступлением вечера на улицах сгустилась пыльная духота. Назавтра по календарю Католической церкви наступал день святого Варфоломея. И служанка, и подмастерье отца получили выходной и ушли к родным, поэтому Симон с родителями остались в доме совсем одни.

Когда стемнело, перед домиком Пьера Ренара раздался стук копыт. Маленькая семья, собравшаяся за столом, услышала, как всадник спешился и открыл входную дверь. Это оказался Ги, очень бледный.

– На, ты должен взять это! – обратился он к Пьеру и протянул кузену что-то белое, зажатое в кулаке.

Симон с любопытством смотрел, как отец берет странные тряпочки.

– Повяжите их на рукава. Все трое. И не снимайте. Даже спать ложитесь с ними. На рассвете услышите колокольный звон, и после этого из дому не выходите ни в коем случае. Что бы ни происходило на улице, дверь не открывайте – до тех пор, пока снова не зазвонят колокола. Но если по какой-то причине тебе, Пьер, все же придется выйти, обязательно убедись, что ты не забыл повязку. Не показывайся в городе без нее.

– В чем дело?

– Не спрашивай. И больше никому об этом не рассказывай. Я вообще не должен здесь находиться, но вы моя родня...

– Нам угрожает опасность?

– Нет. Только благодарите Господа, что Он в милости своей обратил вас в истинную веру. Но все равно сидите дома. И ни с кем не говорите.

Симон всматривался в отцовское лицо – очень серьезное и задумчивое.

– Это ужасно, – сказал он кузену Ги.

– Знаю.

– К нам могут прийти люди и попросить показать повязки?

– Такое возможно. – Он был мрачен. – Но маловероятно. Мы уже знаем, где живут все протестанты.

– Мы? Ты тоже участвуешь в этом?

– Я не говорю, что мне это нравится. – Ги повернулся, собираясь уходить. – Сделай, как я сказал тебе, кузен, – повторил он и скрылся за дверью.

Ночь прошла тихо. Семья спала в двух комнатах. Спальня Симона была крошечной, но в ней имелось квадратное окошко, которое выходило в аллею. Он крепко проспал несколько часов, и даже звон одинокого колокола где-то около Лувра его не разбудил. Вскоре звон подхватили другие колокольни, но Симон ничего не слышал.

И вдруг он резко сел в кровати. Он не знал, что разбудил его ужасный вопль. Посидев некоторое время, мальчик поднялся и встал у окна. Должно быть, уже занималось утро, но точнее при закрытых ставнях сказать было невозможно. Симон колебался. Он услышал, как по соседней улице проскакала группа всадников, но в их аллею не свернула. Мальчик на цыпочках подошел к двери. Звуки в глубине дома подсказали ему, что мать уже встала и хлопочет на кухне. Тогда он вернулся к окну и чуть-чуть приоткрыл ставни.

В аллее было пусто. Обычно каждое утро подмастерье первым делом открывал ворота соседнего сарая. Но сегодня было воскресенье, и они стояли запертыми. Однако Симон заметил нечто необычное: у обочины валялся какой-то мешок, судя по виду. Или что-то другое, ему было не разглядеть.

Потом он услышал странный звук рядом с домом. Почти под самым его окном кто-то возился – собака или кот, подумал Симон. Он подтянулся, лег животом на подоконник и выглянул наружу.

Это была темноволосая девочка. Моложе его на два-три года, насколько он мог понять, одетая только в ночную сорочку. Круглое личико было обращено прямо к нему. Глаза, полные ужаса, казались бездонными. Она дрожала и была бледна как привидение.

– Что ты тут делаешь? – спросил Симон.

Она не ответила и продолжала смотреть на него, оцепенев от страха.

– Почему ты одна? – опять спросил он.

Девочка по-прежнему молчала.

– Я Симон, – сказал мальчик.

– Вон моя мама, – прошептала она и указала в сторону аллеи. На тот предмет, который Симон принял за мешок.

– А где твой папа? – спросил он.

Она не ответила, но по лицу ее прошла такая судорога ужаса, что означать это могло только одно.

– Подожди, – сказал Симон.

Он прокрался по деревянной лестнице, на нижней ступеньке остановился и прислушался. Мать на кухне выгребала пепел из-под решетки. Значит, сейчас она пойдет выносить его на задний двор. Отец по утрам всегда уходил в свою лавочку.

Симон знал: нужно пойти и спросить у родителей, что делать. Сегодня ему запретили выходить на улицу и даже приближаться к входной двери. Поэтому он поступил так же, как почти любой ребенок на его месте.

Очень осторожно он выдвинул щеколду на двери и выглянул наружу. Маленькая девочка не двигалась с места. В аллее было безлюдно. Он шагнул к ней и взял за руку.

– Ш-ш-ш, – прошептал он. – Ничего не говори.

Они вошли в дом. Симон неслышно закрыл дверь на замок. Мать гремела на кухне горшками. Он потянул девочку за собой, и они тихонько пошли по ступенькам вверх. В комнате Симон уложил ее в свою кровать и, поскольку она не переставала дрожать, укрыл поплотнее одеялом. Потом сел рядом.

– Как тебя зовут? – шепотом спросил он.

– Констанция.

– Тут с тобой ничего не случится. Только ты не шуми. Мне нельзя было открывать дверь.

Девочка лежала неподвижно, но уже не так сильно дрожала. Она не сводила с него глаз – должно быть, все еще боялась, подумал Симон.

– У тебя есть братья или сестры? – поинтересовался он. Она мотнула головой. – И у меня нет, – сказал мальчик.

Симон умолк, девочка продолжала смотреть на него. Они провели так около четверти часа. Потом он услышал голос матери – она тихонько окликала его, чтобы проверить, проснулся сын или нет. Мальчик спешно прикидывал, что делать. Ему не хотелось, чтобы родители поднимались сейчас к нему в комнату.

– Мне нужно будет спуститься к маме, – сказал он маленькой девочке. – Ты оставайся здесь, хорошо?

Она кивнула.

Родители сидели за кухонным столом. У них был очень серьезный вид.

– Я слышал колокольный звон, – сообщил Симон.

– Сегодня нам нельзя выходить на улицу, – сказала мать.

– Там убивают людей?

– Почему ты так решил? – вместо ответа задал вопрос отец.

– Не знаю.

Симон ждал каких-нибудь объяснений от взрослых, но они молчали.

– Мама, дай мне молока и хлеба, – попросил он тогда.

Когда мать поставила еду на стол, мальчик сказал:

– Я какой-то сонный. Можно взять это к себе в комнату?

И родители согласились с готовностью, как будто обрадовались, что сын уйдет наверх.

Вернувшись к себе, он отдал хлеб и молоко маленькой девочке. Когда она все съела, он сел рядом и обнял ее за плечи. Потом она заснула.

Где-то полчаса спустя Симон снова услышал за окном стук копыт. Потом в дверь забарабанили. Он выскользнул из спальни на лестничную площадку. Ему видно было, как отец подошел к двери и спросил:

– Кто там?

Потом дверь открылась.

– Я только на минуту, кузен, – послышался голос дяди Ги. – Не выходите никуда. Они убили Колиньи и тех протестантов, которые

остановились в Лувре. Всех до единого. Теперь обходят дома, где надеются найти других протестантов. Те поняли, что происходит, и пытаются покинуть город. Но это невозможно. Все ворота закрыты, чтобы никто не сбежал. Вам здесь ничего не слышно, но на улицах сейчас идет охота. Я, пока доехал до вас, видел в реке не меньше двадцати трупов. И в конце вашей аллеи валяется убитая женщина.

– Женщина?

– Пьер, они убивают всех протестантов. Мужчин, женщин, детей, без разницы. Все гораздо хуже, чем я думал. Не знаю, планировалось ли это, только город наводнили разъяренные толпы католиков. Если кого-то заподозрят в симпатии к протестантам, то убивают на месте. Одна католическая семья укрывала протестанта, и поэтому их всех тоже убили.

– Какой кошмар. Это нужно остановить.

– Кто, Пьер? Кто это остановит? Убийства начались по королевскому приказу. В колокола звонят церковники.

– Но это же страшное зло.

– Не говори так, кузен. Тебя назовут еретиком и тоже зарубят. Держи рот на замке, умоляю тебя. И дверь тоже запири покрепче. Да, и не забывайте про повязки. Мне нужно идти.

Симон услышал, как отец закрывает дверь и запирает засовы, и прокрался в свою комнату. Он сел на кровать рядом с девочкой, которая еще спала, и стал думать, что же ему делать.

Часом позже он пришел опять на кухню, убедился, что родители в доме одни, и рассказал им о том, что сделал.

– Что?!

Мать молнией метнулась мимо него наверх, в его спальню. Через минуту она вернулась, взглянула на мужа, а потом на сына. Это был взгляд, полный упрека, граничившего с ненавистью. Симон никогда не сможет забыть его.

– Пьер, она должна уйти, – сказала Сюзанна. – Нужно избавиться от нее. – Мать в отчаянии вскинула руки. – У нас нет другого выхода!

– Мама, ты просто еще не знаешь ничего. – Симон затряс головой. – Папа тебе не передал, что рассказывал сегодня дядя Ги, а я все слышал с верха лестницы. На улицах убивают детей протестантов. И эту девочку тоже убьют. – Он переводил взгляд с одного родителя на другого. – Как мы можем ее выгнать?

Взрослые молчали.

И вдруг с лестницы послышался едва слышный звук. Потом другой. Это спускалась девочка. Она дошла до последней ступени и появилась в кухонной двери. Вид у нее был сонный. Но как только она нашла взглядом Симона, то подбежала к нему и взяла за руку.

– Я Констанция, – проговорила она.

Она прожила с ними две недели. Трудность состояла в том, что гостью нужно было прятать.

– Никто не должен знать, что она у нас, – внушал семье Пьер. – Ни служанка, ни подмастерье. Ни даже кузен Ги. Одно неосторожное слово, оговорка – и секрет раскрыт.

Он не хотел говорить вслух, к чему это может привести.

Сохранить тайну можно было только одним способом.

– Она должна оставаться в твоей комнате, Симон, все время. И никто не должен туда входить. То есть придется тебе притвориться больным.

Симон понимал, что имеет в виду отец: он привел девочку в дом, значит ему и нести ответственность за это.

С девочкой Пьер говорил мягким тоном, но слова его были суровы. Первым делом он надел ей на руку белую повязку.

– Если тебя кто-то спросит, говори, что ты католичка, – велел он Констанции. – Если скажешь, что протестантка, тебя убьют так же, как твою мать и твоего отца. – Ему было тяжело говорить такое, но он знал, что это необходимо. – И может, убьют и всех нас.

Маленькая Констанция кивнула. Она поняла.

– Если же кто-нибудь увидит ее, – продолжал Пьер, – мы скажем, что она наша дальняя родственница, которая приехала погостить. Но люди обязательно что-нибудь заподозрят. Так что давайте прятать Констанцию от всех, пока не придумаем, как быть дальше.

Осторожные расспросы позволили семье Ренар узнать историю девочки.

Ее родители приехали из крупного западного порта Ла-Рошель в числе других торговцев и ремесленников: было сочтено, что королевская свадьба дает возможность посетить Париж, ничего не опасаясь. Они остановились в таверне. Отца вытащили из кровати среди ночи и убили на месте, а мать сумела убежать с ребенком. Когда

за их спинами раздался топот копыт, она шепотом велела дочке спрятаться и толкнула ее в тень аллеи, мимо которой они как раз пробегали. И всего через несколько шагов женщину догнали и убили.

– Кто-нибудь еще из ваших родственников приехал с вами? – спросила девочку Сюзанна. – (Малютка покачала головой.) – А в Ла-Рошели кто-нибудь из родни остался?

– Тетя и дядя.

– Коли будет Господу угодно, – сказал потом Пьер жене, – мы переправим ее в Ла-Рошель, когда станет безопасно.

Они оба помолчали. Никто не высказал вслух мысль, которая пришла им одновременно: если только не перебьют и всех протестантов в Ла-Рошели.

В первые дни семейство Ренар трепетало от страха. Ужасное кровопролитие в день святого Варфоломея продлилось далеко за полночь. Оценки количества жертв разнились, но в одном только Париже были убиты тысячи людей. Потом стали приходить вести о массовых убийствах в других городах и селах. То, что в Париже начала королевская семья вместе с Гизами, оголтелые толпы подхватили по всей Франции. Орлеан, Лион, Руан, Бордо – в одном городе за другим вспыхивала резня, и католики уничтожали протестантов тысячами. Тем не менее оплот протестантства Ла-Рошель пока оставался неприступным. Но кто знал, надолго ли?

Известия о происходящем во Франции облетели всю Европу. Папа римский направил королю Франции официальное поздравление, заказал художнику Вазари увековечить событие на холсте и приказал отныне петь в эту дату гимн «Тебя, Бога, хвалим». О короле Испании говорили, что его смех слышали лишь однажды: когда он узнал о расправе над протестантами. Только один великий католический правитель – император Священной Римской империи – имел сомнения насчет массовых убийств: он счел их нехристианским деянием. В самой же Франции Варфоломеевская ночь имела одно непосредственное следствие. Новость в дом Пьера Ренара принес кузен Ги, навестивший родственников наутро после резни.

– Король Генрих Наваррский перешел в католичество. Так что теперь наша королева Медичи имеет зятя-католика.

– Ты думаешь, это было искреннее обращение? – спросил Пьер.

– О да. Ему велели немедленно принять католичество, а не то ему отрубят голову прямо на месте.

Для Симона и маленькой Констанции это было странное время. Дверь в спальню постоянно держали закрытой. Время от времени к ним заходила мать мальчика и приносила немного бульона или другой еды, которая считалась полезной для больного ребенка, держа вторую порцию в кармане, и кормила обоих. Потом она оставалась с ними за разговором еще несколько минут, но отвечать ей разрешалось только Симону. После ее ухода двое детей оставались одни и вели себя тихо, как мышки.

Служанка проходила мимо их двери каждый день, но открыть ее не смела, запуганная Сюзанной.

– Я не хочу, чтобы ты тоже заболела, – строго сказала девушке хозяйка. – Кто тогда будет делать твою работу?

Подмастерье один раз поинтересовался у Пьера, не заболел ли Симон оттого, что очень перепугался в день резни, но Пьер решительно отмел эту идею.

– Его залихорадило еще с вечера, – сказал он. – И вообще, он ничего такого не видел.

Однако каждый день ближе к вечеру Пьер с женой старались дать детям возможность ненадолго покинуть комнату: или Пьер уходил с подмастерьем по делам, а Сюзанна отправляла служанку куда-нибудь с поручением, или наоборот. Потом оставшийся дома родитель смотрел за дверью, а дети спускались и шли на задний двор, где их никто не мог видеть, чтобы подышать свежим воздухом и побегать. Им даже разрешали играть в мяч при условии, что говорить они будут только шепотом. Так они проводили час или два ежедневно.

Однако все остальное время взрослым приходилось придумывать, чем занять детей. К счастью, маленькая девочка любила рисовать. А Симон уже умел читать. Но через день или два интерес Констанции к тому, что делает Симон, помог им придумать новую игру: он стал учить ее буквам.

Констанция рисовала какой-нибудь простой предмет – кошку, собаку, дом, а Симон писал рядом название и едва слышным шепотом пояснял девочке, какой звук обозначает та или иная буква, и показывал, как правильно ее писать. Поскольку других занятий у них почти не

было, через несколько дней девочка знала уже весь алфавит. Симон восхищался тем, как быстро она понимает его объяснения.

Потом мать принесла им доску и шашки, и Симон показал Констанции, как нужно ходить. Не прошло и двух дней, как она освоила игру и порой даже умудрялась выигрывать у Симона.

Таким было странное и тайное существование детей. Каждый вечер Констанция сворачивалась клубочком в объятиях Симона и только тогда засыпала, и он тоже закрывал глаза с довольной улыбкой, осознавая себя настоящим защитником.

Один или два раза за это время к родителям Симона приезжал дядя Ги. Он был опечален известием о болезни мальчика и хотел повидаться с ним, но Пьер и Сюзанна убедили его, что лучше этого не делать.

– Он уже идет на поправку, – заверил кузена Пьер.

И хотя Ги не очень понравилось, что к племяннику его не пустили, поделаться с этим он ничего не мог.

Симон всегда слышал, когда в доме появлялся дядя Ги, но через дверь не мог разобрать, что говорили взрослые. Но однажды он все-таки уловил обрывки фраз – Ги тогда уже уезжал и садился на лошадь прямо под окном Симона. Их разделяло не больше метра. Ги наклонился к кузену, который провожал его, стоя в дверях дома.

– Знаешь, Пьер, – проговорил он, – убийство протестантов – грязное дело, спору нет. Но тем не менее, когда все закончится, мы будем радоваться. Если уничтожение еретиков – цена объединения Франции, то, может, ее следовало заплатить. – И Ги ускакал прочь.

Через окно Симон слышал эти слова совершенно ясно. Он посмотрел на маленькую Констанцию. Слышала ли она их? Поняла ли? Да. Ее лицо осталось неподвижным, только рот приоткрылся от ужаса. Симон обнял ее за плечи и прижал к себе. Через мгновение он почувствовал, как она задрожала, и увидел слезы на ее щеках, но плакала она беззвучно, потому что знала: шуметь нельзя.

После этого Симон больше никогда не относился к дяде Ги с прежней любовью.

Прошло две недели, и Пьер сообщил сыну, что появилась возможность переправить девочку к родственникам в Ла-Рошель.

– В городе не было никаких волнений, – объяснил он, – и на дорогах спокойно. Я скажу всем, что провожаю домой в Пуатье

племянницу твоей матери. Это как раз по пути. А от Пуатье до Ла-Рошели мне уже ничто не должно помешать.

Он собирался покинуть город на следующий день после обеда. Мать Симона должна была увести из дому и подмастерье, и служанку, чтобы муж с девочкой ушли незамеченными.

– Только подумай, – шептал Симон Констанции перед сном, – скоро ты увидишь своих родных.

– Я буду скучать по тебе, – шепнула она в ответ. – Ты приедешь ко мне повидаться?

– Обязательно, – сказал он, хотя понятия не имел, сможет ли хоть когда-нибудь совершить такое путешествие.

На следующий день, пообедав, они сидели в доме, пока Пьер седлал лошадь. В доме было пусто. Симон смотрел на темноволосую девочку, с которой провел последние две недели, и чувствовал: нужно что-то сказать.

– Когда я вырасту, то женюсь на тебе, – наконец нашел он слова.

– Правда?

– Если захочешь.

В этот момент в комнате появился Пьер.

– Пора ехать, – объявил он и взял Констанцию за руку.

Но когда они подошли к двери, девочка вырвалась, подбежала к Симону и поцеловала его. Потом Пьер увел ее.

Глава 11

1604 год

Братья порой ссорятся. Но только не Робер и Алан де Сيني. Может, потому, что, несмотря на близость по возрасту, они весьма отличались характерами. По их внешности никто бы и не угадал, что они братья: тонкие темные волосы Робера рано начали редеть, и он имел склонность к ученым занятиям, Алан же был гораздо более крепкого сложения, с густыми светло-каштановыми волосами, он обожал бывать на воздухе и книгам предпочитал охоту. Тем не менее братья были лучшими друзьями.

Робер родился всего на два года раньше. Из них двоих он был более спокойным ребенком, Алан мог и расшуметься. Пока они были детьми, соседи называли их мальчиками де Синь или даже Робаланом. Они всегда ходили вдвоем, и приглашали их повсюду обоих сразу.

Робер, как старший, должен был унаследовать родовое имение и состояние.

– Если со мной что-нибудь случится, – говорил он Алану, – то мне будет приятно знать, что имение перейдет к тебе.

Он знал, что, несмотря на подвижность и взрывной характер, при необходимости Алан отлично распорядился бы семейными делами.

– О нет! – отмахивался Алан. – Ты, брат, подыщи себе жену, заведи детей. А я сам устрою свою жизнь.

Робер понимал, что Алан говорит правду: младший брат любил преодолевать трудности, ему нравились приключения – порой даже больше, чем их конечная цель.

Помимо создания собственной семьи, Робер мечтал о том, чтобы у них с Аланом были хорошие дома и земли недалеко друг от друга, и он делал все, что было в его силах, чтобы обеспечить успешное продвижение брата по жизни.

Вот почему полгода назад он оставил Алана управлять имением, а сам отправился в Париж, чтобы посмотреть, что можно сделать для

брата. Сняв особняк в фешенебельном квартале Марэ, он приступил к делу.

Они договорились, что Алан приедет в Париж в сентябре. Робер догадывался, как радуется брату эта перспектива. Полгода пролетело незаметно, наступил сентябрь. Приехал Алан. И перед Робером встала тягостная необходимость: сообщить брату о том, что он, Робер, ничего не сумел для него сделать и что та встреча, на которую они отправились в этот погожий осенний денек, была их последней надеждой.

Они шагали по улицам района, который получил название Марэ – «болота» – и лежал к северу от линии, соединяющей Лувр и Бастилию. Те болота, что действительно раньше покрывали эту территорию, почти полностью осушили, хотя нередко на улицах еще чувствовался запах старых трясин, и в последние десятилетия тут выстроили свои усадьбы многие родовитые французы.

Алан восхищался величием некоторых из этих аристократических отелей, как они назывались в то время. Как правило, они состояли из большого внутреннего двора за воротами, роскошного особняка и сада позади него. Когда братья остановились перед отелем Карнавале, Алан воскликнул:

– Ты только вообрази, Робер, вот если бы наша семья могла жить в таком доме!

– Для этого, – сказал Робер с улыбкой, – тебе или мне нужно быть одним из самых богатых вельмож. Так что не питай слишком больших надежд.

Робер с любовью поглядывал на брата. Он догадывался, что Алан уже планирует обосноваться здесь с помощью состояния, которого не имеет. Как бы хотел он помочь младшему брату осуществить его самые смелые мечты!

У молодого Алана все же имелось одно преимущество по сравнению с подавляющим большинством людей. Он был аристократом.

И это было весомое преимущество. Аристократы не облагались налогами, которые платили простолюдины. Высокий социальный статус давал им больше шансов найти богатую жену. И что самое существенное, на все лучшие посты при королевском дворе

назначались почти исключительно представители знати. Простой человек с выдающимися способностями мог получить место на службе у короля, но раньше или позже почти всегда случалось так, что должность, к которой такой человек стремился, которую он заслужил и которая несла с собой определенные блага, отдавалась аристократу.

Однако до сих пор высокое происхождение Алана не принесло ему никаких ощутимых выгод.

Первое, о чем подумал Робер, был сбор налогов. Система налоговых откупов не пользовалась популярностью среди народа, но работала неплохо. Вместо того чтобы содержать огромную сеть чиновников, что вовсе не гарантировало отсутствия злоупотреблений, королевская администрация передала право сбора налогов частным лицам. Откупщики обязаны были внести в казну определенную сумму, а все, что им удавалось собрать сверх этой суммы, оставляли себе. Король знал, на какой доход рассчитывать, откупщики богатели, а народ в случае чего обращал свое недовольство прежде всего на откупщиков и только потом уже винил короля.

Поэтому Робер, отыскав налогового откупщика с дочерью на выданье, приступил к делу. Смысл его предложения был достаточно прост: девушка получает высокое положение в обществе, а ее благородный муж – долю богатств ее отца, которая дала бы ему возможность строить карьеру. Все выиграла бы от такого союза. Девушка и ее родители видели ситуацию в том же свете, предложение Робера им понравилось. Он уже готов был призвать в Париж Алана, но тут, к огромному разочарованию Робера, откупщик сообщил, что дочери подвернулась более выгодная партия. Такие вещи случаются, и все равно для Робера это стало ударом.

Потом он раздобыл приглашение к великому Сюлли.

Максимильен де Бетюн принадлежал к одному из старейших семейств Европы. Протянув свои ветви во Францию, в Англию и особенно в Шотландию, где эта фамилия часто произносилась как Битон, род в каждом поколении производил талантливых людей. Впоследствии награжденный титулом герцога Сюлли за свои заслуги, а ныне бывший солдат и умелый администратор барон Рони являлся правой рукой короля. За несколько лет он сумел привести финансы государства в порядок, и доходы казны наконец-то превысили расходы.

Явившись на аудиенцию, Робер увидел человека уже немолодого, с редующими седыми волосами и выпуклым лбом, из-под которого смотрела пара пронизательных серых глаз.

– Итак, месье де Синь, – произнес барон с любезной улыбкой, – вы пришли просить не о себе, а хлопчете о своем брате. Весьма похвально. Обладает ли он каким-нибудь навыком?

– Его таланты обычны, месье.

– Разумеется. Не владеет ли он знаниями в мануфактурном деле, или стекольном, или шелкопрядильном?

– Нет, месье.

– Я и не ожидал, но на всякий случай хотел проверить. Однако более важным представляется мне вопрос о том, умеет ли ваш брат строить мосты или дороги?

– На данный момент – нет. Но я уверен, что он сможет научиться.

– Не сомневаюсь. Однако мне нужны люди с опытом.

На несколько секунд установилось молчание.

– Я надеялся, – заговорил Робер, – что для него можно будет что-то подыскать. Наша семья всегда...

– Мой дорогой месье де Синь, – мягко перебил его могущественный чиновник, – мне известна ваша семья. Если бы у меня было что предложить вам, уверяю вас, я бы немедленно это сделал. – Он доброжелательно смотрел на Робера. – Вы знаете, как управлять Францией?

– Э-э... – Робер растерялся. К такому вопросу он был совершенно не готов.

– Почти никто не знает. Ответ тем не менее удивителен своей простотой и сводится вот к чему: надо делать как можно меньше. – Читая на лице Робера глубочайшее недоумение, барон поднял руку. – Вы думаете, что король и я загружены государственными делами, и это так и есть. Позвольте объяснить. Видите ли, правители Франции обычно занимались разрушением страны. Они затевали войны. Неурядицы последних десятилетий привели сельское хозяйство в полный упадок. Вот почему мне нужны люди, чтобы строить дороги и мосты. А еще у королей есть прискорбная привычка возводить дорогостоящие дворцы и раздавать деньги друзьям. Нынешний король ничем не лучше своих предшественников. – Чиновник понимающе улыбнулся. – Не волнуйтесь. Я каждый день говорю ему то же самое в

лицо. Но вот в чем суть, месье де Синь: несмотря на многовековые старания королей уничтожить Францию, сделать этого они не могут. Наша земля слишком велика и богата: бесконечные пшеничные поля, что тянутся от Шартра до Германии, сады и скотоводческие фермы Нормандии, виноградники Бургундии... Список можно продолжать до бесконечности. Оставьте земледелие в покое на год или два, и оно возродится. Поэтому я вижу свою роль только в том, чтобы заниматься главным: нанимать лишь тех людей, которые могут принести пользу, строить только то, что нужно, и по возможности не вступать в войны, ведь я солдат и знаю, как они губительны. Если придерживаться этих правил, то богатство вновь потечет во Францию полноводной рекой. Вот почему у нас в казне появились деньги. И вот почему я не могу создать для вашего брата ненужную должность.

Опечаленный Робер уже уходил, когда мудрый государственный муж дал ему один совет:

– Попробуйте добиться аудиенции у короля. Он мне не подвластен.

На это потребовалось время. Робер усердно обходил всех знакомых вельмож. И наконец его представили королю. Здесь, при дворе, его имя и стоящие за ним века верного служения короне обеспечили ему достаточно теплый прием.

Король оказался очень приветлив. Не сразу, но все же Робер набрался смелости и попросил высочайшего позволения представить младшего брата, когда тот будет в Париже. Король милостиво дал свое позволение.

В этом и заключалась сегодняшняя миссия братьев. Сделает ли король что-нибудь для Алана, если молодой человек ему придется по нраву? Этого не знал никто.

Визит к королю они обсудили во всех деталях. Чуть ли не впервые в жизни младший брат нервничал:

– Что мне следует делать? Что говорить?

– Просто будь собой, мой дорогой брат. Ты нравишься людям таким, какой есть. И даже если попытаешься изобразить что-то другое, король тебя сразу раскусит. Помни, он в жизни повидал почти все, что можно. Тебе нужно запомнить всего четыре вещи.

– Что же это?

– Во-первых, где бы он ни был, с ним всегда женщины. Будь вежлив со всеми дамами. Каждая может оказаться его любовницей, а то и сразу несколько. Одна из них может даже быть его женой. – (Алан кивнул.) – Во-вторых, ты обожаешь его новый мост. Тот, что он почти закончил, я показывал тебе его недавно. Помнишь, что я говорил?

– Новый мост. Сделан из камня. Пересекает всю ширину реки, посередине едва касаясь западной оконечности острова.

– И... Ты кое-что забыл.

– Ах да. На нем не будет ни единого дома. Только мост, первый не загроможденный зданиями мост в Париже. Почему это так важно?

– Потому что с этого моста без помех будет открываться вид на Лувр, и от этого дворец будет выглядеть еще великолепно. Король одержим этой идеей. Ни в коем случае не забудь об этом.

– Не забуду.

– В-третьих, если он предложит тебе сыграть в карты, соглашайся немедленно, даже если у тебя не будет при себе ни сантима.

– Но если я проиграю?

– Крайне маловероятно. Почти всегда проигрывает король. Он любит проигрывать. Ему нравится давать людям деньги. Сюлли приходится вечно искать средства, чтобы заплатить его карточные долги, и барон ужасно злится. Подозреваю, что короля это весьма забавляет.

– Ты говорил, что нужно знать четыре вещи, а упомянул пока только про три.

– Мм... Да... Это кое-что особенное. – Робер поморщился, потом собрался с духом и поведал брату, что было у него на уме.

– О мой Бог, – сказал Алан.

Король Франции Генрих IV. Король Наваррский. Рожден в католичестве и обращен матерью в протестантизм. Оставался протестантом до тех пор, пока в роковой день святого Варфоломея Екатерина Медичи не пригрозила убить его, если он не станет снова католиком.

И кто знает, может, он так и оставался бы католиком, если бы Екатерина и Гизы не совершили один просчет. Они полагали, что кровавая бойня 1572 года запугает оставшихся в живых протестантов

так, что они больше не будут доставлять католической власти беспокойств. Не вышло.

Хотя королевские армии давили на них всей мощью, величайшие цитадели протестантизма вроде Ла-Рошели устояли. Вскоре они с новой силой стали требовать от правительства свободы совести.

И Генрих Наваррский вернулся в протестантизм. Ему потребовались годы на то, чтобы люди опять поверили ему и пошли за ним, но тем не менее он собрал свою, протестантскую армию. Получит ли он французский трон? Нострадамус предсказывал, что да.

Когда Екатерина Медичи нанесла Генриху визит, он сказал ей, что судьба на его стороне. Ни один из ее сыновей не оставил законного наследника мужского пола. Ее последний оставшийся в живых сын, одаренный, но женоподобный, не имел никакого интереса к продолжению рода. После его гибели французский трон отходил Генриху.

Но католики Гизы все еще не сдавались. Они образовали Католическую лигу. На помощь им пришла Испания. Когда Генрих с армией приблизился к столице, чтобы взять власть в свои руки, то обнаружил прокатолически настроенный город, усиленный испанскими отрядами.

Началась осада. Потянулись бесконечные переговоры. Но в конце концов у Генриха не осталось выбора. Париж, как говорится с тех пор, стоит мессы. Он опять стал католиком и получил корону Франции. Но о своих бывших единомышленниках не забыл и в 1598 году подписал Нантский эдикт, который давал протестантам свободу вероисповедания.

Несмотря на все свои недостатки, Генрих IV стал самым добрым королем из всех, которые когда-либо правили французами.

Короля они нашли в огромном внутреннем дворе Лувра. С ним была группа придворных, состоящая по большей части из дам.

– Королева здесь? – шепотом спросил Алан, пока они приближались.

Личная жизнь короля была насыщенной, а браки – довольно эксцентричными. Женитьба на дочери Екатерины Медичи в 1572 году оказалась неудачной. Генрих и Маргарита откровенно изменяли друг другу, и в конце концов папа римский пошел им навстречу и аннулировал брак. Как ни странно, бывшие супруги остались друзьями,

и не так давно Генрих построил для Маргариты чудесный замок около Лувра. Несколько лет он жил только с любовницами, но потом женился – и опять на женщине из семейства Медичи.

Однако Марии Медичи не было в тот день среди дам, окружавших короля.

– Говорят, по части светской жизни она не блещет, – полушепотом просвещал брата Робер, – зато весьма плодовита.

Бурбоны не хотели остаться без наследников, как их кузены Валуа.

Навстречу гостям двинулся придворный из королевской свиты. Он признал Робера, любезно приветствовал Алана и повел братьев к Генриху. У Алана было несколько секунд, чтобы рассмотреть монарха. Его волнистые волосы и остроконечная бородка блестели сединой и были коротко пострижены, на лице играли ум, лукавство и насмешка. Ростом он не отличался, но держался очень прямо. Алану он напомнил барана, выходящего на поле с овцами.

– Помни о четвертом пункте, – одними губами сказал ему Робер.

До короля оставалось десять шагов.

И тут их накрыло. Робер улыбался. Алан тоже попытался улыбнуться, но было это нелегко.

Он ощутил запах короля.

Король Генрих IV вонял. Он не любил мыться. Едкий запах застарелого пота, исходящий от его тела, сражал наповал даже в ту эпоху, когда ванны были редкостью. Что касается его дыхания... Остатки чеснока, рыбы, мяса, день за днем застревавшие между никогда не чищенными зубами, производили зловоние такое густое, такое тлетворное, что Алана чуть не вырвало прямо перед королем.

Молодой аристократ недоумевал: как этот вонючий мужчина может удерживать возле себя стольких женщин?

Но он нашел в себе силы на глубокий поклон, а когда выпрямился, то увидел, что живые умные глаза короля взирают на него благожелательно.

– Добро пожаловать в Париж, – произнес монарх. – Как вам понравилась столица?

– Прекрасный город, ваше величество.

– Вы видели мой мост?

– Как я понимаю, ваше величество, его заложили широким, чтобы, как обычно, поместить на нем дома, но вы запретили постройку зданий.

По-моему, вид с моста будет восхитительным.

– Отлично. Тот, кто научил вас сказать это, был абсолютно прав. – Король захохотал. Алан едва сдержался, чтобы не поморщиться, когда дыхание короля достигло его ноздрей, и сумел выдавить улыбку. – Вместо того чтобы загромождать домами мост и портить вид, я намереваюсь возвести шикарные особняки на мысу, который отсекается мостом от острова. – Король с удовлетворением покивал собственным планам. – И как видите, – продолжал он, широким жестом охватывая длинное здание за спиной, – мы строим и в Лувре.

По правде говоря, огромный дворец все еще являл собой беспорядочное скопление построек. В ходе последнего столетия короли Франции обнаружили, что недостаточно покинуть бывшую королевскую резиденцию на острове Сите и перебраться в окрестности Лувра, нужно еще решить, что им хочется получить на новом месте.

Нет, возвращаться на остров никто не хотел. О былой роскоши там напоминали только готические башни Сент-Шапель, а старый дворец на Сите постепенно превратился в гигантский лабиринт из судебных и административных учреждений. Но в Лувре каждое поколение правителей желало оставить свой яркий след, и результатом стало полное отсутствие единства.

Центральный замок в духе эпохи Возрождения получился многообещающим, но Екатерина Медичи построила для себя отдельный дворец в дальнем конце парка Тюильри и отсекала перспективу, открывавшуюся на запад. Более удачным оказалось новшество, к которому приложил руку сам король Генрих, а именно великолепная серия галерей, идущая от главного здания на запад вдоль берега Сены. Она протянулась на двести с лишним метров.

– Ходят слухи, – рассказывал Робер брату, – что король Генрих задумал эту галерею с таким расчетом, чтобы в случае опасности он мог добежать по ней до дальней западной двери и покинуть дворец. По аналогии с некоторыми дворцами во Флоренции.

Но скорее всего, Генрих желал дать своей грандиозной художественной коллекции такое помещение, где она производила бы максимальное впечатление на иностранных гостей.

Поэтому, когда король обернулся к Алану и спросил, известно ли ему основное предназначение длинной галереи, молодой аристократ предположил, что она создана для произведений искусства.

– Вовсе нет. В этом новом крыле наиболее важным является нижний этаж. Знаете, как я собираюсь его использовать? Как мастерские. Как студии художников. Их там будут десятки. Мы дадим там места ремесленникам. Это будет что-то вроде огромной академии. Там будет кипеть творческая работа. – Королевский энтузиазм был искренним. – Государство, месье де Синь, ничто, пока в нем не установится мир. Король – ничто, пока он не станет содействовать развитию ремесел и искусств в своем королевстве. И дворец – всего лишь пустая раковина, если только он не является центром полезной деятельности. Вот почему я намерен заполнить свой дворец мастерскими. – Затем Генрих обратил внимание на Робера. – Вы, кажется, остановились в Марэ?

– Да, сир.

– Тогда вы должны показать брату место, где будут строить новую площадь. Там уже начали расчищать участок. Это на улице Фран-Буржуа, недалеко от Бастилии. На площади появятся колоннады, под которыми будут ходить люди, а выше – дома и жилища для честных людей, которые зарабатывают на жизнь своим трудом. Все будет построено из кирпича и камня. Настоящий рай для скромных горожан в аристократическом квартале. Я собираюсь назвать эту площадь Королевской. – Генрих внезапно повернулся к Алану. – Вы одобряете мои усилия, направленные на благо простого народа, месье?

– Да, сир.

– Почему?

Алану пришлось задуматься. Такой вопрос ему в голову еще не приходил.

– Полагаю, – начал он, – это как с религией. Во Франции наконец закончились войны, вызванные религиозными разногласиями. Но между людьми существуют и другие отличия. Если разные слои общества ненавидят друг друга, это тоже может быть опасно. Взять, к примеру, крестьян: история помнит крестьянские восстания, и они были жестокими. Мне кажется, ваше величество стремится примирить Францию саму с собой. – Он замолчал, испугавшись, что сказал слишком много.

– Хорошо, – благосклонно кивнул король. – А теперь к делу, месье. Так как у вас всего одно поместье, – обратился он к Роберу, – вашему

брату придется самому прокладывать себе дорогу в жизни. Вы уже были у Сюлли?

– Да, сир.

Алан не мог знать, что скрывается за этим невинным вопросом, но Робер догадался: король намекал на то, что Сюлли уже поведал ему об усилиях старшего брата по устройству судьбы младшего.

– Сомневаюсь, что вы чего-то добились от него, – заметил король. – Он не любит тратить деньги. Не жаловался он вам на мою расточительность?

Алан разинул рот. Ну и вопрос! Как на него отвечать? Но Робер провел в столице уже достаточно времени, чтобы не попасть впросак.

– Он упоминал об этом, – произнес он с улыбкой. – Но я не поверил.

– Прекрасный ответ! – ухмыльнулся король. – Нельзя верить ни единому слову, которое исходит от Сюлли. Так и передайте ему, когда увидите его снова.

Этот важный разговор вот-вот должен был подойти к интересующей братьев теме, но в этот момент короля окружила стайка дам.

– Ваше величество пренебрегает нами, – с упреком обратилась к нему одна из них. – Вы обещали рассказать нам, что случилось в Фонтенбло.

Робер помрачнел. Неужели эта внезапная помеха лишит их внимания короля?

– Да, обещал. – Генрих повернулся к дамам и кивнул. – Вам всем следует послушать, – позвал он придворных, и свита торопливо собралась возле монарха полукругом. – Дело было в замке Фонтенбло на прошлой неделе. Там были я, моя жена, мой маленький сын и вся обычная компания. Но развлечение, организованное для нас английским послом, было необычным. Он привез труппу артистов, и те сыграли для нас пьесу одного человека по имени Шекспир. Кто-нибудь слышал об этом авторе? Нет? Я также ничего о нем не знал, но в Англии его почитают знаменитым. Представьте мое удивление, когда мне сообщили, что эта пьеса – обо мне!

– Прекрасная тема для пьесы! – воскликнул кто-то из придворных.

– Соглашусь с этим, – мило улыбнулся Генрих. – Но оказалось, что в пьесе говорится об английском Генрихе Четвертом. Я был

разочарован. Но что я мог поделать? Мы все сели. Я усадил рядом с собой сына. Ему всего три года, но я подумал, что ему полезно будет посмотреть спектакль. Принцу никогда не рано познакомиться со скукой. – Он обвел всех ироничным взглядом. – И вот, друзья мои, пьеса началась. Я не стану утверждать, будто все понял, но там был один персонаж, толстяк по имени Фальстаф, довольно смешной. И к моему удивлению, сыну пьеса доставила больше удовольствия, чем кому-либо другому. Он был зачарован этим Фальстафом, уж не знаю почему. Сцена подошла к концу. Мы поаплодировали. Потом была пауза, и в тишине вдруг мой мальчик поднялся, показал пальцем на того актера, который изображал принца, и крикнул: «Срубите ему голову!» Так и сказал: «Срубите ему голову». Все повернулись к нему. Я видел, что актеры встревожились. Они, очевидно, подумали, что французы – какие-то чудовища. «Ты вправду хочешь, чтобы я отрубил ему голову?» – спрашиваю я сына. «Да, папа, – говорит он, – хочу».

– Я и не знала, что он такой кровожадный, – засмеялась одна из дам.

– И я, мадам, – признался король. – Но вот тогда я совершил одну большую ошибку. Я строго посмотрел на него и сказал: «Тебе придется подождать. Мы никогда не казним актеров, пока не закончено представление». И на этом все закончилось.

– Вы имеете в виду, что больше мальчик не шумел?

– Совсем не это, мадам. Я хотел сказать, что актеры отказались продолжать. Они умоляли посла спасти их. Ничто не могло заставить их произнести хотя бы строчку. – Он нашел взглядом одного вельможу. – Бернар, вы были там. Скажите, все случилось именно так, как я рассказываю.

– Именно так, сир.

Все захохотали.

– Вы не приказали им играть дальше? – спросила одна из дам.

– Сказать по правде, – сказал король, – мне к тому времени пьеса уже наскучила и я велел подавать закуски.

Закончив анекдот, Генрих как будто вознамерился углубиться в беседу с дамой. Робер хотел схватить его за руку и повернуть к себе, но, конечно, позволить себе такого он не мог и беспомощно смотрел, как исчезает его последний шанс помочь Алану.

Король же что-то негромко говорил собеседнице, но потом внезапно оставил ее и вновь посмотрел на Робера.

– Прогуляйтесь со мной, де Синь, – сказал он любезно, – и ваш брат пусть идет с нами. Лучше всего мне думается, когда я двигаюсь.

Они пошли по дорожке, которая протянулась вдоль длинной новой галереи.

– Скажите мне, – спросил король у Алана, – любите ли вы приключения?

– О да, сир, – не колеблясь, ответил тот.

– В наши дни величайшим приключением в мире является Америка, – заявил король Генрих. – А конкретно я говорю сейчас о ее северной части, которую мы зовем Канадой. Первобытная местность, невообразимо огромная и столь же невообразимо богатая природными дарами. Эту территорию нужно исследовать и заселять. Еще при вашей жизни Канада станет мощной колонией, новой Францией. Интересно ли вам это?

Робер в ужасе уставился на короля. Он что, пытается отослать его младшего брата прочь, в неизведанную даль? Хочет разлучить их на всю жизнь?

Но Алан от восторга буквально просиял.

– На каких условиях я могу поехать туда, сир? – спросил он.

– Я отдал монополию на пушную торговлю и заселение сиру Мону. Он подобрал себе много способных людей. С ним исследователь Дюпон. Еще молодой человек по фамилии Шамплен. Этот юноша происходит из семьи мореходов, знает, как изучать крупные реки и составлять карты. У него к этому настоящий талант. Там собрались и католики, и протестанты, все работают вместе. Аристократов среди них немного. Если я попрошу Мона найти для вас должность, он сделает это. Но дальше все будет зависеть от вас – сумеете ли вы понравиться этим людям, найдете ли стоящее дело для себя. В таких предприятиях церемоний не любят, но зато приключения будут вам обеспечены. И вы многому научитесь.

– Я готов учиться, ваше величество.

Алан уже горел желанием отправиться в путь. А Робер отметил одну деталь, которую как бы невзначай упомянул король: в команде Мона почти нет аристократов. Если Алан хорошо себя проявит, то позднее, когда поселения вырастут в колонии под королевской властью,

он окажется в выгодном положении и может даже стать губернатором какой-нибудь провинции. А оставшаяся во Франции семья проследит за тем, чтобы при дворе его имя не забыли. Да, Робер видел сильные стороны королевского предложения. Но как же это далеко!

– Итак, – спросил король, – следует ли мне понимать, что вас заинтересовал этот проект?

– В высшей степени заинтересовал, сир.

– Боюсь, ваш брат никогда не простит меня за это. – Король понимающе посмотрел на Робера. – Мне показалось, он очень к вам привязан.

– Мой брат – лучший человек из всех, кого я знаю, ваше величество! – с чувством воскликнул Алан.

Король опять обратился к Роберу:

– Иногда, де Синь, чтобы идти вперед, мы должны соглашаться на компромиссы. А иногда даже жертвовать чем-то. Но помните одно: во Франции полно честолюбивой знати. Ваш род древний и славный, но многие семьи гораздо влиятельнее вас. А за океаном человеку легче добиться славы и богатства. – Он помолчал и сказал, как будто думая вслух: – И там столько земли... – Затем король дал понять, что разговор окончен и братьям пора откланиваться. Они так и сделали, и напоследок Генрих сказал им: – Удачи и долгих лет жизни, Алан де Синь!

– И вам тоже, ваше величество, – ответил Алан.

Король задумчиво посмотрел ему вслед.

Возвращаясь в Марэ, оба брата были молчаливы. Наконец Робер сказал:

– Я не думал, что мы расстанемся.

– Знаю, – ответил Алан. – Я тоже не ожидал такого поворота. Но это невероятная возможность для меня. Большое приключение. И с рекомендательным письмом от самого короля...

– Но Канада...

– Я буду писать тебе, брат. – Алан положил ладонь на плечо Робера. – С каждым кораблем, который пересечет океан.

Всего в полукилометре от этого места Симон Ренар завернул на улицу, ведущую к его дому.

Ему недавно исполнилось сорок, и был он весьма привлекательным мужчиной, едва начинающим седеть. Год назад умерла его жена, оставив вдовцу троих детей. Он еще не оправился от этой потери.

Когда он вошел в дом, его встретила тишина. На кухне была лишь служанка, которая сообщила хозяину, что его старшая дочь с подругой ушла на рынок и взяла с собой младших детей и что вскоре за этой подругой к ним должна зайти ее мать.

Симон обрадовался возможности спокойно заняться торговыми книгами и собрался пойти в амбар на заднем дворе, как в дверь постучали. Открыв ее, он увидел на пороге приятную темноволосую женщину и решил, что это и есть мать той девочки, которая ушла с его детьми на рынок.

– Заходите, – сказал он. – К сожалению, детей нет дома, но, думаю, они скоро вернуться.

Его раздосадовало появление нежданной гостьи, нарушившее его планы, но он постарался не выдать своих чувств.

Она вошла и огляделась.

– Вы всегда тут жили? – спросила она.

– Да. Это дом моих родителей. Несколько лет назад я перестроил его.

– А, – кивнула она. – Ваши родители еще живы?

– Нет. Я потерял их во время чумы в девяносто шестом.

Чума возвращалась в Париж дважды с тех пор, как он стал взрослым: сначала в 1580 году и потом снова в 1596-м. В первый раз беда миновала этот уголок. Во второй раз он был в отъезде – поехал по делу в Лион, а когда вернулся, то родителей уже не было в живых.

Симон никак не мог придумать, что сказать женщине. У его детей было много друзей, и он не помнил подробности о семьях всех этих мальчиков и девочек.

– Я забыл, сколько у вас детей, – наконец сказал он.

– Всего трое.

– Ах да. Как у меня.

Они прошли в общую комнату. Она была хорошо обставлена: там стояла пара угловатых ореховых кресел с прямыми спинками, обтянутых брюссельским гобеленом, и резной стол. Пол покрывал турецкий ковер, на стене висела шпалера. Симон гордился этой

комнатой, и потому ему было приятно видеть, что женщина с восхищением рассматривает ее.

– У вас очень красивый дом, – сказала она с улыбкой. – Должно быть, ваше дело процветает.

В отличие от отца, Симон не отказывался от помощи, которую предлагали ему родственники. Когда отец Ги пригласил его поучаствовать в торговле с Италией и импортировать шелк и кожаные перчатки, то Симон с благодарностью согласился. Результаты превзошли все ожидания. Вообще-то, при желании можно было и дальше наращивать состояние, но он не хотел. Дом он перестроил и увеличил, его семья ни в чем не нуждалась, и этого ему было достаточно. Он являлся членом гильдии, однако в ее внутренней политике никакого участия не принимал. Он не стремился произвести на кого-либо впечатление. Симон надеялся, что его дети, повзрослев, найдут себе супругов из честных, крепких семей, но не более того. Он никогда не хотел переехать из тихого уголка в конце аллеи, который представлялся ему обителью покоя в бурном мире.

Нежданная гостя улыбнулась:

– Вы меня не помните.

– Простите. – Он смущенно развел руки. Притворяться не было смысла. – У моих детей столько друзей...

– Это я виновата. Вы, должно быть, ожидали кого-то: думаю, мать ребенка, который дружит с вашими детьми. Но я здесь по другому поводу. В последний раз я была в Париже тридцать два года назад. Я даже не знаю вашей фамилии. Но я пришла сюда, чтобы отыскать вас, так как должна сказать вам спасибо. Когда я была маленькой девочкой, вы спасли мне жизнь. Теперь вы вспоминаете?

– Бог мой! – Он удивленно всматривался в нее. – Вы та маленькая девочка-протестантка. Констанция? Это ты?

– Я бы послала тебе письмо еще много лет назад, но когда твой отец привез меня к моей родне в Ла-Рошель, он даже не захотел представиться. Он тут же развернулся и ушел.

– Этого я не знал. – Симон говорил сбивчиво, еще не совсем осознав происходящее. – Наверное, в те дни было слишком опасно помогать протестантам. Наверное, он хотел таким образом уберечь себя и семью.

– Я тоже так считаю. Может, я даже знала вашу фамилию, но забыла, ведь мне было всего пять лет. Но я всегда помнила о тебе и хотела поблагодарить. Поэтому, приехав в Париж, я отправилась на поиски дома. Мне казалось, что я сумею узнать его.

– Так и вышло.

– Да. – Констанция улыбнулась. – Правда, пришлось побродить несколько часов по округе. А когда нашла дом, то боялась, что ты в отъезде, или переехал, или что я вовсе не узнаю тебя. Но потом ты открыл дверь, и я сразу поняла, что это ты. И прежде чем я успела что-то сказать, ты пригласил меня войти.

– Но это же замечательно! – Он качал головой от удивления. – Когда отец вернулся из Ла-Рошели, он сказал нам, что ты в безопасности. Потом на Ла-Рошель двинулась королевская армия. Протестанты сопротивлялись так отчаянно, что армии пришлось отойти. Но мы слышали, что за время осады погибло много горожан, так что я не знал, жива ты или нет. И вот ты здесь. Знаешь что, приведи к нам своего мужа и детей, они должны познакомиться с моими детьми.

– Мы ведь по-прежнему протестанты.

– Теперь это разрешено законом. – Симон пожал плечами.

На самом же деле Симон, оставаясь католиком, не очень интересовался тем, какую религию исповедуют окружающие. Даже столько лет спустя он помнил, как в детстве был потрясен, когда узнал, что христиане убивают прямо посреди улицы невинных людей; помнил он и то, как разочаровался в своем дяде Ги, который не видел в этом ничего ужасного. Он стал одним из множества умеренных католиков, считающих, что такие злодеяния противоречат христианской вере – что бы ни говорил папа римский.

– Что же, тогда я с радостью приду к вам с детьми, – сказала Констанция. – Но, увы, без мужа. Он скончался два года назад. В Париж я приехала со своим деверем и его семьей. Наши дети росли вместе. И когда друзья стали звать деверя приехать в Париж и присоединиться к здешней Протестантской церкви, мы решили, что поедем все вместе.

– Тогда приходите все! – сказал Симон. – Устроим большой обед.

Он собрался было поведать ей, что его жена тоже умерла, но по какой-то причине промолчал. Пока.

Итак, было решено, что они все встретятся в следующую субботу, после чего Констанция попрощалась и ушла.

Проводив ее, Симон смог наконец заняться своими делами, однако никак не мог сосредоточиться.

Помнит ли Констанция, как в те далекие странные дни он учил ее алфавиту? Возможно. Надо будет спросить ее. Помнит ли она, что перед ее отъездом в Ла-Рошель он пообещал жениться на ней? Вряд ли.

В любом случае об этом не могло быть и речи. Король Генрих добился мира в стране, но католики не сочетались браком с протестантами.

Симон вдруг понял, что еще ни разу не бывал внутри протестантской церкви. Он понятия не имел, какие там идут службы.

А может, стоит попросить Констанцию и ее деверя сводить его как-нибудь в их церковь? В этом нет ничего дурного.

Глава 12

1898 год

Когда Роланд привез Мари в Версаль, был холодный январский день, деревья стояли голые под серым небом. В тот день дворец был закрыт для посещений, но де Синь договорился о частном визите и взял на себя обязанности экскурсовода.

Обед в апартаментах Бланшаров омрачило обсуждение «дела Дрейфуса», но Роланд твердо знал, что сегодня не допустит ничего подобного. Это на бульваре Мальзерб он чувствовал себя не в своей тарелке, а Версаль был его территорией.

Признаться, ситуация доставляла ему немалое удовольствие. Так приятно показать своим гостям, что в его власти пригласить их во дворец частным образом! Более того, его предки в период расцвета семьи находились при дворе в Версале, и о том времени сохранилось множество анекдотов, которыми де Синь теперь мог развлечь и удивить своих спутников. Он решительно вознамерился очаровать их.

Роланд встретил их на вокзале с большим экипажем, в котором уместились все: Мари, ее брат Марк, американец Хэдли и английский стряпчий Фокс. В подобной компании ему легко будет понаблюдать за Мари, не привлекая внимания.

Не надо забывать, напоминал себе Роланд, что в этом и состояла истинная цель всего мероприятия: выяснить, годится ли Мари на роль жены. Если все сложится удачно, то еще до наступления вечера он получит ответ на этот вопрос.

Ему не приходило в голову, что у него есть соперник.

Одну вещь он отметил для себя сразу, еще до того, как они приблизились к входу во дворец: ему понравилось, как она сидит и как двигается. У нее была идеальная осанка. Роланд терпеть не мог женщин, которые сутулятся, и всегда знал, что его жена будет изящной.

Хотя Мари далеко было до элегантности тех худощавых, модных дам, которых он встречал в салонах высшего света, в миловидности ей

нельзя было отказать. Еще она относилась к числу тех везучих женщин, которые с возрастом становятся только привлекательнее. Роланд понимал, что те элегантные дамы из салонов, достигнув среднего возраста, не смогут сравниться с Мари. А благодаря своей осанке она и в старости будет выглядеть достойно. Возможно, в отношении элегантности он кое-что потеряет, остановившись на ее кандидатуре, но получит взамен нечто большее.

Перед тем как войти, компания обошла просторные дворы, вокруг которых раскинулся замок. От грандиозности Версаля с его протяженным главным зданием и двумя боковыми флигелями захватывало дух.

– Я приезжаю в этот дворец с самого детства, – заметил Роланд, обращаясь к Мари, – но до сих пор, признаюсь, его масштабы не укладываются у меня в голове.

Он оглянулся на Хэдли, который никогда раньше не видел Версаля. Как лучше всего познакомить иностранца с бывшей королевской резиденцией? Но американец упростил ему задачу – рассмеялся и произнес:

– Можете называть меня провинциалом, но я никак не могу привыкнуть к размеру ваших жилищ. Все это, – он развел руки, – только для Людовика Четырнадцатого и его семьи?

– О да, мой друг, – ответил Роланд, – для одной семьи это здание, разумеется, чрезмерно велико. Но начиналось все со скромного охотничьего домика, а этот огромный комплекс построили не только для семьи, но и для всего двора. Королевская семья имела свои апартаменты внутри дворца, но примерно с тысяча шестьсот восьмидесятого года и до революции, то есть более века, Францией управлял Версаль. Здесь размещалось великое множество людей: министры, наиболее влиятельные вельможи, все те, кто имел к королю какое-либо дело. Когда прибывали зарубежные послы, Версаль должен был поразить их богатством Франции. Король настаивал, чтобы все во дворце было французского производства, например шпалеры с фабрики гобеленов или обюссонские ковры, так что это было нечто вроде постоянно действующей выставки товаров. Весьма практично.

В разговор мягко вступила Мари.

– Я слышала, – сказала она Хэдли, – что внутри дворца до сих пор сохранился первоначальный охотничий домик. – Затем Мари

обернулась к Роланду. – Так ли это, месье де Синь?

Роланд улыбнулся про себя. Он догадывался, что Мари и сама прекрасно знает ответ на этот вопрос, но, поскольку роль гида принадлежит ему, старалась не вторгаться на его территорию.

– Вы абсолютно правы, мадемуазель, – сказал он. – В самом центре фасада стоит тот небольшой дом, всего лишь из нескольких комнат. Но его сохранили и потом стали пристраивать новые помещения во все стороны. – Он обратился ко всей компании: – Не зайти ли нам внутрь?

Все двинулись к входу. Роланд расслышал, как Марк проговорил на ухо сестре:

– Ты же знала про охотничий домик, Мари, почему бы так и не сказать?

Но Мари сделала вид, будто не услышала.

Значит, догадка Роланда была верной. Он вспомнил разговор с отцом Ксавье, состоявшийся много лет назад.

– Когда ты женишься, – сказал тогда священник, – прежде чем предпринять что-либо, сначала подумай, как отнесется к этому твоя жена. Ставь ее чувства выше собственных. Только если вы с женой оба будете поступать так, ваш брак может оказаться счастливым.

Роланд мечтал о таком браке, какой был у его родителей. Он хотел любить и быть любимым.

– Я буду стараться делать так, как вы сказали, – пообещал он священнику.

– Рад слышать это, – ответил отец Ксавье с улыбкой. – Тогда позволь добавить одно предостережение. Какой бы сильной ни была твоя любовь, не растрачивай ее на женщину, которая не будет столь же чуткой по отношению к тебе.

Тактичность, только что проявленная Мари, была мелочью, но она вселяла надежду: значит, эта девушка внимательна к чувствам окружающих.

– Почему Людовик Четырнадцатый уехал из Парижа? – У Хэдли возник новый вопрос. – У него же был Луврский дворец, достаточно большой для всех его нужд.

– Некоторые считают, что он ненавидел Париж, – заметил Марк.

– Может быть, и так, – сказал Роланд. – Но тем не менее Людовик Четырнадцатый построил в Париже и Дом инвалидов, и несколько

самых первых бульваров. По правде говоря, никто не знает точного ответа. Мне кажется, это было частью общего процесса. Франция на тот момент сложилась в единое государство, но управлять страной было очень трудно, поскольку ее огромные провинции оставались под контролем знатных родов. В годы правления Людовика Тринадцатого могущественный кардинал Ришелье пытался навести порядок, сделав монархию абсолютной. Когда Людовик Четырнадцатый вззошел на трон, ему было всего пять лет, но, пока он рос, преемник Ришелье, кардинал Мазарини, проводил ту же политику. И когда Людовик наконец встал у власти, то с помощью своего министра финансов Кольбера продолжил централизацию управления страной. А есть ли более эффективный способ контролировать влиятельных аристократов, чем собрать их в одном месте, где можно присматривать за ними? Король так наловчился, заставляя их всех танцевать под его дудку в Версальском дворе, что полностью нейтрализовал их. В Париже он не сумел бы этого сделать – город слишком велик.

– Его трудно контролировать, – добавил Фокс.

– Невозможно. – Роланд горько поджал губы. – В Париже полно мест, где можно спрятаться и вынашивать опасные идеи. Париж дал нам революцию. – Он повернулся к Мари. Частично это было продиктовано вежливостью, а частично – желанием устроить небольшую проверку. – А что вы думаете, мадемуазель? – спросил он.

– Все, что вы говорите, мне кажется верным, месье, – немного подумав, осторожно произнесла она, – но все же я могла бы добавить одну вещь. – Она глянула на Хэдли. – Может, месье Хэдли знает, что, пока Людовик Четырнадцатый был ребенком, в стране шли волнения, известные как Фронда и вызванные, скорее всего, деспотичной политикой кардинала Мазарини. Однажды толпа горожан ворвалась в Лувр и проникла в спальню короля. Он был совсем еще мальчиком. Когда они подошли к его кровати, он притворился спящим. Вообразите себе эту сцену. Должно быть, Людовик был в ужасе. Никто бы не остановил восставших, если бы они захотели убить его. И я подозреваю, месье, что память о той ночи не покидала короля всю жизнь. Возможно, решение о переезде в Версаль приняла его голова, но я уверена, что сердце короля никогда не билось ровно в стенах Лувра.

– По-моему, ваша женская мудрость подвела вас ближе к цели, чем все мои рассуждения, – уважительно произнес Роланд, с восхищением

глядя на нее.

И добавил про себя, что тот мужчина, чью судьбу она разделит, станет поистине счастливецем.

В дверях гостей встретил хранитель и пропустил внутрь. Весь дворец был в их полном распоряжении. Ничьи иные шаги и голоса не нарушали тишины величественных мраморных залов, золоченых комнат и бесконечных галерей.

Они шли через Апартаменты Короля – торжественные, серьезные и внушительные помещения.

– Каждая комната для приемов названа в честь одного из богов античности, – объяснял Роланд. – Тронный зал посвящен Аполлону.

– Забавно, не правда ли, – вставил Марк, – что наш христианский монарх проявил такую любовь к языческим божествам. Не просто так его звали королем-солнцем.

Пока они шагали через анфиладу высоких холодных комнат, Роланд то и дело обращал внимание спутников на живописные полотна и украшения, созданные французскими художниками вроде Риго и Лебрена. Наибольшее впечатление производил Салон Войны – настоящий храм из зеленого и красного мрамора, богато украшенный золотом. Здесь бросался в глаза огромный овальный барельеф богоподобного короля-солнца, сидящего на коне, который топтал его врагов.

– Все зависело от короля, – говорил Роланд. – Его власть была полной, а каждодневная жизнь подчинена жесткому этикету. – Он с усмешкой посмотрел на Фокса и Хэдли. – Это именно то, чего стремились избежать английская и американская политические системы.

С этими словами он открыл дверь в самое известное помещение Франции.

Зеркальная галерея. Более семидесяти метров в длину. По одну сторону большие окна, напротив – зеркала в позолоченных рамах. Под арками выстроились в ряд массивные хрустальные канделябры. Кажущийся бескрайним полированный паркетный пол блестит, как озеро в солнечных лучах.

– Вот здесь все поджидали короля, когда он шел в дворцовую церковь, – сказал Роланд.

– Я читал, что придворный этикет был весьма утомителен, – заметил Хэдли.

– Так и было. Причем тяжелее всех приходилось женщинам. В то время возникла мода на особую походку. Женщины должны были делать очень мелкие и частые шажки – этого не было видно, разумеется, под длинными платьями, – так что казалось, будто они плывут. – Он вновь перевел взгляд на Мари. – А что вы скажете, мадемуазель?

– Вы имеете в виду это, месье? – В доселе серьезных глазах Мари вспыхнул лукавый огонек.

И внезапно она, под удивленными взорами четырех мужчин, двинулась по Зеркальной галерее. Ее платье закрывало ноги до самых туфель, и потому эффект был потрясающий: она как будто парила над паркетом. В бледном зимнем свете, падающем через окна, ее гибкая фигура привидением скользила из одного зеркала в другое, и казалось, она удаляется куда-то в прошлое. В конце зала Мари развернулась и поплыла обратно к ним, в настоящее.

Когда она остановилась перед мужчинами, ей устроили небольшую овацию.

– Где ты этому научилась? – спросил Марк.

– Моя учительница танцев умела это делать и научила меня.

– Непревзойденно! – воскликнул восхищенный Роланд. – Должно быть, в прошлой жизни вы были придворной дамой.

– Необыкновенное представление, – произнес Фокс. – Чудесно!

– Такая походка очень утомительна, – со смехом сказала Мари. – Я рада, что мне не приходится делать это ежедневно.

Они перешли в Апартаменты Королевы. В XVIII веке их несколько раз перестраивали, и в них царил более легкая атмосфера.

– Ваша семья бывала в Версале, месье де Синь? – спросила Мари.

– Да. С этим связана романтическая история. Во времена Людовика Четырнадцатого наш род едва не прервался. Оставался лишь один-единственный де Синь. Он старел, а наследника не имел. Но потом здесь, в Версале, он встретил молодую женщину из семейства д'Артаньян. И, несмотря на существенную разницу в возрасте, они полюбили друг друга и поженились.

– Д'Артаньян, как в «Трех мушкетерах»?

– Именно так. Дюма использовал это имя в своих романах, но семья д'Артаньян существовала на самом деле.

– И они были счастливы?

– Очень счастливы, как гласит семейное предание. У них родился сын. – Роланд улыбнулся. – А иначе меня бы здесь не было.

– Очаровательная история, – сказала Мари.

Выводя маленькое общество из Апартаментов Королевы, Роланд объявил, что теперь покажет им церковь по другую сторону двора. Пока они шли туда, Мари незаметно для остальных постаралась шагать так, чтобы оказаться рядом с Роландом.

– Меня очень заинтересовала история, которую вы только что рассказали, – заметила она вполголоса. – Мне всегда казалось, что счастливый брак маловероятен, когда между мужем и женой существует большая разница.

– Разница в возрасте?

– В возрасте или в чем-то другом.

Деликатная тема, подумал он. Но вполне насущная. Мари права, поднимая ее. Ведь он аристократ, а она, хоть и богачка, принадлежит к классу буржуазии. В традиционной Франции классовые различия создавали почти непреодолимое препятствие для брачного союза.

– Я считаю, что если есть чувство и взаимное уважение и если у двух людей есть общие интересы, тогда различия можно сгладить – при условии, что обе стороны будут готовы к компромиссам. Но компромиссы не проблема, когда есть чувство, а это мы уже оговорили.

Она кивнула с задумчивым видом, а потом улыбнулась:

– Ваши слова мне кажутся очень мудрыми, месье.

Церковь оказалась шедевром в стиле барокко, посвященном средневековому королю Людовику Святому.

– В конце своего правления, – пояснил Роланд, – король-солнце становился все более и более набожным.

– И благодарить за это следует его вторую жену, мадам Ментенон, – добавила Мари, – которая оказывала положительное влияние на его моральный облик.

– Разумеется, мадемуазель абсолютно права, – рассмеявшись, сказал Роланд Фоксу и Хэдли. – Несомненно, каждый мужчина

нуждается в том, чтобы жена направляла его по части морали и нравственности. И Людовик Четырнадцатый отнюдь не исключение!

Однако Фокс, казалось, имел иное мнение. Он кивнул в ответ на замечания Роланда и Мари, но при этом поджал губы.

– Вы должны простить меня, если я не разделяю вашего восхищения религиозными убеждениями короля. Именно из-за этих убеждений он выгнал нашу семью из Франции.

– Вы гугенот? – удивился Роланд.

– В то время наша семья была протестантской. – Фокс обернулся к Хэдли, чтобы объяснить: – Вы, вероятно, слышали о гугенотах – так называли французских протестантов. Мы жили во Франции под защитой закона о веротерпимости, известного как Нантский эдикт. Но в тысяча шестьсот восемьдесят пятом году Людовик Четырнадцатый отменил его действие и велел гугенотам возвращаться в лоно Католической церкви. Около двухсот тысяч гугенотов вынуждены были бежать в другие страны, в том числе в Англию. Моя семья была среди последних.

– Но ваша фамилия не французская, – заметила Мари.

– Верно. Часть английских гугенотов сохранила свои французские имена, но многие перевели их на английский. Например, семья Лебрэн стала Браунами. Ну а Ренары стали Фоксами.

– Значит, вы из Ренаров? – с внезапным интересом уточнил Роланд.

– Да. Это довольно распространенная фамилия.

Роланд на мгновение задумался. Он вспомнил, что один из его предков женился на наследнице Ренаров, женщине из купеческого сословия, вероятно чем-то похожей на Мари Бланшар. Это было много веков назад, даже думать об этом не стоило. И тем не менее существовала вероятность, что его семья могла иметь отдаленные родственные связи с этим английским стряпчим. Хотел ли Роланд изучать ситуацию глубже? Нет. Он не хотел быть родственником Фокса.

– Вы правы, – согласился он, – Ренаров во Франции много. А теперь, – объявил Роланд, – карета отвезет нас на край парка, где мы сможем осмотреть прелестный дворцовый комплекс Трианон.

Все, кто знал Джеймса Фокса, не сомневались: собравшись жениться, он подойдет к выбору жены основательно и сам станет

отличным мужем. Он уже не раз влюблялся и в последнее время стал думать, не пора ли остепениться.

Но никогда еще он не испытывал молниеносной, сметающей все на своем пути страсти, не знал, что такое любовь с первого взгляда. Вплоть до прошлого воскресенья.

А теперь он был по уши влюблен. И любовь его была безнадежной.

Он всегда полагал, что его жена будет говорить по-французски. Семейная фирма была основана в Лондоне, но парижское отделение стало важной частью дела. И сам Джеймс, и его отец пользовались симпатией и доверием британского посольства, и поэтому он ожидал, что будет путешествовать между Лондоном и Парижем на протяжении всей профессиональной карьеры.

Найти жену-англичанку, которая говорила бы по-французски, не составляло труда. С тех пор как власть и престиж короля-солнца сделали французский язык дипломатии, для дам высших слоев английского общества знание его стало обязательным – хотя бы теоретически. А теперь даже девочки из среднего класса получали основы французского в школе.

А как насчет жены-француженки? Идея Фоксу нравилась. Во Франции с ней было бы удобнее. А в Лондоне – при условии, что она сможет объясниться на английском, – брак с француженкой произвел бы впечатление.

В любом случае Джеймс рассчитывал на удачную женитьбу. Конечно, с точки зрения английской невесты стряпчий проигрывал адвокату, выступающему в суде. Зато его положение укрепляли парижские связи, приглашения на приемы в посольства, отношения с аристократическим миром дипломатии. Молодая женщина, желающая выйти за дипломата, вполне могла бы согласиться на жизнь в Париже с обеспеченным мужем из подобной среды. В глазах француженок положение Фокса было еще лучше. Британская империя находилась на пике своего расцвета; ею правил монарх, о чем тайком мечтали многие французы; и на один британский фунт можно было купить кучу французских франков. Не зная тонкостей английского общественного устройства, французы видели в Фоксе лишь процветающего английского джентльмена. Даже богатая семья вроде Бланшаров могла заинтересоваться им как претендентом на руку дочери.

Если бы он не был протестантом, разумеется.

Каждую неделю Фокс посещал англиканскую церковь Святого Георгия недалеко от Триумфальной арки, а иногда заходил в американскую церковь Святой Троицы, что находилась к югу от Елисейских Полей; ректором в ней уже не одно десятилетие был кузен банкира Дж. П. Моргана. Среди французских знакомых Фокса имелись протестанты, но большинство, разумеется, были католиками. Он старался придерживаться совета, данного ему отцом еще в детстве: «Многие из наших близких друзей – католики. Хотя говорить об этом нет необходимости, все-таки всегда помни, что ты протестант».

Поэтому в воскресенье, любуясь светлыми локонами и голубыми глазами Мари Бланшар и ясно понимая, что это единственная в мире женщина, на которой он хотел бы жениться, Джеймс Фокс отдавал себе отчет в том, что его чувства – чистое безумие.

Месье Бланшар почти наверняка будет против. Его собственный отец вовсе не обрадуется такой идее. В будущем неизбежно возникнут споры относительно вероисповедания детей. Как юрист, он лучше многих понимал, что стоит коснуться религиозных расхождений, и даже самые любящие семьи распадаются, привязанности забываются, отношения ломаются.

Кроме того, ему было ясно, что Мари в скором времени может получить предложение от де Синя, богатого аристократа подходящего вероисповедания.

Да он попросту тратит время, думая о Мари.

Но Джеймс Фокс был терпеливым человеком. Он не сдавался сразу.

Дворец Большой Трианон, куда удалялся король-солнце с мадам Ментенон, дабы отдохнуть от дворцового этикета, был очаровательным загородным домом, построенным из камня и розового мрамора. Рядом стоял возведенный Людовиком XV Малый Трианон, и по сравнению с Большим он казался кукольным домиком.

– Этот дворец напоминает нам о том, что Бурбоны все-таки были людьми, а не божествами, – сказал Роланд. – А также о том, что и они были уязвимы: ведь именно крошечный Малый Трианон стал любимым убежищем несчастной королевы Марии-Антуанетты в годы, предшествующие революции. Сейчас, друзья мои, если позволите, я

предлагаю поразмыслить над значением Версаля. Сначала упомяну вот о чем: он был выстроен Людовиком Четырнадцатым почти полностью в классическом стиле и немного дополнен его преемником Людовиком Пятнадцатым. То есть с архитектурной точки зрения дворец гармоничен. Во-вторых, давайте вспомним об удивительном факте французской истории. Король-солнце прожил так долго, что его сын и внук умерли раньше его. В результате на трон взошел его правнук, тогда еще маленький мальчик. И с тысяча шестьсот сорок третьего по тысяча семьсот семьдесят четвертый год, более ста тридцати лет, Францией управляли всего два человека, Людовики Четырнадцатый и Пятнадцатый. Добавьте четверть века следующего правления Людовика Шестнадцатого и его супруги Марии-Антуанетты – и вот уже настает революция. С конца семнадцатого столетия до самой революции с очень небольшим перерывом Франция управлялась не из Парижа, а из Версаля. А теперь я поделюсь с вами своими соображениями о том, почему Версаль наполнен некой меланхолией. Подумайте о короле-солнце. Он так стремился к тому, чтобы навести во Франции порядок с помощью Католической церкви, которая боролась с Протестантской всей своей мощью. Казалось, ему удалось достичь цели, он сделал Францию величайшим государством Европы. Но он перестарался, оказался вовлеченным в разорительные войны, на его глазах умирают наследники, и вместо надежного преемника он оставляет полуразрушенное королевство ребенку – такому же, каким сам получил корону. Только представьте, как велика была его скорбь. Новое столетие принесло золотой век и Просвещение, это так, но еще и финансовые трудности, утрату Францией колоний в Канаде и в Индии, а закончилось оно революцией, когда восставшие вынудили бедного Людовика Шестнадцатого и Марию-Антуанетту вернуться в Париж и взойти на эшафот. Так закончилась эпоха Версаля. Все, о чем мечтал его создатель, было полностью уничтожено. Но по той же причине Версаль так притягателен. Это целый мир, который внезапно перестал существовать, но при этом остался во всем своем совершенстве, замороженный навечно таким, каким был, когда короля и королеву увозили отсюда на смерть.

Им оставалось посетить всего одно место, и находилось оно совсем рядом. Роланд шел впереди с Мари и ее братом, а Фокс с Хэдли

следовали за ними. Фоксу понравился умный американский приятель брата Мари. Они вкратце обменялись мнениями о поездке.

– Де Синь – прекрасный экскурсовод, – сказал Фокс.

– Да. – Хэдли посмотрел на троицу, шагающую впереди. – Наш аристократ и Мари составили бы красивую пару, вы согласны? Светловолосые, голубоглазые... Для нее он стал бы завидной партией, а?

– Наверное, – спокойно ответил Фокс. – Он заявил о своих намерениях?

– Еще нет. Иначе Марк сказал бы мне.

– А сам Марк не думает жениться? – спросил Фокс, в основном чтобы поддержать разговор, но также из желания узнать как можно больше о семье на тот маловероятный случай, если у него вдруг появится шанс добиться руки Мари.

– У Марка с женщинами сложные отношения, по крайней мере на данный момент, – усмехнулся Хэдли.

– Какие-то проблемы?

– Вы умеете хранить секреты?

– Мне приходится делать это ежедневно по роду занятий.

– Отлично. Марк попал в неприятность, связанную с девушкой. Ничего оригинального. Но его отец так рассердился, что перестал давать ему деньги. – И он в общих чертах описал Фоксу обстоятельства.

– Это неприятно, но на скандал не тянет, – резюмировал Фокс, когда Хэдли закончил. – Как юрист, я сталкиваюсь с подобными вещами чуть ли не каждую неделю.

– Сейчас выбор за семьей Марка, как мне кажется. Отец Марка страшно расстроен, ведь родственники девушки намерены выгнать ее из дома. Бланшар чувствует свою вину перед ней.

– Это делает ему честь. Большинство богачей просто отмахнулись бы. Бланшары уже определились с тем, что можно сделать для девушки и для ребенка, если он будет рожден?

– Пока нет.

Фокс погрузился в мысли. Очень может быть, что информация, которой с ним поделился Хэдли, окажется полезной.

Наконец они оказались в одном укромном и эксцентричном уголке, непохожем на необъятные дворцы и пышные красоты Версаля.

– Ну вот! – воскликнул де Синь. – Деревня королевы!

Марк слышал об игрушечной деревушке, где королева Мария-Антуанетта любила переодеваться в простое платье из муслина и соломенную шляпу и играть в крестьянку. Маленькая деревня с мельницей, фермой и голубятней стала ее собственным королевством, куда никто не мог войти без разрешения.

– Это была всего лишь игра, чтобы развлечь бедную богатую девушку, верно? – спросил он.

– История несправедлива к Марии-Антуанетте, – ответил Роланд. – На самом деле в этой деревне, модели нормандского поселения, велось настоящее хозяйство и поставляло продукты для кухни Версаля. Многие мечтают об убежище, особенно если они заперты в таком душном, церемонном мире, как версальский двор. Это место дышит сельским очарованием. Но построили деревню только в тысяча семьсот восемьдесят третьем году, то есть у королевы было всего шесть лет, чтобы насладиться покоем, а потом революция оборвала ее жизнь.

Да, это было чудное место для прогулки. Хэдли и Марк заинтересовались чем-то вместе с Джеймсом Фоксом, поэтому Роланд воспользовался этим шансом, чтобы углубить знакомство с Мари. Он спросил, понравилась ли ей поездка в Версаль, и она подтвердила это.

– Я заметил, что вы хорошо знакомы с историей Версаля. Надеюсь, мои комментарии для нашего друга Хэдли не утомили вас.

– Вовсе нет. Я люблю исторические места и семейные повести. Но знаю я не так уж много. – Она улыбнулась. – Тетя Элоиза говорит, что мне нужно больше читать.

– Не нужно, – твердо возразил Роланд. – А какие занятия вам нравятся?

– Обычные, которые можно найти в городе. Мы ходим в Оперу. Я просила Марка сводить меня в варьете «Фоли-Бержер», но пока он не исполнил мою просьбу. Думаю, родители воспитывали меня слишком строго.

Роланд улыбнулся. Мари премило и тонко флиртовала с ним.

– Ваши родители все сделали абсолютно правильно. Тем не менее сам я люблю ходить в «Фоли-Бержер».

Стал бы он водить в варьете свою жену? Он представил, как Мари убеждает его взять ее с собой, и эта воображаемая сцена доставила ему удовольствие. Его невеста, разумеется, должна быть невинной. Однако из того, что Роланд видел сегодня, у него сложилось впечатление, что эта скромная и милая молодая женщина будет прилежной ученицей, когда муж станет обучать ее науке любви.

– Вы проводите какое-то время за городом?

– У нас есть дом в Фонтенбло. Там я езжу верхом по лесу.

– Вам нравится верховая езда?

– Нравится, но занимаюсь я ею только изредка. Мне бы хотелось усовершенствоваться.

– Для этого нужно поработать.

– Я не рассчитываю, месье, будто можно чего-либо добиться, не прикладывая усилий.

– Это так.

– А помимо лошадей, в деревне я веду себя примерно так же, как Мария-Антуанетта: только играю в сельскую жизнь. – Она помолчала. – У нас, правда, есть виноградник, и я всегда хожу туда, когда настает пора собирать урожай, и работаю с женщинами. Сбор винограда не самое светское занятие, но я обожаю его. Можно сказать, на винограднике я бываю счастливее всего.

Ага, думал Роланд, значит, она не просто богатая представительница буржуазии. У нее есть тяга к земле. Аристократ должен быть изящным в Париже, но в своем поместье должен уметь управляться с хозяйством и с домом. Он решил, что Мари сумела бы исполнить обе эти роли.

Перед уходом гости Роланда захотели погулять еще по садам, до которых было рукой подать от Большого канала в центре парка, и Роланд повел их туда. Возле канала все разбрелись. Впервые за время этой прогулки Роланд остался один и смог понаблюдать за всеми со стороны.

Январский день близился к вечеру. Облака висели в небе так высоко, что казалось, будто они не двигались со времен постройки дворца. Большой канал рассекал нижние сады пополам. Людовик XIV и его придворные любили устраивать на нем лодочные катания. Но сейчас канал был пуст и сер, как небо. Только Мари с братом, Фокс и Хэдли стояли, словно статуи, у края неподвижной воды, а вокруг них

раскинулись ровные террасы, разлинованные дорожками лужайки, бесконечные партеры и далекие фонтаны – все пустое и безмолвное.

И с новой силой Роланда пронзила мысль о том, что если он женится на Мари, то привнесет в свою жизнь тепло и уют, которых не найти в этих необъятных пространствах, где рука человека обрезала кусты с геометрической точностью, да глаз Бога, скрытый серобокими облаками, видел и судил все, что не укладывалось в Его еще более строгую и еще более пугающую симметрию.

Жизнь французского аристократа полна призраков – призраков королей, предков, великих событий. Они кружат вокруг него, словно тени в опустевшем саду. Как и положено призракам, они отчужденны и холодны, и потому обладание ими отдаляет Роланда от других людей – он и сам не мог бы объяснить, в чем это выражается, и вряд ли Мари Бланшар когда-нибудь разделила бы с ним это ощущение, да и не захотела бы. Зато она принесла бы тепло, которого ему не хватало всю жизнь. Но сможет ли он жить с этим теплом? И сможет ли она жить с теми холодными призраками, с которыми он не расстанется никогда? Роланд этого не знал.

К своему удивлению, он ощутил необходимость посоветоваться с отцом. И решил сделать это как можно скорее.

Десять дней спустя к Жюлю Бланшару пожаловал неожиданный посетитель – Джеймс Фокс – с просьбой побеседовать наедине. Усевшись в маленькой библиотеке Бланшаров, вежливый англичанин начал издали:

– В нашей деятельности между Лондоном и Парижем, месье, у нас часто просят совета в семейных делах самого разного рода. И мы всегда рады оказать содействие, если это в наших силах. В некоторых случаях требуется особая деликатность, другие более просты. – Он сделал краткую паузу и продолжил: – В настоящий момент двое из наших клиентов в Англии обратились к нам за помощью. Одно дело довольно обыкновенное: некая добропорядочная обеспеченная семья в Лондоне ищет няню для своих детей. Они хотят, чтобы дети хорошо говорили по-французски, и потому желают, чтобы няня одновременно была бы и гувернанткой, пока дети не пойдут в школу. У вас, полагаю, обширный круг знакомых, и потому я решил спросить: не знаете ли вы подходящую девушку?

– Сейчас я не могу сказать ничего определенного, но поговорю с женой. А в чем заключается второе дело?

– Оно из разряда конфиденциальных. Мы с вами давно работаем вместе, и я имел удовольствие познакомиться с вашей семьей, потому не испытываю сомнений в том, месье, что могу довериться вам – с вашего позволения.

– Конечно.

– Дело касается семьи, которая живет за пределами Лондона. Они являются клиентами нашей фирмы уже несколько десятков лет. К сожалению, эта пара не может иметь детей, и поэтому они захотели усыновить ребенка. Им все равно, будет это мальчик или девочка. Разумеется, можно найти подходящего ребенка в одном из множества сиротских приютов, но им хотелось бы знать, кто родители. А еще они ищут малыша, способного воспользоваться теми благами, которые они готовы предложить ему. А это немало. Муж в этой семье – банкир, а жена – дочь профессора и сама обладает значительным художественным талантом. Наше лондонское отделение в настоящее время ничем не смогло помочь этой семье, и меня попросили подыскать варианты в Париже. Сам я не слышал о ребенке, нуждающемся в новых родителях, но, памятуя о вашем широчайшем круге знакомств, решил попросить: не можете ли вы осторожно дать знать нужным людям о существующем интересе? – Он развел руками. – Каким бы ни оказался усыновленный ребенок, его ждет счастливая жизнь. Пара, о которой я говорю, имеет прекрасное положение.

Последовало долгое молчание.

– Я понял вас, – произнес наконец Бланшар. Фокс ждал. – И вы не знаете никого в Париже, кто мог бы подойти? – спросил Бланшар.

– Нет. – Джеймс посмотрел ему прямо в глаза.

– Лжец, – тихо сказал Бланшар и улыбнулся. – Но я ценю вашу деликатность. Итак, вы предлагаете замечательное решение двух проблем, которые у меня возникли. Во что мне это обойдется?

– Я не предвижу особых расходов с вашей стороны. Билет на корабль в Англию, может быть.

– Вам пришлось приложить много усилий. Ради чего?

– Обе семьи – наши давние клиенты. – Фокс продолжал уже с меньшей сосредоточенностью. – Обычно с подобными делами обращаются к священникам. У них есть информация и опыт суждения о

людях. И это хорошо, что они занимаются этим. Но мне нравится думать, что юристы тоже могут оказаться полезными.

– Если все сложится, – сказал Жюль, – я буду в долгу перед вами, месье Фокс.

– В таком случае вы окажете мне любезность, если поверите, что ничем мне не обязаны.

Это были красивые слова, пусть и не совсем соответствующие истине, но Фоксу требовалось, чтобы отец Мари был благодарен ему.

Роланд де Синь прибыл в отцовский дом ранним вечером. А перед самым уходом из казарм он узнал весьма приятную новость.

Власти намерены арестовать Эмиля Золя, того неприятного писателя, который устроил досадную шумиху из-за «дела Дрейфуса». Говорили, что он узнал об этом и поспешил скрыться в Англию.

– И ради бога, лишь бы во Франции не появлялся, – отреагировал один из сослуживцев Роланда по полку, и Роланд согласился с ним.

Отцу он написал сразу по возвращении из Версаля. Не вдаваясь в подробности, Роланд предупредил, что хотел бы попросить совета по личному вопросу. Виконт ответил мгновенно. Зная, что полковые обязанности не позволят сыну отлучиться так скоро после отпуска, он решил, что сам приедет поездом в Париж в тот же день, и пригласил Роланда поужинать вместе с ним дома. Как он добр, подумал Роланд с нежностью, и стал ждать встречи.

Поезд, которым обычно отец приезжал в Париж, прибывал в конце дня. За виконтом на вокзал отправили экипаж. Когда Роланд явился в особняк, отца еще не было, и он с приятностью коротал время в беседе с няней. Час прошел незаметно, но затем старая дама сверилась с маленькими часами на каминной полке и заметила, что либо поезд задерживается, либо виконт не успел на него. Уже спустились сумерки, но двумя часами позднее шел следующий поезд, и кучер, разумеется, дожидался его.

Роланда эта задержка раздосадовала, ведь она означала, что времени на разговор о Мари почти не останется. Но ничего не поделаешь, рассудил Роланд, и налил себе виски.

Прошло еще полчаса. Потом у парадной двери раздался звон колокольчика. Не дожидаясь слуги, Роланд пошел в холл и сам открыл,

готовый приветствовать отца. Но это был не виконт, а капитан, друг Роланда. Он приехал из казарм:

– Мой дорогой товарищ, вам в казармы пришла телеграмма. Я не знал, насколько она срочная, но все же решил, что лучше передать ее, благо мы знали, куда вы отправились. Судя по всему, телеграмму прислали из вашего замка.

– Спасибо, вы так любезны. Прошу, заходите.

– Нет, мне нужно возвращаться, – сказал капитан, однако Роланд заметил, что сразу он не ушел.

Роланд вскрыл телеграмму.

Она была краткой. Утром у его отца случился удар, и вскоре после этого он скончался.

Роланд опустил голову и протянул телеграмму капитану. Тот прочитал ее.

– Мои глубочайшие соболезнования, – произнес капитан. – Если вам нужно остаться здесь, я позабочусь, чтобы в казармах все было в порядке.

– Я не представляю, что мне делать, – сказал Роланд.

Глава 13

1898 год

Любовь не вечна. По крайней мере, человеческая любовь. Мари знала, что только любовь Бога бесконечна и постоянна.

Бывает, любовь приходит внезапно, нежданно-негаданно, оттуда, где не искал, и остается с тобой на какое-то время. А потом исчезает вдали, там, где до нее не дотянуться.

Во всяком случае, так говорилось в романах, пьесах и сказках.

Но в жизни все иначе – и для самой Мари, и для всех, кто окружал ее.

Она выйдет замуж за мужчину из такой же семьи, как у нее. Он может оказаться предпринимателем, как ее отец, или банкиром, юристом, врачом, просто состоятельным человеком. Это может быть кто-то из их соседей с бульвара Мальзерб, вроде Прустов. Или член какой-нибудь большой семьи из Фонтенбло, владеющей прекрасным загородным домом и столь же прекрасными апартаментами в Париже. Ее будущий муж может происходить из рода богатых судовладельцев из какого-нибудь портового города или владельцев почтенной страховой фирмы. Его семья может издавать газету в провинции или даже в столице. Вероятнее всего, он будет на несколько лет старше ее.

Они будут жить среди надежного круга родни, у них появятся дети и потом внуки. И когда придет время покинуть земную юдоль, Мари будет счастлива сознанием того, что, даже уйдя в объятия Небесного Отца, останется жить здесь, на земле, в памяти своей растущей семьи.

Вот так просто. И Мари знала, что все так и будет. Ну или думала так.

Первым, на что она обратила внимание во время воскресного обеда, была его красота. Мари с трудом удавалось отвести от него глаза. Только скромные манеры и строгое воспитание не позволили ей выставить себя дурочкой.

Никогда еще она не встречала подобных людей. Он как будто пришел из другого мира. И сразу же в ней заговорило любопытство. Поэтому она слушала и наблюдала.

И обрадовалась, когда неожиданно им выпало вскоре встретиться снова.

На следующий день после того обеда отец позвал ее в библиотеку и попросил присесть.

– Вот о чем я хочу поговорить с тобой, Мари, – сказал он. – Вы с братом собираетесь поехать в субботу в Версаль вместе с месье де Синем, насколько я понимаю.

– Да, папа.

– Как ты думаешь, какова цель этой поездки?

– Месье де Синь великодушно предложил провести для нас экскурсию, чтобы друг Марка из Америки смог ознакомиться с дворцом и парком.

– Да, конечно. Но это лишь предлог. На самом деле де Синь везет вас всех в Версаль, чтобы иметь возможность увидеться с тобой.

– Ты это точно знаешь?

– Нет. Но мне это кажется весьма вероятным, и твоя мать согласна со мной. Я думаю, что виконт просто желает получше узнать тебя. Есть ли у тебя возражения против этого?

– Нет, папа.

– Тебе нравится де Синь?

– Он довольно сурово высказался относительно капитана Дрейфуса.

– Многие люди разгневаны «делом Дрейфуса» куда сильнее де Синя. А в остальном он показался тебе приятным человеком?

– Еще слишком рано судить, папа.

– Справедливо. Может оказаться так, что у вас нет ничего общего. Но если вы все же узнаете друг друга ближе и если однажды он сделает предложение, то прошу тебя взвесить все тщательно. С точки зрения положения в обществе такому браку позавидовали бы многие. Но я не хочу, чтобы ты принимала это во внимание. Ни в коем случае не следует связывать свою судьбу с человеком, к которому не испытываешь привязанности. Еще я просил бы тебя подумать, насколько его жизнь и взгляды отличны от наших. Я знаком с его отцом,

он приятный человек. Но аристократ. В каком-то смысле он далек даже от такой богатой семьи, как наша. Он не считает себя существом того же порядка, что и Бланшары. Под обаянием и хорошими манерами почти всех аристократов, которых я знаю, скрывается высокомерие и пренебрежение к остальному человечеству. Подчеркну: не всех, но почти всех. Помни о том, что я сказал, а дальше – думай и решай сама. За тебя никто не сможет этого сделать.

– Да, папа, – сказала Мари.

Версальская поездка прошла отлично. Она считала, что правильно вела себя, и почти не сомневалась, что произвела на де Синя благоприятное впечатление. А маленькое представление в Зеркальной галерее и вовсе стало триумфом.

Сделала она это только ради него. Боялась, что он найдет ее слишком уж чопорной. Говорят же, что женщины в Америке куда более свободны в своем поведении, чем хорошо воспитанные дамы во Франции. «Наверняка я кажусь ему скучной», – переживала она.

И потому сразу ухватилась за возможность сделать что-нибудь необычное, когда таковая представилась. Де Синь и Фокс пришли в восторг от ее спектакля. Он же ничего не сказал. Она так надеялась, что он как-то проявит свое отношение, но он промолчал, и это мучило ее.

Значит, придется выдумать что-нибудь еще, чтобы привлечь его внимание, в следующую их встречу. Но когда это случится? Может, предложить Марку еще одну вылазку? Только надо постараться, чтобы он не догадался о ее мотивах, а то будет очень стыдно. Однако с Марком они не виделись уже больше недели. Между братом и отцом возникла какая-то холодность, хотя ей ничего не было известно о причинах этого.

В отцовской библиотеке она отыскала книгу об Америке. Там рассказывалось о бескрайних просторах, о железных дорогах, протянувшихся через равнины, и об огромных возможностях для будущей торговли с континентом. Она внимательно прочитала книгу от начала до конца, прикидывая попутно, какие вопросы можно будет задать американцу, когда они наконец увидятся. Она очень хотела, чтобы он не считал ее лишь миловидной богатой девицей без единой мысли в голове.

Один раз за чтением этой книги ее застал отец и удивленно спросил, что это она делает.

– Когда я познакомилась с тем заокеанским приятелем Марка, – ответила она, – он показался мне симпатичным человеком. Но я не могла придумать, о чем с ним говорить, потому что почти ничего не знаю об Америке. Книгу я нашла в твоей библиотеке.

– Книга хорошая, но вряд ли подходит для девушки, – заметил он с улыбкой. – Если бы мы зашли в книжный магазин, то нашли бы тебе что-нибудь поинтереснее.

– Может, ты сам купишь мне книгу? Пусть она станет для меня приятным сюрпризом, – предложила она. – Но никакой спешки нет.

В конце концов, она же не собиралась выходить за Хэдли замуж. Все равно это невозможно.

Брат не часто просил Элоизу Бланшар дать совет. Когда он прислал ей записку с такой просьбой, она, разумеется, сразу поехала к нему.

– Что ты думаешь о Роланде де Сине? – спросил он, когда они уселись вдвоем в гостиной.

– В своем роде он неплохой человек. Но лично мне с ним не о чем говорить.

– А если он женится на Мари и сделает ее счастливой?

– Тогда я постараюсь хорошо к нему относиться – если он сделает ее счастливой. А что? У него такие планы?

– Кажется, пока нет. Я только что получил от него письмо с печальной новостью о смерти его отца. Завтра об этом должны сообщить газеты, как он полагает. – Жюль сделал паузу. – Учитывая мою дружбу с его отцом, я мог рассчитывать на особое оповещение, но он не обязан был писать мне вот так, сразу...

– Возможно, думая о Мари...

– Такая мысль и мне пришла в голову. То, что Мари вошла в число тех, кому он пожелал показать Версаль, вряд ли можно назвать декларацией о намерениях, но, судя по этому письму, он счел необходимым оповестить меня о своих пережившихся обстоятельствах. Он пишет, что ему предстоит траур, а в аристократической семье траур может длиться довольно долго. Также ему надо будет решить, продолжать офицерскую карьеру или

уволиться, чтобы заняться родовым именем – «осесть в деревне», как он пишет.

– Если он решит жить в деревне, то ему захочется жениться. А если продолжит службу, то останется холостяком.

– Значит, вот как ты оцениваешь ситуацию. Я тоже так это прочитал.

– Жюль, он ничего не обещает. Он просто говорит, что Мари следует дожидаться его решения, если таковое вообще последует. Я нахожу это возмутительным.

– Ты немного резка. Он согласен идти на риск, что Мари выйдет замуж, пока он занят своими делами. Мне кажется, он довольно честен. К тому же бедняга не знает еще, что ему делать дальше.

– Я почти ожидала от тебя таких слов. Ты же мужчина.

– Ну что же, нам действительно придется подождать. Я немедленно отвечу ему, выражу соболезнования. Его отец был неплохим человеком. Но давай вернемся к Мари. У меня возникла маленькая проблема, и мне нужна твоя помощь.

– Буду рада помочь.

– Это связано с Джеймсом Фоксом, тем стряпчим. Он очень много сделал, чтобы уладить эту неприятность с Марком. Похоже, он нашел работу для девушки и семейную пару, готовую усыновить ребенка. И то и другое – в Англии. То есть далеко отсюда.

– Отлично. Мне он показался человеком, которому можно доверять.

– Абсолютно. Он порядочный человек. А еще он предлагает включить Мари и Марка в число участников небольшой образовательной поездки вроде той, что организовал де Синь.

– Ты против?

– Ничуть. Маловероятно, что де Синь присоединится к ним, а значит, мне нужен сопровождающий для Мари.

– А разве Марк не едет? В Версале же он был с ней.

– Там все было иначе. В то время ни де Синь, ни Фокс не догадывались о скандале. А теперь Фокс прекрасно осведомлен, и я полагаю, что и американец тоже. Какого они будут мнения о нашей семье, если я отправлю Мари с таким ненадежным спутником?

– А сама Мари имеет хоть какое-то представление о проблеме Марка?

– Конечно же нет. Даже Марк не расскажет ей о таком, я уверен.

– Разумеется, нет. – Элоиза вздохнула. – Почему, мой дорогой брат, люди нашего круга держат своих девушек в полном неведении о жизни вплоть до замужества? Тебе не кажется это абсурдным?

– Может быть. Но ты знаешь правила. Если я не воспитаю ее таким образом, она не найдет мужа. По крайней мере, такого, какой нам подошел бы. Она должна оставаться невинной.

– Разве только неведение обеспечивает невинность?

– Это никем не доказано, – устало ответил ей брат.

– То есть ты хочешь, чтобы я сопровождала ее?

– Ты согласна?

– Когда?

– Во второе воскресенье марта.

– А. В этот день я не могу. Ты знаешь, я все сделаю для Мари, но те выходные я обещала провести с друзьями в Шантийи.

– В таком случае придется поехать либо ее матери, либо мне.

– Но это не такая уж тяжелая обязанность. Поездка может оказаться приятной.

– Несомненно. Но я не желаю проводить целых полдня с Марком.

– Мой бедный Жюль, – сказала Элоиза. – Рано или поздно тебе придется его простить.

Брат не ответил ей.

Фрэнку Хэдли хорошо жилось в Париже. Каждое утро, как только светало, он приступал к работе: иногда рисовал, иногда писал или изучал теорию. К полудню он уже работал с кем-нибудь из художников в мастерской. Три дня в неделю после легкого обеда он проводил пару часов со студентом, который давал ему уроки французского. По вечерам он встречался с растущим кругом своих парижских друзей. Ему было трудно, но с первых же дней он стремился говорить только по-французски и читал как можно больше тоже на этом языке. В результате его французский быстро совершенствовался. Ближайшим другом американца оставался Марк Бланшар.

Пока между ними случилось лишь одно недоразумение.

– Это ты рассказал Фоксу о том, чтостряслось с Коринной Пети? – спросил у него однажды Марк.

– Да. Когда мы ездили в Версаль. Я прошу прощения, Марк. Не знаю, что на меня нашло. Я идиот.

– Больше так не делай.

– Обещаю.

– Но так вышло, что ты оказал мне услугу. – И он рассказал Хэдли, что сделал Фокс.

– Зачем ему было так хлопотать?

– На мой взгляд, все достаточно просто. Одним махом он помог трем своим клиентам. Думаю, так он хочет убедить их доверять ему и как можно больше дел вести через его фирму. – Марк улыбнулся. – Что касается нашего секрета, то наверняка это ерунда по сравнению с тем, что Фокс знает о других своих клиентах. – (Хэдли согласно кивнул.) – Кстати, – продолжал Марк, – ни в коем случае не говори ничего Мари, хорошо?

– Конечно не скажу. Но ты не думаешь, что она все равно узнает?

– Нет, что ты. Разве американская девушка в подобных обстоятельствах узнала бы что-нибудь?

– Девушкам из уважаемых семей прививают строгую мораль. Но все же они имеют какое-то представление о том, что бывает в жизни.

– Если говорить о моих родителях, то они сделают все, чтобы Мари не услышала ни слова. Она будет совершенно невинна. – Марк ухмыльнулся. – Да ты не волнуйся, Хэдли. Я познакомлю тебя с толпой не столь уважаемых девушек.

Фрэнк Хэдли обдумал слова приятеля.

– Тогда объясни мне, – попросил он, – как соотносится поведение мадемуазель Ней со всей этой уважаемостью?

Иногда, признавался сам себе Марк, его личная жизнь становилась слишком запутанной. Женщины считают его привлекательным, говорил он себе, в этом вся проблема. Помимо двух моделей, жены банкира и, разумеется, Коринны Пети, у него имелось множество других любовниц.

Ортанс Ней, однако, отличалась от прочих.

Поначалу он вообще никак не мог понять, что она за человек. Она была не замужем, но держалась как взрослый независимый человек. Говорила Ортанс мало, но всегда вела себя очень уверенно. Когда он

попросил ее сесть напротив окна и посмотреть на стену, чтобы он смог изучить ее и понять, как свет падает на ее лицо, она сидела неподвижно, без улыбки и без тени неловкости. Она была стройной, с бледным лицом. В первый ее визит к Марку на ней была длинная юбка и изящный жакет, застегнутый до самого горла, с небольшими буфами на плечах, модными в то время. Ансамбль довершала шляпка с пером. Все в ней было аккуратно, застегнуто, упорядочено.

Так что неудивительно, если Марку захотелось узнать, что скрывается под этим прохладным неприступным совершенством.

– Вы предполагали позировать для портрета сидя? – спросил он ее через некоторое время.

Она не повернула к нему головы, но плечи едва заметно шевельнулись.

– Наверное.

– Я хочу попросить вас, если вы не возражаете, подняться и на этот раз посмотреть в мою сторону. Если я начну ходить вокруг вас, не поворачивайтесь ко мне, а оставайтесь в той же позе. – И он действительно обошел ее несколько раз, а она стояла не шелохнувшись. – Если я попрошу вас постоять так час или два, вы сумеете это сделать? – спросил Марк.

– Да.

– Я поставлю рядом с вами стул, чтобы вы могли опереться. Я бы хотел, чтобы в следующий раз вы пришли в платье – таком, какое могли бы надеть вечером, открытое у шеи. Волосы, разумеется, должны быть причесаны так, как будто вы собираетесь куда-то на ужин. И принесите, пожалуйста, с собой веер.

– Как пожелаете, месье. Это все на сегодня?

– Да. Я сделал несколько быстрых набросков. Теперь мне нужно изучить их. – Он улыбнулся. – Очень тщательно. На это уйдет много часов.

– О... – На ее лице отразилось едва заметное удивление.

– Вам нужно всего лишь вернуться, – добавил он с любезной улыбкой, – тогда как я должен понять вас, то есть мне нужно многое узнать.

Эту фразу он произносил не впервые. Обычно она работала.

Она приходила на сеансы раз или два в неделю. Несмотря на неразговорчивость Ортанс, постепенно Марк обнаружил, что она много знает, бывала на всех выставках, посещала галереи. Смотрела пьесы и иногда слушала оперу, хотя музыка интересовала ее мало. Еще она принимала участие в благотворительных мероприятиях и даже была организатором одного или двух. Казалось, что она неплохо разбирается в юридической практике отца, и несколько ее кратких замечаний открыли Марку, что у нее острый нюх на возможность заработать деньги.

Но она никогда ни намеком не выразила интереса к любовной стороне жизни. Один раз в студию Марка заглянул Хэдли, когда там позировала Ортанс, и потом поделился мнением: «Какая холодная, чопорная женщина».

Может, и так, но для Марка в ней была некая потаенная привлекательность, и это только обостряло его любопытство. На третьей неделе он начал предпринимать небольшие шаги к сближению, делать осторожные предложения, и наблюдал, как она это примет.

Но Ортанс будто ничего не замечала, лишь невозмутимо смотрела на него карими глазами.

Прошел месяц. Однажды ему понадобилось поправить складку платья на ее груди. Подойдя к Ортанс с этой целью, он отошел не сразу и остался стоять к ней вплотную.

– Вы пытаетесь обольстить меня, месье? – тихо осведомилась Ортанс.

– Почему вы спрашиваете?

– Мне уже какое-то время так кажется.

– Я думаю, что это было бы увлекательно, – сказал он.

– Возможно. Есть только один способ это проверить.

– Да, только один.

Неделей позже Хэдли, зайдя проведать друга, увидел, что Ортанс стоит посреди студии в одной простыне, пытаясь закутаться в нее поплотнее. Американец тут же ретировался, но позднее Марк признался ему:

– Это удивительно. Я никак не могу насытиться ею. И она мною.

– Надо же. А мне она показалась холодной. Это ее первое приключение такого рода?

– Нет. Первое случилось уже давно, в Монте-Карло. Она очень осторожна. Все ее приключения, как ты выразился, случаются в отъезде. – Он ухмыльнулся с гордым видом. – В Париже я у нее первый.

– Поздравляю.

Оглядывая компанию, отправляющуюся в Мальмезон, Фокс понимал, что ему повезло. Но все равно нервничал.

Его везение состояло в том, что он получил именно ту компанию, которую хотел: Мари с братом, само собой, и приятель Марка, Хэдли. Американцу он был рад вдвойне: тот был приятным человеком и к тому же давал необходимое прикрытие. Но более всего Фоксу повезло в том, что с ними поехали и родители Мари. В некотором роде их участие в поездке было ему более на руку, чем присутствие самой девушки.

Он предполагал, что цель путешествия привлечет и Жюля с женой. Когда он назвал ее Жюлю, тот был не на шутку заинтригован:

– Туда уже много лет никто не ездил. Я не знал, что в усадьбу вообще пускают.

– Я просто написал и попросил разрешения, – скромно сказал Фокс.

Он не упомянул, что в том письме в числе желающих посетить усадьбу указывался владелец универмага «Жозефина».

Де Синь поехать с ними не мог, так что в большом ландо, нанятом Фоксом, уселись шестеро.

К ним добавился еще один, совсем крошечный пассажир. Неделю назад Жюль Бланшар преподнес жене милейший презент – кинг-чарльз-спаниеля с каштановыми пятнами на белой шкурке, к которому жена сразу же привязалась и взяла с собой в поездку.

В ландо царило благодушие. Хотя Жюль Бланшар был все еще очень сердит на Марка, внешне это почти не проявлялось. Щенок – пушистый комочек энергии – стал источником всеобщего веселья, и время в пути шло быстро и приятно.

И все равно Джеймс Фокс нервничал, и не без основания. Чем больше он думал об избранной стратегии, тем сильнее убеждался в ее верности. Но и без де Синя, который мог вернуться в любой момент, его шансы были невысоки. Один знак внимания в адрес Мари, один намек на свои намерения – и ее семья, Фокс не сомневался в этом,

постарается воспрепятствовать их дальнейшим встречам. Даже считая его приятным человеком, Бланшары не примирятся с его протестантскими взглядами. Стало быть, он мог надеяться лишь по возможности сблизиться с ними, стать практически членом семьи, для которого они в дальнейшем смогут сделать исключение. Итак, сначала он должен стать для Мари братом.

Сумеет ли он скрыть, что влюблен? Сможет ли стать для Мари лучшим другом, не выдавая своих чувств? Тут помогут его английские манеры и неизменное самообладание. Но прежде всего ему нужно регулярно с ней видеться.

Как этого достичь? Конечно, можно чаще проводить встречи с ее отцом по деловым вопросам, однако с Мари его это никак не сблизит. А экспедиции подобно нынешней невозможно устраивать еженедельно.

Итак, сегодняшний день давал Фоксу единственный в обозримом будущем шанс повлиять на родителей Мари. Нельзя упускать подходящего момента. Он должен найти способ обеспечить себе постоянный доступ в их дом.

И потому Фокс не тратил времени зря, а сразу постарался расположить к себе мадам Бланшар.

– Мне, как англичанину, мадам, ваш выбор щенка доставляет особое удовольствие, – начал он. – Эта порода выведена в Англии около двух веков назад. Хотя, – лукаво улыбнулся он, – некоторые злонамеренные лица утверждают, будто этих спаниелей привезла в Англию французская принцесса, которая вышла замуж за нашего короля Карла.

– Эти собаки становятся очень популярными, – сказала Мари.

– Да. И я хотел бы отметить вот что. Сейчас прилагаются усилия для скрещивания этих спаниелей с мопсами в расчете, что так они станут еще симпатичнее, и результаты не впечатляют. А вот ваша собака, как я вижу, происходит от чистой старинной породы, которая, на мой вкус, гораздо лучше.

– Он абсолютно прав, между прочим, – вставил Жюль. – То же самое мне говорил и заводчик.

Что касается жены, то она одарила Фокса улыбкой, которая подтвердила, что очко он заработал.

– В одной из ранних картин Мане есть точно такой же песик, – заметил Хэдли.

- Он знает все, – сказала с восхищенной улыбкой Мари.
- Это точно, – поддержал ее брат. – Вскоре, Хэдли, ты будешь знать о Франции больше нас.
- Вы преувеличиваете, – добродушно улыбался Хэдли. – И я докажу это: например, я почти ничего не знаю о том месте, куда мы едем.

Мари была приятно удивлена. Едва ландо остановилось перед воротами, как к ним навстречу зашпешил пожилой лысеющий человек. После краткого приветствия Фоксу он тут же обратился к ее родителям:

– Месье и мадам Бланшар? Я личный секретарь месье Иффла, и он передает вам тысячу извинений. Он так ждал встречи с вами, но этим утром ему пришло известие, что его племянница заболела, и он вынужден был немедленно вернуться в Париж. Однако месье Иффла выражает надежду, что вы получите удовольствие от визита. Я здесь специально, чтобы все вам показать. – Он поклонился. – Месье Иффла и его племянницы – большие поклонники универмага «Жозефина», и это огромная честь – пригласить вас в дом императрицы Жозефины, в честь которой, как я понимаю, вы и назвали свой магазин.

– Месье Иффла крайне любезен, – сказал Жюль, и было видно, что он польщен.

Какой милый человек этот Фокс, думала Мари. Сколько же ему пришлось хлопотать, чтобы обеспечить столь радушный прием и доставить ее родителям удовольствие.

Ведь если Жюль Бланшар был богат, то состояние месье Иффла имело совершенно иные масштабы. Рожденный в Бордо в еврейской семье из Марокко, он взял в жены христианку и благодаря толковым вложениям стал одним из богатейших людей Франции. Его состояние и широкая филантропическая деятельность дали ему прозвище Осирис – по имени египетского бога возрождения.

И если бы не Осирис, то Мальмезон, национальное достояние, был бы, вероятно, в руинах.

По сути, это был большой особняк, достойный называться замком благодаря своим элегантным пропорциям. Или даже загородным дворцом, если учесть его расположение всего в шести километрах к западу от Булонского леса.

Жозефина Богарне, только что вышедшая замуж за подающего надежды генерала Бонапарта, купила это маленькое поместье через несколько лет после Французской революции. К моменту окончания Египетской кампании молодой военачальник обнаружил, что Жозефина истратила на дом и его обновление больше, чем он мог оплатить. Но расточительность Жозефины не пропала даром: она получила очаровательную усадьбу, где и прожила до самой смерти. Дни Наполеона миновали, дом несколько раз менял владельцев, а во время войны 1870–1871 года сильно пострадал – в нем даже располагалась немецкая казарма. После этого он находился в запустении.

Но теперь Осирис наводил тут порядок.

– Пройдут еще годы, прежде чем можно будет говорить о полном восстановлении, – объяснял его секретарь, – но месье Иффла собрал интереснейшую коллекцию, посвященную Наполеону, для которой усадьба станет домом. Месье Иффла – большой почитатель императора.

– Что именно его восхищает в Наполеоне? – поинтересовался Марк.

– Многое. Но особенно то, что Наполеон дал евреям свободу исповедовать свою религию.

Пока они гуляли по дому, их гид показал им музыкальную комнату, столовую с мозаикой из Помпеев, кабинет, оформленный под армейскую палатку, и библиотеку, которая могла бы принадлежать римскому императору. Все в доме носило отпечаток личности Наполеона. А Мари с матерью больше всего понравилась пышная, но приятная комната Жозефины, с кроватью под балдахином.

– Нужно помнить о том, – рассуждал гид, – что Жозефина научилась быть элегантной дамой, но навсегда осталась немного экстравагантной. Она ведь выросла среди плантаций на острове в Карибском море. Наверное, это и привлекло к ней Наполеона: она была не такой, как все.

– А вот я совсем не путешествовала, – опечалилась Мари.

– У вас еще все впереди, мадемуазель, – утешил ее секретарь Осириса.

Одним из последних они посетили так называемый Салон Доре – гостиную, которая когда-то была полностью позолочена, но теперь находилась в удручающем состоянии.

– Эта комната ужасно пострадала во время войны, – заметил секретарь. – Гардины разорвали на тряпки, мебель выбросили, золоченые панели содрали со стен.

В углу комнаты стоял стол, на котором лежали спасенные предметы обстановки, и среди них – ничем не примечательные шахматные фигуры. Почему-то Жюль Бланшар заинтересовался ими.

– Я читал, что император Наполеон был посредственным шахматистом, – сказал он. – Для этой игры ему не хватало терпения. Может, Жозефина была более способна к шахматам.

– Папа недавно увлекся шахматами, – пояснила для всех Мари, – но ему недостает практики.

– Я так плохо играю, что никто не желает быть моим партнером, – пожаловался ее отец. – А Мари отказывается учиться.

– Вы играете в шахматы, месье? – спросила девушка у Фокса, заметив, что он о чем-то глубоко задумался.

– Забавно: я нахожусь в том же положении, что и ваш отец, – ответил он. – Может, мы могли бы время от времени сыграть партию? – предложил он Жюлю.

– Мой дорогой Фокс, вас послала мне сама судьба. Не хотите ли заглянуть к нам, ну, например, в четверг? – Бланшар глянул на жену.

– Надеюсь, вы не откажетесь отужинать с нами, – обратилась та к англичанину. – Будут только свои. А потом вы, мужчины, сможете поиграть в шахматы.

– Вы так любезны. – Фокс отвесил поклон. – Буду счастлив принять ваше приглашение.

Мари улыбнулась ему. Ей было приятно, что Фокс сделал отца таким счастливым.

Маленький парк вокруг особняка был прелестен. Мари шла между отцом и Фоксом, а ее мать сопровождали Марк и Хэдли. Мари в целом была довольна, только изредка поглядывала на американца, желая оказаться рядом с ним на месте своей матери. Тем временем их гид объяснял, с какими сложностями пришлось столкнуться при восстановлении парка.

– Императрица Жозефина держала здесь всевозможных экзотических животных: страусов, зебр, даже кенгуру. Повторить это

мы не сможем. – Он с улыбкой развел руками. – Сам парк был больше. И самый главный вопрос: что делать с растениями?

– У императрицы была оранжерея с редкими растениями из разных уголков мира, – вступила в беседу мать Мари. – А ее розарий изменил историю садоводства.

– Моя жена много знает о садах и растениях, – гордо вставил Жюль.

– Тогда вам, мадам, известно, что огромная коллекция роз императрицы была запечатлена художником Редуте.

– И ее лилии, – уточнила мать Мари. – У меня в Фонтенбло есть несколько репродукций. – Она осмотрелась. – Для создания такого сада требуется больше времени, чем для строительства дома. Думаю, вам придется оставить розарий на потом.

– Какого рода сады есть у вас в Америке, месье Хэдли? – Мари тем временем улучила момент, чтобы завязать разговор с американцем. – Они похожи на то, что вы видели в Европе?

– Наши сады не так хороши, – легко ответил он. – Традиционно сад колониальной Америки небольшой, но ухоженный, с подрезанными кустами и геометрически выверенными дорожками. Я бы сказал, что это более скромная версия того, что можно увидеть в некоторых французских шато или старых английских замках. У моих родителей в Коннектикуте есть такой сад возле дома. – Он улыбнулся. – И дома у нас скромные. У моих родителей тоже. – И он кратко описал обшитое досками здание, окруженное штaketником и старыми деревьями.

– Завораживающая картина, – сказала Мари.

– Да. Но совсем не французская.

– Почему же так?

– Я заметил, что в Европе люди стремятся обнести свои дома стенами. Они защищают свою частную жизнь так, как раньше защищали крепости. А еще большие дома призваны подчеркнуть высокое положение в обществе и влияние обитателей. Большие плантации на Юге несут сходную функцию, но на Севере установились более демократические традиции. Там никогда не было так называемого сеньора-землевладельца, равные в правах граждане собирались вместе, чтобы выбрать местное управление. Вокруг наших домов, больших или маленьких, стоят низкие заборчики. Для нас главное – быть хорошим соседом.

– Такие же идеалы несла Французская революция, – прокомментировал Жюль.

– Скажите мне, месье, ваш дом в Фонтенбло – это шато?

– О нет. Он расположен в селении. Но при нем удалось разбить очень красивый сад.

– А что ограждает сад?

– Высокая стена! – рассмеялся Жюль.

– Может, месье Хэдли следует посмотреть наш сад, – предложила Мари, – чтобы самому вынести оценку.

– Хорошо, мы договоримся об этом позднее, – сказал ей отец.

– На самом деле, – заметил Марк, – большинство французов знают об Америке только два слова: Лафайет и Буффало Билл. Я считаю, нам всем было бы полезно отправиться в Америку к вам в гости, Хэдли.

– Добро пожаловать! Мои родители будут очень рады хотя бы частично отплатить вам за гостеприимство. Приезжайте летом, и тогда мы все сможем посетить наш коттедж в Мэне.

– Коттедж? – повторила Мари. – Звучит так романтично. У него соломенная крыша?

– Когда американец вроде Хэдли говорит о летнем коттедже, – поспешил объяснить ее брат, – то он подразумевает нечто другое. Я видел фотографию коттеджа Хэдли. Это огромный, обшитый гонтом дом на каменистом побережье, по одну сторону от него море, по другую – озеро.

– Да, там красиво, – признал Хэдли. – Солнце встает над морем и садится за озером. Местность довольно дикая, но дом удобный.

– Вы плаваете по озеру на лодке? – спросила Мари.

– Да.

– Он принимал участие в гребных гонках, когда учился в университете, – сообщил всем Марк. – Вы же сами видите: он создан для гребли.

Затем разговор вернулся к красотам Мальмезона. На обратном пути Мари старательно отводила глаза от Хэдли, но, к собственному удивлению, осознала, что воображение рисует ей картину, как он гребет на лодке через бурное американское озеро в расстегнутой рубашке и ветер треплет его густую шевелюру.

И еще один участник той поездки возвращался домой, погруженный в мысли, но у него были совсем иные заботы.

Он думал о том, как за четыре дня научиться играть в шахматы.

Первый вечерний визит Фокса прошел великолепно. Перед ужином он мило поболтал с Мари и ее матерью и поиграл со щенком – совершенно по-семейному.

За столом он увлекательно рассказывал о своем детстве в Англии и о каникулах, проводимых в суровой Шотландии. Разговор на время принял серьезный оборот: они с Бланшаром коснулись яростных споров в газетах из-за «дела Дрейфуса». Но затем Фокс поведал историю о двух братьях, которые перессорились из-за Дрейфуса и стали судиться, и это было так абсурдно, что никто не удержался от смеха.

После еды хозяин и гость уселись за шахматную доску. Игра шла почти на равных, в чем они оба согласились, но в конце концов верх одержал Фокс. Его победа доставила Жюлю даже больше удовольствия, чем если бы выиграл он сам.

– Требую реванша на следующей же неделе, – заявил он.

– Я смог бы прийти в среду или в пятницу, но не в четверг, – ответил Фокс. – В четверг я собираюсь в Оперу.

– Тогда среда, – быстро принял решение Жюль и едва заметно кивнул жене.

– Ужин подадут в восемь, – сказала она с радушной улыбкой.

Два дня спустя Мари застала отца за чтением учебника по шахматам.

В субботу Мари отправилась навестить тетю. В отличие от прочих родственников, тетя Элоиза не хотела селиться в модном и дорогом районе. Ее просторная и светлая квартира находилась к югу от Латинского квартала, недалеко от Люксембургского дворца. Стены были увешаны картинами – по большей части кисти членов барбизонской школы и импрессионистов. Все эти полотна приобрела сама тетя Элоиза. Племянницу она встретила с радостью и хотела узнать все ее новости.

– Что с месье де Синем? – спросила она.

– В последнее время мы ничего о нем не слышали. Папа говорит, он взял дополнительный отпуск из полка, чтобы заняться отцовскими делами и поместьем.

– А как ты относишься к нему?

– Мне лестно думать, что он, возможно, испытывал ко мне интерес.

– И что это может возобновиться.

– Он очень благовоспитанный человек, но я совсем не знаю его. Это все, что я могу сказать.

– Появились ли у тебя другие варианты?

– Если и появились, то мне об этом не говорили. Тетя Элоиза, – продолжила Мари, – скажите мне, пожалуйста, из-за чего поссорились папа и Марк?

– Почему ты думаешь, что они поссорились?

– Марк больше не приходит к нам, а папа не хочет, чтобы я навещала брата в студии.

– Придется тебе спросить у них, что между ними произошло. Я не могу этого знать. А может быть, твой отец просто не хочет, чтобы ты мешала занятиям Марка.

– Но я совсем не вижусь с братом.

– Ты можешь увидеться с ним здесь, если он придет ко мне, или я могу пригласить вас обоих на выставку или просто поужинать. – Элоиза подумала. – Если мы и вправду куда-нибудь соберемся, то я, пожалуй, позову с нами и американского друга Марка. Мне кажется, Хэдли оказывает на него положительное влияние. Ты не будешь возражать?

– Нет, я не против. – У Мари быстрее забилося сердце. – Месье Хэдли показался мне довольно приятным человеком. – Она пожала плечами. – Насколько я могу судить.

В последующие недели она несколько раз встречалась с братом у тети. И почти всегда с Марком был Хэдли.

Она отметила, что Хэдли стал очень хорошо говорить по-французски. Он не только отшлифовал грамматику, но и освоил множество идиоматических выражений, которые так любят французы. Например, вместо «вернемся к нашей теме» он говорил «вернемся к нашим баранам». И эта его новая свобода во владении языком очень изменила их отношения.

Он начал общаться с ней.

Конечно же, Хэдли говорил с ней и раньше. Но когда он садился рядом на диван в квартире тети Элоизы, направлял на нее взгляд

внимательных глаз и спрашивал, что она думает о «деле Дрейфуса» или о каком-то другом событии или что ей нравится в той или иной картине Мане и почему, тогда Мари испытывала два ощущения. Во-первых, у нее захватывало дух. Не от вопросов, нет; ее сердце начинало трепетать от его присутствия, оттого, что он сидит так близко, от чего-то еще, чего она не понимала. У нее получалось не краснеть, и она страшно радовалась этому. Она заставляла себя сосредоточивать внимание на том, что он говорит, как будто он был учителем в классе, и затем заставляла себя думать перед тем, как ответить. Это помогало ей.

– Иногда, когда ты беседуешь с Хэдли, у тебя бывает очень напряженное лицо, – сказал ей как-то Марк. – Не бойся его, Мари. Должно быть, американские девушки привыкли обсуждать все на свете и иметь обо всем собственное мнение, а у нас здесь так не принято.

Второе ощущение было для Мари еще более непонятным. Это был какой-то совершенно новый для нее восторг. Ей казалось, будто этот малознакомый человек из другого мира уводит ее в новую, большую жизнь, туда, где она сможет расти, словно экзотическое растение, где станет человеком, каким раньше и не мечтала стать.

Поэтому, когда Марк спросил ее, по-прежнему ли ей трудно общаться с его другом, она сказала:

– Нет. Он американец, но я понемногу привыкаю к этому.

В начале мая тетя Элоиза объявила, что они с Мари пойдут в гости к Марку в его студию. Визит состоялся во вторую половину дня. Было светло, и Марк, очевидно, привел помещение в порядок перед их приходом. У одной стены он поставил канапе и стулья, где гости могли бы присесть, а перед ними – столик, на котором приготовил небольшое угощение. Его мольберт стоял в стороне, возле помоста и низкой скамьи для моделей. К дальней стене были прислонены картины, разделенные на две части: обернутые лицом и задником. Тут же стоял широкий стол для рисования, громоздились рулоны холста и подрамники.

– Этот портрет, – показал Марк на полотно на мольберте, – почти закончен. Что скажете?

На картине была вполоборота изображена стройная бледная неулыбающаяся женщина в длинном платье. Композиция подчеркивала официальность портрета и в то же время содержала намек на какую-то

недосказанность, будто картина эта – обложка книги, которую зрителю предстоит прочитать.

– Кто это? – спросила Мари.

– Мадемуазель Ней, дочь одного стряпчего. Этот заказ нашел для меня отец, за что я ему очень благодарен.

– В этой женщине есть что-то загадочное и в то же время чувственное, – проговорила тетя Элоиза.

– Правда? – встрепенулся Марк. – Как интересно, что вы так думаете. Сам я этого не вижу. Она очень порядочная женщина, уверяю вас. И ее отец хорошо платит за портрет.

– Не сомневаюсь, – с прохладцей отреагировала тетя. – Покажешь нам что-нибудь еще?

Минут десять он демонстрировал картины, рисунки, наброски, среди которых были и портреты, и пейзажи, законченные и нет.

– Что же, Марк, вижу, ты много работаешь. И это меня радует. А ты сам доволен своей работой?

– Да.

– А что там? – Тетя Элоиза говорила о полотнах, повернутых к стене.

– Э-э... Это то, что у меня не получилось. Я намерен написать поверх этих картин что-нибудь другое.

– Можно нам взглянуть? Ты ведь знаешь, Марк, художники не всегда верно оценивают свои работы. Вдруг мы найдем там что-то особенное?

– Не найдете! – Он направил на тетю многозначительный взгляд. – Там нет ничего, что я хотел бы показать вам и Мари.

– Понимаю. – Тетя Элоиза опустила голову. – Художник должен беречь свою репутацию.

На взгляд Мари, тетя осталась довольна визитом к Марку. Ну а сама она была просто счастлива.

Во время прощания Мари заметила, как тетя Элоиза вкладывает в руку племянника свернутые трубочкой купюры, очевидно желая сделать это втайне от Мари.

– Почему вы дали Марку деньги? – спросила Мари, когда они вышли из студии.

– О... – проговорила тетя Элоиза, лишь на мгновение замешкавшись. – Я должна была заплатить ему за одну картину,

которую он приобрел для меня.

Однако Мари не была уверена в том, что ей сказали правду.

Примерно через две недели отец сообщил Мари, что пришло письмо от Роланда де Синя.

– Он пишет, что после долгих размышлений решил вернуться в полк и посвятить себя военной карьере. Думаю, это означает, что он решил не заводить семью, по крайней мере пока. В любом случае мы какое-то время не увидим де Синя: его полк переводят на восток Франции.

– Жаль, что мы не будем видеться с ним, папа, но мои чувства не пострадали, – ответила Мари.

Тем не менее у нее осталось ощущение некой потери. Девушке всегда приятно знать, что ее руки добивается человек с высоким положением, и при отступлении претендента, пусть лишь предполагаемого, она невольно чувствует себя обойденной.

– Должен признаться, я очень надеялся, что он станет добиваться твоей руки, – честно сказал отец. – И пока думал, что это возможно, не искал с должным усердием других кандидатов.

– Мы оба будем искать их, папа, – утешила она его.

– И тот, кого мы найдем, станет счастливым человеком, – ответил он, целуя ее в макушку.

– Мари, мне дали очень важное поручение, – сказала ей тетя через несколько дней. – Американский друг твоего брата хочет познакомиться с Моне. Марк утверждает, что Хэдли только об этом и мечтает.

– Но говорят, что Моне почти никого не принимает, – возразила Мари, – и наотрез отказывается видеть незнакомцев.

Прошло уже много лет с тех пор, как великий живописец удалился в тихую деревушку Живерни, что лежала в восьмидесяти километрах от Парижа, на границе Нормандии. На какое-то время он обрел там покой. Но постепенно молодые художники стали совершать в Живерни настоящие паломничества, чтобы увидеть своего кумира, а потом образовали там постоянную колонию. В результате Моне был вынужден закрыть для посещений двери своего дома, чтобы иметь возможность спокойно работать.

– Я знаю кое-кого в Париже, кто мог бы испросить для нас особое разрешение, – с улыбкой сказала тетя. – Завтра я за тобой заеду.

До улицы Лаффитт от квартиры Бланшаров было не более десяти минут ходу: мимо колонного фасада церкви Мадлен и мимо Оперы, и вот слева начиналась уже нужная улица, прямая и узкая. Эта скромная городская артерия на пути к северу пересекала другие, куда более значительные магистрали с громкими названиями: бульвар Османа, улица Россини, улица Прованс, улица Лафайет, улица Виктуар. Но при всей своей скромности улица Лаффитт тоже была знаменита: здесь располагались лучшие художественные галереи Парижа.

Две дамы пересекли бульвар Османа и сразу увидели поджидающих их Марка и Хэдли. Через несколько минут они уже были в галерее.

Месье Поль Дюран-Рюэль уже отметил свое шестидесятилетие, хотя выглядел лет на десять моложе. Это был щеголеватый мужчина с усиками и приветливым лицом, а как только он заметил тетю Элоизу, его глаза вспыхнули радостью.

– Моя дорогая мадемуазель Бланшар, добро пожаловать.

Тетя Элоиза быстро познакомила всех друг с другом:

– Моя племянница Мари уже бывала здесь, Марка вы знаете, как я думаю, а это месье Хэдли, наш американский друг, который приехал в Париж изучать искусство.

В то время не проводилось никакой выставки, но на стенах висели картины художников, которых поддерживала галерея. Все двинулись по залу, осматривая полотна, и Дюран-Рюэль завел любезную беседу:

– Ваша семья по-прежнему владеет домом возле Барбизона?

– Да, в Фонтенбло.

– При моем отце, – пояснил коллекционер, обращаясь к Мари, – ваша тетя покупала у нас художников барбизонской школы. Если не ошибаюсь, у нее есть целых два Коро. А потом, когда он стал продвигать импрессионистов, как мы сейчас их называем, ваша тетя стала одной из наших первых покупателей.

– Расскажите молодежи, как это начиналось, – попросила тетя Элоиза.

– Первую выставку импрессионистов провели вовсе не во Франции, – без лишних слов приступил к рассказу Дюран-Рюэль. – Во

время осады Парижа немцами в семидесятом году я сумел выбраться из города и уехал в Лондон. Моне, Сислей и другие в то время работали именно там. Я познакомился с ними и пришел в такой восторг от их картин, что организовал выставку в Лондоне на Нью-Бонд-стрит. Уже позднее мы стали показывать импрессионистов здесь, в Париже. И над нами смеялись. Говорили, что мы сумасшедшие. Но ваша тетя, одна из немногих, видела свет истины. Она покупала картины кисти Моне, Ренуара, Писсарро, Берты Моризо, американки Мэри Кассат...

– Это вы, месье, первым отважились привезти импрессионистов в Нью-Йорк, – вставил Хэдли.

– Благодарю, – кивнул Дюран-Рюэль. – Не могу не похвалить ваш прекрасный французский. Да, это верно, мы открыли в Нью-Йорке галерею, однако американские коллекционеры удивительно быстро прониклись к импрессионистам любовью, гораздо быстрее, чем французы, должен сказать. – Он повернулся к тете Элоизе. – Но теперь у вас самой собралась богатая коллекция. Где вы разместили ее?

– У себя в квартире. Конечно, пришлось вешать картины в разных комнатах. Большинство моих гостей даже не знают, что это за полотна. – Она переменяла тему. – Я пришла просить вас об одолжении.

– Весь внимание.

– Наш друг Хэдли хотел бы посетить Живерни, и я подумала, что мы все могли бы поехать с ним. Я знаю, что Моне осаждают люди, на разговоры с которыми у него нет времени, но я подумала, что если бы вы согласились представить ему нас...

– С огромным удовольствием. Я скажу, что вы были одной из первых, кто приобрел его работы – он любит, чтобы его покупали, знаете ли! – и что у вас есть картины всех его друзей. Тогда он будет рад встретиться с вами. Если вы несколько минут погуляете по галерее, я сразу же напишу письмо. – И он исчез в кабинете.

Мари слушала эту беседу как зачарованная. Она всегда знала, что ее тетя утонченный и сведущий человек и что она собирает предметы искусства, но никогда не предполагала, насколько глубок ее интерес к живописи.

– Мне нужно лучше рассмотреть картины в вашей квартире, – шепнула она тете.

Тем временем Марк и Хэдли ходили от одного полотна к другому, но потом Мари заметила, что американец замер на месте и стоит так уже несколько минут.

– Давайте посмотрим, что так поразило месье Хэдли, – предложила она тете.

Это было изображение вокзала Сен-Лазар, если смотреть на него с моста. Над рельсами вздымались клубы пара – вся картина дышала жизнью. Хэдли впился в нее глазами, забыв обо всем на свете. Дамы встали рядом с ним, и так и застал их Дюран-Рюэль, вернувшийся к ним из кабинета.

– Это должно помочь, – сказал он, вручая тете Элоизе письмо. Он посмотрел на картину, вызвавшую такой интерес. – Вам нравится? – спросил он Хэдли.

– Я влюбился в нее с первого взгляда, – ответил тот.

– Многие художники писали Сен-Лазар, в том числе и Моне, но эта картина принадлежит кисти Норберта Гёнётта. Он запечатлел этот вокзал по меньшей мере трижды, каждый раз при разном освещении. – Дюран-Рюэль помолчал. – Как ни прискорбно, около четырех лет назад он скончался. Ему только-только исполнилось сорок. Огромный талант... Такая потеря. – Выждав некоторое время, он добавил: – Картина продается.

– Я бы немедленно купил ее, – прямо сказал Хэдли, – но мой отец дает мне ровно столько денег, чтобы хватало на жизнь и учебу, а просить больше я не хочу. Может быть, позднее... Хотя уверен, что для столь прекрасной работы вы найдете покупателя задолго до того, как я соберу достаточные средства.

Дюран-Рюэль не стал развивать тему дальше.

Вот тогда-то Мари и пришла в голову замечательная идея, но она не сказала ни слова.

Рано утром они сели на поезд на вокзале Сен-Лазар, и началось их путешествие длиной в восемьдесят километров по широкой долине Сены к городку Вернону. Оттуда им останется преодолеть в наемном экипаже всего несколько километров – надо только пересечь реку по длинному низкому мосту и ехать дальше вдоль берега до Живерни.

Пока паровоз, пытая, тащил вагоны по живописным сельским просторам, Мари пребывала в состоянии полного счастья. Ее

маленький план сработал.

Пять дней назад тетя Элоиза купила для нее полотно Гёнётта. Это стало их секретом, о котором больше никто не знал. Сейчас картина хранилась у тети Элоизы, но они договорились, что Мари, как только сможет, выкупит ее за ту же цену, которая была заплачена галерее. Во всем этом деле была лишь одна деталь, о которой не знала даже тетя Элоиза.

Когда-нибудь – Мари не знала, когда и при каких обстоятельствах, – она отдаст картину Фрэнку Хэдли.

Было июньское утро. Сена величаво несла свои воды мимо Вернона. Тарахтящий фиакр пересек мост. То тут, то там мелькали домики, красовались под черепичными крышами типичные для Нормандии старые фахверковые мельницы. Все купалось в пышной зелени. Ближе к полудню они миновали церковь и оказались в центре Живерни, но у них осталось достаточно времени, чтобы прогуляться по деревушке и пообедать на постоялом дворе. А затем предстоял визит к великому живописцу.

– Здесь есть одна странность, – сказал вдруг Марк. – Никто ничего не заметил?

– Нет, – отозвались его спутники.

– Пойдемте, я покажу вам.

Они прошли не более тридцати метров и около маленького сада встретили парня с большой папкой и в широкополой шляпе.

– Простите, не могли вы подсказать, где тут можно выпить? – по-английски обратился к нему Марк.

– Конечно же, – ответил парень с акцентом, который выдавал уроженца Филадельфии. – Я рекомендую кафе месье Жардена, там подают прекрасный аперитив. Или гостиницу «Боди», это вообще лучшее заведение в деревне.

– Благодарю.

Через несколько минут они увидели семейную пару.

– Давай теперь ты, – подтолкнул Марк Фрэнка.

И опять на вопрос, заданный по-английски, им ответили без малейших затруднений и тоже по-английски.

– Откуда вы? – спросил Марк.

– Из Нью-Йорка, – последовал ответ.

– Хватит, – засмеялся Хэдли. – Мы поняли. Деревню заполнили мои соотечественники.

– Думаю, здесь едва найдешь три сотни французов, – сказал Марк. – Зато художников из Америки, должно быть, около сотни.

– Это преувеличение!

Но когда они проходили мимо старой мельницы, изнутри донеслись голоса американцев. Потом, увидев на склоне холма красивый старинный монастырь, Марк поинтересовался у местного жителя, действует ли он, и тот ответил, что нет: там недавно поселилась чудная семейная пара по фамилии Макмоннис.

Однако надо было признать, что вторжение художников не нанесло вреда деревне. Американцы вели себя, судя по всему, тихо, и мольберт, поставленный у дороги, или на краю поля, или на берегу реки, не нарушал мирной жизни селян.

Но если деревня приняла чужеземцев без лишнего шума, некая семья увидела в них свой шанс и не упустила его.

Семья Боди владела постоянным двором, носящим их имя. Это была основательная кирпичная постройка в центре деревни. И стоило небольшой компании из Парижа приблизиться, как сразу стало понятно, в чем состояла предприимчивость Боди.

– Вы только посмотрите! – воскликнул Марк.

Прямо перед входом в гостиницу, как теперь назывался постоянный двор, на травяной лужайке были разбиты два хорошо ухоженных теннисных корта.

– Теннисные корты прямо посреди сельской Нормандии! Их, конечно, устроили для приезжих. Местные жители, скорее всего, до сих пор и не слышали о теннисе.

В гостинице сразу бросились в глаза объявления: заведение предлагает на продажу всевозможные товары для занятий живописью, причем высшего качества: краски, кисти, подрамники, – короче, все, что может понадобиться художнику. В просторном обеденном зале стены были увешаны полотнами постояльцев.

Когда гости сели за стол, им предложили на выбор множество напитков, в том числе виски.

– Виски вы держите для американцев, да? – весело уточнил Марк.

– Разумеется, месье, – ответил официант, – но и господин Моне всегда с удовольствием пьет его.

Обед прошел в приятной атмосфере. Все предвкушали скорую встречу со знаменитым живописцем. Марк постарался подготовить своих спутников к тому, что им предстояло увидеть.

– Он может удивить вас. Долгое время Моне приходилось жить в бедности, но у него был покровитель по фамилии Ошеде, владевший большим магазином. Когда Ошеде обанкротился, обе семьи стали жить вместе, и потом, когда и жена Моне, и Ошеде умерли, Моне и вдова поженились. Моне – художник, но он больше не хочет быть бедным и, может, даже хочет стать обеспеченным буржуа. Для обеих семей он уже много лет является главой. – Марк ухмыльнулся. – Наверняка он вам покажется солидным мужчиной.

– А что ты скажешь о нем как о художнике? – спросил Хэдли.

– Ты ведь слышал, как о нем говорят: у него великолепный глаз. Может, он не думает так же много, как другие, зато видит больше, чем кто-либо другой.

И вот настало время увидеть мастера воочию.

Прежде всего Мари обратила внимание на одежду Моне. Несмотря на теплый день, тот облачился в костюм-тройку. Длинный свободный пиджак был застегнут на одну пуговицу. Из нагрудного кармана задорно торчал уголок белого носового платка. С первого взгляда было ясно, что костюм сшит из дорогой ткани и первоклассным портным.

Коротко подстриженные волосы художника были зачесаны на лоб. Крупное лицо с выразительными чертами обрамляла густая борода. В глазах читался твердый характер. Если бы Мари столкнулась с ним в саду их дома в Фонтенбло, то приняла бы за промышленника или даже за генерала.

Жена Моне, статная полная женщина, казалось, была такого же склада.

Художник пригласил гостей в свои владения, обращаясь преимущественно к тете Элоизе:

– Я был так счастлив получить письмо от Дюран-Рюэля, мадам, ведь оно дало мне и моей жене возможность приветствовать вас в нашем доме, пусть и спустя столько лет.

Моне предложил сначала осмотреть сад, а потом побеседовать в его студии. Надев большую соломенную шляпу, он пошел впереди.

Главное здание – длинный низкий фермерский дом с зелеными ставнями – стояло совсем рядом с дорогой. Его стены почти целиком скрывал приятный глазу ковер из вьющихся растений. Со стороны сада возле дома росли два тиса, между которыми шла широкая тропа в глубину сада. На этом всякое сходство с теми садами, которые доводилось видеть Мари, заканчивалось.

Нельзя сказать, что в саду господствовала дикая природа. Вовсе нет. Начать хотя бы с того, что вся территория была покрыта клумбами, разделенными столь узкими дорожками, что пройти по ним стоило труда. Также в саду росли фруктовые деревья и плетистые розы. Но, посадив все эти растения, Моне позволил им жить дальше как захочется. Результатом стало поразительное изобилие и пышность.

– Я сажаю ради цвета, – объяснял Моне. – Тут у меня есть одуванчики и тюльпаны, мальвы и маргаритки. Подсолнухи. Всевозможные однолетники. В конце лета появляются настурции и полностью закрывают тропу. И еще друзья привозят мне что угодно, всякие редкости из разных уголков света; и я для всего нахожу место.

Это буйство красок занимало почти гектар.

– Как жаль, что с нами нет мамы! – воскликнула Мари.

– Пусть приезжает в следующий раз, – великодушно предложил художник.

Мари подумала, что если она когда-нибудь воспользуется приглашением, то надо не забыть привезти в подарок какое-нибудь диковинное растение.

Они побродили среди цветов, обсуждая увиденное.

– Я рисую растения, – делился Моне с Марком и Хэдли. – Нарисованное я продаю, а на полученные деньги покупаю еще растения. Полагаю, это такой безобидный вид сумасшествия. – Он обернулся к тете Элоизе. – Хотите посмотреть мой пруд?

– С удовольствием!

Для этой цели им пришлось выйти через маленькую калитку в глубине сада. Затем тропа пересекала местную железнодорожную ветку.

– Станции здесь нет, – сказал Моне, – но поезда время от времени бывают, так что надо быть осторожным при переходе через рельсы. – И он предложил тете Элоизе руку.

Оказавшись по другую сторону рельсов, они зашли на еще один участок, совершенно непохожий на первый.

– Мы арендовали дом несколько лет, прежде чем я смог купить его, – рассказал своим гостям Моне. – А пять или шесть лет назад мне удалось приобрести еще и этот участок. По нему протекает ручеек, и поэтому я задумал устроить здесь пруд. И вот, – гордо объявил он, – результат.

Если большой сад был раем, то этот участок напоминал мечту.

Пруд окаймляли ивы и другие изящные кустарники, по его поверхности плавали водяные лилии. А в самом узком месте над водой выстроили изогнутый деревянный мостик в японском стиле. На первом участке гости любовались цветами. Здесь же взгляд притягивали кувшинки, разбросанные по мягкому жидкому зеркалу пруда среди отражений ветвей, листьев, цветов и неба с облаками в вышине. Парижские визитеры взошли на мост и стали молча смотреть вниз.

– Пруд мы начали делать в девяносто третьем, – сказал Моне. – Но приходится долго ждать, пока все вырастет. Природа учит нас терпению. Писать здесь я смог только с девяностого седьмого года.

– Мне кажется, такой пруд может стать наваждением, – заметил Марк.

– Я всегда писал свет, падающий на объект – на здание, поле, стог сена. Тут все иначе. Тут другой цвет. И вы правы: вода притягивает. Она абсолютно примитивна. Загадочна. Думаю, я буду писать эти кувшинки до самой смерти.

Они медленно тронулись в обратный путь. Возле железнодорожной ветки Моне опять предложил тете Элоизе руку. Следуя его примеру, Хэдли подставил руку Мари, и она оперлась на нее. И поскольку раньше она никогда еще не прикасалась к Хэдли, ее пронзило какое-то острое чувство, так что она невольно задрожала.

– Что с вами? – спросил он. – Вы в порядке?

– Да. Просто боюсь поездов. Когда я была маленькой, мне снились кошмары о том, как я застреваю на путях.

Что за ерунду она несет? Не примет ли он ее за круглую дурочку?

– А я боялся медведей гризли. – Крепко взяв ее под руку, американец ухмыльнулся. – Ни с одной стороны поезда нет. Предупредите меня, если увидите медведя.

В целостности и сохранности переведя Мари через рельсы, Хэдли отпустил ее руку, и она едва слышно выдохнула.

– Для вас это такое облегчение? – с участием осведомился американец. – Нам лучше держать вас подальше от железной дороги.

Когда они шли через сад к дому, Мари ощущала, как солнце печет ей голову.

В доме Моне было две студии. Первую устроили в бывшем сарае, и там художник показал гостям некоторые из своих работ, в том числе пейзаж с японским мостиком, над которым он еще трудился. Вторая студия была более просторной. Там великий мастер сказал Марку:

– У пруда вы говорили, что он может стать наваждением. Я признаюсь, что в последнее время все мои мысли поглощает мечта об одной затее. Это будет огромная комната, круглая, и по всему периметру – панели с изображением кувшинок, плавающих в воде, и, возможно, намек на облака. В этой комнате зритель будет полностью погружен в голубой цвет. Я говорю «голубой», но, конечно же, имею в виду тысячу цветов, которые смешиваются и ведут себя как растения в саду. Потому что когда цвета взаимодействуют, они создают новые цвета, которые человек доселе не видел или не знал, что видел.

– Такой проект может стать делом всей жизни, месье, – уважительно качнул головой Марк.

Моне кивнул в ответ, потом оглянулся на Мари. Случайно в этот момент она оказалась возле Хэдли. Взгляд художника задержался на них обоих.

– Значит, этот симпатичный американский джентльмен ваш жених? – спросил он.

– Мой... что?

Вопрос застиг девушку врасплох. Ни к чему подобному она не была готова и почувствовала, как в лицо бросилась краска. Это было совсем некстати, но остановить предательский румянец не могла.

– Нет, месье, – пролепетала она.

– Простите, – сказал Моне.

– Увы, мне не повезло быть удостоенным такой чести, – весело отозвался Хэдли и посмотрел на Мари с дружеской улыбкой.

Но она не могла даже глаз на него поднять.

Потом тетя Элоиза что-то сказала Моне, он ответил ей, разговор потек своим чередом, и никто больше не обращал на Мари внимания, за

что она была всем благодарна.

Вскоре настала пора прощаться. Когда все двинулись к выходу, Хэдли приотстал, чтобы оказаться рядом с Мари, и тихо произнес:

– Надеюсь, Моне не смутил вас своим предположением, будто мы обручены.

– Нет, – сказала она, – совсем не смутил.

Ей хотелось добавить что-нибудь такое, что заставило бы его думать о ней. «Уверена, у вас множество гораздо более красивых дам на примете» или что-то в этом роде. Что-нибудь. Что угодно. Но она не смогла.

Когда они ждали поезда на платформе вокзала в Верноне, Марк и Хэдли с головой ушли в свой разговор. Тетя Элоиза и Мари негромко обменивались впечатлениями минувшего дня.

– По-моему, визит прошел удачно, – произнесла тетя Элоиза.

– Да. Месье Моне был искренне рад познакомиться с вами. И мне показалось, что ему нравится демонстрировать гостям свой сад.

– Это настоящее чудо, – сказала тетя Элоиза. – Просто чудо.

Подошел поезд, они сели в вагон, и вот уже застучали колеса, унося компанию в Париж.

– Послушайте, – обратился к дамам Марк, – мы с Хэдли приняли решение.

– Какое же? – спросила тетя.

– Я планировал провести часть лета в Фонтенбло, но... – Он глянул на тетю. – Но это сейчас может быть не совсем удобно. Поэтому мы с Хэдли решили снять на лето жилье в Живерни. Мы будем здесь писать. – Он улыбнулся. – Так что увидимся ближе к осени.

– О, – только и сказала Мари.

В Фонтенбло царил древний покой. Королевский замок и тихий парк вокруг него были гораздо старше Версаля. Первым на этом месте построил свое шато еще король Филипп Август в далеком XII веке, но замок в его нынешнем виде был вдохновлен французским Ренессансом времен Франциска I и Леонардо да Винчи. И хотя Наполеон использовал его как свой личный Версаль, старое шато в Фонтенбло с его тенистыми аллеями и большим лесом поблизости сохранило

умиротворенную атмосферу, невозможную в безудержном великолепии огромного дворца Людовика XIV.

Что касается самого городка, то он был тих, консервативен и служил приютом множеству родственников семьи Бланшар. Как жаль, что никто из кузенов не подходит ей по возрасту, пеняла на судьбу огорченная Мари. А то она могла бы выйти за него, и все были бы счастливы.

– По крайней мере, выходя за кузена, ты знаешь, что получаешь, – говорил кто-то из ее родни.

Мари гуляла с щенком, навещала родню и брала уроки верховой езды – давно ведь хотела научиться ездить как следует.

– На тот случай, если вдруг появится еще один аристократ, – сказала она матери с улыбкой.

Но покоя не находила.

Где он? В Живерни. Чем занят? Пишет картины на свежем воздухе, делает наброски, ест и пьет с другими художниками.

Говорит ли он по-прежнему на французском? Или американская колония в деревне дала ему возможность вновь общаться на родном языке? Есть ли у него женщина? Не встретил ли он там прелестную американскую девушку, например художницу из такой же, как у него, хорошей семьи? Не прочитает ли она в очередном письме Марка упоминание о том, что его друг обручился?

Она воображала его то в одной ситуации, то в другой. Созданные ею образы не увядали. Они становились ярче с каждым днем. А поделиться своими переживаниями ей было не с кем. Родителям она не могла рассказать. С кузинами и кузенами у нее были теплые отношения, но ни к кому из них она не питала полного доверия. Даже тете Элоизе она боялась признаться. Марк – единственный человек, с которым она бы поделилась, но он друг Хэдли, так что и этот вариант отпадал.

Так проходили июльские дни, в душевных мучениях, физических упражнениях и родственных визитах. Еще Мари читала или притворялась, что читает, время от времени доставала корзинку с вышиванием и многократно пыталась зарисовать щенка, играющего в саду, но безуспешно.

Дважды приезжал на выходные Жерар с семьей. Этим летом отец оставил дела на его попечение, и Жерар подолгу сидел с ним на

большой веранде, отчитываясь о происходящем в Париже. В основном отец был им доволен.

Однажды Жерар отвел Мари в сторону.

Он знал, что сестра недолюбливает его, но все равно старался быть хорошим братом. Она понимала это. Он делал все, что мог, только не очень-то получалось.

– Сожалею, что отношения с де Синем ни к чему не привели, – заметил он.

– Там и не было особых отношений.

– Знаю. Все равно это было бы...

– Может, мы узнали бы, что у него дурной характер.

– Мы будем присматривать кого-нибудь еще. – Жерар пожал плечами. – У нас больше друзей, чем ты думаешь. Бог свидетель, ты красива, и у тебя будет большое приданое. По-настоящему большое. Даже странно, что ты до сих пор не замужем, ведь ты завидная невеста.

– Это утешает.

– Но ты должна искать себе мужа, Мари. Ты понимаешь, что я имею в виду? Речь не о том, чтобы ожидать появления некоего рыцаря в сияющих доспехах. Нужно определиться с возможностями и сделать выбор. Все, что от тебя требуется, – это быть практичной.

– Всего-то?

– Конечно. – Он ободряюще улыбнулся. – Практичность – прекрасное качество. Все довольно просто. Ну, если есть деньги.

– Твоя жена так и поступила?

– Точно.

– И вы оба счастливы?

– Да. Мы оба очень счастливы. – В его голосе зазвучало искреннее чувство. – Абсолютно счастливы.

И Мари поняла, что Жерар говорит правду.

– Спасибо, – сказала она.

Мари обрадовалась, когда отец пригласил на несколько дней Фокса. Англичанин, по крайней мере, не говорил с ней о замужестве. Как всегда, с ним было легко и весело. И ему понравился их дом.

Дом Бланшаров в Фонтенбло был типичной постройкой этого рода и являл собой уменьшенную копию аристократического особняка.

Входили в него со стороны тихой улицы через высокие железные ворота. По обе стороны от мощеного двора тянулись боковые флигели, а основное здание стояло в центре. Внизу располагались обширные подвалы, поэтому к парадной двери попадали через высокое крыльцо. Гостиная, или салон, находилась слева от входа и занимала всю ширину здания. Она выходила на просторную веранду, протянувшуюся вдоль заднего фасада, а за верандой начинался сад.

Если посмотреть со стороны сада на веранду, когда там собирается за чаем вся семья, то кажется, будто смотришь на картину Мане.

Большой салон с классической, эпохи Первой империи, мебелью отличался римской простотой и спокойствием. Сад же обладал совсем иным характером, чем родители Мари очень гордились.

– Вот это да! – восхитился Фокс, когда увидел его впервые. – У вас же настоящий английский сад.

Он был очень длинным, и потому его разделили на две части. В ближайшей к дому половине посыпанные гравием дорожки вели к маленькому пруду и фонтану, к клумбам с лавандой, розами и другими растениями и к газону. Через полсотни метров высокий и аккуратно подстриженный кустарник создавал стену с калиткой посередине, через которую можно было попасть в огород. В дальнем конце огорода, за еще одной стеной кустарника, прятался садовый сарай и компостные кучи.

– Моя жена занимается растениями, а я – газоном и фруктовыми деревьями, – объяснил Жюль. – Вы одобряете результат наших усилий?

– Он превосходен, – сказал Фокс. – Я почувствовал себя почти как в Англии.

– Почти? – Жюль покивал. – Знаю, мой газон еще не совсем таков, каким должен быть. Его косят, но вот валик я пока никак не могу заполучить. Английский газон нужно укатывать валиком. Скажите мне, сколько же времени требуется, чтобы получился настоящий английский газон?

Фокс посмотрел на двух старших Бланшаров, потом на Мари и расплылся в широкой улыбке.

– Столетия, – ответил он.

Они показали ему старое королевское шато, сводили в лес и вообще прекрасно провели время. И оттого ли, что он не вносил смятения в ее чувства, или оттого, что он, несомненно, был приятным

человеком, Мари во время его визита чувствовала себя лучше, чем весь июль, и взгрустнула, когда ему настала пора уезжать.

В самом конце месяца к ним ненадолго приехала и тетя Элоиза. Она тоже любила Фонтенбло.

Пока она была с семьей брата, пришло письмо от Марка. Они с Хэдли отлично ладили, сообщал он, много работали, и общество в Живерни было великолепным.

Что он имел в виду под этими словами? С кем встречался Хэдли? Мари оставалось только гадать.

– Вы не думаете, что нам стоит навестить их там? – рискнула она все же спросить тетю Элоизу.

– Это означает, что надо сначала вернуться в Париж, а потом ехать дальше, в Нормандию.

– До Вернона не так далеко.

– Я подумаю. Может, я сумею устроить так, чтобы ты повидалась с Марком без поездки в Нормандию, – сказала тетя Элоиза.

Только Мари совсем не это хотела услышать.

В августе Париж покидали все, у кого имелась такая возможность. Жюль объявил, что весь месяц проведет в Фонтенбло.

В начале второй недели августа он сказал семье, что к ним собирается заглянуть Фокс.

– Он хотел заехать сюда по пути в Бургундию. Разумеется, я сказал, что мы будем рады его видеть.

Действительно, они все были рады снова видеть его, но очень удивились тому, как он прибыл. Вместо обычного экипажа со станции приехала крытая телега и с грохотом вкатилась через ворота на мощный двор. Кучер с помощником занялись грузом, а Фокс подошел к Бланшарам. Вид у него был очень довольный.

– Неужели ваш багаж настолько тяжел? – спросил Жюль.

– Не совсем. Я привез вам кое-что.

И тут кучер с помощником не без труда скатили из телеги садовый валик.

– О боже! – вскричал Жюль. – Поверить не могу. Посмотрите на это! – призывал он жену и дочь. – Дорогой друг, откуда, черт возьми, вы его достали?

– Из Англии, конечно же. Заказал, и мне привезли.

Мари громко рассмеялась. Ну как не любить его!

Фокс настоял на том, чтобы показать Бланшару, как этим валиком обрабатывают газон.

– Если все делать правильно, – добавил он, – то работа с валиком укрепит все мышцы, особенно спину.

Полчаса спустя Мари вошла в пустой салон. Фокс и ее отец сидели в это время на веранде, и через открытое окно до Мари донеслись обрывки разговора, смысл которого остался ей неясен.

– Все устроено. Известный вам человек вскоре прибудет в Лондон. А что до банкира и его жены, то они счастливы. Их дочке очень повезло.

– Следует ли мне встретиться с ними? Я, может быть, и не против...

– Я бы настоятельно не рекомендовал вам этого.

– Вы правы. Я вам так признателен.

– Задача нашей фирмы – быть полезной для всех наших клиентов.

Но мне кажется, все сложилось как нельзя лучше. – Фокс помолчал. – Мне нужно торопиться на поезд. Вы позволите заглянуть к вам на обратном пути? Будет интересно осмотреть газон.

– Мы всегда вам рады.

Когда Фокс отбыл, Мари спросила у отца, был ли это деловой визит.

– Да. У меня было одно дело, связанное с Англией. Фокс – хороший человек.

Никаких подробностей отец не приводил, а Мари не расспрашивала.

Ничего она не узнала и о беседе, состоявшейся в тот вечер в родительской спальне.

– Мне нравится Фокс, – сказал Жюль. – Жаль, что он протестант.

– И мне нравится, – согласилась его жена. – Но все-таки он протестант.

– Да. Хотя жаль.

Не слышала она и разговора между отцом и тетей, которая вновь приехала в гости к брату.

– Мой дорогой Жюль, настало время простить сына.

– Почему?

– Девушка Пети после родов отправлена в Англию. Ее малышку удочерила чудесная семья с достатком и положением. Все наши проблемы решены. Семейство Пети отказалось от дочери, и я считаю их поступок чудовищным, но, как ни печально, многие сделали бы то же. Обычай современного общества жестоки. Но Марк достаточно наказан. Видит бог, он не сделал ничего такого, чего не делают другие мужчины в его возрасте.

– Он вовсе не был наказан.

– Разумеется, был, и еще как!

– Он живет совсем неплохо, хотя я перестал выдавать ему содержание.

– У него есть заказы.

– Сколько денег ты даешь ему, Элоиза? – Жюль с любящей улыбкой посмотрел на сестру.

– Если бы давала, то не сказала бы тебе.

– Он ни капельки не страдает.

– Страдает, потому что лишен общения с отцом и матерью.

– Ах, бедняжка, как ему тяжело.

– Тяжелее, чем ты думаешь. Он любит тебя.

– Я подумаю об этом.

Марк и Хэдли приехали в Фонтенбло, чтобы провести здесь последние десять дней августа. Для Мари эти дни стали волшебными. Иногда молодые люди ходили в лес, чтобы порисовать, и она шла с ними за компанию, прихватив книгу или тоже альбом. Вместе с матерью Мари показала Хэдли замок, который понравился ему больше, чем Версаль. Особенно ему приглянулись старинные шпалеры с сюжетами из жизни придворных, выполненные в глубоких, сочных тонах.

Вечерами все сидели на веранде. Ее отец обычно читал газету, Марк и Хэдли болтали, а Мари тихонько слушала. В ответ на расспросы Марка Хэдли охотно рассказывал о своем детстве, о катании на санях зимой, о гребных гонках в университете, о годе работы на ранчо. Иногда он упоминал и совсем мелкие детали.

– Когда мне исполнилось восемнадцать, отец вручил мне пару гребней для волос. Они сделаны из черного ореха, и на каждом вырезаны мои инициалы. Я всегда вожу их с собой. Некоторые

предпочитают гребни из слоновой кости, но я не променяю деревянные гребни, которые подарил мне отец, ни на что другое.

Говорил он и о своих родителях.

– Я люблю путешествовать, и эту любовь унаследовал от них, – заметил он как-то раз. – Обычно летом у отца бывало свободное время. До моего рождения они ездили в Японию, Англию, Египет. И нас, детей, тоже возили куда только можно. Когда я женюсь, – продолжал он, – то надеюсь, что моя жена захочет путешествовать вместе со мной. Замечательно, когда супруги разделяют такое увлечение.

Мари слушала Хэдли до тех пор, пока ей не стало казаться, будто она знает о нем все.

Однажды вечером после долгой прогулки через лес до Барбизона, где писал в свое время Коро, Хэдли, сидя с ними на веранде, запрокинул голову и закрыл глаза.

– Знаете, у меня такое чувство, словно я попал в прекрасный, неизменный мир, – признался он. – Здесь такой мягкий свет... В ландшафтах слышится какое-то тихое эхо... Не могу точно выразить это словами.

– Французская деревня всех покоряет, – сказал Марк. – Но также следует понимать, что мы, французы, так глубоко осознаем свою историю – она же повсюду, она окружает нас, – что нам кажется, будто мы прожили уже много жизней. – Он улыбнулся. – Может, это иллюзия, но зато красивая и дает нам утешение.

– А еще мы находим утешение в Церкви, – добавила его мать.

– А еще в сыре и в вине, – подал голос Жюль из-за газетного листа. – Раз француз – навсегда француз.

– Жизнь во Франции так приятна, – вздохнул Хэдли. – Я мог бы остаться здесь навсегда.

Вот если бы Хэдли и вправду поселился во Франции, тут же подумалось Мари. Она попыталась представить себе, как он живет с ними в Фонтенбло: в коридоре на стенах висели бы его наброски; картина с вокзалом Сен-Лазар, которую она ему подарит, – в салоне, а на столике в гардеробной отца лежат его деревянные гребни.

А если он все-таки будет жить в Америке и путешествовать, как его родители? Тогда он мог бы купить во Франции дом и приезжать сюда на лето. Почему нет? А его дети говорили бы на двух языках.

Однажды после обеда Хэдли и Марк рисовали в саду, и она пошла посмотреть, как у них дела. Хэдли писал клумбу с цветущими пионами. Пока его полотно выглядело как пылающее, почти бесформенное море красок.

– Я вижу, что это, но сама никогда бы не представила ничего такого, – сказала она.

– Трудность не в том, чтобы нанести краску на холст, – задумчиво произнес Хэдли. – Главное – увидеть, что ты пишешь. То есть надо посмотреть на объект без каких бы то ни было предубеждений или мнения о том, как он должен выглядеть. Если ты считаешь, что знаешь, как выглядит пион, то никогда не сможешь написать его. Нужно смотреть на все свежим взглядом, а это трудно.

– Кажется, я могу понять это в живописи и в рисовании. Но вряд ли такое же правило применимо для других искусств?

– Сейчас появились писатели, которые пробуют делать нечто в этом духе. Особенно во Франции. Это символисты во главе с Малларме. И есть еще политики-революционеры, они говорят, что мы должны начать все сначала и заново решить, какими должны быть правила в обществе. Так и делали в дни революции, когда была разрушена монархия и отвергнута религия. Смею предположить, что люди то и дело меняли правила – еще с тех пор, как греки придумали демократию. Или с тех пор, как человек изобрел колесо.

– Значит, вы хотите изменить мир?

– Нет. Потому что для меня мир устроен совсем неплохо. Но я бы хотел узнать, как на самом деле он работает.

Мари оставила его, а сама вернулась в тень веранды. Там она достала свой альбом и начала зарисовывать щенка. Ничего хорошего у нее не вышло, но если кто-нибудь спросит, чем она занимается, то ей хотя бы будет что показать. Потом, взглянув на отца, с головой погружившегося в газету, Мари перевернула лист и стала рисовать Хэдли.

Она пыталась делать так, как он только что ей объяснял: думать лишь о том, что видят ее глаза. С непривычки ей казалось, что получается совсем неправильно, но потом она увидела, что, сосредоточивая зрение, она точно воспроизвела линию его челюсти, и крепкую шею, и то, как падали на нее волосы непокорной волной. И Мари улыбнулась, осознав, как хорошо она его изучила.

Позднее она отправилась с матерью на кухню и помогла приготовить ужин. И настояла на том, чтобы клубничный пирог, столь любимый Хэдли, был сделан исключительно ее руками.

Буквально в последний день августа к ним, возвращаясь из Бургундии, опять заглянул Джеймс Фокс. Сразу было понятно, что там он много времени проводил на открытом воздухе: англичанин был подтянут и бодр.

Поскольку на следующее утро вся семья намеревалась вернуться в Париж, его уговорили переночевать и ехать вместе со всеми.

В честь отъезда состоялся большой обед, который длился до трех часов пополудни. Потом, вместо того чтобы дремать на веранде, все семейство с гостями отправилось на прогулку к старому шато – двое старших Бланшаров, Марк и Мари, Фокс, Хэдли и, конечно же, щенок. Они побродили немного по парку. Было жарко.

Щенок восторженно бегал вокруг людей, но скоро устал и тоже отдался летаргии августовского дня.

Когда они шли назад, то пыльные улицы Фонтенбло будто вымерли. Дорога горела в солнечном сиянии, а дома – одни из серого камня, другие кирпичные – прятались от жары за ставнями и ловили прохладу резких теней, которую давали свесы крыш. На дороге, ведущей к дому, тоже было безлюдно, лишь извозчик дремал в двуколке, очевидно в ожидании пассажира.

– Щенок едва перебирает лапами, – заметила Мари Фоксу. – Я бы взяла его на руки, но мы уже совсем близко от дома.

Маленький спаниель и правда совсем выбился из сил. Однако любопытство придало ему энергии и побудило исследовать какой-то сверток, валяющийся на проезжей части. Марк оглянулся и пожал плечами. На дороге по-прежнему было пусто.

Секундой позже они услышали громкий стук – кто-то резко распахнул ставни. Должно быть, открыли и окно, потому что ярко блеснуло стекло, отразившее солнце.

Этой мелочи хватило, чтобы напугать лошадь, запряженную в двуколку на обочине. Вскинув морду, она рванулась вперед, и, пока возница спросонок собирался с мыслями и нащупывал поводья, повозка понеслась по улице.

Щенок не видел, что происходит у него за спиной, а если что-то слышал, то не придавал значения. Его интересовал сверток и исходящие от него запахи. Мари вскрикнула. Все обернулись.

Она бы никогда не поверила, что Фокс, довольно высокий мужчина, мог двигаться с такой скоростью. Он с разбега нырнул вперед, подхватил одной рукой щенка, сделал кувырок и, разминувшись с двуколкой буквально на десять сантиметров, упал на противоположной стороне дороги, держа собаку над головой.

– О боже! – выдохнул Марк.

Ошибись англичанин всего на долю секунды – и серьезные травмы были бы неминуемы.

– Отличный прыжок! – восхитился Хэдли.

Фокс поднялся. Он был весь в пыли и порвал рукав.

– Крикет, – сказал он. – Обычный прием.

– Ах, месье Фокс, – едва дыша, проговорила переполняемая благодарностью мадам Бланшар.

Но Мари опередила ее. Она подбежала к Фоксу и поцеловала его в щеку. На какой-то миг Жюль нахмурился. Не то чтобы поступок дочери разгневал его, но ей не следовало так делать.

Фокс видел это.

– Ого, – сказал он, обращаясь ко всем с добродушным удивлением. – Если бы я знал, что заработаю поцелуй... – Он сделал несколько шагов, отделяющих его от Жюля, и вручил ему спасенного щенка. – Не будете ли так любезны, месье, положить его обратно на дорогу, чтобы я смог повторить это.

Жюль рассмеялся и расслабился. Но его жена уставилась на руку англичанина.

– У вас кровь, мой дорогой Фокс, – сказала она.

– Пустяки. Я промою рану, когда мы окажемся в доме.

По возвращении в Париж Марка ждало в его студии письмо. На следующий день он показал его Хэдли, зашедшему к нему обменяться парой слов.

С возвращением, дорогой мой. Я тоскую по тебе. Каждый раз, когда мы занимаемся любовью, я только еще сильнее хочу тебя и уверена, что ты испытываешь те же чувства.

Но теперь настало время принять решение. Будет ли нам – тебе, мне – лучше с кем-то другим? Не думаю.

Я хочу родить от тебя детей. Еще есть время. Тебе известно, что я обеспечена. Почему бы не облегчить себе жизнь? Почему бы тебе не завести детей от жены, которая любит тебя, вместо того чтобы прятать детей любовниц?

Но если ты решишь, что не этого хочешь от жизни, если ты не желаешь жениться на мне, тогда я, несмотря на всю мою любовь к тебе, оставлю тебя, чтобы найти того, кто даст мне то, чего я хочу и чего заслуживаю.

Подумай об этом.

Люблю тебя,

О.

– Она хочет выйти за меня замуж. – Передавая письмо Хэдли, Марк неопределенно пожал плечами.

– Это видно.

– Что ты думаешь?

– Это не худший вариант. Как ты к ней относишься?

– Она никогда не надоедает мне. В ней всегда есть что-то новое. Она обладает каким-то... – Марк искал нужное слово, – бесстрастным разумом.

– Холодным?

– Он зачаровывает меня. И еще я почему-то много работаю, когда она рядом.

– Женись на ней.

– Она старше меня.

– Это же не главное. И ее внешность не выдает возраста.

– Не знаю. Что скажут родители?

– Если ты женишься на женщине с деньгами и перестанешь попадать в неприятности, то, я уверен, они не будут возражать. – Для Хэдли вопрос был ясен. – Тебе просто нужно будет взять на себя определенные обязательства.

– Но я ни разу в жизни не имел обязательств, – возразил Марк.

– Пора начинать.

– Не знаю...

– Иначе ты потеряешь ее. Не думаю, что ее слова – пустая угроза. Она уйдет. – Хэдли пристально посмотрел на Марка. – Наверное, следует ответить вот на какой вопрос: ты сможешь жить без нее?

– Я могу жить вообще один.

– Слова настоящего художника. – Хэдли вздохнул.

– Ты так думаешь? – Марка это удивило.

– Говорят же, что большинство художников – чудовища. Не все, но большинство.

– Я о другом. Ты действительно считаешь меня настоящим художником?

– Ах вот ты о чем. – Хэдли улыбнулся. – Ну, по меньшей мере ты чудовище. Будь доволен уже этим.

Он вернул письмо Марку, и тот бросил листок на стол.

– Кстати, – сказал Марк, – я обещал Мари, что мы встретимся с ней на улице Лаффитт. Нам пора выходить. Об Ортанс я подумаю по дороге.

Галерея Воллара находилась буквально через пару домов от старой галереи Дюран-Рюэля. Ее владелец был не так приветлив, как Дюран-Рюэль, и, не в пример последнему, не поддерживал художников.

– Он просматривает работы, покупает много и задешево и продает быстро. Но у него тем не менее одна из самых интересных выставок, – просвещал Марк своего друга-американца.

Они немного подождали Мари, но она так и не появилась, и тогда они сообщили о своем приходе хозяину галереи.

Воллар был крупным бородатым мужчиной с пронизательным взглядом. Марк попросил разрешения посмотреть Сезанна.

– Он намеренно проигнорирует мою просьбу и принесет что-нибудь другое, – шепнул он Хэдли, и точно, через несколько минут Воллар вернулся с полотном Гогена – сценой на Таити.

Молодые художники рассматривали странные, экзотические цвета.

– Как это мощно, – заметил Хэдли. – Потрясающе!

– Приходите через два месяца, – сказал Воллар. – Я организую большую выставку Гогена.

– Что еще вы бы хотели показать нам? – спросил Марк.

– Как насчет этого? – Воллар вынес небольшой холст с французским сельским пейзажем. В чем-то картина походила на

живопись Гогена, но в ней присутствовала странная нервозность, некое космическое напряжение и страх.

– Кто это? – спросил Хэдли.

– Этот человек умер почти десять лет назад. Его картинами торговал брат. Малоизвестный художник, но хороший. – Воллар хмыкнул. – Я купил несколько штук. Еще не все продал. Они не дорогие. – Особого энтузиазма в его голосе не звучало. – Его звали Ван Гог.

– Не слышал о таком, – признался Хэдли.

– Почти никто не слышал, – сказал Марк. – Купи его холст, если тебе нравится. – Он улыбнулся. – Только не надейся заработать на нем много денег.

Они посмотрели еще несколько работ, надеясь, что Мари вот-вот придет, но так и не дождалась и через полчаса ушли. По дороге обратно в студию Марка они завернули в кафе.

Мари ужасно злилась на себя. Она ходила с матерью за покупками и перепутала время. Оказавшись наконец в галерее Воллара, она узнала, что брат ушел десятью минутами ранее.

От галереи до студии Марка было не более пятнадцати минут пешком, и она решила зайти к нему и извиниться.

Дверь в подъезде была не заперта, поэтому Мари быстро поднялась по лестнице, а перед входом в студию постучала и прислушалась, но оттуда не доносилось ни звука. Мари толкнула дверь – она открылась.

– Марк? – окликнула Мари.

Тишина.

Очевидно, он еще не вернулся. Она не хотела уходить ни с чем и потому предпочла немного подождать. Ну а если он не придет в течение четверти часа, можно будет оставить ему записку.

Мари побродила по студии, посмотрела в окно, бросила любопытный взгляд на приставленные к стене картины. Соблазн посмотреть их был очень велик, но она не хотела огорчать Марка, которому это не понравилось бы.

Она уселась и стала ждать. Прошло двадцать минут. Возможно, он отправился в какое-то другое место, и в таком случае разумнее будет написать ему пару строк. Она огляделась в поисках бумаги и

карандаша. На столе лежало какое-то письмо. Мари машинально взяла его в руки. «Дорогой мой» – стояло в самом начале. Что-то личное. Не стоит его читать. Мари отложила листок. Глянула на него еще раз. И все-таки прочитала.

Потом она услышала на лестнице шаги. Голос Марка. И голос Хэдли. Мари быстро села и постаралась принять безразличный вид. Но лицо у нее было очень бледное.

Марк был удивлен при виде сестры, сидящей в его студии, но улыбнулся.

– Мы не дождались тебя у Воллара! – воскликнул он. – Или ты решила, что мы встречаемся здесь?

– Нет. Это я виновата. Ходила с мамой за покупками и опоздала в галерею. Вот и забежала сюда, чтобы извиниться.

Что-то было не так. Она выглядела больной, ее голос звучал неестественно. Марк бросил взгляд на стол и увидел письмо от Ортанс.

Ему пришлось думать быстро. Сам он не стал бы ничего скрывать от Мари, но родители этого бы не одобрили. А вот если бы его американский приятель вдруг оказался повесой, никто бы не стал переживать. Небрежным жестом он поднял письмо и вручил его Хэдли.

– Не следует разбрасывать повсюду свою корреспонденцию, дружище, – проговорил он вполголоса.

К счастью, Хэдли сразу же сообразил, в чем дело.

– А, – кивнул он, сложил письмо и убрал в карман.

Они поболтали несколько минут. Трудно было сказать наверняка, читала Мари письмо или нет, и Марк не собирался спрашивать ее об этом. Наконец, еще раз извинившись за сорванную встречу, Мари сказала, что ей нужно возвращаться домой.

Марк закрыл за сестрой дверь и обернулся к Хэдли:

– Спасибо, что выручил меня. Не разрушил ли я твою репутацию?

– Твоя сестра прекрасно воспитана. – Американец вернул ему письмо. – Не думаю, что она прочитала это.

Полчаса спустя удивиться пришлось и тете Элоизе, когда на пороге ее квартиры неожиданно появилась племянница. И выглядела девушка совершенно несчастной.

– Что случилось? – спросила тетя.

Мари опустилась на софу. Она не сразу смогла заговорить.

– Случилось ужасное, – вымолвила она. – Это о Хэдли. У него есть любовница.

Ее тетя улыбнулась с облегчением.

– Моя милая малышка Мари, – мягко сказала она. – Хэдли – видный молодой человек. Если у него есть любовница, то в этом нет ничего ужасного, уверяю тебя.

– Она хочет выйти за него замуж.

– И такое случается.

– А он уже стал отцом. Совсем недавно.

– Откуда тебе известны такие подробности? – Элоиза нахмурилась.

– Я видела одно письмо. Оно было оставлено на столе в студии Марка. Я прочитала его. – Мари затрясла головой. – Это так ужасно!

И заплакала.

Элоиза смотрела на племянницу и думала.

– Почему тебя так волнует, что делает Хэдли?

Мари не ответила. И тогда ее тетя догадалась:

– Бедная Мари. Какая же я глупая. Не подумала об этом. Ты влюблена в Хэдли.

– Нет. Нет.

– Да, влюблена. И в этом нет ничего плохого.

– Только не говорите никому! – вскричала Мари. – Обещайте, что никому не скажете.

И потом она заплакала так, будто у нее сердце разрывалось от горя.

Записка тети Элоизы была очень короткой. Это был приказ. Она передала ее своей экономке с точными инструкциями, а затем вернулась, чтобы позаботиться о племяннице.

Сначала она уговорила ее выпить чая. Затем усадила рядом с собой и стала рассказывать о женщинах, которые любили талантливых мужчин. Она поведала Мари историю Шопена и Жорж Санд – писательницы, влюбленной в него. И историю Вагнера и его последней жены Козимы, которая оставила своего первого мужа, чтобы посвятить жизнь великому композитору. На самом деле тетя Элоиза не имела четкого плана, что говорить. Ее основной целью было отвлечь Мари от горьких мыслей до возвращения экономки. Наконец примерно через

час посланница заглянула в комнату, где сидели дамы, и со значением кивнула.

– Глотни еще чая, милая, мне надо отлучиться на пять минут, – сказала племяннице тетя и вышла.

На улице, как она и велела в записке, ее ждал Марк.

– Ты должен немедленно открыть мне всю правду, – сказала она. – Мари прочитала письмо. Оно было адресовано тебе или Хэдли?

– Мы решили, лучше пусть она думает, что письмо адресовано Хэдли. Вы ведь знаете мнение родителей. Мари не должна знать ничего такого...

– Знаю. Я так и предполагала. Но теперь она плохо думает о Хэдли.

– Разве это так важно?

– Нет, – солгала его тетя. – Это совсем не важно. Только мне жаль Хэдли, ведь ему пришлось взять на себя чужую вину. Некрасиво поступать так с другом, который к тому же приехал из-за границы.

– Вы правы. Мне стыдно, что так получилось. Что, по-вашему, я должен сделать?

– Ничего. Тебе ничего не нужно делать. О Мари я позабочусь. – Тетя Элоиза поджала губы. – Мне надоело все это вранье, Марк, оно мне очень надоело. А теперь возвращайся домой.

Перед тем как начать серьезный разговор, тетя подала Мари рюмку бренди:

– Если я скажу тебе правду, ты сумеешь сохранить все в тайне? Твои родители не должны знать, что тебе все известно. Пообещаешь мне это?

– Наверное... Да.

– Хорошо. Давно пора обращаться с тобой как со взрослым человеком.

– Вот оно что, – сказала Мари, когда тетя закончила. – Значит, Марк очень нехорошо себя вел.

– Мое дорогое дитя, к концу жизни ты узнаешь столько мужчин и женщин, которые совершили то же самое или кое-что похуже, что будешь более снисходительной.

– А Хэдли...

– Письмо было адресовано не ему. И насколько я знаю, у него нет незаконнорожденных детей, в отличие от твоего брата.

– Получается, Хэдли взял на себя вину Марка. Он просто святой.

– Нет, он не святой! – воскликнула тетя под влиянием внезапной вспышки раздражения. – Симпатичный юноша вроде него наверняка должен иметь в прошлом любовницу или двух. – Тетя Элоиза сочла за лучшее сменить тему. – Итак, Мари, ты любишь Хэдли. Догадывается ли он об этом?

– О нет! Надеюсь, что нет.

– А если бы он захотел жениться на тебе?

– Вряд ли папа согласится...

– Он происходит из достойной семьи, как я понимаю. Он католик?

– Я слышала, он говорил Марку, что его семья придерживается протестантизма. – Мари печально покачала головой.

– И жить он, скорее всего, намерен у себя на родине, в Америке. Ты представляешь, каково это – оказаться вдали от семьи, совсем одной? И говорить там придется на английском языке. Там все будет не так, как здесь, Мари. Ты задумывалась над этим?

– В мечтах, – призналась Мари.

– И?..

– Когда он рядом, я так счастлива. Я просто хочу быть с ним. Это все, что я знаю. – Она подняла на тетю сияющие глаза. – Я хочу быть с ним, все время.

– Не могу давать тебе советы. Твои родители наверняка не пожелают расставаться с тобой. Но если вы с Хэдли задумаете пожениться и если они поверят, что ты будешь счастлива с ним, тогда, может быть, согласятся. Точно не скажу.

– Что же мне делать?

– Прежде всего, как мне кажется, нужно, чтобы Хэдли узнал о твоих чувствах. Может случиться так, что ты нравишься ему больше, чем думаешь. Если же твои чувства безответны, то это будет больно, но ты хотя бы не станешь тратить время понапрасну, думая о нем.

– А как это сделать?

– Понятно. – Тетя вздохнула. – Мне давно пора заняться тобой.

Прошла неделя. Письмо от тети Марка и Мари явилось для Хэдли полной неожиданностью. В нем она приглашала его в гости, и он,

разумеется, пришел в назначенный час. Тетя Элоиза радушно приняла его.

– Вы, кажется, еще не видели моей скромной коллекции, – сказала она. – Хотите, я покажу вам ее?

– Очень хочу.

Там было что показывать: несколько произведений Коро, небольшой набросок Милле, сельские пейзажи других представителей барбизонской школы. У нее было более двух десятков полотен импрессионистов, в том числе сценка в балетной школе кисти Дега и даже маленький Ван Гог, которого она купила почти за бесценок у Воллара.

Потом Хэдли замер.

– Я хотел купить эту картину! – воскликнул он.

– «Сен-Лазар» Гёнётта?

– Да. Но мне она оказалась не по карману. Значит, теперь она ваша.

– Не совсем. Мари попросила меня приобрести эту картину с тем, чтобы выкупить ее, когда сможет. Я не знала, что вам это полотно тоже нравится.

– У Мари хороший вкус, – заметил он. – Что ж, раз сам я не могу иметь эту картину, то буду радоваться тому, что она оказалась в вашей семье.

– Конечно, Марк талантлив, но насколько – мы пока не знаем. Зато Мари прекрасно разбирается в живописи. Когда-нибудь у нее будет своя коллекция картин, я уверена в этом.

– Как интересно.

Тетя Элоиза улыбнулась:

– Мари учили быть сдержанной, но она имеет больше мыслей и чувств, чем может подумывать сторонний наблюдатель.

Затем она расспросила Хэдли о лете в Живерни и о работе, запланированной на осень. Беседа текла легко, и Хэдли не пожалел о визите, хотя так и не понял, зачем его пригласили.

Потом раздался стук входной двери, и секунду спустя служанка доложила о приходе Мари.

– Ах, – обратилась к вошедшей тетя Элоиза, – как удачно ты выбрала момент! Смотри, кто у меня в гостях – наш друг Хэдли.

– Действительно! – сказала Мари и одарила американца лучезарной улыбкой.

– Посиди с нами, – пригласила ее тетя.

Хэдли не мог отвести от Мари глаз. Что-то в ней изменилось. Сначала он даже не мог сказать, что именно в ней не так, но сразу увидел, что Мари стала другой. Выглядела она превосходно, однако поразило его не это, а новое для нее поведение, пронизанное спокойной уверенностью в себе. Каким-то неуловимым образом девушка с голубыми глазами и золотистыми локонами вдруг превратилась в осознающую свои силы молодую женщину.

Она не могла выйти замуж за прошедшую неделю. И Хэдли практически не сомневался, что у нее не было ни с кем романа. В чем бы ни была причина, она вдруг стала необыкновенно притягательной. Может, сменила духи?

– Выяснилось, что Хэдли тоже хотел купить твою картину с вокзалом, – сказала тетя Элоиза.

– Тогда, может, следует отдать ее вам, – предложила Фрэнку Мари.

– Нет, ни в коем случае, – быстро сказал тот, – она ваша. Но я не откажусь от своего права вам завидовать.

Тетя Элоиза упомянула несколько других полотен из ее коллекции, которые понравились американцу, а потом поднялась.

– Хэдли, мне придется оставить вас на попечение моей племянницы, – сказала она. – Я должна отлучиться по делу, но скоро вернусь.

Несколько секунд они сидели молча.

– У вашей тети замечательное собрание картин, – наконец сказал Хэдли, который все еще пытался сообразить, что изменилось в Мари.

– Да, – коротко ответила девушка. – Хэдли, мне, пожалуй, надо признаться вам: я все знаю про Марка.

– Да?

– О письме, о женщине и о ребенке.

– Вот как.

– Тетя Элоиза решила, что мне пора повзрослеть. – Она улыbnулась. – Только не проговоритесь моим родителям о том, что мне это известно.

– Хорошо.

– Должно быть, в Америке все иначе. От американских девушек не прячут правду жизни.

– Америка отличается от Европы не так уж сильно.

– Так или иначе, моя тетья решила, что все это глупо. Я достаточно взрослая, чтобы выйти замуж.

– Да.

– Но меня до сих пор держали в полном неведении о многих вещах и называли это невинностью. Все, с этим покончено. Возможно, вы порицаете решение моей тети.

– О нет.

– С вашей стороны было очень благородно признать своим письмо, написанное моему брату. Это означает, что вы хороший друг. Правда, мне кажется, вам не следовало так поступать.

– На его месте я сделал бы то же самое, – ради друга солгал Хэдли.

– Вы хотите сказать, что у вас есть любовница, которая желает выйти за вас замуж, и, кроме того, незаконнорожденный ребенок?

– Нет. – Американец рассмеялся. – Нет ни того ни другого.

– Хорошо, – сказала Мари.

Вернулась тетья Элоиза.

– Не выпить ли нам чая? – обратилась она к гостям.

– Мне пора идти, – отказалась Мари. – Я бы с удовольствием осталась, но я шла к Рошарам и заглянула к вам, только чтобы передать приглашение на обед в воскресенье. И поскольку я застала вас здесь, месье Хэдли, не передадите ли вы Марку, чтобы и он пришел. И вы тоже приглашены!

– Спасибо, вы очень добры.

– Ну, тогда до воскресенья.

Мари поцеловала тетью и ушла.

После чая Хэдли поднялся, также собираясь попрощаться. Он поблагодарил Элоизу за отлично проведенное время.

– Я рада, что вам понравились мои картины.

– Очень понравились. – В дверях он помедлил. – Меня весьма поразила перемена в Мари.

– Хм... Ей пора замуж. Так что самое время для нее... проснуться. Она удивительная девушка, вы не находите?

– Да.

– Кажется... – пробормотала ему вслед тетья Элоиза едва слышно, но Хэдли был уверен в каждом слове, – кажется, вам тоже не помешало бы открыть глаза.

Тетя Элоиза была довольна: семейный обед шел как нельзя лучше. Казалось, все находились в отличном расположении духа. Даже Жерар держался любезно. Мари сияла. И если только тетя Элоиза не принимала желаемое за действительное, Фрэнк Хэдли наблюдал за ее племянницей с более пристальным, чем обычно, интересом. Все, что им сейчас требовалось, – это провести вместе хотя бы немного времени. И за десертом появилась возможность это устроить.

Обсуждали статую Карла Великого. Жюль был весьма удовлетворен деятельностью комитета по сбору средств.

– Мы собрали нужное количество денег, – поделился он с компанией за обеденным столом. – Жаль, что виконт де Синь не дожил до этого дня, он был бы рад. Кстати, тот адвокат Ней, чью дочь ты рисовал, оказался очень и очень полезен.

– Говоря о скульптуре, – заметила его жена, – я слышала, что в газетах разразился настоящий скандал из-за скульптора Родена. Это правда?

– «Поцелуй» и «Мыслитель» Родена получили большую известность в Америке, – вставил Хэдли. – Но о скандале я ничего не знаю.

– Это не совсем скандал, – сказал Марк. – Почти десять лет назад он получил от Общества литераторов заказ на большую статую Бальзака. По мнению многих, это один из наших величайших романистов, и поэтому требовалось возвести нечто монументальное. Роден только недавно закончил работу. Он полсотни раз просил продлить срок выполнения заказа. А теперь Общество посмотрело на статую и отвергло ее.

– Почему? – спросила Мари.

– Я слышал, что статуя чудовищна, – сказал Жерар.

– О нет, Жерар, – поморщилась тетя Элоиза.

– Вообще-то, он прав. – Марк усмехнулся. – Она чудовищна. Но при этом величественна. Поставленный перед столь героической задачей, Роден попытался изобразить не столько конкретного человека, сколько душу писателя. Результат – фигура в форме ствола, закутанная в плащ, с огромной головой, с шеей как у быка, и такая напряженная, как будто вот-вот взорвется. Заказчики пришли в ужас. Поэтому Роден забрал гипсовую модель обратно в студию. Вероятно, статую не будут отливать. – Он улыбнулся. – Лично я предпочел бы, чтобы на кладбище

Пер-Лашез установили это чудовище, а не ту скучную голову, которая сидит сейчас над могилой. – Он обратился к Хэдли: – Ты помнишь ее?

– Знаешь, – сказал тот, – я никогда не был на кладбище Пер-Лашез.

– Не были?! – повторила изумленная тетя Элоиза. – Мой дорогой Хэдли, вы обязательно должны там побывать!

– Обязательно, – согласился Жюль, – там есть на что посмотреть.

– Я могу проводить вас, – выступила с предложением тетя Элоиза, поняв, что подвернулся удобный случай. – Марк и Мари, вы тоже обязательно должны пойти с нами. И сделаем мы это прямо на следующей неделе, пока погода не испортилась. – Она обвела взором приглашенную молодежь.

– Почему бы и нет? – отозвался Марк.

Тетя Элоиза тихо радовалась своей ловкости, когда услышала слова Жерара:

– Думаю, это прекрасная идея. Мы с женой с удовольствием присоединились бы к вам.

– Мой дорогой Жерар, боюсь, тебе станет скучно, – запротестовала она.

– Ничего подобного. Мы едем с вами.

Когда Хэдли зашел за Марком, ему показалось, что друг выглядит бледным.

– Что-то не так? – спросил Фрэнк.

– Ортанс, – коротко ответил Марк.

– Вы говорили?

– Если это можно назвать разговором.

– Ты порвал с ней?

– Да.

– Надеюсь, ты знаешь, чего хочешь. – Хэдли задумчиво смотрел на друга.

– Она не обрадовалась.

– Я не удивлен.

– Называла меня разными словами. – Марк вздохнул, пожал плечами. – Однако для меня это не в новинку.

– Догадываюсь.

– Поехали-ка на Пер-Лашез, – сказал Марк.

День стоял поистине великолепный. Погода пока была теплой, и листья еще оставались на деревьях. Но порой, когда легкий порыв ветра шевелил кроны, в них мелькали кое-где золотистые вкрапления и два-три листка слетали на землю.

Двое молодых художников и тетья с племянницей погрузились в экипаж Бланшаров. Жерар с женой должны были встретиться с ними на кладбище.

Однако по приезде к воротам они обнаружили там несколько иную компанию, чем ожидали.

– Жена не смогла поехать, – объяснил Жерар, – ей пришлось остаться с детьми. Поэтому я взял с собой своего друга. Позвольте представить вам Реми Монье.

Это был хорошо одетый мужчина лет тридцати, среднего роста, с внимательными карими глазами. Коротко остриженные волосы явно проигрывали бой наступающей лысине. Но первым делом в глаза бросалась его энергичность. Он производил впечатление человека, который умеет рисковать и хорошо разбирается в своем деле.

Монье поклонился всем и сначала обратился к тете Элоизе, как того и требовал хороший тон.

– Реми – очень хороший человек, – тем временем прошептал Жерар на ухо Мари. – Из богатой семьи, но у него несколько братьев, поэтому он настроен сколотить собственное состояние. И у него это получится. Он занимается банками, у него огромный талант к финансам. И он не еврей. Думаю, тебе он понравится. – (Мари ничего не сказала.) – Ах да, – продолжал Жерар, – и он понимает толк в винах. А еще коллекционирует картины. В основном старых мастеров. Любит оперу. Очень образованный. Даже не представить, сколько всего он прочитал.

– А поэзию? – спросила Мари, хотя это интересовало ее меньше всего.

– Наверное. Он все читает.

Мари смотрела на банкира. В таких вещах она была абсолютно несведуща, но почему-то ей подумалось, что Реми Монье еще и опытный любовник. Наверняка он позаботился и об этой стороне своего образования.

Осмотр знаменитого кладбища был весьма познавателен. Они показали Хэдли памятник Абеяру и Элоизе, отыскали могилу Шопена, посмотрели на выразительный, хотя и довольно традиционный бюст Бальзака, увидели усыпальницы наполеоновских маршалов и сходили к Стене коммунаров, где Элоиза рассказала Хэдли о трагедии последних дней Коммуны.

Банкир во время прогулки держался возле Мари и вел с ней легкий и приятный разговор. Он расспросил, как она провела лето, поделился интересной информацией о замке Фонтенбло, который очень хорошо знал. Потом они поговорили об урожае винограда.

– Обычно я каждую осень езжу на наш маленький виноградник, чтобы помочь со сбором ягод, – сказала она Монье. – Но пока не решила, поеду ли в этом году.

– Такие события нельзя пропускать, – сказал банкир. – Мне придется оставаться в Париже, хотя я всей душой предпочел бы быть с вами на винограднике.

Мари отметила, что Монье точно угадал, какой сорт винограда они выращивают и какое вино делают, и для этого ему достаточно было узнать местоположение виноградника Бланшаров. Он действительно хорошо разбирался в винах.

Она желала бы, чтобы вместо банкира с ней шел и беседовал Фрэнк Хэдли, но тем не менее не могла не признать, что начитанный и превосходно образованный Реми Монье мог бы заинтересовать любую женщину.

Когда они увидели на Пер-Лашез все, что хотели, тетя Элоиза объявила, что они с Мари собираются еще погулять в чудесном парке Бют-Шомон, расположенном по соседству с кладбищем.

– Вы с Марком, конечно, поедете с нами, – сказала она американцу.

– Мы последуем за вами в наемном экипаже, – заявил Жерар.

– Итак, Хэдли, – произнесла тетя Элоиза с улыбкой, когда их экипаж тронулся с места, – вы уже много месяцев совершенствуете во Франции свое мастерство художника, а я еще ни разу не поинтересовалась у вас: удовлетворены ли вы результатом? Нашли ли вы здесь то, к чему стремились?

– Благодаря вот этому молодому человеку, – Хэдли указал на Марка, – и великодушную его родных я оказался более удачлив, чем мог

надеяться. Многие люди приезжают во Францию и видят ее снаружи, но я, познакомившись с вашей семьей, уже узнал о Франции гораздо больше, чем иной иностранец узнал бы за несколько лет.

– Это верно в отношении любой страны, – сказала тетя Элоиза, – но для Франции – да, особенно характерно. Скажите же мне, только честно, умоляю: вам здесь нравится?

– О, я влюбился в вашу страну, – просто ответил Хэдли.

– Влюбились? – переспросила Мари.

– Я не говорю, что у Франции нет недостатков. Мне кажется, французы чересчур увлечены своей историей, но ваша культура так прекрасна, что это извинительно, и никто не назовет Францию старомодной. Может, новые достижения техники чуть запоздало находят здесь применение, зато все новые художественные и философские идеи рождаются тут. Вот почему сюда валом валят молодые американские художники.

– А как продвигается ваше обучение живописи? – поинтересовалась тетя Элоиза. – Есть какие-то успехи?

– Какие-то есть. – Он замялся, а потом грустно добавил: – Но ничего серьезного.

– У тебя есть талант, – сказал ему Марк.

– Есть, Марк, только совсем небольшой. Это то, что я здесь понял. Я буду изучать живопись всю жизнь, но живописцем не стану. Мне нужно было определить это, и я уже увидел во Франции столько, что осознал границы своих возможностей. Я не разочарован, просто нужно было разобраться.

– Сдаваться рано, – заявил Марк. – Скажи ему, Мари.

– В Фонтенбло я видела, как работает Хэдли, и на меня это произвело большое впечатление, – поделилась своим мнением Мари. – Но было бы интереснее послушать его самого.

– Я решил, что хочу жить примерно как мой отец. Я не хочу заниматься коммерцией, потому что слишком полюбил мир, в котором живешь ты, Марк, и твоя тетя. Если хорошенько поискать, то можно найти должность преподавателя в художественных школах или университетах Америки. Такая работа оставит достаточно свободного времени, чтобы заниматься тем, что мне нравится, и путешествовать летом. Может, я не разбогатею, но мне повезло: моего личного состояния хватит на жизнь.

– Вы могли бы купить дом во Франции и проводить летние месяцы здесь, – сказала Мари.

– Да, такое возможно. – Хэдли улыбнулся. – Спасибо за хорошую идею.

Они подъехали к воротам парка Бют-Шомон.

– Марк, подожди здесь Жерара и его друга, – попросила тетя Элоиза. – Потом отведи их к маленькому храму на вершине скалы, мы будем там.

И с этими словами она увлекла Хэдли и Мари на одну из аллей парка.

Было тепло и тихо. Неспешно шагая по извилистой дорожке, бегущей вниз к озерцу, они не встретили ни души. Посреди озера возвышался остров с крутыми берегами, а венчал его тот самый храм, о котором тетя Элоиза говорила Марку.

– Сюда, – сказала она и повела их по краю озера.

Вскоре послышался шум падающей воды.

– Это одна из достопримечательностей парка, – пояснила тетя Элоиза Фрэнку. – Здесь был вход в старый карьер, где добывали известняк, а потом его превратили в грот с искусственным водопадом и сталактитами.

Они вошли в грот. Там тоже было безлюдно.

– Я пойду проверю, не подошли ли мужчины, – сказала тетя Элоиза и оставила Мари с американцем.

Вода переливалась через валуны восхитительными каскадами. Сталактиты, огромными зубцами свисающие со свода пещеры, создавали атмосферу сказки. Стоя бок о бок, молодые люди нашли взглядом место, откуда водопад берет начало, – отверстие у них над головой, залатанное лоскутом голубого неба. Потом Мари шагнула вглубь пещеры, под фестоны сталактитов, и оттуда наблюдала за Хэдли, который исследовал окрестности водопада. Впервые она оказалась с ним наедине. Сердце в ее груди билось как сумасшедшее, но Мари не двигалась. Наконец он вернулся к ней.

Она смотрела на него и едва не дрожала, однако держала себя в руках, направив всю свою волю на то, чтобы сохранять спокойный вид.

– Похоже, я осталась без компаньонки, – негромко проговорила Мари.

– Очевидно, ваша тетя знает, что я не поведу себя как Марк. – Американец взглянул на нее с неуверенной полуулыбкой.

Она чуть заметно приподняла плечо и продолжала смотреть на него:

– Почему?

Тогда он взгляделся внимательнее: Мари стояла, подняв к нему лицо и приоткрыв рот. Фрэнка Хэдли окатила мощная волна желаний. Может, он еще устоял бы, но тот факт, что она знала о поступках своего брата и сама рассказала об этом Хэдли, каким-то образом уничтожил устрашающий барьер ее невинности. Для него она теперь была женщиной. Он наклонился и поцеловал ее.

И вдруг Мари почувствовала, как все ее существо отвечает на этот поцелуй. Она запрокинула голову, упала в его сильные объятия и протянула к нему руки, обхватив за шею; ей хотелось прижаться к нему как можно сильнее, и казалось, что вот-вот она потеряет сознание.

– Во имя всего святого! – вдруг раздался голос, рывком вернувший их с неба на землю. – Что здесь происходит?

Это был Жерар. Они отпрянули друг от друга.

– Мари, ты сошла с ума?

Командование взял на себя Жерар. Уж теперь-то все должны делать так, как он скажет. Ни слова, приказал он. Никому, даже Марку.

По крайней мере, хвала небесам, Реми Монье не знал о том, что произошло в гроте. В противном случае Мари теряла бы всякие шансы на брак с ним и, что гораздо хуже, новость легко стала бы достоянием всего Парижа.

Даже тетя Элоиза, столь опрометчиво оставившая их вдвоем, вынуждена была молчать. Ее поступок только подтвердил убеждение Жерара в том, что тетя – безответственная дурочка. Если бы он не решил спуститься туда, где стояла Мари с американцем, а пошел бы по другой тропе, на которой караулила его тетя, то неизвестно, куда бы привела эта затея. И что бы они все тогда делали?

А так они чинно двинулись осматривать ротонду на вершине скалы. Мари шла вместе с тетей, Жерар с Хэдли, все любовались изящной постройкой и открывавшимися отсюда видами. Монье заявил, что получил от прогулки истинное удовольствие.

Когда они вышли из парка, Жерар выдвинул вполне разумное предложение: сам он проводит Хэдли, ибо еще не имел случая с ним поговорить, а остальные пусть садятся в семейный экипаж и подвезут до дому Реми Монье, который жил у парка Монсо, что было почти по дороге.

Вот так Реми Монье оказался сидящим напротив Мари, а Жерар увел с собой Хэдли.

Времени он не тратил. Но, к удивлению Фрэнка, повел себя Жерар в высшей степени дружелюбно.

– Дорогой Хэдли, прошу простить меня, но я обязан был защитить репутацию сестры, раз уж моя тетя с этим абсолютно не справилась. На моем месте вам пришлось бы поступить так же.

– Вина целиком и полностью на мне, она не... – начал Хэдли, но Жерар не желал ничего об этом слышать.

– Тот грот – очень романтическое место, а моя сестра... По-моему, она воплощает собой все, о чем только может мечтать мужчина.

– Я не стану возражать.

– Вы поцеловали ее. Любой мог сделать то же самое. Поэтому-то молодых девушек не оставляют одних.

– Ничего неуважительного в моих действиях не было, уверяю вас.

– Разумеется, не было. Мы знаем, что вы порядочный человек. Мой брат Марк, которого мы все любим, не такой. Его семья осознает это, и вы, я уверен, тоже. Более того, мои родители надеялись, что вы окажете благотворное влияние на Марка. Но скажите мне, Хэдли, каковы ваши намерения? Вы хотите жениться на моей сестре?

– Об этом я еще не думал, – честно ответил американец. – Все произошло так внезапно. Но я не отказываюсь...

– Хэдли, вы нам очень нравитесь, – провозгласил Жерар. – Но вам никак нельзя жениться на Мари. Об этом не может быть и речи. Подумайте сами. Вы собираетесь вернуться в Америку. Неужели вы готовы оторвать Мари от ее семьи? Будет ли она там счастлива? Мои родители не одобряют этого брака, и я тоже категорически против – по причинам, которые назвал. И, кроме того, вы протестант, Мари – католичка. Вы планируете перейти в нашу веру? Потому что она в любом случае останется в лоне своей Церкви. – И на этом Жерар решил

поставить точку. – Вы считаете, Мари влюблена в вас? – лишь спросил он, высаживая Хэдли.

– Мне это неизвестно.

– Мне тоже. Но если влюблена, то лучшее, что вы можете для нее сделать, – это оставить в покое. Не возбуждайте надежд, которым не суждено сбыться, – это жестоко.

Поднимаясь в свою квартиру, Хэдли думал, что в словах несимпатичного ему Жерара есть довольная большая доля истины.

Решение он принял быстро, уже на следующий день. Ход его рассуждений был прост: с профессиональной точки зрения цель его пребывания во Франции достигнута. Ничто не мешает ему вернуться в Америку и приступить к устройству своей жизни.

При иных обстоятельствах, думал он, можно было бы задержаться, подольше побыть в обществе Мари. Кто знает, может, он и вправду сделал бы ей предложение. Мысль о возможности жить в Европе и проводить лето во Франции была заманчива.

Но если их заведомо ждет упорное сопротивление семьи, то какой в этом смысл? Для разумного и порядочного человека выход был только один.

Продумав все, он послал отцу телеграмму и пошел к Марку:

– Мой отец болен. Я должен немедленно возвратиться в Америку.

– Дорогой Хэдли, мы только что начали привыкать к тебе! Я в отчаянии.

– Мне не хочется уезжать, но... Ничего не поделаешь.

Потом он нанес визит Мари и ее родителям.

У Жюля и его жены не было оснований ставить под сомнение объявленную причину внезапного отъезда, и они взяли с Фрэнка обещание сразу возобновить знакомство, если он когда-либо вновь окажется в Париже.

– А если вы соберетесь в Америку, – сказал он в ответ, – мои родители и я будем счастливы принять вас у себя.

– Если мы поедem туда, мой дорогой Хэдли, вы узнаете об этом первым, – заверил его Жюль.

Разговор с Мари не был столь же легким.

– Это из-за меня вы уезжаете, да? – сразу спросила она.

- Нет, вовсе нет.
- Что наговорил вам Жерар?
- Ничего особенного. Он был весьма дружелюбен. Но тем не менее он стремится уберечь вашу репутацию, и это его долг.
- Ваш отец правда болен?
- Боюсь, это так.
- Вы вернетесь, когда он выздоровеет?
- Я не думал еще ни о чем, кроме того, что нужно как можно быстрее оказаться рядом с ним.
- Прощайте, Хэдли. – Она кивнула и протянула ему руку.

После его ухода Мари сказала родителям, что хочет немного отдохнуть. Потом она закрыла дверь в свою комнату, беззвучно заперла ее на ключ, уткнулась лицом в подушку, чтобы никто ничего не услышал, и рыдала целый час. Она знала, что потеряла Хэдли навсегда.

Через два дня она отправилась на семейный виноградник, чтобы принять участие в сборе урожая.

Миновала неделя после ее возвращения в Париж, когда к Жюлю Бланшару явился с визитом Джеймс Фокс.

- Я пришел по личному вопросу, – объяснил он.
- Мой дорогой Фокс, что я могу сделать для вас?
- Я должен сказать одну вещь, которая вам может не понравиться. Я очень люблю Мари и хочу просить вашего разрешения уведомить ее о моих чувствах.

- Она догадывается о них?
- Насколько я могу судить, нет. Вы первый, кому я открылся.
- Вы поступили благоразумно. Но я не удивляюсь этому. Давно ли вы любите ее?

– С того момента, как встретил ее. Это была любовь с первого взгляда. Но с тех пор я хорошо узнал ее и полюбил еще сильнее за душевные качества и ум. А иначе я не стоял бы сейчас перед вами, прося ее руки.

Жюль подумал над его словами:

- Фокс, вы нам симпатичны, и, по-моему, из вас выйдет очень хороший муж. Я не знаю, что скажет Мари относительно вашего предложения, а это решение принимать только ей.

– Меньше всего я хотел бы жениться на женщине, которая не желает видеть меня своим мужем.

– Конечно. Но должен предупредить, что даже в случае обоюдности ваших чувств остается проблема вероисповедания.

– Для меня это тоже проблема. На эту тему я имел долгую беседу с отцом, который желал бы, чтобы я женился на протестантке.

– Да. Об этом я и говорю.

– Однако мой отец – реалист, и, понимая силу моих чувств, он предложил выход. Очень надеюсь, что вас он не шокирует, так как для меня это единственный шанс жениться, не причиняя горя своей семье.

– Слушаю вас.

– После свадьбы я останусь протестантом, а моя жена останется католичкой.

– Это допустимо. Но что будет с детьми? Их вероисповедание не менее важно.

– Во Франции общество преимущественно католическое. В Англии же люди обычно принадлежат к Англиканской церкви, и, если говорить честно, многие до сих пор с подозрением относятся к католикам. Поэтому мой отец предлагает следующее: пока мы живем во Франции, а это продлится некоторое количество лет, дети будут воспитываться в католической вере. Однако, если впоследствии интересы фирмы потребуют моего присутствия в Лондоне, тогда вся семья будет ходить в англиканскую церковь. Так вышло, что ближайший к нашему дому храм – это так называемая высокая церковь, которую католики порой принимают за свою.

– В вашем предложении есть некоторая доля лукавства.

– Да, я понимаю.

– Я хочу знать, что скажет о таком плане Мари. Ей нужно рассказать о нем.

– Конечно.

– Моей жене он точно не понравится.

– Говорить жене или нет, будет зависеть только от вас. – Фокс понимал, что ступает по тонкому льду. – Эта небольшая уловка никому не бросится в глаза.

– Верно, верно. Тем более что ваш план для Франции нас устраивает. Хотя подчеркну, что от жены у меня нет секретов.

– Разумеется.

– Знаете что, приходите-ка через неделю. Я пока поговорю с Мари и с женой... А потом дам ответ.

– Это все, о чем я прошу.

Жюль Бланшар улыбнулся:

– Каким бы ни оказался мой ответ, мой дорогой Фокс, хочу сказать, что своим предложением вы оказали нам честь.

Два дня спустя Жюль передал Мари свою беседу с Фоксом со всеми подробностями.

– Фокс – очень приятный человек, – сказал он ей, – и мне показалось, что он действительно любит тебя. Поэтому я хочу, чтобы наш ответ ему был продуманным и однозначным.

– По крайней мере, с ним я не буду несчастна, в этом я точно уверена, – сказала Мари. А это куда лучше, чем ее нынешнее состояние, мысленно добавила она. – Но до сих пор я воспринимала его только как друга.

– Дружба может стать прекрасной основой для развития отношений, – заметил ее отец.

– Да. Может, ты дашь ему разрешение ухаживать за мной? Тетя Элоиза будет сопровождать меня, когда необходимо. И тогда мы посмотрим, что у нас получится.

Глава 14

1903 год

Прошло уже несколько лет с тех пор, как умерла мать Эдит. Вскоре после этого Аделина предложила Нею, чтобы Эдит со своим мужем, Тома Гасконом, и детьми переехала в большой дом.

– У меня артрит, я не могу больше работать так быстро, как раньше, месье, – объяснила Аделина. – Так что мне нужна помощь Эдит. Если бы она находилась под рукой в любое время, было бы гораздо удобнее.

– Где же они будут жить?

– На чердаке пустуют три или четыре помещения. У Тома хорошие руки. Он сделает там ремонт, и вам не придется за это платить.

Такое решение всех устроило. Эдит продолжала служить за те же деньги, но жила в доме Нея, не платя аренду. У Тома была работа на стороне, но он не отказывался помочь, если в доме нужно было что-то починить или подновить.

– С детьми у нас в доме будет настоящая семейная атмосфера – при условии, что они не будут мешать постояльцам, – рассудил месье Ней.

Эдит находила, что месье Ней с возрастом стал мягче. У нее было уже четверо детей: старший Робер, Анаис, второй мальчик Пьер, которому уже исполнилось пять лет, и малышка Моника, всеобщая любимица. И поскольку у Нея своих внуков не имелось, старый юрист для них превратился в дедушку: время от времени он приносил им шоколадки, конфеты и маленькие подарки.

Ортанс так и не вышла замуж. На рубеже веков она сказала отцу, что врач посоветовал ей проводить зимы в более теплом климате, и с тех пор большую часть времени жила в Монте-Карло.

Однако портрет Ортанс, написанный Марком Бланшаром, занимал почетное место в холле. Ней изначально планировал украсить картиной собственное жилище, но так гордился ею, что только холл с его

великолепной архитектурой и роскошной лестницей показался ему достойным местом для полотна.

С течением лет Тома Гаскон и вся его семья стали воспринимать старинный особняк как свой собственный дом.

Одним холодным мартовским днем месье Ней прибыл с видом очень довольного собой человека. Раздав детям леденцы, он призвал Эдит и Аделину и сделал удивительное объявление:

– Я перебирал старые бумаги и кое-что обнаружил. Вы знаете, каков возраст мадемуазель Бак?

– Ей уже точно больше девяноста, – предположила тетя Аделина.

– Нынешним летом ей исполнится ровно сто лет! И у меня есть документы, где указана дата ее рождения.

– Это доказательство вашей щедрости и заботы, которой вы ее окружали все эти годы, – заявила Аделина.

– Да, так. И мы устроим в честь этого события праздник. Мадемуазель Бак будет участвовать, даже если смысл происходящего до нее не дойдет.

– Вы так добры, месье.

– Но это еще не все! Вы подумали о том, как этот юбилей скажется на нашей репутации? Редкий принт для стариков может похвастаться жильцом такого возраста. Мы попадем на первые полосы! Нас назовут лучшим заведением подобного рода в Париже!

Эдит еще ни разу не видела стряпчего в таком возбуждении.

– Вы сообщите мадемуазель Бак? – спросила она его.

– Да, думаю, надо это сделать. Сию минуту пойду и сообщу, даже если она ничего не поймет.

И он торопливо вышел из комнаты.

Они прождали его не менее получаса.

Нашла его Эдит. Он лежал в холле перед портретом дочери. Упал ли он на пути к мадемуазель Бак или уже исполнил свою миссию, когда это случилось, – этого Эдит не могла сказать, однако было ясно: с месье Неем случился удар и он уже не дышит.

Прибыв из Монте-Карло, Органс все организовала быстро и без лишних слов. Проследила за тем, чтобы на похоронах присутствовало

человек двадцать клиентов и соратников по благотворительным начинаниям, в том числе Жюль Бланшар. Это внушительное собрание, несомненно, порадовало бы ее отца, если бы он его увидел. Священник, посещавший при жизни Нея его заведение, сказал краткую речь, в которой упоминались некоторые факты из родословной, включая намек на возможную связь с Вольтером, и превозносилась неутомимая деятельность стряпчего на стезе обеспечения удобства и довольства всех тех, кто находился на его попечении.

Как оказалось, Ней успел сделать кое-что и для себя, а именно приобрел участок на кладбище Пер-Лашез: пусть не совсем там, где размещалась могила его выдающегося родственника – среди других наполеоновских военачальников, – но в пределах видимости оттуда.

Вскоре после погребения Ортанс снова отбыла на юг, велев Аделине и Эдит содержать дом престарелых обычным порядком вплоть до ее возвращения в мае.

Кончалась вторая неделя мая, когда Ортанс наконец вернулась из Монте-Карло, но не одна: с ней был очень красивый смуглокожий господин по фамилии Иванов, которого она представила как своего финансового советника.

– Иванов – это же русская фамилия? – обратилась к нему тетя Аделина.

– Да, русская, – ответил он. – Но моя мать была из Туниса.

Блестящие черные волосы месье Иванов носил зачесанными назад, и его одежда была отменного покроя. Говорил он мало, но неизменно держался возле Ортанс.

Она же провела в доме отца месяц и почти каждый день заглядывала в приют. Тетя Аделина рассказала ей о желании отца отметить столетний юбилей мадемуазель Бак, но Ортанс заявила, что слишком занята и с этим придется подождать.

Как-то раз она явилась в сопровождении пожилой пары и провела два часа, обходя с ними весь дом, заглядывая в каждую комнату.

В середине июня, ближе к вечеру, когда Тома и Эдит уже уложили детей и сидели в комнате тети Аделины, Ортанс в сопровождении месье Иванова зашла к ним, чтобы сообщить важную новость.

– Я возвращаюсь в Монте-Карло, – сказала она. – Этот дом продан. Новые владельцы не нуждаются в помощи, так что вам придется уехать

отсюда. Они вступают в права завтра, но вы можете жить здесь еще две недели.

– Нам некуда идти! – запротестовал Тома.

– У вас целых две недели. – Она пожала плечами. – Этого вполне достаточно, чтобы что-то придумать, по крайней мере временно. – Затем она обратилась к Иванову: – В холле висит мой портрет. Заберите его. Он принадлежит мне. А я пойду попрощаюсь кое-кем с из постояльцев.

Тетя Аделина, Тома и Эдит молчали, огорошенные известием, месье Иванов удалился снимать со стены картину, а Ортанс отправилась наверх. Эдит спохватилась и пошла вслед за ней. Она не собиралась сдаваться без сопротивления.

– Мадемуазель Ортанс, неужели вы не можете дать нам немного больше времени? У меня четверо детей.

– Вам придется что-нибудь придумать. Я дам вам хорошую рекомендацию.

– Мы с моей тетей много лет работали на вашего отца. Разве он никак не захотел поблагодарить нас за службу?

– Нет.

Не останавливаясь, Ортанс поднялась под самую крышу. Эдит осталась стоять в коридоре, а дочь покойного юриста вошла в комнату мадемуазель Бак. Там было тихо.

– Мадемуазель Бак, – отчетливо произнесла Ортанс Ней, – вы меня слышите?

От железной кровати не донеслось ни звука.

– Месье Ней скончался, – продолжила после паузы Ортанс. – Дом продан, и все разъехались. Вы остались тут одна. – Она опять сделала паузу, будто давая старухе время осознать ее слова. – Вам пора умирать, – сказала она, развернулась и ушла.

Они спустились по главной лестнице. Внизу, в холле, месье Иванов ждал Ортанс с портретом в руках.

– Что вы сказали старой даме? – поинтересовался он.

Ортанс изогнула одну бровь:

– Правду. – Она открыла тяжелую парадную дверь. – Пойдемте.

А Эдит застыла посреди холла в полном одиночестве, не представляя, что теперь делать.

Глава 15

1907 год

Роланд де Синь не в силах был поверить своим ушам. Теперь он звался капитан де Синь, а его друг капитан стал командиром полка. При всем своем уважении к старшему товарищу де Синь был убежден, что тот заблуждается.

– Уверяю вас, дорогой друг, все это чистая правда, – говорил его бывший начальник. – Тогда я вам ничего не рассказал, потому что негодяя спугнул тот официант из «Мулен Руж», которому, кстати, вы обязаны жизнью. Но мы все присматривали за вами. После смерти вашего отца, как вы помните, наш полк перевели в другое место, и можно было забыть об угрозе. Но теперь мы должны вернуться в Париж, и я счел необходимым известить вас обо всем.

– А как имя того сумасшедшего или злодея? Я даже не знаю, как его называть.

– Жак Ле Сур. Мне ничего не известно о его местонахождении, но не сомневаюсь, что его можно будет найти. Хочет ли он по-прежнему убить вас... Кто знает? – Командир полка улыбнулся. – Просто будьте начеку, когда опять отправитесь к парижской куртизанке!

– Скорее всего, я отправлюсь к тому официанту, – сказал Роланд. – А его как зовут?

– Люк Гаскон.

Найти Люка не составило труда. Теперь он был хозяином кафе рядом с площадью Пигаль, всего в полукилометре от «Мулен Руж».

По сравнению с тем юнцом, каким запомнил его де Синь, Люк раздался вширь, но был все так же хорош собой.

– Я так и подумал, месье де Синь, – спокойно кивнул он, когда Роланд назвал себя. – Слышал, что ваш полк стоял далеко от столицы. Добро пожаловать в Париж.

Роланд вкратце передал то, что узнал о Ле Суре от своего товарища.

– Надеюсь, вы понимаете, – добавил он, – что до последнего времени я понятия не имел, какую услугу вы мне оказали.

– Понимаю, месье.

– Я бы хотел, чтобы вы приняли этот знак моей благодарности. – Роланд вручил Люку конверт.

– Вы очень щедры, месье де Синь. – Приняв его, Люк быстро взглянул на содержимое. – На эти деньги я могу открыть ресторан.

– Главное, не спустите все на скачках, – улыбнулся де Синь. – Но вопрос, который меня сейчас волнует: что мне делать с Ле Суром? Вы не знаете, почему он хотел убить меня?

– Нет, месье. Этого я не смог выяснить.

– Тогда мне следует поговорить с ним. Вам известно, где его можно найти?

– Дайте мне сутки, и я узнаю. Но встреча с ним может быть опасной для вас.

– Я возьму с собой пистолет.

Хорошо было вновь оказаться в фамильном особняке. Теперь, когда его часть расквартировали в Париже, Роланд решил проводить время дома, если это позволяли его полковые обязанности. Большая часть комнат была закрыта, мебель спрятали под чехлами, но старая няня по-прежнему жила там вместе с экономкой и служанкой, чтобы дом не пришел в запустение. Роланд провел чудесный вечер, беседуя с ней.

По большей части Роланд не задумывался о политических событиях, да у него и не было времени, пока полк стоял на восточных границах. Но когда он вернулся в свой старый дом в историческом центре Франции, то не мог не поразиться изменчивости восприятия прошлого и настоящего.

Предки, которые жили в этом доме до него, на протяжении многих веков считали своим врагом Англию. Но теперь все переменялось. Возникла германская империя Бисмарка. Франция перенесла унижение 1870 года и потерю Эльзаса и Лотарингии. Когда он был мальчиком, учителя в католическом лицее внушали, что врагами нации являются немцы и что долг растущего поколения – отомстить за бесчестье Франции.

А кто стал союзником французов в борьбе против кайзеровской Германии? Не кто иной, как англичане, примирившиеся с Францией посредством серии англо-французских соглашений, и русские, которые тоже опасались кайзера.

В старом Париже повсюду, куда ни кинешь взгляд – от средневековых стен Нотр-Дама до сурового Дома инвалидов, – читалась одна и та же история: людей призывали защитить родину, и они гибли тысячами. Кровавая борьба за власть прерывалась попытками найти равновесие между нациями только для того, чтобы краткий мир вскоре вновь взорвался очередными столкновениями.

Роланд гадал, окажется ли его поколение мудрее.

Люк Гаскон сдержал слово. К вечеру он явился к де Синю с адресом типографии на окраине Бельвиля, где работал Ле Сур; также он знал, в какие дни недели его можно там застать.

Роланд приступил к делу на следующее же утро. Его план был прост. Он пообедает в ресторане «Максим». После этого отправится поговорить с Ле Суrom. Вторую половину дня и вечер он оставил свободными, ведь при неудачном стечении обстоятельств он к этому времени будет мертв. Или же будет мертв Ле Сур. В любом случае нет смысла строить планы, когда есть риск, что они будут нарушены.

Прежде чем выйти из дому, он столкнулся с небольшой проблемой: его револьвер трудно было спрятать. В глубокий карман пальто оружие помещалось, но его могли обнаружить, когда Роланд будет раздеваться в ресторане. Другой вариант – положить револьвер в портфель для бумаг, но этого не позволяло положение Роланда. Ни один знатный господин в Европе не появится на людях с ношей в руках – для этого существуют слуги или на крайний случай женщины. В представлении де Синя, даже небольшой кожаный портфель делал его похожим на предпринимателя, а не на аристократа. Если бы он был в военной форме и направлялся на штабное совещание, тогда другое дело. Но он шел в ресторан обедать.

На размышление ушло несколько минут. Если ехать в своем экипаже, то оружие можно оставить там. Легкая коляска отца по-прежнему стояла в каретном сарае, но без лошадей и кучера, и вообще в последнее время Роланд подумывал о том, чтобы купить себе какой-нибудь красивый автомобиль, возможно «даймлер». Однако в

настоящий момент у него не было собственного средства передвижения, так что придется воспользоваться наемным. Как только он окажется в ресторане, то оставит портфель в гардеробе, и если повезет, то никто не увидит, что он прибыл с поклажей. Затем ему пришла в голову мысль незаметно переложить револьвер из портфеля в карман пальто, когда он будет одеваться после обеда. Тогда он оставит портфель в гардеробе и пошлет за ним позднее. Не мог же Роланд допустить, чтобы в случае его гибели от руки Ле Сура в газетах появились сообщения о том, что рядом с телом де Синя был найден какой-то саквояж!

Да, решил он наконец, так и следует поступить.

Несмотря на предстоящее опасное дело, Роланд находился в отличном расположении духа. Стоял яркий октябрьский день. Де Синь рад был вернуться в Париж и предвкушал, как будет знакомиться со всем новым, что появилось в городе за время его отсутствия.

Он порадовался, заметив на столичных улицах автомобили. Их было не так много по сравнению с конными повозками, но значительно больше, чем в провинции. Еще более удивительным нововведением стало метро. Париж медленно привыкал к идее подземных поездов, но когда их наконец запустили, сеть станций разрослась стремительно. И больше всего Роланда поразило изящество, с которым были оформлены наземные входы в метро. Стиль модерн все же оказался не так плох, как ему подумалось несколько лет назад.

Вскоре он взял экипаж и попросил кучера проехать немного вдоль Сены в сторону Дома инвалидов. Ему хотелось осмотреть по дороге три других новшества, которые появились за время его отсутствия. Первым из них был мост.

Мост Александра III построили несколько лет назад. Названный в честь русского царя, который стал союзником Франции в противостоянии германской агрессии, мост поражал воображение пышностью и количеством украшений. По обе стороны моста на высоких столпах-пилонах взвились на дыбы золотые крылатые кони; две нимфы и другие символы указывали на связь Парижа с Санкт-Петербургом. Все это немного чересчур, думал Роланд, осматривая множество скульптур, но в целом – блистательное сооружение.

Прямо напротив моста на другом берегу реки он получил возможность насладиться видом еще двух новых построек: по правую руку от себя Роланд увидел Гран-Пале, а по левую – Пти-Пале.

Если грандиозная выставка 1889 года оставила городу в наследство Эйфелеву башню, то следующая за ней ярмарка на границе столетий подарила два этих замечательных павильона. Пара выставочных залов, обращенных друг к другу, начинались как величественные каменные строения, а затем, вырастая, превращались в стеклянные храмы в стиле боз-ар. Место для них было выбрано превосходно: на противоположных сторонах короткой авеню, ведущей к новому мосту, на фоне зелени Елисейских Полей. Туда, на Елисейские Поля, и направился его экипаж. Через несколько минут он выкатился на площадь Конкорд, свернул в сторону церкви Мадлен, и вот уже слева показался ресторан «Максим».

В «Максим» Роланд до того наведывался всего раз, в далекие девяностые. Тогда это было бистро, едва сводящее концы с концами; теперь оно стало настоящим дворцом.

Конечно, очень помогло выгодное расположение. Ресторан находился на широкой улице между площадью Конкорд и церковью Мадлен, то есть в самом центре Парижа, на пути и богатых парижан, и приезжих. Его фасад был малопримечателен, зато переделка внутреннего убранства вознесла «Максим» на вершину популярности. Войдя, Роланд испытал настоящее потрясение.

Белые скатерти, темно-красный ковер и банкетки вдоль стены – ресторан был обставлен богато, но сдержанно, в стиле «бархатного уюта», который и следовало ожидать от заведения такого уровня. Однако оформительский гений проявился в деталях. Резное дерево, крашенные панели, лампы, даже замечательный расписной потолок из стекла – все было выполнено в стиле модерн. Освещался ресторан неярко, но при этом был ослепительным; он появился относительно недавно, но казался существующим испокон веков. Как все великие гостиницы и рестораны, «Максим» – это не просто место, где можно поесть, – это театр. И произведение искусства.

Де Синь заказал легкий обед из филе морского языка и бокала шабли, а на десерт позволил себе маленькое шоколадное пирожное, которое запил крепким кофе. Он хотел сохранить ясность мысли.

Знакомых лиц в обеденном зале не нашлось, что естественно после столь долгого отсутствия. Роланд уже собирался встать из-за стола, когда идущий мимо господин вдруг остановился:

– Месье де Синь?

Это был Жюль Бланшар, погрузневший со времен их последней встречи, однако в целом все тот же. Роланд тут же поднялся и приветствовал его.

Они приятно побеседовали. Роланд узнал, что Мари и Фокс поженились и уехали в Лондон, где Джеймсу предстояло принять от отца дела. Как похвастался Жюль, английский язык Мари уже знала в совершенстве. Но все равно родители надеялись, что она не слишком задержится в Англии, тем более что у нее уже родилась дочь Клэр.

– Моя внучка будет прекрасно говорить по-английски, – предсказывал ее дедушка. – Но, конечно же, она навсегда останется француженкой.

– Я упустил возможность жениться на вашей дочери, – вежливо сказал Роланд. – Увы, тогда только что скончался мой отец...

Закончили они разговор тем, что де Синь взял с Жюля обещание прийти с женой к нему на ужин.

– У меня будет повод открыть дом, – сказал Роланд.

При условии, само собой, что он доживет до сегодняшнего вечера.

Если не считать двух посещений кладбища Пер-Лашез, Роланд никогда не был в Бельвиле. Типография находилась в промышленной зоне, между стройплощадкой и грязноватым заводоуправлением.

Едва покинув экипаж, Роланд сунул руку в карман пальто и больше не вынимал ее оттуда, придерживая пальцами рукоятку револьвера.

Войдя в типографию, он очутился среди только что отпечатанных материалов, сложенных стопками на полу: плакатов, газет, рекламных листовок. За грязным деревянным прилавком стоял невысокий лысый человек в рабочей блузе. От резкого запаха бумаги и типографской краски у Роланда защипало глаза.

– Я хочу видеть месье Ле Сура.

– Он работает. – Лысый удивился. – Вы договаривались о встрече?

– Прошу сообщить ему, что в Париж прибыл его старый друг и очень хочет увидеться.

Типографский работник с видимой неохотой скрылся за внутренней дверью и через минуту вернулся с сообщением, что Ле Сур никого не ожидал.

– Передайте ему, что я подожду.

Но в этом не было нужды: буквально через пару секунд Жак Ле Сур, ведомый любопытством, сам появился в двери. При виде де Синя он замер. «Значит, он меня знает», – подумал Роланд.

– Мы знакомы, месье? – После краткой заминки самообладание вернулось к Ле Суру.

– Капитан Роланд де Синь. – Роланд не сводил с него пристального взгляда.

– Мне нечего вам сказать, месье.

– Не могу с этим согласиться. Я прошу вас помочь мне разгадать одну тайну. Это займет у вас не больше десяти минут. После чего мы оба можем вернуться к своим делам. Или же я дождусь, когда вы освободитесь после работы.

Жак Ле Сур посмотрел на лысого, который равнодушно пожал плечами, и жестом пригласил де Синя на улицу.

В ста метрах от типографии нашлось маленькое кафе. Помимо владельца, там никого не было. Двое мужчин сели за стол, и Роланд заказал две порции коньяка. В ожидании напитков Роланд держал правую руку в кармане. Ле Сур заметил это.

– Вы пришли с оружием, – сказал он.

– Всего лишь в качестве предосторожности – на тот случай, если на меня нападут, – спокойно ответил Роланд. – Сегодня вечером меня ждут к ужину в одном доме, и будет невежливо с моей стороны не появиться.

Принесли коньяк. Роланд поднял рюмку левой рукой, сделал глоток и поставил обратно.

– Я не знал о вас, месье Ле Сур, вплоть до последнего времени. Будьте добры, расскажите мне: почему вы хотите убить меня?

– С чего вы взяли, что я хочу этого? – На лице Ле Сура не отразилось никаких эмоций.

– Потому что примерно десять лет назад вы караулили меня с пистолетом на улице Бель-Фёй. Я не представляю, что вас на это подвигло, но мое любопытство объяснимо, не правда ли?

Жак Ле Сур помолчал. Сначала казалось, что вместо ответа он сам хотел задать вопрос, но потом передумал.

– Мы недалеко от кладбища Пер-Лашез, – наконец сказал он. – Там есть стена, которую мы называем Стеной коммунаров, потому что там их расстреливали.

– Да, я слышал. И что?

– Их расстреливали без суда. Убивали.

– Говорят, что последняя неделя Коммуны стала свидетелем многих ужасных деяний, совершенных обеими сторонами.

– Мой отец тоже погиб у той стены.

– Сочувствую.

– Вы знаете имя офицера, который руководил расстрельной командой?

– Нет.

– Его звали де Синь. – Теперь Ле Сур пристально наблюдал за выражением лица собеседника. – Это был ваш отец.

– Мой отец? Вы уверены в этом?

– Уверен.

Роланд смотрел на Ле Сура и размышлял. Не было никакого смысла выдумывать такое. Он отвел взгляд.

Не по этой ли причине отец всегда отказывался обсуждать тот период своей жизни? Возможно ли, что память о тех казнях преследовала его до самой смерти? Не она ли заставила его уйти в отставку? Если и так, то свой секрет отец унес в могилу. Вот какие мысли проносились в его голове, но Роланд был слишком горд, чтобы делиться ими с Ле Суrom.

– И этот факт дает вам право убить меня?

– Скажите, месье де Синь, вы верите в Бога?

– Конечно.

– А я не верю. Поэтому и не могу утешаться надеждой на загробную жизнь. Когда ваш отец убил моего, он забрал у него все, что было. Все.

– В таком случае я рад, что верю в Бога, месье. Полагаю, что вы, не будучи христианином, верите в месть.

– Разве не правда, что многие офицеры-христиане, люди чести, верят, что их долг состоит в отмщении за потерю Эльзаса и Лотарингии?

– Некоторые действительно так считают.

– Так в чем разница? Считайте мое желание убить вас долгом чести.

– Но вы же не встали ко мне лицом, чтобы сделать это, как поступил бы человек чести.

– Я не стану рисковать более важными делами только лишь для того, чтобы убить вас. Не настолько вы значительны.

– Как мне повезло, – сухо заметил Роланд. – Разумеется, важные дела, о которых вы говорите, имеют политическую природу.

– Да.

– За последние тридцать лет радикальные партии достигли многих поставленных целей. – Он перечислил некоторые из них. – Ни у монархии, ни у бонапартистского военного режима практически нет шансов на возврат к прошлому. Все граждане получили право голоса. Каждый мальчик и каждая девочка могут получить бесплатное образование. Не вижу в этом необходимости, но это так. При этом образование находится в руках государства, а не Церкви. Даже традиционная независимость древних французских провинций, на мой взгляд, разрушается вашими бюрократами в Париже. Как человек, любящий Францию, я не могу не скорбеть об этом. Разве всех этих перемен для вас недостаточно?

– Это только начало.

– Тогда, вероятно, вы член Рабочего интернационала^[7]. Вас удовлетворит только социалистическая революция, что бы это ни означало.

Прошло два года с тех пор, как левое крыло французских радикалов формально отделилось от Французской секции Рабочего интернационала.

– Вы правы.

Роланд пытался разобраться в своих чувствах. Ле Сур посвятил свою жизнь тому, что де Синь презирал. Роланд противостоял и будет противостоять ему и ему подобным везде и во всем. Но, к своему удивлению, ненависти к Ле Суру он не испытывал. Возможно, стремление отомстить за смерть отца делало его в глазах Роланда человечным и достойным сострадания.

– Если вы считаете, что ваша жизнь необходима для мировой революции, – начал Роланд, – то советую вам больше на меня не

покушаться. Дело в том, что это ваше намерение теперь задокументировано, и, если со мной что-то случится, вас немедленно арестуют.

В широко расставленных глазах Ле Сура светился недюжинный ум, однако никаких чувств не отражалось.

– Я рад, что мы встретились, – невозмутимо сказал он. – На протяжении веков ваш класс и все, что вы представляете, были злой силой, управляющей миром. Но я вижу, что мы достигли прогресса. Вы уже сейчас не имеете почти никакого веса, а вскоре станете просто недоразумением.

– Вы слишком добры.

– Когда мне представится возможность убить вас, я ее не упущу. – Он поднялся. – А до тех пор прощайте, месье де Синь. – Ле Сур поклонился и ушел.

Изначально Роланд планировал вернуться домой, но потом решил, что ему стоит повидаться еще с одним человеком.

– Отвезите меня на другой берег, – приказал он вознице. – Я выйду у церкви Сен-Жермен-де-Пре.

От этой церкви было относительно недалеко до его дома, расположенного в том же аристократическом квартале. Однако целью Роланда была старая пресвитерия при церкви, в которой проживало с полдюжины престарелых священников. В частности, она стала домом для отца Ксавье Парль-Ду.

Отец Ксавье был на месте и обрадовался при виде Роланда:

– В твоём последнем письме говорилось, что ты возвращаешься в Париж. Но я не ожидал увидеть тебя так скоро, наверняка у тебя масса хлопот в связи с переводом полка.

Они постоянно переписывались все эти годы, каждый месяц или два слали друг другу письма, так что обмен последними новостями не занял много времени. Роланд поведал отцу Ксавье об удовольствии, которое доставили ему последние перемены в Париже.

– Но думаю, вам будет более интересно узнать кое-что другое: я только что встречался с человеком, который пытался застрелить меня, – сказал он.

– Очевидно, он еще не преуспел. Рассказывай же!

Свою историю Роланд закончил вопросом:

– Высказывал ли когда-нибудь отец сожаление о тех событиях? Мне интересно, не в этом ли причина, по которой он оставил армию.

Отец Ксавье не сразу сформулировал ответ:

– Если бы твой отец говорил об этом во время исповеди, то поделиться этим с тобой я не мог бы. Но совсем не секрет, что он считал войну Наполеона Третьего с Германией глупейшей затеей и что необходимость убийства французов французами во время Коммуны подавляла его. – Он с любопытством взглянул на Роланда. – Ты собираешься сообщить полиции про Жака Ле Сура?

– Нет. Его несостоявшееся покушение десятилетней давности будет трудно доказать. И... – Он пожал плечами. – Это не в моем стиле.

– Лично мне не кажется, будто тебе что-то грозит со стороны этого Ле Сура, – сказал старый священник. – Его можно назвать безумцем, но не глупцом. Но вот если произойдет социалистическая революция, тогда...

– Тогда меня в любом случае убьют.

– Я всегда чувствовал, – признался отец Ксавье, – с тех пор как ты был еще совсем малышом, что Бог имеет для тебя какое-то особое предназначение. Человеку не следует пытаться предугадать намерения Господа, но все равно у меня было такое чувство. В моем представлении чудесное рождение твоего предка Дьедонне во время революции явилось знаком того, что Бог испытывает особую любовь к роду де Синеи. Наверное, нам нужно просто ждать того, что уготовил нам Всевышний, и не придавать слишком большого значения выходкам того атеиста.

– Я рад услышать от вас это, отец мой. Мне и самому так казалось.

– Кстати, о семье, – продолжил отец Ксавье, – не пора ли тебе жениться? Нам нужно следующее поколение, как ты понимаешь.

– Возможно, вы правы. – Роланд улыбнулся. – Я подумаю об этом.

– Не думай слишком долго. Я бы хотел увидеть твоих детей.

Роланд насторожился. Священник похудел со времени их последней встречи. Не болен ли он? Заметив озабоченность Роланда, отец Ксавье улыбнулся:

– Я здоров, Роланд, но никто из нас не становится моложе. Кроме того, я уже решил, как умру.

– Правда?

– Я думаю, что пойму, когда подойдет срок. И тогда я планирую поехать в Рим.

– Зачем?

– Где же умирать, как не в Вечном городе? – усмехнулся старик.

Глава 16

1911 год

Тихое воскресное утро в начале сентября. Эдит с детьми ушла на мессу. Тома был дома один, когда к нему зашел брат.

– Ты сможешь подсобить мне сегодня вечером? – спросил он. – Нам понадобится твоя тачка. Мне надо перевезти кое-какую мебель.

– Хорошо. Захватить Робера?

Старший сын Тома превратился в крепкого парня.

– Нет. Я еще хочу поговорить с тобой с глазу на глаз.

– О чем?

– Потом все расскажу, – пообещал Люк. – Сейчас мне пора бежать. Встретимся тогда в моем ресторане в шесть часов. Не забудь тачку.

– Ладно, как скажешь. – Тома Гаскон пожал плечами.

Тачку он купил лет шесть назад, и это оказалось хорошим вложением средств.

Изгнание из дома покойного месье Нея нанесло семейству Гаскон тяжелый удар. На новом месте им пришлось платить за жилье, а с маленькими детьми Эдит не могла зарабатывать сколько-нибудь существенные деньги. Тома готов был переехать на Монмартр, желательно в Маки, но тетя Аделина и Эдит и слушать об этом не хотели. Однако, когда тетя Аделина нашла место экономки в окрестностях площади Пигаль, им пришлось-таки подыскать жилье в этом районе.

Вот так они оказались по соседству с «Мулен Руж», у подножия Монмартра. Респектабельной эту местность не назовешь, а по вечерам туда слетались «ночные бабочки». Но Эдит хотела быть поблизости от тети, и Тома был доволен, оказавшись рядом с братом.

Тома дорос до должности мастера и неплохо зарабатывал. Но в последнее время у них родились еще две девочки, так что денег хватало едва-едва. Иногда тете Аделине приходилось даже помогать им с оплатой квартиры.

Однажды старый грузчик, живший через два дома, попросил Тома помочь ему в воскресенье. Старик зарабатывал от случая к случаю переноской мебели и доставкой товаров в районе. После нескольких обращений грузчика за помощью Тома понял, что это неплохой способ подзаработать. Вскоре старый грузчик отошел от дел, жалуясь на большую спину, и Тома купил себе новую ручную тележку, которую держал в ближайшей конюшне. Прошло немного времени, и все в округе, кому надо было перевезти мебель, или несколько мешков муки, или охапку дров, приходили к Тома Гаскону с вопросом, не свободен ли он в воскресенье после обеда.

Вернувшись из церкви, Эдит не обрадовалась известию о просьбе Люка.

– Надеюсь, он заплатит, – сказала она.

– Заплатит, если я попрошу, – миролюбиво ответил Тома.

– Будь осторожнее! Кто знает, что ему надо перевезти, может ворованное.

– Это едва ли.

– Хотя бы убедись, что это не «Мона Лиза».

Менее месяца назад знаменитое полотно Леонардо да Винчи было украдено из Лувра. Арестовали поэта по имени Аполлинер, считавшегося анархистом, а потом и его друга, никому не известного молодого художника Пабло Пикассо. Они все еще оставались под подозрением, хотя доказательств их вины не было найдено, как и сама картина.

– Ты всегда думаешь про моего брата самое худшее без всякой на то причины, – пожаловался Тома.

Несколько лет назад один благодарный клиент дал Люку достаточно денег для превращения его кафе в ресторан.

– Должно быть, он эти деньги украл, – заявила тогда Эдит.

– Он спас тому клиенту жизнь, – убеждал ее Тома.

– Так он утверждает. – Жена только фыркала. – Хочешь – верь, но я никогда не поверю.

Ее ни на чем не основанная неприязнь к Люку была одним из немногих источников разногласий в их браке. Если Эдит когда-либо сожалела о своем неуверенном согласии на предложение, сделанное Тома в Булонском лесу в тот волшебный вечер после представления «Дикий Запад», то никогда не показывала этого. Наверняка ей иногда

хотелось, чтобы ее мужем был человек с деньгами, особенно после того, как их неожиданно лишили жилья, но тогда она сама извинялась перед Тома: «Я никогда не думала, что так случится. Мы всегда рассчитывали на месье Нея». Она выносила десять детей, но все еще имела неплохую фигуру, и Тома с гордостью отмечал, что мало кто из его друзей мог сказать такое о своих женах. При всех недостатках Эдит он всегда почитал их брак счастливым.

После обеда он повел четырех старших детей на прогулку на Монмартр. Теперь там установили фуникулер, который шел по левой стороне крутого, высокого склона, но за проезд надо было платить. Кроме того, сказал он Монике, когда девочка стала жаловаться на усталость, дети не вырастут сильными, если не будут ходить ногами.

Выглянуло солнце и осветило парящие в высоте белые купола Сакре-Кёр. Храм, стоящий на самой вершине холма, засверкал над городом в продолговатой долине.

– Когда я был мальчиком, – сказал Тома детям, – на вершине всегда была лишь грязь и строительные леса. Помню, как я гадал, доживу ли до того дня, когда церковь достроят. Леса начали убирать, только когда родилась ты, Моника, а мне тогда уже исполнилось тридцать пять лет.

– И мне ты рад даже больше, чем достроенной церкви, – заявила девочка.

– Рад, когда ты хорошо себя ведешь, – уточнил ее отец.

Трансформация вершины почти закончилась. Платформа, на которой стоял великий византийский храм, была выполнена в виде красивых террас; вниз вела широкая многоярусная лестница. У входа в церковь встала статуя Жанны д'Арк, словно наблюдающей за Парижем у ее ног. И свершилась еще одна перемена, не заметная глазу, но существенная.

Четыре десятилетия республиканского правления постепенно ослабили влияние Церкви, и в результате изменилось само предназначение базилики. Люди вроде отца Ксавье и Роланда де Синя воспринимали ее как символ триумфа консервативной Церкви над радикальными коммунарами. Но в начале XX века большинство парижан, которые смотрели на сияющий белый храм на холме, думали, что это мемориал в честь Коммуны, и радикальные правительства были только рады закрепить эту точку зрения.

С тех пор как Гасконы поселились в районе Пигаль, Тома приводил детей на холм несколько раз в год, и ритуал был всегда одинаковым. Поднявшись к Сакре-Кёр, они обходили вершину, заглядывая по пути в кафе «Мулен де ла Галетт», где работал когда-то их дядя Люк, и проходя мимо школы, где маленький Тома учился писать и читать. Пять лет подряд их поход заканчивался одним и тем же драматичным ритуалом, который совершался перед базиликой, за миг до начала спуска.

Тома указывал пальцем туда, где шпиль Эйфелевой башни пронзал небосвод, и говорил:

– Как следует рассмотрите башню, дети, и запомните ее. Недолго ей осталось стоять.

Все знали это. В 1909 году закончится лицензия, полученная Гюставом Эйфелем. После этого городские власти велют разобрать башню. Тома хотел наняться на эту работу, даже не обязательно мастером.

– Я возвел эту башню, мне ее и ломать, – так он говорил.

Но все равно ему будет больно это делать.

Случайная встреча в 1908 году доставила ему неожиданную радость. Он работал на строительстве к югу от Эйфелевой башни и, когда позволяла погода, возвращался домой пешком, мимо башни. Однажды вечером он увидел впереди в сумерках фигуру Эйфеля и не устоял перед желанием поздороваться с великим инженером. К его бесконечному удовольствию, Эйфель сразу же его признал:

– О, Гаскон, рад встрече с вами.

– Вероятно, месье, вы будете чаще меня видеть в следующем году, потому что я обязательно попрошусь в бригаду, которой поручат разобрать башню. Хотя мне ее ужасно жалко.

– Тогда у меня есть для вас хорошая новость, мой друг. – Эйфель улыбнулся. – Я только что продлил контракт с городом до пятнадцатого года.

– Еще шесть лет! Ну, по крайней мере...

– И у меня есть планы на дальнейшее. Вы понимаете, мой дорогой Гаскон, сколь полезна башня для радиосвязи?

– Я как-то не думал об этом.

– Так знайте же: эта башня – лучшая радиоантенна в мире. И это еще не все. Поверьте, друг мой, я сумею спасти башню, дайте мне

только еще немного времени.

Действительно, вскоре Тома прочитал в газетах, что армия и флот объявили башню незаменимой в вопросах коммуникации. Вновь гений Эйфеля восторжествовал. Башня стала неприкосновенной: она вошла в систему обороны Франции.

И потому сегодня перед возвращением домой Тома Гаскон мог указать своим детям на Эйфелеву башню с такими словами:

– Эта башня так надежна, что простоит столько же, сколько Нотр-Дам. И всегда помните, – добавил он с гордостью, – что ее построил ваш отец.

Люк ждал его в ресторане. По выходным заведение не работало; ставни на окнах были закрыты.

Тома странно было думать, что младший брат разменял уже четвертый десяток, – он почти не менялся с возрастом. Возможно, плечи его стали шире, лицо круглее, но волосы падали на лоб густыми прядями точно так же, как и двадцать лет назад, тогда как каштановые кудри Тома заметно поредели.

Маленький ресторан Люка не сделал его богатым, но обеспечивал куда лучше, чем Тома – физический труд. Люк так и не женился, но Тома видел брата в обществе многих красивых женщин.

Груз, который предстояло перевезти, оказался куда более прозаическим, чем «Мона Лиза». Это был всего лишь ковер.

– Я думал, что застелить обеденный зал ковром – хорошая идея, но ошибся, – признался Люк. – Мы постоянно спотыкаемся о края. Так что в ресторане обойдемся без него, а ковер пригодится мне дома.

Столы уже были сдвинуты, а ковер, скатанный и перевязанный, лежал посреди зала.

– Тяжелый какой, – удивился Тома, подхватив один конец рулона.

– Он хорошего качества, – объяснил Люк, – поэтому я не выбрасываю его, а везу домой.

С огромным трудом они взвалили ковер на тележку; но рулон оказался слишком длинным и торчал сзади больше чем на метр. Люку пришлось поддерживать его и толкать сзади, а Тома тянул тележку спереди.

– Нам нужен Робер, – выдохнул Тома.

– Справимся, – упрямо прохрипел Люк.

Это был долгий, изматывающий путь вверх по узким улицам. Годы тяжелого труда сделали Тома крепким как бык, но и он кряхтел, напрягаясь из последних сил, а Люк взмок от пота. Наконец они добрались до места.

Дом Люка, купленный у одного строителя, стоял в самом конце переулка, приткнувшегося к подножию Монмартра. Со стороны улицы перед домом имелся дворик, с кустами по одну сторону и деревьями по другую; за домом раскинулся целый сад. Слева его ограничивал крутой склон холма, поросший кустарником, от склона шел каменный забор, он же отделял соседний участок справа. Ближе к склону стояла деревянная постройка, в которой размещался туалет и сарайчик для садового инвентаря.

Братья затащили ковер в переднюю дверь и через узкий коридор в главную комнату. Совершенно измученные, они очень нуждались в отдыхе.

– Я принесу пива, – сказал Люк, и Тома с благодарностью кивнул.

– Ковер слишком широк для этой комнаты, – заметил Тома, когда Люк разливал пиво по стаканам.

– Да, я отрежу лишнее.

– Хочешь, развернем его и померим? Я помогу.

– Не сейчас. Я слишком устал.

– А о чем ты хотел со мной поговорить?

– Э-э... Просто хотел узнать, не нужны ли тебе деньги. У меня есть в запасе приличная сумма.

– Спасибо за предложение, Люк. Но сейчас мы ни в чем не нуждаемся. Если понадобится, я тебе скажу.

– Ну хорошо. Только ты учти, что я всегда буду рад помочь.

Они молча пили пиво, пока Люку не понадобилось облегчиться.

В его отсутствие Тома прикинул на глаз размер ковра. Ему хотелось понять, насколько тот велик, ведь лишний кусок он мог бы положить в коридоре своего жилища. Вынув нож, он разрезал веревку, стягивающую рулон, и стал разворачивать ковер. А потом отступил и в ужасе уставился на свою находку.

– Зачем ты это сделал? – Люк с тоской посмотрел на брата; Тома не ответил. – Я отошел всего на минуту. – Люк вздохнул. – Не хотел, чтобы ты увидел это. Не хотел, чтобы ты узнал.

– Что произошло?
– Несчастный случай. Это было ужасно.
– Почему ты не пошел в полицию?
– Не мог. Они бы не поверили, что все вышло ненамеренно. – Люк убежденно мотнул головой. – Выглядело все... сомнительно.
– Ты убил ее?
– Конечно же нет!
– Ее будут искать.
– Вряд ли. Она была всего лишь... молодой проституткой. Если меня спросят, я скажу, что она ушла. Но не думаю, что ко мне вообще обратятся с расспросами. Нужно всего лишь избавиться от тела.
– Почему ты убил ее?
– Да никого я не убивал, клянусь! Мы поспорили... Она упала. Это вышло случайно. Вот и все.
– О боже!
– Никому не говори, Тома. Даже Эдит. Особенно Эдит. – Люк помолчал. – Если только ты не хочешь, чтобы твоего брата...
Казнили. Или в лучшем случае посадили в тюрьму на всю жизнь.
– И теперь я стал соучастником, – произнес Тома.
– Ты сам развернул ковер. Я не хотел этого.
– Куда ты денешь труп?
– Это секрет. Конечно, если ты хочешь мне помочь...
Тома молчал. У него было два пути. Первый – это обратиться в полицию немедленно и выдать брата. Второй – не делать этого. В последнем случае в его интересах, чтобы тело не нашли. Бедная девушка все равно мертва.
Он еще раз все взвесил.
– Я ничего не знал о том, что было в ковре, ты понял? Если тебя когда-нибудь поймают и допытаются, что я перевозил с тобой ковер, говори, я понятия не имел, что внутри.
– Таков и был мой план.
– Как ты спрячешь ее?
Люк бросил взгляд в окно. Уже начали сгущаться сумерки.
– Скоро увидишь, – сказал он.

Примерно год назад, сидя в туалете, Люк услышал, как прямо у него за спиной посыпались камни и земля. Осмотрев позднее склон, он

обнаружил, что там случился оползень и в результате открылась щель сантиметров десять шириной. Люк ткнул в щель палку – палка ушла в пустоту. Грунт был довольно мягким, и Люку без особого труда удалось расширить отверстие настолько, чтобы сначала просунуть туда голову, а потом и войти самому. Он раскопал туннель.

– Ничего странного в этом нет. Все знают, что холм изрыт старыми шахтами.

– Ты изучил этот туннель?

– О да. Там он не один, а целая система. В общем, я перестроил туалет с сараем так, чтобы они загораживали вход в туннель, и в него можно попасть через заднюю стенку сарая – она отодвигается.

– Ты кому-нибудь рассказал?

– Ни единой душе, за исключением тебя.

Хотя маленький сад ниоткуда не просматривался, Люк дождался темноты и только потом отвел Тома к сараю. Он дал брату фонарь, закрытый тряпкой. Пока Тома ждал снаружи, Люк вошел в сарайчик. Тома услышал, как отодвинулся деревянный щит.

– Неси лампу, – прошептал Люк.

Тома шагнул внутрь и почувствовал, как рука Люка тянет его в туннель.

– Сейчас повернем налево, – шепнул Люк, – и пройдем двадцать шагов. Потом можно открыть фонарь.

Почва под ногами была каменистой.

Сдернув с фонаря тряпку, Тома увидел, что стоит в коридоре, уходящем куда-то вдаль: высокие своды, ширина около двух метров, стены гладкие и сухие.

– Оставь фонарь здесь, – сказал Люк. – Снаружи свет не виден. Пойдем за телом.

На вид она была лет двадцати. Светловолосая. Она получила удар в лицо, но не смертельный. Смертельным оказался удар в затылок: должно быть, она упала на что-то твердое. Тома хотел спросить, как все случилось, но решил, что чем меньше он будет знать, тем лучше.

Крови оказалось не так уж много, и Люк завернул тело в несколько скатертей, чтобы не осталось следов. Та кровь, которая протекла насквозь, засохла и потемнела.

– Тебе придется избавиться от одежды. И на ковре могли остаться пятна, – сказал Тома.

– Знаю, – ответил Люк. – Если на ковре есть пятно, то я вырежу его. Использую только чистый кусок. Остальное сожгу. Никто ничего не увидит.

Когда они вытащили труп из дома, стояла уже кромешная тьма. Они воспользовались ремнями для переноски, что очень облегчило задачу. Было непросто затащить тело в сарай и закрыть потом дверь, но они справились. Оказавшись в туннеле, Люк вновь закрыл проход из сарая. Идти по туннелю было нетрудно. Возле фонаря они положили тело на землю. Тома поднял фонарь и вернулся, проверяя, не накапала ли где-нибудь кровь, но не нашел ни капли.

– Куда теперь? – спросил он.

Ни слова не говоря, Люк набросил ремень через левое плечо и, держа фонарь в правой, пошел вперед. Три или четыре раза они свернули в боковые ответвления, похожие на первый туннель, и наконец вышли в более широкий и высокий коридор. По пути они несколько раз останавливались передохнуть. Тома не смог оценить, какое расстояние они преодолели.

– Ты уверен, что здесь никто не бывает? – спросил он.

– Это невозможно. Я проверил все ходы. Эта часть старых шахт была засыпана много лет назад. Тот проход на моем участке обнажился только благодаря оползнию.

– Тогда зачем мы идем так далеко?

– Увидишь.

Вскоре они очутились в высоком помещении, похожем на большую пещеру.

– Пришли, – сказал Люк.

Они опустили тело. Потом Люк поднял фонарь над головой. И Тома издал испуганный вопль. Потому что они были не одни в этой пещере.

Вдоль стен лежали скелеты в истлевшем тряпье. Некоторые были привалены к стене в сидячем положении и тарасились на пришельцев пустыми глазницами, словно недовольные тем, что их оторвали от последней трапезы.

– Догадываешься, кто это? – спросил Люк.

– Нет...

– В конце Коммуны, сорок лет назад, группа коммунаров с Монмартра скрылась в старых шахтах. Вместо того чтобы преследовать их, военные взорвали динамитом все входы. Туннели в этой части отрезаны от холма. Они об этом знали: я нашел несколько скелетов в коридорах. Что касается этих, то, думаю, они решили застрелиться здесь все вместе. – Он повернулся к телу девушки. – Помоги мне снять с нее одежду, потом мы оттащим ее к стене.

Это была неприятная работа, но они сделали ее. В какой-то момент Тома негромко ахнул, и Люк спросил:

– Что?

– Ничего.

Когда они устроили раздетый труп у стены, Люк осторожно снял с одного из коммунаров лохмотья бывшей куртки и накрыл девушку.

– Через год или два она превратится в такой же скелет, как все остальные.

– Если кто-то заглянет в твой сарай...

– Я подумал об этом. Можно снова засыпать проход. Заколочу заднюю стенку. Ничего не будет заметно.

– Я не понимаю одного. – Тома нахмурился. – Почему тебе вообще пришло в голову прятать туннель, загораживать его сараем?

Люк помедлил с ответом:

– Ну, я подумал, что... что здесь можно будет что-нибудь спрятать. Если вдруг понадобится.

– А-а, – сказал Тома.

Когда они вернулись в дом, Люк заявил, что Тома пора возвращаться.

– Сегодня я еще должен разжечь огонь в камине, – пояснил он. – Нужно как можно скорее уничтожить одежду и скатерти. Потом я проверю ковер. Тебе лучше быть подальше отсюда, когда я буду заниматься всем этим.

– Я доставил ковер, только и всего, – мрачно произнес Тома. – Мне нужно содержать семью.

– Знаю. – Люк посмотрел на старшего брата. – Когда я был мальчишкой, ты нашел меня и спас от банды Далу. И ты дрался за меня. Я ведь не забыл.

– Ты же мой брат. – Тома пожал плечами.

– Сегодня ты опять спас меня.

– Больше я не стану этого делать, – предупредил Тома.

– Я не буду просить. – Люк не сводил с брата печальных глаз. – Ты все еще любишь меня? – (Тома не ответил.) – А я люблю тебя, – тихо сказал Люк.

Тома ушел.

Толкая тачку вниз по склону, он перебирал в голове события дня. Оказывается, Эдит не ошибалась насчет Люка. Раз ему понадобился тайник, значит он или торговал ворованным, или воровал сам, как она и говорила.

Он заметил еще кое-что похуже. Когда они раздевали девушку при свете фонаря, он понял, что синяки вокруг ее рта и носа остались вовсе не от удара по лицу. Ему был известен только один способ оставить на теле такие отпечатки.

Это следы от удушения.

Возможно, его брат действительно ударил девушку. И после этого она могла удариться обо что-нибудь затылком. Но ее смерть наступила не от этого. Ее задушили.

Люк только что сделал его соучастником убийства.

Три дня он размышлял над тем, идти в полицию или нет. Но риск был слишком велик. Что станет с ним самим?

Через неделю к ним заглянул Люк, но ненадолго. Уходя, поманил за собой Тома и попросил проводить до угла.

– Приходила полиция. Спрашивали, не видел ли я девушку. Я сказал, что она заходила на прошлой неделе и говорила вроде бы о том, чтобы уехать из города. Добавил еще, что нередко слышу нечто похожее от девушек такого рода и что обычно они через какое-то время появляются вновь. Потом меня спросили, не знаю ли я, откуда она родом. Я ответил, что понятия не имею. И вообще она их не очень-то интересовала.

– Не понимаю, о чем вообще идет речь, – с нажимом сказал Тома.

– Не волнуйся, – сказал Люк. – Я тоже.

Недели сменяли одна другую, ничего не происходило. Наступила зима, и постепенно девушка была забыта. Перед самым Рождеством выпал снег, скрыв все темное, что таилось на улицах Парижа. А через

день выглянуло солнце, и снег заблестел так же ярко, как белая базилика Сакре-Кёр на вершине Монмартра.

Глава 17

1637 год

Это случилось вечером, в декабре. Или не случилось? Да нет, что-то определенно произошло примерно в это время. В том не было сомнений. Но что? Обманули Шарля де Синя его собственные глаза или нет? Узнать это теперь не было никакой возможности, хотя речь шла о судьбе всего Французского королевства.

Он ждал в передней. За окном в свете фонаря видны были голые ветви дерева, гнущегося под напором зимнего ветра. Потом дверь открылась и лакей объявил:

– Его преосвященство желает вас видеть.

Шарль де Синь шагнул в коридор и несколько секунд спустя оказался в высоком зале с каменной лестницей.

Дворец кардинала Ришелье был роскошен. Он решил построить его прямо напротив северного крыла Лувра, чтобы быть ближе к королю. И это оказалось весьма разумным решением, потому что уже почти два десятилетия фактическим правителем Франции был именно кардинал Ришелье.

Его боялись. Возможно, правителя и должны бояться, думал Шарль, но кардинал к тому же был хорошим правителем. Шарлю исполнилось тридцать лет, у него имелась семья. Однажды он унаследует от отца, Робера, родовое поместье. Тем временем вознаграждения, получаемые от Ришелье за различные услуги, давали совсем не лишний доход.

Шарлю нравилось думать, что они с Ришелье понимают друг друга. Как-никак оба принадлежат к французской знати. Шарль быстро выучил, какие качества кардинал ценит превыше всего: сообразительность, исполнительность и – самое главное – умение держать язык за зубами. Работая на него, Шарль видел много такого, что не предназначалось для ушей широкой публики. Но он молчал обо всем, что видел. Иногда Шарля расспрашивали о его службе – расспрашивали люди, которых Шарль знал и которым доверял. Но он

понимал, что они могли оказаться врагами Ришелье, они могли быть заинтересованы в исходе того или иного дела на рассмотрении у кардинала, в конце концов, они могли оказаться шпионами, подосланными самим Ришелье. Кто мог сказать наверняка? Так что никто не услышал от него ни слова.

Он стал подниматься по лестнице. Достигнув верхней ступени, повернул в приемную.

Шарлю нравился дворец кардинала. Большой внутренний двор и изящные аркады напоминали об Италии. С восточной стороны началось строительство частного театра.

В приемной находилось несколько человек, также желающих увидеть кардинала. Шарль подошел к двери в противоположном конце помещения, и ее немедленно отворили для него. Спиной чувствуя завистливые взгляды, он вступил в следующую комнату. Там было пусто. Но из низкой двери в дальнем углу вскоре появилась фигура.

Довольно неприметная фигура – обычный монах, давно миновавший середину жизни. Более того, по мнению Шарля, монах выглядел бледным и нездоровым. Он увидел де Синя и едва заметным движением век показал, что узнал посетителя.

Отец Жозеф, серый кардинал. Это он, словно тень, стоял возле кардинала Ришелье. Ходячая совесть. Человек неразговорчивый, сама таинственность которого внушала страх.

Отец Жозеф и кардинал вместе работали над осуществлением грандиозного замысла – уменьшить влияние Габсбургов. Франция была окружена: на юге Испания, на востоке Священная Римская империя и Голландия – все эти государства находились под полным контролем мощной династии. Следовательно, в интересах Франции было ослабить габсбургскую угрозу. Можно было любить или не любить Ришелье, но никто не мог сомневаться в его преданности Франции; это и стало одной из причин, по которой де Синь пошел на службу к кардиналу. А вот отец Жозеф в борьбе с Габсбургами руководствовался иными побуждениями. Австрийцы не желали воевать с Турцией, что и понятно: Турция граничила с их империей. Зачем Габсбургам затевать конфликты так близко к собственному дому? Однако стареющий монах хотел, чтобы весь христианский мир объявил новый Крестовый поход против турок-мусульман, и этой идее он посвятил всю жизнь. Сначала

ослабить Габсбургов, потом повести Францию на восток, как в старые добрые времена, покорять мусульман.

В глубине души Шарль считал, что новый Крестовый поход – это верх глупости и не принесет стране ничего, кроме разорения.

Однажды его призвал к себе Ришелье, и во время их беседы присутствовал отец Жозеф.

– Отец Жозеф хочет, чтобы Франция возглавила новый Крестовый поход против турок, – заметил тогда с улыбкой кардинал. – Что вы думаете об этом, де Синь?

К счастью, к тому времени Шарль уже хорошо знал правила игры.

– Мои предки были крестоносцами, ваше преосвященство, – с низким поклоном в сторону монаха ответил он. – Мы верим, что наш род идет от Роланда, боевого спутника Карла Великого, который погиб, сражаясь с испанскими мусульманами.

Умный ответ. Складывалось впечатление, будто он сказал все, в то время как он не сказал, по сути, ничего. Монаха его слова, по-видимому, удовлетворили, а Ришелье улыбнулся.

Первое правило выживания: никогда, никогда не говори никому, что ты на самом деле думаешь.

Поэтому тем вечером Шарль почтительно склонился перед монахом. Вблизи его нездоровый вид еще более бросался в глаза. Наверное, долго он не протянет. И это, скорее всего, будет только к лучшему.

Шарль вошел в ту дверь, откуда появился отец Жозеф, и оказался в кабинете кардинала.

– Присядьте, мой дорогой де Синь, – негромко проговорил Ришелье, писавший письмо. – Я скоро закончу.

Шарль сидел тихо. Кабинет был высоким и просторным, но без лишней роскоши. Вдоль стен выстроились полки с книгами в кожаных переплетах – Ришелье увлекался собиранием книг. Этот кабинет мог бы располагаться в Ватикане, а не во дворце придворного. Покровитель новой Французской академии, ценитель искусств, тонкий дипломат... Ришелье по рождению был французом, но по сути – итальянским князем Церквы.

Со своего стула Шарль наблюдал за великим государственным деятелем. Высокий, элегантный, с красивым, тонко очерченным лицом, с аккуратной небольшой бородкой и задумчивым взглядом. Как это

часто случалось и в прошлом, размышлял де Синь, Господь послал Франции в час нужды именно такого человека, какой требовался.

Когда в 1610 году обаятельного старого пройдоху Генриха IV убил фанатик, его наследником стал маленький мальчик и регентшей при юном Людовике XIII была назначена вдова Генриха, Мария Медичи. Не верится, думал Шарль, чтобы кто-нибудь из прославленного рода Медичи оказался глупцом, но королева-мать умом точно не отличалась и правила из рук вон плохо. С точки зрения Шарля де Синя, за все время своего регентства она сумела сделать для Франции только три хорошие вещи: покровительствовала замечательному художнику Рубенсу, построила для себя прелестный дворец, который назвали Люксембургским, в километре к югу от реки и к западу от университета, и, наконец, это она сделала кардинала Ришелье министром.

Людовику XIII не сразу удалось забрать власть из рук матери. Но хотя он весьма успешно боролся с заговорщиками, повседневное руководство страной казалось ему скучным, и он все больше и больше административных обязанностей передавал Ришелье. И это было лучшее, что он мог сделать. Почти двадцать лет их дуэт прекрасно правил Францией.

Кардинал закончил писать и внимательно перечитал письмо перед тем, как запечатать. У него был утомленный вид.

С восхищением глядя на Ришелье, де Синь думал: что произойдет, когда кардинал покинет политическую сцену? Он, правда, не так стар, ему немногим больше пятидесяти, но здоровьем не крепок. Недавно кардинал произнес слова, которые доказывали, что он и сам размышляет о конце своего земного пути:

– Вы знаете, де Синь, в своем завещании я отписал этот дворец королю. Мне это кажется самым разумным. – Потом он вздохнул. – Мы достигли многого, но пока у нас так и не было времени вплотную заняться финансами. Это большая задача на будущее.

Но кто же сможет занять это место? Реального кандидата еще не было, но в последнее время кардинал обратил внимание на молодого итальянца с талантом дипломата. Его настоящее имя было Мазарини, но он стал называть себя Мазарен, чтобы во Франции сойти за француза. Он не был знатного рода, и ходили слухи о том, что в его жилах текла и еврейская кровь. Но Ришелье отметил ум молодого

итальянца и предрек ему карьеру на стезе государственного управления.

Шарль замечал, что Мазарини, в свою очередь, брал пример с кардинала и подстригал бороду и волосы точно таким же образом. Но характер у него был совсем другой: он любил азартные игры и сумел войти в доверие как к Людовику XIII, так и к его жене.

Станет ли Мазарини новым правителем? Шарль де Синь не знал, но всем своим сердцем желал Ришелье долгих лет жизни.

Ришелье тем временем сложил письмо, капнул на бумагу горячего воска и приложил к нему печатку.

– Мой друг, – сказал он мягко, – я хочу, чтобы вы сходили в Лувр. Вы должны попросить от моего имени, чтобы вас провели к королеве. Пожалуйста, передайте это письмо ей в руки – и никак иначе. Когда это будет сделано, ответа ждать не надо. Сразу возвращайтесь и дайте мне знать, пожалуйста, что эта небольшая миссия выполнена в точности. – Он улыбнулся. – Я доверяю это поручение вам лично, потому что в письме поднимаются крайне щепетильные вопросы.

Покинув дворец, Шарль плотнее закутался в плащ. Холодный дождь сопровождался резкими порывами ветра. Ужасная погода. Он пересек площадь перед кардинальским дворцом. Впереди возвышалась темная величественная громада северного крыла Лувра. Сквозь капли дождя тускло мерцали фонари у боковой двери.

Де Синь уведомил привратника о цели своего прихода. Стражники дворца знали его. Молодой офицер повел его через полутемные залы и галереи к апартаментам королевы. Молча шагая за ним, Шарль имел время поразмышлять.

Анна, дочь короля Испании из рода Габсбургов, вышла замуж за Людовика XIII, когда им обоим было по четырнадцать лет. Это был типичный династический брак, в данном случае его целью являлось улучшение отношений между странами.

Шарлю было интересно, чем стало замужество для Анны. Наверняка ей пришлось нелегко.

Во-первых, на момент их встречи Людовик XIII мог считаться анатомическим феноменом: у него было два ряда зубов. Вероятно, из-за этого, а может, и по другим причинам он ужасно заикался. Какие же мучения пришлось перенести подростку, если девушка при знакомстве нашла его неприятным, гадал Шарль.

Когда им исполнилось по восемнадцать лет, они зачали ребенка, однако он родился мертвым. То же самое повторилось и три года спустя, потом через четыре года и через пять лет, в 1631 году. После этого – ничего. Поговаривали, что, когда король и королева оказывались в одной постели, Анна клала между собой и мужем валик.

Шарль сочувствовал королю. Многие жаловались, что он постоянно пропадает на охоте. Бедняга, думал де Синь, наверное, он просто хочет забыть обо всем этом. У него и любовниц-то нет, судя по всему. Что за этим стоит: благочестие, отсутствие склонности или страх, что женщины сочтут его отвратительным? Это оставалось загадкой.

– Он имел сношения то ли с одним, то ли с двумя юношами, – делились с Шарлем товарищи короля по охоте.

Может, таковы его природные предпочтения? Или же Людовик обратился к мужчинам, потерпев неудачу с женщинами?

Что бы ни происходило в голове у короля или в сердце его жены, у Франции не было наследника.

Хотя нет, это не совсем верно. У Людовика имелся младший брат Гастон. Но каким бедствием для страны стало бы его правление! Устраивающий один заговор за другим против Людовика и Ришелье, легкомысленный, лживый, неверный и к тому же не имеющий детей мужского пола, Гастон являлся последним человеком, которого хотел бы видеть на троне любой здравомыслящий придворный.

Неудивительно, что Ришелье, осознавая шаткость своего здоровья, потихоньку делал все возможное, дабы обеспечить страну законным наследником. Некоторое время назад он просил королевскую пару возобновить супружеские отношения, и они прислушались к нему (обычно во дворце о таких вещах знают, и Ришелье знал). Но пока ничего из этого не вышло.

Оставалось только молиться.

Возле апартаментов королевы Шарлю велели подождать. Наконец дверь перед ним открылась.

Королева приняла его в передней. Спальня находилась за следующей дверью. Анна была в одной сорочке – должно быть, собиралась спать. Но тем не менее она улыбнулась в ответ на поклон позднего посетителя:

– Добрый вечер, месье де Синь. Жаль, что вам пришлось идти под дождем. У вас для меня письмо от кардинала?

Несмотря на строгое испанское воспитание, королева обладала мягкой игривостью, которая делала общение с ней неизменно приятным. Она красавица, невольно подумалось Шарлю. Рыжеватые от природы волосы, большие карие глаза, полная грудь, идеальная кожа, изящные руки. Он представил себе, как восхитительно было бы оказаться с ней в постели, и должно быть, эта мысль отразилась на его лице, но он тут же опустил взгляд. Королева, если и заметила, виду не подала, да и вряд ли ее огорчило бы восхищение благородного человека.

– Мне поручено доставить его лично вам в руки, ваше величество.

– Тогда благодарю вас, месье. – Она снова одарила его улыбкой. – Спокойной ночи.

– Ваше величество. – Он склонился перед ней и стал пятиться к выходу.

В этот момент королева отворила дверь в спальню, и де Синь, выпрямляясь, увидел большую комнату с высоким потолком, освещенную несколькими свечами.

И еще он увидел мужчину.

Шарль немедленно отвернулся и покинул переднюю, делая вид, что ничего не заметил.

Это мог быть король Людовик. Вроде бы он уехал на охоту, но, разумеется, мог вернуться и прийти к жене. Да только Шарль в тот краткий миг хорошо разглядел освещенную свечами мужскую фигуру. Он мог бы поклясться, что знает этого человека.

Мазарини. Итальянец. Де Синь с каждой минутой все тверже верил, что это был не кто иной, как Мазарини.

Недавно он ездил в Италию и, как только вернулся, вновь был послан кардиналом с новым заданием. Шарль не знал, что Мазарини сейчас в Париже.

Через десять минут он вернулся в кабинет Ришелье:

– Ваше поручение исполнено, ваше преосвященство. Я говорил с королевой и лично передал ей письмо.

– Хорошо. Еще кого-нибудь видели?

Шарль практически не колебался. Что известно кардиналу? Какой ответ он хочет получить? Если есть сомнения, лучше молчать.

– Королева готовилась ко сну. Она вышла и приняла меня в передней. Отдав письмо, я удалился. Это все, что я могу сказать, ваше преосвященство. У меня сложилось впечатление, что ее величество собиралась спать.

– И вам пора на покой, де Синь. Идите домой к жене и сыну. Сколько уже Роланду?

– Ему семь, ваше преосвященство.

– Хорошо, что у вас мальчик. Мужчине нужно иметь сына. – Кардинал помолчал. – Будем надеяться, что король тоже получит наследника в самом скором времени. Это нужно всем нам.

Этот странный вечер Шарль вспомнил, когда девять месяцев спустя, ко всеобщей радости, объявили о том, что у короля Людовика XIII и его жены родился сын, которому дали имя отца – Людовик. Все говорили, что рождение ребенка явилось подарком Всевышнего, и, несомненно, так оно и было.

Так появился на свет Людовик XIV, крепкий и здоровый малыш. Ришелье вздохнул с облегчением.

А Шарль де Синь никому не сказал ни слова.

1665 год

Новый мост – удивительное место. Когда Генрих IV строил его, то хотел получить простой мост, не загроможденный строениями, во всю ширину реки, где бы остров Сите служил опорой пролетов. Король хотел, чтобы было красиво.

Но потом туда хлынули люди – из каждой аллеи, из каждой таверны, из каждого темного угла Парижа. И вместо тесного, узкого прохода, зажатого домами, как на других мостах, обнаружили широкий простор, вознесенный над водами Сены. Отличная площадка для развлечений!

Певцы, танцоры, музыканты, акробаты, жонглеры, торговки любовным зельем, карманники, проповедники – все собрались на Новом мосту. Любой, кто захочет пройти по нему в солнечный день, обязательно найдет здесь что-нибудь интересное, что заставит его забыть о своих делах.

В числе достопримечательностей Нового моста был крупный мужчина, красивый, с гривой темных волос и красным шарфом. Он произносил импровизированные речи, которые мог в любой момент прервать, чтобы обругать кого-нибудь из зевак. Чем богаче и самодовольнее был прохожий, тем яростнее и язвительнее ругательства. Если делалось это остроумно, то его жертвы бросали ему монетку или две, дабы никто не заподозрил их еще и в недостатке галльского духа. Однако не все умели видеть в этом юмор и, бывало, набрасывались на остряка с кулаками. И это вызывало еще большее веселье среди зрителей, ведь он был не только велик, но и силен.

– Я родился огромным младенцем, – заявлял он. – Вот почему отец дал мне имя Эркюль, в честь древнего героя Геркулеса. Моя мать после тяжелых родов называла меня Стервецом. С тех пор так и повелось.

Его специальностью была логика. Он брал любое утверждение – предложенное зрителями, чем абсурднее, тем лучше – и потом безупречными логическими рассуждениями, прерываемыми лишь на то, чтобы обругать того, кто привлек его внимание, доказывал, что это нелепое утверждение истинно.

– Я современный Абельяр! – кричал он. – Но я превосхожу его в трех пунктах. Моя логика лучше. И у меня два яйца. – А потом обращался к ближайшей хорошенькой женщине, шла ли она пешком или сидела в богатой повозке: – Позвольте мне, мадам, подкрепить мое заявление доказательствами.

А если кто-то вызывал его недовольство, то пощады Эркюль не давал. Когда молодой аристократ прошел мимо, состроив презрительную мину, месть Эркюля Ле Сура была мгновенна, громогласна и в рифму:

Ах, этот богачей в наряде
За ум мой не заплатит мне.
Отлично выбрал он одежду,
Сидит прекрасно на дерьме!

А когда молодой человек потянулся к мечу, то прозвучало следующее:

– Смотрите, он взялся за свой меч! Днем он носит его на боку, а по ночам – между ног. Ну конечно, надо же ему куда-то руки девать.

Когда Эркюль не выступал на Новом мосту, то зарабатывал себе на жизнь сапожным ремеслом в собственной мастерской. Но только когда хотелось. Каждый погожий денек он выходил на мост, и остроумие приносило ему ничуть не меньше денег, чем шитье сапог.

Однажды какой-то богатый щеголь отказался воспринимать шутки Эркюля с юмором, достал оружие и ранил остряка в руку. Ле Сур мог бы добиться его ареста, но не стал ничего предпринимать.

– Я никогда не обращаюсь к закону, – объяснил он свое поведение зрителям. – Я философ.

Шесть месяцев спустя тот богатый щеголь исчез.

Но сегодня, в теплый летний день 1665 года, философ Ле Сур не мог справиться со смущением.

Уже в четвертый раз на мосту недалеко от Эркюля останавливается один и тот же крытый экипаж.

Карета была богатой и, очевидно, принадлежала человеку с деньгами, однако на ней не было герба, который указывал бы на личность владельца. При ней был только кучер, без выездных лакеев. Как и первые три раза, она остановилась в некотором отдалении, но достаточно близко, чтобы пассажир мог слышать его речи через приоткрытую дверцу. Щель была узкой и к тому же заслонялась занавеской, но у Ле Сура было ощущение, что за ним еще и наблюдают.

Кто наблюдает? Какой-то аристократ, которого развлекают его шутки, но который не желает быть увиденным? Возможно. Шпион? Тоже возможно. У кардинала Мазарини всегда было множество шпионов, они шныряли повсюду, пролезали в любую толпу, и когда их донесения вызывали у великого человека любопытство... Могло случиться всякое.

Сам Мазарини умер четыре года назад, после столь же долгого правления, как и его наставник Ришелье, не дожив до шестидесяти. Значит, там могло находиться другое высокопоставленное лицо. Или даже сам... Ле Сур вздрогнул при этой мысли... Это мог быть сам молодой король.

И что же теперь делать? Менять ли тон своих речей? Следить ли за выражениями, избегать ли намеков на дурное правление – на всякий случай?

Нет. Он же Эркюль Ле Сур. Пусть арестуют, если посмеют. Тут вам не дворец, а Новый мост, и он – король этого моста.

Поэтому, не обращая больше внимания на карету, он завел тираду о пороках знати. Не забыл упомянуть и короля, сказав, что если бы молодой Людовик XIV был настоящим мужчиной, то повесил бы большинство аристократов на ближайшем фонарном столбе. Тут Эркюль все же глянул в сторону повозки, но тот, кто в ней сидел, по-прежнему никак не проявлял себя.

Через час философ решил, что пора заканчивать. Карета стояла на прежнем месте, на южном краю моста. Эркюль зашагал в сторону дома, и это означало, что ему придется пройти мимо загадочного экипажа. Когда он поравнялся с ней, кучер окликнул его:

– Эй ты, садись.

– Зачем?

– С тобой кое-кто хочет поговорить.

– И кто же это?

В этот момент дверца кареты распахнулась, и Эркюль Ле Сур очень удивился.

Женевьева д'Артаньян всегда понимала свое положение в жизни, еще с тех пор, когда была совсем малюткой. Ее семья принадлежит к знатному роду, но у них нет денег.

Для ее брата все было немного проще. Он мог жениться на любой состоятельной наследнице. Даже если она окажется не благородных кровей, сам он останется аристократом, и их дети тоже будут аристократами. Или же он мог достичь успеха в какой-либо сфере жизни и таким образом добыть себе состояние. Конечно, торговлей он никогда не сможет заниматься, столь низменное занятие не пристало благородному человеку. Но он мог стать солдатом или пойти на службу королю, чтобы своими деяниями заслужить славу и богатство. Что вовсе не мешает ему взять в жены все ту же состоятельную наследницу.

У девушек вроде Женевьевы особого выбора не было. Ей предстояло выйти замуж за благородного и желательно богатого человека.

Если она выйдет за человека без титула, то утратит свою знатность, а ее дети родятся простолюдинами. И никакое богатство

мужа не улучшит ее положения в обществе, двери аристократов окажутся закрытыми для нее и ее потомков, и если эти потомки захотят получить сколько-нибудь высокую должность на королевской службе, без титула это будет практически невозможно. Родовитость имела значение. Она определяла все в жизни любого человека.

Да, во Франции существовали способы обойти эту проблему. Во-первых, даже незнатному человеку король мог пожаловать титул за заслуги, но на достижение этого могла уйти вся жизнь. Также были различные должности в государстве, при назначении на которые сразу давался и титул. Ну и самый простой способ – это титул купить.

На протяжении веков благородные семейства тем или иным путем приобретали множество титулов, чаще всего – вместе с поместьями, которые покупали или получали в дар. И они могли продавать эти титулы, это было абсолютно законно. Таким образом, богатый человек имел возможность деньгами проложить себе дорогу в мир аристократии. А если его жена происходила из знатного рода и имела родственников, которые стремились поддержать фамильную честь, то ее дети с непринужденностью носили бы титул, купленный на буржуазные деньги отца, и мало кто вспомнил бы, что они едва не выпали из класса, к которому принадлежала их мать.

Катрин, сестра Женевьевы, вышла замуж за обеспеченного торговца. Однако к титулам он не выказал никакого интереса. Это немало огорчало Женевьеву и ее брата, однако они ничего не могли поделать. Зато Женевьева нашла себе мужа-аристократа.

Персеваль д'Артаньян происходил из младшей ветви древнего рода Монтестья д'Артаньян, которая давным-давно отделилась и звалась просто д'Артаньян.

Женевьеве повезло, что она встретила Персеваля. У него имелось достаточно денег, чтобы содержать красивый замок в Бургундии и дом в Париже. Он гордился своей многовековой родословной, которая восходила к древнему правителю Гаскони. Однако в текущем столетии один из дальних родственников также взял себе имя д'Артаньян, чему муж Женевьевы не обрадовался.

– Да-а, он то ли шпион, то ли просто на побегушках у Мазарини, – вот и все, что он сказал о нем молодой жене вскоре после свадьбы.

Но в последнее время тот д'Артаньян так преуспел на службе короне, что стал главой королевских мушкетеров и был принят при

дворе. Так что теперь, заметила Женестьева, ее муж стал называть этого человека «мой родственник д'Артаньян, тот самый мушкетер».

Нужно сказать, что у Женестьевы было все, о чем только могла мечтать женщина: даруемые деньгами жизненные удобства и высокое положение. Спустя двенадцать лет брака она растила двоих детей, мальчика и девочку, и оба были крепкими и здоровыми. У нее имелась всего одна проблема.

Ее муж ничего не делал.

Он всегда был человеком твердых убеждений, главным из которых являлось то, что старая аристократия – это основа государства.

– Все началось с Ришелье, – жаловался он с самых первых дней совместной жизни. – Он ведь сам был из благородной семьи, то есть должен был понимать, что нельзя подрывать древние привилегии знати. Они хотят сделать короля тираном. А этот выскочка Мазарини... – Его презрение к итальянскому кардиналу, вышедшему из низов, не знало границ.

Ситуацию обострили два восстания Фронды, случившиеся незадолго до их свадьбы. Сначала мелкие дворяне и парижане взбунтовались против увеличения податей, потом старейшие аристократические семьи так же восстали против правительства. Толпа ворвалась в Лувр. Мазарини изгнали из Парижа, а потом и из Франции.

Но порядок в стране удалось восстановить. При поддержке матери юного короля, настолько сблизившейся с кардиналом, что они казались мужем и женой, Мазарини снова встал у руля Франции. Мальчик Людовик XIV, к которому кардинал относился как к сыну, подрос и в 1661 году, когда Мазарини не стало, взял бразды правления в свои сильные молодые руки.

Женестьева понимала, что нравится это ее мужу или нет, но молодой Людовик XIV, любивший Мазарини как отца и видевший хаос Фронды, не имел никакого намерения отдавать Францию в руки старой знати. Он собирался держать ее в ежовых рукавицах. Муж может пыхтеть и ворчать сколько угодно, но он живет прошлым.

И ничего не делает. Бóльшую часть года он проводил в бургундском поместье, развлекаясь поездками на охоту. Иногда выбирался в Париж. И все. Единственное, что он умел и хотел, – это быть аристократом, и ему никогда не приходило в голову, что этого недостаточно.

– Знаешь, Катрин, – призналась как-то Женевьева сестре, – иногда мне кажется, что ты была права, выйдя замуж за торговца. По крайней мере, у него есть занятие.

– Он работает, потому что вынужден это делать.

– Может, и так. Но он работает. Мужчина должен работать. Я уважаю его за это.

– Ты не уважаешь месье д'Артаньяна?

– Нет. Перестала. И от этого... мне трудно.

– Сочувствую.

– Слушай, ты не одолжишь мне своего мужа разок-другой?

– Но что скажет на это месье д'Артаньян? – рассмеялась сестра.

– По крайней мере, все останется в семье, – пожала плечами Женевьева.

– Увы, мужа я тебе одолжить не смогу, так что, пожалуйста, и не надейся.

– Ладно. – Женевьева вздохнула. – О боже, Катрин, как же мне скучно!

Эркюль Ле Сур изумленно смотрел на человека в карете. Это была светловолосая женщина! Аристократка, судя по всему. Движением руки она пригласила его сесть напротив. Он сначала колебался, но потом любопытство взяло верх.

– Закройте дверь! – велела она.

Едва он успел сделать это, как карета тронулась с места.

– Я неоднократно приезжала вас послушать, – сказала незнакомка.

– Да, я заметил. Но решил, что в карете мужчина. Шпион правительства, например.

– А я смогла бы стать шпионкой. – Она засмеялась. – Думаю, среди них непременно должны быть и женщины. Как интересно!

– Чего вы хотите от меня?

– Вы очень умны, месье. Если бы вы не были умны, то ваши выкрики были бы просто грубыми и вульгарными. Но ваши речи весьма остроумны. Вы их репетируете?

– Некоторые части сочиняю заранее и репетирую. Но многое добавляю по ходу дела. Как подскажет душа.

– Вы умеете читать и писать?

– Немного.

– Мне показалось, что вы учились. Вся эта философия...

– Хм... я ходил в Латинский квартал и слушал беседы студентов в тавернах. От них и набрался. Полагаю, у меня к философии природная склонность.

– Чем еще вы занимаетесь?

– Я башмачник.

– А как вас зовут?

– Эркюль Ле Сур.

– Забавное сочетание. – Она опять звонко рассмеялась. – Наполовину герой, наполовину разбойник.

– Мне никогда не приходилось воровать. А как ваше имя?

– Этого я вам не скажу, месье.

– Воля ваша.

Ле Сур задумчиво смотрел на нее. Он уже догадался, чего она хочет. Женился он, будучи еще очень молодым, и три года назад овдовел, оставшись с малолетним сыном. Семья сестры жила с ним на одной улице, к югу от университетского квартала, рядом с фабрикой гобеленов. Поскольку сын сроднился со своими кузенами, Эркюль не испытывал необходимости искать новую жену. Личное обаяние, которое он демонстрировал во время своих выступлений на Новом мосту, влекло к нему женщин, и в последние пару лет он наслаждался одним романом за другим, сохраняя при этом независимость. Среди его побед числились и жены нескольких богатых торговцев. Но знатная дама – это было нечто совершенно новое.

Он решил посмотреть, как события будут развиваться дальше.

– Должно быть, вы голодны после выступления, – сказала она. – Не желаете ли поужинать со мной?

– Если еда будет хорошей, то не откажусь.

Кучер, по-видимому, знал, куда ехать. Карета выкатилась на правый берег, оставив Лувр с западной стороны. Вскоре повернула налево, к Марэ. В какой-то момент Эркюль вдруг испугался, не окажется ли эта дама сумасшедшей. Он достаточно силен, чтобы справиться и с ней, и с кучером, но что, если она задумала его отравить?

Она как будто прочитала его мысли:

– Жизнь без риска скучна.

– Мы едем к вам домой? – спросил Эркюль.

– Нет. – Она пристально посмотрела на него. – На это я не осмелюсь. Расскажите о себе.

Он пожал плечами. Скрывать особо было нечего. Он рассказал ей о своих предках, по большей части бедных ремесленниках.

– Говорят, у нас в роду был один знаменитый преступник, которого повесили, но было это очень давно.

– Вы думаете, это правда?

– Может быть. В любом случае с тех пор мы пытаемся больше не попадаться.

Также он поведал о смерти жены и о маленьком сыне.

– Но вы не женились снова?

– Пока нет.

– Предпочитаете быть независимым.

– Почему вы так решили, мадам?

– Вы вообще слышали свои разглагольствования на мосту? – Она улыбнулась.

Сквозь тонкую занавеску он видел, где сейчас едет карета. Они оказались в самом сердце квартала Марэ, на Королевской площади, построенной Генрихом IV. Там они остановились. Ле Сур услышал, как кучер спустился на землю. Открылась дверца.

– Мы поужинаем, – сказала дама кучеру и обратилась затем к Эркюлю: – Прошу вас выйти на минутку, пока нам приготовят стол.

Из заднего ящика кареты кучер вынул узкий столик со складными ножками. Ле Сур очень удивился, когда понял, что этот стол будет установлен внутри экипажа. Пока кучер занимался приготовлениями, философ огляделся.

Эта площадь, вне всякого сомнения, являлась самым гармоничным местом в Париже. По ее четырем равным сторонам стояли дома из идеально подобранных камня и кирпича и благосклонно взирали на ряды подстриженных зеленых деревьев, которые обрамляли четыре газона. Вдоль всех фасадов протянулись аркады со сводчатыми потолками, превращая весь ансамбль в единое целое.

Само собой, все быстро забыли, что король Генрих строил эти дома для честных рабочих семей. Богатые, оценив красоту площади, немедленно заняли апартаменты. Но простые люди все равно могли

гулять под этими тихими аркадами и наслаждаться уединенным покоем чудесной площади.

Установив стол в карете, кучер извлек на свет корзину и стал выкладывать еду. Затем он подхватил деревянную кадку, сходил к ближайшей водокачке и наполнил ее водой, чтобы напоить лошадь. Было очевидно, что теперь он отправится в таверну, оставив хозяйку и ее гостя вкушать ужин вдвоем.

– Пойдемте, – позвала Ле Сура дама. – Давайте поедим.

Ужин в карете оказался поистине гениальным замыслом. Из-за того что стол занял много места, Эркюлю пришлось сесть не напротив, а рядом с незнакомкой, но это ничуть не огорчило никого из них.

– Этот стол придумал мой муж и попросил плотника смастерить его, – рассказала хозяйка гостю. – Таков вклад моего супруга в развитие цивилизации.

– Получилось очень удобно, – заметил Эркюль, отдавая справедливость отсутствующему автору изобретения.

Фасоль, тушеная утка, отличное вино, несколько сортов сыра, фрукты. На вкус Ле Сура, ужин получился отменный. Тем временем дама описала в общих словах, без имен и названий, свою семью и замок, где в настоящее время находился муж. Было совершенно ясно, что она именно такая аристократка, за какую принял ее Эркюль.

Часто ли с ней бывают подобные приключения? Ле Сур искал ответа. Кучер, которому дама столь полно доверяла, казалось, точно знал, что и как делать.

– У меня такое ощущение, будто я принимаю участие в каком-то ритуале, – сказал он.

– Этот ритуал, месье, совершается крайне редко. Только при нужном расположении звезд.

– В таком случае я польщен.

– Если вам что-то не нравится, вы можете уйти.

– Я предпочту остаться.

Когда они закончили с едой, она спросила, не видел ли Эркюль, как стол и корзина уместятся в заднем отделении. Он сказал, что видел.

– Тогда не окажете ли вы мне любезность уложить их обратно?

Он легко упаковал остатки еды и посуду в корзину. За пару секунд разобравшись, как складывается стол, Эркюль вынес все наружу и

убрал в задний ящик.

Покончив с делом, он посмотрел вокруг. Стоял тихий, сонный вечер. На площади было почти безлюдно.

Он залез в карету и закрыл за собой дверцу.

Дама уже сняла платье. Фигура у нее была прекрасная.

Она протянула руку и привлекла его к себе.

Кучер вернулся, только когда совсем стемнело.

В октябре Женестьева открылась сестре.

– Твой муж знает? – первым делом спросила Катрин.

– Да, я сказала ему.

– Он думает, что это его ребенок?

– Нет. Это невозможно.

– Как же это случилось?

Женестьева все ей рассказала.

– Ты сошла с ума! – вскричала Катрин.

– Знаю. – Женестьева с загадочной улыбкой тряхнула волосами. –

Сама не могу поверить, что сделала это.

– Но почему? Ради риска? Ради чувства опасности?

– Да. Это было так увлекательно. Ведь я ужасно скучала. Я хотела чего-то... живого.

– Персеваль в курсе того, что ты сделала? В смысле, специально отправилась на улицу, чтобы...

– Нет. Насчет этого я солгала. Он думает, все произошло случайно.

Секундное помешательство... Ну, ты понимаешь.

– И что он собирается делать?

– Он будет беречь честь семьи, разумеется. Что еще он умеет?

1685 год

Персеваль д'Артаньян смотрел на свою дочь Амели. Сам он был мужчиной среднего роста с круглым животом; длинный, как диктовала мода, парик скрывал лысину. Кем бы ни был настоящий отец Амели, думал д'Артаньян, он одарил девушку густыми каштановыми волосами. В остальном она очень походила на мать. Сама Амели, конечно, ничего об этом не знала и считала отцом его, Персевалья

д'Артаньяна. И любила как отца. А его душу разрывали противоречивые чувства.

Разве можно было не полюбить малышку, которая подбегала к нему, сама невинность, и брала своей ладошкой его руку? Малышку, которую он носил на плечах и учил ездить верхом? Амели была славной, искренней девочкой – лучшей дочери и пожелать невозможно. Да, ее он любил.

И только иногда, когда вокруг никого не было, он позволял себе отдаться черному гневу, ненависти, переполнявшей сердце, – но не к ребенку, а к своей жене.

Больше Женевьева не изменяла ему. Она поклялась в этом, и д'Артаньян был уверен, что она сдержит слово. Последние двадцать лет они живут так же, как и большинство супружеских пар. Между ними даже возникла некая привязанность, в основном благодаря его доброте к маленькой Амели. Но в течение этих лет он познал одну печальную истину: время лечит маленькие раны, но большие может лишь перебинтовать, а они так и будут кровоточить под повязкой, не заживая.

И вот Амели влюбилась. Ей еще не исполнилось двадцати. Мать узнала о ее чувствах днем ранее и попросила мужа поговорить с дочерью.

– Дитя мое, – сказал он твердо, но ласково, – ты не можешь выйти замуж за этого человека и сама это знаешь. Собирается ли он просить твоей руки?

– Он любит меня. – Она подняла на отца несчастные глаза. – Я уверена, что любит.

Персеваль д'Артаньян улыбнулся и покачал головой. Все это дело – просто глупость какая-то, но он понимал, что Амели от этого ничуть не легче.

Ничего подобного не случилось бы, если бы сестра Женевьевы не вышла замуж за торгаша, ведь тогда у Амели не было бы возможности познакомиться с Пьером Ренаром. А так, навещая кузенов и кузин, она неизбежно встречалась с самыми разными людьми, которым не было доступа в ее собственный дом.

Пьер Ренар был приятным человеком, приближающимся к тридцатилетию. Младший сын в обеспеченной семье и завидный жених для многих девушек.

Но жениться на Амели он не мог.

Во-первых, он протестант. Вплоть до последних лет правления Генриха IV его предки были добрыми католиками. Но потом его дед вторым браком женился на протестантке и сам перешел в ее веру. Отец Пьера заработал приличное состояние и в католицизм не вернулся. Д'Артаньян не знал, каковы были планы девятнадцатилетней Амели, впервые узнавшей, что такое любовь: убедить мужа вернуться к истинной вере или самой стать еретичкой. Но ему и не нужно было знать это. Потому что второе препятствие к браку дочери с Пьером было куда серьезнее.

Ренар не был аристократом.

– Я не могу допустить, чтобы ты потеряла все, что дает тебе знатность, дитя мое, – сказал д'Артаньян. – Когда ты станешь старше, то будешь благодарить меня за то, что я спас тебя и твоих детей от такого ужасного и непоправимого падения.

Это было правдой: он спасает ее от самой себя. Но им двигала и еще одна причина, столь же важная. Каковы бы ни были обстоятельства рождения Амели, она носит его имя. На кону честь рода. Никто, носящий гордое имя д'Артаньян, не свяжет себя узами брака с простолюдином.

– Выброси этого человека из головы, Амели, и ты не должна больше встречаться с ним.

Когда она покидала комнату, Персеваль видел, что дочь глотает слезы, однако больше ничего не мог для нее сделать.

Его старшие дети, сын и дочь, нашли себе супругов в благородных семьях и были весьма счастливы. Он понимал, что надо подыскивать мужа и для Амели. Это досадное недоразумение с Ренаром напомнило ему, что давно пора заняться этим.

Как удачно, что именно этим утром пришло одно письмо. Он решил ответить немедленно.

Последующие дни стали очень горькими для Амели. Когда она открылась матери, что влюблена, то не сказала всего.

Перелом начался после того, как она рассказала о своих чувствах к Пьеру Ренару кузине Изабелле. Та поделилась с братом Ивом, который затем узнал от Пьера, что тот тоже влюблен в Амели, но считает это чувство безнадежным, потому что она аристократка и католичка, а он

ни за что не откажется от своей веры. Затем Изабелла передала его слова Амели.

– Если бы он предложил, я бы сбежала с ним, – сказала Амели.

– А как же его религия? – напомнила ей Изабелла.

В последние годы для гугенотов жизнь усложнилась. Людовик XIV руководствовался старой поговоркой: «Народ следует вере своего короля». Он любил порядок, а протестанты в католическом государстве означали беспорядок, что подтверждалось былыми смутами во Франции и многих других странах.

Более восьмидесяти лет Нантский эдикт короля Генриха IV обеспечивал гугенотам защиту. Но теперь король-солнце давил на них все сильнее, вынуждая переходить в католичество. Он даже повелел расквартировывать кавалерию в протестантских жилищах, превращая жизнь хозяев в сущий ад. И все говорило о том, что дальше будет только хуже.

– Это безумие – в наше время становиться протестанткой, – предупреждала кузину Изабелла.

Но Амели любила слишком сильно, чтобы прислушиваться к доводам рассудка.

И для нее совсем не имело значения то, что у Пьера нет титула. Бывая у своих кузенов, она находила их жизнь счастливой и спокойной, не связанной светскими обязанностями и запретами, которыми знать платила за освобождение от податей и доступ ко двору.

Амели поступила мудро, не сказав ничего этого родителям.

Но она думала о Пьере. Думала постоянно. Она жаждала быть рядом с ним. Если бы только они могли поговорить!

Ах, и зачем только она доверила свой секрет матери! Амели не сомневалась, что ее кузены дали знать Пьеру о ее чувствах к нему. Если бы она не проболталась матери, то сейчас могла бы встречаться с Пьером в доме тети, как раньше. Могла бы дать ему шанс открыться. Они что-нибудь придумали бы. И даже если бы он сказал, что их любовь не имеет будущего, то она хотя бы знала, что он ее любит.

А так Амели пребывала в сомнениях. Родители не позволяли ей видиться с кузенами, поэтому у нее не было от него новостей. Как ни глупо, но она продолжала надеяться, что он появится, придет к ним в дом, чтобы поговорить с отцом и попросить ее руки. Ему отказали бы, но все равно его предложение значило бы для нее так много... Амели

знала, что все это бессмысленно. Их дом находился к западу от дворца кардинала – теперь он назывался Пале-Рояль, – и она часами напролет стояла у окна, глядя на улицу Сент-Оноре в надежде, что там покажется Пьер. Если бы он приставил к ее окну лестницу, то Амели с радостью спустилась бы по ней в его объятия... Еще более глупая фантазия. Но она ничего не могла с собой поделать. День за днем проходил в печальных мечтах.

В пятницу в середине октября к ней в комнату пришла мать и как-то странно посмотрела на нее.

– Амели, – сказала она, – есть одна новость, которую тебе стоит узнать. Вчера король принял важное решение. Он отменяет Нантский эдикт. Указ вступит в силу с понедельника.

– Что это будет значить для протестантов?

– Они будут вынуждены перейти в католичество. Король посылает войска на все главные дороги королевства, чтобы не дать гугенотам ускользнуть.

– Значит, Пьер Ренар станет католиком.

– И никак иначе. – Она с сочувствием посмотрела на дочь. – Но тебе это не поможет, Амели. Он по-прежнему не имеет титула.

В понедельник отмена эдикта вступила в силу.

В среду тетя Катрин пришла к ним вместе с Изабеллой. Амели тут же отвела кузину в сторонку и спросила, нет ли новостей от Пьера Ренара.

– Ты разве не слышала?

– Что? Я ничего не знаю.

– Пьер Ренар исчез. – Изабелла взяла двоюродную сестру за руку. – Тебе лучше забыть его, Амели. Вся его семья уехала. Никто не знает, где они. И я не думаю, что он вернется.

По всей Франции происходило то же самое. Какие-то семьи уехали сразу, другие предпочли подождать. Но эдикт Фонтенбло, как стали называть закон, отменивший Нантский эдикт, сделал их жизнь в королевстве невыносимой.

Все протестантские церкви подлежали уничтожению, и любое протестантское собрание, даже малолюдное и в частном доме, объявлялось незаконным. Всех, кого застанут на таком собрании,

ожидала конфискация имущества. Протестантские священники должны были отречься от своей веры или покинуть Францию; пойманных после указанного срока отправят в тюрьму. Простые прихожане протестантских церквей за попытку бежать из страны подлежали аресту: мужчин затем сажали в тюрьму, а женщин лишали всего нажитого.

Закон был беспощадным. Закон был всеобъемлющим. Столетие назад Варфоломеевская ночь стала кошмаром. Но механизмы централизованного государства Людовика XIV действовали куда более тщательно. Протестанты были уничтожены. В огромных количествах они, не имея выбора, переходили в католичество. Вероятно, таких новообращенных насчитывалось не менее миллиона.

И тем не менее десятки и даже сотни тысяч сумели уйти. Скрываясь по отдаленным дорогам, двигаясь через леса, прячась в повозках и на баржах, небольшими группами они просочились сквозь границу в Нидерланды, Швейцарию или Германию. Другие выбрались через гугенотские порты прежде, чем король успел их заблокировать. Они подвергались смертельному риску и должны были вести себя крайне осторожно. И, несмотря на всю свою мощь и власть, король-солнце не смог остановить их. Франция была слишком велика, гугеноты – слишком многочисленны. Так же как в массовой эмиграции пуритан из Англии в Америку пятьюдесятью годами ранее, почти два процента населения Франции, включая наиболее квалифицированных работников, были потеряны для своей родины и стали достоянием других стран.

Семья Ренар действовала быстро, и это было умно. Не сказав ни слова друзьям и соседям, они незаметно скрылись. Месяц спустя они прибыли в Лондон, где местная гугенотская община вскоре выросла во много раз.

Через неделю после эдикта Фонтенбло Персеваль д'Артаньян призвал Амели для беседы.

– Дитя мое, – объявил он, – у меня для тебя прекрасное известие. Тебе представилась великая возможность – такая, которая может полностью изменить твою жизнь.

Далее он пояснил: мадам Сен-Лобер, их дальняя родственница, имеющая связи при дворе, написала ему, что у нее на примете есть

хорошее место для Амели. Он ответил, выразив свою заинтересованность.

– И вот мы обо всем договорились. – Он не сдержал восторженной улыбки. – Ты едешь в Версаль!

– В Версаль? – Амели была обескуражена. – Но я думала, ты ненавидишь двор, папа.

Она была права, разумеется. Два десятилетия подряд д'Артаньян наблюдал за тем, как слабеет хватка короля-солнца. Кардинал Ришелье был ментором кардинала Мазарини, и Мазарини в свою очередь оставил королю своего ученика, суперинтенданта финансов Кольбера. За двадцать лет Кольбер выстроил из простолюдинов бюрократический аппарат, который потихоньку отбирал у короля все больше и больше административных функций.

Пока королевский двор находился в Париже, этот процесс протекал почти незаметно. Король производил улучшения в Лувре, начал строить доселе невиданный госпиталь для ветеранов армии. Это приветствовалось. Светская жизнь текла как обычно. Знать обитала в своих особняках и замках. В театрах ставили Корнеля, Мольера и Расина. И если утомительную рутину повседневного управления государством все активнее брала на себя бюрократия, то армейские офицеры по-прежнему происходили только из аристократов. Ратная слава принадлежала им. Они могли сражаться и погибать за короля, гордиться собственной старомодной отвагой, завоевывать лавры, подобно героям Средних веков, и взирать сверху вниз как на бюрократов, так и на торговцев.

Так было до тех пор, пока двор не переехал в Версаль. Случилось это всего три года назад, но перемена свершилась кардинальная. Теперь каждый, кто искал должности или королевской благосклонности, принужден был бросить столицу и жить в Версале на виду у короля. Даже доблестные солдаты после лета, проведенного в боевых условиях – ибо война, хвала Господу, все еще велась в теплый сезон, – зиму должны были проводить в Версале, чтобы быть замеченными королем и получить назначение на следующий год. Причем находиться там нужно было постоянно. При необходимости вояки могли, конечно, отлучаться в свои поместья, но если кто-то без разрешения сбегал на неделю в Париж, король неизменно замечал это, и тогда нарушитель терял всякие шансы на получение командной должности. Д'Артаньяну

не нравились методы короля, но он понимал их эффективность. Людовик контролировал всех.

– Это правда, что я не люблю Версаль, – сказал он Амели, – и сам я не желаю туда ехать. Но для тебя это все равно отличная возможность. Предложенное тебе место превзошло все ожидания. Ты станешь фрейлиной дофины, невестки самого короля. – Его лицо смягчилось. – И я думаю, что смена обстановки пойдет тебе на пользу.

Вопрос в любом случае был решен. Три дня спустя Амели уже находилась на пути к версальскому двору.

Роланд де Синь смотрел на письмо, понимая, что должен немедленно ответить, но он очень не хотел этого делать.

Прошло уже порядочно времени с тех пор, как он поделился с кузенном Ги в Канаде печальным известием о смерти своей жены. А перед тем много лет вообще не писал ему.

В начале века его дед регулярно переписывался со своим братом Аланом. Они были преданы друг другу, и даже океан шириной пять тысяч километров не мог изменить этого. Робер долго не терял надежды, что его младший брат покроет себя славой в Канаде, получит высокий пост и богатство, ему соответствующее, после чего вернется во Францию и станет основателем младшей ветви рода. Возможно, эта мечта умерла лишь вместе с самим Робером.

Но судьба Алана сложилась иначе. Нельзя сказать, что он никак не проявил себя. Ему пожаловали немало земель за его заслуги, но чтобы эти земли не пропали даром, их нужно было обрабатывать. В конечном счете Алан попросил брата найти ему невесту из благородной семьи, которую не испугают трудности жизни среди первопроходцев. Задание оказалось нелегким. Найти девушку хоть с каким-то приданым не удалось. После долгих поисков Роберу представили младшую дочь обедневшего аристократа, влачившего существование мелкого фермера, и она согласилась стать женой титулованного соотечественника с наделом земли в дикой и далекой стране. После ее прибытия в Канаду Алан написал брату, что тот сделал прекрасный выбор и что они с молодой женой счастливы.

Следующее поколение поддерживало связь. Роланд помнил, что дед говорил о его, Робера, канадских кузенах как о членах семьи, с которыми он непременно увидится. После кончины дедушки переписка

стала обязанностью его сына Шарля, отца Роланда. Теперь вот Роланд обменивался письмами со своим троюродным братом Ги, но делали они это совсем редко, главным образом если случалось важное для семьи событие.

Поэтому Ги де Синь, живя в Канаде, знал, что у Роланда и его жены только одна дочь, которая давно выросла и вышла замуж за аристократа из Бретани. Он знал также, что двое ее сыновей умерли в младенчестве, что Роланду исполнилось пятьдесят пять лет и что он вдовец. Вряд ли кто-то предполагал, что он захочет жениться второй раз и завести новую семью.

Ги де Синь имел представление о том, что его французский кузен принимал участие в битвах и был ранен, но не знал подробностей. Между тем Роланду рассекли нос, и обезображенное лицо уменьшало его шансы в столь немолодом возрасте отыскать новую подругу жизни.

Таким образом, Ги де Синь имел все основания предполагать, что, когда не станет ни его самого, ни Роланда, единственным мужчиной, носящим фамилию де Синь и, соответственно, наследником родового поместья будет его сын Алан.

Письмо, которое лежало теперь перед Роландом, пришло не от Ги, а от этого Алана, двадцати лет. Он с прискорбием сообщал о кончине своего отца и спрашивал, не желает ли Роланд де Синь пригласить его во Францию. Это был справедливый вопрос. Если молодой человек станет продолжателем рода во Франции, то ему предстоит многому научиться, и Роланду следовало призвать его немедленно.

Но он не мог заставить себя сделать это. Глубокий первобытный голос в его душе требовал бороться. Ни в коем случае не сдаваться! «Пусть я не красавец, – думал он, – но у меня по-прежнему есть имя и здоровье. Лет десять-то я еще проживу, а то и дольше».

Мадам Сен-Лобер была женщиной средних лет, с продолговатым лицом и очень большими голубыми глазами. Ее мать и мать д'Артаньяна были кузинами. Ее муж, граф, занимал скромную должность суперинтенданта шахт, но претендовал на большее. Чтобы помочь ему достичь этой цели, она подружилась со многими придворными. Сен-Лоберы имели в городе небольшой дом, и там Амели провела свою первую ночь в Париже. На следующее же утро мадам Сен-Лобер объявила, что поведет ее ко двору.

– Дофина даст тебе аудиенцию только завтра. Кстати, можешь не волноваться. Я узнала, что на сегодня ты единственная кандидатка на это место. Так что достаточно быть любезной – и оно твое. Но все равно тебе будет полезно увидеть двор заранее. Поэтому сегодня просто держись рядом со мной и наблюдай.

Процесс одевания занял не один час. Платье Амели было очаровательным. Нижняя юбка из муарового атласа, отороченная шелковыми оборками; юбка с кринолином, присобранная на талии и подхваченная по бокам; короткий летящий шлейф... Оно было сшито из тяжелого шелка светло-коричневого цвета с розовым отливом, который был ей очень к лицу. Обтягивающий лиф украшали прелестные ленты, завязанные бантами, а запястья и горло – французские кружева. Ничего более женственного, чем это платье, и вообразить невозможно. Парикмахер мадам Сен-Любер потратил на прическу Амели два часа, укладывая колечки и завитки в соответствии с последней модой.

Амели облегченно вздохнула, когда мадам Сен-Любер осмотрела платье и удовлетворенно кивнула:

– Оно лучше, чем у большинства придворных дам. Не все здесь богаты, знаешь ли. Ты выглядишь очень хорошо. Следуй за мной.

Первой неожиданностью для Амели стала толпа перед входом во дворец.

– Кто это? – спросила она.

– Все, кто хочет взглянуть на короля.

– Неужели любой может войти?

– Да. И желающих, как видишь, предостаточно.

В этот миг мимо них пронесли крытый портшез.

– Ой, а там кто? – спросила Амели.

– Трудно сказать. Все портшезы в Париже – наемные. Только королевская семья имеет право владеть собственными.

Они поднялись по величественной лестнице и вошли в огромную Зеркальную галерею. Там было не протолкнуться. Собрались все – от аристократов до ремесленников.

– Мы постоим в задних рядах, – сказала Амели ее наставница. – Мы же не стараемся попасться королю на глаза, как остальные. Я просто хочу, чтобы ты огляделась.

И Амели стала смотреть по сторонам. Просторный зал, увешанный зеркалами, тянулся так далеко, что ей не удалось увидеть другой его конец, чему помешали, конечно же, и стоящие сплошной стеной люди. Хорошо виден был только длинный ряд хрустальных люстр, свисающих с высокого расписного потолка.

И вдруг в бесконечной галерее все разом стихло. Появились лакеи и другие дворцовые служители. Толпа как по волшебству расступилась, подобно библейскому морю, отхлынув к стенам и оставив посередине широкий проход, по которому спустя мгновение двинулась королевская свита.

– Каждый день ровно в этот час король направляется на мессу, – шепнула мадам Сен-Лобер. – По нему можно узнавать время!

Первым шел сам король. Он определенно являл собой величественную фигуру. В большом черном парике и расшитом камзоле, он шагал по галерее быстро, но с достоинством. Нос с горбинкой и слегка опущенные веки придавали его лицу нечто орлиное. Амели хватило жизненного опыта, дабы понять, что эти глаза видят все даже из-под полуопущенных век. И еще кое-что привлекло ее внимание. Король был обут в башмаки на высоких каблуках. Она шепотом поделилась своим наблюдением с мадам Сен-Лобер.

– Он носит обувь на каблуках, чтобы казаться выше, – последовал ответ тоже шепотом. – И всегда носил.

– Мне он не кажется таким уж страшным.

– Никогда не совершай этой ошибки, дорогая. Король – самый воспитанный человек во Франции. Даже при встрече с судомойками он прикасается к шляпе. Но его власть ничем не ограничена. Его боятся все, включая родных детей. – Она указала на мужчину в сутане иезуитского монаха, идущего в шаге от короля. – А это его духовник, отец де Лашез.

Амели заметила, что все присутствующие улыбаются святому отцу.

– Отец де Лашез добр к каждому, – сказала ее пожилая родственница. – При дворе больше всего боятся короля, а любят больше всего Лашеза.

Следующим шел высокий светловолосый мужчина, с добродушным тевтонским лицом и легкой склонностью к полноте.

– Это старший сын короля, дофин. Мы зовем его Великий дофин из-за его высокого роста. Вот с его женой тебе и предстоит завтра встретиться.

– А-а.

– За ним ты видишь герцога Орлеанского – это брат короля – и его жену.

Мимо них прошествовала красивая женщина, одетая очень просто, с алмазным крестом на груди.

– С тех пор как умерла королева, подруга короля мадам Ментенон стала оказывать на него такое влияние, что при дворе поговаривают, будто они втайне поженились. Но наверняка ничего не известно.

Потом прошла дама, лицо которой еще сохранило следы былой красоты, однако по ее тяжелой походке было понятно, что у нее распухли ноги.

– Мадам Монтеспан, бывшая любовница короля, имевшая наибольшее влияние. Она родила королю нескольких детей, и он узаконил их всех.

– Он вправе так сделать?

– Что за вопрос! Он может делать все, что хочет. Ну почти все. Как тебе известно, он даже сам назначает французских епископов, не уступая этого права папе римскому.

Когда кортеж прошел, старшая родственница Амели решила показать девушке дворец и его окрестности.

– Вон там северное крыло, где у тебя будет своя комната. В том случае, конечно, если дофина сделает тебя своей фрейлиной. Тогда мы и сходим туда.

Мадам Сен-Лобер видела, что, невзирая на аристократическое происхождение, Амели имела крайне скудное представление о королевском дворе, и начала опасаться, не совершила ли ошибку, пригласив девушку в Версаль. Однако в окружении короля были люди куда менее знатные и менее воспитанные, чем Амели, но они сумели преуспеть. Поэтому мадам Сен-Лобер принялась за дело: рассказала о наиболее заметных обитателях Версаля, об их взаимоотношениях и месте в иерархии двора.

Этих обитателей было такое множество и отношения между ними были столь запутанными, что вскоре у Амели закружилась голова. У

короля были дети от покойной королевы и дети от любовниц. Затем были дети других ветвей королевской семьи, рожденные как в браке, так и вне его. И конечно же, было еще множество потомков от более древних ветвей королевского рода, насчитывающих сотни лет. Обычно отпрыски королевских любовниц получали в супруги наследников самых знатных семейств, вплоть до принцев крови.

– Не переживай, – сказала ей мадам Сен-Лобер, – скоро ты разберешься во всем, главное, слушай внимательно.

Когда дело дошло до иерархии, сначала нужно было уяснить главный принцип.

– Принцы крови ближе всего к королю по своему рангу, и поэтому довольно легко понять, кто над кем стоит. Но ранг и власть – совсем не одно и то же. Старший сын короля и брат короля находятся на вершине иерархической лестницы, только в правительстве не играют никакой роли. Людовик не позволяет им даже присутствовать на совещаниях.

– Но почему?

– Потому что хочет удержать всю власть в своих руках. Вероятно, король стремится лишить возможного соперника любых шансов.

– Об этом я и не подумала.

– Если кто-то ищет королевской милости, то сначала нужно обращаться к любовнице. Считается, что любовница имеет больше влияния на короля, чем жена.

– А каково тогда место его бывших любовниц, например мадам Монтеспан? Она еще имеет какой-то вес при дворе?

– Король навещает ее каждый день. Он к ней очень хорошо относится. Но с ней был связан один очень большой скандал, как ты знаешь... Хотя нет, ты была тогда слишком юна. В общем, ходят слухи, будто она пыталась отравить другую фаворитку. Никаких доказательств нет. Уверена, что это неправда. Однако с тех пор над ней нависла некая тень.

– Мне кажется, я попала в опасный лабиринт.

– Это королевский двор. Он не может быть иным.

Возвращаясь из дворца, Амели никак не могла справиться с дурными предчувствиями.

На следующее утро они вновь прибыли в Версаль, чтобы предстать перед дофиной. Амели уже знала о ней все необходимое.

– К первым красавицам двора она не относится, – сказала ей мадам Сен-Лобер, – тем не менее чем-то умеет угодить дофину. У них трое детей. Но последние роды, случившиеся в этом году, оказались тяжелыми и подорвали ее здоровье.

Апартаменты дофина были просторными, светлыми и полными воздуха. Но его жену они нашли совсем не там.

Несмотря на утренний час, в маленькой задней комнате царил темнота, так как окна были плотно занавешены. Их впустила служанка-итальянка. Жене крупного и добродушного принца, которого Амели видела вчера, нездоровилось. Амели помнила, что дофине около двадцати пяти лет, но болезненного вида женщина, принявшая их, выглядела гораздо старше. Она полулежала в мягком кресле и, подозревая Амели, велела сесть на низкий позолоченный табурет. Ее речь и движения были безжизненными.

Только оказавшись в непосредственной близости от первой дамы Франции, Амели поняла, что жена дофина уродлива. И не просто уродлива, а прямо-таки отвратительна: у нее была угреватая кожа, бледные, как у старухи, губы, гнилые зубы и неестественно красные кисти рук. Но хуже всего был длинный нос.

Внешность несчастной дофины была настолько неприглядна, что Амели сумела сохранить вежливое выражение лица лишь потому, что ее заранее предупредили.

Сначала дофина предложила ей кусок пирога. Поскольку отказ стал бы вопиющим нарушением этикета, Амели через силу съела угощение. Принцесса тем временем разглядывала ее.

Мадам Сен-Лобер предупреждала племянницу, что, несмотря на физическое безобразие, дофина очень аккуратна во время еды и терпеть не может женщин, которые не умеют вести себя за столом. К счастью, манеры Амели были безупречны.

Дофину, должно быть, удовлетворило то, как Амели справилась с первым испытанием, поскольку не уронила ни крошки и не пролила чай.

Умеет ли она читать и писать? Хороший ли у нее почерк? Та же итальянка принесла перо, чернила и бумагу, и Амели приказали записать несколько строк любого стихотворения.

Амели выполнила это задание, припомнив изящные богословские стихи Корнеля. И почерк, и выбор произведения вроде бы устроили

дофину.

– Дофина отменно начитанна и свободно владеет тремя языками, – говорила Амели ее наставница. – От тебя она, конечно же, ничего подобного не ожидает.

Затем разговор коснулся семьи Амели. По просьбе дофины она назвала сначала своих родителей, затем бабушек и дедушек, затем прабабушек и прадедушек, а потом и родителей последних, всего шестнадцать человек.

– Они все благородной крови? – хотела услышать подтверждение дофина.

Амели заверила, что это так.

– Это хорошо, – сказала дофина. – Это важно.

Амели хорошо помнила, что говорила ей днем ранее мадам Сен-Любер:

– Может, ты считаешь, что твой отец излишне озабочен родословной, но ты просто не знаешь, какое огромное значение придает этому вопросу германская знать. А дофина по рождению баварская принцесса. Она может сделать фрейлиной девушку, происхождение которой не слишком высоко, но относиться к ней будет с неприязнью. Даже с мадам Ментенон она обращается как со служанкой, потому что у той не все предки знатного рода. – Умудренная опытом родственница улыбнулась. – Ты не волнуйся, я уже все проверила с твоими родителями, а иначе не пригласила бы тебя. С моей стороны это было бы жестоко. Кстати, – посерьезнела мадам Сен-Любер, – на твоём месте я не упоминала бы при дворе о родственных связях в торговой среде.

В ходе беседы дофина самым любезным тоном осведомилась, есть ли у Амели родственники в Париже. И Амели чуть было не рассказала, что очень дружна с племянниками матери, но, благодарение Господу, вовремя спохватилась и избежала коварной ловушки.

– Должна признаться, что, как ни прискорбно, в нашей семье один человек по линии матери заключил неудачный брак, – ответила она, опустив глаза. – Кажется, там есть потомство, но мне о нем ничего не известно.

И этой ложью отправила своих любимых кузину Изабеллу и кузена Ива в небытие.

– Несчастье может постигнуть любого. Но ваша семья поступила совершенно верно в данной ситуации, – одобрила принцесса и

обратилась к мадам Сен-Лобер, которая все это время безмолвно стояла в уголке у двери: – Думаю, она прекрасно подойдет мне. Вы покажете ей, где она будет жить? – И снова повернулась к Амели. – Приходите завтра утром, моя милая, после мессы. Должна предупредить, что я никуда не выхожу, так что делать вам ничего не придется. Но вас это не будет огорчать.

Последние слова, очевидно, были приказом. Посетительницы с поклонами удалились.

– Вы не сказали мне, что она настолько безобразна! – пожаловалась Амели, как только они оказались за дверью. – Я едва удержалась, чтобы не поморщиться. Не понимаю, как она вообще могла понравиться своему мужу!

– Как-то понравилась. Вкусы у всех разные. Пойдем-ка посмотрим твою комнату.

Северное крыло было полностью отдано многочисленным дворянам, исполняющим те или иные обязанности. Там же проживали обедневшие аристократы, слишком старые для какой-либо службы, и бывшие придворные. Некоторым из них, наиболее знатным, выделили весьма просторное жилье. Но как ни велик дворец, потребность в помещениях давно превысила доступные площади. И в результате многократных дроблений и делений верхние этажи очень быстро превратились в самые аристократические трущобы в мире.

Взобравшись по темной лестнице на верхний этаж под самым чердаком, две дамы долго шли по коридору, пока не достигли двери, хитроумно распиленной надвое так, что левая половина открывалась в одну сторону, а правая в другую.

– Твоя часть левая, – сказала мадам Сен-Лобер, отпирая замок. – К сожалению, окно осталось в правой половине.

Перегороженная комнатка была настолько мала, что вмещала только узкую кровать и шкаф. И еще в ней царила кромешная темнота.

– Не очень-то здесь уютно, – упавшим голосом проговорила Амели.

– Это для начала, – твердо сказала мадам Сен-Лобер. – Мы сейчас найдем для тебя свечу и кое-какие другие вещи.

– Вам не кажется, – сопротивлялась Амели, – что супруга дофина Франции хотела бы, чтобы ее фрейлина имела окно?

– Трудно сказать, – ответила мадам Сен-Лобер, – поскольку сама она предпочитает сидеть в темноте.

Когда они закончили обустривать новое жилище Амели и снова оказались на лестнице, старшая родственница попыталась утешить ее:

– Попробуй понять: главное – попасть сюда. За этим последует остальное. Когда у тебя есть место в Версале, можешь ждать чего угодно! А если его у тебя нет, то ничего и не будет. Думай об этом. – Она посмотрела на Амели ободряюще. – Ты очень симпатичная. Ты из знатной семьи. Тебе сейчас нужно только быть со всеми приветливой. Заведи как можно больше друзей во дворце. Тогда ты быстро найдешь себе подходящего мужа.

– Значит, вот чего ждут от меня родители?

– Сюда являются все видные и значимые персоны королевства. Если бы ты была матерью, чего бы ты желала для своего ребенка?

На следующее утро Амели появилась у дофины в назначенный час. Ей было велено посидеть тихо, и так она просидела целый час. Потом дофина попросила ее отнести письмо герцогине Орлеанской, и Амели отправилась в путь.

С дороги она сбилась лишь дважды. Поскольку ей сказали, что ответа не будет, она тут же отправилась обратно. Когда девушка приближалась к покоям дофины, из своих апартаментов вышел дофин. Амели прижалась к стене и присела в реверансе, но он, вместо того чтобы пройти мимо, посмотрел на нее сверху вниз и спросил, кто она такая.

– А, новая фрейлина моей супруги? Что же, добро пожаловать. Расскажите о себе. – Услышав ее имя, он спросил: – Вы родственница знаменитого мушкетера?

– Связь отдаленная, монсеньор, но она существует.

– Превосходно. Буду рад поближе познакомиться с вами.

После этого очень приятного разговора с самим наследником Амели почувствовала себя гораздо лучше. Остаток дня она просидела в полутьме, ощущая душевный подъем.

Ввиду особого режима, которого придерживалась болезненная супруга дофина, она не требовала присутствия фрейлины по вечерам, и потому Амели и ее родственница договорились, что каждый вечер

мадам Сен-Лобер будет прогуливаться в определенной части дворцового парка, чтобы Амели могла найти ее в случае надобности. Подумав, что наставница будет рада узнать о ее знакомстве с дофином, девушка тем же вечером разыскала мадам Сен-Лобер. Та выслушала новость с интересом.

– Значит, тебе показалось, что дофин – красивый, сильный мужчина?

– О да!

– А ты знаешь, что у него была связь с бывшей фрейлиной жены?

– Нет...

– Конечно, это лучшее, что с ней могло случиться.

– Почему?

– Король и мадам Ментенон не одобряли этой связи, так что для девушки моментально подыскали мужа из весьма знатного семейства. – Мадам Сен-Лобер остановилась и внимательно посмотрела на Амели. – Возможно, с тобой произойдет то же самое.

– Ни за что! – вскричала Амели. – Мои родители придут в ужас!

Мадам Сен-Лобер помолчала, а когда заговорила, ее голос был сочувственным, но твердым:

– Дитя мое, когда твои родители посылали тебя в Версаль, они прекрасно знали о случае с бывшей фрейлиной.

– О господи... Неужели замуж выходят таким вот способом?

– Это один из вариантов.

Дофина она потом не видела целую неделю. Обычно он с раннего утра уезжал на охоту и не возвращался до поздней ночи.

Обязанности фрейлины при дофине оказались не такими уж утомительными, как сначала думала Амели. Время от времени к дофине приводили детей. За младенцем ухаживала кормилица, за двумя старшими – няньки, но их визиты к матери создавали некоторое разнообразие. Иногда дофину навещала герцогиня Орлеанская. Две дамы любили поболтать, и тогда Амели отсылали прочь. Но потом дофина так или иначе упоминала при Амели последние дворцовые новости, которые узнала от герцогини, так что девушка была в курсе происходящего в Версале.

Так она узнала, что с момента отмены Нантского эдикта король пребывает в дурном настроении, что молодым придворным разрешено

было отправиться на войну с турками, которые досаждали Восточной Европе, и что тот-то и тот-то порадовал короля своими подвигами, а кто-то другой разгневал его неосмотрительным высказыванием в письме.

– Королевские слуги читают письма всех и каждого, – заметила однажды дофина. – Поэтому думайте о том, что пишете, ведь король обязательно узнает об этом.

Через несколько дней Амели уже считала, что, хотя ей предстоит еще многому научиться, Версаль больше ничем не удивит ее. Она ошибалась.

Однажды во второй половине дня Амели шла по дворцу недалеко от королевских покоев. Было пусто, только в отдалении стояла в коридоре фрейлина примерно того же возраста, что и Амели. Неожиданно из какой-то двери появился король. Он не видел Амели, но заметил вторую девушку.

Все случилось так быстро, что Амели едва могла поверить своим глазам. Король обнял юную фрейлину, кивком показал, чтобы она подняла юбки и, ловко справившись с одеждой, прижал ее к стене и закинул ее ноги себе на бедра.

До смерти перепуганная Амели едва сообразила спрятаться за колонной. Она хотела убежать, но не смела, боясь быть обнаруженной. Ждать ей пришлось недолго. Она услышала, как открылась и захлопнулась дверь, и выглянула в коридор. Там была только девушка, но и та, быстро приведя в порядок платье, скрылась за углом.

Когда Амели добралась до комнаты дофины, та глянула на нее и равнодушно заметила, что фрейлина, кажется, повстречала привидение. Амели заверила ее, что с привидениями не сталкивалась.

– В любом случае я запрещаю тебе видеть их, – сказала дофина, – потому что они мне не нравятся.

Но вечером Амели рассказала об увиденном своей наставнице. Она ожидала, что мадам Сен-Лобер будет шокирована, но реакция опытной придворной дамы была совсем иной.

– Хм, вот как? – произнесла та. – Интересно. При жизни королевы он не прочь был поймать в коридоре симпатичную девицу. Но с тех пор как его фавориткой стала мадам Ментенон, он в каком-то смысле воздерживался от плотского греха. – Она подумала. – Король навещает мадам Ментенон дважды в день, и это больше, чем ей нужно, хотя долг

свой она выполняет, говоря ее собственными словами. Скорее всего, король действовал под влиянием настроения, случайно.

– Но, мадам, что станет с той молодой девушкой?

– В каком смысле?

– Но как же... Ее использовали...

– Он король. Он может делать все, что захочет.

– Это отвратительно!

– Власть – мощный афродизиак как для мужчины, облеченного ею, так и для женщин, окружающих его. Так было еще со времен Вавилона, и, смею предположить, так будет всегда. Женщины приходят сюда, чтобы оказаться поближе к власти и извлечь для себя выгоду от этой близости.

– Но... мужчина, который берет все, что только пожелает... Это так по-детски.

– Ты права, власть превращает взрослых людей в детей именно потому, что благодаря ей они могут делать что захотят. Но презирать их бессмысленно. Так уж устроен мир. Гораздо умнее будет научиться жить в этом мире. – Ее взгляд стал жестким. – Не ищи во дворцах чистоты, дитя мое. Там ты ее не найдешь.

– Но на ее месте могла оказаться я, – протестовала Амели.

Ее наставница промолчала.

Как ни глупо, но в последующие дни Амели никак не могла выбросить из головы тот случай. И мадам Сен-Любер не очень-то ее успокоила, если не считать уверений, что подобного, вообще-то, быть не должно.

Проходя через мраморные залы, мимо темных гобеленов и пышных портретов членов королевской семьи, наряженных классическими божествами, Амели все больше проникалась ощущением, будто очутилась в огромном мире, где главенствует безжалостный языческий бог солнца вкупе с важным земным государем.

Она мечтала только о том, чтобы сбежать из этого мира.

Однажды вечером она пошла погулять в большой сад, разбитый вокруг Версаля, туда, где обычно встречалась с мадам Сен-Любер. Но ее наставницы в тот день там не было. Амели долго ждала в надежде, что

она все-таки появится, – увы, напрасно. Не желая возвращаться в темную каморку, Амели медленно двинулась по длинной аллее.

В этой части сада она была совсем одна. Смеркалось, желтые листья, падавшие с деревьев, образовывали на земле темные груды. Это было беззвучное, призрачное время года.

Вдруг в сотне метров от Амели с боковой дорожки на пустую аллею вышел человек. Судя по силуэту, это был крупный, крепкий мужчина. Даже в свете угасающего дня Амели сразу узнала его. Дофин!

Она остановилось. Надеясь остаться незамеченной, метнулась к дереву, чтобы спрятаться за стволом. Но дофин увидел ее.

И тут Амели сделала ужасную глупость. Она запаниковала и бросилась бежать.

Ноги сами понесли ее прочь, она ничего не могла поделать. Память о том, что сделал король, была слишком свежа. Она здесь одна и совершенно беззащитна. Что, если дофин ведет себя так же, как его отец? Что ей тогда делать? Умолять о пощаде? Кричать? Амели не знала. И потому изо всех сил неслась через сад.

Но, оглянувшись назад, она увидела, что дофин тоже побежал. Он был высок и силен. Ей показалось, она слышит его смех. Что это означает? Его забавляет испуг молодой фрейлины или он предвкушает триумф? Дофин догонял ее. Топот его ног становился все громче.

Она постаралась бежать быстрее. Увидев слева еще одну аллею, бросилась туда.

И увидела всего в десяти метрах от себя еще одного человека, и он был настоящим чудовищем: тело мужчины венчала гротескная маска на месте лица. Потеряв от страха голову, Амели завопила. Оказавшись в ловушке, она заметалась в поисках выхода, увидела тропку между кустами живой изгороди, нырнула туда. И очень быстро поняла, что очутилась в тупике.

Ее била дрожь, она едва переводила дыхание и в то же время старалась не издать ни звука. Всего в нескольких метрах от нее зазвучали тяжелые шаги дофина и неожиданно стихли.

– А, месье де Синь, это вы.

– Да, монсеньор, к вашим услугам.

– Вы не видели сейчас юной дамы?

– Видел. Но прежде чем я успел представиться ей, она умчалась в сторону дворца.

– А-а. Кажется, она решила, что я преследую ее.

– Если это так, монсеньор, то, полагаю, она позволит догнать себя, если вы проследуете к дворцу.

– Благодарю, де Синь. Спокойной ночи.

Звук шагов дофина быстро стих в отдалении. Воцарилась тишина. Казалось, уродливое чудовище спасло ее от дофина для себя. Она приготовилась снова закричать. Но ничего не происходило.

Наконец после долгой паузы опять заговорил тот голос, который она перед этим слышала:

– Простите, что обращаюсь к вам, не имея чести быть представленным, юная дама, но я знаю, что вы должны быть где-то неподалеку, так как из того кустарника, куда вы забежали, нет другого выхода. – Голос был добрым. – Я Роланд де Синь, бедный вдовец. В давнишней войне я получил ранение, и, хотя рана моя почетная, гулять я предпочитаю в сумерках, дабы не смущать своим видом окружающих. Хочу уведомить вас, что дофин направился к дворцу. Не думаю, что он намеревался причинить вам вред, ибо репутация его совсем не такова. Сейчас я продолжу свой путь, но если вы пожелаете, чтобы я сопровождал вас в целостности и сохранности до вашего жилища, то буду счастлив оказать вам эту услугу.

Амели услышала, что он тронулся с места. Она подождала немного, потом с опаской выбралась из своего укрытия и огляделась. Уже почти стемнело. Что, если дофин не ушел, а бродит где-то неподалеку? Амели выбежала на главную аллею и увидела спину месье де Синя, ушедшего уже довольно далеко.

– Месье, – робко позвала она его. – Месье, прошу вас.

Вернувшись тем вечером домой, Роланд де Синь уже был влюблен, как безусый мальчишка. Ему не потребовалось много времени, чтобы узнать, кем была эта юная фрейлина, но, когда он попытался спросить, чем вызван ее испуг, она замкнулась, и он оставил тему. Одному Господу ведомо, что могла увидеть в коридорах Версаля невинная девушка.

И все же за время перехода к северному крылу она сказала ему достаточно, чтобы он понял: это честная и славная юная особа.

– Простите, что так напугал вас в аллее, – сказал Роланд де Синь.

– Я вскрикнула всего лишь от неожиданности. Кроме того, я уже была перепугана до смерти.

– Я знаю, что мое лицо может шокировать.

– Поскольку это не было лицом дофина, месье, поверьте, я не могла испытать ничего, кроме облегчения. – Она невесело улыбнулась. – Я целыми днями сижу в комнатах дофины, месье.

– Королю нравится, чтобы его окружали красивые люди. – Он негромко рассмеялся. – Большинство придворных хороши собой. Сам я редко здесь появляюсь, так как не ищу никаких милостей от короля, но со мной он всегда вежлив. Есть одна вещь, которую король не терпит в своих подданных, и это трусость в бою. Так что мои боевые раны говорят в мою пользу.

– Зачем же вы тогда приехали в Версаль, месье? – спросила Амели.

– В память моей дорогой супруги. Ей доставляло удовольствие бывать при дворе. И после ее кончины два года назад я остался здесь. В Версале у меня есть небольшой дом. Я прихожу во дворец и ухожу, когда мне захочется, а лето провожу по большей части в своем поместье. Наверное, я просто привык к Версалью. Но не люблю его.

– Боюсь, я никогда к нему не привыкну, месье. Мне здесь не нравится. Однако мои родители очень рассердятся, если я вернусь домой, – призналась она.

Оказавшись у себя, Роланд де Синь съел, по своему обыкновению, легкий ужин, а потом, велел конюху готовиться к отъезду в Париж на следующее утро, сел писать письмо.

Через десять дней после случая в парке Амели получила от мадам Сен-Любер весточку с просьбой прибыть к ней в дом тем же вечером. Там она, к своему восторгу, застала свою мать. Более того, Женевьева обняла ее ласково и похвалила:

– Ты отлично справилась, моя дорогая девочка. Мы с твоим отцом гордимся тобой.

– Мама, я ничего не сделала. Просто сидела в темной комнате с дофиной целый день и говорила с ней, когда она хотела поболтать.

– Я сейчас говорю не о дофине, Амели. Я говорю о твоём браке с месье де Синем.

– О моем браке?

– Он тебе ничего не сказал?

– Мы виделись только однажды.

– Ну, так или иначе, все уже решено. Твой отец крайне доволен. Я увижусь с месье де Синем завтра, но он из очень древнего рода, весьма почтенный человек, и его поместье даже больше нашего. Все просто чудесно. И так быстро. Я поверить не могу.

– Ты видела его, мама? Это старик с перерубленным надвое носом.

– Он был ранен, я знаю. Но ему нужен наследник. Мадам Сен-Лобер говорит, что он к тому же очень добр. Ты же не считаешь, что он дурно вел себя с тобой?

– Нет, мне так не показалось. Но я совсем не знаю его. Я не люблю его.

Мать посмотрела на нее как на дурочку, но потом отвела взгляд и переменяла тему:

– Конечно, поскольку ты фрейлина, король должен будет дать согласие на ваш брак, однако у него нет причин возражать.

– Мама, я не согласна выйти замуж за месье де Синя. И я очень несчастна в Версале. Я умоляю разрешить мне вернуться с тобой в Париж.

– Это невозможно, дитя мое. Король не разрешит тебе уехать, если только дофина сама не скажет, что ты ей больше не нужна. А твой отец не примет тебя обратно, если ты откажешься от предложения месье де Синя.

– О нет, я не верю, что он может быть таким жестоким!

На лицо матери упала тень грусти.

– Ты не знаешь, как добр он был к тебе, – тихо промолвила она.

И потом, попросив хозяйку дома оставить ее наедине с дочерью, Женестьева д'Артаньян рассказала Амели всю правду.

Когда она закончила, Амели не могла произнести ни слова и только ошеломленно смотрела на мать.

– Значит, я не дочь своего отца, – сказала она наконец. – Я не д'Артаньян.

– Нет.

– Кто же тогда мой отец?

– Я никогда не скажу тебе этого.

– Он был знатным человеком?

– Нет. Но мой муж дал тебя имя д'Артаньянов, сделал дочерью знатного рода, и ты должна носить это имя с честью. Тебе очень

повезло. Однако ты также должна помнить о положении отца. Он дает за тобой приданое, но оно маленькое. У него нет возможности обеспечить тебя получше. А месье де Синь владеет прекрасным поместьем и нуждается в наследнике. Он согласен на маленькое приданое. Непросто найти другого человека, который будет столь же великодушен. Тебе следует думать об отце не меньше, чем о себе самой. И не обременять его расходами, когда можно обойтись без них.

– Тогда я могла бы выйти за бедного человека, у которого нет титула.

– Нет. Ты не имеешь права бесчестить имя, данное тебе отцом. Это будет столь же несправедливо по отношению к нему. Но если ты выйдешь за месье де Синя, тогда все устроится как нельзя лучше. Твой долг согласиться на этот брак, Амели, и я считаю, что с таким мужем ты будешь счастлива. Кстати, месье де Синю ты очень понравилась. Он пишет как влюбленный.

– Мама, я приду еще раз завтра, и мы снова все обсудим, – сказала Амели. – Сейчас я слишком устала.

И даже не поцеловав мать, как было принято между ними, она ушла.

На следующий день она сказала дофине, что к ней приехала повидаться мать, и получила разрешение уйти из дворца пораньше. Поэтому день был еще в разгаре, когда она вошла в выросший вокруг дворца городок.

Отыскать дом де Синя было совсем не трудно.

Роланд де Синь в то утро встречался с матерью Амели и потому был немало удивлен, когда на пороге его дома появилась сама девушка и без сопровождения. Тем не менее он принял ее в элегантном салоне. Прогулка от дворца к городу окрасила ее щеки свежим румянцем.

Амели отметила убранство дома. В холле висел портрет Роланда де Синя в молодости, сделанный до ранения. Оказалось, что в свое время он был очень красив. В салоне над камином имелся еще один портрет – придворной дамы с приятным и добрым лицом. Очевидно, это была его жена, ныне покойная.

При свете дня Роланд де Синь выглядел тем, кем он был: пожилым аристократом, чье правильное лицо было обезображено ударом клинка. По-видимому, его брак был счастливым, и теперь, оставшись без

супруги, он чувствовал себя одиноко. С точки зрения Амели, он был очень старым, однако крепок – этого она не могла не признать. А еще ей показалось, что, несмотря на сдержанность манер, Роланд де Синь – человек решительный и твердый.

Амели сразу заговорила о том, ради чего пришла:

– Месье де Синь, моя мать сказала, что вы оказали мне честь, попросив моей руки. Ваше предложение еще в силе?

– Да, мадемуазель д'Артаньян.

– Вы сегодня виделись с моей матерью?

– Да.

– И что же она рассказала вам об обстоятельствах моего рождения?

– Она сказала, что вы младший ребенок в семье. – На его лице отразилось легкое удивление. – Что ваш брат унаследует поместье и что ваша сестра удачно вышла замуж.

– Тогда я должна уведомить вас, месье, что вас ввели в заблуждение. Я не являюсь настоящей дочерью моего отца. Не знаю, кто мой родной отец, но он не высокого происхождения.

Роланд де Синь задумался. Его несколько удивила скромность приданого, которое давали за Амели, и он решил, что это объясняется слабостью его собственной позиции. Пожилой человек с изуродованным лицом, отчаянно нуждающийся в наследнике, не может требовать многого за красивой дочерью аристократа. Новые сведения заставляли иначе оценивать размер приданого.

– Когда вы узнали об этом, мадемуазель?

– Вчера вечером, месье.

– Для вас это стало неприятным сюрпризом, полагаю. – Он внимательно посмотрел на нее.

– Да, не скрою.

«Зачем она рассказывает мне об этом? – рассуждал Роланд де Синь. – Рассчитывает, что я разорву договор? Должно быть, ей противна мысль о старом некрасивом муже... Но как же она рискует своей репутацией!»

Если о сомнительном происхождении Амели станет известно, то с ее крошечным приданым у нее действительно не останется никаких надежд на хороший брак. Понимает ли она это? Амели молода и расстроена и действует сгоряча. Все это было очевидно для де Синя. Но

он решил, что ее поступок также свидетельствует о прямоте и смелости. И за это полюбил ее еще сильнее.

И ему очень нужен был наследник.

– Мадемуазель, я премного благодарен вам за то, что вы пришли сегодня ко мне, – сказал он. – Вы не желаете оставить меня в неведении и доверили мне свой секрет. Со своей стороны, я хочу сказать, что просил вашей руки не ради вашего имени – у меня уже есть имя, которым я горжусь, – и не ради вашей красоты, хотя она была очевидна и в темноте при нашей первой встрече, а теперь при свете дня еще более впечатляет. Я захотел взять вас в жены, поскольку вы привлекли меня добродетельностью и честностью, которые я сразу распознал в вашем характере.

– Вы слишком любезны, месье.

– Ничуть. Ваш случай, даже если вы правы и не имело места какое-либо недопонимание, не так исключителен, как вам могло показаться. Поэтому во имя чести ваших родителей прошу вас никому об этом не говорить хотя бы несколько дней. Мне нужно некоторое время, чтобы самому обо всем подумать. Окажете ли вы мне такое одолжение? А затем мы вместе решим, как поступить.

– Если таково ваше желание, месье, я сделаю, как вы просите. – Амели подумала, что было бы некрасиво отказать в такой вежливой просьбе.

После ее ухода Роланд де Синь погрузился в задумчивость. Конечно, принесенная Амели новость была крайне неприятной. Внешность и манеры девушки не вызывали нареканий, однако мысль о том, что в благородное семейство де Синь волеется кровь простолюдинов, была противна ему.

Но потом одно воспоминание заставило его по-новому посмотреть на ситуацию.

За несколько месяцев до своей смерти его отец поведал Роланду об одной странной сцене, виденной им в Лувре.

– Тебе тогда было всего семь лет, – сказал ему Шарль. – Мне поручили отнести письмо королеве, матери нашего нынешнего короля. – Затем отец описал ему то, что произошло, и фигуру, мелькнувшую за дверью спальни королевы. – Говорили, что в ту ночь король вернулся и провел с королевой ночь. Может быть, так и было. Но могу поклясться, Роланд, я видел там Мазарини.

Роланд де Синь вздохнул. Что, если отец был прав? В последующие годы, когда Людовик XIII давно покоился в могиле, королевством управлял Мазарини и был в те годы так близок к королеве, что многие считали, будто они втайне поженились. Если Мазарини – настоящий отец нынешнего монарха, то это значит, что король-солнце происходит от низкорожденного итальянца, среди предков которого могли быть даже евреи.

И тем не менее он король Франции.

А кто бы ни был настоящим отцом этой прямодушной молодой девушки, она носит имя д'Артаньян. Этого должно быть достаточно для поддержания чести рода.

И еще одно соображение пришло ему на ум. Он не мог не испытывать некоторые угрызения совести из-за того, что фактически принуждает молодую женщину к браку. Но, учитывая только что обнаружившиеся обстоятельства, у Роланда де Синя не было сомнений, что в конечном счете Амели только выиграет, выйдя за него замуж. Шансы найти хорошую партию при таком мизерном приданом невелики. Похоже, ее родители надеялись, что она устроит свое будущее, став любовницей знатного лица при дворе, но, по его мнению, они плохо знают свою дочь. Играть в подобные игры совсем не в ее характере.

Зато если Амели выйдет за него, то получит положение, деньги и беззаботную жизнь. «А когда меня не станет, – думал Роланд, – у нее будет все, чтобы найти такого второго мужа, какого она сама захочет».

Он принял решение. Пора было действовать. Он сделает все, чтобы обеспечить свой род наследником и защитить эту юную девушку от ее собственной глупости.

Королю нравились храбрецы. И раньше Роланд де Синь никогда ни о чем не просил. Утром он попросит у короля аудиенции.

Через два дня Амели сидела в сумрачной комнате дофины. Они обе были очень удивлены, когда к ним заглянул придворный и сообщил, что король желает видеть Амели.

– Не представляю, зачем я ему понадобилась, – проговорила встревоженная Амели. – Уверена, я не сделала ничего дурного.

– Я тоже не знаю, но вы должны пойти к нему немедленно, – сказала дофина.

Амели знала, что обычно король ведет дела в присутствии нескольких доверенных советников. Однако в зале, куда ее привели, король находился в полном одиночестве. Она оробела еще сильнее. Рядом с креслом короля стоял стол, покрытый богато расшитой тканью, а поверх нее лежало несколько бумаг. Амели склонилась в глубоком реверансе.

Ей никогда еще не доводилось находиться так близко к королю Людовику. На нем был кафтан из темно-красного бархата с золотой отделкой, кружевной галстук и большой парик, воспроизводящий пышную каштановую шевелюру, которой король славился в молодости. Чувственное лицо с годами отяжелело, но каждая черта свидетельствовала о том, что Людовик привык к полному повиновению окружающих. Глаза его оказались меньше, чем представлялось Амели, и были они такими же темными, как парик, и такими же жесткими и циничными, как мир, которым он управлял. Сидел король в своей излюбленной позе: левая нога задвинута под стул, а правая, затянутая в белый шелковый чулок, подчеркивающий каждый мускул, горделиво выставлена вперед.

– Вы молоды, мадемуазель д'Артаньян, – сказал он спокойным тоном. – И носите достойное имя.

– Да, ваше величество, – сказала она помертвевшими от страха губами.

– Я желаю, чтобы вы ценили имя д'Артаньянов, которое вам повезло носить. Уверен, вы понимаете меня.

– Думаю, да, сир.

– Что бы вы ни думали о своем происхождении, вы не должны больше высказывать эти сомнения вслух. Никогда. Если же вы слушаетесь, я узнаю об этом.

– Я только пытаюсь быть честной, ваше величество, – рискнула оправдаться Амели.

– Такое стремление обычно похвально. Но в ваших обстоятельствах оно неуместно и принесет боль вам и вашим близким. Поэтому делайте так, как я вам сказал. – Он ждал подтверждения того, что она поняла. Амели молча склонила голову. – У вас есть возможность оказать большую услугу семье, которая много веков служила Франции, и также сделать счастливым храброго и честного человека. Я говорю, конечно же, о месье де Сине.

– Он оказал мне честь, сделав предложение, ваше величество, но, кажется, передумал.

– Напротив, он весьма решительно настроен жениться на вас, мадемуазель д'Артаньян, и я желаю, чтобы этот брак состоялся.

– Могу ли я, ваше величество!.. – отчаянно воскликнула Амели, но король жестом показал, что ей следует немедленно замолчать.

– Король желает этого, – холодно сказал он.

Le Roi le veut. «Король желает этого» – фраза, которая кладет конец всяким спорам. Амели сникла.

А потом она узнала, почему даже принцы крови дрожат в присутствии короля-солнца.

– Будет лучше для всех, если вы поступите так, как я говорю, мадемуазель, – негромко продолжал Людовик. – Доверьтесь моей мудрости. Вы никогда не будете сомневаться в своем происхождении, вы выйдете за месье де Синя и в один прекрасный день порадуетесь этому. – Затем в его голосе зазвенела сталь. – Но если вы хоть в чем-то слушаетесь меня, то горько пожалеете об этом. – Он взял со стола листок бумаги. – Вы знаете, что это такое?

– Нет, ваше величество.

– Это, мадемуазель, *lettre de cachet* – королевский указ о заточении без суда и следствия. С его помощью я могу послать вас в Бастилию или любую другую тюрьму. Я могу заключить вас в одиночную камеру и сделать так, чтобы вас больше никогда не видели. Это в моей власти, и никаких обоснований я не должен указывать. Я уже посылал в тюрьму молодых женщин подобным образом и вполне могу подписать сейчас и этот указ, а потом найти месье де Синю другую жену. Охранники, что стоят за дверью, сразу препроводят вас в место заточения. Через минуту вы, мадемуазель, исчезнете навсегда.

Амели била дрожь. Ледяной холод сковал ее члены. Она еще никогда не испытывала такого страха.

– Я сделаю, как вы приказываете, ваше величество, – хрипло выдавила она.

– Ни в чем и никогда не пытайтесь послушаться меня, мадемуазель. Я узнаю об этом, и тогда вас не спасет даже месье де Синь.

– Я никогда не слушаюсь вас, сир, – поклялась она.

– Я буду присутствовать на вашем бракосочетании, – сказал король и отпустил ее.

Год спустя Амели де Синь родила мальчика. Ее муж написал об этом факте своему кузену в Канаду. На этом переписка прервалась и больше не возобновлялась.

1715 год

В начале XVIII века на Новом мосту довольно часто можно было видеть старика, особенно когда погода стояла теплая. Его привозил туда в повозке внук.

Некоторые еще помнили, каким он был в свои лучшие годы.

– Слышали бы вы его тогда, – говорили они молодежи. – Величайший оратор Парижа. И сильный как бык. Вон сколько прожил.

Никто толком не знал, сколько ему лет, но точно больше восьмидесяти. Он по-прежнему носил ярко-красный шарф, только теперь его закрывала белая борода. Если кто-нибудь подходил к нему поговорить, старик отвечал кратко, и тогда становилось заметно, что во рту его осталось еще два-три зуба, и это было примечательно для такого глубокого старца.

До наступления лета 1715 года Эркюль Ле Сур не появлялся на мосту несколько месяцев. За прошедшую зиму он сильно сдал: лицо осунулось, одежда висела на нем как на палке. Но он вылез из повозки внука и поковылял к середине моста. И с тех пор его видели там еженедельно.

Однажды внук прокатил его вдоль левого берега реки, чтобы дед смог посмотреть через огромную эспланаду на холодный фасад Дома инвалидов, к которому король Людовик добавил великолепный собор с золотым куполом.

– Я видел изображения собора Святого Петра в Риме, – сказал Эркюлю внук, – и наш собор совсем такой же. Париж – это новый Рим.

В другой раз они поехали в северную часть города, где король Людовик велел снести старые постройки и проложить вместо них просторные бульвары.

– Наш король еще более прославил Францию, – с уверенностью заявил юноша.

– Может быть, может быть, – буркнул Эркюль.

Он был так стар, что произвести на него впечатление было нелегко. Ну да, думал он, Людовик добавил славы Франции Бурбонов. Он подчинил самые знатные семейства страны. Государством стали лучше управлять. За океаном в Новом Свете французские исследователи закрепили колониальные права Франции на территорию, протянувшуюся вдоль обширного бассейна Миссисипи, и в честь короля Луи назвали ее Луизианой.

В Европе власть могущественного клана австро-испанских Габсбургов ослабевала. Где силой, где хитростью король-солнце отбирал у них богатые пограничные районы вроде Эльзаса и Лотарингии и присоединял к Франции. Женив своих наследников на габсбургских принцессах, он поступил еще умнее, потому что вырождающиеся Габсбурги в конце концов не смогли произвести наследника испанского трона, и тогда корону Испании получил внук французского короля. Правда, Бурбонам пришлось пообещать остальной Европе, что Франция и Испания никогда не будут управляться одним монархом, но теперь южным соседом Франции стал дружественный Бурбон, а не соперник Габсбург. Французская культура повсеместно входила в моду. По всей Европе французский становился языком дипломатии и аристократии.

Эркюль признавался сам себе, что и он, будучи французом, гордится всеми этими свершениями. Но за славу Бурбонов пришлось заплатить высокую цену. Амбиции короля-солнца беспокоили правителей других стран, особенно протестантских. Атаковав Нидерланды, он дал им повод к действию, и почти два десятка лет тянулась изнурительная война, в которой талантливый английский генерал Черчилль, теперь герцог Мальборо, несколько раз громил французскую армию. Весь мир увидел, что великая Франция не так уж непобедима. Война опустошила казну короля-солнца и лишила Францию друзей. И что тут хорошего?

Кроме всего прочего, по мнению Эркюля Ле Сура, было и кое-что еще. Неуловимое, неосязаемое, что-то вроде облачка, закрывшего солнце.

Древние греки сочиняли трагедии, в которых царя, слишком много возомнившего о себе, неизменно наказывали боги. Древние римляне и средневековые народы верили в колесо Фортуны, которое никогда не

останавливает своего бега. А может, у Всевышнего имелись свои причины отвернуться от короля Франции.

Так или иначе, но Эркюлю Ле Суру было ясно одно: удача покинула короля-солнце.

Бедствия не ограничивались военными неудачами – решительно все шло не так. Начались неурожаи – вернейший признак недовольствия высших сил. Провинция страдала от голода и болезней. И в довершение всего один за другим умирали его наследники: сначала дофин, единственный законный сын короля, потом сын дофина, потом старший внук дофина. Как тут не поверить в то, что над королевским родом нависло проклятие? И вот теперь король совсем состарился, его здоровье ухудшается с каждым днем, а его единственному наследнику, младшему правнуку, исполнилось всего пять лет.

После всех усилий Людовика XIV по укреплению династии королевство может оказаться снова таким, каким было в начале его правления, – истощенным и с беспомощным ребенком на троне.

Солнце угасало. Неотвратимо наступала тьма.

Странная вещь случилась на исходе августа. В тот день Эркюль Ле Сур попросил внука отвезти его на новое место: на величавую Королевскую площадь в квартале Марэ. Когда они прибыли туда, он отыскивал какое-то известное ему место и там вылез, разминая ноги.

– Почему ты захотел выйти именно здесь? – спросил внук.

– Ты имеешь что-нибудь против?

– Да нет...

– Вот и нечего тогда болтать, – отрезал дед.

А сам он гадал о том, что стало с той загадочной женщиной. Наверняка уже умерла. «И сам я вот-вот последую за ней», – подумал Эркюль. Ему пришло в голову, что в каждом уголке Парижа, должно быть, есть места, где люди тайно занимались любовью – люди, которые с тех пор давно превратились в скелеты и прах. И если их всех разом воскресить и вернуть в тот момент, когда они предавались любовным утехам, то-то забавная получится картина: тысячи пыхтящих, сопящих и постанывающих скелетов. В теплом густом воздухе августовского полудня Эркюлю почудилось на мгновение, будто он и вправду видит вокруг себя эти истлевшие тела, эти невесомые призраки. А может, это воспоминания или даже сами души парят вокруг живых? Если такое

вообще возможно, то только в сладостном покое уютной аркады из камня и кирпича, в тихий знойный день на исходе лета.

Их свидание было не единственным. Дама приезжала за ним на следующий день и еще раз через день. Трижды они совершили путешествие от Нового моста до Королевской площади. Трижды они предавались страстной любви. Он был тогда молод и горяч.

Потом она исчезла, и больше Эркюль Ле Сур ее никогда не видел. Он не знал, кто она такая, и не делал попыток узнать. А зачем? Ему осталось воспоминание о трех волшебных днях, когда он, подобно рыцарю из баллад, переносился в другой мир.

Эркюль Ле Сур постоял на площади, а потом заявил, что пора домой. Повозка только стронулась с места, как он окликнул внука:

– Посмотри-ка на это!

– На что?

– Вон там.

Эркюль указал на точку у самой аркады, шагах в пятидесяти впереди повозки.

– Не вижу ничего.

– Там маленький такой человек, старик, одетый в красное.

– Да нет там никого, дед!

И тогда Эркюль Ле Сур понял.

– Ты прав, – сказал он, – привиделось.

Но он смотрел на старика, пока повозка катилась мимо, и старик тоже смотрел ему в глаза.

Так вот, значит, он какой, думал Эркюль. Обычно Красного Человека видели короли и другие великие личности – перед каким-нибудь трагическим событием, например перед смертью. Но он ни разу не слышал, чтобы старик являлся простым людям.

Что же могло означать его теперешнее появление? Скорее всего, смерть короля. А может, и его собственную.

– Я не удивлюсь, – произнес Эркюль вслух.

– Что? – переспросил внук.

– Ничего.

«Если мне суждено вот-вот умереть, – подумал Эркюль, – то хорошо, что я съездил сегодня сюда и все вспомнил».

– Три лучших сношения из всех, что у меня были в жизни, – сказал он.

– Что?

– Не думаю, что королю осталось долго жить.

– Ну что же, он умрет, зная, что оставил свой след в истории, – заметил юноша.

Эркюль Ле Сур задумчиво кивнул. Что верно, то верно. Но что это за след, пока оставалось скрыто за темными облаками будущего.

– Ни один человек не знает, какое наследство он оставляет после себя, – сказал старый башмачник-философ.

Глава 18

1914 год

Седьмого сентября 1914 года в городе Париже можно было увидеть самое странное зрелище за всю военную историю.

Тома Гаскон, его младший сын Пьер и брат Люк наблюдали это с верхней точки Елисейских Полей – почти с того самого места, откуда четверть века назад Тома разглядывал похоронный кортеж Виктора Гюго. Но сегодняшняя процессия была совсем иного рода. И Тома сегодня высматривал не Эдит, а своего сына Робера.

Дело в том, что французская армия отправлялась на войну.
На такси.

Летом 1914 года в Европе военных действий не велось. С тревогой наблюдая за соседней Германией, которая наращивала мощь армии и флота, Франция и сама не бездействовала. Ее генералами был подготовлен план на тот случай, если вновь возникнет вооруженное столкновение с Германией: двинуться на восток и вернуть Эльзас и Лотарингию. Наступать – вот какой была военная доктрина Франции, вот к чему влек ее дух. Наступать и восстановить честь Франции. Но пока сложная система соглашений хоть и с трудом, но удерживала неустойчивый мир в Европе.

И вдруг неожиданно для всех в Сараеве убивают австрийского эрцгерцога. Какое отношение имело это убийство к Германии или Франции? На первый взгляд – никакого. Но когда Австрия объявила сербам войну, Россия встала на защиту братьев-славян. Германия, состоявшая в союзе с Австрией, была обязана объявить войну России. Россия принадлежала к блоку Антанты и таким образом была связана с Францией. Чтобы избежать войны на двух фронтах, Германия решила быстро раздавить Францию. Германский генеральный штаб во главе со Шлиффеном даже разработал детальный план кампании.

Но не выдвинет ли тогда свою армию огромная Британская империя, чтобы защитить Францию – свою союзницу по блоку

Антанты? Может быть. Но в Антанте не имелось четких установок относительно вооруженной поддержки. Британцы могли вступить в войну, а могли и остаться в стороне.

Все решила одна маленькая страна.

А именно Бельгия. Ее создали, когда после падения Наполеона перекраивали Европу. Это была конституционная монархия со скромными королем и королевой. Маленькое, уютное государство, чей нейтралитет признавался всеми без исключения странами Европы.

Крупные французские соединения, готовые к атаке, стояли к югу от бельгийской границы. Германская армия вовсе не желала выходить на них. Но если германская армия пересечет Бельгию, то окажется прямо во Франции, не встретив никаких преград. Дипломатически это было невозможно. Морально – невыносимо. С военной точки зрения – логично.

В августе бельгийский король и его правительство получили от Германии ноту. Она была сформулирована в самых завуалированных и вежливых выражениях. Но смысл ее, ясный как день, мог быть изложен в простых словах:

Нам понадобится пройти через вашу страну и оккупировать ее на время. Когда мы закончим, можете продолжать жить как жили. Надеемся, что вы не будете возражать. Ждите нас через пару дней.

Но бельгийцы возражали. Они сказали, что будут сражаться. Германскому генеральному штабу не приходило в голову, что это маленькое безобидное королевство окажется таким отважным.

А у Британии имелся договор с Бельгией. Там черным по белому было написано, что Британия обязана защищать Бельгию в случае нападения на последнюю. И поэтому Британия немедленно вступила в войну.

Вот так в первые дни августа 1914 года все громоздкие конструкции, возведенные ради сохранения мира старой Европы, с грохотом обрушились одна за другой. Никто не мог предвидеть, что все так произойдет.

К началу сентября Тома Гаскон находился в затруднении. Германская армия, хоть и замедлила продвижение из-за упорного сопротивления бельгийцев, уже вошла во Францию, и ее авангард стоял

менее чем в восьмидесяти километрах от Парижа. И каждый парижанин понимал, что это значит.

– Опять повторится тысяча восемьсот семидесятый год. Париж падет. Убегайте, пока есть возможность.

Правительство эвакуировалось. В спешке покинув столицу, оно почти в полном составе отправилось на юг, в Гасконь и крупный порт Бордо, в расчете найти там надежное убежище.

Тома Гаскон с презрением смотрел, как автомобили с руководством страны обгоняют повозки и тачки бедняков.

– Даже если мы решимся уйти, – сказал он Эдит, – я не представляю куда.

И затем случилась удивительная вещь. Новость принес его старший сын Робер.

В шестнадцать лет Пьер, младший сын Тома, уже обогнал отца по росту и превратился в красивого парня с веснушчатым лицом, как у матери. Но когда люди видели Тома и Робера, стоящих бок о бок, то начинали улыбаться. Потому что Робер был точной копией отца.

– У меня больше волос, – весело возражал Робер, но его дядя Люк говорил, что эта разница ненадолго.

– Ты выглядишь совершенно так же, каким был твой отец, когда работал на строительстве статуи Свободы, – заявлял тот. – Через двадцать пять лет ты станешь таким же, какой он сейчас, даже не сомневайся.

Тома и Робер оба были очень сильны физически, оба любили работу под открытым небом и даже обладали сходным чувством юмора. С тех пор как Робер повзрослел, отец и сын с огромным удовольствием стали ходить вместе в ближайшее кафе пропустить по стаканчику.

В восемнадцать лет Робера призвали в армию. Он был назначен в резерв.

– Генерал Жоффер производит перегруппировку. Он не собирается сдаваться! – восхищенно сообщил он семье. – На северном фланге к нам присоединились британцы. Жоффер считает, что на Марне мы сможем остановить Германию. Нас всех отправляют на фронт для участия в наступлении. Вы пойдете завтра смотреть, как мы выйдем из города? – Он ухмыльнулся. – Для некоторых частей выделили транспорт. Но лично я поеду на такси!

Это был уникальный маневр. Десять тысяч резервистов посылались на фронт. У армии имелся транспорт только для четырех тысяч. Решение? Парижское такси!

Десять лет назад наемные повозки были на конной тяге – их и сейчас еще было много в Париже, как и в других частях Европы. Но компания «Рено» создала крепкий и надежный автомобиль – «Рено АС», который стали использовать как такси. Для выполнения патриотической задачи по переброске войск таксопарк выделил шестьсот таких машин в расчете, что каждая сможет сделать две или три поездки.

«Рено АС» был ярким и забавным автомобилем. Он напоминал конную повозку, которую лишили лошадей и поставили на колеса поменьше, а впереди установили мотор. В тот теплый день почти на всех такси мягкие крыши были опущены.

Под аплодисменты собравшихся зрителей первая колонна такси делала круг почета вокруг Триумфальной арки, а потом по две, по три, по четыре машины разворачивались и уносились по Елисейским Полям в сторону Лувра и дальше на восток, к линии фронта.

Молодые парни в кепи, синих куртках и красных брюках выглядели блистательно – совсем как в славные времена наполеоновской армии. С каким галантным щегольством они махали и салютовали из своих авто, проезжая мимо восторженной толпы! Это было так ярко, так стильно, так по-французски. Всего лишь несколько дней назад парижане были перепуганы и готовы бежать, но этот жизнерадостный и безумный парад, казалось, придал им смелости. Когда дюжина автомобилей разом отъехала от Триумфальной арки и вывернула на Елисейские Поля, приветственные крики переросли в рев.

Тома не сводил глаз с проезжей части. Робер был в какой-то из машин, но кто знает, в какой именно! Он сказал сыну, где они планируют стоять, так что Робер тоже будет искать их, если, конечно, сумеет занять в автомобиле место с нужной стороны.

Несколько раз Тома хватал Пьера за руку, думая, что видит старшего сына, и Пьер был готов замахать изо всех сил, но снова и снова Тома мотал головой. И он чувствовал, что Пьер, при всей своей любви к брату и желании попрощаться с ним, начинает скучать.

Но потом наконец он увидел его. Тома был уверен, что это Робер сидит сзади в проезжающем такси и смотрит по сторонам, выискивая взглядом родных.

– Робер! – крикнул Тома так громко, что его услышали бы и на авеню Гранд-Арме. – Bravo, Робер!

И он замахал ожесточенно с края тротуара, и Пьер с Люком тоже. Им показалось, что человек в такси приподнял руку в ответ, но, очевидно, там было слишком тесно для более активных действий. И через миг машина уехала.

– Думаю, это был он, – заявил Тома.

– Да-да, он, – подтвердил Люк.

– Он видел нас? – спросил Пьер.

– Несомненно, видел, – ответил Люк.

Было ясно, что он и Пьер готовы возвращаться домой.

– Вы идите, – сказал им Тома. – Я подожду еще немного. – Он по-прежнему не отрывал глаз от вереницы автомобилей.

– Зачем? – спросил его брат.

– Ну... на всякий случай. Вдруг это был не он.

– Это был он, – заверил Люк.

Но Тома промолчал. Люк и Пьер ушли, а Тома Гаскон остался стоять, вглядываясь в каждую проезжающую машину. Потому что он очень боялся ошибиться и уйти раньше времени: вдруг Робер поедет позже и тогда ему никто не помашет? Ведь неизвестно, что может случиться с ним там, на фронте. И потому он махал каждый раз, когда в очередном такси видел кого-то похожего на сына.

Толпа вокруг постепенно редела. Тома провел у Триумфальной арки еще час. Наконец проехала машина с одиноким стариком в цилиндре, после которой уже больше никто не появлялся, и тогда он тоже ушел.

Дома его ждал Пьер с сообщением от Люка: брат просил Тома зайти к нему в ресторан.

Люк сидел один за столом и пригласил Тома сесть рядом, потом налил ему стакан вина.

– Я тут думал, брат, – сказал Люк. – Эта большая атака на Марне – тут ведь как повернется...

– Само собой.

– Если она провалится, то немцы будут здесь уже через неделю. Что тогда станешь делать?

– Не знаю. А ты?

– Подам им ужин. – Люк пожал плечами. – Что еще делают в ресторане?

– С этой точки я как-то на дело не глядел.

– Но что, если мы остановим их на Марне или где-то еще в восточной части страны? Все думают, что эта война быстро закончится – так или иначе. Если они правы, то надо только ждать. А если она затянется? Что тогда?

– Тогда, может, и Пьера призовут.

– Не только мальчишек вроде Пьера – призовут всех. Будет всеобщая мобилизация, я слышал, как говорили об этом офицеры. Тебе уже за пятьдесят, ты слишком стар. Но меня, вероятнее всего, призовут.

– Ты думаешь?

– Практически уверен. И поэтому принял решение. Подожду еще немного, но если мы остановим немцев, то я пойду добровольцем.

– Почему?

– Если ты доброволец, то к тебе лучше отнесутся, может, позволят выбрать род войск или часть. А тех, кто дожидается повестки и против воли идет в армию, ничего хорошего там не ждет. Обычно так бывает. – Люк задумчиво смотрел на брата. – В общем, если это случится, Тома, то я хочу отдать вам с Эдит кафе и ресторан.

– Но это же совсем не по моей части.

– Тома, если война будет долгой, жизнь станет совсем другой. Не думаю, что люди будут много строить, и к тому же ты не молодеешь. Могут возникнуть проблемы с продовольствием. Вспомни осаду Парижа в семидесятом году – люди умирали от голода. С рестораном у тебя будет больше шансов пережить военное время, чем у очень многих горожан. А потом, после войны, ресторан останется твоим, кто бы ни победил.

– Не знаю, Люк. – Тома одолевали сомнения. – Это не совсем мое. И Эдит...

Не требовалось заканчивать фразу. Но дело было не только в том, что Эдит всегда недолюбливала Люка. Между братьями тоже возникло отчуждение – с тех пор, как Тома стала известна ужасная тайна младшего. Вслух ничего не было сказано, но они оба знали это. Даже в

отсутствие Люка Тома не хотел заниматься его делом и ни в коем случае не стал бы его партнером.

– Не переживай, – сказал Люк, без труда читая мысли брата. – Меня, скорее всего, убьют. Но я не буду первым, – добавил он негромко.

Тем же вечером Тома рассказал Эдит о предложении брата, и она, неожиданно для Тома, отнеслась к нему с энтузиазмом.

– Но только если самого Люка там не будет, – поставила она единственное условие.

– А я думал, что ты будешь против, – заметил он.

– Почему? Мы станем жить гораздо лучше, чем сейчас.

– Люк думает о том, что может погибнуть.

– Тогда убедись, что он завещает дело тебе. Нужно, чтобы были оформлены все бумаги.

Такие отношения были Тома не по душе. При следующей встрече с Люком ему пришлось пересиливать себя, чтобы передать слова жены. Однако брат только улыбнулся и сказал, что Эдит абсолютно права.

– Вот, передай это ей.

И Люк вручил Тома копию своего завещания вместе с именем и адресом адвоката.

Вскоре стали поступать первые известия о великом сражении на берегах Марны. Французское командование узнало, что германские силы под Парижем оказались разорванными благодаря маленькому отряду авиаторов и их хрупким бипланам. Французские и британские войска, усиленные парижскими резервистами, которые прибыли на фронт на такси, хлынули в прорыв. Бои шли отчаянные, обе стороны несли огромные потери. Но меньше чем через неделю немцы отошли на северо-восток до реки Эна в Пикардии и Шампани. Там они начали строить мощную линию окопов и заняли оборону. Париж был спасен.

Однако потери оказались катастрофическими. Только за эту неделю боев Франция лишилась четверти миллиона солдат, из них восемьдесят тысяч погибли. При таких экстремальных обстоятельствах не всегда удавалось вести точный учет и, по крайней мере в первое время, оповещать семьи погибших.

Прошла целая неделя после окончания Марнского сражения, а новостей о Робере все не поступало. Люк Гаскон добровольно ушел в армию. Свое решение он взвесил очень тщательно.

Уже со всей определенностью стало ясно, что Германия не сумеет быстро покорить Францию, как планировалось. Более того: теперь кайзер оказался вынужден воевать на двух фронтах одновременно – на равнинах Франции и Фландрии на западе и в России на востоке. Все еще оставался шанс, что война будет короткой, но Люк считал иначе. А значит, понадобятся новые рекруты, причем в самое ближайшее время.

Вербовочный пункт расположился возле вокзала де-л'Эст в нескольких наскоро возведенных деревянных постройках. Там Люк нашел толпу: люди собирались группками, обменивались несколькими фразами, а потом пристраивались к очереди, змеившейся от двери. Поскольку Люк никуда не спешил, то решил сначала оглядеться.

Тут собрались самые разные люди. Большинству было за тридцать. Это и понятно, догадался Люк: всю молодежь призвали раньше и уже направили в резерв. Мелькало несколько рабочих, но другие – в костюмах и даже в соломенных шляпах – более походили на клерков и продавцов. Люк наблюдал за ними, разглядывая лица, и вдруг одно из них показалось ему знакомым.

Кто же это? Лицо из далекого прошлого, в этом Люк не сомневался. Он всегда гордился своей памятью на людей, но все равно ему пришлось как следует подумать, прежде чем он понял, кто это.

Тот странный человек, который ночью таился в засаде на улице Бель-Фёй. Тот самый, который хотел убить армейского офицера Роланда де Синя и которого он так успешно напугал в Булонском лесу. И затем в памяти Люка всплыло и его имя: Ле Сур. Точно.

Люк прикидывал, спрятаться или нет, но потом вспомнил, что Ле Сур ведь даже не знает, какую роль он, Люк, сыграл в той маленькой драме. И никогда не видел его, за исключением одного раза – в «Мулен Руж». Люк от природы был любознателен, и ему захотелось выяснить, каким человеком стал по прошествии стольких лет Ле Сур и зачем пришел на вербовочный пункт. Поэтому он осторожно приблизился и позволил Ле Суру его заметить.

Как он и думал, никакой реакции не последовало. Ни проблеска узнавания. Тогда он подошел к Ле Суру и кивнул:

– Решили рискнуть?

– Угу.

– Я слышал, – дружелюбно продолжил Люк, – что, когда начнется всеобщая мобилизация, заберут всех до сорока пяти лет.

– Я тоже такое слышал.

– А вот вам сколько лет, позвольте узнать?

– Сорок. А вам?

Люк быстро прикинул. На деле Ле Суру должно быть ближе к пятидесяти, чем к сорока. Очевидно, слишком хочет воевать, раз решился срезать себе десяток лет. Наверное, потому-то и предпочел пойти добровольцем, а мобилизации дожидаться не стал: она связана с тщательной проверкой всех документов и его могли бы не взять как слишком старого. Тогда как к добровольцам подход иной: записывали всех, лишь бы на вид были здоровы.

– Мне тридцать девять, – сказал Люк. – Вы знаете, я долго думал, прежде чем прийти сюда, на вербовочный пункт, и мне интересно: а что вас привело сюда?

– Я социалист. – Ле Сур пожал плечами. – Нас не устроит, если войну выиграет германский кайзер.

В этом имелась логика. Консервативный германский император придерживался куда более авторитарной линии, чем склоняющееся влево французское правительство. Большинство профсоюзов и социалистических организаций Франции пришли к тому же выводу и немедленно выразили свою поддержку правительству. В знак национальной солидарности оно в ответ назначило нескольких социалистов на важные правительственные посты.

– Значит, все так же, как у меня, – сказал Люк. – Я патриот, но также и социалист.

Это было неправдой, но долгие годы за стойкой бара научили его двум вещам: во-первых, если согласиться с человеком, собеседник поверит тебе, потому что подсознательно будет хотеть этого, а во-вторых, станет гораздо разговорчивее. Ну а если понадобится, то Люк с легкостью порассуждает насчет социализма. Его клиенты многократно излагали ему самые разные политические убеждения, и он мог воспроизвести любое из них.

– Лично я был сторонником Жана Жореса, – заявил он.

Жан Жорес – лидер рабочего народа. Воплощение порядочности, почитаемый каждым социалистом и даже многими консерваторами.

Этим летом он был застрелен фанатиком из правого крыла, и его оплакивала вся Франция. Надежный выбор для поддержания разговора с социалистом.

Жак Ле Сур кивнул и тоже стал рассказывать о себе:

– Столько моих молодых товарищей – профсоюзных деятелей, партийцев, даже анархистов – отправилось на фронт, что... Сказать по правде, я чувствовал себя неловко, оставаясь дома.

Люк глянул на него. За свою жизнь он выслушал немало историй и обычно сразу мог понять, когда ему говорили неправду. Сейчас он склонен был поверить Ле Суру.

– Семья есть? – спросил он.

– Жена. Я поздно женился. Но у нас маленький сын.

– Вас это не сдерживало?

– Конечно. Мне пришлось расти без отца. Он был коммунаром. Это плохо – потерять отца. Но потом я подумал: ведь моему сыну придется жить под кайзером из-за того, что я не пошел воевать.

– Вот-вот. У меня племянники и племянницы. Я чувствовал то же самое.

Возможно ли, чтобы этот семейный человек все еще продолжал свою странную вендетту против де Синя? Это казалось маловероятным. Да Люк и не видел, как война могла бы облегчить задачу Ле Сура. Даже если каким-то чудом он окажется в одном полку или роте с аристократом, то де Синь быстро узнает об этом. Люк отбросил эту идею.

– Так давайте же запишемся, товарищ, – сказал Ле Сур.

– А давайте.

Когда они добрались до стола, где проводилась запись добровольцев, их имена и другие данные принимал юный офицер, совсем еще мальчик. Ле Сур сказал, что ему сорок лет, и офицер быстро глянул на него, но промолчал: либо ему было все равно, либо все люди старше тридцати пяти казались одинаково старыми.

А вот к Люку он по какой-то причине проявил больше внимания. Перелистав огромную папку перед собой, он нашел там фамилию Люка.

– Вас осмотрит доктор, – сказал офицер и указал, куда следует пройти.

*Дорогие мама, папа и все остальные,
я жив и здоров. С тех пор как закончилась большая битва, о
которой вы наверняка слышали, я копаю окопы. Пожалуйста,
пришлите мне прочные перчатки, если сможете, потому что я
пробуду здесь еще какое-то время.*

*Спасибо, что проводил меня, папа. Я видел, как ты махал мне на
Елисейских Полях, но постеснялся махнуть в ответ.*

*Люблю вас всех,
ваш сын*

Робер.

Марк Бланшар не ожидал подобного предложения от брата и не обрадовался ему. Жерару исполнилось сорок пять лет, но он намеревался завербоваться в армию.

– А почему не отец? – спросил Марк. – Он справится гораздо лучше меня.

– Он не хочет. Я уже спрашивал.

Вот уже пять лет, как Жюль Бланшар удалился на покой и жил в Фонтенбло. Большие апартаменты на бульваре Мальзерб он все еще содержал, но бывал там все реже и реже.

– Управляющий магазином и двое из моих лучших клерков ушли воевать, – продолжал Жерар. – Я не мог их остановить. Мне нужен помощник, и я бы хотел, чтобы это был кто-то из семьи. Если со мной что-то случится...

– Ты выглядишь довольно крепким.

– Может быть. И тем не менее...

– Пусть этим займется Джеймс. Он юрист и куда более компетентен в подобных вопросах, чем я.

– Сестра с мужем сейчас в Англии, они не могут приехать в Париж.

– Ты уже спрашивал их?

– Конечно. Я знал, что ты будешь отказываться. У тебя своя жизнь... Хотя, полагаю, из-за войны ее ход оказался нарушенным.

Карьера Марка развивалась с умеренным успехом. Ежегодно он получал один-два заказа на портреты. Когда галерея выставляла его работы, посмотреть их приходило множество значительных персон и полотна неплохо продавались. Он был талантлив, но не гениален. При

желании Марк мог бы стать директором музея или художественной школы, а мог и создать собственную галерею, но у него не лежала душа к бумажной работе. Поэтому наряду с живописью он посвящал часть времени критике и продвижению других художников, в результате чего стал уважаемой фигурой в мире искусства и обзавелся многочисленными друзьями. Теперь, с началом войны, он подумывал предложить правительству свои услуги в качестве военного художника.

Но тут к нему пришел брат и попросил встать во главе семейного дела.

– Меня могут призвать, – возражал Марк. – По возрасту я еще подхожу.

– Я уже получил для тебя освобождение. Оптовая торговля – часть военной экономики, как ты знаешь. Мы поставляем продовольствие войскам. – Он помолчал. – Конечно, мне нужно, чтобы ты понимал оптовую торговлю, но твоей главной задачей будет управление универмагом, если только не придется его закрыть.

– «Жозефину»? Ты хочешь закрыть «Жозефину»?

– Знаю, тебе нравится универмаг. И если мы откажемся от него, то разобьем отцу сердце. Но если война затянется, модные товары пойдут плохо. У нас не хватит сил поддерживать «Жозефину» на плаву. Во всяком случае, я точно не смогу, у меня нет к этому способностей. Но у тебя может получиться. – Жерар усмехнулся, глядя на младшего брата. – Забавно, но мне кажется, ты отлично справился бы с «Жозефиной», если бы захотел.

– Но это значит, что я буду работать на тебя. – Марк направил на него долгий задумчивый взгляд.

– Мы будем работать вместе. Но окончательное решение по расходам буду принимать я, это верно. – Голос Жерара зазвучал строже. – Люди готовы пожертвовать своей жизнью, Марк. А твоей жертвой будет работа на семейном предприятии. Может, удовольствия ты не получишь, но она тебя не убьет. И я хочу сохранить дело для будущих поколений.

– Я дам тебе ответ завтра.

Не прошло и часа, как Марк был в квартире тети Элоизы. Она, казалось, ждала его.

– Вижу, что Жерар поговорил с тобой, – сказала она вместо приветствия.

– Вы ведь поддержите меня, если я откажусь?

– Категорически нет, – твердо заявила она. Но потом улыбнулась. – Я люблю тебя, Марк, однако ты слишком эгоистичен. Идет война. Ты должен немедленно согласиться.

Глава 19

1917 год

Месяц назад, в мае, в Риме похоронили отца Ксавье. И Роланд был рад, что они больше не встретятся, ибо ему не хотелось признаваться священнику, что Бог для него умер.

Слишком многое он видел за последние три года.

Что же до ужасной задачи, которая была поставлена перед ним, то Роланд де Синь испытывал только отвращение и стыд. Но он исполнит свой долг. Что еще ему оставалось?

Быстрота и секретность имели первостепенное значение. В Париже и не представляли, что случилось. Британцы в большинстве своем оставались в неведении. И ни в коем случае нельзя допустить, чтобы до окопов по ту сторону линии фронта донеслось хотя бы слово. Хотя бы полслова.

Когда они остановились, чтобы дать отдых лошадям, он вынул сигарету и закурил. Перед тем как убрать зажигалку в карман, задумался, глядя на нее. Вот уже почти три года, как она у него. С того сражения у берегов Марны.

Как горды были собой кирасиры его полка! Они сделали всего одну уступку современности: поняв, что их блестящие металлические нагрудники станут мишенью для вражеского огня, закрыли их тканью. И так и вошли в первую механизированную войну Европы, как будто все еще продолжалась Наполеоновская эпоха.

Роланд вспомнил, как подошел к одному из своих бойцов; тот мастерил зажигалку из стреляной гильзы от винтовки. Звали его Дюра, это был симпатичный парень с золотыми руками. В гильзу помещали топливо, потом фитиль, а наверх прикреплялся механизм для высекания искры. Простое устройство, но крепкое и надежное.

– Ты много таких делаешь, Дюра? – спросил он тогда солдата.

– Да, господин полковник.

Всего неделей ранее Роланду присвоили звание лейтенанта-полковника, и ему все еще было непривычно слышать это обращение.

– Сделаешь и мне?

– Забирайте эту, господин полковник, вот только закончу.

И довольно скоро Дюра принес ему зажигалку. Даже успел вырезать на гильзе инициалы: «Р. де С.».

– Что я тебе должен за работу? – спросил Роланд.

– Бутылку шампанского, когда закончится война, – назвал свою цену молодой солдат.

– Договорились, – со смехом ответил Роланд.

И с тех самых пор он не расставался с зажигалкой. Возможно, она стала для него талисманом тех последних дней, когда война еще казалась частью старого, привычного и понятного мира.

Через несколько дней по приказу капитана, действующего из самых лучших побуждений, Дюра в числе полутора сотен кавалеристов перевалил через невысокий хребет и атаковал германские войска, которые нужно было оттеснить из этого района. Раздался настойчивый треск пулеметов, и потом тишина. На позиции вернулось с полдюжины лошадей. Без седоков. Остальные лошади и бойцы были убиты. Все до одного.

Вскоре его солдаты перестали быть кавалеристами, сохранилось одно название. Иногда они действовали как конная пехота, то есть верхом добирались до места боя, где оставляли лошадей и вступали в сражение пешими. Иногда помогали подвозить припасы. Конвоировали пленных. О кавалерийской атаке теперь уже никто и не вспоминал.

И если бы только кавалерия оказалась столь неподготовленной к современному бою! А пехотинцы в их синих мундирах и ярко-красных штанах? Эта форма почти не изменилась за сто лет. Она гарантировала, что одетый в нее солдат станет удобной мишенью для противника, который в своем обмундировании защитного цвета сливался с местностью. Это было чистым безумием. На Марне всего за неделю было убито или ранено четверть миллиона ярко одетых солдат. Потребовались месяцы, чтобы французская армия овладела нехитрым искусством маскировки.

Даже их оружие безнадежно устарело. Легкие пулеметы «сент-этьен», «гочкис» и «шоша» были ненадежными и неудобными. Только

на второй год войны войска получили более современные «бертье», но их было слишком мало.

За три первых года погибло почти миллион французов – пять процентов всего мужского населения страны, включая младенцев и стариков. И это без учета недавнего катастрофического поражения.

«Почему моя страна не может учиться на примере вооруженных конфликтов прошлых десятилетий?» – недоумевал Роланд. Британцы после войны с бурами в Африке быстро поменяли военную форму, освоили маскировку и создали гибкую кавалерийскую тактику. Германия тоже быстро училась, и там быстро развивалось вооружение. Если бы он сам был в штабе, думал Роланд, повел бы он себя мудрее? Или пал бы, как все, жертвой высокомерия – несносной самовлюбленности французов? Франция лучше всех, Франция культурнее всех, французы – самая умная нация в мире – вот что звучит отовсюду, а значит, им нечему учиться у деревенщин-немцев, у грубых англосаксов или у кого-либо еще.

Но, увы, это было совсем не так, что и подтвердил миллион мертвецов. А ведь они были храбрыми солдатами и сражались как львы. Лучшие наступательные войска в мире, по мнению Роланда. И британские солдаты с этим соглашались.

Это мы подвели их, думал он. Мы – те, кто плохо подготовил нашу армию. Мы – те, кто ошибочно истолковал планы Германии, такие очевидные задним числом. Мы – те, кто так организовал европейский мир, что он не мог не привести к войне. Мы – правители, наделенные властью уничтожить все, что нам дорого, и не наделенные умом, чтобы избежать этого.

Теперь же, казалось, командование армией наконец зашло слишком далеко.

План наступления от генерала Нивеля был смел, но на удивление незамысловат.

– Этой весной мы нанесем массированный удар по германской армии на реке Эна и выиграем войну, – заявлял Нивель.

С точки зрения Роланда, этот план мало отличался от стратегии, которая уже обошлась стране в бесчисленное количество жизней.

– Мы сделаем прорыв в районе Арраса, – говорил ему главнокомандующий, – и сомнем германскую линию обороны. И вот

что самое умное в этом плане. Мы собираемся использовать ту же тактику, которую опробовали при Вердене, только в больших масштабах.

– Какую же?

– Огневой вал. Перед выступлением наших войск артиллерия проведет мощнейшую огневую подготовку. Мы обрушим на вражеские окопы дождь снарядов. Те, кто останется в живых, будут полностью дезориентированы. И тогда, как только смолкнут пушки, наши люди пойдут вперед и займут окопы прежде, чем враг сообразит, что происходит.

– Не случится ли так, что часть снарядов не долетит и упадет на наши войска?

– Такое возможно, но мы надеемся, что недолетов будет немного. И это небольшая цена за то, чтобы наши войска заняли вражеские укрепления практически без сопротивления.

У Роланда были сомнения по этому поводу, но он знал, что говорить что-либо бесполезно.

– А что насчет танков? – поинтересовался он, так как считал новые металлические колесницы чем-то вроде механизированных рыцарей в латах и потому придавал им большое значение.

– Их будет великое множество, – ответил генерал. – Мы знаем, что делаем.

Наступление Нивеля привело к захвату нескольких точек в позициях немцев, несмотря на ненастную погоду и провал неумелой танковой атаки. Но германский фронт устоял. Потери же с французской стороны были чудовищными.

– Это не наша вина, мой дорогой де Синь, – объяснял ему потом генерал. – Виновата разведка. Кто же мог знать, что немцы строят свои окопы не так, как мы?

Когда французские соединения пошли вперед, неся огромные потери от собственной артиллерии, и наконец добрались до окопов противника, то оказалось, что германские солдаты совсем не дезориентированы и почти не пострадали от артобстрела.

Действительно, укрепления противника были совсем иными, чем у французов. Для французского солдата окоп – это всего лишь временное

укрытие, из которого потом можно броситься в атаку. Для германского солдата окоп – целая система.

Многие из германских траншей имели преимущество по глубине, но главное то, что по конструкции они намного превосходили французские. Немцы возводили земляные укрепления со стенами и крышами, целые подземные убежища. Когда французы начали артподготовку, вражеские войска переждали ее в относительной безопасности своих глубоких блиндажей, и когда французские солдаты наконец побежали к окопам, немцы ждали их с только что закупленными новенькими пулеметами, которые буквально косили атакующих.

Наступление Нивеля не прорвало германского фронта. Оно оставило лишь едва заметную вмятину на линии укреплений.

Тем не менее оно произвело сильное впечатление. Только не на германскую армию, а на французскую. В этом-то и состояла трагедия.

Именно эта трагедия стала причиной секретной миссии Роланда де Синя. Ужасной миссии. Он никогда бы и помыслить не мог о том, что ему придется выполнять подобное задание.

Ни союзники, ни враги Франции пока еще не знали, что прямо на Западном фронте в бравой французской армии вспыхнул мятеж.

Если Роланд де Синь в тот июньский день хранил одну тайну, то Марк Бланшар носил в себе целых три. Две из них он узнал неделю назад, и они причиняли ему невыносимые мучения. Этим вечером он собирался поговорить с тетей Элоизой, чтобы помочь себе принять решение. Третья тайна стала ему известна лишь утром.

Совещание было настолько секретным, что его проводили не в одном из правительственных зданий, а в частных апартаментах на обычной жилой улице к северу от бульвара Батиньоль. Присутствовали несколько чиновников, важный строительный подрядчик, итальянский инженер-осветитель по фамилии Джакопоцци и еще с полдюжины людей. Марк не понимал, почему его сюда пригласили: как художника или как коммерсанта? Но в любом случае оказанное доверие льстило.

Они собрались в столовой. Совещание открыл представитель самого премьер-министра:

– Месье, мы собрались здесь в связи с одним чрезвычайно важным проектом, и я вынужден просить вас, чтобы вы никогда и никому не

раскрывали детали нашего обсуждения. Над Парижем нависла новая страшная угроза. С ней уже столкнулся Лондон, и со временем она будет только расти. Говорю я, само собой, о бомбардировках с воздуха. – Оратор выдержал эффектную паузу. – За три года с начала войны в ратном деле изменилось многое, но развитие воздушных боев поистине колоссально. Когда мы начинали, у нас было всего несколько аэропланов, в основном для разведывательных целей, и если использовались бомбы, то это были обычно гранаты или адаптированные снаряды, которые пилоты или их помощники бросали рукой из открытых кабин. Однако теперь крупные германские бомбардировщики «гота» поднимают сотни килограммов бомб и могут достигать высоты шесть километров, где нашим истребителям трудно или почти невозможно атаковать их. Мне не нужно объяснять присутствующим высочайшую значимость Парижа – его истории, художественных ценностей и культуры – для Франции и всего мира. Париж должен быть защищен. Но мы не так далеко от германских рубежей. Флотилия бомбардировщиков «гота», совершающая рейды ночь за ночью, может причинить непоправимый ущерб, и давайте не забывать, что в данном случае мы говорим не только о разрывах бомб, но и о пожарах, которые могут последовать за ними. Мы можем стрелять в небо, наши доблестные авиаторы могут преследовать эти бомбардировщики на истребителях, однако весь накопленный на сегодняшний день опыт доказывает, что крупные бомбовые рейды трудно остановить. А раз мы не в силах их остановить, то нужно обмануть их.

– Обмануть?

Марк был озадачен, как, впрочем, и все прочие, кроме итальянца Джакопоцци, который весело ухмылялся. Затем настал черед другого чиновника.

– Ночью авиаторы мало что видят на земле, – обратился он к слушателям, развернув на столе большую карту Парижа. – Но если светит луна, то они могут заметить блеск ее отражения на поверхности реки и часто ориентируются именно таким образом. – Он взял указку и провел ею по карте. – Здесь мы видим Сену. Я прошу вас обратить внимание на участок примерно в пяти километрах к северу от города. Как вы видите, в этом месте Сена делает ряд поворотов, которые очень похожи на ее изгибы в границах Парижа. Также вы можете видеть, что

по большей части реку здесь окружают поля. И было бы гораздо лучше, если бы германские бомбы упали сюда, а не на город. И мы намереваемся заставить немцев сделать именно это.

– Заставить? – переспросил Марк, совершенно сбитый с толку.

– Именно так, месье Бланшар, и это очень просто. Париж волшебным образом передвинется. – Он улыбнулся, пока его аудитория ждала продолжения. – Месье, мы собираемся ввести в самом Париже режим полного затемнения по ночам и построим второй Париж – фальшивый, так сказать, – чуть севернее настоящего.

– Вы собираетесь построить фальшивый город? Размером с Париж?

– Достаточно большой, чтобы с высоты шесть тысяч метров его можно было спутать с Парижем. Я говорю о театральной декорации, месье. О потемкинской деревне, только в тысячу раз больше, чем то, что придумали русские.

– А из чего?

– В основном из дерева и крашеной ткани. И из фонарей. – Он кивнул итальянцу. – С помощью месье Джакопоцци будут зажжены тысячи фонарей.

– Там будут скопированы самые большие строения столицы?

– Естественно. Те строения, которые будет искать враг. Которые можно увидеть сверху. Например, вокзал дю-Нор.

– И Эйфелеву башню?

– Да. Это точно собьет их с толку.

– Я могу в точности воспроизвести освещение Эйфелевой башни, – с энтузиазмом заявил Джакопоцци. – Никто не сможет отличить, где настоящая башня, а где муляж. Все будут видеть просто освещенный город.

– Вы сошли с ума, – покачал головой Марк. – Это же будет самый грандиозный и смелый обман противника за всю историю войн.

– Благодарю, – сказал представитель премьер-министра. – Мы так и думали, что вам понравится наша идея.

– Да, это смело! – со смехом ответил Марк. – Это стильно. – А потом, подумав секунду, дал проекту наивысшую оценку, какую только можно услышать от француза. – Это так по-французски.

Затем последовало общее обсуждение. Надо было рассмотреть массу практических вопросов. Было решено, что Марк и Джакопоцци

еще раз вместе изучат общую концепцию проекта и выработают дальнейший план.

По окончании совещания Марк решил пройтись пешком до площади Клиши, мимо своих любимых мест, и оттуда уже направиться к себе в контору. С тех пор как ему пришлось заняться семейной фирмой, он совсем перестал бывать в этом районе.

Увидев кафе, куда он когда-то часто заглядывал, Марк вошел и заказал кофе. Официант, который принес ему чашку, был молод и, как заметил Марк, приволакивал ногу при ходьбе.

Марк сделал глоток и огляделся. Париж военного времени был интересным местом. В последние месяцы 1914 года, когда бóльшая часть горожан бежала и даже правительство ненадолго перебралось в Бордо, Марк думал, что город вымрет. Но как только противоборствующие армии увязли в окопной войне, правительство и жители вернулись и парижская жизнь возобновилась, хотя и без былой беззаботности. Порой случались перебои с поставками продовольствия, однако Ле-Аль и другие рынки снабжались, как и до войны. Кафе и рестораны работали по-прежнему, и ночные развлекательные заведения тоже.

Теперь у Парижа были три основные функции. Из генерального штаба в Доме инвалидов он руководил войной. Также сюда привозили раненых. Все крупные больницы города были переполнены. Им помогал американский госпиталь в Нейи, где заокеанским волонтерам отдали здание местного лицея, так как коек для французских раненых не хватало. И в-третьих, Париж был местом отдыха и развлечения военных, получивших увольнительную.

Это означало, что в городе появилось множество приезжих, и не только из всех уголков Франции, но и из всех ее колоний. На улицах можно было встретить колоритных зуавов из Африки, пехотинцев из Сенегала, Алжира, Марокко и даже из Индокитая – людей всех цветов и оттенков, что придавало Парижу более интернациональный вид, чем обычно.

В углу напротив Марк заметил двух зуавов, погруженных в негромкую беседу. Как жаль, подумал он, что эффектным североафриканским частям французской армии пришлось, подобно остальным, отказаться от яркой формы и шаровар в пользу скучного

костюма цвета хаки. Однако романтический ореол все еще окружал двух этих выходцев из колоний, курящих длинные трубки.

Марк слышал о проблемах в армии. Прошел слух, что одна или две дивизии отказались возвращаться на фронт, пока условия службы не будут изменены в лучшую сторону. В частности, солдаты требовали ввести более продолжительные увольнительные и отпуска. Если командование пойдет им навстречу, то в Париже станет еще многолюднее. «Ночным бабочкам» будет больше работы.

Мысли Марка вернулись к поддельному Парижу. Сработает ли этот план? Сумеют ли участники проекта сохранить все в тайне от немцев?

– Месье Бланшар? – К нему подошел какой-то мужчина и вывел из задумчивости. – Вы меня не помните?

Марк посмотрел на него. Лицо вроде знакомое, но кто же это?

– А-а, вы были бригадиром, когда мы реконструировали «Жозефину». А до того вы работали на Эйфелевой башне.

– Да, месье. Я Тома Гаскон. Это кафе принадлежит моему брату.

– У него темные волосы, да? Раньше я часто заходил сюда. Где он сейчас?

– В армии.

– На фронте?

– Не совсем. Он по интендантской части. Занимается снабжением. У него это хорошо получается.

Тома умолчал о том, что ему и семье время от времени, когда их навещал Люк, перепадали армейские припасы.

– Вы были хорошим бригадиром, как я помню. Сейчас занимаетесь тем же самым?

– В последнее время нет, месье. Заказов совсем не стало. – Тома ухмыльнулся. – Одна надежда на то, что кто-нибудь захочет построить вторую Эйфелеву башню!

Гаскон и не догадывается, как много правды в его шутке, подумал Марк. Однако, когда начнутся работы, Тома мог бы пригодиться, надо будет не забыть о нем.

– У вас, кажется, есть семья?

– Моя жена и дочь присматривают за рестораном в соседнем здании. Мой сын Робер – официант с деревянной ногой – подавал вам

кофе. Был еще один сын, Пьер, самый младший. Он погиб под Верденом.

– Мои соболезнования.

– А как поживает ваша семья, месье?

– Мои родители сейчас живут в Фонтенбло, стареют. Сестра здорова. А старший брат три месяца назад умер. – Марк печально улыбнулся. – Вот почему я сейчас должен идти в контору – управлять, как и вы, семейным делом.

Тома Гаскон отказался брать деньги за кофе. Марк пообещал, что зайдет как-нибудь в его ресторан, и оставил чаевые.

Жерар. Мертв. До сих пор Марку с трудом в это верится. Он был у себя в кабинете, когда это случилось. К нему вбежал клерк с посеревшим лицом и повел его по коридору к кабинету хозяина. Брат сидел за столом – как обычно, только почему-то откинулся на спинку кресла в неудобной позе. Удар убил его мгновенно. Не было никаких признаков, никаких предвестий.

И Марку пришлось занять его место.

Он не мог избавиться от ощущения, что Жерар предвидел такой исход с того самого дня, когда впервые пришел к младшему брату с просьбой принять участие в управлении делами. Жерар сделал все, чтобы Марк, хоть и против воли и не испытывая ни малейшего интереса к торговле, получил представление о том, что такое опт и сбыт, кто основные поставщики и как с ними обращаться. Финансы до самой смерти контролировал Жерар, в том числе и по универмагу, но Марк узнал, как учитываются расходы и доходы и где хранится вся информация. В результате, когда миновало первое потрясение, Марк с удивлением понял: он отлично знает, что делать дальше.

В эти три месяца он неплохо справлялся. Более того, занялся проверкой всех сфер деятельности фирмы, желая убедиться, что его нигде не поджидает неприятный сюрприз.

Вот так он и сделал на прошлой неделе два ужасных открытия, которые не давали ему с тех пор покоя.

Жерар, конечно же, понимал, что он узнает о них. Более того, Марк догадывался, что брат хотел этого.

Интересно, что скажет тетя Элоиза, когда услышит обо всем.

Она почти не изменилась с годами, лишь иногда пользовалась тростью из эбенового дерева. Ее лицо оставалось гладким. В семьдесят лет она была столь же элегантна, как и в сорок.

Марк предложил отвезти ее в ресторан, но она предпочла легкий изысканный ужин дома, в своей квартире. Они ели под полотнами Мане и Писсарро. Он дождался десерта и только тогда рассказал о своих открытиях.

– У меня две плохие новости. Первая состоит в том, что на прошлой неделе я, проверяя старые счета наших поставщиков, обнаружил свидетельства одной сделки, которая имела место в пятнадцатом году.

– Мы кому-то должны?

– Не совсем. Хуже. Жерар вел дела с одним оптовиком на северном побережье. В Дюнкерке, если точнее. Они поставляли продовольствие французской армии.

– И что?

– Одна огромная партия продуктов – картофель, мука и тому подобное – пропала. Ее якобы захватили немцы. Но Жерару тем не менее заплатили.

– Пока не вижу в этом ничего дурного.

– Потом он продал эту же партию немцам.

– Ты уверен?

– Не может быть никаких сомнений. Но немцы, разумеется, ничего не получили. Он сказал им, что партию перехватила французская армия. Так что немцы заплатили ему еще, чтобы Жерар отправил им новую партию продовольствия.

– И ее он доставил?

– Нет. Он сказал, что и она досталась французам.

– Так кто же в конце концов получил этот груз?

– Французы. Но им пришлось платить за него. То есть Жерар продал одну и ту же партию четыре раза.

– По крайней мере, она досталась нам.

– Но это же мошенничество.

– Человек со взглядами Жерара сказал бы, что это патриотизм. Немцы заплатили дважды и остались ни с чем.

– Бог знает, что еще он проворачивал. Вопрос теперь в том, что мне с этим делать? Я был бы не прочь как-то поспособствовать нашей

армии.

– Прежде всего ни слова никому не говори о той партии. Ни слова! О ней уже не узнают, а если ты обо всем расскажешь, то только опозоришь память Жерара и наше имя. Подумай о его вдове и детях! Ты должен немедленно сжечь все документы. Или принеси мне, я сама сожгу. А потом забудь об этом. Разумеется, делай все, что сочтешь нужным, для нашей армии. Тебе будут благодарны, и это хорошо. В конце концов, ты ведь не принимал участия в этой афере, и я знаю, что сам ты никогда бы так не поступил.

– Я потрясен.

– Ты говорил, что у тебя две новости. Какая вторая?

– Это о «Жозефине». Универмаг работает в убыток. Причем с начала войны. Жерар всегда говорил мне, что магазин окупает себя. Но он лгал. Управлял магазином я, но финансовой стороной всегда занимался он сам. Я чувствую себя идиотом.

– Я ничуть не удивлена. Война не лучшее время продавать модные товары. Денег у людей мало.

– Тем не менее мы что-то продавали. Мы понизили цены, сменили ассортимент, сократили торговые площади. Но получается, магазин терял деньги. Почему он не сказал мне?

– Это была цена, которую, по его мнению, ему пришлось заплатить за то, чтобы привлечь тебя к делу. Он просто молодец, что пошел на это. Сейчас мы, как никогда, нуждаемся в тебе.

– Не знаю, что теперь делать.

– Конечно знаешь. Продай универмаг или закрой.

– Нет, это невозможно! Что будет с отцом? Он не переживет этого.

– Он коммерсант. Он поймет. Все, чего он хочет сейчас, – это спокойная старость в Фонтенбло.

– Но я не могу управлять оптовой торговлей.

– Можешь и должен. У Жерара две дочери и сын, которого в любой момент могут призвать в армию. Ты должен сделать это для них. Это твой долг.

– Но мои способности...

– Они могут подождать. Я люблю тебя, Марк, но тебе придется еще на некоторое время забыть о себе. Все, что у тебя есть, тебе дала твоя семья. Ты сказал, что хотел бы отплатить своей стране за то, что

украл Жерар. Точно так же ты должен отплатить своей семье за жизнь в свое удовольствие.

– Не могу сказать, что дети Жерара мне симпатичны.

– Меня это нисколько не волнует. Марк, я всегда намеревалась назначить своим наследником тебя. Кому еще могу я оставить все эти картины? Но если ты не сделаешь теперь того, что должен, это будет означать, что ты ничем не лучше своего брата, и тогда я завещаю всю коллекцию какому-нибудь музею.

– Я всегда считал твой образ мыслей более возвышенным.

– Так оно и есть. Другие сейчас гибнут на фронте. Будь благодарен за то, что от тебя требуется такая малость.

– Знаешь, я так и думал, что ты скажешь нечто в этом роде, – вздохнул Марк.

Ле Сур не испытывал сомнений относительно своей судьбы. Его расстреляют. Он написал сыну два письма. Одно для цензоров. Второе переписал в трех экземплярах и дал трем товарищам в полку, которым доверял.

В письме Ле Сур объяснял, во что верит и почему поступил именно так, но не призывал сына следовать его примеру. Он советовал юноше самому решать, какой путь избрать, когда вырастет, а до тех пор думать только о матери и ее благополучии.

Ле Сур никогда не делал секрета из своей принадлежности к социалистической партии, в этом не было необходимости. В армии было множество профсоюзных деятелей, и большинство из них как минимум разделяли социалистические взгляды.

– Мы должны бороться с германской империей, – говорил он товарищам, – но в эту войну нас вверх класс капиталистов. Когда рабочие сметут их, не останется причин воевать.

Поскольку он был старше остальных, его стали называть папашей. Даже сержанты иногда обращались к нему так. Его работа в типографии и любовь к чтению сделали его одним из самых грамотных солдат в полку. Любой, кто не справлялся с письмом домой, мог пойти за помощью к Ле Суру, и тот не только исправлял грамматику, но и подсказывал слова, которые не мог подобрать автор. Иногда он делал даже больше. Когда под Верденом погиб молодой Пьер Гаскон, именно Ле Суру пришлось писать его родителям письмо об отваге и других

достоинствах юноши, так как лейтенанта и капитана тоже убили в тот день.

Но он никогда не забывал о своей главной цели и делал все для ее достижения при каждом удобном случае. Собственно, сама война была сплошным удобным случаем. Если это бессмысленное убийство и разрушение порождены нынешним мироустройством, то не доказывает ли это, что пора такое мироустройство менять? Не демонстрирует ли капиталистический мир, что он является безжалостным пожирателем человеческих жизней и что присущие ему противоречия неизбежно приведут к его самоуничтожению? Ле Сур убедил многих в правоте своей точки зрения. Ему казалось, что однажды он заставил сомневаться даже офицера.

– Итак, папаша Ле Сур, – заметил как-то раз его капитан, – вы считаете, что рабочие всего мира смогли бы лучше организовать эту войну?

– Вопрос состоит в том, смогут ли они организовать ее хуже? – так ответил Ле Сур.

Офицер рассмеялся и ничего не сказал, но, похоже, в душе он был согласен с этим.

К 1916 году Ле Сур дослужился до звания капрала. Капитан потом интересовался, не хотел бы он быть сержантом, но он сказал, что нет. Это слишком походило бы на уступку системе.

В армии он регулярно получал из Парижа почту. Частью это были разрешенные газеты, частью – личная, более конфиденциальная переписка. В 1917 году пришла волнующая весть из России. Там взбунтовалась армия. Это была революция.

Социалисты были потрясены. Революция должна была начаться в индустриально развитых странах, где существовал городской пролетариат, но уж никак не в отсталой России. Очевидно, война выступила там в роли катализатора. А если революция возможна в России, то почему не повсюду? Из Парижа к Ле Суру потекла река литературы. Вдоль всего Западного фронта люди вроде него активизировались. Все, кто придерживался левых взглядов, чувствовали близость великих перемен.

И потом, в конце мая, после наступления Нивеля, обернувшегося катастрофой, в войсках стали циркулировать слухи. Командование пока

прятало новость от внешнего мира, но не могло предотвратить ее распространение на фронте. И она растекалась, как лесной пожар.

– В войсках мятеж... Целые части уходят с фронта...

Десять, двадцать, тридцать тысяч отмаршировали в тыл и отказались возвращаться на позиции. Бытовые условия были ужасны. Командование – некомпетентно. Смерти – бессмысленны. Вдоль всей линии фронта части, которые стояли в тыловых поселениях, перестали выполнять приказы. В самом начале июня целый полк вышел из повиновения и занял городок Мисси-о-Буа.

Пехотная бригада разграбила колонну с грузами снабжения и двигалась на Париж. Другая часть мятежников захватила автоколонну.

Их полк стоял на позициях, когда до него докатилась волна мятежей. Началось все с небольшого инцидента. Вражеские траншеи в этом месте имели несколько передовых укреплений, и в одном из них засел снайпер. За пару-тройку дней он сумел ранить одного французского солдата и сразить насмерть другого. Было бы неплохо снять того стрелка. Поэтому один из лейтенантов отправился на участок по соседству с тем местом, где находился Ле Сур, и сказал капралу и нескольким рядовым, что ночью поведет их в разведку, чтобы посмотреть, что можно сделать с немецким снайпером.

Неизвестно, планировал капрал свой отказ или это произошло под влиянием момента, но он сказал «нет».

– Приказы нужно выполнять, – довольно добродушно напомнил лейтенант.

Но это не помогло.

– Я отказываюсь, – заявил капрал. – С меня хватит.

– Я тоже. – Рядовой возле него торжественно опустил винтовку. – Больше никаких приказов. Достаточно.

Вокруг них одобрительно загудел рой голосов.

Вот и все. И начался мятеж.

Ле Сур времени не тратил. Спустя десять минут он раздавал листовки. В окопе по его инициативе запели «Интернационал». Кто-то из молодежи смастерил на скорую руку красный флаг и вывесил над окопом.

– Мятеж – это только начало, – говорил Ле Сур людям. – Мятеж – ничто, если он не приведет к чему-то более серьезному. Франция

первая в мире породила революцию. Тогда это была репетиция. Но теперь у нас появилась возможность сделать новый большой шаг вперед. Эта война показала ничтожество капиталистического строя. Настало время присоединиться к нашим товарищам в России и во всем мире. Мы хотим революцию и ни на что меньшее не согласны.

Несколько дней казалось, что у них все получится. В других частях тоже взмыли красные флаги. Если бы мятеж охватил всю армию, если бы войска развернулись и пошли на Париж, тогда кто знает, к чему бы это могло привести?

Но французские солдаты любили свою родину. А правительство в тот раз действовало безошибочно. Нивель был смещен, а на его место поставили очень смелого и очень умного человека.

Петена.

Генерал Петен моментально приступил к делу. Войскам было сказано, что все их требования будут выслушаны. Срок службы на фронте будет сокращен, а отпуска и увольнительные станут длиннее. И последнее, но не менее важное сообщение от главнокомандующего гласило: «Американцы скоро будут с нами. Никаких наступательных действий предприниматься не будет до тех пор, пока наша армия не получит поддержки в виде американского вооружения и солдат».

Эти обещания успокоили мятежников во французской армии, и все сели за стол переговоров.

Но нельзя просто закрыть глаза на неповиновение. Дисциплина должна быть восстановлена. Зачинщики должны предстать перед трибуналом. Каждому подразделению, где имело место неподчинение приказам, было сказано: «Назовите только главарей, и их будет ждать справедливый суд».

Повсюду были разосланы комиссии, чтобы помочь частям разобраться с последствиями и конвоировать зачинщиков к месту суда.

Ле Суру было абсолютно ясно, что в полку укажут на него. Он был виновен не только в разжигании бунта, но и в подстрекательстве к свержению правительства.

И если у него оставались малейшие сомнения относительно своей судьбы, то они исчезли в тот самый миг, когда он увидел, как к линии фронта подъезжает глава комиссии.

Это был Роланд де Синь.

Роланд же не заметил Ле Сура. Его мысли были заняты предстоящим делом. Объясняя ему суть миссии, генерал был предельно откровенен:

– Мой дорогой де Синь, может показаться, что это скверное поручение более подошло бы палачу или тюремщику.

– Это правда, господин генерал.

– На самом же деле это миссия чрезвычайной тонкости и важности. Поэтому сначала я должен открыть вам небольшой секрет. Петен встречался с Хейгом, главнокомандующим британскими силами во Франции. Он сообщил Хейгу, что в наших войсках было несколько случаев неповиновения, но с ними быстро справились и что они коснулись только двух дивизий французской армии. Вы знаете, сколько дивизий на самом деле были охвачены мятежами?

– Нет, господин генерал.

– Более пятидесяти.

– Пятидесяти?! – Роланда эта цифра потрясла. – Это же половина армии!

– Вот именно. Истинная ситуация держится в строжайшей тайне. Все документы будут засекречены, и, если повезет, правду в ближайшие полсотни лет никто не узнает. Нам же сейчас предстоит действовать с крайней осторожностью, а иначе мы потеряем армию. Если немцы пронюхают...

– Я понимаю.

– У нас две задачи. Первая – это восстановить военную дисциплину. Многие старшие офицеры уверены, что нам следует немедленно провести массовые казни. Петен считает, что это было бы неверно, и премьер-министр поддерживает эту точку зрения. А что вы думаете?

– Мое мнение изменилось после того, как вы рассказали о масштабах недовольства в армии. Считаю, что расстрелов должно быть как можно меньше.

– Хорошо. Когда мы соберем их всех, то проведем суды и приговорим к смертной казни лишь немногих, а приговор будет приведен в исполнение в отношении только малой доли осужденных. Скорее всего, казнено будет не более сотни человек. – Он помолчал. – Вторая стоящая перед нами задача, еще более важная, – это восстановить боевой дух армии. В каждом полку или дивизии, где

будет работать ваша комиссия, вы должны убедиться, что офицеры и сержантский состав, называя зачинщиков, отправляют под суд истинных возмутителей спокойствия, то есть тех, кто в будущем может снова приняться за свое. По возможности это должны быть люди, не слишком популярные среди однополчан. Мы хотим, чтобы было как можно меньше мучеников и чтобы в результате наших действий настроения в армии не ухудшились. Смотрите по ситуации. – Генерал направил на Роланда твердый взгляд. – Теперь вы понимаете, что я оказываю вам честь, доверив исполнение этой миссии.

Роланд понимал. Однако это вовсе не означало, что миссия стала больше ему нравиться.

Они собрались в офицерской палатке. С ними был командир полка, низкорослый раздражительный человек, а также капитан и три лейтенанта.

– У нас для вас десять человек, – сказал полковник. – Хотя я мог бы назвать не менее полусотни тех, кого стоило бы расстрелять.

– Я бы ограничился пятью, – ответил Роланд. – Серьезных беспорядков у вас не было. – Затем он разъяснил, чего пытался достичь Петен этими мерами. – Нам нужен минимум, который обеспечит дисциплину и в то же время поднимет боевой дух.

– Если мы выберем только тех, кто начал мятеж, отказавшись исполнять прямой приказ, то как раз и получится пятеро, – предложил капитан.

– И не забудьте того дьявола Ле Сура, – сказал полковник. – Итого шесть.

Роланд заметил, что капитан и один из лейтенантов отвели глаза при последних словах командира.

– Опишите мне этого Ле Сура, – приказал он.

– Он немолод, – сказал капитан. – Наверняка уже вышел из призывного возраста, когда записался в армию добровольцем. Солдаты зовут его папашей...

– Он коммунистический агитатор, революционер! – яростно перебил полковник. – Ле Сур поднял красный флаг, подбивал идти на Париж и свергать правительство. Он больше остальных заслужил пулю.

– Черные волосы, широко расставленные глаза? – спросил Роланд.

– Да, это он. Вы знаете его?

– Возможно, мы когда-то встречались. Политика как раз по его части. – Роланд подумал. – Вы говорите, солдаты зовут его папашей. Значит ли это, что его любят в полку?

– Да, – подтвердил капитан. – Знаете, он из тех, кто помогает писать письма, поддерживает молодых добрым словом. И еще он хороший солдат, – добавил он, неуверенно глянув на полковника. – Просто он верит в мировую революцию, только и всего.

Полковник презрительно фыркнул.

– Мне нужно знать одно, – сказал Роланд. – Совершил ли он акт открытого неповиновения? Отказался ли он выполнять приказ или идти в бой?

– Вообще-то, нет, – ответил капитан и снова бросил на полковника извиняющийся взгляд. – Он стал пропагандировать революцию только после того, как начался мятеж.

– Да какая разница?! – воскликнул полковник.

– Он повинен в революционной деятельности, но не в участии в мятеже, – вынес решение Роланд.

– Вы с ума сошли?! – вскричал командир части.

– В настоящий момент в правительстве есть люди, которые сами верят в мировую революцию, – спокойно заявил Роланд. – И после войны, господин полковник, если вы захотите пойти на них с оружием, я буду сражаться рядом с вами. Я виконт де Синь, и я роялист. Но инструкции, которые я получил непосредственно от Петена, обязывают меня исключить этого Ле Сура из числа мятежников, по крайней мере из числа тех мятежников, которых мы сейчас пытаемся выявить. – Он поднялся с непреклонным видом. – Сейчас я оставлю вас на короткое время, месье, и по возвращении рассчитываю получить имена людей, которых мы отдадим под трибунал.

Он вышел из палатки. Одиночество не тяготило его. Это был первый раз, когда миссия привела его на передовую. Офицерская палатка стояла на краю небольшой роши. Роланд пересек ее. Вскоре он увидел бруствер из глины и прутьев. Там никого не было. Неподалеку виднелся наблюдательный пост, выдвинутый вперед относительно основной линии укреплений.

Роланд подошел к брустверу. Странно было думать, что враг находился всего в нескольких сотнях метров и, вероятно, не подозревал

о кризисе, разразившемся на другом краю ничейной полосы. Он хмуро смотрел в пространство невидящим взглядом.

Война всегда была кровавым делом, думал он. В этом нет ничего нового. Но эта война все же отличается от предыдущих. Есть ли в ней место человеку вроде него – да любому человеку, если уж на то пошло, – в этом бездушном мире пулеметов, колючей проволоки, бомбовых воронок и траншей?

Раньше говорили о ратной славе. Возможно, это было ложью. Еще говорили о чести. Возможно, это было всего лишь тщеславие. Говорили о скорби. Но теперь не осталось даже ее. Скорбь превзошли числом. Потому что война теперь стала индустриальной, она обратилась в гигантский разрушительный механизм на железных колесах, который вдавливают без разбора и плоть, и кости в бесконечную грязь смертных полей. Во имя какой цели? Роланд едва мог припомнить ее. И когда простые люди говорят, что это он и ему подобные довели страну до такого кошмара, до этой бессмысленной разрухи, приходится признать, что они правы. И тогда получается, что мятеж, за который их скоро расстреляют, был единственным разумным действием за последние четыре года.

А когда все будет закончено, какую историю преподнесут публике и потомкам? Роланд не знал. Какие славные легенды будут выдуманы? Или, наоборот, все скроет завеса молчания? Люди, которых мучили, не желают говорить о своих мучениях. Они прячут прошлое в свинцовый ящик и оставляют его в подвале памяти. Может, так и получится. А может, будет революция.

За его спиной лязгнул затвор винтовки. Затем чей-то голос произнес:

– Если дотронетесь до револьвера, я выстрелю.

– Ле Сур. – Роланд медленно обернулся. – Я слышал, что вы здесь.

– Кроме нас, тут никого нет. Вы слышали, что напротив этой траншеи сидит немецкий снайпер? Я подумал, что могу застрелить вас до того, как это сделает он.

– Мне следовало бы догадаться. Прошло так много времени. Но разве вы не рискуете?

– Я могу сказать, что вышел сюда, чтобы предупредить вас о снайпере, но он подстрелил вас раньше. Потом я мог бы сделать несколько выстрелов в сторону немцев.

– Да, вам могут поверить, а могут и не поверить.

– Это не так уж важно. Меня все равно собираются расстрелять как зачинщика мятежа, так что терять мне нечего.

– Возможно, вас не обвинят в мятеже.

– Уверен, что обвинят.

Роланд де Синь думал. Он мог бы рассказать Ле Суру, что ему ничего не грозит, но это выглядело бы как попытка вымолить пощаду, как слабость, и тогда у Ле Сура были бы все основания презирать его. Роланд был слишком горд для этого.

– Не затруднит ли вас, – спокойно произнес он, – сделать мне маленькое одолжение, если вы и вправду меня застрелите? Кстати, в таком случае советую вам придерживаться истории про снайпера, звучит она правдоподобно. Так вот, у меня в кармане вы найдете зажигалку, которую когда-то сделал для меня один из моих солдат. Прошу вас переслать ее моему сыну и сообщить ему, что я попросил вас это сделать. Я хочу, чтобы он знал: я думал о нем. Это все.

– Вы просите меня об одолжении?

– Что в этом такого? Убив меня, вы отомстите за отца. Счеты между нами будут улажены. У вас нет причин отказываться проявить каплю доброты по отношению к моему сыну.

– Даже перед лицом смерти не можете отказаться от позы. – Ле Сур мрачно смотрел на него. – Вы не произвели на меня впечатления, месье виконт. Вы всего лишь играете роль. Здесь, посреди этой пустыни духа, вы разыгрываете роль, которая принадлежит... – Он не сразу нашел нужные слова. – Великой иллюзии. Она абсурдна. Должно быть, вы верите, будто на том свете Бог при виде вас вежливо прикоснется к шляпе, как какой-нибудь король-солнце.

Роланд де Синь промолчал. Даже если он был согласен с Ле Суром, говорить ему об этом он не собирался.

Ле Сур прицелился. Роланд ждал.

– Черт, – сказал Ле Сур.

А потом развернулся и скрылся среди деревьев, так и не нажав на курок.

Глава 20

1918 год

Джеймс Фокс задумчиво глядел на молодую женщину, которая сидела напротив его рабочего стола.

Был ноябрь. Как обычно, в кабинетах фирмы «Фокс и Мартино», где он теперь был старшим партнером, царила почти могильная тишина. Лишь изредка она нарушалась приглушенными звуками из окна, выходящего на узкую аллею недалеко от Чансери-лейн. В камине тихо посвистывал горящий уголь.

Девушка явилась без предварительной договоренности и попросила о встрече со старшим партнером. У Фокса в тот момент не было совещания. Услышав же имя посетительницы, он догадался, кто она такая, и попросил секретаря пригласить ее.

Ее наряд был деловым, почти строгим: белая блузка, простая нитка жемчуга, темно-серые жакет и юбка. Темные волосы она подобрала кверху и спрятала под скромной шляпкой. Все правильно, ведь страна по-прежнему находится в состоянии войны. Но дороговизна ткани выдавала тот факт, что девушка принадлежит к классу крупной буржуазии.

Фокс нашел ее довольно красивой: большие фиалковые глаза, грациозные движения. Действительно ли в ней сказывается французская кровь, или ему это только кажется из-за того, что он о ней знает? Звали ее Луиза.

– Чем могу быть полезен? – спросил он.

– Вы ведете дела нашей семьи. И, как я понимаю, уже довольно давно.

– Это так. Впервые в нашу фирму, возглавляемую тогда моим отцом, обратился еще ваш дед.

– Значит, вы бы знали, если бы я была приемной дочерью.

– Не обязательно. – На его лице не дрогнул ни единый мускул.

– А я думаю, вы знаете. – (Он промолчал.) – Моя мать рассказала, что меня удочерили. Рассказала, когда мне исполнилось шестнадцать

лет.

– Вот как?

– Она не хотела ничего говорить, даже тогда. А я ни о чем не догадывалась, пока не подслушала разговор двух близких друзей моих родителей. Они говорили о нашей семье, и один сказал, что меня удочерили, но я об этом не знаю. Что скажете теперь, мистер Фокс?

– Когда клиенты интересуются нашим мнением, мы обычно рекомендуем не скрывать от детей, если тех усыновили. Все поступают по своему усмотрению. Но даже если вас удочерили, я не совсем понимаю, почему вы пришли ко мне.

– Когда я стала расспрашивать об этом маму, она очень расстроилась. Потом она сказала, что они с отцом удочерили меня, потому что очень любили меня, а настоящие мои родители меня не любили и не хотели. Конечно, сначала я ужасно огорчилась. Понимаете, помимо прочего, мне неприятно было услышать, что настоящие родители отказались от меня. Но теперь я думаю, мама так сказала потому, что хотела, чтобы я любила ее, а не тех людей, которых я никогда не знала.

– Полагаю, у вас было счастливое детство и хороший дом.

– Да, разумеется.

– И ваши близкие любили вас, как и положено хорошим родителям, так?

– О да.

– Родителям тоже нужно, чтобы их любили. Даже если все, что вы говорите, верно, то я бы посоветовал вам подумать о чувствах вашей матери. Возможно, она боится, что вы будете меньше ее любить. Вы, конечно же, не желаете причинить ей боль.

– Но мне все равно хочется знать, правду ли она мне сказала.

– Бывает, что у людей рождается ребенок, которого они не в состоянии воспитывать и содержать, и причины этого могут быть самыми разными. Совсем не обязательно дело в отсутствии любви. Порой отказаться от ребенка их вынуждают объективные обстоятельства. Кем бы ни были ваши биологические родители – при условии, что вы правы, – совершенно очевидно, что они приложили массу усилий, дабы вы росли в наилучших условиях. Вероятно, они сами не могли бы дать вам ничего подобного.

– Разве человек не должен всегда знать правду?

– Я, как адвокат по семейному праву с тридцатилетним опытом, – улыбнулся Фокс, – иногда хочу, чтобы люди знали правду, а иногда не хочу этого. Так что если вы пришли ко мне за советом, то вот что я вам скажу: проявите доброту по отношению к вашим родителям, которые дали вам дом и любовь, и забудьте обо всем остальном.

– Я пришла к вам не за советом, – спокойно заявила Луиза. – Я спрашивала у матери, кто мои настоящие родители, но она отказывается говорить. Немного позднее я подслушала, как мой отец сказал ей: «Знают только Фоксы». Кроме вашей фирмы, другие Фоксы мне неизвестны. И вообще, логично предположить, что семейный адвокат будет в курсе, как вам кажется?

– Мне понятен ход ваших мыслей. А вы часто подслушиваете под дверью?

– Нет, но в тот день подслушивала. По-моему, это вполне объяснимо.

– Если я правильно вас понял, вы сделали свое открытие несколько лет назад. – Фокс кое-что подсчитал в уме. – Почему вы ждали так долго, перед тем как прийти ко мне?

– Не могла же шестнадцатилетняя девочка явиться в юридическую фирму без провожатых. Но есть и еще одна причина, – помолчав, продолжила Луиза. – Вам ведь известны условия завещания моего отца. Не бойтесь, я не собираюсь вас ни о чем расспрашивать. Он сам сказал мне, что обеспечит мне приданое, когда я буду выходить замуж, но основные средства пойдут на пенсию матери, а остаток раздадут кровным родственникам. Так что, как видите, приемный ребенок и родной – это совсем не одно и то же. Суть в том, что я не являюсь наследницей.

– Вы же не для того разыскиваете своих настоящих родителей, чтобы обогатиться?

– Вовсе нет. – Она оценивающе прищурилась на адвоката. – Вы хорошо считаете, мистер Фокс?

– Сносно.

– Вот вам очень простая задачка. Когда война закончится, я уверена, все девушки начнут думать о замужестве. Но вот в чем трудность. Потери в войне уже на сегодняшний день так велики, что мужчин будет не хватать, особенно молодых мужчин нашего круга. Мы все знаем, что процент раненых и убитых среди офицеров очень высок.

Можно смело предположить, что богатые наследницы найдут себе мужей, если только они не совсем уродины. И многие девушки согласятся выйти за таких мужчин, на которых при обычных условиях и не посмотрели бы. Прочим придется остаться старыми девами или наняться в гувернантки, если у них недостаточно средств. И лишь малое количество независимо мыслящих женщин найдут способ устроить свою жизнь.

– У меня складывается впечатление, что вы попадаете в эту последнюю категорию.

– Думаю, да. – Она лукаво улыбнулась. – Я отлично понимаю, мистер Фокс, что, называя женщину независимой, вы не делаете ей комплимента.

Фокс улыбнулся в ответ. Ему казалось, что только глупец откажется жениться на такой умной и живой девушке. Но тем не менее она была права.

– Не думаю, будто у вас нет шансов найти мужа, – ответил он. – Только вам надо вести себя немного осторожнее, чтобы не отпугнуть кандидатов. Хотя есть такие мужчины, – добавил он, – которые считают независимых женщин наиболее привлекательными.

– Ну, мои родители уверены, что я в любом случае выйду замуж и тогда их задача будет выполнена. Моя идея о том, чтобы самой зарабатывать на жизнь, им кажется невыносимой. Я знаю, что во время войны работы много, но когда жизнь вернется в нормальную колею... Работа – занятие не для женщин нашего круга, верно?

– Брак – это не так уж плохо, должен вам сказать.

– О, я не против брака, мистер Фокс, но я должна учитывать возможность того, что могу остаться незамужней. И еще... Мне бы хотелось, чтобы в моей жизни было больше приключений. Наверное, я могла бы стать фотографом, или поехать в Америку, или что-то в этом роде.

– Вы, разумеется, обсуждали эти идеи с родителями.

– Немного. Они без восторга к ним относятся, но тут уж ничего не поделаешь.

– Я еще не встречал родителей, которые хотели бы, чтобы в жизни их дочери было больше приключений, – абсолютно искренне сказал Фокс. – Надеюсь, вы не поссорились?

– Нет. Но противоречия углубляются. Я чувствую это. – Она отвела взгляд, и Фокс понял, что девушка недоговаривает. – Итак, мистер Фокс, если мне придется самой отвечать за свою жизнь, я бы хотела знать, кто я на самом деле. И поэтому прошу вас сказать мне: кто мои родители?

Джеймс отрицательно качнул головой:

– Даже если допустить, что ваши предположения верны, я ничего не могу вам рассказать. Мой клиент – ваш отец, а не вы. И ни разу в жизни я не разглашал конфиденциальную информацию, доверенную мне клиентом.

– Вы совсем ничего не можете мне сказать? Хотя бы намек! Что-нибудь, с чего я могла бы начать поиски.

– Нет, не могу. Более того, я не сказал, что вообще располагаю сведениями о вашем происхождении.

– Как бы я хотела... – начала Луиза, но ее отвлек шум на улице. Она обернулась к окну и нахмурилась.

Фокс тоже смотрел в окно. Невнятный шум на Чансери-лейн становился громче. Он видел, как в окнах здания напротив тоже появились лица. С аллеи донесся чей-то крик, потом еще один. Через мгновение по коридору застучали шаги, дверь распахнулась без обычного вежливого стука, и на пороге возник старший клерк – покрасневшийся и с косо сидящими очками.

– Прошу прощения, сэр, – сказал он, – но война закончилась.

Все были убеждены, что это вот-вот случится. Но тот день, когда Лондон узнал, что Великая война действительно закончилась и подписано перемирие, стал неповторимым в истории города. Четыре года смертей подошли к концу. От улицы к улице, от дымовой трубы к церковному шпилю, от закопченного навеса к белокаменному особняку – не было такого жилища, предприятия, общины, где бы не потеряли друга или родственника. Из-за нехватки продовольствия не было в Лондоне ребенка, который ел в эти годы досыта.

И вот тяжелое мрачное облако, придавившее жизни людей, рассеялось. Унылый нескончаемый кошмар наконец-то прекратился. Скоро из-за горизонта начнут возвращаться любимые.

Когда стало известно об окончании войны и когда люди осознали, что несет с собой эта новость, случилась удивительная вещь. В городе

как будто произошла спонтанная химическая реакция – все высыпали на улицы. Из лавок, из контор, из универмагов, даже из самого «Хэрродса» выбегали люди. Они кричали, смеялись, плакали от счастья. Вся работа остановилась. Совершенно незнакомые люди обнимали друг друга.

Сонная маленькая аллея перед конторой фирмы «Фокс и Мартино» переполнилась работниками соседних учреждений. На Чансери-лейн застопорилось движение. По дороге бежали юристы, клерки, стенографисты, продавцы канцелярских товаров и даже изготовители париков.

Джеймс Фокс и Луиза спустились по лестнице. Вскоре адвокат уже пробирался через толпу на аллее, пожимая направо и налево руки. Он позволил своему пожилому делопроизводителю обнять себя и похлопал по плечу плачущую секретаршу.

Стоя на крыльце, Луиза улыбалась и что-то бормотала в ответ на поздравления прохожих. Но поскольку она никого здесь не знала, то сама в этот счастливый поток не нырнула.

И потом ее осенило.

Коридор за входной дверью был пуст. Казалось, все выскочили на улицу. Она поднялась обратно к кабинету Фокса и заглянула туда. Там было тихо. Она быстро оглядела помещение. Помимо письменного стола адвоката, трех кожаных кресел, низкого столика и книжных полок вдоль стен, в кабинете не было мебели. Луизу, в частности, интересовали тумбы или канцелярские шкафы.

Она передвинулась к следующей двери. За ней оказался кабинет секретаря: большая пишущая машинка на столе, несколько папок, но для архива маловато. Вероятно, старые документы хранились в другой части здания, например в подвале. Луиза толкнула очередную дверь.

Папки с документами. Стеллаж за стеллажом, а еще коробки и просто стопки бумаг, перевязанные бечевкой. Хранилище выглядело старым, но тем не менее упорядоченным.

– Вам помочь?

Луиза вздрогнула и оглянулась. За ее спиной стояла девушка примерно тех же лет. Луиза улыбнулась и попыталась изобразить на лице облегчение.

– Я здесь, чтобы увидеться с мистером Фоксом, а сейчас ищу уборную.

– Конечно, мисс. Сюда. – Девушка провела Луизу на первый этаж и вглубь здания, к маленькой комнатке, где стоял унитаз и умывальник. – Как видите, мы весьма современны, – с гордостью заметила она.

– Как хорошо, что я нашла вас.

– Мне сообщить мистеру Фоксу, что вы ждете его?

– Да нет, все в порядке. Мы как раз беседовали, когда все это случилось. Мы с ним спустились на крыльцо. – Луиза улыбнулась. – Я просто подожду. Никакой спешки. Такой день!

– Да, мисс. Я могу сделать для вас что-нибудь еще?

– На вашем месте я бы пошла на улицу. Все, кажется, сейчас там.

Луиза зашла в уборную, подождала минутку, потом выглянула. Пусто. Она быстро поднялась на второй этаж.

Папки хранились в алфавитном порядке. Найти документы своей семьи она сумела в считанные секунды. Они содержались в двух коробках.

Бумаг оказалось довольно много: письма о какой-то собственности, приобретенной несколько лет назад, различные сделки, завещание отца, недавно измененное. Луиза даже не открыла его. Она проверила первую коробку, но не нашла того, что ее интересовало. Потом открыла вторую. В ней верхние папки содержали документы десятилетней давности. Она стала вынимать папку за папкой. Пятнадцать лет. Восемнадцать лет... Показалось дно коробки.

«Усыновление». Пачка бумаг, перевязанных ленточкой. Она развязала ее. Сверху лежала памятка с основными данными. Имя ребенка: Луиза; выбрано биологической матерью, одобрено усыновителем. Место рождения: Суссекс. Имя матери: Коринна Пети. Необычное имя, хотя мать могла быть не англичанкой. Француженка, скорее всего, или швейцарка.

Имя отца: не раскрыто. Луиза быстро пролистала другие документы, желая все же отыскать его. Никаких следов. Потом нашлась короткая служебная записка из парижской конторы. В ней выражалась благодарность тогдашнему партнеру в лондонском отделении за тактичное и оперативное решение вопроса и сообщалось, что клиент, месье Бланшар, весьма доволен. Внизу стояла подпись: Джеймс Фокс.

Выходит, он знает. Он все знает.

– Вы же понимаете, что я могу вызвать полицию и вас арестуют.

Его голос. Должно быть, он стоит в дверях. Луиза не обернулась:

– Сомневаюсь, что вы станете это делать. И так, это вы все устроили, а мою мать звали Коринна Пети. Она была француженкой?

Никакого ответа.

– И кто такой месье Бланшар? Мой отец?

Продолжительный вздох.

– Коринны Пети нет в живых. Она какое-то время работала няней. Потом вышла замуж и, к сожалению, умерла при родах. Клянусь вам, это правда. Ее семья отказалась от нее, когда она забеременела. Ей некуда было идти. Она была очень молода. Я без малейших колебаний заявляю, что сделал для нее и для вас лучшее из того, что в принципе было возможно. По чистой случайности мне сообщили из лондонского отделения о ваших родителях, которые хотели ребенка и не могли родить его.

– А мой отец? – Теперь Луиза повернулась к Фоксу. – Месье Бланшар – он тоже умер?

– Вы полагаете, что он ваш отец. Но этот человек мог просто помогать другу.

– Вы не хотите говорить мне.

– Не могу. Вы собираетесь открыть родителям, что вам стало известно?

– Не знаю.

– Если расскажете, то мне придется уведомить их о том, как вы добыли эту информацию. Иначе они могут заподозрить меня в нарушении конфиденциальности.

– Ладно, я ничего им не скажу. Да и толку от этого никакого не будет, скорее всего.

– Уверен, вы правы. Но вы обещаете мне это? Я должен беречь свою репутацию.

– Да. Обещаю.

– Чтобы вы не тратили понапрасну силы и время, скажу вам, что с началом войны я закрыл наше парижское отделение. Там вы теперь ничего не сможете найти. Что касается Бланшара, то это распространенная фамилия, и отец, которого вы ищете, может носить другое имя. Мне будет жаль, если вы проведете жизнь в напрасных поисках.

– Он жив?

Джеймс Фокс с осторожностью подбирал слова для ответа.

– Я много лет уже не был во Франции, – грустно покачал он головой. – Их потери в войне были тяжелее наших, как вам известно. Куда тяжелее.

– Ну что же, – энергично сказала она, – война закончилась, и, кажется, я француженка.

– Лично я сказал бы, что вы англичанка.

Но быть француженкой Луизе нравилось больше.

– Нет, – заявила она, – я француженка. До свидания, мистер Фокс. Сколько я вам должна за консультацию?

– Меня устроит перемирие, – ответил он с улыбкой.

Когда она ушла, он вернулся в кабинет и сел за стол. А потом рассмеялся. Он задумался, не рассказать ли Марку о встрече с его дочерью. Пожалуй, все же нет, это можно расценить как нарушение конфиденциальности. А можно ли поделиться с Мари? И опять Джеймс сказал себе «нет». Ее семье это не понравится.

Глава 21

1920 год

Мари Фокс никак не ожидала, что овдовеет так рано и так неожиданно. Но она потеряла Джеймса весной 1919 года.

Пандемия гриппа 1918–1919 годов – «испанка», как ее называли, – не оставила такого яркого следа в памяти народа, как другие эпидемии. Тем не менее она убила больше людей, чем даже «черная смерть» шестью столетиями ранее. В Британии умерло четверть миллиона, во Франции – более полумиллиона, в Канаде – пятьдесят тысяч, а в Индии – семнадцать миллионов. По всему миру из общего числа заболевших погибало от десяти до двадцати процентов. Особенно высокой смертность была среди молодых и здоровых. Пандемия вылилась не только в человеческое горе, но и в потрясающие воображение цифры статистики. В Соединенных Штатах из-за гриппа средняя продолжительность жизни упала на десять лет.

Но и среди пожилых вирус убивал множество людей.

«Испанка» накатывала волнами. В Англии было две волны в 1918 году, а третья настигла страну в марте 1919 года. Она-то и унесла Джеймса Фокса.

Он почувствовал себя плохо после обеда. С вечера начались боли и лихорадка. В течение суток его состояние ухудшалось, а ночью у него развилась пневмония. С наступлением третьего дня не отходившая от мужа Мари заметила, что он покрылся странной синеватой бледностью. И солнце еще не село, когда она услышала, как что-то булькает у него в горле, и его не стало.

Мари держала Джеймса за руку, и все же он покинул ее. Несмотря на протесты дочери Клэр, Мари не пустила ее в комнату:

– Так сказал доктор, и твой отец тоже настаивал бы на этом.

Мари повезло, она сама не заразилась. Вирус обошел стороной и Клэр.

До конца года мать и дочь оставались в Лондоне.

Для Клэр Лондон был домом. Она ходила в школу Фрэнсиса Холланда, что около Слоун-сквер. Это учебное заведение устраивало ее родителей с религиозной точки зрения: оно было протестантским, но относилось к «высокой церкви», то есть богослужения там были настолько приближены к традиционным, что их можно было принять за католические. Разумеется, академические стандарты в этой школе были непревзойденными. Французский язык преподавала настоящая француженка, что в менее престижных заведениях выглядело бы подозрительно, но школе Фрэнсиса Холланда это только добавляло шика. Поскольку родители Клэр дома говорили по-французски, девочка неизменно была лучшей в классе по этому предмету.

Однако ее друзья были англичане. Любимые игры, развлечения, музыка – все было английским. И ее мать ничуть не возражала против такого положения вещей. С Джеймсом в Лондоне Мари была счастлива.

Но Джеймс умер, шли месяцы, и Мари стала чувствовать себя одиноко. Она скучала по своей семье во Франции. И ближе к концу года у нее созрела идея свозить Клэр в Париж.

– Я бы хотела, чтобы ты поближе узнала французскую половину своих родных, – говорила Мари дочери.

В декабре 1919 года пришло письмо от Марка. Брат писал, что тете Элоизе нездоровится и что Мари следует приехать в ближайшее время.

Месяц спустя она вместе с Клэр пересекла пролив. Никаких конкретных планов у них не было.

Даже унылое глухозимье не в силах было умалить безыскусное очарование родового поместья в Фонтенбло. При виде гостеприимного двора и большого сада Мари испытала чувство умиротворения и возрождения, в которых нуждалась сильнее, чем осознавала ранее. Ее отцу было уже за восемьдесят, и он как будто стал ниже ростом. Мать изменилась очень мало, только ходила с трудом, да волосы ее совсем поседели и превратились в пушистый снежно-белый венчик вокруг головы.

Бабушка и дедушка были счастливы снова увидеть Клэр. Их особенно восхищало то, что она по-прежнему говорит по-французски почти без ошибок.

– Просто невероятно, до чего она похожа на тебя, – говорила Мари ее мать.

Это было правдой. Клэр унаследовала от Мари золотистые волосы и голубые глаза. Те, кто искал между ними различия, отмечали, что лицо у дочери, кажется, чуточку более удлиненное, чем у матери, и что она на несколько сантиметров выше.

Клэр тоже обрадовалась встрече со стариками. В последний раз она видела их еще до войны, совсем девочкой. Теперь же у нее возникло множество вопросов. Она с восторгом узнала, что этот дом купил дед Жюля целых сто лет назад и что он застал Французскую революцию и знал Наполеона.

– Можно нам пожить тут какое-то время? – спрашивала она.

Через два дня Марк привез в поместье тетю Элоизу. Мари находила, что для своего возраста тетя выглядит прекрасно, однако не могла не видеть, что та похудела еще больше и была весьма слаба. В первый же вечер после своего приезда тетя Элоиза отвела Мари в сторону:

– Моя дорогая Мари, я так рада, что ты приехала именно сейчас. Я в полном порядке и считаю, что мне очень повезло дожить до моих лет в добром здравии. Но доктор говорит, что скоро я оставлю вас.

– Как скоро?

– Примерно через полгода. Так что лето я еще застану. Как же я люблю майское цветение каштанов! Однако я предпочла бы уйти в августе, до того как наступит эта несносная жара, если, конечно, всемилостивый Господь не планирует послать меня туда, где еще жарче.

– Я уверена, что ничего такого у Него и в мыслях нет, – с улыбкой ответила Мари.

Но эта беседа произвела перелом. Наутро Мари обсудила все с Клэр, и дочь полностью поддержала ее.

– Марк, – обратилась потом Мари к брату, – мы с Клэр хотели бы остаться в Париже как минимум до августа. Ты не сможешь нам снять квартиру? Хорошо бы найти что-нибудь неподалеку от тети Элоизы.

– Я надеялся, что вы задержитесь во Франции, – сказал ей Марк.

Следующие шесть месяцев они жили в прелестной квартире к северо-западу от Люксембургского сада, рядом с великолепной церковью Сен-Сюльпис.

Мари раньше никогда не жила на левом берегу, и, как оказалось, ей здесь очень нравится. Двухминутная прогулка в северном направлении – и она уже в аристократическом квартале Сен-Жермен. Если идти дальше на север по улице Бонапарта, то через пять минут окажешься у реки, прямо напротив Лувра. Если же повернуть на восток, то через те же пять минут бульвар Сен-Жермен приведет тебя в самое сердце университетского Латинского квартала, откуда рукой подать до острова Сите, осененного изящным готическим шпилем Сент-Шапель.

Мари виделась с тетей Элоизой каждый день. Тем временем Марк устроил Клэр в Школу изящных искусств в начале улицы Бонапарта.

У Мари с дочкой всегда были близкие отношения. Когда Клэр посещала старшие классы, между ними порой возникали трения, вполне ожидаемые в отношениях подростка с родителями. Однако темное присутствие войны с ее ежедневными трагедиями и лишениями не оставляло много места для семейных ссор.

Внезапная смерть отца также способствовала скорому взрослению Клэр. Она видела, что мать нуждается в ней, и старалась быть для нее не только дочерью, но и другом. Они часто ходили куда-нибудь вместе. Иногда их даже принимали за сестер. Клэр было забавно и приятно видеть, какое удовольствие доставляет матери эта ошибка.

В Париже Клэр быстро обзавелась друзьями, ей нравилось общество сверстников. Но ничуть не меньше радости она получала от совместных с матерью прогулок по городу, и в выходные они часто ездили на поезде в Фонтенбло.

По крайней мере раз в неделю Мари отправлялась на правый берег, чтобы пообедать с Марком и потом провести вместе с ним остаток дня в его рабочем кабинете.

– Раз уж ты здесь, – решил Марк еще зимой, – неплохо бы тебе познакомиться с нашим делом. Ведь когда родители умрут, ты станешь его совладелицей.

Марк предпочел бы иной образ жизни, но тем не менее он добросовестно управлял семейным предприятием. Сын Жерара, названный в честь дедушки Жюлем, уже принимал в этом активное участие.

– Он усердно трудится и настроен на то, чтобы в будущем возглавить дело, – сказал Марк сестре, – но ему еще нет и тридцати. Я наблюдаю за всем, что он делает, и особенно внимательно контролирую

финансы. Еще два-три года – и, надеюсь, дальше он будет обходиться без меня.

Мари старший племянник понравился. Он очень напоминал ей брата, только обладал более худощавым телосложением и начал терять волосы в ранней молодости. Он свято чтит память отца, и Мари, хоть и не во всем, разделяла его чувства, находила это весьма трогательным. Сестры Жюля были уже замужем, так что он считал себя будущим главой рода и опорой матери.

О вдове Жерара Мари мало что могла сказать. Это была довольно милая женщина, окруженная множеством приятельниц. Основными занятиями ее являлись походы по магазинам и визиты к тем же приятельницам. Через год после смерти Жерара она покрасила волосы хной.

– Ошибка, – такой была лаконичная оценка Марка, – но одновременно и сигнал о том, что она надеется найти нового мужа. Мы приглашаем ее на семейные торжества, и никаких проблем с ней никогда не было. Тебе следует пройтись с ней как-нибудь по магазинам. Ей будет очень приятно, если ты пригласишь ее.

Мари так и сделала. Они несколько раз вместе ходили за покупками, так же как в Лондоне Мари прогуливалась по магазину с тамошними дамами. Вкусы ее и невестки различались, конечно. Раз или два Мари пыталась уговорить вдову Бланшар заглянуть на выставку или в художественную галерею, но безуспешно – ее больше интересовали скидки в универмагах. Мари обнаружила, что вдова брата равнодушна к драгоценностям и высокой моде. Они проводили увлекательные час или два к северу от сада Тюильри, на Вандомской площади, разглядывая витрины Картье и других ювелиров или примеряя наряды от новых модельеров вроде Шанель. После этого Марк угощал их обедом в близлежащем отеле «Риц», и там они прощались с вдовой старшего брата, а сами шли заниматься делами в контору.

Как ни странно, благодаря случайно брошенным словам невестки Мари пришла к выводу, который затем изменил всю ее жизнь.

– Вам следует остаться в Париже, дорогая, – сказала та однажды Мари. – У вас здесь семья, и вы могли бы вести столь же приятную жизнь, как я.

И это было абсолютно верное замечание. Мари нашла бы для себя здесь массу интересного на ближайшие тридцать-сорок лет, стала бы бабушкой, может, посвятила бы себя благотворительности и в конце концов тихо умерла в Париже или Фонтенбло. Да, она могла бы провести так вторую половину своей жизни и считать себя счастливицей.

Но неожиданно для себя Мари поняла, что это не то, чего бы ей хотелось. Ей нужно чего-то большего. Просто она пока не знала, чего именно.

Одним чудесным майским днем она болтала с Марком в его кабинете, и он упомянул, каким ударом стало для семьи закрытие «Жозефины».

– Нам пришлось это сделать. Универмаг торговал в убыток. Но все-таки жаль, что мы недотянули до конца войны, потому что сейчас, я думаю, это было бы прибыльное дело. Какое-то время здание арендовала страховая компания, но они переехали, так что помещения свободны. У меня нет энергии, чтобы начать все сначала, а молодой Жюль пока на такое не способен, да и не хочет.

И тогда, не успев даже как следует подумать, Мари спросила:

– Тогда почему бы мне не заняться этим?

– Но, Мари, ты же никогда не имела дела с коммерцией! – Марк в полном изумлении уставился на нее.

– Да, но за эти месяцы я кое-чему научилась. И ты помогал бы мне.

– А еще ты женщина.

– Вдова Клико десятки лет управляла винодельческой фирмой и сделала свое шампанское самым известным в мире. Шанель тоже одинокая женщина, а дела у нее идут совсем неплохо. Я хожу в ее магазин почти каждую неделю.

– Универмаг – это же не бутик, – засмеялся Марк. – Это огромный магазин.

– Я бы не стала снова занимать все здание. Только ту часть, которую ты отделал в стиле ар-нуво.

– Я польщен. – Он улыбнулся. – Предлагаю тебе, дорогая сестра, отложить дальнейшее обсуждение до завтра. Может быть, сегодня ты слишком долго пробыла на солнце. Утром, когда проснешься, твое здравомыслие, несомненно, вернется к тебе.

– Нет, – сказала Мари. Внезапно ей все стало ясно. – Это мой план. Я собираюсь посвятить все свое время тете Элоизе, пока она жива. Но если она говорит, что в августе ее не станет, то, вероятнее всего, так и будет. После этого, если здание будет все еще свободно, я попрошу тебя снять для меня там помещения.

– Такой я тебя никогда еще не видел, – произнес Марк.

– А теперь увидел, – ответила она. – «Жозефина» возродится.

Весной 1919 года, когда Луиза заявила, что хочет изучать французский язык, ее родители не сразу поняли, о чем речь.

– У вас же был французский в школе, – сказала ее мать. – Ты точно уверена, что хочешь знать его лучше, дорогая?

– В школе я учила школьный французский, – ответила Луиза, – но поговорить с кем-нибудь на интересную тему я не смогу. Кто знает, – продолжала она, – вдруг язык мне пригодится. Если я выйду за дипломата, к примеру.

Выслушав доводы Луизы, отец одобрительно отнесся к идее. Война только что закончилась. В мире царит полная неразбериха. Не будет никакого вреда, если его дочь достигнет совершенства в таком полезном деле, как знание языка.

– При условии, что ты будешь серьезно заниматься, – таков был его вердикт.

Итак, была найдена преподавательница французского, и Луиза принялась за дело. Через шесть месяцев ее учительница провозгласила:

– У меня еще не было такой способной ученицы!

А Луиза никогда еще не работала с таким усердием. Она набрасывалась на учебники со страстью. Через три месяца она знала множество басен Лафонтена наизусть. Они даже принялись за романы Бальзака, несмотря на огромное количество в них сложной лексики.

Отец Луизы с гордостью взирал на то, что принимал за первые признаки взросления. К концу года Луиза сделала новое заявление:

– Мадемуазель говорит, что мне было бы полезно провести несколько недель во французской семье. Это называется «полное погружение».

Матери новая идея пришлась не по вкусу. По части искусства она была весьма образованной женщиной, но классовые условности по-

прежнему связывали ее, и поэтому ей казалось неприличным, чтобы девушка слишком активно развивала свой интеллект. Но добрый, круглолицый отец был более благосклонен.

– Не волнуйся, дорогая, – успокаивал он жену. – В конце концов, она же не в университет собирается. Ни один мужчина не захочет взять в жены такую женщину. – Он потрепал супругу по руке. – А поездка во Францию – это что-то вроде пансиона для благородных девиц, тебе не кажется?

Так и получилось, что Луизу послали в подходящую семью, которая жила в маленьком *manoir*, – на самом деле это был фермерский дом в долине Луары, недалеко от Шато де Синь. Ее хозяевами были ушедший на пенсию чиновник колониальной службы и его жена, которая была родом из *petite noblesse* – мелкопоместной знати. Дети их уже выросли, сын уехал в Париж. Более шести счастливых месяцев Луиза жила с ними почти как родная дочь. К концу 1920 года Луиза могла не понять какое-нибудь новое словечко или идиому, то и дело возникающие в молодежной среде, но в остальном ее французский был идеален.

Глава 22

1924 год

Клэр была просто счастлива, узнав о возможности остаться в Париже.

– Я сама себе напоминаю девочку с раскрытым от восторга ртом, – говорила она со смехом, – которую мама привела в самое необыкновенное место на свете!

Но по-настоящему открыл ей глаза дядя Марк.

– После Великой войны разорена вся Европа, – любил говорить он, – но здесь, в Париже, мы возрождаемся стильно.

Определенно, для начинающего художника, бедного писателя или молодого человека, интересующегося искусством, вроде Клэр Париж был раем на земле. И о том, что происходит в городе, никто не знал больше Марка. После смерти тети Элоизы, сделавшей Марка своим единственным наследником, он переехал в ее квартиру. Он сохранил всю ее коллекцию и добавил к ней свои картины, так что теперь на стенах не оставалось свободного места. Не раз он проводил для Клэр экскурсию по этому замечательному собранию живописи и объяснял, как здесь появилась каждая вещь, а также рассказывал что-нибудь интересное об авторе. Однажды, когда Клэр выразила свое восхищение изображением вокзала Сен-Лазар, дядя сказал:

– На самом деле это полотно принадлежит твоей матери. Она может забрать его в любой момент.

Но когда Клэр передала эти слова матери, Мари возразила:

– За эту картину заплатила тетя Элоиза, а я так и не выкупила ее.

– А почему тебе захотелось именно ее? – спросила Клэр.

– Это маленький секрет из далекого прошлого, – ответила мать с улыбкой. – В любом случае картина отлично смотрится в квартире, пусть там и остается.

Марк много рассказывал племяннице о художниках, которых знал лично.

– Я бы с удовольствием отвез тебя в Живерни, чтобы познакомиться с Моне, но он уже стар, не хочется беспокоить его, – заметил он.

– Последний живой импрессионист, – благоговейно произнесла Клэр.

– Я бы сказал, что он пережил импрессионизм. С тех пор появились и постимпрессионисты вроде Ван Гога и Гогена, и экспрессионисты – художники, создающие в своих полотнах мир, который кажется чуть ли не ярче и живее, чем реальный. Хотя все они имеют склонность к абстракции – особенно Сезанн, на мой взгляд. А Моне так долго писал свои пруды с кувшинками и расписывал ивами панели, что его живопись превратилась в некий воображаемый мир цвета и тоже стала чистой абстракцией.

– А с Пикассо вы встречались? – спросила Клэр.

– Да. Он блестящий рисовальщик, скажу я тебе. Он мог бы стать художником классического направления. У него невероятный талант. Вместо этого он предпочел сломать все правила в изобразительном искусстве. – Марк улыбнулся. – Естественно, когда он решил изобрести кубизм, то сделал это в Париже.

Они говорили о сюрреализме, который тогда был на пике популярности, и о труппе «Русский балет Дягилева».

– В основном они работают в Париже, но теперь зимой выезжают в Монте-Карло, – делился Марк знаниями с Клэр, ведь он видел скандальный «Послеполуденный сон фавна» и присутствовал на освященной премьере балета «Весна священная».

– Но вот что ты должна уяснить, – внушал он девушке. – Во всем, что сейчас происходит в Париже, главное не живопись, музыка или балет, хотя они, разумеется, бесконечно интересны. Все гораздо глубже и шире. Мы только что участвовали в войне. Германская империя, древняя империя Габсбургов в Вене и скрипящая от старости Османская империя турок рухнули. В Российской империи произошла большевистская революция. Старому мировому порядку пришел конец. Мы стали свидетелями вооруженного конфликта в индустриальном масштабе, который не только убил миллионы людей, но и, возможно, поставил под сомнение ценности нашего общества и сущность самого человека. Разумеется, большинство людей полагают, что привычная старая жизнь с ее основательностью, четко разделенными классами, хозяевами и слугами, та жизнь, которая была так удобна для людей

нашего круга, восстановится. Но авангард смотрит в будущее свежим взглядом. Все эти художественные направления, о которых мы слышим, – конструктивисты в России, вортицисты в Англии или футуристы в Италии – а это, несомненно, отдельные направления в изобразительном искусстве, каждое со своим манифестом, – реагируют на эту новую реальность, где старые данности подвергаются пересмотру и где созданные нами средства разрушения едва не вышли из-под контроля. Если тебе интересно, то лучше всего царящая в мире неопределенность выражена вот в этой книге. – Он протянул девушке тонкий томик стихов, озаглавленный «Бесплодная земля». Автором значился некий Т. С. Элиот. – Эта поэма только что опубликована. Элиот – американец, который живет в Лондоне. Подозреваю, что он может в конце концов превратиться в настоящего британца, как случилось с Генри Джеймсом. Книгу мне дал друг Элиота, Паунд, проживающий в Париже.

В другой раз Марк рассказал Клэр о французских авторах, в частности об Аполлинере, модернисте и анархисте. Он со смехом описывал, как Аполлинера и его друга Пикассо ненадолго арестовали по причинам, известным только бюрократическому уму, в те дни, когда украли «Мону Лизу».

– Оказалось, что вором был сумасшедший итальянец, который хотел вернуть «Мону Лизу» на родину. Картину нашли в его квартире.

Но важнее всего было то, что Марк познакомил Клэр с произведениями Пруста.

– Прусты были нашими соседями по бульвару Мальзерб, – поведал он ей несколькими годами ранее. – И Марсея мы всегда считали выскочкой и дилетантом, как, впрочем, и все, кто его знал. Кто бы мог подумать, что в голове у него созревала эта гениальная эпопея?

– Он до сих пор там живет?

– Нет, потом переехал, но недалеко – на бульвар Османа, это всего в пяти минутах от «Жозефины». Но сейчас он умирает, и работу над эпопеей придется заканчивать его брату.

Пруст действительно вскоре умер. К тому времени Клэр прочитала «В сторону Свана» и принялась за «Содом и Гоморру». Ничего подобного она еще не читала. Погружение Пруста в его необыкновенные воспоминания, воссоздание им каждой детали

уходящего мира, безжалостное отражение каждого аспекта человеческой психологии заворожили ее.

– Рад слышать, что ты увлеклась литературой, – сказал Марк. – Как жалко, что больше ты не сможешь поделиться впечатлениями с тетей Элоизой. Она читала все. Но не забывай, – добавил он, – люди, подобные Элиоту и Прусту, пишут по-новому, но в плане политики они весьма консервативны. Они ищут смысл в окончании старого мира. Но у многих представителей авангарда другой подход.

– Они верят в революцию, да?

– Париж всегда гордился тем, что именно он породил революционную идею. Еще со времен Французской революции мы верили, что все радикальные идеи принадлежат нам. И носители таких идей всегда приезжали в Париж, чтоб обсуждать их. Почти весь радикальный Париж уверен в том, что только мировая революция разрешит все возникшие в последние годы проблемы. Теперь, когда революция уже произошла в России, они считают, что остальные страны вот-вот последуют примеру русских – или должны последовать. Я не сомневаюсь, что Пикассо, например, коммунист.

Как бы ни увлекал девушку Париж своим культурным богатством, почти все свое время она отдавала работе над большим коммерческим проектом.

«Жозефина». Когда Мари и Марк вновь открыли универмаг, они попросили Клер заглядывать иногда в магазин и помогать им – сначала просто из желания дать ей дело. Но это было два года назад. Теперь она стала неотъемлемой частью предприятия.

– Не знаю, – говорил иногда ее добрый дядя Марк, – как бы мы без тебя справились.

Разумеется, ключевой фигурой была Мари, и все вращалось вокруг нее. Она умела найти подход к каждому, кто работал в «Жозефине»: всегда была спокойна, внимательна, но при этом очень тверда, словно мать во главе большой семьи. Люди доверяли ей.

Мари ведала повседневной деятельностью магазина и работала с самыми крупными и именитыми поставщиками – модельерами вроде Шанель. Но вскоре одну небольшую, но очень важную обязанность она передала Клэр.

– Прошу тебя заняться поиском новых дизайнеров и производителей одежды. Тех, которые привлекут к нам девушек твоего поколения. Ты их ищешь, приводишь ко мне, после чего будем решать, сможем ли мы договориться.

Клэр находила их – кого в Париже, кого в провинции, а кого-то и в Италии. И затем сидела на совещаниях, которые они проводили с ее матерью, и видела, как быстро и умно Мари обнаруживала сильные и слабые стороны разных предприятий.

– Как это у тебя получается? – спросила она однажды у матери. – Ты же никогда не занималась коммерцией.

– Не знаю, сказать по правде. Должно быть, это у меня в крови. – Мать улыбнулась. – Значит, ты думаешь, что я справляюсь?

– Ты отлично знаешь, что справляешься!

Два года совместной работы незаметно для матери и дочери изменили их отношения. Теперь они действительно стали как сестры. Иногда у них возникали разногласия относительно того, взять нового поставщика или нет, какую цену назначить за товар. Когда такое случалось, они спорили, каждая пыталась доказать свою правоту, и хотя последнее слово было за Мари, она всегда уважала мнение и аргументы Клэр.

Но в одном они согласились сразу же. Универмаг «Жозефина» не состоялся бы без Марка в роли главного советчика.

– Самый опасный наш конкурент – «Галерея Лафайет». Этот магазин расположен рядом с нами и при этом гораздо больше нашего. Им очень грамотно управляют и постоянно обновляют ассортимент. Нет смысла пытаться скопировать все их отделы, например галантерейный. Мы способны конкурировать с ними, как и раньше, в области модной одежды за умеренную цену. Поэтому мы должны привлечь покупателя тем, как продаем товары, и тем, что у нас всегда представлены самые последние направления еще до того, как они войдут в моду! Мы должны следовать старинному правилу французских полководцев: нам нужна смелость, еще смелость, всегда смелость.

– Вы говорите об этом так, будто это театр! – смеялась Клэр.

– Но это так и есть! – восклицал Марк. – Большой магазин – это не просто место для покупок. Это событие. В нем должна быть драма и сюрприз, совсем как в театре.

И он это доказал. Деятельность «Жозефины» стала нескончаемой чередой сюрпризов. Теперь манекены выставлялись прямо в витринах. Но в этом универмаге витрины не только демонстрировали наряды – они рассказывали истории, как картины. Марк также создал галерею и в самом магазине, там показывали работы молодых художников. Каждый месяц в «Жозефине» происходило что-то такое, о чем говорили, что необходимо было увидеть, пока оно не исчезло. Другими словами, «Жозефина» стала сенсацией.

Косметический и парикмахерский салоны также произвели фурор среди покупательниц. Универмаг «Жозефина» превратился в такое место, куда молодые женщины стремились за новой короткой мальчишеской стрижкой, за стилем девчонки-сорванца.

К весне 1924 года Марк носился с новой темой для летнего сезона. Олимпийские игры.

На самом деле событие было весьма примечательным. Античный праздник спорта возобновили не так давно, всего лишь в 1896 году. Первые Игры состоялись в Афинах, что было логично. С тех пор они проводились каждые четыре года, только война заставила пропустить очередной срок. Париж принимал Олимпиаду в 1900 году, за ним последовал Сент-Луис в Америке, потом дождались своей очереди Лондон, Стокгольм и Антверпен. Но теперь Олимпийские игры снова возвращались в Париж. По мнению французов, это стало новым доказательством – для тех, кому нужно было еще что-то доказывать! – что столица Франции является лучшим городом в мире.

У Марка уже были планы для витрин. Он хотел, чтобы там создали сцены из соревнований по бегу, плаванию и боксу, даже из велосипедных гонок. Ассортимент универмага в то лето собирались посвятить спорту, а к сентябрю и октябрю готовили спортивного фасона костюмы из твида и стильные дамские шляпки-клош в форме колокольчика.

Год обещал быть захватывающим. Все трое, Марк, Мари и Клэр, работали больше, чем когда-либо, и наслаждались каждой минутой, отданной общему делу.

В их жизни не доставало только одного.

– Пора бы вам, девочки, выйти замуж, – сказал однажды Марк, обращаясь к Мари и Клэр.

– Я уже была замужем, и очень удачно, – возразила Мари.

– Это вам нужно жениться, – выдвинула встречное предложение Клэр.

– Я слишком стар, – с улыбкой ответил ей дядя.

– Он слишком эгоистичен, – сказала Мари дочери.

– Это несправедливо, – заявил Марк. – Посмотрите, сколько всего я делаю для вас.

– Не могу представить, чтобы дядя Марк позволил жене перевешивать картины в его квартире, – заметила Клэр.

Марк подумал над этим.

– На кухне она может делать все, что захочет, – сказал он. – И вероятно, в спальне. У меня же все равно останется моя гардеробная. Но если серьезно... – Он обернулся к Клэр. – Твоей матери выпало огромное счастье выйти замуж за твоего отца, но вот уже пять лет, как его не стало. Ты не считаешь, что ей следует подумать о новом замужестве?

– Если захочет, то конечно, – согласилась Клэр. – Если найдет мужчину, который ей по-настоящему понравится. – Она посмотрела на мать. – Думаю, что это было бы прекрасно.

– У меня нет на это времени, – пожала плечами Мари.

И действительно, они были страшно заняты вплоть до самого мая – месяца, когда официально начинались Олимпийские игры.

Обычно к июлю Роланд де Синь приезжал в свой замок, чтобы провести там лето. Однако в этот год он задержался из-за Олимпиады. Игры как таковые его не очень интересовали, но в начале месяца в Сен-Клу целую неделю должны были играть в поло, а ближе к концу июля ожидалось соревнование по конному спорту. Ради этого Роланд готов был немного отложить отъезд в поместье. И раз уж так вышло, то у него будет время и возможность сходить в Оперу, поэтому он купил пару билетов на самый конец сезона и сказал сыну, несмотря на протесты мальчика, что возьмет его с собой на балет.

– Это будет полезно для твоего образования, – заявил он с улыбкой.

В качестве компенсации, однако, Роланд сводил сына на стадион в западном пригороде Париже, посмотреть на соревнования по легкой атлетике. Они видели несколько увлекательных забегов, а

кульминацией стал финал стометровки, золото в которой досталось британскому атлету по фамилии Абрахамс.

– Странно видеть еврея-атлета: одно как-то не вяжется с другим, – обронил Роланд мимоходом в беседе с сыном. – Однажды был такой известный боксер Мендоса, верно, но он был из португальских евреев, а это совсем другое дело.

Сегодня Роланд де Синь специально вернулся домой в начале вечера, чтобы успеть переодеться и посетить одно небольшое светское мероприятие. Тем не менее, шагая от своего дома в сторону Люксембургского дворца, он сомневался: а не совершает ли он ошибку?

Недавно он присутствовал на благотворительном вечере и там встретился с Марком Бланшаром. Хотя вращались они в разных кругах, Роланд время от времени вспоминал о Марке, когда видел его статьи в серьезных газетах. Чаще всего это были обзоры выставок или книг, и читались они скорее как эссе, а не как тексты на заказ, но так и подобало писать признанному деятелю искусства с независимым состоянием. Они встретились глазами, и вежливость заставила их подойти друг к другу и поздороваться. Роланд осведомился о родителях Марка.

– Они оба очень неплохо себя чувствуют для людей столь преклонного возраста. Мой отец все еще интересуется происходящим в мире, хотя стал слегка забывчив. Уже много лет, как он отошел от дел и обосновался в Фонтенбло. А вы, месье де Синь, – в свою очередь спросил Марк, – по-прежнему проживаете в том доме на бульваре Сен-Жермен, которым владел ваш отец, если я правильно помню?

– Да, я по-прежнему живу в том доме. После войны я ушел в отставку, чтобы позаботиться о своем поместье и сыне.

– Я слышал, вы женились.

– Да, но, к сожалению, уже овдовел. Мой отец обожал жену, рано потерял ее и остался с единственным сыном. Никогда бы не мог предположить, что такая же участь ожидает и меня. Но, по-видимому, всемилостивый Господь решил, что, раз установив такой порядок в нашем роду, Он не будет ничего менять.

Марк выразил соболезнования по поводу утраты де Синя.

– А вы женаты? – поинтересовался аристократ.

– Еще нет, – признался Марк. – У меня слишком много других забот. Во время войны умер мой брат, и мне пришлось занять его место

и возглавить семейное предприятие. Это совсем не то, чем я хотел бы заниматься, но кому-то нужно было поддержать дело для следующего поколения. И до сих пор я несу это бремя.

– Это не мешает женитьбе, – мягко заметил де Синь.

– Моя сестра говорит, что я слишком эгоистичен.

– Я отлично помню вашу очаровательную сестру. Она вышла замуж за того англичанина Фокса. Мне говорил ваш отец.

– Все верно. Они были весьма счастливы вместе, у них родилась дочь. К сожалению, Фокс стал одной из жертв эпидемии гриппа. Три года назад моя сестра с дочерью приехали в Париж навестить семью, и я страшно рад сообщить, что они так и не уехали.

– А! Я ничего не знал об этом.

– Кстати, – заговорил Марк после краткой паузы, – на следующей неделе я устраиваю небольшой прием. После смерти моей тети Элоизы я поселился в ее квартире недалеко от Люксембургского сада. Придут и Мари с дочерью. Буду искренне рад, если вы сумеете присоединиться к нам. Мы собираемся в среду вечером.

– Я уточню свои планы, когда вернусь домой, – сказал Роланд, не желая лишать себя возможности вежливо отказаться. – Но если окажется, что это время у меня свободно, приду с удовольствием.

Марк назвал ему адрес, и на этом они расстались.

Несколько дней Роланд не мог определиться, пойти к Бланшару или нет. Он не сомневался, что приятели Марка не придутся ему по вкусу. С другой стороны, было любопытно посмотреть, как выглядит повзрослевшая Мари. Роланд помнил, что в те дни, когда он сам думал жениться на ней, его привлекал именно ее образ в зрелые годы – такой, каким он себе его представлял много лет назад.

Нет никаких причин, чтобы отказать себе в удовлетворении любопытства, рассудил в конце концов Роланд. Достаточно быть вежливым и дружелюбным, а через час можно будет уже уйти. Он нащупал в кармане зажигалку.

Как ни глупо, но Роланд верил, что эта маленькая самодельная зажигалка из стреляной гильзы спасла ему жизнь. Кажется, он затронул душу Ле Сура, когда попросил его передать зажигалку сыну. Не потому ли Ле Сур не стал стрелять в него в тот день на линии фронта? Точно Роланд не мог этого знать. Может, Ле Сур никогда не решился бы нажать на курок, с зажигалкой или без. Но Роланду хотелось думать,

что она приносит ему удачу, и почти всегда он держал ее при себе как талисман.

Но в этот вечер ему вовсе не требовалась удача. Он ничего не ждет от визита к Бланшару. И ни капельки не взволнован тем, что скоро снова увидит Мари, говорил себе Роланд, преодолевая небольшое расстояние между своим домом и квартирой Марка.

Собираясь вместе с дочерью к брату, Мари Фокс была в радужном настроении. Никогда нельзя было предугадать, что произойдет на очередной вечеринке у Марка. Однажды Мари довелось побеседовать там с писателем Кокто. В другой раз она даже обменялась парой фраз с американской романисткой Эдит Уортон. В эти дни все стремились быть в Париже, и Марк, казалось, знал каждого, кого стоило знать.

Когда Мари только начинала работать в «Жозефине», то раздумывала, не вернуться ли им с Клэр в район, где находились их старые семейные апартаменты, чтобы жить поближе к магазину. Останавливало ее два соображения. Во-первых, ей не очень хотелось возвращаться туда, где она жила раньше. Это слишком походило на отступление. Во-вторых, туда не хотела переезжать Клэр, утверждая, что тот район ужасно скучный.

Для Мари главным достоинством их нынешнего жилья была близость бесподобного Люксембургского сада. Когда вдова короля Генриха IV Мария Медичи захотела итальянский дворец, который напоминал бы ей о родной Флоренции, то нечаянно одарила будущие поколения парижан прелестным парком. Двадцать шесть гектаров зеленых насаждений окружают здание дворца, и там же находится большой восьмиугольный бассейн, где дети запускают игрушечные кораблики, кукольный театр, грот, тенистые аллеи для прогулок и газоны, на которых можно посидеть и позагорать на солнышке. Вдоль одной из аллей сада открывается прекрасный вид на Парижскую обсерваторию.

Но Клэр привлекал не сам сад, а район к югу от него.

Монпарнас. Гора Парнас. Обиталище богов. И если те боги, которые теперь селились на Монпарнасе, были по большей части бедняками, то их божественность ничуть не пострадала от этого. Художники, писатели, артисты, студенты – Монпарнас в двадцатые годы XX века напоминал Монмартр поколением ранее, с одной

разницей: Монпарнас был интернационален по-новому. Итальянцы, украинцы, испанцы, африканцы, американцы, мексиканцы, аргентинцы, колония художников из Чили – все слетелись на Монпарнас и сделали его своим домом. Они стали интернациональным Парижем и быстро формировали растущий культурный клуб, который затем распространится от Парижа до Буэнос-Айреса, Нью-Йорка и стран Востока.

Вопрос решил Марк.

– Вы обе – в первую очередь Клэр, но и ты тоже, Мари, – должны иметь связи с авангардом. Людям, управляющим «Жозефиной», необходим стиль, шик и близкое знакомство со всем, что происходит. Мы продаем наши товары возле церкви Мадлен, наши покупатели – буржуазия, но нам нужно знать, что делается в Латинском квартале и на Монпарнасе.

В принципе особого неудобства из-за удаленности от универмага Мари не испытывала. Поначалу она собиралась завести автомобиль с шофером, чтобы ездить на работу, но небольшое расстояние от квартиры до ближайшей станции метро было так просто преодолеть пешком, а через несколько минут она уже выходила у церкви Мадлен. Марк был прав. Пока Мари ничуть не сожалела о том, что осталась на левом берегу.

Марк умел организовывать вечеринки: к нему приходило множество гостей, но толпы никогда не было. Клэр сразу нашла молодого дизайнера, с которым захотела поговорить. Мари уже минут пять болтала со знакомыми писателями, когда увидела, что в комнату вошел высокий, аристократического вида мужчина. Он поседел, отчего его голубые глаза стали казаться еще ярче, но никаких сомнений быть не могло – это Роланд де Синь. Он сразу направился прямо к ней.

– Мадам Фокс, если не ошибаюсь. Но нет, я уверен, что не ошибаюсь, потому что вы совсем не изменились. – Он отвесил ей легкий поклон. – Роланд де Синь.

– Месье де Синь. – Она улыбнулась. – Мы все немного изменились. У вас седые волосы, но они вам очень идут. Какой приятный сюрприз!

– Ваш брат не говорил вам, что пригласил меня?

– Он никогда не рассказывает, кто к нему придет.

– Вот как. Сначала, мадам, позвольте мне выразить свои соболезнования. Марк рассказал мне, что вы потеряли мужа, которого я, конечно же, очень хорошо помню. Вы, может быть, не знаете, что я женился за несколько лет до войны, но, к несчастью, моя жена умерла два года назад. Поэтому я понимаю, что значит потерять близкого человека. У вас есть дочь, я слышал.

– Да, месье.

– А у меня сын.

Они немного поговорили о детях. Мари сказала, что Клэр сейчас с ней в Париже и работает в семейной фирме. Аристократ сообщил, что его сын еще мальчик.

– Я сам рос без матери, – сказал он, – и мне очень грустно, что такая же участь выпала моему ребенку. Как и мой отец, я делаю все, что в моих силах, но не могу не беспокоиться, что моя собственная слепота заставит меня повторить те же ошибки, что были совершены по отношению ко мне в далеком прошлом.

Он стал мягче, отметила Мари, и ей понравилась его откровенность. А его беспокойство о сыне тронуло ее. Они продолжили легкую беседу, поговорили о ее жизни в Англии, о его поместье, о парижских новостях. Четверть часа пролетело незаметно.

– Время от времени я хожу в Оперу, мадам, – в конце концов сказал Роланд. – Не окажете ли вы мне честь как-нибудь вечером составить мне компанию?

– Это было бы замечательно, – приняла его приглашение Мари.

– У меня как раз есть билеты на балет в ближайшую субботу. Я сказал сыну, что возьму его с собой в образовательных целях. Не смею даже надеяться, что вы сумеете освободить вечер так скоро, но он был бы бесконечно благодарен вам, если бы вместо него пошли вы.

Она подумала мгновение, потом улыбнулась:

– На субботу у меня были планы, но их легко перенести.

– Тогда я заеду за вами перед представлением.

К ним приблизился Марк, и разговор зашел о войне. Марк с юмором поведал Роланду де Синю историю о том, как строил фальшивую Эйфелеву башню, чтобы запутать немецкие бомбардировщики.

– Строительство было в самом разгаре, когда заключили перемирие. Продлилась война до девятнадцатого года, у нас наверняка

было бы сейчас две башни.

Роланда эта история восхитила.

– На фронте мы ни о чем таком не слышали, – заметил он.

– Проект хранился в глубокой тайне. Конечно, стоило одному немецкому самолету облететь город при свете дня, как все выплыло бы наружу. Скорее всего, идея была безумной.

– Кстати, о секретах, – вставила Мари. – В Лондоне ходил слух, что во французской армии были мятежи, но что всё сумели замять. Вы что-нибудь слышали об этом, месье де Синь?

Роланд не колебался. Удивительно, что правда о мятежах так и не попала в прессу и в исторические труды. Те, кто имел отношение к делу, предпочитали забыть о них, а армия всеми силами им в этом помогала.

– Так вышло, что я в курсе, – спокойно сказал он. – О таких вещах предпочитают не говорить, ведь даже намек на неповиновение в армии – это позор. Но мятежи были незначительными – несколько вспышек в паре дивизий. Все длилось день или два. В войсках об этом почти ничего не знали.

– Примерно то же самое говорили и мне, – подтвердил Марк. – Но есть такое место, – весело продолжил он, – где о мятеже и не думают, – это универмаг «Жозефина». И только благодаря моей сестре. Она управляет всем штатом железной рукой, и тем не менее все преданы ей до глубины души.

На лице Роланда отразилось непонимание, и Марк заметил это:

– Мари не сказала вам, что управляет «Жозефиной»? – (Роланд покачал головой.) – Она большой начальник, – со смехом сказал Марк. – Я часто говорю, что в нашей семье у нее лучшая деловая хватка.

Роланд ошеломленно смотрел на Мари.

– Я и представить не мог, что вы столь грозный человек, мадам, – проговорил он с улыбкой, но она видела, что чувства у него смешанные.

– Означает ли ваше удивление, месье, что приглашение на балет отменяется?

– Почему же, вовсе нет.

Конечно нет, ведь это было бы невежливо, но Мари готова была поспорить, что аристократ жалеет о поспешной договоренности.

Она с облегчением увидела, что к ним приближается Клэр. Мари всегда гордилась дочерью, но в этот вечер девушка выглядела особенно хорошо, и де Синь обратил на это внимание.

– У меня возникла одна идея насчет магазина... – заговорила она, но умолкла, с неуверенным видом глядя на Роланда де Синя.

– Месье де Синь умеет хранить секреты, – пришел ей на помощь Марк. – Продолжай.

– Мне только что рассказали о книге под названием «Призрак Оперы». И я подумала: а что, если мы используем ее в качестве темы для оформления витрин? С такой темой можно что угодно придумать.

– Я не знаю этой книги, – сказала Мари. – А вы? – спросила она Роланда.

– Слышал о ней, но не читал, – признался он.

– Думаю, что ты права насчет возможностей, но с витринами ошибаешься, – сказал Марк. – Сюжет «Призрака Оперы» основан на другой известной книге под названием «Трильби», в которой девушка превращается под действием гипноза в оперную звезду. Гипнотизера зовут Свенгали. В свое время книга пользовалась большим успехом. В «Призраке» фигурирует таинственный человек-призрак, живущий под зданием Оперы, на острове посреди подземного озера. Изначально этот роман печатался в газете частями, потом его издали отдельной книгой, но продажи были неважные. Поэтому мне кажется, что она недостаточно популярна, чтобы стать темой для оформления витрин.

– Как жаль, – вздохнула Клэр и обернулась к де Синю. – Вот видите, месье, так проходит вся моя жизнь: сплошные отказы.

– Не представляю, чтобы вам кто-то мог в чем-то отказать, мадемуазель, – галантно ответил он.

– Какой он милый! – сказала Клэр матери, и та рассмеялась.

Марк попросил де Синя отойти с ним ненадолго.

– Сегодня здесь один замечательный старый историк, который пишет книгу о древних семействах из долины Луары. Он очень просил, чтобы я познакомил его с вами.

Клэр отправилась поговорить с молодым художником. Мари решила обойти группы гостей. Кивая и улыбаясь тем, кого знала, она все же не сразу смогла отвлечься от мыслей о встрече с де Синем.

Как странно было увидеть его снова. Да, приятно, однако его появление напомнило Мари о тех днях в конце прошлого века, когда

она еще была не замужем. На несколько секунд она перенеслась в прошлое, и люди вокруг нее как будто растворились.

Но вскоре она сосредоточилась. Еще ведь надо было поговорить с теми из гостей Марка, которые могли быть чем-то полезны для универмага. Мари огляделась. И ее взгляд упал на человека, который неотрывно смотрел на изображение вокзала Сен-Лазар кисти Гёнётта – на ее картину. Он стоял спиной к ней, но она не сомневалась, что узнала его. Он обернулся.

Это был Хэдли. От неожиданности Мари ахнула.

Хэдли. И при этом совершенно неизменившийся. Он выглядел точно таким же, как двадцать пять лет назад, если не моложе. Та же высокая фигура, та же буйная грива, те же глаза, устремленные прямо на нее. Боже, он стал еще красивее, чем был раньше.

Сердце в ее груди замерло. Мари вдруг ощутила нехватку воздуха. Она как будто снова превратилась в двадцатилетнюю девушку.

Как такое возможно? Или встреча с де Синем открыла таинственный коридор между настоящим и прошлым? Неужели она прямо посреди вечеринки, неведомо для самой себя, совершила путешествие в машине времени Герберта Уэллса? Или у нее галлюцинации?

Он не сводил с нее глаз. Потом двинулся навстречу. О господи, ее бросило в краску. Это же смешно. Но как ни странно, в его глазах не было ни намек на узнавание. Может, путешествуя во времени, она стала привидением? Нет, он собирался представиться ей.

– Je m'appelle Frank Hadley.

Над произношением ему еще предстояло поработать.

– Фрэнк Хэдли? – произнесла она его имя по-английски.

– Младший. Мой отец...

Ну конечно. Все сразу встало на свои места.

– Можете говорить со мной на английском, мистер Хэдли. Я Мари Фокс, сестра Марка. Много лет назад я была знакома с вашим отцом. Он знал и моего покойного супруга. Вы так похожи на отца!

– Да. – Он широко улыбнулся. – Он попросил меня найти Марка, когда я приеду в Париж, а про вас думал, что вы живете в Англии, так что я не ожидал вас здесь встретить. Вы точно соответствуете описанию, которое я слышал от отца.

– И как же он меня описывал?

Молодой Хэдли опять улыбнулся:

– Сказал, что вы прекрасны.

Мари недоуменно свела брови, но нет, ей не показалось: он флиртует с ней. Дерзкий мальчишка. Хэдли смотрел на нее не отрываясь, и Мари увидела, что у него красивые и полные жизни глаза. К своему смущению, она почувствовала легкое головокружение и слабость в коленях.

Нет, это же смешно. Она ему в матери годится. Она управляет целым универмагом.

– Я пробуду в Париже несколько месяцев, – сказал Хэдли. – Отец дал мне очень четкие указания: велел учить французский и не возвращаться до тех пор, пока я не смогу свободно общаться.

Намек не был откровенным, но Мари прекрасно поняла, что имеется в виду. Он говорил ей, что приехал учить французский и совсем не прочь, чтобы она, если будет у нее такое желание, стала его учительницей.

Они молча смотрели друг на друга. Прошла секунда, вторая. И вдруг рядом с ними оказался вездесущий Марк, держащий под руку Клэр.

– А, Фрэнк, друг мой, – сказал он, – я вижу, вы уже познакомились с моей сестрой. Позвольте теперь представить вас ее дочери.

Во время войны Люк Гаскон начал курить. Тогда это было повальной модой. Казалось, в окопе не было человека, у которого в кармане не лежала бы пачка «Голуаз». Синие обертки и крепкий аромат турецкого табака стали символом воинского братства. И еще считалось, будто сигаретный дым успокаивает. Если боец попадал в госпиталь, то первым делом санитары или медсестры давали ему закурить. Люк же пристрастился к курению в основном из-за скуки.

Он как раз курил «Голуаз», когда встретил Луизу. Это случилось возле кинотеатра. Как обычно, ему удалось познакомиться с ней благодаря его таланту быть полезным.

«Люксор» был не просто кинотеатром. Открылся он совсем недавно, в 1921 году, но моментально стал одной из экзотических достопримечательностей Парижа. Выгодно расположенное на углу бульвара Маджента, то есть недалеко от «Мулен Руж», здание «Люксора» представляло собой подобие египетского дворца,

достойного фараонов или самой Клеопатры. Египетские колонны, золоченая отделка и богато расписанные стены напоминали Люку оформленные в восточном стиле номера в самых дорогих борделях. Конечно, в таком случае сам бордель должен быть не менее пышным, чем Версаль.

В «Люксоре» часто бывал аншлаг, поэтому Люк не удивился, когда однажды вечером застал у входа два-три десятка человек с опечаленными лицами.

Чем она привлекла его внимание? Своей внешностью, конечно. И к тому же она была одна. Это интриговало. Но еще было в ней что-то, что пробудило в нем любопытство. Что-то необычное. Он решил, что нужно понять, в чем тут дело.

Существует множество причин, которые заставляют мужчину завоевывать женщин. Для кого-то это тщеславие или ощущение власти, для кого-то жадность. Люком двигал невиннейший из мотивов: любопытство.

– Мне жаль, что вы не сможете посмотреть фильм, мадемуазель.

– Да, крайне досадно.

Девушка вела себя вежливо, но сдержанно. Люк догадывался, что, если сделает хоть одно неверное движение, она просто отвернется. А еще он обратил внимание на ее произношение. Очень чистое. Идеальный французский, даже без слегка утрированного выговора парижских интеллектуалов. Она могла бы происходить из очень родовитой французской семьи или же быть иностранкой, которая выучила язык в такой семье.

– У меня тоже нет билета, но я все равно посмотрю ленту. Мой племянник работает здесь киномехаником. Я пойду к нему в будку и буду смотреть кино оттуда.

– Да? – Девушку заинтересовали его слова. – Тогда вам очень повезло, местье.

Люк улыбнулся, поклонился и пошел прочь. Затем замедлил шаги, будто в сомнениях, и обернулся. Она смотрела ему вслед.

– Мадемуазель, я думаю, что в будке киномеханика найдется место еще для одного человека. Если вам захочется пойти. Вы там будете в полной безопасности, – тут же заверил он. – А если мой племянник, хороший, в общем-то, парень, вдруг позабудет о своей работе из-за

вашей красоты, один ваш выкрик – и все зрители повернутся в нашу сторону, да еще и директор примчится.

Она рассмеялась, бросила на Люка быстрый оценивающий взгляд и, очевидно, сочла его заслуживающим доверия.

– Хорошо, месье, я соглашусь на это приключение. Но если фильм меня напугает, я тоже закричу.

– Нам повезло: сегодня показывают комедию Бастера Китона, – ответил Люк.

Опасения девушки, если таковые имелись, улеглись, когда швейцар у дверей кинотеатра поздоровался с Люком:

– Добрый день, месье Гаскон.

– Мой племянник в проекционной? Я проведу туда эту юную даму, если вы не возражаете.

– Как вам будет угодно, месье Гаскон.

Они поднялись в будку, и Луиза увидела там очень удивленного приходом гостыи юношу примерно ее возраста, которого Люк представил как своего племянника Робера. Ей не удалось назвать себя, так как Люк опередил ее словами:

– Эта юная дама – ангел, который спустился с небес, чтобы посмотреть фильм. После этого, Робер, она улетит обратно, хотя ничто не мешает нам надеяться получить ее благословение перед расставанием.

Вечерняя программа состояла из двух фильмов Бастера Китона. Проекционная была не очень удобной, и потому Люк обрадовался, что им не выпало смотреть одно из новых эпических полотен, – он знал, что Абель Ганс во Франции и фон Штрогейм в Америке снимали фильмы, которые могли продолжаться и по семь часов. Девушка, судя по всему, радовалась возможности посмотреть кино и не обращала внимания на неудобства.

Вместе с сеансом подошло к концу и рабочее время Робера, поэтому Люк сказал, что проводит его, как только племянник закончит убирать аппаратуру. Тем временем он отвел Луизу в вестибюль и выразил надежду, что она неплохо провела вечер.

– Это было чудесно, месье. Только не уверена, что должным образом поблагодарила вашего племянника.

– Готов сделать это за вас.

– Мне показалось, что он хромает.

– У него деревянная нога, мадемуазель. Он потерял свою, защищая родину во время войны. Раньше он работал в нашем семейном ресторане, но я видел, что ему трудно без ноги. Мне удалось подыскать для него эту должность, поскольку я знаком с управляющим кинотеатром. – Он сделал паузу. – Сейчас мы с ним собираемся поужинать в нашем ресторане, это совсем недалеко. Если вы желаете присоединиться к нам, мы были бы счастливы угостить вас. После ужина мы найдем для вас такси, чтобы вы без проблем добрались до дому.

– Я не должна задерживаться, чтобы не беспокоить пожилую даму, с которой живу.

– Разумеется.

Четверть часа спустя Люк уже усадил ее перед блюдом с «крок-месье» и стручковой фасолью. В тот вечер клиентов в ресторане было немного. На несколько минут к ним подошла Эдит.

– Это жена моего брата, мать Робера, – пояснил Люк. – А как мне представить вас, мадемуазель?

– Просто Луиза.

– Значит, мадемуазель Луиза, – кивнул он, – которая говорит на таком изящном и чистом французском, что должна быть родом из замка в долине Луары или была послана туда родителями оттачивать произношение и грамматику.

– Второе, месье, – со смехом сказала Луиза. – Я англичанка. Но у меня есть родственники во Франции.

– Все теперь ясно, мадемуазель. Могу предположить, что ваши родители, возможно следуя совету консула или другого работника посольства, нашли для вас вдову, согласную сдать комнату. Итак, вы прилично устроены в Париже на время учебы. Однако сегодня вечером вы были одна, то есть по какой-то причине решили не заводить много друзей среди студентов.

– Я посещаю только лекции, которые меня интересуют, месье, вместо того чтобы следовать программе конкретного курса. Поэтому я не встречаюсь постоянно с одной и той же группой студентов. – Она пожала плечами. – Тем не менее несколько друзей у меня есть, просто иногда я предпочитаю побыть одна. Но все остальные ваши предположения обо мне абсолютно верны, до последней детали. Я не понимаю, откуда вам все это известно.

– Дядя Люк знает все, – сказал Робер.

– По крайней мере, он думает, что все знает, – уточнила Эдит и посмотрела на Луизу с улыбкой, которую можно было бы назвать дружелюбной, только Луизе почудилось в ней предостережение.

– Это обычная ситуация, догадаться было несложно, – непринужденно отозвался Люк.

– Как вам повезло, что ваша семья владеет рестораном, – заметила Луиза, обращаясь к Роберу.

– На самом деле хозяин – дядя Люк, – ответил тот, прожевав кусок. – Но он попросил моих родителей управлять им. Он всем помогает.

Луиза готова была прийти к заключению, что Люк – очень добрый человек, только он сам счел необходимым уточнить:

– Мой племянник изображает меня лучше, чем я есть на самом деле. Да, кафе, где сейчас работает отец Робера, открыл я. Исключительно благодаря счастливому стечению обстоятельств мне удалось купить этот ресторанчик. Но во время войны за ним присматривали мой брат и его жена, а потом мне уже не хотелось этим заниматься.

– Мои родители очень довольны, это точно, – сказал Робер.

Луизе понравилось, как настойчиво он пытается воздать дяде должное.

– Твоя мать довольна. Ей нравится управлять рестораном. А мой брат предпочел бы работать на строительной площадке под открытым небом. Правда, для этого он становится слишком стар, и твоей матери спокойнее, что он рядом с ней и под крышей. Кстати, с кафе он справляется очень хорошо.

– А вы сами? – спросила Луиза.

– У меня есть все, что мне нужно, мадемуазель. Я получаю долю от прибыли и ем здесь бесплатно когда пожелаю. И я свободен и могу заниматься чем хочу. – Он пожал плечами с улыбкой. – Мне не нравится быть привязанным к чему-то одному.

Он наблюдал за Луизой гораздо внимательнее, чем она догадывалась. Первыми бросались в глаза прекрасные темные волосы, которые были довольно длинны. Черты лица были правильными, но самыми обычными, и тем не менее чем-то она привлекала внимание, было в ней что-то интересное, но не поддающееся определению. Она

была стройной. Если бы Луиза сделала короткую стрижку, это придало бы ей одновременно и женственный, и мальчишеский вид. И она должна неплохо получаться на фотографиях, подумал Люк.

Ему хотелось понять, что она за человек. У нее есть класс, это однозначно. Она умна. Невинна – пока. Одинока. Люк видел, что она чувствует себя одиноко, но ему еще предстояло разобраться, переходящее это настроение или нечто более глубокое.

Он вдруг подумал, что девушка могла бы быть полезна ему. У нее разносторонние возможности. Но потребуются осторожный подход. Очень осторожный. Тут нужна тонкость. А это стимул.

– Скажите, мадемуазель, вы когда-нибудь работали моделью – я имею в виду, для демонстрации одежды?

– Нет, месье. Я уверена, мне недостает ни шика, ни утонченности. К тому же нужно уметь как-то по-особому двигаться, если я ничего не путаю.

– Этому можно научиться. Сейчас я не могу обещать вам ничего определенного, но у меня есть одна идея... Если вы заглянете в этот ресторан через неделю, то я передам для вас записку. Посмотрим. Вы будете готовы попробовать?

– Наверное, да. Этот вечер оказался полным сюрпризов.

– Хорошо. А теперь мне нужно найти для вас такси. В какой части города вы проживаете?

– Около площади Ваграм. Это недалеко. Я могу дойти пешком.

– Ни в коем случае, – сказал он и вышел из ресторана.

Через несколько минут он вернулся, чтобы сказать Луизе: такси ждет ее у двери и водителю уже заплачено.

– Возможно, мы увидимся вновь, мадемуазель, возможно, и нет. В любом случае через неделю здесь вас будет ждать записка.

Луиза солгала. Она довольно часто скрывала правду от незнакомых мужчин – в целях безопасности. Лучше, если они будут считать ее приличной девушкой, находящейся под защитой семьи.

По большей части она сказала правду: она приличная девушка и учится в Париже. И жила она в квартире вдовы, которую порекомендовал британский посол.

Но родители за ней не присматривали, даже на расстоянии. Потому что они были мертвы.

Это случилось вскоре после ее возвращения с берегов Луары. Луиза была так довольна собой и мир казался таким надежным, когда она вернулась в большой старый дом за высокой живой изгородью. Ее родители были потрясены, когда Луиза заявила, что до замужества хотела бы преподавать французский язык в одной из престижных лондонских школ. Они пытались отговорить дочь, но она была решительно настроена стать независимой.

И вдруг в одно мгновение мир перевернулся с ног на голову. Все вышло так глупо. У ее отца был автомобиль «уолсли», которым он очень гордился и который водил всегда сам. В один туманный день они с матерью поехали прокатиться. На улицах вокруг их дома почти не встречалось других машин.

Но большой трактор, выехавший навстречу, оказался не по зубам даже массивному «уолсли». Вот так Луиза осталась без родителей.

Мистер Мартино, который теперь был старшим партнером в фирме «Фокс и Мартино», очень помог ей тогда. Отец завещал ей небольшой капитал в доверенном управлении – достаточный, чтобы соблазнить потенциального жениха, но слишком скромный, чтобы она продолжала жить на том уровне, к которому привыкла. Основную сумму она должна была получить по достижении тридцати лет, а до тех пор имела лишь скудное содержание.

Что же ей было делать? Стать учительницей французского в Лондоне, как собиралась? Или придумать что-нибудь более увлекательное?

Ей больше не нужно было ни у кого спрашивать разрешения. Некому было хвалить ее или ругать. Она была взрослой. Она могла делать только то, что захочет.

А британский фунт в послевоенной Франции стоил дорого.

В результате Луиза уехала в Париж. Здесь она нашла приемлемое жилье, записалась на несколько университетских курсов, и эта чинная студенческая жизнь могла продолжаться сколько угодно. По крайней мере, до тех пор, пока не подвернется что-нибудь интересное.

В конце концов, она же француженка, кем и чем бы ни были ее приемные родители.

Шанель. Луизе предстояло явиться в дом номер 31 по улице Камбон, что прямо напротив отеля «Риц», в неброскую контору дома

моды.

Шанель – та, у которой были магазины в Париже, в нормандском Довиле, где собирались любители скачек, в Биаррице на юге Атлантического побережья Франции, куда любили приезжать на отдых испанские богачи. Шанель – та, которая сдавала свой парижский дом Стравинскому и поддержала постановку «Весны священной». Луизе не верилось, что это происходит с ней наяву.

Мадам Шанель была там, только что вернувшись из Южной Франции. Темноволосая, очень просто одетая, она, как показалось Луизе, источала элегантную чувственность, а взгляд у нее был бдительный, как у пантеры.

– Значит, вы одна из тех, кого нашел Люк Гаскон. Повернитесь кругом. Пройдитесь вперед. Теперь обратно. Расскажите мне о своем воспитании и образовании. – (Луиза повиновалась.) – Итак, вы прекрасно говорите по-французски и по-английски. Это редкость. Вы могли бы многого достичь в жизни, хотя это зависит от того, к чему вы стремитесь. Сколько у вас было мужчин?

– Ни одного, мадам.

– Если вы желаете преуспеть, то должны немедленно исправить это. Выбирайте с умом. Мои любовники сделали меня богатой. Остального я добилась благодаря своему таланту и тяжелой работе. Вы безжалостны?

– Нет, не думаю...

– Англичане при воспитании детей внушают им жалостливость. Это ошибка. Чтобы добиться успеха, нужно быть безжалостным. Мы называем это английским лицемерием. Вы лицемерны?

– Нет, мадам.

– Хорошо. Лицемеры быстро надоедают. Это их наказание. Никто не хочет с ними говорить. Найдите богатого любовника и станьте беспощадной. Девочки покажут вам, как нужно двигаться. Я буду платить вам немного. В дальнейшем, может быть, чуть больше, если у вас будет что-то получаться. – Дав краткие инструкции своей ассистентке, Шанель взмахом руки отпустила Луизу.

В последующие дни Луиза научилась походке моделей и, помимо этого, многому другому. Что касается богатого любовника, она решила подумать и об этом.

Прошло немного времени, и однажды вечером Люк, сидящий в ресторане, увидел, что к нему через зал идет Луиза. Он вежливо поднялся, приветствуя ее, и пригласил поужинать.

– Только салат. – Она улыбнулась. – Мне нужно немного похудеть.

– Как видите, я заказал бутылку хорошего бургундского. Один бокал не навредит вам. – Он налил вина.

– Я пришла поблагодарить вас. Шанель предложила мне поработать у нее моделью. Вы, похоже, знаете в Париже всех.

– Не всех, мадемуазель.

– Я даже буду зарабатывать. Мне кажется, я должна вам комиссионные. Ну, по крайней мере, подарок.

– Мне всегда очень приятно, когда удается помочь людям понять свое предназначение. Это мое искусство, если можно так выразиться. И вы уже преподнесли мне очаровательный подарок, разыскав меня здесь и сев со мной за стол.

Они немного поболтали. Люк ей нравится, решила наконец Луиза. С ним было так легко. И от него тонко пахло турецкими сигаретами, которые он всегда носил при себе. Он был очень внимателен к ней, расспрашивал о самых разных вещах и, казалось, воспринимал ее мнение со всей серьезностью. Ей льстило, что зрелый человек относится к ней с таким уважением.

Еще Луизе нравилась его внешность. Веком ранее, думала она, его легко можно было бы принять за члена влиятельного итальянского семейства вроде Медичи, который в двадцать лет получил звание кардинала и наслаждался плотскими утехами, пока не стал папой римским. Хотя нет, поправила сама себя Луиза. Прядь темных волос, столь изящно падающая на его широкий лоб, больше подошла бы метрдотелю, чем священнику. В общем, Луизе было понятно, что Люк знает, как очаровать девушку, и в ее глазах это не являлось недостатком.

– Простите меня, мадемуазель Луиза, – сказал он, – но, невзирая на все эти увлекательные события, происходящие сейчас в вашей жизни, я замечаю в вас тем не менее какую-то грусть.

Как он смог увидеть это? – изумилась Луиза.

– О, это пустяки.

– Возможно, любовь доставляет огорчения?

– Нет, – со смехом возразила она. – Пока ничего такого, месье. Мадам Шанель посоветовала мне найти богатого любовника, но я не

знаю, как это сделать. Меня воспитывали совсем иначе.

– Я рад слышать это, – ответил он со всей искренностью.

– На самом деле, – призналась она, – я была не во всем честна с вами при нашей первой встрече. Но вы понимаете, девушке нужно вести себя осмотрительно. В общем, мои родители не так давно умерли, и я осталась сиротой. Живу я действительно как положено благовоспитанной девушке и учусь в университете, но иногда чувствую себя немного одиноко.

– Я уверен, что в Англии у вас немало друзей, мадемуазель, – сказал Люк. – Вы всегда можете вернуться к ним, если Париж наскучит вам.

– Да, – согласилась Луиза, – знаю. – Но потом, поскольку необходимость высказаться давно преследовала ее, она добавила: – Вообще-то, все гораздо сложнее. – И рассказала про свое удочерение.

Но не все. Она умолчала о том, как выяснила имя своей родной матери, и не назвала ни одной фамилии. Люк, несомненно, умеет слушать, но все равно он почти незнакомый ей человек. Всю личную информацию Луиза предпочла сохранить в тайне.

Люк выслушал ее до конца. Ну конечно. Теперь все стало понятно. Это и есть разгадка той тайны, которая привлекла его в Луизе с самого начала.

– То есть вы считаете себя француженкой. – Он задумчиво покивал. – И хотели бы отыскать своих французских родственников? У вас есть о них хоть какие-то сведения?

– Совсем мало, только имя моей матери. Но это все.

– Существуют архивы. Они хранятся в муниципалитетах. Конечно, архивные документы не всегда доступны для публики. Но я знаком с адвокатом, который специализируется на розыске таких данных. Его цены вполне умеренны. – Люк вынул маленький блокнот, записал имя и адрес и вырвал листок. – Если захотите, можете обратиться к нему.

Она думала две недели, прежде чем отправиться к адвокату. Месье Шабер оказался седовласым мужчиной плотного телосложения, с тихим голосом и очень маленькими ладонями. Он согласился начать небольшое расследование.

– Я начну с Парижа, мадемуазель. Скорее всего, Коринна Пети, которую вы ищете, была молода, когда все произошло, и рожать ее

отослали в деревню. Если так все и было, то список возможных лиц у меня будет довольно скоро.

Он назвал стоимость своих услуг, которая почти соответствовала сумме двух небольших гонораров, только что полученных Луизой от Шанель.

– Я буду держаться в рамках бюджета, мадемуазель. Если возникнет необходимость в дополнительных расходах, я спрошу вашего согласия. Приходите через десять дней.

Когда Луиза снова появилась, он встретил ее улыбкой:

– Поиски были несложными. Я нашел трех парижанок по имени Коринна Пети, которым на момент вашего рождения было не более двадцати пяти лет. Не выходя за рамки полученной от вас суммы, я сумел проверить всех трех. Одна вышла замуж и уехала в Лион, вторая живет в Париже. Третья, однако, происходит из семьи, которую до сих пор можно найти в районе Сент-Антуан. Они переехали со своего старого адреса, что облегчило мою задачу по сбору информации о них среди бывших соседей. Выяснилось, что Коринна нашла работу в английском семействе, уехала и больше не вернулась. После ее отъезда родственники не упоминали о ней. Обещать ничего не могу, но мне кажется, это та самая семья, которая вам нужна. Что еще я могу для вас сделать?

– В настоящее время это все, месье. Но я вам очень благодарна.

– Позвольте тогда предостеречь вас. Если вы встретитесь с этими людьми, они едва ли вам обрадуются.

– Понимаю, месье.

Но на самом деле она не понимала.

К Бастилии Луиза поехала на метро. Чтобы добраться до нужного места, оставалось только пройти по улице Лион до авеню Домениль. Но когда она вышла из метро, то оказалось, что бледное послеполуденное солнце скрылось за беспросветными облаками. Внезапно почувствовав, что пока не готова к предстоящей встрече, Луиза повернула на юг.

От площади Бастилии к Сене протянулся вдоль одного из северных каналов ряд верфей, к которым приставали груженные баржи. Там Луиза побродила с четверть часа, наблюдая за разгрузкой. Потом сквозь тучи пробился желтоватый луч солнца, словно сигналив ей, что пора заняться

делом. Тогда она перешла канал у места его впадения в Сену и продолжила свой путь на восток.

Авеню Домениль была длинной, прямой и безрадостной. Вдоль нее шел массивный высокий виадук, по которому бежали поезда в Венсенский лес и дальше, в восточные пригороды. Луиза шла по тротуару, а на проезжей части в обе стороны ехали автомобили и автобусы, среди которых еще встречались лошади, уныло тянущие телеги с углем или дровами. Дважды с виадука донеслось протяжное гремяние поезда, которое постепенно растаяло на востоке за крышами домов.

Нужная Луизе улица поворачивала от авеню вправо. Она была узкой. Фасады магазинов, выходящие на тротуар, по большей части были закрыты ставнями, а их витрины с видимой неохотой извещали прохожих, что можно найти внутри. Композиция из молотков, медных труб и коробок с шурупами вкупе с узнаваемым металлическим запахом из открытой двери знаменовали скобяную лавку. В другом окне громоздились рулоны обоев, но размотан был только один, рисунок остальных оставался тайной. Примерно на полпути витрина демонстрировала хорошо сделанный стол и книжный стеллаж, а поблекшие золоченые буквы над дверью поведали Луизе, что она прибыла к искомому месту.

Молодой человек, который стоял за стойкой в глубине маленького торгового зала, оказался примерно ровесником Луизы. Темные волосы, голубые глаза. Ничего особенного. Есть ли между ними сходство? Вроде бы нет.

– Могу я узнать, – осторожно начала Луиза, – ваша фамилия Пети?

– Да, мадемуазель.

Он говорил уважительным тоном. Его акцент был родом с парижских улиц. Луиза не подумала об этом раньше, но теперь поняла, что, конечно же, и ее английский, и ее французский сразу же выдавал принадлежность к совершенно иному классу, чем тот, к которому относились ее кровные родственники.

– Возможно, – тем не менее продолжила она, – что между нами есть родственная связь.

– Связь? – Он был явно озадачен.

– Через Коринну Пети. – Луиза с замиранием сердца следила за реакцией молодого человека.

– Коринну Пети? – Тот ничего не понимал. Было очевидно, что это имя ничего ему не сказало. – В нашей семье нет никого с таким именем, мадемуазель. Я никогда не слышал ни о какой Коринне. Должно быть, вам нужны какие-то другие Пети.

– В молодости она уехала в Англию.

– Мой дядя Пьер один раз ездил со своей семьей отдыхать в Нормандию. Ближе этого к Англии никто из нас не был.

– Ваш отец сейчас здесь? Я могу с ним поговорить?

– Он вернется вечером, мадемуазель, но это будет довольно поздно, – ответил он с извиняющимся видом, но потом ему пришла в голову идея. – Я же могу привести бабушку! Вы подождете минутку? – И он исчез за внутренней дверью.

Его бабушка. Вероятно, это и ее бабушка, подумала Луиза. Ждать ей пришлось довольно долго, но наконец вышла пожилая женщина.

Она была худа, но в молодости, вероятно, имела то же сложение, что и Луиза. Седые волосы вились мелкими кудряшками, как было модно много лет назад. А глаза были точь-в-точь как у самой Луизы. Но смотрели они жестко и сердито. Старуха молча смерила неожиданную посетительницу взглядом и потом спросила неприветливо:

– Что вам надо, мадемуазель?

– Я спрашивала у вашего внука... – стала объяснять Луиза.

– Он мне сказал.

– Я дочь Коринны Пети, мадам.

Поскольку Луиза не отводила глаз от лица старой женщины, то могла поклясться, что та знает это имя.

– В нашей семье таких нет, мадемуазель.

– Сейчас нет, а раньше была, я уверена. Коринна вела достойную жизнь в Англии, вышла там замуж и умерла. Я никогда ее не видела. Меня удочерил один банкир с женой.

– Значит, вам повезло, мадемуазель.

– Наверное. Мне захотелось узнать что-нибудь о своих французских корнях, мадам, вот почему я здесь.

– А почему вы решили, что нужно искать ваши корни в нашем доме?

– Я просила одного адвоката провести розыски. Он нашел три парижские семьи, где была дочь по имени Коринна Пети подходящего возраста.

– Возможно, ваша мать родилась не в Париже.

– Возможно, мадам, но я думаю, что все-таки она была из Парижа.

– Я бы знала, если бы родила дочь по имени Коринна, мадемуазель. А я ничего такого не знаю. Вы пришли не туда.

Она говорила неправду. Луиза чувствовала это, у нее не оставалось сомнений. Эта старая женщина – ее родная бабушка. Значит, в те годы скандал был бы слишком ужасен для семьи? И бабушка так и не простила дочь? А может, она ведет себя так потому, что их слушает ее внук?

– Жаль, что вы не можете мне помочь, мадам, – произнесла она огорченно, с трудом сдерживая слезы.

– Подождите, – остановила ее старая дама. Неужели ее тронул несчастный вид Луизы? – Может, кое-что я вам подскажу. У моего покойного мужа был кузен. Они никогда не общались, потому что их родители давным-давно поссорились, я даже не знаю, в чем там было дело. У того кузена было две дочери. Одна из них, кажется, переехала в Руан. А про вторую ничего не знаю. Вот она могла бы быть той самой Коринной, это вполне вероятно. Если вы найдете ее сестру в Руане... – Она повернула голову к внуку. – Жан, я оставила в печи пирог. Поднимись на кухню и вынь его поскорее.

Молодой парень скрылся.

– Я думаю, что вы моя бабушка, – тут же заявила Луиза. – Разве моя мать была такой плохой дочерью, что вы предпочитаете лгать?

Но старая женщина, отослав внука, внезапно переменилась. Взгляд, которым она пронзала Луизу, источал яд. Когда она заговорила, ее голос был похож на змеиное шипение.

– Как ты посмела явиться сюда? Кто дал тебе такое право? Человек, о котором ты говоришь, уже двадцать лет как мертв для нас. А ты пришла сюда со своими проклятыми вопросами и хочешь опозорить теперь еще и следующее поколение семьи? С ней мы не хотели иметь ничего общего, и ты нам тоже не нужна. И теперь уходи и никогда больше не показывайся здесь. – Она прошла к двери и распахнула ее. – Убирайся! Живи как хочешь, но только подальше от нас. Чтоб ноги твоей здесь больше не было!

Она схватила Луизу за руку и с неожиданной силой вытолкала девушку на улицу. С грохотом захлопнулась дверь.

Луиза смотрела через стекло на свою бабушку. В лице старой дамы не было ни намека на милосердие. Оно было бледным, холодным и неприступным.

Было еще не поздно, когда Люк приблизился к входу в ресторан. Днем он был занят делами.

Время от времени он говорил себе, что следует работать больше. Но два-три десятка клиентов, которых он тайно снабжал кокаином, обеспечивали его достаточным количеством наличных. В довоенное время при его кафе работало несколько девушек по вызову – в основном он давал им защиту и приют. Однако с тем делом он распрощался – слишком уж много проблем. Иногда его спрашивали, не мог бы он подыскать хорошенькую девушку. В таких случаях он всегда говорил, что если встретит подходящую кандидатуру, то обязательно даст знать. Но пока ни одной такой кандидатуры ему не попадалось.

У Люка была при себе немалая сумма, и он собирался положить деньги в маленький сейф в задней комнатке. Потом поужинать, пешком прогуляться до дому и пораньше лечь спать.

Войдя в ресторан, он увидел Луизу, тихо сидящую за столиком.

– Она тут уже третий час, – сказала ему Эдит. – По-моему, тебя дожидается.

Люк подошел и сел напротив девушки.

– Вы ели? – спросил он.

Она качнула головой. Он заказал ужин на двоих.

– Сегодня я встретила со своей бабушкой, – проговорила Луиза. – Она сказала, чтобы я больше не приходила к ним. – Она грустно улыбнулась. – Похоже, никому я не нужна.

– Вы должны поесть, – сказал Люк.

Пока они ужинали, Люк не пытался утешить девушку, а постарался объяснить ей, почему так произошло. Он сказал, что ничего другого от старой женщины и не следовало ожидать.

– Подумайте сами. С вашей матерью обошлись точно так же: ее выгнали из дома. Многие семьи сделали бы то же самое. Они поступают так, чтобы защитить себя. Поэтому, когда вы появились с намерением раскрыть их тайну, они перепугались.

Луиза слушала и понимала, что говорит ей Люк, но суть от его слов не менялась: она по-прежнему одна-одинешенька во всем мире.

После ужина он спросил негромко, не хочет ли она пойти с ним, и она кивнула. Когда они вышли вместе из ресторана, Люк приобнял ее за плечи, словно оберегая от жизненных невзгод. Луиза вдохнула аромат сигарет «Голуаз», пропитавший его одежду, и на нее снизошел покой. Потом они поднялись на Монмартр, где жил Люк.

Связь Люка и Луизы продлилась несколько месяцев. Поначалу они встречались после обеда в его доме. Но спустя некоторое время он нашел ей квартиру:

– Она принадлежит моему знакомому предпринимателю и находится в хорошем районе, к северу от Пале-Рояль, около биржи. И к Шанель тебе будет удобно добираться оттуда.

– Она не слишком дорогая?

– Нет. Он богатый человек. Квартирой пользовалась его дочь, но сейчас она уехала, и он пока не решил, продавать жилье или сдавать внаем. Так что он будет рад, если там поживет добропорядочный съемщик. Арендную плату он с тебя брать не будет, но тебе придется съехать, как только ему понадобится квартира. Мне кажется, тебя этот вариант отлично устроил бы.

Люк организовал встречу Луизы с владельцем квартиры, биржевым маклером средних лет с почтенной семьей, и тот вполне удовлетворился ее происхождением и образованием. После этого пара проводила ночь то здесь, то у Люка на Монмартре.

Луизе нравилось бывать у Люка. Как и следовало ожидать, там сразу чувствовалось, что это обитель одинокого мужчины. Дом пропах ароматом кофе и сигарет «Голуаз», но он был удобно обставлен мебелью, которую Люк, должно быть, собирал по распродажам в течение многих лет. В гостиной имелся большой диван в стиле Директории, несколько кресел Второй империи, изображения наполеоновских солдат на стенах и толстый ковер – Люк с гордостью сообщил Луизе, что сам стелил его. В спальне чуть ли не единственным предметом мебели была большая кровать, изготовленная из лучшего африканского красного дерева и красиво инкрустированная. В кухне стояла газовая плита и холодильник. Люк хорошо готовил, но редко утруждал себя этим делом, зато Луиза любила для него готовить.

Любовником Люк был прекрасным – умелым, сильным и чутким. В последующие годы Луиза так отзывалась об их романе: «Для меня

это случилось очень вовремя».

Они встречались несколько раз в неделю и часто отправлялись бродить по городу. Она думала, что неплохо знает Париж, но благодаря Люку скоро начала воспринимать его не как единое целое, а как множество непохожих друг на друга районов. Люк делился с ней своими воспоминаниями об эксцентричных персонажах, которые жили на каждом углу. Она узнала о старинных открытых рынках, о лавочках у реки, где можно было задешево купить хороших цветов. Люк показывал ей, где находились бордели, старые тюрьмы и виселицы.

За все расплачивался Люк. Казалось, у него всегда есть при себе деньги. И поскольку Луизе не надо было платить за жилье, она откладывала не только свое скромное содержание, но и небольшие суммы, которые получала в качестве модели.

Одним из преимуществ работы у Шанель было то, что изредка девушкам доставались образцы одежды, которую они демонстрировали. Но самым главным плюсом явилось то, что у Луизы развилось умение хорошо одеваться. Советы коллег и Люка помогли ей вскоре составить небольшой, но шикарный гардероб.

Луизу также привлекало то, что Люк подмечал все, хоть и не всегда высказывал свои мысли вслух. Одобрительный кивок означал, что он заметил ее новую блузку. Иногда, когда у Луизы появлялась новая элегантная сумочка, он тут же спрашивал:

– Где ты ее нашла?

Он не любил быть не в курсе городских новинок.

– Не скажу! – в таких случаях отвечала Луиза. – У девушки могут быть свои секреты.

– В одном из тех комиссионных магазинчиков позади улицы Сент-Оноре? – как бы невзначай выпрашивал у нее Люк. – Или у марокканского торговца на улице дю Тампль?

Даже если он угадывал верно, Луиза никогда не признавала этого. Люк делал вид, будто раздосадован, но она знала, что ему нравятся эти маленькие игры, и научилась в них играть, чтобы поддразнивать его.

Однако, несмотря на все то время, что они проводили вместе, ей так и не удалось ничего узнать о роде его занятий. Если он был занят, то он был занят. И ни слова больше.

– Никогда не спрашивай мужчину о его делах, – говорил он Луизе. – Потому что он или достанет хлыст, или начнет скучать.

– Неприятная альтернатива, – отвечала она со смехом.

– Что поделаться?

У Луизы складывалось впечатление, будто Люк является совладельцем других кафе и клубов и что у него может быть иная собственность, с которой он собирает ренту, но точно она ничего не знала.

В целом же ей нравилось в этом новом для нее районе. Вокруг биржи селились брокеры и прочие финансисты, поэтому жилых домов здесь было меньше, чем в других частях города. Но зато имелась своя неповторимая черта – целая система крытых стеклом аркад и залов, иным из которых было более ста лет, где размещались всевозможные магазины и питейные заведения. Луиза нередко часами гуляла по этим торговым рядам.

Только единожды за эти несколько месяцев ей довелось увидеть краем глаза другую сторону Люка, но даже тогда трудно было сказать, что она видела. Случилось это в летнюю ночь перед рассветом, в его доме на склоне Монмартра.

Ее внезапно разбудил крик. Она подскочила с подушки. Рядом с ней в постели как безумный метался Люк. Прежде чем она успела что-то сделать, его руки наткнулись на нее и вдруг сжали ее горло. Луиза пыталась оторвать их от себя, пыталась закричать, но хватка была так сильна, что она не могла даже дышать. Она целиком находилась в его власти, а он в это время спал. Луиза изо всех сил размахнулась и ударила его по лицу. Его глаза раскрылись. Он выглядел испуганным и ничего не понимающим. Потом разомкнул пальцы.

– Люк, что ты делаешь? – сипло выговорила Луиза.

– Мне приснился кошмар.

Она видела, что он все еще борется с остатками сна.

– Это понятно. Но ты же чуть не задушил меня.

– Дорогая, прости.

– Кого ты пытался убить?

– Собаку.

– Собаку?

Он оперся на локоть и уставился на нее теперь уже вполне осознанным взглядом.

– Собаку. Я не могу объяснить, это был спутанный кошмар. Никакого смысла. – И потом он очень странным тоном спросил ее: – Я

ничего не говорил?

– Нет.

– А имя?

– Ты хочешь сказать, что у собаки была кличка? И как ее звали – Фидо?

– Хватит. Только скажи: я ничего не говорил?

От его сонливости не осталось и следа. Люк никогда не вел себя так жестко по отношению к ней, и Луизе стало не по себе.

– Ничего. Ты метался на кровати, и это разбудило меня. А потом ты сразу схватил меня за горло.

Люк продолжал смотреть на нее. Очевидно, он поверил в ее искренность, и пытливость из его взгляда исчезла.

– У меня почти никогда не бывает кошмаров. Должно быть, съел что-то не то. С тобой все хорошо? – Он нежно поцеловал ее в лоб. – Обними меня, пожалуйста. Мне было так страшно.

Они полежали рядом, обнявшись. Постепенно ночные страхи Люка рассеялись, и он осмелел. Но когда Луизе показалось, что он собирается заняться любовью, он вдруг встал с кровати и подошел к окну. Открыв ставни, он посмотрел в садик за домом. Его глаза остановились на какой-то точке среди деревьев.

– Что там? – спросила Луиза.

– Ничего. Я слушал предрассветный птичий хор. Можно подумать, что мы в деревне.

– Возвращайся ко мне.

– Сейчас.

И вскоре он действительно вернулся в постель, они занялись любовью, и все опять стало нормально.

Но Луиза не смогла забыть, с каким странным выражением лица он расспрашивал ее в ту ночь, хотя так и не поняла, что за этим стояло.

Девушка. Ее призрак уже давным-давно его не беспокоил. Люк слышал, конечно, поговорку, что-де убийца всегда возвращается на место преступления, но сам ни разу больше не заглядывал в пещеру. К этому времени тело наверняка превратилось в кучку белых костей. Даже ее имя забылось, ведь прошло уже десять с лишним лет. Началась и закончилась Великая война. Погибли миллионы. Склон холма позади сарайчика порос кустарником. Чтобы проникнуть в пещеру, пришлось

бы сначала сражаться с растительностью. Не было никаких причин вспоминать о той девушке.

Люк и не вспоминал – когда бодрствовал. Но когда он спал, перед ним иногда всплывало ее лицо. Бледное лицо с сердитыми обвиняющими глазами. Даже во сне Люк понимал, что это призрак, и приходил в ужас.

Однако в ту ночь сон был другим. Он увидел ее скелет в заброшенной карьере среди множества таких же скелетов. Но сквозь него проросло странное растение и выбросило в стороны длинные побеги. Один из них вытянулся дальше всех и пополз по туннелю, метр за метром, пока не добрался до выхода, спрятанного за сараем в саду. Там побег пролез через какую-то щель наружу и упал на траву, словно изнемог, пока искал дорогу из тьмы к свету. А потом на конце этого зеленого побега стали появляться маленькие цветы, похожие на лилии.

Возможно, растение так и осталось бы там, не причиняя никому вреда, если бы внезапно не появилась собака. Люк не знал, что это за собака и откуда она взялась, но она тут же бросилась на побег, вцепилась в него зубами и потянула. Люк схватил пса за ошейник и попытался оттащить, но упрямое животное не желало отпустить стебель. Собака вытянула его примерно на метр из пещеры, потом ловко перехватила стебель выше, ближе к туннелю, и потащила снова. Далеко в подземелье скелет девушки дернулся и пополз вслед за стеблем. Люк понял, что если собака продолжит тянуть, то скоро выволочет скелет прямо в сад. Он должен остановить собаку, пока она не извлекла на свет его давно похороненное преступление.

Вот когда он во сне сжал горло собаки руками и начал давить, и давил все сильнее и сильнее, чтобы прикончить зловредное создание.

Примерно месяц Люк выжидал, прежде чем предложить Луизе расстаться.

И сон тут был ни при чем, хотя, возможно, это он показал, что они становятся слишком близки. Слишком.

К тому же он с самого начала планировал, что, когда его работа будет сделана, их отношения перейдут в другую фазу. Люк подводил к этому Луизу постепенно.

– Дорогая, – сказал он ей нежно как-то раз, – ты обещаешь мне одну вещь? Я хочу, чтобы мы остались с тобой друзьями, когда наши

отношения подойдут к концу. Ведь когда-нибудь это произойдет. Мне будет очень больно, если ты перестанешь быть моим другом, расставшись со мной.

– Но я вовсе не хочу расставаться с тобой.

– Рад слышать. Но однажды захочешь. И это только естественно. Ты пойдешь дальше по жизни своим путем. Зато у меня останутся чудесные воспоминания, лучшие в моей жизни. И они сделают меня счастливыми – при условии, что мы будем друзьями.

– Лучшие в твоей жизни?

– Самые лучшие, поверь.

– Но я была совсем неопытной девушкой.

– Теперь ты все знаешь и умеешь. Ты необыкновенная.

– Если и так, то только благодаря тебе.

– Я всего лишь развил то, что в тебе уже было заложено. Ведь не садовник создает цветок.

Они помолчали.

– Ты пытаешься избавиться от меня?

– Кажется, ты становишься излишне циничной.

– Этому тоже научил меня ты.

– Только для того, чтобы ты могла защитить себя. Кстати, о своей защите я тоже должен думать и делаю это, оставаясь реалистом. – Он улыбнулся. – Я уже немолодой человек без положения в обществе. Тебе нужно идти вперед, найти богатого влиятельного любовника, как и советовала мадам Шанель.

Люк дал ей подумать над этими словами с полмесяца, после чего сообщил, что должен по делу уехать из Парижа на время. Даже не пришлось ничего придумывать – ему действительно нужно было в Амстердам.

– Когда я вернусь, – продолжил он, – то мы уже будем друзьями.

– О... Понятно.

– Всегда обращай ко мне за помощью, что бы тебе ни понадобилось. – И, увидев сомнение в ее взгляде, добавил: – Помни, я обижусь, если ты этого не сделаешь. – Он погрустнел. – Единственное, чего я боюсь, так это то, что я тебе больше не понадоблюсь.

Луиза не виделась с ним больше месяца. Она была уверена, что он давно уже вернулся из Амстердама, и несколько раз чуть было не

отправилась в знакомый ресторан. Ее удержала гордость. Люк сказал, что она больше не будет в нем нуждаться. Ну, тогда она докажет, что он был прав.

В конце концов Люк сам к ней пришел и как-то вечером постучал в дверь:

– Я пришел узнать, как твои дела.

– Спасибо, хорошо, – спокойно сказала Луиза, но не пригласила его войти. Если он надеется приползти к ней обратно, то ползти ему придется долго.

– Тебе ничего не нужно?

– Нет, все в порядке.

– Ты хотела бы заработать немного денег?

– В каком смысле? Как заработать?

– Позволь мне угостить тебя чем-нибудь, тогда я все расскажу. – В его глазах мелькнула лукавая усмешка. – На самом деле мне кое-что стало известно, и я подумал, что тебя это может заинтересовать. Дело такое... деликатного характера.

Поскольку Луизе стало любопытно, она согласилась сходить с ним в кондитерскую по соседству.

Наблюдать за Люком было забавно: после положенных расспросов о ее жите-бытье он принял сугубо деловой вид:

– Я знаком с одним посланцем. Он из маленькой страны, богат и, что необычно для людей с его положением, холост.

– Как у тебя получается водить знакомство с такими людьми, Люк?

– Это не важно. Он хороший человек, знает в Париже всех, кого следует знать, он очень воспитан и... разборчив.

– И что?

– Мне кажется, если он узнает тебя, то ты ему понравишься.

– И ты предлагаешь познакомить меня с этим человеком?

– Я уже все рассказал ему о тебе. Он очень хочет с тобой увидеться. Более того, приглашает поужинать в ресторане.

– Позволь, я попробую уяснить, о чем речь. Он ищет жену?

– Нет.

– Любовницу?

– Точнее будет сказать – даму для редких свиданий.

– Люк, ты предлагаешь мне стать проституткой?

– К проституткам он бы не обратился. Как я говорил, он очень привередлив. Вы посмотрите за ужином, нравиться ли другу другу или нет. Если нет, то никаких обязательств ни одна сторона не имеет. А вот если понравиться, тогда, возможно...

– Он будет платить мне?

– Разумеется. За каждое свидание он будет платить тебе пятнадцать тысяч франков. Половину ты будешь отдавать мне. Если у тебя возникнут какие-либо осложнения, я обо всем позабочусь. Но я почти на сто процентов уверен, что никаких проблем не будет. Он очень культурный человек. Никакую другую девушку, кроме тебя, я бы ни за что не порекомендовал ему, и он – единственный мужчина, которого я мог бы порекомендовать тебе. Помимо денег, он мог бы оказаться тебе очень полезен и в качестве друга.

– В голове не укладывается, что ты мне такое предлагаешь!

– Это всего лишь практичность.

– Но получается, что я буду проституткой, а ты – сутенером.

– Нет, все-таки ситуация тут особенная. Что касается денег... Почему бы тебе не обдумать все спокойно? Не забудь, он приглашает тебя на ужин без всяких обязательств. Может, он тебе понравится.

Луиза смотрела на него и думала.

– На самом деле ты предполагаешь, что мне могут понравиться деньги, – тихо сказала она.

Когда у Мари возникали проблемы, она любила обдумывать их, гуляя по Люксембургскому саду. Сад был разбит в соответствии с канонами классического стиля, но при этом был простым, приятным и разумно устроенным. Поэтому на следующий день после пятничной вечеринки у брата Мари можно было видеть на садовых дорожках с самого утра.

В это время там было тихо, лишь несколько детишек пускали кораблики в большом бассейне. Старики начали первую за день партию в шары на гравии позади статуй. В глубокой задумчивости Мари дошла до дальнего конца сада и вернулась обратно. Сегодня у нее была поистине большая проблема.

Что ей делать с Фрэнком Хэдли-младшим? Буквально через пару часов им предстояло встретиться снова.

Затеял все Марк, пригласив их на постановку «Русского балета» в субботу вечером. Молодой Хэдли и Клэр захотели пойти. Мари объяснила, что не сможет присоединиться к ним, потому что уже приняла приглашение послушать оперу.

Тогда Фрэнк спросил, не хочет ли кто-нибудь сходить с ним на Олимпийские игры.

– Я с одним американским приятелем и его женой собираюсь посмотреть на соревнования по боксу; состоятся они в субботу днем.

Клэр выразила желание составить им компанию, Марк пойти не мог.

В душу Мари закралось подозрение, что молодой американец понравился Клэр, и чем дальше она обдумывала такую возможность, тем более вероятной она ей казалась. Да и ничего удивительного в этом не было. В любом случае, сказала себе Мари, хорошая мать не оставит свою дочь наедине с молодым человеком, у которого в глазах такой хищный блеск, и потому она твердо заявила, что на Олимпиаду пойдут они обе.

И теперь Мари обдумывала предстоящий день. Если молодой американец заигрывает с ней самой – серьезно или забавы ради, – это одно дело. Она вдова и в случае необходимости постоит за себя. С Клэр же все иначе. Может, ее дочь уже взрослая, но мир совсем не такой, каким был до войны. Но правила, царящие в обществе, изменились мало, а человеческое сердце и вовсе осталось неизменным. Клэр нужно оберегать. Мари не хотела, чтобы ее дочь скомпрометировала себя или ее обидели.

Итак, ей следует быть практичной. Очень практичной. Если будет нужно, решила Мари, она сумеет отогнать Фрэнка Хэдли-младшего подальше от дочери. Конечно, подобные меры не понадобятся в том случае, если он будет занят не Клэр, а ею самой.

Книжный магазин, где они договорились встретиться с друзьями Фрэнка, находился неподалеку от квартиры матери и дочери. Они прибыли на место ровно в полдень.

Район от Сены до Латинского квартала на протяжении нескольких веков был домом для множества книжных лавок, но в настоящую литературную столицу мира он превратился с появлением двух необычных книжных магазинов на улице Одеон. Владельцами того и

другого были женщины. Первым стал французский литературный салон и магазин добросердечной Адриенны Монье. Второй разместился прямо напротив и был назван своей хозяйкой Сильвией Бич «Шекспир и компания».

Клэр лучше матери знала эти магазины.

– Французские писатели сначала идут к Монье и потом переходят дорогу, чтобы попасть к Сильвии Бич, а англичане и американцы начинают с Сильвии, после чего идут изучать полки Монье. Они обе очень милые дамы. И что лучше всего – они полюбили друг друга и сейчас даже живут вместе.

– О-о... Людей это не шокирует?

– Не думаю, что это хоть кого-то волнует. – Клэр улыбнулась. – «Шекспир и компания» превратился в нечто вроде клуба. Сильвия не только продает книги, но и дает их почитать, как в библиотеке. А еще она поддерживает писателей. Примерно год назад она издала за свой счет «Улисса» Джеймса Джойса, ирландского автора, когда его рукопись практически запретили и в Ирландии, и в Англии. Кроме того, она предоставляет ночлег у себя в доме тем, кому некуда идти. Все ее обожают.

И действительно, когда они вошли и Фрэнк представил их владелице, та оказалась обаятельной, яркой женщиной, которой не было еще и сорока. Выяснилось, что примерно в то время, когда Мари и Джеймс Фокс переехали из Парижа в Лондон, Сильвия Бич впервые в жизни прибыла в Париж с отцом, получившим тогда должность помощника священника в американской церкви.

– Среди моих предков почти все – священники или миссионеры, – поведала она Мари с ироничным смешком и потом, извинившись, обратила свое внимание на других посетителей магазина.

Друзьями Фрэнка были американский журналист, который писал статьи для канадской газеты, и его жена. Первой появилась именно она – широколицая женщина тридцати с небольшим лет, с умными глазами.

– Это Хэдли, – представил ее Фрэнк и ухмыльнулся. – Мы не родственники. Хэдли – это имя, а не фамилия. Совпадение с моей фамилией – чистая случайность.

– А вот и мой муж! – воскликнула Хэдли.

К ним приближался мускулистый мужчина, немного моложе жены, но разница в возрасте смягчалась его внушительной внешностью. Роста

в нем было не менее ста восьмидесяти сантиметров, на широком лице с правильными чертами выделялись черные усики и выразительные большие глаза. Несмотря на теплую июльскую погоду, он оделся в плотный костюм из твида, который, как догадалась Мари, составлял весь его гардероб. Крепкие коричневые ботинки сразу же давали понять, что их носит человек спортивный и любящий бывать на открытом воздухе. Мари он напомнил Теодора Рузвельта, только без политики и очков. То, как журналист держал себя, подсказало ей, что он пишет четкую, ясную прозу о том, где бывал, что делал и что при этом чувствовал.

– Это Хемингуэй, – сказал Фрэнк.

Первым делом Хемингуэй удивил Мари, заявив, что уже видел ее.

– Вы любите гулять по Люксембургскому саду, – объяснил он. – Мы живем немного южнее, на улице Нотр-Дам-де-Шан, на краю Монпарнаса, возле лесопилки. – Он ухмыльнулся. – Бедный район. Иногда я тихо сижу на скамейке в Люксембургском саду и вижу, как вы гуляете. Но обычно я стараюсь держаться как можно незаметнее и, когда никто не видит, ловлю голубя.

– Зачем?

– Чтобы съесть его, мадам. Я быстро убиваю его, прячу под пальто и бегу домой. Голуби в Люксембургском саду откормленные и получаются вкусными, если их правильно приготовить.

– Я не верю, что вы настолько бедны, месье, – сказала Мари.

– Время от времени случается поголодать.

– Французам трудно поверить, что у кого-то из американцев может не хватать денег, – со смехом вставил Фрэнк. – Особенно в последние пару лет, когда франк по отношению к доллару упал просто камнем. Вот почему нас так много здесь собралось. Говорят, в Париже сейчас тридцать тысяч американцев. – Он поглядел на своего друга, который лишь покачал головой. Затем чета Хемингуэй извинилась и вышла наружу, чтобы рассмотреть витрину магазина. – Вообще-то, – тихо продолжил Фрэнк, обращаясь к Мари, – у Хэдли есть небольшой доход от трастового фонда, но недавно они лишились его части. А Хемингуэй как раз бросил работу в журнале, чтобы писать книги. Поэтому порой они сидят без денег. Хемингуэй может снова взяться за статьи, если очень надо будет заработать, но его рассказы уже сейчас привлекают внимание. Форд Мэдокс Форд печатает их в «Трибьюн».

Потом они вышли вслед за Хемингуэями, и Клэр первая заметила в витрине магазина тонкий томик.

– Смотри, – сказала она матери.

На простенькой обложке прописными буквами было написано «В наше время».

– Это рассказы Хемингуэя, – сказал Фрэнк с такой гордостью, будто сам написал их. – Сколько экземпляров уже продано? – спросил он автора.

– Почти два десятка.

– Неплохо! – воскликнул Фрэнк. – И дело не столько в цифрах, сколько в уровне читателей. – Он похлопал друга по плечу. – Еще роман или два, и ты будешь богат.

– Пойдемте, – сказала Мари.

Боксерские поединки проводились в крытом Зимнем велодроме, который сокращенно называли Вель-д'Ив. Находился он на левом берегу чуть ниже по течению от Эйфелевой башни. Они шли на запад по бульвару Сен-Жермен, пока не нашли на перекрестке с бульваром Распай такси, куда и загрузились все вместе.

Во время пешей прогулки Мари узнала от жены Хемингуэя, что у них есть годовалый сын. А Фрэнк рассказал, что дней десять назад наблюдал за соревнованиями легкоатлетов на открытом стадионе за пределами города.

– Очень хорошо выступили британцы, – сообщил он компании. – Их Абрахамс даже победил нашего Чарли Паддока и взял золото на стометровке. Но я не видел никого лучше шотландца Лидделла. Он отказался от участия в стометровке задолго до начала Олимпиады, потому что забег наметили на субботу. Вместо этого он целенаправленно тренировался для четырехсотметровки, пусть никто не верил, что у него есть хотя бы шанс. А потом он побежал так, будто у него крылья выросли. Преодолеl первые двести метров со скоростью, которую никто не мог выдержать, и мчался дальше, не сбавляя темпа. Бежал во имя Бога. И Бог дал ему золотую медаль. Нашего Фитча шотландец опередил почти на секунду. Это было незабываемое зрелище.

Во многом, по мнению Мари, Фрэнк и Хемингуэй были похожи. Оба отличались атлетическим сложением, хотя в случае Хемингуэя это

было заметнее, и он явно знал об этом. Фрэнк, будучи моложе друга всего на несколько лет, относился к нему как к наставнику. Может быть, потому, что Хемингуэй был уже женатым человеком, но скорее потому, что тот участвовал в войне. Вот что стало разделительной чертой в среде молодого поколения, заметила Мари: воевал ты или нет.

Со своей стороны, Хемингуэй обращался с Фрэнком как с братом.

– Ты хорошо гребешь, Фрэнк, – обронил журналист по ходу беседы, – но я бы посоветовал тебе попробовать бокс. Я знаю в Париже хорошего тренера и готов быть твоим спарринг-партнером, если захочешь.

Еще он упомянул, что Фрэнк пишет рассказы, и был очень удивлен, что Мари и Клэр не знали об этом.

– Надеюсь изучить получше писательское мастерство, пока я здесь, – признался Фрэнк. – Но когда придет срок, я, как и мой отец в свое время, вернусь в Америку и стану учителем. – Он улыбнулся. – Для честного человека это достаточно хорошая судьба.

– Несомненно, – согласился Хемингуэй, – только ты мог бы сделать себе имя в литературе. Может, тебе это кажется маловероятным, а я убежден в этом.

Клэр заинтриговали литературные интересы Фрэнка, и она захотела узнать о них больше, но молодой американец не раскрыл своих карт.

– Хотя есть кое-что, чем я могу поделиться с вами, – сказал он. – Лучший совет, который я здесь получил, дал мне Хемингуэй.

– Что же это за совет? – спросила Клэр.

– Каждый, кто пытается что-то написать, должен это знать, – ответил Фрэнк. – Хемингуэй никогда не прекращает работу, пока не поймет, что именно будет писать на следующий день. Вот тогда можно остановиться, и завтра ты легко вернешься в ритм повествования. В противном случае ты, скорее всего, застрянешь в самом начале нового дня.

– То есть нельзя дописать абзац или главу до точки и отложить ручку со словами: на сегодня это все, можно закончить.

– Именно. Это кажется естественным, но при этом является фатальной ошибкой.

– Мне нравится! – воскликнула Клэр. – Очень полезно знать такие практические вещи.

Мари наблюдала. Любящий пофлиртовать молодой человек может быть привлекательным, но когда выяснится, что ему присущи и серьезные качества, что он обладает какими-то талантами, тогда его личность становится еще более притягательной. Интересно, думала Мари, что еще скажет Фрэнк, чтобы завладеть мыслями Клэр.

Зимний велодром представлял собой большой крытый стадион. Для велосипедных гонок устанавливали деревянные дорожки, а зрители рассаживались либо по центру, либо на трибунах, круто вздымающихся кверху вокруг трека. Хемингуэй сказал, что обожает велосипедные гонки, но, поскольку вся терминология на французском, писать о них по-английски трудно.

В дни боксерских поединков, однако, весь стадион превращался в огромную аудиторию с рингом посередине. С потолка спускали целую систему мощных фонарей, укрепленных на металлических балках.

Они посмотрели несколько поединков. Оба американца оказались весьма сведущими в боксе. Большинство медалей должно было отойти Соединенным Штатам, но преимущество американцев было в более легких весовых категориях. Британцы доминировали в среднем весе, а у скандинавов были лучшие тяжеловесы.

Двое молодых людей со знанием дела обсуждали спортсменов. Оказалось, что Хемингуэй часто боксирует в гимнастическом зале, и Мари поинтересовалась, ходил ли он на бокс в Америке.

– Последний раз, когда я смотрел бой в Америке, то видел лучшего борца в мире.

– Кто же это?

– Джин Танни. Чемпион в полутяжелом весе. Если бы он набрал побольше массы и смог бороться в классе тяжеловесов, то наверняка побил бы и самого Джека Демпси.

– А я думал, что это никому не под силу, – заметил Фрэнк.

– У Танни получилось бы. Вот человек, с которым я хотел бы познакомиться.

– И что бы ты сказал ему, Хемингуэй? – Фрэнк вскинул брови.

– Я бы предложил ему сразиться.

Мари рассмеялась, но жена Хемингуэя даже не улыбнулась.

– Вы не понимаете, – вздохнула она, – он на самом деле вызвал бы на бой чемпиона мира.

Фрэнк припомнил подходящий случай и попросил Хэдли:

– Расскажите Мари и Клэр о том, что было в Памплоне. – И он покосился на своего старшего товарища.

– В прошлом году, – сказала Хэдли, – когда я была беременна, мне было сказано, что я должна посмотреть на бой быков в Памплоне, потому что мои переживания от этого зрелища будут полезны для нашего нерожденного ребенка. Ну, вы догадываетесь, должно быть: якобы они укрепят его характер уже в утробе. – Она направила на мужа любящий взгляд. – Я замужем за сумасшедшим.

Вскоре после четырех часов Мари и Клэр оставили новых друзей и пошли домой. Фрэнк и Клэр должны были вечером встретиться у Марка, а потом пойти на балет. По дороге Мари спросила дочь, каковы ее впечатления.

– Мне очень понравился магазин «Шекспир и компания».

– А Хемингуэй?

– Они, похоже, очень любят друг друга. А он серьезно намерен прославиться.

– Согласна, – сказала Мари.

– Хотя говорят, что его рассказы действительно хороши.

– А Фрэнк Хэдли? – Мари постаралась произнести вопрос небрежно.

– Ты была увлечена его отцом?

– Он был скорее другом Марка, чем моим, – со смехом ответила Мари. – Мы с твоим отцом в то время уже встречались. По-моему, сын – любитель пофлиртовать. Таким не следует доверять.

– Но он, кажется, очень серьезно относится к своим занятиям литературой, хоть и старается всячески скрывать это.

– Вполне возможно. Если у него есть талант, избегай его.

– Почему?

– Потому что все гении – настоящие чудовища.

– Расскажи мне лучше о месье де Сине. Может быть, он твоя бывшая пассия?

– Нет, Клэр! Его отец и твой дедушка были друзьями. Самого де Синя мы редко видели, он постоянно был в отъезде со своим полком. Но те несколько раз, что мы встречались, он был очень любезен.

– Теперь вы оба свободны. Ты могла бы стать виконтессой.

– Все устроилось гораздо лучше, дорогая. Меня увидят с ним в Опере. Это придаст мне значительности и шика.

– Разве для тебя это так важно?

– Ты все перепутала, дитя мое. Это важно не для меня, а для нашего магазина.

Вечер прошел приятно. Это было последнее представление сезона, после которого Опера закрывалась до сентября. Пышность театра, величественные золоченые коринфские колонны, обильные декорации, блестящие балконы и ярусы, пурпурный бархат кресел – все это так ярко напоминало Belle Époque ее юности, что Мари рассмеялась, опустившись на свое место.

Роланд посмотрел на нее озадаченно.

– Все это такая бессмыслица, – произнесла она со счастливой улыбкой.

– Вы находите обстановку вульгарной?

– Разве мягкое кресло может быть вульгарным? Это настоящий рай... Что-то вроде огромного торта.

– Думаю, мой дорогой отец смотрел на зал из своей ложи с тем же ироничным удовольствием, что и вы. – Роланд тоже усмехнулся.

– И мой отец тоже. А вы знаете, что они курили один и тот же сорт сигар?

– Да. У нас с вами много одинаковых воспоминаний.

– Мои более буржуазны, месье де Синь, – лукаво уточнила Мари. – То есть наши воспоминания не столько пересекаются, сколько дополняют друг друга.

– Очень точно, – кивнул он.

Во время антракта они остались на местах и побеседовали. Она расспросила Роланда о сыне.

– Я отправил его в тот же лицей, в котором учился сам, но теперь не уверен, правильно ли поступил. Лицей всегда был очень консервативен, таким и остался по сей день. Может, мальчика следовало отдать в учебное заведение с более современными идеями. С другой стороны, мне кажется, здесь я могу лучше помочь сыну, так как понимаю, что от него потребуется.

– Ему нравится учеба?

– Говорит, что да.

– Тогда вы сделали все правильно, по-моему. Если бы вы не разделяли взглядов лицея и его преподавателей, то возникли бы

определенные противоречия. Дети не всегда соглашаются с родителями, но им нравится, когда их родители удовлетворены своими решениями и своей жизнью в целом – если вы понимаете, что я имею в виду.

– Мне так важно было услышать эти слова.

Она видела, что виконт говорит искренне. «Да, – подумала она, – он хороший человек».

После представления Мари стала прощаться, так как хотела сразу пойти домой. Когда де Синь спросил, согласится ли она еще раз сходить с ним в Оперу, когда начнется новый сезон, она ответила:

– После столь восхитительного вечера, месье, я не смогу отказаться от приглашения.

– Через пару дней я уезжаю в поместье, мадам, но уже жду с нетерпением возвращения в сентябре, чтобы сходить с вами в Оперу.

Когда Мари пришла домой, в квартире было тихо, Клэр еще не вернулась. Закончив приготовления ко сну, Мари отослала горничную и прочих слуг спать, сказав, что сама дождетсся возвращения дочери.

Ей хотелось узнать, как Клэр провела вечер и понравился ли ей «Русский балет». Дягилев решил поставить в честь Олимпиады одноактный балет-феерию «Голубой экспресс», и этот спектакль был впервые показан всего четыре недели назад в Театре Елисейских Полей, который стоял около Сены. Весь Париж знал об огромном занавесе, созданном Пикассо, на котором были изображены две неуклюжие женщины, бегущие по пляжу.

Мари знала, что Клэр сумеет во всех красках передать свои впечатления от балета.

Прошел час. Мари предположила, что брат повел молодежь в ресторан или угощает их выпивкой у себя в квартире. Она позвонила ему.

Когда он ответил, по его голосу она поняла, что Марк спал.

– Я ищу Клэр, – сказала она.

– А, понятно. Они пошли в кафе с друзьями. С американцами.

– Куда?

– Откуда мне знать?

– Ты позволил Клэр уйти с молодым человеком неизвестно куда посреди ночи?

– Послушай, Мари... Она уже взрослая.

– Она приличная девушка! Ты разве не знаешь, как они должны себя вести? Хотя ты и не можешь этого знать, – добавила Мари с горечью, – ты же никогда не был с ними знаком.

– Чего ты теперь хочешь от меня?

– Чтобы ты нашел ее и привел домой. Чтобы не оставлял ее ночью наедине с мужчиной. Ах, Марк, у тебя совершенно нет чувства ответственности! – воскликнула она в отчаянии. – И никогда не было.

– Ну, с этим я уже ничего не могу поделать.

Голос у него был виноватый, но в нем слышалась и скука, отчего Мари пришла в еще большую ярость. И повесила трубку.

А потом стала ждать. Позднее она открыла окно гостиной, которое выходило на маленький балкон, откуда можно было видеть улицу в обоих направлениях. На Париж спустилась тишина. Время от времени в свете фонарей мелькала одинокая фигура, но город уже спал.

Где они сейчас? В кафе или в ночном клубе? Или гуляют вдоль Сены, так как ночь теплая? Может, стоят на одном из мостов? Лежит ли рука Фрэнка на плечах Клэр? Целует ли он ее? Или хуже того – не дома ли они у него? Способен ли он на такое? Конечно. Ведь он молодой мужчина.

Мари хотела выбежать на улицу и спасти дочь. Останавливало ее только то, что она не имела представления, где их искать. Она рисовала в своем воображении Фрэнка Хэдли, его высокую фигуру и непослушные густые волосы, точно такие же, какие были у его отца в молодости. Она вспоминала его глаза.

Вдруг, неожиданно для самой Мари, ее пронзило острое чувство. Оно захватило ее врасплох и полностью овладело ею, прежде чем она осознала, что происходит.

Она хотела Фрэнка Хэдли.

Какого Фрэнка – отца или сына? Она едва могла различить их. Прошлым вечером у брата ей показалось, будто к ней из прошлого шагнул тот Фрэнк, которого она знала. Теперь же она сама превратилась в себя молодую, словно множество слоев, из которых сложилась ее личность, растаяли и осталась сердцевина – та девушка, какой она была четверть века назад, почти не изменившаяся.

Потрясение, испытанное при встрече с Фрэнком, переросло в нечто другое – в страсть.

Желание. Ревность. Она хотела, чтобы он был с ней.

Может ли человек быть двумя разными личностями одновременно? Мари казалось, что она раздвоилась. Как мать, она стремилась защитить дочь от Фрэнка Хэдли. Но когда она думала о том, что Фрэнк и Клэр сейчас вместе, то переставала быть матерью. Она становилась женщиной, у которой соперница пыталась украсть возлюбленного. На эту соперницу Мари готова была наброситься с кулаками.

Но прежде всего нужно знать наверняка: соперница ли ей Клэр? И как далеко зашли ее отношения с Фрэнком?

Мари сидела на диване, обуреваемая вихрем чувств и мыслей, когда услышала, как в подъезде стукнула дверь. Она быстро пошла в прихожую. Да, это была Клэр.

– С тобой все в порядке?

– Да, все хорошо. – Клэр выглядела бледной. – Я слишком много выпила.

– Уже так поздно. Я волновалась.

– Что могло со мной случиться? – Клэр закрыла за собой дверь.

– Ты пришла домой одна?

– Нет, меня проводили до двери.

– Кто?

– Фрэнк и его друзья.

Говорит ли она правду? Мари чуть не побежала обратно в гостиную, чтобы с балкона посмотреть, не видно ли американцев на улице, но понимала, что это невозможно.

– Ну хорошо, что ты наконец дома.

Но на следующий день она сказала дочери, что той нужно бережнее относиться к своей репутации и что ее дяде не следовало отпускать ее бродить по городу с Фрэнком. Клэр не стала спорить, и это успокоило Мари.

Август для универмага «Жозефина» был спокойным месяцем. Большинство парижан покинули город, хотя иностранные туристы в магазин заглядывали. Вся семья Бланшар на это время обосновалась в Фонтенбло в старом доме, и Мари с Клэр ездили по очереди в Париж примерно раз в неделю и проводили там день, чтобы приглядывать за делами.

Жюль Бланшар с женой переселились в один из флигелей, отдав все главное здание в распоряжение семьи – вдове Жерара и ее детям, Марку, Мари и Клэр. Но тем не менее оставалось еще место и для других гостей, так что в полдень на широкой веранде, выходящей на газон, собиралось обычно человек десять.

Клэр всегда с удовольствием бывала в Фонтенбло. Она любила своих бабушку и дедушку. В последнее время у бабушки стали несколько путаться мысли, но старый Жюль, невзирая на ослабевшую память, все еще любил посидеть на веранде и поболтать. Клэр устраивалась рядом и расспрашивала о днях его юности, и он описывал ей людей, которые пережили Французскую революцию и эру Наполеона.

В эти долгие, легкие летние дни счастье Клэр омрачалось лишь одной тенью, которую отбрасывало нависшее над ее жизнью облако неопределенности. Испытывает ли Фрэнк Хэдли к ней какие-либо чувства?

Возможно, из-за того, что ее родители были родом из разных стран, Клэр всегда было трудно угодить. Пока она была девочкой и росла в Лондоне, ей нравились английские мальчики, но ей казалось, в них чего-то недоставало. И конечно, дело было в том, что они не говорили по-французски. Она смотрела на все, что ее окружало, как материнскими – французскими – глазами, так и английским взглядом отца. Да и отец ее прожил в Париже так долго, что, оставаясь англичанином, видел мир в более широкой перспективе, чем многие его соотечественники. Разумеется, были англичане, которые служили Британской империи в дальних уголках планеты, однако большинство из них все же оценивали вещи с имперской точки зрения, пребывая в незыблемой уверенности, что Британия лучше всех. Англичане, пожившие на Европейском континенте, по-прежнему оставались малочисленным племенем.

Сходным образом, вернувшись с матерью во Францию, Клэр нашла французов интересными и привлекательными. И тем не менее еще в процессе знакомства с непревзойденной культурой этой страны она почувствовала, что французы больше не кажутся ей таким уж чудесными. Они тоже были частью толпы – другой, но все же толпы.

И почти неосознанно Клэр начала мечтать о мужчине иного сорта. О мужчине, свободном духом. Человеком, для которого жизнь – это

приключение без конечной цели. Он может быть англичанином, французом или кем-то другим. Это может быть исследователь, или писатель, или, к примеру, дипломат... Она пока сама не знала.

Где же искать такого человека? Далеко не сразу она обнаружила, что в Париже существует сообщество, которое притягивает к себе людей именно такого сорта.

Это сообщество – американцы.

Почему так получилось? Через какое-то время она поняла, что на то было множество причин. Во-первых, в их жилах текла сама Свобода. Они обладали ею от рождения. Но почти без исключения все иммигранты чувствовали, что мощный организм Америки все еще слишком юн, слишком неопытен, чтобы развить богатую культуру, к которой они стремились. Тогда как культура Европы насчитывала две тысячи лет, здесь было все, что душа пожелает: и греческий храм, и английский загородный дом, и парижский ночной клуб. Американцы приезжали не задрать нос, а с желанием познавать и учиться. Они хотели, чтобы все это было и у них.

Вот почему Гертруда Стайн и Сильвия Бич из Америки, и англичанин Форд Мэддокс Форд, и испанец Пикассо, и Дягилев со своим «Русским балетом», и французские писатели вроде Кокто, и молодой Эрнест Хемингуэй в любой день недели могли встретиться в книжных магазинах, кафе, театрах Парижа. И они встречались.

Так что, когда дядя Марк спросил ее однажды, что она думает об американцах в Париже, она ответила:

– Я бы не хотела выйти замуж за Хемингуэя, но мне нравится его любовь к приключениям.

– Может, ты сумеешь найти себе более молодую версию Хемингуэя и разделишь с ним свои приключения. Хотя уверен, тебе придется поработать, чтобы он стал таким, каким ты его захочешь видеть.

– Должно быть, это сложная задача.

– Тебе не нравятся сложности?

Скорее нравятся, чем наоборот.

Тогда что же ей сделать, чтобы заставить Фрэнка Хэдли-младшего обратить на нее внимание?

Он дружелюбен. С ним легко общаться. В тот вечер после балета они пересекли реку и зашли к дяде Марку, а потом прогулялись по длинному бульвару Распай до Монпарнаса, где он встретил приятелей, и ей было так весело с ним. Казалось, что Фрэнку тоже приятно ее общество. Он смеялся, когда она шутила. Потом вся компания пошла провожать ее. Они шагали вшестером по опустевшим улицам, взявшись за руки. Фрэнк шел рядом с ней, так что она чувствовала его крепкое горячее тело. Перед тем как Клэр вошла в дом, они все, по французскому обычаю, поцеловали друг друга в обе щеки. Однако она не могла сказать, заинтересовался он ею или нет.

Клэр виделась с ним еще раз в конце июня. Она договорилась встретиться с ним и четой Хемингуэй ранним вечером в большом кафе «Дом», где в те годы собирались все художники и писатели.

– Сюда даже Ленин заходил, когда жил в Париже, – поведала она Фрэнку. – Это мне дядя Марк рассказывал.

Вечер получился очень приятным. Хэдли Хемингуэй с гордостью сообщила, что Эрнест написал за этот год уже десяток рассказов, и потом тот повернулся к жене и спросил, видела ли она что-нибудь из работ Фрэнка. Фрэнк нахмурился, а она ответила, что не видела.

– Ты бы показал ей что-нибудь, – посоветовал Хемингуэй Фрэнку. – Она хороший судья.

Но Фрэнк, мрачный от охватившей его неловкости, сказал, что пока у него ничего стоящего нет и, возможно, никогда не будет.

– Тебе надо подольше задержаться в Париже, – сказала Хэдли. – Нам кажется, тебе подходит этот город.

– Да-да, – подхватил Хемингуэй.

– Не хотелось бы, чтобы ты исчез, как Джил, – сказала Хэдли.

– Кто такой Джил? – поинтересовалась Клэр.

– О, это один симпатичный американец, который, по нашему мнению, подавал большие надежды, – объяснила Хэдли. – Но потом он вдруг исчез, как будто его и не было. И ни слова не сказал.

– Со мной такого не случится, – пообещал Фрэнк.

После этого он проводил Клэр. По дороге Фрэнк рассказывал о своем доме в Америке, задавал всевозможные вопросы о «Жозефине» и о планах развития магазина. Вызывало у него интерес и то, чем занималась ее мать. И вообще, казалось, что Фрэнк очарован Мари.

Потом он сказал, что часть августа намерен провести в Бретани. То есть она не ожидала увидеть его раньше сентября.

В третью неделю августа Марк, который на несколько дней покидал Фонтенбло ради дел в Париже, вернулся, но не один, а с Фрэнком.

– Я заглянул в кафе «Дом», чтобы встретиться с одним человеком, и увидел там Фрэнка. Конечно, я уговорил его поехать со мной в Фонтенбло.

Поскольку дом был полон гостей, Мари сказала Клэр, что ей придется уступить свою комнату американцу.

– Рядом с моей спальней есть небольшой будуар, – сказала она дочери. – Мы поставим там для тебя кровать.

Фрэнк немного смутился, поняв, что его приезд доставил всем неудобства, и особенно Клэр, но Мари заверила его, что это семейный дом и все привыкли находить в нем место для друзей.

– Для тебя это уникальная возможность, – заявил Фрэнку Марк. – Здесь ты погружен в жизнь большой французской семьи, и мы сделаем тебя настоящим французом. Лучшим, чем был твой отец.

Каждое утро в течение часа Клэр учила его французскому. Следующий час он проводил с Мари. Она могла повести его на кухню, чтобы показать, как готовятся те или иные блюда. Или брала с собой на рынок закупать продукты. Другими словами, привлекала его к тем делам, которыми занималась в данный момент сама, и сопровождала их совместную деятельность комментариями. А Марк водил Фрэнка и заодно всех желающих к старому замку или в деревню Барбизон; в ненастную погоду он показывал американцу книги в маленькой библиотеке и рассказывал об истории и культуре Франции. Через десять дней такого режима Фрэнк выучил поразительно много. Как-то раз за обедом он признался, что до сих пор не представляет себе структуры Парижа. У каждого из сидевших за столом нашлось что сказать ему на эту тему.

– Прежде всего, – первым взял слово Марк, – ты должен понять, как Париж вырос в средневековый город из скромного римского поселения. – Он объяснил, как расширялся город (словно растущее яйцо, предложил Марк сравнение) и как каждая новая крепостная стена захватывала все больше и больше пригородов. – Поэтому у нас есть, к

примеру, древний остров Сите и холм Святой Женевиевы, где расположен университет, – когда-то там был римский форум и термы. На другом берегу находится Тампль, в свое время бывший предместьем, где жили тамплиеры, а рядом – квартал Марэ, названный так, потому что вырос на месте болот. Большинство других кварталов сохраняют названия бывших деревень или церквей, и каждый обладает неповторимым характером. Хотя надо заметить, что маленькие районы практически исчезли, когда в прошлом столетии барон Осман сносил старые постройки.

– Но как образованы городские округа? – спросил Фрэнк. – Я никак не могу с ними разобраться. Они пронумерованы, но, как я понял, не один раз. И у каждого округа есть своя репутация, правильно?

Марк кивнул старшему сыну Жерара, молодому Жюлю.

– Если быть точными, – заговорил Жюль, – то вскоре после революции на двенадцать округов разделили внутренние части Парижа, и иногда их до сих пор называют старыми округами. Но в шестидесятом году прошлого века уже весь Париж разделили на двадцать округов. Они начинаются с территории вокруг Лувра и западной части Сите: это Первый округ. Затем нумерация идет спиралью по часовой стрелке. Первые четыре округа находятся на правом берегу. В Третий округ попал Тампль, Марэ по большей части в Четвертом. Чтобы попасть в Пятый округ, где находится Латинский квартал, мы переходим Сену. Там же Шестой с Люксембургским садом и Седьмой – этот округ немного холодноват, но богат и включает в себя Дом инвалидов и Эйфелеву башню. Снова пересекаем реку и оказываемся на огромной территории, которая в направлении юг – север простирается от набережных до парка Монсо, а в направлении запад – восток от Триумфальной арки через Елисейские Поля к церкви Мадлен и Опере. Все это Восьмой округ, здесь живут высшие слои общества. И потом мы начинаем новый круг. Округа с Девятого по Двенадцатый расположены на правом берегу, и Двенадцатый округ начинается от Бастилии, идет вдоль улицы Фобур-Сент-Антуан до старых Венсенских ворот. Дальше по левому берегу идут округа Тринадцатый, Четырнадцатый, который охватывает Монпарнас, и Пятнадцатый. Наконец возвращаемся опять на правый берег к последним пяти округам. Шестнадцатый очень длинный и идет вдоль

западной границы города, захватывая Триумфальную арку и авеню Гранд-Арме. Сразу за ней лежит Булонский лес. Шестнадцатый округ – это и старые деревни, как Пасси, где жил Бен Франклин, и авеню Виктора Гюго. Он считается модным и интернациональным. Выше, на северо-западной окраине города, находится Семнадцатый округ, к которому относится бывшая деревня Нейи. Нейи – престижная местность, а весь Семнадцатый – респектабельный, но малоинтересный.

– Семнадцатый не так уж плох, – возразила его мать.

– Только очень скучен, – шепнула Клэр на ухо Фрэнку.

– Про Восемнадцатый, – продолжал Жюль, – можно сказать, что он – вершина Парижа. Тут мы находим Клиши и Монмартр. Далее идет Девятнадцатый вдоль северо-восточной оконечности города и относящийся к нему парк Бют-Шомон, и вслед за ним Двадцатый – с рабочим районом Бельвиль и кладбищем Пер-Лашез.

– Хотя пожилые люди нечасто пользуются нумерацией округов, – подхватила Клэр, – все же на вопрос о месте жительства мы обычно говорим «в Пятом» или «в Шестнадцатом», если только это не какой-то знаменитый квартал или интересное место. Например, человек, живущий на холме возле Сакре-Кёр, может сказать, что он живет в Восемнадцатом округе, но, скорее всего, скажет, что на Монмартре. То же самое относится и к Монпарнасу, и к Сите или к Марэ.

– Но если твое жилище в районе Пигаль, – добавил с улыбкой Марк, – где расположен «Мулен Руж» и некоторые менее благопристойные заведения, то лучше сказать, что проживаешь в Девятом округе, ведь это может означать и вполне приличный адрес где-нибудь около бульвара Османа.

– Теперь я понял, – сказал Фрэнк. – Но мне нужно тщательнее изучить карту.

– Разумеется, изучай карту, – добродушно сказал Марк, – но я бы порекомендовал поселиться в Париже.

Вторая половина дня обычно проходила в приятном ничегонеделании. Все выходили посидеть на длинную веранду: старый Жюль читал газету, Мари отдыхала после прогулки по саду, а Фрэнк мог спокойно писать в своем блокноте, и никто его не спрашивал, о чем он пишет, и не просил показать.

По воскресеньям, само собой, женщины с утра ходили в церковь, а потом вся семья, за исключением стариков, отправлялась на традиционную воскресную прогулку в лес Фонтенбло.

Молодежь часто бывала вместе, но Фрэнк никогда не делал попыток сближения с Клэр. С Мари он как будто слегка заигрывал, а с ее дочерью был мил и предупредителен, как брат, но не более того. Вот и все.

Клэр случалось наблюдать за тем, как он работает. На глазах у людей Фрэнк сидел с самым беспечным видом и время от времени делал запись в блокноте, небрежно водя карандашом. Но иногда веранда пустела или обитателей дома одолевала дремота. В таких случаях, если Клэр удавалось незаметно выглянуть в окно или бросить взгляд на Фрэнка из-за увитой розами беседки в углу сада, то она видела по его лицу, как он сосредоточен и напряжен. Только тогда становилось понятно, что у него есть цель, которую он пока прячет от мира, что им движет какая-то неукротимая сила и что за внешностью обаятельного юноши с легкомысленными порой манерами скрывается человек очень глубокий и серьезный. И Клэр хотелось разделить его чаяния.

Она не собиралась бросаться ему на шею. Порой она говорила что-нибудь забавное, чтобы рассмешить Фрэнка. Иной раз заводила с ним разговор, желая показать, что и она может быть серьезной, что она тоже думает о мире. Но пока это не принесло никаких результатов.

Через два дня им предстояло вернуться в Париж. Августовский полдень выдался жарким. Сад стоял залитый солнцем, только высаженные вдоль его границ деревья отбрасывали кружевные пятна тени. В воздухе не ощущалось ни единого дуновения ветерка. Тишина нарушалась лишь скрипом повозки, изредка проезжающей по улице, да жужжанием пчел вокруг роз и теплых, сухих соцветий лаванды по краям газона.

В салоне дядя Марк завел граммофонную пластинку. Сам он уселся на веранде с книгой, но застекленную дверь оставил открытой, и из дома полились звуки Струнного квартета Дебюсси.

Музыкальное произведение доставляло ему массу удовольствия.

– Его исполняет квартет Капе. Они только что приступили к записи целой серии пластинок. Эту мне дал послушать приятель, –

похвастался он племяннице, – ее еще нет в продаже.

Выйдя на веранду, Клэр застала там только Марка и спящего в кресле дедушку.

– А где все?

– Фрэнк бродит по саду. Думаю, твоя мать где-то в доме. Про остальных не знаю.

Она собиралась присесть, но потом подумала, что было бы неплохо тоже прогуляться по саду, и направилась по дорожке к газону.

Следом за ней тихо плыла музыка. Квартет как раз дошел до медленной части, мягкой и чувственной, такой похожей на слабое жужжание пчел на солнце. Клэр почувствовала, как по ее лицу скользнула полоса тени, и потом волосы и кожу снова опалило солнце.

Музыка, похожая на внезапный настойчивый шепот в ленивом послеполуденном зное, приближалась к первой небольшой кульминации, когда Клэр оказалась у живой изгороди. В этом месте кустами бирючины был оформлен переход в дальнюю часть сада – к клумбам с розами, красными маками и синими васильками.

И там она увидела мать и Фрэнка. Они стояли вплотную друг к другу. Лицо матери было поднято, а он смотрел вниз, и не было никаких сомнений, что Фрэнк собирается ее поцеловать. И судя по улыбке на лице Мари, она хотела этого.

Потом они заметили Клэр, но не отпрянули в стороны, только Фрэнк повернулся вполборота к Мари, делая вид, что они всего лишь увлечены беседой. Он произнес что-то, обращаясь к Клэр, но почему-то она в этот момент ничего не слышала.

– Я вышла поискать, куда все подевались, – с трудом выговорила она и стала рассматривать цветы, как будто ничего не случилось. – Правда, чудесную пластинку поставил дядя Марк?

И пошла обратно – мимо клумб, кустов бирючины, газона. Дядя Марк глянул на нее, потом вернулся к своей книге. А когда она подошла к самой веранде, то увидела, что он опять смотрит куда-то позади нее, и догадалась, что, должно быть, ее мать и Фрэнк тоже идут через газон, беседуя как ни в чем не бывало. Не задерживаясь на веранде, Клэр сразу скрылась в доме. Она бы пошла к себе в комнату, но теперь там обосновался Фрэнк, поэтому ей пришлось пересечь двор и через железные ворота выйти на улицу. Минут десять она шла, не зная куда, прежде чем повернуть снова к дому.

На следующее утро Марк предложил Фрэнку пройтись, и тот охотно согласился. Говоря то об одном, то о другом, они добрались до старого замка. Марк заметил: история здания тесно связана с королями, однако первый образ, который неизменно возникает в его памяти при приближении к замку, – это всегда Наполеон, прощающийся во дворе со своей гвардией перед тем, как отправиться в изгнание.

– Скажи мне, – вдруг прервал исторический экскурс Марк, – твой отец ни о чем не предупреждал тебя перед тем, как ты отправился во Францию?

– Он дал мне множество советов. Что нужно делать, чего не делать.

– Как он советовал тебе поступать, в случае если ты встретишься с приличной молодой француженкой?

Фрэнк несколько смутился.

– Ну, – ответил он с осторожностью, – он сказал мне, чтобы я обязательно проявлял к ней столько же уважения, сколько проявлял бы к американке из семьи нашего круга. Мы весьма консервативны, знаете ли. Но отец говорил, что французы еще более консервативны.

– Например, если это девушка вроде Клэр.

– Да. Конечно, она англичанка, но это почти то же самое.

– Ты бы не хотел стать врагом для ее семьи, полагаю?

– Нет, не хотел бы. Но подождите, вы же не думаете, будто я вел себя недостойно по отношению к Клэр?

– Вовсе нет. Мне не следовало отпускать ее с тобой в тот вечер после балета, но я уверен, что ничего дурного не случилось.

– Абсолютно ничего, уверяю вас.

– Я тебе верю, Фрэнк. Ты догадываешься, что она влюблена в тебя?

– Клэр? – Фрэнк остановился, ошеломленный.

– Она наблюдает за тобой, когда ты не видишь. Ты поразил ее воображение.

– Надо же...

– Она тебе нравится?

– Очень.

– Но ты ведешь себя сдержанно.

– Стараюсь изо всех сил.

– Тогда как с моей сестрой все обстоит иначе.

– Я не уверен, что понимаю вас, – неловко пробормотал Фрэнк.

– Мой друг, ты ничем не смог бы меня удивить, даже если бы захотел. Большинство молодых людей были бы не прочь завести роман с женщиной постарше, и Мари очень привлекательна. Она вдова. Она отвечает сама за себя. Никаких проблем с ее семьей, никаких осложнений. По-моему, и ты ей симпатичен. Очевидно, она видит в тебе твоего отца. Ты, конечно, слишком молод. Она не захочет выставить себя на посмешище. Хотя... кто знает? – (Фрэнк молчал.) – Но в том случае, если ты в конце концов решишь ухаживать за Клэр – добропорядочным образом, само собой, – то не сможешь спать с ее матерью. Это никуда не годится, и я не допущу ничего подобного. Ты меня понял?

– Да, – выдавил Фрэнк. – Я не думал о том, чтобы... ухаживать. Я понятия не имел о том, что Клэр ко мне неравнодушна.

– И ты боялся заигрывать с ней. А с ее матерью не боялся.

– Это совсем не так. Ее мать – необыкновенная...

– Я не говорю, что нельзя влюбляться в женщину старше тебя. Это весьма обычное дело. – Марк кивнул сам себе. – Франция – страна чувств, особенно летом. Тепло Средиземного моря проникает на север, где оно смягчается и смешивается с прохладой. В музыке Дебюсси, кстати, все это есть.

– Кажется, я понимаю.

– Что ж, – с довольным видом заключил Марк, – тогда выбери одну женщину или другую, но не обеих сразу. Пойдем обратно, скоро обед.

В первых числах сентября Люк поинтересовался у Луизы, не хочет ли она взять еще одного клиента. На тот момент у нее их было трое. С одним она встречалась раз в неделю, с остальными два раза в месяц. Все они были средних лет, почтенны и богаты. У первого из них, дипломата, имелись представительные апартаменты на широкой авеню, что вела от Триумфальной арки к Булонскому лесу. Второй жил в более суровом на вид, но очень престижном квартале между Эйфелевой башней и Домом инвалидов, а третий – в элегантной квартире на улице Риволи, где современный комфорт дополнялся предметами, достойными Версаля.

Ценой двух-трех ночей в неделю, проводимых с интересными мужчинами в роскошной обстановке, Луиза теперь имела столько денег,

сколько ей было нужно, и еще откладывала по тысяче франков еженедельно. Конечно, это не состояние, но никакая работа не принесла бы ей такого дохода. А Люк, получавший от ее деятельности ровно столько же, наверняка мог откладывать и бóльшую сумму.

Теперь Луиза понимала, каким образом девушки становятся проститутками. Если подобрать себе правильную клиентуру, то деньги могут быть хорошими, очень хорошими, а располагать средствами всегда приятно.

– Это милый мужчина, – сказал Люк, – и если ты возьмешь его, то сможешь почти удвоить свои накопления.

– Где ты их находишь? – спросила она его уже не в первый раз.

– За прошедшие годы у меня образовалось множество связей. – Он пожал плечами. – И ты пользуешься большим успехом. У тебя есть класс, а это редкость. О тебе стали говорить.

– Еще один, и все, Люк.

– Договорились. Условия будут такими же, как обычно. Никаких имен, по крайней мере поначалу. Вы встретитесь за ужином. После этого решать будешь ты сама.

– И он. Вдруг я ему не понравлюсь.

– Понравишься. Кстати, он просто кладезь знаний. Ты можешь многому у него научиться.

Они встретились в кафе «Прокоп», что находится чуть в стороне от бульвара Сен-Жермен. На вид мужчине было около пятидесяти лет, но находился он в хорошей форме. Седеющие виски, рост выше среднего, довольно худощавый. Умное лицо. Он походил на художника, но Луизе что-то подсказывало, что в нем отсутствует необходимое творческим натурам бунтарство. Значит, интеллеktуал того или иного рода. Но интеллеktуал с деньгами, очевидно.

– Я слышал, вы англичанка, – любезно начал он беседу.

– Наполовину англичанка, наполовину француженка.

– Ничего не знаю о вашем английском, но ваш французский очень хорош. И вы работаете моделью у Шанель?

– Да. Работа интересная, и Шанель – неповторимая личность.

– Это действительно так.

У Луизы сложилось ощущение, что он и сам знает Шанель, но расспрашивать она не собиралась. Он сам скажет все, что сочтет

нужным. Ее искусство состояло в том, чтобы в нужный момент промолчать.

Они продолжили легкий разговор. Ресторан с золочеными зеркалами и картинами на стенах, казалось, задержался в XVIII веке. Луиза сказала, что ей здесь нравится.

– Он был основан в семнадцатом столетии. Странно думать, что в этом зале ел сам Вольтер, и, скорее всего, тут мало что изменилось с тех пор. Какие еще рестораны вам нравятся?

Она подумала, не ожидает ли он услышать перечень самых дорогих заведений.

– Мне нравятся рестораны с характером. – Луиза улыбнулась. – И я с удовольствием поем и в бистро, если оно интересное.

– Правда? – Он посмотрел на нее задумчиво. – Есть множество интересных мест, где можно поесть, надо только знать, где искать. Кстати, вы знаете, откуда произошло слово «бистро»?

– Нет, не знаю.

– После падения Наполеона в Париж ненадолго вошли русские войска, и казаки стояли на Монмартре. Они ходили есть в местные ресторанчики и, когда их обслуживали медленно, кричали «быстро, быстро». Потом и французы стали называть такие небольшие заведения словом «бистро». – Он усмехнулся. – Во всяком случае, такова легенда. Скорее всего, это неправда.

Они успели поговорить о многом. Ее новый знакомый был умен и умел увлекательно рассказывать. Когда они закончили с основным блюдом, Луиза уже решила, что он ей нравится. Она даже рискнула задать ему пару вопросов.

– Люк очень осмотрителен, месье, и я тоже. Но он упомянул, что вы не женаты. И мне странно, что столь привлекательный мужчина, как вы, не имеет любовницы. – Она улыбнулась. – Хотя, может, я ошибаюсь?

– Нет, мадемуазель, любовницы у меня нет. – Он рассмеялся. – Но в прошлом бывали. Однако в настоящее время мне было бы удобнее предвкушать, скажем, один вечер в неделю с подходящей дамой, если найду таковую, чем иметь постоянную компаньонку.

– Меньше личных обязательств?

– Не только. У меня множество занятий. Я должен присматривать за семейным предприятием, что отнимает немалую долю времени.

Помимо этого, у меня есть и другие дела. Мои вечера часто заполнены светской жизнью, а потом я возвращаюсь домой, чтобы работать или читать. У меня нет времени для спутницы, которой я обязан буду уделять внимание. Можете считать меня эгоистичным, но по-другому я жить не умею.

– Вы художник или писатель? Я пойму, если вы не захотите отвечать.

– Раньше я был художником, теперь предпочитаю писать о живописи и об искусстве.

– У меня есть еще один вопрос, месье, если вы не против. Можно узнать, как вы познакомились с Люком? – Она недоуменно покачала головой. – Мне так и не удалось понять, откуда у него столько знакомых.

– Вы не знаете? – Он направил на нее внимательный взгляд.

– Нет. Но мне всегда было любопытно.

– Вы никому не передадите то, что я вам скажу?

– Ни в коем случае.

– Кокаин, мадемуазель. Люк торгует кокаином уже бог знает сколько лет. Кокаин всегда чистейший. Люку все доверяют. Среди его покупателей... самые разные люди. И иногда они просят его и о других услугах.

Луиза уставилась на собеседника. Ну конечно! Теперь все стало ясно. До чего же наивной она была и до чего тупой, раз не догадалась сама! Не так ли он познакомился с Шанель? Все возможно. Но ее это не касается.

– У него всегда есть деньги, – сказала она, – но я не думаю, что он богат.

– Люди вроде него не из тех, кто зарабатывает в этом бизнесе состояние. Часто они сами становятся наркоманами.

– По-моему, Люк не употребляет наркотиков.

– Верно. Он – исключение. Сам я тоже редко прибегаю к кокаину. Иногда, если у меня накапливается слишком много дел, он помогает мне продержаться ночь без сна. – Мужчина улыбнулся. – Итак, мадемуазель, я ответил на все ваши вопросы. Могу ли я теперь спросить: желаете ли вы посмотреть, где я живу?

– Буду очень рада, месье.

Луиза говорила от всего сердца, и он это видел.

Они вышли из ресторана, и она продела руку ему под локоть. До его жилища возле Люксембургского сада идти было недалеко. Зайдя в дом, они на маленьком лифте поднялись на третий этаж и вошли в квартиру. Там, казалось, было пусто.

– Из постоянной прислуги у меня всего два человека, – объяснил он. – На сегодня они уже закончили и поднялись к себе в мансарду. Так что вся квартира в нашем распоряжении. Не хотите ли выпить? Я буду виски.

– Мне то же самое, спасибо.

Квартира произвела на нее впечатление. Луиза никогда не видела столько картин в одном доме. Там были Мане, Моне, Ван Гог...

– Включайте столько света, сколько пожелаете, – сказал он, вручая ей массивный бокал с виски. – Я отлучусь на минутку.

Она пригубила виски и продолжила осматриваться. Гостиная была просторной. В одном углу расположился рояль; на его крышке стояло несколько фотографий. Луиза подошла, чтобы рассмотреть их, и включила настольную лампу. Снимки были обычные, семейные, а не из тех, которые выставляют напоказ, чтобы удивить или поразить гостей. На некоторых встречалась одна и та же женщина – высокая и элегантная. Одна фотография запечатлела свадьбу. Луиза нашла среди свадебных гостей своего нового знакомого. На снимке он был еще молод, но узнаваем. Потом ее взгляд остановился на невесте и женихе.

И она застыла.

Женихом был Джеймс Фокс. Лондонский юрист. Никаких сомнений в том, что это именно он, ни малейших. Луиза не могла отвести глаз от фотографии.

Позади нее раздались шаги. Хозяин квартиры вернулся в гостиную и встал рядом с Луизой.

– Это вы? – Луиза изо всех сил старалась не выдать своего волнения. – На свадьбе ваших родственников?

– Да. Невеста – моя сестра. А это ее жених. Англичанин, но с гугенотскими корнями. Их французская фамилия была Ренары, а на новой родине они стали называть себя Фоксами.

– Интересно. Свадьба кажется французской.

– Так и есть. Она состоялась в Фонтенбло. К сожалению, муж сестры скончался. Очень приятный был человек. Испанский грипп,

знаете ли, сразу после войны. – Он указал на элегантную даму на другом снимке. – Моя тетя Элоиза. Раньше это была ее квартира. Удивительная была женщина.

– Это видно даже по фотографии, – сказала Луиза, изображая заинтересованность.

Ее мозг стремительно работал. Фокс. Его парижское отделение. Удочерение. Бланшар. Она снова вернулась к свадебному снимку.

– Значит, вот это – ваши родители?

– Да. Рядом с отцом – мой брат. Он был хорошим сыном и в то время являлся надеждой семьи. А я был художником.

– Вам здесь двадцать с небольшим.

– Да.

– Очень красивый молодой человек. – Она подбирала слова тщательно. – Кажется, это была образцовая буржуазная свадьба. Надеюсь, вас мои слова не задели.

– Нет, что вы. – Он хохотнул. – Они точно описывают семейство Бланшар.

– Вы не возражаете, если я ненадолго покину вас?

– Это справа. – Он открыл дверь в коридор.

Минуту или две она приводила мысли и чувства в порядок. Джеймс Фокс был женат на девушке из семейства Бланшар. Невероятно, чтобы это было простым совпадением. Выходит, это те самые Бланшары, которые знали, кто был ее отцом. Логично предположить, что он – один из них. И если фамилия ее отца действительно Бланшар, то самый вероятный кандидат находится в нескольких метрах от нее.

Внезапно Луизе захотелось разрыдаться. Итак, у нее получилось: она почти нашла своего отца. Если отец – этот человек, то он уже все про нее знает. И даже если ее отец не он, то бывший художник все ему расскажет. Что она шлюха, а ее сутенер – торговец кокаином. Вот чем она стала. И на какой прием в новой семье она может рассчитывать?

Луиза сидела неподвижно, стараясь сдержать слезы. И с кристальной ясностью увидела ситуацию, в которой оказалась. Если что-то немедленно не предпринять, то она переспит с мужчиной, который, скорее всего, приходится ей отцом.

Надо было уходить отсюда. Быстро.

Для Клэр это была первая размолвка с матерью. Но разлад был беззвучным, невысказанным, не признанным ни одной из них. Поскольку подобное невозможно.

В первые мгновения, пока она шла через газон прочь от Фрэнка и матери, ее била дрожь от потрясения. Но когда она оказалась на улице, постепенно верх стало брать другое чувство.

Гнев. Злость. Как смеет мать красть ее молодого человека? Нет, она не позволит ей. Она молода. Она красива. Она покажет матери. И заберет Фрэнка Хэдли себе.

Но каким бы мощным ни было это чувство, долго оно не просуществовало. К тому моменту, когда Клэр миновала приходскую церковь, его сменила безнадежность.

Фрэнк Хэдли не принадлежит ей. Он ничем не показал, что хоть капельку в ней заинтересован. Было похоже, что он хочет ее мать, и все шло к тому, что он ее получит.

Клэр нечего было сказать матери. Поэтому она ничего и не сказала.

Мари тоже молчала. Она продолжала вести себя как обычно, словно ничего и не происходило. Клэр знала, что если поднимет эту тему, то мать скажет, что Фрэнк просто флиртовал с ней. Пожмет плечами. Добавит, что в этом есть некая приятность. И что тогда делать Клэр? Возмущаться, говорить, что это отвратительно? Потом мать обязательно догадается, что Клэр ревнует, что дочь сама хочет завладеть помыслами Фрэнка, тогда как он к ней равнодушен. Нет, так унижать себя она не будет.

Поэтому Клэр ничем не выдавала своих чувств. В ее душе царили отчаяние, негодование, горькая обида. Но на поверхности все было тихо.

Вернувшись в Париж, обе погрузились в работу в универмаге. Клэр наблюдала за матерью, думая, что она и Фрэнк будут поддерживать отношения. Однако никаких признаков этого не видела.

Каково же было ее удивление, когда в середине сентября ей в «Жозефину» позвонил Фрэнк.

– Я подумал, тебе будет интересно. Сегодня вечером на Монмартре собирается неплохая компания. Хемингуэй, несколько художников, кое-кто из «Русского балета». Если ты свободна, то, как мне кажется, тебе тоже стоит пойти. Это Хемингуэй просил меня пригласить тебя.

Клэр на тот вечер ничего особенного не планировала. И Фрэнк говорил правду: это была как раз такая компания, где ей следовало появиться.

- Надо спросить у мамы, не захочет ли она пойти с нами.
- Там все-таки соберутся люди помоложе.

Встречались они у подножия холма. Когда Клэр подошла, там уже ждало человек двенадцать. Фрэнк приветствовал ее традиционными поцелуями в обе щеки, но ей показалось, что в его манерах появилась какая-то новая теплота. Ничего откровенного, но все-таки...

Чуть позже прибыли Хемингуэи, и веселой гурьбой все загрузились в фуникулер и поехали вверх по крутому склону. Когда под ними поплыли парижские крыши, Фрэнк, которого довольно плотно прижало к Клэр, прошептал:

- У меня на этих подъемниках кружится голова, только ты не говори Хемингуэю.
- Вряд ли он огорчится!
- Конечно нет, но обязательно вставит это в книгу.

На вершине они прошли от фуникулерной станции к лестнице перед огромной белой базиликой и стали разглядывать Париж, окутанный золотистой дымкой предзакатного солнца. В отдалении стремилась в небо серая стрела Эйфелевой башни. Чуть ниже под ними, на широких крутых ступенях, стекающих с холма, люди и скамейки отбрасывали длинные тени, и те тянулись все дальше и дальше на восток.

Фрэнк стоял рядом с Клэр. Он показал ей Булонский лес, и его рука, задержавшись в воздухе, легла на ее плечо. Тело Клэр ответило на это прикосновение легкой дрожью, и Фрэнк спросил, не холодно ли ей. Клэр мотнула головой.

После того как все насладились видом, компания по узкой улочке перебралась на площадь Тертр и расселась под деревьями за одним большим столом.

Компания подобралась веселая. Клэр уже видела кое-кого из этих людей. Она узнала пару танцоров из труппы «Русского балета». Фрэнк сказал ей, что ожидали Пикассо. Почти напротив нее сидел очень приятный русский с добрым остроносом лицом, лет тридцати с чем-то. Он сказал ей с заметным акцентом, что до войны жил в Париже.

– Я провел в России несколько лет, а теперь снова вернулся во Францию, – объяснил он. – Париж – это место, где нужно быть в наше время.

– Как вы провели лето? – спросила Клэр.

– Мы отдыхали в Бретани несколько недель.

– Фрэнк тоже там был. – Она кивнула в сторону Хэдли.

– Боюсь, я вас там не заметил, – сказал русский Фрэнку, весело блеснув глазами.

Потом она узнала, что русского звали Шагал, но, несмотря на проведенные в Париже годы, он не был одним из тех, кого всем следует знать. Ее дядя ни разу не упоминал этой фамилии, а вот про Пикассо сказал, что слышал о нем.

Тем не менее Фрэнк с Шагалом был знаком, и, пока русский беседовал с кем-то другим, американец рассказал Клэр:

– Он пишет прекрасные душевные картины, особенно о своем детстве в еврейском местечке. Странная живопись, почти сюрреалистичная. Волшебная палитра. – Затем, когда появилась такая возможность, он обратился к художнику: – Я слышал, что в следующем году Воллар организует выставку ваших работ в Америке.

И Шагал скромно кивнул.

– А вы сами поедете туда? – спросил Фрэнк, но русский отрицательно покачал головой:

– Мне такое не по карману.

На Клэр произвел впечатление тот факт, что Фрэнк уже опередил ее в изучении современного искусства. Очевидно, имеет смысл следить за творчеством этого месье Шагала.

Потом они обсуждали Париж и всех замечательных людей, которые в нем жили и работали.

– Забавно, – сказала Клэр. – Когда я слушаю дядю Марка, который был в центре всего, что происходило здесь в течение последних трех-четырёх десятилетий, то Париж кажется мне французским городом. Но вы все видите его как-то иначе. Для вас это место, куда приезжают творческие люди, чтобы поиграть. Интересно, какой же Париж настоящий?

Хемингуэй потянулся через стол и подлил ей вина.

– Может, все зависит от точки зрения, – сказал он. – Париж искони гордился тем, что является культурным центром – еще с тех пор, когда

здесь открыли университет. Теперь он стал местом, где собираются люди со всего света. Так что сейчас это просто более интернациональная версия того, чем всегда хотел быть Париж. Город – огромный организм. В нем одновременно происходит множество самых разных процессов. История может запомнить или забыть французских президентов, но она оставит в своих анналах импрессионистов, «Русский балет Дягилева», Стравинского и, как мне кажется, Пикассо. Так что же в таком случае Париж? Я думаю, он – это память обо всем том, что в нем случилось. Мы помним корсиканца Наполеона и Эйфеля, который был эльзасцем, и многие из нас помнят, что здесь жил Бен Франклин. Вот что такое Париж. – Он ухмыльнулся. – Париж стал интернациональным городом, и потому теперь он принадлежит всем нам – каждому человеку, живущему на Земле.

Затем все вспомнили про ужин и стали заказывать еду. А потом Хемингуэй и Фрэнк затеяли дружеский спор о Париже и Нью-Йорке, потому что Фрэнк сказал, что после Парижа хочет уехать туда и там жить и работать.

– Оставайся здесь, – сказал ему Хемингуэй. – По крайней мере, в ближайшее время Париж будет тем местом, где вершится будущее искусства. – Он обратился к Клэр: – Вы согласны?

– В том, что касается живописи, танца и моды, то с вами согласятся все, – ответила она. – Лично я очень люблю лондонский театр. И что насчет музыки?

– Стравинский в Париже, – отрезал Хемингуэй. – Чего еще вы хотите?

– Я хочу джаз, – сказал Фрэнк. – Я хочу свежий ритм, и восторг, и импровизацию джаза. А он в Нью-Йорке. И кстати, – посмотрел он на Клэр, – я знаю, что лондонский театр имеет лучшие театральные традиции в мире, но в Нью-Йорке сейчас происходит нечто потрясающее. В этом сезоне на Бродвее пойдет сразу пять пьес Юджина О’Нила.

Но Хемингуэя это не убедило.

– Если ты собираешься писать для сцены, Фрэнк, тогда может быть. Но ни один из стоящих прозаиков и поэтов не хочет быть в Нью-Йорке. Они все в Лондоне или в Париже. Элиот, Паунд, Фицджеральд. Все в Европе.

– Неправда. В Нью-Йорке целая группа сильных писателей. Они каждую неделю собираются в отеле «Алгонкин».

– Кучка старух, – презрительно отозвался Хемингуэй.

– Они не старухи. Они талантливы и молоды.

– Дай им время.

Было очевидно, что спорить с Хемингуэем бесполезно, поэтому Фрэнк и не упорствовал. Вскоре все занялись едой. Когда солнце село, официанты поставили на стол маленькие свечи.

К концу ужина за столом воцарилось всеобщее довольство. Клэр заметила, что Шагал достал карандаши и тихонько рисует что-то на бумажной скатерти. В неярком сиянии свечи она разглядела козу на зеленом фоне и женщину в платье, летящую в темно-синем небе.

Но потом Хемингуэй побарабанил пальцами по столу и сказал, что собирается кое-что прочитать. Клэр полагала, что речь идет об одном из его последних рассказов, и с нетерпением приготовилась слушать, но это было произведение кого-то другого, как уточнил Хемингуэй.

– Эту вещь мне на днях показали в «Шекспире и компании», и она мне очень понравилась, так что я решил поделиться ею с вами. Это начало рассказа, который еще не закончен.

У Хемингуэя был хороший голос для чтения: легкий баритон, без акцента, без излишних интонаций, четкий и ровный, как у репортера, передающего новости из далекой местности.

Но местность, которая описывалась на нескольких листах машинописного текста, была не военной зоной, не американским лесом, не большой горой или полноводной рекой. Там говорилось об ухоженном саде возле простого провинциального дома во Франции, со ставнями на окнах и в окружении клумб лаванды и васильков, где гудели пчелы. Там говорилось о старике, который дремал с газетой на веранде, и о его жене, которая сидела с ним рядом, но уже не помнила, кто он такой. О красивой девушке, которая шла в дом и пересекала кухню, где еще витал запах оливкового масла и уксуса из салатной миски, оставленной на деревянном столе.

И Клэр поняла, что это их дом в Фонтенбло. Она уставилась на Фрэнка, который выглядел смущенным и довольным. Когда Хемингуэй закончил, она прошептала Фрэнку, что он – автор, и он так же шепотом ответил, что не знал о намерении Хемингуэя прочитать отрывок, иначе бы не стал ничего ему показывать.

В заключение Хемингуэй сказал, что никогда еще не читал текста, который бы передавал звуки, и запахи, и атмосферу места так хорошо и так просто, и что, прочитав начало, хочется узнать больше о персонажах, и особенно о девушке, которая по-прежнему – он бросил лукавый взгляд на Клэр – остается волнительно таинственной. А выразительный кивок в сторону Фрэнка всем дал понять, кто автор этих страниц.

Позже Фрэнк проводил Клэр домой, и когда они прощались перед подъездом, он поцеловал ее в щеку, но при этом слегка сжал ее руки.

– Ты очень понравилась Хемингуэю, – сказал он.

Клэр поняла: это означает, что она нравится и самому Фрэнку.

Вспоминая о последних днях в Фонтенбло, Мари едва не кричала от досады.

Когда Марк привез к ним молодого Фрэнка Хэдли, она устроила его в комнате Клэр, переведя дочь в будуар за своей спальней. Рассуждала она так: это не только самое простое решение, но и способ защитить Клэр от молодого мужчины в ночное время. Единственная дверь в будуар находилась за кроватью Мари. Никто не смог бы проскользнуть туда, минуя ее спальню, а она спит чутко.

Итак, Клэр была в безопасности. И конечно, отсюда следовало – себе Мари открыто в этом признавалась, – что Фрэнк, не в силах заполучить дочь, с большей вероятностью обратит свое внимание на мать.

А почему бы и нет? Что ей мешает, если, конечно, он сумеет сохранить все в тайне? Она упустила отца, так не стоит упускать хотя бы сына.

Очаровать его не составило труда: они ходили вдвоем на рынок, гуляли по городку, она знакомила его с богатым чувственным миром летней провинциальной Франции. Фигуру она всегда берегла. Легкие морщинки на лице только придавали ей шарма. Будучи француженкой, она обладала хорошей осанкой и легкой походкой, которые очень отличались от откровенных, размашистых движений американок. Все вместе было способно вскружить голову любому молодому человеку, ищущему приключений.

Что же до нее самой, то после нескольких лет одиночества она вдруг вновь почувствовала себя юной, чего уже никак от себя не

ожидала. Когда она смотрелась в зеркало в мягком свете вечерней лампы и распускала волосы, то думала, что ее лицо неплохо будет выглядеть на подушке. Однажды ночью, когда Клэр спала, Мари выскользнула из сорочки и изучила свое нагое тело перед высоким зеркалом. Она была рада убедиться, что ее грудь осталась упругой и что ей практически не приходится втягивать живот. Потом она развернулась, чтобы увидеть свое отражение со спины, и нашла только несколько ямочек, не более того.

День за днем Мари наблюдала за тем, как растет его увлечение ею. И когда в тот сладостный послеполуденный час в глубине сада оно достигло кульминации, она подумала, что теперь Фрэнк принадлежит ей. Еще миг – и они бы поцеловались. Этого бы хватило, чтобы удержать его. Возможно, они смогли бы заняться любовью и в Фонтенбло, хотя это было бы непросто. Или отправиться на прогулку в лес и нацеловаться всласть – по крайней мере. А спустя день-другой они бы вернулись в Париж, и там уже можно устроить что угодно.

Еще миг – и они бы поцеловались. Если бы не появилась Клэр.

Но на следующий день как будто что-то случилось. Во Фрэнке возникла какая-то отстраненность. По крайней мере, никаких новых шагов к сближению он не делал. Было два удобных случая, когда они оказались наедине: один раз в гостиной, другой в холле, но он даже не подошел к ней. Мари гадала почему. Что произошло? Она перестала казаться ему привлекательной? Он счел ее слишком старой? Испугался?

Фрэнк собирался вернуться в Париж на поезде, на день раньше семейства, и Марк предложил подвезти его до вокзала. Пока Фрэнк ждал его у машины во дворе, Мари вышла из дому и встала рядом. Они были так же близки, как тогда в саду, и она подняла к нему голову и улыбнулась, и он тоже улыбнулся. Но больше ничего. Вообще ничего.

– Кажется, ты говорил, что никогда не был в Ботаническом саду Парижа, – сказала она.

– Да, не был.

– Сейчас подходящее время года, чтобы посетить его. Зимой там довольно скучно. Позвони мне, и я свожу тебя.

– Спасибо. Я позвоню.

Прошла неделя. Потом другая. Он не позвонил.

А вот Клэр виделась с ним. Однажды, когда Мари с Марком разговаривали в кабинете, Клэр просунула в дверь голову: не слышал

ли дядя Марк что-нибудь о художнике по имени Шагал? Он не слышал и спросил, почему она интересуется.

– Возможно, стоит приглядеться к нему. Я познакомилась с ним недавно в одной компании на Монмартре.

– Там был кто-то из тех, кого я знаю? – спросил Марк.

– Хемингуэй.

– Фрэнк Хэдли тоже был? – вставила Мари.

– Да. Я поздоровалась с ним, но мы почти не говорили. Он все время спорил с Хемингуэем.

Мари больше ни о чем не спрашивала. Может, пора ей самой позвонить Фрэнку. А может, лучше не надо. Пока она не слышала ничего и от Роланда де Синя, хотя была уверена, что тот должен был уже вернуться в Париж.

Она чувствовала себя довольно одиноко.

Несколько дней спустя к ней в кабинет опять заглянула Клэр и спросила, дозвонился ли до нее Фрэнк.

– Он искал тебя, но попал на меня. Говорит, ты обещала ему экскурсию в Ботанический сад. Может, сходим все вместе в субботу?

– А-а, – откликнулась Мари и пожала плечами. – Как хочешь.

Они пообедали все вместе в кафе «Брассери Липп»: Марк и Мари, Клэр и Фрэнк. Марк выбрал «Брассери Липп» из-за удобного расположения: кафе находилось на бульваре Сен-Жермен. К тому же Фрэнк там еще не бывал.

– Это особое заведение, – объяснил Марк. – Там нельзя заказать столик. Не важно, кто вы такой. Но если вам скажут, что вы получите столик через десять минут, то так и будет.

Кафе специализировалось на германской и эльзасской кухне. Марк и Фрэнк ели сардельки с кислой капустой, запивая их баварским пивом. Дамы выбрали бобы в горшочке и пили сухой эльзасский рислинг. Утолив голод, компания покинула ресторан и направилась по бульвару на восток. Вскоре повернули направо, на крутую и изогнутую улицу Монж.

– Это часть холма, на котором стояла Лютеция римлян, – напомнил Марк Фрэнку. – Если ты еще не видел древней римской арены, то она будет слева.

Они шагали не спеша – Марк и Мари рука об руку, Фрэнк и Клэр чуть впереди.

– Из них вышла бы прекрасная пара, тебе не кажется? – негромко поинтересовался у сестры Марк.

– Я немного переживала из-за него. Но не думаю, что они испытывают друг к другу какие-то чувства.

– Я бы так не сказал. – Марк глянул на нее. – Она точно в него влюблена. Я видел это в Фонтенбло.

– Правда? Когда она упоминала об их встрече на Монмартре, то сказала, что они едва обменялись парой слов.

– А что, если и он серьезно интересуется ею? Что, если он захочет жениться на ней?

– Жениться и увезти в Америку? Француженку в Америку?

– Во-первых, Клэр наполовину англичанка. А во-вторых, разве ты сама не поехала бы, если бы в молодости тебе представился такой шанс?

Мари не ответила. Она хмурилась. В мыслях царило смятение. Неужели Марк прав? Не потому ли Фрэнк вдруг отдалился от нее? Ведь это значит, что между ним и Клэр более близкие отношения, чем она думала. Дочь обманывает ее. Когда они пришли к руинам старой арены, Мари все еще была захвачена этими вопросами.

– О том, что в Париже имелся амфитеатр, было известно всегда, но никто не мог точно указать его местонахождение вплоть до шестидесятых годов прошлого века, – рассказывал Марк Фрэнку. – Тогда в этом районе начали строить омнибусный парк и обнаружили эти руины. Раскопки еще ведутся, но уже сейчас видно, что арена представляла собой круг с полусферой каменных сидений вдоль одной стороны. То есть здесь могли также ставить пьесы.

– Какое внушительное сооружение, – заметил Фрэнк.

– Предположительно, амфитеатр вмещал от пятнадцати до двадцати тысяч зрителей, то есть размер примерно соответствует нуждам значительного римского города.

Клэр смотрела на открытое пространство в центре. Оно было серым и пыльным. Над ним нависала унылая стена многоквартирного дома.

– Это место навевает какую-то грусть, – сказала она. – На арене проходили бои гладиаторов? Тут убивали людей?

– Конечно, – ответил ей дядя. – Это же была Римская империя. Наши классические традиции великолепны, но мягкостью нравов они никогда не отличались.

Фрэнк вышел в центр большого круга и стал задумчиво осматриваться. Клэр последовала за ним, встала рядом и взяла его под руку. Это был всего лишь дружеский жест.

Мари задержалась возле одного из проходов на арену, который начинался в туннеле под лестницей. Она предположила, что этим путем выходили гладиаторы и жертвы, и попыталась представить, что они чувствовали в этот момент. Потом она обратила внимание на Фрэнка и Клэр. Американец смотрел в другую сторону, а взгляд Клэр был направлен прямо на мать. Даже на расстоянии отчетливо был виден торжествующий блеск в ее глазах. Ты его хотела, словно говорила она матери, но я забрала его у тебя, и теперь он мой.

Потом дочь отвернулась.

Мари и сама уже давно не заглядывала в Ботанический сад и почти забыла, какое замечательное это место.

– История этого сада началась во времена «Трех мушкетеров». – Марк неукоснительно исполнял роль гида. – Королевские лекари основали здесь сад целебных растений. Потом король-солнце привел сюда команду лучших в мире ботаников, и они расширили посадки. А теперь...

Небо было чистым. Солнце стояло еще довольно высоко, и пусть оно уже не так сильно припекало, как в Фонтенбло две недели назад, о приближающейся осени предупреждали лишь первые желтые тона в листве некоторых деревьев. Две пары прошли по длинным аллеям, восхитились высокими ливанскими кедрами, привезенными из лондонских садов Кью, и посетили маленький королевский зверинец, переехавший сюда из Версаля после революции. Потом зашли в очаровательную мексиканскую оранжерею. Марк и молодежь получали от прогулки массу удовольствия. Мари улыбалась.

Но она едва замечала то, что они осматривали.

Конечно, думала она, с ее стороны это было бесконечной глупостью. Чем была ее внезапная страсть к молодому Фрэнку – попыткой ухватить возможность, которой ей не дал его отец? Да. Или пробудить в себе чувства, на которые уже не считала себя способной? И

снова да. Мари не знала, естественны ли эти стремления, но осознание их бессмысленности уже пришло.

Свое от жизни она получила. Ей очень повезло: Джеймс Фокс оказался хорошим мужем. Теперь настала очередь дочери любить. Может, и Клэр повезет, а может, и нет. Это решит судьба. Но в любом случае молодой Фрэнк принадлежит Клэр. «А я рискую выставить себя на посмешище», – строго сказала себе Мари.

Она повернула лицо к солнцу. Оно было приятно теплым, но в то же время ярким. А значит, подчеркивало, высвечивало каждую морщинку на ее коже. Ах, как резок солнечный свет, как жесток.

И Мари захлестнуло безутешное отчаяние. Жизнь прошла мимо. И задолго до того, как она смирилась с этим, хотя теперь она наконец смирилась, судьба и это жестокое солнце приговорили ее к изгнанию. Она изгнана в голую пустыню, в осенний холод и пустоту.

Вся компания вошла в лабиринт на небольшом возвышении. Петляющая тропа и подстриженный кустарник показались Мари тюрьмой.

Потом Марк повел их к главной достопримечательности сада – Большой галереи эволюции. Они постояли несколько минут, осматривая длинную травяную эспланаду перед зданием. Мари смотрела вместе со всеми, почти ничего не видя. Она даже не заметила, что рядом с ней оказался Фрэнк.

– Кстати, – проговорил он, – я забыл упомянуть, что вчера получил от отца письмо. Он просит передать вам его наилучшие пожелания.

– Пожалуйста, передай и ему от меня привет, когда будешь отвечать. – Мари кивнула и сумела изобразить улыбку.

– В этом нет нужды, ведь вы сможете сделать это лично. В его письме сообщается, что в следующем месяце ему нужно быть в Лондоне. К сожалению, моя мать не сможет сопровождать его. После Англии отец приедет в Париж навестить меня. Думаю, он побудет здесь некоторое время.

– Твой отец приезжает в Париж?

– Да.

– О, – только и сказала Мари.

В очередной раз приближаясь к конторе адвоката месье Шабера, Луиза гадала, что он обнаружил. Она побывала у него на следующий

день после знакомства с Бланшаром.

Люка не порадовало известие о том, что она бросила клиента. В тот же вечер он пришел прямо к ней в квартиру.

– Что с тобой? Мне сообщили, что ты неожиданно ушла.

– У меня закружилась голова.

– Он сделал тебе что-то плохое? Настаивал на чем-то, чего ты не хотела?

– Ничего такого.

– То есть ты плохо себя почувствовала? Ты ему понравилась. Он забеспокоился.

– Я не могу с ним встречаться.

– Ты не можешь так себя вести. – Люк словно окаменел. – Объясни мне, в чем дело.

– Не могу, Люк. Но это больше не повторится.

Он ответил не сразу, словно ему надо было многое взвесить.

– Ладно, но учти: это было в первый и последний раз, – наконец процедил он. – Я этого не потерплю.

Ей не понравился его тон.

– Я думала, что ты мне друг.

– Так и есть, дорогая. Но ты сама подумай, что скажет обо мне клиент. Он теперь считает меня ненадежным человеком. И на твоей репутации такие выходки скажутся не лучшим образом.

– Понимаю, Люк. Обещаю, больше ничего подобного не случится.

После этого он ушел, но в воздухе осталось висеть напряжение.

Зато с месье Шабером никакого напряжения не было. Низенький адвокат просиял улыбкой при виде Луизы.

– Мадемуазель, вы дали мне очень легкое поручение. Господина, который вас интересуется, зовут месье Марк Бланшар. – Он кратко описал ей семью, Жерара, Марка и Мари, универмаг «Жозефина» и дом в Фонтенбло. – Что интересно, магазином сейчас управляет сестра Марка, Мари, которая в свое время вышла замуж за англичанина Фокса. Марк был художником. Его работы считались талантливыми, но не выдающимися.

– Благодарю, месье. Это именно то, что я хотела узнать.

– Если это семейство имело непосредственные отношения с вашей матерью, то первыми приходят на ум два варианта. Она либо работала в

их доме прислужгой, либо позировала Марку как художнику.

Луиза еще раз поблагодарила его, забрала небольшое досье, подготовленное адвокатом, и пошла домой обо всем подумать.

На следующий день она отправилась в «Жозефину». После того как она упомянула свою работу у Шанель, ей легко было завязать разговор с одной из молодых продавщиц универмага, и та скоро показала ей и Мари, и Клэр. Луиза смогла хорошо рассмотреть обеих.

Через два дня она поехала на поезде в Фонтенбло. Найдя дом по адресу, который дал ей месье Шабер, девушка вошла во двор, поднялась по ступеням к парадному входу и позвонила. Дверь открыла служанка. Луиза спросила, можно ли поговорить с месье Бланшаром.

– Меня зовут Луиза Шарль, – добавила она, назвав первую пришедшую на ум фамилию.

Через пару минут гостью провели в комнату, где ее с несколько озадаченным видом приветствовал престарелый хозяин.

Луиза заранее подготовила простую историю. Ее отец, ушедший на покой и переехавший на юг страны, когда-то дружил с человеком по имени Жерар Бланшар, чья семья происходила из Фонтенбло. Когда отец узнал, что она собирается в этот городок, то попросил навести справки о судьбе его дорогого друга.

– Мадемуазель, – сказал старик, – мне жаль огорчать вашего отца, но мой сын умер во время войны. Но его вдова живет в Париже, и там же вы можете найти его брата и сестру.

Луиза подчеркнула, что отец говорил ей только о Жераре, но тем не менее взяла адрес вдовы, который любезно записал для нее старый хозяин дома. Она отказалась от предложенного угощения и мило поблагодарила старика за его доброту.

Оказавшись на улице, она прошла до крошечной площади перед местной церковью и села там на скамейку.

Кажется, она только что познакомилась со своим дедом. Старик ей понравился. Луиза надеялась, что и она ему тоже.

Ах, если бы она встретила Марка при других обстоятельствах, если бы она все еще оставалась тем человеком, каким была до того, как Люк привел ее к нынешней жизни! Тогда она могла бы вернуться и поведать славному старику свою настоящую историю. Она постаралась бы убедить его, что вовсе не собирается чинить неприятности, и тогда,

может, он согласился бы открыть ей, кто же она такая на самом деле. А может, и сказал бы доброе слово.

Но это невозможно. Уже нет.

По крайней мере, утешала себя Луиза, теперь я почти не сомневаюсь в том, что увидела своего родного дедушку и поняла, что он за человек.

Итак, она знает семью Бланшар. Что делать дальше?

Галерея находилась на улице Тэбу, всего в нескольких минутах ходьбы от ее квартиры. Она уже посетила ряд лучших – галереи Воллара, Канвейлера и Дюран-Рюэля. Ее поиски оказались приятным и познавательным делом. Во всех галереях знали о том, кто такой Марк Бланшар, но только ассистент у Дюран-Рюэля был в курсе, где можно посмотреть его картины.

– Это маленькая галерея и совсем новая, называется «Галерея Жакоб».

Да, она действительно была маленькой, а месье Жакоб оказался молодым человеком, чуть выше ее, хрупкого сложения.

– Мой дедушка владеет антикварным магазином, отец помогает ему, а я хотел заняться чем-то иным, – объяснил он. – Я счастлив слышать, что вас интересует творчество Марка Бланшара. Он очень помог мне, когда я открывал галерею, и я представляю его. Если вы подождете немного, я принесу несколько полотен.

Они довольно долго рассматривали картины. Хотя Луиза не очень разбиралась в искусстве, ей показалось, что написаны они хорошо. Среди них было несколько портретов, и она сказала месье Жакобу, что хотела бы увидеть и другие портреты, если есть. Всего их оказалось около десятка.

– Известно, кто все эти девушки? – спросила Луиза.

– Обычно это модели или знакомые художника. Чаще всего они остаются на картинах безымянными. Портреты, написанные на заказ, редко покидают частные коллекции, хотя к ним существуют наброски. Часть работ Бланшар хранит у себя. Я могу спросить у него. Вы бы хотели с ним познакомиться?

– Нет, – сказала она, – в этом нет необходимости.

Одна картина ее особенно заинтриговала. Это был портрет с обнаженной натуры. Молодая женщина с очень красивым телом и

узким лицом. Луиза подумала, что девушка немного похожа на нее.

Неужели она смотрит на свою мать?

– И опять, – сказал Жакоб, – имени нет.

– Я бы хотела прийти еще раз, чтобы взглянуть на некоторые из портретов, – сказала Луиза. – Если вы сумеете разузнать имена кого-нибудь из моделей, я была бы очень признательна. – Она улыбнулась. – Картина будет подарком для моего мужа, а ему нравится знать, кого он видит.

– Могу ли я узнать ваше имя, мадам? – спросил Жакоб.

Она открыла сумочку, словно собираясь достать визитную карточку, и нахмурилась:

– Ой, я забыла свои визитки дома. Я – мадам Луиза. Через две или три недели я загляну к вам снова.

Луиза очень хотела знать, не зовут ли одну из моделей Коринна.

Записка от Роланда де Синя, пришедшая в начале октября, была трогательной и полной извинений. В августе, пока они находились в замке, его сын заболел – да так тяжело, что в какой-то момент доктор опасался за его жизнь. Однако теперь все хорошо, и отец с сыном вернулись в Париж, где мальчику предстояло окончательно выздороветь.

Через несколько дней раздался телефонный звонок. Де Синь интересовался, не захочет ли она послушать оперу. Так сложилось, что в предложенный им вечер Мари была занята, но, не желая огорчать его после переживаний из-за здоровья сына, сделала встречное предложение.

– На днях я познакомилась с управляющим Мануфактурой гобеленов, и он пригласил меня осмотреть фабрику – в последний понедельник октября, с утра. Как вы думаете, вам с сыном было бы интересно пойти со мной туда?

Это приглашение было принято сразу же.

Почему так вышло, будет спрашивать себя Мари на склоне жизни, что из всех многочисленных бесед, которые случалось ей вести на протяжении двух бурных десятилетий, о предназначении или даже о выживании мира в том виде, в каком она его знала, самым памятным стал короткий и совершенно случайный разговор с подростком?

Мануфактура гобеленов находилась в Тринадцатом округе, примерно в километре к югу от Ботанического сада. Управляющий провел для них увлекательную экскурсию, охватившую несколько производственных корпусов.

– Как видите, мы вернулись к ковроткачеству, которым занимались еще во времена Людовика Четырнадцатого, – сказал он и показал молодому Шарлю де Синю, где расположены станки. – Некоторые из этих зданий были построены в семнадцатом веке. Сначала они были установлены на маленькой речке Бьевр, которая впадает в Сену около острова Сите. Это нужно было, чтобы при необходимости воспользоваться силой воды. А вы знаете, что еще здесь производили?

– В какой-то период вы изготавливали мебель, – сказал Роланд.

– Да, месье, это верно. А еще мы делали статуи. – Он подвел их к другому зданию. – Вот тут была литейная мастерская. Большинство бронзовых статуй в парке Версаля были отлиты именно здесь.

– Фабрика так и работала все это время безостановочно? – спросил юный Шарль де Синь.

– Почти. Как вы, может быть, знаете, войны короля-солнца стоили так дорого, что раз или два у него заканчивались деньги. Нам пришлось ненадолго закрыться в самом конце семнадцатого века, потом, после революции, еще примерно на десятилетие. А потом, к несчастью, в дни Коммуны, в тысяча восемьсот семьдесят первом году, коммунары сожгли часть мануфактуры, и из-за этого некоторые виды работ на время остановились.

Было ясно, что управляющий не испытывает теплых чувств к коммунарам. Он глянул на де Синя, очевидно полагая, что аристократ также выразит свою неприязнь к ним. Однако Роланд ничего не сказал.

Посещение мануфактуры всем понравилось. Когда они покинули ее, время уже близилось к обеду, и Роланд спросил, не хочет ли Мари подкрепиться.

– А что, если мы зайдем в бистро? – предложила она.

Четырнадцатилетний Шарль де Синь был симпатичным застенчивым подростком, очень походившим на отца. Его манеры отличались любезностью, которой можно было научиться только у аристократа и офицера вроде Роланда де Синя.

А еще ей показалось, что он абсолютно здоров и готов вернуться к учебе. Однако в облике его отца все еще видны были следы тревожных

недель. Он похудел. Мари охватила по-матерински острая жалость к нему и желание как следует накормить.

– Вы ведь возьмете бифштекс, как и я? – спросила она, хотя сама предпочла бы салат.

И когда он доел мясо, она убедила его заказать клубничный пирог со взбитыми сливками. Юного Шарля, разумеется, не нужно было уговаривать поесть.

Они ели не торопясь, беседуя обо всем и ни о чем конкретно, но не забывая расспросить Шарля о том, что ему понравилось на Мануфактуре гобеленов, и всячески вовлекать его в застольную беседу.

Когда взрослые приступили к кофе, Роланд спросил, не будет ли Мари возражать, если он закурит сигару. К ее большому удивлению, вместо элегантной зажигалки он вытащил из кармана странный предмет, сделанный из гильзы.

– Я всегда ношу ее с собой, – сказал с улыбкой виконт. – Она приносит мне удачу.

Вот тогда Шарль задал свой вопрос:

– Тот человек с мануфактуры сказал, что коммунары сожгли часть зданий. Это случилось не так давно. Как вы думаете, может ли что-то такое случиться в наше время?

Мари и Роланд переглянулись.

– Да, – ответил мальчику отец.

– Не знаю, слышал ли ты об этом, Шарль, – сказала Мари, – но на прошлых выходных видный деятель коммунистической России Зиновьев написал письмо одному из лидеров британских лейбористов. В нем он призывал объединить усилия по подготовке мировой революции. Вот чего они хотят. – Она твердо сжала губы. – Вся Европа переполошилась. Через два дня в Британии начнутся выборы, и это письмо может вернуть консерваторов к власти.

– В сегодняшней газете пишут, что Зиновьев назвал письмо фальшивкой, – добавил Роланд.

– Ничего другого он и не мог сказать.

– Это верно.

– А у нас в стране много людей, которые хотят, чтобы во Франции тоже произошла коммунистическая революция, как в России? – спросил Шарль.

– Конечно, – кивнул Роланд. – Если это случится, то нас обоих убьют, сынок. Боюсь, и мадам Фокс тоже.

– Ты знаешь таких людей, отец?

– Да, я знаю таких людей. – Роланд взял самодельную зажигалку и повертел ее в руках с задумчивым видом. – И их предостаточно.

– В школе говорят, что за революционным движением стоят евреи, – продолжал расспросы Шарль. – Вы считаете, это правда?

– Не кто иной, как сам великий лорд Керзон, министр иностранных дел Британии, только что произнес речь о письме Зиновьева, – сказала Мари. – В этой речи он напоминает нам, что среди большевистских руководителей много евреев. То есть лорд Керзон, похоже, видит связь. – Она развела руками. – Должно быть, он более осведомлен, чем мы. У меня есть знакомый, он еврей, но я уверена, что он не революционер.

Мари не ожидала, что виконт захочет продолжить тему.

– Сам Ленин, разумеется, вовсе не еврей. Более того, с формальной точки зрения он является русским дворянином. К изумлению слушателей, он произносил свои революционные речи интеллигентным и аристократическим языком. – Ирония этого факта заставила Роланда улыбнуться. – Но ты должен быть очень осмотрителен, мой сын. Скорее всего, твои школьные друзья говорят так, потому что слышали о знаменитых «Протоколах сионских мудрецов» – документе, в котором описывается план евреев по захвату власти над всем миром. Но Протоколы – мистификация. Теперь мы точно это знаем.

– Однако многие все еще верят, что этот документ подлинный, особенно американцы, – вставила Мари.

– Да, мадам. Но частично это объясняется тем, что в Протоколы верит Генри Форд, производитель автомобилей, и убеждает весь свет, что они настоящие. Но все равно никаких Протоколов не было. – Роланд сделал паузу. – К этому вопросу у меня особое отношение, потому что, как вы можете припомнить, мадам, в молодости я сам был убежден в вине Дрейфуса. Я считал его предателем только потому, что он был евреем.

– Так же считала и половина Франции.

– Меня это не извиняет. Теперь абсолютно достоверно установлено, что он был невиновен.

– Так ты не думаешь, что это евреи готовят революцию? – Его сыну хотелось ясности.

– В революционном движении много евреев, особенно в Германии и Восточной Европе. Также кажется вероятным, что по причине исторически обусловленной подвижности евреев в мире возникла и существует разветвленная сеть еврейских родственных связей, которая эффективно распространяет идеи международной революции. Так думают многие, но я не знаю, насколько близки к истине все эти теории. Ведь существует масса революционеров, которые не являются евреями. Точно так же множество евреев не являются революционерами. Ты должен составлять мнение, основываясь на фактах, а не на слухах и предрассудках, мой сын.

– И все же ты считаешь, что революция из России может распространиться на весь мир, да?

– Такая опасность есть.

– Что же нам делать, папа?

– Посмотрим. Революционеры беспощадны. Возможно, демократии свободного мира достаточно сильны, чтобы защитить себя от них. Но возможно, демократам придется перенять некоторые методы революционеров, чтобы суметь противостоять им. Чтобы победить их в их же игре.

– И какая организация, по-вашему, могла бы бороться с ними? – спросила Мари.

– Пока не уверен. Может, какой-то новый орден, вроде древних крестоносцев. Может, армия и правительства. В любом случае нам прежде всего нужны сильные лидеры, а их сейчас нет.

– Все это немного пугает.

– Бояться нечего, пока в стране есть хорошие люди, такие как вы, мадам, и, надеюсь, как я. – Де Синь улыбнулся. – Они удержат всех от безумия.

– А ты что думаешь, Шарль? – спросила Мари.

– Я готов сражаться. Папа говорит, что это может понадобиться.

– И с кем ты будешь сражаться?

– Наверное, с коммунистами, мадам.

Вот так закончился разговор. Де Сيني вернулись домой, а Мари пошла через реку в «Жозефину». Но она не забыла о нем. Вроде бы ничего особенного не было сказано. Любой консерватор и даже кое-кто

из либералов как во Франции, так и в Британии мог бы выразить примерно такие же идеи, да и Мари в то время тоже находила их само собой разумеющимися.

Прибытие мистера Фрэнка Хэдли-старшего в конце октября отметили большим семейным сборищем в квартире Марка. Пришли все Бланшары, за исключением стариков, но Марк собирался свозить обоих Хэдли в Фонтенбло на обед на следующей неделе.

Марк пригласил и Роланда де Синя, и тот сказал, что будет очень рад снова встретиться с американцем после стольких лет, и спросил, можно ли привести с собой сына. Также присутствовали несколько историков искусства и галеристов, включая молодого Жакоба, то есть все те, кого Хэдли было бы приятно и интересно увидеть.

Когда Мари вошла в комнату, он стоял рядом с сыном и беседовал с Жакобом. И сразу же узнал ее и улыбнулся. Она двинулась к нему, чтобы поздороваться.

Но теперь Мари была готова к встрече. Она заранее настраивалась и даже попросила Фрэнка-младшего показать ей фотографию отца. Она знала, что на его щеках пролегло несколько морщин, а от уголков глаз разбегались «гусиные лапки», на протяжении четверти века выгравированные внимательным и улыбчивым преподавательским прищуром. Также она знала, что он высок и атлетичен, как раньше, потому что регулярные упражнения поддерживали его мышцы в тонусе и сохранили фигуру. А еще Мари было известно, что его виски посеребрила седина. Но черно-белая фотография не передавала ни здоровой молодости его кожи, ни блеска густых волос. И потому как ни готовилась Мари, как ни репетировала слова приветствия, как ни контролировала свои чувства, все же у нее перехватило дыхание, когда их глаза встретились.

Они поздоровались и обменялись обычными после долгой разлуки вопросами. К ним подошел Роланд де Синь и присоединился к беседе.

– Так жалко, что ваша жена не смогла приехать с вами, – сказала Мари.

– Да, я тоже огорчился. Дело в том, что недавно ее сестра похоронила мужа, поэтому моя жена должна была поехать к ней. И к тому же она не очень любит дальние путешествия.

– Она ненавидит море, – вставил Фрэнк-младший. – И ни разу не плавала с нами под парусом.

– А где вы остановились? – спросил Роланд.

– Я намерен провести здесь примерно месяц, чтобы повидать все старые любимые места. При таком раскладе гостиница дороговата, и вместо этого я снял квартиру в Восьмом округе с видом на парк Монсо и приходящей прислугой. Меня это устраивает наилучшим образом.

– Если позволите, я бы хотел дать в вашу честь прием, – сказал Роланд де Синь.

– Буду польщен.

– Вы больше не преподаете, раз сумели уехать так надолго? – спросила Мари.

– Я еще не скоро захочу на пенсию, – ответил Хэдли. – А сейчас взял отпуск для научной работы, так как пишу небольшую монографию об импрессионистах в Лондоне. – Он улыбнулся. – Вы знали, что Моне писал все эти пейзажи с Темзой и лондонским туманом, живя в отеле «Савой»? Он рисовал то, что видел из окна своего номера. И провел там несколько недель. Вот вам и нуждающийся художник!

– Надеюсь, проживание в «Савое» стало частью ваших исследований, – сказал де Синь.

– Так и было, – весело подтвердил Хэдли.

Он по-прежнему прекрасно говорил по-французски. Мари глянула на Фрэнка-младшего, наблюдающего за маленькой группой молодых гостей, среди которых была и Клэр, и подумала, что он, должно быть, очень гордится своим замечательным отцом.

Следующие десять дней были заполнены событиями. Марк вместе с Мари и Клэр водил обоих Хэдли на Монпарнас, где начали с выпивки в баре «Динго», облюбованном англоговорящими гостями Парижа, и закончили долгим ужином в ресторане «Куполь». Отец и сын Хэдли совершили продолжительную экскурсию от Лувра к Нотр-Даму и, проголодавшись, поели в бистро в Латинском квартале. Мари хотела пойти с ними, но была слишком занята в универмаге. Однако прием, который Роланд де Синь давал у себя в доме в честь Хэдли, она не пропустила.

Вечер прошел успешно. Виконт пригласил двоих Хэдли, французского дипломата с женой, которые недавно провели несколько

лет в Вашингтоне, а также их дочь – ровесницу младшего Хэдли. Также среди гостей была богатая американская леди, проживающая в просторной квартире на улице Риволи, и дочь французского графа, чья семья владела коллекцией живописи. Девушке было всего семнадцать лет, и позвали ее, по-видимому, в качестве компании для юного Шарля, которому позволили присоединиться к взрослому застолью.

Мари с интересом наблюдала за гостями. Когда подали аперитивы, Роланд представил приглашенных друг другу с непринужденной учтивостью, после чего все без труда нашли темы для беседы. Дипломат и его жена были опытными игроками на светской сцене, но и Хэдли показал, что он не новичок в высшем обществе, а вскоре выяснилось, что у него и богатой американки есть общие знакомые.

Стол был накрыт на десятерых, и Роланд попросил Мари взять на себя обязанности хозяйки. Хэдли, как виновник торжества, был усажен по правую руку от нее, а по левую – французский дипломат. Разговор тек без заминок. В средней части стола юный Шарль де Синь, несмотря на строгость воспитания, с нескрываемым восторгом взирал на сидящую рядом с ним знатную девушку, которая оказалась хороша собой. Мари обратила на это внимание, как и Роланд. Переглянувшись, они обменялись понимающими улыбками.

Только очень узкий круг людей в Париже мог бы дать аристократический прием подобного уровня и класса. Обстановка, фамильное серебро и фарфор, лакеи за каждым стулом – конечно, нанятые на вечер, но очень уместные в таком доме, – изысканная еда и отменное вино. У Мари мелькнула мысль, что Роланд посадил ее во главе стола напротив себя с целью показать, что будет предложено его будущей жене. Что же, может, так оно и было.

Ну а пока рядом с ней сидел невообразимо обаятельный Хэдли, и Мари знала, что и сама в этот вечер выглядит наилучшим образом. Она поняла, что если собирается намекнуть мистеру Хэдли-старшему о своих чувствах (эта мысль заставила ее вздрогнуть от предвкушения), то для этого будет прекрасная возможность. Разумеется, если она сумеет сделать это незаметно для его сына, своей дочери и Роланда де Синя.

Но как? Вести приятную застольную беседу с ним было проще простого. За прошедшие четверть века Хэдли приобрел богатый запас разнообразных историй, и это превратило его в идеального соседа по

обеденному столу. Мари смотрела в его дружелюбные глаза, желая увидеть в них доказательство того, что он считает ее привлекательной. Ничего определенного она, правда, не находила. Зато он был сражен, когда узнал, что Мари управляет магазином.

– После войны, – сказал он, – множество горожанок в Америке стали работать. Но управлять им пока не позволяют. Неужели во Франции теперь иначе?

– Кажется, такое случается только в семейных компаниях, – сказала она. – Но я занялась этим не по принуждению и должна сказать, что мне очень нравится эта работа.

Он попытался разобраться во всех нюансах того, как она управляет «Жозефиной», и Мари показалось, что ее ответы производят на него большое впечатление.

– Я не знаю другой такой женщины, как вы! – воскликнул он, и она видела, что он действительно так считает.

Хорошо, подумала Мари. Она заинтриговала его. Неплохо для начала.

Она задала ему один-два невинных вопроса о его жене, которая не любила путешествовать. Однако получила столь же невинные ответы. Миссис Хэдли – хорошая супруга и хорошая мать. Увлекается теннисом. Искусно составляет букеты. Подобные сведения могли относиться к любой жене, и сообщались они ровным тоном, без тех ноток, которые умеет использовать мужчина, дабы намекнуть, что его половина наскучила ему. Мари подозревала, что, даже если Хэдли не получает от семейной жизни полного удовлетворения, он об этом никогда не расскажет. Но это совсем не то, что ей сейчас было нужно.

Мари напомнила ему об их давнишней поездке в Живерни, и он с удовольствием подхватил эту тему. Она уловила особое сияние в его глазах, когда он говорил о том летнем дне, но была ли причиной того сияния она сама или сад, сказать было трудно.

Потом она узнала, что он проведет в Париже еще три недели, а затем на пароходе отправится обратно в Америку. Значит, если она хочет провести с мистером Хэдли какое-то время, пока он в городе, то нужно поторопиться.

– Не хотите ли зайти в наш универмаг? – вдруг предложила она.

Раз больше всего Хэдли заинтересовался тем, что Мари самостоятельно ведет бизнес, то это и должно стать основой для их

дальнейших встреч. Пока она будет водить его по кабинетам и складам, им предоставится масса удобных случаев для сближения.

– Да, – ответил он. – Если мой визит не доставит вам хлопот, то я с удовольствием заглянул бы туда.

– Тогда позвоните завтра утром. Мне нужно будет уточнить мой график, и мы сумеем назначить удобное время.

Мари была весьма довольна собой. Она не знала наверняка, разгадал ли он ее замысел и осознанно ли пошел ей навстречу. Это не так уж важно. Главное – остаться с ним наедине.

Подали основное блюдо. С очаровательной улыбкой Мари повернулась влево, чтобы поговорить с дипломатом.

Наутро она дождалась удобного случая, чтобы спросить у Клэр, планирует ли та встречи с молодым Фрэнком на ближайшей неделе, и узнала, что на следующий день дочь ведет его на показ мод дома Шанель.

– Это всего лишь маленькая демонстрация для постоянных покупателей, но он никогда еще не бывал на подобных мероприятиях.

Прекрасно. Если Хэдли-младший будет занят с Клэр, то Хэдли-старший окажется в ее единоличном распоряжении.

– Желаю вам хорошо провести время. – Мари улыбнулась дочери.

Она была очень удивлена и раздосадована, когда часом позже вместо звонка от мистера Хэдли ей пришлось удовольствоваться визитом брата.

– Мне только что звонил Хэдли. Он спрашивает, можем ли мы – только ты и я – встретиться с ним для конфиденциальной беседы. Если нам удобно, он просит нас прийти к нему. Это недалеко.

– Конечно, почему бы и нет. Когда?

– Завтра после обеда.

Квартира находилась на третьем этаже большого, роскошно украшенного здания. В ней имелась красивая гостиная, окна которой выходили прямо на тенистые, ухоженные дорожки парка Монсо. Обставлена она была богато: толстые ковры, позолоченная отделка, мебель эпохи Людовика XIV. Так любили обставлять свои жилища крупные банкиры конца XIX века. Скорее всего, этот стиль не совсем

соответствовал вкусам Хэдли, но ему должно быть интересно пожить в таком месте.

Усадив Мари и Марка, он сразу заговорил о том, ради чего их пригласил.

– Мы знаем друг друга достаточно, чтобы быть откровенными. Поэтому я хочу спросить вас обоих: что нам делать с моим сыном и Клэр?

Мари выпрямилась в кресле и посмотрела на Марка. Тот сохранял свойственную ему невозмутимость.

– Вы предполагаете, что они...

– Нет. Мой сын заверил меня, что нет, и я верю ему. Но он влюблен в нее.

– Достаточно ли было у них времени, чтобы серьезно полюбить? – спросил Марк.

– Не знаю. Но Фрэнк встретил меня словами о том, что он очень рад моему приезду, так как хочет познакомить меня с девушкой, на которой намерен жениться.

– Я против, – сказала Мари.

– Почему? – спросил Марк.

– Потому что я не думаю, что Фрэнк захочет провести во Франции остаток жизни, и не думаю, что Клэр сможет поехать в Америку.

– Ты никогда не бывала в Америке, – заметил Марк. – Кстати, а тебе Клэр ничего не говорила об этом? – спросил он ее.

– Нет, не говорила.

– Странно, – произнес Хэдли.

– Молодые вообще очень странные, – сердито заявила Мари. – Я их не понимаю.

– Меня удивляет, что ни один из вас не поднял вопрос религии, – сказал Хэдли. – Мой сын не католик.

Марк пожал плечами: ему было все равно.

– Судьба Клэр сложилась не совсем обычно, – объяснила Мари. – Можно сказать, что она и католичка, и протестантка. – И она рассказала о договоренности, существовавшей между Джеймсом Фоксом и ее отцом.

– Об этом я не знал, – сказал Хэдли.

– Нужно еще помнить о том, что Клэр росла и воспитывалась в Англии, а не во Франции, – добавил Марк. – Культура Америки ближе к

английской, чем к французской. – Он вопросительно посмотрел на Хэдли. – Ты не поделился своим мнением.

– У меня его пока нет. Но я знаю вашу семью.

– Даже слишком хорошо, – вставил Марк.

– Также у меня был шанс немного познакомиться с Клэр, и она мне очень понравилась.

– Твой сын тоже славный юноша, – сказал Марк. – Ни один из нас не может сказать о нем ничего дурного.

– Вы можете им гордиться, – согласно кивнула Мари.

– Мой вопрос состоит вот в чем. Если мой сын захочет сделать предложение и если Клэр захочет принять его, о чем мы с вами пока не знаем, что нам тогда делать? Надо ли запретить им жениться?

Марк дал понять, что его этот вопрос не волнует. Мари молчала.

– Знайте, – негромко сказал ей Хэдли, – что я могу положить этому конец. Я могу завтра же посадить сына на корабль, отплывающий в Америку, если потребуется.

– Вы же понимаете, что если они поженятся, то ваш сын, скорее всего, увезет мое единственное дитя за океан, за пять тысяч километров, и я никогда не увижу ни ее, ни своих внуков. И я даже не упоминаю о том, что она нужна мне в магазине.

– Тогда, вероятно, мне пора действовать, – сказал Хэдли.

Мари вздохнула.

– Пусть она сама решает, – несчастным голосом проговорила она.

Последующие несколько дней для Мари стали трудными. Оказалось, что целых три месяца она была как будто околдована. Потрясение от первой встречи с Фрэнком Хэдли-младшим, ее чувства к нему, потом восторг от новости о скором приезде его отца ослепили ее, лишили возможности видеть холодную, мрачную реальность: если ее дочь полюбит молодого Фрэнка, то он навсегда заберет у нее Клэр и она на всю жизнь останется в полном одиночестве. И когда Мари думала об этом, то проклинала молодого человека за то, что он появился в их жизни.

После разговора в квартире с видом на парк Монсо она спросила у Клэр, как та относится к молодому Фрэнку. Клэр оторвала взгляд от страницы журнала и сказала, что он довольно приятный человек. Она явно уклонялась от ответа.

– Ну тогда постарайся не отдавать ему своего сердца, если только не хочешь оказаться оторванной от всего, что любишь, в чужой стране Америке, откуда все американцы сами мечтают поскорее уехать, – сказала Мари как будто в шутку, но они обе знали, что она не шутит.

– Хм, я бы с удовольствием посмотрела Нью-Йорк, – откликнулась Клэр, а потом снова углубилась в журнал.

Мари хотела продолжить разговор, но поняла, что ничего хорошего из этого не выйдет, и в который раз обругала себя за ту сцену в саду в Фонтенбло, которая навсегда осложнила ее отношения с дочерью.

Как ей нужно было, чтобы ее кто-нибудь утешил! Но от Марка настоящей поддержки не добиться, а делиться своими мыслями с де Синем она не могла. Хэдли же так и не позвонил.

Три дня спустя Мари сама отправилась к Хэдли на квартиру. Она совсем не собиралась этого делать. Все получилось само собой, незапланированно.

За обедом она встречалась с дизайнером, у которого была маленькая студия на улице Шазель, то есть совсем рядом с парком Монсо. Когда она вышла из кафе, то увидела, что ноябрьский день, вопреки сезону, распогодился и даже выглянуло зимнее солнце. Мари решила пройти через парк, где часто гуляла в детстве, и вернуться в контору по бульвару Османа.

И тогда ей стало ясно, что до квартиры Хэдли рукой подать. Мари сделала небольшой крюк, чтобы позвонить в парадное и узнать, не хочет ли он прогуляться вместе с ней. Он был дома и сразу спустился.

Небольшой парк всегда отличался ухоженностью и красотой плавно изгибающихся дорожек. На газонах и под деревьями белели со вкусом расставленные статуи. По утрам там гуляли няни с колясками и играли дети богачей, но сейчас в парке было малоллюдно. На многих деревьях еще сохранилась золотистая листва.

– Я рад, что вы зашли за мной, – сказал Фрэнк. – Я и сам собирался звонить вам. Мне не сразу стало понятно, каким ударом мог бы оказаться для вас брак наших детей, ведь вы лишились бы дочери, а потом я не знал, что могу сделать для вас.

– Мне будет очень-очень одиноко. Но... это же ее жизнь, а не моя.

Он предложил ей руку. Мари оперлась на нее. Несколько минут они шагали молча.

– Нашим семьям уже доводилось вместе проходить через испытания, – сказал Фрэнк.

– Какие же?

– Я имею в виду время, когда у Марка возникли неприятности с той девушкой, которая забеременела...

– Ее малышку удочерила почтенная семья в Англии, так что с ней все в порядке. Думаю, сейчас она сама уже замужняя англичанка. Это один из тех эпизодов прошлого, которые можно с чистой совестью считать закрытыми. А ведь имя той девушки так и осталось для меня неизвестным. – Мари вздохнула. – Мы столько всего не знаем. – После еще нескольких минут молчания Мари спросила: – Кстати, о прошлом... Вы знали, что я была влюблена в вас тогда?

Он ответил не сразу. Вопрос был неожиданным для него.

– Мне казалось, что немного нравлюсь вам.

– Я испытывала к вам гораздо более сильное чувство.

– Вот как.

– Вам неприятно это слышать? – Мари повернулась, чтобы заглянуть ему в глаза.

– Нет. Я польщен. – Фрэнк замедлил шаг. – Вероятно, вы не знаете, что я уехал тогда из-за Жерара.

– Почему?

– Он поговорил со мной. Сказал, что я нежелателен для вас как жених. И религия не та, и Америка слишком далеко, и семья не захочет терять дочь. Жерар вел себя безукоризненно вежливо. Я не испытывал к нему особой симпатии, но он не обвинял меня, будто я соблазнил вас или в чем-то еще, хотя именно он застал нас в гроте в Бют-Шомон, если помните.

– Жерар...

Мари никак не могла прийти в себя от потрясения. Жерар. Да он предавал ее с тех пор, как они были детьми. Она чуть не выкрикнула: «Чтоб ты вечно горел в аду!» – но сдержалась, только застыла посреди дорожки и уставилась невидящим взглядом в землю. Хэдли одной рукой приобнял ее, желая утешить, и так они замерли на пару минут. Потом Мари глубоко вздохнула и двинулась дальше. Когда Хэдли снова предложил ей свой локоть, она взяла его под руку, а потом прижалась головой к его плечу.

– Знаете, – проговорила она, – у меня навсегда сохранилось ощущение, что я упустила тогда свою судьбу. И если Клэр захочет уехать с Фрэнком в Америку, возражать я не стану. Не хочу, чтобы и она сожалела о том, что не сбылось.

– Простите, что причинил вам горе, – тихо произнес Хэдли. – Не знаю, готов ли я был тогда сделать предложение. Но такой ход событий был вероятен.

– Как мило, что вы это говорите.

– Это правда, – просто сказал он.

К этому времени они оказались в восточном углу парка, где был небольшой пруд, окаймленный с одной стороны прелестной римской колоннадой. Это было самое романтическое место в парке.

Мари выпрямилась и обернулась к своему спутнику.

– А знаете что, – сказала она с улыбкой, – мы ведь еще можем наверстать упущенное. Пока вы в Париже.

Он посмотрел на нее:

– Вы предлагаете, чтобы мы...

– Всегда приятно завершить неоконченную историю.

– О да.

Хэдли произнес эту короткую фразу так, что у Мари не осталось сомнений: идея не была лишена для него притягательности. Это было уже кое-что.

– Я женат.

– Вы в Париже. Никто не узнает.

– Это нужно обдумать.

– Иногда люди думают слишком много.

– А иногда слишком мало. И как тогда быть с моим сыном и вашей дочерью? Что, если они решат пожениться?

– Хорошо, когда такие вещи не выходят за пределы семьи. – Она пожала плечами.

– Так может сказать только француз.

– Но мы же во Франции.

– Мари, клянусь Богом, я бы хотел этого. – Он вздохнул и покачал головой. – Но не могу.

– Дайте мне знать, если передумаете, – попросила она.

Но он не передумал.

В мае 1925 года в Фонтенбло мистер Фрэнк Хэдли-младший и мадемуазель Клэр Фокс связали себя узами брака. На свадьбу из-за Атлантики прибыл отец жениха. Он мог задержаться лишь на несколько дней. Но все прошло отлично.

Через неделю Мари нанес визит ее друг виконт де Синь – нарядный и красивый в светло-сером костюме с цветком в петлице.

Он предложил ей руку и сердце. Прежде чем дать ответ, она попросила немного времени на раздумье.

Глава 23

1936 год

Сыновья всегда умнее отцов. Макс Ле Сур, глядя на своего отца, Жака, испытывал озабоченность. Максу не было еще и тридцати, а его отцу перевалило за семьдесят. Но по-прежнему оставались вещи, которых Жак никак не мог понять.

И Макс взвешивал: говорить или не говорить?

Середина рабочего дня в июне того рокового года.

Спортсмены всего мира уже начали съезжаться в Берлин на предстоящие Олимпийские игры. К тому времени в Германии установился нацистский режим. Россия отказалась участвовать, но другие страны, несмотря на отдельные протесты, послали свои команды.

В Испании победа Народного фронта, составленного из левых партий, привела старые консервативные силы в ярость. С наступлением лета отношения между левыми и правыми стали такими напряженными, что в воздухе запахло грозой.

А во Франции...

В обычный день на Елисейских Полях гудели бы машины, на широких тротуарах под невысокими деревьями толпились бы люди. Но сегодня там почти не было ни транспорта, ни пешеходов – стояла пугающая тишина. Они посмотрели в сторону Лувра вдалеке. Казалось, весь Париж то ли притих, то ли вымер. Жак Ле Сур обернулся к сыну.

– Я уж и не надеялся, что доживу до этого, – признался он.

Однажды уже выдался момент, когда он подумал: вот оно, началось. Это было во время войны, когда в армии вспыхнули мятежи. Но оказалось, что Жак поспешил с выводами. Франция еще не была готова.

А вот Россия созрела. Российская революция состоялась и победила. Жак Ле Сур считал, что она неизбежно распространится

повсюду, ведь теперь перед Европой имелся такой убедительный пример. Вопрос состоял только в том, кто следующий.

К середине двадцатых годов все взгляды были направлены на Британию. Хоть колыбелью революции являлась Франция, Британия вполне могла стать продолжателем. Разве не она породила капитализм, имперский колониализм и эксплуатацию? Разве не в Лондоне Карл Маркс написал «Das Kapital»?

Письмо Зиновьева, подлинное или фальшивое, в 1924 году напугало британский средний класс настолько, что он выбрал консервативное правительство, но лейбористы и профсоюзы готовы были доказать свою силу. И в 1926 году произошла крупнейшая всеобщая стачка, вся страна замерла на целую неделю.

Не начало ли это революции? Вся Европа ждала затаив дыхание. Если могущественная Британская империя не сможет устоять под напором рабочего класса, то и всему остальному капиталистическому миру не выжить.

Но вновь флегматичные британцы продемонстрировали равнодушие к новым идеям, свою извечную способность довольствоваться малым и поступаться принципами. Вмешались британские буржуа: сели за руль автобусов, поддержали работу жизненно важных служб. Поезда повели студенты, отставные офицеры и даже работники умственного труда. И все сошло на нет.

Жак слышал о том, как противостоящие отряды забастовщиков и британской полиции организовали между собой футбольный матч. Он вздыхал каждый раз, когда думал об этом. Ну чего можно добиться с такими людьми?

После этого лет десять Франция плыла по течению. Со слабым франком, который был выгоден британским и американским туристам, но подстегивал инфляцию внутри страны, у власти чудом удерживались столь же слабые либеральные правительства Третьей республики, которым по-прежнему противостояли старая гвардия монархистов, консервативные католики и военные. Когда Великая американская депрессия достигла Европы, во Франции началась безработица, упал уровень доходов.

Однако Жак Ле Сур знал, чем занять время. Бесконечные и неустанные кампании Социалистической партии, написание памфлетов, распространение литературы, беседы с деятелями профсоюзного

движения, визиты на маленькие предприятия и большие заводы – вот что составляло его жизнь.

– Когда придет новая революция, – говаривал он сыну, – Париж будет играть ключевую роль. Не только потому, что он политический и духовный центр Франции, но и благодаря здешним рабочим. Во времена моей молодости все производство в городе сводилось к мастерским и мелким фабрикам. Но теперь возникли огромные заводы – автомобилестроительные и многие другие. Ничего подобного раньше просто не существовало.

Уже не раз он водил Макса в пригород Булонь-Бийанкур, который лежал к югу от Булонского леса и омывался водами Сены, делающей в том месте огромную петлю. Именно там расположился завод «Рено».

– Вот эти рабочие, – говорил он сыну, минуя проходную, – возьмут однажды в свои руки судьбу Франции.

Хотя Жак всегда напоминал сыну, что является лишь одним из множества преданных делу социалистов, молодому Максиму было приятно видеть, с каким уважением относятся к отцу и на огромных автомобильных заводах, и на более скромных предприятиях по всему городу.

Два года назад труды Жака Ле Сура и его товарищей были вознаграждены.

В начале 1934 года крайне правые силы заняли парламент и попытались произвести государственный переворот. За несколько дней социалисты и коммунисты Франции объединили свои усилия и организовали всеобщую стачку. Миллионы людей отложили свои орудия труда. В Париже рабочие вышли на улицы. Вся страна остановилась. Пutschистов вышвырнули из Бурбонского дворца.

– Самое время начать политическую игру, – настаивал Жак. – Все наши усилия окажутся напрасными, если только мы не добьемся политической власти.

Была сформирована грандиозная коалиция. Сначала сумели договориться два мощнейших профсоюзных объединения – умеренная Всеобщая конфедерация труда и возглавляемая коммунистами Унитарная всеобщая конфедерация труда. Что было еще лучше, к согласию пришли и политические партии. Социалистическая партия, к которой принадлежал сам Жак, и Французская коммунистическая партия договорились о том, что коммунисты будут негласно

поддерживать социалистов, но в правительство не войдут, чтобы не отпугнуть буржуазию. Имея такую поддержку и пообещав уважать частную собственность и не национализировать банки, левые сумели сформировать коалицию с буржуазными радикалами и либеральными партиями центра.

– Назовите ее Народным фронтом, – сказал тогда Жак, – и мы сумеем победить на выборах.

Он оказался прав. Уже к началу 1936 года Народный фронт был готов к участию во всеобщих парламентских выборах, а месяц назад, в мае, он победил, и премьер-министром Франции стал лидер Социалистической партии еврей Леон Блюм.

Когда Ле Суру предложили занять какую-нибудь должность в правительстве, Макс ожидал, что отец согласится. Но тот удивил его.

– Для меня сейчас есть более важное дело, – сказал он.

И, несмотря на возраст, с лихорадочным увлечением взялся за новый этап пропагандистской работы. Встречи с профсоюзными деятелями, визиты на предприятия – на протяжении трех недель Макс почти не видел отца. Но когда они встречались, каждый раз звучало одно и то же:

– Момент настал, Макс. Надо ковать железо, пока горячо. Все возможно, если мы будем действовать быстро.

И опять он был прав. По всей Франции, от завода к заводу, от фабрики к фабрике, распространялось пламя забастовок. Трудящиеся, воодушевленные приходом к власти социалистов, начали отстаивать свои права и требовали сорокачасовую рабочую неделю, оплаченный отпуск, увеличение зарплаты. Ключевую роль играл Париж, как и предсказывал Жак, и к концу мая он мог торжествующе сообщить:

– Тридцать две тысячи рабочих захватили в свои руки завод «Рено» в Булонь-Бийанкуре. Все крупные заводы вокруг Парижа бастуют. Это еще тысяч сто. С нами и рабочие авиационного завода Марсея Блоха в Курбевау.

Через несколько дней уже два миллиона французов приняли участие в двенадцати тысячах отдельных стачек.

Та часть Елисейских Полей, где стояли отец и сын Ле Суры, находилась почти напротив застекленных зданий Гран-Пале и Пти-Пале. Треугольник улиц между Елисейскими Полями и рекой Сеной

стали называть Золотым, поскольку он вмещал в себя не только Американский собор и недавно построенный отель «Георг V», но и жилища богатейших горожан и самые престижные заведения Парижа.

Этот район не относился к числу тех, где часто бывал Жак Ле Сур. Но сегодня он пришел именно сюда ради удовольствия увидеть, как все здесь замерло.

Они пересекли Елисейские Поля и пошли между деревьями по северной стороне улицы. Жак с любовью поглядывал на сына.

На поиски жены у него ушло много лет, зато брак оказался счастливым. Анну Мари он встретил, когда ему было сорок, а ей двадцать пять. Она тогда пришла работать в Социалистическую партию. Поначалу он воспринимал девушку всего лишь как молодого соратника, однако со временем узнал лучше и был поражен ее цельным и бескомпромиссным умом. Таких он еще не встречал.

Анна Мари была южанкой, с прямыми черными волосами и бледной кожей. Ее отец был рабочим из Марселя, мать – верующей католичкой из сельского Прованса, поэтому девушка говорила с прованским акцентом. Но все остальное в своей жизни она определяла сама. Когда Жак спросил, верит ли она в Бога, Анна Мари ответила:

– Пока никто не дал мне убедительного доказательства того, что Бог существует, поэтому верить в Него я не могу.

Вера без доказательств для нее не имела никакого смысла. Аналогичным образом социализм не являлся для нее страстью или религией, в отличие от многих других приверженцев движения. Анна Мари рассудила, что капитализм несправедлив, тогда как социализм более логичен. После этого она не считала необходимым спорить или обсуждать.

Жак был очарован этой странной девушкой из Прованса. Незаметно для себя он стал проводить в ее обществе все больше времени. Через год они стали неразлучны.

– Нам будет удобнее жить в одной квартире, – сказала она в конце концов. – Все равно мы все время вместе.

Когда она забеременела, они поженились.

Макс был очень похож на отца, только не такой высокий, и черты лица у него были тоньше. И хотя он унаследовал от матери склонность к логике, взгляды на жизнь у него были отцовскими. Жак и Макс смеялись над одними и теми же шутками и, даже когда спорили,

частенько заканчивали друг за друга фразы. Жак ни с кем не чувствовал себя так свободно, как в компании сына.

Уже несколько лет Макс писал статьи для коммунистической газеты «Юманите», которую читали по всей стране. И он стал коммунистом.

Они дошли до площади Конкорд, откуда открывался вид на сад Тюильри и Лувр.

– Вот тут стояла гильотина, – сказал Жак Максу. – Во время первой революции мы отбирали у знати жизнь. Вторая революция милосерднее – мы забираем у капиталистов деньги. – Он пожал плечами. – Это практичнее.

Миновав отель «Крийон» на углу, они прошли по улице Риволи и повернули к Вандомской площади, центр которой украшала колонна, возведенная в память военных побед Наполеона.

– В дни Коммуны, – напомнил сыну Жак, – мы повалили эту колонну на землю.

– Зачем?

– Я уже и забыл. – Он улыбнулся. – Ты видишь то же, что и я?

Отель «Риц» слева от них стоял с зашторенными окнами, как будто притворялся спящим. На площади перед закрытыми магазинами толпились люди, некоторые держали плакаты.

– О боже! – воскликнул Макс. – Даже продавцы ювелирных магазинов участвуют в забастовке.

В отличном настроении оба Ле Сура продолжили путь по улице Сент-Оноре с ее шикарными бутиками, через самое сердце мира моды – и везде видели бастующих. Раз или два Макс глянул на отца, опасаясь, не устал ли тот, но семидесятилетний старик шагал размашисто, как молодой.

Они оставили мир моды, пересекли Девятый округ, обошли с тыла вокзал дю-Нор и оказались в бедном районе, известном как Гут д'Ор – Золотая капля. Там они нашли маленькую кофейню, где владельцем был алжирец, и наконец сели.

– Хорошая прогулка, – заметил отец. – От Золотого треугольника до Золотой капли. – В честь увиденного он заказал коньяк и кофе. – Сегодня мир станет другим, – провозгласил он.

– Никаких сомнений, что правительство Блюма предложит огромный пакет реформ, – согласился Макс. – Они навсегда изменят

жизнь каждого трудящегося во Франции.

– Конечно, – нетерпеливо сказал отец, – но я говорю о другом. Реформы – это лишь полдела, процесс пойдет дальше. Все, что нам сейчас нужно, – это продолжать стачку, и в конце концов рабочие возьмут власть в свои руки. Больше просто некому это сделать.

– Но у нас уже есть законно избранное социалистическое правительство, – возразил Макс.

– Вот именно. Будучи марксистами, люди в правительстве поймут неизбежность такого развития ситуации. Народный фронт сослужил свою службу. Теперь, стоит рабочим стать у руля, все пойдет единственно возможным путем. Дайте стачке месяц, и говорю тебе: родится новое государство.

И опять Макс подумал о том, что нельзя больше тянуть с новостью. Он не хотел этого делать, но знал, что должен.

Но сначала они допили коньяк, и Макс настоял на том, чтобы взять по второй. Только потом он набрался храбрости.

– Знаешь, отец, – начал он, – через пару дней стачка закончится. Это уже решено.

– Кем это решено?

– Нами, отец. Коммунистами. – У него сжалось сердце при виде растерянности отца. – Мы не хотим оттолкнуть капиталистов. Они нужны нам. – Макс грустно улыбнулся. – Такой приказ мы получили.

– Приказ? От кого?

– От России.

Макс был мальчиком, когда зародился фашизм. В Италии бывший социалист Муссолини решил, что методами авторитарного национализма можно быстрее добиться своего. Если про дуче говорили, что он уподоблял себя древнеримскому цезарю, то гораздо труднее было понять, что представляет собой фашистская партия, внезапно возникшая в Британии несколькими годами ранее. Макс жадно поглощал всю доступную информацию о ее деятельности.

Массовые протесты людей в черных рубашках возглавил настоящий английский аристократ с древней родословной и повел их против тех самых правящих кругов, к которым принадлежал.

Тем не менее Максусу казалось, что сэр Освальд Мосли куда ближе к военным чинам из французских правых сил, которые страшились

коммунистов и социалистов и презирали либеральную слабость своих правительств.

– Если левые хотят революции и готовы применить силу, тогда единственно возможное средство остановить их – это играть по их правилам.

Мосли, несомненно, считал, что рожден возглавить процесс национального возрождения. Но когда во время большого митинга в зале «Олимпия» случились массовые избиения, даже бесстрастная британская публика возмутилась и отвернулась от Мосли. В его партии начался кризис, фашисты перестали пользоваться поддержкой в стране.

Но в Германии – другое дело.

Стремительный расцвет фашизма в Германии не вызывал у Макса удивления. В двадцатые годы тяготы послевоенной жизни, усугубляемые непосильными репарационными платежами, и неудержимая инфляция, которая съела у населения все накопления, привели Веймарскую республику к разорению и отчаянию. Макс понимал, почему люди стали искать сильного лидера, который бы дал им надежду на возрождение.

– К несчастью, – сказал как-то его отец, – Адольф Гитлер не только вдохновенный оратор, но еще и сумасшедший. Существует французский перевод его книги «Моя борьба», несовершенный, но я прочитал его. Помпезный бред, однако там Гитлер описывает весь свой план. Похоже, он считает, что во всех проблемах Германии виноваты евреи, и собирается завоевать Францию и Восточную Европу. Эти замыслы преступны и при этом абсолютно безумны.

– Тем не менее люди не воспринимают его как безумца.

– Верно. И мне кажется, я знаю почему. Он антисемит. А большинство людей из правящих классов западного мира, как и большинство католиков, тоже настроены против евреев. Вспомнить хотя бы «дело Дрейфуса». Или недавний скандал со Стависким: французский финансист обманывает огромные массы людей, но все винят в этом исключительно его еврейское происхождение. Чуть, однако мы то и дело сталкиваемся с этим.

– В случае с Гитлером нельзя не отметить существенную разницу, – сказал Макс. – До него никто не говорил о том, чтобы истреблять евреев.

– По-моему, ты упускаешь из виду главное.

– А именно?

– Видишь ли, Макс, пока люди сами не увидят, они не поверят. Если по отношению к евреям поступают несправедливо, люди думают: должно быть, они сами напросились. Если евреи скажут, что их женщин и детей согнали в кучу и перестреляли, те же люди подумают: наверняка эти евреи врут. Они могут считать Гитлера и его нацистов экстремистами, но по большому счету не желают ничего знать.

– А если он говорит, что завоеует Европу?

– Он против коммунистов. Вот чем еще он привлекает людей. Это же древний принцип: враг моего врага – мой друг. Европейская буржуазия боится коммунистической России. Гитлер – это буфер между Россией и Западом. И они думают, что он защищает их.

– И будут так думать, пока он не нападет на нас.

– Все уверены, что не нападет.

– Почему? Он же открыто говорит, что сделает это!

– Потому что не хотят верить. Им невыносимо думать об этом. Память о Великой войне так болезненна, что никто не желает и мысли допустить о том, что нечто подобное может повториться. В результате когда Гитлер готовится к войне, но утверждает, что хочет мира, то все говорят себе, что правда – его слова, а не действия. – Жак презрительно дернул плечом. – Буржуазия всегда предпочтет уютную иллюзию неудобной правде.

Теперь Макс напомнил отцу о том разговоре:

– Сталин – совсем не буржуа, отец. Он видит в Гитлере настоящую угрозу. Посмотри, что случилось этой весной. Гитлер ввел войска в Рейнскую область. Она называется демилитаризованной, и он нарушил договор Германии с европейскими государствами. Почему-то никто не придал этому большого значения, но после таких действий сомневаться не приходится: Гитлеру нельзя доверять и он намерен развязать войну. Сталин знает, что для защиты России от Гитлера ему нужны сильные союзники на Западе. Поэтому, по крайней мере в настоящее время, Россия готова дружить с буржуазией. Вот почему партия не хочет, чтобы здесь произошла революция. Нам нужно успокоить буржуазию – и здесь, и в других странах.

– Но поскольку рабочие создают комитеты на каждом предприятии, мы могли бы довести дело прямо до марксистского

государства. Тогда у России будет истинный друг в лице марксистского режима во Франции, а не сборище боязливых буржуа.

– Знаю, отец. Троцкий говорит то же самое. Но это слишком рискованно, а значит, ошибочно.

– Революция – это всегда риск.

– Да. Но пока Россия – единственное марксистское государство. Нам нужно оберегать ее.

– И ради этого мы предадим наших трудящихся?

– Блюм готов дать им почти все, чего они хотят. Условия труда во Франции изменятся кардинально. Даже революционно.

– Нет, это не революция. Они готовы продолжать стачку. Поверь мне, я знаю. Они хотят полную смену строя.

– Да, но революция сейчас невозможна. Профсоюзные лидеры скажут им, что нужно согласиться на предложенную сделку и вернуться к работе. Все парни из Компартии будут направлены на поддержку профсоюзов.

– Я об этом ничего не слышал.

– Это решили только что.

– Где? Кто? Почему я не знаю?

И теперь настал момент открыть отцу худшее.

– Они знали, что ты скажешь, и поэтому с тобой не советовались.

– А вот ты, похоже, в курсе, – упавшим голосом произнес отец.

– Я работаю в «Юманите». Там все и узнал.

– Может оказаться, – с нажимом сказал Жак, – что некоторые рабочие откажутся выполнять ваши приказы.

Макс уставился в пол и промолчал. Его отец хмуро смотрел на него в ожидании, наконец спросил:

– Чего еще я не знаю?

И наконец, самое тяжелое. Но избежать удара все равно не удастся. Макс сделал глубокий вдох.

– Блюм собирает войска вокруг города. Я уверен, что они не понадобятся, – поспешно добавил Макс. – Но на всякий случай.

Отец уронил голову на грудь. Все тело высокого и крепкого старика как будто обмякло и сжалось.

– Войска. Против своего народа...

– Это всего лишь мера предосторожности.

Жак Ле Сур долго не говорил ни слова. Его взгляд был направлен на купол базилики Сакре-Кёр, стоящей на вершине холма, но трудно было сказать, видит он бледный силуэт или нет.

Значит, вот к чему все пришло. История сделала полный круг. Ле Суру показалось, что вся его жизнь вдруг стала иллюзией, иронией, облачком, тающим в голубом небе.

– Шестьдесят пять лет назад в Парижской коммуне мы впервые установили власть народа, – заговорил он наконец. – И она действовала. Но правительство прислало в город армию, и она была слишком хорошо вооружена. Коммунаров разбили. – Он покачал головой. – Мой отец был коммунаром. В последние, самые страшные недели погибло множество коммунаров. Часть из них убили на Монмартре. Моего отца – твоего деда – расстреляли на кладбище Пер-Лашез. Я поклялся отомстить семье того человека, который это сделал, но когда у меня появился шанс, я не сумел использовать его. – Он пожал плечами. – Оказалось, что я на это не способен. Но всю свою жизнь я посвятил тому, чтобы завершить работу отца. Те люди, которые уничтожили Коммуну, имели хотя бы одно оправдание: они ошибались, но искренне верили, что правы. Человек, который расстрелял моего отца, вероятно, думал, что выполняет свой долг перед Богом и Францией. Его сын, тот, кого я не сумел убить, всего лишь аристократ и буржуазный лакей, история сметет его и бросит в огонь. Но при этом он вел себя смело, и гордо, и честно, и у него был сын, которого он любил. Вот почему я не нажал на курок, когда мог это сделать. – Он поднялся и с горечью посмотрел на сына сверху вниз. – Сейчас у нас снова есть шанс, куда более реальный, чем все те, что когда-либо были, и вот я узнаю, что войска приводят не монархисты, не буржуа, а наши же соратники – социалисты и коммунисты. Всю жизнь я старался не опозорить память отца, и вот я узнаю, что мой сын на стороне предателей. Что ж, я уйду искать храбрецов, которые встанут со мной, и, может, вместе мы бросим вызов армии и твоему предательству, а ты со своими русскими друзьями можешь посмотреть, как меня пронзит пуля.

С этими словами он повернулся и ушел. Макс знал, что ничего не может сделать. Ему оставалось только смотреть, как уходит отец, и гадать, не потерял ли он его навсегда.

К 1936 году «Приглашение к путешествию» прославилось в определенных кругах Парижа как очень необычное заведение. Оно было названо в честь известного стихотворения Бодлера из сборника «Цветы зла», рефрен которого описывал все то, чем заведение стремилось стать.

Là, tout n'est qu'ordre et beauté
Luxe, calme, et volupté. [8]

Чистота, красота, покой, роскошь. И сексуальное наслаждение. Была и еще одна деталь, которая и завоевала заведению его репутацию: оно постоянно менялось. Это был плод поистине творческого ума.

Творческого ума владелицы, мадам Луизы.

По мнению Луизы, французское правительство заняло исключительно разумную позицию по отношению к борделям. Оно регламентировало их деятельность. Действующие законы о борделях были приняты еще при великом императоре Наполеоне.

Нет, даже тогда идея контроля для Европы была нова. В Средние века множество публичных домов вдоль южного берега лондонской реки Темзы контролировались их официальным покровителем – епископом Винчестерским, и он определял для них правила.

В Париже, однако, не Церковь, а гражданские власти присматривали за борделями: проводили регулярные инспекции помещений и медицинский осмотр женщин. Это был прагматичный, логичный и ответственный подход.

Свой бордель Луиза открыла шесть лет назад.

Возможно, будь она более холодной, немного более жесткой, Луиза пошла бы по стопам Коко Шанель, среди любовников которой были богатейшие мужчины Европы, например герцог Вестминстерский. Но Луиза слишком поздно восприняла ту истину, что судьба женщины полностью зависит от того, в каких кругах она вращается. В качестве спутницы очень богатого мужчины она встречает других столь же богатых мужчин, которых мало заботят правила общества, поскольку они сами устанавливают для себя правила.

Во Франции еще хорошо помнили, что при версальском дворе королевская фаворитка нередко обладала большей властью и

престижем, чем королева, и поэтому здесь любовница могла считаться трофеем, а не человеком, которого нужно прятать и презирать, как во многих других странах. И все же было маловероятно, что преуспевающий парижанин захочет дать ей положение в обществе или деньги, нужные, чтобы подняться выше определенного уровня.

Итак, Луиза жила тихой и размеренной жизнью. Богатой она не стала, но к тридцати годам ее содержало несколько мужчин, достаточно состоятельных, чтобы проявить щедрость. Когда к этим средствам, в соответствии с условиями завещания, добавился капитал от давно покойного отца, она стала независимой и смогла открыть свое дело. Вот тогда она и создала «Приглашение к путешествию».

Люк помог ей найти подходящее место. В городе было много кварталов, где располагались бордели. Помимо района красных фонарей в окрестностях «Мулен Руж», они в изобилии имелись на старинной улице Сен-Дени, которая шла по краю Второго округа восточнее рынка Ле-Аль. Для мужчин гомосексуальной ориентации имелись бани на левом берегу в Люксембургском квартале; лучший дом для лесбиянок был еще шикарнее и располагался в частном особняке на Елисейских Полях. Улица Сен-Дени Луизе не нравилась. Там работали шлюхи низшего пошиба. Луиза сочувствовала им и их печальному, унижительному образу жизни, но пускать в свое заведение не собиралась. Люк сумел найти помещение немного восточнее – в квартале Марэ, на старой улице Монморанси, где в одном из домов жил в Средние века алхимик Николя Фламель.

Люк оказался полезен и на начальном этапе, когда надо было подбирать девушек. Луиза ожидала, что он будет стремиться стать ее партнером, чего она не хотела. Но когда вместо этого она предложила ему жалованье за эти и другие услуги, он с готовностью согласился. И Луиза поняла, что даже в зрелом возрасте свободу бродяги Люк предпочитал ответственности предпринимателя. Он по-прежнему поставлял кокаин широкой сети знакомых и в первый год деятельности борделя привел десятка полтора ценных клиентов.

Но между Люком и Луизой существовала договоренность: ни одна из ее девушек не должна принимать наркотики, особенно кокаин. Это правило она установила с первого дня и никогда не отступала от него.

– Я повидала, что может сделать кокаин, – сказала она Люку. – Хочу, чтобы все мои девушки выглядели здоровыми. Мне не нужно,

чтобы они исхудали, впали в депрессию, начали лгать. Мне не нужны девушки без носовой перегородки. Может, в других местах таких много, но у меня их не будет.

Люк принял ее требование. Все девушки были чисты.

Как-то сентябрьским утром Луиза получила от Жакоба записку и решила пойти к нему в галерею в тот же день. Хозяин галереи писал ей каждый раз, когда считал, что нашлось нечто интересное. Обычно чутье не подводило его, и за несколько лет она купила у него целый ряд картин, в том числе полотно Марка Бланшара – изображение той самой улицы, на которой стояло ее заведение.

Луиза часто думала о портрете девушки, которая могла оказаться ее матерью. Но так и не купила его. Она была по горло сыта ложными надеждами, не приносящими ничего, кроме разочарования. Если бы она точно знала, что девушка на картине – ее мать, тогда захотела бы иметь ее портрет. А пока Луиза старалась вообще не смотреть на полотно, чтобы не прикипеть душой к тому, что в конце концов может оказаться иллюзией.

Жакоб был ей симпатичен. Было видно, что ему нравятся картины, которые он выставляет у себя и продает. Когда он узнал Луизу поближе, то стал давать ей честные советы. Его цены всегда были разумными. Ей не терпелось посмотреть, что же он приготовил на этот раз.

Но сначала Луизу ждали ежедневные дела в ее заведении.

Каждое утро весь дом убрали. Хотя обычно окна со стороны улицы держали зашторенными, по утрам их отворяли; постельное белье менялось на чистое. Каждая плитка в ванной мылась, скреблась и дезинфицировалась. К полудню все помещения пахли так, словно их окуривали, и Луиза инспектировала их со строгостью больничной сестры-хозяйки. Только после обеда комнаты снова опрыскают духами.

В час дня на собеседование пришла девушка, желающая поступить на работу. Луиза приняла ее в маленьком кабинете на верхнем этаже, где у нее были апартаменты.

Девушка приходилась кузиной Бернадетте – одной из самых надежных работниц Луизы, которых на тот момент было уже двадцать. За последние два года почти все новенькие попали в заведение именно таким путем – через уже работающих в борделе женщин. Те две,

которых привел Люк, оказались неподходящими, и Луизе пришлось их уволить.

На первый взгляд девушка производила благоприятное впечатление: светловолосая, стройная, элегантная. Ее манеры были безупречны, она грамотно и учтиво говорила, однако в ее лице чувствовалась какая-то замкнутость, и это заинтриговало Луизу.

Собеседование было тщательным. Помимо официальных медицинских анализов, объяснила Луиза, нужно будет посетить доктора для более досконального обследования. Также она детально расспросила, каков предыдущий опыт девушки и к чему она не была готова. Но это было только начало. Потом она попросила претендентку пройтись, чтобы оценить ее умение держать себя, заставила прочитать отрывок из книги, задала несколько вопросов об одежде и моде, уточнила, не играла ли девушка на сцене.

В итоге Луиза решила, что кандидатка многообещающая. Можно попробовать.

– Пойдемте со мной, – велела она, – я покажу вам некоторые из наших комнат.

При этих словах девушка просияла.

– Я слышала о ваших комнатах, мадам, – сказала она. – Наконец-то я их увижу.

Ничто не ново под луной, и уж точно не нов бордель. Но можно с уверенностью сказать, что «Приглашение к путешествию» было неповторимым заведением.

Однако вдохновение для его создания Луиза нашла не в публичном доме.

Она нашла его в универмаге «Жозефина».

Множество раз ходила она туда. Ее единственной заботой было не столкнуться с Марком Бланшаром. Вероятнее всего, он не узнал бы ее, но Луиза предпочитала не рисковать. Выяснив у продавщиц, что он почти никогда не бывает в магазине в утренние часы, стала приходить пораньше. И ни разу не видела его.

Зато она видела его работу. И от нее захватывало дух.

Луизу покорило то, что универмаг используется как сцена, на которой меняются декорации. В нем всегда было нечто новое, что поражало и восхищало посетителей. Даже манекены в витринах и в

торговых залах как будто разыгрывали спектакль, но посреди действия застыли – должно быть, по волшебству.

Избегая Марка, Луиза однажды решила поболтать с Мари. Она беседовала с одной из продавщиц, когда к той подошла хозяйка универмага. Луиза выразила восхищение тем, как организована работа.

– Спасибо, вы так любезны, – ответила Мари с искренним удовольствием от похвалы. – Мы стараемся. К сожалению, моя дочь, выйдя замуж за американца в прошлом году, вскоре собирается уехать вместе с ним в Америку. А ведь это именно она разыскивает для нас новые таланты среди дизайнеров. Нелегко будет найти ей замену.

– Я бы очень хотела помочь, – поддалась душевному порыву Луиза, – только, боюсь, у меня недостаточно знаний.

Как только эти слова сорвались с ее губ, она поняла, что совершила глупость. Однако в глазах Мари засветился интерес.

– Чем вы занимаетесь? – спросила она.

– Изучаю искусство и работаю моделью у Шанель.

– Правда?

Мари задумалась. Луиза знала, какое впечатление она производит на людей. Ее одежда, манеры и изысканный французский никого не оставляли равнодушным.

– Вы не могли бы встретиться с моей дочерью и братом? – спросила Мари. – Вы как раз в том возрасте...

– Заманчивая идея, – быстро заговорила Луиза, – но это невозможно, к сожалению. Желаю вам удачи, мадам.

И Луиза торопливо пошла прочь, оставив Мари недоуменно смотреть ей вслед.

Какой бы ни была степень родства между ними, Луизе Мари очень понравилась. И она была ошеломлена, когда годом позже прочитала в газете, что универмаг «Жозефина» закрывается.

Заявление в прессе отличалось прямоотой. Владельцы пришли к выводу, что после долгих лет блестящего успеха им угрожает застой. Не желая видеть, как их предприятие скатывается в разряд заурядных, они решились закрыть его и напоследок выражали надежду, что «Жозефину» запомнят как оригинальный и выдающийся магазин.

Справившись с первым потрясением, Луиза признала, что такой финал достоин уважения. Сколько магазинов и ресторанов существуют

только за счет своей прошлой репутации, когда им уже давно нечем похвастаться?

Вскоре помещения арендовала другая компания. Два месяца спустя Луиза увидела в газете маленькое объявление о бракосочетании Мари с виконтом де Синем.

Поэтому, открыв «Приглашение к путешествию», Луиза пыталась найти собственный путь в своей сфере. В нескольких лучших борделях Парижа имелись экзотические номера, в других ставили эротические представления, но в заведении Луизы каждая комната была оформлена в соответствии с определенной темой. Какие-то из них не должны меняться, поняла она со временем, потому что на них существует постоянный спрос. Но семь комнат регулярно обновлялись. У нее была Английская комната, Шотландская комната, даже комната в стиле Дикого Запада. А еще она воссоздавала примечательные исторические события. Потом начала изучать всевозможные фантазии и с удовольствием придумывала свежие темы, чтобы удивить мужчин, которые приходили в ее бордель. «Надо бы попросить Марка Бланшара помочь мне, – иногда думала она с сухой иронией, – у него бы получилось».

На самом деле помощь Луизе не требовалась. Она открыла в себе творческую жилку, о существовании которой раньше не догадывалась.

На каждое обновление она тратила значительные суммы, но внимательно следила за доходами и обнаружила, что за более качественные услуги может назначить более высокую цену. Что касается девушек, то они обожали наряжаться то египетской царицей, то древнеримской рабыней и охотно воплощали разнообразные фантазии – темные или светлые.

В публичном доме Луизы всегда было что-то новое и подавалось оно клиентам со вкусом. Она надеялась, что ее родственники из семьи Бланшар были бы довольны ее успехами, если бы знали о них.

Закончив собеседование с новой девушкой и сказав сотрудникам, что вернется через несколько часов, Луиза отправилась в галерею Жакоба. До нее было чуть более двух километров, и она захотела прогуляться. Пройдя на запад до площади Виктуар, она оставила слева Пале-Рояль и дальше двинулась на север по хорошо знакомому ей

району около биржи. В чудесном настроении она вошла в галерею на улице Тэбу.

Месье Жакоб обрадовался при виде Луизы. В это время в галерею заглянула и его жена, чье простое платье и бледная кожа наводили на мысль, что семья Жакоб строго исполняет предписания своей религии. Жена принесла с собой новорожденную девочку, и Жакоб так и сиял отцовской гордостью.

– Это ваш первый ребенок? – спросила Луиза с улыбкой.

– Да, мадам, – со счастливым видом ответил он.

– Как ее зовут?

– Лайла.

– Красивое имя.

Луиза подозревала, что Жакоб знает то, что известно ей самой. Возможно, он поделился с женой, а может, и нет. Молодая женщина вела себя немного скованно, но это могла быть ее обычная манера. Луиза не притрагивалась к девочке, но поздравила обоих родителей. Потом мать с девочкой на руках ушла.

– Что же вы на этот раз хотели мне показать? – спросила она галериста.

– Кое-что особенное, мадам. Рисунки. – Он отошел к стеллажу и вернулся с папкой, в которой лежали наброски, выполненные углем и карандашом на плотной бумаге. – Я вспомнил, что вы интересовались творчеством Марка Бланшара, – сказал он, раскладывая рисунки на столе, – а вчера я как раз был у него.

– Вот как? Он в добром здравии? – Тон Луизы не выдавал ее волнения.

– Старееет, мадам. Но я спросил, нет ли у него еще работ на продажу, потому что я продал немало его картин, знаете ли. И он сказал, что у него осталась лишь папка рисунков, которую он не открывал уже много лет, и что я могу взять ее и выбрать все, что мне понравится.

Сначала Жакоб показал ей три листа. Первый из них, черновой набросок Парижа, сделанный с вершины Монмартра, не представлял большого интереса. Два других были незаконченными рисунками с натуры. На одном был изображен мужчина, на втором – дама среднего возраста в шляпе.

– Неплохо... – протянула Луиза, не испытывая энтузиазма.

– Согласен, – сказал Жакоб. – Я тоже не счел их интересными. Но потом я нашел кое-что еще. – Его маленькое лицо посерьезнело. – Вы помните, как однажды видели у меня портрет девушки? Нам обоим он показался очень хорошим. Вам хотелось узнать имя модели, и я спросил у художника, но он не захотел называть его. – Жакоб положил перед Луизой еще один лист, на этот раз – рисунок карандашом, тщательно прорисованный.

– Кажется, это эскиз того портрета!

– Точно, мадам. Тот портрет по-прежнему у меня, и я сравнил их. Нет никаких сомнений. Вы наверняка знаете, что для меня как коллекционера это крайне желательно – иметь портрет и авторский набросок к нему. Разумеется, продать их я тоже хотел бы парой.

– Естественно. Хотя мы так и не знаем, кто эта девушка.

– Не совсем так, мадам. – Он опять потянулся к папке. – Вот еще один набросок, теперь углем, но опять для той же картины, и тут есть имя – вот, смотрите.

И он положил набросок на стол. В самом низу очень отчетливо художник написал имя.

Коринна Пети.

Луиза смотрела на буквы. И вдруг, совершенно неожиданно, у нее перехватило горло. Выступили слезы. Больше нельзя сомневаться. Слишком много совпадений. Марк – ее отец. И она сейчас смотрит на портрет своей матери.

Она стояла неподвижно, надеясь, что галерист ничего не заметит.

Месье Жакоб поднялся.

– Я принесу портрет, мадам, если позволите, – сказал он и двинулся к двери. – Очень интересно посмотреть на все три одновременно.

Его не было несколько минут. К его возвращению Луиза полностью оправилась. Тем не менее она догадывалась, что ее реакция не укрылась от Жакоба и что отошел он из деликатности.

– Вот видите, мадам. – Он повесил полотно на пустую стену и направил на него свет. Потом поднес к картине два наброска, держа по одному в каждой руке.

– Да, все три относятся к одной работе, – сказала она. – И вместе смотрятся удивительно.

– Я надеялся, что вы так скажете.

– Законченный портрет я хотела купить в качестве подарка, – повторила она старую ложь. – Но теперь, возможно, захочу взять все три вещи для себя. Помнится, вы называли мне цену за картину, но это было так давно. Сколько вы хотите за нее теперь, вместе с двумя набросками?

– Цена не изменилась, мадам. Вы прекрасный клиент.

– Вы очень добры, месье Жакоб.

– Если позволите, мадам, я договорюсь, чтобы рисунки поместили в рамки, а потом мы доставим вам все вместе.

– Чудесно, месье. А пока я выберу для своего приобретения подходящее место.

Когда покупка завершилась, Луиза собралась уходить.

– Один маленький вопрос, мадам, – сказал Жакоб. Он смотрел на нее добрым понимающим взглядом. – Иногда художники спрашивают у меня, кто купил их картины.

– Просто скажите, что это был частный коллекционер.

– Вы уверены, мадам? Вдруг он захотел бы познакомиться с вами.

Его голос был мягок. Он все понял, окончательно убедилась в своих догадках Луиза.

– Нет, месье, я не хочу с ним знакомиться.

– Как вам будет угодно, мадам. – Он открыл дверь и поклонился, провожая ее.

Обратно Луиза поехала на такси. Ей хотелось немного побыть одной в своих апартаментах и подумать, куда повесить портрет и два эскиза к нему.

Также она не могла освободиться от сожалений, что не может открыться своим родным – Мари, которая так ей понравилась, Марку, чьим талантом она восхищалась, несмотря на все недостатки отца, и ее милому старому дедушке, доживающему век в Фонтенбло. Стали бы они с Клэр, которую она видела лишь издали, подругами? Или кузина отвергла бы ее, как это сделала бабушка по матери? Проверять это Луиза не будет.

Но неведомо для Бланшаров она, купив портрет, собирала по кусочкам свою семью, свою сущность, восстанавливала прошлое и правду, которая иначе была бы потеряна.

Потом ее мысли обратились к Люку. Это он вывел ее на тот путь, который воздвиг моральный и общественный барьер между ней и ее родной семьей. Многие сказали бы, что он совратил ее, испортил. Может, он действительно виноват, но Луиза сказала себе, что обвинять его бесполезно. Выбор сделала она сама. Избери она иной путь, то нашла бы себе в конце концов обеспеченного мужа. Возможно. Но в таком случае она потеряла бы свою свободу. Иных же способов достичь благосостояния у женщины не было. Тогда как в нынешних своих обстоятельствах она сможет через несколько лет отойти от дел дамой с независимыми средствами.

Теперь в ее жизни не доставало только одного.

Мужа? По правде говоря, Луиза сомневалась, хочет ли она замуж, и уж точно ей не нужен такой мужчина, который согласится жениться на владелице борделя. А ребенка она хотела бы. Но время не стояло на месте. Ей уже исполнилось тридцать шесть.

Это можно устроить. Снова найти богатого любовника она сумеет. Сообщать ему о своем намерении нет необходимости. Если он захочет помочь деньгами ребенку, прекрасно. Если нет, то она сама обеспечит свое дитя. Когда такси повернуло на улицу Монморанси, Луиза решила, что, пожалуй, это и станет ее следующим шагом в жизни.

Она расплатилась с таксистом и быстро вошла в дом, открыв дверь своим ключом. В холле было пусто, как и в гостиной справа от входа, но из комнаты в глубине здания доносились голоса. Значит, девушки уже начали собираться. Луиза сделала два шага в сторону лестницы, чтобы подняться к себе, как вдруг услышала мужской голос. Она нахмурилась. Это не мог быть клиент – их всегда встречали в гостиной. Это Люк. Наверное, пришел по делу.

Луиза тихо приблизилась к двери в дальнюю комнату и открыла ее. Два человека отпрянули друг от друга – Люк и Бернадетта. Девушка побледнела. Но Луиза видела, что застала не любовные объятия, а что-то другое. У девушки в руке была маленькая сумочка, которую она торопливо защелкнула. Луиза вошла и закрыла за собой дверь. Игнорируя Люка, она направилась прямо к Бернадетте.

– Открой сумочку, – приказала она.

– Но тут мои вещи, мадам, – пролепетала девушка.

– Дай ее мне.

Не дожидаясь, пока приказ будет исполнен, Луиза выхватила сумочку из рук перепуганной девушки и, прежде чем та успела возразить, открыла. Внутри было именно то, что она ожидала увидеть.

Два пакетика с кокаином. Она убедилась, что ошибки нет, и вернула сумку Бернадетте.

– Мадам... – запинаясь, начала девушка, но Луиза не дала ей ничего сказать.

– Ты знаешь правила. Уходи.

– Мадам?

– Больше не приходи сюда. Передай своей кухне, что ее услуги нам также не понадобятся. А теперь – вон!

Луиза развернулась, распахнула дверь и указала на выход. Девушка беспомощно обернулась к Люку.

– В этом нет никакой необходимости, Луиза, – сказал тот.

– Мы с тобой договорились, – ответила Луиза. – Ты должен держать свое слово. – Потом она опять взглянула на Бернадетту. – Уходи.

На этот раз Люк промолчал.

Когда девушка ушла, Луиза посмотрела на него. Она больше не злилась, но ей стало грустно.

– Как ты мог предать меня? – спросила она.

– Но это же такая мелочь.

– Для меня это важно. Кого еще ты снабжаешь? Мне нужно знать.

– Только Бернадетту. Она нюхает кокаин уже много лет. Но она не наркоманка, она себя контролирует.

– Значит, все эти годы ты обманывал меня.

– Я же сказал: это только с Бернадеттой.

– Я уже не могу доверять тебе, Люк.

– Можешь.

– Нет. – Луиза помотала головой. – Не могу. – Она вздохнула. – Ты тоже больше не приходи сюда, Люк. Не приближайся к моим девушкам.

– Не говори со мной так, Луиза. Я нужен тебе.

Луиза ответила не сразу. Она в нем давно уже не нуждалась, но не сказала этого.

– Все свои долги я тебе давно уже вернула. Ты очень сильно обидел меня. Не хочу тебя больше видеть.

– Главное – не забывай платить мне, – напомнил он.

– Я не собираюсь больше тебе платить.

Луиза заметила, как его рука дернулась к бедру. Она вспомнила, что иногда Люк носил при себе кинжал. Но он ничего не вынул из кармана, и Луиза решила, что у него просто осталась привычка так реагировать, когда его что-то злит.

– Плати мне, – процедил он, – или пожалеешь.

Потом он ушел.

Придется теперь искать двух новых девушек, подумала Луиза.

В июне забастовки прекратились. После этого Макс Ле Сур мало виделся с отцом. Все долгое лето и часть осени каждый из них занимался своими делами. По воскресеньям Макс заходил к родителям в Бельвиль. Мать обычно бывала дома, а отец в это время неизменно отсутствовал. Тем не менее Макс не терял надежды его застать.

Для молодого Ле Сура это было тяжелое время, и не только из-за разлада с отцом. К концу лета стало казаться, что Жак, по-видимому, был прав.

Поначалу, правда, стратегия партии выглядела мудрой. Забастовщики согласились на условия, предложенные правительством, и вернулись к работе. Даже работодатели хвалили партии и профсоюзы за проявленную ответственность. Более того, новые условия значительно улучшили жизнь трудящихся. «Это исторический прогресс», – могли смело заявлять профсоюзные деятели. Они завоевали благодарность и уважение.

Но идиллия продолжалась недолго. Через считанные недели работодатели стали понемногу отбирать у трудящихся права, которых те добились в результате всеобщей стачки. Заглядывая в будущее, Макс видел, что скоро все вернется примерно к тому же, что было раньше.

За пределами Франции было беспокойно. В июле испанская армия при поддержке католических и правых сил восстала против правительства, после чего в Испании началась гражданская война. Фашистские Италия и Германия посылали восставшим боеприпасы и вооружение. Во Франции социалистическое правительство Блюма не могло определиться, что делать. Неужели в Испании возьмут верх фашисты?

А в августе в Германии нацистский режим провел Олимпийские игры с таким размахом, что весь мир смотрел и рукоплескал. В Играх

символически позволили принять участие германскому атлету, у которого отец был евреем. Но хотя мировой прессе и тысячам гостей Олимпиады достаточно было оглянуться вокруг, чтобы увидеть, что представляет собой нацистский режим на самом деле, пышность и красота Игр совершенно заворожали их. Они не хотели ничего знать, как и предсказывал старый Жак Ле Сур. Фашистский режим Гитлера пропагандировал себя очень успешно.

Так чего же мы добились, задавался вопросом Макс. И отвечал: ничего. Марксистское движение предано, шанс совершить революцию потерян, их враги стали сильнее, чем когда-либо.

Он ошибался. Его отец был прав. И что теперь ему делать?

В первое воскресенье октября Макс, как обычно, зашел к родителям. Отца, как водится, не было, и он поговорил матерью. Но вместо того чтобы к вечеру уйти, Макс задержался допоздна.

В шесть часов домой вернулся Жак.

– О, ты еще здесь, – обронил он, однако не ушел снова.

– Я пришел попрощаться, – сказал Макс. – Не хотел уезжать, не увидевшись с тобой.

– Уезжать? – нахмурился отец. – Куда ты собрался?

– Сейчас набирают интернациональные бригады, чтобы сражаться против Франко и его фашистов в Испании.

– Слышал.

– В пятницу я ходил на собеседование. Ты ведь знаешь, наверное, что Париж – центр по набору добровольцев в интербригады. Поскольку я член Компартии, меня записали сразу же. Всех остальных дополнительно проверял офицер русской разведки. – Он хмыкнул. – Я был бы рад ответить на вопросы НКВД, но мне не повезло.

Его отец уловил в его словах нотки недовольства при упоминании России, но ничего не сказал.

– Ну почему ты не хочешь поехать туда как корреспондент? – спросила Макса мать.

– «Юманите» там больше не нужны корреспонденты. И вообще я хочу сражаться. – Мать промолчала, и Макс повернулся к отцу. – Я должен поехать туда, ты сам знаешь.

– Знаю.

– Этим летом ты был прав. Я ошибался.

– Ты все равно ничего не мог бы изменить. Это не твоя вина.

– Нет. Но тем не менее... – Макс вздохнул. – Я хотел извиниться перед тобой.

Отец коротко кивнул. Потом неловко обнял сына.

– Возвращайся, – сказал он.

Глава 24

1794 год

То была эпоха надежды. Эпоха рационализма. Рассвет Свободы, Равенства и Братства. Время единения всех людей.

А затем настало время Террора.

Когда начался XVIII век, во Франции все еще восседал на троне властный и грозный аристократ король-солнце. Долгое правление его наследника, Людовика XV, привело к финансовому коллапсу, но будущие поколения надолго запомнили присущую тому столетию блестящую роскошь.

Тот же великий век во Франции породил Просвещение и романтический дух, Вольтера и Руссо. Вольтер научил мир любить разум. Руссо проповедовал природную добродетель человеческого сердца.

Разве не эти идеи вдохновили Американскую революцию? Разве не французская поддержка и французское оружие сделали возможной независимость огромного нового государства в бескрайнем Новом Свете?

Теперь, в правление Людовика XVI и его не слишком любимой народом жены-австриячки Марии-Антуанетты, Франция начала собственную революцию. Но тогда как Американская революция обещала свободу от угнетения, Французская революция должна была стать чем-то более радикальным, более философским, более глубоким. Ведь это же Франция.

Где, как не во Франции, могла зародиться новая эра?

Сначала французы пошли штурмом на Бастилию. Затем перевезли короля из Версаля в Париж и заставили выполнять свою волю. А когда он попытался бежать, отрубили ему голову. И что потом?

Потом весь свет ополчился на французов и они сами перессорились между собой.

Вот тогда пришло время Террора.

Террор продолжался уже много месяцев, когда одним солнечным днем вдова Ле Сур с дочерью Клоди перешли через Новый мост на левый берег Сены. Вдова намеревалась навестить свою давнюю приятельницу, которая жила недалеко от Люксембургского сада. Держа дочку за руку, она шагала по улице Дофины, когда заметила впереди молодую пару.

Она видела их всего один миг, после чего мужчина и женщина свернули на боковую улочку.

Обычный человек решил бы, что это молодой писарь или адвокат вышел с женой на прогулку. Однако глаза вдовы обмануть было не так легко.

Стояло семнадцатое июля года 1794-го от Рождества Христова, но только не во Франции. Уже два года, с момента провозглашения республики осенью 1792 года, в стране действовал новый календарь. Все двенадцать месяцев получили новые названия. Языческих богов старого римского календаря заменили природные явления. Зимой теперь был месяц снега – нивоз. Посреди осени наступал месяц туманов – брюмер. Весной все росло и цвело, отсюда месяцы жерминаль и флореаль. А лето несло людям жатву в месяц мессидор и жару в месяц термидор.

Таким образом, в Париже это было двадцать девятое мессидора второго года.

Вдова Ле Сур была женщиной с широкой костью и черными волосами. Ее бледной худой дочке Клоди исполнилось десять; после падения несколько лет назад она приволакивала ногу, но при этом передвигалась с удивительной скоростью.

– Пойдем, – сказала дочери вдова, – я хочу посмотреть, куда идут эти двое.

Они с Клоди завернули за угол. До молодой пары было не более ста метров. Вдова посмотрела им вслед.

Несмотря на жалкие попытки замаскироваться, сомнений в том, кто они такие, у нее не было.

Она всегда умела опознать аристократов, как бы ни прятали они свою сущность, эти мягкотелые люди с изысканными манерами. Эти бездельники с нежной кожей, нетронутой солнцем и дождем, за всю свою жизнь палец о палец не ударившие. Эти аристократы, считавшие себя высшими существами. Она чуяла их за версту. Она их презирала.

Но они могли представлять опасность.

Это мнение господствовало с момента взятия Бастилии.

Враги революции никогда не сдадутся. Когда короля тащили из Версаля в Париж, разве не обещал он конституцию? А что сделал на самом деле? Попытался бежать из страны вместе с женой, чтобы собрать в Австрии армию, которая бы снова восстановила во Франции ненавистную старую аристократию. Его поймали и казнили вместе с женой-австриячкой – и поделом. Но достаточно ли этого? Конечно нет. Потерпят ли остальные монархии революционную республику, возникшую прямо посреди Европы? Никогда. Они готовятся напасть на нее. Примут ли новый режим Католическая церковь и множество бежавших из Франции аристократов? Ни за что. Они на все пойдут, лишь бы уничтожить ее. Та знать, что осталась в стране, неустанно плетет интриги. Террор вскрывает все новые и новые заговоры. В некоторых областях даже крестьяне не все понимают, что революция несет им благо. В Вандее, например, на этой огромной лесистой территории южнее низовий Луары на берегу Атлантики, набожное и преданное монархии крестьянство начало мятеж, практически гражданскую войну, потому что хотело восстановить свою средневековую церковь, а поводом стал принудительный набор в армию, которая должна была защищать новый режим. Люди гибли десятками, сотнями тысяч. Еще не смолкли сражения в Вандее, а Бретань, Мен и Нормандия уже подняли свои восстания.

Даже Конвенту нельзя было доверять. Там тоже имелись ренегаты и предатели, которых требовалось выявить и уничтожить.

Ибо сомневаться не приходилось: раз начав революцию, невозможно повернуть вспять. Надо либо доводить дело до конца, либо все будет потеряно.

Иногда вдове Ле Сур казалось, что истинными хранителями революции были женщины. В первые дни восстания именно они возглавили народный марш к Версалю. Мужчины произносили красивые речи, но дела делали женщины. Три года назад болезнь забрала у нее мужа, главой семьи теперь была она. И уж она проследит, чтобы ее дочь Клоди и сын Жан Жак получили в наследство Свободу и Равенство, принадлежащие им по праву рождения.

Вот почему она не теряла бдительности – чтобы защитить революцию.

Итак, вопрос: кто эти двое аристократов, под видом честных людей шастающие по улицам Парижа? Почему они здесь? И что им надо?

Отца Пьера била дрожь. Ему довелось повидать множество ужасных вещей. Да и кто их избежал в эти безбожные годы? Но то, чему он сегодня стал свидетелем, потрясло его до глубины души. Он попробовал молиться.

Ему повезло: у него хотя бы осталась маленькая церковь Сен-Жиль, где можно было преклонить колени. В Париже большинство храмов закрыли. Некоторые использовались как сараи. Великий Нотр-Дам обезобразили и превратили в Храм Разума. Но эта крошечная церквушка на левом берегу так неприметна, что ее оставили в покое. Разумеется, на дом Божий она больше не походила: колокол не звонил, под темными старыми сводами уже не найти распятия. А те несколько смельчаков, что остались от прихода, для молитвы пробирались сюда потихоньку.

Законны ли их богослужения? Священник и сам не был уверен. Немыслимые законы революции лишили Церковь всей собственности, запретили монастыри и прекратили все выплаты в Рим, но сделали священнослужителям одну уступку. Священникам разрешалось жить во Франции при условии, что они откажутся от подчинения папе римскому и станут обычными государственными служащими. В противном случае они должны были немедленно покинуть страну, если не хотели оказаться в тюрьме или под ножом гильотины.

Большинство церковников отвергли требования республики. Но кое-кто неохотно принял новый порядок, считая, что лучше хоть так служить своим прихожанам, чем вовсе оставить их.

К числу последних относился отец Пьер. Он не испытывал гордости за свое решение. И вообще не знал, правильный ли сделал выбор.

Помолившись, он поднялся. Все тело затекло: отец Пьер старел. А еще он был общительным человеком. Он любил поговорить и теперь, вынужденный подолгу находиться в одиночестве, страдал. Вздыхая, он направился к двери наружу.

Уже давно Этьен де Синь и его жена Софи не рисковали выходить на улицу. И сегодня они тоже остались бы дома, но погода выдалась

такая чудесная, а у Софи был день рождения, и она призналась, что ей очень-очень хочется посмотреть на реку и на благородные очертания Нотр-Дама.

Они соблюдали все возможные предосторожности и выбирали самые тихие улочки. Вроде бы никто из прохожих не обратил на них внимания. Держась за руки, они постояли у реки и полюбовались стройными башнями собора. И были очень довольны своим решением прогуляться.

Теперь они возвращались домой, не забывая об осторожности. У них были все основания быть бдительными: они только что потеряли своего покровителя и стали беззащитными.

Этьену Жан-Мари Гастону Роланду де Синю шел тридцать первый год, его жене Софи было двадцать пять. Они очень любили друг друга.

Этьен был выше среднего роста, стройный, светловолосый и голубоглазый. У него были идеально правильные черты и мягкое выражение лица. В отсутствие жены его просто называли бы красавчиком. Но когда она находилась рядом, в нем проступала внутренняя сила: сразу становилось ясно, что он будет защищать Софи до последней капли крови.

Они поженились пять лет назад, и единственной их печалью было то, что после двух выкидышей Господь так и не дал им ребенка. Но их вера была сильна, они все еще надеялись.

Оба они были людьми просвещенными.

Среди их поколения образование стало весьма модным. Пресытившись пышностью и праздностью старого королевского двора, многие их друзья приняли идеи свободы и разума близко к сердцу. Молодые дамы стали носить более простые классические платья, подобно женщинам Римской республики. Мужчины обсуждали реформы. Славные герои вроде маркиза Лафайета, который воевал вместе с Вашингтоном, когда американские колонисты добивались независимости, говорили о честных, чистых добродетелях Нового Света. Возможно, считали некоторые, Франции следует объединить лучшее из традиционного с новым и заменить старую скрипящую власть аристократии на нечто более современное, например на конституционную монархию, как в Британии.

В двадцать лет вступив во владение родовым именем, Этьен думал, что с помощью своего богатства мог бы сделать мир лучше.

Он любил старый замок и людей, которые жили и работали там, а они любили его. Когда он отправился в Париж и столкнулся с большим миром, то понял, что в его душе горит неиссякаемая любовь ко всем живущим на земле. Он сожалел, что родился слишком поздно и не может принять участие в американских приключениях Лафайета. Но казалось, что во Франции тоже вот-вот начнется новый великий этап развития человеческого духа, и Этьен надеялся, что сумеет сыграть в нем скромную роль.

Все эти взгляды и устремления Этьена полностью разделялись его женой. У Софи было круглое лицо, обрамленное каштановыми волосами, розовые щеки, алые губы и большие карие глаза. Дочь генерала, Софи в жизни не причинила вреда ни единой живой душе, но свои убеждения умела защищать с такой решительностью, что отец гордился бы ею.

Для Софи определяющим понятием и мерилom всего была справедливость. Это неправильно, заявляла она, что у людей ее круга такое количество всевозможных привилегий, а у обычных людей нет ничего, неправильно, что в такой богатой стране, как Франция, голодают бедняки. В своего будущего мужа Софи влюбилась прежде всего из-за его стремления делать добро. Ее мечтой было дожить до того дня, когда народ Франции изберет парламент из достойных людей, который станет править их страной, возможно со справедливым королем во главе. Она была уверена, что живущие по соседству с замком люди будут рады избрать в парламент ее мужа; очень может быть, что она не ошибалась.

А потому не было ничего удивительного в том, что, когда в июле 1789 года пришла новость о взятии Бастилии и о начале Французской революции, молодые де Сيني пришли в восторг.

Летние месяцы они проводили, как обычно, в замке. Этьен немедленно поскакал в Париж с намерением завернуть в Версаль, чтобы все разузнать.

– Ничего пока не решено, – вернувшись, рассказал он Софи. – Лафайет и его друзья считают, что будет провозглашена конституционная монархия.

– А король с королевой?

Этьен пожал плечами. В последние годы при дворе один скандал сменялся другим. Большинство из них являлись выдумками

интриганов, но его мнение о Людовике XVI и Марии-Антуанетте было невысоким.

– Они хотят как лучше, – сказал он, – но, по-моему, не представляют, что делать.

И Софи, и Этьен считали, что им следует вернуться в Париж как можно скорее.

– Мы же не хотим пропустить что-то важное! – восторженно восклицала Софи.

Какая наивность, думал Этьен, оглядываясь назад. Многие аристократы бежали из страны еще в первые дни революции. Этьен знал среди них немало людей, чье имущество было конфисковано и кого заочно приговорили к смерти. Но они с Софи верили в идеалы революции и надеялись, что в результате будет образовано эффективное и справедливое новое правительство.

И вероятно, переход к ограниченной монархии или к республике был возможен. Только по прошествии времени стало понятно, что ни одна из партий во Франции не была к нему готова. Пожалуй, вся Европа еще не была готова.

Итак, супруги де Синь приехали в Париж и вот уже пять лет вынуждены были вести жизнь, полную страданий. Пять лет неразберихи, сменяющих друг друга правительств, интриг, казней, в том числе короля и королевы, вторжений разгневанных европейских монархов, восстаний в сельских местностях. А теперь Конвент, боясь всех этих врагов, внутренних и внешних, вынужден был принять политику Террора.

Инициатором крайних мер стал самый радикальный из якобинцев – Робеспьер, их вдохновитель. Конвент обещал уничтожить всего одну категорию людей – врагов революции, но эта категория оказалась очень многочисленной.

В нее попадали самые разные люди. Первыми, само собой, под подозрением оказались аристократы. Потом их слуги. Потом ремесленники. Крестьяне. Убежденные католики. Члены либеральной жирондистской фракции, которые противостояли в Конвенте радикальным якобинцам. В конце концов в эту же категорию включили и тех якобинцев, которые разошлись во взглядах с Робеспьером и его кликой.

Никто не чувствовал себя в безопасности. Любого могли обвинить в предательстве. Если трибунал признавал человека виновным, то казнь на гильотине следовала быстро.

Месяц за месяцем с помощью нескольких гильотин, установленных в разных частях города, казнили врагов революции. И не было никаких признаков того, что процесс идет на убыль. Казалось, что Робеспьер с друзьями вознамерился очистить Францию от всех врагов и всех ошибок.

Какой же шанс на спасение имел добросердечный молодой аристократ, веривший в справедливость, милосердие и взаимопонимание? Вероятно, никакого.

Но неужели они не могли бежать? Увы, это было почти невозможно. Все порты держали под наблюдением. Всех, кого ловили при попытке скрыться из страны, ждала неминуемая смерть.

Еще с прошлой осени Этьен и Софи каждый день ждали, что их бросят в тюрьму. Скорее всего, так и случилось бы, если бы не помощь одного мудрого человека. Он научил их выживанию.

Даже в этом они были бесконечно наивны. Каковы бы ни были ужасы новой республики, Этьен все еще верил, что она будет отличаться от предшествовавших ей правительств.

Но доктор Бланшар был старше и умнее де Синеи. Он показал им, как можно спастись.

Доброжелательный и здравомыслящий, Бланшар преуспевал в своей профессии не только благодаря тому, что был хорошим доктором, но и потому, что пациенты доверяли ему. Под его опекой они чувствовали себя спокойно. Уже десять лет он был семейным врачом де Синеи и давно стал для них и советчиком, и другом.

– Вам нужен покровитель, – объяснил он. – И у меня есть для вас самый подходящий человек, из моих пациентов. – Он улыбнулся. – Я его неплохо знаю. Если хотите, я поговорю с ним о вас.

Великан Дантон. Дантон-якобинец. Дантон – герой санкюлотов, чей громоподобный голос заглушал в Конвенте все остальные. Дантон, который образовал Комитет общественного спасения.

– Вы думаете, он поможет нам? – изумился Этьен.

– Может быть. За определенную цену.

– Дантон-якобинец берет взятки?

– Его преданность революции абсолютна, уверяю вас, – сказал Бланшар. – Но у него непомерный аппетит. И полностью отсутствует самодисциплина, – хмыкнул доктор. – Бедняга не вылезает из долгов.

– Как нам все это устроить? – спросил Этьен.

– Я скажу ему, что вы – хороший человек и не представляете ни для кого угрозы. Вы ведь действительно не собираетесь кому-то угрожать?

– Храни Господь, нет, конечно.

– Он станет вашим покровителем – скажет, где надо, чтобы вас не трогали. Этого должно быть достаточно. Потом вы преподнесете ему подарок. Только это должен быть очень хороший подарок. Если хотите, я подскажу вам, какой именно.

– О да, буду крайне признателен.

Вот так Дантон получил деньги, а Этьен и Софи – некоторое спокойствие на всю прошлую осень и зиму.

Потом, в марте, случилось невероятное.

Падение могущественного Дантона было внезапным и стремительным. Он поссорился с Робеспьером, и его вдруг объявили врагом революции. Его обвиняли в том, что он плохо распоряжался финансами и брал взятки, что в принципе соответствовало истине. Дантон пользовался популярностью и защищал себя, но Робеспьер перехитрил его. Бланшар пришел к Этьену, чтобы предупредить молодого аристократа.

– Дантона приговорили к смерти. У вас больше нет защиты.

– Что же нам делать? – Этьен пришел в ужас.

– Станьте невидимыми. Может, о вас уже и не вспомнят. Главное – держитесь подальше от всех, кто может навлечь на вас неприятности. Помните, что якобинцы везде ищут заговорщиков.

С тех пор Этьен и Софи жили как затворники, почти не покидая дома. Раньше они посещали маленькую церковь Сен-Жиль, но перестали это делать. Помимо экономки и нескольких старых слуг в доме, которых знали всю жизнь, они ни с кем не виделись. На четыре месяца Этьен и Софи де Синь фактически исчезли.

Они приблизились к перекрестку. К их дому нужно было идти прямо, но впереди возле какого-то здания собралась небольшая толпа. По-видимому, кого-то опять разоблачили. Де Сини свернули на другую

улицу. Только пройдя с десятков метров, они поняли, что новый путь проляжет мимо церквушки отца Пьера.

И все равно застать его в дверях храма они не ожидали. При виде молодой четы отец Пьер настоял, чтобы они зашли внутрь. Кинув быстрый взгляд по сторонам, они последовали за ним. Было бы невежливо отказать старому священнику.

Вдова Ле Сур наблюдала за ними. Она как раз подошла к углу той улочки, на которой находилась церковь, и успела спрятаться, когда парочка украдкой оглянулась. Скорее всего, они ее не заметили.

Священник. Возможно, за этим ничего не стоит. А возможно, это заговорщики. Вдова повернулась к дочери:

– Иди в ту церковь. Притворись, что молишься, а сама попробуй услышать, о чем говорят со священником те люди. Сможешь?

Клоди кивнула. Она отлично умела справляться с подобными заданиями.

Отец Пьер искренне обрадовался, увидев де Синею. Он беспокоился, не случилось ли с ними чего-нибудь. Из всех католиков, что приходили в его маленький храм, эти двое были его любимыми прихожанами.

Пару месяцев назад он даже ходил к их дому, но экономка сказала, что они уехали.

– Как же я рад вас видеть! – воскликнул он. – Ах, какие ужасные события происходят повсюду. Вы слышали о том, что случилось сегодня с кармелитками?

Они ничего не знали. Но священник не успел рассказать им последние новости, потому что в церковь вошла хромая девочка. Она села на скамью недалеко от них и, казалось, начала молиться.

Отец Пьер внимательно посмотрел на нее. Вряд ли ребенок мог представлять опасность, но в том кошмарном мире, в котором они все оказались, нужно быть осторожным. Он приблизился к ней:

– С тобой все в порядке, дитя мое?

– Да, отец. Я шла мимо и захотела помолиться.

– А, – улыбнулся он. – Да, это дом Господа. Ты часто молишься?

– Каждый день. Я молюсь, чтобы моя нога выздоровела.

– И что же привело тебя именно в этот храм?

– Не знаю.

– Ты знала, что эта церковь в честь святого Жилья? – Поскольку девочка непонимающе молчала, священник продолжил: – Святой Жиль, дитя мое, – покровитель калек. Так что ты правильно сделала, что пришла молиться сюда. – Он вернулся к де Синям, и они все вместе отошли на несколько шагов в сторону. – Вы слышали? – проговорил он негромко. – Девчушка просто шла мимо, она не знала, что это церковь Сен-Жиль и что этот святой помогает калекам. Вот так! Даже в наши тяжкие времена Господь дает о Себе знать. Может, святой сам призвал сюда это дитя. – Но потом он вернулся к мыслям о последних событиях. – Ах, мои дорогие, какую страшную новость я вам сейчас расскажу.

Клоди слушала внимательно. Священник был очень расстроен. В тот день на гильотине, стоявшей возле Фобур-Сент-Антуан, казнили шестнадцать женщин из кармелитского монастыря. Они отказались от присяги, которую должны были принести по новому закону о Церкви. Они сказали, что лучше умрут в мучениях, чем предадут веру.

– Они шли на гильотину с песнопениями, – рассказывал священник. – Все они – святые мученицы.

– Поистине мученицы, – сказал мужчина, а молодая дама согласилась с ним.

И оба они высказались в том духе, что это прискорбное происшествие и что несчастные не заслужили такой участи. Потом молодые люди пригласили священника зайти к ним в гости. Дама сказала, что старику явно нужно выпить чего-нибудь горячего.

– С капелькой бренди, – добавил мужчина.

Клоди вернулась туда, где ее ждала мать, и пересказала ей слово в слово все, что слышала в церкви.

– Проследи за ними, – велела ей мать. – Я буду держаться в стороне. Хорошо бы разузнать, где они живут.

Следить было несложно: престарелый священник не мог идти быстро. Трое вошли в дом, стоящий в квартале Сен-Жермен; это был особняк с двориком. Типичный дворец аристократа, как заметила вдова.

Нескольких вопросов в округе хватило, чтобы узнать фамилию владельцев. Хозяин таверны рассказал, что эта семья имела еще и замок в долине Луары, на западе.

– Интересно, – сказала вдова. – Ты иди сейчас домой, – велела она дочке, – а я вернусь попозже.

Вдова Ле Сур ходила быстро, а идти было недалеко: обратно к Новому мосту, по нему на правый берег и дальше на север к улице Сент-Оноре. Потому что именно там жил человек, которого она хотела видеть.

Дом, нужный вдове Ле Сур, принадлежал краснодеревщику месье Дюпле. Но поговорить ей нужно было не с Морисом Дюпле, а с его квартирантом. Как она и надеялась, тот был на месте.

Его комната была небольшой, но приятной: стены отделаны панелями, на тумбе маленький канделябр. За столом очень прямо сидел человек. Вдова слышала, что он не появлялся в Конвенте уже три недели. Кто-то говорил, что он заболел. Другие считали, что он готовит важную речь. Во всяком случае, выглядел он совершенно здоровым, и вдова заключила, что верно второе. Встречались они всего несколько раз, но, очевидно, он запомнил ее и знал, что она предана революции.

– Чем я могу быть полезен вам, гражданка? – спросил он.

Люди говорили, что он уродлив. Однако вдова не соглашалась с этим мнением. Его широкий лоб предполагал глубокий и быстрый ум, а выдающиеся вперед челюсти говорили о настойчивости.

Ростом он был невысок, но держался удивительно прямо, и это особенно нравилось вдове. Сказать по правде, у этой крупной женщины возникло желание подхватить его на руки и отнести к себе домой.

Но превыше всего был тот факт, что он был неподкупен, и об этом знала вся Франция. Он был чист и несгибаем. Может, мужчины вроде Дантона производят более сильное впечатление, громче говорят и более любимы, но одинокая фигура Максимилиана Робеспьера возвышалась над всеми ними.

Вдове не потребовалось много времени, чтобы поведать ему о старом священнике и молодой чете де Синь. Из их слов, произнесенных в церкви при Клоди, однозначно следовало, что они враги революции.

– Меня удивляет только то, – сказала вдова Ле Сур, – почему они до сих пор не арестованы.

– Раньше я уже слышал имя де Синея, гражданка, – ответил Робеспьер. – Думаю, за них заступился Дантон. – Он пожал плечами. – Возможно, ему заплатили.

Потом он умолк и, казалось, задумался. Вдова забеспокоилась, не счел ли он недостаточными сведения, добытые ею.

– Это еще не все, – снова заговорила она. – Он сказал священнику, что подговаривает крестьян своего имени присоединиться к мятежникам Вандеи. Его поместье как раз недалеко оттуда.

Конечно, это было ложью. Но вдова Ле Сур не чувствовала себя виноватой. Двое де Синеи должны умереть, она была убеждена в этом. Ложь была просто средством к достижению этой цели – нечто вроде повозки, нужной, чтобы доставить человека к месту назначения.

Выдумав эту ложь, она всего лишь выполнила свой долг. Ведь она – хранительница революции.

– В самом деле?

Цепкий взгляд Робеспьера остановился на ней. Знает ли он, что она лжет? Вдова Ле Сур не могла этого понять, но предполагала, что он догадывается. Робеспьер медленно кивнул и произнес своим резким высоким голосом:

– Как вам, гражданка, наверное, известно, во время больших дебатов о том, казнить ли короля, я напомнил Законодательному собранию об одном очень важном факте. Я сказал тогда, что мы собрались не для того, чтобы судить короля, не для того, чтобы решить, в чем он виноват и в какой степени. Мы собрались ради более великого дела, а именно ради революции. К тому времени уже стало совершенно ясно, что, пока король жив, революции угрожают как силы внутри Франции, так и вне ее. Следовательно, простая логика диктует нам, что король должен умереть. На самом деле обсуждать было нечего.

– Вы были правы, гражданин Робеспьер, – сказала вдова.

– Теперь ситуация повторяется. Революция в опасности. И пока мы не уничтожим этих аристократов, опасность сохранится. Сами по себе де Синеи, возможно, особой угрозы не представляют. Но их существование – уже угроза. Вот в чем смысл. – Он взял со стола лист бумаги. – Вы не окажете мне одолжение, гражданка? Отнесите эту записку в Комитет общественной безопасности.

– Сию минуту, – ответила она с гордостью. – Сию минуту.

После ухода отца Пьера молодой Этьен де Синь не мог успокоиться и долго ходил по комнате из угла в угол. Его жена взялась за шитье и не донимала мужа расспросами.

В особняке де Синеи в эти годы было очень тихо. Этьен и Софи пользовались большой гостиной только в летние месяцы, когда ее не нужно было отапливать. Зимой они проводили дневные часы в малой гостиной. Почти во всех остальных комнатах мебель была закрыта чехлами, двери заперты, так что экономка и горстка слуг справлялись с обслуживанием жилой части дома.

– Как хорошо мы с тобой сегодня погуляли, – наконец заговорил Этьен.

– Да, я тоже очень рада, что мы выбрались на свежий воздух, – ответила Софи.

– Так трудно сидеть все время взаперти! – воскликнул он.

– Но нам есть чем занять себя, – напомнила ему жена.

Не будь их любовь по-прежнему горяча, эта постоянная вынужденная близость при отсутствии дел могла бы стать настоящим испытанием. Но, к счастью, еще в первые месяцы революции, когда светская жизнь постепенно сошла на нет, каждый из супругов нашел себе занятие, чтобы скоротать время, и поэтому их уединение не усугубилось бездельем.

Софи вместе с экономкой взялись за постельное белье и шторы: решили сначала залатать, что потребуется, а потом все покрыть вышивкой. На это может уйти не одна жизнь, сказала она мужу. Кроме шитья, Софи не менее двух часов в день упражнялась в игре на пианино и в результате достигла такого мастерства, о каком и не мечтала.

Этьен надумал чинить мебель и даже ходил несколько раз к местному столяру, чтобы научиться правильно чистить и натирать воском старинные столы и мягкие кресла эпохи короля-солнца. Освоив этот этап, он захотел попробовать себя в плотницком деле. Его первые попытки были довольно неуклюжими, однако теперь он мог смастерить сносный кухонный стол или табурет. Это нехитрое ремесло стало для Этьена источником ощущения собственной полезности и покоя.

– Я умею производить вещи, – говорил он, смеясь, жене. – Больше я не могу называться аристократом.

А долгими летними вечерами они сидели рядышком и читали друг другу, пока медленно опускающееся за горизонт солнце зажигало теплым блеском полированное дерево унаследованных стульев и столов парадной гостиной.

Но в тот вечер Этьена беспокоила одна мысль.

– Иногда, милая Софи, – сказал он, – мне кажется, что я совершил ошибку. Наверное, нам следовало давным-давно уехать в замок. Там, по крайней мере, мы могли бы гулять в парке.

– Я не думаю, что это было ошибкой. Мне кажется, здесь безопаснее.

– Почему?

– От имения до Вандеи довольно близко. Сейчас восстания подавлены, но они могут вспыхнуть снова. А если бы сражения шли рядом с замком? Местные жители сразу бы присоединились к мятежникам. Они любят свою религию, но к нам относятся без ненависти. И тогда, чтобы нас не сочли предателями революции, нам пришлось бы пойти против собственных работников и крестьян.

– Да, ты права. И все равно...

– Мы живем тихо, как мышки.

– Мне кажется, что мы остались одни во всем мире.

– По крайней мере, – Софи протянула к нему руки, – мы вдвоем.

Так и закончился этот вечер – они тихо посидели бок о бок, глядя в окно. Солнце скрылось, затопив напоследок комнату теплым красным светом. Этьен прижал к себе жену, и через мгновение они слились в тесном объятии. И оторвались друг от друга только для того, чтобы перейти в спальню, где их объятие стало еще крепче.

Громкий стук во входную дверь на рассвете стал для них полной неожиданностью.

Доктор Эмиль Бланшар ехал вдоль края большой площади. В ее центре стояла гильотина. Площадь Трона была не единственным местом во французской столице, где установили эти орудия казни. Хотя, вспомнил доктор, площадь после революции переименовали, и теперь она называется площадь Свергнутого Трона. Эта гильотина буквально днем ранее проглотила шестнадцать кармелиток. Страшное лезвие работало, не останавливаясь, уже несколько недель. Ежедневно оно отсекало тридцать, сорок, а то и полсотни голов.

Перед Бланшаром потянулась унылая улица Фобур-Сент-Антуан. Длинной каменной бороздой она вела от бедного квартала на запад, к далекому Лувру.

Бланшар пришпорил лошадь. Терять время было нельзя. Кто знает, может, он уже опоздал.

Сегодня рано утром он навещал одного ремесленника в Сент-Антуанском предместье, который стал одним из его первых пациентов, когда доктор только начинал практику.

Эмиль Бланшар был честолюбивым человеком. В первые годы правления Людовика XV, когда денежные дела Франции в недобрый час были поручены ловкому шотландцу по имени Джон Ло, страна пережила тяжелейший финансовый кризис, сравнимый с крахом «Компании Южных морей» в Британии. Дед Эмиля потерял все скромное фамильное состояние, а его отцу пришлось стать книготорговцем на левом берегу Сены. Чем меньше средств оставалось у отца, тем более грандиозными становились его либеральные идеи. Глядя на него, Эмиль твердо вознамерился обеспечить себе надежное положение в жизни и стал изучать медицину.

Достижения Бланшара не могли не вызывать уважение, особенно если учесть, что начинал он с нуля. Среди его пациентов теперь было множество богатых людей вроде де Синеи, щедро оплачивавших его услуги.

Старик, которого он навещал этим утром, не мог заплатить ему много, но Эмиль никогда не отказывался лечить бедняков, чем весьма гордился. Он как раз закрывал свой саквояж, заканчивая визит, когда за ним прибежал его сын:

– Де Синеи арестовали! Их эконожка заходила, тебя искала.

– Куда их отвезли?

В Париже было много тюрем, куда помещали врагов революции.

– В Консьержери.

– Консьержери?

Значит, все действительно очень серьезно. Немудрено, что доктор торопился.

К молодой супружеской паре он испытывал особую симпатию. Голубки – так называл их про себя Бланшар. Ему известно было об их страстном желании иметь ребенка, и он очень им сочувствовал, когда пользовал Софи после первого выкидыша и затем второго. Однако он успокаивал де Синеи:

– Я знаю множество пар, которые страдали подобным образом, а потом все устраивалось и у них рождалось многочисленное и здоровое

потомство.

Сейчас же стоял совсем другой вопрос: удастся ли ему спасти их жизнь? Бланшар сомневался в этом. Очень сомневался. Однако продолжал напряженно думать, подгоняя лошадь.

Впереди показались руины старой Бастилии. Он приезжал к ней и в тот день, когда ее штурмом взяли толпы горожан. Ему было известно, что мятежники, разграбив накануне арсенал Дома инвалидов, пришли сюда за порохом, хранившимся в старой крепости. Почему-то в дальнейшем стали считать, будто целью штурма было освобождение из тюрьмы горстки престарелых преступников, по большей части мелких мошенников.

Если бы Бастилию захватили несколькими неделями раньше, хмыкнул про себя Бланшар, то успели бы выпустить на свободу маркиза де Сада.

От Бастилии его путь лежал на запад мимо ратуши Отель-де-Виль. За ратушей начинался Лувр.

Сколько счастливых вечеров провел он в этом квартале во время последнего восхитительного десятилетия старого режима! А если точнее, чуть севернее Лувра, в гостеприимных садах вокруг дворца Пале-Рояль.

Либеральный кузен короля, герцог Орлеанский, живший во дворце, открыл его огромные дворы и колоннады для всех, кто верил в просвещение и реформы. Его называли Филипп Эгалите – кто с издевкой, кто с восхищением.

Чего на самом деле хотел герцог Орлеанский? Некоторые считали, что он мечтал о республике, но ходило и такое мнение, будто его истинной целью являлся захват трона. В кафе и тавернах под теми колоннадами можно было обсуждать все, что угодно. Под протекцией герцога там же устроили типографии, где печаталась революционная литература. Наполовину университет, наполовину парк развлечений, Пале-Рояль стал грядкой, где взошли первые семена революции.

Но герцогу Орлеанскому это не помогло. Несколько лет спустя революционеры, собравшиеся в здании всего в нескольких десятках метров от Пале-Рояль, осудили его и отправили на гильотину – так же, как и его кузена-короля.

Бланшар считал, что ему повезло с профессией. Сам он придерживался республиканских взглядов, но умеренных. Он прожил бы и с конституционной монархией, если бы пришлось. Но если бы он заседал в Национальном собрании или в Конвенте, то где бы он сидел? Не с монархистами, это точно. Скорее всего, с жирондистами, объединившими большинство либеральных республиканцев. Рядом с радикальными якобинцами Бланшар ни за что не сел бы, в этом он был уверен. А если так, то со временем, по мере того как революция становилась все более и более радикальной, его самого послали бы на гильотину эти якобинцы, пробивавшие себе дорогу к власти. А теперь они и вовсе начали казнить своих.

Политика была скользким и опасным делом. Даже влиятельный Лафайет не удержался на плаву. Провозглашенный героем революции в ее начале, назначенный командующим национальной гвардией, он в конце концов разошелся с якобинцами во взглядах и был вынужден бежать из Франции.

Нет, думал Бланшар, в политике он бы не выжил. А вот будучи доктором – и при условии, что не выйдет за рамки профессиональных обязанностей, – он оставался в стороне от драки. Он лечил Дантона и многих других. Кажется, к нему благоволили. И это давало ему шанс спасти своих молодых друзей, рассуждал Бланшар на пути к острову Сите.

Хотя нет, спасти обоих не получится. В лучшем случае одного.

Но для этого ему потребуется хладнокровие и смелость.

Найдется ли в Париже более жуткое здание, чем старинная мрачная тюрьма Консьержери? Софи о таких не слышала. Находилась тюрьма рядом с чудесной часовней Сент-Шапель, но ничто в ее облике не радовало глаз. В громоздких башнях за массивными стенами скрывались камеры и подвалы, куда помещали заключенных перед судом и казнью, – одновременно их там могло быть до тысячи человек. И мало кто из них имел надежду.

Софи уже знала, что погибнет.

Суд, если это можно назвать судом, не занял и нескольких минут. Их вывели из-за тяжелых каменных стен Консьержери и доставили в готический Дворец правосудия, стоящий по соседству. Там два больших

голых помещения были отведены под так называемые особые суды. Поистине – особые.

Софи полагала, что их вызовут вместе, но ошиблась. Этьена увели первым. Он исчез за большой дверью, и она не слышала ни слова из того, что там происходило. Наконец он вышел с посеревшим лицом. Этьен попытался улыбнуться и двинулся к жене, чтобы поцеловать ее. Но охранники не позволили ему этого и втолкнули Софи в зал суда. С глухим стуком захлопнулась тяжелая дверь.

Ее подвели к деревянному ограждению, о которое она могла опереться руками, и велели встать за ним. Напротив стоял стол, в самом центре которого сидел худой мужчина с узким лицом и пронзительными глазами, Софи он напомнил крысу. По обе стороны от него расположились еще несколько человек, очевидно судьи. В самом конце со скупающим видом устроился высокий тощий человек, весь в черном. За отдельным столом поодаль сидели еще люди – присяжные, как поняла Софи. Вдоль боковой стены шел ряд стульев. Один из них занимала крупная некрасивая женщина с черными волосами, которую Софи никогда раньше не видела.

Первым заговорил маленький человек по центру, из чего следовало, что он исполнял должность главного судьи.

– Гражданка Софи Констанция Мадлен де Синь, по Закону о подозрительных лицах вы обвиняетесь в предательстве, в принадлежности к врагам народа и революции. Признаете ли вы себя виновной?

– Не признаю, – сказала Софи как можно отчетливее.

Затем настал черед высокого человека в черном. Он не удосужился встать, когда спросил ее, встречалась ли она днем ранее со священником, известным как отец Пьер.

– Встречалась, – ответила она в полном недоумении.

– Вызовите свидетеля, – сказал человек в черном.

Крупная черноволосая женщина, сидевшая у боковой стены, поднялась и встала перед столом судьи.

Высокий обвинитель быстро удостоверился в ее гражданской благонадежности, и она поведала суду свою историю. Софи в ужасе услышала, что ее безобидное сочувствие судьбе кармелиток истолковано как нападки на революцию. Но окончательно повергло ее в

смятение заявление о том, будто она с мужем подбивала своих работников и крестьян присоединиться к Вандейскому мятежу.

– Ваша дочь была в церкви, когда услышала эти слова? – спросил обвинитель.

– Да. У нее отличная память, и она сразу пересказала мне все, что слышала.

– Но это же ерунда какая-то! – вскричала Софи. – Позвольте мне отыскать отца Пьера, и он подтвердит, что ничего такого я не говорила.

– Заключение, соблюдайте тишину, – сказал судья.

– Я не имею права на защиту?

– По Закону от двадцать второго прериаля второго года Французской республики, принятого Конвентом, – нараспев проговорил судья, – обвиняемым, представшим перед судом, не позволено иметь адвокатов и защищать себя. – Он обернулся к присяжным. – Каков ваш вердикт?

– Виновна, – произнесли они хором.

Судья кивнул и снова обратился к Софи.

– Гражданка Софи де Синь, – провозгласил он, – вы приговариваетесь к смерти через гильотинирование. Приговор будет приведен в исполнение немедленно.

На этом суд над Софи закончился.

Вместе с Этьеном и четырьмя другими несчастными она провела в камере два часа, когда появился доктор Бланшар. Стражник пропустил доктора внутрь, и он тепло обнял де Синею, однако на лице его лежала печать серьезности. Он уже знал о решении суда и пообещал договориться с тюремным священником, чтобы тот зашел к ним в камеру.

Потом Бланшар отвел Этьена в угол и о чем-то долго и напряженно шептался с аристократом. Софи не слышала, о чем шла речь, но видела, как Этьен согласно кивнул в конце. После этого Бланшар сказал ей, что рядом есть пустая камера, куда он просит ее выйти с ним на минуту. Подозвав стражника, он велел ему открыть дверь и жестом пригласил Софи следовать за ним. Этьен ободряюще улыбнулся ей. Совершенно сбита с толку, она пошла с доктором. В соседней камере Бланшар сказал, что хочет осмотреть ее.

Дело было рискованное. Сначала нужно суметь убедить судей. И не было никакой гарантии, что трибунал вообще обратит внимание на его слова. Но все же в недавнем прошлом имелось несколько примеров того, как отменяли или откладывали казнь беременным женщинам. Даже отсрочка исполнения приговора стала бы успехом. Несколько выигранных у смерти недель или месяцев могли как минимум дать новый шанс на спасение.

Вернув Софи в ее камеру, Бланшар быстро покинул Консьержери и отправился во Дворец правосудия. Там ему пришлось ждать почти час, прежде чем трибунал принял его.

Он знал, как с ними надо говорить. Его тон был уважительным, но профессионально твердым.

– У меня срочное сообщение для вас, – заявил он председателю суда. – Женщина де Синь беременна.

– Откуда вам это известно?

– Я только что осмотрел ее.

– Это выглядит подозрительно.

– Ничуть. Она молода и замужем.

– В таких случаях, доктор, мы обычно оправляем женщин в наш дом престарелых, где их осматривают сестры.

– Как пожелаете. Но прошу простить меня, если я буду настаивать на том, что могу поставить более точный диагноз, чем старые повитухи. Я специально занимался этой сферой медицины.

– Хм...

Председатель суда задумался. За спиной Бланшара стукнула дверь. Глаза судьи метнулись к вошедшему, и потом его голова опустилась в поклоне. Затем тишину пререзал резкий голос:

– Я послал к вам двух аристократов. По фамилии де Синь.

– С ними уже разобрались, гражданин, – сказал судья.

Бланшар обернулся и оказался лицом к лицу с Максимилианом Робеспьером.

Какая странная, загадочная личность, подумал Бланшар. Подавляющее большинство французов боялись его, и на это были причины, но он как врач видел в неподкупном якобинце интересный объект для изучения.

В основе своей якобинцы были атеистами. Если они и преклонялись перед чем-то, то только перед Разумом. Если ими двигали

какие-то чувства, то это была в той же степени ненависть к старому режиму, в какой и любовь к Свободе. Но не таков был Робеспьер. Он верил в Бога. Не в старого Бога Церкви, разумеется, а в нового, просвещенного Бога, которого сам придумал: в Высшее Существо. Робеспьер считал, что оно выражало себя посредством революции и что его воплощением на земле должен стать мир свободных и разумных людей.

Он вовсе не скрывал своих убеждений. Совсем недавно на просторном Марсовом поле, что лежало к югу от реки, он организовал публичный праздник Высшего Существа, и это мероприятие посетили тысячи людей. Некоторые сочли торжество напыщенным, другие – смехотворным, но, когда Робеспьер выступил с длинной и высокопарной речью, стало очевидно, что этот выдающийся якобинец не рядовой солдат революции, а ее верховный жрец.

Возможно, в этом крылась его сила. Возможно, это делало его таким беспощадным, таким непреклонным. Слуга Высшего Существа не страшился причинить боль простым смертным.

Тем не менее сам он тоже был смертным, а потому ему не чужда была зависть, даже мелочность.

– Однако возникла проблема, гражданин, – продолжал судья.

– Что за проблема?

– Этот доктор говорит, что женщина беременна.

Максимилиан Робеспьер направил холодный взгляд на Эмиля Бланшара. Его лицо ничего не выражало.

– Я вас знаю? – спросил он наконец.

– Однажды я лечил вас по просьбе вашего врача Субербьеля, когда он занемог.

– Да, теперь вспомнил. Вы Бланшар. Субербьеель высоко о вас отзывался. – (Эмиль поклонился.) – Вы говорите, что она беременна.

– Да.

Робеспьер не сводил с него взгляда:

– Дантон был в числе ваших пациентов?

– Да. Некоторое время.

Вопрос был, несомненно, опасен, но лгать было бы глупо. Робеспьера ответ Бланшара как будто удовлетворил.

– В тюрьме Тампль есть места? – спросил он у судьи, и тот кивнул.

– Де Синь приговорен к смерти, и пусть приговор исполнят немедленно. А его жену следует поместить в Тампль... на время.

Бланшар видел, как судья сделал запись.

Робеспьер повернулся, чтобы уйти. Потом ему что-то пришло в голову, и он остановился:

– Гражданин Бланшар, вы сказали, что та женщина беременна. Очень хорошо. Скоро мы в этом убедимся. – Он помолчал и предостерегающе поднял руку. – Но если окажется, что вы солгали и хотели помешать правосудию свершиться, тогда вы сами предстанете перед трибуналом. Я лично прослежу за этим.

После этих слов он покинул комнату.

Позднее в тот же день доктор Эмиль Бланшар стоял на огромной площади между садом Тюильри и Елисейскими Полями. Ее в свое время называли площадью Людовика XV, но теперь переименовали в площадь Революции. В ее центре стояла гильотина.

Он знал маршрут, которым двигались повозки с осужденными на казнь. От Консьержери через реку и дальше по улицам, на которых собирались толпы народа, чтобы смотреть, издеваться или осыпать проклятиями – кому что захочется. Повозка, на которой находился Этьен де Синь, была в тот день последней. Когда она въехала на площадь, Бланшар сумел разглядеть своего молодого друга.

Зеваки почти не отреагировали на прибытие этой повозки, возможно, потому, что не знали осужденных в лицо. Или потому, предположил Бланшар, что уже начали уставать от бесконечного кровопролития, свершающегося у них на глазах каждый день. Так или иначе, появление Этьена на площади не вызвало особого всплеска оскорблений. Очень бледный, он смотрел на высокую гильотину.

Какая ирония, думал Бланшар. Устрашающую машину смерти предложил использовать во Франции не кто иной, как врач, почтенный доктор Гильотен, в качестве более гуманного способа казнить преступников: при падении лезвия с высоты смерть наступала мгновенно. И по этой причине многие возражали против введения гильотины, говоря, что врагов революции нужно заставить страдать, что их следует разрывать на части, как поступали в старые добрые времена с предателями. К тому же добродетельной публике такое зрелище доставит больше удовольствия.

Стоя на площади перед гильотиной, Бланшар с особой ясностью понял, что над его собственной судьбой тоже навис меч. Через месяц или два – самое больше через три – он сам прибудет сюда в такой же повозке. Робеспьер увидел его насквозь. В своем стремлении спасти жизнь Софи Эмиль Бланшар диагностировал беременность, которой не было.

Софи не хотела идти на эту уловку.

– Я умру с тобой, – говорила она Этьену.

Но тот даже не стал слушать ее возражения и сказал, что она должна воспользоваться шансом, который дал ей доктор Бланшар.

– Если ты откажешься, – убеждал де Синь жену, – то сделаешь мою смерть еще труднее.

Итак, она проживет чуть дольше, в тюрьме. Потом правда выйдет наружу, и ее все равно казнят. Бланшар же предстанет перед трибуналом, после чего его погрузят в эту повозку и привезут, вероятнее всего, на эту самую площадь, положат под тот же самый нож. А его жена и дети останутся без защитника и кормильца.

Один акт милосердия, один безрассудный поступок. Он совершил его из лучших побуждений, но просчитался, и теперь ошибка будет стоить ему жизни. Как он мог пойти на такой риск? Он проклинал свою глупость. И в тот момент Бланшару показалось, что нет в мире ни справедливости, ни высшей цели. Только сила и бдительность, скрытность и счастливый случай могут отсрочить смерть, а человеческое общество ничем не отличается от зверей в лесах и рыб в море.

С печалью и жалостью, но и со страхом Бланшар наблюдал, как Этьена де Синя привели на помост, положили на скамейку под страшным косым лезвием и оно в ту же секунду с жутким дребезгом упало вниз.

Он увидел, как голова Этьена скатилась в подставленную корзину. А потом высокая женщина, стоявшая у самой гильотины, сунула руку в корзину, схватила голову за волосы и высоко подняла ее в знак триумфа.

Неделя, которая последовала за казнью де Синя, была для доктора Бланшара трудной. Иногда ему хотелось рассказать все жене, с которой Эмиль привык всем делиться, но останавливало чувство стыда. Что

скажет его бедная семья, когда узнает, что он так безответственно пошел на смертельный риск ради Софи де Синь? Неужели он даже не вспомнил о них, когда поставил на карту свою жизнь, их безопасность и счастье? Какой он после этого муж и отец? И что хуже всего: своим поступком он ничего не добился. Софи все равно погибнет. Все было напрасно. Он полный идиот.

Поэтому Эмиль Бланшар молчал.

Себе он говорил, что оберегает семью. Зачем ввергать своих близких в пучину отчаяния раньше срока? Пусть наслаются тем временем, что осталось у них перед тем, как их мир взорвется. Он посвятит всего себя тому, чтобы сделать эти последние месяцы самыми счастливыми в их семейной жизни.

И до определенного момента доктору казалось, что у него это получается. В первый вечер, когда дочка предложила ему партию в карты, он сел за стол и провел за бессмысленным занятием более часа, хотя до сих пор на все подобные просьбы отвечал отказом. Когда сын из-за небрежности порвал свою лучшую куртку, Бланшар улыбнулся сочувственно и сказал, что такое могло приключиться с каждым. С женой он был любящим и заботливым. Через три дня Эмиль почти гордился собой. Несмотря на все свои недостатки, думал доктор Бланшар, в трудную минуту он ведет себя как подобает, и это будут помнить, когда его не станет. Каково же было его удивление, когда в тот же вечер, как только они остались наедине, жена посмотрела на него тревожно и спросила:

– Что случилось?

– Ничего, – ответил он. – Почему ты спрашиваешь?

– Ты какой-то напряженный. И вид у тебя несчастный.

Он чуть не поддался порыву во всем признаться, но вместо этого воскликнул:

– Ничего подобного, дорогая! Времена сейчас нелегкие, тут не поспоришь. Но для меня величайшая отрада в жизни – это жена и дети.

С утра Бланшар удвоил свои усилия.

Миновали сутки, потом еще одни. Каждый день все новые зачинщики заговоров, реальных и воображаемых, представляли перед трибуналом, неустанно катились одна за другой повозки от тюрьмы к гильотинам. Но доктор Бланшар продолжал следовать своему плану: расточал в семье улыбки и любовь, скрывая в душе ад.

Почти десять дней прошло после казни Этьена де Синя, когда из Конвента пришла новость: Робеспьер нарушил длившееся месяц затворничество и вернулся, чтобы произнести речь. Но если раньше каждое его слово встречалось бурными рукоплесканиями, то на этот раз случилось невероятное. Бланшар услышал обо всем от адвоката, который оказался свидетелем той сцены.

– Его криками заставили замолчать, – взхлеб рассказывал адвокат. – Больше не желали слушать. Робеспьер зашел слишком далеко. Никто уже не понимал, кого и в чем он обвинит в следующий раз. После того праздника в честь Высшего Существа в Конвенте стали говорить, что он возомнил себя Богом. И у Дантона, знаете ли, было много друзей. Раньше они не смели поднять голову, но не простили Робеспьеру того, что он сделал.

– Но Робеспьер все еще грозный противник, – осторожно заметил Бланшар. – Те, кто заглушил его криками, могут пожалеть об этом.

Однако он ошибся. Потому что днем позже стало известно о еще более поразительном событии. Кто-то, затаивший на Робеспьера злость, попытался застрелить его и ранил в лицо.

И потом это случилось. Возможно, недовольство, исподволь копившееся в людях, выплеснулось бы в любом случае. Бланшар не мог сказать наверняка. Но теперь, увидев Робеспьера сначала лишенным слова, а затем раненым, Конвент набросился на него с животной яростью, как набрасывается стая волков на вожака, давшего слабину. От скорости расправы занимался дух. Робеспьера судили и приговорили к смерти. Потом, с перевязанной челюстью и все еще в крови, непреклонного, неподкупного якобинца и верховного жреца революции отвезли, как ранее множество его жертв, на площадь Революции и под рев толпы гильотинировали.

В течение дня десятки его ближайших соратников постигла та же участь.

Гильотина добралась до самого Террора. Террор закончился.

«Как это скажется на моей судьбе?» – задавался вопросом Эмиль Бланшар. Софи де Синь все еще считалась беременной. Когда обнаружится, что это не так, приведут ли в исполнение смертный приговор, вынесенный трибуналом? Вспомнят ли о его, Бланшара,

роли? Ведь Робеспьер говорил с ним при свидетелях. Существует ли по-прежнему риск, что его арестуют? Предугадать было невозможно.

Он навещал Софи в тюрьме и каждую неделю носил ей еду. Даже через три недели после казни она жаловалась на кошмары, приступы дрожи и несварение желудка.

– Меня тошнит при виде еды, – печально говорила она доктору.

Но он объяснил ей, что эти симптомы вполне ожидаемы после пережитой ею ужасной потери и со временем исчезнут.

Бланшар был уверен, что так и будет. Софи была здоровой молодой женщиной. Что уготовано ей в будущем, он пока не мог знать и старательно избегал этой темы в беседах с ней. В течение месяца с каждым его визитом она как будто становилась спокойнее, хотя по-прежнему страдала от различных недомоганий.

Тюрьма, в которой содержали Софи, имела богатую историю. Давным-давно она была крепостью ордена тамплиеров в их владениях на окраине Парижа. Сейчас, помимо обычных людей, здесь томились в заключении и несколько особ королевской крови. Софи повезло: ее камера находилась достаточно высоко над землей, чтобы через узкое окно видеть здания и кусок неба.

Одним сентябрьским днем доктор Бланшар вновь отправился в Тампль. К этому времени он уже хорошо познакомился с тюремными стражниками. Несколько маленьких подарков, быстрое и бесплатное вскрытие фурункула, досаждавшего главному надзирателю, – и доброго доктора встречали в Тампле с приветливыми улыбками. Никто не возражал против букетика цветов, который он принес Софи в тот день помимо обычной провизии и бутылки бренди для самих надзирателей, конечно же. Но Софи доктор застал в некоторой растерянности. Он осведомился, как она себя чувствует.

– Как вы помните, на прошлой неделе у меня еще слегка кружилась голова, – сказала она, – и вы мне дали снадобье от этого.

– Да, помню. Помогло ли оно вам?

– Есть еще кое-что... – Она потрясла головой. – Я вам говорила, что меня тошнит от еды, и вы обещали, что это постепенно пройдет. И правда, мне уже лучше. Но я заметила другое: у меня не было регул в этом месяце. И в прошлом тоже.

Бланшар понял ее.

– Я должен вас осмотреть, – сказал он.

Некоторые доктора и повитухи клялись, что могут судить о беременности по урине женщины. Он тоже мог сделать этот анализ, если того хотели пациенты, но сам не считал его убедительным. А вот если у женщины два раза кряду не приходила менструация, Бланшар почти не сомневался, что она беременна. Иногда случались ложные беременности, но с годами у него развилось чутье, которому он доверял. Через несколько минут он объявил Софи:

– Кажется, мадам де Синь, у вас все-таки будет ребенок.

Последующие месяцы были странными. Умеренные жирондисты пошли на подъем, якобинское движение стало объектом критики и ненависти. Даже когда банды золотой молодежи – мюскадены – задирали якобинцев на улицах, никто за них не вступался.

Хотя комитет общественной безопасности и трибунал все еще существовали, их власть шла на убыль. Иные из тех, кого якобинцы бросили за решетку, пока оставались там, но многих освободили. Даже части аристократов, бежавших за границу, позволили вернуться.

К началу 1795 года некоторым церквям разрешили снова проводить богослужения – при условии, что не будет колокольного звона и крестов на фасаде.

То было время противоречий и путаницы, но, по крайней мере, не террора.

Вот так и вышло, что в марте 1795 года, когда в дополнение к политическому хаосу в Париже начались проблемы с поставками хлеба, доктору Бланшару удалось получить разрешение увести Софи де Синь в преддверии родов из крепости Тампль под его ответственность. Ведь тогда, убеждал он власти, тюрьме придется кормить на одного заключенного меньше. А после рождения ребенка никто, казалось, не обратил внимания на то, что доктор без лишней огласки перевез малыша и его мать в родовой замок де Синеи в долине Луары.

Софи назвала мальчика Дьедонне – «дар Бога», и Бланшар считал, что ребенка поистине послали высшие силы.

В дальнейшем Эмиль Бланшар и Софи старались поддерживать связь. Он весьма гордился тем фактом, что именно ему, Бланшару, благородное семейство де Синь обязано спасением от гибели. Софи же

твердо решила вырастить сына вдали от Парижа, которого стала бояться. Ее стремление доктор вполне мог понять. Дьедонне де Синь, таким образом, воспитывался в сельской тиши, и в этом, рассуждал Бланшар, не могло быть ничего дурного.

Не то чтобы жизнь в Париже была слишком плоха. Революция извлекла из Большого Террора важные уроки. Постепенно сформировалась законодательная власть с двумя палатами, которые избирались и подчинялись закону. Без проблем не обошлось. Среди законодателей преобладали члены Конвента. Вспыхивали восстания, их подавляли. Но за четыре года новая система, возглавляемая Директорией в составе пяти человек, навела в стране относительный порядок.

Эмиль все собирался выбраться в долину Луары, чтобы навестить Дьедонне и его мать, но каждый раз поездке что-то мешало.

В Париже действительно было много дел. Его медицинская практика процветала – он стал лечащим врачом ряда политиков и их семей. Но, пожалуй, самым важным из всех его пациентов была очаровательная дама, вдова с двумя детьми, в то время бывшая любовницей Поля Барраса – одного из членов Директории.

Это знакомство было полезным и само по себе, но последствия его превзошли самые смелые ожидания Бланшара.

Дело в том, что Баррас решил расстаться с Жозефиной и устроил ее брак с молодым и подающим большие надежды генералом, который был без ума от нее. В результате Бланшар оказался другом молодого Наполеона Бонапарта.

– И с тех пор для меня началась новая жизнь, – так потом говорил Бланшар своим детям и внукам.

Да, несмотря на свои недостатки, будущий консул и император Франции был верным другом. Решив однажды, что лечащий Жозефину доктор – честный и толковый человек, он стал рекомендовать его всем своим знакомым. Естественно, знакомые Бонапарта принадлежали к числу самых богатых и влиятельных людей Франции, так что Бланшар получал хорошее вознаграждение за свои услуги.

Уникальное правление императора Наполеона, ознаменовавшееся победами, имперским величием и трагедией, закончилось в 1815 году поражением при Ватерлоо, но к этому моменту доктор Эмиль Бланшар

был очень состоятельным человеком, готовым отойти на покой. Специально для этой цели он уже приобрел чудесный дом в Фонтенбло.

Хотя нельзя сказать, будто отречение императора повлияло на карьеру доктора. Его положение было прочным, имя пользовалось уважением. Реставрация монархии принесла доктору Бланшару больше аристократических пациентов, чем он мог принять. Кроме того, она дала ему шанс сделать еще одно доброе дело роду де Синей.

В 1818 году один из знатных клиентов почтенного доктора предложил представить его королю. Естественно, Бланшар принял это предложение с радостью и интересом.

Король оказался примерно таким, каким Эмиль представлял его себе: полнотелым, но с определенным благородством и величием в облике. Когда аристократ сообщил королю, что в годы революции Бланшар лечил таких людей, как Дантон и Робеспьер, доктор немного испугался: вряд ли подобная информация расположит к нему монарха. Но тот благосклонно отнесся к этому факту и даже попросил Бланшара поделиться впечатлениями от встреч с революционными вождями. Потом король захотел узнать, какое событие тех лет запомнилось доктору больше всего. Эмиль не сразу сообразил, что сказать, но потом вспомнил несчастного Этьена де Синя и его сына, о котором не вспоминал уже несколько лет.

Он рассказал монарху всю историю от начала до конца.

– И таким образом ваша ложь о том, что дама беременна, не только спасла ей жизнь, но и оказалась правдой?

– Абсолютно точно, ваше величество. Должно быть, зачатие произошло за день или два до ареста супругов.

– Это настоящее чудо.

– Мальчика назвали Дьедонне, сир, поскольку он стал поистине даром Небес. Благодаря ему род не угас.

– Не просто род, мой дорогой доктор, а род, который служил моим предкам многие столетия. Я не знал об этом удивительном обстоятельстве. – Король был восхищен историей Бланшара. – Вот что, – заявил он вдруг. – Коли Бог выказал такое благоволение к де Синям, их королю следует поступить так же. Я сделаю мальчика виконтом.

Вскоре доктор Бланшар с искренним удовольствием послал Дьедонне и его матери свои поздравления.

Глава 25

1936 год

Когда Роланд де Синь в первый раз сделал ей предложение, Мари совершила ошибку. Она отказалась.

– Это огромная честь для меня, – сказала она, – и я глубоко тронута. Но вам нужна жена, которая посвятит всю себя вам, и вашему поместью, и вашему сыну. Я не смогу этого сделать, поскольку много времени и сил отдаю «Жозефине». От меня вам не будет никакой пользы. – Она улыбнулась. – Если бы не этот факт, мой ответ, скорее всего, был бы «да». Ну а так... Я не хочу быть несправедливой по отношению к вам.

– Делая вам предложение, я не ставил никаких условий.

– Знаю. Но это не меняет наших нынешних обстоятельств. – Она нежно притронулась к его руке. – Я очень надеюсь, что мы сможем остаться друзьями.

– Конечно.

– И я считаю, что вы правы. Вы позволите мне высказаться на эту тему? Вам надо жениться. В Париже несчетное количество очаровательных женщин, которые будут счастливы сказать вам «да».

– Но я спрашивал вас, – подчеркнул виконт.

– Есть множество куда более подходящих кандидатур.

– Что же, – сказал он сердито, – если вы так уверены в этом, тогда найдите мне жену.

– Вы хотите, чтобы я нашла вам жену?

– А почему нет? Вы говорите, что являетесь моим другом и что, по-вашему, вокруг масса подходящих мне женщин, хотя себя к ним не относите. Очень хорошо. Покажите их мне. Я доверяю вашему суждению. Вы подберете мне женщину, и я женюсь на ней.

Мари тогда сочла все шуткой. Однако с течением времени они с виконтом сблизились, и она действительно отобрала двух женщин своего круга, представила их Роланду и устроила так, чтобы он получил возможность познакомиться с каждой поближе.

Первая, сказал он ей честно, была красива, но пресловутая искра между ними не пробежала.

Вторая ему понравилась больше, но показалась недалекой.

– Ах, какой вы разборчивый! – воскликнула Мари.

– Возможно. Но мне придется попросить вас попробовать еще раз.

На поиски третьей кандидатуры у Мари ушел целый месяц. Найденная невеста была знатного рода, интересна в общении, элегантна, то есть идеальна во всех отношениях. Роланд сводил ее в Оперу и потом в ресторан, а потом внезапно явился к Мари с визитом.

– Ну, – спросила она, – как вам понравилась эта дама?

– Не подходит, – покачал он головой.

– А с ней что не так?

– Слишком умна.

Мари рассмеялась:

– Нет, вы не просто разборчивый, вы – невозможный!

– Ничего не могу с этим поделать. – Он развел руками.

Она взяла его за лацканы сюртука, делая вид, будто хочет встряхнуть. Неизвестно, ожидала ли Мари, что в ответ Роланд прижмет ее к себе и поцелует, но он это сделал, и в тот вечер они стали любовниками.

– Хорошо, я буду твоей любовницей, но только до тех пор, пока ты не женишься, – заявила она.

А потом Клэр уехала в Америку. Мари и не представляла, какие последствия повлечет исчезновение дочери. Без Клэр в «Жозефине» все пошло не так. Они с Марком пытались найти ей замену, но никто их не устроил. И вскоре брат и сестра пришли к одному и тому же выводу: работа в универмаге перестала доставлять им удовольствие. Торговля приносила прибыль, тем не менее они оба предвидели, что рано или поздно «Жозефина» превратится в заурядный магазин, каких много в любом городе. Они решили закрыть универмаг.

У Мари больше не стало работы. И она была одинока.

Нет никаких оснований жаловаться, внушала она сама себе. У нее есть брат и престарелые родители, а также невестка и племянники. И множество друзей. И любовник.

Но от единственного ее ребенка Мари отделяет океан, и внуки, когда те появятся в этом мире, тоже будут бесконечно далеки от нее.

Магазин, заполнявший все ее дни и мысли, больше не существует. Ей нечем занять себя.

Роланд, читая ее мысли, снова сделал ей предложение, и на этот раз она приняла его. Потом он поступил очень умно: сделал вид, будто поместье находится в более запущенном состоянии, чем на самом деле. И замок, уверял он Мари, давно нуждается в ремонте. Итак, у нее появилась задача. Она снова ощутила свою полезность.

И правда, нужно было принять множество решений. Перво-наперво – что делать с особняком в Париже. При всех возможностях де Синя содержание дома становилось обременительным.

– Самым разумным выходом было бы постоянно жить в замке, а в Париже достаточно квартиры, – сказала мужу Мари.

– Я понятия не имею, как жить в квартире, – пожаловался Роланд.

Но она догадалась, что он прекрасно знает: так и надо поступить. А ее роль – роль жены из крупной буржуазии – состоит в том, чтобы все организовать, пока он будет говорить своим друзьям-аристократам, будто это она заставила его продать особняк. Поскольку большинство этих друзей уже сделали то же самое, у Роланда останется право считаться последним апологетом старого режима. Вообще же, очень мало кто мог позволить себе теперь держать особняк в Париже – несколько промышленников, крупные еврейские династии вроде Ротшильдов, которые владели великолепным дворцом возле Елисейских Полей, и горстка богатых еврейских семей, селившихся в окрестностях парка Монсо.

Но Мари придумала умный компромисс. В течение двух сезонов де Сини устраивали в особняке блестящие приемы. Это дало Роланду шанс показать свою жену всем старым друзьям и многим другим особам, которых Мари удалось пригласить. С ее организационным талантом и знанием мира моды она сделала эти приемы незабываемыми. Кульминацией стала вечеринка в честь сына Роланда.

Летом 1929 года они продали дом за огромную сумму. Три месяца спустя произошел крах Уолл-стрит. На следующий год за небольшую часть полученных от продажи дома денег они купили превосходную квартиру на близлежащей улице Бонапарта. Обставив ее лучшей мебелью из особняка, они получили фантастический результат.

Одновременно с этим Мари, не нарушая буколического очарования замка, что было бы равноценно акту вандализма, успела заново

отделать гостиную в старой части дома, создала чудесную столовую и обновила несколько спален с помощью мебели, оставшейся от парижского особняка.

Ее отношения с замком сложились особенно счастливо. Еще до свадьбы Мари советовалась с Роландом, как ей следует обращаться с людьми в поместье, поскольку для нее это была совершенно новая сфера жизни.

– Когда ты приступала к работе в «Жозефине», – сказал он, – это было твое собственное творение, так что ты там была главной с самого начала. Но поместьем уже несколько сот лет. Это как вступить в старый полк. Я бы посоветовал тебе спрашивать у всех, как делается то или иное. Пусть они примут тебя, и только потом можно будет думать о каких-то переменах.

Это был дельный совет, и Мари последовала ему. Все в поместье знали, что она была богатой и властной женщиной, и скрепя сердце готовились к нововведениям, а потому были очарованы, когда она, прибыв в замок, повела себя скромно и проявила готовность учиться.

Да, жизнь, в которую вступала Мари, была новой для нее. В старинной сводчатой кухне и кладовых замка она увидела вяленые окорока, говяжьи грудинки, кадки с молоком, а также плоды и овощи, и все это производилось в поместье. Ее муж уходил под вечер в свой лес и возвращался с голубями, которых подстрелил, когда птицы вылетали на закате «проводить солнце». Впервые в жизни Мари оказалась в настоящей сельской Франции, где человек и природа существуют бок о бок точно так же, как и тысячи лет до этого. Будучи на положении хозяйки замка, она тем не менее решила научиться всему, в том числе как освежевать зайца и ощипать фазана. Очень скоро ее муж, проходя мимо кухни, услышал доносящийся оттуда смех и понял, что его жена и повар нашли общий язык.

Возможно, самым счастливым днем для нее стал тот, когда Роланд пригласил ее родителей провести у них в замке несколько летних дней. Мать к тому времени стала уже настолько слаба, что поездка была ей не под силу, но отец принял приглашение.

Роланд все сделал наилучшим образом. Ужин утомят бы старого Жюля, поэтому Роланд устроил обед, на который пригласил кое-кого из соседей, и произнес прекрасную речь, приветствуя Жюля не только как тестя, но и как близкого друга своего покойного отца.

– На самом деле, – добавил виконт любезно, хотя слегка погрешил против истины, – если бы не внезапная смерть отца и не перевод моего полка на восток Франции, я мог бы попросить руки вашей дочери еще много лет назад. Но прежде чем я успел привести свои войска в боевой порядок, появился другой счастливец и увел Мари.

Несмотря на почтенный возраст, старый Жюль был весьма бодр. Он с живым интересом ознакомился с поместьем, и Мари обнаружила, что о сельском хозяйстве ему известно гораздо больше, чем она предполагала. Перед отъездом он сказал:

– Я был так рад и горд, когда ты занялась «Жозефиной». Но теперь я не менее счастлив видеть тебя здесь. – Он улыбнулся. – Ты этого не знала, потому что была совсем малышкой, но раньше я очень любил бывать на фермах тех людей, с которыми мы вели дела. Потому что провинция – фермы, деревни и поместья, такие как ваше, – это и есть подлинная Франция, которой принадлежит сердце каждого француза.

Также Мари всерьез занялась верховой ездой. Роланд давал ей уроки, а каждое утро она выезжала на прогулку с конюхом. Очень скоро она уже начала брать невысокие барьеры. В местном лесу проводилась охота: добывали в основном оленей, иногда кабанов. Поскольку рельеф вокруг поместья был не слишком сложный, кроме мужчин, в охотничьей партии иногда бывало и две-три женщины. Однажды Роланд предложил Мари присоединиться к нему во время следующей охоты, и она, посомневавшись, согласилась. Но когда старший конюх с тревогой уточнил у нее, действительно ли она собирается поехать, она тут же отправилась к Роланду и спросила, не кажется ли мужу, что конюх недоволен ее участием в охоте. С огромным облегчением она услышала ответ Роланда:

– Все совсем наоборот. Он так горд твоими успехами в верховой езде, что хвастался ими всем своим приятелям. – Роланд усмехнулся. – Теперь он боится, что ты не поедешь.

– Откуда ты знаешь? – спросила Мари.

– Он сам мне сказал.

Закончив с ремонтом дома, Мари направила свое внимание на библиотеку. В ней имелось некоторое количество редких изданий XVIII века, но почти ничего с более поздних времен. И она принялась за работу.

– Ты неумолима, – смеялся Роланд, глядя, как она выписывает для библиотеки замка классические произведения XIX века и наиболее интересные образцы современной литературы. Он не собирался читать ни одну из этих книг, но жену не останавливал.

Куда больший интерес для Роланда представлял более долгосрочный проект, предпринятый Мари.

Архивы семьи де Синь не могли похвастаться упорядоченностью.

– Мой отец собирался рассортировать бумаги, – сказал виконт, – но смерть настигла его раньше, чем он успел закончить начатое.

В ящиках комодов лежали пачки писем, перевязанные лентами. На чердаке громоздились сундуки неразобранных документов и пергаментов, датированных XVI веком.

– Вероятно, тут целый клад, – сказала Мари мужу, – если только мы сумеем в нем разобраться.

– Тебе на годы хватит дел с этими бумагами. А будущие поколения благословят твое трудолюбие.

Разбор архивов был важен не только потому, что все касающееся предков для любого аристократа имеет большое значение. Однажды Мари выяснила, что семья мужа владела несколькими полями в пяти километрах от замка, о чем забыла в беспокойные дни революции. Роланд был столь же горд тем, что его знатная семья могла забыть о такой детали, сколь и доволен возвращением земель в его собственность.

Как-то вечером Мари пришла к мужу с небольшой шкатулкой писем и спросила:

– А ты знал, что у тебя могут быть родственники в Канаде?

– Нет. – Он нахмурился. – Более того, я уверен, что в Канаде де Синей быть не может.

– Что ты тогда скажешь об этих письмах? Они были написаны в начале семнадцатого века и адресованы владельцу замка. Автор – его брат, который уехал в Канаду и там остался жить. Все я не читала, но понятно, что братья были очень привязаны друг к другу и переписывались регулярно. Интересно, остались ли у канадского брата потомки.

Роланд, как показалось Мари, смутился:

– Вроде бы нам писал какой-то канадец. Но я не знаю, имеет ли он отношение к этому родственнику семнадцатого века или нет. – Роланд

пожал плечами. – Возможно, ответил я ему довольно резко.

– Всегда можно написать новое письмо.

– Это было очень давно, – пробормотал Роланд.

И поскольку эта тема явно не доставляла мужу удовольствия, Мари больше не поднимала ее, но продолжила наводить порядок в документах.

Роль хозяйки замка ей понравилась, и Мари считала, что со временем станет исполнять ее безупречно. И только об одном она сожалела: о том, что не вышла за Роланда замуж несколькими годами ранее, чтобы успеть стать матерью для Шарля.

Все звали его Шарли. Серьезный мальчик, с которым она впервые познакомилась во время осмотра Мануфактуры гобеленов, был еще школьником, когда Мари и Роланд поженились. Очень похожий на отца, он отличался от Роланда тем, что был брюнетом, а не блондином, и Мари подозревала, что после тридцати его волосы начнут редеть. Как свойственно мальчикам, он был немного неуверен в себе и иногда замкнут, но Мари вела себя с ним прямо и дружелюбно, и ему это нравилось. Она никогда не давила на него, чтобы добиться откровенности, зато не забывала каждый раз поинтересоваться его мнением и сама всегда делилась с ним своими взглядами об всем на свете – от политики до брака. Мари надеялась, что сумела сделать для него дом теплым и уютным.

За первый год они начали узнавать друг друга поближе, но тут ему настало время идти служить в армию.

Либеральные правители Франции двадцатых годов не имели большого желания наращивать военную мощь, ибо армия всегда была их врагом. Поэтому Шарли служил всего год. Но этого хватило, чтобы превратить долговязого подростка в крепкого, спортивного юношу. Опыт военной службы не пробудил в нем стремления пойти по стопам отца, да Роланд и не настаивал. Шарли начал изучать право в Сорбонне, правда без особого усердия. Это не означало, однако, будто у него отсутствует честолюбие. Напротив, Шарли имел совершенно конкретную цель.

Он хотел стать героем.

Мари рассудила, что для Шарли это весьма естественное желание. Он – молодой аристократ, наследник родового поместья. В среде

молодых людей, с которыми он общается, от него ожидают соответствующих поступков. И он обнаружил, что может их совершить.

Он уже умел отлично ездить верхом и охотиться. В первую зиму после возвращения из армии он занялся лыжами. И отец позволил ему купить кабриолет, которым Шарли научился мастерски управлять.

Они с Мари по-прежнему прекрасно ладили: вместе с Роландом ездили на охоту, и иногда Шарли катал Мари по окрестностям, взяв с нее обещание не рассказывать отцу, какие головокружительные скорости он предпочитает. В 1934 году он поменял кабриолет на нечто особенное – новый стильный «Вуазен С25». Мощный американский двигатель и неповторимый кузов в стиле ар-деко сделали эту модель мечтой каждого автолюбителя.

В Париже Мари знакомила Шарли с тем, что мужчине полезно знать о женской моде, что делает мужчину привлекательным в глазах женщин, что нравится дамам, – в общем, пыталась подготовить его к взрослой жизни. Он все схватывал на лету, и вскоре на самых модных скачках в Лоншане и Довиле Шарли стал появляться неизменно в обществе красавиц. Он воплощал в себе все, чем должен быть молодой аристократ. Отец гордился им, и Мари доставляло удовольствие видеть мужа таким счастливым.

Также Мари стала свидетелем того, как Шарли обрел новую страсть.

Его отец был равнодушен к музыке. От варьете «Фоли-Бержер» в молодости до мюзик-холла «Казино-де-Пари» в послевоенные годы, он всегда любил бывать на эстрадных представлениях.

– Я бы хотел, чтобы ты посмотрел, как работают в паре Морис Шевалье и Мистенгетт, – говорил он Шарли, – но Шевалье сейчас в Париже, и я не думаю, что он вернется.

Но Шарли открыл для себя джаз.

Сначала его называли регтайм. Тоненький ручеек первых исполнителей потек из-за Атлантики, еще когда Шарли был ребенком, а в двадцатые годы в Париже гастролировало уже множество чернокожих музыкантов. К их удивлению, французов мало волновала расовая принадлежность. Отчуждения, к которому привыкли афроамериканцы в Нью-Йорке – даже в таких местах, как музыкальный клуб «Коттон», – в Париже не существовало. Вскоре Монмартр стал известен как второй Гарлем. Шарли бывал там постоянно. Поскольку джазовая сцена не

затихала до утра, то появились кафе, где подавали завтрак двадцать четыре часа в сутки, и Шарли часто возвращался домой лишь на рассвете.

Самой выдающейся из всех чернокожих исполнителей была, несомненно, Жозефина Бейкер. Она танцевала почти полностью обнаженная. Не имея никакого музыкального образования, она пела так хорошо, что триумфально выступала даже в оперетте. В Америке она была негритянкой, которую могли не пустить в гостиницу или ресторан. В Париже она была выдающейся артисткой, которую повсюду встречали как звезду. Шарли ходил на ее выступления в ночных клубах, а Роланд водил жену на более сдержанные ревью.

Шарли считал, что для полного счастья ему не хватает лишь одного. Он мечтал летать на аэроплане. Ведь аэроплан – еще более эффектная вещь, чем его раритетный автомобиль. А отец не хотел покупать аэроплан сыну.

– Я должен хотя бы иногда отказывать Шарли, – объяснил Роланд жене. – А иначе совсем разбалую его.

Мари уставилась на мужа. Должно быть, это шутка. Его сын, хоть и милейший юноша, был избалован давно и безнадежно.

Но Роланд вовсе не шутил. И этот диалог напомнил Мари о принципиальной разнице, которая существует между ней и мужем.

Сначала Мари о ней не догадывалась. У Роланда было множество причуд в отношении того, что можно, а что нельзя говорить, или носить, или делать, и все они отражали его принадлежность к богатой знати. Некоторые из этих привычек Мари наблюдала и у отца как человека светского, однако у Роланда их было гораздо больше. Она находила их забавными, и муж не возражал, когда она поддразнивала его, поскольку все они подчеркивали его благородное происхождение.

Но за ними, этими безобидными особенностями поведения, лежало нечто более фундаментальное. Вот с этим Мари было труднее разобраться.

Несмотря на героическую светскую жизнь, у Шарли случались периоды дурного настроения, во время которых он становился потерянным и ранимым, словно подросток. Мари полагала, что причиной тому всего лишь природная склонность к унынию, ничего серьезного. И тем не менее, думала она, Шарли был бы счастливее, если бы ему было чем себя занять.

В первое время она поражалась тому, как мало успевал он сделать за день. Если утром приходил портной, чтобы снять мерки для нового костюма, Шарли считал такой день плодотворным. Когда Мари вспоминала, сколько всего она умудрялась сделать за рабочий день, когда управляла «Жозефиной», то находила темп жизни Шарли почти комичным. И нельзя сказать, что сын Роланда отличался особой леностью. Если, например, появлялся новый метод в ведении сельского хозяйства, который казался Шарли полезным для поместья, то внедрению этого метода он отдавал всего себя. Когда они с отцом решили разводить грибы, Шарли стал экспертом по созданию грибных грядок и всего процесса, и в результате начинание обернулось большим успехом. Но как только все наладилось и пошло своим чередом, Шарли немедленно вернулся к светской жизни.

– Наверное, все дело в том, что я из буржуа, – заметила Мари мужу как-то вечером. – Я выросла в среде, где мужчине каждый день положено идти на работу. У него должна быть профессия, фирма, занятие. Мне кажется, что иначе просто невозможно.

– Благородная традиция, по крайней мере во Франции, состоит в том, чтобы аристократы вели солдат на битвы, – ответил Роланд. – Чтобы они сражались и погибали за нашего короля и страну. А когда мы не заняты войнами, то управляем своими поместьями и следим за своим гардеробом, чтобы выглядеть элегантно. Последний пункт особенно важен.

– Большинство людей иначе смотрят на вещи.

– Мы не принадлежим к большинству.

– Как я понимаю, тебя не смущает отсутствие постоянного занятия. То есть работы.

– Напротив! Я бы стыдился, если бы имел работу.

– Ежедневный труд ниже твоего достоинства?

– Думаю, да.

– И конечно, ты считаешь, что Шарли, блистая в свете, приумножает фамильную честь. – Мари покивала сама себе. – Так вот что значит быть аристократом.

– Это верно не только в отношении аристократии, как мне кажется. То же самое можно сказать о матадоре, оперной звезде или чемпионе. Таковы люди.

– Да, верно, – признала Мари.

Она понимала, однако, что, в отличие от других классов, знать придавала большее значение своей роли. Ей припомнился один разговор за обеденным столом. У них гостил тогда аристократ, потомок Лафайета, чья семья по-прежнему хранила клинок, который подарил их великому предку сам Джордж Вашингтон.

– Лафайет нашел отличный способ сделать себе имя, – гордо заявил аристократ.

– Но ведь им двигала страсть к свободе и демократии, не так ли? – спросила Мари.

Благородный гость посмотрел на нее с сомнением.

– Это правда, со временем он пришел к выводу, что конституционная монархия по типу британской подошла бы Франции лучше всего, – ответил он. – Но в Америку он поехал не за свободой. Он поехал туда за славой.

Ну конечно, подумала Мари. Ничто не изменилось со Средних веков. Герои пускались в путь, чтобы прославиться. Война, Крестовый поход, Америка: никакой разницы.

Что же мог сделать молодой французский аристократ через десять лет после Великой войны? Стать исследователем? Возможно. У Шарли это получилось бы. Ну а пока даже самая быстрая машина не могла удовлетворить его жажду героики. Понятно, почему Шарли хотел аэроплан.

Луиза впервые увидела Шарли в 1937 году. Друзья привели его в «Приглашение к путешествию». Он стоял в холле, возвышаясь над своими двумя приятелями, которые уже бывали в заведении Луизы. Она сразу отметила, как красив этот молодой мужчина.

Троих клиентов провели в гостиную и усадили. Появилось шампанское, и Луиза отправила трех девушек составить им компанию. Сама она осталась у двери наблюдать. Незнакомец отметил про себя достоинства каждой девушки, но в нем чувствовалась некоторая отстраненность. Заинтригованная, Луиза тоже вошла и приблизилась к нему.

– Вы никогда у нас не были, месье.

– Нет, мадам. – Легкое удивление в его голосе дало ей понять, что он заметил ее превосходные манеры и произношение. – Но я много

слышал о вашем заведении, и мои друзья любезно согласились привести меня сюда, чтобы я сам все увидел.

– Мадам Луиза! – воскликнул один из его спутников. – Я же не представил вам нашего друга. Это Шарли де Синь.

Она вежливо склонила голову. Если так, то перед ней не кто иной, как пасынок Мари! На ее лице, разумеется, эти мысли не отразились.

– Рада приветствовать вас, месье. Я мадам Луиза, хозяйка заведения. С нашими девушками вы прекрасно проведете время. Развлекайтесь!

С этими словами она оставила его.

Даже в особенных заведениях вроде «Приглашения к путешествию» на пороге могли появиться незнакомцы без рекомендаций, чтобы провести там час или два, но большинство мужчин, проходящих сюда, были постоянными клиентами или быстро становились ими. И перед тем как допустить нового посетителя в одну из комнат, Луиза приглашала его к себе в кабинет для личной беседы. При этом не только улаживались финансовые вопросы, но и предотвращалась возможность для девушек подцепить инфекцию.

– Наше заведение своими правилами напоминает английский клуб для джентльменов, – говорила Луиза. – Другие наши клиенты – ваши друзья. И конечно, если вы нарушите правила, то немедленно и безвозвратно лишитесь права приходить сюда.

Она подождала минут двадцать и послала за де Синем горничную с просьбой подняться наверх.

Он вошел, и она присмотрелась к нему. Ей понравилось, как он двигается. Он был строен, но крепок. Отодвигая стул, он повернулся боком к Луизе, и она смогла оценить его идеальное сложение со всех сторон.

Усевшись напротив Луизы, де Синь улыбнулся. Хорошая улыбка. Он выглядел спокойным, уверенным в себе. В его взгляде сквозила легкая ирония.

Луиза помолчала пару секунд, глядя ему в глаза.

– Вы ведь пришли сюда не ради девушек. – Это был не вопрос, а итог ее наблюдений.

– Почему вы так думаете, мадам?

– Я не имею в виду, что вы не желаете воспользоваться их услугами. Но мне кажется, что вы пришли из любопытства. Вам

интересно посмотреть на наши комнаты.

– Одно не исключает другого.

– Вы не хотите, чтобы потом, когда будет писаться история, про месье Шарля де Синя говорили, будто он, живя в Париже, не видел «Приглашения к путешествию».

– Признаюсь. – Он усмехнулся.

– Что же, месье, мне лестно слышать, что мое заведение считается такой значимой достопримечательностью.

– Оно становится легендой, мадам.

Луиза склонила голову. Потом встала:

– Один момент, месье.

Она прошла мимо него к небольшому комоду, открыла ящик, закрыла и вернулась на свое место. Когда она проходила мимо Шарли, ее чуткий нос уловил легкие ароматы лимонной помады, с помощью которой он уложил волосы, начинающие редеть, и лавандового бальзама после бритья. Под этими ароматами она смогла различить естественный запах его тела, который приятно сочетался с парфюмерией.

Луиза приняла решение.

– Понимаете... – Она взглянула на него с извиняющейся улыбкой. – Дело в том, месье, что ваше появление здесь без предварительной договоренности поставило меня в затруднительное положение. Боюсь, сегодня вечером у меня нет для вас девушки. Но я хочу предложить вам кое-что в качестве компенсации. По воскресеньям мы закрыты. Таково мое правило. Если вам угодно, приходите в это воскресенье после обеда, и я покажу вам все комнаты. Тогда у вас будет возможность сказать, что вы видели нечто такое, что довелось лицезреть очень немногим.

– Вы сделаете это для меня? – Он удивленно воззрился на нее.

– Да.

– Тогда я с удовольствием принимаю ваше приглашение.

– Но вы должны прийти один, месье. Я не собираюсь превращать свое заведение в музей.

– Конечно, мадам, – сказал Шарли. – Я понимаю.

Интересно, подумала она, действительно ли он понял ее.

В воскресенье ровно в четыре часа он позвонил в дверь. Кроме самой Луизы и нескольких слуг, все еще занятых уборкой, в доме было пусто.

На осмотр всех комнат понадобилось немало времени. Шарли рассматривал каждую с любопытством. Две, отделанные в стиле бель-эпок, утопали в роскоши. Следующая напоминала о первых годах после революции. У Луизы была и Наполеоновская комната.

– По крайней мере, три наших постоянных клиента уверены, что в прошлой жизни они были императором Наполеоном, – поделилась Луиза с Шарли.

В комнате тюдоровского периода господствовала тяжелая дубовая кровать под балдахин; внимание Шарли привлекли и два елизаветинских портрета на стенах.

– Похожи на подлинники, – заметил он.

– Это копии, сделанные в семнадцатом веке; их серьезно реставрировали, – сказала Луиза. – Но я приобрела их через английского антиквара, которому доверяю. Они действительно хорошо выглядят.

Шарли поинтересовался связями Луизы с Англией, и она улыбнулась:

– Мои родители были англичанами, почтенными людьми. Отец был банкиром. К счастью, им не довелось узнать, чем я занимаюсь.

– Вот почему вы так идеально говорите по-французски: вы изучали язык.

– Да. В долине Луары.

Он спросил, живы ли ее родители.

– Увы, нет. – Она печально пожала плечами. – Погибли в аварии. Был сильный туман. Это случилось уже очень давно.

Шарли не скрывал, что творческие усилия Луизы произвели на него впечатление. Затем она показала ему комнату в стиле Дикого Запада. Следующая была задрапирована как шатер и дополнена низкой кроватью и множеством подушек.

– Это словно декорации к фильму «Шейх» с Валентино в главной роли! – воскликнул Шарли.

– Вы угадали. Тоже очень популярная комната. У нас есть клиент, высокий и красивый мужчина. Он приходит раз в неделю, всегда

просит одну и ту же девушку и эту комнату. Они оба любят перевоплощаться.

Шарли восхитился Восточной комнатой и Испанской. Не так давно Луиза оформила Германскую комнату, взяв за образец замок Нойшванштайн.

– Я хотела, чтобы здесь играла музыка, – рассказывала она. – Вы понимаете – конечно, Вагнер. Но это слишком трудно, не приглашать же сюда целый оркестр. В Испанской комнате мы пытались заводить граммофон с записью «Кармен», да что-то не получилось, не тот эффект.

Примерно через полчаса они дошли до последней комнаты.

– Это все? – спросил Шарли.

– У нас была девушка, которая предлагала сделать в подвале темницу. Ну, вы знаете: цепи и все такое. Но я не согласилась. Кто знает, может, когда-нибудь передумаю.

Шарли отважился спросить, принимает ли Луиза клиентов сама.

– Никогда, – твердо ответила она. – Более того, у меня уже довольно давно нет любовника. Это должен быть мужчина, который будет мне интересен.

– Можно ли узнать, что станет вашей следующей темой?

– У меня появилась девушка, очень красивая, из Сенегала. Я планирую сделать для нее Африканскую комнату. Но пока не определилась с оформлением.

Затем Луиза пригласила гостя выпить чая в ее апартаментах. За столом задала ему несколько вопросов о его жизни. Ему же хотелось понять, как она прошла путь от дочери богатого банкира-англичанина до хозяйки борделя в Париже.

– Одно от другого не так далеко отстоит, как кажется, – ответила Луиза. – Меня послали во Францию учить язык. Мне здесь понравилось. Начала работать моделью у Шанель. Потом завела одного богатого любовника, второго. Немного денег я получила в наследство. Однако замуж не вышла и хотела иметь собственное дело.

– Значит, вы не работали на улице.

– Нет. У меня был друг... Мы с ним больше не общаемся, но он знал в Париже все, что нужно знать: от самых богатых домов до самой грязной лачуги. Знакомство с ним оказалось для меня очень полезным. Но, как вы догадываетесь, публичный дом вроде моего так же далек от

бедных проституток на улице Сен-Дени, как ваш собственный дом далек от трущоб.

– Я часто видел таких девушек. Не могу сказать, что они показались мне привлекательными.

– Не приближайтесь к ним. Конечно, по большей части эти несчастные девушки просто пытаются выжить. Добыть кусок хлеба. Они не могут назначать высокую цену, поэтому им приходится брать до десяти клиентов в день. Нужно превратиться в машину, и это только ради того, чтобы не умереть с голоду. Плюс риск потерять здоровье... – Она вздохнула. – Париж – романтическая столица мира, но в изнанке великого города нет ничего романтического.

Он кивнул:

– Забавно, но вы напоминаете мне мою мачеху.

– Чем же?

– Она тоже очень творчески управляла собственным делом.

– У мачех дурная репутация.

– Свою мачеху я люблю. И она сделала моего отца счастливым.

– Рада за них.

– У меня есть еще вопрос. Я заметил одну картину, когда вошел сюда. Женщина на ней очень похожа на вас.

– Вы тоже так считаете? Да, но это просто совпадение. Я купила этот портрет в одной галерее, потому что с ним вместе продавались два эскиза, что нечасто встретишь.

Луиза поднялась и встала у окна. Стоял ясный октябрьский день. С голубого неба еще светило на Париж осеннее солнце. Она любила это время года, но по воскресеньям ее часто посещала странная меланхолия.

– Вы не хотите пойти прогуляться? – внезапно спросила она.

Они прошли по старинной улице Ренар, пересекли большое открытое пространство перед Ратушей и по мосту через Сену попали на остров Сите. Солнце уже опустилось к западу, Сена горела золотом, но в воздухе над водой чувствовалась прохлада, которая заставила Луизу зябко поежиться. Они остановились перед Нотр-Дамом.

– Для ужина еще рановато, но я проголодалась, – сказала Луиза.

Они нашли быстро. Там было лишь несколько туристов, и в спокойной обстановке Шарли и Луиза перекусили и поговорили обо

всем, что приходило им в голову.

К концу ужина было очевидно, что Шарли заинтригован ею еще больше, чем в начале встречи. Луиза сказала, что хочет вернуться домой, и он настоял на том, чтобы проводить ее. Чего она и добивалась.

Их роман начался в тот же вечер. Обычно встречались они по воскресеньям. Иногда он возил ее куда-нибудь в своем «вуазене». Иногда они оставались в ее квартире, и тогда она готовила для него. Им всегда было о чем поговорить.

К концу года не осталось комнаты, в которой бы они не занимались любовью. В обществе они никогда не показывались вместе. Луиза подозревала, что Шарли не рассказывал отцу и мачехе о ее существовании. И это ничуть не задевало ее. У нее был совсем другой план.

И этот план сработал. Перед Пасхой 1938 года Луиза сообщила Шарли, что беременна.

– Думаю, это случилось в комнате Дикого Запада, – сказала она.

Глава 26

1940 год

Оглядываясь назад, Мари сожалела, что не сделала больше, хотя понимала, что сделать больше не могла. Из-за Шарли его отец пережил столько боли! Правда, она знала, что мальчик этого не хотел.

Но какой смысл в сожалениях? Пришло время испытаний, и все изменилось.

Нельзя сказать, что Франция была совсем уж не готова к войне. Огромная линия оборонительных укреплений Мажино вдоль восточных границ была практически неприступна. Шестью годами ранее французская армия превосходила войска Гитлера и численностью, и вооружением. Даже если бы он напал три года назад, его все равно еще могли смять.

В 1936 году, когда Гитлер оккупировал часть Рейнской области и западные правительства согласились с этим, Мари говорила себе, что это, должно быть, к лучшему. В 1938 году, когда он оторвал приличный кусок от бедной Чехословакии, Франция и Британия закрыли глаза на свои соглашения с чехами и приняли в Мюнхене заверения Гитлера, что все его действия продиктованы стремлением к миру, Мари почувствовала себя неуютно.

Но по-настоящему она встревожилась после встречи с одним англичанином на приеме в Париже. Это был прямой как палка и немного желчный британский офицер, которого армия откомандировала в академию при французском генеральном штабе, где он преподавал военную разведку. Мари поинтересовалась, не беспокоит ли его ситуация с Гитлером.

– Конечно беспокоит, мадам. – Он прекрасно говорил по-французски.

– Вообще-то, считается, что Германии потребуется двадцать лет, чтобы подготовиться к войне, – сказала Мари.

– Да, мадам, так все говорят. И первоначальная оценка была, вероятно, точной. К сожалению, мы забываем, что эту цифру назвали сразу после Великой войны. То есть почти двадцать лет назад.

– Вы не верите, что намерения Гитлера исключительно мирные?

– Как я могу в это верить, когда в «Моей борьбе» прямо заявлено, что он хочет войны, и когда он перевооружает германскую армию с фантастической скоростью?

– Ваше мнение многие разделяют?

– Мой зять служит военным атташе в Польше. Он говорит, что в Восточной Европе все отлично понимают, чего хочет Гитлер. Наш военно-воздушный атташе в Берлине передал в Лондон, что все новые коммерческие и частные аэропорты, которые Гитлер строит в Германии, могут за несколько дней превратиться в военные. За это сообщение атташе с позором отозвали на родину.

– Знаете, я много лет жила в Англии и до сих пор слежу за тем, что происходит в британском парламенте. Мистер Черчилль тоже высказывает опасения из-за перевооружения германской армии, но его голос звучит так одиноко.

– Он говорит только то, что хорошо известно всему дипломатическому корпусу и военной разведке. Конференция в Мюнхене была фарсом.

– Трудно поверить, что кто-то может снова захотеть воевать.

– Гитлер хочет.

– Французская оборона все еще надежна.

– Укрепления Мажино великолепны, мадам, но стоимость их строительства столь велика, что линию не довели до моря. Немцы могут проникнуть сюда с севера, а если мы соберем там армии, то все равно остается прореха между линией Мажино и северными равнинами.

– Но там же Арденны. Сплошь горы и непроходимый лес.

– «Непроходимый» – главное слово, мадам. Стоит перейти через Арденны, и вы в открытых полях Шампани – путь к Парижу свободен!

– У нас большая армия.

– О да, мадам, и ваши солдаты храбры. Более того, у Франции больше танков, чем у Германии. Но эти танки разбросаны по всей стране, тогда как немцы собрали свои в сильный кулак с полноценным прикрытием с воздуха, и этот кулак может двигаться вперед с

убийственной скоростью. Во французской армии нашелся думающий офицер, который убеждает командование последовать примеру Германии в том, что касается танковых формирований. Его зовут де Голль, и вы, вероятно, никогда не слышали о нем. Его ранг недостаточно высок, чтобы его стали слушать в генеральном штабе. Однако он абсолютно прав.

Мари потом пересказала весь разговор Роланду.

– Я тоже никогда не слышал об этом де Голле, – сказал муж, – но, похоже, твой англичанин знает, что говорит.

Для Мари и Роланда конец 1938 года и первая половина 1939 года прошли спокойно. Шарли приехал, чтобы провести в замке август, и в один из этих дней произошло событие, потрясшее всю Европу.

– Россия и Германия заключили пакт?! – вскричала Мари. – Поверить не могу. Они же заклятые враги. Они ненавидят друг друга. Как они могут вдруг стать союзниками?

Роланд подумал немного, и сомнений у него не осталось.

– Это означает войну, – сказал он. – Логика тут может быть только одна: Сталин увидел, что его западные союзники слишком слабы, чтобы помочь ему в борьбе с Германией, поэтому ему пришлось договариваться с Гитлером. Почему Гитлер пошел на такое? У России есть сырье, столь нужное ему. Но превыше всего ему важно нейтрализовать Советов, пока он атакует Запад. Войну на двух фронтах даже ему не потянуть.

– Так ты думаешь, он скоро нападет на нас? – спросил Шарли.

– Вероятнее всего.

– Тогда мне надо готовиться воевать.

Гром грянул, едва закончился август. События развивались с невероятной быстротой.

Блицкриг. Бронетанковые колонны Гитлера вторглись в Польшу и смяли ее. Франция и Британия объявили Германии войну и начали морскую блокаду немецкого флота. Но они оказались бессильны помочь несчастной Польше, и вскоре Германия поделила ее между собой и своим новым союзником Россией. Что касается Шарли, то он даже не стал ждать мобилизации и поехал в Париж, чтобы добровольно вступить в армию.

В день его отъезда было солнечно. Так как «вуазену» предстояло остаться в замке, к станции сына подвез Роланд вместе с Мари.

Какой красивый стоял он на платформе в ожидании поезда! Мари казалось, что она испытывает такую же гордость за него и тот же тайный страх, как если бы он приходился ей родным сыном. Потом послышалось пыхтение маленького паровоза, и он с лязгом подъехал к станции. Вагоны замедлили бег и остановились. Шарли был готов прыгнуть в тамбур.

– Одну секунду, сынок, – сказал ему отец и сунул руку в карман. – Эту зажигалку, как тебе известно, смастерил для меня один солдат во время Великой войны. Она неказиста, но мне приносила удачу. Возьми ее, и кто знает, может, она и для тебя станет счастливым талисманом.

– Буду всегда носить ее с собой. – Шарли взял гильзу и опустил в карман куртки.

Они обнялись. В вагоне Шарли добрался до своего места и высунулся в открытое окно. Когда поезд тронулся, он помахал Роланду и послал Мари воздушный поцелуй. Они стояли на платформе до тех пор, пока Шарли не скрылся из виду.

– Я уверена, что с ним все будет в порядке, – сказала Мари.

Следующие несколько месяцев длилась неопределенность. Французская армия вышла на боевые позиции. На северных границах страны сосредоточились крупные британские силы. Тем не менее ничего не происходило. Гитлер не пытался продвинуться дальше на запад. Миновали октябрь и ноябрь, а там и Рождество. По-прежнему ничего. Британцы называли эту войну «ненастоящей». Французы говорили, что она «странная».

Как обычно, бóльшую часть зимы и весны де Сيني провели в Париже. И в этот период Мари было интересно наблюдать за тем, как меняется настроение столичных жителей. К концу года их друзья начали говорить о своих планах на лето. В январе живущая по соседству светская дама, сын которой также пошел в армию, заметила, что ее мальчику давно уже положен отпуск.

– Как я посмотрю, эта война скоро совсем сойдет на нет, – сказала она. – Немцы не посмеют напасть на Францию.

Эти слова, по-видимому, выражали общепринятую точку зрения.

Но Мари ее не разделяла. Для человека с ясным, как у нее, умом было очевидно: люди склонны принимать временное ослабление угрозы за признак ее отступления. Такова человеческая природа.

Тем не менее даже она не предвидела того развития событий, которое кардинально изменило жизнь семьи. Случилось это на исходе марта.

Мари только что вернулась на улицу Бонапарта после визита к Марку, когда принесли телеграмму от Шарли. Адресовал он почему-то свое послание не отцу, а ей. В телеграмме сообщалось, что у Шарли в нескольких местах сломана нога и ему требуется помощь.

– Почему, черт возьми, он послал телеграмму тебе, а не мне? – спросил Роланд, не столько рассерженный, сколько озадаченный.

Мари не стала ничего ему говорить, но сама сразу все поняла.

В аристократическом мире Роланда мужчина может обладать всеми благами мира, но, когда дело доходит до ранения в бою, он должен надеяться на мастерство армейских докторов и не жаловаться. На самом деле Шарли не воевал, а попал под гусеницы танка во время маневров.

– Военные врачи знают, что делают, – заявил жене Роланд. – Если он будет хромать, значит будет хромать. Ничего позорного в этом нет.

Мари промолчала и направилась к телефону. Спустя час она уже знала имя лучшего хирурга в Париже, дозвонилась в его приемную и обо всем договорилась. Она даже лично поговорила с полковником, командиром Шарли. Используя по мере надобности то преимущества своего общественного положения, то навыки, полученные за время руководства «Жозефиной», она сумела немного припугнуть и очаровать полковника. Тем же вечером Шарли, уже несколько успокоившегося, увезли из части на «скорой помощи». Когда Мари узнала, что лучший хирург оперировал не только в известной парижской больнице, но и в Американском госпитале в Нейи, то добилась, чтобы Шарли поместили именно туда.

– В Нейи ему будет удобнее, – твердо заявила она.

– Женщинам не следует вмешиваться в такие дела, – ворчал Роланд, но Мари догадывалась, что в душе он доволен и удивлен ее предприимчивостью.

Весна 1940 года была красивой и необычайно теплой. Каждый день Мари, отправляясь в госпиталь навестить Шарли, просила водителя сделать круг по тихим бульварам и авеню Нейи (больше всего она любила бульвар Инкерман), чтобы полюбоваться тем, как каштаны покрываются листвой и выпускают – очень рано – белые бутоны.

Операция прошла успешно. При условии, что дальнейшее лечение будет правильным, и если от Шарли не отвернется удача, можно было надеяться, что он избежит хромоты.

– Но вы должны проявить терпение, – говорил ему доктор. – На восстановление потребуется время.

К середине апреля было решено, что вместо прохождения курса в санатории Шарли вернется в квартиру на улице Бонапарта, где за ним будет присматривать нанятая Мари сиделка.

В дом потянулась цепочка друзей, желавших навестить раненого, а когда гостей не было, Шарли постоянно говорил по телефону. Отец каждый день читал ему газеты и обсуждал новости. Мари играла с ним в карты. Казалось, Шарли сохранял бодрое расположение духа, но потом возникло одно досадное обстоятельство.

Началось все с пустяка. Один из приятелей сделал вид, будто считает его травму последствием неудачного спуска на лыжах. Через день шутка обошла всех знакомых. Подразумевалось, что это не более чем безобидное поддразнивание, тем не менее она отражала то, что окружающие думают о Шарли: богатый аристократ, который ищет развлечений в спорте.

Вероятно, Шарли и не возражал бы против такого мнения, если бы не ситуация в мире.

Дело в том, что в апреле Гитлер снова начал действовать. На этот раз объектом его устремлений стала Скандинавия: Дания и Норвегия пали, их монархи были вынуждены признать германское господство. В Англии Чемберлена на посту премьер-министра сменил более воинственный Черчилль.

– Мне нужно быть в строю, мы вот-вот начнем воевать, – стонал Шарли. – А все будут говорить, что меня там не было из-за дурацкой лыжной травмы.

– По-моему, никто не верит, будто Франции придется воевать, – утешала его Мари.

Она говорила правду. В эти теплые майские дни парижане стали собираться за столиками перед кафе и наслаждались солнечным светом, как будто Гитлер и его армии существовали в какой-то другой вселенной.

– Но ты – ты думаешь, что война будет, да? – уточнял Шарли, и она не могла отрицать этого.

С Роландом Мари была откровенна:

– Я так счастлива, что он сейчас не на фронте.

Разумеется, ни в чем подобном Роланд признаться не мог.

– Мальчик не может идти в бой на костылях, – проговорил он, – и больше не о чем рассуждать.

Французская кампания Гитлера началась десятого мая. Волна блицкрига прокатилась через Бельгию, Голландию, крошечный Люксембург и Арденны. Немецкие танковые и моторизованные дивизии ворвались во Францию через разрыв между линией Мажино и франко-британскими силами, охраняющими северные прибрежные равнины.

Все случилось так быстро, что в последующие годы люди говорили, будто французы испугались стремительной атаки и не стали бороться. Вовсе нет. Французы сражались героически. Но, как было и во время Великой войны, высшее командование не успело приспособиться к новым методам ведения боя и к современному вооружению. Обязательная к середине века комбинация большого количества танков и прикрытия с воздуха во французской армии отсутствовала. Даже танковая дивизия бравого полковника де Голля была вынуждена отступить под напором мощных воздушных контратак немецких «юнкерсов».

Всего за несколько дней Франция потеряла сто тысяч человек – и это не ранеными, а убитыми.

К началу июня британские соединения вместе со стотысячной французской группировкой попали в ловушку на побережье возле Дюнкерка, в то время как Париж стоял перед немецкими армиями практически беззащитный.

Шарли сходил с ума.

– Я сижу здесь и ничего не делаю, чтобы спасти свою страну! – восклицал он.

Но его отец смотрел на вещи более реалистично.

– Ты ничем не помог бы, – мрачно отвечал он сыну. – Война уже закончена. Британцев вот-вот уничтожат под Дюнкерком, и это станет точкой.

Роланд был прав – и чудесным образом все-таки ошибся. Гитлер, выиграв войну, этого не понял. Он опасался, что его фронт слишком растянут (правда, союзники не имели сил, чтобы воспользоваться этим). А еще Гитлер возложил слишком много надежд на то, что люфтваффе прикончат британскую армию на песчаных пляжах Дюнкерка, и потому не спешил действовать. Благодаря этому ниспосланному небесами военному просчету Париж несколько дней спустя узнал, что почти треть миллиона британских и французских солдат были успешно перевезены на другой берег Ла-Манша.

Но саму Францию спасти уже было невозможно. Франция была потеряна. К десятому июня началась эвакуация. Роланд сказал Мари и Шарли, что им всем нужно ехать в замок.

– Немцы оккупируют Париж. Если они займут квартиру, значит так тому и быть. Но мы любой ценой должны спасти замок.

Они отправились в путь на рассвете, но дороги были запружены людьми и машинами, поэтому до места добрались только в темноте. На другой день они услышали, что Париж объявлен открытым городом, дабы избежать разрушения во время штурма. Еще через пять дней престарелый генерал Петен, герой Великой войны, сумевший без лишнего шума подавить мятежи, возглавил правительство Франции в качестве премьер-министра.

– Это хорошо, – заявил Роланд. – У Петена много здравого смысла. Он – человек, которому можно верить.

А когда буквально на следующий день Петен подписал перемирие с немцами, Роланд только пожал плечами и сказал, что старику просто больше ничего не оставалось.

Настойчивое желание Мари слушать по радио канал «Би-би-си» всегда служило для Роланда и Шарли поводом для подшучивания. Сигнал был слабым, но она умудрялась поймать волну даже в замке.

– Ты слишком долго жила в Англии, – говорил Роланд, сопровождая свои слова нежным поцелуем. – И убеждена, что только английские новости заслуживают доверия.

Но именно благодаря этой привычке Мари семья услышала трансляцию, о которой большинство французов вообще не знали.

В тот самый день, когда Петен объявил о перемирии, ближе к вечеру Мари спешно позвала Роланда. Шарли уже был с ней в комнате, сидел перед радиоприемником, положив больную ногу на табурет.

– Сейчас будут передавать декларацию французского офицера, который только что прилетел в Лондон.

– Что за декларация?

– Не представляю.

Голос, зазвучавший из динамиков, был глубоким, звучным и твердым. Вопреки словам и действиям Петена он заявил, что Франция не пала, что Франция никогда не сдастся и что французы, находящиеся сейчас вне пределов страны, в колониях Франции и Англии, с помощью других наций, включая заокеанскую Америку, вернут свободу и величие. И он призвал всех солдат и офицеров присоединиться к нему как можно скорее.

Воззвание ошеломляло. Оно было составлено в выражениях столь же величественных, сколь и простых. Радиоволны донесли слова о том, что этот человек, несмотря на невысокое и лишь недавно полученное звание генерала, провозглашает себя единственно легитимным правительством Франции и что на следующий день он снова выступит по радио из Лондона.

Имя этого генерала было де Голль.

– Это тот самый человек, который хотел больше танков, – вспомнила Мари. – Тот самый, о котором мне говорил английский офицер после Мюнхенского соглашения.

– Он сумасшедший, но вызывает уважение, – высказался Роланд.

Шарли промолчал.

Но уже наутро он сказал Роланду и Мари о том, что собирается делать.

И сердце Мари сжалось.

История не знает, когда конкретно началось французское Сопротивление. В трех своих радиовыступлениях в июне 1940 года – восемнадцатого, девятнадцатого и двадцать второго числа (это последнее было более длинным, и его услышало больше людей) – де Голль призвал все вооруженные силы прийти на помощь своей стране,

но не упоминал о каких-либо действиях внутри страны. До 1941 года в этом смысле не произошло почти никаких значительных событий.

Однако был во Франции человек, который считал, что может точно сказать, когда и где появилось Сопротивление. Этим человеком был Тома Гаскон. Потому что именно он начал это движение.

Тома Гаскон бросил вызов Гитлеру и его режиму утром в субботу, двадцать второго июня 1940 года. В тот день сам Гитлер находился всего в полусотне километров севернее Парижа, в Компьене, где подписал новое перемирие. Это случилось в том самом вагоне, в котором когда-то подписали столь унижительное для Германии первое Компьенское перемирие, положившее конец Великой войне.

– Он придет в Париж, – сказал Тома Люку, когда они сидели за столиком перед небольшим кафе возле «Мулен Руж».

– Точно мы не знаем.

– Разумеется, знаем. Он только что выиграл войну. Париж лежит у его ног. Он не может не приехать сюда.

– Ладно, может быть. Но когда?

– Завтра. – Тома посмотрел на брата так, словно сомневаясь в его способности мыслить. – Он занятой человек. Сейчас он здесь. Значит, придет завтра.

– Ну и что?

– Он захочет подняться на Эйфелеву башню.

– Возможно. – Люк вынул сигарету и закурил. – Так многие делают.

– Ничего у него не получится. Он, конечно, надрал нам задницу, но ему ни за что не удастся посмотреть на Париж сверху вниз, как на свою собственность, с башни месье Эйфеля. Я ему не позволю.

– Ты? – Люк хмыкнул. – И как именно ты собираешься помешать?

– Я все обдумал. Это возможно. Но мне понадобится твоя помощь. А может, и еще несколько человек пригодились бы.

– Ты хочешь, чтобы я участвовал в покушении на Гитлера?

– Нет. Но если мы сумеем перерезать тросы лифтов, он не попадет наверх. Пешком же он не пойдет, это было бы унижительно.

– Ты псих.

– Говорю тебе, это возможно.

– Все равно – я отказываюсь.

– Однажды я помог тебе, – негромко произнес Тома.

Последовала пауза. Почти три десятка лет Тома ни разу не вспоминал о той ужасной ночи, когда они перетаскивали тело девушки в карьер на Монмартре. Люк смотрел на брата – немного обиженно и настороженно.

– Ты спас мне жизнь, Тома, – ответил он. – Это правда. Но почему я должен отплатить тебе своей смертью? – Он потянулся и прикоснулся к руке брата. – Ты уже немолод. Тебе скоро восемьдесят стукнет, бог мой. Если ты не упадешь и не сломаешь себе шею, то наверняка окажешься в тюрьме. А потом немцы расстреляют тебя.

– Какое значение это имеет в моем-то возрасте? – Тома пожал плечами.

– Подумай об Эдит.

Удивительно, думал Люк, как мало изменились с годами Тома и Эдит. Они оба поседели, конечно, да у Тома и волос-то почти не осталось, лишь несколько завитков. И у обоих было много морщин на лице, оба утратили былую гибкость членов, но его коренастый брат до сих пор проходил по четыре-пять километров на ежедневной прогулке и по-прежнему сам присматривал за их маленьким кафе. Эдит несколько лет назад перестала заниматься рестораном, но десять внуков не давали ей засидеться без дела. Правда, без помощи Тома ей уже было не обойтись.

Люк без труда мог представить, как Тома забирается на башню. Его сил хватит не на один десяток метров. И Люк ничуть не сомневался, что его брат абсолютно серьезен, предлагая ему свой безрассудный план. Но он, Люк, не собирается поддерживать его.

– Даже если бы у нас было достаточно времени, чтобы все организовать, я не согласился бы, – сказал Люк старшему брату.

Он ушел в кафе, а когда через пару минут вернулся, Тома уже не было за столиком.

Давненько уже Тома не заглядывал в Маки. Весь Монмартр постепенно застраивался. Кое-какие из старых заведений еще сохранились, даже маленькие кафе вроде «Проворного кролика», но они все более превращались в туристические достопримечательности. Какие-то предприимчивые люди купили участок земли на северной стороне холма и разбили там виноградник в память о старинном промысле виноделия, процветавшем на Монмартре много веков назад.

Вино, которое они производили, пить было невозможно, но никого это не беспокоило. Каждую осень там проводился веселый праздник сбора урожая и сопутствующие увеселения.

Даже Маки стали более уважаемым районом – настолько, насколько это было возможно, учитывая, что немало его прежних обитателей осталось на привычных местах.

Проходя мимо открытого окна, Тома услышал голос Эдит Пиаф и улыбнулся. Однажды он видел ее выступление в ночном клубе и запомнил эту крошечную, похожую на воробья девушку, певшую с уличным акцентом. Он знал, что до войны она записала одну или две пластинки. Но если она и сейчас хочет зарабатывать на жизнь пением, то ей придется петь для немцев.

Что ж, думал Тома, голос улиц так просто не сдастся.

Он нашел россыпь старых лачуг, в которых ютилась разросшаяся семья Далу, и вызвал Бертрана.

Косматую шапку волос тот еще не утратил, но передвигался с трудом: много лет назад он надорвал спину и так и не оправился. Тома кивнул ему.

– Ты знаешь, кто я такой? – спросил он.

– Знаю. Чего надо?

– Нужна помощь.

– Проваливай.

– Я собираюсь вмазать Гитлеру по яйцам.

– Ну так иди и вмажь. Надеюсь, он тебе ответит тем же.

Тома достал бутылку бренди, которую взял в кафе:

– Давай-ка поговорим.

– Ты правда думаешь, что получится? – спросил Бертран десятью минутами позже.

– Я знаю башню как свои пять пальцев. И понимаю, как работают лифты. Если дать мне немного времени, я смогу их сломать.

– Сейчас самые короткие ночи в году.

– Пары часов хватит. Но мне нужна помощь.

– А в своей семье не спрашивал?

– У моего сына нет ноги. Ну а Люк... Ему не понравился мой план.

– Крыса. – Бертран Далу сплюнул. – А почему ко мне пришел?

– Мне нужен настоящий сукин сын. Я сразу подумал о тебе.

Ответ понравился Бертрану.

– Из-за спины толку от меня теперь никакого. Зато у меня есть парочка шустрых внуков. – Он обернулся и крикнул: – Жако! Мишель!

Через миг перед стариками появились два чернявых парня разбойничьего вида.

– Сегодня вечером пойдем на дело, – сказал им дед.

В конце концов набралось пять человек. У Мишеля был приятель по имени Жорж – невысокий жилистый парень, который работал верхолазом. Это могло оказаться полезным. Жорж привел еще одного товарища.

– Нам понадобится пара кабельных резаков, – сказал им Тома. – Самых больших, какие только сможем найти.

Он объяснил, что в лавке Готье у подножия холма такие резаки были, но Готье по субботам закрывался в полдень, поэтому ему не удалось приобрести инструмент.

Час спустя Мишель и Жако вернулись с теми самыми резаками, о которых говорил Тома. Он не спрашивал, как они их достали.

Было решено идти к башне по одному и встретиться между опорами в полночь. В ночном небе плыли высокие тонкие облака, закрывая часть звезд, но после полнолуния прошло всего два дня, и потому света для задуманного хватало. Вокруг большой башни было пустынно. Время от времени под ней проходил одинокий полицейский, после чего спускался к набережным вдоль реки и медленно делал очередной положенный круг.

Пока его не было видно, заговорщики перебрались через ограждение и проникли на лестницу. Мишелю и Жако пришлось немного помочь Тома, но все-таки старик был доволен, поняв, что не совсем еще утратил былую сноровку.

Первым делом нужно было поставить караульного. Поскольку Жако неуверенно чувствовал себя на высоте, Жорж-верхолаз поднялся вместе с ним метров на двадцать и устроил его на перекладине так, чтобы хорошо было видно во всех направлениях. Договорились, что сигналом тревоги будет крик совы.

В первые годы работы башни подъемники стояли во всех четырех опорах, но теперь лифты, приводимые в действие мощными гидравлическими насосами, остались только в восточной и западной.

Всего за несколько минут четверо мужчин пробрались в западную шахту и оказались на рельсах прямо над кабиной лифта. От нее тянулось шесть толстых проволочных тросов, по три с каждой стороны. Требовалась большая осторожность, поскольку смазанные рельсы были скользкими. В лунном свете хорошо было видно, как тросы, огибая тут и там направляющие ролики, уходят вдоль рельсов в бездонную вышину ажурного туннеля и наконец исчезают в небе.

– Система работает от насоса, который установлен внизу, – шепотом пояснил Тома. – Эти металлические канаты идут от насоса на самый верх к большому блоку – это такое колесо над второй платформой в ста двадцати метрах отсюда, – а потом опять спускаются сюда, к кабине лифта. Понятно? Перережем тросы – и все, лифт не работает.

Но тросы были очень толстыми. Тома едва смог обхватить резаком один из них. Он присмотрелся, смазаны ли тросы. Да, они блестели от жирной смазки. Это хорошо, подумал он, работать будет легче, и шума меньше. Но все равно придется нелегко. Он показал молодым парням, как работать резаком.

– Движения почти такие же, как обычными ножницами или кусачками, – сказал он, – разница та, что надо нажимать изо всех сил. Трос сплетен из проволочных жил, только их много, очень много. Так что надо просто резать и резать, пока не перекусите центральную жилу. Будьте терпеливы. Работайте по очереди.

У него ушло десять минут на то, чтобы перерезать первый трос, а все остальные смотрели и учились. Потом Тома оставил при себе Мишеля, а Жоржа-верхолаза с приятелем послал на восточную опору.

– Когда закончите, – велел он Жоржу, – поднимитесь по лестнице на вторую платформу. Будем ждать вас там.

Они с Мишелем приступили к третьему тросу, когда Жако совиным уханьем предупредил о приближении полицейского. Тома и Мишель прижались к балкам и замерли. Они даже дышать перестали. Тома надеялся, что Жорж тоже слышал сигнал.

Полицейский не спеша шел под башней. Затаив дыхание, они ждали. Наконец он скрылся из виду. Жако тихим свистом дал им знать, что все чисто.

Закончив, старик и Мишель перебрались из шахты на лестницу. Тома отдал резак Мишелю, и они начали подъем.

Путь был долгим. На первой платформе Тома немного передохнул. Потом они двинулись дальше ко второй платформе. Посреди этого участка Тома пришлось еще раз остановиться: у него болели ноги, не хватало дыхания. Он заметил, что Мишель тревожно на него поглядывает.

– Ты как, высоты не боишься? – неожиданно спросил он у парня.

– Не.

– Тогда ладно, – ворчливо буркнул Тома. Он почувствовал себя лучше после этого короткого диалога.

На второй платформе они ждали всего две-три минуты – вскоре послышались шаги, и появились Жорж с товарищем.

– Сделано, – доложил Жорж. – Никаких проблем.

– Угу. Самое интересное начинается здесь, – сказал им Тома.

Система подъемников в верхней секции башни была совсем иной, чем внизу. Там было два пассажирских лифта. Высоко над третьей платформой они соединялись через обычные шкивы тросами, но так, чтобы создавать противовес друг для друга. Этот прием уменьшал усилие, необходимое для подъема и опускания кабин. Гидравлический цилиндр поднимал кабину на половину нужной высоты до промежуточной площадки. Там пассажиры выходили, пересаживались в другую кабину и на ней уже достигали самого верха. В этой хитроумной схеме бóльшую часть работы выполняла сила тяжести.

Рядом имелся и маленький технический подъемник. Жорж быстро вскарабкался на его верх и перерезал тросы. Потом они с Тома посоветовались.

– Надо сделать так, чтобы лифт не могли починить без замены тросов по всей длине, – сказал парню Тома, – и для этого я поднимусь на пересадочные мостки на середине подъема. Но до конца перерезать тросы не буду, а то, падая с почти стометровой высоты, они загремят на весь Париж. То есть нужно только ослабить их. Мне будет легче работать, если тросы будут натянуты. Поэтому ты на этом уровне подрежь тросы над кабиной, но последний надрез не делай, пока я не закончу наверху, хорошо?

– Все понял, – ответил Жорж.

Чтобы добраться до самого верха, им пришлось идти по винтовой лестнице шириной всего семьдесят пять сантиметров. Тащить тяжелые резак с длинными рукоятками было очень неудобно. Но в конце

концов Тома и Мишель вышли на пересадочную площадку. Глядя вверх, сквозь балки, они могли различить темный квадрат самой верхней платформы.

Они подошли к закрытым дверям лифта, за которыми зияла шахта. В восьмидесяти метрах под ними слышался слабый металлический скрежет – это Жорж всюду резал тросы над кабиной лифта.

– Нам нужно вылезти в шахту, – сказал Тома.

Луна хорошо освещала башню на этой высоте, но им пришлось несколько минут подумать, как перебраться через проволочное ограждение площадки. Оказавшись наконец по другую сторону, они осторожно двинулись вдоль опорной балки к краю ствола шахты. Тросы кабины висели по центру, так что до них было не дотянуться.

– И что теперь? – спросил Мишель.

Тома огляделся в поисках вертикальной металлической стойки.

– Зацепись за стойку ногой и одной рукой, – велел он Мишелю. – Получается? – (Попробовав несколько положений, Мишель сумел это сделать.) – А теперь, – продолжал Тома, – свободной рукой держи меня за ремень, прямо посреди спины. Хорошо держишь?

– Думаю, да.

– Мне придется повиснуть над шахтой, так что рассчитываю на тебя.

– Ладно.

Тома наклонился вперед. Только полностью вытянув руки, он сумел обхватить тяжелым резаком первый трос. Он знал, что мышцы в такой позе скоро заболят, но, по крайней мере, у него будет задел. И он принялся сжимать и разжимать лезвия, подрезая жилы троса. Через минуту он сделал паузу:

– Ты как, Мишель?

– Мне нужно отдохнуть.

Мишель потянул Тома за ремень, старик вернулся в вертикальное положение и отступил на шаг от края. Как раз в этот момент негромкий крик совы далеко внизу возвестил, что снова возвращается полицейский.

Через пять минут они продолжили работу.

– Сейчас вспомнил кое-что, – сказал Тома, опять повиснув над провалом. – Впервые я увидел свою жену, когда висел вот также, на балконе одного дома на Елисейских Полях.

– Что? – не понял Мишель.

– Не важно, – сказал Тома. – Ты, главное, держи покрепче.

Он потратил минут пять на следующий трос. Отдохнул немного. Потом взялся за третий.

– Нам придется подойти с другой стороны шахты, чтобы дотянуться до остальных тросов.

И еще пять минут ушло на смену места. Скрежет, доносившийся из глубины шахты, прекратился: очевидно, Жорж выполнил свою часть работы. Но Тома был твердо намерен закончить поставленную самому себе задачу здесь, наверху. Однако не успел он продолжить, как пришлось замереть по сигналу Жако и переждать еще одно появление полицейского.

Когда он снова готов был к работе, его остановил Мишель:

– Я тут подумал...

– Что?

– Вы говорили, что две кабины уравнивают друг друга.

– Да.

– Значит, эти тросы, которые вы режете, идут наверх, оборачиваются вокруг барабана и спускаются прямо к крыше кабины с другой стороны.

– Верно.

– Но когда вы ослабите тросы, они могут лопнуть, а если так, то разве вторая кабина не упадет?

– Ну и что?

– А то, что если лифт рухнет в самый низ, то грохоту будет – мало не покажется.

– Ну?

– Люди услышат, позвонят в полицию. Нас арестуют.

– Нас даже пристрелить могут, если все будет так, как ты говоришь.

– Тогда все это не лучшая затея.

– В моем возрасте, – хмыкнул Тома, – о таких вещах можно уже не волноваться.

– Но я-то еще молодой.

– Знаю. Только из-за тебя я тоже не волнуюсь: мне все равно, убьют тебя или нет. Ты лучше не болтай, а держи крепче.

И Тома снова потянулся к тросам.

– Засранец, – буркнул Мишель.

Миновало еще пятнадцать минут, пока Тома подрезал тросы, а подавленный и угрюмый Мишель держал его над шахтой. Наконец они снова оказались на пересадочной площадке. Там они задержались на мгновение, и Тома указал на платформу, темнеющую высоко над их головами:

– Ты видишь днище кабины, которая там висит?

– Кажется, да.

– Так вот, с тех самых пор, как американский месье Отис почти сто лет назад изобрел такие лифты, все они оснащаются автоматическими тормозами. Они не могут упасть.

– О-о...

Вид с площадки открывался поистине прекрасный. Перед ними лежал весь Париж, залитый лунным светом. Тома посмотрел на луну, сияющую на фоне звездного неба.

– Знаешь что? – сказал он. – Если Гитлер захочет забраться на эту башню, ему придется как следует попотеть.

Внизу, на второй платформе, они нашли Жоржа и его приятеля, терпеливо дожидавшихся их на крыше лифтовой кабины.

– Мы закончили, – сказал Тома.

Они услышали, как щелкнул резак – раз, два... шесть раз, и дело было сделано. Лифт больше не работал.

Спуск со второй платформы занял почти двадцать минут, пять из которых были вынужденным, но желанным отдыхом, пока под башней ходил страж порядка. Когда они очутились на твердой земле и к ним присоединился Жако, мужчины обменялись рукопожатиями и решили разбиться на три группы. Тома и Мишель вместе пошли к реке; у каждого в руках было по резаку. На мосту было пусто. Взойдя на него, они швырнули инструменты через парапет и услышали два тихих всплеска, словно два ныряльщика погрузились в воды Сены.

– Можно спросить кое о чем? – проговорил Мишель, когда с последним делом было покончено.

– Конечно.

– Там наверху вы сказали, что лифт не может упасть, потому что у него есть тормоза.

– Да.

– Когда Жорж в самом конце стал резать тросы, я видел, что вы смотрели на верхнюю кабину и, когда он перекусил последний трос, зажмурились.

– Ну да. – Тома кивнул. – Я был почти уверен насчет тормозов, но... – пожал он плечами, – мог и ошибиться.

Во второй половине 1940 года Луиза пребывала в недоумении. Прежде всего потому, что после прекрасной весны и внезапного, пугающего месяца войны все как будто пришло в норму.

У Франции по-прежнему было французское правительство: сам маршал Петен, герой прошлой войны, уже на девятом десятке, но в полном здравии. Франция отважно оборонялась и потеряла в боях сто тысяч человек. Подобно Польше, Бельгии, Голландии, она не устояла перед немецким блицкригом. Если маршал Петен обращается к ним как к гражданам Франции и просит оказывать содействие оккупантам, кто будет спорить? Да и альтернативы не было.

Верно, из Лондона звучал настойчивый, хотя и одинокий голос де Голля. Но на практике ему нечего было предложить. Британская армия совершенно обессилела после попыток сопротивляться немцам и торопливо укрылась у себя на острове. Только узкий Ла-Манш спас Британию от поражения одновременно с Францией. Но и ее черед настанет уже скоро.

Тем временем немцы не стали лишать Францию чести. Французскому правительству во главе с Петеном было позволено остаться у власти... с определенными оговорками.

Сам Петен базировался к югу от Парижа, в городке Виши – популярном курорте с термальными водами. К зоне, подконтрольной Виши, отошли Средиземноморское побережье, Прованс, Южная Франция, гористый Лимузен и соседняя с ним Овернь в самом центре страны. Но весь север Франции, то есть практически все земли, расположенные примерно между долиной Луары до Ла-Манша, а также Атлантическое побережье от границы с Испанией до Бордо, устья Луары и Бретани, были оккупированы немецкими войсками, а содержались за счет французского правительства. Технически оно же и контролировало эти северные и западные регионы, порядок и закон там поддерживались французской полицией. Однако присутствие

гитлеровских войск служило постоянным напоминанием о том, что Франция подчиняется германскому сюзерену.

Тем не менее Луиза не могла не признать, что, по крайней мере пока, немцы вели себя сдержанно. Разумеется, они заняли несколько зданий: люфтваффе расположилось в очаровательном Люксембургском дворце, Геринг предпочел поселиться в «Рице», где, как скоро услышала Луиза, нередко наряжался в шелковые и атласные платья и надевал драгоценности, хотя имел вкус не к мужчинам, а к женщинам и их ему регулярно поставляли прямо в гостиничный номер. Другие немецкие генералы подыскивали себе частные особняки. Было件нятно, что оккупационным войскам был дан простой приказ: не раздражайте местное население и развлекайтесь как хотите.

Что до парижан, то после первоначального массового бегства город снова стал наполняться. Жизнь должна продолжаться – так им сказал сам патриот Петен. Для многих представителей старой армии, монархистского правого крыла и кое-кого из буржуазии, кто, как и Петен, никогда не испытывал особой любви к демократии, новый режим оказался не так уж плох. Что касалось лагеря левых, то коммунистам Москва приказала сотрудничать с немцами, поскольку после подписания нового пакта Гитлер был новым союзником России.

Как и предсказывал Тома Гаскон, Гитлер приехал в Париж на несколько часов в одно из воскресений июня и узнал, что не сможет подняться на Эйфелеву башню из-за повреждения тросов. Никто не знал, кто сломал лифты. Ходили слухи, будто за этим стояли какие-то люди из Маки, но район старых трущоб умел хранить молчание. Никто и никогда не докопается до истины в этом происшествии.

Луизе нужно было решать, что делать.

План она составила еще до рождения малыша. Растить ребенка в борделе она не хотела, поэтому нашла скромную, но приятную квартиру неподалеку, напротив Музея искусств и ремесел, и наняла няню. Ребенок в этой квартире жил, а Луиза проводила там все свободное время. Своими апартаментами на улице Монморанси она продолжала пользоваться как рабочим кабинетом для управления заведением.

Луиза подсчитала, что к десятилетию мальчика расплатится со всеми долгами и накопит достаточно средств, чтобы отойти от дел и

даже отложить приличную сумму в качестве наследства сыну. Таков был ее план.

Она назвала ребенка старинным французским именем Эсме, которое означало «обожаемый». Ему предстояло получить все то, чего была лишена Луиза: его появление в этом мире было желанным, мать никогда его не покинет и он всегда будет знать, что любим.

Когда она впервые упомянула Шарли о своей беременности, то откровенно рассказала о своих намерениях.

– Я выбрала тебя отцом своего ребенка, – сказала она, – но хочу родить его только для себя. Ты абсолютно свободен. Я сама обеспечу его.

Она гордилась тем, что могла сказать так, и твердо решила, что никто, даже Шарли, не разлучит ее с сыном. И у нее было еще одно условие.

– Я не хочу, чтобы твой отец и мачеха знали об Эсме. Пусть это будет нашей с тобой тайной. Пообещай мне это.

Шарли это требование показалось странным, но он согласился. Все остальное он принял довольно легко. Хотя Луиза так и не рассказала ему правду о своем происхождении, он догадывался, что для нее сын чрезвычайно важен. Большинство мужчин, полагал он, были бы только рады, если бы с них сняли ответственность за незаконнорожденного ребенка. Все же ему хотелось сделать что-то для своего сына. Он не считал это каким-то особенно добродетельным поступком со своей стороны – легко быть щедрым, если ты богат.

– Ты можешь навещать нас, – сказала Луиза, – только никогда не пытайся забрать у меня сына.

Она все продумала, но германской оккупации не предвидела.

Что же теперь делать? Луиза не имела ни малейшего желания привечать в своем заведении приспешников Гитлера. Может, закрыть дело прямо сейчас? Удастся ли ей продать его во время оккупации?

Июль еще не закончился, когда один неожиданный телефонный звонок еще больше усложнил положение Луизы. Это была Коко Шанель. Несколько лет назад великая законодательница мод решила жить в роскошном номере отеля «Риц» и теперь звонила оттуда.

– Хотела сообщить вам, Луиза, что «Риц» буквально кишит германским высшим командованием. Я сказала им всем, что вы – мой

друг и что «Приглашение к путешествию» – лучшее заведение в Париже.

– О...

– У них полно денег.

– Знаю.

Среди французов это уже стало большим вопросом. Деньги, которые Франция выплачивала Германии на содержание оккупационных властей, пересчитывались в германские марки по очень невыгодному для французов курсу. В результате оккупанты могли позволить себе в Париже любую роскошь.

– Я сказала им, что вам можно доверять, – продолжала Коко. – Не подведите меня.

И повесила трубку.

Когда Шарли поведал отцу и Мари, чего он хочет, Роланд счел идею нереальной.

– Нет никакой организации, к которой можно было бы присоединиться, – напомнил он.

– Значит, надо ее создать.

– Жаль, что мы потеряли столько людей, – сказал виконт.

Речь шла не только о ста тысячах, убитых в мае и июне. К моменту окончания военных действий немцы захватили в плен миллион французских солдат. Даже те войска, которые были эвакуированы в Дюнкерке, Британия, не зная, что с ними делать, затем отправила обратно во Францию, и бóльшая их часть тоже в конце концов оказалась в немецких лагерях для военнопленных.

– Насколько я могу судить, – заметила Мари, – люди нашего круга в основном поддерживают Петена.

– Именно поэтому меня вряд ли заподозрят, – сказал Шарли. – А вы станете моим прикрытием. Если мы будем вести себя как консервативная аристократия, немцы решат, что мы на их стороне.

Возможность представилась лишь две недели назад, когда перед замком остановился большой автомобиль в сопровождении двух мотоциклов, из которого вышли щегольски одетый полковник германской армии и два молодых штабных офицера. У двери военный вежливо представился как полковник Вальтер и объяснил, что он

осматривает замки, выбирая те, которые могут быть реквизированы для нужд армии.

Он прекрасно говорил по-французски, и Шарли предположил, что в задачи полковника входит не только осмотр замка, но и проверка его обитателей. Когда Мари пригласила полковника и его подчиненных остаться на обед, они с готовностью согласились.

Во время обхода замка быстро выяснилось, что и немец, и Роланд де Синь – потомственные военные. Шарли еще передвигался, опираясь на трость, и полковник поинтересовался, не был ли молодой человек ранен.

– Нет, господин полковник. Это был несчастный случай. Из-за перелома я не участвовал в боях.

– Надеюсь, вас лечили хорошие доктора.

– Очень хорошие. Я лежал в Американском госпитале.

Полковник кивнул с сосредоточенным видом, и Шарли понял, что все сведения, скорее всего, будут проверены. В целом же свои взгляды полковник Вальтер выразил, когда беседовал с Роландом:

– Французская армия сражалась отважно, месье. Но ваше верховное командование не подготовилось должным образом.

– Я придерживаюсь того же мнения, – ответил Роланд. – С вашей стороны любезно было отозваться с похвалой о наших войсках.

Определяющий момент, однако, наступил чуть позже. Они оказались в старом холле, где висел замечательный гобелен с единорогом, и остановились, чтобы полюбоваться им.

– Это поистине красиво, – восхитился полковник Вальтер. – Жемчужина в идеальной оправе. Гобелен всегда находился в замке?

Роланд припомнил обстоятельства, при которых покойный отец купил шпалеру, и его осенила идея.

– На самом деле, – сказал он, быстро перекраивая факты, – этот гобелен приобрел мой отец. За него просили довольно большую сумму, но отцу стало известно, что, если он не купит шпалеру, она достанется еврею. Поэтому он заплатил. – Роланд посмотрел на полковника. – Нам казалось, что этому единорогу место здесь.

– Ага. – Полковник Вальтер одобритительно кивнул. – Благое дело.

Шарли отметил, что двое штабных офицеров слегка расслабились.

Обед прошел в приятной обстановке. Немцы вели себя исключительно корректно, и тем не менее было очевидно, что семью де

Синь они уже отнесли к числу тех, кого Германия хотела бы привлечь на свою сторону.

Когда они уезжали, Роланд счел возможным выразить надежду, что его известят заранее, если армия решит занять замок.

– Конечно, – ответил Вальтер и улыбнулся. – Берегите гобелен.

Шарли практически не сомневался, что больше их семью оккупанты не побеспокоят.

Все еще с тростью, но в остальном вполне здоровый, в воскресенье Шарли отправился к Луизе. В ее квартире он не был с прошлой осени, а в последний раз они виделись, когда Луиза навещала его в госпитале. Это случилось лишь однажды, потому что она опасалась встретиться с кем-нибудь из его семьи.

Под мышкой – так, чтобы всем было видно, – он держал книгу Селина, любимчика французских реакционеров. Антисемитизм этого автора внушал трепет даже нацистам.

Подходя к квартире Луизы, Шарли гадал, как пройдет встреча. Из-за войны они не оставались наедине больше года. Она получила ребенка, которого хотела, и свое желание быть независимой выразила весьма недвусмысленно. Захочет ли она продолжать отношения? А сам он хочет этого? Шарли не знал. Может, и хочет. Но сначала, решил он, надо посмотреть, как все пойдет.

А вообще, вдруг осознал Шарли, ему не терпится увидеть своего маленького сына.

Они остановились в гостиной.

– Нам надо отпраздновать твое возвращение, – сказала Луиза. – Шампанского?

– Я пока еще инвалид, – сказал он.

– Да, я вижу. – Она улыбнулась.

До чего же она привлекательная женщина. Для Шарли, как оказалось, ничего не изменилось. Вообще ничего. Он сделал движение, собираясь заключить ее в объятия, но она мягко удержала его:

– Подожди. Сначала тебе надо кое-кого увидеть.

Она провела его через небольшой коридор в гостевую спальню, в которой устроили детскую.

Как быстро растут дети, поразился Шарли. Младенец, которого он помнил, превратился в мальчика. Пока ему всего два года, но он может ходить и говорить – и очень похож на него, своего отца. Шарли подхватил Эсме и поднял так, чтобы маленький человечек смотрел ему прямо в глаза.

– Ты знаешь, кто я такой? – с улыбкой спросил он.

– Мой папа.

– Да. Я твой папа.

– Ты останешься здесь?

– На время.

– Мама моя.

– О, я знаю это. Но я буду иногда приходить к ней. Каждый раз, как буду приходить к тебе.

Крошечный мальчик задумчиво смотрел на него:

– Ты мой папа.

– Да.

И Шарли ощутил невыносимо острое желание остаться с этой женщиной и своим сыном. Он почти забыл, что она старше его, что она хозяйка борделя и что сам он – будущий виконт де Синь. И еще он хотел жениться на Луизе, хотя в глубине души понимал, что не сделает этого.

Он провел с сыном полчаса – играл, говорил с ним. Потом пришла няня, чтобы повести Эсме на прогулку, а Шарли и Луиза удалились в спальню и занялись любовью.

Уже вечерело, когда она поделилась с ним своей дилеммой: сохранить «Приглашение к путешествию» и обслуживать офицеров оккупационных войск – или попытаться продать заведение?

– Тебе не нравятся немцы? – спросил Шарли.

– Оккупация есть оккупация. – Она пожала плечами. – Но ты, наверное, хорошо к ним относишься. У меня складывается впечатление, что многие известные и богатые люди симпатизируют им. И ты пришел сюда с книгой Селина под мышкой.

– К нам в замок приезжал с визитом немецкий полковник со своими штабистами. Они были довольны, когда узнали, что виконт де Синь и его семья разделяют их мировоззрение. Меня это устраивает, и я хочу, чтобы так все и оставалось.

– Ты советуешь мне поступать так же?

– Скажи мне, – попросил ее Шарли, подумав, – что в твоей жизни самое главное?

– Эсме. Я хочу защитить его.

– Тогда да, поступай так же, как я. Продолжай жить как раньше. Принимай у себя немцев. Что еще тебе остается?

– Не знаю...

– Франция оккупирована, Луиза, – с чувством произнес Шарли. – Де Голль устроил свой штаб в Лондоне и надеется, что французские колонии и американцы выгонят отсюда Гитлера. Но это всего лишь мечта. Вероятно, Лондон тоже скоро окажется в нашем положении. – Он помолчал. – Но давай предположим, что в один прекрасный день ситуация изменится и появится реальный шанс выдворить гитлеровцев. – Его голос был необыкновенно серьезен. – Тогда, поскольку в твоём заведении бывают высшие германские чины, ты могла бы узнать много такого, что могло бы оказаться очень полезным для заинтересованных лиц.

– Понимаю. – Луиза взглянула на него с любопытством. – Ты что-то задумал, Шарли?

– Да ничего подобного. – Это было ложью, и Шарли хотел, чтобы Луиза поняла это. – Я сотрудничаю с оккупантами, как и все остальные. И уже выучил наизусть целые абзацы из Селина, – добавил он весело. – Кстати, можно мне будет навестить тебя и Эсме в следующее воскресенье?

– Конечно, – сказала она.

А в конце сентября Луизе нанес визит Жакоб. Он появился перед дверью «Приглашения к путешествию» без предупреждения с просьбой уделить ему несколько минут. Луиза сразу провела его в свой кабинет и спросила, чем она может ему помочь.

– Да, я пришел просить об одолжении, – сказал он. – Вы видели новые указы, касающиеся евреев?

Луиза знала, что население Парижа выросло за счет евреев, бегущих от жестокого господства Германии на востоке. Теперь германцы принялись и за евреев во Франции.

– Я их не читала, – призналась она.

– Мы все должны встать на учет у властей, указать и домашний, и рабочий адрес, чтобы они точно знали, где нас найти. Если будут

проблемы с продовольствием, а во время войны без них не обходится, нам не будет позволено стоять в очередях за продуктами. Нам даже нельзя пользоваться общественными телефонами. – Он удрученно помотал головой. – И еще говорят, что они собираются конфисковать наше имущество.

– Сочувствую, – сказала Луиза. На самом деле она была возмущена тем, что происходило, но не хотела этого говорить вслух. – Но почему вы пришли ко мне?

– Не согласитесь ли вы сохранить у себя несколько моих картин? – Он с отчаянием взглянул на нее. – Понимаете, мадам Луиза, у вас уже есть коллекция. Никто не будет сомневаться, если вы скажете, что и мои картины – тоже ваши.

– А вы знаете, что сюда уже приходят немецкие офицеры?

– Да. Мне кажется, что так еще безопаснее. Ваше заведение – последнее место, где они начнут что-то подозревать. Кое-что можно повесить на стены, кое-что сложить где-нибудь на хранение...

Луиза колебалась. Она догадывалась, что это незаконно. С другой стороны, она же не собирается никому об этом рассказывать. Можно будет разместить часть картин в комнатах, где она постоянно меняет оформление. А другую часть – в ее с сыном квартире.

– Двадцать штук, – сказала она. – Большое количество привлечет внимание.

– Может, хотя бы двадцать пять? – Он был несколько разочарован. – И немного рисунков?

– Хорошо. Но не больше. Надеюсь, вы найдете еще кого-нибудь, кто согласится вам помочь. Но только одно условие, месье Жакоб: никаких расписок. Вам придется довериться мне.

– Я вам верю, мадам, – благодарно закивал он.

После его ухода Луиза подумала, что неожиданно для нее самой ее личное сопротивление оккупации уже началось.

Когда Мари окидывала мысленным взглядом окружающий мир, то не могла не радоваться тому, что ее дочь в Америке. Из трансляций канала «Би-би-си» она могла узнавать о происходящем более или менее точно. В конце лета и осенью 1940 года она день за днем слушала о том, как люфтваффе пытается уничтожить британский военно-воздушный флот. К исходу октября стало ясно, что Гитлеру это не

удалось, и это казалось чудом. Неужели, невзирая на всю ее мощь, Германия не является непобедимой? Еще целых полгода Гитлер будет пытаться покорить британцев бомбардировками, но к маю 1941 года ему придется отказаться от этого плана. На других фронтах Британия тоже упорно противостояла фашистам. В Африке итальянские союзники Гитлера отступили под напором британских войск, и Германии пришлось послать туда подкрепление, чтобы удержать фронт.

Франция тоже все еще воевала. Разумеется, вишистский режим поставлял войска германской стороне. Но флот Свободных французских сил привел пятьдесят кораблей и почти четыре тысячи человек, чтобы служить в британском военно-морском флоте. И если в битве за Британию участвовали польские летчики, то вскоре на «спитфайрах» начали летать и французские пилоты.

В Лондоне правительство Франции в изгнании, сформированное де Голлем, взяло в качестве символа большой лотарингский крест с двумя перекладинами. Как и надеялся де Голль, несколько французских колоний – Камерун, Французская Экваториальная Восточная Африка и Новая Каледония – встали на его сторону, и ожидалось, что за ними последуют остальные. На Ближнем Востоке Свободные французские силы присоединились к боям в Сирии и Ливане.

Однако в Париже жизнь текла спокойно. Семьи де Синь и Бланшар никто не тревожил. Казалось, германские власти делают все, лишь бы не вызвать их неудовольствия. Мари увидела пример этого в самом начале следующего года.

Как только Париж был оккупирован, Марк стал вести более скромный образ жизни. Он все еще появлялся на самых заметных культурных мероприятиях, но в основном проводил дни в гордом одиночестве. Мари не думала, что немцы могли причислить либерального интеллектуала вроде Марка к сторонникам авторитарного правительства. Но он был далеко не молод и слишком эгоцентричен, чтобы считаться опасным.

Более того, немцы старались сделать так, чтобы Марк проявлял бóльшую активность. Мари поняла это одним февральским вечером.

Уже много месяцев Марк не устраивал светских приемов, поэтому, когда он наконец пригласил Роланда и Мари на вечеринку, они оба пошли и взяли с собой Шарли. Собралось много народу, в основном из

мира искусства, а также, к удивлению Мари, присутствовало два-три немецких офицера в парадной форме. Объяснение было вскоре получено – Марк подозвал Мари с семьей и познакомил с военными:

– Позвольте представить вам мою сестру и ее мужа, виконта и виконтессу де Синь, а также сына виконта, Шарля. А это посол Германии.

Что бы ни думали о Гитлере и его приближенных, они умели проявить здравомыслие, когда хотели. Даже само по себе назначение посла во Францию было точно просчитанным жестом, направленным на поддержание видимости того, будто Франция по-прежнему суверенное государство, которое само определяет свою жизнь – при небольшой помощи своих немецких друзей, разумеется. Но выбор человека на эту должность был поистине гениальным. Отто Абец, образованный и культурный человек, помимо прочего, имел жену-француженку. Его целью было успокоить французов и помочь им смириться с германским господством.

Абец был довольно молод – ему еще не исполнилось сорока. Безупречно одетый, он выглядел так, словно всю жизнь провел в парижских салонах. Многозначительно склоненная голова и тон, которым он поздоровался с Роландом и Шарлем, тут же дали понять, что Абец прекрасно знает, кто они такие, и что он считает их знатными друзьями режима, разделяющими его ценности и, что еще более важно, предубеждения. К Мари же он обратился с отработанной любезностью:

– Мадам, я надеюсь, вы поможете мне убедить вашего брата снова взять на себя активную роль в жизни Парижа. Он всем нам очень нужен. К счастью, он согласился принять приглашение в посольство. – «Как будто можно было отказаться», – подумала Мари, а посол продолжал: – Теперь я спрашиваю у него позволение осмотреть его замечательную коллекцию живописи. Моя жена уже изучила две его монографии и говорит, что они столь же изящны, сколь и глубоки, так что обе они теперь лежат у меня на столе в очереди на прочтение.

Мари видела, что Марк, несмотря на всю свою опытность и возраст, не остался равнодушным к этой лести.

– Уже несколько лет мы боремся со стремлением Марка к затворничеству, – ответила она Абецу. – Пока почти безуспешно. Но я всегда говорю ему, что он состарится, если не будет двигаться.

– Именно так! – Германец с широкой улыбкой обернулся к Марку. – Я не прошу вас прислушиваться к моему мнению, мой друг, но вы должны слушать свою сестру, которая мудрее нас обоих.

Через месяц Марка видели на приеме, который Абец давал для культурной и академической элиты города. В остальном Марк по-прежнему редко покидал дом, но Абец, несомненно, считал, что французский деятель искусств в достаточной мере послужил целям Германии.

Несмотря на светский лоск посла, повсюду имелось немало напоминаний о том, что бархатная перчатка надета на железный кулак. Дорогу ко всем новым немецким учреждениям указывали знаки на немецком языке. Отель «Крийон» на площади Конкорд заняли наводящие ужас немецкие спецслужбы. По улицам курсировали автомобили с громкоговорителями, откуда неслись предупреждения о необходимости соблюдать порядок. По вечерам действовал комендантский час. Все жестче нормировались продукты питания.

– Для нас это не составит сложности, – заметил Шарли. – Достаточно вернуться в замок, и еды будет сколько угодно: в любой момент я могу отправиться в лес и настрелять голубей. Но парижским беднякам приходится туго.

А что занимало самого Шарли в эти месяцы? Осенью 1940 года Мари сумела посодействовать ему в очень важном для него деле, но, помимо этого, старалась не вмешиваться в его жизнь. Иногда он исчезал на несколько дней, но она никогда не спрашивала его, где он был или что делал. Мари не сомневалась, что у Шарли где-то есть женщина, и было бы странно, если бы ее не было. Но что касается другой, более опасной стороны его жизни, об этом она могла только догадываться.

Если где-то и формировались группы сопротивления, пока еще не было понятно, что полезного они могут сделать в настоящий момент, поскольку Германия почти полностью контролировала весь северо-запад Европы.

Но два события, случившиеся в 1941 году, стали знаком того, что германское господство начинает давать трещины. В мае потопили крупнейший в мире линкор «Бисмарк». А в июне пришла невероятная новость: Гитлер внезапно напал на своего нового друга Сталина и вторгся в Россию.

– Должно быть, он сошел с ума, – так отозвался Роланд. – Разве ему не известно, что произошло с Наполеоном, когда он пытался воевать с Россией еще в тысяча восемьсот двенадцатом году? – Он покачал головой. – Наверное, Гитлер считает себя более искусным полководцем, чем Наполеон.

– А ты что думаешь? – спросила Мари у Шарли.

– Я думаю, – сказал молодой человек, – что это все меняет.

Максу Ле Суру известие о войне Германии с Россией принесло облегчение. Последний год был для него особенно трудным. Поскольку Компартия Франции сошлась во мнениях с Москвой, журналисты «Юманите» обязаны были следовать партийной линии.

– Мы должны агитировать за сотрудничество с немцами, – говорил он отцу. Но к концу 1940 года он добавлял: – Не знаю, сколько еще я смогу продолжать в таком ключе, и многие мои товарищи-коммунисты тоже теряют терпение.

Его отец ни разу не высказался по этому поводу.

С тех пор как Макс вернулся из Испании после участия в гражданской войне, отношения между ними наладились. Они оба в равной степени огорчались, что Франко и правое крыло одержали верх и что в Испании, пусть и прикрытый идеями католицизма, установился фашистский режим. Жак признавал тот факт, что Макс отважно воевал и что сердце у сына там, где надо.

– Но он не доверяет мне, – грустно сказал Макс матери.

– Не принимай это на свой счет, – посоветовала ему та. – Просто пока коммунисты на стороне Германии... он не может.

Означало ли это, что отец участвует в какой-то группе сопротивления? Чем дальше, тем чаще задавался этим вопросом Макс. Жаку было хорошо за семьдесят, но его высокая жилистая фигура, казалось, не менялась с годами. Он, как и прежде, ходил от Бельвиля до Булонского леса пешком, не выказывая усталости.

Расспрашивать отца было бесполезно. Однажды весной 1941 года Макс прямо сказал, что готов начать работать против оккупантов. Но его отец никак не отозвался на заявление сына и сам никогда не поднимал этой темы. Макс все понимал, но не мог не испытывать обиду.

Только в конце июня, когда Гитлер напал на Россию, ситуация изменилась.

– Коммунисты организуют движение Сопротивления, – рассказал Макс старшему Ле Суру. – Деталей я еще не знаю, но собираюсь присоединиться, конечно же. – И осторожно добавил: – Если только у тебя нет других предложений.

Жак опять не сказал ни слова, но зато положил ладонь сыну на плечо и легонько сжал. Через несколько дней теплым июльским утром он сказал:

- Хорошая погода сегодня, давай-ка устроим пикник – ты и я.
- Как скажешь. Куда ты хочешь пойти?
- В Венсенский лес. Можно поехать на велосипедах.

Хотя лес находился не так уж далеко, Макс не бывал там уже много лет. Он и забыл, как хорошо побродить между старыми деревьями.

Если на западном краю города парижане могли наслаждаться зеленью Булонского леса, то на востоке Венсенский лес был столь же хорош. В старинном лесу сохранился древний замок, которыми короли пользовались вплоть до эпохи Людовика XIV, но обычно люди приходили туда, чтобы просто погулять.

Отец и сын нашли приятный безлюдный уголок и разложили на салфетке скромное угощение: хлеб, паштет, сыр. Макс привез бутылку вина. Видя, как отец с удовольствием вытянулся на траве, он ощутил прилив любви к старику. Они поели и выпили немного, и потом отец коснулся того вопроса, ради которого и затеял этот пикник:

- Ты серьезно говорил насчет желания работать в Сопротивлении?
- Да.
- Хочешь узнать о нем что-нибудь?
- Хочу.

Отец задумчиво кивнул:

– Ты знаешь, я, как социалист, всегда верил, что залог успеха – это прежде всего организованность. Отдельные акты насилия бесполезны. Организацию же можно так подготовить, чтобы в нужный момент она сумела захватить инициативу. Любое движение сопротивления действует по тому же принципу, особенно если мы имеем дело с таким беспощадным врагом, как Гитлер.

– Не могу не согласиться.

– Теперь, когда возник Восточный фронт, мы можем доставить немало хлопот здесь, чтобы оттянуть на себя часть войск и осложнить Гитлеру жизнь. Потом, если Америка вступит в войну, можно будет даже освободить Францию. Разветвленная и организованная сеть Сопротивления окажет неоценимую помощь, добывая информацию и проводя диверсии до начала активных военных действий.

– Но для этого понадобится хорошая связь с де Голлем в Лондоне.

– В какой-то степени да. Но нельзя забывать о картине в целом. В случае если французские и союзные войска смогут освободить Францию, нам нужно быть предельно организованными, чтобы Франция, которую они придут освобождать, досталась нам. К тому времени, когда они окажутся в Париже, здесь уже будет Коммуна.

– Старая мечта.

– Прошло сто пятьдесят лет после Французской революции, а мы все еще не воплотили ее идеалы в жизнь. Но, может, на этот раз у нас получится.

– Вот за что ты борешься?

– Да. Само собой, я хочу изгнать нацистов. Но моя конечная цель – завершить революцию, чтобы Франция исполнила свое истинное предназначение. Надеюсь, это и твоя цель.

В следующие десять минут он посвящал Макса в деятельность возникающих по стране подпольных групп. Макс понимал: отец говорит гораздо меньше того, что ему известно, но все равно было ясно: и в вишистской Франции, и на оккупированном севере сеть движения Сопротивления достигла уже значительных размеров.

– Ячейки связаны между собой, но в то же время независимы. Лишь несколько ключевых фигур знают то, что происходит вне их ячейки. Так обеспечивается безопасность.

– Какова твоя роль?

– Пропаганда. Я слишком стар для того, чтобы бегать по округе и закладывать взрывчатку. Но нам нужна газета. Мы можем возобновить издание закрытой «Ле популер». Подпольно, само собой. Я буду помогать с этим.

– Я хотел бы принять более активное участие. Испанская война многому меня научила.

– Знаю. И поэтому я собрал группу парней, которую планирую передать тебе и твоим друзьям. Они все рвутся в дело. – Жак ухмыльнулся. – Представляешь, я даже нашел человека, который перерезал лифтовые тросы на Эйфелевой башне! Он примерно одних лет со мной, но все еще крепок. И с ним целая шайка разбойников из Маки. А помимо них, у меня самые разные люди. Ну как, тебе интересно?

– Еще бы! – ответил Макс.

Жак отпил вина и бросил взгляд в сторону опушки. Макс показалось, что отец увидел там что-то и кивнул, но, обернувшись, ничего не обнаружил.

Через пару минут на поляну, где сидели Ле Суры, вышел высокий красивый мужчина, заколебался при виде них и извинился за беспокойство.

– Ты нас ничуть не побеспокоил, мой друг, – к удивлению Макса, сказал отец, обернувшись к незнакомцу. – Это мой сын Макс.

Незнакомец, которому было около тридцати лет и чья внешность сразу выдавала аристократа, приветственно склонил голову и сказал, что очень рад встрече.

– Макс, – продолжил Жак, – это мой хороший друг, мы называем его месье Бон Ами. Прошу тебя запомнить его лицо, чтобы при следующей встрече ты смог узнать его.

Двое молодых людей посмотрели друг на друга и улыбнулись. Потом месье Бон Ами исчез за деревьями так же быстро, как и появился минуту назад.

– Кто, черт возьми, это был? – спросил Макс.

Поначалу, когда Шарли пытался придумать, как помочь де Голлю, его останавливало одно серьезное препятствие: он не знал, с кем говорить и как найти этих людей. Множество его ровесников оказались в числе миллиона военнопленных, которых отправили в немецкие лагеря. Среди оставшихся наверняка были желающие сделать что-нибудь для освобождения родины, но и они не представляли, как связаться со «Свободной Францией» на другом берегу пролива.

Что касается поколения его отца, то казалось, что даже самые патриотичные представители армии поддерживают Петена.

Не кто иной, как Мари, придумала умный ход. Несколько телефонных звонков помогли ей отыскать инструктора из академии при французском генеральном штабе, знакомого с тем английским офицером, которого Мари встретила на приеме до войны. Она искусно завуалировала цель своего звонка. Можно ли предположить, спросила Мари, что иногда инструктор выходит на связь с англичанином.

– Сомневаюсь, что это возможно, мадам, – ответил он, но она отметила, что категоричного отрицания не прозвучало.

– Я вас очень прошу не упоминать никому о моем звонке, потому что мой муж и его сын поддерживают Петена, и им будет неприятно узнать, что я имею какое-то отношение к англичанину. Но дело в том, что перед отъездом из Парижа он оставил мне несколько гравюр и попросил продать их для него. Я это сделала и получила деньги. Если вам известен какой-либо способ, с помощью которого я могла бы без лишней огласки передать эти деньги ему, то я была бы вам крайне признательна. Вот и все.

– Скорее всего, вам придется подождать до окончания военных действий, мадам, – сказал ей инструктор. – Но я все же посмотрю, можно ли что-то сделать.

Прошел месяц. Шарли не сидел сложа руки. Для начала он записал имена всех офицеров, которые регулярно посещали заведение Луизы, и попытался выяснить, каковы обязанности каждого из них. Также он составил список людей, которые при желании могли бы оказаться полезны. Благодаря его положению и репутации его семьи как симпатизирующей Германии Шарли часто был гостем на приемах, которые давали немецкие офицеры в реквизированных парижских особняках.

– Примечательно то, – говорил он, – что, помимо нового хозяина и горстки его соотечественников-офицеров, я вижу на этих приемах примерно тех же людей, что и до войны.

Но это означало, что он мог без помех и особого риска собирать информацию. Оставалось только найти способ использовать ее.

Сгущались ноябрьские сумерки, когда дворецкий объявил Мари, что у дверей находится пожилой французский коллекционер, который слышал, что у нее могут быть гравюры на продажу. Она тут же попросила пригласить посетителя.

Маскировка была превосходной. Шаркая ногами, с низким поклоном в гостиную вошел старик лет семидесяти. Только когда они остались одни, он выпрямился и внимательно посмотрел на Мари. Она узнала того самого британского офицера.

– Вы очень умно составили свое сообщение, мадам, – заметил он. – Чем могу быть полезен?

– Как вы здесь оказались? – не могла не спросить она.

– С помощью парашюта, мадам виконтесса, – ответил он с улыбкой.

Она быстро объяснила, что ее пасынок Шарли хотел быть полезным отечеству и что было бы лучше, если они встретятся один на один. Офицер тут же назвал место в парке Монсо, где он будет ждать Шарли на следующий день, и быстро ушел.

Когда Шарли повидался с ним и рассказал, какие сведения у него уже имеются, англичанин удовлетворенно кивнул и пообещал, что скоро с ним свяжутся.

– Вы как раз такой человек, который нужен полковнику Реми, – заметил он.

– Полковник Реми? – Это имя ничего не говорило Шарли.

– Кодовое имя. Так безопаснее, – пояснил англичанин и исчез.

Через неделю Шарли получил свои первые инструкции от полковника Реми. Ему сообщили, какую именно информацию ждут от него в первую очередь и адрес, где он должен оставлять свои отчеты.

Вскоре Шарли тщательно записывал все, что мог разузнать о казармах, дорогах и железнодорожных путях, которыми пользовались немцы, о местах, где хранились боеприпасы и взрывчатка, а также все, что ему казалось полезным для организации в будущем диверсий.

Да, это все была нужная информация, он понимал это. Но ему хотелось делать что-то более заметное. Ему велели проявлять терпение. Однако в этом Шарли не был силен.

– Я хочу действия, – признавался он отцу.

По прошествии нескольких недель Роланд, наблюдая за растущим раздражением сына, решил назвать ему имя человека, который, возможно, сумел бы помочь.

– Понятия не имею, состоит он в Сопротивлении или нет, – сказал он, – но в свое время я наводил о нем справки. Он социалист и, я почти уверен, против Германии. Может, он сведет тебя с нужными людьми.

Но только ничего не говори им о своей работе на полковника Реми. Эти две сферы деятельности нельзя смешивать, иначе ты рискуешь подвергнуть всех опасности.

Через несколько дней, когда старший Ле Сур вышел из своего дома в Бельвиле, его вдруг догнал спортивного вида молодой человек почти такого же роста, как его сын, и зашагал рядом. Жак с недоумением посмотрел на него.

– Месье Ле Сур?

– Возможно.

– Я Шарли де Синь. Меня послал к вам отец. Мы можем поговорить наедине?

– Зачем это?

– Мой отец говорит, что вам можно доверять.

– Надо же. И почему он так считает?

– Не знаю. Он сказал только, что вы были товарищами во время Великой войны.

– Он так сказал? – Ле Сур все взвесил. – Откуда мне знать, что вы его сын и что это он послал вас?

– С его слов мне известно, что он просил вас в случае его гибели передать мне кое-что. – И Шарли достал из кармана старую самодельную зажигалку, сделанную из стреляной гильзы.

– Он еще что-нибудь говорил?

– Да. Сказал, что мы не должны стрелять друг в друга, пока Франция не освобождена.

Ле Сур медленно кивнул:

– Тут за углом небольшое кафе. Можем поговорить там.

Когда они закончили беседу, Ле Сур предложил, чтобы Шарли взял себе оперативный псевдоним. Шарли подумал немного и улыбнулся.

– Зовите меня Бон Ами, – сказал он.

Ведь именно этого он хотел – быть хорошим другом.

Впервые встретившись со Шмидом, Люк Гаскон подумал, что молодой немец не так уж плох – для человека из гестапо.

Стоял морозный декабрьский день 1941 года. Из России только что пришла новость о том, что немцы потерпели крупное поражение. В первые месяцы они вихрем пронесли по Южной России и захватили

город Киев. Но потом столкнулись с таким яростным сопротивлением на подступах к Москве, что вынуждены были отступить.

В кафе Гасконов новость была встречена с энтузиазмом. Сто с лишним лет назад сам император Наполеон не сумел покорить Москву, и если бы это удалось Гитлеру, то гордость французов была бы уязвлена.

Но едва кто-то из завсегдатаев кафе воскликнул: «Поделом Гитлеру!» – как в дверях появился молодой человек в черной гестаповской форме. Он прошел к стойке и заказал выпить.

Над столиками повисла гробовая тишина. Люк в этот момент оказался в кафе и не растерялся: с подчеркнутым радушием приветствовал гестаповца и представился как владелец и кафе, и ресторана по соседству. Умело оказывая военному знаки внимания, Люк завязал с ним разговор. Вскоре он нашел удобный предлог, чтобы заверить немца в своей поддержке Петена и намекнуть, что является кладезем самых разнообразных сведений о городе. А военный рассказал, что его фамилия Шмид, что его родители были фермерами, у него есть замужняя сестра и работает он в гестапо.

Карл Шмид имел непримечательную внешность. Если бы не черная форма, он сразу потерялся бы в любой толпе. Средний рост, мышиноного цвета волосы. Только его бледно-голубые глаза оставляли след в памяти.

Когда он ушел, один из постоянных посетителей кафе едко заметил, что уж очень старательно Люк обхаживал немца.

– Зачем раздражать гестапо? – Люк только плечами пожал. – Я не хочу, чтобы к нам цеплялись.

Но на самом деле он уже решил, что этот молодой офицер мог бы ему пригодиться.

Люк всегда умел заработать себе на жизнь. Его первой задачей было обеспечить ресторан продуктами. Хорошо знакомый с черным рынком, он умудрялся держать ресторан на плаву, но его доходы сократились. Раздобыть немного кокаина он мог и во время оккупации, однако большинство его клиентов покинули Париж, а высокопоставленные немецкие офицеры, которые тоже были не прочь побаловаться наркотиком, имели свои каналы поставки. С Луизой Люк больше не виделся, но его возмущал тот факт, что она, должно быть,

зарабатывает кучу денег в своем «Приглашении к путешествию», а с ним не делится. Пока Люк ничего не мог с этим поделать, но он поклялся себе, что однажды заставит Луизу пожалеть о том, что она так обошлась с ним.

Пока же, однако, надо было жить своим умом. Естественно, Люк уже не в первый раз задумывался над тем, какую выгоду он мог бы извлечь из оккупации. Люди вроде Марка Бланшара и Луизы общались с немцами в светских салонах. У Люка был иной круг общения. И молодой Карл Шмид, офицер гестапо, мог оказаться как раз тем человеком, который ему нужен. Два дня спустя Люк отправился к нему в ведомство.

Карл Шмид сидел за своим рабочим столом и размышлял. Ему было двадцать восемь лет, и ему очень везло в жизни.

Взять хотя бы для начала то, что он в Париже – в городе, в котором всегда хотел побывать и даже мечтать не смел о том, чтобы жить здесь.

И его рабочее место просто загляденье. Не его личный кабинет, конечно, это всего лишь скромная комнатка. Но все здание было просторным и находилось на одном из самых красивых проспектов мира.

После Великой войны широкий величественный проспект, который шел от Триумфальной арки к Булонскому лесу, был переименован в честь знаменитого французского военачальника: авеню Фош. Гестапо сделало отличный выбор, когда расположилось в трех зданиях на этой улице. «Я работаю на авеню Фош, – писал Карл домой родителям, – и это очень хороший адрес».

Появление Люка не стало для него полной неожиданностью. Еще во время их первой беседы в кафе Шмиду показалось, что этот угодливый француз имеет все задатки хорошего информатора. Он даже собирался зайти в то кафе еще раз и проверить свои впечатления.

То, что Люк не стал тянуть время, понравилось гестаповцу.

– Я не мог быть откровенным при людях, лейтенант Шмид, – вежливо сказал Люк, – но я знаю Париж лучше многих. Если бы я мог помочь...

– Вы рассчитываете, что вам будут платить? – спросил Шмид.

– Если мои услуги окажутся полезными. Человек должен что-то есть.

Давать деньги вперед Шмид не собирался и счел хорошим признаком то, что француз об этом не просил.

– Я смогу платить вам немного. – Шмид внимательно смотрел на Люка. – Если вы узнаете о какой-либо незаконной деятельности или о планирующихся диверсиях...

– Сам я стараюсь избегать людей, которые могут быть замешаны в такие дела, – осторожно заметил Люк. – Но иногда волей-неволей слышишь всякое. – Он помолчал. – Может, вам еще что-то нужно?

– Вермахт уже конфисковал ряд произведений искусства, о чем скоро станет известно. Но в Париже столько шедевров, и часто они находятся в руках преступников. Особенно это касается живописи. В таких делах я проявляю личную заинтересованность.

– Я понял. – Люк кивнул. – Владельцы должны быть арестованы. После чего можно конфисковать картины. Выгодное дело.

– Я же сказал, что вам будут платить.

– Я наведу справки. – Люк склонил голову. – На это потребуется время.

– Приходите ко мне в начале каждого месяца, – приказал Шмид. – Если что, я знаю, где вас найти.

Время покажет, будет ли от этого ловкого француза какая-то польза, подумал Шмид.

В последующие месяцы Люк все более убеждался, что его личные интересы лежат на стороне немцев.

Верно, почти сразу после его знакомства со Шмидом стало известно, что японцы бомбили Пёрл-Харбор и что в конфликт вмешалась Америка. Стали поговаривать о том, что ход войны изменится. Может, и так, а может, и нет. Но пока всякие перемены были где-то за горизонтом.

К июню 1942 года британцы начали бомбить города Германии. Но это не помешало Гитлеру начать в России новое наступление и продвинуться почти до могучей реки Волги.

И во Франции, особенно в Париже, оккупанты держали власть мертвой хваткой.

В то же время Люк не хотел оказаться в числе врагов Сопротивления. Добьются братья Далу и их приятели успеха или нет, они в любом случае опасны. Умнее всего будет оставаться с ними в

хороших отношениях. Кроме того, чем больше он узнает об их делах, тем больше возможностей у него появится, чтобы продать информацию Шмиду. Если он будет осторожен.

– Я был не прав, когда отказался пойти с тобой на Эйфелеву башню, – не раз и не два говорил Люк своему брату Тома. – Скажи ребятам Далю, что, если будет еще какое дело, я с удовольствием пойду с вами.

Это была опасная тропа, нельзя было оступиться ни в одну, ни в другую сторону. Но Люк думал, что справится.

Он пока еще не сумел найти коллекционера для гестаповца. Первым делом он, конечно, подумал о Марке. Однако Марк был из числа его постоянных клиентов, а Люк всегда бережно к ним относился. Кроме того, Марк пользовался уважением у оккупационных властей, и еще Люк сильно сомневался, что пожилой деятель искусств может иметь хоть какое-то отношение к движению Сопротивления.

Тем не менее он сумел стать полезным для гестапо.

Когда Шмид попросил его понаблюдать за французским инженером, которого подозревали в связи с несколькими радистами, Люк выполнил задание, и инженера арестовали. После этого Люку заплатили. Потом он случайно услышал, как парни Далю планируют выкрасть взрывчатку со склада в Булонь-Бийанкуре. Люк выждал, чтобы убедиться, что Тома не будет участвовать в этой вылазке, и тогда передал сведения Шмиду.

При очередной встрече гестаповец сказал:

– Мы не стали реагировать на ту информацию о возможной краже взрывчатки, которую вы передали недавно.

– И что же?

– Взрывчатку украли. Вы можете назвать мне тех людей, которые это сделали?

– К сожалению, я их не знаю. – Люк развел руками. – Я услышал разговор двух мужчин, которых никогда раньше не видел. Если встречу их еще раз, то скажу вам.

– Что же, – проговорил Шмид. – В следующий раз я буду серьезнее относиться к вашим сообщениям. Кстати, есть еще кое-что, о чем я хотел бы вас попросить.

– Что же это?

– Мне нужны евреи. Но не все подряд, а французские. Найдите мне хотя бы одного французского еврея, которого я смогу арестовать, и я хорошо заплачу вам.

Несмотря на июльскую жару, Люк Гаскон шел по берегу Сены вниз по течению и как раз миновал Эйфелеву башню.

Он отправился в путь, потому что считал необходимым видеть все происходящее в городе. К тому же это событие было из разряда неординарных.

Люк собирался посмотреть на то, что делается в большом здании недалеко от Эйфелевой башни.

Старый крытый велодром, который во время Олимпийских игр в 1924 году так удачно послужил ареной для проведения боксерских поединков, все еще действовал и сохранил свое официальное наименование «Велодром д'Ивер» – Зимний велодром. Но все называли его коротко: Вель-д'Ив. И в последние несколько дней французская полиция нашла новое применение для старинной постройки. Она стала сборным пунктом для большого количества нежелательных лиц, выявленных властями. Их там были тысячи. Все евреи. По большей части – иностранные евреи.

Добравшись до места, Люк увидел перед стадионом полицейские фургоны, но ворота, судя по всему, были заперты. В странной тишине, под палящим солнцем эта сцена напомнила Люку одно из сюрреалистических полотен – он как будто очутился во сне. Но когда он подошел поближе, то понял, что это не сон. Потому что во сне не воняет, а здесь стояла вонь. Не просто вонь, а жуткий, тошнотворный смрад переполненных отхожих мест, теплых и уже затвердевших экскрементов. Люк вытащил из кармана платок и прикрыл нос.

Какой-то особой любви или нелюбви к евреям он никогда не испытывал. Люди, у которых имелись более выраженные убеждения, утверждали, будто евреи – капиталисты-кровососы или марксисты-революционеры. И еще они, конечно же, распяли Христа. Лично он, Люк, в церковь не ходил, и ему было все равно, распял кто-то Христа или нет.

Большинство евреев, с которыми он встречался, были не так уж плохи. Должно быть, полагал Люк, это были французские евреи,

которые, наверное, отличаются от всех иностранных евреев, заполонивших Париж в последние годы.

А полиция вроде бы собрала здесь как раз таких вот приезжих евреев.

Он смотрел на здание, источающее невыносимую вонь. Кем бы ни были те бедолаги, которых загнали туда, вряд ли они заслужили такое обращение, думал Люк.

Пока Люк стоял там и размышлял, на глаза ему попался низенький, акkuratно одетый мужчина. Он тоже смотрел на Вель-д'Ив, только из-за угла. Люку его лицо показалось знакомым, и он стал рыться в памяти, пытаясь вспомнить, где он мог видеть его. Потом тот человек повернулся, посмотрел в сторону Люка и нерешительно двинулся к нему.

Когда Жакоб говорил жене о своем намерении пойти посмотреть, что делается в Вель-д'Ив, то чувствовал ледянящий страх, правда ей об этом не сказал. Теперь же, глядя на большое старое здание, он точно понял, что происходит.

Логика была проста: если они могут загнать всех этих людей и держать в таких условиях, то есть хуже, чем животных перед отправкой на бойню, то нет ничего, что они не сделают.

Может, если бы он не знал долгой истории своего народа, то, как множество парижских евреев, отказался бы поверить, что французское правительство способно на такое зло. Может, если бы не провел он всю жизнь в окружении шедевров и не знал бы истории их написания и характеры некоторых из тех людей, благодаря которым и была создана эта красота, то не был бы в силах допустить, что в человеческой душе есть столь зловещие грани.

Но Жакоб все это знал и предвидел то, что грядет. И знал, что нужно бежать, но не знал, сможет ли.

Еще с тех пор, как он отдал часть своих картин Луизе, Жакоб начал готовиться к худшему. Если бы сумел, то он давно бы уехал в Англию. Но пересечь Ла-Манш было почти невозможно. Однако пару месяцев назад друг по имени Абрахам рассказал ему о новом варианте.

– Мы организуем маршрут через Пиренеи в Испанию, – сказал Абрахам. – Пока он еще не готов, и когда будет готов, все равно риск будет велик. Но мы собираем наших людей.

Он пообещал держать Жакоба в курсе.

Жакоб поведал жене о том разговоре, и между собой они называли этот вариант «навестить кухню Элен».

Абрахам жил на Монпарнасе. Если бы Абрахам мог спрятать их пока в каком-нибудь безопасном месте вне Парижа, думал Жакоб, это давало бы им больше шансов на спасение. У него еще оставались деньги на то, чтобы оплатить бегство.

Увиденное в Вель-д'Ив так его потрясло и напугало, что он решил пойти прямо к Абрахаму. Любая задержка может стать роковой для его маленькой семьи, и он решил попытаться покинуть Париж по возможности быстрее.

Но нужно было сообщить жене о своих планах. В сотне метров Жакоб заметил телефонную будку. Он глянул в сторону полицейских фургонов. Возле них стояли двое и наблюдали за ним. Это проблема. Ведь он, будучи евреем, не имеет права пользоваться общественным телефоном. Глупо будет, если его арестуют за такую мелочь.

Но недалеко от телефонной будки стоял еще один человек. Вдруг он согласится помочь? Надо спросить.

Люк сверху вниз смотрел на Жакоба. Теперь он вспомнил его. Их встреча была краткой. Он заходил как-то в квартиру Марка Бланшара несколько лет назад, а этот Жакоб как раз прощался после визита. Марк представил его как галериста. Они обменялись лишь парой фраз, а потом Жакоб сразу ушел.

Очевидно, Жакоб его не узнал, и Люк как раз думал, подойти ли к галеристу, чтобы напомнить о себе, или лучше не тратить время на светские любезности, когда неожиданно тот сам обратился к нему.

– Какой ужас! – сказал Жакоб, кивком указывая на стадион. Выглядел он подавленным и нервным.

– Как я понимаю, там только иностранные евреи, – сказал Люк.

– А-а. Да. Наверное, – рассеянно ответил Жакоб. – Вы не могли бы помочь мне, месье? – вдруг спросил он. – Мне нужно предупредить жену, что я поздно вернусь сегодня. Но тем телефоном я не могу воспользоваться, как вы понимаете. Если я дам вам номер...

– Ну конечно, – кивнул Люк. – С удовольствием помогу.

– Спасибо! Мою жену зовут Сарина. Скажите ей, пожалуйста, что я задержусь до вечера, но я помню, что утром мы собирались навестить

мою кузину Элен. – Он улыбнулся. – Она думает, будто я все всегда забываю.

– Все жены такого мнения о своих мужьях.

– Вы очень добры. Вот номер. – Жакоб написал несколько цифр на клочке бумаги. – И вот стоимость звонка.

– Никаких денег, месье. Я буду рад помочь и позвоню прямо сейчас. Если вы встанете вон за тем углом, полицейские вас не заметят, но вы сможете понаблюдать, как я говорю по телефону. – Он улыбнулся.

– Вы очень, очень добры, месье.

Люк сделал, как обещал.

– Я говорю с Саринной?

– Да, – услышался осторожный голос.

– Ваш муж сейчас здесь, возле велодрома. Он не может пользоваться телефоном, как вы понимаете, и попросил меня позвонить вам.

– Понятно. – Женщина на другом конце провода все еще сомневалась немного.

– Он задерживается и не вернется домой до вечера.

– До вечера? – Она явно удивилась.

– Так он сказал. И еще кое-что. Он просил передать вам, что помнит о том, что утром вы собираетесь навестить кузину Элен.

– Кузину Элен? Он сказал – Элен?

– Да, мадам.

– О мой бог! – А теперь женщина перепугалась. – О мой бог!

– Что-то не так?

– Извините. Спасибо. – Она повесила трубку.

Люк бросил взгляд на Жакоба и кивнул. Тот отвесил благодарный поклон и заспешил прочь.

Интересно, подумал Люк, о чем шла речь на самом деле?

Иногда французы-вишисты приводили Шмида в отчаяние. Не то чтобы правительство Франции отказывалось сотрудничать. Напротив. Петен в качестве номинального лидера был идеальной фигурой. Во время Великой войны он завоевал уважение всей нации, и теперь она охотно шла за ним. И было очевидно, что Петен, будучи реалистом, решил, что спасти Францию можно только одним путем: сделав ее

сателлитом Германии. Французские полицейские и жандармы ретиво исполняли все команды оккупационных властей. Иногда казалось, что чересчур ретиво.

И все равно эти французы никак не могли уловить главного.

Карл Шмид откинулся на спинку стула, закинул руки за голову и вздохнул.

– Частично это и наша вина, – пробормотал он себе под нос. – У нас не было четкого плана для евреев.

Конечно, в Германии их видеть не хотели. Их гнали отовсюду. Но и кроме них дел было так много, что еврейский вопрос постепенно оказался в дальнем ящике. А поскольку они, покинув страны Восточной Европы, стекались во Францию, то эта страна волей-неволей стала свалкой евреев Третьего рейха.

Однако теперь пришло время навести порядок. В начале этого года, как узнал Шмид, по еврейской проблеме было принято тайное решение и тем же летом отработана методика. Но официально считалось, что евреев должны отправлять в качестве рабочей силы на восток или держать в трудовых лагерях.

Оставалось лишь одно осложнение. Французы не понимали значения еврейского вопроса. С вопиющей очевидностью это стало ясно на встрече с французской полицией, которая состоялась здесь, в помещении гестапо на авеню Фош, всего несколько недель назад. Сам Шмид был лишь одним из младших сотрудников ведомства, но ему позволили присутствовать, и он внимательно ловил каждое слово.

– Мы произведем облаву, но у нас есть два условия, – сказал старший из французов.

Первым условием была дата операции, предварительно назначенной на четырнадцатое июля: французы хотели перенести ее на более позднее число, так как не хотели устраивать облаву в День взятия Бастилии. С этим легко согласились. Но со вторым условием пришлось повозиться. Они готовы были отлавливать только приезжих евреев, но не французов.

– Это может вызвать недовольство в городе, – сказал шеф французской полиции. – Возникнут беспорядки. А это как раз то, чего мы хотели бы избежать.

– Но почему? – спросил его один из эсэсовцев. – Это же облава не на каких-то беспокойных цыган, которые здесь никогда не жили. В

таким случае мы поняли бы ваше желание. Но Третий рейх не делает различий между германским евреем и польским евреем. Его адрес не имеет значения. Главное – то, что он еврей.

– У нас нет никаких возражений против законов, которые справедливо относят евреев к гражданам второго класса, – ответил француз. – В конечном счете их всех, пожалуй, можно будет удалить. Но начать нам все же следует с иностранных евреев.

– Мы не делаем никаких различий.

– Во Франции... – шеф полиции вскинул руки, – если человек француз, пусть и еврей...

Судя по всему, французы даже при нынешних обстоятельствах так гордились своей национальностью, что считали, будто она отменяет и самые фундаментальные факты о человеке.

– Какая у нас вместительность на сегодня, Шмид? – обратился к Карлу начальник гестапо.

– Мы сможем принять чуть более тринадцати тысяч.

– Хорошо. – Гестаповец обернулся к шефу полиции. – Мы хотим тринадцать тысяч, и нам все равно, кто это будет. И никаких детей. Помните, все эти люди будут отправлены на восток на работы.

– Понятно.

Но разумеется, французские полицейские, хоть и начали операцию на рассвете и действовали эффективно, привели и детей. Кто-то говорил, что они не хотели разлучать их с родителями. Может, так и было. Но Шмид подозревал, что им просто не хотелось потом заниматься этими детьми, если бы те остались в стране.

На стадионе Вель-д'Ив их были тысячи. Должно быть, там сейчас как в печи, подумал Шмид. Скоро их отправят на другой перевалочный пункт. А потом дальше, на восток.

Но как ни похвальна деятельность полиции, она так и не решила вопрос французских евреев. Некоторых тоже арестовали, разумеется. Бывшего премьер-министра Блума держали под стражей, но со всеми удобствами. Еврей или нет, но со столь высокопоставленным лицом приходится обращаться вежливо. Зато его брат уже был в концентрационном лагере.

Терпение, думал Шмид. Надо быть терпеливым, и все выйдет так, как надо.

Когда всех приезжих евреев переловят, французским властям ничего не останется, кроме как приняться за тех евреев, которых они наивно считают своими.

Пока же любой французский еврей, нарушивший предписания или проявивший непочтительность, немедленно попадал в тюрьму.

Карл Шмид как раз подытоживал свои размышления, когда ему доложили о том, что к нему пришел Люк Гаскон.

Француз держался как обычно, но Шмид сразу почувствовал, что тот весьма возбужден.

– У вас есть что-то интересное для меня?

– Я не уверен. Я нашел французского еврея. Он галерист, так что, я полагаю, у него есть картины. Нарушил он закон или только собирается, тоже неясно. Но позвольте рассказать, что случилось.

Шмид внимательно слушал, как Люк описывал короткую встречу с Жакобом перед стадионом Вель-д'Ив. Когда он умолк, Шмид спросил его мнение.

– Мне кажется, Жакоб так испугался увиденного, что решил бежать из Парижа, а вероятно, и из Франции. Когда я произнес слова «кузина Элен», его жена на другом конце провода впала в панику, поэтому я решил, что это их кодовое слово.

– Согласен. – Шмид кивнул. – Это вполне возможно. Если так, то существует маршрут, о котором нам ничего не известно, и этот еврей мог бы привести нас к нему.

– Вы можете арестовать его?

– Мы задержим его по подозрению. Потом допросим. Посмотрим, что он скажет. – Он улыбнулся. – Дайте мне номер телефона, остальным займусь я сам. Вы хорошо поработали.

На следующее утро перед домом Жакоба на улице Лафайет прохаживались два полицейских в штатском. Им был дан простой приказ – проследить, куда поедет семья.

Рано утром они увидели, как Жакоб покинул квартиру, и сыщик пошел вслед за ним в его галерею. Там Жакоб оставался до полудня. Тем временем его жена сходила за покупками и вернулась домой. Потом пришел и хозяин. Больше ничего не происходило.

– Завтра с утра продолжите наблюдение, – велел Шмид. – Если он опять пойдет к себе в галерею, задержите его.

На другой день они привели Жакоба в гестапо, но не в здание на авеню Фош, а в дом на короткой улочке Соссей, которая находится за Елисейскими Полями. Он был хорошо оборудован для приема задержанных.

Шмид сам проводил допрос. Глядя на невысокого, опрятно одетого галериста, он не испытывал никаких особых эмоций. Вопросы он задавал негромко и мягко. Есть и другие методы, и, если понадобится, Шмид их применит.

Первым делом он выяснил, что у Жакоба есть жена и ребенок – маленькая девочка. Это было легко. Чем он занимается? Торгует предметами искусства. Шмид попросил у него ключ от галереи. Жакоб неохотно отдал его. Есть ли у него другие родственники? Есть, но мало. У него есть кузина Элен.

Первая неудача. Значит, эта Элен не выдумка. Но, конечно, они все равно могли использовать ее имя как кодовое слово. Шмид попросил назвать ее адрес, чтобы можно было проверить информацию. Часто ли Жакоб видится с ней? Довольно часто. Он с семьей хотел навестить ее вчера, но передумал. Где он был два дня назад? Около стадиона Вельд'Ив. Зачем? Ходил посмотреть, что происходит. Ему было страшно? Да. Куда он пошел после этого? На Монпарнас. Зачем? Там живет приятель, с которым Жакоб давно не виделся. Его фамилия Абрахам. Жакоб волновался, не попал ли он в облаву и не оказался ли внутри стадиона.

– И что вы узнали?

– Ничего, – просто сказал Жакоб. – Когда я пришел к его дому, мне сказали, что он уехал оттуда месяца два назад. Это все, что я смог разузнать. Поэтому я вернулся домой.

Шмид догадывался, что как минимум часть этой истории была правдой. Но о чем галерист умолчал? Он записал адрес Абрахама.

– Мы еще поговорим с вами, – сказал он Жакобу и отправил обратно в камеру.

К вечеру все сказанное галеристом проверили. Кузина Элен оказалась пухлой женщиной средних лет, не представлявшей для гестапо никакого интереса. Абрахам действительно переехал, но свой новый адрес не зарегистрировал. Им следует заняться плотнее.

Тем временем Шмид лично наведлся в галерею. Ее содержимое заинтриговало его.

Третий рейх конфисковывал художественные коллекции, особенно те, которые принадлежали евреям, и Шмид тоже стал собирать картины. Он считал, что у него уже наметан глаз. В галерее Жакоба он нашел самые разные произведения. Кое-что относилось к дегенеративному искусству и будет, само собой, сожжено, но были там и хорошие вещи. В доме Жакоба наверняка есть еще полотна. У Шмида складывалось впечатление, что реестр имущества Жакоба куда интереснее самого владельца. Шмид бродил по галерее до сумерек. Перед уходом он взял маленький эскиз Дега, аккуратно свернул в трубку и положил в портфель. Никто не хватится этой пропажи.

На обратном пути он снова зашел в дом на улице Соссей и велел привести Жакоба в комнату для допросов. Там его усадили и привязали к стулу.

Шмид сказал галеристу, что ему сообщили о существовании маршрута для побега из страны и что он хочет больше узнать о нем.

Жакоб сказал, что, если такой маршрут и существует, он о нем ничего не знает.

Тогда Шмид взял щипцы и вырвал Жакобу ноготь. Тот закричал.

– Да, это больно, – сказал Шмид. – Ваш друг Абрахам что-то знал о маршруте? Не поэтому ли вы искали его?

Жакоб сказал, что нет. Тогда Шмид повторил прием, и Жакоб снова закричал.

– Если бы я мог сбежать, разве остался бы я здесь? – всхлипывая, проговорил галерист.

На этом Шмид решил закончить. Он приказал поместить Жакоба обратно в камеру и распорядился, чтобы к утру привели для допроса его жену.

Семилетняя Лайла Жакоб была сообразительной девочкой. Вчера ее отец не пришел из галереи домой, мать отправилась его искать и вернулась в панике. Поначалу она не хотела говорить Лайле, что случилось, но потом передумала.

Когда она подошла к галерее, рассказала Сарина дочери, то увидела через окно, что внутри ходит человек в форме гестапо.

Поэтому не зашла. Но люди в магазине по соседству сообщили, что мужа арестовали.

– Они придут и за нами, чтобы забрать нас в тюрьму, – сказала мать Лайле. – Всех нас. Ни в одном еврейском доме мы не будем в безопасности. – И она крепко-крепко обняла девочку, однако не сказала, что им делать.

Наступившее утро было почти обычным, и Лайла стала думать, что, может, ее отец вернется и все опять будет хорошо. Но в девять утра за их дверью застучали тяжелые шаги, и мать шепотом велела Лайле спрятаться как следует и не издавать ни звука.

– Подожди немного. Потом беги к кухне Элен, – торопливо шептала мать. – Она приютит тебя до тех пор, пока я не вернусь за тобой.

Лайла спряталась в шкафу. Она слышала, как открылась дверь и как какие-то мужчины увели ее мать с собой. Потом стало тихо.

Около часа Лайла ждала в квартире. Когда она приоткрыла дверь, на лестничной площадке никого не было. Она спустилась по ступенькам и выбежала на улицу Лафайет.

Оглядевшись, девочка зашагала в сторону вокзала дю-Нор, потому что кухня Элен жила как раз позади него. Ее путь лежал мимо маленькой площади, где стояла церковь и несколько скамеек. Лайла села на одну из них и стала думать о том, что собирается сделать.

Хотя ей было всего семь лет, Лайла всегда все обдумывала. У нее был логический и практичный ум. И чем больше она думала, тем больше сомневалась в том, что мама дала ей правильный совет. Если ни в одном еврейском доме они не будут в безопасности, то и в доме кухни Элен им находиться нельзя. Единственное надежное место, рассуждала девочка, – это дом, где нет евреев. И тогда она попыталась вспомнить, кто из ее знакомых не был евреем.

Наконец она припомнила, как ее отец показал ей один дом и сказал:

– Здесь живет очень добрая дама. Она хранит кое-какие мои вещи.

– Почему? – спросила тогда Лайла.

– Потому что я могу доверять ей. Она сбережет их. Запомни это. Когда-нибудь ты сможешь прийти сюда и забрать наши вещи.

Теперь Лайла задумалась: была ли та женщина еврейкой? Ей казалось, что нет.

Луиза очень удивилась, увидев на пороге «Приглашения к путешествию» маленькую девочку. Было около полудня, и Луиза как раз направлялась домой, чтобы пообедать с сыном. Девочка назвала себя и спросила, знакома ли мадам с ее отцом, Жакобом. Да, сказала Луиза, знакома. Затем девочка спросила, не еврейка ли мадам. Луиза ответила, что нет, она не еврейка. Тогда Лайла рассказала, что произошло с ее семьей.

В такой ситуации Луизе пришлось соображать очень быстро. Ее первым побуждением было взять девочку с собой, накормить ее вместе с Эсме. Но Эсме был не один, с ним находилась няня. Чем меньше людей будет знать о Лайле, тем лучше. И она отвела маленькую гостью в свой кабинет на верхнем этаже, не забыв плотно закрыть дверь.

Первым делом Луиза позвонила няне и предупредила, что задерживается. Потом нашла немного еды и дала Лайле подкрепиться, а сама стала думать. Через десять минут она снова потянулась к телефону – на этот раз чтобы позвонить Шарли. К счастью, он был в Париже. Луиза попросила его приехать. Затем сказала Лайле, что ей надо уйти примерно на час, и попросила девочку сидеть тихо-тихо, после чего заперла дверь на ключ и пошла повидать Эсме.

– Ты не можешь держать ее здесь, в доме полно немцев, – решительно заявил Шарли. – Если ее родители скоро вернутся, тогда никаких проблем. Но... – Он помрачнел. – Может, они вообще не вернутся.

– И если они вернутся, как мы об этом узнаем? Я же не могу постоянно проверять их квартиру или даже галерею – это будет выглядеть подозрительно, – заметила Луиза.

– Не волнуйся. У меня есть знакомые, которые об этом позаботятся, – сказал он с улыбкой, но ничего не пояснил. Шарли никогда не рассказывал Луизе о своей работе в Сопротивлении. – Когда родители появятся, им передадут, что с девочкой все в порядке, а потом я привезу ее обратно. Если они захотят, конечно.

– Но пока ей нужно где-то жить, – сказала Луиза.

– Ну, с этим как раз все легко. – Шарли ухмыльнулся. – Деревенский воздух пойдет ей на пользу. Замок моего отца на Луаре – последнее место, где станут искать еврейского ребенка.

– А он согласится?

– Отец сделает это для меня. – Шарли помолчал, задумавшись. – Сегодня у меня вечер занят, а завтра примерно к этому времени я обеспечу все нужное и отвезу малышку в замок на своей машине. Ты сможешь подержать ее у себя одну ночь?

– Придумать бы где.

Шарли опять подумал, дал Луизе совет и уехал.

Тем вечером Шмид решил, что ему улыбнулась удача. Жена Жакоба впала в панику. Хотя по сути она не противоречила показаниям мужа, во время перекрестного допроса о кузине Элен она так запуталась, что правда стала очевидной. Люк Гаскон не ошибся. Жакоб очень умно придумал использовать имя настоящей кузины в качестве кодового слова. То, что он увидел на стадионе Вель-д'Ив, привело его в такой ужас, что он решил, будто всем евреям грозит опасность, и побежал к тому типу, который вроде бы мог устроить им побег, но не нашел его. Жакобы не знали, где сейчас этот Абрахам, в этом Шмид им верил. Значит, больше они не представляют для него никакого интереса.

Но в Дранси их точно стоит отправить. В большом транзитном концлагере на северной окраине Парижа уже содержалось множество евреев, включая часть тех, кто сначала попал в Вель-д'Ив. Из Дранси их переправят дальше куда следует. Его, Шмида, не касается, куда именно. Была еще малолетняя дочь Жакобов, но ему она тоже неинтересна. Французская полиция, правда, получила указания забрать ребенка.

Шеф Шмида был в восторге от трофеев в виде предметов искусства. Еще несколько таких же операций, думал Шмид, и можно будет надеяться на повышение. А сам он приобрел эскиз Дега.

Дабы отметить успех, он решил нанести визит в «Приглашение к путешествию». Он столько слышал об этом борделе.

Беседа с мадам Луизой в ее рабочем кабинете раздосадовала Шмида. Как только эта женщина смеет задавать ему все эти вопросы!

– Не надо допрашивать меня! – огрызнулся Шмид. Допросы проводит он сам, а не эта хозяйка публичного дома в оккупированном государстве.

Но его недовольство ни в малейшей степени не смутило ее.

– Прошу простить меня за это напоминание, – спокойно ответила она, – но парижские заведения вроде моего являются самыми безопасными в мире. Многие высокопоставленные немецкие офицеры считают его чуть ли не своим вторым домом. Наши клиенты проходят жесткий отбор. Мы прилагаем все усилия, чтобы люди могли доверять друг другу и нам. Если окажется, что у вас имеется некая небольшая проблема, которую можно передать другим и тем самым причинить старшим офицерам серьезный дискомфорт или хуже того... В общем, я уверена, вы не желаете, чтобы случилось нечто подобное. – Она помолчала. – Как не желаете, чтобы вас заподозрили в том, что источник возможных неприятностей – именно вы.

Он сразу понял, о чем идет речь, и представил разгневанного генерала, который двумя словами положит конец его карьере. Но отвечать на вопросы несносной женщины Шмид все равно не хотел.

– У меня нет никаких проблем, – процедил он.

Также его потрясла цена, которую она не моргнув глазом потребовала за свои услуги. Сумма превышала его недельный заработок. Теперь понятно, почему сюда ходят только высшие чины. И еще понятно, как эта дьяволица сумела купить все эти картины, которые он заметил в коридорах и ее кабинете.

Что же, думал Шмид, по крайней мере, здесь он поучится тому, как нужно вести свою игру, чтобы преуспеть в жизни. Он все больше радовался, что успел вынести тот эскиз из галереи Жакоба. Хотя... надо было взять больше.

Час спустя, насладившись закусками и шампанским в обществе прелестнейшей девушки и приметив в просторной гостиной нескольких очень высокопоставленных военных, Шмид немного успокоился. Да, это особый клуб. Здесь он окунулся в такой благоухающий комфорт, в такую пышную роскошь, которых нигде раньше не встречал. Этап посвящения был болезненным для его самолюбия, но того, кто сумеет подняться высоко, ждет вознаграждение. Шмид всегда был честолюбив, но только сейчас он впервые попробовал на вкус плоды успеха. И он знал, чего желает. Желает страстно.

На лестничной площадке случилось небольшое происшествие. Собеседница Шмида вела его по коридору вглубь здания. Проходя мимо двери, он спросил, что за ней находится, – как уже делал раньше.

– Там Вавилонская комната.

– Я бы хотел взглянуть.

– К сожалению, дверь заперта.

Он бы не придал этим словам ни малейшего значения, если бы не заметил, как по лестнице спускается мадам Луиза в сопровождении офицера. Шмид узнал его – это был полковник Вальтер.

Возможно, сама судьба послала ему шанс указать этой женщине ее место, подумал Шмид. Вежливо поздоровавшись с полковником, он обратился к мадам Луизе:

– Меня очень интересует ваша Вавилонская комната. Как я понял, она сейчас закрыта, но возможно, вы позволите мне взглянуть на нее одним глазком.

– А, эта комната – настоящий шедевр, – заметил полковник Вальтер с улыбкой.

Но Шмид кое-что заметил. Не страх ли промелькнул в лице женщины? Выражение ее лица изменилось лишь на миг, но он мог поклясться, что не ошибся. На самом деле Шмид много знал о человеческом страхе. Луиза обернулась к полковнику Вальтеру.

– Благодарю вас за комплимент, господин полковник, – сказала она, – но сейчас я меняю там оформление.

– Неужели? – вставил Шмид. – Не скажете, как именно? И было бы занимательно увидеть процесс преобразования.

И опять хозяйка борделя повернулась к полковнику:

– Вы же не позволите испортить мой сюрприз?

Полковник Вальтер шагнул вперед и взял Шмида под руку.

– Дорогой юноша, – сказал он дружелюбно, но с ноткой нравоучения, – великого художника не следует прерывать посреди его труда. – Затем он вернулся к мадам Луизе. – Мы будем с нетерпением ждать, когда будет готово ваше очередное непревзойденное творение.

Шмиду пришлось продолжить путь по коридору, и вскоре его поглотили совершенно иные мысли и чувства.

Луиза в это время думала, что же ей теперь делать с той комнатой.

А там, не догадываясь о происходящем, спала маленькая Лайла Жакоб.

Сразу после полудня к патрульному посту на выезде из Парижа приблизилась большая машина Шарли де Синя. Охранники сразу узнали его. Не многие французы могли позволить себе такой

автомобиль или частые поездки в город из родового замка – прежде всего из-за недостатка топлива.

Но этот аристократ, семья которого встала на сторону нового режима, имел все, что пожелает.

Когда он затормозил, они заметили на заднем сиденье маленькую девочку, закутанную в одеяло. Она была очень бледна.

– Внучка нашей экономки, – невозмутимо заявил Шарли и помахал перед носом охранников письмом от известного французского доктора. – Везу ее в деревню.

Молодой солдат глянул на письмо. Шарли раздобыл его тем утром.

– Конечно, свежий воздух пойдет ребенку на пользу, – вежливо сказал немец.

Шарли посмотрел ему прямо в глаза и изобразил серьезную озабоченность.

– Мы очень надеемся на это, – тихо сказал он так, чтобы девочка его не слышала.

Патрульные подняли шлагбаум и махнули Шарли, чтобы он проезжал.

Очень скоро дошла информация, что Лайлу ищет полиция, а Шмид и его сотрудники вывезли все картины из галереи Жакоба и сдали его квартиру другим людям. Было очевидно, что Жакобы в ближайшее время не вернуться.

Люди Шарли подкупили одного из надзирателей концлагеря в Дранси, и тот подтвердил, что родителей девочки держат именно там. Поскольку они были французами, их еще не перевели на восток, хотя поезда, набитые иностранными евреями, уходили в ту сторону один за другим.

Роланд де Синь был очень удивлен появлением маленькой еврейской девочки в своем замке. Однако и они с Мари поддержали версию, что она была внучкой их старой экономки из парижского дома, и никто ничего не заподозрил. Чтобы исключить любой риск, ее стали звать Люси. Ну а сама девочка прекрасно понимала, что должна делать.

– Моих родителей убили? – спросила она у Мари, и та сказала ей, что нет, пока нет.

– Давай будем молиться за них каждый вечер, только ты и я? – предложила она девочке, и Лайла кивнула.

Мари ежедневно читала с девочкой книги, а Роланд брал ее с собой на прогулки и учил ловить рыбу в ручье.

Она была милым ребенком: миниатюрная, очень красивая. Поначалу Лайла была немного скованна и пуглива, чего и следовало ожидать, но как только она поняла, что может доверять обитателям замка, то сделалась весьма жизнерадостной.

Шарли нашел велосипед, который ему подарили, когда он был в ее возрасте, вычистил его и спросил, умеет ли она кататься.

– Да, – ответила она. – Мама и папа любили вместе кататься на велосипедах по воскресеньям и ездили до самого Булонского леса. Я там еще не была, но они научили меня ездить в парке рядом с домом.

С тех пор Лайла с огромным удовольствием разъезжала по дорожкам вокруг замка.

Шло время. Шарли не сразу получил точные сведения, но в начале зимы сообщил Мари, что Жакобов больше нет в лагере Дранси. Вместе со многими другими их погрузили на поезд и увезли на восток. Мари спросила, когда это случилось и куда именно их отправили.

– В сентябре. Место назначения – Освенцим.

Трое де Синей долго обсуждали, рассказать ли об этом Лайле. Проблема была в том, что никто не хотел брать на себя эту обязанность.

– Давайте подождем, – предложила Мари. – Посмотрим, что будет дальше.

Спасение Лайлы имело один неожиданный эффект: Шарли стал беспокоиться о своем сыне.

С самого начала, когда он впервые попросил Луизу сообщать ему о немецких посетителях борделя, он понимал, что подвергает ее риску. Подобно многим подпольщикам, она взяла себе вымышленное имя.

– Скажи им, чтобы называли меня Коринной, – попросила она.

В первые месяцы материал, который Луиза собирала для него, был, при всей своей полезности, не слишком конфиденциальным. Он знал всех офицеров, которые посещали ее заведение, их обязанности, иногда и подробности их жизни. Эти сведения были отличной базой для будущих операций, и Шарли неумоимо передавал их полковнику Реми. Иногда Луиза узнавала нечто такое, что можно было использовать в Париже – для нападений на немцев или для диверсий на железнодорожных путях. Такую информацию Шарли сообщал Максу

Ле Суру и его парням. В обоих случаях Шарли не считал, что по этим сведениям можно выследить источник утечки, то есть Луизу.

Но вот спрятав еврейского ребенка, Луиза перешла грань. Если об этом узнают, ее арестуют. И что тогда станет с маленьким Эсме? Сможет ли он тогда доказать свое право заботиться о нем? Возможно. Но тем самым он неизбежно навлечет на себя подозрения. Раньше или позже Луиза может снова оказаться в опасности. Несмотря на ее настойчивое желание оставить сына себе, Шарли считал, что должен попытаться переубедить ее.

– Тебе не кажется, что пора моему отцу узнать, что у него есть внук? И потом, мы сможем отправить Эсме в замок, где он будет в безопасности, – предложил он.

Но Луиза по-прежнему не желала об этом слышать.

– Я не отдам своего ребенка, – сказала она Шарли. – Никогда.

И никакие аргументы, даже самые разумные, не могли поколебать ее решимости.

Тем временем, очень постепенно, стали приходить новости, дающие надежду.

Вскоре после спасения Лайлы храбрые канадские и британские войска атаковали прибрежный город Дьепп в Северной Франции. Морской десант окончился сокрушительным поражением, но Шарли все же находил в этом событии два повода для оптимизма.

– Во-первых, – делился он с отцом, – оно доказывает, что союзники готовы сражаться за спасение Франции. И во-вторых, тот факт, что десант неожиданно наткнулся на немецкие конвои, доказывает Черчиллю и де Голлю, что для успеха им просто необходимо французское Сопротивление – не Свободные французские силы, которые базируются за пределами страны, а наши ребята, которые работают здесь, прямо на оккупированной территории.

С востока поступали вдохновляющие новости: русские неделю за неделей сдерживают немцев под Сталинградом. Потом в ноябре стало известно, что в Северной Африке Монтгомери нанес поражение германо-итальянской группе армий «Африка» у Эль-Аламейна, а потом гнал их обратно до самого Туниса. На Тихом океане еще в июне американцы одержали решительную победу над японским флотом у атолла Мидуэй. И следовательно, к концу 1942 года на всех основных

направлениях появились признаки того, что в ходе войны наконец наступил перелом.

В Париже у Шарли было множество дел. Движение Сопротивления росло. В южной зоне, контролируемой из Виши, люди прозвали партизанов «маки» – так называлась поросшая кустарником местность, где формировались первые партизанские отряды. Потом этим прозвищем – маки – стали называть и всех участников Сопротивления. Но название не главное, рассуждал Шарли, главное – то, что теперь все они хорошо организованы.

Весной 1943 года, вскоре после радостной вести о том, что немцы под Сталинградом наконец сдались, начался еще один важный процесс.

– В Париже было большое собрание, – сказал Шарли отцу. – Туда приехал Жан Мулен, правая рука де Голля, а также прибыли люди со всей Франции. Они скоординировали работу всех групп Сопротивления и принесли клятву верности де Голлю. – Он гордо ухмыльнулся. – Когда союзники наконец придут освобождать Францию, вся армия Сопротивления будет готова помочь им. Кстати, тебе будет приятно узнать, что группа, образованная полковником Реми, взяла себе имя «Нотр-Дамское братство». Мы добрые католики и отдаем себя под покровительство Девы.

Его отец отвечал с улыбкой:

– Я буду молиться Пресвятой Деве, чтобы Она берегла тебя и тогда, когда ты имеешь дело с нашими друзьями-коммунистами.

– Спасибо, отец.

Шарли был очень благодарен Максу Ле Суру за то, что тот разрешил ему принимать участие в операциях. Бездействие в столь тяжелое время тяготило его, а коммунистическое Сопротивление готово было принять помощь от любого, независимо от его политических убеждений.

– Я сделал тебя почетным коммунистом, – подшучивал над ним Макс.

Люди Макса были тесно сплоченной группой, набранной из разных концов Парижа. Шарли так никогда и не узнал, сколько человек в ней насчитывалось. Он обычно работал с парнями Далу, что жили на Монмартре. Иногда с ними ходил и старый Тома Гаскон, особенно когда

требовалось разбирать мосты или железнодорожные пути. Один или два раза он приводил с собой брата Люка.

Дважды агент Коринна добывала ценную информацию, которую они могли использовать непосредственно. Сначала она узнала о военном поезде, едущем из Реймса, и Макс со своей группой подорвал его. Во второй раз ее данные привели к тому, что британские самолеты разбомбили другой эшелон.

Шарли принимал участие в нападении на блокпосты и в успешном рейде на склад взрывчатки. Но к лету 1943 года Макс и его люди получили команду на время прекратить акции.

– Мы не хотим вас сейчас потерять, – так сказали Максу.

Радиостов ловили постоянно, потому что немцы перехватывали сигналы. Определенный эффект имели и широкие, жестокие репрессии, проводимые немцами в тех районах, где совершали свои диверсии бойцы Сопротивления.

– Нам нужно, чтобы вы собрали крупные силы для действительно больших операций в будущем, – пообещали Ле Суру.

Да, в Париже не было недостатка в подпольных группировках. Больше всего немцы боялись боевой секции, возглавляемой поэтом.

– Говорят, что лучшие террористы получаются из поэтов и интеллигентов, – заметил Роланд, обращаясь к сыну. – Уж не знаю почему.

Лучше поэта Манушяна, армянина по национальности, террориста точно не было. Кроме нескольких французов, в его группе имелись поляки, армяне, венгры, итальянцы и испанцы, но большинство составляли евреи.

Начиная с мая 1943 года его группа развила бешеную активность. Все лето и осень немцы в Париже подвергались нападениям, организованным Манушяном. Однажды при помощи Луизы Шарли сумел передать группе поэта важные сведения, которые помогли им ликвидировать одного из самых значительных офицеров германского вермахта в Париже.

После этого даже на улицах стало заметно, как нервничают немцы. Теперь они знают, каково быть под прицелом, думал Шарли и приветствовал любую деятельность, которая подрывала дух оккупантов.

Несмотря на все обнадеживающие события, в ежедневной жизни Шарли появлялось все больше ограничений.

Продукты нормировались с первых дней оккупации, но теперь стало трудно найти дрова для отопления, и чтобы купить их, требовалось сначала получить разрешение. Поэтому холодные зимы показались парижанам особенно долгими. А к лету 1943 года даже Шарли не мог добыть бензин для автомобиля. В замок ему пришлось ездить на поезде.

На юге в зоне Виши появилась и разрослась французская разновидность гестапо – милиция. Она рьяно преследовала всех противников оккупационного режима. Случались предательства и внутри движения Сопротивления. Однажды, когда Шарли и парни Макса встречались с парой новых рекрутов, бравыми испанскими юношами, они наткнулись на немецкую засаду. Оба испанца погибли. В конце концов было решено, что немцев предупредил один из новичков. Но наверняка никто не мог сказать, как все было.

– Неприятное ощущение, – признался Шарли Макс, и тот согласно кивнул:

– Да, это худшая часть нашей работы.

В ноябре случилась катастрофа: Манушяна и его группу арестовали. Неужели предательство, гадал Шарли.

– Нет, – сказал ему Макс. – Просто хорошо сработали полицейские. Немцы знают, что французская полиция всегда справится лучше их. Все-таки они французы, они знают и людей, и местность. Целое специальное подразделение следило за многими из тех, кого подозревали в диверсиях и убийствах. Если следить достаточно долго, то обязательно найдешь то, что ищешь. И они нашли. – Макс был мрачен. – Их расстреляют, разумеется, но не раньше, чем выпытают всю информацию. Будем надеяться, что расскажут они не слишком много.

Это последнее замечание заставило Шарли немедленно поехать к Луизе и умолять ее, чтобы она отпустила маленького Эсме к его родителям.

– Сейчас и ты, и я очень рискуем, – подчеркнул он. – Ради безопасности ребенка, прошу тебя!

Но она так и не изменила своему принципу. Прошло Рождество. В новом, 1944 году Шарли снова просил ее о том же. Безрезультатно.

С наступлением февраля 1944 года Люк Гаскон начал волноваться, и на то у него были основательные причины.

Когда он только завязывал деловые связи со Шмидом, попытки союзников пошатнуть германское господство в Европе были так слабы и далеки, что их можно было не воспринимать всерьез.

И поэтому Люк сумел устроить свою жизнь предпочтительным для себя образом. Он был независимым уличным дельцом – не обремененным обязательствами и в приятельских отношениях со всеми, – который балансирует на грани риска, проводя свои операции в теневой зоне между немецкими оккупантами и бойцами Сопротивления и везде выискивая для себя выгоду. Но даже кот, гуляющий сам по себе, может сильно испугаться в темной аллее.

Дело в том, что постепенно, месяц за месяцем союзники продвигались вперед, пока наконец не показались на горизонте, в то время как гитлеровские армии медленно откатывались назад – потрепанные в России годом ранее, изгнанные из Африки. А теперь и итальянская армия сдалась, понеся тяжелейшие потери в Италии, где союзники неотвратимо надвигались на север, к Риму.

Гитлер все больше напоминал человека, загнанного в огромную ловушку. Однако он еще может быть смертельно опасным. Но Люк Гаскон, подсчитывая шансы, понимал, что ситуация в его личном мире сильно изменилась.

Что случится, если и когда Германия потерпит поражение?

В Париже, прикидывал Люк, тем, кто сотрудничал с оккупантами, придется несладко.

Догадывается ли кто-нибудь о его связях со Шмидом? Люк думал, что сумел сохранить их в тайне. Но кто знает, что зафиксировано в немецких документах? Кто знает, что расскажут потом сами гестаповцы? Люк решил, что пора отступать.

В то же время немцы занервничают, чувствуя, что земля горит у них под ногами, а к информаторам у них и так отношение подозрительное. Скорее всего, Шмид ему тоже не доверяет.

Вот с такими тревожными мыслями в один февральский день Люк шел по авеню Фош на очередную встречу со Шмидом.

Но гестаповца он застал в приподнятом настроении.

– Вы слышали новость, Гаскон? – спросил он. Заметив неуверенность на лице Люка, он сам все рассказал: – Час назад подпольщикам Манушына вынесли приговор.

– А-а.

– Их расстреляют. Немедленно. За исключением женщины. Ее передадут вам, французам. В рейхе женщин не расстреливают.

– И что с ней будет?

– Ее обезглавят. – Шмид, казалось, находил удовольствие в этих деталях. – А что бы вы предпочли: чтобы вас расстреляли или отрубили вам голову?

– Думаю, я бы предпочел пулю.

– Может, ваше желание исполнится. – Шмид рассмеялся, но и смеясь не переставал наблюдать за Люком. – Вы преданы нам, Люк, или вы двойной агент?

– Моя информация всегда была точна. Я нашел вам Жакоба. И еще двух испанцев.

Тех двух невезучих испанских коммунистов, которые пришли на встречу с друзьями Тома и братьев Далу. Он тщательно выбирал для себя место, чтобы по крайней мере один из Далу видел его. Прозвучавшие выстрелы сняли двух испанцев моментально. Люк просил Шмида, чтобы несколько выстрелов было сделано в его сторону, чтобы казалось, будто в него тоже целились. Действительно, две пули просвистели совсем рядом: одна прямо между его ботинок, а вторая даже зацепила кепку. Он не сомневался, что Шмид устроил это для собственного удовольствия. Но зато его никто не подозревал после того, как он вместе со всеми скрылся в аллее и потом показал свою кепку брату и его приятелям.

– Это верно. – Шмид смерил его пронизательным взглядом. – Вы всегда хорошо работали, Гаскон. Но недостаточно хорошо, чтобы убедить меня. Поэтому я даю вам еще одно задание, чтобы проверить вашу искренность. – Он посмотрел на листок бумаги на столе. – Во время одного из недавних допросов всплыло одно имя. Это имя человека с хорошими связями и доступу к информации. Оно уже встречалось раньше, но лишь однажды. И больше у нас ничего нет. – У Шмида было обиженное выражение лица. – Это женское имя. Конечно, и мужчина мог бы взять себе женское имя в качестве подпольной

клички, но мне кажется, что в данном случае это женщина. Итак, если вы сумеете найти ее, я хорошо заплачу вам, Гаскон. Может, я даже поверю вам.

– Только имя? И ничего больше?

– Она общается с людьми высокого ранга.

– И что это за имя?

– Коринна.

Люку оно ничего не сказало. Но может, он сумеет что-нибудь раскопать.

– Я посмотрю, что можно сделать, – сказал он.

Выйдя из гестапо, Люк опять погрузился в невеселые размышления. Он хотел отдалиться от Шмида, но сделать это будет совсем непросто.

Туманным днем в начале апреля никто бы не обратил внимания на двух стариков, занятых игрой в шары на маленькой площади на Монмартре. Один из них был высоким, второй низкорослым, но обоим было под восемьдесят.

Закончив игру, они насладились кофе и выпили по рюмочке коньяка. Потом к ним присоединился третий. Было похоже, что это сын высокого старика, пришедший, по-видимому, чтобы отвести отца домой.

Все трое не спеша двинулись к базилике Сакре-Кёр и потом постояли возле нее, оглядывая сверху Париж. Туман рассеивался. Привычно темнела громада Нотр-Дама, чем-то похожая на суровый древний ковчег, навечно пришвартованный на Сене. Справа в нескольких километрах устремлялась в небо изящная Эйфелева башня, как будто защищая город. Трое мужчин посмотрели на нее.

– Тросы еще так и не заменили, – удовлетворенно отметил Тома Гаскон. – Вскоре думаю опять забраться на башню, чтобы вывесить наш триколор.

Никто не стал его отговаривать.

Макс Ле Сур с доброй улыбкой смотрел на стариков. Несмотря на возраст, оба они ощутимо помогали общему делу. Благодаря Жаку тираж подпольной газеты поднялся до невероятных высот. Что касается Тома, то неутомимый старик участвовал во всех диверсиях, когда это было физически возможно. Именно он сообразил, что взрывчаткой

взламывать пути неэффективно, а лучше отвинтить стыковые накладки и просто растащить рельсы в стороны. Он же и придумал, как это сподручнее делать, и с тех пор операции на железной дороге проходили без сучка без задоринки.

Теперь наконец приближался день, о котором все они мечтали. Точную дату и место никто не знал – может, только генерал Эйзенхауэр, – но все понимали, что совсем недолго оставалось ждать мощного наступления союзников с Британских островов. Все знали, что грядет освобождение.

По всей Франции столь тщательно и долго создаваемые группы приводились в боевую готовность. Планировался широкомасштабный саботаж. Германские войска столкнутся с тем, что их поезда не едут, в сетях нет электричества, а в это время с воздуха полетят бомбы на все мало-мальски важные военные объекты. А в самом Париже – баррикады, неразбериха, партизанская война.

И кое-что еще.

– Самое главное – не упустить момент, – тихо говорил Макс. – Когда немцев отбросят, мы должны поставить союзников перед свершившимся фактом, и это возможно.

– Коммуна. – Его отец мечтательно заулыбался. – Париж в руках трудящихся.

Национальный совет Сопротивления еще в середине марта постановил, что новое французское государство будет совсем иным, чем до войны. Власть получат трудящиеся и профсоюзы. Женщинам дадут равные права. Уровень жизни значительно повысится. Коммуна должна была стать лишь следующим шагом, способом превратить революцию и ее достижения в нерушимую реальность.

– Мне это по нраву, – сказал старый Тома.

– А «Франтирёры и партизаны» точно поддерживают этот план? – спросил старший Ле Сур.

«Франтирёры и партизаны», или сокращенно ФТП, – так называлась возглавляемая коммунистами группа Сопротивления, к которой принадлежали и люди Макса. В последние два года именно ФТП совершили большинство партизанских вылазок против немцев. Их общая численность была велика.

– Москва против нашего плана, – сказал Макс. – Если раньше Сталин старался угодить Гитлеру, то теперь он стремится угодить

Черчиллю. Кто знает? Но мне плевать. У нас будет коммуна.

Он умолк. Оставался лишь один вопрос, который он должен был обсудить. Неприятный вопрос.

– Ряды Сопротивления увеличиваются с каждым днем, – сказал он.

– Естественно, – фыркнул его отец. – Увидел народ, в какую сторону ветер дует. Побежали крысы с тонущего немецкого корабля.

– Верно, – продолжал Макс. – И немцы только усугубляют свое положение. Им так не хватает людей, что они заставляют парней из провинции вставать под ружье и сражаться за них. А те бегут от призыва в леса и становятся партизанами.

– Это хорошо, – сказал Тома.

– Да, – согласился Макс, – но есть и опасность. С таким количеством новичков мы не можем проверить каждого. Поэтому немцам стало проще подсылать шпионов. Нам нужно очень внимательно следить за тем, кто имеет доступ к информации.

Так он подошел к сути вопроса и бросил на отца быстрый взгляд. Тот продолжил.

– Ты уверен насчет своего брата? – мягко спросил он, прикоснувшись к руке Тома.

Подозрения были интуитивны, ничего конкретного. Просто чувствовалась какая-то неопределенность в характере Люка Гаскона. Братья Далу с самого начала недоверчиво к нему относились. И Максу казалось, что в убийстве тех двух испанцев было что-то странное, хотя вроде и в Люка стреляли. Опять же – ничего конкретного. Но ощущение...

– Уверен, – сказал Тома.

Но в его голосе не прозвучало той убежденности, которую Макс надеялся услышать.

Макс знал, что может доверить старому Тома свою жизнь, без всяких вопросов. Но был ли сам Тома столь же уверен в своем брате? Максу казалось, что нет.

– Не говорите Люку ничего, – сказал он.

Это был приказ.

Тома кивнул. Он не сказал ни слова.

Предыдущую зиму Мари провела непривычным для себя образом. При обычных обстоятельствах они с Роландом переждали бы самые

темные месяцы в Париже, но в том году они предпочли остаться в замке.

Да, в поместье было спокойно. Бензин доставать было все труднее, и поэтому жизнь как будто повернула вспять. Они не ездили, а ходили пешком или катались на лошадях, а иногда даже запрягали лошадь в старую повозку, много лет простоявшую в конюшнях без дела. Роланд уходил в лес с ружьем и возвращался, довольный, с парой фазанов или голубей, а то и с кроликом. Он с удовольствием занимался физическим трудом – колот дрова, недостатка в которых в поместье не было, и потом топил камин. Перед огнем было так приятно посидеть зимним вечером, пробуя паштет, приготовленный Мари вместе с кухаркой, и запивая его первоклассным бургундским, которое Роланд извлек из подвала со словами: «Почему бы не выпить его, раз уж мы остались здесь». После ужина они читали друг другу вслух.

Посреди зимы старый замок казался средневековой сказкой.

Мари скучала по дочери. У Клэр уже было двое детей – девочки, и Мари мечтала увидеть внушек. Муж Клэр продолжал преподавать, а она занималась детьми, но при этом успевала учиться. В частности, она изучала историю искусства, и преподаватели очень хвалили ее статьи. Она признавалась, что подумывает начать писать монографию. Когда дети станут старше.

Была ли Клэр счастлива с мужем? Мари точно не знала. Одно из писем дочери, полученных, когда еще работала почта, было довольно двусмысленным.

Быть миссис Хэдли не так уж и плохо, должна сказать. Не думаю, что я хотела бы иметь мужем человека, с которым делила бы абсолютно все. А так – мы дополняем друг друга. Девочки – восторг. Так что, по крайней мере, дети у нас общие.

Но у Мари теперь была другая девочка, которой требовались забота и внимание. Маленькая Люси, как они стали называть Лайлу. Она уже считала замок своим домом. Особенно ей нравился старый холл, где висела шпалера с единорогом, а шпалеру она могла разглядывать часами.

Незадолго до Рождества Мари с мужем, сидя перед жарко натопленным камином, тоже заговорили о гобелене. Роланд спросил,

помнит ли Мари тот день, когда к ним приезжал полковник Вальтер. Она ответила, что, конечно же, помнит.

– И я сказал ему, что мой отец купил гобелен, чтобы он не достался еврею. – Роланд задумчиво откинулся на спинку дивана. – Все было совсем не так.

– Нашего посетителя твоя версия вполне устроила.

– Да. Но видишь ли, мне было легко придумать и рассказать ее. Никаких затруднений. Слова складывались как будто сами собой. – Он помолчал. – А теперь, когда у нас живет эта девочка, мои чувства стали иными.

– Не вини себя. Ведь не ты посадил ее родителей в тот эшелон.

– Нет. Но я мог бы. Я сделал бы это.

– Значение имеет лишь то, как ты поступил на самом деле. Ты спас Лайлу.

– Я? Я ничего не сделал. Шарли попросил приютить ее, и я согласился.

– Ты рад, что она здесь?

Он кивнул, но ничего не добавил.

Чем ближе была весна, тем отчетливее просыпалось в Мари новое чувство: нетерпение. Ей не хватало дела.

Конечно, нужно было управлять замком, но она уже давно раскрыла все его тайны, и теперь налаженный быт почти не требовал вмешательства. Маленькая девочка быстро училась всему, чему можно было научиться у кухарки и экономки, и почти каждый день Мари по два-три часа занималась с ней письмом и счетом. Еще Мари ухаживала за мужем, гуляла и ездила верхом. И она много читала.

С самого начала их совместной жизни с Роландом в замок раз или два в год приезжал Марк и всегда привозил что-нибудь интересное почитать. Вскоре после того, как у де Синеи поселилась Лайла, он опять прибыл со стопкой книг, одобренных цензурой, но среди них была и запрещенная книга – тонкий томик, озаглавленный «Молчание моря».

– Автор книги – французский патриот, который взял себе псевдоним Веркор, – объяснил Марк. – В ней рассказывается о старике и его племяннице, в доме которых расквартировали немецкого офицера, и они заставили его понять истинную природу оккупации тем, что все

время хранили полное молчание. Отсюда и название – «Молчание моря». Конечно, это подпольная литература, но ее читает вся Франция.

Из всех книг, что были у Мари, эта новелла трогала ее больше всего, и она перечитывала ее снова и снова.

Но и это лишь усиливало нетерпение Мари. Веркор, Шарли – все эти храбрые люди что-то делали для свободной Франции. Когда началась весна 1944 года и Шарли стал все чаще и подолгу пропадать, она ощущала, что идут большие, срочные приготовления. А она? Что она делала?

В первых числах апреля ее чувства вырвались наружу. Они с Шарли гуляли по парку около замка.

– Почему ты не даешь мне какого-нибудь дела? – сердито спросила она. – Потому что я женщина? Если я могла управлять большим универмагом, то уж смогу оказаться полезной. Или ты будешь утверждать, что в Сопротивлении нет женщин?

– Вообще-то, их удивительно мало, – ответил он. – Даже коммунисты Франции оказываются консерваторами, когда речь заходит о дамах. – Он посмотрел на Мари и улыбнулся. – Конечно, они просто еще не встречались с вами.

– Ну вот видишь.

– Вы уже помогаете, давая приют еврейской девочке. Об этом вы не забыли? Это реальная помощь, причем связанная с большим риском.

– Сомневаюсь, что Люси еще кто-то ищет, – возразила Мари.

– В вас столько жизненной силы, – сказал Шарли, покачивая головой. – Правда же, самое важное, что вы сейчас можете сделать, – это обеспечивать мое прикрытие. Может, вам такое задание не кажется достаточно серьезным, но, поверьте, для нас это очень важно. Если же у меня появится какая-то мысль, я сразу к вам обращусь, – добавил он, желая утихомирить Мари.

Но она понимала, что это были только слова, и сердилась еще сильнее.

Люк долго ломал голову над личностью загадочной Коринны. Прежде всего он подумал о Коко Шанель. Она была близка со многими высшими чинами германского режима, но могла общаться с ними только в интересах Сопротивления. Это было бы очень умно. Живя в отеле «Риц», она имела массу возможностей передавать сообщения

самым разным людям – от горничной до знакомого, остановившегося в этой же гостинице. Но разузнать секреты Шанель, если таковые имелись, Люку было не под силу.

Некоторые офицеры завели любовниц. Одной из них, например, была знаменитая актриса Арлетти. Но чем больше Люк раздумывал, тем больше склонялся к мнению, что Коринна вовсе не женщина, а мужчина. И, продолжая рассуждать уже в этом ключе, он вспомнил о Марке Бланшаре.

Марк, конечно, редко покидал дом, но когда выходил в свет, то вращался в высших кругах оккупационных властей. У него огромное количество знакомых, он мог бы собирать информацию из десятков разных источников.

В конце концов Люк записал имена нескольких людей, которых считал возможными кандидатами на роль агента Сопротивления, и отнес список Шмиду. Тот пробежал короткий список глазами и кивнул, но большого впечатления на него старания Люка не произвели.

– Мне нужна информация, а не ваши догадки, – отчеканил он.

После этого Люк отказался от мысли заработать у Шмида что-нибудь еще и сконцентрировался на деле, которое с каждым днем становилось все более неотложным.

Как спастись?

Потому что к этому времени уже не оставалось никаких сомнений в исходе войны. Немцы отступали на всех фронтах. Люди в открытую говорили о том, что вторжение союзных армий на территорию оккупированной Франции – всего лишь вопрос времени. Это означало крупное сражение. Германия еще может выиграть его. Но европейских союзников теперь поддерживает Америка с ее бесконечными ресурсами, то есть рано или поздно Франция будет освобождена. И что тогда?

Насчет этого у Люка сомнений не было. Достаточно прислушаться к любому разговору вполголоса в каком-нибудь кафе. Открытых коллаборационистов, например милицию, скорее всего, ждет расстрел. Даже менее явные сторонники Германии будут в опасности.

Знал ли кто-нибудь о его визитах к Шмиду? Что, если его заметили? Такое возможно. Что, если его имя уже в списке? Он вздрагивал при одной мысли об этом.

Нужно укрепить свои связи с Сопротивлением, решил Люк. Тогда, даже если кто-то станет обличать его, он сможет заявить, что все его контакты с немцами были вызваны необходимостью собирать информацию. Да, нужно срочно принять участие в каких-нибудь диверсиях.

– Слушай, скажи своим друзьям, чтобы они больше меня использовали, – сказал он брату. – Я ведь знаю кучу людей и могу разузнать у них что-нибудь. И когда мы опять пойдем на дело?

– У них есть люди помоложе нас. – Тома только покачал головой.

Люк же был уверен, что брат по-прежнему работает с парнями из ФТП. Очевидно, Тома намеренно держит его в неведении относительно их операций. Люка задело, что брат и его друзья не доверяют ему. К тому же это означало неприятные последствия в будущем.

Тома защитит меня, успокаивал себя Люк. Разве старший брат не защищал его всегда? Но если его имя попало в список немецких осведомителей, то даже Тома ничего не сможет сделать.

Так прошел апрель, начался май. Слухи о вторжении союзников становились упорнее с каждым днем. Люк перебирал в голове всевозможные варианты. Остаться в Париже в надежде выйти сухим из воды? Скрыться? Есть ли где-то спокойное местечко, где можно было бы пересидеть какое-то время, и у кого расспросить о таком месте?

И в третью неделю месяца Люк решился поговорить с Луизой. Она приняла его в своем кабинете в «Приглашении к путешествию». Его визит стал для нее полной неожиданностью, тем не менее она поинтересовалась, как у него дела, и спросила, что привело его к ней.

– Я вспоминал тебя. – Он улыбнулся. – А может, волновался о тебе немного. – Он пожал плечами. – Что бы ни случилось, мы все равно старые друзья. – (Луиза никак не отреагировала.) – Послушай, – продолжал он с настойчивостью, – я не буду ничего говорить о том, какую жизнь ты ведешь. Кто я такой, чтобы критиковать тебя? Но меня беспокоит то, что станет с тобой, когда немцев прогонят. У тебя двусмысленное положение. Все знают, что здесь бывает добрая половина немецких офицеров. Тебя сочтут осведомителем, и тогда что угодно может с тобой случиться.

– Офицеры приходят сюда ради женщин.

– Я-то знаю. Но там, на улице, люди могут не увидеть разницы. Ты живешь в довольно замкнутом мире, моя дорогая, – улыбнулся Люк.

В замкнутом и роскошном мире, мысленно добавил он. Бог весть, сколько денег она заработала за эти годы. У этой женщины наверняка имеется продуманный и оплаченный план бегства. Оставалось выяснить, захочет ли она спасти и его заодно, если он проявит достаточно заботы о ее благополучии?

– Возможно, ты и прав. – Луиза же задумчиво склонила голову набок. – Не подскажешь мне, как можно будет укрыться?

– Я надеялся, что ты уже сама все подготовила. Уверен, твой план будет лучше и надежнее, чем все, что я смогу предложить.

– У меня нет никакого плана побега, Люк.

Повисло молчание.

Она играет с ним? У него было слабое, но неприятное чувство, что так и есть. Люк поднялся.

– Тогда придется мне самому что-то придумать, – сказал он рассеянно.

– Для меня, Люк? Или для себя?

Он вздернул голову, но быстро опомнился. Она сообразительна. И слишком хорошо его знает.

– Я думал о тебе, – сказал он негромко.

Но почему она так спокойна? Разве она не понимает, что ей грозит? Или есть какая-то другая причина? Или она уже нашла защиту, которую он ищет для себя? Может, у нее есть друзья в Соппротивлении?

Его взгляд остановился на портрете, украшающем центральную стену. Это была не Луиза, разумеется, но кто-то похожий на нее. Какая удачная мысль – повесить рядом два эскиза к этой же картине. Оригинальный штрих. Да уж, она точно богачка. Его охватила острая зависть.

Рассматривая эскизы, он заметил подпись в углу одного и подошел поближе, чтобы прочитать ее.

«Коринна».

– Вот что я тебе скажу, Люк, – раздался голос у него за спиной. – Ты ни разу в жизни не сделал ничего, что не было бы выгодно тебе самому. Следовательно, раз ты пришел сюда с разговорами о плане побега, я догадываюсь, что это тебе нужно скрыться и ты ищешь того, кто бы тебе в этом помог.

– Ты глубоко заблуждаешься, – произнес он ровным голосом. – У меня нет никаких причин бежать из Парижа.

– Вот и хорошо. Потому что я собираюсь открыть тебе маленький секрет. Я не желаю тебе ничего дурного, Люк, правда. Но если бы у меня был план побега, я бы тебе не рассказала о нем. Потому что я тебе не верю.

От ярости у него перехватило дыхание. Как смеет она не верить ему? И не только это. Она относится к нему с презрением – с тем же презрением, с которым раньше выбросила его за ненадобностью. И хотя он сдерживал негодование, когда позвонил в ее дверь, то теперь память о том событии, о его унижении и бессилии вдруг накатила на него, как волна, с новой силой.

Она зашла чересчур далеко. Это он сделал ее тем, кто она есть, и тем не менее она смеет презирать его. Ладно же, хорошо. Ей предстоит узнать, как это опасно. На этот раз он накажет ее. Он преподаст ей еще один урок, который станет в ее жизни последним.

– Если ты так обращаешься с друзьями, – прошипел он злобно, – то я оставлю тебя, Луиза.

Часом позже Шмид с недоумением смотрел на явившегося Люка Гаскона – время их обычной встречи еще не подошло. Его недоумение только усилилось, когда француз без приглашения уселся и торжественно заявил:

– У меня есть известие, которое вам может быть интересно. По моему, я нашел Коринну.

Его рассказ не занял много времени. Когда Гаскон умолк, Шмид медленно кивнул:

– Думаю, вы правы. Я знаю эту женщину и ее заведение.

– У нее немало отличных картин.

– Да.

– Вы говорили, что хорошо заплатите.

– О да, я заплачу.

– Вы можете сходить туда сами и все посмотреть? Чтобы меня не вычислили?

– Возвращайтесь через три дня, – велел Шмид.

Луиза поморщилась, когда два дня спустя гестаповец Шмид предупредил ее об одном из своих редких визитов. Девушки его не

любили. Но она знала, что сотрудника гестапо не стоит гневить даже ей, имеющей много связей с немецким командным составом.

Однако у Луизы было и приятное воспоминание, связанное со Шмидом. Это случилось во второй его визит.

Она не забыла его настойчивое желание заглянуть в Вавилонскую комнату, когда там была спрятана маленькая Лайла, и потом долго ломала голову над темой для переоформления, которое пришлось провести.

Как она и ожидала, в свой следующий визит Шмид первым делом попросил показать комнату. Открыв перед ним дверь, она проследила за выражением его лица.

Теперь там была Нацистская комната.

Луиза превзошла саму себя. Шмид не мог ни к чему придраться. Ничего грубого, ни намек на порочность. Ковер – черный, большая кровать – безукоризненно белая со свастикой посреди покрывала и на уголках наволочек. Все было просто, геометрично, мебель в минималистском стиле школы Баухаус. Стены украшали пейзаж с изображением австрийского леса и горы, портрет фюрера, два постера из фильма Лени Рифеншталь о Нюрнбергском съезде нацистской партии и фотография группы арийских блондинок в туристском лагере, которые весело демонстрировали соблазнительные формы спортивных тел.

Шмид разглядывал комнату, разрываясь между восхищением и разочарованием оттого, что не сумел ни в чем уличить хозяйку борделя.

– Очень красиво, мадам, – сказал он.

Но в этот вечер Шмид был необыкновенно мил. С девушками вел себя смиренно и дружелюбно. Луизе следовало догадаться, что он что-то задумал. И действительно, перед тем, как удалиться со светловолосой девушкой, на которую пал его выбор, гестаповец очень вежливо попросил уделить ему несколько минут.

Когда они оказались в ее кабинете, он сразу приступил к делу:

– Мадам, ваше заведение не имеет себе равных в целом Париже. Вот почему сюда приходит так много высокопоставленных офицеров. И хотя недавно я получил повышение, все же, как вам хорошо известно, для младшего офицера вроде меня визит сюда является почти недоступной роскошью. – Он печально вздохнул. – Проблема в том,

что, раз побывав здесь, мужчина будет хотеть вернуться сюда снова и снова.

– Как я могу вам помочь? – Она склонила голову, принимая комплимент.

– Мне неловко просить вас об этом, но признаюсь, мадам, что вы сильно облегчили бы мне жизнь, предоставив скидку.

Она напряглась и смерила его холодным взглядом. Теперь он собирается обворовать ее.

– Что вы имеете в виду? – спросила она.

– Я бы осилил две трети обычной цены. – Он помолчал. – Думаю, вы знаете, что я честно оцениваю ситуацию.

Луиза ожидала куда более нескромной просьбы. Две трети для него все равно очень дорого. Тем не менее она не хотела идти на уступку – это было против ее правил. Но, подумав, она решила, что умнее будет согласиться.

– Я буду рада пойти вам навстречу. Но это исключение, вы понимаете.

– Конечно. Благодарю вас, мадам. – Он поднялся, потом обвел комнату взглядом. – У вас прекрасный вкус. Эти картины прелестны. Возможно ли, что одна из них – ваш портрет?

– Нет, но мне часто указывают на сходство с моделью.

Он кивнул, рассмотрел небольшой пейзаж на другой стене и потом откланялся.

Беседа могла пройти гораздо неприятнее, с облегчением вздохнула Луиза.

Мари всегда любила проводить май в Париже. Она обожала наблюдать за тем, как распускаются каштаны на бульварах и авеню.

Она уже собиралась вернуться с улицы Бонапарта в замок, когда ей сообщили, что к ней пришла дама с ребенком. Имя дамы, указанное на карточке, было незнакомо Мари, но все же она попросила пригласить их в гостиную.

Вошедшей женщине было около сорока, она была очень элегантно одета. Ее сопровождал мальчик лет пяти. Мари показалось, что она уже когда-то встречалась с этой дамой, однако ей пришлось видеть столько людей, пока она управляла «Жозефиной», что запомнить всех было выше человеческих возможностей.

Но когда она взглянула повнимательнее на мальчика, то онемела.

Луиза долго колебалась. Как ни странно, на ее решение пойти к Мари повлиял Люк, хотя она не испытывала к нему уважения.

Ей ничего не будет грозить, когда немцев изгонят из Парижа. Ее не будут судить как коллаборациониста. Вожди Сопротивления хорошо знали агента Коринну и ценили ее работу. Скорее, ей дадут медаль, думала она.

Но решающее сражение – это совсем иное дело. Возможны бомбардировки, осада, стрельба на улицах. Лучше будет увезти маленького Эсме подальше от этого. А потом, если немцы уйдут, наступит период неразберихи. Вот когда можно ждать опасности, поняла Луиза, тут Люк был прав. Обычные люди, разгоряченные битвой, сочтут излюбленный немцами бордель и его хозяйку подходящим объектом для вымещения ненависти к оккупантам и их приспешникам. Ее могут вытащить на улицу, забросать камнями... Заранее ничего нельзя знать.

Она прекрасно понимала, что время атаки союзников приближается. Решение о том, что делать с Эсме, нельзя было откладывать до бесконечности. И вероятно, паника, которую она ощутила в поведении Люка, тоже повлияла на нее.

Сначала ей хотелось бы поговорить с Шарли, но в последние дни он исчез, а если он занят в операции Сопротивления, то нельзя предсказать, когда можно ждать его возвращения.

В конце концов Луиза решила, что пора увезти Эсме к его бабушке и дедушке. От Шарли она слышала, что май старшие де Сини проводят в Париже. Тогда надо сделать это, пока они здесь, сказала себе Луиза, чтобы не пришлось ехать в долину Луары.

Она тщательно продумала все, что должна будет сказать. И теперь по ее просьбе Эсме отвели в другую комнату, где с ним побудет экономка, и она начала:

– Я вижу, что вы заметили кое-что особенное в моем сыне, мадам. Да, он очень похож на Шарли. Это потому, что Шарли – его отец. Вы не знали о нем?

– Нет.

– Шарли молчал по моей просьбе. У меня имелись на то причины, хотя, уверяю вас, они не были связаны ни с Шарли, ни с вами, мадам.

Скорее совсем наоборот. Но сейчас Шарли настаивает на том, чтобы Эсме переехал в более безопасное место, и я больше не могу отрицать его правоту. Шарли сам вовлечен в опасную деятельность, как нам обоим известно, и я, в некоторой степени, тоже.

– Вот как.

Мари внимательно взглянула на гостью. Женщина в рядах бойцов Сопротивления. Она не сомневалась в том, что Луиза говорит ей правду.

– Я привезла вам документы. – Луиза подала ей метрику Эсме. – Как видите, Шарли указан в качестве отца. Как только он появится снова, он подтвердит все, что я вам сказала.

– Почему вы избегали нас? Потому что ребенок рожден вне брака?

– Вы бы заставили Шарли забрать ребенка. А он – это все, что у меня есть.

– Зачем нам это делать?

– Потому что я управляю лучшим в Париже публичным домом.

Мари перевела дух:

– Вы были правы в своих предположениях.

– Есть еще кое-что, мадам. – Луиза помолчала, прежде чем продолжить. – Одна тайна, в которую даже Шарли не посвящен. В том случае, если со мной произойдет что-то... непоправимое, я хочу быть уверена, что Эсме не будет обделен любовью и заботой. Я не подвергаю сомнению вашу доброту, мадам, но есть одно обстоятельство, которое может повлиять на ваше отношение к моему сыну. – Она протянула Мари запечатанный конверт. – Это документы, касающиеся моей матери. Ее звали Коринна Пети. Я сумела разузнать, что мой отец – Марк Бланшар. Да, ваш брат, мадам. Он обо мне ничего не знает, и пусть так и будет. Но я хочу, чтобы вы знали: Эсме – ваш родной внучатый племянник.

Мари была ошеломлена таким количеством откровений.

– Но... почему вы не сказали Марку?

– Мне было стыдно. – Луиза пожала плечами. – Мы с ним однажды встречались. В особых обстоятельствах, по линии моей профессии.

– Он приходил в ваше заведение?

– Нет. Я была у него в доме.

– О мой бог. – Мари нахмурилась, но потом поняла.

– Могло быть хуже. Я догадалась обо всем, когда увидела в его квартире вашу свадебную фотографию и узнала вашего мужа. Он был адвокатом моих приемных родителей. Это он устроил так, чтобы меня удочерили.

Она и Мари смотрели друг на друга.

– Вы хотите сказать, что вы и Марк...

– Нет, – сказала Луиза. – Слава богу, я успела уйти прежде, чем...

– И после этого вы, очевидно, не могли открыться ему.

– Я всегда гордилась своей независимостью, но не тем, как она достигнута. – Она улыбнулась. – Хочу сказать, мадам, меня восхищало то, как вы управляли «Жозефиной». Свое заведение я создавала по образцу вашего универсама – в некоторой степени, конечно.

– Моего мужа сейчас нет дома, но он вернется через час или два. Интересно, что он скажет.

– Эсме – его внук. Думаю, он не откажется позаботиться о нем. Все, что я вам рассказала, вы сможете проверить без особого труда.

– Я не считаю, что вы говорите неправду.

– Если бы это не было правдой, мадам, вряд ли я доверила бы вам единственное свое сокровище.

Оценивая ситуацию, Шмид находил ее обнадеживающей. С одной стороны, разумеется, удача как будто отвернулась от вермахта. Бомбардировки союзников участились, бойцы Сопротивления активизировались: они нападали на блокпосты, устраивали саботаж на предприятиях, пускали под откос поезда. Очевидно, французы верили, что скоро союзники предпримут решительное наступление на Германию и что Франция восстанет, как только генерал Паттон поведет войска из-за Ла-Манша в бой.

Но где именно это произойдет? Кое-кто говорил, что в Нормандии или еще западнее. Но Шмид этому не верил, и разведка не подкрепляла такое предположение. Союзники нанесут удар в самом узком месте пролива, между Дувром и Кале, зачем им придумывать себе сложности?

А после того, как они нападут? Это будет проверка. Не следует недооценивать гений фюрера или мощь вермахта. Где бы союзники ни высадились, они увидят, что немцы готовы встретить их. Атака захлебнется. Союзники будут разбиты. Эйзенхауэр потеряет свою

власть. Вполне возможно, что американцы струсят и выйдут из войны, и тогда где окажутся союзники?

Европа будет принадлежать Германии.

Вот как все будет, говорил себе Шмид, поджидая прибытия Люка Гаскона.

Это предопределено судьбой. Иначе не может быть.

Люк провел три неприятных дня. Порой в нем просыпались угрызения совести за то, что он сделал. Но совесть не слишком ему досаждала. Забыв о том, что их связывало раньше, Луиза пренебрегла им. Да, она так прямо и заявила, что не рассказала бы ему о способе сбежать из Парижа, если бы знала о таком. Значит, она с легкостью оставила бы его погибать. Нет, думал Люк, ей он ничего не должен. Ничего. Он лишь платит ей той же монетой.

А беспокоила его куда более серьезная проблема. Своим визитом к Луизе он подверг себя смертельной опасности.

Что, если она расскажет кому-нибудь из своих друзей в Сопротивлении об их ссоре? И о том, что она подозревает его в сотрудничестве с оккупантами? После этого, если с ней что-то случится, на кого в первую очередь падут подозрения? Тот факт, что Шмид тоже приходил к ней, немного снижал риск, но не гарантировал того, что ее арест не свяжут с Люком. Ах, надо было тщательнее все продумать перед тем, как идти к гестаповцу.

Вопреки обыкновению, Люк позволил чувствам взять верх над разумом и теперь проклинал свою неосторожность. Ему казалось, что сейчас, как никогда раньше, ему нужно найти безопасное место. Такое, где он мог бы, по крайней мере, переждать и где его не нашли бы. О котором никто бы не знал.

Одно такое место имелось. Да, верно, его брату Тома оно тоже известно. Но больше никому. А Тома, хвала небесам, был единственным человеком в мире, которому он доверяет.

Придется потрудиться, конечно. И надо будет запастись едой и водой. Сделать это непросто, когда продовольствие нормируется. Но можно уносить из ресторана понемногу консервов, копченого мяса, других продуктов, которые могут храниться долго. Люк сказал Эдит, что все это нужно одному его клиенту, и она только пожала плечами. В

конце концов, это же его ресторан. Он начал подготовку вечером того же дня, когда встречался со Шмидом.

И вот он снова в его кабинете, и Шмид улыбается.

– Я посмотрел эскиз, – сказал немец, – и согласился с вашими выводами. Я только что отдал приказ, чтобы за ней следили днем и ночью, куда бы она ни направилась. Если нам повезет, куда-нибудь она приведет нас. – Он придвинул Люку через стол небольшую пачку денег. – Вы заработали это. Если ваши подозрения окажутся верными, получите еще.

– А если она никуда вас не приведет?

Шмид улыбнулся еще шире:

– Тогда мы приготовим ловушку.

В поместье царил покой. На том берегу Ла-Манша шли грандиозные приготовления к величайшей десантной операции в истории, а в долине Луары не было на них ни намека. Разве что изредка прогудит в небе бомбардировщик союзных войск, сбившийся с курса после атаки на железнодорожное депо возле Парижа.

Но Мари было чем занять себя. У нее появился маленький Эсме.

В том, кто он такой, не могло быть никаких сомнений. Через два часа после ухода Луизы в квартиру на улице Бонапарта прибыл Марк. Пять минут – и он подтвердил все от начала до конца.

– Можешь взглянуть на своего внука, – скомандовала Мари. – Не пытайся встретиться с Луизой. Она этого не хочет, и ты должен уважать ее желание. А потом уходи.

Роланд, однако, это совсем другое дело.

Она никогда не видела его таким счастливым.

– У меня есть внук? Дай же мне посмотреть на него. О боже, да он же вылитый Шарли!

– Он незаконнорожденный, разумеется, – мягко напомнила ему Мари.

Она не хотела, чтобы он обрадовался, а потом испытал разочарование, которое отразилось бы на ребенке. Но ей не нужно было волноваться об этом.

– О, это ерунда, – отмахнулся Роланд. – Многие великие генералы, государственные деятели и самые благородные семейства Франции происходят от незаконного потомства королей.

– Верно. – Мари подумала, что ей стоит сразу сказать мужу обо всем. – Но я должна предупредить тебя, что его мать – хотя выглядит она и ведет себя так, будто принадлежит к нашему кругу, – хозяйка борделя, а раньше сама была куртизанкой.

Но эта подробность Роланда также не заинтересовала.

– Дорогая, порой любовницы королей были ничем не лучше этой женщины. В других странах дело обстоит точно так же. По крайней мере один из английских герцогов ведет свою родословную от проститутки. – Он подумал. – Ты говоришь, ее манеры хороши?

– Да.

– Так что же еще? Только это и имеет значение. – Он глянул на Мари. – Я говорю о любовницах, разумеется. К женам это не относится.

– Так ты будешь добр к мальчику?

– Конечно, я буду добр к нему. Он мой внук. Мой единственный внук, если только у Шарли нет еще детей, о которых мы не знаем.

– Ты и им бы обрадовался?

– Как не радоваться доказательствам жизнеспособности рода!

И он стал почти неразлучен с мальчиком, усаживал к себе на колени, даже носил на плечах, отправляясь на дальние прогулки. В семейном кругу не хватало только Шарли. Но от него не было ни слуху ни духу.

Он отсутствовал уже очень долго, и Мари стала думать, что наступления пока не предвидится. Миновали первые дни июня. Летнее тепло неожиданно сменилось ненастьем. Далеко на севере, на побережье, зашумели шторма. Да, если союзники и собираются во Францию, то не в ближайшее время, решила Мари.

Поздним утром восьмого июня Шарли сел в поезд на вокзале Монпарнас. Ехать он не хотел. Он так увлекательно проводил время с Максом Ле Суром и его парнями на востоке Парижа, что не заходил к себе в квартиру уже более двух недель. Но возникло срочное дело.

Последние три дня были захватывающими. Поймав перерыв в непогоде, массивный десант союзников высадился в Нормандии и застал немцев врасплох.

Тем не менее нельзя сказать, что те не были готовы. Несмотря на мощные бомбардировки с моря и скоординированные диверсии

многочисленных групп Сопротивления на суше, береговые позиции были хорошо укреплены. Союзники сумели создать плацдарм, но бои шли ожесточенные. Продвижение союзников не будет ни легким, ни быстрым. Даже если все пойдет по плану, минуют недели, прежде чем они достигнут Парижа.

Лихорадка подпольной деятельности – крушение эшелонов, везущих войска к фронтам, подрыв складов с оружием и боеприпасами, отсоединение электроэнергии – включала еще одну, менее заметную, но важную задачу: спасение летчиков союзных сил.

Несколькими часами ранее Шарли получил сообщение, переданное одним из его друзей по «Нотр-Дамскому братству».

– Есть один канадский пилот. Из экипажа бомбардировщика. Их подбили над долиной Луары. Остальные не выжили, а ему повезло. Наши парни нашли его, только им нужна помощь.

– Почему они не могут послать его на юг? – спросил Шарли.

Такова была обычная схема действий. Сопротивление наладило неплохой маршрут для вывода подбитых летчиков из зоны оккупации. Их передавали от группы к группе, переправляя таким образом через Пиренеи в Испанию.

– Нас сейчас известили, что нескольких пилотов сдали. Вероятно, в какую-то из южных групп проник шпион.

Это следствие быстрого роста организации, подумал Шарли. Должно быть, такие предательства неизбежны, но все равно его мутило при одной только мысли о них.

– Что мне нужно сделать?

– У нас будет альтернативный путь. Мы подберем курьеров, которым можно доверять. Но на это уйдет не меньше недели. Канадцу же пока нужен новый и безопасный приют.

– Где он?

– Примерно в трех часах ходьбы от замка твоей семьи.

Когда посреди ночи Роланд де Синь услышал легкий стук в дверь спальни и, открыв ее, увидел Шарли, то безмерно обрадовался. Краткий диалог шепотом позволил ему войти в курс дела.

– Мы приехали на велосипеде, – сказал Шарли. – Хорошо, что мне известны все здешние тропинки. Нам пришлось обходиться без фонарей.

– Где он сейчас?

– В старой конюшне. Там, где моя машина. Если его обнаружат, вы с Мари сможете сказать, что ничего о нем не знали.

К этому времени проснулась и пришла к ним и сама Мари. Шарли повернулся к ней:

– Вы говорили, что хотели помочь. Ваше желание исполнилось! – Потом он ознакомил их обоих с основными правилами безопасности. – Постарайтесь избегать прогулок возле старой конюшни, чтобы не встретиться с ним. Но если увидите случайно, помните, что я привез его сюда ночью, то есть он не знает, где находится. И что самое важное: меня он знает только по моему кодовому имени – месье Бон Ами.

– Все это так таинственно, как в шпионском романе, – заметила Мари.

– Да, – согласился Шарли. – Но если летчика поймают, то для всех будет лучше, если он как можно меньше будет знать о нас.

Канадца звали Ричард Беннетт. Предложенный Шарли план действий оказался удачным. В старую конюшню, где стоял под замком любимый «вуазен» Шарли, обычно никто не наведывался, так что, кроме самих де Синеи, никто не знал о существовании летчика.

– Всегда мечтал о такой кровати, – пошутил Ричард при виде автомобиля.

Он поклялся, что в «вуазене» ему будет очень удобно, и хотя Шарли снабдил его парой пледов, теплыми июньскими ночами канадец в них почти не нуждался.

С питанием проблем не было. Шарли накладывал себе на тарелку гораздо больше еды, чем собирался съесть и, когда никто из прислуги не видел, перекладывал лишнее в контейнер. Мари передавала ему кое-какие продукты из кладовых, и Роланд добавлял бутылку из своего винного погреба. Спрятав все это в сумку, Шарли уходил в старую конюшню якобы с целью починить что-то в автомобиле. Никто ни о чем не догадывался.

Что касается гигиены, то канадец пользовался шлангом, уже протянутым в конюшню для мойки «вуазена». Вода в нем была холодной, но летом это было не страшно. Шарли принес еще кое-что из своей старой одежды. Беннетту она была немного велика, но свою

функцию выполняла. Что до остальных нужд, то с ночным горшком Шарли разбирался после наступления темноты.

Также они соорудили укрытие внутри конюшни. Вдоль одной стены шел длинный, глубокий каменный желоб для воды. Шарли и Ричард сколотили полку – нечто вроде второго дна, оставив щель, чтобы канадец мог проскользнуть внутрь. Поверх этой полки Шарли навалил жестянок с машинным маслом, трубки, гаечные ключи и всякую всячину, которой полно в любом гараже. После того как Ричард там спрячется, Шарли останется лишь заткнуть щель замазанными тряпками, и тогда никому и в голову не придет, что где-то там прячется человек.

Шарли приносил Беннетту газеты, чтобы тому было что почитать. Иногда они проводили время, играя в шахматы. Шарли почти не сомневался, что канадец через раз поддавался ему.

Роланд испытывал смешанные чувства. Они обязаны дать летчику приют, разумеется. Но все же он предпочел бы, чтобы тот спрятался где-то в другом месте. Его беспокоила не собственная безопасность и даже не безопасность Мари – он волновался за маленького Эсме. А если к ним придут полицейские в поисках летчика и сумеют найти его? Есть шанс, что они поверят истории, предложенной Шарли, будто никто о канадце не знал, но Роланд считал это маловероятным. Скорее, всю семью арестуют. И что тогда будет с его внуком?

Ему оставалось только надеяться на репутацию семейства. На второй день после возвращения Шарли он решил прогуляться в деревню. Увидев на маленькой площади фургон сельской жандармерии, он подошел поболтать с офицерами.

Они были настроены приветливо, и вскоре он узнал, что несколько дней назад был сбит вражеский бомбардировщик.

– О, – изобразил удивление Роланд. – Я ничего не слышал.

– Конечно, месье де Синь. Это случилось в двадцати километрах отсюда.

– Тогда понятно. Кто-нибудь выжил?

– Может, один или двое. Но вряд ли.

– Ну, главное, чтобы они не таскали моих зайцев.

Жандармы посмеялись шутке:

– Не беспокойтесь, месье де Синь. Если маки найдут кого-то из летчиков, то попытаются вывести его не через нашу округу, а южнее. Они переправляют их в Испанию.

– Да, я тоже слышал об этом. – Роланд пожал плечами. – Далекий путь.

Через пару минут он распрощался с ними и пошел дальше.

Пока вроде все в порядке.

Теперь он может все свое внимание посвятить Шарли и внуку.

Шарли пришел в восторг, узнав, что Луиза привезла к ним Эсме.

– Я и не знал, – объяснил он. – С Луизой мы давно не встречались, потому что в последние три недели я почти не бывал в Париже. – Он улыбнулся отцу счастливой улыбкой. – Мне давно хотелось, чтобы Эсме познакомился со своим дедушкой.

Это было чудесное время. И при этом очень странное. В трехстах километрах от замка союзники день за днем, волна за волной высаживались на захваченный плацдарм в Нормандии, для чего применялись огромные искусственные гавани.

– К началу большого наступления на наш берег перекинут не менее миллиона солдат, – сказал Шарли отцу.

Немцы яростно сопротивлялись. Их бронетанковые дивизии продолжали удерживать старинный нормандский город Кан. Все еще не желая поверить, что союзники свой главный удар нанесут не через пролив Па-де-Кале, Гитлер с большой неохотой поддался на уговоры и наконец передвинул войска оттуда в Нормандию.

– Будет огромное сражение, – предсказывал Роланд.

Тем не менее в замке все было мирно, идущая почти рядом война ничем не напоминала о себе. Конечно, это умиротворение не могло продлиться долго. Как только канадца отправят дальше, Шарли захочет вернуться в город, где его ждало много работы. Какую бы форму ни приняла битва за столицу – при условии, что наступление союзников не захлебнется и они подойдут к Парижу, – Шарли де Синь не останется в стороне.

– Получается, что я должен сказать канадцу спасибо, – заметил Роланд жене, – ведь только из-за него Шарли оказался в замке.

Каким наслаждением стали летние прогулки вместе с Шарли и его сыном! Роланда поразила мысль о том, что со времен Французской

революции ни разу не собирались вместе три поколения де Синей. Дьедонне, рожденный в те кровавые дни, никогда не видел своего отца и умер до того, как на свет появился Роланд. Его собственный отец не дожил до рождения Шарли. Но наконец, почти два столетия спустя, глава семьи, его сын и его внук были вместе. Наверное, было бы еще лучше, если бы паренек был законнорожденным, но нужно быть благодарным судьбе за то, что имеешь.

Мари сфотографировала по очереди каждого из мужчин рядом с Эсме и потом всех троих перед замком. Будучи человеком старой закалки, Роланд не готов был улыбаться в объектив, но Шарли очень кстати пошутил, и Мари успела поймать камерой три веселых лица. Фотография получилась славная.

В ту неделю только один эпизод, словно маленькое темное облако на лазурном небе, вызвал у старшего де Синя минутное раздражение. Он с сыном обсуждал канадца.

– Он прекрасно говорит по-французски, – сказал отцу Шарли. – Порой он может употребить выражение, которое мне неизвестно, но самое интересное – это его акцент. Он более назальный, чем мой.

– То, что ты слышишь, – это акцент, застывший во времени, – объяснил ему Роланд. – В Квебеке говорят на французском времен Людовика Четырнадцатого. Забавный факт.

– Он рассказал, что семья его матери как раз из Квебека. Их фамилия Дессинь. – Шарли улыбнулся. – Ты не думаешь, что это искаженное «де Синь»? Я не могу, разумеется, назвать ему свою фамилию, и меня он знает только как месье Бон Ами. Однако я подумал, что между нами может существовать родство. Он говорит, что семейство его матери весьма многочисленно.

Роланд погрузился в молчание. То письмо уже в далеком прошлом... Относительно недавнее открытие Мари... Вновь его настигло чувство вины. Он поступил некрасиво. Но... теперь ничего с этим не поделать.

– Да, родство возможно, – сказал он. – Хотя, если и так, ветви разошлись несколько веков назад.

– Ну что ж, – беззаботно ответил Шарли, – он в любом случае хороший парень и храбрый солдат.

И это, успокаивал себя Роланд, самое главное в мире, все секреты которого не дано узнать ни одному живому существу.

Поэтому он благодарил судьбу, что она послала им этого родственника – если он, конечно, родственник – и вместе с ним несколько бесценных дней с сыном. Скоро, слишком скоро они подойдут к концу.

Каждый вечер вскоре после заката Шарли выходил на грунтовую дорогу, ведущую к лесу на краю поместья. И однажды, примерно на седьмой или восьмой день, из-за дерева его тихо окликнули:

– Месье Бон Ами!

– Кто вы?

– Голуаз.

– Куда вы едете сегодня вечером?

– В Торонто. – Это был пароль.

– Теперь безопасно?

– Трудно сказать. Жандармы поймали десятки человек, аресты прошли по всей Франции. Взяли англичан, канадцев, даже летчиков из Новой Зеландии. Колоссальный провал. Сейчас мы налаживаем новый маршрут. Ставим только тех людей, которым можем доверять.

– Надеюсь, у Беннетта получится выбраться. Он отличный парень.

– Они все отличные парни.

– Подождите здесь. Я приведу его.

Прошло не менее четверти часа, прежде чем Шарли вернулся обратно в сопровождении Ричарда Беннетта.

– Удачи, старик, – сказал Шарли, обнимая канадца. – Месье Голуаз проводит вас в Испанию. – Он пошарил в кармане. – Вот, возьмите это. – Он дал Ричарду маленькую самодельную зажигалку, подарок отца. – Она приносит удачу. Вернете мне после войны.

– Не могу выразить, как вам благодарен.

– Желаю удачи!

Через мгновение канадец и его проводник, словно тени, растворились в сгущающихся сумерках.

На следующее утро Шарли попрощался с семьей и вернулся в Париж.

Как жаль, думала Луиза, что полковник Вальтер и Шмид заявили в один и тот же день. Шла вторая неделя июня.

Полковник Вальтер девушкам нравился. С ним было просто. Его потребности полностью укладывались в то, чего можно ожидать от

нормального человека, а манеры были превосходны. Луизу немного удивлял тот факт, что он не завел любовницу. Или он считает, что на женщину придется тратить слишком много времени? А может, предпочитает разнообразие и обслуживание, которое можно найти только в заведении вроде «Приглашения к путешествию»? В любом случае у Луизы полковника всегда встречали с радостью.

А вот когда приходил Шмид, то, даже несмотря на его попытки вести себя любезно, вокруг него неизменно чувствовалось напряжение. Луизе казалось, что и полковник Вальтер недолюбливает Шмида.

Но ничто не предвещало той сцены, которая разыгралась этим вечером.

Так совпало, что оба они пришли довольно рано. Она сама их встретила и провела в гостиную. К ним присоединились две девушки, и одна из них, Катрина, заговорила со Шмидом. Но, по-видимому, чем-то она ему не угодила, и он грубо велел ей уйти и прислать кого-нибудь посимпатичнее. Девушки, работающие в заведении, привыкли управляться со всякими клиентами, но было заметно, что Катрина обижена. Луиза хотела было попросить Шмида быть полюбезнее, но ее опередил полковник Вальтер.

– Дорогой Шмид... – За мягкой интонацией отчетливо слышалось неодобрение. – Я понимаю, что у вас сейчас много дел, но вам будет проще расслабиться и отдохнуть, если вы постараетесь держаться в рамках приличий.

– У меня всегда много дел, полковник Вальтер.

Этой резкой фразой Шмид как будто хотел завершить диалог, но Вальтер продолжал:

– Кстати, Шмид, я слышал, что вам выпала честь сопровождать завтра вечером в театр одну важную персону. – Он усмехнулся. – Хотя не представляю, что наш друг Мюллер поймет в «Антигоне». На вашем месте я бы сейчас пошел домой и как следует выспался, вместо того чтобы изнурять себя здесь допоздна.

Мюллер? Ни единый мускул не дрогнул в лице Луизы. Это распространенная немецкая фамилия. В рейхе было несколько фигур, носящих ее. Но зато реакция Шмида была примечательна.

– Могу я спросить, где вы слышали об этом, полковник? – осведомился он ледяным тоном.

– По крайней мере два человека упомянули об этом, когда я был сегодня в штабе.

Впервые за все время знакомства с полковником Луиза уловила в его голосе нотки нервозности.

– Я верю вам, полковник, поскольку нам известно, что этот слух действительно был кем-то пущен и уже распространился. Но должен вам сказать, что это неправда.

– Понимаю.

– Очень рассчитываю на ваше понимание, полковник Вальтер. Потому что слухи могут быть опасными. – Шмид возвысил голос. – Опасными для тех, кто их распространяет.

– Вы единственный человек, кому я сказал об этом, заверяю вас.

– Надеюсь, что так.

И потом маски оказались сброшены. Взгляд, которым Шмид смерил Вальтера, был полон яда. Всякое уважение к его рангу исчезло. Гестаповец превратился в змею, готовую к атаке. А Вальтер съежился от страха.

– Думаю, что полковник Вальтер прав. – Шмид поднялся. – Сегодня из меня никудышный собеседник. Зайду в другой раз.

Он направился к выходу. Почти сразу же полковник Вальтер заспешил вслед за ним. Луиза незаметно встала в холле и слышала, как уже в дверях Шмид прошипел полковнику:

– Вы что, с ума сошли?

Дверь за ними закрылась. Они отошли от крыльца метров на двадцать, не говоря ни слова, и поэтому Луиза уже не могла их слышать, когда они вновь заговорили.

– Спасибо, – совсем другим тоном сказал Шмид полковнику. – Отлично сыграно. Вам осталось только одно невеселое дело, если вас не затруднит.

Когда полковник Вальтер вернулся, выглядел он потрясенным и попросил виски вместо обычного шампанского. Немного погодя он поднялся наверх с девушкой по имени Шанталь, которую предпочитал всем остальным. Однако не прошло и получаса, как он спустился и тихо ушел. Вскоре пришла и Шанталь.

– Что-то беспокоит его, – сказала она. – У него не встало сегодня, что я ни делала.

На следующее утро в десять часов Шарли встретился с Максом Ле Суром.

– У нас есть сообщение от Коринны. Пришло сегодня обычным путем.

Записка была аккуратно спрятана между двумя банкнотами, которые Катрина – девушка, пользующаяся наибольшим доверием Луизы, – рано утром унесла к себе домой. Чуть позже девушка отправилась на рынок и расплатилась этими деньгами с цветочницей. В течение часа записка, положенная в конверт, была опущена в почтовый ящик надежного человека.

– Должно быть, это сам Генрих Мюллер, – сказал Макс, прочитав послание. Он имел в виду шефа гестапо. – Вообще-то, мы ничего не слышали о том, что он приезжает во Францию, но в связи с высадкой союзников в Нормандии у него могли появиться дела в Париже. Немцы очень боятся, что здесь будет восстание.

– Допустим, он действительно приезжает, – развил тему Шарли. – Тогда были бы приняты самые жесткие меры безопасности. Скорее всего, приезд Мюллера постарались бы сохранить в тайне. Но человек вроде полковника Вальтера мог быть в курсе.

– Если это сам Мюллер, то будет обидно упустить его. – Макс подумал. – С другой стороны, это может оказаться ловушкой.

– Только если Коринну подозревают. Но вроде бы нет никаких оснований для этого.

– А что насчет спектакля? Зачем ему тратить вечер в театре?

– Театр всегда подозревают. «Антигона» Жана Ануя прошла цензоров, и немцы с удовольствием ее смотрят, но многие утверждают, что это скрытая антигерманская пропаганда. Мюллер мог заинтересоваться спектаклем по этой причине.

– У нас почти нет времени на подготовку, – сказал Макс. – И это огромный риск. Но я думаю, попытаться мы должны.

– Попытаться что?

– Убить его, конечно.

Люк убеждал себя, что понапрасну изводится. Но ничего не мог с этим поделать. Его последний визит к Шмиду прошел из рук вон плохо. Когда он спросил у гестаповца, есть ли новости о Коринне, тот коротко

сообщил, что наблюдение за ней ничего не дало. Потом хищно улыбнулся:

- Но я все равно уверен в том, что она шпионка.
- Вы говорили, что устроите ей ловушку.
- Возможно.
- Могу я спросить какую?
- Нет. Но мы сообщим вам, если результат будет положительным.

Значит, ловушка. Но какого рода? Вероятнее всего, ее снабдят ложной информацией. Эту информацию она передаст Сопротивлению и тем самым выдаст себя. Что это может быть за информация? Угадать невозможно. Наверное, какая-то фальшивая наводка, которая приведет людей Сопротивления в засаду.

Его это не должно касаться. За исключением одного обстоятельства. Что, если в этой засаде окажется его брат?

Люк знал, что Тома до сих пор ходит на операции. Он был неутомим. Казалось, что участие в движении Сопротивления подарило ему вторую молодость. Может, он не столь быстр, как более молодые бойцы, но у него по-прежнему точный глазомер, и он был надежным членом организации.

Разумеется, Тома рисковал каждый раз, когда шел на дело. Здравый смысл говорил Люку, что у него нет причин переживать, ведь Тома сам сделал свой выбор.

Однако мысль о том, что его донос на Луизу может привести к гибели брата или, что еще хуже, к его аресту и пыткам, не давала ему покоя. Как бы убедить Тома больше не участвовать в подпольных вылазках? Как бы предупредить его?

Люк стал проводить больше времени в ресторане. Шли дни. Тома как ни в чем не бывало работал за барной стойкой. Братья порой болтали часик-другой. Не было никакого намека на то, что у Тома есть какие-то другие дела.

Люк был в ресторане и в тот день, когда явились два молодых Далу и заговорили с Тома. Он бы не придавал этому значения, если бы не увидел в этот момент Эдит. Она вошла в зал через служебную дверь и встала как вкопанная, едва ее взгляд упал на беседующих с мужем парней Далу. На лице женщины мелькнула тревога.

- Что с тобой? – Люк приблизился к ней. – Что-то случилось?
- Да. Нет. Так, мелочь.

Через несколько минут двое Далу ушли, и Люк увидел, как Эдит тут же бросилась к Тома. Она что-то настойчиво внушала ему. Он слушал, но было очевидно, что ее усилия напрасны. Потом она взяла мужу за руку, а Тома молча покачал головой. Когда Эдит уходила, Люк заметил слезы у нее на глазах.

Люк не знал, что делать. Он бы хотел вмешаться, сказать Тома, будто якобы слышал от кого-то о готовящейся западне для групп Сопротивления. Но не мог. Такая история непременно вызвала бы расспросы, на которые он не готов был отвечать. Его наверняка спросят: «Откуда тебе это известно?» Кроме того, если это будет ловушка Шмида и Сопротивление не схватит наживку, то Шмид сразу сообразит, через кого произошла утечка. Нет, этого он делать не будет. Но хотя бы попробует убедить брата не ходить никуда в ближайшее время.

– Я видел то, что видела ты. – Люк пошел к Эдит. – Парней Далу. Не нужно ничего говорить. Тома не рассказывает мне о своих делах, и я могу это понять. Но я не дурак. – Он помолчал. – Ты знаешь, почему я стал столько времени проводить в ресторане? Потому что мне начали сниться кошмары. Не знаю почему. Никогда раньше их не бывало у меня. А теперь вот ночь за ночью вижу, будто моего брата поймали. Знаешь, я боюсь за него.

– Скажи ему, – взмолилась она. – Ты должен немедленно сказать ему об этом.

– Хорошо. – Люк поднялся. – Спасибо я от него не дождусь, но пойду и поговорю с ним. – И так он и сделал. Рассказал брату о сне, который видел якобы несколько раз, и попросил: – Я не хочу знать, что у тебя за дела. Меня это не касается. Но не ходи никуда с ребятами Далу или с кем-то еще. Поживи хоть немного спокойно, побудь с женой лишние пару часов. Она вся извелась от беспокойства за тебя.

Тома направил взгляд через стойку бара туда, где стояла Эдит, и кивнул:

– Может, ты и прав, Люк. Наверное, пора мне остановиться. – Он пожал плечами. – Но когда у человека есть обязательства... Ты понимаешь.

Люк с тоской смотрел на брата. Вся ясно. О чем бы Тома ни договорился с Далу, он намерен был сделать это.

– Послушай, – сказал Люк. – Я сейчас выдам тебе один секрет. Я тоже волнуюсь о тебе. Ты помнишь одно место, куда мы с тобой ходили много лет назад? Тайное место, под землей, о котором никто не знает?

Пещера под склоном Монмартра. Тома не испытал удовольствия от напоминания о ней.

– Ну помню, и что?

– Я заготовил там провизию. Если когда-нибудь тебе понадобится скрыться, можешь оставаться там сколько нужно.

Да, он готовил все для себя самого, думал Люк, но как не поделиться с родным братом?

– Не говори никому – ни клану Далу, ни другим своим друзьям, ни даже Эдит. Если никто не будет знать, то никто и не проболтается. Ко мне никто не ходит, как ты знаешь, так что ворота я могу не запирасть. Ты все понял? Если что, сразу иди туда.

– Хорошо, – сказал Тома.

Шмид был доволен тем, как все устроил. Ключ к успеху любой операции – это ее простота. Цель нынешней миссии состояла в том, чтобы узнать, действительно ли Коринна и Луиза – одно и то же лицо. Следовательно, все прочее должно оставаться на втором плане.

Он ограничился тремя автомобилями. В них сидели сотрудники его ведомства, а в среднем было еще три человека в форме старших офицеров гестапо. Один из них, переодетый генералом, очень напоминал Мюллера. Все трое были заключенными, приговоренными к расстрелу. Им обещали помилование, если они хорошо сыграют свои роли.

Разумеется, вокруг места операции будет еще некоторое количество полицейских, но не слишком много. Предполагалось, что поездка в театр – почти секретная. А еще Шмид хотел соблазнить людей из Сопротивления легкой мишенью. Глупо будет отпугнуть их полицейскими кордонами. Нужно позволить им совершить покушение на человека, которого они принимают за Мюллера. Если они сделают такую попытку, он будет знать, кто скрывается под именем Коринны. Он арестует ее и посмотрит, как она тогда заговорит.

От полиции вмешательства не ожидалось. Только после покушения им будет разрешено что-то предпринять. Если сумеют поймать нескольких подпольщиков – что же, это будет бонус.

– Постарайтесь захватить хотя бы одного из них живым, – инструктировал он полицейских часом ранее. – Труп я сумею идентифицировать, однако человек, которого можно допросить, стоит сотни трупов.

Ловушка расставлена, приманка заготовлена. Теперь остается посмотреть, кого она заинтересует.

Театр «Ателье» стоял сразу под крутым зеленым склоном, который вел на вершину Монмартра к большой белой базилике Сакре-Кёр.

Это было скромное прямоугольное здание, рассчитанное скорее на творческую и интеллектуальную публику, чем на светскую. Вход, выполненный в виде трех дверей под небольшим портиком с колоннами, находился на западном фасаде. Крошечную мощеную площадь перед театром украшали редкие деревца.

Макс продумал все до мелочей. Они с Шарли укроются в подъезде жилого дома рядом с маленьким кафе, что располагалось к северу от театра. Два часа он потратил на то, чтобы во всех подробностях изучить садики и аллеи позади здания. Если заранее открыть защелки на окнах и калитках, они смогут пересечь лабиринт задних дворов и выскочить на параллельную улицу, которая ведет прямо в парк на крутом склоне холма. А там легко скрыться среди деревьев и дальше в переулках на восточной стороне Монмартра.

В шести разных точках на подходах к театру он расставил людей – двух молодых Далу, еще трех парней из своей группы и старого Тома Гаскона.

С ним не было никаких вопросов, он был готов помочь.

– Забавно, что теперь нас называют маки, – заметил Тома. – И говорят, что это название пошло от поросших кустарником районов на юге Франции. Но настоящий Маки – здесь, откуда родом я и эти ребята. – Он по-приятельски ухмыльнулся молодым Далу. – Маки – это наш район на Монмартре.

Несмотря на неумоимость и бодрость старика, Макс опасался, что Тома не сумеет действовать достаточно быстро. Но тот удивил Макса, пробежав по улице туда и обратно с приличной скоростью. Поскольку времени найти кого-нибудь другого не было, Макс рискнул и взял шестым караульным Тома, выделив ему пост прямо рядом с парком. В

случае чего старый Гаскон скроется в зарослях прежде, чем окажется в зоне видимости преследователей.

У всех шестерых было по свистку, который издавал пронзительный звук. Если они заметят что-либо напоминающее засаду, то должны будут дунуть изо всех сил в этот свисток и бежать прочь.

Двое Далу и трое других ребят также подготовили кое-какие отвлекающие действия, чтобы врагам было чем заняться.

И все равно у Макса на душе было беспокойно. Ему многое не нравилось в предстоящей операции: мало времени на подготовку, высокий риск – он предупредил Шарли, что их обоих могут застрелить, – и полное незнание того, как устроена охрана Мюллера.

– Если в последний момент мы с Шарли поймем, что ничего не получится, – сказал он команде, – то останемся на месте. Если не услышите выстрелов, незаметно расходитесь.

Долго думали над тем, когда стрелять в Мюллера: как только он прибудет к театру или когда будет уезжать после спектакля. Решающим соображением стало то, что на момент его прибытия будет еще совсем светло, так что покушение назначили на более поздний час.

– Вероятно, Мюллер выйдет раньше остальной публики. Это означает, что мы будем на виду, но зато сможем хорошо прицелиться. Если же он выйдет вместе со всеми, тогда нам придется смешаться с толпой и стрелять, когда получится, – сказал Макс молодому аристократу. – Честно говоря, будь у нас другой объект, менее значительный, я бы не стал так рисковать. Но это сам Мюллер.

У Шарли был маленький револьвер, у Макса – большой, но бесшумный «велрод». Также у них имелся один на двоих пистолет-пулемет «стен».

С наступлением вечера на мощеной площади стали собираться зрители. Постепенно они исчезали за дверями театра. Присутствия каких-либо официальных лиц не замечалось, но наконец, когда к входу торопливо шагали припозднившиеся театралы, на площадь выкатился полицейский фургон и замер на брусчатке. Через пару минут с другой стороны быстро подъехали и тоже остановились три машины. Из первой выскочили двое гестаповцев, еще двое из третьей. В центральном автомобиле находилось начальство – появилось три высокопоставленных, судя по всему, офицера. Один из них, генерал,

был темноволосым, средних лет, с четкими чертами лица и довольно кислым видом.

– Этот очень похож на Мюллера, – прошептал Макс.

Первые два гестаповца убедились, что путь свободен, и промаршировали в театр. Затем и остальные плотной группой с генералом в центре скрылись внутри. Полиция никаких действий не производила. Площадь опустела.

Шарли и Макс ждали около часа. Шарли ожидал, что будет антракт, но, так как никто из дверей не выходил, он понял, что спектакль идет без перерыва. Смеркалось. Полицейские так и сидели в своем фургоне.

– У нас только один вариант, – сказал Макс. – Тебе придется в открытую устроить пальбу по фургону из «стена». Это обеспечит мне прикрытие, и заодно выстрелы станут сигналом для наших ребят. Свой револьвер отдай мне. Я побегу к генералу с ним и с «велродом». Если я вернусь, уходим, как планировали. Если нет, то уходи один, и не тяни с этим.

Прошло еще полчаса. Уже было довольно темно. Они чуть-чуть приоткрыли дверь подъезда и напряженно прислушивались, не раздастся ли свист с окрестных улиц. Но было тихо.

А потом началось.

В дверях театра показались два гестаповца и энергично направились к автомобилю. При их приближении оттуда выскочил водитель, чтобы открыть дверцу. Полицейские безмятежно наблюдали из окон фургона. Гестаповцы оглядели площадь и выходящие на нее улицы, проверяя, нет ли опасности. И тогда из театра вышли Мюллер и два его спутника.

– Давай, – сказал Макс.

Люди перед театром не сразу сообразили, что происходит, когда Шарли стал обстреливать полицейских из «стена». Пулемет оглушительно строчил. Шарли видел, что человек пять-шесть упало, остальные пытались найти укрытие и вести встречный огонь. Они не заметили, как Макс, низко надвинув кепку, бросился к генералу гестапо.

Не успела стихнуть первая очередь Шарли, как со всех сторон раздался оглушительный грохот: выстрелы, взрывы, хлопки с яркими

вспышками. Это устроили свое представление парни Далу с приятелями.

И полиция, и гестаповцы были совершенно растеряны. Макс оказался лицом к лицу с Мюллером.

И вдруг Мюллер завопил:

– Мы французы! Это ловушка!

Два его спутника тоже кричали что-то по-французски. Шарли видел, как Макс ошалело уставился на них, потом развернулся, пригнул голову и побежал обратно в подъезд. Он уже был близко, когда один из гестаповцев, все еще находившихся в театре, распахнул дверь и прицелился в Макса. Но Шарли вовремя заметил это, рывком развернул пулемет и сразил немца короткой очередью.

Затем в подъезд ворвался Макс, Шарли захлопнул и запер на засов дверь, и потом они оба проскочили через коридор и вылезли через окно с другой стороны дома во двор. Дальше они промчались по узкой аллее, перепрыгнули через забор, вбежали в другое здание.

Тяжело дыша, Макс открыл дверь, выходящую на соседнюю улицу. Они осторожно выглянули. Там никого не было, только в самом конце улицы, на краю парка, виднелась фигура Тома Гаскона. До него было около ста метров, и он сигнализировал им, что путь свободен.

Они только поравнялись с ним и вместе стали карабкаться вверх по склону, как позади раздались звуки погони. Четверо или пятеро полицейских бежали за ними по дороге и целились на бегу. Шарли услышал, как затрещали выстрелы, и вдруг что-то толкнуло его в спину. Затем он увидел, что Макс забирает из его рук пистолет-пулемет. «Стен» ожил, принялся плевать огнем. С улицы донесся вопль. Потом плечо Макса оказалось под его правой рукой, а под левой – плечо Тома Гаскона. Старик был удивительно сильным. Шарли почувствовал, что двигается вперед, но все происходило как во сне. Макс оглянулся.

– Они не погонятся сейчас за нами, – сказал он. – Но не пройдет и часа, как они начнут прочесывать дом за домом. Нужно отвести Шарли в безопасное место. Ты сможешь идти, Шарли, если мы поддержим тебя?

– Думаю, да.

– Тома, – спросил Макс, – вы не знаете, где тут поблизости можно спрятаться?

– Знаю, – сказал Тома.

Увидев на пороге Тома и двух его друзей, Люк окоченел от ужаса.

– Нам нужно спрятать его, – шепотом сказал Тома.

– Что значит «спрятать»? – прошептал Люк в ответ.

– То и значит. – Тома повернулся к Макс. – Мы пойдем в сад за домом.

Люк схватил Тома за рукав и заставил остановиться.

– Ты с ума сошел? – заговорил он. – Это же мой тайник. Он только для меня и для тебя.

– Нас заманили в западню. Его ранили. Мы должны спрятать его.

– Ты не понимаешь. – Люк застонал. – Теперь они узнают про мое укрытие.

– Не узнают, если мы поспешим. Мы оторвались у подножия холма. Поиски толком еще не начались. Открывай же заднюю дверь, бога ради, Люк.

– О брат, ты только что погубил меня! – воскликнул Люк.

Но Тома больше не слушал его причитаний.

– Нам понадобится лампа, – сказал он.

Ночь выдалась беспокойной. Около полуночи в дверь забарабанили полицейские. Заспанный Люк открыл. Он казался озадаченным и спросил, что им нужно. Они обыскали дом, проверили сад позади, потребовали открыть сарай. Но Люк хорошо потрудился. Там ничто не указывало на тайник, и вообще все выглядело так, будто туда давно никто не заходил. Осмотрев все остальное, полиция ушла.

Для Тома и Макса, сидящих в пещере с Шарли, часы тянулись медленно. Они не потащили раненого в дальнюю большую пещеру, а нашли местечко за первым поворотом туннеля, где он мог более или менее удобно лечь. Всего в нескольких метрах было сложено запасенное Люком продовольствие.

Макс внимательно осмотрел рану в спине Шарли. Того била дрожь.

– Мы сможем привести врача? – спросил Тома.

– Сейчас это трудно. Может, утром.

– Я просто подумал...

– Я воевал в Испании, – тихо сказал Макс. – И видел много раненых. Доверьтесь мне.

Когда время перевалило за полночь, Шарли стал впадать в беспамятство. Он начал что-то бормотать. Звал Луизу, потом Эсме. Наконец затих и только дышал с трудом.

– Бон Ами, – позвал его Макс, – ты узнаешь меня?

– Да, Макс, – проговорил Шарли.

– Сегодня нас предали. Это могла быть Коринна?

– Нет. Она никогда бы...

– Ни в ком нельзя быть уверенном, Шарли. Что, если гестапо угрожало ее семье?

– Она родом из Англии. У нее здесь никого нет, кроме сына. Его зовут Эсме.

– Где он сейчас?

– В деревне у бабушки с дедушкой. Немцы думают, что они вишисты. – Шарли помолчал. – Макс, наверное, мне лучше сказать тебе: я отец Эсме.

– Ага. – Макс Ле Сур обдумал эту новость. – Вряд ли она стала бы доносить на отца своего ребенка. Но если она не предала нас намеренно, то, должно быть, ее использовали. Кто-то специально дал ей эту информацию. – Он нахмурился. – Я должен предупредить ее. И лучше с этим не затягивать.

– Да. Не попадайся им на глаза.

– Я буду осторожен. Но ты же помнишь, Шарли, Коринна – твой контакт. Мы всего лишь передавали ее послания надежному человеку. Тебе придется рассказать мне, кто она такая.

– Мадам Луиза. Она владелица «Приглашения к путешествию».

– О! Я слышал об этом заведении. Тогда это могла быть одна из ее девиц.

– Может быть... Или кто-то еще...

– Я постараюсь выяснить это.

– Попробуй. Ты сможешь защитить ее?

– Да, Шарли. Смогу. Обещаю тебе.

– Для меня это важно.

– Ни о чем не волнуйся. – Макс смотрел в лицо товарища. – Как ты себя чувствуешь?

– Мне холодно.

– Это нормально. Не беспокойся.

Наступила долгая пауза. Лицо Шарли вдруг осунулось и посерело.

– Макс...

– Да, Шарли.

– Возьми меня за руку.

Макс сжал его ладонь. Минуту спустя Шарли вздохнул и его голова упала набок. Потом Макс закрыл его глаза.

– Ты знал, что он умирает? – спросил Тома немного погодя.

– Да.

– Ты догадываешься, кто нас предал?

– Пока нет, – ответил Макс.

Тома погрузился в тяжелую задумчивость.

Во втором часу ночи Шмид приступил к допросу Луизы. Пока, думал он, все шло совсем неплохо.

Да, конечно, неудачно, что столько полицейских было ранено. Один из них, говорят, не выживет. Но это проблема полиции, а не его. Все остальное получилось в соответствии с планом.

Его забавлял тот факт, что пленные, переодетые в гестаповскую форму, решили выдать себя. Наверняка подумали, что их вот-вот пристрелят люди из Сопротивления, и надеялись, что помогут своим соратникам, рассказав, что происходит. На самом же деле они оказали гестапо услугу: подпольщики теперь знают, что их предали, и это подорвет их боевой дух. Если бы не эти крики, то они бы думали, пусть и ошибочно, что застрелили самого шефа гестапо. И к тому же не придется больше держать в тюрьме тех троих. На рассвете их можно отправить на расстрел.

Что касается главной цели операции, то она была достигнута в ту самую секунду, как раздались первые выстрелы.

Мадам Луиза и была Коринной.

Они ворвались в бордель в полночь.

Тех клиентов, которых застали в комнатах, вежливо попросили покинуть здание. У девушек забрали документы и отослали по домам.

И вот теперь, в час ночи, мадам Луиза сидела в комнате для допросов в здании на улице Соссей.

Он начал мягко:

– Мадам, позвольте мне избавить вас от утомительного и неприятного процесса установления вашей личности. Маленькая комедия, которую мы с полковником Вальтером разыграли перед вами

прошлым вечером, была сочинена специально, чтобы снабдить вас ложной информацией. Вы передали эту информацию вашим связным. В результате сегодня было совершено покушение на человека, который был переодет Мюллером. Благодаря этому мы точно знаем, что вы – Коринна.

Луиза ничего не сказала.

– Возможно, вы захотите поделиться со мной именами и адресами ваших соратников.

Луиза молчала.

– Тогда давайте начнем с более простых вещей. Как вы передаете информацию?

– Бросаю в условленное место.

– Спасибо. И где же оно?

– В Сене.

– Ах, мадам. Боюсь, мне придется убедить вас отнестись к моим вопросам немного серьезнее.

Он работал над ней до тех пор, пока она не потеряла сознания.

Пора было заканчивать и идти спать. При необходимости он применит и другие способы, чтобы заставить ее разговориться. Он знал, что у нее есть сын. Угроза в адрес ребенка развязывает язык почти любому родителю. Но Шмид, считая себя профессионалом, не любил прибегать к таким методам. Он убедит ее. Будет интересно сломать ее.

Ранним утром Макс Ле Сур остановился на улице Монморанси и посмотрел в сторону борделя «Приглашение к путешествию». Перед зданием стоял фургон и гестаповский автомобиль.

Ближе он не стал подходить, а зашел в соседнее кафе разузнать, что случилось.

– Приехали этой ночью немцы и арестовали мадам Луизу, – сказали ему. – Заведение закрыто. Больше никто ничего не знает.

Было почти десять часов, когда Шмид вернулся на работу. Но его тут же огорошили.

– Что? Мертва? Вы же не оставили в ее камере одеяло или простыню?

– Нет, лейтенант.

– Острые предметы?

– Нож. – Подчиненный смутился. – Когда надзиратель принес ей завтрак.

Ему показали. Она вскрыла вены на запястьях – в нужных местах. Истекла кровью и умерла за считанные минуты.

Шмид орал и ругался. Потом приказал, чтобы ему подали машину и отвезли к ней домой. Его нужно закрыть и опечатать. По крайней мере, он заполучит ее картины.

Сидя на своем обычном месте за стойкой бара, Тома думал, что у него есть основания быть благодарным судьбе. Люк не очень-то хотел, чтобы тело Шарли оставалось в пещере, но, как подчеркнул Тома, это самое надежное место из всех, что они оба знают, и там труп вряд ли найдут.

Потом он отправился домой, и измученная тревогой Эдит при виде мужа расплакалась от радости. С утра к ним зашел Мишель Далу с сообщением, что после операции все ребята вернулись целыми и невредимыми.

– Как ты думаешь, кого-нибудь могли узнать? – спросил Тома.

– Нет. Мы все постарались закрыть лицо, и, прежде чем полиция оправилась от нашего сюрприза, мы уже разбежались.

– Это хорошо, – сказал Тома.

О Шарли он умолчал, чтобы не пришлось рассказывать, как они поступили с телом.

– Я слышал, это была ловушка, – сказал Мишель Далу.

– Возможно. Пусть с этим Макс разбирается.

– Мы вне подозрений?

– Да. Никого не поймали, и ты говоришь, что ваших лиц не видели, то есть у полиции и гестапо ничего на нас нет.

– Тогда ладно, – сказал Мишель и ушел.

Но Тома Гаскон не переставал думать. События прошлого вечера стали складываться в его голове в единую картину. И эта картина ему не нравилась.

Коринна оказалась Луизой. Одну Луизу он знал: это та девушка, с которой давным-давно встречался Люк. У них потом были какие-то дела, она много лет давала деньги его брату, пока они не рассорились. Тома вспомнил, как уговаривал его Люк не ходить на это дело.

И потом – насчет пещеры. Он сказал, что устроил в ней укрытие для него, своего старшего брата. Но почему-то ничего не говорил об этом до вчерашнего дня. Есть ли в этом какая-то логика?

Чем больше Тома размышлял, тем более странной казалась и реакция Люка, когда они с Максом и Шарли пришли к нему после покушения. Тогда он не обратил на это внимания, озабоченный состоянием Шарли. Но как выразился вчера Люк? «Теперь они узнают про мое укрытие». Но кто «они»? Макс и Шарли, если бы он выжил. Что такого ужасного в том, что им стало известно о пещере? Или он хотел прятаться там как раз от них, от Макса и Шарли? И этот последний стон: «Брат, ты только что погубил меня!» Да. Он не просто хотел прятаться от Сопротивления – он думал, что однажды они убьют его.

Тома вспомнил, что Макс всегда с недоверием относился к Люку. И вспомнил, как сам промолчал в ответ на приказ не рассказывать ничего брату. Потому что, увы, характер Люка был ему хорошо известен.

Люк знал, что прошлым вечером их ждала западня.

После полудня в бар заглянул Макс:

– Луизу арестовали. Вчера в полночь. Думаю, я вычислил, как все вышло. Тут есть два варианта. Во-первых, немцы могли использовать ее, чтобы заманить нас в ловушку и поймать. Но мне кажется, это не тот случай.

– Почему?

– Потому что нас они не поймали. А ведь могли бы спрятать в округе толпу переодетых полицейских. Немцы этого не сделали, значит за нами они не охотились.

– Так, дальше.

– Я считаю, они проверяли Луизу. Подсунули ей «утку», которую она, считая правдой, передала нам. Немцы хотели понять, кто такая Коринна. Заглотив наживку, мы доказали им, что Коринна – это Луиза, и они арестовали ее. Мы только что ее погубили.

– Значит, кто-то донес гестапо о том, что она агент Сопротивления по кличке Коринна, – продолжил рассуждать Тома.

– Я тоже так подумал. Наверное, это сделал кто-то из ее девушек.

– Наверное, – кивнул Тома.

А потом он был очень печален.

Когда пришел Тома, Люк сидел в комнате, выходящей в сад. Он взглянул на старшего брата с тревогой и с видимым облегчением перевел дух, убедившись, что тот был один. У Тома за спиной висел рюкзак. Он опустил его на пол и сел рядом с Люком.

– У меня для тебя послание от Макса. Он говорит спасибо. – Тома сунул руку в карман и достал фляжку с коньяком. – Нужно смочить горло. – Он налил понемногу. – За что выпьем?

– Не знаю.

– Ну, тогда за нас.

Они выпили. Тома посидел молча.

– Есть еще одна вещь. – Он опять сделал паузу. – Я хочу спросить тебя кое о чем.

– Спрашивай.

– Я тут подумал ночью... Сначала я не понял. Потом вспомнил, как ты пытался остановить меня вчера. Сказал, что тебе снятся кошмары и что я могу, если понадобится, спрятаться в пещере. – (Люк ничего не говорил, ожидая продолжения.) – Ты пытался спасти меня. Спасти брата. Я знаю это. – Он приобнял Люка за плечи. – Ты помнишь, как я дрался с Бертраном Далу после того, как они отобрали твой воздушный шар? – Тома крепче прижал брата к себе. – Мы с тобой всегда помогали друг другу. И теперь ты пытался уберечь меня. Ты понимаешь, как много это значит для меня?

– Ты мой брат, – отозвался Люк.

– Но ты должен сказать мне кое-что. Как ты узнал, что нам расставят ловушку? С кем из немцев ты общаешься? Это один человек или несколько? Мне нужно это знать, чтобы я мог тебя защитить.

– У тебя все равно не получится.

– Получится. Всегда ведь получалось.

– Это всего один человек. – Люк долго смотрел в пол и потом сделал глубокий вдох. – Шмид. Из гестапо. Его кабинет в здании на авеню Фош.

Глаз он так и не поднял.

– Ты работаешь с кем-то?

– Нет, один.

– А Коринна?

– Он спросил меня, кто она такая. Я не знал. Я только составил список тех людей, которые, на мой взгляд, могли бы быть шпионами Соппротивления. Коко Шанель, Марк Бланшар... Всех, кого вспомнил. Вот и все. Шмид едва взглянул на мой список. Но потом он сказал, что готовит ловушку. Больше я ничего не знал об этом. Даже не знал, на какой день она была запланирована. Но подумал, что лучше предупредить тебя на всякий случай. Поэтому я просил тебя не ходить никуда.

Правда ли это? Возможно. Вероятно, не вся правда. Но и этого было достаточно. Люк оказался предателем. Он позволил другим попасть в засаду и сделал попытку предупредить брата. Жалкую попытку. Таковую, чтобы не выдать себя самого.

– Я позабочусь о Шмиде, – сказал Тома. – Тебе не нужно ни о чем беспокоиться.

– Правда?

Тома улыбнулся:

– А сейчас нам нужно кое-что сделать. Перенести тело Шарли. Мы не можем пользоваться туннелем, пока он там лежит. Так что давай-ка оттащим его в ту большую пещеру в самом конце.

– Сейчас?

– А почему нет? Потом мы его сожжем. Я принес немного бензина. – Он указал на рюкзак. – Достаточно, чтобы занялось пламя.

– Ну, как скажешь. – Люк пожал плечами.

Они прошли в сад. Люк аккуратно открыл вход в туннель и зажег лампу, а потом повел Тома туда, где лежал труп.

Тома положил рюкзак на землю и подхватил тело Шарли под мышки. Люк взялся за ноги, и они медленно понесли труп к пещере. Дважды они останавливались, чтобы отдохнуть. На весь переход у них ушло почти четверть часа. Наконец покойного уложили по центру большой пещеры.

– Дай мне лампу, – сказал Тома, – и я схожу за бензином.

Он быстро вернулся обратно по туннелю и нашел рюкзак. Открыл его, проверяя, все ли в порядке. Потом снова пошел в пещеру.

В круге света появилось лицо Люка, бледное то ли от освещения, то ли еще по какой-то причине.

Тома поставил лампу у головы Шарли, а сам сел в тени на корточки над рюкзаком и стал развязывать.

– Ты зря боялся, – сказал он брату, подняв на мгновение глаза от содержимого рюкзака. – Я бы не дал им тебя в обиду. – (Люк кивнул.) – Я люблю тебя, братишка. – Тома улыбнулся.

– Знаю.

Люк не видел, как в руке брата появился большой «велрод». Тома выстрелил один раз. Пуля попала прямо в сердце Люка. Тома подошел к нему и быстро сделал второй выстрел в затылок. «Велрод» стрелял тихо, почти бесшумно. Снаружи точно ничего не было слышно.

Пятнадцать минут спустя Тома встретился с Максом в условленном месте и вернул ему рюкзак с пистолетом.

– Это был он. Все кончено.

– А контакт?

– Гестапо. Шмид.

Если союзники рассчитывали волной пронестись по северу Франции, то их ждало разочарование. Весь июнь в Нормандии не утихали ожесточенные сражения. Западный порт Шербур заняли двадцать седьмого числа, но немцы так разрушили его глубоководную гавань, что она еще долго не могла принимать суда. Получившие подкрепление немецкие бронетанковые дивизии удерживали старинный город Кан и в июле. Даже через месяц после освобождения Шербура союзники сумели захватить только высоты к югу от Кана. В последнюю неделю июля союзные войска стали обходить немецкие армии с западной оконечности берегового плацдарма, но продвижение было медленным.

Затем в начале августа стало известно, что к этому наступательному движению присоединяется Третья армия генерала Паттона. Одна из его дивизий состояла из тех французов, которые сумели выбраться из оккупированной страны, и войск из Алжира и других частей Северной Африки. Возглавляемая генералом Леклерком Вторая бронетанковая дивизия только что высадилась на материк и рвалась в бой за освобождение Франции.

Но куда пойдут Паттон и его французы?

Одно было практически несомненно: в Париж они не пойдут. Это было бы неразумно. Эйзенхауэр не захочет, чтобы одна из его армий увязла в кровопролитных уличных боях. Нет, он двинется к Роне и дальше, а Парижем займется позднее.

Тем временем Шмиду надо было возвращаться к своим повседневным обязанностям. В Париже по-прежнему имелись богатейшие запасы картин, которые еще не отправили в Германию. Однако он сумел заслужить одобрение начальства проведенными конфискациями. По собственной инициативе он организовал упаковку и пересылку добычи благодарным получателям в Берлине, и его усердие было замечено.

Кое-что он сумел добыть и для себя. Такие произведения искусства он посылал обычной почтой на адрес своей сестры, сопровождая запиской с просьбой сохранить для него эти вещи, которые он якобы купил в Париже. Отыскав полотна из галереи Якоба, спрятанные на чердаке заведения Луизы, с ними поступил так же. Это был самый крупный его улов.

Утром девятнадцатого августа Шмид в очередной раз стоял перед зданием борделя и присматривал за укладкой ящиков с картинами в грузовик, который повезет их на восток. Это была последняя партия.

Когда водитель закрыл кузов, Шмид подписал бумаги, и машина уехала. Он провожал ее взглядом, пока она не скрылась за поворотом.

Вдруг где-то вдали справа послышался звук выстрела. Потом все стихло. Шмид заинтересовался, что это за пальба, и обернулся.

В нескольких шагах от него стоял старик. Очевидно, ему было любопытно посмотреть на погрузку. У его ног лежал мешок – с провизией, предположил гестаповец. Старик нагнулся, чтобы забрать свои вещи, а Шмид двинулся по улице. Когда он проходил мимо старика, тот что-то вынимал из мешка.

Раздался тихий хлопок. Шмид нахмурился. Что-то с невероятной силой ударило его в грудь. Он удивленно вытаращил глаза. Почему-то он перестал чувствовать свои ноги. Булыжники мостовой самым странным образом бросились ему в лицо.

Тома Гаскон приложил бесшумный «велрод» к затылку Шмида и еще раз нажал на курок. Потом огляделся. Его никто не видел. Шагая прочь, он опять услышал выстрелы. Теперь они звучали громче.

В Париже началось восстание.

Парижское восстание в августе 1944 года не было внезапным. Они готовили его много месяцев. И все же, когда оно началось, Макс был

удивлен – не баррикадами, не снайперами, не взрывами и не всеобщей забастовкой, которая на несколько дней парализовала столицу. Поразило его количество участников движения Сопротивления, которые вдруг материализовались как из воздуха.

Их легко было отличить от обычных горожан. Черный берет – вот и все, что требовалось, чтобы показать, на чьей ты стороне. Некоторых Макс знал: это были самоотверженные люди, помогавшие Сопротивлению уже несколько лет и только ждавшие момента, когда можно начать открытую борьбу. Многие присоединились в последний год. Но большинство, как сильно подозревал Макс, спешно причислили себя к восставшим буквально вчера вечером, как только убедились, что дни оккупационного режима сочтены.

Восстание не сокрушило немцев сразу. Они все еще были грозной силой. Но они растерялись.

Вскоре Париж стал напоминать лоскутное одеяло – часть районов оставалась под контролем оккупантов, часть была захвачена Сопротивлением. Ситуация была неустойчивой, хаотичной. Иногда немцы вели участников восстания на расстрел всего в двух кварталах от зоны, где власть уже принадлежала Сопротивлению.

Макс метался по городу. Его отец готовил листовки, которые будут распространяться, когда настанет момент, но Макс не раз видел его на баррикадах Бельвиля среди более молодых парижан. Каждый вечер они собирались вместе с несколькими десятками преданных членов ФТП, коммунистов и социалистов, чтобы обсудить положение. На этих встречах царило радостное возбуждение. Немцев постоянно теснили. Скоро, уже очень скоро маки будут контролировать весь город.

Только одно обстоятельство грозило омрачить приподнятое настроение. Маки получили срочное сообщение от генерала фон Хольтица, военного коменданта Парижа:

– Фюрер отдал приказ в случае эвакуации взорвать весь город.

Восставшие начали экстренные переговоры с генералом при посредничестве консула нейтральной Швеции. Наконец немецкий офицер принимает решение.

– Он собирается игнорировать приказ Гитлера, – передавал Макс отцу. – Он знает, что случится, если он его выполнит. – Потом он улыбнулся. – Судя по всему, отец, Парижская коммуна вот-вот возродится.

И потом, вечером шестого дня, пришла сокрушительная весть, которая поставила эти расчеты под угрозу, а на седьмой день полностью уничтожила все их надежды.

Освобождать Париж прибыл генерал Шарль де Голль.

Точнее, к западным воротам города подошел авангард дивизии генерала Леклерка. Услышав об этом, Макс долго отказывался верить.

– Это невозможно! – восклицал он. – Эйзенхауэр не пойдет в Париж!

– Эйзенхауэр не пойдет, – сказали ему, – а де Голль уже в пути.

В течение часа авангард добрался до центра города и в девять тридцать вечера уже был в здании Ратуши позади Лувра.

Когда два Ле Сура встретились на ежевечернем заседании комитета, выяснились все подробности.

– Это все инициатива генерала де Голля. Эйзенхауэр вообще не хотел двигаться в сторону Парижа. Но после начала восстания де Голль стал давить на него, говоря, что если немцы сломят парижских повстанцев, то это будет трагедия похуже, чем разгром Варшавского восстания. В конце концов Эйзенхауэр разрешил дивизии Леклерка вместе с Четвертой дивизией американской армии повернуть на Париж. Леклерку было приказано дожидаться американцев, но он ослушался и просто поехал прямо сюда. Все его войска вместе с американскими силами войдут в город утром.

– Тогда все пропало, – горько сказал старший Ле Сур. – Мы не сможем создать Коммуну за одну ночь.

С целой дивизией отлично вооруженных и отлично обученных французов, марширующих по освобожденному Парижу, не говоря уж о дивизии американских солдат, для которых сама идея социализма была жупелом, консервативный патриот де Голль имел не только моральное право, но и грубую силу, чтобы захватить город и навязать свою волю парижанам.

Упрямый офицер-одиночка, который не захотел сдаваться и уехал в Англию, чтобы сделать лотарингский крест символом свободной Франции, только что проявил себя жестким политиком.

Так все и случилось. На следующий день Леклерк и американцы ворвались в город. Немецкий генерал капитулировал – наверняка с

тайным облегчением. И еще через день, двадцать шестого августа, на Елисейских Полях состоялся огромный парад войск, бойцов Сопротивления и простых горожан.

Все взгляды были прикованы к одному человеку. Одетый в генеральскую форму, как башня возвышающийся над своим окружением, несгибаемый Шарль де Голль широким шагом двигался по центру знаменитой авеню. И он, и все, кто его видел в тот момент, знали: он – судьба Франции и она последует за ним.

Париж освобожден. Страданиям оккупации пришел конец.

Макс Ле Сур тоже маршировал в колонне, потому что старый Тома Гаскон, и парни Далу, и другие его товарищи были бы разочарованы его отсутствием.

Но его отец остался стоять на тротуаре Елисейских Полей и оттуда мрачно наблюдал за парадом. Когда мимо него шествовал высокий и одинокий государственный деятель, Жак Ле Сур мог только горестно потряхнуть головой.

– Засранец, – бормотал он. – Сукин ты сын.

А Тома Гаскон на следующий день решил собрать всю свою семью в ресторане, чтобы отпраздновать освобождение Парижа.

– Все равно нам надо использовать запасы, – сказал он жене.

С утра Эдит отправила его с поручением во Второй округ, и в полдень он уже шел обратно по улице Клиши.

До дому ему оставалось чуть более километра, когда он увидел группу людей,двигающихся ему навстречу. Их было около полусотни, и перед собой они толкали молодую женщину в разорванном платье. Тома услышал, как они осыпают ее ругательствами и оскорблениями за то, что она спала с оккупантами.

Тома нахмурился. Он слышал, что в городе начались подобные расправы, и считал их безобразием. Если травить так каждую француженку, которая переспала с немцем, то конца этому не будет. Бог знает, сколько тысяч детей в одном только Париже родилось от немецких солдат, соскучившихся по женскому обществу.

Но ритуальная ярость толпы, испытывающей чувство вины, обладает особым накалом.

Несчастливая девица была примерно одного возраста с внуками Тома. Он как раз поравнялся с процессией, когда женщина из толпы

подскочила к девушке и завопила:

– Немецкая шлюха! Обрежьте ей волосы! – И плюнула ей в лицо.

– Оставьте меня в покое! – отбивалась девушка.

Но толпа окружала их плотным кольцом.

– Ножницы! – послышался крик. – Бритву!

Тома не боялся драк, даже несмотря на возраст, но толпа наполовину состояла из женщин, а с ними он драться был не приучен. И вообще слишком много людей. И потому он сделал то единственное, что было в его силах.

– Товарищи! – воскликнул он. – Я Тома Гаскон из Маки, что на Монмартре, член ФТП, боец Сопротивления. Это я перерезал тросы на Эйфелевой башне. Пойдемте со мной на Монмартр, если вы не верите мне, я покажу вам свидетелей. И что бы ни натворила эта девушка, прошу вас отпустить ее – в честь праздника!

Люди смотрели на него и думали: правду ли говорит этот старик? Потом решили, что правду.

– Да здравствует ФТП! – выкрикнул кто-то. – Браво, старина!

И все начали смеяться и хлопать его по спине.

Вот такое оно, странное и непоследовательное чувство справедливости французской толпы.

– Она свободна! Она свободна!

Тома Гаскон проводил девушку домой, а потом пошел к своей семье праздновать победу.

Но у Макса Ле Сура оставалась еще одна обязанность. Когда он объяснил отцу, в чем она состоит, тот согласился помочь. Сначала им нужно было сходить на кладбище и договориться. После недолгой беседы это дело было улажено.

А потом Макс Ле Сур, Тома и парни Далу поместили останки Шарли де Синя в скромный гроб и перевезли в микроавтобусе на кладбище Пер-Лашез. Там гроб опустили в землю неподалеку от усыпальницы Шопена.

На могильном холме они установили деревянный крест, где было вырезано имя Шарли и короткий текст о том, что он был патриотом и погиб за Францию.

Никаких церковных обрядов они не устраивали.

– Если будет нужно, этим займется его семья, – сказал Макс.

Однако это было не все.

– Ты у нас писатель, – сказал Макс отцу. – Я дам тебе всю информацию, но напиши ты.

Письмо у Жака получилось. Там не упоминалось о предательстве, говорилось только, что Шарли был ранен во время подпольной операции и погиб, не страдая от боли. Что он проявил огромное мужество и порядочность. Что товарищи уважали и любили его. И что перед смертью он говорил о своем сыне.

Вот так, просто и достойно.

– Пошлем почтой? – спросил Макс.

Отец, как всегда немногословный, отрицательно мотнул головой.

В один из первых дней сентября в замок к Роланду де Синю прибыл неожиданный гость – Жак Ле Сур. Он сказал, что им нужно поговорить наедине, и потом, склонив голову, произнес:

– Мне выпала печальная обязанность, месье виконт, известить вас о смерти вашего сына. Но он погиб как герой.

И он протянул де Синю письмо.

Роланд медленно прочитал его.

– От него долго не было известий. Мы опасались, что с ним что-то могло случиться. Но человеку свойственно надеяться до последнего.

– Товарищи Шарли, желая оказать ему последние почести, похоронили его на кладбище Пер-Лашез. Надеюсь, вы не против.

– Пер-Лашез? Там много великих людей нашли свой последний приют.

– Его могила находится недалеко от памятника Шопену. Пока она отмечена лишь деревянным крестом, очень простым, на котором указано его имя. Может, вы захотите, чтобы священник...

– Конечно. – Роланд прикрыл на мгновение глаза, а потом спросил: – У него ничего при себе не было?

– Никаких документов, месье. Обычно подпольщики не брали с собой на операции ничего такого.

– Понимаю. А не было при нем маленькой зажигалки, сделанной из гильзы?

– Нет, месье, зажигалку мы не находили.

Письмо от Ричарда Беннетта пришло только летом 1945 года.

В нем он объяснял, какие трудности ему пришлось преодолеть, чтобы отыскать своего благодетеля, известного под именем месье Бон Ами.

Но в конце концов я сумел выяснить через одного парижского адвоката, что владельцем «Буазена С-25», которым пользовались в одном из замков в долине Луары, был месье Шарль де Синь. С огромным сожалением я узнал, что он погиб вскоре после того, как спас меня. Я глубоко сочувствую вашей утрате, прошу принять мои искренние соболезнования.

Более ста шестидесяти летчиков из Британии, Канады, Австралии и Новой Зеландии были выданы полиции и попали в плен, многие из них затем оказались в концентрационном лагере в Бухенвальде. Благодаря вашему сыну я стал одним из тех счастливицков, кому удалось избежать этой доли.

Когда я расставался с вашим сыном, он дал мне самодельную зажигалку со словами, что она принесет мне удачу, – так и вышло. Он сказал, что я могу вернуть ее после войны. Увы, его нет с нами, и зажигалку, которую я прилагаю к этому письму, он не может получить. Но я знаю, что у него остался сын. Может, ему будет приятно иметь эту вещь как напоминание о дружбе и о вечной благодарности канадского летчика, чью жизнь спас его отец.

Это было хорошее, душевное письмо.

– И знаешь, что хуже всего? – обратился Роланд к жене. – Если бы Шарли не отдал зажигалку, она могла бы принести удачу ему, а не канадцу. Он мог бы остаться в живых.

На следующий день они пошли на кладбище Пер-Лашез. Роланд де Синь показал старую зажигалку Эсме и пообещал мальчику, что, когда тот станет постарше, эта зажигалка будет принадлежать ему, как раньше принадлежала его отцу. И они молча почтили память героя, стоя вместе перед могилой и глядя на надпись:

ШАРЛЬ ДЕ СИНЬ
ПАТРИОТ
ПОГИБ ЗА РОДИНУ

ИЮНЬ 1944 ГОДА

Эпилог

1968 год

Конечно, самое романтическое время в Париже – это весна, думала Клэр, зато осень придает городу особое очарование. И еще пробуждает в душе новые желания. Потому что после традиционных отпусков в августе, когда улицы внезапно пустеют, сентябрь знаменует начало нового учебного года и культурного сезона. А потом, в октябре, приходит время сбора винограда.

Она вышла из фуникулера и отправилась бродить по Монмартру. Все утро она пыталась прийти к какому-то решению, но безуспешно. Может, подумала она, если я напьюсь здесь, то пойму, что делать.

Францию она любит, тут не может быть никаких вопросов. Все те годы, что Клэр жила в Америке, она следила за тем, что тут происходит. И не всегда это приносило ей радость.

Когда по окончании войны де Голль обеспечил определенную стабильность в государстве, Клэр с облегчением увидела, что Франция возвращается к демократии. Щедрость французской земли была такова, что экономика страны могла процветать почти при любом правительстве. Казалось, Франция даже может позволить себе развитую социальную систему. Новое Европейское сообщество навсегда положило конец войнам между Францией и Германией. Но внутренняя политика Четвертой республики оставляла желать лучшего. Механизм французской парламентской модели был плохо отлажен, и за десять лет сменилось двадцать правительств. Дошло до того, что де Голль вообще отказался иметь с ними дело.

Французская колониальная система распадалась. В Северной Африке взбунтовался Алжир. Поскольку многие французские колонисты хотели сохранить за собой эту территорию, там началась, по сути, гражданская война. В Индокитае Францию изгнали из всех ее колоний, и в одной из них, Вьетнаме, коммунистические мятежи затем стали кошмаром и для Америки. Потом, когда в Египте Насер

национализировал Суэцкий канал, Франция и Британия тайком от Америки договорились о военной интервенции в Египет, но их вынудили вывести войска с захваченных было территорий. Это событие, пожалуй, навсегда погубило их репутацию как великих мировых держав.

Только в 1958 году на волне Алжирского кризиса Четвертая республика подошла к концу, и странный, одинокий, как памятник, Шарль де Голль вернулся из уединения и оппозиции, чтобы опять принять бразды правления.

К де Голлю Клэр питала смешанные чувства. Его Пятая республика сделала возможным признание свободного Алжира. Он прославил французское Сопротивление и поддерживал миф, будто лишь горстка французов сотрудничала с оккупантами. Он вел себя на мировой арене так, словно Франция по-прежнему является великой державой. И действительно, Франция частично вернула свое былое достоинство.

Вернула она себе и немного славы. Андре Мальро, боец Сопротивления и писатель, которого де Голль сделал своим министром культуры, увлеченно занялся восстановлением грязных старых зданий в Париже и придал им сияющее великолепие, поразившее весь мир. Нотр-Дам теперь выглядел лучше, чем сразу после возведения.

Но, несмотря на всю эту славу, Клэр казалось, что французскому обществу передались некоторые личные качества де Голля: гордость, склонность к ксенофобии и глубокий консерватизм взглядов. Однако нельзя сказать, что у него совсем уж отсутствовало чувство юмора или что он не ценил традиционного, регионального хаоса старой Франции. Это ведь он произнес известную фразу:

– Как можно править страной, в которой двести сорок шесть сортов сыра?

Но любить Францию и посещать ее каждый год или два – это одно дело, а поменять всю свою жизнь – совсем другое. Послание Эсме было из ряда вон выходящим. «Приезжай немедленно», – написал он. Ну надо же, каков нахал! Но для Эсме все гораздо проще. Он свободен. Он может делать все, что пожелает.

Эсме де Синя Клэр обожала. Хотя они встречались только во время ее визитов к маме, с годами они хорошо узнали друг друга. Отношения

между ними всегда складывались легко. Он был так юн, когда потерял обоих родителей, что Мари и Роланд постепенно стали для него кем-то вроде отца с матерью. Мари он всегда называл бабушкой и, став взрослым, заботился о ней так преданно, что, несмотря на разницу в возрасте, он и Клэр сблизилась настолько, что он начал воспринимать ее как старшую сестру и наперсницу.

Только подростком он больше узнал о своей семье.

Ребенком Эсме всегда считал Марка Бланшара названным дядюшкой. Это Роланд определил, что не следует посвящать мальчика в подробности.

– Малышу нужна простота и ясность в жизни, а не все новые и новые сложности, – сказал он.

И Мари, и Марк согласились.

Но когда Эсме исполнилось тринадцать лет, Марк серьезно заболел, и тогда было решено, что пора сказать мальчику правду.

– Вот так я неожиданно обрел второго дедушку, – говорил потом, смеясь, Эсме. – И узнал, что во мне течет бабушкина и твоя кровь, моя милая Клэр, и мне это очень приятно. Думаю, вот тогда я впервые понял, что жизнь – загадочная штука.

Марк в свой последний год много виделся с внуком. Он показывал мальчику картины, рассказывал о тете Элоизе, которая начала их собирать, и о тех далеких днях, когда он навещал Моне в Живерни. Когда Марк умер, то оставил Эсме и коллекцию, и свое значительное состояние.

Роланд пережил его на пять лет. После его тихой кончины, случившейся летом, Эсме унаследовал еще и замок. Поскольку он был незаконнорожденным, то не имел права на титул, однако получил все остальное. Казалось, судьба улыбнулась ему.

Но не совсем. Оставались еще тайны, которые скрывала от него семья.

– Я знал, что мама была ребенком Марка и его модели, – рассказывал он Клэр во время одного из ее приездов во Францию, – и что ее воспитали богатые англичане и оставили ей наследство. Я знал, что она была героиней Сопротивления, как и мой отец. Но потом, когда мне уже было за двадцать, я стал замечать, что люди иногда странно на меня смотрят. Как будто они знают то, чего не знаю я, понимаешь? Конечно, у меня остались только смутные воспоминания о первых

годах жизни. Мне казалось, у матери была какая-то гостиница. Но потом я навел справки, и выяснилось, что она управляла самым известным в Париже публичным домом!

– Тебя это очень потрясло? – спросила Клэр.

– Поначалу да. Я попросил у бабушки все связанные со мной документы, которые у нее были, и наконец узнал о маме все. Она была Пети по рождению.

– С ее родственниками ты тоже встречался?

– Да. Но они в свое время выгнали из семьи мать Луизы, и нам нечего было друг другу сказать. Но я рад, что теперь мне известна моя история. Более того, все эти открытия принесли мне большую пользу.

– Какую?

– Они меня освободили. Понимаешь, незаконнорожденные дети часто считают, будто им необходимо прокладывать собственный путь в жизни. Особенно если в их происхождении есть что-то постыдное. Вот подумай, сумел бы Вильгельм Завоеватель победить Англию, если бы был рожден в браке и не являлся внуком кожевника, провонявшего мочой? Кто знает. Скорее всего, не сумел бы. – Эсме пожал плечами. – Пока я не знал своих корней, то видел себя как – ну да, как побочного сына Шарли де Синя, но при этом и как наследника поместья и замка, сына двух героев Сопротивления. Мое место в жизни было определено. А потом вдруг оказывается, что не все так однозначно. И это хорошо. Я могу понять тех кинозвезд, которые едут в Голливуд и пытаются заново создать себя. Когда ты можешь так поступить, то получаешь удивительную свободу. Вот и я придумал себя заново.

– Кто же ты теперь, Эсме?

– Я изгой. И это прекрасно. Я родом из предместья Сент-Антуан. Моя мать была содержанкой и хозяйкой борделя. И при этом я наполовину аристократ. Это же революционная история! Дитя улиц вступает во владение старинным замком. И я стал довольно известным человеком – редактором журнала. У меня берут интервью на телевидении, – сказал он с усмешкой. – А вот аристократам я сочувствую: что бы они ни делали, никто не воспринимает их всерьез, и это весьма несправедливо. Зато я, будучи изгоем, пользуюсь большей симпатией, чем, возможно, заслуживаю.

С ним было интересно, и он твердо стоял на ногах. Клэр это нравилось.

И он так помог ей в ту весну, когда умерла мама.

Неожиданностью ее кончина не стала. Клэр всегда приглашала Мари в Америку, несмотря на мамин преклонный уже возраст, желая, чтобы бабушка и внуки почаще встречались. Вот и прошлым летом Мари провела у них чудесный месяц, но перед отъездом сказала:

– Я не думаю, что мы еще увидимся, милая. Есть у меня такое предчувствие.

Мари жила в квартире на улице Бонапарта вплоть до самого конца. За ней присматривала ее преданная старая экономка. Почти ежедневно к Мари заходил Эсме. И ее уход свершился мирно, в первую неделю мая, всего через несколько часов после телефонного разговора с Клэр. К тому времени, когда Клэр прилетела в Париж на похороны, Эсме уже все устроил. У матери было множество друзей и поклонников. И конечно же, проститься с ней пришла и вся родня с французской стороны.

Других Бланшаров Мари видела нечасто. Еще когда она вместе с матерью управляла универмагом, то считала своего кузена Жюля добропорядочным, но ужасно скучным человеком. Его сын Давид не остался в семейном деле, а вернулся к профессии своего предка – стал врачом. С ним Клэр было легче общаться, а его жена и дети были очень милы. И вообще, неожиданно для себя она нашла утешение в том факте, что и после смерти матери в Париже и старом доме в Фонтенбло остались ее родные.

После похорон она задержалась во Франции, чтобы уладить формальности с вступлением в наследство, и из-за этого оказалась свидетелем экстраординарных событий.

Как раз в те дни конфликт студентов с администрацией университета внезапно перерос в демонстрации и массовые уличные беспорядки в Латинском квартале. Поскольку Клэр остановилась в квартире матери на улице Бонапарта, то находилась вне опасной зоны, но при этом совсем рядом с происходящим.

Самой ужасной была первая ночь после похорон. Огромные толпы студентов сражались с полицией, которая заняла Сорбонну, – швыряли булыжники, выломанные из старых мостовых. Повсюду возникли баррикады, горели автомобили, и внушающие ужас отряды спецназа, вооруженные тяжелыми дубинками, нанесли серьезные увечья множеству молодых демонстрантов. В течение нескольких дней к

студентам присоединились профсоюзы и рабочие Франции. Всеобщая забастовка заставила замереть всю страну, и даже сам де Голль, казалось, был в шаге от падения.

При этом всех притягивал Латинский квартал. Студентам позволили занять университет. Каждый вечер Клэр и Эсме вместе уходили бродить по кварталу. Они спускались по улице Бонапарта к церкви Сен-Жермен-де-Пре и пили кофе с коньяком в кафе «Дё маго», где им несколько раз довелось заметить Жана Поля Сартра. Они заходили в Сорбонну и слушали, как студенты, рабочие и философы планируют новую Парижскую коммуну и новый, лучший мир. Возможно, ораторы имели склонность к марксизму и, скорее всего, были подвержены идеализму, но ведь все они – наследники Французской революции. Где же еще можно было найти эту смесь риторики, философии и французского остроумия, как не в старом Париже?

Это было хорошее время для молодости. Через несколько недель Франция вновь изберет президентом консервативного де Голля. Но если в Америке протесты против призыва в армию для отправки во Вьетнам привели к социальным переменам, то и во Франции, полагала Клэр, может произойти нечто подобное.

Она была рада, что увидела все своими глазами.

Буквально за день до возвращения Клэр в Америку Эсме подбросил ей эту сумасбродную идею:

– Я бы хотел чаще видеться с тобой. И тебе самой очень нравится Париж. Теперь, когда бабушки не стало, тебе нужен предлог, чтобы приезжать сюда. Почему бы тебе не купить маленькую квартирку здесь? Тебе это вполне по карману.

– Нет никакого смысла покупать постоянное жилье, если я не собираюсь проводить здесь достаточно много времени, по крайней мере два-три месяца в году.

– А что тебе мешает?

– Да нет, глупости, – сказала она тогда.

Все же в Америке она поговорила о такой возможности с дочерьми. Те были заняты своими молодыми семьями и выразили

сомнение в том, что смогут часто пользоваться квартирой на другом конце света.

– Купи ее для себя, если хочешь, – сказали они ей.

Но, как и большинству матерей, Клэр трудно было делать что-либо для себя. Поэтому она обратилась к Филу.

С Фрэнком они, постепенно отдалившись друг от друга, развелись еще в пятидесятых годах, как только выросли дети. Фрэнк женился снова. У Клэр было несколько романов, ни один из которых не принес ей большого удовлетворения. Тогда она сосредоточилась на работе.

И в результате создала себе пусть негромкое, но имя. Ее перу принадлежали три монографии по искусству и два художественных произведения из жизни художников. Они хорошо продавались в Америке и, к ее великому восторгу, были переведены и успешно изданы во Франции.

А потом Клэр нашла Филадельфию. Или, если верить Филу, он ее нашел.

Фил был ее другом. Теперь он стал и ее мужем, чему Клэр не переставала радоваться, но прежде всего он был ей настоящим другом. По сравнению с Фрэнком он был невысок и далеко не так красив, немного даже полноват, и глаза у него были самые обычные – карие, добрые глаза, которые не вызывали у Клэр слабости в коленях. Он был врачом, вышедшим не так давно на пенсию. Дочкам ее Фил понравился, и это было важно. Столь же важно, как то, что он понравился и ее матери. После того как они прожили вместе год, но не были еще женаты, Мари сказала ей:

– Я включила Филадельфию в свое завещание и подумала, что тебе нужно об этом знать. Я решила оставить ему тот пейзаж с вокзалом Сен-Лазар в снегу. Тот, кисти Норберта Гёнетта.

– Но мне всегда так нравилась эта картина! – воскликнула Клэр.

– Да, милая, знаю.

Когда Клэр спросила Филадельфию, что он думает о квартире в Париже, тот был немногословен:

– Я считаю, тебе следует купить ее. У тебя там семья.

– Мы не очень близки с семьей Жюльетты. А если Эсме захочет увидеть меня, то пусть сядет на самолет и прилетит сам. Он свободен, и денег у него предостаточно. А я вполне счастлива жить здесь, с тобой.

– То есть ты не хочешь свозить меня в Париж?

– Не на целый месяц же. Ты не говоришь по-французски.

– Я научусь. Это будет интересно.

– Нет, я не могу просить тебя о таком, и все лишь ради одной меня.

– Мое предложение остается в силе.

Но Клэр на время выкинула эту мысль из головы и провела лето очень приятно, плавая под парусом и навещая внуков – своих и Филадельфия.

А затем Эсме, с присущим ему нахальством и чувством юмора, прислал ей телеграмму: «ПРИЕЗЖАЙ НЕМЕДЛЕННО».

– Это смешно, – сказала она.

– А может, стоит съездить? – возразил Фил.

Конечно же, она была идеальной. Она была прелестной настолько, что невозможно выразить словами. Находилась квартирка прямо на острове Сите и имела привлекательную своей старомодностью гостиную с древними балками и две спальни. С одной стороны из нее открывался вид на Сену, а с другой – на высокие арки Нотр-Дама. Как романтично! Как увлекательно!

– Пять минут – и вы можете оказаться как на левом берегу, так и на правом, – подчеркнул агент, когда Клэр с Эсме пришли посмотреть квартиру.

– Сегодня пятница, – сказал Эсме. – Сегодня я угощу тебя ужином. Потом мы поедим на выходные в замок. Я уже предупредил агентство, что ты снова придешь посмотреть эту квартиру в понедельник. Тогда и примешь окончательное решение.

– Ты заранее спланировал все это?

– Да, – признался он с довольной улыбкой.

Они поужинали в ресторане квартала Марэ. Клэр всегда считала эту часть Парижа особенно интересной. С тех пор как Генрих IV построил чудесную Королевскую площадь, в Марэ появилось множество величественных аристократических отелей, как назывались в прошлом особняки. Но когда двор переехал в Версаль, знать перестала нуждаться в парижских жилищах, и постепенно здания пришли в упадок. В последующие столетия аристократия обычно селилась в квартале Сен-Жермен.

Но если старинные особняки разделили на съемные квартиры, одни части района стали процветающим еврейским анклавом, а другие заполнились более бедным народом из бывших французских колоний и

приобрели, справедливо или нет, дурную репутацию, то старая площадь сохранила свое волшебное очарование. Теперь Королевская площадь называлась площадью Вогезов. Апартаменты в ее тихих кирпичных особняках облюбовали мировые звезды шоу-бизнеса и богатая творческая интеллигенция. У этой площади имелся шик.

И вот здесь, под древней колоннадой, Эсме и Клэр наслаждались изысканным ужином и беседовали о тех далеких уже временах, когда Клэр работала в универмаге, встречалась с Хемингуэем, Гертрудой Стайн и многими другими. Эсме рассказал, что сам подумывает купить квартиру на площади Вогезов. Андре Мальро как раз вычистил весь район, отреставрировал старые здания и теперь планировал огромный новый культурный центр в юго-западном углу Марэ, задуманный в виде модернистского собора.

Но Эсме ни слова не сказал о той квартире на острове Сите.

На следующий день они поехали в замок. Эсме проводил там гораздо меньше времени, чем следовало, поскольку был слишком занят своими парижскими делами. Но замок не пустовал без хозяина, в данном случае – без хозяйки.

Клэр слышала о Лайле – еврейской девочке, которую де Сини спасли во время войны, но никогда не встречалась с ней. Сейчас это была красивая женщина лет тридцати. Недавно Лайла вышла замуж за местного ветеринара, и они переоборудовали бывшую конюшню, превратив в уютную клинику для животных. Нашлось там место и для квартиры, где поселилась молодая семья. И это устраивало всех как нельзя лучше.

– Лайла – член семьи, – пояснил Эсме. – Она знает замок гораздо лучше меня и содержит его и все поместье в прекрасном состоянии.

После того как Лайла показала ей замок и рассказала о мебели и других предметах обстановки, Клэр убедилась: свое дело Лайла изучила на профессиональном уровне. Она демонстрировала американской гостье свой любимый гобелен с единорогом с такой гордостью, будто он принадлежал ей.

Клэр провела в замке приятный уик-энд, наслаждаясь чистым воздухом. Потом Эсме отвез ее в Париж. Прощаясь, он напомнил Клэр, что на следующее утро у нее назначена встреча с агентом по недвижимости на острове Сите. Сам он не мог присутствовать.

– Увидимся за ужином, – сказал он, – и тогда я узнаю твой вердикт.

Оставив вагончик фуникулера позади, Клэр углубилась в улочки Монмартра. Она только раз побывала здесь во время праздника вина, и было это уже много лет назад. Должно быть, на выходных здесь гораздо оживленнее, но и в понедельник праздничная жизнь на холме кипела. Маленький виноградник на дальнем склоне был красив, как на картинке. Ниже него разбегались старинные переулки Маки, теперь ставшие вполне уважаемыми. Но весь холм по-прежнему сохранял яркую, интимную деревенскую атмосферу, которая зародилась еще в Средние века или даже во времена Древнего Рима. Вино с местного виноградника не отличалось изысканным вкусом, но Клэр нашла местечко за столиком «Проворного кролика», где уже сидела группа людей. Они радушно приветствовали ее и настояли, чтобы она поделилась с ними бутылку вина.

Всего через пару бокалов Клэр почувствовала себя как дома. Она спросила у своих новых друзей, все ли они жители Монмартра.

Нет, засмеялись они, мы работаем на автозаводах в Булонь-Бийанкуре. Но вот он, наш мастер, родом с холма.

Это был невысокий, плотный, несомненно, очень сильный человек, с мягкими чертами лица. Да, его дед родился и вырос в Маки.

– Нужно быть крутым парнем, чтобы жить в Маки, – сказал кто-то, и все поддержали: да-да, нужно быть очень крутым.

Когда Клэр почувствовала, что немного опьянела, то поблагодарила всю компанию и пошла обратно на вершину холма. Но, несмотря на ее хитрые расчеты, это опьянение ничуть не помогло ей решить, как же быть с квартирой. Серьезно ли Фил заявлял о своем намерении выучить французский?

Через полчаса Марсель Гаскон вышел на широкие ступени массивной белой базилики Сакре-Кёр. Стоял чудесный день. В солнечных лучах блестели башни Нотр-Дама, далекий купол Дома инвалидов и изящная стрела Эйфелевой башни.

Вокруг было довольно много людей, но он сразу заметил женщину, которая сидела в одиночестве на скамье и смотрела на город. Это была та самая, которая присоединилась к их компании некоторое время назад. Элегантная, утонченная дама.

Он немного досадовал, что парни так настойчиво напирали на крутость жителей Маки. Конечно, это правда. Но прозвучало это так, словно все тамошние уроженцы – туповатые грубияны.

Марсель подошел к женщине и встал рядом. Она подняла на него взгляд и улыбнулась.

– Я прихожу сюда каждый год, мадам, чтобы полюбоваться видом.

– Он прекрасен.

– Она всегда выглядит по-разному, эта башня. – Он указал на Эйфелеву башню. – Меняется от освещения. Как те импрессионисты. Ну, вы знаете. Они писали одно и то же в разном свете. И каждый раз получалось по-другому.

– Да, это так, – подтвердила Клэр.

– Башня сделана из железа, а кажется такой нежной. Она мужественная, но в то же время женственная. – Он смущенно кашлянул.

– Очень тонкое наблюдение, месье. Я согласна с вами.

– Да, – сказал Гаскон, довольный собой. – Она нерушимая, башня то есть. Как корабль, выдержит любой шторм. – Он замолчал, но потом не устоял и добавил: – Кстати, это мой дед ее строил.

– Правда? Это же замечательно. Должно быть, вы очень им гордитесь, месье.

– Да, мадам. Желаю вам хорошего дня.

Клэр проводила его взглядом, затем опять посмотрела на город.

Вот теперь она решила. Нужно позвонить Филу. Будет здорово учить его французскому.

Благодарности

«Париж» – это прежде всего роман. За исключением реальных исторических личностей – от монархов и министров до Клода Моне и Эрнеста Хемингуэя, – все персонажи, появляющиеся на его страницах, вымышленные. Почти всем этим вымышленным персонажам я дал наиболее распространенные во Франции имена, кроме двух.

Фамилию Ней я выбрал по причинам, которые становятся ясными по ходу сюжета, хотя месье Ней и его дочь Ортанс, конечно же, полностью придуманы мной.

Изобретенная мной фамилия де Синь требует небольшого пояснения. Частица «де» в фамилии, имеющая в большинстве случаев грамматическое значение притяжательности, часто является признаком родовитости носителя такой фамилии. К человеку с таким именем обращаются «месье де Синь», а называют его, например, «Жан де Синь». Но когда мы используем фамилию или титул отдельно, то частица «де» не нужна. Точно так же как в английском языке мы называем герцога Веллингтонского просто «Веллингтон», так и во французском следует говорить «Синь», а не «де Синь». Однако в случае с французскими именами (за исключением фамилий наиболее известных лиц) теперь принято добавлять частицу «де» и тогда, когда этого не требуется. Поэтому в романе я писал «де Синь» и «род де Синей» вместо более правильных «Синь» и «род Синей». Надеюсь, подборники чистоты языка простят меня за это.

Несколько раз по ходу повествования я слегка изменял фактические детали – там, где абсолютная точность могла бы ввести читателя в заблуждение. Например, великий министр короля Генриха IV назван в романе Сюлли, хотя на самом деле титул герцога Сюлли он получил через два года после описываемых событий. Везде, где только возможно, я старался использовать только одно название той или иной местности или улицы. Все упомянутые географические наименования – реальные, за единственным исключением: маленькая церковь Сен-Жиль придумана мной (но не святой Жиль).

Однако я позволил себе одно отступление от истины. В моем романе Эрнест Хемингуэй посещает в Париже Олимпийские игры 21 июля 1924 года. На самом деле он, игнорируя Олимпиаду, 25 июня

уехал в Памплону и не возвращался в Париж до 27 июля. Но, по-моему, он должен был посмотреть на Игры, даже если он этого не сделал! И вообще, Хемингуэй действительно любил посещать Зимний велодром, как и сказано в романе.

Для написания этой книги мне пришлось провести широкое исследование, и в этом мне поспособствовал тот факт, что у меня, британца по рождению, в Париже, Фонтенбло и других местах есть множество кузенов, чьи дома были гостеприимно открыты для меня с самого детства. И хотя ни один из этих родственников, как и ни один из моих многочисленных французских друзей, не фигурирует в этом романе, моя близость с ними и воспоминания о множестве услышанных от них историй очень помогли мне, когда я сочинял жизнеописания французских семей, переплетающихся на протяжении Средневековья, Belle Époque и двух мировых войн.

Чтобы поблагодарить всех этих людей, потребовалось бы слишком много места. Тем не менее я хотел бы упомянуть тех, кому более всего обязан за их гостеприимство и советы по истории и культуре. Это Изабелла, Жанин и Каролина Бризар, а также покойный Жак Сартон дю Жонше, чьи воспоминания о межвоенном периоде оказались бесценными.

Аналогичным образом я, не имея возможности перечислить все музеи и культурные учреждения Парижа, с которыми мне довелось ознакомиться, хочу порекомендовать хотя бы два из них – те, которые могут остаться незамеченными читателем. Музей «Карнавале» в квартале Марэ увлекательно знакомит посетителей с историей Парижа, а чудесный Музей Монмартра полон удивительных сюрпризов.

Несмотря на тот факт, что в результате любого проекта к моей библиотеке добавляется значительное количество печатных изданий, я никогда не считал необходимым приводить в своих романах подробную библиографию. Однако я, как читатель, не могу не выразить признательность сэру Алистеру Хорну, чьи книги о Франции и Париже продолжают дарить мне наслаждение с тех самых пор, как сорок лет назад я прочитал его «Падение Парижа» – непревзойденное описание осады и Коммуны 1870–1871 годов.

Еще раз хочу поблагодарить Майка Моргенфельда за его тщательность и терпение при подготовке карт.

И наконец, как всегда, я благодарю своего агента Джил Коулридж за неизменную помощь и мудрость и двух моих чудесных редакторов – Оливера Джонсона из издательства «Hodder» и Уильяма Томаса из издательства «Doubleday» – за их мастерство, поддержку и творческое вдохновение, без которых не справиться со столь масштабным проектом, как этот. Большое спасибо также Корали Хантер из «Doubleday», Каре Джонс из «RCW» и Энн Перри из «Hodder» за их помощь в сопровождении рукописи через все стадии на пути к книге.

notes

Примечания

1

«Баллада о дамах прошлых времен», из перевода Н. Гумилева. –
Здесь и далее примеч. перев.

«Баллада о сеньорах былых веков», из перевода Ю. Корнеева.

«Баллада о повешенных», перевод Н. Н. Бахтина (Новича).

4

Бунд – еврейская социалистическая партия, действовавшая в России, Польше и Литве от 90-х годов XIX века до 40-х годов XX века.

5

Перевод Ивана Тхоржевского.

6

Всемирное признание Омар Хайям получил после появления замечательных английских переводов Эдварда Фицджералда, впервые опубликованных в 1859 г. Перевод Фицджералда выдержал до конца века двадцать пять изданий.

Второй интернационал, также Социалистический интернационал или Рабочий интернационал – международное объединение социалистических рабочих партий, созданное в 1889 г.

Край, где царит чистота,
Мир, свет и красота!

(Перевод Вадима Алексеева.)

Table of Contents

[Эдвард Резерфорд Париж](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Глава 18](#)

[Глава 19](#)

[Глава 20](#)

[Глава 21](#)

[Глава 22](#)

[Глава 23](#)

[Глава 24](#)

[Глава 25](#)

[Глава 26](#)

[Эпилог](#)

[Благодарности](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

5
6
7
8

